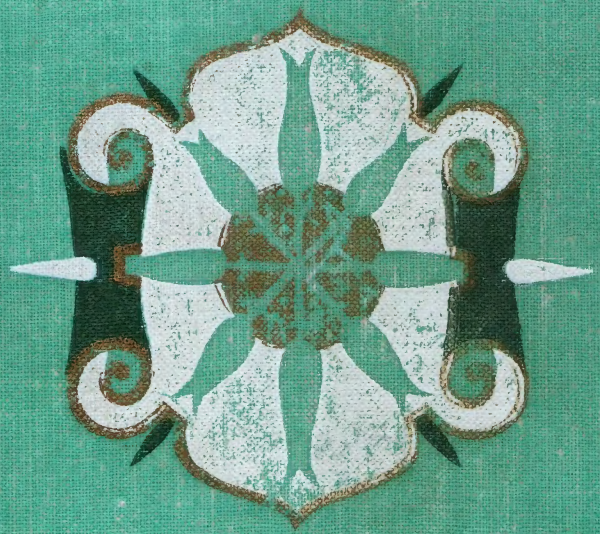
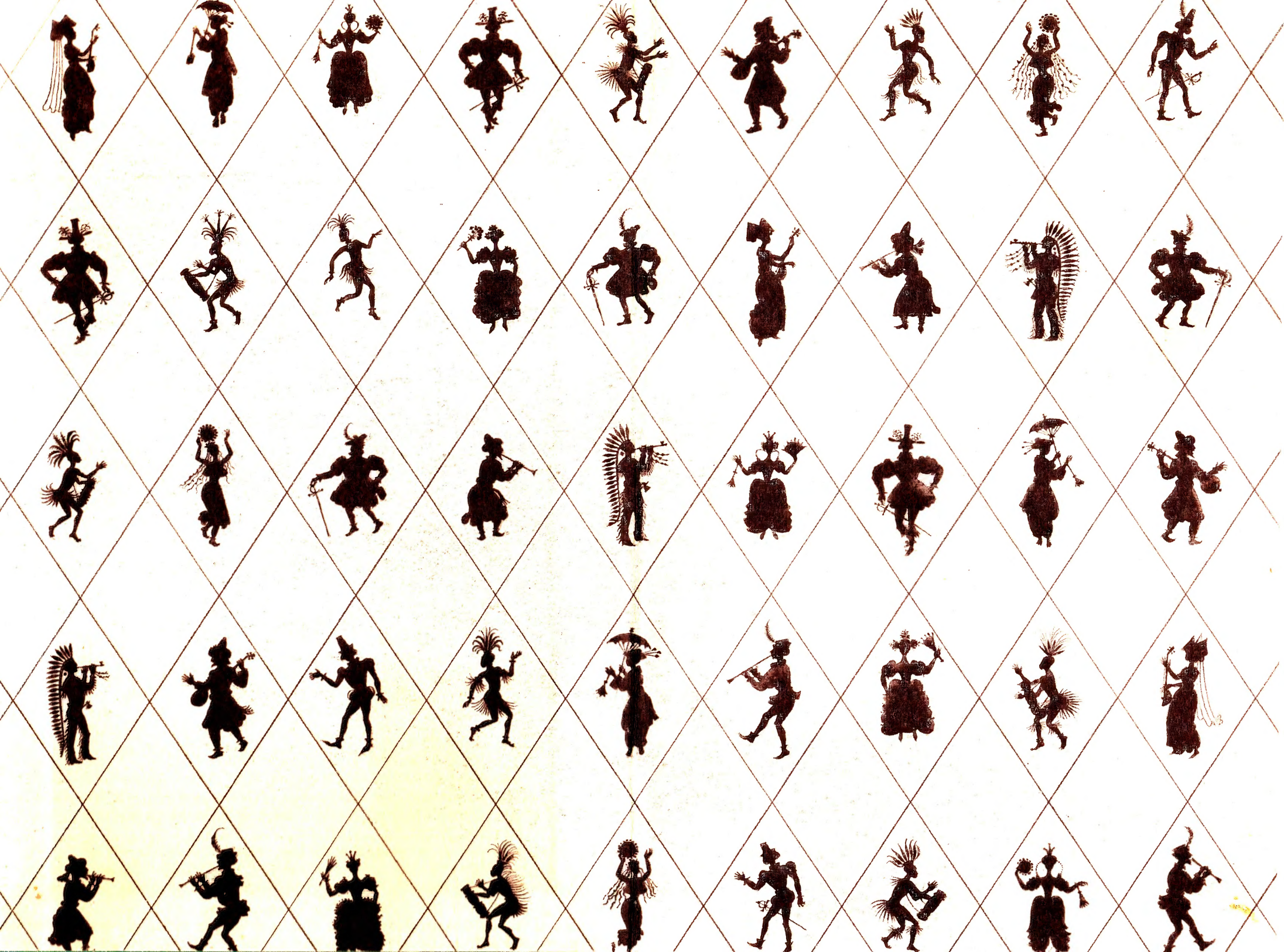
БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

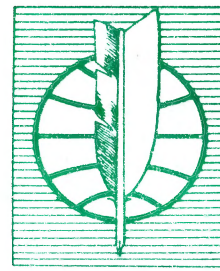


СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

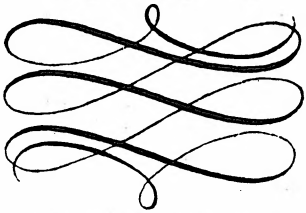


ok-language
Электронная копия
никогда не заменит
книгу



БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА



ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1985

И
С42

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г.
Барабаш Ю. Я.
Верейский О. Г.
Виноградов А. А.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерёв Б. А.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсаид
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.
Мустай Карим
Новожилова З. Г
Пешеходова Г. К.
Прилежаева М. П.
Свиридов Н. В.
Столетов В. Н.
Стукалин Б. И.
Танк Максим

*

Составление

В. П. АНИКИНА, Н. И. НИКУЛИНА,
Б. Н. ПУТИЛОВА, Р. А. КУШНЕРОВИЧА

Предисловие

Н. И. НИКУЛИНА

Оформление серии

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и иллюстрации

Г. СПИРИНА

С $\frac{4803020000-301}{M101(03)85}$ Подп. изд.

© Состав. Предисловие. Комментарии.
Оформление. Иллюстрации.
Переводы, отмеченные в содержании звездочкой.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровный золотистый свет луны заливал высокий дом, стоящий на сваях, как на ходулях, освещал ребятишек и взрослых, сидящих на высоком помосте — открытом крыльце — вокруг старого Тхыонга, деда-сказочника. Невдалеке сквозь тропическую ночь скорее угадывались, чем виднелись силуэты невысоких, сгорбленных, как черепахи, вьетнамских гор. Размеренно и напевно лилась речь — дед рассказывал сказки.

В них, как и в сказках всех народов мира, жила дерзновенная мечта человека о счастье, о чудесных предметах и чудесах: ковре-самолете и тысячемильных туфлях, о дворцах, возникающих по волшебству, и о необыкновенных, огромных рисовых зернах.

Сказка — удивительное творение человеческого гения, она возвышает человека, радует его, дает веру в свои силы, в будущее, увлекает достижимостью того, что кажется вроде бы совершенно невозможным...

Наутро я прощался с дедом Тхыонгом, и еще долго слышались мне мелодичные и величавые звуки гонга, доносившиеся из его дома, где собрались люди по случаю отъезда советско-вьетнамской экспедиции фольклористов.

Конечно, сказки слушали и слушают и в русских избах, и в африканских хижинах, крытых пальмовыми листьями. Словом, всюду. Но теперь, чтобы познакомиться со сказками почти любого народа мира, не обязательно слушать сказочника, достаточно протянуть руку к полке с книгами: ныне эти сказки переведены на многие языки, стали осознанно важным явлением мировой культуры, без которого она оказалась бы далеко не полной, а детство каждого из нас — лишенным чего-то важного.

Но так было далеко не всегда, и Пушкин в 1824 году в своем письме из ссылки — села Михайловского — сетовал и восхищался: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Разумеется, что сказки, оказавшись зафиксированными в книге, вышедшей многотысячным тиражом, сохранятся для грядущих поколений. Их прочтут и те, кто никогда в жизни не увидит сказочника или сказочницу. Но, не будучи свидетелями мастерского исполнения таких сказочников, как дед Тхыонг, мы многое потеряем. Ведь дед и напевно декламировал, и подражал гомону птиц, рокоту горных потоков, рычанию тигров и трубным звукам слонов. Он имитировал шум джунглей, крик обезьян, звон ручья. Словом, это был своеобразный театр одного актера, тем более что сказочник дополнял выразительность своего выступления еще и жестом. О том, сколь важную роль в жизни людей играло устное творчество, говорит тот факт, что в пантеоны местных культов разных народов входили боги или духи — покровители певцов, сказителей и сказочников.

Фольклор, таким образом, в отличие от литературы, искусство не только словесное. Оно включает в себя жест, элементы театральной игры, мелодию, пение. Это искусство многосоставное, синтетическое. Кроме того, это искусство коллективное, потому что фольклорное произведение создается в народе, передается и шлифуется на протяжении долгого времени. А сказочник — не автор, а исполнитель сказки, хотя он, конечно, в меру своего таланта вносит в сказку нечто новое, обогащает ее. Поэтому у сказки есть много вариантов, но нет, как у литературного произведения, единственного, установленного волей автора канонического текста, который один только и должен быть представлен читателю.

Очень важно заметить, что сказочник основывается на традиции рассказывания и следуст ей: попытайся он нарушить традицию, отойти от нее — слушатель тотчас уловит искусственность, фальшь.

Что же такое сказка? Чем она отличается от мифа, легенды, предания?

Мифами обычно считают сказания, в которых передаются представления людей первобытного общества и древности о происхождении мира и всего мироздания, всего живого на земле, о различных явлениях природы, о божествах, духах и обожествленных героях. Мифы дают объяснение — но объяснение фантастическое — происхождению элементов мироздания, Солнца, Луны и звезд, рассказывают, как появились на земле народы.

Таков миф африканских бушменов «Как девушка сделала звезды» об удивительных временах «первотворения» и удивительной девушке — видимо, духе, участвовавшем в сотворении

Вселенной. «Взяла она однажды горсть золы из костра и забросила ее на небо. Зола рассыпалась там, и по небу пролегла звездная дорога». И далее от вопросов мироздания сказка поворачивается к бытовой ситуации: «С тех пор эта яркая звездная дорога ночью освещает землю мягким светом, чтобы люди возвращались домой не в полной темноте и находили свой дом».

Надо сказать, что в данном сборнике, несколько упрощая и отступая от научной строгости, мы особо не выделяем мифы.

Очень близки к мифам многие из фольклорных произведений народов Африки, Австралии и Океании, коренного населения Америки, представленные в этой книге. Не просто мифология, ее образы, мотивы, но и самый ее дух пронизывает фольклор этих народов, свидетельствует о его архаичности, о том, что он находится на сравнительно ранних этапах развития, хотя его познавательная и художественная ценность несомненна. К тому же мифы у всех этих народов — явление живое: как их рассказывают, можно услышать и сейчас.

Время действия мифов обычно относят к далеким-далеким временам, когда, как думали люди, мир, Вселенная еще не сформировались. Поэтому мы встречаем такие зачины: «Когда мир был молодым, ночи не было, и индейцы племени мауэ никогда не спали...» Или из сказки аборигенов (коренных жителей) Австралии: «Когда мир был совсем юным, огня у людей не было...»

Так как мифы — прежде всего фантастические повествования о том, откуда появились небесные светила, явления природы, сама земля, человек, огонь, различные культурные блага: орудия труда, культурные растения, навыки, а также животные, насекомые, рыбы и т. д.,— то происхождение всего этого в мифе объясняется каким-нибудь случаем, каким-нибудь событием из далеких времен мифического «первотворения».

Так, в сказке бушменов говорится, что прежде солнце было человеком, старичком, который любил прилечь, и тогда светло становилось только вокруг его дома, а весь мир погружался во мрак. Поэтому одна женщина надумала послать своих детей к человеку-солнцу, чтобы они подняли его и забросили на небо. Или, например, вот как объясняют в мифе африканской народности сото тот факт, что у людей разных рас и народов кожа бывает разного цвета.

Оказывается, когда-то люди жили одной семьей в пещере первого человека по имени Лове. Но однажды они перессорились, затеяли драку и убили любимого сына Лове, тогда Лове прогнал их из своей пещеры. Люди вышли и побрели под жарким солнцем. Оно их опалило так, что некоторые стали темными, другие совсем черными. Кстати, мотив происхождения человека из земли, норы или пещеры — один из наиболее древних, так же как происхождение из термитника — гнезда муравьев-термитов. «Самые первые люди вышли из термитника,— рассказывают африканцы народ-

ности акамба,— это были мужчина и его жена и еще муж с женой».

Впрочем, в африканском фольклоре мифы о сотворении Вселенной, небесных светил, Земли занимают сравнительно скромное место. Гораздо больше мифов, устремленных к самому человеку, вроде только что рассказанного, о происхождении культурных благ, навыков и т. д.

Наиболее архаичными считаются мифы и фольклор аборигенов Австралии, которые еще недавно жили первобытнообщинным строем и до сих пор цепко держатся за свои установления, обычаи и привычки, то есть за свою культуру, в которую органически входят прежде всего мифы.

Это мифы, рассказывающие о потопе и землетрясении («Великая тряска и большая вода»), о Солнце, о том, как появилась на небе Луна, откуда взялись звери, птицы и рыбы, о том, откуда у австралийцев появился бумеранг — гениальное изобретение первобытных людей, умело изогнутая палка, которая возвращается к человеку, бросившему ее. Замечательно представление аборигенов Австралии о так называемом «времени сновидений» — этом мифическом времени, когда создавался мир. Интересно, что оно, по представлению аборигенов, способно возвратиться к людям во сне: на то оно и «время сновидений». Таковы для австралийцев влияние и сила мифа.

У африканских народов обращают на себя внимание мифические персонажи, которые представляют собой персонификацию — обожествление — небесных или атмосферных явлений. Африканцы рассказывают о могущественном боге Маву. Когда-то Маву жил среди людей и небо было так близко, что его можно было потрогать рукой. Но однажды женщина плеснула горячей кашей прямо в небо и попала Маву в лицо. С тех пор Маву ушел высоко и утащил за собой небо. Сходный миф имеется и у ряда народов Азии.

Но заметим, что, судя по другим мифам и сказкам, Маву еще и первопредок богов. А первопредком людей у ряда народов Африки считается божество дождя и грозы Леза, которого представляли небесным существом: голосом у него был гром, а глазами — звезды. Он же выполняет роль культурного героя, посылающего людям семена культурных растений.

Но в фольклоре разных народов в паре с серьезным и положительным культурным героем действует персонаж не очень серьезный, иногда плутоватый, любопытный или рассеянный, порой даже вороватый, который как бы подрывает усилия положительного культурного героя. Нечто похожее наблюдаем мы в сказке африканцев каонде «Три калебасы».

Первым на земле людям Леза отправил с птицей Мийимбу три плотно закрытые калебасы (полые сушеные тыквы, служившие сосудами) с наказом ни в коем случае их не открывать. Но по

дороге птицу Мийимбу одолевает любопытство, она нарушает запрет, открывает калебасы, в двух обнаруживает семена, а из третьей посыпались болезни и смерть, хищные звери и опасные ядовитые змеи.

Персонажи, которые, подобно птице Мийимбу, из озорства или любопытства портят дело серьезному культурному герою, могут быть зверями или выступать в облике человека.

Непосредственно с мифологией связаны этиологические (говорящие о происхождении чего-либо) концовки сказок о животных. Например, сказка полинезийцев Гавайских островов «Похищение огня», в которой рассказывается, что курочка не сразу открыла полубогу по имени Мауи тайну добывания огня трением, заканчивается так: «Мауи был все-таки сердит на птицу: зачем она гоняла его... и он прижег огнем гребешок курочки. С тех пор гребешки у кур стали красными».

Впрочем, вся эта сказка целиком связана с мифологическим началом — говорит о происхождении навыка добывания огня трением с помощью деревянной палочки.

Мауи же отнюдь не эпизодический, а, скорее, один из центральных персонажей в полинезийском фольклоре: он культурный герой (то есть тот, кто добывает людям, как Прометей огонь, культурные блага и разные навыки) и участник мифического «первотворения». Вокруг культурного героя циклизуются мифы и сказки Полинезии — черта, характерная для архаического фольклора.

Это Мауи вылавливает удочкой острова из океана, поднимает небесный свод, добывает злаки и т. д. Заодно он, как мы уже знаем, украшает курочку кроваво-красным гребнем. Видимо, эта на первый взгляд неожиданная связь курочки с огнем восходит к представлению о петухе в качестве символа солнца. Ведь кто же, как не он, своим «кукареку» возвещает скорый рассвет и появление дневного светила, которое в Полинезии встает из пучин океана?

А в сказке африканцев «Почему обезьяна живет на деревьях» используется широко известный мотив вражды разных животных (здесь речь идет о лесном коте и обезьяне), для того чтобы в заключение дать «объяснение»: «Вот с тех самых пор обезьяна живет на деревьях и не любит ходить по земле. Это потому, что она очень боится лесного кота». Конечно, миф здесь уже уступает место поэтическому вымыслу.

В отличие от мифов, легенды и предания обращены к истории — основанию государств, городов, судьбе исторических лиц, сражений и т. п. Сказкой же принято называть устный рассказ волшебного, приключенческого или бытового характера с установкой на вымысел.

Сказка — это рассказ о заведомо невозможном. Последняя черта особенно важна — в сказке обязательно есть фантастиче-

ское, неправдоподобное: животные там разговаривают и часто помогают герою; обыкновенные на первый взгляд предметы, вроде старой лампы Аладдина, оказываются волшебными и т. п. Недаром известная русская присказка гласит, что «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Без фантастики не бывает сказки, а нередко она еще и поучительна, и «добрые молодцы» действительно могут извлечь из нее для себя жизненный урок — урок нравственности, доброты, честности, ума и иной раз хитроумия, без которого, бывает, никак не выпутаться из беды.

Давно замечены черты большого сходства в сказках народов, живущих в разных уголках Азии, Европы, Африки. Иной раз это попросту недавние заимствования. Так, превратились в сказки и стали передаваться изустно некоторые басни Лафонтена на Мадагаскаре и во Вьетнаме, после того как их перевели на малагасийский и вьетнамский языки. Французский фольклорист Г. Ферран с удивлением сообщал, что на Мадагаскаре в конце прошлого века он записал сказку «Лягушки, захотевшие иметь правителя» от неграмотного старика, который никак не мог прочитать Лафонтена даже в переводе, хотя его сказка, ее персонажи, сюжетные ходы и мотивы поразительно напоминали басню Лафонтена «Лягушки, просившие, чтобы им дали короля». Конечно, некоторые подробности, чтобы приспособиться к пониманию жителей Мадагаскара, были изменены. Стихотворная басня Лафонтена перелагалась малагасийским сказочником в прозе. Но это случай относительно ясный и простой.

А вот весьма популярных сказок, напоминающих «Золушку» из знаменитого сборника французских сказок Шарля Перро (1628—1703), насчитывается по всему миру не менее трехсот пятидесяти, и во многих из них фигурирует потерянная туфелька. Есть она и в сказках этого типа, которые читатель найдет в данном сборнике — «Золотая туфелька» (Вьетнам) и «Кхончхи и Пхатчхи» (Корея). Правда, героиня корейской сказки, конечно же, обладательница не золотой туфельки, а котсин — обычной в Корее матерчатой туфли, расшитой цветными узорами. У некоторых народов Юго-Восточной Азии, которые не пользуются обувью, туфельки в сказке может и не быть, как нет ее в английской версии — сказке «Тростниковая Шапка», где фигурирует колечко. Но вообще-то туфелька в сказке появилась не случайно: сказка оканчивается женитьбой, а при свадебном обряде у ряда народов обязательно присутствовала туфелька (отсюда, вероятно, и выражение «муж-подкаблучник»). Кстати, и колечко у европейских народов — непременный атрибут на свадьбе.

Нам важно заметить, что при всем неоспоримом сходстве у сказок типа «Золушка» — и французской, и корейской — сюжеты не вполне совпадают, есть расхождения в содержании, обрисовке образов, что связано с особенностями общественных и семейных отношений, быта, фольклорных традиций каждого народа.

В сборнике мы приводим индийскую сказку «Золотая рыба», записанную в глухом уголке Центральной Индии. Каждый, кто читал или слышал чу́дную пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке», моментально уловит нечто хорошо известное. И безвольный, хотя и добрый, старик («муж-подкаблучник»), и сварливая, жадная до почестей и богатства старуха, и золотая рыба (а не пушкинская золотая рыбка), доставляющая блага и высокие титулы,— все это удивительно нам знакомо по сказке великого русского поэта. Более того, ученые утверждают, что сказка о золотой рыбке бытует чуть ли не повсюду в Европе, в Латинской Америке и Канаде, куда ее, наверное, принесли переселенцы из Европы, известна она также в Индонезии и Африке.

Те, кто читал немецкие сказки братьев Гримм, хорошо помнят трех чудо-мастеров, достигших невероятных успехов в своем мастерстве. Один из них, парикмахер, побрил на ходу бежавшего во всю прыть зайца, другой... Впрочем, не станем перелагать эту знаменитую историю, а только скажем, что она очень популярна в фольклоре народов Европы и Азии. Ее самая ранняя запись обнаружена в собрании древнеиндийских повествований «Двадцать пять рассказов Веталы». Русский фольклорист прошлого века В. Ф. Миллер (1848—1913), который записал сказку со сходным сюжетом у чеченцев, заметил, что она представилась ему «как бы затрепанным листом из старинной книги, занесенным в глухие ущелья Кавказского хребта».

В. Ф. Миллер не придавал значения различиям в содержании этих сказок.

Между тем, если мы возьмем вьетнамскую сказку «Трое умельцев», то увидим, что она отличается от древнеиндийской не только национальными чертами: в ней, например, мы находим мотив выбора зятя, распространенный в фольклоре Вьетнама (отец невесты подбирает для дочери жениха). В древнеиндийской же сказке говорится о желании невесты выбрать, в соответствии с сословными представлениями, «доблестного мужа». Но вьетнамская сказка утверждает иной идеал, а именно народный идеал искусного труженика. Отец красавицы рассуждает так: «Не к лицу моей дочери быть женой чиновного правителя или богатея. Она выйдет замуж за того, кто в своем ремесле непревзойденным мастером будет».

В древнеиндийской сказке фигурируют три героя: лучник (воин), ведун (прорицатель) и человек, сделавший колесницу, которая «в задуманном направлении по воздуху едет»; во вьетнамской — это меткий стрелок (охотник), ныряльщик (рыбак; рыболовство — исконное занятие вьетнамцев) и лекарь.

Как же объяснить замеченные сходства и различия? Над таким вопросом задумывались ученые давно и еще в прошлом столетии выдвинули несколько теорий.

Сначала появилась так называемая мифологическая школа,

у истоков которой стояли знаменитые собиратели немецкого фольклора братья Гримм (Якоб, 1785—1863, и Вильгельм, 1786—1859); в России эту теорию разрабатывали А. Н. Афанасьев (1826—1871), известный собиратель русских сказок, и Ф. И. Буслаев (1818—1897). В те времена ученые сделали поразительное открытие: они установили родство большинства европейских языков и языков Индии и Ирана. Эту общность они назвали индоевропейской языковой семьей. Поэтому языковеды тогда ставили перед собой задачу восстановить доисторический «праязык», а фольклористы стремились реконструировать «прамиф», общий исток мифологии всех индоевропейских народов. Этот «прамиф», как полагали ученые, поможет объяснить также и сходство сказок.

Мифологическая школа немало сделала в науке для сбора сравнительного материала, но многие ее отправные моменты оказались спорными, а идеи ложными. Сведение всего богатства фольклора к мифу, древнейшим религиозным представлениям, невнимание к жизни современного крестьянства, в среде которого развивался и бытовал фольклор,— все это подрывало основы мифологической школы.

Другая теория, теория заимствования, во многом основывалась на изучении путей распространения древнеиндийских сказочных сборников, особенно «Панчатантры» (III—IV вв.), попавшей в средние века через Переднюю Азию в Европу и на Русь. Наиболее видными сторонниками теории заимствования были немецкий индолог Т. Бенфей (1809—1881) на Западе, а в России А. Н. Пыпин (1833—1904) и В. Ф. Миллер. Знакомство с богатством индийских сказок навело ученых на мысль об Индии как о родине сказок, откуда сказки отправились в странствование по всему миру. Эта теория видела единственную причину сходства сюжетов и мотивов сказок разных народов в заимствовании. В этом была ее односторонность, так как факты говорили о том, что совпадения и сходства наблюдаются в сказках таких народов, которые, по всей вероятности, контактов между собой не имели.

И наконец, во второй половине прошлого века сходные явления в фольклоре разных народов некоторые ученые стали объяснять сходством условий жизни и психологии людей. Эта теория выросла из исследования духовной и материальной культуры, общественных отношений отсталых народов, находившихся на ранних ступенях развития. Эта теория получила название этнографической.

Советская наука о фольклоре — новый этап в развитии фольклористики. Советские ученые не только проводят сейчас поистине гигантскую работу по собиранию и публикации произведений фольклора народов СССР и зарубежных стран. Они стремятся осмыслить весь этот богатейший материал, вооружившись

марксистским пониманием законов истории человеческого общества и истории его культуры.

Народы мира живут на одной планете, развиваются по общим законам истории, как бы ни были своеобразны пути и судьбы каждого из них, условия обитания, языки. В сходстве исторической народной жизни, очевидно, и следует искать ответ на вопрос о том, в чем же причины похожести, близости сказок народов, живущих на разных континентах, и в чем причины усвоения заимствованных сказок.

Важным условием заимствования можно считать «встречное течение», когда в фольклоре, который заимствует, уже есть нечто похожее, хотя и более элементарное и не столь выдающееся по художественным достоинствам.

Говоря о сказках разных народов со сходными сюжетами, необходимо отметить три основных случая. Во-первых, сказки формируются в среде какого-либо народа, а потом перемещаются в другие страны, впитывают воздействие местной фольклорной традиции (например, традиционные зачины, мотивы, манеру обрисовки сказочного образа и т. д.), приспосабливаются к местным обычаям, впитывают местный колорит. Во-вторых, есть сходные сказки, которые возникают независимо друг от друга в разных странах в силу общности быта, психологии, условий и законов социально-исторического развития народов. Эти сказки имеют черты сходства, но они не заимствованы, заимствованы лишь эпизоды и подробности. При этом следует иметь в виду, что, несомненно, прав выдающийся русский ученый академик А. Н. Веселовский (1838—1906), который считал, что сходством условий можно объяснить лишь сходство элементарных смысловых единиц содержания, но никак не сложных своеобразных построений, которые образуют сюжеты волшебных сказок. И наконец, в-третьих, сказки могут передаваться и через книгу, в пользу чего свидетельствуют факты, о которых говорилось выше, а именно то, что случилось с баснями Лафонтена на Мадагаскаре и во Вьетнаме.

Сказка ярче и показательнее, чем другие жанры устного народного поэтического творчества, одновременно демонстрирует национальное своеобразие фольклора и его единство во всемирном масштабе, открывает общие черты, присущие человеку и человечеству, в основе исторического развития которого лежат общие законы.

Сказка — поэтический вымысел, и ее герои часто живут и действуют в некоем особом «сказочном» времени, а то и в особом «сказочном» пространстве («тридевятом государстве»). Хотя «сказочное» время очень похоже на то, в котором живет сказочник, но все-таки оно особое, сказочное. Поэтому сказка нередко начинается с традиционных зачинов типа: «Во времена давние-стародавние...», «Давно это было...» и т. п., которые имеют очень важное значение для создания «сказочной» атмосферы. Чтобы

указать на давность, на удаленность «сказочного» времени, сказочник прибегает к усложненным зачинам: «Это было в те далекие времена, когда тигр умел курить, а животные — говорить человеческим голосом». Зачины готовят нас к восприятию сказки и переносят в сказочный мир.

Сказки, как и другие произведения фольклора, передаются из уст в уста: нынешний слушатель, который сейчас напряженно внимает сказителю, завтра расскажет, быть может, это же, но в своем собственном толковании, в своем варианте. В Монголии мне довелось слышать сказание «Пламя в груди», которое рассказывал старый сказитель Чойнхор в присутствии другого, более молодого сказителя. Вскоре молодой сказитель, который впервые познакомился тогда с произведением, уже рассказывал сказание, а потом оно с его слов было записано монгольскими учеными.

Наиболее устойчивым при этих передачах остается сюжет сказки, обрисовка основных героев.

Национальные черты сказки определяются в немалой мере фольклорными традициями народа, присущим ему особым поэтическим взглядом. В русских сказках, как и в сказках ряда европейских народов, дракон (Змей Горыныч), например, предстает как злое безобразное чудовище, которое приносит горе, похищает людей и т. п., а у народов Дальнего Востока и Вьетнама он положительный персонаж и имеет величавый облик, внушающий всяческое почтение. Дело в том, что у народов Восточной Азии в основе этого образа, который стал впоследствии символом государя, верховного правителя, лежит божество, которое ведало дождем. Дождь же всегда был первейшей заботой земледельцев, земледельческих народов, благом для их полей, страдающих от засухи.

В сказках нашел отражение животный и растительный мир той страны, где эти сказки появились. Мы не удивляемся, встречая в сказках народов тропических стран таких персонажей, как тигр, обезьяна, крокодил, слон и прочие экзотические животные, а в сказках северных народов — зверей, которые обитают в умеренной или холодной климатической зоне. Впрочем, может случиться, что в сказке из Монголии, страны, в которой львы никогда не водились, читатель встретит именно этот персонаж. В таких случаях мы имеем дело с результатом контакта культур: в монгольскую сказку лев пришел из Индии и, вероятно, через книги.

В сказках мы найдем предметы национального быта, одежды, обнаружим обычаи народа и, самое главное, черты национальной психологии, национальные сословно-психологические типажи в сказочном варианте. Сказки Мадагаскара, например, не знают героических образов в силу того, что малагасийцы, островной народ, почти не воевали в своей истории и лишены воинственности. В сказках разных народов действуют короли и цари, вожди пле-

мен и визири (министры), янбаны (помещики) и хакимы (правители и судьи), представители образованного сословия времен средневековья и служители разных религий: попы, католические ксёндзы, муллы, шейхи, индийские брахманы и буддийские монахи. Впрочем, мы всегда должны помнить, что эти образы сказочные, и добрый, справедливый царь из сказки — сказочная идеализация, а не прямое отражение того, что существовало в действительности.

Впрочем, и животные — герои сказок — напоминают и своей речью, и поведением людей той страны, где бытуют эти сказки. Иначе и быть не может, так как сказка всегда была отражением народной жизни в ее динамике, своеобразным зеркалом народного сознания.

Принято выделять сказки о животных, волшебные и бытовые сказки.

Сказки о животных возникли в глубокой древности, и сначала они были связаны с хозяйственными заботами первобытного человека — рыболова и охотника, вся жизнь и судьба которого зависела от его охотничьей удачи. Герои в этих сказках — животные, а в самих сказках сохранились следы первобытных представлений, в частности тотемизма, который основывался на вере в родственные связи человека и животных. Первобытный человек одухотворял все окружающее, наделял своими способностями и свойствами, «очеловечивал» зверей. И они в сказках разговаривают друг с другом, понимают людскую речь.

Они представлялись первобытному сознанию перевоплотившимися духами, божествами.

Например, в сказке народности ма, живущей в Юго-Восточной Азии, «Влюбчивый павлин» главный герой — птица в ярком оперении — собственно, и есть такое перевоплотившееся божество. Правда, человек — охотник оказывается куда сообразительнее божества — павлина, в конце концов попадающего в расставленную ему западню. Подобные сказки встречаются у народов, которые живут в глухих лесных уголках и жизнь которых связана с охотничьим промыслом, с дикой природой.

Сохранилось немало легендарных сказок, объясняющих, конечно, по-сказочному — ссорами и дружбой зверей, различными случайностями и приключениями,— почему у животных нет тех или иных частей тела, почему, к примеру, у их хвоста, носа такая форма, почему они так окрашены и т. п. В качестве примера можно назвать индонезийскую сказку «Почему у медведя короткий хвост», филиппинскую сказку «Цапля и буйвол», африканскую «Почему у свиньи рыло вытянутое» и др.

Сказки объясняют происхождение тех или иных повадок у зверей. В среде рыбаков и охотников возникают сказки о том, откуда пошли приемы добычи промысловых животных. Конечно, осьминог и крыса никогда в действительности не встречались. Но

полинезийцы в сказке «Осьминог и крыса» рассказывают о фантастическом путешествии крысы по океану на голове осьминога, за которое крыса отплатила ему неблагодарностью. С тех пор, говорит сказка, рыбаки делают приманку для осьминога похожей на крысу: осьминог сразу же кидается на нее.

Во многих сказках рассказывается о ссорах и состязаниях между большими и сильными животными и маленькими, слабыми. Сказки эти, как правило, проникнуты стремлением к социальной справедливости: хотя в сказках говорится про животных, почти всегда, однако, подразумеваются люди, потому мы видим, что слабый, то есть социально обездоленный, с помощью ума и ловкости побеждает более сильного и важного зверя. Именно это мы найдем в китайской сказке «О том, как по животным счет годам вести стали», в которой из двенадцати животных самой хитроумной оказалась маленькая мышь, изловчившаяся доказать, что она самая большая даже по сравнению с волом или овцой. Поэтому именно с года мыши начинается двенадцатилетний цикл в странах Дальнего Востока: каждый год цикла носит название животного. Такой календарь очень пришелся по вкусу прорицателям, и они стали предсказывать судьбу, вычисляя по таблицам, например, что ждет юношу в жизни, если он родился в год дракона, а собирается жениться в год обезьяны.

На более высоком этапе развития сказки о животных превращаются в прозрачные иносказания, и, когда, например, в сказке у корейцев или китайцев появляется тигр, никто не усомнится в том, что он важный господин. В представлении многих народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии тигр не только символизировал силу и могущество. Тигру поклонялись как божеству. Изображения тигров стерегли двери при входе в храмы. Изображениями тигра военачальники украшали свои одежды, вышитые тигры красовались на боевых знаменах.

Но свирепому тигру в сказках этих народов отводится на редкость устойчивая роль глупца, которого обманывает слабое животное, обычно заяц, кролик — персонаж, отличающийся особой догадливостью, ловкостью, сметкой. Такие же качества свойственны кролику в сказках североамериканских индейцев и братцу Кролику афро-американцев США.

У индонезийцев хитроумным зверьком считалась карликовая лань — канчиль, у народов Тропической Африки — мелкий грызун, например тушканчик или мангуст. В сказках народов Европы в дураках обычно остается кровожадный волк. А в Индонезии народной фантазией на эту роль определен крокодил.

Сатирическое начало очень характерно для таких сказок: ведь слушатели, весело потешаясь над незадачливым тигром, по милости зайца попавшим в глубокую яму, над одураченным волком или крокодилом, понимали, что в сказке высмеиваются реальные притеснители и угнетатели — «сильные мира сего». Образы тех

или иных животных тем самым обретают характер сословных типов классового общества. Одни животные постоянно выступают как положительные, другие — как отрицательные.

Тут надо заметить еще одну особенность: хотя во многих сказках о животных, как мы сказали, имеются в виду люди, все же рассказывается в них о зверях, с их повадками, свойствами, особенностями. Отсюда и пародирование — забавное звучание этих необычайных историй, их юмор.

Бывают сказки-шутки, в которых человек, как, например, в венгерской сказке «Самый сильный зверь», рассмотрен глазами животных. Звери принимают топор за блестящий хвост, пистолетный выстрел — за необыкновенный плевок и т. д.

Замечено, что у древних земледельческих народов сказок о животных сравнительно мало, а у многих народов Тропической Африки, Австралии и Океании, американских индейцев и эскимосов они чрезвычайно распространены и занимают важнейшее место в фольклоре этих народов.

Сказки о животных особенно привлекательны для ребятишек, в Корее их так и называют — тонхва, то есть детские рассказы.

Под волшебными сказками в обиходе обычно понимают такие устные рассказы, в которых положительному персонажу помогают сверхъестественные силы, волшебные предметы, чудесные помощники. Чудесными помощниками часто выступают кошка, собака, другие животные.

Известный фольклорист В. Я. Пропп (1895—1970) предложил схему анализа волшебной сказки по функциям, то есть по основным моментам развертывания сказочного действия. Таких ключевых функций в волшебных сказках В. Я. Пропп насчитал двадцать четыре. Он вывел формулу волшебной сказки и определил центральный ее тип.

Персонажи волшебной сказки В. Я. Проппом разделены на семь групп в зависимости от их функций в развитии действия. В. Я. Пропп дал им названия, которыми теперь широко пользуются фольклористы как научными терминами: вредитель (то есть тот персонаж, который наносит вред положительному герою, например чудовищная птица, похитившая его невесту), даритель (персонаж, который дарит герою волшебное средство или чудесного помощника), похищенный объект (им может быть человек, например царевна или невеста героя, либо какой-нибудь предмет — волшебный перстень и т. д.), отправитель (персонаж, который отправляет героя в дальний путь на подвиг, чтобы вернуть похищенное или похищенного человека — царевну, невесту), ложный герой (тот, кто хочет незаслуженно воспользоваться плодами подвига настоящего героя) и настоящий герой. Такое деление и определение персонажей в качестве рабочего инструмента может пригодиться и нашему читателю, когда он задумается о сказке.

Воспроизведем, чуть упрощая и опираясь на слова ученого, схему той волшебной сказки, которую В. Я. Пропп считал основной. Сказка начинается с того, что герою причиняется какой-то ущерб: у него (или у его отца, матери) что-то крадут, похищают невесту либо героя (героиню) изгоняют из родных мест, из родной страны. Словом, герою или героине приходится отправляться в дальний путь.

Побудительным моментом, чтобы тронуться в такой путь, может быть также сильное желание чего-то добиться, получить. Это не всегда желание самого героя: например, царю приходит в голову послать его за Жар-птицей. Но выполнить желание должен именно герой. В пути он встречает того, кто дарит ему волшебное средство или чудесного помощника. Или, например, герой спасает собаку, а та становится его чудесным помощником. Благодаря помощнику и волшебным средствам (волшебной палочке, чудодейственному зелью) герой достигает цели.

Он побеждает в поединке с противником, пустив в ход волшебные средства и воспользовавшись помощью чудесных помощников. После этого герой возвращается домой. Но его ждут новые осложнения (к примеру, его сбрасывают в пропасть). Все же герой благополучно выбирается и оттуда. Его могут подвергнуть испытаниям, задать трудные задачи и загадки, с которыми он справляется. Сказку венчает счастливый конец: герой воцаряется на троне.

В разных сказках функции представлены с различной полнотой, возможны повторения, а чаще бывают троения некоторых функций, варьирования.

Возьмем русскую сказку «Жар-птица и Василиса-царевна» (она хорошо известна по знаменитой стихотворной сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок»), словацкую сказку «Золотая подкова, золотое перо, золотой волос» или вьетнамскую сказку «Тхать Сань» из данного сборника, и мы убедимся, что они все прекрасно подходят под эту схему.

При анализе некоторых других сказок сборника, например «Золотой туфельки», мы обнаружим не семь видов персонажей, выделяемых по функциям, а пять. Там присутствуют вредитель, даритель, помощник, ложная героиня и настоящая героиня.

Центральным в волшебной сказке является образ положительного героя или героини, весь интерес повествования сосредоточен на его судьбе. Он воплощает в себе народный идеал красоты, нравственной силы, доброты, народные представления о справедливости. Таков, например, смелый юноша Малёк из датской сказки, который отважно вступает в борьбу с троллем — горным духом.

Впрочем, часто у героев волшебной сказки мы замечаем черты пассивности. Такими эти персонажи делает активность сверхъестественных сил, чудесных помощников, волшебных предметов:

ведь героям и героиням и особого труда не нужно, чтобы добиться исполнения своих желаний. Достаточно было бедному юноше, герою итальянской сказки «Волшебное кольцо», проявить участие и доброту к старушке, как он стал обладателем волшебного кольца, с помощью которого он женится на богатой красавице. Однако жена проявляет коварство, похищает кольцо и доставляет мужу немало горя.

Вернув себе в конце концов утраченное кольцо, юноша приходит к знаменательному выводу, что прибегать к помощи волшебных сил надо не часто, потому что «не годится человеку без труда получать все, чего он ни пожелает».

Ученые считают, что волшебная сказка зародилась при разложении первобытнообщинного строя и переходе к классовому обществу. Предполагают, что именно тогда появились сказки о невинно гонимом младшем брате, бедной падчерице, несчастной сиротке. Конфликт в таких сказках изображается как семейный: ссорятся между собой братья или мачеха и падчерица. Однако по существу в них отражаются широкие общественные и классовые отношения — старший брат в сказках обычно богат, а младший беден, трудолюбивая и добрая падчерица терпеливо сносит издевательства мачехи и ее дочери.

Таким образом, сказочная семья — это схематическое, обобщенное изображение общества, в котором уже прочно укоренилось социальное неравенство, а сказочный конфликт первоначально был отражением тех столкновений и коллизий, которые возникли при разложении родового строя. В прежнем своем виде род перестал существовать, появлялись малые семьи, появлялись угнетенные и угнетатели. И все распри, которые разыгрывались среди членов рода в драматический момент его упадка, получили отображение в виде коллизий в малой сказочной семье.

А героем волшебной сказки становится тот, кто больше всего пострадал от того, что родовые отношения взаимопомощи сменились отчуждением, ведь род распался на отдельные семьи. Это были младшие члены рода. Они лишились общественной поддержки и помощи, которая им была крайне необходима.

Отсюда и берет свое начало демократическая идеализация обездоленного человека в волшебных сказках. Сказочник именно ему отдает все свои симпатии, именно он становится воплощением в сказочном фольклоре угнетенного, притесняемого в классовом обществе человека, и, конечно, он становится обладателем самых лучших моральных качеств, нравственной и физической красоты.

Демократическая, народная идеализация угнетенного и обездоленного во многом объясняет то, почему излюбленным героем волшебной сказки становится, по выражению фольклориста Е. М. Мелетинского, герой, не подающий надежд. Сначала в повествовании такой герой или героиня предстает в виде, внешне

весьма непривлекательном,— Золушка, замарашка. Но именно она станет красавицей и царицей.

Кстати, народное представление, которое мы находим в сказках о королевской, шахской, императорской, царской жизни как о верхе возможного на земле счастья,— тоже идеализация. Она основывается и на недостаточном знании у простого люда темных коридоров власти, дворцовых интриг и отравленной атмосферы придворной жизни, и на патриархальной идеализации правителя, которому приписывались положительные «государевы» свойства — справедливость, впрочем понимаемая своеобразно, непоколебимая вера в то, что его воля и желание есть благо для народа и страны.

Определяя сказку как жанр, известный фольклорист В. П. Аникин особо подчеркнул, что она складывалась на протяжении веков в связи со всем укладом народной жизни, в чем мы с вами уже убедились; вместе с тем сказка, особенно на ранних этапах развития, связана с мифологией.

В мифы люди верят, а в сказке, во всяком случае уже на более поздней стадии ее эволюции, видят вымысел. Фантастика волшебной сказки ведет свое происхождение от мифов и некоторых представлений первобытного общества. Здесь и одухотворение природы: звери, деревья, травы умеют говорить, думают и даже проявляют смекалку и мудрость. Здесь и тотемизм, древние запреты — табу: отсюда советы персонажам не делать того-то и того-то, иначе произойдет непоправимое. Здесь и различные обычаи и поверья. И конечно, в переработанном виде — вера в магию, волшебство, в том числе в магию слова, в заклинание; достаточно произнести нужное слово — и свершится чудо.

Несомненно, что наиболее древние образы и мотивы волшебной сказки в переосмысленном виде унаследованы от фольклора доклассового общества. Но сказка многослойна, она существовала сотни и тысячи лет, в ней сплелось и очень древнее, и относительно позднее. Благодаря искусству сказочника-мастера все это образовало единое, цельное произведение. А отдельные слои, которые его образуют, обнаруживаются лишь при анализе ученого-фольклориста. Возможно, такой подход к сказке будет интересен и тебе, читатель.

А. М. Горький справедливо говорил, что многие образы сказочной фантастики, ковер-самолет например, вырастали из мечты человека-труженика. Такие образы предвосхищали технический прогресс, удивительные изобретения, творения человеческого ума и рук. Эти чудеса — самолет, телевизор (магический кристалл)— стали для нас сегодня обычными. Но для наших пращуров они были недосягаемой мечтой и воплотились в сказках, которые будили ум и дерзостное стремление человека познать мир, природу и поставить ее законы на службу человечеству.

Волшебная сказка привлекает читателя чудесным полетом

фантазии, в сказке человек достигает того, что он не может сделать в жизни, в сказке он добивается осуществления своей мечты. Но волшебная сказка — это не пустая выдумка досужих людей. Она связана многими нитями с жизнью народа, его чаяниями, в ней выражен народный оптимизм, конфликты в ней разрешаются с точки зрения народных представлений о добре и справедливости.

В сказочном фольклоре народов мира особое место занимают бытовые сказки. Они далеко отстоят от волшебных сказок и, по-видимому, возникли сравнительно поздно. Так, у многих народов Тропической Африки, Австралии и Океании, индейцев и эскимосов Америки, у тех народов Азии, которые до недавнего времени находились на ранних ступенях общественного развития, бытовые сказки отсутствуют. Это отсутствие восполняется в какой-то мере сказками о животных, в которых действуют хитроумные, находчивые, а нередко плутоватые звери, ловко обводящие вокруг пальца своих соперников и врагов.

Кроме бытовых, иногда выделяют новеллистические сказки, приближающиеся по своему характеру к рассказу, авантюрные сказки (о приключениях) и авантюрно-новеллистические.

В бытовой сказке герой действует в знакомой крестьянину или горожанину реальной обыденной обстановке, в деревне, в соседнем городе, в столице. Отсутствуют в бытовой сказке чудеса и волшебные предметы, чудесные помощники. Герою не приходят на выручку сверхъестественные силы, как это было в волшебных сказках. Ему приходится надеяться на самого себя, свою ловкость, ум, изворотливость, жизненную хватку, на «его величество случай» и на недогадливость и тупость своего противника.

Бытовые сказки часто носят сатирический характер, в них мы найдем юмор, издевку над людскими пороками, над важными господами и богачами, над монахами и священниками всех вероисповеданий. Исполнение бытовой сказки сопровождается, как правило, веселым смехом слушателей. Бытовые сказки близки к анекдоту. Да и как не смеяться над чудаковатыми жителями немецкого города Шильды (шильдбюргерами) или монастрюкцами из французской сказки, которые решили, что осел проглотил луну, над одураченным чертом или глупым буддийским монахом!

Героями бытовой сказки часто выступают демократические персонажи: простой крестьянин, находчивый человек из народа, вроде того пастуха, который тысячу зайцев пас в польской сказке, или ловкий, умный, бывалый солдат (хорватская сказка «Как солдат черта обрил»).

Основой бытовой сказки может служить какой-нибудь незначительный случай из жизни, который позволяет подвергнуть осмеянию людские пороки. И благодаря мастерству рассказчика заурядный случай превращается в интересную смешную историю.

Некий настоятель буддийского монастыря в Таиланде из жад-

ности запрещал собирать в монастырском саду плоды, предпочитая, чтобы они попросту гнили. Двое ловких крестьян обманули настоятеля, пообещав угостить его кэнгом — мясным блюдом с плодами. И вот таиландский сказочник из этого случая создает яркую бытовую сказку, расцвеченную юмором. Конфликт в ней носит социальный характер, бедняки крестьяне проявляют незаурядную изобретательность, а жадный и глупый настоятель изображен еще и святошей: ведь буддийские монахи принимали обет не прикасаться к мясу!

В бытовых сказках часто с комической стороны изображаются «сильные мира сего». В реальной жизни крестьянин-сказочник видел их разве что издалека, но тяжко ощущал на себе гнет и произвол. А в сказке остроумный сказочник смело высмеивает этих владык, властных над его жизнью и смертью. Во вьетнамской сказке «Два одеяния чиновного правителя» важный чиновник резко обрывает ничтожного, с его точки зрения, портного, осмелившегося спросить, к каким гостям собирается правитель выходить в новом наряде: к вышестоящим или нижестоящим. На что получает от бывалого портного вежливый ответ. Ведь ему это нужно знать лишь для того, чтобы не ошибиться, когда он будет шить. «Если вы намереваетесь в этом платье принимать еще более важных чиновных особ, чем вы,— говорит правителю умный портной,— то надо его укоротить спереди. Если же будете выходить в нем к простолюдинам, то укорачивать следует сзади». Чиновный господин подумал и закивал головой, приказывая сшить два разных платья... Здесь в маленькой сценке удивительно четко обнажена сущность важных чиновных правителей — их надменность, глупость и лицемерие, привычка низко склоняться перед еще более высокими чинами и пыжиться перед простыми людьми.

В бытовых сказках встречается фигура, которую Горький назвал «ироническим удачником» и классическим образцом которого можно считать Иванушку-дурачка. Он недалек, глуп, но ему повсюду, к великому изумлению слушателей, сопутствует удача. Такой персонаж веселит и забавляет, но не только.

Часто он является свидетельством трезвого, иронического отношения народа к средневековой схоластической учености и магической способности прорицателей и звездочетов знать наперед судьбу, узнавать о местонахождении пропажи и т. д. Во вьетнамском фольклоре таким «ироническим удачником» является высокоученый мясник, а в индийском — глупый брахман, который делает вид, что учен, разбирается в гадательных книгах, а на самом деле трясется от страха каждый раз, когда опять получает задачу обнаружить украденное. Но всякий раз на выручку ему услужливо приходит случай, и слава мудрого звездочета и прорицателя все прочнее закрепляется за глупым брахманом. И индийский крестьянин или ремесленник, который знал или сам

рассказывал эту сказку, иронически посматривал на степенных ученых брахманов, иной раз появлявшихся на улице из дворцов правителей.

Бытовая сказка часто рассказывает о хитроумных загадках или умных ответах, причем седобородого старца остроумием побивает умный мальчик.

В бытовой сказке заметно новое отношение к сказочному вымыслу. В некоторых таких сказках, по существу, пародируются волшебные сказки. Например, предметы, которые с неизменной изобретательностью афишируются героем бытовой сказки как волшебные, оказываются на деле самыми обыкновенными. Зато с их помощью герой обманывает своих недругов, и эти предметы, как по волшебству, приносят ему богатство. Одновременно герой посрамляет своих врагов — богатеев, помещиков, феодальных властителей.

В данный сборник включены анекдоты о шильдбюргерах (жителях города Шильды) — замечательные творения немецкого народного юмора и немецкой народной литературы, теснейшим образом связанной с устной традицией. В 1598 году в Германии вышла книга под весьма длинным и витиеватым, в духе того времени, названием «Шильдбюргеры, удивительные, причудливые, неслыханные и доселе не описанные похождения и деяния жителей Шильды из Миснопотамии, что позади Утопии» (в нашем издании это заглавие несколько изменено и сокращено).

Скажем сразу, что городок Шильда, его жители, так же как и страна Миснопотамия, существовали лишь в фантазиях веселых и весьма ироничных сказочников. Но зато многочисленные князья, каждый в своем — нередко карликовом — княжестве, жили в реальной Германии той эпохи. Они только и норовили воспользоваться содержимым кошельков, умом и трудом крестьян и ремесленников и безжалостно гнали за порог тех, кто им стал не нужен. Мудрые жители Шильды решили избежать подобной участи: ведь по причине их мудрости и ясного ума князья отрывали шильдбюргеров от домашних очагов и держали при себе в качестве советчиков. И стали они спасаться глупостью и шутовством, чтобы их оставили в покое, дали возможность жить вольно, как им хочется.

Старый мудрый горожанин намеками и недоговорками разъясняет согражданам, что затеянное ими шутовство — дело нешуточное и опасное. По существу, это скрытая оппозиция и неповиновение: «Разыгрывать из себя шута или дурака — это немалое искусство. Бывает, возьмется за такое дело человек бестолковый, и вместо смеха получаются одни слезы. А то и хуже того: надумает иной разыграть глупца, а сам и взаправду в такого превратится».

Итак, мудрецы, чтобы сохранить свою независимость, рядятся в шутовской колпак. Здесь ощущается, конечно, влияние харак-

терных для Европы карнавалов с переодеваниями: ведь все участники карнавального шествия — ряженые. Они без стеснения дурачатся, веселятся, шутят. Все пользуются свободой общения, и все равны, вне зависимости от сословной принадлежности.

Дурачась, шильдбюргеры ставят под сомнение разумность существовавшего тогда уклада. Осмеивая и ниспровергая его, они выступают вольнодумцами — и в этом своеобразное преломление гуманизма (признания человека и его счастья, его блага в качестве высшей ценности бытия) эпохи Возрождения, то есть времени перехода от средневековой культуры к культуре нового времени.

Ведь недаром выдающийся писатель эпохи Возрождения Эразм Роттердамский (1469—1536) прославился своей философской сатирой «Похвала Глупости», в которой он раскрывал противоречия и парадоксы жизни.

Народная книга о шильдбюргерах явно перекликается с сатирой Эразма Роттердамского. Чего стоит только шутовская встреча, которую жители Шильды устроили самому императору: она превратилась в сплошную пародию на торжественность, да еще содержала кое-какие политические намеки. А вручение подарка от горожан (горшка с горчицей, который еще и разваливается на черепки в самый ответственный момент) и вовсе рисковало превратиться в издевательство над его императорским величеством. Впрочем, император обнаруживает завидную терпимость и чувство юмора.

И уже в этом — положительная оценка его императорского величества создателями книги о шильдбюргерах. Уж кто-кто, а они умели ценить людей с чувством юмора. Связано такое отношение к государю, видимо, с наивными упованиями на справедливость императора и с тем, что в тогдашние времена, когда Германия фактически распалась на отдельные княжества, он был символом единства страны, но, по существу, не обладал реальной властью, поэтому, когда городской голова шильдбюргеров, делая вид, что он от волнения все на свете перепутал и, забравшись на кучу навоза, при встрече императора, как бы оговорившись, называет его императором Шильды, то попадает в самую точку.

В своих дурацких колпаках, коими император удостоил их в охранной грамоте, жители Шильды отстаивали право на независимость мысли, право на вольность. И еще — право на полноту человеческой жизни с ее радостями.

Впрочем, как мы знаем, городка Шильды в придуманной стране Миснопотамии, которая к тому же расположена позади Утопии (то есть «нигде»), никогда не существовало. Предусмотрительные сказочники, чтобы никто не вздумал искать городок Шильду на географической карте или сведения о нем в исторических сочинениях, сообщают о его гибели от пожара, в результате которого не осталось ни самого городка, ни каких-либо летописей и родовых книг. Жители Шильды разбрелись по белу свету, и,

может быть, как полагает лукавый сказочник, они теперь живут среди нас...

Как бы ни были своеобразны шутовские затеи шильдбюргеров, взять, к примеру, строительство треугольной городской ратуши без окон, они сродни другим хитроумным фольклорным героям.

В фольклоре многих народов мира бытует образ смышленого, изобретательного героя, выходца из низов, который оставляет в дураках своих недругов, надутых вельмож и богачей. Наверное, самый знаменитый из этих героев — ходжа Насреддин, который является героем циклов анекдотов у турок и иранцев, народов Средней Азии. Этот демократический герой одинаково свободно чувствует себя и на месте проповедника в мечети, куда он заходит отнюдь не для молитвы аллаху, и на шумном базаре, и во дворце эмира или шаха, и в обычной чайхане.

Образ ходжи Насреддина зародился в фольклоре народов Востока, но его полюбили русские и поляки, украинцы и венгры. На основе цикла анекдотов о ходже Насреддине, а точнее, на основе этого народного образа русский советский писатель Л. В. Соловьев создал известную «Повесть о ходже Насреддине» (часть первая — «Возмутитель спокойствия», часть вторая — «Очарованный принц»), по которой сняты популярные у нас фильмы.

Согласно чеканной горьковской формуле, начало искусства слова коренится в фольклоре. Литература каждого народа, сколь бы развитой она ни была, восходит своими истоками к фольклору. В фольклоре, или народном поэтическом творчестве, мы находим источник народности национальных литератур. Из народного поэтического творчества вышли самые ранние из известных науке памятников мировой литературы: шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше, датируемый III — началом II тысячелетия до нашей эры, древнегреческий гомеровский эпос — знаменитые «Илиада» и «Одиссея». В этих произведениях мы найдем образы, сюжеты, мотивы, идущие от народной сказки. А в древнеегипетских папирусах ученые обнаружили жанр словесности, который обозначили термином «сказка».

Литература на всех этапах своего развития сохраняет связи с фольклором, но характер таких связей изменчив. Это может быть заимствование сюжета, мотива, влияние фольклора на композицию литературного произведения, структуру художественного образа. Сказочная стихия определяет, например, внутреннюю логику образов и весь строй таких шедевров, как стихотворные сказки Пушкина, гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Конек-горбунок» П. П. Ершова, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого. Этот ряд легко можно продолжить, вспомнив сказки Гофмана, сказки для театра Карло Гоцци и другие.

В средние века значение фольклора для литературы было еще

значительнее, потому что их художественные принципы были близки. К примеру, персонажи фольклора и средневековой литературы равно лишены выраженной индивидуализации. Поэтому сказочными образами и сюжетами насыщены сборники средневековых новелл Китая, Кореи, Японии, Монголии и Вьетнама, персидских, индонезийских, лаосских и таиландских поэм, французского «Романа о Лисе», рыцарских романов и многих других произведений. Особого упоминания заслуживает «Кхатхасаритсагара» — «Океан сказаний» — индийского поэта XI века Сомодевы; в «Океане сказаний» ученые насчитали свыше трехсот вставных историй, в которых сказка переплетается то с мифом, то с анекдотом, то с новеллой.

Сказки и поныне обладают огромным обаянием для всех нас, детей и взрослых, и поныне мы их читаем, слушаем по радио. Мы охотно смотрим фильмы, в том числе и веселые мультипликации, снятые по мотивам и сюжетам сказок, слушаем оперы «Руслан и Людмила», «Снегурочка», «Кощей Бессмертный», наслаждаемся «Лебединым озером», «Спящей красавицей», «Щелкунчиком» и другими сказочными балетными спектаклями. Репертуары детских драматических театров насыщены спектаклями-сказками, и читатель без труда назовет их сам.

С огромным успехом во всем мире идут сейчас пьесы, созданные по мотивам сказок. Сказочные герои появляются в индонезийском театре теней, и даланг (то есть ведущий актер) рассказывает об их подвигах и приключениях. А во Вьетнаме герои сказки плавают и ныряют в воде во время спектаклей традиционного театра кукол на воде.

Большие живописцы тоже не обошли сказочных героев. Вспомним Васнецова или Чюрлёниса, творчество которых пронизывает образность сказки. Я не говорю уже об иллюстраторах книг, которые, рисуя сказочных персонажей, волшебные предметы и сказочные царства, подарили нам целый удивительный мир зримых образов, помогающих нашему воображению, воспитывающих наш художественный вкус.

Сказочные персонажи запечатлены в камне, мраморе, деревянных барельефах. В некоторых странах Востока есть даже храмы в память персонажей сказки, в их честь устраиваются празднества.

В наши дни развивается литературная сказка, тесно связанная с фольклорной, многое у нее заимствующая. Появились писатели-сказочники на всех континентах. Это не только датчанин Ханс Кристиан Андерсен или шведка Астрид Линдгрен, но и вьетнамец То Хоай, японец Миядзава Кэндзи и многие другие. Пока существует человечество, оно нуждается в мечте, а следовательно, ему не обойтись без сказки, которая вдохновляет, подает надежду, забавляет и утешает.

* * *

«Как на образцы... хорошего искусства, передающего простые чувства, но доступные всем людям, я указал бы на почти все народные сказки, бóльшую часть «Тысячу и одной ночи»,— говорил взыскательный и весьма авторитетный ценитель народного творчества Лев Николаевич Толстой, перу которого принадлежат также и сказки.

Л. Н. Толстой справедливо выделил из всего богатства литературной сказки именно этот памятник — «Тысячу и одну ночь». «Причина всеобщего восторга перед «Тысячей и одной ночью»,— писал известный арабист академик А. Е. Крымский,— лежит, конечно, прежде всего в том, что сказки ее содержат в себе как раз все те данные, которых мы ждем от хороших сказок: тут и занимательность фабулы, тут и романтическая фантастичность, и увлекательное сплетение элемента волшебного с действительным, и описание удивительных стран и приключений».

Популярность в Европе этого замечательного явления арабской народной литературы, начиная с XVIII века, когда появились первые переводы на французский и другие языки, поистине поразительна. Еще в начале нашего века, восемьдесят лет назад, академик А. Е. Крымский заметил, что если бы собрать воедино восторженные отзывы европейцев о «Тысяче и одной ночи», то составилась бы огромная книга.

А вот в самих арабских странах оценка этого памятника не столь единодушна. Многие арабские ученые-филологи говорят о нем как о собрании произведений вульгарных, простонародных, стиль которых часто страдает просторечием.

Действительно, свод «Тысяча и одна ночь» очень сложен по своему происхождению, и тайна его формирования, его истории учеными отнюдь еще не разгадана до конца. Однако совершенно ясно, что создавался он многими авторами на протяжении ряда веков. Создателями его были люди не очень грамотные, но нередко одаренные от природы — уличные сказители и чтецы, а их слушателями и читателями был прежде всего городской люд — ремесленники и торговцы, носильщики тяжестей и погонщики верблюдов. Поэтому такую литературу обычно называют народной.

Ученые выделяют три этапа в формировании сборника и соответственно этому — индо-иранские, а также арабские, то есть багдадские и египетские (каирские) сказки и рассказы. Источники формирования свода многообразны, а пути формирования очень длительны. «У непосвященных в историю этой книги,— пишет советский арабист И. М. Фильштинский,— могло по традиции сложиться ошибочное представление, будто «Тысяча и одна ночь» — это собрание исключительно арабских сказок. На самом деле в создании этого грандиозного свода принимали

участие своим фольклорным и литературным наследием многие народы, хотя окончательную форму он приобрел на арабском языке, прочно войдя в историю народной словесности».

В результате арабских завоеваний VII—VIII веков образовалась огромная арабо-мусульманская империя — Халифат, которую составили разные народы, принявшие арабский язык в качестве языка культуры и имевшие между собой тесные контакты. Предполагают, что в X—XII веках оформилась ранняя багдадская редакция «Тысячи и одной ночи». В нее вошли индо-иранские сказки из сборника «Тысяча преданий», переведенные с персидского, а также различные повествования из арабского фольклора. В переводе персидское название заменили на «Тысячу ночей». В собрании были помещены также и рассказы из других, не арабских источников, среди них — библейские притчи. Словом, уже состав ранней редакции был очень пестрым.

К XII—XIII векам относится каирская редакция, которая впитала в себя сюжеты египетского происхождения. В это же время свод получил наименование «Тысяча и одна ночь». Число «тысяча и один» сначала воспринималось как неопределенное множество («очень, очень много»), но потом его стали понимать буквально, и составители стремились дополнить свод различными произведениями, с тем чтобы «ночей», во время которых рассказывались сказки, было именно тысяча и одна.

В дальнейшем на протяжении нескольких столетий «Тысяча и одна ночь» пополнялась и видоизменялась.

Известно, что этот гигантский свод еще в ранней редакции был заключен в литературную «рамку»: сказкам предпослан рассказ о том, что царь Шахрияр каждый день брал себе в жены девушку, а наутро повелевал ее казнить. Наконец его женой стала Шахразада, которая начала рассказывать царю сказку, рассказывала до утра и остановилась на самом интересном месте. Царь решил отсрочить казнь Шахразады, чтобы дослушать сказку. И так продолжалось тысячу и одну ночь. После чего окончательно очарованный царь даровал жизнь своей жене. Но это уже заключительный рассказ свода. По другой версии, более банальной, царю к этому времени просто надоело слушать сказки, да к тому же он успел привязаться к Шахразаде.

Принцип «рамки» явно восходит к древнеиндийской повествовательной традиции, где прием обрамления был обычным.

«Тысяча и одна ночь» — это свод очень разнохарактерных повествований даже в том, что касается их жанровой принадлежности: они отнюдь не все сказки.

Но и в тех повествованиях, основой которых является волшебная сказка, дается так много конкретного материала о реальной жизни арабского средневекового города и нравах его жителей, что по ним создаются специальные научные исследования о городе тех времен. Недаром такой проницательный критик, как В. Г. Бе-

линский, отмечал: «Никакие описания путешественников не дадут вам такого верного, такого живого изображения нравов и условий общественной и семейной жизни мусульманского Востока, как «Тысяча и одна ночь».

Каждый, кто читал этот свод, помнит феерию выдумки, изобретательность авторов-рассказчиков, умеющих удивить и увлечь читателя неожиданными поворотами сюжета, вмешательством волшебных сил и случая. Причем неизменно в конце торжествует справедливость, а порок оказывается наказанным.

Два повествования, которые приведены в этой книге, принадлежат к волшебным сказкам. Это «Аладдин и волшебная лампа» и «Сказка о рыбаке». В них действуют волшебники, демоны-великаны — джинны, без которых повествование здесь было бы немыслимо. Но вот «Али-Баба и сорок разбойников» — скорее новелла, в которой волшебное начало не играет особой роли. Правда, Али-Баба, для того чтобы войти в пещеру с сокровищами, произносит волшебное заклинание, но, в сущности, можно было бы обойтись без этих слов — ход сюжета не изменился бы. В этой новелле, однако, использован известный в сказках всех народов мотив враждебности старшего жадного брата и младшего доброго, которому достается в конце концов богатство и счастье.

«Синдбад-мореход» при всей той фантастике, игре воображения, которая пленяет читателя и слушателя, надолго западает в его память, восходит не к сказочному фольклору, а к различным средневековым географическим сочинениям, живописавшим необычайные приключения и необыкновенные страны.

Выдающийся русский исследователь литературы и фольклора академик А. Н. Веселовский говорил, что перед европейским читателем благодаря «Тысяче и одной ночи» открылся особый мир, одновременно знакомый и незнакомый, фантастический и реальный. Читатель увидел те же образы, что и в народной сказке, но окутанные теплом и ароматом Востока. «Те же феи и волшебники,— писал ученый,— и джинны и окаменелые города, но все это в грандиозных размерах, перерастающих воображение и вместе с тем мирящихся с реальностью; миры демонов и людей так слились, что между ними нельзя провести границ: каждый шаг в области действительности может увлечь вас к магнитной горе, у которой погибнет ваш корабль, или во власть демона-великана, когда-то заключенного в медный сосуд... И эта чересполосица фантастического и реального не только не изумляет вас, а кажется естественною: так просто вращаются в ней действующие лица».

Яркие типажи изображены на страницах «Тысячи и одной ночи». Принадлежат они к разным социальным слоям и сословиям средневекового арабского общества. Симпатии авторов-рассказчиков обращены к людям простым, бедным, неродовитым — Аладдину, Али-Бабе, бедному рыбаку. Явное сочувствие достается и на долю отважного морехода купца Синдбада, для

которого цель путешествия не только в том, чтобы получить барыш (хотя и этого он, конечно, при случае не упускает), а в том, чтобы увидеть диковинные страны, испытать необычайные приключения.

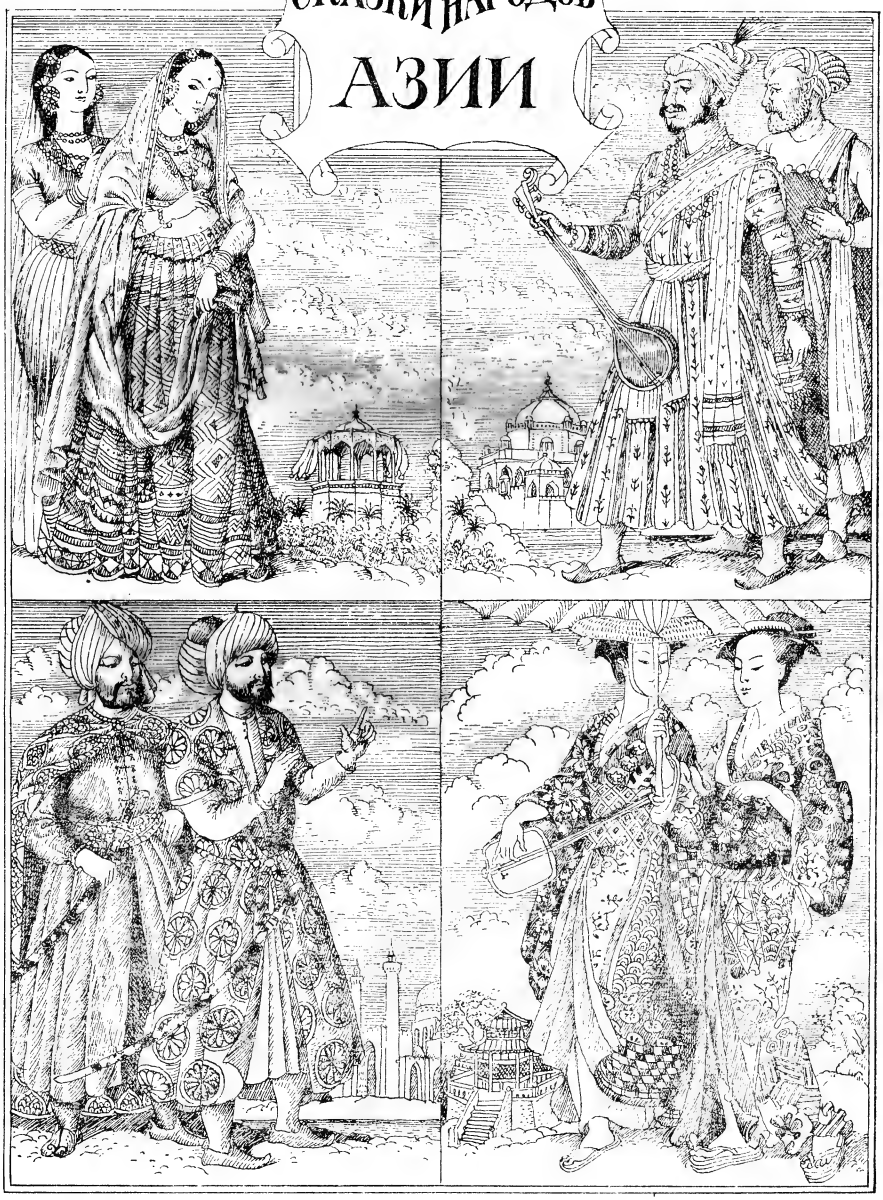
Многие и многие поколения читателей радуют сказки «Тысячи и одной ночи». Они будят любознательность, интерес к другим народам, особенно народам Востока, и их культуре, сближают людей разных стран света. Они учат добру и справедливости.

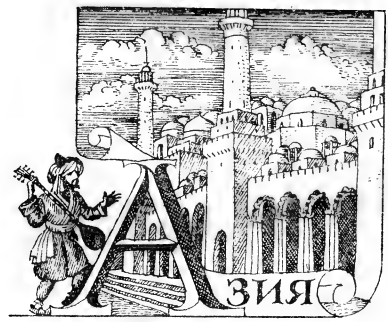
* * *

Составители сборника, который ты держишь в руках, читатель, старались из огромного богатства мирового сказочного фольклора отобрать наиболее цельные, идейно и художественно значимые произведения, представить в книге различные виды сказок. Конечно, нам очень хотелось донести, по мере возможности, интонации сказочников, сохранить в переводе образность их речи — иными словами, «аромат подлинника». Насколько это удалось, судить тебе. В этой книге лишь малая часть сказочного эпоса народов мира, собранного трудом ученых, писателей, энтузиастов. Но и она как капля воды, в которой отражается целый океан.

Н. И. Никулин

СКАЗКИ НАРОДОВ АЗИИ




Азия

БРАТЕЦ АМБЕ И БРАТЕЦ РАМБЕ

Индийская сказка

В одном большом доме жил кот, а в доме было много мышей. Кот ловил мышей, ел их и жил привольно. Прошло много времени, кот постарел, и трудно ему стало ловить мышей. Думал он, думал, как быть, и, наконец, придумал. Созвал мышей и говорит:

— Мыши, мыши, вот зачем я позвал вас. Сознаюсь, худо я жил и вас обижал. Стыдно мне, хочу перемениться. Не стану вас трогать. Бегайте себе на воле, а меня не бойтесь. Требую от вас одного: каждый день дважды проходите мимо меня одна за другой и кланяйтесь мне, а я вас не трону.

Обрадовались мыши, что не будет их трогать кот, и на радостях согласились. Уселся кот в углу, и стали мыши одна за другой проходить мимо него; проходят и кланяются ему. А кот сидит смирно.

Вот последняя мышь стала перед ним и поклонилась, а он — цап! — схватил ее и съел.

А другие мыши вперед ушли и ничего не заметили.

Так они ходили каждый день, по два раза. Кот спокойно съедал двух мышей и был доволен своей хитростью.

Но среди мышей было два друга — Амбе и Рамбе. И вот Амбе и Рамбе заметили, что мышей все меньше становится. Стали они думать и решили, что каждый раз, когда мыши будут проходить перед котом, Рамбе пойдет первым, а Амбе последним.

Прошел Рамбе, низко поклонился коту, а потом громко позвал:

— Братец Амбе, где ты?

Амбе с конца отвечает:

— Здесь я, братец Рамбе.

И так они все перекликались, пока все мыши не прошли мимо.

Рассердился кот, но не посмел тронуть Амбе, пока его звал Рамбе. Сердился, сердился — и лег спать голодный.

На другой день опять то же: кличет Рамбе, а Амбе ему отвечает. Опять побоялся кот тронуть Амбе и опять лег спать голодный.

На третий день проходят мыши мимо кота. Кличет Рамбе:

— Братец Амбе, братец Амбе, где ты?

— Здесь я, братец Рамбе, здесь я! — отвечает Амбе, а сам смотрит в оба, не прыгнет ли кот.

Разъярился кот, кинулся на Амбе. А того и след простыл,

да и мыши все разбежались: увидели, что кот — обманщик и им от него беда.

Попрятались в норы и не выходят оттуда к коту-обманщику.

А кот ни одну мышь поймать не может. Худел, худел да и пропал.

И коту конец, и сказке конец.

КОВАРНЫЙ ШАКАЛ

Индийская сказка

Жил-был в лесу шакал. Он всем делал пакости. Раз в самом конце зимы надумал он забежать в деревню. Бегал, бегал вокруг дворов, и захотелось ему пить. Колодец был недалеко. Но как шакалу напиться, когда нет у него ни ведра, ни веревки? Сунул он морду в колодец, да вода стояла низко, не достать — и все тут. Рассердился шакал. «Ладно! — думает.— Вот возьму да и подожгу эту воду. Пускай сгорит». Он снова побежал в деревню и принес огня.

Вернулся к колодцу — а там люди. Они закололи козленка и собирались готовить обед. Рядом с ними стояло ведро с водой. Шакал подошел и напился. Люди попросили у шакала огня. «Дамка я им огня,— думает шакал.— Глядишь, и мне перепадет за это косточка и кусочек мясца».

Отдал он людям огонь. Они развели костер и зажарили козленка. Стали делить мясо. Шакал тут как тут — ждет, что и на его долю достанется. Да только не дали ему ни кусочка. Не вытерпел шакал, просит:

— Братцы! Дайте мне ножку!

— Разве тебе своих ног не хватает? Вон сколько их у тебя!

— Ну хоть голову дайте!

— Своей у тебя нет, что ли? Вон она у тебя!

Чего ни попросит шакал, на все ему отвечают насмешкой. Обозлился шакал.

— Отдавайте тогда мой огонь! — говорит.

Что ж, тут люди не прочь — дали ему огня. Шакал взял огонь и побежал на гумно. А люди эти пришли к колодцу с гумна — они горох молотили.

Прибежал туда шакал и поджег копну соломы. Ползет огонек по сухим гороховым стебелькам, потрескивает. Шакал подождал-подождал, покуда огонь всю копну охватил, а потом как закричит во весь голос, чтобы люди услышали:

Кто ест ме-ме! Тук-тук горит!
Кто ест ме-ме! Тук-тук горит!

Люди сперва не поняли, к чему это он. Сидят себе спокойно, мясо едят. А шакал не унимается. Тут один спохватился:

— Ведь это он нас зовет. «Кто ест ме-ме» — это мы козленка едим. А «тук-тук» — это он про горох. Так горошины стучат, когда падают. Не иначе как он гумно поджег, бесовское отродье. Бежим скорей тушить!

Побросали люди мясо и бегом к гумну. А шакал вернулся к колодцу и наелся досыта.

Нет уж, лучше не жадничать. Когда кто чего-нибудь просит, лучше дать ему сразу. А то не вышло бы с вами такой же беды, как с теми людьми, что пожалели бросить шакалу кусочек козлятины.

ЖИЛ-БЫЛ ВОРОБЕЙ

Индийская сказка

Жили да были воробей с воробьихой, и жил-был царь. Построили воробей и воробьиха гнездо в царском дворце. Царь жил в покоях, а воробей с воробьихой — в своем гнезде.

Вот раз царь нарядился в новое платье — надумал в гости пойти. Только дошел до двери, а воробей возьми да и урони каплю. Белая капля упала прямо на царя и запачкала его новое платье. Разгневался он. Позвал слугу и говорит:

— Сейчас же поймай воробья с воробьихой и посади их в клетку.

Воробьиху-то слуга поймал, а воробей вспорхнул да и был таков.

Прилетел воробей к плотнику, просит:

— Плотник, плотник! Сделай мне тележку на восьми колесах. Царь посадил в клетку мою воробьиху. Я поеду с ним воевать.

Плотник сделал маленькую тележку на восьми колесах. Воробей запряг в нее мышку и поехал воевать с царем. Едет он, едет, видит — лежит на дороге иголка.

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда едешь? — спрашивает иголка.

Отвечает воробей:

Я воробей, я воробей,
Видишь, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьиху поймал.

— И я с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Забралась остроносая иголка на тележку. Воробей вожжами потряхивает, мышку погоняет. Мышка бежит, изо всех сил старается. Быстро катится тележка.

Едут они, едут, а навстречу им скорпион.

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда едешь? — спрашивает.

А воробей ему:

Я воробей, я воробей,
Видишь, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьиху поймал.

— И я с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Поднял скорпион свой хвост с ядовитым жалом и влез к воробью в тележку. Воробей мышку погоняет. Мышка бежит быстро-быстро.

Едут они, едут, смотрят — лежат веревка и палка.

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда собрался? — спрашивают веревка и палка.

А воробей им в ответ:

Я воробей, я воробей,
Видишь, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьиху поймал.

— И мы с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Вот и собралось у воробья по дороге целое войско. Ехали они, ехали и подъехали к царскому дворцу, когда стало совсем темно. Остановил воробей тележку позади дворца. Царя дома не было. Воробей с друзьями тихонько прокрались в комнату к царю. Иголка спряталась у него в постели. Скорпион влез на столик, где стояла свеча. Веревка и палка притаились у двери. Сам воробей забрался под карниз. А мышка осталась сторожить у тележки.

Царь скоро вернулся. Умылся, сел ужинать. Ему и невдомек, какое войско забралось к нему во дворец.

Пошел царь спать. А иголка его давно дожидается. Лег он в постель — она как примется колоть его спину. Закричал царь, вскочил. Хочет свечку зажечь — посмотреть, что это колется в постели.

А у свечки сидел скорпион. Только протянул царь руку, скорпион его и ужалил.

Заголосил царь от страха:

— Батюшки! Умираю! Меня скорпион укусил!

Бросился царь вон из комнаты. А у двери его поджидали веревка и палка. Веревка опутала царя, а палка принялась его колотить. Кричит царь что есть мочи:

— Помогите! Помогите! Помогите хоть кто-нибудь!

Воробей сверху смотрел, смотрел на все, что творилось, а как запросил царь помощи, слетел к нему, остановил палку и говорит:

— Царь! Я воробей. Со мной мое войско. Говори, отпустишь мою воробьиху? Или тебе еще мало попало?

Взмолился царь, стал просить у воробья прощенья. Веревка освободила царя, и он выпустил воробьиху.

ЗОЛОТАЯ РЫБА

Индийская сказка

На берегу большой реки жили в ветхом шалаше старик да старуха. Бедно жили они: каждый день старик отправлялся на реку рыбу ловить, старуха эту рыбу варила или на углях пекла, тем только они и сыты были. Не поймает старик ничего, так и вовсе голодают.

А в реке той обитал золотоликий бог Джала Камани, владыка вод. Вот как-то раз стал старик сети из реки вытаскивать, чувствует: что-то больно тяжелы нынче сети. Потянул он изо всех сил, кое-как вытащил сети на берег, заглянул — и глаза зажмурил от яркого блеска: лежит в его сетях огромная рыбина, вся будто из чистого золота отлитая, плавниками двигает, усами шевелит, во все свои рыбьи глаза на старика смотрит. И говорит золотая рыба старому рыбаку:

— Не убивай меня, старик, не уноси меня, старик, к себе домой. Отпусти ты меня лучше на волю, а за это проси у меня чего хочешь.

— Чего же мне попросить у тебя, чудо-рыба? — говорит старик.— Нет у меня ни дома хорошего, ни рису, чтобы голод утолить, ни одежды, чтобы тело прикрыть. Если ты по великой милости своей все это мне пожалуешь, я тебе до самой смерти благодарен буду.

Выслушала рыба старика, мотнула хвостом и сказала:

— Иди восвояси. Будет у тебя и дом, и еда, и одежда.

Отпустил старик рыбу в реку, сам домой пошел. Только, когда пришел, узнать ничего не может: стоит вместо шалаша из веток дом из крепких тиковых бревен, а в доме том есть просторные лавки, чтобы гостей усадить, и стоят там целые блюда белого риса, чтобы досыта поесть, и лежат грудой одежды нарядные, чтобы в праздник людям на глаза показаться не стыдно было. Говорит старик своей жене:

— Видишь, старуха, как нам с тобой повезло: не было у нас ничего, а теперь всего вдоволь. Скажи спасибо золотой рыбе, что сегодня мне в сети попалась. Это все она нам дала за то, что я ее на волю отпустил. Кончились теперь наши беды и несчастья!

Услыхала старуха, что ей муж рассказал, и только вздохнула, головой покачала, а потом и говорит:

— Эх, старик, старик!.. Много лет ты прожил на свете, а ума

у тебя меньше, чем у младенца новорожденного. Разве так просят?.. Ну съедим мы рис, одежду сносим, а дальше-то что?.. Ступай сейчас обратно, проси у рыбы пятерых слуг, проси дом новый — да не эту жалкую лачугу, а большой, хороший,— такой, чтобы самому царю в нем жить было не стыдно... И пусть будут в том доме кладовые, полные золота, пусть от риса и чечевицы амбары ломятся, на заднем дворе пусть новые повозки и плуги стоят, а в стойлах буйволы — десять упряжек... И еще проси, пусть рыба тебя старостой сделает, чтобы во всей округе люди нас почитали и уважали. Ступай, и пока не выпросишь, домой не возвращайся!

Очень не хотелось старику идти, но спорить с женой он не стал. Пошел он к реке, сел на берегу и стал рыбу звать:

— Явись ко мне, чудо-рыба! Выплыви, золотая рыба!

Через малое время замутилась в реке вода, всплыла золотая рыба со дна речного — плавниками двигает, усами шевелит, во все свои рыбьи глаза на старика смотрит.

— Слушай, чудо-рыба,— говорит старик,— попросил я у тебя, да, видно, мало... Недовольна моя жена: хочет, чтобы ты меня в нашей округе старостой сделала, и еще она хочет дом вдвое больше нынешнего, хочет слуг пятерых, и буйволов десять упряжек, и риса полные амбары, и украшений золотых хочет, и денег...

Выслушала золотая рыба старика, махнула хвостом и сказала:

— Пусть все так и будет!

И с этими словами обратно в реку нырнула.

Пошел старик домой. Видит: собрались на дороге все окрестные жители с трубами, с барабанами, в руках держат богатые подарки и гирлянды цветов. Стоят не шелохнувшись, словно ждут кого-то. Как увидели крестьяне старика, повалились все на колени и закричали:

— Староста, староста! Вот он, наш любимый староста!..

Тут барабаны забили, трубы заиграли, посадили крестьяне старика в разукрашенный паланкин, на своих плечах до дому донесли. А дом у старика опять новый — не дом, а дворец, а в доме том все, как он просил у рыбы.

Зажили с тех пор старик и старуха счастливо и безбедно, всего у них, кажется, было вдоволь, а старуха все ворчала. Месяца не прошло, как снова она стала к старику приставать:

— Разве это уважение, разве это почет? Подумаешь, большой человек — староста! Нет, нужно, чтобы ты опять к рыбе пошел да попросил ее хорошенько: пусть сделает тебя над всей землей махараджей*. Иди, старый, проси, а не то, скажи, старуха, мол, моя ругаться будет...

— Не пойду я,— отвечает старик.— Или ты не помнишь, как мы раньше жили, как мы голодали, как бедствовали? Все нам рыба дала: и еду, и одежду, и новый дом! Мало тебе показалось,

так она нас богатством одарила, меня во всей округе первым человеком сделала... Ну чего тебе еще надо?

Сколько ни спорил старик, сколько ни отказывался — старуха ни в какую: иди, мол, к рыбе, и все тут. Что ж бедному старику делать оставалось — пришлось снова на реку идти. Сел он на берегу и стал звать:

— Выплыви, золотая рыба! Явись ко мне, чудо-рыба!

Позвал он раз, позвал другой, позвал третий... Но никто не выплыл на его зов из глубины вод, словно и не было в реке золотой рыбы. Долго ждал старик, потом вздохнул и домой поплелся. Видит он: стоит на месте богатого дома ветхий шалаш и сидит в том шалаше его старуха — в грязных лохмотьях, волосы, словно прутья старой корзины, во все стороны торчат, больные глаза струпьями залепило. Сидит старуха и горько плачет.

Посмотрел на нее старик и сказал:

— Эх, жена, жена... Говорил ведь я тебе: много хочешь — мало получишь! Говорил я тебе: старуха, не жадничай, потеряешь и то, что имеешь. Ты моих слов тогда не слушала, а вышло-то по-моему! Так чего же теперь плакать?

ЗАМОРЫШ

Индийская сказка

Один человек до того плохо жил, до того изголодался, что просто заморышем стал. Бросил он дом и семью и пошел в чужие края. Привелось ему идти дремучим лесом. Там жили тигры, пантеры, всякие злые звери. Но Заморыш крепко надеялся на свою смекалку. Вот он и пошел один через лес.

Шел он осторожно, остерегался зверей. Только зашел в самую чащу, слышит: кто-то ревет страшным голосом, а кто это — не понять. На тигра или пантеру совсем не похоже. Испугался Заморыш, стал искать дерево повыше — куда бы забраться. Вдруг видит: идет к нему великан. Огромный, гора горой, черный как сажа. Волосы дыбом. На лбу рога. Пасть до ушей, клыки торчат. На руках когти, длинные, острые — словно кинжалы. Да еще и рычит.

Как увидел Заморыш этакое страшилище — задрожал всем телом, и в голове у него помутилось. Да вовремя вспомнил, что́ умные люди советуют: в беде рассудка не теряй. Встрепенулся он да как закричит:

— Стой, нечистая сила! Ни с места! А то огнем сожгу!

Расхохотался великан. Весь лес загудел от этого хохота. Закачались от страха деревья. Птицы закрыли грудью птенцов и замерли в гнездах. Тигры, волки, пантеры разбежались куда глаза глядят. А человек устоял.

— Берегись, нечистая сила! — кричит.— Ты не знаешь, кто я такой, а то тебя ветром бы сдуло отсюда. Вот смотри! Великан почище тебя сидит у меня в кармане в коробочке.

Он вынул зеркальце и показал великану. А у того глаза кровью налились, и стал он еще страшнее, чем был. Увидел он себя в зеркальце и испугался. «И вправду,— думает,— сила у него небывалая, если такого великана он упрятал в коробочку!» Задрожал великан и взмолился:

— Господин! Отпусти меня с миром. Я тебе отслужу.

Засмеялся Заморыш:

— Отпустить-то я тебя отпущу. Только запомни: приходи ко мне всякий раз, как я тебя позову.

Великан согласился. Дал Заморышу свой волос и говорит:

— Как захочешь меня позвать, подпали этот волос. Я сразу явлюсь.

Сказал он это, простился, заревел и ушел прочь. А Заморыш весело двинулся по лесу дальше.

Дошел Заморыш до одного города, да там и остался. Раз к царю этого города явился могучий богатырь.

— Хочу,— говорит,— помериться силой с твоими богатырями.

Царь выслал тягаться с пришельцем всех своих богатырей, одного за другим, только никто из них против него не устоял. Тогда царь велел кликнуть клич по всем своим землям:

— Кто победит чужеземного богатыря, тот получит большую награду.

Много раз кликали этот клич, а все никто на бой не идет. Тогда пришел к царю Заморыш и говорит:

— Я пойду бороться с богатырем.

Царь посмотрел на него и видит — силенок-то у него вовсе нет. Засмеялся царь. А тот опять на бой вызывается.

Позвал царь чужеземного богатыря и спрашивает:

— Будешь с этим человеком бороться?

Богатырь посмотрел на Заморыша и даже скривился. А тот все свое твердит:

— Я тебя вмиг положу на лопатки.

Тут богатырь не стерпел.

— Ладно,— говорит.— Давай бороться.

Огородили для борцов поле. Народу сошлось видимо-невидимо. Заморыш взял да и подпалил волосок. Великан сразу пришел. Заморыш ему говорит:

— Мне сегодня надо бороться с богатырем. Сделай так, чтобы он упал, как только я его коснусь.

— Не тревожься. Сделаю, как ты просишь.

Вышли оба борца на поле. Народ, как увидел Заморыша напротив богатыря, принялся над обоими насмехаться. Рассвирепел богатырь, бросился на Заморыша. Только не достал до него —

великан его берег. Немного погодя богатырь сам упал. Все просто диву давались. Царь богато наградил Заморыша и поставил его главным над своими богатырями. С той поры зажил он припеваючи.

Прошло еще сколько-то времени. Объявился в лесу около города злой тигр. Он убивал всех прохожих. Со страху люди и ходить в ту сторону перестали. Созвал тогда царь народ и говорит:

— Кто этого тигра убьет или живьем ко мне приведет, того я награжу.

Тут все богатыри стали показывать на своего начальника.

— Только он и может такое сделать.

Царь позвал его и велел убить тигра.

Тот говорит:

— Махарадж! Власть твоя так велика, что тигр сам придет к тебе с повинной.

Царь очень удивился и не поверил. А Заморыш пошел в лес. Там он вызвал великана и велел ему поймать тигра. Сказано — сделано. В тот же час тигр явился к царю. Как увидел царь, что тигр идет к нему, поджав хвост, удивился больше прежнего, богато наградил Заморыша и назначил его своим главным советником.

Стал Заморыш советником и говорит царю:

— Надо распустить войско. На что оно, раз тебе служу я?

Сперва царь его не послушался. А потом взял да и распустил всех своих воинов, оставил только самую малость.

Узнал неприятель, что войско у царя распущено, обрадовался и стал грозить ему войной. Народ всполошился. Войска-то нет — как воевать? Воины, какие остались, заняты по селам и городам. Послал царь за Заморышем и спрашивает:

— Воевать-то как будем?

А тот говорит:

— Не беспокойся, махарадж. Завтра я сам пойду на врага. Увидишь — все его войско вмиг разбежится.

Не поверил ему царь. Ругал его про себя на чем свет стоит. Да только что сделано, того не воротишь.

На другой день поутру Заморыш подпалил волос. Великан сразу пришел. Заморыш ему все рассказал и просит:

— Придумай, как прогнать вражье войско, а вражеского царя в плен взять.

Великан дал ему горстку чечевицы:

— Иди на войну. Как подойдет вражеское войско поближе, брось в его сторону эту чечевицу. Об остальном я сам позабочусь.

Пошел Заморыш воевать. Царь, полумертвый от страха, поставил ему на лоб тилак* и отпустил его. Увидел вражеский царь, что навстречу его войску вышел всего один человек, и не мог надивиться. Велел он своим воинам схватить этого наглеца.

Вот подошло войско поближе к Заморышу — он и бросил навстречу ему чечевичные зерна. Сразу глаза у воинов застлало

тьмой — никому ничего не видать. Начали они драться и порубили друг друга. Кто уцелел — те разбежались. А Заморыш взял в плен вражеского царя, заковал его в цепи и привел в город. Царь наградил его больше прежнего и посадил на царство в неприятельских землях.

ТРИ ЦАРЕВИЧА

Индийская сказка

В давние времена жил царь. Было у него три сына, один другого лучше: и храбрые, и умные, и рассудительные. Когда царь состарился, решил он покинуть свое царство и остаток дней прожить отшельником в святой обители. Стал царь думать, кого же из сыновей посадить на престол. Думал, думал, да так не смог выбрать: все трое одинаково хороши и достойны царского трона.

Тогда царь собрал советников и поделился с ними своей заботой.

— Вам хорошо известно, как счастливо живут подданные в моем царстве,— сказал он.— Я решил удалиться от государственных дел, но не могу решить, кого из трех сыновей посадить на царство, кто из них будет так же заботиться о народе, как я. Вот вам мой приказ: устройте царевичам испытание и после скажите мне, кого из них вы хотите видеть на моем месте.

Долго думали придворные советники и вельможи и наконец нашли способ испытать царевичей. Дали они царским сыновьям денег, каждому поровну, и велели отправиться на чужбину. Кто сумеет лучше всех распорядиться своими деньгами, тому и быть на отцовском престоле. Царь согласился с таким решением.

И вот через несколько дней царевичи пустились в дальний путь. Сели они на корабль и поплыли в море. Долго они плыли, а когда завидели землю, сошли на берег. Здесь царевичи разошлись в разные стороны и условились ровно через год встретиться на этом же месте.

Два старших брата вздумали заняться торговлей, чтобы добыть побольше богатства, и ушли каждый своим путем искать удачи. А меньшой царевич не знал, за что ему взяться,— вот он и пошел потихоньку вдоль берега. Шел он долго, по сторонам поглядывал, а потом стало ему грустно. Сел царевич на камень, вспомнил о родительском доме и пригорюнился. Вдруг перед ним предстал старец в одежде отшельника.

— Откуда ты пришел, юноша, и куда путь держишь? — спросил он.

Царевич поведал старцу, что привело его в эти края. Отшельник выслушал его и сказал:

— Знаю я, сынок, для тебя одно дело. Но не всякому оно придется по душе. Возьмется за него только тот, кто не жаден к деньгам. Если ты не погонишься за корыстью, то после получишь все, что захочешь.

— Я сделаю так, как ты скажешь,— ответил царевич.

— Хорошо. Тогда купи на все свои деньги зерна и вели ссыпать его в кучу на берегу. Потом каждый день утром и вечером бери по мешку зерна из этой кучи и высыпай в море. Если зерно у тебя кончится, все равно отсюда не уходи!

Сказал так старец и вмиг исчез. Послушался царевич его совета, купил на все деньги зерна, велел ссыпать его в кучу на берегу моря, а рядом разбил свой шатер. Каждый день он бросал в воду по два мешка зерна, да еще горсть зерна брал себе на еду — и куча становилась все меньше и меньше. И вот настал день, когда все зерно кончилось, а у царевича не осталось и медяка, чтобы купить горсть зерна и утолить голод.

Сел царевич на берегу и загоревал: «Увы мне, неразумному! Видно, в несчастливый час оставил я дом. Поверил я обманщику и напрасно потерял свои деньги. Не суждено мне быть царем, если я даже о своем собственном благе не могу позаботиться». И решил он, что больше незачем оставаться ему на этом месте. Пошел царевич в свой шатер и лег спать, чтобы наутро отправиться в обратный путь.

В тот день морские рыбы напрасно ждали привычного корма. Ведь уже долгое время — с тех самых пор, когда царевич начал бросать зерно в воду,— стаи рыб со всего моря кормились у этого берега. Вслед за своими подданными приплыл в эти места и сам владыка рыб. Но на этот раз впервые за много дней рыбы не получили зерна. Тогда рыбий царь стал спрашивать своих приближенных:

— Что случилось? Нас вкусно кормили целых полгода. Почему же сегодня все вдруг кончилось? Не повинны ли в этом мы сами? Скажите мне, вознагражден ли за свою щедрость тот, кто так долго кормил нас? Получил ли он от нас что-нибудь в дар?

— Нет, повелитель! — в один голос воскликнули приближенные.— Мы ничем не отдарили его!

— Теперь я понимаю, в чем дело,— сказал повелитель рыб.— Мы оказались неблагодарными и поплатились за это. Надо исправить нашу ошибку. Вот вам мой приказ: пусть все мои подданные разыщут на дне морском по драгоценной жемчужине и к утру принесут их нашему доброму покровителю.

Всю ночь по приказу своего владыки рыбы выносили из моря жемчужины и складывали их возле шатра царевича. Всю ночь волновалось море от несметного числа рыб, приплывающих с жемчужинами. Под утро проснулся царевич от плеска волн и увидел, что рядом с шатром выросла целая груда прекрасных жемчужин. Понял он, чем заслужил такое богатство, и подумал: «На-

прасно я сетовал на свои несчастья. Останусь-ка я на этом месте и буду ждать, пока не придет срок встречи с братьями».

Часть жемчужин он продал и на вырученные деньги купил зерна. Теперь морские рыбы стали получать корма еще больше, чем прежде. Затем царевич накупил кизяков и в каждую кизячную лепешку спрятал по жемчужине.

Год прошел, и вернулись старшие братья. Один из них весь этот год торговал тканями и нажил много всякого добра. Другой держал бакалейную лавку и сколотил немалые деньги. Узнали они, что у младшего брата нет ничего, кроме большой кучи кизяков, и подняли его на смех.

— Ну и глупец же ты! — говорят.— И того не сберег, что тебе дали! Велико ли богатство эти твои кизяки?

Собрались царевичи в дорогу, погрузили на корабль каждый свое имущество и поплыли домой. Старшие братья не переставали смеяться над младшим, глядя, как он перетаскивал на корабль свои кизяки и берег их. В пути на корабле кончились дрова и не на чем стало готовить пищу. Тут братья с насмешкой попросили младшего поделиться с ними своими богатствами. Младший царевич ничего не сказал и дал кизячных лепешек для топлива, только сперва вынул потихоньку из них жемчужины.

Дома царевичей встретили с почетом. Привели их во дворец, и начали братья рассказывать, как жили на чужбине и как старались с пользой употребить свои деньги. Показали старшие братья накопленное добро, подсчитали сановники и вельможи привезенные ими богатства. Дошла очередь до младшего брата. Когда слуги внесли в зал огромную кучу кизячных лепешек, придворные стали исподтишка пересмеиваться.

— Легко хвалить то, что красиво с виду и слепит глаза блеском,— сказал тогда младший царевич.— Однако на свете есть много такого, что не привлекает взор, но таит в себе неисчислимые ценности.

С этими словами царевич стал разламывать кизяки и вынимать из них жемчужины. В изумлении смотрели придворные, как растет перед царем груда отборных жемчужин, и долго еще они не могли опомниться.

Рассказал царевич, как он сумел добыть такое сокровище, и всем стало ясно, что младший царевич не только умен, но и бескорыстен.

— Вах! Вах! — одобрительно зашумели вельможи.— Вот кому быть нашим новым царем!

Через несколько дней младшего царевича торжественно возвели на престол. На братьев он не был в обиде, назначил их на высокие должности, и с тех пор все в его государстве жили в мире, веселье и счастье.

ИСПЫТАНИЕ УМА

Индийская сказка

Жил-был царь, и был у него сын. Пришла пора царю умирать. Лежит он на смертном одре, а вокруг собрались придворные. Подозвал тут к себе царь сына, взял его руку, вложил ее в руку своего старого советника и говорит:

— Сынок! Делай все, как он скажет.

Потом царь велел советнику пообещать, что тот будет оберегать его сына, и вскоре тихо отошел. Все царство по нему горевало и плакало.

Шли дни. Сына царя возвели на престол, и старый советник, исполняя свое обещание, преданно служил ему. Молодой царь высоко чтил советника и все делал так, как тот скажет.

Видят другие придворные, в каком почете советник, и лишились покоя — зависть их замучила. Они только и думали, как бы его очернить. То и дело случалось царю слышать о советнике недобрые речи. Все наперебой твердили ему, что надо заменить старика кем-нибудь помоложе. Но царь к таким речам не прислушивался, а старый советник изо всех сил старался, чтобы дела в государстве шли хорошо и подданным не на что было жаловаться.

Недаром говорится, однако, что капля камень точит. Царю надоело каждый день слушать одно и то же, и он надумал испытать своих приближенных. Он призвал к себе старого советника, потолковал с ним с глазу на глаз, а потом объявил всенародно, что советник идет на покой и будет получать от казны содержание, а на его место назначен другой — из молодых.

Прошло несколько месяцев. Никто не жаловался. Дела шли своим чередом. Сначала придворные держали ухо востро, а теперь увидали, что царь доволен новым советником, и успокоились, даже своевольничать стали. Казалось, царь ни о чем об этом не ведает, а на самом деле он все примечал. Его тайные соглядатаи доносили ему обо всем, что говорилось в народе, и он хорошо знал, в каком небреженье дела государственные и как своевольничают новый советник и другие придворные.

Однажды царь отправился поохотиться. С ним были ловчие и собаки. Вечером на обратном пути он остановился на отдых в своем загородном саду. Позвал он садовника, показал на одну из собак и говорит:

— Я оставлю ее у тебя. Смотри за ней хорошенько. Когда она мне понадобится, я дам тебе знать.

Садовник с поклоном принял собаку, а царь поехал к себе во дворец.

Через сколько-то дней собрал царь свой двор. Среди прочих дел вспомнил он и о собаке.

— Когда я был на охоте, я оставил у садовника свою собаку,—

сказал он новому советнику.— Поезжай, посмотри, как она там.

Советник сел на коня и поехал в сад. Приезжает туда и спрашивает садовника:

— Ну, как тут живет царская собака?

— Хорошо, господин. Щенков принесла.

Вернулся советник во дворец и доложил царю все, что узнал про собаку. Царь обрадовался и спрашивает:

— А сколько щенков?

— Этого он мне не сказал, махарадж!

Тогда царь милостиво говорит:

— Затруднись уж еще — поезжай опять и спроси.

Советник помчался обратно. Подъехал к саду, зовет садовника, спрашивает:

— Сколько щенят принесла собака?

— Пять,— отвечает садовник.

Прискакал советник во дворец и докладывает. А царь спрашивает:

— Сколько кобельков, сколько самочек?

— Этого он не сказал, махарадж.

Царь еще милостивей говорит:

— Очень я тебя затрудняю сегодня, а все-таки послужи мне еще: съезди и спроси, сколько она принесла кобельков и сколько самочек.

Бедный советник снова отправился к садовнику.

— Трех кобельков и двух самочек,— говорит ему садовник.

Приехал советник ко двору, доложил об этом царю. Царь обрадовался, спрашивает:

— А не скажешь ли ты, сколько щенков обещает стать хорошими охотничьими собаками?

— Я этого не знаю, махарадж,— отвечает советник.

Царь опять милостиво попросил его съездить и узнать. Что было делать советнику? Поехал он снова к садовнику и задал ему вопрос царя.

— Господин, два кобелька и одна самочка будут очень хороши для охоты,— отвечает садовник.— Это собаки отменные. А прочие — те похуже.

Советник вернулся во дворец, доложил и об этом. Царь очень обрадовался:

— Выходит, прибавилось у меня три собаки! Только хорошо ли их кормят? Ты не знаешь, что им дают?

Советник сказал, что не знает. Тогда царь еще ласковей просит:

— Поезжай-ка опять — спроси, чем их кормят. А то как бы не выросли слабыми от недокорма.

Несчастный советник снова потащился к садовнику. Тот его успокоил — сказал, что кормят щенков как положено. Советник вернулся и доложил об этом царю.

— Видно, садовник — человек понимающий. Он их кормит как надо,— говорит царь.— Ты бы меня очень обрадовал, если бы сказал мне еще кое-что: нет ли среди хороших щенков хоть одного бурой масти. Я очень люблю эту масть.

Пришлось советнику ехать обратно. Он уж устал скакать взад да вперед, а делать нечего. Вот узнал он у садовника, что нет ни одного щенка бурой масти, приехал и доложил про это царю.

Царь огорчился и спрашивает:

— А какой же они масти?

Советник опять не смог ответить.

Тогда царь сказал:

— Я хочу знать, какой масти каждый щенок и найдется ли среди них хоть один, чтобы мне пришелся по вкусу.

Советник собрал последние силы, съездил в сад еще раз и доложил царю, какой масти щенки. Царь поблагодарил советника и даже прощенья у него попросил за беспокойство.

Прошло еще сколько-то времени. Царь вспомнил о старом советнике и велел призвать его ко двору. Тот сразу явился. Царь его приветливо принял и начал расспрашивать. За разговором царь вдруг молвил:

— Раз уж вы пришли, сделайте для меня одно дело.

— Почту за счастье вам услужить.

— Дело пустячное. В загородном саду у меня осталась собака. Хорошо бы вам туда съездить и разузнать про нее.

Советник тут же отправился в сад. Приехал и просит садовника показать ему собаку. Садовник с почтением отвел его туда, где находилась собака. Старый советник осмотрел собаку и щенков, заглянул в миску с кормом и все, что увидел, для памяти себе записал. Потом поехал обратно ко двору.

Приехал он — царь у него спрашивает:

— Ну, как там собака?

— Все хорошо, махарадж. Она щенков принесла.

— Вы не скажете, сколько щенков?

— Пять, махарадж.

— А сколько кобельков и сколько самочек?

— Три кобелька, махарадж, и две самочки.

Царь спросил, как кормят щенков, какой они масти и охотничьей стати. И на каждый вопрос советник отвечал не задумываясь. Разузнал царь все, что хотел, про собаку, начал спрашивать про сад и садовника. Старый советник рассказал и об этом. Тогда царь повернулся к придворным и говорит:

— Вы меня уговаривали отослать на покой старого советника, а на его место взять молодого. Теперь сами смотрите, от кого из них больше проку.

Придворные только головы опустили. Царь тут же повелел, чтобы старый советник вернулся на свою должность. С той поры старый советник по-прежнему правил делами.

ГЛУПЫЙ БРАХМАН

Индийская сказка

У одного брахмана была сварливая жена. Когда ни глянь, она вечно с кем-нибудь скандалит. Правда, с делами в доме она управлялась неплохо. Сам брахман был большой бездельник, а к тому же любил вкусно поесть.

Как-то раз вернулся брахман домой и видит: сидит жена и зерно перебирает да очищает. Рассердился он:

— Ты что же это сегодня так и просидела весь день у корзины с зерном? И даже обеда не приготовила? А я есть хочу до смерти! Ты с каких пор обещаешь сделать для меня сладкие пампушки? Когда я их дождусь?

Жена тоже рассердилась, схватила метлу и замахнулась на брахмана:

— Да, как же, сейчас стряпать для тебя побегу! Во всем доме даже мышам нечем поживиться, денег — ни ломаного медяка, а тебе сладкие пампушки подавай! Ишь какой важный господин! Убирайся сейчас же, а не то смотри у меня!

Не стерпел брахман ругани, обиделся на жену и решил уйти из дому. Что в такой жизни хорошего? Подумал он так и ушел. Долго он скитался, пока наконец не взял его в ученики один святой отшельник. Стал брахман жить в обители на всем готовом, да к тому же от старца мудрости набирался, наукам разным учился. Но вот однажды вспомнился брахману родной дом. И так ему захотелось обратно вернуться, что взял он под мышку свои книги, схватил посох и, ничего не сказав наставнику, направился к дому.

Только подошел брахман к дому, как еще издали по запаху понял, что жена готовит сладкие пампушки. Притаился он за дверью и стал считать, сколько пампушек жена в кипящее масло бросит. Насчитал двадцать одну. Кончила жена стряпать, стала руки мыть. А брахман ее окликает:

— Жена, ты дома? Я вернулся.

Вошел он в дом, стал жене рассказывать:

— Я много разных наук изучил.

Жена не поверила:

— Какие такие науки ты изучил? Зря не болтай! Ладно уж, не бойся, не трону я тебя. Где ты так долго пропадал?

— Ты, я вижу, по-прежнему не хочешь меня слушать. А я в самом деле многому научился. Вот, к примеру, мне заранее стало известно, что ты сегодня пампушки будешь жарить, и я даже могу сказать, что сделала ты их ровно двадцать одну штуку.

Удивилась жена, а брахман продолжал:

— Это еще пустяк. Ведь я могу сказать, где во всей Индии, кто и когда готовит пампушки.

Услышала жена такое и решила, что и впрямь брахман стал большим мудрецом. С почетом усадила его, подала угощенье, а сама поспешила к соседям рассказать, каким всеведущим вернулся ее муж. Так что если у кого в доме случится кража или корова пропадет, он сразу поможет.

Со всей деревни сбежались люди поглядеть на брахмана. Он тут же смекнул, что это ему на руку. С важным видом раскрыл он книгу из пальмовых листьев и принялся толковать о чем-то, чего люди совсем не поняли. А не поняв, еще больше уверовали в ученость брахмана. Скоро молва о нем пошла и по другим деревням.

Жизнь теперь у брахмана началась беззаботная: слава его кормила. Заговорами он больных лечил, заклинаниями нечистую силу отгонял. Однажды у деревенского дхоби — стиральщика белья Мотии пропал осел. Всю округу исходил Мотия, разыскивая осла, но так и не нашел. Пришел он тогда к брахману:

— Скажи мне, почтенный пандит*, куда подевался мой осел? Пока не скажешь, ни пить, ни есть не буду.

«Проклятый дхоби! — подумал брахман.— Как бы мне с ним не попасть впросак».

— Сейчас мне недосуг,— сказал он.— Когда освобожусь, твоим делом займусь. Совершу обряд в честь богини Бхавани *. Тогда и дам тебе знать. А ты пока здесь у входа посиди. Не вздумай только уйти, а то все испортишь.

— Куда мне идти, почтенный пандит? Вся надежда на тебя осталась.

Брахман пошел к жене:

— Как теперь быть? А ну-ка дай мне мой зонтик!

Подала жена ему зонтик, и брахман прямо в полуденный зной ушел тайком через заднюю дверь. Долго он ходил по полям и лесам, разыскивая осла дхоби, но нигде не нашел. Вернулся расстроенный и вышел к дхоби:

— Вот что я тебе скажу. Богиня Бхавани гневается. Так что пока ко мне не приставай. Иди домой. Завтра твой осел найдется.

Услышал дхоби, что богиня гневается, не посмел спорить и отправился домой. А брахман всю ночь не спал, думал, как ему быть, да на жену злился, которая рядом храпела. Вдруг у дома послышался какой-то шум. Вскочил брахман, растолкал жену:

— Послушай-ка, что там за шум?

— Уж не вор ли? — забеспокоилась жена.

А брахман до смерти боялся воров. Испугался он и решил спрятаться. Жена была не робкого десятка.

— Какой же ты брахман? Ну-ка пойдем! Я светильником посвечу, а ты хватай вора!

От страха у брахмана даже дыхание перехватило, но делать нечего. Пересилил он себя и пошел, громко творя молитву и держась за свой священный шнур. Вышел за дверь, смотрит —

кто-то стоит. Попятился было брахман назад, а жена сзади его толкнула, так что брахман прямо на вора налетел. Ухватился брахман за вора, старается повалить его, а сам едва жив от страха. Подоспела тут жена.

— Э,— говорит,— да это никакой не вор. Это осел, который у дхоби пропал.

Пока брахман с ослом боролся, обвился ему вокруг шеи конец ослиной уздечки. Почудилось перепуганному брахману, что его душат, и завопил он что есть мочи. На крик соседи сбежались. Опамятовался немного брахман. Жена поскорее отвела его в дом, а соседям сказала:

— Пандит всю ночь читал молитвы, чтобы заколдовать осла и сюда привести. Бедняга так умаялся, что без памяти свалился.

Когда соседи ушли, жена привязала осла возле своей двери. Потом стала брахману голову маслом растирать. А ему все еще казалось, что он с вором борется. Еле-еле пришел брахман в себя, потом велел позвать дхоби. Пришел дхоби и обрадовался при виде своего осла.

После этого случая брахман еще больше прославился. Дошли рассказы о нем до ушей самого царя. А в это время у царской дочери пропало драгоценное ожерелье. Искали его, искали, а найти никак не могли. Даже самые знаменитые астрологи* ничем не смогли помочь.

Однажды видит брахман: остановились у его дверей вооруженные солдаты. Отдали они ему почтительный поклон и передали царское повеление немедля пойти во дворец и разыскать ожерелье. Испугался брахман. С розыском осла ему здорово повезло, а на этот раз, пожалуй, несдобровать.

Дрожа от страха, уселся брахман в паланкин, который за ним прислали, и прибыл к царскому двору. Без лишних слов царь велел ему разыскать ожерелье. Найдет брахман вора — получит награду, не найдет — будет заточен в тюрьму.

Похолодел брахман, когда услышал такой приказ. Где уж тут думать о награде, хорошо бы хоть выпутаться из этого дела подобру-поздорову. Собрался он с духом и обратился к царю:

— Ваше величество, дайте мне два дня сроку. Буду я взывать к богине Бхавани. Посмотрим, что она скажет!

Вернулся брахман домой. Стал умолять богиню смилостивиться:

— Спаси меня, владычица мира! На тебя одну вся надежда. Отврати страшную беду, Бхавани!

А в это время мимо проходила царская служанка, садовница Бхавани. Услышала она свое имя вместе с последними словами брахмана и остановилась как вкопанная. Потом побежала к брахману, кинулась ему в ноги и запричитала:

— Пощади! Пощади меня, почтенный пандит! Это я украла ожерелье царевны!

У брахмана сразу отлегло от сердца. Напустил он на себя важный вид и сказал:

— А чем же я могу тебе помочь? Царь велел мне непременно разыскать ожерелье.

— Сжалься, почтенный пандит! Верну я ожерелье! Куда скажешь, туда и принесу. Только спаси меня, не губи!

— Ладно,— ответил брахман.— Положи ожерелье в горшок и брось его в пруд в царском саду.

Садовница Бхавани так и сделала. На другой день встал брахман, умастил себя благовониями, отпечатал на всем теле сандаловым порошком имя бога Рамы* и нарисовал на лбу трезубец. Потом накинул на плечи накидку, на которой тоже всюду красовалось имя Рамы, велел нести за собой целую кипу книг и направился во дворец. Сел он там на виду у всех и целый день с ученым видом читал что-то по своим книгам. Наконец с важностью изрек:

— Ну вот, знаю я теперь, где ожерелье. Ищите в царском саду, на дне пруда.

Царь тотчас послал к пруду ныряльщиков. Скоро они вытащили из тины горшок и увидели в нем ожерелье. А царь назначил брахмана придворным мудрецом и одарил несметными богатствами.

СЫН ПАНДИТА

Индийская сказка

При дворе царя Прадипа — правителя Кошалы* — поэты и пандиты пользовались большим почетом. Был среди них один пандит по имени Видьядхар*. Отец Видьядхара, дед и прадед его были придворными поэтами. После смерти отца Видьядхар занял его место. Но от своего мудрого отца он перенял всего несколько стихов. Быть сыном пандита еще не значит самому быть ученым.

Только невежество Видьядхара вскоре открылось. Другие придворные пандиты поняли, чего он стоит, и порешили между собой вывести его на чистую воду.

И вот однажды, когда царь сидел один, они пришли к нему и сказали:

— Махарадж! Этот человек — круглый дурак, хоть и зовут его Видьядхар. Учености-то в нем ни на грош! Ты позоришь себя тем, что держишь его при дворе. Испытай его.

Царь удивился. Отец Видьядхара был знаменитым ученым. Сын тоже держал себя как истинный пандит: стоило только взглянуть на его высокий лоб, посыпанный золой, на его четки, с которыми он никогда не расставался.

И вот царь Прадип на одном из придворных собраний спросил Видьядхара:

— Видьядхар-пандит! Я видел людей, которые ловили черепах. Но я никак не мог понять, зачем они их ловят. Не знаешь ли ты?

Видьядхар, недолго думая, брякнул:

— Махарадж! Дело в том, что у черепах очень вкусное и целебное молоко. А из черепашьей шерсти делают кашмирские шали.

Услыхал такой ответ царь и расхохотался, а за ним и весь двор покатился со смеху. Видит царь, и впрямь Видьядхар — круглый дурак. Но шутки ради он задал ему еще один вопрос:

— Сын пандита! Куда денутся рыбы, если пруд загорится?

Видьядхар ответил:

— Полезут на деревья, махарадж!

— Да как же они полезут? — спросил царь, изо всех сил стараясь сдержать смех.

— Как полезут? — удивился Видьядхар.— Как коровы!

Царь подавил улыбку и сказал:

— Место, которое мы предоставили Видьядхару при нашем дворе, пусть за ним остается. Отныне мы назначаем его главным шутом, а звать его будем Сын Пандита.

БОЛТЛИВАЯ ПТИЧКА

Тайская сказка

Жила одна маленькая птичка с громким голосом. Ее называли «Это мое», потому что, пролетая над полями и реками, она всегда кричала:

— Это мое, это мое!

Однажды птичка нашла дерево, покрытое спелыми и созревающими плодами. Их было так много, что она не смогла бы склевать их и за год. Около дерева не было ни одной птицы.

Птичка пришла в восторг от такой находки и опустилась на дерево. Она прыгала по ветвям, клевала то здесь, то там и скоро насытилась. Но она очень боялась, что и другие птицы найдут это дерево и захотят полакомиться вкусными плодами. И она пронзительно закричала:

— Это мое, это мое, это мое!

Она кричала так громко, что все птицы услышали ее и слетелись посмотреть, что случилось. Тут они увидели прекрасные, сочные плоды, тотчас склевали их и улетели.

А бедная маленькая птичка все бегала вокруг своего дерева и кричала:

— Это мое, это мое!

МАНОРА

Тайская сказка

В незапамятные времена была в предгорьях Гималаев чудесная страна. В этой стране жили диковинные существа — кейннары*, полуптицы-полулюди. Король правил в прекрасном городе Суваннакон — Золотом граде, и было у него семь дочерей-принцесс, одна другой красивее, но всех затмила красотою меньшая дочь, по имени Манора. Каждый месяц в полнолуние семеро сестер летели со своими подругами к далекому лесному озеру. Там они сбрасывали перья и превращались в прекрасных девушек. Всю ночь резвились они на берегу, купались в прозрачной воде, танцевали. И никому из людей не доводилось увидеть волшебного хоровода кейннар.

А то лесное озеро раскинулось в стране Понкала, где правил могущественный король и жил искусный охотник Бун, понимавший язык птиц и зверей.

В тот самый год, месяц и день, когда в Суваннаконе у короля кейннар родилась седьмая дочь — Манора, в королевском дворце Понкалы появился на свет мальчик; то был принц, которому дали имя Сутон. Когда Сутон подрос, он полюбил бродить по лесу и часто приходил на берег далекого озера с прозрачною водою. Он подружился со старым и мудрым охотником Буном, и тот учил юношу языку лесных обитателей.

Как-то раз Сутон заблудился в лесу, устал и решил заночевать на берегу лесного озера. Он взобрался на старое дерево и уснул. Разбудило его нежное пение девичьих голосов. Сутон раздвинул ветки и увидел, что у самой воды лежат сверкающие перья, а на берегу танцуют прекрасные девушки. Все ослепительно красивы, но одна из них не знает себе равных. Принц глядел на нее затаив дыхание и не мог отвести глаз. Но вот начало светать. Танцовщицы накинули себе на плечи разноцветные перья, расправили крылья и взмыли в небо. Принц протер глаза — никого вокруг уже не было.

Воротившись в столицу, Сутон поведал о виденном своему другу — охотнику Буну.

— Я хочу поймать принцессу и привести ее во дворец,— решил Сутон.

Тут охотник стал отговаривать принца: кейннары — не люди, они привыкли жить в своей стране, принцесса погибнет в Понкале, среди людей. Но принц Сутон и слышать ничего не хотел, все его мысли были о Маноре.

В ближайшую ночь полнолуния он велел охотнику взять покрепче веревку и следовать за ним к лесному озеру. Оба спрятались в кустах на берегу и стали ждать. В полночь раздался шум крыльев, и стая диковинных птиц опустилась на берег. Они быстро скинули блестящие перья и принялись танцевать на песке.

Ярко светила луна, и Сутон во все глаза глядел на Манору. Когда, танцуя, она приблизилась к нему, он накинул ей на плечи петлю из прочной охотничьей веревки. Закричала тут Манора, забилась, но Сутон крепко затянул узел. Испугались сестры и подруги Маноры, быстро подхватили свои перья и поднялись над озером.

— Скорее летите домой! — только и успела крикнуть им Манора.

Сутон взял свою добычу на руки, велел Буну собрать драгоценное оперение принцессы, и все двинулись в столицу королевства Понкалы.

Сильно горевала Манора, плакала и страдала, вспоминая сестер и родной город Суваннакон. Принц Сутон нежно утешал ее и клялся в своей любви. Скоро печаль ее прошла, принцесса успокоилась и полюбила своего похитителя. Король-отец дал согласие на свадьбу сына с красавицей Манорой, и был в столице устроен большой праздник.

Но недолго длилось счастье влюбленных. Соседний правитель пошел войною на Понкалу. Принц Сутон во главе большого войска выступил в поход на врага. И пришлось ему расстаться с Манорой. Горьким было прощание. Не хотела отпускать Манора принца на войну, будто предчувствовала беду. А беда себя ждать не заставила.

Во дворце короля Понкалы жил известный астролог: он составлял гороскопы*, предсказывал судьбу и давал советы самому государю. Человек он был злой и хитрый. С первого дня он невзлюбил Манору. А причина тому была такая. Задумал втайне астролог выдать за принца Сутона свою дочь, безобразную горбунью. Да принц-то и внимания не обращал на нее! А уж когда женился на Маноре, и вовсе забыл думать про дочь астролога. Так породниться с королем астрологу не удалось. Вот и решил он отомстить. Лишь часа дожидался.

Вскоре после того, как войско Сутона покинуло столицу, приснился королю дурной сон: будто на город налетели хищные птицы и склевали все зерно в запасах. Король призвал астролога и велел ему объяснить сон. Астролог для виду долго размышлял, а после ответил так:

— Войско наше терпит поражение, а стране грозит несчастье!

— Что же мне делать? Как избавить страну от бед? — спросил король.

— Причина всех несчастий в принцессе Маноре,— ответствовал астролог. Он теперь уж знал, что время для мести настало.— Она не человек, а лесное чудовище. Она несет всем нам гибель. Надо умилостивить небеса. Пусть повелит наш государь разжечь костер и бросить туда Манору. Пепел развеется по всей земле, и с ним уйдут наши невзгоды.

Выслушав речь астролога, король ужаснулся. А королева стала молить астролога изменить свое предсказание. Однако тот

был неумолим: лишь смерть Маноры спасет Понкалу от гибели.

Как ни горевал король, а ослушаться астролога побоялся. Великая печаль овладела тут всею столицею. Лишь сама Манора была спокойна. Она уже знала, как ей поступить.

Наутро разожгли большой костер. Вокруг него поставили стражу. Король и королева смотрели на приготовления с высокой дворцовой стены. Манора поклонилась им и попросила разрешения надеть свои крылья для прощального танца. Накинув драгоценный наряд из перьев, она медленно поплыла вокруг костра. Вот ее танец сделался быстрее, и вдруг, взмахнув крыльями, Манора поднялась в воздух и, сделав прощальный круг над городом, пропала из глаз. Охотник Бун понял, что принцесса полетела в родную страну кейннар.

А к вечеру в столицу возвратился с победою принц Сутон. Узнав о случившемся, он пришел в великий гнев и велел позвать к себе астролога. Тот долго отпирался, но потом признал, что дал ложное объяснение королевскому сну. Принц попросил отца достойно покарать злодея, и коварный предсказатель был изгнан из королевства Понкала. А опечаленный Сутон поклялся, что отправится на поиски утраченной супруги.

— Мой принц,— сказал ему охотник Бун.— Она оставила для вас это золотое кольцо. Но искать ее бесполезно. Никто из людей не проникал еще в страну кейннар.

— Все равно я отыщу мою Манору! — воскликнул Сутон.— Пусть даже мне придется дойти до неба!

— Ступайте, мой принц! И возьмите в провожатые обезьяну! Она знает все пути. А по дороге ешьте лишь то, что станет есть она! — Таков был наказ мудрого охотника Буна.

В сопровождении обезьяны принц пустился в путь. И шел семь лет, семь месяцев и семь дней. А после вовсе потерял счет времени. Он помнил о совете Буна. Питался тем, что находила обезьяна: орехами, ягодами, кореньями, листьями. И, как она, ловко уклонялся от встреч с дикими зверями и дурными людьми. После тягот пути он вконец обессилел.

Однажды в сумерки усталый принц присел отдохнуть на берегу чистого горного озера. И вдруг его ухо уловило птичий гомон. К берегу спускались девушки-птицы с кувшинами для воды. Сутон укрылся в кустах и слушал их разговор.

— Сегодня наш король примет Манору,— сказала одна.— Обряд очищения длился семь лет, семь месяцев и семь дней.

— Скоро будет последнее омовение,— подтвердила другая,— оно избавит принцессу даже от воспоминаний о жизни среди людей!

Девушки-птицы наполнили свои кувшины светлой и прохладной водою из горного озера. Тут Сутон осторожно раздвинул кусты и незаметно бросил кольцо Маноры в один из кувшинов.

Когда прислужницы в последний раз окропили прекрасную Манору и опорожнили последний кувшин, из него вдруг выпало кольцо, принцесса схватила его и сжала в руке: она поняла, что ее любимый муж недалеко.

Потом ее нарядили в новое убранство из сверкающих перьев павлина, украсили драгоценными камнями и повели в королевский дворец кейннар. Здесь Манора в окружении своих сестер предстала перед отцом и матерью.

— Расскажи нам, о дочь, как тебя похитили и что приключилось с тобою в стране людей,— проговорил король.

И Манора поведала обо всех своих приключениях в Понкале. А под конец сказала:

— Принц Сутон, мой супруг, очень добр и нежен. Он любит меня и всегда будет мне предан.

— Ну, если он такой хороший и преданный муж, отчего же он не последовал за тобою в наш горный дворец? — спросил король кейннар.

И все придворные согласно закивали головами.

— А ты, отец, позволил бы мне вновь соединиться с ним?

— Конечно, коли вы так любите друг друга...

— Принц Сутон совсем близко! — воскликнула Манора.— Он сейчас у горного озера. Пусть приведут его!

Придворные кейннары отправились на берег озера и отыскали Сутона. Войдя в королевские покои, он преклонил колени в знак почтения к правителю кейннар.

— Я слышал, что ты добр и благороден,— сказал король.— Ты любишь мою дочь Манору и верен ей. И я приму тебя, как сына, если ты узнаешь свою жену среди ее сестер.

Принц поднял глаза и обомлел: в танце перед ним закружились семь красавиц, семь принцесс в птичьем оперении; в их уборах сверкали драгоценные камни, а наряды переливались всеми цветами радуги. И все семь показались ему похожими, как жемчужины в короне правителя кейннар. Танец сестер был стремителен, они в лад взмахивали яркими крыльями, закрывая при этом свои лица, и принц Сутон не мог узнать черты любимой жены.

Отчаяние на миг овладело им. Но тут будто молния сверкнула в темноте — это ярким светом зажглось кольцо на пальце у Маноры. Принц узнал кольцо и протянул к Маноре руки. Король сделал знак — танец кончился. И все радостно заулыбались.

Семь дней и ночей длился праздник в горном дворце кейннар. А потом Сутон и Манора возвратились в Понкалу. Вскоре принц сделался королем. Он правил долго и справедливо. А кейннары, полуптицы-полулюди, жили при нем мирно и счастливо.

ЖАДНЫЙ МОНАХ

Тайская сказка

Во дворе одного монастыря росло большое дерево. Плоды на дереве созрели и начали уже подгнивать, но настоятель монастыря никому не разрешал срывать их. Он был очень жадным и заботился только о себе.

Тогда двое крестьян решили обмануть жадного монаха и нарвать плодов с его дерева. Один из них пришел к настоятелю и попросил разрешения сорвать несколько плодов.

— Нет,— грубо ответил монах,— плоды нужны мне самому.

— Вы меня не так поняли,— сказал крестьянин,— я пришел пригласить вас отведать моего кэнга* из оленины. А плоды нужны мне для соуса.

— Что ж ты не сказал об этом раньше! — воскликнул настоятель.— Бери сколько хочешь.

Крестьянин наполнил спелыми плодами мешок и ушел, пообещав прийти за монахом вечером.

Вскоре в монастырь пришел второй крестьянин и также попросил разрешения сорвать несколько плодов. Получив отказ, он пригласил настоятеля отведать вечером кэнга из курицы. Обрадованный настоятель разрешил и ему нарвать сколько угодно спелых плодов. Крестьянин наполнил плодами большую корзину и ушел.

Вечером оба крестьянина позвали настоятеля. Он вышел из монастыря и пошел с ними по тропинке, ведущей к деревне. Дойдя до перекрестка, один из крестьян сказал:

— Пойдемте сначала ко мне, мой дом находится правее этой дороги.

— Нет,— возразил другой,— сначала пойдемте ко мне! Моя семья уже села ужинать.

Они начали спорить, а затем схватили настоятеля за руки и стали тянуть в разные стороны. Крестьяне ругались и дергали жадного монаха до тех пор, пока он не взмолился:

— Оставьте меня в покое! Я не хочу ни кэнга из оленины, ни кэнга из курицы. Только отпустите меня!

Крестьяне вернулись в деревню и долго смеялись над жадным монахом: ни один из них не готовил никакого кэнга.

МУДРЫЙ КРОЛИК

Бирманская сказка

В давние времена жили брат с сестрой. Когда умерли их родители, они стали делить наследство. У родителей были очень красивые бык и корова. Брат взял себе красавца быка, сестра —

красавицу корову, на том и поладили. Но через некоторое время корова отелилась. Брату очень уж приглянулся этот теленок. Ночью он увел теленка и подсунул его под своего быка: вроде бы это бык отелился. А утром началась ссора. Сестра кричит: «Это мой теленок!» А брат: «Нет, мой!» Наконец решили они пойти к судье. Брат нанял защитником птицу, а сестра обратилась к кролику. Судья назначил их дело на следующий день с утра.

В назначенное время все собрались, только защитник сестры, кролик, что-то запаздывал, и всем пришлось его ждать. Но вот наконец явился и кролик.

— Ты, кролик, не ценишь время, а еще берешься быть защитником! — упрекнул его судья.

— Да что вы, ваша милость,— стал оправдываться кролик.— Я ценю время. Но мне пришлось заняться одним важным делом.

— Неужто оно было важнее этого? — спросил судья.

— Да, господин,— отвечал кролик.— Загорелась земля, а мне стало жаль ее обитателей, вот я и бегал к океану, таскал корзиной воду, чтобы погасить пожар. Потому и опоздал.

Судья расхохотался.

— Если бы загорелась земля, так, наверное, и мы бы здесь знали, а? И потом — как это можно таскать воду в корзине? Сдается мне, что ты, кролик, совсем рехнулся, вот и несешь какую-то околесицу!

Тогда кролик сказал:

— Если уж это околесица, то сегодняшнее дело — и подавно: где же это видано, чтобы бык отелился?

— А ты мудрый кролик! — похвалил его судья и тут же решил дело в пользу сестры.

ОТЧЕГО ЦИКАДА ПОТЕРЯЛА СВОИ РОЖКИ

Бирманская сказка

Это случилось давным-давно. Тогда у веселой цикады* еще были рога. Небольшие рога, просто рожки, как у жука-рогача или улитки. А потом она их потеряла. Вот как было дело.

На развесистой смоковнице жили обезьяна и цикада. Однажды в жаркий день обезьяна сидела на толстом суку и лакомилась спелыми смоквами. А цикада лениво ползала по ветвям, искала укромное местечко, чтобы соснуть. Неожиданно подул прохладный ветерок, зашелестел листьями смоковницы. Как приятно стало цикаде! От радости она встрепенулась и застрекотала, да так громко! Обезьяна поперхнулась и выронила из рук смокву.

Смоква полетела с дерева вниз. А под деревом дремал моло-

дой олень. Вдруг что-то ударило его по носу. Не разглядев смоквы, олень вскочил на ноги и понесся прочь. Он мчался не разбирая дороги и не заметил, как ноги его запутались в побегах горной тыквы, что росла на склоне. Олень рванулся изо всех сил, и тут большущая тыква не удержалась на стебле и покатилась вниз под гору.

А внизу-то было кунжутное поле. Тыква шлепнулась прямо на пышный кустик кунжута*, вокруг посыпались спелые зерна. В то время на поле разлегся и заснул старый слон. Заслышав шум, он открыл глаза, и в них набились жесткие зерна кунжута. В глазах закололо, защипало. Слон поднялся и потрусил к пруду промыть глаза. Не видя ничего кругом, он не заметил, как наступил на большого жука-рогача, который мирно полз по своим делам. С разбегу слон плюхнулся в пруд и тут увидел на берегу несчастного жука со сломанными рогами.

В том пруду жила черепаха, была она старая-престарая и славилась своею мудростью. Раненый жук обратился к ней с жалобой на слона.

— Ты почему наступил на жука и сломал ему рога? — спросила слона черепаха.

— О мудрая черепаха, я торопился промыть свои глаза,— объяснил слон,— что-то жесткое и острое попало в них. Я зажмурился и бежал, ничего не видя!

— Что же это попало слону в глаза? — громко спросила черепаха.

— Это мы, кунжутные зерна,— послышался ответ.— На наш куст свалилось что-то большое и тяжелое. Мы не удержались и рассыпались.

— Еще того не легче! — воскликнула черепаха.— Что же это свалилось на кунжутное поле?

— Это я, большая тыква,— ответила тыква и подкатилась к пруду.— Я мирно зрела на солнце. Вдруг кто-то дернул за стебель. Я сорвалась и полетела под гору. Да как шлепнусь на кунжутный куст!

— Ну и дела! — задумалась черепаха.— И кто бы это мог порвать тыквенный стебель?

— Это я, олень. Но я нечаянно,— жалобно заговорил олень.— Мне было очень жарко. Вот я и прилег вздремнуть под старой смоковницей. Только задремал, как вдруг что-то ударило меня по носу. Да так больно! Я и побежал прочь. Да не заметил этой тыквы. Ноги запутались в ее стебле. Я как дерну! Вот тыква и оборвалась.

— Конца этому не будет! — проворчала черепаха.— Что же свалилось с дерево на оленя?

— Это я, смоква,— послышался голос.— Я почти созрела, и меня сорвала обезьяна. Только надкусила, да как вздрогнет! Вот меня и выронила! А я полетела вниз — и прямо оленю на нос!

— Обезьяна, иди-ка сюда,— позвала черепаха.— Ну-ка, расскажи, отчего ты вздрогнула!

— Сейчас все объясню,— хихикнула обезьяна.— Я была очень голодна. Сорвала одну смокву — съела, сорвала другую — съела, сорвала третью...

— Так ты и до завтра не кончишь! — прервала ее черепаха.

— Я сейчас. Так вот, стала я есть третью смокву, а цикада как затрещит! Да еще так громко! Я и перепугалась. Думала, что-то стряслось. Вздрогнула, а смокву-то и уронила!

— Кажется, дело идет к концу! — сказала себе черепаха.— Эй, цикада, где ты там?

— Я здесь,— просвиристела цикада.— Не суди меня строго, о премудрая черепаха! Я так томилась от жары. Не знала, где и спрятаться. И вдруг подул ветерок. Да такой свежий, прохладный. Мне стало так приятно. Я от радости и запела. Уж не думала, что так громко. И чего это обезьяна напугалась — не пойму!

— Выходит, и виноватых нет, все будто правы! — решила старая черепаха.— А все же рога у жука сломаны. Все вы по-своему правы. Но все понемногу и виноваты. А уж цикада больше всех. Из-за нее все случилось. Ты должна и поплатиться. Отдавай свои рожки жуку вместо сломанных.

Всем понравилось решение черепахи: ведь она рассудила по справедливости. А беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рогами, да они ей и ни к чему!

ПРИНЦЕССА-ЛЯГУШКА

Монская (Бирма) сказка

В давние времена в одной стране было у старика со старухой семеро детей. Шесть дочерей, а самая младшая, седьмая, была лягушонком. Родители поместили ее в большой чан и смотрели за ней, как и за другими дочерьми. И лягушка научилась говорить по-человечески.

Как-то раз король той страны устроил в своем дворце смотрины невест. Сын его, принц, уже достиг зрелого возраста, и пора было искать ему невесту. По обычаю, все девушки страны в течение двух дней приходили во дворец. Если какая-нибудь из них понравится принцу, он возьмет ее себе в жены.

По всей стране ходили глашатаи, били в гонг и объявляли, когда состоятся смотрины. И вот настал день, о котором кричали глашатаи, и все девушки страны стали стекаться в королевский дворец.

Шесть дочерей тоже приготовились идти на смотрины невест. Младшая сестра, лягушка, стала упрашивать их:

— Сестрицы, можно и мне с вами?

Но сестры и слушать ее не хотели.

— Это ведь только опозорит нас,— возмутились они,— если с нами будет сестра-лягушка! Еще станут нас дразнить: «Лягушачья семейка!» Да и вообще, не лягушачье это дело — на королевские смотрины ходить!

Каждой из сестер, конечно, очень хотелось, чтобы принц выбрал именно ее. Они надели все самое лучшее, что у них было, и отправились во дворец.

Когда сестры ушли, лягушка выпрыгнула из чана и путями, неведомыми людям, поспешила во дворец. По дороге она свернула в заросли густого бамбука и там сбросила лягушачью кожу. В тот же миг она обратилась в прекрасную девушку, равную по красоте натами*. И вот в облике красавицы младшая сестра отправилась во дворец.

Когда принц, наследник короля, увидел входящую во дворец прекрасную девушку, красивее которой никого вокруг не было, он сразу же полюбил ее и решил назвать своей невестой. Но он сдержал себя, как подобает принцу, и не стал сразу же узнавать, кто она родом и откуда. Он решил, что сделает это позже.

Так в первый день смотрин принц еще не объявил о своем выборе. Всех девушек он принял, как дорогих гостей, угостил вкусными яствами — на этом и кончился первый день церемонии.

А лягушка после пира незаметно исчезла и снова лесными тропками, неведомыми людям, пустилась в обратный путь. Она вновь пришла к тем зарослям бамбука, где оставила свою лягушачью кожу, надела ее и опять превратилась в лягушку. Шесть ее сестер еще не успели вернуться, а она уже сидела в своем чане.

А у принца на следующий день продолжались смотрины невест со всей страны. Шесть сестер снова собрались идти во дворец попытать счастья. Младшая сестра-лягушка снова попросила взять ее с собой, но и на этот раз сестры не позволили ей идти с ними.

Как только сестры ушли, лягушка не мешкая выпрыгнула из своего чана и лесными тропками, неведомыми людям, поскакала в королевский дворец. Так же как и в прошлый раз, она оставила свою лягушачью кожу в зарослях бамбука, приняла вид прекрасной натами и вошла во дворец.

Теперь, когда наследник снова увидел эту красавицу, он твердо решил дознаться, кто она.

Второй день выбора невест подошел к концу, а королевский сын так и не объявил, которую из девушек он хочет взять себе в жены. Девушки одна за другой стали расходиться. Красавица лягушка тоже поспешила в обратный путь. Тайными лесными тропками, неведомыми людям, проникла она в заросли бамбука, нашла свою лягушачью кожу, надела ее — и вновь стала лягушкой. Когда сестры вернулись домой, лягушка уже сидела в своем чане.

Она думала, что никто не видел, как она пробиралась неведомыми тропками через лес. Но это было не так: один человек видел все, что она делала, от начала и до конца. И этим человеком был сам принц, королевский наследник. Он тайно следовал за красавицей с того самого времени, как она покинула дворец, и видел все — даже то, как она прыгнула в свой чан. Теперь он разузнал все и понял, что красавица-то — лягушка.

Через неделю к дому, где жили старик со старухой и семь их дочерей, прибыли королевские советники и министры, а позади слуги несли королевский паланкин. Сердца шести дочерей забились: которую же из них выбрал наследник? Но советники не обратили внимания ни на одну из дочерей. Они взяли чан с лягушкой, поместили его в паланкин и отбыли.

Все люди в стране удивлялись и смеялись, когда узнали, что на смотринах невест принц не выбрал ни одну́ из девушек, а взял во дворец обыкновенную лягушку, младшую из семи сестер.

Когда насмешки над наследником дошли до ушей короля, ему стало стыдно за своего сына. Он лишил принца звания наследника и изгнал его из дворца.

Принц, как велел королевский указ, покинул дворец и поселился в окрестностях города, где жил тихо и уединенно.

Лягушка же, с тех пор, как ее избрал королевский сын, еще ни разу не показывалась в человеческом облике. Но каждую ночь, когда принц спал, во сне к нему приходила красавица, прекрасная, как натами. Так у принца и лягушки было две жизни: в одной они были существами разных миров, но в другой они, счастливые, любили друг друга.

Но вот принцу стало невмоготу переносить, что только в мире снов он видит свою возлюбленную, а утром, когда просыпается, они снова чужие друг другу. И он стал раздумывать, как бы ему поступить, чтобы красавица всегда была самой собою.

Однажды принц лишь притворился, что уснул, сам же стал подстерегать, когда к нему явится красавица. После полуночи принц увидел красавицу. Видел он и то, как перед тем из чана выпрыгнула лягушка, сбросила с себя лягушачью кожу и превратилась в прекрасную девушку. В тот самый миг, когда он увидел все это, принц вскочил со своей постели, схватил лягушачью кожу и бросил ее в огонь. Теперь красавице нечего было надеть, чтобы снова стать лягушкой.

С тех пор принц стал счастливейшим человеком. Он всегда видел свою возлюбленную в облике красавицы и не знал больше никаких тревог.

Весть об этом удивительном событии дошла и до короля. Король был счастлив. Отныне он снова мог назвать своего сына наследником.

Нет таких слов, чтобы описать, как прекрасна была принцес-

са. До сих пор моны* самую красивую девушку называют «младшенькая»: этим хотят сказать, что девушка прекрасна, как младшая из семи сестер, принцесса-лягушка.

«ОСКАЛИТЬ ЗУБЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ СМЕЯТЬСЯ»

Бирманская сказка

Однажды обезьяна спустилась к берегу реки, чтобы напиться. Вдруг из реки выполз крокодил и схватил обезьяну. От невыносимой боли обезьяна оскалила крепко сжатые зубы. Увидев это, крокодил подумал: «Похоже, что она не только не боится меня, но даже еще и насмехается!»

— Эй, обезьяна — длинный хвост, что это ты смеешься? — спросил он.

— Я потому смеюсь, что ты, крокодил — водяное чудовище, глуп и никогда, видно, не ловил обезьян.

— Почему это ты, уродина-обезьяна, так думаешь про меня?

— А потому, грязный мешок с дырявыми мозгами, что у нас, обезьян, душа находится не в теле, а в хвосте. Когда другие крокодилы ловят обезьян, они всегда хватают сразу за хвост. Ты же, скудоумный червяк, схватил меня поперек туловища, и потому бояться тебя нечего. Вот я и смеюсь,— ответила обезьяна.

Крокодил поверил обезьяне и разжал челюсти, чтобы схватить ее за хвост. Но обезьяна в это время уперлась ногами в нос крокодила и прыгнула на берег. Отбежав на безопасное расстояние, она прокричала:

— Эй ты, кишка пустопорожняя, теперь понял, отчего я смеялась? А я ведь не смеялась, только зубы оскалила от боли. Что ж, оставайся теперь ни с чем, раз у тебя вместо мозгов опилки в голове.— И исчезла в лесу.

С тех пор и говорят: «Оскалить зубы еще не значит смеяться».

«МОЛЧАНИЕ — ТЫСЯЧИ СТОИТ»

Бирманская сказка

В давние времена лев, который был королем трех тысяч лесов, взял себе в жены лису. Вскоре у них родился сын, да такой, что и на лиса не похож, и львом его не назовешь. С виду он был вроде совсем как лев, да только, вместо того чтобы рычать по-львиному, лаял по-лисьи.

Когда сын стал подрастать, отец лев призвал его к себе и сказал:

— Сын мой! Ты велик и силен телом, но от своей матери лисы получил презренный голос. В твоем голосе нет величия, и он не подобает моему царственному отпрыску. Если звери услышат, как ты лаешь по-лисьи, они не станут с тобой считаться. Поэтому уж лучше совсем помалкивай и не подавай голоса. Тогда я смогу даровать тебе тысячу лесов.

Сын запомнил наставления льва. Но однажды вышло так, что он их нарушил.

Как-то, когда собралось много зверей, сыну льва очень захотелось подать голос. Он не выдержал и, забыв наказ отца, звонко залаял по-лисьи.

Среди зверей поднялся смех, когда они услыхали, как тоненько, по-лисьи лает такой большой и сильный зверь. И тогда отец лев сказал ему:

— Если бы ты, сынок, молчал, как я тебе наказывал,— получил бы тысячу лесов. А теперь вижу, что ты не достоин этих лесов, раз не смог унять своей болтливости.

Так вот и не получил сын льва тысячи лесов, а люди с тех пор стали говорить: «Молчание — тысячи стоит».

«КОРОВЫ ВРОЗЬ — ТИГРУ РАДОСТЬ»

Бирманская сказка

В давние времена неподалеку от густого леса паслось стадо коров. Коровы всегда держались все вместе, ни одна от стада далеко не уходила.

А в лесу жил коварный тигр. Очень ему хотелось полакомиться мясом коровы, но стадо было точно каменная скала — тигру и думать было нечего утащить хоть одну.

Тогда тигр решил, что надо как-то разобщить стадо. И вот однажды он подобрался к одной корове и стал нашептывать ей:

— Послушай, круторогая! А знаешь, что вон та, с загнутыми рогами, у которой бока впалые, собралась тебя забодать?

Потом он перешел к другой корове и тоже стал нашептывать ей:

— Эй, длиннохвостая! Ты, я вижу, пасешься как ни в чем не бывало. Или не видишь, как пыжится вон та корова, с прямыми рогами, у которой шерсть лоснится? Это ведь она тебя собирается забодать.

Коровы поверили коварному тигру. Они стали подозревать друг друга, и скоро все перессорились. Они уже не держались все вместе, как раньше, а стали порознь есть, порознь пить. Каждая теперь паслась под своим деревом.

Когда тигр поссорил коров, ему ничего не стоило задрать их одну за другой: и круторогую, и длиннохвостую, и пятнистую, и ту, у которой шерсть лоснилась, и ту, что со впалыми боками. Так и съел он все стадо.

Вот с тех пор и стали говорить: «Коровы врозь — тигру радость».

ЖЕМЧУЖИНКА И ЖАБА

Бирманская сказка

В давние времена жила в одной деревне вдова, у которой было две дочери. Дочерей звали просто — Большая и Маленькая. Они обе были родными вдове, но она любила старшую больше, чем младшую. Сестры Большая и Маленькая были совсем разными. Большая была грубая и злая, да еще и жадная. А Маленькая ко всем относилась с добротою и была кроткого нрава.

Однажды мать послала Маленькую по воду к колодцу, что был неблизко от деревни. Та отправилась не переча. Когда она дошла до колодца и стала набирать воду, вдруг увидела неподалеку нищенку, всю в лохмотьях. А на самом-то деле это была вовсе не нищенка, а натами. Она хотела узнать, добрая ли душа у девочки, и поэтому обратилась к ней, прикинувшись нищенкой:

— Дитя мое, я очень хочу пить! Дай бабушке хотя бы капельку воды.

— Подожди немножко, бабушка,— отозвалась Маленькая.— Я только вытащу ведро.

Девочка набрала воды и напоила старушку нищенку.

— У тебя добрая душа, внучка,— сказала старушка, напившись.— За это бабушка даст тебе подарок. Пусть отныне, когда ты станешь смеяться, из твоего рта будут сыпаться жемчужины!

Сказала это старушка и исчезла. А у Маленькой с тех пор изо рта сыпались жемчужины всякий раз, как она смеялась. За это люди прозвали ее Ма Пале, что значит «жемчужинка».

Старшая сестра, Большая, выспросила у Маленькой, как все было, и ей стало очень завидно. Однажды она сама решила пойти к колодцу по воду. Точно так же, как было с Маленькой, явилась к колодцу натами, чтобы испытать, добрая ли душа у девочки. Она снова прикинулась старой нищенкой и попросила у Большой напиться. Но в душе у старшей сестры не было жалости к людям. Когда нищенка обратилась к ней с просьбой, она лишь обругала старушку:

— Вот еще — буду я всякой нищенке воду подавать! Даже и не подумаю! И близко ко мне не подходи!

— Ты злая и бессердечная девочка! К тому же завистлива — завидуешь своей сестре. Так пусть же всякий раз, как ты смеешься, изо рта у тебя выскакивают жабы!

С тех пор старшей сестре проходу не стало от насмешек односельчан, и называли ее теперь не иначе как Ма Пха-пьоу, что значит «жаба».

КАК ПТИЦЫ ПРИНЕСЛИ КНЯЗЯ

Бирманская сказка

Случилось так, что в городе Кентунг, на севере Бирмы, не оказалось правителя: прежний князь скончался, а наследника не оставил. Городом и всею округою правили вельможи да военачальники — слуги покойного князя; что ни день, они ссорились меж собою, и порядка в стране не стало. Жителям пришлось туго, они роптали и ждали нового князя.

А на юге Бирмы жил в те времена пастух. Был он молод и беден, пас чужих коров, но не горевал. Каждый день пастух приносил с собою на пастбище нехитрую еду в узелке. А когда присаживался поесть, вились вокруг него стаи птиц. Как ни голодно обедал пастух, а съестным с птицами всегда делился: сам, бывало, есть не начнет, но уж каждой птичке покрошит.

Как-то раз попугай*, птица разумная, летал на север и оказался поблизости от дворца в городе Кентунг. Понимая язык людей, узнал попугай, что давно уже ждут князя люди этой страны. Воротился он на юг да и рассказал сотоварищам о том, что слышал. Стали птицы судить да рядить. Тут ворон, птица мудрая, и говорит:

— Пастух наш хороший человек. Сделаем его князем в Кентунге. Станет он всех нас кормить и привечать.

Другие птицы согласились. Полетел ворон к пастуху на луг.

— Пастух, а пастух, хочешь быть князем?

— Отчего же,— пастух ему в ответ,— я не прочь.

— Ну, если так, плети большую корзину. Как сплетешь, залезай в нее да устраивайся поудобнее. А уж мы возьмем тебя и отнесем в город Кентунг.

Так сказал пастуху мудрый ворон и улетел, а юноша сплел большую корзину, влез в нее и улегся на дне. Налетела тут стая разных птиц, подхватила корзину с пастухом, поднялась высоко над пастбищем и полетела к городу Кентунгу. Впереди попугай летит, дорогу показывает. Путь не близкий. Но вот и город Кентунг, где князя ожидают. Попугай кричит пастуху:

— Эй, пастух, опустим тебя прямо в княжеский дворец. Станешь править — не забывай друзей!

Не успел договорить, как вся стая снизилась и бросила корзину на княжеский трон под огромный золотой зонт. Сбежалась свита, окружила корзину. Видят придворные, в корзине человек лежит. Тут все решили, что это и есть долгожданный князь:

К сказке «Золотая рыба».

прямо с неба на трон спустился. Тотчас созвали всех жителей Кентунга и объявили пастуха князем. Устроили пир в честь князя, принесенного птицами.

Хорошо или плохо правил в Кентунге пастух — никто не помнит. Люди жили, как прежде, делами своими занимались, князю просьбами не докучали. Птицам сначала жилось вольготно. Что ни день, их потчевали, кормили вдоволь. Но шло время, и угощение становилось все скуднее. Будто начал забывать про своих друзей князь-пастух. И вот наступил день, когда на их долю не досталось ничего. Скоро стая поредела: кто погиб от голода, кто улетел. Обеспокоились птичьи вожаки и решили: «Князь забыл о нас. Проучим неблагодарного!»

Послали к пастуху хитроумного попугая. Прилетел тот во дворец и говорит:

— О славный князь! Дошло до твоих верных слуг, что по соседству лежит большая страна. Раскинулась она в плодородной долине, много в ней богатых городов и деревень. Но нет в той стране короля. Отнесем тебя в эту страну — станешь не князем, а государем!

Подумал пастух, подумал и решился. Отчего бы ему и впрямь не стать королем? Доля завидная: богатства больше, власти больше, славы больше — чем не жизнь? А уж если правду сказать, то до славы, власти и богатства стал он теперь очень жаден!

Повелел князь достать большую корзину, в которой прилетел он когда-то в город Кентунг, уселся в нее и кликнул птиц. Те дружно взялись и подняли корзину в небо. Полетели птицы на юг. Туда, где нынешний князь пас коров когда-то. Долго летели. А пастух все мечтал, как встретят его королевские придворные, как проводят в роскошные хоромы, как посадят на изумрудный трон под золотой зонт... И тут птицы бросили корзину на землю. Больно ушибся пастух. А как пришел в себя да вылез из корзины, видит — вокруг знакомые места, по широкому лугу бродят коровы, которых он прежде пас, да пастух у них теперь другой. Взглянул в небо: его друзья — птицы улетают прочь. Понял он тут, что наказан за свою жадность и неблагодарность. Понял, да поздно. Делать нечего, пришлось ему наняться в подпаски к новому пастуху. Так-то!

УГОРЬ И РЫБА ТЯЙ

Вьетнамская сказка

Знаете ли вы, отчего глаза угря узенькие, как щелочки, а глаза рыбы Тяй и карася красные? Не знаете? Так послушайте. Рассказала эту удивительную историю тетушка черепаха креветке. А от креветки узнали ее другие обитатели вод. Может быть,

не все здесь точно, да ведь сколько лет прошло?! Никто не припомнит.

Давным-давно всем краем речных порогов Бё правила большая черепаха. Не потому, что она была умнее или сильнее всех, а потому, что были у нее четыре лапы и могла она жить и в воде и на земле. Один раз в год речной народ — креветки, крабы и рыбы — собирался на праздник. В этот день они прыгали через речные пороги Бё, чтобы из самых ловких и сильных выбрать воеводу в помощь большой черепахе. Черепаха забиралась на огромную отвесную скалу и оттуда сама судила состязание. Никто, кроме нее, туда взобраться не мог.

Это было хорошее, доброе время. Все обитатели речных порогов Бё жили в мире и согласии. А самая большая дружба была у рыбы Тяй и угря. Очень жалел угорь своего друга — сироту Тяя. Трудно ему приходилось, а помочь сироте было некому. Рыба Тяй в батраки нанимался, за любую работу брался, чтоб прокормиться. Где уж тут было о нарядах думать. Так бедняга Тяй круглый год и ходил в одной рваной набедренной повязке.

Рядом с беднягой Тяем угорь всегда себя чувствовал неловко в своем красивом наряде с розовой и алой тесьмой. Поэтому, когда случалась в округе свадьба или собиралась ярмарка, угорь уступал своему другу Тяю красивый наряд, чтобы и он мог пощеголять на празднике. Заботясь о друге, угорь советовал ему упражняться у речных порогов Бё,— вдруг он выиграет состязание и станет воеводой у большой черепахи.

Послушался Тяй угря и начал плавать к речным порогам Бё, упражняться в ловкости и прыжках.

Однажды прыгал Тяй через пороги, вдруг видит: в прибрежных камышах чьи-то черные глаза блестят,— кто это за ним подглядывает? Присмотрелся Тяй и узнал красавицу карасиху.

Захотел он перед карасихой своим искусством блеснуть: то он устремлялся вниз к илистому дну, то выскакивал и летел над водой, то скользил по течению, то плыл против течения. Красавица от него глаз не отрывала.

Притомился Тяй. Подплыл он к камышам, где карасиха пряталась, и запел:

Поднимаю глаза к небесам.
Одинока звезда, как я сам.
Изнывает в разлуке, тоске
Серебристая рыбка моя.
Как мила эта робость твоя,
Серебристая рыбка моя...

Взял бы сеть я с грузилами медными,
Вышел к речке с друзьями отменными
И поймал, изловил бы тебя,
Серебристая рыбка моя!

Почувствовал Тяй, что карасихе эта песня пришлась по душе, и запел еще громче:

Но зубов крокодила боюсь,
Да и гнева дракона страшусь,
Серебристая рыбка моя...

Вздохнула карасиха в камышах и говорит:

— Славно ты поешь! Только одного я понять не могу: откуда ты знаешь, что на небесах живет одинокая звезда?

Обрадовался Тяй, что карасиха тайный смысл его песни сразу постигла, и спрашивает:

— Кто это там в камышах? Уж не сестрица ли карасиха?

Карасиха была девица скромная, из камышей выйти не решилась. Лишь пошевелила она розовыми губками и тихонько вымолвила, чтобы только Тяй ее услышал:

— Братец Тяй! Как настанет праздник состязания на речных порогах, оденься понаряднее. Я буду ждать тебя!

— А ты не обманываешь? — откликнулся Тяй.— Ты вправду ждать меня будешь?

Ничего больше не ответила карасиха, вильнула хвостом и ушла в камыши. Закручинился Тяй, стоит на месте, вслед девице смотрит. Вдруг слышит он, издалека ее милый голосок доносится:

Пусть минет три года —
Все буду тебя я ждать.
Пусть минет четыре —
Все стану я тосковать.
Дождемся, милый,
Поры счастливой,—
Я буду ждать!

Услышал эту песенку Тяй, обрадовался, заплескался в реке, а как вспомнил, что карасиха велела ему одеться понаряднее, сразу загрустил. Откуда ему взять красивый наряд! Увидел угорь друга Тяя грустным, встревожился:

— Что с тобой, приятель?

Молчит Тяй, не отвечает.

— Видно, устал ты через речные пороги прыгать?

Покачал Тяй головой, слова не произносит.

— Уж не приглянулась ли тебе какая-нибудь девица? — спрашивает угорь.

Встрепенулся Тяй и отвечает:

— Угадал ты, братец.

И рассказал Тяй угрю, как он с карасихой встретился, как песни пели и что на праздник она его ждать обещала.

— Да вот беда: просила карасиха, чтоб оделся я по-

красивее. Так уж будь другом, братец угорь, сделай милость, дай мне на праздник твой наряд, а через три дня я тебе его возвращу в целости и сохранности.

Подумал угорь, подумал и говорит:

— Ладно, Тяй, бери мой наряд. Как друга не выручить? Только не забудь через три дня вернуть его.

* * *

Три дня веселились Тяй с карасихой. Кто ни посмотрит на них — удивляется: до чего хороша да красива пара.

Прошло три дня. Разошлись по домам все речные обитатели. Настало время Тяю вернуть другу его наряд, но Тяй и думать об этом не хочет. В чем же тогда с карасихой гулять? И решил Тяй присвоить одежду угря и отправился со своей подругой в дальнее путешествие.

Все три праздничных дня просидел угорь в своем доме, наружу даже носа не показывал: ведь, кроме того наряда, что отдал он Тяю, другой одежды у него не было. Сидит угорь, скучает, одно его только утешает, что братец Тяй веселится. Вдруг его наряд поможет да и сладится у них с карасихой свадьба! Вот славная пара будет!

Но минули праздники, прошел еще день, два, а Тяй все не появлялся и наряда не возвращал. Забеспокоился угорь. Запасы еды все кончились, надо ему на добычу идти, да выйти из дому не в чем: гол он, словно куколка шелковичного червя!

Сердится угорь на приятеля, а сам за него тревожится: «Уж не попал ли Тяй в беду!»

Голодно угрю, холодно. Вырыл он себе норку в береговом иле и стал лишь по ночам за добычей выходить. Но только кого-нибудь заметит издали, сразу прячется в речных травах, будто вор.

Долго угря никто не видел, и все решили, что он умер или отправился в дальние края.

Даже большая черепаха вычеркнула его имя в своих книгах.

Минул год. Тяй снова захотел попытать счастья и явился с карасихой на праздник. Узнал он, что угря никто этот год не видел, решил, что его уже и в живых-то нет, и обрадовался: «Теперь-то уж красивый наряд навсегда моим стал. Кончится праздник — поселимся мы с карасихой в доме угря!»

Отправились Тяй с карасихой прямо к дому угря. Подплыли — слышат: кто-то их из норы у берега громко зовет.

— А! Это ты, негодник Тяй! Где ты гулял целый год? Я все глаза проглядел, тебя ожидая. А ну иди-ка сюда, снимай мой красивый наряд!

Узнал Тяй голос угря, похолодел. Совестно ему стало и страшно. Как быть, не знает. Пригляделся он, видит: совсем

изменился угорь, похудел, сам на себя не похож. Тут в голову Тяю пришла одна хитрость, повернулся он к угрю и крикнул:

— Ах ты жалкий лгунишка! Совести у тебя, разбойника, нет. Разве в твоем нищем доме когда-нибудь водились такие красивые наряды?

Этого бедняга угорь никак не ожидал. От обиды затрясся он, чуть было не бросился на обидчика. Да вылезать средь бела дня постеснялся.

А Тяй видит, что угорь приумолк, совсем обнаглел:

— Эй ты, жалкий угришка! Что ж замолчал? Стыдно стало? На сей раз мы тебя прощаем. Но в другой раз пощады не жди! Пойдем, милая,— сказал Тяй карасихе.— На таких наглецов из вонючих норок нечего и смотреть.

Рассердился бедный угорь, еще глубже в норку забился. Всю ночь глаз не сомкнул, а наутро был он у дома большой черепахи. Рассказал угорь черепахе все от начала до конца. Пожалела она беднягу и решила наказать наглеца, нарушившего законы дружбы.

Приказала большая черепаха привести ей негодника Тяя да собрать всех жителей речных справедливый суд вершить.

Поведала большая черепаха всем историю угря и Тяя, а потом громко крикнула:

— Я повелеваю тебе, Тяй: немедленно верни красивый наряд угрю!

Надел угорь свой наряд, да вот беда: вконец исхудал, вытянулся, стал он скользким, собственное платье висит на нем, словно чужое.

Тут все рыбы усомнились, правда ли, что это наряд угря. Заметила это карасиха и говорит:

— Посмотрите-ка, соседи, на лгуна угря! Кто поверит, что это его наряд? Послушай, угорь, может, ты одолжил кому-нибудь другому одежонку, да запамятовал?

Перебил карасиху дядюшка карп:

— Пусть рыба Тяй примерит этот наряд, посмотрим, как он в нем выглядит.

Примерил Тяй наряд — все по нему. Выходит, хоть и честен угорь, а доказать ничего не может. Жаль черепахе угря, да улик против рыбы Тяй никаких нет. Пришлось отпустить обманщика.

Так Тяй жену приобрел и тяжбу выиграл. Стал он угря речной змеей обзывать, жалкой тварью из темной норы величать.

Вернулся угорь в пещеру, не ест, не спит, все думу думает, как бы обидчику отомстить.

И вот однажды принесло течением к норке угря новенькую плетеную вершу с двумя входными воронками. Видит угорь: в ней рыба Тюои сидит, плавники и чешуя у нее ободраны.

Высунулся угорь, стал расспрашивать рыбу Тюои, а она и говорит:

— Увидела я эту вершу, любопытно мне стало, залезла, а вылезти не могу. Все плавники и чешую ободрала. Помоги мне выбраться из верши, добрый угорь.

Угорь юркий, скользкий, залезть в вершу и вылезти обратно ему ничего не стоит. Только вытащить оттуда рыбу Тюои он никак не может. Так она там и испустила дух.

Угорь схоронил ее косточки, а сам с вершей приплыл к большой черепахе и говорит:

— Помоги мне отомстить рыбе Тяй.

Долго держали совет между собой угорь и большая черепаха. Наконец условились они на празднике устроить состязание: кто через вершу пролезет, быть тому вместо большой черепахи правителем всего края речных порогов Бё.

Настал праздник. Собрались у дома большой черепахи все обитатели реки — крабы, креветки, рыбы, вышла правительница всего края речных порогов Бё и сказала:

— Стара я стала, дети мои. Хочу перед смертью отдохнуть немного. На сей раз правителем будут не дети мои и внуки, а тот из вас, кто трижды войдет в эту вершу и выйдет оттуда. Согласны ли вы с моим решением?

— Согласны, согласны! — закричал весь речной народ.

Вынесла большая черепаха вершу, поставила возле нее стражников — двух черепах, чтобы вершу течением не унесло. Столпился речной люд вокруг верши — шепчутся, вершу разглядывают.

Только желающих свое уменье показать не находится: очень уж страшны две острые пики в верше. Туда-то, пожалуй, влезть можно, коль головой сильно ударить. А вот как оттуда выбраться?

Увидела большая черепаха, что никто не решается, и спрашивает:

— Кто первым дерзнет пролезть через вершу? Кто самый ловкий? Кто самый смелый?

Стоят все молча, друг на друга смотрят. Вдруг из толпы угорь протискивается:

— Дозвольте мне!

— Ну что ж, угорь, начинай,— говорит ему большая черепаха.

Угорь без разбега залез в вершу, сделал в ней круг, а потом легко наружу выбрался. Закричал тут речной народ, завопил. Видит рыба Тяй, как угорь легко из верши выбрался, испугался. «Чего доброго, угорь и впрямь правителем всего края речных порогов Бё станет,— подумал Тяй.— Плохо тогда мне придется. Попытаю-ка я счастья, неужели угорь смелее меня?» И вызвался Тяй уменье свое показать.

Разогнался он издалека, плывет, волны рассекает, оттолкнулся посильней — раз! — и в верше. Закричал речной люд, завопил. Тяй в верше сделал один круг, другой, третий. Только

захотел он оттуда выбраться, да на острую пику напоролся. От боли голова пошла кругом. Сжал он губы, оттолкнулся — бах! Напоролся на другую пику!

Речной люд встревожился, тишина наступила, смотрят все друг на друга. Вдруг слышат: кто-то сзади хохочет. Оборачиваются: это угорь. Глаза у него сузились, смеется, остановиться не может. Говорит угорь сквозь смех:

— Друзья, этот Тяй, нарушивший законы дружбы, хотел уйти от кары. Но наказание его все-таки настигло! Так и останется он в верше дожидаться смерти.

Сказал так угорь и опять принялся хохотать. Чем он больше смеялся, тем уже становились его глазки. Понял Тяй, что перехитрил его угорь. Дернулся он опять, чтобы вырваться из западни, да только плавники и чешую ободрал. Заплакал тут обманщик Тяй.

Увидела карасиха, что муж плачет, и тоже заревела в голос. Так проплакали они целый день, стали глаза у них красные.

Пожалела большая черепаха Тяя, велела выпустить его из верши.

Но с тех пор у всех потомков Тяя и карасихи красные, заплаканные глаза. А глаза угря навсегда остались узенькими, будто щелочки. Да что это я вам рассказываю, вы поди сами не раз этих рыб в нашей речке видели.

ЖАБА — САМОМУ НЕБЕСНОМУ ВЛАСТИТЕЛЮ РОДНЯ

Вьетнамская сказка

Давным-давно, когда на земле еще и людей не было, а росли только деревья и зеленели травы, парили в небе птицы да прыгали-скакали разные зверушки, ниспослал Небесный властитель* на землю невиданную засуху. Тянулась эта засуха месяц за месяцем, и не было ей конца.

Солнце, красное, как раскаленный уголь, испепеляло все вокруг. Земля днем и ночью дышала жаром. Пересохли все пруды, озера, реки и ручьи. Обуглились деревья. Птицы замертво попадали на землю. В высохших прудах погибали лягушки и жабы. Высоко в горах и лесах лежали бездыханные звери.

Сидела в своей маленькой норке жаба с широко разинутым ртом, в горле у нее все пересохло. Выглянет жаба из норки — увидит беспредельные раскаленные выси, выпучит глаза, посмотрит на небеса и заводит свое «бре-ке-ке-ке-ке!». Очень осерчала жаба на Небесного властителя, так бы целиком его и проглотила, да только мала она слишком. Вздыхала жаба, охала,

думала, думала и решила: «Если уж проглотить Небесного властителя мне не под силу, то почему бы не подняться в заоблачные выси и не узнать, отчего это так долго нет дождя?» Выпучила жаба глаза — путь до заоблачных высей измерила. Видит — дальний путь, высоко до неба. Высунула язычок, глаза зажмурила, сидит, задумалась.

А потом как примется челюстями скрежетать: родню свою оставшуюся, лягушек, на совет созывать. Заплакали, заквакали лягушки,— все они посинели от невзгод, позеленели от засухи. Уселась жаба, на передние лапки оперлась, спину ссутулила, глаза выпучила, рот широко раскрыла и проверещала:

— Хочу спросить я у Небесного властителя, за какие наши провинности не посылает он нам дождя. Все вокруг зачахло, если дождя не будет, то через два-три дня и нам придет погибель!

Лягушки еще больше посинели, позеленели и закричали:

— Ква-ква! Такого не бывало! Никогда не бывало! Никто до Небесного властителя сроду не добирался! Брось болтать, не то Небесный властитель тебя покарает!

— Бре-ке-ке-ке! И так и этак конец нам приходит,— возразила жаба.— Так уж лучше подняться в заоблачные выси, может, тогда и спасемся. Кто со мной? Перед Небесным властителем я ответ держать буду, на меня положитесь!

Поскакали лягушки вслед за жабой. А молва впереди их несется, что, мол, идет жаба с родней к самому Небесному властителю тяжбу затевать.

Прыгает жаба, в лапке увядший лист держит, будто знамя. Кожа у нее вся пупырышками покрылась. Лягушки громко квакают, скачут так быстро — только лапки сверкают.

Шли они мимо бамбуковой рощицы с обгоревшими листочками. А там желтый петух от солнцепека прятался. Смотрит — идет мимо жаба с лягушками. Спрашивает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Эй, жаба! Куда это ведешь ты лягушек по такому пеклу?

Выпучила жаба глаза, широко разинула рот, машет листом-флагом:

— Бре-ке-ке-ке! Небо послало нам великую засуху. Иду я к Небесному властителю о дожде его просить.

Встрепенулся желтый петух:

— Далеки небесные выси, как до них доберешься?

— Если идти и идти, можно и до небесных высей добраться! — отвечала жаба.

— Как же ты Небесного властителя одолеешь — ведь он велик, а ты, жаба, мала? — спросил петух.

— Ниспославший засуху — низок, требующий дождя — велик! Правду Небесный властитель услышит. А если подобру не захочет дождь на землю послать, наше многочисленное войско силой его заставит уступить.

— Ку-ка-ре-ку! А те, кто тебе, жаба, не родня, могут с тобой идти?

— Чем больше нас будет, тем лучше!

— Нет у меня твоей смелости, жаба.

— Зато есть у тебя крепкий клюв, петух.

— Ну что ж, возьми меня с собой!

И двинулись все они дальше. Веселее запрыгали лягушки. Впереди с листом-флагом жаба скачет. Движется войско — пыль облаком поднимается.

Вошли они в лес, где все листья опали, все цветы увяли, только жалобно гудят пчелы, плачут всем роем: негде им нектар собирать.

Увидели пчелы жабу с лягушачьим войском, перестали плакать и спрашивают:

— З-з-з! Эй, жаба! Куда это ты с лягушками да петухом идешь по такому пеклу?

Выпучила жаба глаза, широко раскрыла рот, машет листом-флагом:

— Бре-ке-ке-ке! Небо послало нам великую засуху. Иду я с жалобой к Небесному властителю. Пусть дарует дождь нашей земле.

Пчелы к жабе подлетели, затараторили:

— Высоки небесные дали, высоки, высоки... Как до них добраться?

— Если идти и идти, можно и до небес добраться,— отвечала жаба.

— Ты, жаба, мала, Небесный властитель велик, как же ты одолеешь его?

— Ниспославший засуху — низок, требующий дождя — велик! Правду Небесный властитель услышит. А если подобру не захочет дождь послать, наше многочисленное войско силой его заставит уступить.

— З-з-з!!! Нет у нас твоей смелости, жаба.

— Зато есть у вас длинные жала.

— Возьми и нас с собой!

И двинулись дальше все вместе. Лягушки прыгают. Желтый петух крыльями машет, кукарекает. Над ними пчелы гудят. Жаба впереди с листом-флагом скачет. Движется войско — пыль облаком поднимается.

Добрались до вершины высокой горы, камни там от жары почернели. Остановилось войско — лежат посреди дороги полосатый тигр и медведь. Жаба свой флаг подняла и мимо них скачет. Тигр и медведь стонут — того и гляди, от жары и голода дух испустят. Приоткрыли они глаза, увидели жабу, зарычали. Спрашивают:

— Р-р-р! Эй, жаба! Куда это собралась ты по такому солнцепеку? Страшный шум подняла...

Выпучила жаба глаза, рот пошире раскрыла, машет тигру с медведем своим флагом:

— Бре-ке-ке-ке! Небо послало нам великую засуху. Иду я к Небесному властителю дождя требовать.

При этих словах тигр и медведь вскочили на лапы. Лягушки, петух и пчелы перепугались, загалдели, заквакали, закудахтали, загудели.

— Бре-ке-ке-ке! — сказала жаба.— Кто хочет, чтобы пролился дождь, пусть идет со мной. Не бойтесь друг друга!

Спрашивают тигр и медведь:

— Р-р-р-р! Разве добраться нам до небесных высей?

— Бре-ке-ке-ке! Если идти и идти, можно и до небесных высей добраться,— отвечала жаба.

Задумались тигр с медведем и опять спрашивают:

— Но ведь ты, жаба, мала, а Небесный властитель велик, где тебе его одолеть?

— Бре-ке-ке-ке! Ниспославший засуху — низок, требующий дождя — велик! Правду Небесный властитель услышит. А если подобру не захочет дождь послать, наше многочисленное войско силой его заставит уступить.

— А можно и нам с тобою, жаба, пойти?

— Бре-ке-ке-ке! Чем больше наше войско, тем лучше!

— Р-р-р-р... Уж больно ты мала, жаба, не пойдем мы с тобой, пожалуй.

— Я, жаба, мала, но у меня есть смелость великая. А вот вы, тигр и медведь, оба огромные, а испугались одной только мысли, что надо к Небесному властителю идти.

Взмахнула жаба флагом, на полыхающее небо показала. Опять к тигру и медведю с расспросами подступила. Челюстями скрежещет, земле и небу повеление отдает. Как увидели тигр и медведь, сколь грозна жаба, перестали смотреть на нее с презрением.

— Если мы явимся огромным войском к Небесному властителю,— говорит жаба,— придется ему нас послушаться. Иначе всем нам погибель!

— Р-р-р-р... Да, ты права. Раньше мы презирали тебя, жаба, но теперь уважаем за смелость. Ты слаба и мала, но с тобою петух и пчелы, ты дерзаешь прямо на небеса смотреть. Мы пойдем с тобой! Да только нет у нас твоей смелости.

— Бре-ке-ке-ке! Зато медведь карабкается по деревьям искусно, у тигра есть могучая сила, разве этого мало?

— Ну что ж, разреши нам идти с тобой!

Сговорились они идти вместе.

Подняла жаба вверх лапку с флагом, прыгнула на высокий камень. Лягушки столпились вокруг. Петух уселся на большом поваленном дереве. Пчелы вились, гудели над ними. С одной стороны встал рядом с жабой полосатый тигр, рычит для острас-

ки, с другой — медведь лапу поднял, того гляди, врага с ног свалит. Широко-широко разинула жаба рот, раздулось у ней брюшко, набралась она духу, взглянула на полыхающее небо и громко сказала:

— Бре-ке-ке-ке! Теперь мы доберемся до небес! Придется Небесному властителю сделать по-нашему. Потому что у меня, у жабы, великая смелость. У лягушек — проворство. У петуха — крепкий клюв. У пчел — длинные жала. У тигра — могучая сила, у медведя — искусство высоко лазать. Все ли вы согласны идти к Небесному властителю с жалобой?

— Мы согласны! — заквакали лягушки.

— Согласны! — захлопал крыльями петух.

Загудели, заплясали пчелы:

— Согласны!

Потянулся тигр, когти и клыки выставил:

— Рядом с вами пойду!

А медведь, чтобы талантом похвастаться, мигом влез на высоченное дерево.

И двинулось войско. Впереди пчелы летят. Следом жаба с флагом скачет, с правой стороны от нее петух шагает, с левой — тигр с медведем идут. А позади прыгает-скачет лягушачье воинство — жабья родня. Движется войско — пыль облаком поднимается.

Долго-долго шли они в душном облаке пыли, все сильнее и жарче пекло солнце. Лист-флаг у жабы в лапке совсем пожух, пожелтел. Наконец добралось войско до заоблачных высей, до самых ворот обители Небесного властителя. Стоят, глаза зажмурили: все вокруг так полыхает, того и гляди, звери в золу превратятся. Ворота в обитель Небесного властителя высокие-высокие, заперты они крепко-накрепко, с двух сторон могучие крепостные стены — ни за что не взобраться.

— Как же нам быть, жаба! — зароптало войско.— Нелегко до Небесного властителя добраться. Что же нам делать?

Жаба широко раскрыла свои выпученные глаза, увидела: на крепостной стене в башне большой барабан стоит. И говорит медведю:

— Полезай-ка ты по стене, заберись в башню да ударь трижды в барабан — знак подай, что, мол, вызываем мы Небесного властителя, разговор к нему у нас есть.

Как сказала жаба, медведь так и сделал: залез в башню, схватил палочку и трижды стукнул в барабан — закачались крепостные стены, и гром докатился до запретных покоев Небесного властителя.

А Небесный властитель как раз в это время играл в шахматы с приближенным своим, Духом грома небесного. Услышал Небесный властитель барабанный грохот, руку от шахмат отнял и спрашивает:

— Кто это дерзнул нарушить покой нашего Небесного дворца? Кто посмел бить в барабан, когда я в шахматы играю?

Вбежала дворцовая стража, доложила в испуге, что крепостные стены окружило войско жабы, требует, чтобы пустили жабу пред очи Небесного властителя для беседы. Разгневался Небесный властитель, сбросил шахматную доску на нефритовый пол* и грозно воскликнул:

— Жаба? Тварь невзрачная, худородная, грязнуха болотная хочет, чтоб Небесный властитель удостоил ее беседой!..

А барабан гремел не умолкая, все вокруг звенело и гудело. Не выдержал Небесный властитель, обернулся к Духу грома небесного и в гневе приказал:

— Главноначальствующий над войском нашим, повелеваем тебе громом и молнией погубить эту ничтожную жабу и ее гадкое войско!

Дух грома небесного схватил свой боевой топор-молнию и вышел за ворота. Увидели лягушки Духа грома небесного, услышали его громоподобный окрик, взглянули в его сверкающие зарницами глаза и тут же от страха кинулись врассыпную, даже тигр и тот попятился под натиском ветра.

И только жаба высоко подняла свой листок-флаг, раскрыла пошире рот, надула брюшко да как крикнет:

— Бре-ке-ке-ке! Где вы, пчелы мои с длинными жалами? Летите-ка сюда да жальте Духа небесного в нос, в глаза, в уши!

Налетели пчелы и давай жалить, кусать Духа грома небесного. У того в голове от боли все закружилось, в глазах потемнело. Не успел он даже громом громыхнуть, молнией ударить — прыгнул на буйные ветры и помчался назад, во дворец к Небесному властителю. Только приоткрылись ворота дворца, чтобы пропустить Духа грома небесного, как за ним следом проскочили проворные лягушки, а за лягушками устремилось и все воинство жабы; вопят, квакают, гудят, рычат — победе радуются.

Узнал Небесный властитель, что главноначальствующий над его войском бежал с позором, а жаба во дворец проникла, и разгневался страшно. Подползает тут к его трону — драконову ложу* — волшебная сколопендра, просится в битву. Кивнул головой Небесный властитель и повелел:

— Пусть же умрет жаба. Порази ее своим ядом!

Заторопилась волшебная сколопендра, перебирая бесчисленными ногами, извергая яд из своего смертоносного жала, а за нею двинулись тысячи сколопендр: все вокруг черным-черно стало. Испугались лягушки, заквакали от страха, даже тигр и тот отпрянул, увидев, что капельки яда сколопендры попали ему на полосатую шкуру.

Только жаба листок-флаг повыше подняла, рот пошире разинула, брюшко до предела раздула и закричала:

— Бре-ке-ке-ке! Где мой желтый петух с крепким клювом? Склюй-ка всех этих ползучих тварей!

Громко прокукарекал петух, желтыми крыльями взмахнул, как клюнет волшебную сколопендру — да целиком ее и проглотил. Клюет петух налево и направо, мигом с ползучим воинством расправился. Медведь на башне еще сильнее застучал в барабан, а войско жабы вопит, квакает, гудит, рычит — победу торжествует.

Услыхал Небесный властитель, что волшебная сколопендра проиграла битву, разгневался пуще прежнего, и страх ему в сердце закрался. Духи небесные, небесные полководцы, небесные воители пришли к трону своего властелина, пали на колени, стали просить дозволения сразиться с воинством жабы. Небесный властитель оглядел свое грозное могущественное войско и успокоился.

Небесные духи, небесные полководцы, небесные воители в сверкающих панцирях, кто с мечом, кто с пикой, кинулись на войско жабы, сотрясая небеса и землю громовым кличем.

Жаба свой листок-флаг высоко подняла, рот раскрыла пошире, брюшко раздула, набралась духу и как крикнет:

— Ну-ка, почтенный тигр! Разгоните эту свору!

Напружинился тигр, выставил клыки, расправил когти, зарычал и прыгнул прямо в толпу небесных духов. Много тут полководцев и воителей погибло, а кто уцелел, побросав свои блестящие доспехи, в страхе бежал. Медведь на башне в барабан бьет, жаба листок-флаг высоко поднимает, войско жабы вопит, квакает, гудит, рычит — победу торжествует. Вошла жаба во дворец, приблизилась к государевым покоям — драконову двору*.

Справа от нее желтый петух стоит, слева — полосатый тигр, над нею пчелы вьются, гудят; вокруг лягушки прыгают. Села жаба посреди драконова двора, подняла свой флаг, к Небесному властителю взывает:

— Бре-ке-ке-ке! О Небесный властитель! Вот уже несколько лет вы не посылаете к нам на землю дождя, потому пересохли реки и ручьи, почернели травы и деревья, птицы и звери гибнут без счету.

Услышал эти слова Небесный властитель, приободрился. «Раз в этом только дело, придется выйти. Поговорю с жабой. Такая безобразная тварь, а смелость у нее необычайная!» Появился Небесный властитель на государевой драконовой галерее* и спрашивает:

— Зачем хотела ты, жаба, предстать пред нашими очами?

— Бре-ке-ке! — отвечает жаба.— О Небесный властитель, у нас к вам только одна просьба: чтобы все мы не погибли от страшной засухи, ниспосланной вами, одарите землю дождем.

Рассмеялся Небесный властитель, закивал головой:

— Так вот оно что? Значит, ты только за этим и шла ко

мне? Возвращайся восвояси, жаба, я сейчас же пошлю на землю дождь.

Наклонилась жаба, взглянула вниз, на земной мир: поднялся там ветер, собрались черные тучи, все потемнело в четырех странах света и хлынул невиданный дождь.

Загудели, полетели пчелы. Громко и грозно прокукарекал петух. Полосатый тигр напружинился, зарычал от радости. А медведь еще громче стал бить в барабан.

Обернулась тут жаба и говорит:

— О Небесный властитель! Теперь можно возвращаться, но как известим мы вас в следующий раз, когда на земле опять случится засуха?

— Придумай что-нибудь, жаба, только не являйся больше пред наши очи,— поспешно ответил Небесный властитель.

— Хорошо. Давайте, о Небесный властитель, условимся с вами, что, как только подам я свой голос и закричу: «Бре-ке-ке-ке!» — вы тотчас пошлете на землю дождь.

— Ладно, ладно, пусть будет по-твоему,— сказал Небесный властитель.— Только не шуми больше в моем дворце.

На том они и расстались. И повела жаба свое войско обратно. Когда вернулись они на землю, небо больше не полыхало огнем, вокруг веяло приятной прохладой, шумели реки и прозрачной влагой наполнились ручьи; везде зеленели деревья, пели птицы. Успела преумножиться и родня жабы, все они явились встретить ее с почетом.

А маленькая, неказистая жаба, устав с дороги, возвратилась в свое тихое укрытие и легла почивать. Дышать жабе стало легче. Она закрыла глаза и тихо, про себя улыбаясь, уснула.

С того времени стоит только жабе подать голос «бре-ке-ке-ке» — и сразу же Небесный властитель посылает дождь. Видно, поэтому почтенные наши пращуры говорили: «Жаба — самому Небесному властителю родней приходится» — и наказывали детям и внукам никогда не трогать жаб, всегда помнить об их заслугах и пользе.

ТХАТЬ САНЬ

Вьетнамская сказка

Давным-давно жили в краю Каобинь старик со старухой. Детей у них не было. Жили они бедно. Каждый день отправлялись старики в лес, рубили дрова и носили их на рынок менять на рис. Тем и кормились. Трудились старики с утра до ночи, никакой работой не гнушались. Всякому малому да старому, бедному да слабому помогали.

Узнал Нгаук Хоанг* про их доброту и в награду решил даро-

вать старикам сына. Только вот беда: не дождался старик рождения наследника — заболел и умер.

Пришлось старухе одной сына растить, но не прошло и нескольких лет, как мать тоже покинула этот мир. Стал мальчик жить один в старой хижине под раскидистым баньяном*. Люди звали его Тхать Сань, что значит «Рожденный от Камня». Все его имущество заключалось в отцовом топоре. Каждый день отправлялся Тхать Сань в лес и с утра до вечера рубил дрова. За его усердие и сноровку небесный дух, посланец Нгаук Хоанга, обучил его воинскому делу и разным волшебным хитростям.

Как-то раз проходил мимо баньяна торговец вином Ли Тхонг. Остановился он отдохнуть в тени раскидистого дерева. Увидел, какие огромные вязанки дров без натуги носит Тхать Сань на своем коромысле, и подумал: «Видно, этот человек очень силен. Взять бы его к себе в дом, хороший из него работник получится».

И Ли Тхонг ласково заговорил с Тхать Санем и пригласил его пожить у него дома на правах брата. Незнакомец был так добр и вежлив, что Тхать Сань с радостью согласился.

Ли Тхонг занимался винокурением. Тхать Сань для него оказался хорошим помощником. В те времена в их округе объявился чудище-удав. Был тот страшный удав хитрым волшебником и людей пожирал видимо-невидимо.

Многие полководцы хотели извести его, но всем это оказалось не по силам. В конце концов пришлось построить для чудища храм* и каждый год приносить ему в жертву человека, дабы спасти окрестные селения от его козней.

Пришла очередь Ли Тхонгу идти к удаву. Испугался Ли Тхонг, что делать, не знает. Тут мать ему и говорит:

— Надо послать Тхать Саня вместо тебя. У него нет ни отца, ни матери, в наших краях он человек новый и обычаев наших не знает. Обмануть его будет нетрудно.

Сказано — сделано. Вечером, когда Тхать Сань вернулся из леса, Ли Тхонг подал ему поднос, уставленный вином и разными яствами, и сказал:

— Этой ночью моя очередь сторожить храм. Да вот беда: дел у меня сегодня очень много. Будь любезен, братец, сходи на сей раз вместо меня. А утром придешь — отоспишься.

Ничего не заподозрил Тхать Сань и согласился. Отправился он к храму. В полночь глаза у Тхать Саня стали слипаться, но он стойко боролся со сном. Вдруг откуда-то из-за храма появился страшный удав. Не испугался Тхать Сань, схватил в руки свой топор и бросился на чудище. Какие только обличья ни принимал злой волшебник удав, но Тхать Саня ему испугать не удалось. Вскоре разрубил юноша страшного змея пополам. Взял он голову удава да его золотой лук со стрелами и вернулся в деревню.

Была третья стража, Ли Тхонг и его мать крепко спали.

Услышали они за дверью голос Тхать Саня, задрожали от страха, решили, что явилась жаждущая мести душа юноши. А когда увидали Тхать Саня живым и невредимым, испугались еще больше. Тхать Сань рассказал им, как избавил он окрестные селения от страшного чудища. Выслушал Ли Тхонг рассказ Тхать Саня и замыслил новую хитрость.

— Что ты наделал! — воскликнул он.— С давних пор государь повелел всем нам заботиться об удаве и не причинять ему зла. А ты убил царского любимца. Не избежать тебе казни. Беги, пока не рассвело, да укройся где-нибудь понадежнее. Я же попробую все уладить.

Испугался юноша царского гнева, простился с Ли Тхонгом, его матерью и ушел. Вернулся он в свою хижину, к старому баньяну, стал, как и раньше, ходить в лес за дровами. А Ли Тхонг тем временем отнес голову удава в столицу и доложил государю, что это он избавил страну от чудища. Обрадовался государь и поставил его начальником над всеми царскими войсками.

Была у государя дочь — красавица на выданье. Много достойных женихов из разных стран присылали сватов, но ни один из царевичей не пришелся девушке по нраву.

Как-то раз гуляла царевна одна в царском саду. Заметил царевну-красавицу пролетавший мимо Великий гриф* — злой дух, обитавший в горах,— опустился он на землю, похитил царскую дочь и унес в свои владения.

В это время Тхать Сань сидел под баньяном. Увидел он, что летит Великий гриф, а в когтях красавицу несет, натянул свой лук и выпустил золотую стрелу прямо в грифа. Запела, засвистела стрела, вонзилась Великому грифу в крыло. Съежился злой дух от боли, но все-таки донес царевну до своей пещеры.

А Тхать Сань пошел по следу, оставленному птицей на земле, и пришел к пещере, где обитал Великий гриф.

Тем временем узнал государь, что пропала его дочь, опечалился. Повелел он начальнику всех царских войск Ли Тхонгу найти царевну. Пообещал государь тому, кто дочь найдет, уступить царский трон и отдать царевну в жены. Обрадовался Ли Тхонг царскому поручению, только как выполнить его — не знает. Чтобы время потянуть, велел народу десять дней веселиться да петь песни. Прошло восемь, девять дней, а Ли Тхонг так ничего утешительного и не придумал. На десятый день повстречал Ли Тхонг Тхать Саня. Он тоже на праздник пришел. Как узнал Тхать Сань, что Ли Тхонг царскую дочь разыскивает, рассказал ему все про Великого грифа. Возликовал Ли Тхонг и попросил указать его войску дорогу к пещере Великого грифа.

Привел их Тхать Сань к пещере. Но она оказалась такой глубокой, что никто из воинов не осмелился в нее войти. И тогда Тхать Сань обвязался толстой веревкой и, наказав, чтобы его покрепче держали, начал сам спускаться в пещеру.

Великий гриф с того самого дня, когда золотая стрела пробила ему крыло, занемог. Лежал не шелохнувшись и заставлял царевну ему прислуживать. Пробрался Тхать Сань в глубь пещеры, притаился в углу и стал ждать, когда царевна пойдет мимо. Дал он ей зелье и велел напоить им Великого грифа. Поняла царевна, что юноша пришел ее спасти, и очень обрадовалась.

Когда гриф уснул крепким сном, юноша обвязал царевну веревкой, подал знак воинам Ли Тхонга, и они вытащили ее из пещеры. Не подозревал Тхать Сань, что Ли Тхонг приказал своим воинам завалить вход в пещеру огромным камнем и оставить там смельчака. Долго Тхать Сань в гневе колотил по стенам пещеры, долго искал выход, да все напрасно.

Тем временем очнулся от дурмана Великий гриф. Увидал он Тхать Саня и бросился на него. Но Тхать Сань прибег к волшебству и одолел Великого грифа. Огляделся Тхать Сань по сторонам, видит: в большой железной клетке юноша сидит.

— Кто ты? — спросил его Тхать Сань.

— Я царевич, сын морского царя,— отвечал юноша.— Однажды вышел я погулять, вдруг, откуда ни возьмись, появился Великий гриф, схватил меня и унес. Скоро уже год, как я сижу в железной клетке.

Вспомнил Тхать Сань про свой золотой лук. Выпустил он стрелу в клетку, и клетка тотчас же рассыпалась. Долго благодарил царевич Тхать Саня за спасение, и отправились они вдвоем во дворец морского царя. Несказанно обрадовался морской царь возвращению сына и осыпал Тхать Саня милостями, а когда юноша собрался в родные края, одарил его золотом и жемчугами. Тхать Сань же от всего отказался и взял одну только волшебную лютню.

Шло время. Возвратился юноша к старому баньяну в свою хижину.

Между тем души чудища-удава и Великого грифа, по которым никто не справил похоронных обрядов, неприкаянно бродили по свету. Случилось так, что они встретились и рассказали друг другу про свои обиды. И решили они отомстить общему врагу. Пробрались они в царскую сокровищницу, выкрали оттуда царские драгоценности и, чтобы навлечь на юношу беду, разложили их под баньяном, возле хижины Тхать Саня.

Когда придворная стража хватилась пропажи и кинулась разыскивать царские сокровища, она без труда нашла их под раскидистым баньяном возле хижины Тхать Саня. Тотчас схватили юношу стражники и бросили в темницу.

Пришло время государю исполнить свое обещание: Ли Тхонгу трон и дочь отдать. Да вот беда, как вернулась во дворец царевна, сидит одна целыми днями, слова не скажет, горькие слезы льет. А жених торопится.

Призвал Ли Тхонг всех чародеев, коим подвластны могучие

волшебные силы, всех лекарей, но сколько они ни старались, все напрасно.

Тем временем дошел до Ли Тхонга слух, что Тхать Саня заключили в темницу. Испугался Ли Тхонг: «Если Тхать Саня на волю выпустить, он, пожалуй, всю правду расскажет. Тогда мне несдобровать». И решил злодей извести юношу.

Горюет в темнице Тхать Сань. Взял он волшебную лютню, подарок морского царя, и заиграл. Запела лютня, жалуясь и грустя, рассказывая об обиде и печалях, о равнодушии царевны и о злодеяниях Ли Тхонга. Далеко окрест разносились звуки лютни, и достигли они дворца. Царевна сразу словно очнулась. Она заговорила, заулыбалась и повелела привести во дворец того, кто играет на лютне.

Привезли во дворец Тхать Саня. И юноша рассказал о всех своих злоключениях. Выслушал его государь со своими приближенными и повелел привести Ли Тхонга и его мать, чтобы Тхать Сань сам решил их судьбу. Но юноша пощадил злодеев. Однако их покарало само небо. Когда они шли домой, ударила молния и убила Ли Тхонга и его мать.

Отдал государь свою дочь за Тхать Саня и устроил пышную свадьбу, какой доселе в столице не видали. Прослышали о свадьбе царевичи из разных стран, чьи сваты отказы получили, оскорбились, разгневались. Собрали они войско и двинулись войной на государя. Как посмел он отдать царскую дочь — яшмовый листок с золотой ветки* — в жены бедняку! Но как только воины царевичей услышали звуки лютни Тхать Саня, бросили они копья да стрелы и отказались воевать. Пришлось царевичам кончить дело миром. А Тхать Сань повелел накормить их войско рисом. Принесли котелок. Увидели воины маленький котелок, обиделись, даже к палочкам для еды не захотели притронуться. Тогда вышел Тхать Сань и сказал:

— Если вы, воины, съедите весь рис из этого котелка, я щедро вас награжу.

Ели воины, ели, а рис в котелке все не убывал. Поблагодарили они Тхать Саня и отправились восвояси. Тогда уступил государь Тхать Саню трон, а небеса послали ему столько радости, что и словами не рассказать.

ТРОЕ УМЕЛЬЦЕВ

Вьетнамская сказка

В старину, в незапамятную старину это было. Жила в семействе Ле девушка, красоты необыкновенной. И собой она была хороша, и умом и ученостью всех превосходила. А главное, у нее были золотые руки: за что ни возьмется — все у нее в руках

спорится. Никто из девушек во всей округе не мог с ней ни в чем сравниться. Когда настало время выходить ей замуж, сыновья государевых вельмож, заморских богачей и высокоученых мудрецов стали к ней свататься. Да никто из женихов не пришелся по вкусу отцу красавицы.

— Не к лицу моей дочери быть женой чиновного правителя или богатея,— сказал он.— Она выйдет замуж за того, кто в своем ремесле непревзойденным мастером будет. Так что кто из вас ремеслу до тонкостей не обучен, пусть не тратит времени понапрасну.

Весть о решении старого Ле облетела все четыре стороны света, к его дому стали стекаться искусные умельцы, но ни один не мог удивить своим мастерством старика. Смотрит старик, как каждый жених умение да сноровку показать хочет, и только головой покачивает:

— Ох, редко, очень редко на свете попадаются настоящие мастера!

Однажды утром пришли к старику сразу три молодца. Все трое ладные, стройные, красивые. Старый Ле расспросил их, кто они, каким ремеслом занимаются. Один из молодцев сказал, что искусен в стрельбе из лука и может попасть в любой предмет с любого расстояния. Второй сказал, что он необыкновенный ныряльщик, может неделями находиться под водой, не боится морских чудовищ и может отыскать на дне океана любую, самую маленькую вещицу. Третий молодец сказал, что он чудесный лекарь и может исцелить от любого недуга, а если нужно, даже оживить мертвого.

Старый Ле обрадовался и повел первого молодца во двор, указал на высокое-высокое дерево возле изгороди.

— Я прикажу слуге залезть на самую вершину,— сказал он.— Пусть он помажет один листочек известью. А ты должен сбить этот листочек одним выстрелом и чтобы упал он прямо перед нами.

Взял стрелок свой лук со стрелами. Выпустил он одну-единственную стрелу — и перед глазами у всех закружился лист, меченный известью.

Решил старый Ле испытать второго молодца. Повел он его на берег моря, показал кольцо и сказал:

— Я прикажу кому-нибудь из своих слуг отплыть на лодке подальше в море да бросить его на дно. Ты же должен найти это кольцо и принести его мне.

Не стал ныряльщик медлить: скинул одежды и прыгнул в море. Не успели те, кто на берегу остался, бетель* пожевать, а он уже из воды вынырнул. Радостно помахал рукой и показал всем кольцо.

Настала очередь третьего молодца. Повели его на рынок. Старик Ле указал лекарю на умирающего нищего и говорит:

— Исцели его.

Осмотрел лекарь больного. Быстро приготовил отвар из листьев и трав и дал ему выпить. Через несколько мгновений больной встал и попросил есть, будто только что пробудился после долгого сна.

Видит старый Ле, все три молодца искусны в своем деле, растерялся. За кого из троих отдать ему дочь, не знает.

— Все вы пришлись мне по душе,— говорит.— Выдать дочь за любого из вас — большое счастье. Но вас трое, а дочь у меня одна. Как тут быть? Пойдем все вместе в храм, вознесем молитву и погадаем на палочке. На кого из вас палочка укажет, тому и быть женихом.

Все трое согласились с ним и пошли в храм. Только приступили они к молитве, как из дому прибежал человек и говорит:

— Красавица Ле в поле траву полола, вдруг прилетел гриф и унес ее.

Услышали это молодцы, побежали к полю — смотрят, а гриф уже над морем летит.

Искусный стрелок мгновенно приладил стрелу, натянул лук, и тут же гриф с перебитым крылом рухнул в море, увлекая за собою девушку.

Тут ныряльщик прыгнул в море и тотчас вынес девушку на берег. Но бедная девушка была мертва, и тогда за дело принялся лекарь, и оживил он девушку.

— Если бы я не подстрелил чудовище,— сказал старику Ле первый молодец,— мы бы и следов красавицы не нашли. Так что быть ей моей женою.

— Нет, подождите,— возразил второй,— если бы я не вытащил девушку на берег, то, как бы ни был меток стрелок, все равно не спасли бы мы красавицу.

— Если бы не мое искусство врачевания, то сейчас перед вами лежало бы бездыханное тело. А потому справедливо будет отдать ее в жены мне,— уверял третий.

Никто из троих не хотел уступать. Старый Ле пригорюнился, не знал он, как ему быть, кому из молодцев отдать дочку в жены. И решили все вместе пойти к правителю, чтобы он их рассудил.

Долго думал правитель, какое ему решение принять, и наконец придумал. Позвал он к себе старого Ле с дочерью и трех искусных умельцев и объявил:

— Все вы одинаково искусны в своем ремесле. Каждый помог избежать беды. Но как бы там ни было, лекарь не может получить девушку в жены, как не может он требовать себе в жены каждую спасенную им женщину. Дочка Ле должна видеть в лекаре благодетеля, а не мужа. Что же касается стрелка, то стрелять в птицу и не думать о том, что девушка упадет в море, неразумно: если бы не оказалось рядом ныряльщика, никто не смог бы достать де-

вушку со дна моря. Потому будет разумно, если ныряльщик и красавица Ле станут мужем и женой. А супруги пусть считают своих благодетелей братьями.

Выслушали три молодца совет правителя и сделали, как он велел.

Стали все трое назваными братьями, да такими дружными, какими и родные не бывают. Искусный же ныряльщик женился на красавице Ле. Говорят, они и теперь живут в любви и согласии.

ВОРОН НА ДЕРЕВЕ

Вьетнамская сказка

Во времена давние-стародавние жили два брата. Братья рано осиротели. Старший брат был жаден и скуп. Он забрал себе все наследство, а младшему брату оставил одну только хижину.

Возле той хижины росло чудесное дерево карамбола, оно давало вкусные, сладкие плоды. Младший брат и его жена были люди добрые, незлобивые и на бедность свою не сетовали, работали от зари до зари в поле на хозяина да заботливо ухаживали за своим деревом карамболой — сладкие его плоды они относили на рынок и продавали. Тем и жили супруги.

И вот в ту пору, когда на дереве уже созрели плоды, к нему повадился прилетать огромный Ворон. Едва наступит день, а Ворон тут как тут. Сядет на ветку и клюет плоды. Как ни гнала его жена младшего брата, Ворон все посиживал себе на ветке да поклевывал плоды, выбирая те, что повкуснее. Бедная женщина из сил выбилась, его прогоняя. Однажды села она под деревом и громко заплакала:

— Горе нам, горе! Ведь семья наша тем и живет, что продает плоды. Как же нам быть теперь, о господин Ворон? Вы все склевали, нам ничего не оставили. Придется нам с голоду помирать.

И вдруг Ворон с вершины дерева ответил ей человеческим голосом:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шейте суму три ладони в длину!

Испугалась жена, она поняла, что птица эта волшебная, и не посмела больше своими жалобами докучать Ворону, побежала к мужу и обо всем ему рассказала.

Рассудили супруги, что надо так и сделать, как приказала птица, и сшили каждый себе по суме длиной в три ладони. С тех пор изо дня в день прилетал Ворон, садился на дерево, а досыта наклевавшись, кричал, перед тем как взмахнуть крыльями и улететь:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шейте суму три ладони в длину!

А когда Ворон склевал последний плод, он распушил крылья, опустился во двор и громко крикнул:

— За каждый плод заплачу куском золота! Несите суму три ладони в длину!

Младший брат вынес обе сумы, а Ворон приказал сесть ему на спину. Ворон взмыл в вышину, помчался по небу в дальнюю даль, пролетел десять тысяч раз по десять тысяч зэмов* и опустился на острове, что одиноко стоял средь синего моря.

— О человек, ты можешь набрать в две сумы всего, что пожелаешь,— сказал Ворон.

Открыл младший брат глаза, таращит их, сам себе не верит: вокруг него лежат жемчуг и драгоценные камни, золото и серебро рассыпано, будто песок или галька на берегу ручья. В глазах у бедняги зарябило. Но он был не жаден, а потому набрал две полные сумы, взобрался на спину к Ворону и полетел восвояси.

С тех пор младший брат и его жена зажили в достатке: построили новый дом, купили землю.

И вот, когда подошел праздник, младший брат пригласил старшего брата в гости. Старший брат и его жена не любили младшего и презирали за бедность.

— Когда ты устелешь цветными циновками путь от нашего дома до твоей хижины и позолотишь ворота, тогда мы, пожалуй, придем,— заявил с усмешкой старший брат.

Обрадовался младший брат, сказал жене, чтобы она купила циновки с красной каймою и расстелила их по дороге, а сам купил золотой краски и позолотил ворота.

Увидели это старший брат с женой, диву дались. Поспешили к младшему брату, стали расспрашивать, как это он богаче их стал. Младший брат рассказал все, как было, ничего не утаил. Затрясся от зависти и жадности старший брат и уговорил младшего брата обменяться. Все свои богатства и дом отдал за хижину рядом с деревом карамболой. Живет старший брат с женой в хижине, Ворона поджидает. Прилетел наконец Ворон, сел на дерево и стал плоды клевать. А скупец только того и ждал. Начал стенать и охать, на бедность свою жаловаться. Ворон ему в ответ:

— За каждый плод заплачу куском золота! Шей суму три ладони в длину!

Тотчас жадные супруги сшили два огромных мешка. Назавтра Ворон отнес старшего брата на тот самый остров, где младший брат уже побывал. Обрадовался завистник, набил золотом два огромных мешка, да ему все было мало. Насыпал золота за пазуху, в штаны, даже в нос и в уши умудрился засунуть.

Летит птица над морем, с трудом тяжесть несет. Сложила крылья, чтоб отдохнуть, а скупец камнем и упал в воду. Недаром говорится: знай во всем меру, завязывай мешок прежде, чем доверху наполнишь.

ЮНОША ТЫКВА

Вьетнамская сказка

В давние времена у одной женщины родился безобразный ребенок. Он был подобен тыкве. Его так и назвали Жа — Тыква. Едва появился он на свет, как тут же съел целый горшок рисовой каши, и с тех пор с каждым днем ел все больше и больше. Матери трудно было прокормить такого младенца, нужда ее совсем одолела.

Однажды Жа сказал матери:

— Мы бедны, а мне, как назло, все время есть хочется. У нас в доме не осталось ни зернышка риса. Односельчане помогали нам чем могли. Пора мне идти наниматься к людям, попроси старейшину, чтобы он взял меня в работники.

Мать отвечала:

— Разве с твоим аппетитом можно наниматься к этому скупцу?

Но Жа долго упрашивал мать, и она в конце концов согласилась.

Она пришла к старейшине, объяснила ему, что ей нужно, старейшина расхохотался и сказал:

— Ладно, пусть приходит твой сын.

Весть о том, что Жа нанимается в работники к старейшине, разнеслась по всем селениям. Люди опасались, как бы с Жа и его матерью не приключилась беда, потому что старейшина тот был свирепее лютого зверя.

И вот бедная мать привела своего сына в дом старейшины. Старейшина велел работникам сварить для Жа большой котел риса. Когда рис был готов, он позвал жену и восьмерых дочерей, чтобы все полюбовались, как урод будет есть. Жа съел все без остатка. Старейшина подошел к нему и сказал:

— До чего же ты похож на тыкву! Интересно, что ты умеешь делать?

— Я умею делать все, что угодно.

— А я не верю! Ты пойдешь сторожить мой рис. Если птицы склюют хоть одно зернышко, твоей матери придется отдавать мне три урожая подряд.

С этими словами старейшина велел работникам ссыпать во дворе рис для просушки. Жа ни на минуту не спускал глаз с сушившегося риса, птицам не досталось ни зернышка. Наконец рис просох, и слуги пересыпали его в закрома.

На другой день старейшина послал Жа пасти буйволов. Когда к концу дня Жа пригнал буйволов домой, старейшина пересчитал их и удивился: все были целы и все сыты. В тот день старейшина дал Жа на ужин только одну чашку риса. Жа остался голодным, у него так подвело живот, что всю ночь он не сомкнул

глаз. Утром младшая дочь старейшины, которую звали Там, спросила у Жа:

— Все ли у тебя хорошо, пастух?

— Меня мучает голод,— пожаловался Жа.

Там тотчас принесла ему рис, оставшийся от ужина.

В тот день старейшина сказал юноше:

— Сегодня ты опять будешь пасти буйволов. Но набери еще и хворосту; сколько буйволов, столько вязанок хвороста.

К вечеру весь двор был завален хворостом, а все буйволы были сыты. Только беднягу Жа мучил голод. Старейшина что ни день давал Жа работу все труднее и труднее. Каждый раз Жа делал все, что от него требовали, и каждый раз младшая дочь старейшины оставляла для него рис.

Время шло, и однажды Жа попросил у старейшины позволения вернуться домой, чтобы помочь старой матери. Старейшина решил, что ни за что не отпустит такого хорошего работника. Он сказал:

— У меня сто буйволов, и каждому буйволу нет цены. У меня много земли. Хочешь, я дам тебе землю? Иди и выбирай. Я дам тебе половину участка, который ты очистишь от деревьев.

Жа воскликнул:

— Вы хотите заставить меня расчищать для вас лес? Мне это ни к чему. Я хочу только, чтобы вы вознаградили меня за мои труды. Я слишком голоден для того, чтобы расчищать лес под поле!

Старейшина подумал и сказал:

— Ах ты, безобразная тыква! Ладно, я буду кормить тебя досыта. Но за это ты должен разбить для меня поле, которое будет в три раза больше твоего. Или я заставлю тебя вернуть мне весь рис, который ты съел с тех пор, как живешь у меня.

Жа нечего было делать, пришлось согласиться. А старейшина велел своим дочерям:

— Вы будете по очереди носить ему еду. Да приглядите за ним: как только он кончит есть, пусть сразу же принимается за работу, чтобы время не пропадало даром. Вот тогда будет толк.

В первый день старшая дочь старейшины пошла в лес с едой для Жа. Но на берегу ручья она увидела тигра, перепугалась и прибежала назад. На второй день пошла вторая дочь старейшины, но едва она вышла из деревни, как тоже увидела тигра, испугалась и вернулась домой. Семь дочерей старейшины, завидев тигра, возвращались назад и оставляли Жа без еды.

На восьмой день пришла очередь Там нести еду для Жа. Там шла, а вокруг нее распускались цветы. Наконец она подошла к тому месту, где работал Жа, и спряталась за дерево: очень ей было любопытно посмотреть, как трудится Жа.

Девушка увидела поле, да такое широкое, что на нем могло бы уместиться целое большое селение: все деревья уже были сруб-

лены. А посреди поля спал Жа. Его храп был подобен раскатам грома. Жа лежал на самом солнцепеке. Там хотела было сорвать большой лист, чтобы прикрыть Жа от солнца, но храп вдруг прекратился. В следующей миг Там не поверила своим глазам: тело Жа, подобно тыкве, раскрылось, и оттуда вышел прекрасный юноша. Никогда в жизни Там еще не встречала такого красавца! Его лицо было свежее и розовое, как цветок. Могучая грудь вздымалась, словно натянутый лук. Едва юноша зашагал по полю, как из тыквы посыпались другие юноши, у каждого в руках было по топору и по большому ножу. Юношей было так много, что Там не могла всех пересчитать. И все они были силачи и красавцы, как на подбор.

Один из юношей громко крикнул:

— Ну, а теперь пусть Жа запевает, а мы подпоем!

Самый красивый парень запел. Птицы и белки замерли на ветвях деревьев — так им понравилось чудесное пение. Все юноши пели, но никто не пел лучше Жа. С песней работа спорилась. Вскоре рухнуло большое дерево, расчищенный участок стал шире, и Там уже не могла больше разглядеть Жа.

Только теперь она вспомнила о еде, которую принесла для юноши. Но когда она стала доставать из корзины обед, то увидела, что в корзине полно муравьев. Тогда Там не поленилась — сбегала назад, чтобы поскорее сварить еще рису.

С того дня Там целыми днями думала о Жа. По ночам он снился ей. Когда о нем заходила речь, она хвалила его за трудолюбие, но ни словом не обмолвилась о его красоте, она знала, что никто ей не поверит.

Однажды отец спросил у нее:

— Много парней сватаются к тебе. Скажи мне, кого ты хочешь взять себе в мужья?

Отец назвал имена самых богатых и самых красивых юношей в их краю, но Там не хотела выходить замуж ни за одного из них. Полдня отец перебирал в уме имена женихов и называл их дочери. Там от всех отказалась. Тогда отец страшно рассердился и в гневе воскликнул:

— Может быть, тебе хочется выйти замуж за этого урода Жа?

Там с готовностью ответила:

— Да, отец, я хочу выйти замуж за этого Жа!

Услыхали об этом сестры и покатились со смеху. Но громче всех хохотал отец, а мать закрыла лицо руками и заплакала.

На другой день старейшина прогнал дочь и Жа из своего дома. Первым вышел Жа, за ним шла Там. Они направились к хижине, где жила мать Жа.

Спустя некоторое время старейшина заметил, что вода в ручье перед его домом помутнела. Он спросил у слуг, в чем дело, и узнал, что выше на горе, на том месте, где Жа рубил лес, появилось большое селение. В этом селении все парни и девушки

необыкновенно красивы. И те, кому случалось повстречать жену главного старейшины этого селения, в один голос говорили, что лицом она похожа на Там.

Жена злого старейшины тосковала по своей дочери, по милой Там, и решила навестить ее. Она подошла к новому селению и спросила мальчишку, который пас буйволов:

— Скажи, чьи это буйволы?

— Это буйволы супругов Жа,— услыхала она в ответ.

Мать Там пошла по селению, стала разыскивать дом Жа. Все дома в селении были большие, из каждого дома ей навстречу выходил красивый хозяин. Никто из них не был похож на тыкву.

После полудня она добралась наконец до середины селения, где стоял самый красивый дом. Заглянула она внутрь и увидела свою дочь Там, которая сидела за пряжей, а около нее — красивого юношу, который перебирал струны торынга*. Там увидела мать, бросила пряжу, кинулась ей навстречу и крепко обняла ее. И дочь и мать плакали от радости. Жа перестал играть и пригласил тещу войти в дом.

В тот же день Жа зарезал быка и буйвола и устроил пир. На пир пришло все селение. Играли на флейте, на свирели, звенели гонги и гремели барабаны...

Мать гостила у дочери и зятя так долго, что за это время успели собрать три урожая, а когда она вернулась домой, то узнала, что злой старейшина превратился в тигра. Женщина расспросила односельчан обо всем, и ей рассказали:

— Старейшина обернулся вдруг свирепым тигром, пожрал всех свиней, кур, буйволов и быков, которые были у него во дворе. Потом стал рыскать по деревне. Жители селения прогнали его, с тех пор он исчез и больше не появлялся.

ЗОЛОТАЯ ТУФЕЛЬКА

Вьетнамская сказка

Жила в давние времена старуха с двумя дочерьми: родной и приемной. Приемную звали Мугазо, родную — Мухалок. Обе родились в год лошади*, в один и тот же день, и были похожи друг на друга как две капли воды. Никто не знал, которая старшая, которая младшая. И матери это доставляло немало хлопот.

Вот однажды она и говорит родной дочери:

— Прошу тебя, называй Мугазо старшей сестрой*.

Мухалок это не понравилось, и она ответила:

— И лицом и статью она точь-в-точь, как я. Отчего же это мне звать ее старшей? Ни за что не буду, делай со мной что хочешь!

Старуха не знала, как быть. Она долго думала, наконец придумала и говорит:

— Знаешь что? Нынче ты называй ее старшей, а завтра она тебя. Чтобы ни одной обидно не было.

Но Мухалок, не дожидаясь, что скажет Мугазо, дерзко ответила:

— Так не годится! Согласна Мугазо называть меня старшей, пусть всегда называет. А меняться — люди засмеют, не будешь знать, куда от позора деваться.

Тут старуха совсем растерялась, решила, будь что будет, дала девушкам по одинаковой верше и говорит:

— Ступайте к пруду ловить рыбу. Которая больше наловит, та и будет старшей.

Девушки пошли к пруду, а рыб там видимо-невидимо, и все разные. Мугазо быстро пошла в воду, а ленивая Мухалок знай по бережку расхаживает.

— Ты чего ждешь? — окликнула ее Мугазо.— Бери вершу и лезь в воду!

Но Мухалок, будто не слыша, все прогуливалась как ни в чем не бывало. Вдруг Мугазо радостно вскрикнула — в вершу попалось много рыбы. Тут Мухалок тоже полезла в воду.

— Ух, как холодно! — закричала она, вспугнув рыбу, и говорит: — Послушай, Мугазо, вода холодная, будто лед. Пора тебе вылезать. Отдохни и погрейся на солнышке, а то и простудиться недолго.

Мугазо, не заподозрив дурного, послушалась совета Мухалок, думая про себя: «Верша у меня и так полным-полнехонька». Она вылезла из воды, села под деревом, укуталась в платок и не заметила, как заснула. А верша с рыбой осталась в воде у самого берега.

Пока Мугазо спала, Мухалок, сгорая от зависти, разглядывала вершу, полную рыбы. «Мугазо — приемная дочь,— размышляла она,— ни за что не буду называть ее старшей. Но матушка сказала: которая больше наловит, та и будет старшей. Вон она сколько наловила... Ей, выходит, и быть старшей? Нет! Такого позора я не стерплю! Возьму-ка да и переложу рыбу из ее верши в свою».

Так Мухалок и сделала. Она уже собралась домой, как вдруг проснулась Мугазо, подбежала к верше и не увидела в ней ни одной, даже самой мелкой рыбешки. Девушка рассердилась и спрашивает:

— Это ты, Мухалок, взяла себе всю мою рыбу?

Мухалок стала отпираться, не брала, мол, и с руганью набросилась на сестру:

— И не стыдно тебе? Сама ленива, а хочешь, чтобы меня ленивой считали? В верше рыба моя, а твоя где — не знаю.

Мугазо знала, что это Мухалок взяла ее рыбу, некому больше, и огорчилась. Однако допытываться не стала. Не ровен час, Мухалок рассердится и побьет ее: Мухалок — родная дочь, а она,

Мугазо,— приемная. Поэтому Мугазо оставалось только печалиться.

Вернуться домой с пустыми руками она не посмела, знала, что ее отругают, а то и поколотят. Чуть не плача, девушка снова залезла в воду. Долго стояла. Однако на этот раз улов был совсем невелик: три маленьких сома и совсем крошечный пескарик. Тем временем Мухалок отдала матери вершу с рыбой и похвалилась богатым уловом. Мугазо же принесла трех сомов. Мать отругала ее, велела отныне называть Мухалок старшей сестрой, да еще в наказание отправила пасти коз.

Между тем пескарика Мугазо матери не отдала, она пожалела его, сохранила, а после выпустила в колодец. С той поры каждый день девушка, как только выгонит коз, садилась с чашкой риса возле колодца и бросала туда несколько зерен, тихонько приговаривая:

— Пескарик, пескарик! Выгляни, сударик. Я дам тебе рису.

Пескарик рос и очень привязался к доброй девушке. Но злая Мухалок приметила, что младшая сестра ведет себя как-то странно: выгонит коз пастись, а после берет свою чашку и садится есть у колодца. И Мухалок выследила Мугазо. Когда же она узнала, что сестра кормит пескарика, задумала недоброе. И вот на следующий день, когда Мугазо побежала выгонять коз, забредших в чужой огород, Мухалок взяла чашку с рисом, подошла к колодцу и позвала точь-в-точь как Мугазо:

— Пескарик, пескарик! Выгляни, сударик! Я дам тебе рису.

Пескарик думал, что его зовет Мугазо, и выплыл. Тогда Мухалок ударила его ножом, разрубила на три части, спряталась в амбаре и съела. А матери ничего не сказала.

Тем временем вернулась Мугазо, взяла чашку риса и побежала к колодцу: ее пескарик, должно быть, проголодался, и все из-за непутевой козы. Стала она звать пескарика. Звала, звала, но он не показывался. Тогда Мугазо смекнула, что с ее любимцем случилась беда, и заплакала.

С того дня она ходила печальная, не пила, не ела, даже спать не могла. Вспоминала своего пескарика и лила слезы.

Но вот однажды сон ненадолго сморил ее, и во сне ей явился пескарик.

— Сестричка,— сказал он,— не печалься, не плачь. Если любишь меня, вырой мои косточки, которые лежат в бамбуковой палке, положи в скорлупу кокосового ореха и похорони у перекрестка дорог. Каждый день, когда гонишь на пастбище коз, ты будешь проходить мимо. Злая Мухалок обманом сгубила меня и съела, а косточки мои бросила в бамбуковую палку и зарыла возле большого глиняного кувшина с водой.

Мугазо проснулась, и в душу ей закралась тревога. Она тотчас же побежала к тому месту, где стоял большой глиняный кувшин с водой, и стала копать. И в самом деле, вскоре показалась

бамбуковая палка, а в ней — рыбьи косточки. Девушка вытащила косточки из бамбуковой палки, положила в скорлупу кокосового ореха и зарыла у перекрестка дорог. Каждый день, гоня коз на пастбище, Мугазо проходила мимо и всякий раз останавливалась. Она ухаживала за могилой пескарика, как ухаживают за могилой родного человека.

Но вот однажды, приблизившись к холмику, девушка в изумлении остановилась: там стояла золотая туфелька редкой красоты. Мугазо подобрала туфельку и спрятала подальше, чтобы никто не увидел. Пролетел над могилой ворон, заметил на земле что-то блестящее, опустился и увидел золотую туфельку, точь-в-точь такую, какую подобрала Мугазо. Ворон взял туфельку в клюв, полетел к царскому дворцу и бросил ее прямо к ногам царя.

В тот день кости пескарика исчезли.

Между тем царь, отдыхавший у себя во дворце, с удивлением увидел, что откуда-то упала золотая туфелька редкой красоты. Такая туфелька, подумал царь, может принадлежать только удивительно прекрасной и искусной девушке. И царь издал указ, в котором повелевал всем девушкам страны явиться во дворец примерить туфельку: та, которой туфелька придется впору, станет царицей. Вскоре во дворец потянулись девушки со всех концов страны. Каждая мечтала, чтобы туфелька пришлась ей впору, ведь тогда ее сделают царицей. Но одним туфелька оказывалась велика, другим — мала. Весть о том, что всех девушек страны призывают во дворец, достигла и ушей приемной матери Мугазо. Не мешкая, она стала собирать Мухалок в путь. Мугазо попросила и ее отпустить во дворец, но мать велела ей остаться дома. Ни жалобы, ни мольбы не помогли. Что оставалось бедной Мугазо? Лить слезы. И она заплакала. Тут мать взяла огромную корзину, насыпала туда арахис, рис и кунжут, позвала Мугазо и говорит:

— Как-то ненароком я высыпала в одну корзину арахис, рис и семена кунжута. Разделишь их — я отпущу тебя к царю.

Старуха думала, что с таким делом Мугазо не справится. Мугазо это понимала, но за работу все же принялась. К счастью, богиня Бхагавани пожалела Мугазо, послала ей в помощь крылатых муравьев: вмиг они выбрали все семена кунжута. Затем она послала ястребов: они управились с арахисом. Так дело, которого никто не мог бы сделать, было сделано. Мугазо, радостная, побежала к матери и говорит:

— Взгляните, матушка, арахис, рис и семена кунжута — все лежит отдельно.

Мать подивилась такому чуду, но во дворец Мугазо не пустила, спутала намотанные на огромный клубок шелковые нити и говорит:

— Иди, если желаешь. Но прежде распутай этот клубок и перемотай его.

Мугазо пригорюнилась, но за работу принялась, хотя из глаз ее лились слезы. Бхагавани и на этот раз пожалела добрую девушку, послала ей в помощь большого крылатого муравья. Муравей стал ползать по клубку и показывать оборванные концы нитей. Так, благодаря муравью, Мугазо быстро справилась с делом, пошла к матери, положила перед ней перемотанный клубок и говорит:

— Матушка, распутала я нитки, весь клубок перемотала.

Пришлось старухе скрепя сердце отпустить приемную дочь во дворец.

Словно птица из клетки, вырвалась девушка на волю, бросилась к сторожевой вышке недалеко от поля, где спрятала заветную туфельку, завернула ее в полу платья и отправилась в столицу. Пришла во дворец, надела туфельку, ту, что ворон принес царю, и все только диву дались, как туфелька пришлась ей впору. Царь тотчас же приказал начать приготовления к свадьбе и сделал Мугазо царицей. Тут Мугазо вынула спрятанную золотую туфельку и протянула царю. Царь глазам своим не поверил. Туфелька оказалась парой той, что была у него.

— Кто сшил тебе такие чудесные туфельки? — спросил царь.

Мугазо рассказала все по порядку: как они с Мухалок ловили рыбу, как ей попался в вершу пескарик, как она заботилась о нем, как пескарик погиб, как Мугазо похоронила его у перекрестка дорог, как, наконец, на его могиле появилась вдруг золотая туфелька. Царь выслушал девушку и говорит:

— Поистине, это Бхагавани привела тебя ко мне во дворец.

Между тем злость и зависть извели старуху, когда она узнала, что Мугазо стала царицей, что именно ей туфелька пришлась впору; что не родной дочери, а приемной привалило счастье. И вот на другой день старуха отправилась во дворец, пришла и обратилась к царю с такими словами:

— О мудрый царь! Ты взял в жены дочь мою Мугазо. Припадаю к твоим стопам: сделай милость, отпусти ее на несколько дней в родной дом погостить. Она скоро вернется и снова будет тебе верно служить.

Царь согласился, но велел старухе по прошествии нескольких дней без промедления доставить Мугазо прямо в царский дворец. Всю дорогу старуха молчала. Дома не звала Мугазо ни есть, ни пить; спать уложила прямо на голой земле, не дала ни циновки, ни одеяла. Утром, едва рассвело, старуха послала Мугазо собирать кокосовые орехи, которые росли у самого пруда; Мугазо не посмела ослушаться. Родной дочери старуха велела взять топор и идти следом за приемной.

— Ты выжди, когда она заберется повыше, и подруби ствол,— шептала старуха.

Ничего не подозревая, Мугазо залезла на пальму. Но только взобралась она на верхушку, как Мухалок принялась рубить

ствол. Мугазо успела перескочить на вторую пальму как раз в тот момент, когда первая рухнула наземь. Тогда Мухалок стала рубить вторую пальму. Мугазо успела перескочить на третью; когда же Мухалок стала рубить третью, Мугазо некуда было податься, пальма рухнула, Мугазо упала в пруд и утонула.

После смерти Мугазо превратилась в золотую черепаху и так и осталась жить в пруду.

Между тем Мухалок побежала домой и рассказала матери о случившемся. Обе радовались удаче. Теперь-то уж наверняка царицей станет Мухалок. Ведь она точь-в-точь похожа на Мугазо. Старуха с дочерью отправились во дворец и предстали перед царем.

— О мудрый царь,— низко кланяясь, сказала старуха.— В тот день, когда ты отпустил Мугазо домой, она на полпути сбежала. Где только я ни искала ее, так и не смогла найти. Страшась твоего гнева, государь, я привела вторую дочь. Красотою она не уступит Мугазо. Пусть пока радует твое сердце. А как только найдется Мугазо, я в тот же час доставлю ее к тебе.

Тут старуха бросилась царю в ноги и зарыдала, словно ей и в самом деле было жаль Мугазо. Однако царю не по нраву пришлись старухины речи, и он сказал:

— Раз уж ты привела свою дочь, оставь ее здесь. Только Мугазо найдешь во что бы то ни стало! Слышишь?

Старуха обещала выполнить царский указ, низко поклонилась и покинула царский дворец. Но прошло полмесяца, а она так и не появилась. Загрустил царь и, чтобы хоть немного развеяться, решил отправиться на охоту. Страже и приближенным велено было приготовить луки и стрелы, пики и копья, спустить гончих. Царь долго ездил со свитой по лесам, по долам, по равнинам, пока наконец не очутился у того самого пруда, с тремя кокосовыми пальмами на берегу, в котором утонула Мугазо. И тут царя неожиданно охватила такая печаль, что он шагу не хотел ступить дальше, все думал о своей Мугазо. Царю не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как горько он плачет, но слезы неудержимым потоком катились у него по лицу.

— Не знаю отчего, но здесь, у пруда, мне стало особенно грустно,— молвил царь.— Быть может, за этим кроется какая-то тайна? Надо хорошенько осмотреть пруд!

Воины тот же час попрыгали в воду, стали нырять, все обыскали, но, кроме золотой черепахи, ничего не нашли. Тогда они взяли черепаху и торжественно поднесли царю. Стоило царю прикоснуться к черепахе, как она всхлипнула. У царя же в этот момент полились слезы из глаз. Все это показалось ему удивительным. Он приказал свите возвращаться во дворец, а сам захватил с собой золотую черепаху. Как только прибыли во дворец, царь приказал пустить золотую черепаху в бассейн из чистого золота и каждый день приходил поглядеть на нее.

Только царь появлялся, черепаха начинала жалобно стонать, словно сетуя на судьбу. И чем громче стонала черепаха, тем сильнее текли из царских глаз слезы, а душу охватывала нестерпимая тоска.

Мухалок заметила, что царь каждый день ходит к бассейну и как увидит золотую черепаху, так начинает плакать. Злость закипела в ней. Дождалась она, когда царь с приближенными уехал на охоту, изловила золотую черепаху, съела, а черепаший панцирь бросила подальше на задний двор за царскими покоями.

Едва вернувшись с охоты, царь сразу пошел к золотому бассейну, но в ужасе отпрянул: черепаха куда-то исчезла. Спросил у Мухалок, где черепаха, та ответила, что знать не знает, ведать не ведает. Разгневался царь, велел тотчас позвать наискуснейшего в стране мудреца прорицателя, чтобы узнать, кто совершил злодейство. Тут Мухалок поняла, что дальше отпираться бесполезно, и во всем созналась.

Царь выслушал Мухалок, рассердился и говорит:

— Ты дурно поступила. Во дворце сколько хочешь кур, гусей, коз и свиней. Зачем же было есть несчастную черепаху? Отвечай!

Мухалок начала оправдываться, придумывала разные причины, однако и на сей раз злодейке все сошло с рук,— ведь даже казнив Мухалок, царь не смог бы оживить черепаху.

Между тем черепаший панцирь, который Мухалок забросила на задний двор, превратился в певчую птицу. Птица спустилась на крышу дворца и запела. И так печально она пела, что у всех, кто ее слышал, становилось на сердце тоскливо. Услышал царь ее пенье, загрустил и говорит:

— Если ты, моя любимая Мугазо, и в самом деле превратилась в птицу, на руку мне сядь!

С этими словами царь поднес руку к лицу. Птица тотчас же уселась на царскую ладонь. Царь немедля приказал соорудить для птицы золотую клетку, изукрашенную драгоценными каменьями. С той поры царь крепко привязался к птице, а она — к царю. Птица песню заведет — царь становится печальным. Мухалок опять это приметила и возревновала. Выждав, когда царь отлучился из дворца, она схватила птицу и съела. Царь вернулся, увидел, что птицы в клетке нет, и внутри у него все похолодело.

— Что это значит? — спросил он Мухалок.— Куда исчезла птица?

На сей раз Мухалок оказалась хитрее и говорит:

— Припадаю к вашим стопам, государь. Вот как это случилось. Готовила я обед на кухне, вдруг вижу: птица вырвалась из клетки, у самого окна летает, а на очаге котел кипит. Она и свалилась в котел. Мне же не оставалось ничего другого, как ощипать ее, сварить и вам на блюде поднести.

К сказке «Тхать Сань».

С этими словами Мухалок поднесла царю блюдо, только на блюде лежала совсем другая птица, не певчая. К птице царь не прикоснулся, Мухалок слова не сказал, лишь затаил на нее обиду...

Мухалок же, ощипав птицу, выбросила перья на задний двор. И вот спустя немного из перьев вырос красивый стройный бамбук. Как-то царь вышел на задний двор, увидел бамбук и воскликнул:

— Никто здесь не сажал бамбук! Откуда же он взялся, да еще такой красивый, стройный?

Мухалок услышала, что сказал царь, и подумала: «Всего лучше срубить этот бамбук и в печь отправить».

Дождавшись, когда царь уехал на охоту, Мухалок тут же вышла с топором в руках на задний двор, срубила весь бамбук и вместо хвороста сожгла его в печи. Корни выкопала и зарыла глубоко в землю на расстоянии двух дней пути от царского дворца.

Но корни снова проросли, на сей раз превратившись в прекрасное раскидистое дерево — душистую хурму, зеленевшую прямо у дороги. Под деревом, дававшим густую тень, одна почтенная женщина выстроила себе хижину, стала там жить и торговать различными товарами. Она надеялась, что дерево вскоре зацветет, а после принесет плоды, однако надежды ее не сбылись. И вот однажды старуха удивилась и говорит самой себе:

— Странно... Такое крепкое, такое молодое дерево, а не плодоносит.

Только старуха это сказала, как на одной из веток появился спелый плод, он был оранжевого цвета, а красоты такой, что глаз не отведешь. Вокруг разлился дивный аромат.

«Достанься мне этот чудесный плод,— подумала старуха,— я б не устала любоваться на него». И она, в который уже раз, подняла голову и посмотрела на хурму.

Тут плод отделился от ветки и упал прямо старухе в корзину. Старуха было собралась полакомиться, но раздумала: слишком уж красив был плод. И она спрятала его в кувшин, где хранила рис.

С той поры старуха стала примечать: стоит ей только отлучиться, как кто-то в доме приберет, обед сготовит, на стол накроет.

Вначале старуха ни о чем не думала, ела и пила вволю, но после захотелось ей узнать, что же за чудо такое происходит.

И вот однажды собрала она свои корзины, привязала к коромыслу, вышла из хижины, но вскоре вернулась, спряталась возле дома и стала ждать, что будет. Вдруг видит, в доме появилась девушка-красавица, пол чисто подмела, все убрала, принялась обед готовить. Старуха только диву далась: «Откуда взялась здесь эта красавица? Уж не вышла ли она из душистой хурмы?»

Подумав так, старуха тихонько вошла в дом, подошла к кувшину, смотрит: самой хурмы нет, одна кожура осталась. Старуха быстро вытащила кожуру и спрятала. После окликнула девушку: та как раз хлопотала у очага. Девушка в испуге кинулась к кувшину, но кожуры там не оказалось. Так девушка, смущенная, и осталась стоять посреди хижины. Старуха улыбнулась и спрашивает:

— Что это ты вдруг вылезла из такой прекрасной душистой хурмы и принялась помогать мне, одинокой и старой?

В ответ девушка поведала старухе всю свою историю и сказала, что помогает старухе, потому что жалеет ее.

Старуха не переставала удивляться и все спрашивала:

— А что же ты ела, когда сидела в хурме?

Мугазо с улыбкой отвечала:

— Ничего не ела, потому что не хотела, но стоило мне пожелать, и я могла бы полакомиться самыми вкусными кушаньями.

Старуха выслушала девушку и сказала, что берет ее в приемные дочери. Так и осталась Мугазо жить со старухой.

Через несколько дней Мугазо и говорит:

— Ступай, матушка, к царю, зови его в гости. Спросит царь, по какому случаю, отвечай: на свадьбу.

— Что это ты выдумала, дочка? — вскричала старуха.— Посмотри, какая у нас жалкая, обветшалая хижина. Не пойдет сюда царь. А если и пойдет, чем мы станем его угощать?

— Не тревожься, матушка,— отвечает ей Мугазо,— делай, как я говорю. Я все улажу, обо всем позабочусь.

Старуха согласилась, взяла палку и заковыляла ко дворцу. Приковыляла она, перед царем предстала, в гости его зовет. Царь долго не соглашался, но в конце концов старуха его уговорила. Только поставил царь одно условие: чтобы от дворца до самого дома старухи был постелен ковер. Старуха выслушала царя, низко поклонилась и двинулась в обратный путь. Идет и горюет, как ей быть да что делать. Пришла. Каково же было ее удивление, когда на месте убогой хижины она увидела прекрасный дворец, какого не сыщешь в целой столице! Во дворце все сверкало роскошью, все было приготовлено для веселого пира. Мугазо выбежала навстречу старухе и спрашивает:

— Довольна ты, матушка? Обещал царь к нам в гости приехать?

Старуха все по порядку рассказала: как ходила в царский дворец, как уговаривала царя приехать в гости, не забыла она и про условие, которое поставил царь.

Мугазо улыбнулась и говорит:

— Ступай, матушка, снова к царю, скажи, что ковер непременно будет, от дворца до самого нашего дома.

И старуха опять отправилась в путь. Но только шагнула она за порог, вдруг видит: прямо от хижины стелется по дороге

ковер редкостной красоты. Идет старуха по ковру, а про себя думает: «Мугазо не простая смертная, она — небожительница». Пришла старуха во дворец и говорит царю:

— Великий царь, от дворца до самого нашего дома я постелила ковер да еще соорудила навесы, чтобы ни один луч солнца не коснулся твоего лица. Так что ты уж не побрезгуй, пожалуй к нам в гости!

Поглядел царь, видит: на земле и в самом деле расстелен ковер редкой красоты. Удивился царь: как это удалось старухе выполнить его условие? Был полдень, солнце немилосердно жгло, поэтому царь приказал старухе возвращаться домой, сам же обещал пожаловать к вечеру, как только спадет жара. Старуха вернулась. Мугазо встретила ее и спрашивает:

— Матушка, ты ничего не говорила обо мне государю?

— Нет, ничего не говорила,— отвечала старуха,— я никому о тебе не говорила.

Тогда Мугазо попросила старуху пригласить на пир всех родных и знакомых. Народу собралось видимо-невидимо. Все только диву дались, как это бедная старуха сумеет накормить такое множество людей. Когда же они увидели богатый стол, уставленный самыми изысканными яствами, то стали спрашивать:

— Кто все это приготовил?

Старуха отвечала, что все это приготовила она сама, о Мугазо словом не обмолвилась. Мугазо же сидела в это время, притаившись, в соседнем покое.

Но вот солнце стало клониться к западу, и появился царский паланкин. Стоило царю переступить порог, как он почувствовал уже знакомую ему тоску. Старуха встретила его и проводила к пологу, который был по этому случаю натянут. Царь сел, а мыслями унесся куда-то очень далеко. Откуда ему было знать, что за этим пологом стоит его любимая Мугазо, с которой он прожил всего день?

Мугазо набила трубку табачными листьями и попросила старуху передать ее царю, сказав при этом, что если царь станет допытываться, кто приготовил трубку, чтобы сказала, что это сделала одна девушка. Старуха положила трубку на золотое блюдо и понесла царю. Увидев, как искусно свернуты в ней листья, царь взволновался; однажды он курил трубку, так же искусно приготовленную,— ее поднесла царю милая Мугазо.

— Кто приготовил трубку? — спросил царь.

Старуха отвечала так, как ей велела Мугазо. Царь погрузился в печальное раздумье, а после объявил, что, если кто-нибудь из девушек, которые пришли на пир, сумеет приготовить трубку так же искусно, он сделает эту девушку царицей. Все девушки с усердием взялись за дело, но ни одна из них своим умением не шла в сравнение с той, что приготовила лежавшую на блюде трубку. Тем временем Мугазо испекла пирог и наказала

старухе отнести его царю. Царь отведал пирога, еще больше удивился, подозвал старуху и спрашивает:

— Скажи, почтенная, кто приготовил трубку и испек пирог?

Старуха снова отвечала так, как ей велела Мугазо. Тут царь не выдержал и гневно закричал:

— Неправда! Только моя возлюбленная царица Мугазо может столь искусно печь пироги и свертывать табачные листья!

От этих слов Мугазо, стоявшая за пологом, вздохнула. Царь услыхал ее печальный вздох и кинулся за полог. Там он увидел Мугазо, взял ее за руки и заплакал. Царь велел подать самый красивый паланкин и с почестями проводить царицу во дворец.

Поведала Мугазо царю свою печальную историю. Рассказала, сколько горя пришлось ей испытать из-за коварной Мухалок и ее злой матери.

Выслушав Мугазо, царь понял, сколь злы и коварны Мухалок и ее мать.

Тем временем Мухалок вдруг пробудилась в своих покоях, услыхала голос Мугазо и всполошилась: «Что же мне делать? Теперь Мугазо займет во дворце мое место». Она встала пораньше, пошла прямо к Мугазо, очень ласково обо всем ее расспросила, после и говорит:

— Я уже не чаяла увидеть тебя живой и, согласно обычаю, заняла во дворце твое место.

Мугазо молчала. Тогда Мухалок стала на все лады расхваливать красоту Мугазо, а сама все думала, как бы выпытать секрет красоты, чтобы завоевать любовь царя.

— Скажи, сестрица, что надо сделать, чтоб стать, как ты, такой же белолицей и красивой? — увиваясь вокруг Мугазо, спрашивала Мухалок.

А Мугазо в шутку и отвечает:

— Возьми котел побольше, налей воды погорячее и искупайся. Сразу красавицей станешь.

Мухалок приняла ее слова всерьез, побежала в свои покои, вскипятила воду, налила в котел, прыгнула в него и сварилась.

Услыхав это, злая старуха перепугалась и кинулась прочь из дворца. А царь и Мугазо жили долго и счастливо.

ДВА ОДЕЯНИЯ ЧИНОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Вьетнамская сказка

Чиновный правитель соизволил заказать портному роскошное парадное одеяние.

— Я буду выходить в нем к гостям,— пояснил он.

— О чиновный господин, не соблаговолите ли вы сказать мне, к каким гостям вы собираетесь выходить в этом платье?

Чиновному правителю вопрос, видно, пришелся не по вкусу.

— А зачем тебе, презренный, знать это? — нахмурился он.

— О, всего лишь для того, чтобы не ошибиться, когда буду шить... Если вы намереваетесь в этом платье принимать еще более важных чиновных особ, чем вы, то надо его укоротить спереди. Если же будете выходить в нем к простолюдинам, то укорачивать следует сзади.

Задумался чиновный правитель, а потом закивал головой:

— Ах вот оно что! Пожалуй, верно... Шей мне два парадных платья.

ВАШ СЛУГА ЭТО ЗНАЕТ...

Вьетнамская сказка

Четверо почтенных старцев, сидя на циновке за угощением, развеселились и начали потешать друг друга диковинными историями о дальних краях.

Первый старец начал говорить:

— Как-то раз прогуливался я по берегу реки Боде, вдруг смотрю: огромный-преогромный буйвол, величиной с гору, стоит на одном берегу реки, а сам вытянул шею, достал до другого берега и, представьте, сразу слизнул языком посевы риса с трех мау* земли!

Второй старец заулыбался и продолжал:

— Ну, это еще не диво. Вот я видывал такой индийский тростник, что просто чудеса, да и только! Ствол у него длинный-предлинный, как горная цепь Чыонгшон*.

Первый старец с усмешкой промолвил:

— Ну, а по толщине этот ствол с общинный дом вашей деревни?* Не так ли, почтенный?

— Вот именно! — невозмутимо ответил ему второй.— А иначе из чего прикажете сделать веревку, чтобы продеть через ноздри того самого буйвола, почтенный?

Тут его прервал третий старец:

— Неужели эдакие пустяки вам кажутся чудесами, почтенные? Вот, скажу вам, я видел как-то раз дерево... И какое дерево! Такое огромное, такое высокое! Кажется, что макушкой небо проткнет! А ствол такой толстый, такой неохватный; чтоб только обойти вокруг него, полмесяца нужно!

Первый и второй старцы тут разом заговорили:

— Это небылица, быть того не может!

— Если таких деревьев не бывает,— рассердился третий старец,— то скажите, к какому же столбу привязывать вашего буйвола, почтенные?

Тут в разговор вмешался четвертый старец:

— Вы все, почтенные, говорите чистейшую правду... Бросьте ссориться. Но, скажу прямо, это еще не чудеса. Вот я видел огромнейший барабан, это такой барабан, от грохота которого сотрясались целые страны!

Первые три старца, раззадорившись, стали приставать к четвертому с расспросами:

— Какова же величина этого барабана, коль его грохот сотрясает целые страны?

— Посудите сами, почтенные: чтобы обтянуть этот барабан, едва хватило шкуры того самого буйвола с берега реки Боде, а корпус его сделали из дерева, которое макушкой небо достает, ну а индийский тростник, ствол которого длиною с горную цепь Чыонгшон, пошел вместо обруча, чтобы перетянуть барабан.

Поняли три старца, что четвертый их обставил, и задали ему ехидный вопрос:

— А скажите, почтенный, на что вешают ваш барабан, когда собираются в него ударить?

Четвертый старец растерялся, никак не найдется, что ответить, а в это время мальчик-слуга сказал из-за спины хозяина:

— Ваш слуга это знает, позвольте мне сказать, почтенные.

Старики обернулись, оглядели мальчишку, милостиво головами закивали:

— Позволяем, говори.

Маленький слуга за ухом почесал и начал:

— Барабан тот висит на мосту, по которому я хаживал вместе с отцом. Раз мы остановились, глянули с моста вниз, а мост такой высокий, что буйвол, вытянувший шею на другую сторону реки, показался нам совсем крошечным, не больше блохи, ствол индийского тростника, по длине равный горной цепи Чыонгшон, был не длиннее волоска, а дерево, макушка которого в небо упиралась, оказалось не выше гриба. А потом-то что случилось... Отец загляделся, голова у него кругом пошла, и полетел он вниз; зарыдал я, отца три года оплакивал. Когда траур снял, опять пошел тем мостом, смотрю — отец все по-прежнему вниз летит, в реку еще не упал.

КАК НА СВЕТЕ ПОЯВИЛИСЬ ЛЕТАЮЩИЕ РЫБЫ

Кхмерская сказка

В теплом заливе Кампонгсаом, у берегов Кампучии, водятся летающие рыбы. Как же это рыбы стали летать? Вот что рассказывают об этом старики кхмеры.

Давным-давно жили на берегу залива два бедных брата

рыбака. И были у них жены: у старшего умная и трудолюбивая, а у младшего — глупая да ленивая. Сказала однажды старшему брату его жена:

— Трудимся мы с тобой с утра до ночи, а живем бедно. Говорят, на дне моря полно жемчуга. Давай-ка вычерпаем из моря всю воду и наберем жемчужин. Вмиг разбогатеем!

Муж подумал и согласился. Наутро они поднялись чуть свет, взяли с собою два больших ковша из кокосового ореха и пошли к морю. Принялись вычерпывать воду из залива Кампонгсаом. С восхода до заката работали. Вдруг вылез из воды старый краб и спрашивает:

— Вы зачем это вычерпываете воду в нашем заливе?

Отвечают муж с женою:

— Да вот хотим осушить море и собрать со дна все жемчужины.

Дух перевели и принялись снова за работу.

А старый краб нырнул в воду, быстро опустился на дно и поведал обо всем морскому царю — дракону. Выплыл дракон на поверхность, увидал, как работают люди, испугался. Коли вычерпают муж с женою всю воду в заливе, то и до океана доберутся. А без воды погибнет его царство, и всем обитателям его конец! Тогда велел дракон своим подданным:

— Живо опускайтесь на дно и принесите наверх по жемчужине!

Принялись сновать морские жители — рыбы, медузы, улитки, крабы. Каждый опустился на дно и вернулся к берегу с крупной жемчужиной. Наполнили муж с женой кокосовые ковши жемчугом и пошли домой.

Прослышала жена младшего брата, что родственники разбогатели, и говорит мужу:

— Давай-ка и мы припугнем морского дракона, авось он и нам подарит гору жемчуга!

Пошли младший брат с женою к морю, стали черпать воду чашками из тыквы-горлянки. Раз черпнули, другой... Надоело. Ленивая жена отшвырнула чашку и сказала мужу:

— Работай-ка один, а я передохну!

Муж рассердился:

— Вот еще, буду я один черпать! Сама начала — сама и кончай!

Поднялся у них тут спор. А после и до драки дошло. Жена вцепилась мужу в волосы, а он ее давай водой обливать. Шум, гам стоит. Услыхали это морские жители, из воды высунулись, а кто и на берег выполз. Смотрят, хохочут. Крупные рыбы смеются, хвостами по воде бьют. А маленьким рыбкам плохо видно. Стали они из воды выскакивать, чтобы на мужа с женою поглядеть.

Тут вылез из моря сам дракон. Видит, как жена таскает мужа

за волосы, а он ее чашкой по голове колотит. Захохотал морской владыка. От хохота его всколыхнулось море, зашатался берег.

Испугались муж с женою большой волны, кинулись на берег, а оттуда домой. Еле ноги унесли. А жемчуга-то и не добыли. Так и остались ленивые драчуны ни с чем.

А любопытные рыбки из залива Кампонгсаом долго еще выскакивали да смотрели, не дерутся ли муж с женою. И часто из южных морей сюда приплывали: все охота узнать им, что на берегу делается.

Оттого и вылетают эти рыбки из морской волны. И зовут их летающими.

ДВЕ ДЕВОЧКИ

Кхмерская сказка

Жила-была девочка. Однажды послала ее мать в лес копать дикий батат*. Девочка взяла лопату, плетенку, пошла в лес и забралась в глухую чащу. В чаще было гнездо белых термитов*, и в нем глубокая нора. Стала девочка около этого гнезда искать батат, лопата у нее соскочила с черенка и угодила прямо в нору.

Девочка бегала-бегала вокруг, никак лопату достать не может, стала звать на помощь.

Вдруг из густых зарослей вылез старый-престарый тигр, голова у него вся в нарывах да гное.

— Девочка, я слышал, ты звала на помощь. Я готов помочь тебе — достану лопату. Но ты должна очистить мои нарывы. Другой благодарности мне не надо.

— Ах, дедушка! Вы мне только достаньте лопату, я все для вас сделаю.

Достал тигр лопату и стал ожидать, исполнит ли девочка свое обещание. Взяла девочка острую палочку и принялась очищать нарывы. Тигр спрашивает:

— Наверное, шкура моя противно пахнет?

И верно, от нарывов такое шло зловоние, что дух захватывало, но девочка ответила:

— Нет, нет, дедушка, ничего подобного.

Тигр несколько раз переспрашивал, а девочка знай все то же отвечает.

Как только закончила она свое дело, тигр вдруг преобразился, шерсть его заблестела. Пропали все нарывы! Говорит тигр девочке:

— Давай свою бамбуковую плетенку, я тебе батата хорошего насыплю.

Девочка подала бамбуковую плетенку, и тигр тайком насыпал

ее доверху чистым золотом и серебром, потом закрыл плотно и говорит:

— Ну, бери свою плетенку и ступай домой. Вернешься, позови родителей, братьев и сестер, закрой как следует дверь, а потом уж открывай плетенку.

Поблагодарила девочка тигра, распрощалась с ним, пришла домой, позвала родителей, сестер и братьев, закрыла дверь и открыла плетенку. Глядь, а в ней золото и серебро так и сверкают!

Не прошло и нескольких дней, как об этом происшествии узнала соседка, у которой тоже была дочка. Стала она бранить-стыдить свою дочь:

— Посмотри на других! Из лесу золото-серебро плетенками таскают, сестер-братьев одаривают. А ты ничего, кроме диких бататов, не находишь. Бери лопату, ступай к гнезду белых термитов и делай все, как соседская девчонка.

Пошла соседская дочь в лес. Забросила она лопату в нору и стала умолять тигра помочь ей — обещала отблагодарить по совести, любые его желания исполнить.

Достал тигр лопату, а в благодарность попросил очистить его нарывы. Стала соседская дочь это делать, а тигр и спрашивает:

— Наверное, шкура моя противно пахнет?

— Ой, дед, еще как противно!

— Ну ладно. Довольно с тебя. Давай-ка свою бамбуковую плетенку, я положу тебе кое-чего.

Та скорее протянула ему плетенку. Наложил тигр полную плетенку ядовитых гадюк и говорит:

— Ступай домой, позови мать, затвори хорошенько дверь, а потом открывай плетенку.

Соседская дочь так и сделала. Пришла домой, позвала мать, открыли они плетенку, думали золото и серебро делить. А оттуда стали выползать страшные гадюки! Пришлось бегом убегать и матери и дочке.

СИРОТЫ

Кхмерская сказка

Жил когда-то один человек. Жена у него умерла, и остался он с двумя сыновьями. Человек этот кормился тем, что ставил бамбуковые верши, ловил рыбу и продавал ее на базаре.

Когда он уходил в лес рубить бамбук и плести верши, то всегда брал с собой старшего сына, а младшего оставлял присматривать за домом. Младшему сыну очень хотелось узнать, как отец плетет верши. Вот он и попросился однажды с отцом в лес. Отец согласился, и они отправились втроем.

Пришли они в лес, стал отец бамбук подходящий выбирать, рубить его, стволы щепить, верши мастерить. Сколько старший сын с отцом ни ходил, ничему не научился, все об обеде думал. А у младшего сына был совсем другой нрав: усердно перенимал он отцовскую сноровку, во все глаза глядел — и какой бамбук отец выбирает, и как его рубит, и как щепу дерет, и как вершу плетет, как ее ставит, и как вынимает, и как рыбу жарит — все старался запомнить.

Прошло много времени. Заболел отец и помер. Остались два брата круглыми сиротами, некому о них позаботиться. Обнищали они вконец. Вот младший брат и говорит старшему:

— Брат мой, покуда отец был жив, не знали мы ни забот, ни печали. Но отец умер, а мы еще малы, сами зарабатывать не можем. И к соседям не наймешься — не возьмут нас! Что ты думаешь делать, брат? Ведь риса у нас осталось только на вечер. Завтра утром нечего нам будет есть. А милостыню просить стыдно. Это не по мне!

— Почему же это стыдно? — удивился старший брат.

— Не калека я, руки и ноги целы, голова на плечах...

— Ну конечно, руки и ноги у нас есть, голова — тоже. Так ведь мы еще малы! Тяжести таскать, деревья корчевать, лес рубить — разве это дело про нас?

— Так что из того? Вспомнить бы нам, брат, об отцовском ремесле.

— Сказать по правде,— отвечал старший,— не учился я отцову ремеслу и ничего не запомнил. Не знаю, как вершу мастерить, как ее ставить. Вот жарить рыбу умею, но ведь ее надо сперва поймать! Нет, лучше и не думай об этом! Пойдем просить милостыню! Таким малышам, как ты да я, нечего стыдиться!

— Нет, брат,— возразил младший,— не хочу я попрошайничать, и не по нутру мне прислуживать богачам! Кто у нас в роду побирался? Кто из наших предков был рабочей скотиной на чужом дворе? Нет, никому я не позволю помыкать собою. Люди подают милостыню с презрением, а слуги для богачей — хуже собаки. Ты только представь себе свиные глаза хозяина! День-деньской измывается он над слугами, день-деньской изводит их черной работой. От его кулаков и брани не спрячешься. Не забывай: и добрый и злой человек с обидным снисхождением бросают тебе кусок, да и ты унижаешься, протягивая руку за подаянием. Его рука дает, а твоя берет. У всех людей есть руки, у всех людей есть рты. Почему же у одних руки осквернены позором попрошайничества, а у других чисты? Чем наши руки хуже других? Разве я не прав, брат?

— Если бы ты хоть отцовское ремесло знал!

— О, об этом не беспокойся. Я запомнил все. Нам не придется побираться и кланяться богатеям. Не придется унижаться! Отец оставил нам главное — нож для рубки бамбука. На пропитание

мы заработаем, а больше нам ничего не нужно. Не вешай голову!

— Ну что ж, давай попробуем...

Младшему брату все оказалось под силу. Братья зажили безбедно. Они мастерили верши, ловили рыбу. Часть добычи продавали и покупали рис и соль.

Как-то задумался младший брат: «Наш отец умел только рыбу ловить. А почему бы не ловить зверя? Ведь в лесу водятся и вепри, и олени, и косули». И говорит он старшему брату:

— Может, нам охотой заняться? Поймаем вепря или оленя, будет у нас вдоволь мяса.

Согласился старший брат. Понял он, что младший брат и отцовское ремесло постиг, и смекалист в придачу. Решили они отправиться подальше в лес, где зверей больше. Шли, шли лесом и зашли уже далеко. Тут старшему брату захотелось пить, он и говорит:

— Брат, мне пить хочется.

— Когда отец хотел пить, он находил сырое место, рыл ямку и ждал, пока в ней соберется вода.

— У меня нет сил рыть ямку, устал я.

— Давай пройдем еще немного. Кажется мне, что неподалеку вода.

И правда, прошли они совсем немного, и перед ними оказался прекрасный лесной пруд. Братья напились вволю, снова в путь двинулись и наконец забрели в такой глухой лес, где и человеческая нога не ступала. Младший брат и говорит:

— Остановимся здесь! Жить будем на дереве, чтобы нас не достали дикие звери, а на земле поставим ловушку. Пищи нам надолго хватит.

Соорудил младший брат шалаш на дереве, оставил там старшего брата, а сам пошел ловушку ставить. Сначала он нарезал бамбук и окопал лес вокруг своего убежища, только узкий проход оставил, потом стал мастерить хитрую ловушку. Когда ловушка была готова, он положил в нее рыбу для приманки.

Вот идет по лесу могучий вепрь. Ничего ему не страшно. Почуял он рыбу, бросился к ней и угодил в ловушку. Бился-бился вепрь, не смог вырваться. Вытащили братья зверя из ловушки, стали обед готовить. Только тут заметили они, что кремень совсем истерся. Приуныл старший брат. Но младший хорошо помнил, как поступал в таких случаях отец. Разыскал он две сухие бамбуковые щепки, принялся тереть их друг о друга, огонь и загорелся. Изжарили они мясо и вкусно пообедали.

Долго братья жили в лесу, ни в чем не нуждались. Бродили вокруг их жилья и вепри, и олени, и косули, и дикие слоны. Как-то раз младший брат увидел огромного слона без бивней и говорит старшему брату:

— Брат, ходит тут слон, вот бы нам его поймать! Давай смастерим ловушку!

— Что ты! Слон разнесет любую ловушку в щепки, а потом так разозлится, что и нас не пощадит. Слонов лучше не трогать.

— Нет, я все-таки попробую его поймать.

Соорудил младший брат большую ловушку на тропе, где каждый день проходил слон.

Ночью шел слон своей дорогой и рассуждал хвастливо:

— Мой это лес! Нет тут никого сильнее меня! Все меня боятся, а я никого.

И, конечно, угодил прямо в ловушку, поставленную младшим братом. Поднялся в лесу страшный рев. Но сколько ни ревел слон, сколько ни метался, вырваться не смог.

Слезли братья со своего дерева, разделали слоновью тушу, развели костер, свежее мясо жарят. Вкусный запах разнесся по всему лесу и защекотал ноздри короля якков*.

— Ого-го! — загремел якк.— Сегодня в лесу отменно пахнет. Кто это там жарит мясо? Слетаю-ка я посмотрю, кто бы это мог быть. Вдруг и мне на обед хватит! Уж больно вкусно пахнет! Отберу-ка я это мясо и съем!

Схватил якк алмазную палицу и взвился в воздух. Прилетел к костру и видит: два мальчика жарят слона.

«Вот это да! — подумал якк.— Сегодня мне просто везет. Не только обед, но и закуска есть. С чего же мне начать? Слона съем — мальчишки убегут. Мальчишек съем — чем освежить рот после жареного? Съем я все-таки сначала слона. Никуда мальчишки не денутся».

Подскочил якк к костру и зарычал:

— Хыр, хыр, откуда вас принесло? А ну проваливайте!

Старший брат так и обмер от ужаса. Он сразу догадался, что перед ним якк. Точно так про них старики рассказывали: великан великаном, из пасти клыки торчат, и рвет ими страшилище людей в клочья! Язык у парня от страха отнялся. А младший брат подумал: «Откуда это взялось такое странное существо? Здоровенный верзила, зубы большие и белые, словно начищенная лопата, глаза злющие, как у совы, лицо бугристое, как у жабы, туловище словно у крокодила, голос хриплый и громкий, густые усы и борода, словно у черта. Ну погоди! Не поздоровится тебе! Посмей только съесть нашего слона!»

Отошли мальчики в сторону и стали глядеть, как якк пожирает слоновье мясо. Младший брат очень рассердился, но не проронил ни слова. Задумал он расправиться с незваным гостем. А тем временем якк доел всего слона и, облизываясь, прорычал:

— Хыр-хыр! Как это вы, мурашки несчастные, умудрились поймать и изжарить такого жирного и вкусного слона?

Младший брат как будто ждал этого вопроса. Он тут же ответил:

— Вы ешьте себе, а как слонов ловить, это не вашего ума дело!

— Как ты смеешь грубить мне! Вот сейчас проглочу тебя с потрохами!

И якк угрожающе сверкнул своими глазищами. Младший брат сделал вид, что испугался, и покорным голосом сказал:

— Этого слона я поймал в ловушку.

— Ты что ж, слонов ловишь? — недоверчиво переспросил якк.— Такого быть не может! Ты лжешь мне, дрянной мальчишка,— зарычал он снова.— Давай говори правду, где достал слона, а не то я тебя проглочу!

— Разве смею я вас обманывать? Коли не верите, убедитесь сами!

— Неужто ты и вправду делаешь ловушки? — все еще недоверчиво пробурчал якк.

— Да.

— Ишь ты какой смышленый! А ну покажи мне свою ловушку!

— Вот она! Войдите в нее и все осмотрите.

Якк презрительно усмехнулся: «Тоже мне ловушка! Шевельну мизинцем — в щепки все разлетится!»

Просунул якк голову в ловушку и влез в нее. Стиснула его ловушка, тонкими прочными лианами опутало всего. Взревел якк от боли и гнева, стал рваться и метаться, но видит, силой не вырваться. Убедился якк, что ловушка и впрямь на славу сделана: не только слона, но и могучего якка удержит. Тогда захныкал он:

— Не губите меня, отпустите на волю, я и так уже тяжко наказан...

Услыхал младший брат, что чудовище о пощаде молит, взял большой нож, подошел к якку и говорит:

— Ага, вот ты как теперь поешь! А кто слона нашего сожрал и нас собирался?! Ну вот что, надоело мне тебя слушать, да и проголодался я очень. Пришла пора твоей печенью полакомиться. А ну, брат, ступай выруби вертел потолще. Сейчас мы поджарим этого разбойника.

А старший брат от страха трясется, слова вымолвить не может. Понял младший брат, что старший трусит, и говорит:

— Вижу, брат, не терпится тебе мяса этого якка отведать. Даже дрожишь весь от нетерпения. Но уж потерпи малость! Не есть же печенку сырой. Надо бы ее зажарить.

От таких слов у якка душа в пятки ушла. Заныл он еще жалобнее:

— О мои добрые повелители! Пожалейте меня, не губите меня, и я вас щедро отблагодарю. Подарю вам волшебный платок, только отпустите меня на свободу. Ведь я король якков! Погубите вы меня — и погибнет все мое королевство, бесприютными сиротами останутся жена и дети.

— А какой нам прок от твоего волшебного платка? — удивился младший брат.

— Взмахнете платком, и появится перед вами все, чего ни пожелаете. А взмахнете еще раз, и все пропадет.

— А ты не обманываешь нас? — спрашивает младший брат.

Стал якк клясться, что не лжет. Только младший брат все не верит ему:

— Врешь ты, якк, провести нас хочешь.

— Нет, о мой повелитель, я говорю правду.

— А если ты обманешь нас, что мы будем делать? Не верю я тебе. Ведь ты король. Все вы, короли, хитрые. Окажешься на свободе, соберешь свое войско и пойдешь против нас войной... Эй, брат, бери нож, режь якку брюхо. Поджарим печень и славно пообедаем. А то оголодал я совсем.

Старший брат трясется от страха, а якк ничего не замечает, ничего не слышит, кроме слов младшего брата, и смертельный ужас терзает его.

— Не губите меня! — кричит якк.— Повелитель мой, отдаю вам свой трон и все свое королевство. Только пощадите меня, отпустите к жене и детям! Верой и правдой служить вам буду, от любой напасти уберегу.

— Ладно, простим тебя. А в каком королевстве ты король? И как найти туда дорогу?

— О повелитель мой, до моего королевства добраться нетрудно. Только отпустите меня. По всей дороге до самого королевства я сделаю отметки, по которым вы туда легко доберетесь.

— Это какие еще отметки?

— Наломаю свежих веток и буду все время кидать их на дорогу. Так вы узнаете путь в мое королевство.

Освободили братья якка. Низко им поклонился якк и тут же принялся за дело: стал ветки ломать и устилать ими дорогу.

А когда вернулся якк в свой дворец, созвал он всех главных сановников, стражей всех семи дворцовых ворот и объявил:

— Завтра здесь объявятся два мальчика — хотят они захватить мой престол. Не пускать их во дворец! Не вздумайте только убить их! Уж так они сильны, так сильны! Повелеваю вам преградить им путь, а уж если они не испугаются, открывайте ворота, пусть войдут во дворец.

Сказал так якк и завалился спать, захрапел так, что земля задрожала.

Тем временем братья подходили к королевству якков. Встретила их многочисленная королевская стража. Старший брат, как увидел, до того испугался, что рассудка чуть не лишился. А младший брат, чтобы придать ему храбрости, знай приговаривает:

— Эй, брат, чешутся у тебя руки, подмывает тебя разорвать в клочья этих безобидных якков. Не обижай их, пожалуйста. Я понимаю, тебе трудно сдержаться, но ты уж пожалей их, они и так тебя до смерти боятся.

Услыхали якки такие слова и вправду до смерти перепугались.

Даже пикнуть не посмели, не то что рев поднять. Так и пропустили мальчиков через все семь ворот.

Вошли братья во дворец, добрались до королевской спальни, откуда доносился громкий храп, и увидели: спит король якков на роскошном ложе. А подле его ложа, подогнув ноги, сидят служанки: сто служанок слева, сто служанок справа. При виде стольких якков старший брат опять задрожал от страха. А младший брат крикнул:

— Эй, якк, вставай! Мы уже здесь!

Вскочил якк, увидел тех, кто осилил его, и поклонился им до земли. Потом крикнул служанкам, чтобы разослали гонцов, созвали во дворец всех сановников, всех министров, всех ученых, всех поэтов. Когда все были в сборе, король якков объявил:

— Кланяйтесь в ноги этим двум властителям, любите их и жалуйте, как меня. Я передаю им свой трон и свое королевство. Всех моих подданных осенит милость новых могущественных повелителей. Служите им верой и правдой.

Младший брат отказался от престола: он считал, что королем подобает быть только старшему брату.

Когда мальчики выросли, женились они на прекрасных дочерях старого короля якков и долго жили дружно и мирно.

КАК ВОРОНЕ НЕ УДАЛОСЬ КУЗНЕЧИКА СКЛЕВАТЬ

Лаосская сказка

Однажды госпожа ворона увидела кузнечика — он на зеленом листочке дремал,— и ей страсть как захотелось его склевать. Но тут-то парень кузнечик очнулся от дремы, поднял головку и сказал:

— Госпожа ворона, сделайте милость, отгадайте мои загадки. Если вы отгадаете, тогда можете и съесть меня.

Ворона закаркала, головой закивала:

— Хор-рошо! Хор-рошо! Только загадывай поскорей, не мешкай.

А кузнечик ей говорит:

— Отгадайте, госпожа ворона, что на свете острее самого острого?

— Тут и думать нечего! Карр! — радостно каркнула ворона.— Всем известно, я сама в том не раз убеждалась, что острее острого наконечник стрелы.

— Не отгадали, почтеннейшая,— вымолвил кузнечик.— Загадаю вам еще одну загадку. Скажите, что на свете легче наилегчайшего?

— Тут и думать нечего! Это волокно хлопка! Волокно хлопка! Карр!

— Снова не отгадали, госпожа ворона. А что на свете быстрее самого быстрого?

— Карр! Карр! Колесница! Боевая колесница! — закаркала ворона.

— Нет, госпожа, опять не угадали. Теперь скажите, что на свете сильнее самого сильного?

— Тигр! Карр! Карр!

— Вот и нет! Вот и нет! Что же тяжелее самого тяжелого?

— Земля! Наша земля! Карр! — сердито закаркала ворона.

— Не то! Опять не то! — отвечал кузнечик.

Очень он был доволен, а ворона совсем осерчала. Она и раньше черной была, а теперь еще чернее от злобы сделалась. Взмыла ворона ввысь и решила сверху кинуться на кузнечика — склевать его. Видит кузнечик — плохи его дела. Стал он умолять госпожу ворону:

— Пойдем вместе к судье. Пусть рассудит, кто из нас прав, а кто не прав.

Согласилась ворона,и отправились они оба к дому судьи. Первой все рассказала судье ворона. А потом выступил вперед кузнечик.

— Многоуважаемый судья! — заговорил он.— Захотела ворона мною полакомиться, я ей тогда и говорю: «Если вы, госпожа, сумеете отгадать мои загадки, то кушайте меня на здоровье». Только вороне ни одной моей загадки отгадать не удалось. Судите сами. Ведь острее всего на свете разум, легче наилегчайшего чистая совесть, быстрее наибыстрейшего — мысль, сильнее самого сильного — добродетель и честность, а тяжелее самого тяжелого — душа преступника. Прошу вас, почтенный, рассудите, кто из нас прав.

Задумался судья, а потом головой закивал:

— Прав парень кузнечик. Во всем прав. Вы, госпожа ворона, проиграли.

На этом все и разошлись. Но с тех пор вороны на кузнечиков очень сердиты. И где бы ворона ни увидела кузнечика, тут же норовит его склевать.

ЛИСА, ОЛЕНЬ И ВОРОН

Монгольская сказка

В далекие времена жили-были лиса, олень и ворон. Каждый день поутру они отправлялись в разные стороны на поиски пищи, а вечером снова собирались вместе и рассказывали друг другу, где чем можно поживиться. Однажды лисе не повезло: целый день

искала она добычу, но так ничего и не нашла. И позавидовала голодная лиса оленю: тот повсюду находил траву и всегда возвращался домой сытый. Решила лиса погубить оленя и говорит ему:

— Послушай-ка, олень, знаю я на западе одно большое пастбище. Трава там вкусная-превкусная. Ступай завтра туда, и ты наешься до отвала.

Поверил олень и на другой день пустился в путь. Шел он, шел и пришел в поле, где росла густая рожь. Но полакомиться ему так и не удалось — он сразу же попал в западню. Вечером лиса и ворон вернулись домой, а оленя нет и нет. Забеспокоился ворон и спрашивает лису:

— Куда это наш олень запропастился?

Показала ему лиса на пастбище. Прилетел ворон на ржаное поле, видит: олень в западне. Ворон и говорит ему:

— Я полечу к хозяину поля, сяду на его юрту и закричу: «Готовь веревку!» Старик тут же прибежит к тебе, а ты лежи и не шевелись. Он подумает, что ты неживой, освободит тебя из западни, а сам сядет рядом покурить. Тогда ты вскакивай и беги что есть мочи.

Полетел ворон к юрте, где жил старик, и закричал: «Готовь веревку, олень в западне!» Выскочил старик из юрты, бросился в поле. Видит: лежит прекрасный олень и не шелохнется, словно мертвый. Обрадовался старик хорошей добыче, открыл капкан, потом утер пот с лица и сел покурить. Тут олень вскочил и пустился наутек. Старик заругался, снова насторожил западню и поплелся домой ни с чем, проклиная себя за ротозейство.

А лиса ждет-пождет: олень с вороном все не возвращаются. Решила она пойти в поле: авось удастся поживиться оленьими потрохами. Да и угодила в западню!

СТАРИК И ТИГР

Монгольская сказка

В незапамятные времена жили на свете старик со старухой, и было у них несколько коров и овец. Повадился к ним волк ходить. То овцу стащит, то корову. Однажды пошел старик в лес за дровами, и повстречался ему тигр. Сказал тигр старику:

— Давай померяемся с тобой силой!

Растерялся старик.

«Съест меня тигр»,— подумал он, а вслух сказал:

— Давай, только не сейчас.

— А когда и где?

— Завтра на этом же месте,— ответил старик и побрел домой.

— Что мне делать? — спросил он у своей старухи.

Та подумала и сказала мужу:

— Иди-ка ты опять в лес. Подруби большое дерево, да чтобы незаметно было.

Старик так и сделал.

На другое утро тигр уже сидел в условленном месте и ждал старика. Пришел старик и говорит ему:

— Ну-ка, поглядим, кто из нас сильнее. Сейчас я дерево свалю, а потом — ты!

Толкнул он плечом подрубленное дерево, и оно легко упало на землю. А тигр, сколько ни старался, ни одного дерева свалить не сумел.

— Эх ты, даже такой пустяк тебе не по силам! — сказал старик с притворным удивлением.

Решил тигр, что старик и впрямь очень силен, и говорит ему:

— На этот раз ты победил. Но это не все. Давай завтра еще раз померяемся силой. Говорят, тот силен, кто может выдавить сок из камня.

Воротился старик к старухе:

— Что мне теперь делать?

Старуха подумала-подумала и дала мужу свежего овечьего сыра.

— Положи-ка его в углубление на камне.

Так и сделал старик.

На следующее утро тигр уже поджидал старика. Старик слегка сдавил камень:

— Смотри, тигр, вот тебе и сок из камня!

А тигр как ни давил камень, ничего у него не получилось. Испугался тигр.

«Какой же сильный этот старик»,— подумал он и пригласил его к себе в гости.

Дрожа от страха, старик согласился. Тигр угостил его чаем и разными кушаньями, а потом и говорит:

— А теперь давай ляжем спать.

Притворился старик спящим и видит: взял тигр саблю, точило и вышел из юрты. Понял бедняга, что тигр хочет его зарубить, схватил большую медную ступку и надел ее себе на голову. Подкрался тигр к старику, ударил по ступке один раз, другой, а на третий раз сабля и разлетелась на мелкие кусочки. Испугался тигр, забился в угол и лишь под утро уснул. А старик поднялся и потихоньку поставил ступку на место.

Утром, почесывая голову, он сказал тигру:

— Кажется, когда я спал, кто-то гладил меня по голове.

— Это я вчера хотел тебя зарубить и съесть, да не смог,— признался тигр.— Ты и вправду неуязвим! Сейчас чай вскипятим, сходи-ка за водой!

Старик с трудом поднял огромный кувшин величиной с бочонок и еле донес его до колодца.

«Пустой-то кувшин я еле доволок, а с водой мне его и вовсе

не поднять. Что же делать?» — подумал старик и принялся вскапывать землю вокруг колодца.

А тигру в юрте надоело ждать старика.

— Что ты там делаешь? — крикнул он.

— Да чем носить воду по капле, лучше выкопать колодец и целиком принести тебе. Так хочется пить, что я готов выпить из него всю воду.

Испугался тигр, что останется без колодца, наполнил кувшин водой и сам понес в юрту.

Стал старик домой собираться. Тигр достал большой слиток золота и преподнес его в дар гостю.

— Будь добр, тигр, донеси уж этот подарок мне до дому,— попросил старик.

Пришлось тигру пойти со стариком. Обрадовалась, захлопотала старуха:

— Какое блюдо приготовить тебе?

А тигр уже пустился в обратный путь. Старик как закричит ей в ответ:

— Догони-ка этого тигра, сварим его на обед себе!

Услыхал тигр эти слова и пустился наутек. Повстречался ему волк.

— Ты куда так торопишься? — спросил он у тигра.

— А-а, здесь живет один страшный старик. Он со своей старухой хочет меня съесть.

— Не бойся, тигр. Я каждый день таскаю у них скот. Пойдем вместе.

— Не пойду,— сказал тигр,— боюсь.

— Ну уж коли ты такой трус, давай свяжемся поясами и пойдем рядышком.

Так они и сделали. Увидел старик зверей и говорит:

— А, волк, должок возвращаешь? Молодец! Ты ведь давно обещал мне заманить тигра!

Услыхал это тигр, бросился наутек, волоча за собой волка. С тех пор они и близко не подходили к аилу.

Так старик со старухой избавились от своих врагов.

СТАРЫЙ ВОЛШЕБНИК

Монгольская сказка

В древние времена жил-был старый волшебник. Однажды призвал его к себе хан. А надо сказать, что хан этот никогда в жизни горя не знал и потому был очень жесток.

Вот пришел волшебник к хану, а тот и говорит:

— Слышал я, что ты великий волшебник. Ну-ка, покажи свое искусство!

— Что же хочет увидеть мой хан?

— Да что угодно! — нетерпеливо ответил хан.

— Хорошо. Налей горячего чаю в чашку, поставь ее здесь, а сам выйди за дверь.

Хан сделал все, как тот сказал, и, когда вышел за дверь, увидел красавца вороного. Конь очень понравился хану. Он вскочил в седло и понесся вскачь. Ехал он, ехал и заехал в неведомые места. Вдруг конь сбросил седока и умчался, а хан остался один в безлюдной степи. Пришлось ему пить воду из луж, питаться саранчой да кузнечиками. Шатаясь от голода и усталости, брел хан по степи и все высматривал — чего бы поесть.

Однажды ему повстречались старая женщина и два маленьких худых мальчика.

Женщина рассказала хану, что все имущество отняли у нее ханские сборщики, и теперь детям нечего есть. Стал хан жить вместе с ними. Как-то весной один мальчик заболел и умер. Хану было очень его жаль. Сел он на камень и горько заплакал.

Сколько так сидел хан, неизвестно, но когда он успокоился и огляделся по сторонам, то увидел, что сидит у себя на троне под балдахином, даже чай в чашке еще не успел остыть

— Ну как, хан, нагляделся ты на людское горе? — спросил старый волшебник.— Вот видишь, как тяжко живется людям, тобой обиженным!

И старый волшебник удалился.

БАНГА

Монгольская сказка

В далекие времена жил бедный юноша по имени Банга, жил один со своей матерью. У Банги ничего не было, кроме топора. Он рубил дрова в лесу и продавал их по деревням. Однажды юноша ударил топором по дереву. Вдруг где-то зазвенел колокольчик. Пошел Банга на звук и видит: сидит на скале лама*.

— Наконец ты пришел, сыночек,— сказал лама.— Послушай, что я тебе скажу. Через несколько дней будет большое наводнение. Свяжи плот, посади на него мать и плыви с ней до тех пор, пока не повстречаются тебе чавганца*, змея и мыши. Змею и мышей возьми с собой, а старуху ни за что не бери!

Через трое суток и впрямь началось наводнение. Послушался Банга совета ламы, связал плот и поплыл на нем вместе с матерью. Подплыла к плоту змея и стала просить о помощи. Юноша пустил ее на плот. Затем приплыли к плоту мыши. Юноша и мышей вызволил из беды. Вдруг слышит, чавганца зовет на помощь. Пожалел юноша чавганцу — ведь она такая же старая, как его мать! — и взял ее тоже к себе на плот. Вскоре вода схлы-

нула, и все, кого спас юноша, разбрелись в разные стороны.

Однажды Банга с большущей вязанкой дров шел по лесу. Неожиданно с севера подул сильный ветер. Когда ветер утих, Банга увидел, что топор его лежит на земле, а от него идут следы. Они привели юношу к пещере, а пещера та была сквозная. Вышел Банга по другую сторону скалы, и взору его открылась горная долина, а в ней — много-много юрт. В одной юрте сидят два человека — головы у них медные, а ноги с копытами, как у сайгаков. Оба так свирепо взглянули на Бангу, что тот чуть не онемел и, не помня себя от страха, выбежал вон. Глядь: впереди два каменных дома стоят, а на дверях — большие железные замки. Из одного дома слышится плач. Юноша сбил замок топором и отворил дверь. В доме было много людей.

— Куда я попал? — спросил юноша.

— В страну демонов,— ответили ему люди.

— А где сейчас демоны?

— Обычно они ходят по юртам и выискивают себе жертвы, но сегодня главный демон сломал ногу. Сейчас будут бить в бронзовые тарелки, и демоны соберутся вон в том доме.

Вышел Банга на улицу. Слышит: бьют в тарелки! Какие-то страшилища, наподобие тех, что он видел в юрте, собрались в соседнем доме.

— Все здесь? — спросил их юноша.

— Все. Только владыки нет.

— Почему?

— Занемог он.

Подпер юноша дверь снаружи, обложил дом со всех сторон дровами и поджег. А из другого дома выпустил людей и вместе с ними пошел к главному демону. Тот хотел убежать, приподнялся с кровати да упал. Зарубил его юноша топором, забрал у него множество драгоценностей, украшений и отправился домой. Вдруг, откуда ни возьмись, чавганца, которую он спас. Не знал Банга, что она приходилась матерью всем этим демонам.

Пошла чавганца к хану и сказала, что Банга украл у него драгоценности. Приказал хан бросить юношу в темницу. И умер бы юноша с голоду, если бы не мыши, которых он спас: мыши приносили узнику еду. А змея вползла в ханские покои и, когда хан уснул, обвилась вокруг его шеи — едва не задушила. Утром хан призвал ламу, что обитал на высокой скале, и попросил объяснить, за что душила его змея.

— За то, что держишь ты в темнице невинного человека,— ответил лама.— Отпусти его, и змея оставит тебя в покое.

«Наверно, юноша уже погиб»,— подумал хан и бросился к темнице. Глядит, а Банга живехонек, да еще и поправился. Обрадовался хан, вызволил юношу, вернул ему драгоценности и еще от себя добавил. Змея оставила хана в покое, а Банга вернулся домой и зажил с матерью богато и счастливо.

МУДРЫЙ МАЛЫШ

Монгольская сказка

Давно-давно жили на белом свете старик со старухой и семилетним сыном. Всего добра у них было — хромая белая лошадь, три тощие черные козы да старая ветхая юрта. В большой бедности жил старик, но сын его рос ловким и сметливым.

Однажды в юрту к старикам заехал переночевать один чиновник. Это был человек без чести и совести, такой свирепый, что его страшилась вся округа. Когда он вошел в юрту, семилетний мальчик сидел на кошме и пил кумыс из большой чашки. Взглянул чиновник на ребенка и громко расхохотался.

— Вот это чашка! Не чашка, а настоящая колода.

Мальчик перестал пить и с удивлением уставился на гостя.

— Почтенный господин, неужели у тебя так мало скота, что его можно напоить из такой «колоды»?

Смутился чиновник и не нашел слов для ответа.

Утром, когда он собрался в путь, оказалось, что за ночь козы сжевали подпругу его коня. Разозлился чиновник и говорит старику:

— Плати за убыток, не то худо будет!

Мудрый малыш заступился за отца:

— Почтенный гость! Подпругу твоего коня сжевали козы. Вот и заставь их платить.

Промолчал чиновник, вскочил на коня и пустил его галопом. Но тут конь провалился ногой в кротовую нору, и седок полетел на землю. Рассвирепел чиновник и стал изо всех сил стегать коня кнутом.

Увидел это малыш и стал громко смеяться.

— Чего ты хохочешь, глупый мальчишка? — спросил чиновник.

— Как же мне не хохотать? В народе говорят: если кто привык много врать, его конь когда-нибудь да провалится в кротовую нору, а сам он шлепнется наземь. Значит, ты лгун и обманщик!

Ничего не ответил чиновник на дерзкие слова, взял коня под уздцы и поплелся своей дорогой.

Так мудрый малыш посрамил чиновника.

ДОГАДЛИВЫЙ УРОДЕЦ

Монгольская сказка

Жил некогда маленький человечек — уродец с узким, длинным лицом и короткими ножками. Под стать самому хозяину был и конь его, низкорослый и неуклюжий.

Однажды ехал уродец верхом на своем коньке. Вдруг конь провалился в норку крота. Уродец спешился и принялся выкуривать зверька из норы. За этим занятием и застали его пастухи хана.

— Что ты здесь делаешь? — полюбопытствовали они.

— Хочу крота выкурить,— ответил уродец.

— А мы и не догадались!

— Где уж вам! Сразу видно, умишка у вас столько, сколько травы на голой скале.

Рассердились пастухи на дерзкие слова, связали уродца путами и бросили одного в степи. Верный конек перегрыз веревку, но хозяин его так устал, что не мог подняться. Тут на уродца и наткнулась ханская жена — она со своей свитой выехала на прогулку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила ханша.

— Какое тебе дело?

— А где твоя семья? — не унималась женщина.

— У северного моря.

— А что такое море? Похоже на лужу?

— Похоже, да только ее не перепрыгнуть.

— А жаворонок перелетит?

— Может быть. Да только это должен быть такой жаворонок, перьями которого можно крышу дома покрыть.

— Но этот дом, конечно, не больше гнездышка?

— Может быть. Только если в таком доме собака залает в одном углу, в другом — не услышишь.

— Но эта собака — щенок?

— Может быть. Только такой щенок, что и зайца перегонит.

— Но этот заяц, конечно, зайчонок?

— Может быть. Только такой зайчонок одним махом перепрыгнет через десяток навьюченных верблюдов.

— Но эти верблюды еще верблюжата?

— Может быть. Только каждый из них с десятью огромными тюками одолеет горный перевал.

— Но этот перевал, верно, не больше холмика?

— На этот раз ты, ханша, угадала. Это не перевал, а холмик величиной с детскую тюбетейку.

— Так уж и с тюбетейку. Таких холмов не бывает. Видно, тот перевал высотой с шапку.

— Может быть. Только эта шапка такая же плоская и плохая, как у маньчжурского хана*.

— Как ты смеешь так говорить о великом хане? — закричала ханша, и по ее приказу уродца бросили в темницу.

Устроился он поудобнее у запертых дверей и стал смотреть на белый свет в узенькую щелку. Проходил мимо великий хан, остановился у дверей темницы и говорит:

— Послушай, уродец! Говорят, ты чересчур остер на язык.

Может быть, это и поможет тебе получить свободу. Ответь мне, что мешает тебе покинуть темницу?

— Мешает мне дерево, что росло в лесу,— ответил уродец.— Срубили его — стало бревном, распилили — стало досками, сколотили — стало троном для маньчжурского хана.

Подивился хан мудрости уродца и велел отпустить его.

С тех пор маньчжурский хан боялся простых людей.

ХИТРОУМНЫЙ ЗАЯЦ

Корейская сказка

Однажды тигр, олень и заяц нашли сладкую тянучку ёт, уселись под деревом и стали решать, кому она достанется. Думали-гадали, наконец решили: пусть получит ее тот, кто старше всех.

Первым заговорил олень:

— Когда я родился, то шерсть на мне была черная, потом стала белой-белой, сейчас шерсть у меня потемнела — видите, совсем коричневая стала. Даже не знаю, сколько мне лет,— давно со счету сбился. Не иначе как уже за сто перевалило.

Услышал эти слова тигр, громко захохотал и, показывая на вековой дуб, сказал:

— А я в незапамятные времена под этим деревом сидел вместе с Чхонваном*. Так что я гораздо старше тебя.

А заяц ничего не сказал, только крупные слезы катились из его глаз. Заметил это тигр и спросил, почему он плачет. Вытер заяц слезы и печально посмотрел на старый дуб:

— Давным-давно это дерево посадил мой внук. Его уж нет в живых, а дерево осталось. Увидел я его, вспомнил о внуке и не смог сдержать слез. Судите сами, насколько вы оба моложе моего давно умершего внука.

И довольный заяц погладил свои усы.

— Послушай, заяц, выходит, ты самый старший среди нас,— с досадой проговорил тигр и отдал тянучку ему.

Заяц взял ёт и принялся ее сосать. А потом вскочил и весело ускакал.

Не мог примириться тигр с таким позором и бросился за ним вдогонку — вот-вот схватит зайца. Но заяц нисколько не испугался, а только засмеялся и стал стыдить тигра:

— Послушай меня, тигр. В свое время твой прадед был замешан в смертном грехе, и небо приказало мне убить его. Но я упросил небо помиловать твоего далекого предка. Я так низко кланялся, что передние лапы мои стали вон какими короткими. Дал я небу слово, что, если твой прадед провинится еще раз, пусть меня убьют вместо него. И в знак истинности своих слов оторвал себе хвост. Вот отчего теперь у меня такие короткие передние

лапы и сзади обрубок вместо хвоста. А ты, неблагодарная тварь, хочешь съесть меня!

Устыдился тигр и отпустил зайца. Но когда он подумал, что теперь из-за зайца не будет считаться самым старшим среди зверей, его снова охватила ярость. Только сейчас он понял, как ловко его обманул заяц, и тигр опять погнался за ним.

Остановился заяц и говорит тигру:

— Решил я угостить тебя жареными бобами! Пойди вон в ту рощицу, сядь там и закрой глаза, а я быстро поджарю тебе соевых бобов.

Тигр обрадовался, что сможет полакомиться бобами, побежал в рощу, уселся там, зажмурился. Увидел заяц, как покорно сидит тигр с закрытыми глазами, и чуть было не расхохотался. А потом поджег рощу со всех сторон. «Если этот зверюга не сгорит в огне, то ведь, того и гляди, разорвет меня на части»,— досадовал заяц и, чтобы окончательно отделаться от тигра, пошел на хитрость.

Заяц поскорее прискакал к себе домой, тут же разжег печь, навалил в нее древесных углей да бросил в них горсть белых камешков.

А тигр тем временем сидит, зажмурившись, в горящей рощице, слышит треск деревьев и думает, что это соевые бобы поджариваются, слюнки глотает да облизывается. А огонь все ближе подходит, треск все сильнее.

— Послушай, заяц,— нетерпеливо крикнул тигр,— сколько ты там бобов жаришь? Наверно, несколько сом*. Уж больно громко они трещат. Кажется, словно идет война между двумя царствами.

Но заяц не отвечал. Тогда тигр приоткрыл глаза и увидел: со всех сторон приближается к нему море огня. Поднатужился он, прыгнул, выскочил из огненного кольца и тут же помчался к зайцу. А заяц как раз круглые белые камешки жарит.

— Ты опять меня обманул! Сейчас съем тебя! — взревел тигр.

А заяц посмотрел на тигра как ни в чем не бывало:

— А, мой внучек пришел! Я знал, что ты придешь. Вот я жарю тебе соевые бобы. Олень только что пошел встречать тебя, но не будем его ждать, съедим все вдвоем. Только погоди, сбегаю к соседям, попрошу у них меду да соевой муки. Гляди не ешь без меня!

И заяц выскочил в дверь.

Но жадный и глупый тигр, посмотрев в печку, решил: «Пока заяц бегает за медом и соевой мукой, олень вернется. Мне тогда меньше достанется». И, недолго думая, набросился на горячие камни, начал глотать их. Только потом сообразил, что никакие это не бобы. И поплелся восвояси.

О ТОМ, КАК ПОСПОРИЛИ ТИГР И ПРОХОЖИЙ

Корейская сказка

Стояли в горах две деревушки. Только узкой тропкой через высокий перевал можно было добраться от одной к другой.

А в давние времена в тех местах водился тигр. Каждый год нападал он на путников.

Долго совещались жители тех деревень, как быть, думали, думали, наконец решили сделать западню.

Как-то один прохожий шел через перевал и услышал какие-то странные звуки. Стал озираться, видит в яме огромного тигра. Мечется тигр в яме, вылезть хочет. Увидел он у ямы человека и стал жалобно просить, чтобы тот спас его.

— Прохожий, помоги мне! Никогда не забуду твоей услуги. Всем своим друзьям о тебе расскажу! Будут они служить тебе верой и правдой, только спаси меня!

Прохожему стало жаль тигра. Сломал он деревце, что росло поблизости, опустил в яму.

Ухватился тигр, выскочил из ямы, потянулся на радостях, а вместо благодарности прыгнул на прохожего — сейчас разорвет!

Страшно испугался человек.

— Разве не я тебя спас, неблагодарный? Скоро же ты забыл об этом! Да еще и съесть меня хочешь! — рассердился он.

— Забыть-то я не забыл,— отвечал тигр,— но ведь и в беду-то я попал из-за человека. Он наш вечный враг. И напрасно ты стараешься разжалобить меня.

— Что ж, может быть, ты и прав,— сказал прохожий.— Давай попросим кого-нибудь рассудить нас!

Вот обратились они к волу.

— Не прав, конечно, человек,— сказал вол.— Он на нас возит тяжелый груз, заставляет таскать телеги, а затем убивает и поедает. И даже шкуру нашу забирает. Съешь его, тигр!

Понравился этот ответ тигру, и он еще свирепей двинулся на человека.

— Погоди, погоди, давай сосну спросим. Она уже давно прислушивается к нашему разговору,— сказал прохожий.

— Нет на свете никого хуже человека,— отвечала сосна.— Он рубит деревья и жжет нас в печке. Не будет ему от меня сочувствия,— промолвила сосна и гордо подняла свой взор к небу.

Увидел тигр, что даже сосна на его стороне, совсем разъярился:

— Кого ни спрашивай, все одно; остается тебя съесть.

Плохо дело! Вот-вот тигр прыгнет на прохожего.

Пожалел прохожий, что спас такого неблагодарного тигра, но делать нечего. Да тут, к счастью, выскочил из рощи заяц.

Обрадовался прохожий: «Может, зайчишка что-нибудь придумает, ведь прославился же он своей смекалкой!»

Рассказали они зайцу, что и как. Заяц подумал, подумал и говорит:

— Так и быть, рассужу вас по справедливости. Но я должен посмотреть, как все было с самого начала.

Тигр торжествующе взглянул на прохожего: он не сомневался, что и заяц встанет на его сторону.

— Хорошо! — согласился тигр и прыгнул в яму.

А заяц и говорит прохожему:

— Ты попал в беду из-за того, что спас тигра. Пусть сидит себе в яме! А тебе лучше оставаться в яме,— наклонился он к тигру.— Тогда не надо будет спрашивать, кто прав, а кто виноват. Все само собой ясно.

Прохожий и заяц ушли своей дорогой, а злой тигр крутился-крутился в яме да и испустил дух.

ХОТЕЛ ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ОДНОЙ ШИШКИ, ДА ЗАРАБОТАЛ ВТОРУЮ

Корейская сказка

Это было в те далекие времена, когда тигр умел курить, а животные — говорить человеческим голосом.

В одной деревне жили два старика: Пак и Ким. И у каждого на шее было по большущей шишке. Старый Пак был нрава честного и доброго, и его любили односельчане, а Ким, наоборот, был жадным да вредным.

Однажды добрый Пак пошел за дровами и забрел далеко в горы. В тот день ему и впрямь везло: столько было дров, что он, позабыв обо всем на свете, рубил да рубил. И так увлекся, что даже не заметил, как село солнце. Вокруг стало темно, и Пак не на шутку перепугался. Быстро собрал он дрова, взвалил вязанки на спину и стал спускаться с горы.

Наступила ночь. Как быстро ни шел старик, не смог он попасть домой засветло. Долго плутал Пак по темным горным ущельям и наконец в одном из ущелий заметил совсем покосившуюся хижину. Обрадовался старик: «Повезло мне! Переночую здесь сегодня». Сбросил он со спины дрова и вошел в хижину. Стены в хижине совсем обвалились, но Пак решил, что здесь все-таки лучше, чем под открытым небом. Наскоро приготовил себе постель и лег.

Хотя Пак и очень устал, но почему-то ему не спалось, долго ворочался он с боку на бок — не идет сон, да и все тут! Уселся старик у порога, а ночь была темная и тихая, только временами

доносилось рычание диких зверей. Долго старый Пак просидел так, и захотелось ему петь.

Пак умел хорошо петь, но здесь, в ночной тиши гор, его голос звучал особенно красиво. Пел он, пел свои песни одну за другой, и казалось, что песням его радуются и деревья, и травы, и птицы — все живое в горах...

Вдруг снаружи послышался какой-то шорох. Глядь, стая рогатых чертей! Старик не на шутку испугался и хотел было убежать. Но самый большой черт схватил его за рукав:

— Не бойся, старик, мы пришли сюда не со злом, хотим мы послушать тебя! Спой нам еще что-нибудь!

Другие черти захлопали в ладоши и тоже принялись просить старика спеть песню.

Старый Пак успокоился, облегченно вздохнул и вновь запел. Чертям так понравились песни, что стали они пританцовывать да приплясывать в такт. Не успевала кончаться одна песня, как черти просили другую. А под конец главный черт и говорит:

— Большое спасибо тебе, старик! Понравились нам твои песни. Как это тебе удается петь так красиво?

В ответ старик только улыбнулся:

— Такой уж у меня голос!..

Но черт перебил его:

— Не говори неправду, старик! Ты небось хорошо поешь из-за шишки на шее, верно?

Старый Пак еле сдержал смех:

— Из-за шишки? Может быть, не знаю.

Пошутил старик и чинно погладил шишку на шее.

Подумал, подумал главный черт и говорит:

— Точно! Из-за шишки! А не смог бы ты, старик, продать нам свою шишку? Мы заплатим тебе, сколько пожелаешь.

Старик со страху переспросил:

— Продать шишку?!

Тут и остальные черти принялись хором упрашивать:

— Продай, продай нам ее!

— Да я вроде и не прочь отдать шишку вам, она всегда мешала мне. Правда, песня тут ни при чем.

А черти решили, что старик заговаривает им зубы, потому что не хочет продать шишку. Стали они просить еще настойчивее. Старику ничего не оставалось, как согласиться.

— Хорошо, отдаю вам шишку. Только уж не обижайтесь, если она вам не поможет.

— Что ты, какая там обида! — радостно загалдели черти.

Подошли они к старику, оторвали у него шишку, а в подарок принесли большой ящик, до краев наполненный золотом, серебром и всякими драгоценностями.

Тут как раз раздался крик петуха. Перепуганные черти в один миг исчезли. Старый Пак обрадовался: ведь он не только избавил-

ся от надоевшей шишки, но и получил взамен немалые сокровища. Дождался он рассвета и вернулся домой.

Прослышал жадный Ким, что Пак продал свою шишку чертям, да еще и разбогател, и стрелой помчался в ущелье.

Дождался Ким темноты, вошел в ту же самую хижину, прислонился к стене и начал петь, поджидая чертей. Да так гнусаво! Черти не заставили себя долго ждать. Увидел их Ким, обрадовался.

— Подходите поближе! И у меня есть шишка, которая помогает хорошо петь песни. Давайте меняться: я вам шишку, а вы мне золото с серебром!

— Так твоя шишка помогает петь? — спрашивает главный черт.

— Конечно! Она гораздо лучше той, что вы купили вчера. Попробуйте сами! Но платите мне в два раза больше!

Ох и разозлился главный черт!

— Шишка, говоришь? Петь помогает, говоришь? Вчера мы попались на эту удочку, но сегодня тебе не провести нас! Уж мы зададим тебе!

Перепугался Ким, весь затрясся, задрожал, стоит не шелохнется.

Долго спорили черти, какой казнью его казнить. Наконец главный черт сказал:

— Вот как мы сделаем: принесите вчерашнюю шишку и приклейте ему на шею.

Черти тотчас принесли Пакову шишку и прилепили ее на шею Киму, а потом ушли восвояси.

Вот отчего исстари существует такая поговорка: «Хотел отделаться от одной шишки, да заработал вторую».

КХОНЧХИ И ПХАТЧХИ

Корейская сказка

В одной провинции жил крестьянин со своей женой. Жили они дружно и счастливо. Лишь одно огорчало их: не было у них детей. Наконец у крестьянина родилась дочь, и назвали ее Кхончхи.

А всего через сто дней после ее рождения мать вдруг умерла. Стал отец один растить маленькую дочку.

Прошло четырнадцать долгих лет, Кхончхи выросла и стала красавицей, равной которой не было во всем поднебесье. А как она была скромна и умна! Всюду только и говорили о ее добром нраве.

Женился отец Кхончхи во второй раз, а у новой его жены была своя дочь — Пхатчхи. И мачеха и ее дочь были очень злыми, невзлюбили они скромную и ласковую Кхончхи.

Настали для Кхончхи тяжелые дни. Все свое время проводила

она теперь в непосильной работе и слезах. А слабовольный отец, позабыв о своей любимой дочери, во всем слушался своей новой жены.

Однажды мачеха вручила Кхончхи деревянную тяпку — хоми и приказала ей взрыхлить каменистое поле, а своей родной дочери Пхатчхи дала железную мотыгу и велела взрыхлить песчаное поле рядом с домом.

Пришла Кхончхи на каменистое поле, только принялась за работу — деревянная тяпка мигом сломалась! Горько заплакала Кхончхи. И вдруг появилась перед ней черная корова (дух ее умершей матери) и дала девушке железную мотыгу. С мотыгой-то Кхончхи без особого труда взрыхлила все поле.

На другой день мачеха заставила Кхончхи наносить воды в огромный глиняный кувшин — тхоги, а дно-то у тхоги дырявое! Как наполнишь его водой? Старалась Кхончхи, старалась, совсем из сил выбилась, да все впустую.

Вдруг прискакала к ней огромная жаба:

— Помогу тебе, Кхончхи, принести воды!

Залезла жаба в кувшин, плотно закрыла дыру собой, и Кхончхи легко наполнила кувшин водой.

Вот однажды собрались мачеха с Пхатчхи на свадьбу. Мачеха и приказывает Кхончхи:

— Хочешь пойти с нами, поспеши перебрать сом риса и столько же чумизы*.

Горько заплакала Кхончхи от обиды и воскликнула в сердцах:

— Почему я такая несчастная, в чем я провинилась? За что мне столько бед?

Тут, откуда ни возьмись, появилась небожительница:

— Не печалься, Кхончхи! Я помогу тебе! Знаю, у тебя доброе сердце.

Позвала она воробьев, стали птицы очищать рис от шелухи.

— Очищай, но не ешь! Очищай, но не ешь! — дружно чирикали воробьи.

Быстро перебрали они целый сом риса. Легко разделались и с чумизой.

Справив все дела, Кхончхи побежала на свадьбу. А тут ручеек на пути! Только хотела она перепрыгнуть через него, как услышала позади себя громкий шум. Это приближались носильщики с паланкином камсы*. Обернувшись, девушка от испуга уронила в речку котсин. Так и убежала она на свадьбу в одной туфельке.

Между тем камса, приблизившись к ручью, увидел в воде красиво вышитую котсин. Он взял ее и, вернувшись домой, приказал найти владелицу этой туфельки, потому что берет ее в жены.

Но злая мачеха и Пхатчхи, узнав об этом, замыслили черное дело. Позвали они Кхончхи погулять возле беседки, что стояла на берегу озера, да и столкнули бедную девушку в воду.

Переоделась Пхатчхи в платье Кхончхи и пошла в дом камсы.

Камса, увидев ее, заподозрил неладное.

— Почему твое лицо стало таким темным? — спросил он.

— Перегрелась на солнце,— ответила Пхатчхи.

— А почему оно теперь рябое?

— Спешила к тебе, упала на рассыпанный горох, вот и остались следы на лице.

И обманутый камса принял злую Пхатчхи за Кхончхи.

Прошло несколько дней. Как-то утром камса прогуливался около озера и увидел в воде красивый цветок лотоса. Сорвал он цветок, поставил его в кувшин с водой у себя в комнате, стал ухаживать за цветком, то и дело любовался им.

А вот стоило Пхатчхи пройти мимо цветка, листья лотоса тут же цепляли ее за волосы.

Разозлилась как-то Пхатчхи и бросила лотос в печь. Стала старушка служанка затапливать печь, видит, всеми цветами радуги играет в печке красивое ожерелье.

И вдруг это ожерелье превратилось в Кхончхи. Девушка рассказала старушке, что случилось с ней, и попросила ее позвать камсу в гости, накрыть для него стол с угощением.

Пришел камса в гости, уселся за стол, хотел палочками взять кусочек кимчхи*, а палочки одна короче другой — никак не подцепить кимчхи! Разозлился камса, бросил на пол палочки и ну отчитывать старуху!

А тут из-за ширмы раздается голос:

— Вот вы, господин камса, сразу заметили, что палочки неодинаковые, а одного человека от другого отличить не смогли!

Услышал эти слова камса и понял, что обманули его злая мачеха и Пхатчхи. Тут же велел он наказать их, а сам зажил счастливой жизнью с милой и доброй Кхончхи.

ЯДОВИТАЯ ХУРМА

Корейская сказка

Жили в одном монастыре два монаха — старый и молодой.

Старый монах был очень скуп и жаден: он прятал в шкафу сушеную хурму и никогда не давал ее молодому. Даже пробовать не разрешал, а сам ел и ел — всегда один. И всякий раз приговаривал: «Не вздумай когда-нибудь съесть то, что у меня в шкафу! Сразу умрешь!»

Вот как-то раз старик отлучился из монастыря. Монашек скорей открыл шкаф и мигом съел всю хурму. Затем взял тушечницу, которой очень дорожил старик, и со всего размаха как бросит ее об землю! Тушечница разбилась на мелкие кусочки.

Монашек лег в постель и натянул на себя одеяло.

Вернулся старик монах и спрашивает:

— Что случилось с тобой, почему лежишь?

Молодой монах еле слышным голосом отвечает:

— Учитель! Я совершил смертный грех: нечаянно разбил вашу любимую тушечницу. Пусть, думаю, покарает меня судьба: вот я и съел все, что было у вас в шкафу. Теперь, видите, и лежу в постели — жду покорно своего конца.

Лютая злоба искривила лицо старого скупца, а что сделаешь?

ХИТРЫЙ БАТРАК ТОЛЬСВЕ

Корейская сказка

Давным-давно у одного янбана работал батрак по имени Тольсве. Был он хитер да умен.

Целый год в поте лица трудились батраки на янбана, а зима приходила — оставались ни с чем. Вот и решил Тольсве проучить как следует жадного янбана.

Собрался как-то янбан в Сеул — экзамен кваго* сдавать. Захватил он с собой и Тольсве, чтобы было кому прислуживать в пути.

Янбан едет на ослике, а Тольсве пешком бредет. Совсем изнемогли от жары путники и ослик. Хозяин и говорит батраку:

— Хочется мне, Тольсве, чего-нибудь холодного. Видишь там вдали харчевню? Сбегай-ка мигом и принеси мне чашку куксу*.

Побежал Тольсве, купил чашку куксу, несет ее и думает: «Этот жадный старик один слопает всю чашку».

Подошел Тольсве к дереву, в тени которого разлегся хозяин, да и засунул палец в чашку с куксу, будто ищет что-то. Янбан увидел это и завопил:

— Как ты смеешь ковыряться в моем куксу грязным пальцем?

Тольсве посмотрел на хозяина:

— В чашку муха упала, никак не могу ее вытащить!

Янбан влепил Тольсве хорошую затрещину и закричал:

— А ну садись тут вместо меня да присматривай за ослом! Я сам схожу за куксу! Да не зевай! Сеул недалеко, здесь такие разбойники бродят, что смотри в оба: выколют глаза, и не заметишь! Покрепче держи вожжи в руках да не зевай, а то без осла останемся!

Ушел янбан в харчевню, а Тольсве смотрит, на поле в самый солнцепек крестьяне работают. Стало ему жаль этих бедняков. Подозвал он к себе старика крестьянина и говорит:

— Сделай, отец, так, как я тебе скажу. Отрежь-ка эти вожжи, забери себе осла и все, что на нем есть. В тюках еда и несколько кусков шелка. Раздай все беднякам.

Увел старик осла, а Тольсве стоит с закрытыми глазами, в руках обрубленные вожжи держит.

Вот вернулся янбан.

— Эй ты, что стоишь как истукан? Куда делся наш осел?

— Вы мне сказали, что разбойники могут напасть и выколоть мне глаза, вот я и стоял с закрытыми глазами.

Янбан побагровел от злости. Не знает, что и делать.

— Ах ты болван несчастный! Снимай скорее рубашку! — крикнул он Тольсве. Потом написал на ней что-то.— А теперь проваливай домой, чтобы и духу твоего здесь не было!

Пошел Тольсве домой. Да захотелось ему узнать, что же написал хозяин на его рубашке. Подошел к одному человеку и просит прочитать иероглифы. Человек посмотрел и сказал:

— Ждет тебя несчастье, батрак, убить тебя хотят.

— Убить? — перепугался Тольсве.

— Вот что написано на рубашке: «Как только возвратится этот негодяй Тольсве, тотчас убейте его!»

Испугался поначалу Тольсве, а потом смекнул, что нужно сделать. Подмигнул он незнакомцу и прошептал ему что-то на ухо. Тот громко захохотал и кисточкой написал на спине Тольсве следующее:

«Тольсве — большой умница и послушный малый. Я многим обязан ему. Если в Сеуле мне повезет и я успешно сдам экзамен кваго, то считайте, что этого я добился только благодаря расторопности нашего Тольсве. Хочу я взять Тольсве в нашу семью, посему повелеваю женить его на нашей младшей дочери, а также выдать ему самый лучший участок земли из наших угодий и построить для него новый дом.

Любящий ваш отец».

— Выходит, мы должны выдать замуж дочь янбана за батрака,— тяжело вздохнула жена янбана.

Сын тоже был в отчаянии, но делать нечего: приказал-то ведь отец.

Так батрак Тольсве вдруг получил себе в жены красавицу дочь янбана, землю да еще новый дом.

Прошло пять-шесть месяцев, возвращается янбан домой. Как узнал он, что Тольсве женился на его дочери, разгневался: приказал зашить батрака в кожаный мешок и бросить в море.

Потащили слуги мешок с Тольсве к морю. По дороге захотелось им перекусить. Оставили они мешок с Тольсве под деревом, а сами зашли в харчевню.

Тут как раз с поля возвращались крестьяне. Заметили они мешок под деревом.

— Что это такое? Почему это мешок шевелится? Давайте-ка посмотрим.

А Тольсве кричит:

— Спасите, люди добрые, развяжите меня!

Мигом развязали крестьяне мешок. Вылез оттуда Тольсве, поблагодарил крестьян, рассказал им все, что случилось. Крестьяне помогли Тольсве спрятаться, а вместо него засунули в мешок здоровенного мертвого кабана.

Вернулись слуги янбана, ничего не заметили. Снова потащили мешок к морю и бросили его в волны, думая, что это Тольсве.

Через два месяца во дворе янбана вновь появился Тольсве. Все переполошились, а Тольсве подошел к янбану и, отвесив глубокий поклон, сказал:

— Как бросили вы меня в море, я попал во дворец морского короля-дракона. Вот где была райская жизнь! Я бы мог остаться там навсегда, да меня все время мучила мысль о вас, о ваших благодеяниях, янбанним. Рассказал я о вас королю-дракону. Он и послал меня снова к вам, чтобы я отплатил вам за добро. Приглашает вас король-дракон в гости к себе, хочет, чтобы вы провели у него в царстве несколько счастливых дней да возвратились домой с дорогими подарками. Только просит вас король-дракон принести с собой каменный жернов.

Довольный янбан сказал:

— Вот теперь я вижу, что ты стал человеком.

Тут же собрался жадный янбан за дорогими подарками, привязал к себе тяжелый каменный жернов и прыг в море!

А Тольсве возвратился вместе с женой в деревню и зажил там счастливо.

ПЕРЕВОЗЧИК

Корейская сказка

Жил себе старый перевозчик.

Никому не отказывал он в перевозе. Давали ему что-нибудь за это — он брал; не давали — ничего не просил.

Видит раз перевозчик, что через реку плывет курей (толстый змей).

Плыл, плыл и стал он тонуть. Тогда старик поспешил к нему на помощь на своем перевозе и перевез его на другую сторону

Ничего не сказал курей, только заплакал, и где упали его слезы, там растут с тех пор прекрасные цветы. Они растут и в других местах на земле, но только там, где поливают их слезами.

В другой раз, когда старик сидел у своего перевоза, увидел он, что плывет молодая косуля и тонет.

Поехал старик и перевез косулю на другой берег.

Вышла косуля, ничего не сказала и убежала в лес.

Пошел старик в лес нарвать себе салату на зиму — вдруг выбежал красивый козел и стал рыть ногой землю. Но в это время проходил какой-то прохожий с лопатой, и козел убежал.

— Будь добр, прохожий, покопай в этом месте!

Только три раза копнул прохожий, и стукнула лопата обо что-то.

То было золото.

— Благодарю тебя,— сказал старик.— За твою работу даю тебе половину этого золота.

— Это золото выкопал я, и оно мое,— сказал прохожий.

Стали они между собой спорить, и так как ничего из их споров не вышло, то и решили они идти в город, к судье.

Судья отдал золото прохожему, а старика за вымогательство, избив палками, посадил в колодки.

Ночью приполз к старику курей и укусил его в ногу.

На другой день нога старика так распухла, что уже думали, что умрет он.

Ночью опять приполз к нему курей и дал ему целебных листьев.

От этих листьев на другой день пропала вся опухоль на ноге, и даже след от раны исчез.

А курей в ту же ночь приполз к жене судьи и, так же как и старика, укусил ее за ногу.

На другой день у нее так распухла нога, что уже думали, что умрет она.

Тогда начальник тюрьмы доложил судье, что у старика отчего-то пропала такая же опухоль.

Позвал судья старика и спрашивает:

— Отчего пропала у тебя опухоль?

— Курей мне листья такие принес.

— Где листья?

Показал старик, приложил к ноге жены судьи, и опухоль пропала.

— Почему же курей принес тебе листья?

Тогда рассказал старик, как перевез курея и косулю.

— А косуля что тебе дала?

— Дал ее муж то золото, которое ты передал прохожему.

Тогда судья послал догнать прохожего, отобрал у него золото, передал старику, а прохожего посадил в колодки.

О ТОМ, КАК ПО ЖИВОТНЫМ СЧЕТ ГОДАМ ВЕСТИ СТАЛИ

Китайская сказка

Рассказывают, будто в старину не знали, как по животным счет годам вести*. Этому научил людей сам Юй-ди*, Нефритовый владыка. Вот для чего он однажды и призвал в свой Небесный дворец* всех зверей и птиц. В те времена кошка с мышью в боль-

шой дружбе были и жили вместе, словно сестры. Обрадовались они, что приглашение в Небесный дворец получили, и сговорились идти вместе.

Всем известно, что кошки поспать любят. Знала за собой эту слабость и наша кошка, а потому решила загодя с мышью договориться.

— Ты ведь знаешь, сестрица мышь, как я люблю поспать,— вежливо начала она.— Разбуди меня, пожалуйста, завтра, когда придет время во дворец отправляться.

Ударила себя мышь лапкой в грудь и пообещала:

— Я непременно разбужу тебя! Спи, ни о чем не тревожься!

— Благодарю! — сказала кошка, почистила усы и, ни о чем не тревожась, уснула.

На другое утро мышь поднялась чуть свет. Она и не подумала разбудить кошку. Поела и одна отправилась в Небесный дворец.

А теперь расскажем о драконе, который жил в пучине. Он тоже получил приглашение во дворец.

«Уж кого-кого, а меня непременно заметят»,— решил дракон. И верно. Вид у него и впрямь был воинственный: панцирь на теле так и сверкает, под носом усы торчком торчат. Один только был у него недостаток — голова голая, ничего на ней не растет. «Вот бы мне рога раздобыть, тогда никто бы со мной в красоте сравниться не смог!» Подумал так дракон и решил занять у кого-нибудь на неделю рога. Только высунул он голову из воды, глядь — на берегу петух. Грудь выпятил и важно так расхаживает. В те времена у петухов огромные рога были. Обрадовался дракон, подплыл к берегу и говорит петуху:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух, одолжи мне свои рога, я завтра с ними в Небесный дворец пойду.

— Ай-я! Братец дракон! — ответил петух.— Уж ты меня извини, но я тоже завтра в Небесный дворец пойду.

— Тебе, дядюшка петух, такие большие рога совсем не идут, голова у тебя чересчур мала, отдай их лучше мне. Взгляни-ка! Мне они в самый раз!

Случилось так, что в это время из расщелины сороконожка выползла. А сороконожки любят нос в чужие дела совать. Услышала сороконожка слова дракона и говорит:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух! Одолжи братцу дракону рога, ну хоть на разок. А если боишься, я готова за него поручиться. Ну что, одолжишь?

Петух согласился. Ведь сороконожка поручилась за дракона. А он, петух, и без рогов собой хорош.

Пожаловали на следующий день все звери да птицы в Небесный дворец. Собралось их великое множество. Вышел к ним Нефритовый владыка и говорит:

— Отныне счет годам вести будем по зверям и птицам. А по каким — вы сами назовите.

И назвали звери вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха и мышь.

Почему именно их выбрали тогда звери — никто не знает. Почему петуха, а не утку? Тигра, а не льва?

Итак, выбрали всего двенадцать зверей. Выбрать-то выбрали. А как их по порядку расставить? Тут-то и пошли споры да пересуды.

— Самый большой из вас вол, пусть он и будет первым,— сказал Нефритовый владыка.

Все согласились, даже тигр. Но тут вдруг мышка-малышка подняла лапу и говорит:

— А я разве не больше вола? Отчего же тогда, завидев меня, все кричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!»? Но никто никогда не сказал: «Ай-я! Какой громадный вол!» Выходит, люди считают, что я больше вола!

Удивился Нефритовый владыка:

— А ты правду говоришь? Что-то я не верю!

Тут обезьяна и лошадь в один голос закричали, что мышь просто-напросто врет. Однако мышь как ни в чем не бывало отвечала:

— Не верите? Давайте проверим!

Петух, баран, собака и заяц согласились.

— Давайте проверим,— сказал и Нефритовый владыка.

Отправились звери к людям.

И что бы вы думали? Все случилось точь-в-точь, как говорила мышь.

Когда мимо людей вол проходил, все наперебой хвалили его: «Какой хороший, какой тучный!» Только никто не сказал: «Какой громадный!» А хитрая мышь тем временем взобралась волу на спину, встала на задние лапки. Увидали ее люди и как закричат:

— Ай-я! Какая громадная мышь!

Услыхал это Нефритовый владыка собственными ушами, нахмурил брови и говорит:

— Ладно! Раз люди считают, что мышь больше вола, пусть вол уступит ей первое место. А сам пусть будет вторым.

На том и порешили. Вот отчего и поныне счет ведут с года мыши, а уж потом идет год вола.

Воротилась мышь домой рада-радехонька, что первая среди зверей оказалась, гордится да важничает. А кошка только-только глаза продрала, увидела она мышь и спрашивает:

— Что же ты молчишь, сестрица мышь? Разве не велено нам сегодня во дворец пожаловать?

— Ты все еще почиваешь? А я уж из дворца воротилась. Двенадцать зверей выбрали, чтобы по ним счет годам вести, и я среди них первая!

Удивилась кошка, раскрыла широко глаза и спрашивает:

— Отчего же ты меня не разбудила?

— Забыла! — как ни в чем не бывало ответила мышь.

Разозлилась кошка, усы у нее торчком, да как закричит:

— Дрянь паршивая! А я еще тебе поверила, уснула, ни о чем не тревожась! Не ты ли обещала меня разбудить? Я знаю! Ты хотела навредить мне. Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь!

Мышь вины за собой не признала и говорит:

— Что зря шуметь! Не разбудила — значит, не захотела. Это уж дело мое. Я тебе не служанка!

Кошка так и вскипела: задышала тяжело, оскалила зубы, бросилась на мышь и перегрызла ей горло — мышка только пискнуть успела да дернуть задними лапками.

Так и остались с тех пор кошка да мышь лютыми врагами.

А теперь расскажем о петухе. Вернулся он домой грустный-прегрустный и думает: «Нефритовый владыка потому дракона впереди меня поставил, что рога у него на голове были мои». И решил петух непременно отобрать у дракона свои рога.

Подошел он к пучине, смотрит — дракон весело резвится в воде. И сказал тогда петух дракону очень вежливо:

— Братец дракон! Верни мне, пожалуйста, мои рога!

Дракон удивился, но ответил с достоинством, не горячась:

— А, это ты, дядюшка петух? Да зачем тебе рога? По правде говоря, ты без них куда красивее. А мне твои рога уж очень кстати!

— Кстати они тебе или некстати — дело не мое,— невесело ответил петух.— Раз взял — надо отдать.

Дракон ничего не ответил. Подумал немного, потом вдруг почтительно поклонился петуху и говорит:

— Ты уж не взыщи, дядюшка петух! Время позднее, пора и отдохнуть. А об этом мы с тобой в другой раз поговорим.

Не успел петух и рта раскрыть, как дракон под водой скрылся. Разъярился тут петух, захлопал крыльями и как закричит во все петушиное горло:

— Братец дракон, отдай мне рога! Братец дракон, отдай мне рога!

Но дракон о ту пору уже крепко спал на самом дне пучины и ничего не слышал.

Долго кричал петух, охрип и совсем из сил выбился. Делать нечего. Решил он отыскать сороконожку. Ведь она тогда за дракона поручилась.

Отыскал петух сороконожку на груде камней, рассказал ей все по порядку и говорит:

— Госпожа сороконожка, вы поручились за дракона и не можете так оставить это дело.

Подняла сороконожка голову, помолчала и наконец медленно проговорила:

— Вернет тебе братец дракон рога. А не вернет — так и будет! Сам посуди! Не могу же я найти его на дне пучины!

Петух от злости даже покраснел.

— Какой же ты поручитель! Нечего тогда соваться в чужие дела. Беда случилась, а тебе хоть бы что!

— Не возводи, дядюшка петух, на меня напраслину,— стала оправдываться сороконожка.— Ты сам отдал дракону рога. А я просто так за него поручилась. Кто бы мог подумать, что братцу дракону доверять нельзя? Знай я это раньше, не стала бы за него ручаться.

— Что же теперь делать? — спросил петух, смиряя гнев.

— Я ведь сказала, что делать. Признать, что тебе не повезло, если дракон так и не отдаст рогов. Сам виноват. Прежде чем отдавать, надо было хорошенько подумать.

— По-твоему, я сам виноват? — Петух выпучил глаза, выпятил грудь и стал наступать на сороконожку.

— Сам виноват, сам виноват, надо было хорошенько подумать,— ни жива ни мертва твердила сороконожка.

Еще пуще покраснел петух, вытянул шею, клюнул сороконожку в голову. Раз-другой мотнул головой, сороконожку живьем проглотил.

С тех пор петухи каждое лето клюют во дворе сороконожек. А по утрам, только начнет светать, кричат во все горло:

— Лун-гэгэ, цзяо хуань во! Братец дракон, отдай мне рога!

КАК СОБАКА С КОШКОЙ ВРАЖДОВАТЬ СТАЛИ

Китайская сказка

Жил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили звери, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой дом стерегут, чужого близко не подпускают. Пуще сокровища берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Пошел как-то старик в горы травы накосить. Идет обратно, смотрит — лежит на земле черная змейка, видать, оголодала, с места двинуться не может. Пожалел старик змейку, спрятал за пазуху, пошел своей дорогой. Пришел домой, выходил змейку, откормил. Но вот однажды говорит ей старик:

— Иди-ка ты из нашего дома, змейка. Рис у нас перевелся, травы больше нет — нечем нам тебя кормить!

Кивнула змейка головой и говорит:

— Добрый дедушка, если б не ты, умерла бы я с голоду. Да вот не знаю, как отблагодарить тебя. Только и есть у меня что собственный хвост. Возьми его, положи в деревянную шкатулку и

схорони подальше, чтобы никто чужой не увидел. А как понадобятся деньги, потряси — посыплются из хвоста монеты.

Согласился старик. И только отрубил у змейки хвост, как она исчезла. Положил старик змеиный хвост в деревянную шкатулку, шкатулку закопал за кухней, куда никто чужой не заглядывал.

Только переведутся у стариков деньги, выкопают они заветную шкатулку, достанут змеиный хвост, потрясут, на пол медные монеты со звоном посыплются. Соберет старик монеты, отправится на базар, купит масла, соли, риса, хвороста. Вернется домой, еду варит. Сварит и разделит на четыре части: одну — старухе, другую — собаке, третью — кошке, а четвертую — себе. Так и жили они, не ведая нужды.

Но вот однажды постучался к старикам бродячий торговец. Боязно ему было одному темной ночью по дороге идти, вот и попросился заночевать. Впустил его старик.

А на другой день, еще до рассвета, прошел старик тихонько за кухню, достал из шкатулки змеиный хвост, потряс его. И на землю медяки посыпались. Только и слышно: цзян-цзян-хуа-лан. Торговец все это через окно видел. Только ушел старик из дому, как он тотчас же вскочил, откопал драгоценную шкатулку, сунул в корзину, поднял коромысло — и ходу.

Вернулся старик домой, а старуха плачет, да так жалобно. Спрашивает старик:

— Какая беда приключилась?

А старуха отвечает:

— Шкатулку нашу драгоценную бродячий торговец унес!

Не поверил старик:

— Ты что это плетешь, старая? Схоронил я ее далеко да глубоко. Как же мог он ее найти? Видать, не там ты искала, где надо.

Сказал так старик и сам за кухню пошел. Искал-искал — ничего не нашел.

Пригорюнились старик со старухой. Старик тяжко вздыхает, а старуха слезами заливается. Тут как раз кошка с собакой со двора воротились завтракать вместе с хозяевами. А у хозяев лица печальные, брови хмурые, чуют кошка с собакой, что беда приключилась, а что за беда — не знают. Поглядел на них старик, вздохнул и говорит:

— Унес злодей торговец нашу шкатулку. Бегите скорее! Догнать его надо!

— Бежим, может, поймаем его,— сказала собака кошке,— видишь, как старики убиваются!

Выскочили они из дому и в путь отправились. Идут, вынюхивают все, высматривают — нигде нет драгоценной шкатулки. И решили они идти к торговцу. А дом его за рекой стоял.

Подошли они к реке, река бурлит, волны на ней пенятся. Кошка в комок съежилась от страха.

— Не бойся,— подбадривает ее собака,— как-нибудь переберемся на тот берег, я ведь умею плавать. А без шкатулки нам лучше домой не возвращаться.

Увидела кошка, что собака такая храбрая, сама расхрабрилась и вскочила ей на спину. Переплыли они реку и очутились в маленькой деревушке. Идут по деревушке, в каждый двор заглядывают, ни одного не пропускают. Вдруг видят: стоит во дворе большой дом, народу видимо-невидимо, кто в красном, кто в зеленом,— к свадьбе готовятся. И признали они в женихе того самого торговца, который у старика ночевал.

— Иди в дом,— говорит собака кошке на ухо,— разузнай, где схоронил торговец заветную шкатулку. Я бы сама пошла, да боюсь, приметят меня. А как узнаешь, сразу беги за деревню, я буду ждать тебя под ивой.

Кивнула кошка головой, мяукнула, взобралась на крышу, с крыши прямехонько во двор прыгнула, а со двора, через маленькое оконце, пролезла в спальню. Ищет кошка заветную шкатулку, все углы обшарила, нигде нет. Уселась кошка под кровать и думает, как же ей быть. Вдруг видит — из сундука, который в спальне стоял, мышка вылезла. Бросилась на нее кошка, а мышь дрожит в кошачьих лапах, отпустить просит. Говорит ей кошка:

— Поможешь мне в одном деле, отпущу.

— Все сделаю, царица кошка, только прикажи,— пропищала мышка.

— Полезай в хозяйский сундук, посмотри, нет ли там деревянной шкатулки. Если найдешь, быстрее тащи сюда.

Залезла мышь в сундук, вмиг вытащила заветную шкатулку и с низким поклоном передала ее кошке. Кошка схватила шкатулку и пустилась наутек.

Увидел торговец кошку и как закричит:

— Держите кошку! Она украла сокровище! Держите ее!

Бросились люди за кошкой вдогонку, а она через стену, только ее и видели. Прибежала за деревню, а там ее собака под ивой дожидается, и двинулись они в обратный путь. Идут не нарадуются. Когда подошли к реке, собака строго-настрого приказала кошке:

— Увидишь рыбу или рака, смотри, рта не разевай, не то уронишь шкатулку в воду.

Теперь кошка больше не боялась через реку плыть. Она с важностью сидела на спине у собаки и воображала, как хозяева станут ее благодарить. Доплыли они до середины реки, вдруг видят — рыбешки в воде резвятся. У кошки даже слюнки потекли, не выдержала она и как закричит:

— Ой, сколько рыбы!

Хуа-ла — это шкатулка упала в воду и пошла ко дну.

— Говорила я тебе, чтоб ты рта не разевала да помалкивала. Как же теперь быть?

Приплыла собака с кошкой к берегу, кошку оставила, а сама на середину реки воротилась. Насилу вытащила из воды драгоценную шкатулку.

Устала собака, присела отдохнуть, глаза закрыла и не заметила, как задремала. А кошка тем временем схватила шкатулку и побежала домой.

Увидел старик, что кошка шкатулку принесла, обрадовался, бросился к старухе, чтоб добрую весть ей сообщить. И стали они наперебой расхваливать кошку: какая она ловкая да проворная. Открыл старик шкатулку, достал змеиный хвост, тряхнул — на пол медные монеты посыпались, звенят. Накупил старик всякой всячины, приготовил разные вкусные кушанья, стал кошку потчевать. Уселась кошка поудобнее, но не успела за еду приняться, как видит — бежит собака.

— Ах ты дармоедка! Только и знаешь, что брюхо набивать! — накинулся на нее хозяин.

А кошка знай уплетает. Хоть бы словечко вымолвила. Так хотелось собаке попить да поесть, но ничего вкусного ей не досталось, пришлось довольствоваться остатками супа и риса.

С тех пор возненавидела собака кошку. Как увидит, сразу норовит схватить за горло.

Так и пошла у них вражда.

ФИНИКОВАЯ КОСТОЧКА

Китайская сказка

Некогда в маленькой деревушке Уцзячжуан жил старик Лао Ли со своей старухой. Не богато жили и не бедно. Даже рис изредка ели. Одна у них беда — не было детей, а очень им хотелось чадо свое иметь.

Говорит как-то вечером Лао Ли жене:

— Эх, старуха, нам бы с тобой сынишку, пусть маленького, с финик величиной.

И что бы вы думали! Послало им вскорости небо мальчика, и впрямь маленького, не больше финика. Не нарадуются старик со старухой и прозвали сына Цзаохэ — Финиковая Косточка.

Идут годы, а Цзаохэ хоть бы чуточку вырос. Так и остался величиной с финиковую косточку.

Поглядел однажды Лао Ли на сына, вздохнул тяжко и говорит:

— Цзаохэ, Цзаохэ! Что проку растить тебя! Не будешь ты мне помощником! Зря я радовался, когда ты на свет народился.

Мать отцу вторит:

— Вот и я, посмотрю на тебя, только расстраиваюсь.

Отвечает им Цзаохэ весело:

— Не печалься, матушка, не грусти, батюшка! Маленький я, да удаленький! Возьми меня, отец, в поле.

Смышленым да усердным был Цзаохэ. Быстро научился за плугом ходить, мулов погонять, а про хворост и говорить нечего, всегда больше всех собирал. Маленький он — везде проберется, куда другой и сунуться не смеет. А подпрыгнет — сразу на крышу запрыгнет.

Хвалят соседи Цзаохэ, не нахвалятся. Собственным детям его в пример ставят:

— Поглядите на Цзаохэ, маленький, да спорый! А вы! Лентяи, хоть и большие выросли.

Уж так счастливы Лао Ли с женой, что и сказать трудно! Да и что в том дивного! Не только усердный да ловкий у них сын, еще и умный на редкость.

Вот что однажды с ним приключилось.

Была в один из годов засуха, ни зернышка крестьяне не собрали со своих полей. Самим есть нечего, а тут еще ямынь* подать требует. Нечем крестьянам платить, и приказал тогда уездный начальник своим стражникам увести из деревни всех коров да мулов.

Увели стражники скот, плач да крик по всей деревне стоит. Посмотрел Цзаохэ, послушал и говорит:

— Не печальтесь, люди, придумал я, как воротить коров да мулов.

Не поверили ему люди и отвечают:

— Сам маленький, а обещания большие!

Не стал Цзаохэ спорить, а вечером прибежал ко двору уездного начальника, где коровы да мулы были привязаны, перепрыгнул через стену, дождался, пока стражники заснут, и залез в ухо к ослу.

Осел как закричит: э-хэ... э-хэ!..

Стражники мигом вскочили, прибежали — нет никого. Им и невдомек, что в ухо к ослу кто-то забрался.

Не успели лечь, осел опять закричал. Говорит тогда один стражник:

— Не обращайте внимания! Мало ли отчего осел кричит! Давайте лучше спать.

А Цзаохэ только этого и надо. Дождался он, пока стражники уснут, отворил ворота и погнал скот в деревню.

Увидели крестьяне своих мулов да коров, обрадовались. Наутро узнал про все начальник уезда и до того рассердился, что рассказать трудно. Собрал он стражников и вместе с ними отправился в деревню проучить крестьян.

Увидел их Цзаохэ, навстречу побежал и говорит начальнику:

— Это я коров да мулов вчера угнал. Делай со мной что хочешь!

Тут как закричит начальник уезда:

— Скорей вяжите его!

Схватили стражники железную цепь, кинулись Цзаохэ вязать, да где там! Проскочил Цзаохэ через колечко, глядит, как стражники стараются, хохочет. Думал, думал начальник, как быть, и наконец придумал: велел он посадить Цзаохэ в кошель и отнести в ямынь на суд. Принесли стражники мальчишку в просторный зал.

Приказал тут начальник развязать кошель, показал стражникам на Цзаохэ и говорит:

— Бейте да сил не жалейте!

Взяли стражники каждый по палке, бьют, а никак в Цзаохэ не попадут. Только стукнут — он уже с этого места на другое прыгнул. Они — туда, Цзаохэ — обратно. Никак им с Финиковой Косточкой не совладать!

Начальник от злости даже позеленел, ногами затопал, орет:

— Еще людей да палок надо, черепашьи дети!

Опять Цзаохэ прыгнул, и не куда-нибудь, а прямо на уездного начальника, ухватился за его ус и давай раскачиваться, будто на качелях.

Забыл начальник обо всем на свете и как заорет:

— Вот он, вот он, держите его, бейте!

Хотел стражник палкой Цзаохэ огреть, да в начальника угодил, зубы ему выбил, на пол повалил. Все, кто в зале был, кинулись к начальнику, поднимают его, утешают. Суматоха поднялась, тут Цзаохэ в окно выпрыгнул, на крышу залез, хохочет и приговаривает:

— Так тебе и надо, так тебе и надо, будешь знать, как у бедных крестьян скот отбирать!

СЕМЕРО БРАТЬЕВ

Китайская сказка

В старину стояла у подножья высоких гор на берегу бескрайнего моря деревушка. Жил там старик с семью сыновьями. Статными да крепкими уродились сыновья и росту высокого. Старшего звали Чжуанши — Недюжинная Сила, второго Гуафэн — Задуй Ветер, третьего Техань — Железный Детина, четвертого Бупажэ — Нипочем Жара, пятого Гаотуй — Длинная Нога, шестого Дацзяо — Большая Ступня, седьмого Дакоу — Большой Рот.

Говорит однажды старик сыновьям:

— В несподручном месте стоит наша деревня. Пойдешь на запад — высокие горы, свернешь на восток — бескрайнее море. Хоть из ворот не выходи! Отодвинули б вы чуток и горы и море.

Согласились сыновья, в разные стороны разошлись: одни —

на запад, другие — на восток. Подождал старик немного, вышел за ворота, смотрит: ни гор, ни моря, на все четыре стороны равнина простирается, черная земля блестит — не рыхлая, не вязкая, не влажная, не сухая.

Говорит тогда старик сыновьям:

— Негоже такую хорошую землю пустой оставлять, надобно на ней злаки разные посеять.

Согласились сыновья, пахать да сеять принялись. Вскорости на той равнине хлеба выросли — глазом не окинешь. Пшеница — желтое золото — вот-вот поспеет, просо к небу тянется, золотом сверкает. Смотрят старик с сыновьями — не нарадуются. Им и невдомек, что добро это для них злом обернется.

Дошла весть про этот благодатный край до самого императора в столице. Послал он сановников с указом зерно все дочиста в казну забрать.

Запечалился старик, вздохнул и говорит сыновьям:

— Не видать нам теперь, детушки, хороших денечков, у государя брюхо, что бездонный колодец, сколько ни сыпь земли — не засыплешь. Только покорись — всю жизнь будешь как вол на него работать, как кляча воз возить.

Рассердились тут все семеро сыновей и говорят разом:

— Не бойся, отец, мы правду найдем, к самому государю в столичный город пойдем.

Только стали братья к городской стене приближаться, увидали их полководцы, те, что ворота стерегли. Испугались, давай скорее ворота накрепко запирать, железные засовы задвигать, огромные замки со скрипом да с лязгом закрывать, сами в башнях попрятались.

Подошли братья к воротам, тут старший, Недюжинная Сила, как закричит:

— Отворяйте ворота, мы в столицу идем к государю правду искать!

Затряслись от страха полководцы, выглянули и говорят:

— Где это видано, чтоб простые мужики с государем рассуждали!

Рассердился тут старший брат, как толкнет ворота, только грохот раздался, попадали ворота да башни, пыль в небо столбом поднялась, посыпались кирпичи да камни — один в одну сторону катится, другой — в другую, придавили всех полководцев.

Вошли семеро братьев в город, подошли к дворцовым воротам. А они тоже крепко-накрепко заперты: ни щели, ни щелочки. Тут и говорит второй брат, Задуй Ветер, старшему:

— Отдохни малость, а я покричу.

Вытянул он шею и как закричит:

— Отворяйте ворота! Мы в столицу пришли к государю правду искать!

Кричал, кричал Задуй Ветер, да никто не ответил. Рассердил-

ся он, в рот набрал воздуха побольше и как дунет! Ну, прямо ураган налетел; не закачались ворота, не зашатались каменные столбы с драконами — вмиг все на землю попадали. Испугались придворные да военачальники, выглянуть не смеют. Подошли семеро братьев к государевым покоям — никто им не помешал. Тут третий брат, Железный Детина, и говорит второму:

— Отдохни, братец, а я пойду с императором потолкую.

Сказал и в государевы покои направился. А государь с перепугу пожелтел и быстро так говорит:

— Где это видано, чтоб мужик с государем разговаривал, гоните его поскорее да голову ему рубите.

Услыхал его слова Железный Детина, рассмеялся и отвечает:

— Ты, государь, сперва посмотри, какие у меня руки!

Хотел он руку одному из военачальников показать, прямехонько на сверкающий меч наткнулся, на самое острие. Раздался звон, искры во все стороны посыпались, разлетелся меч, как говорится, на четыре части, на пять кусочков. Государь со страху аж с трона скатился. Кинулись сановники его поднимать, насилу во внутренние покои увели. Видит император: не убить ему братьев, приказал он тогда огнем их спалить.

Вмиг огненные шары загорелись. Столько их, что и не счесть. Дым густой валит, к братьям подбирается.

Говорит тут четвертый брат, Нипочем Жара:

— Отойдите в сторону, передохните, я один справлюсь!

Наступил он ногой на огненный шар, усмехнулся и говорит:

— Холодно что-то, огоньку бы подбавили!

Подскочил тут император от страха, приказал тотчас огромное войско собрать, всех семерых братьев разом в море столкнуть.

Говорит тут пятый брат, Длинная Нога:

— Не тревожьтесь, давно пора мне в море искупаться!

Сделал он шаг, сделал другой, прямо в синее море вошел. А вода ему и до щиколоток не достала.

Покачал юноша головой и говорит:

— До чего же мелко, и не искупаешься! Рыбки, что ли, половить?

Согнулся он в три погибели, стал двумя руками рыбу из моря хватать, хватает и на берег бросает. Рыбы черные, рыбы белые, в чжан* длиной, в десять чжанов, огромные рыбины в сто чжанов — всех повытаскивал. Целая куча из рыб на берегу выросла, с малую гору будет.

Ждут братья Длинную Ногу, никак не дождутся. Тут и говорит шестой брат, Большая Ступня:

— Схожу-ка я позову его.

Ступил он шаг и на морском берегу очутился. Говорит он пятому брату:

— Видать, забыл ты, зачем мы к государю пришли, раз стал рыбу ловить!

Не дал седьмой брат, Большой Рот, шестому все до конца сказать и говорит:

— Не станет государь о правде толковать. А коли станет — государем быть перестанет.

Не спросил Большой Рот у братьев совета, всю воду морскую одним духом выпил. Повернулся, рот разинул, как хлынет у него изо рта вода, так и хлещет. Устремились волны морские ко дворцу, грохочут грозно, опрокинули стены высокие, так и утонул в волнах император со своими сановниками да полководцами.

СКРЯГИ

Китайская сказка

Жили на свете муж с женой. Только и думали с утра до вечера, как бы разбогатеть. Скажет, бывало, жена:

— Давай портняжничать станем, одежду шить!

— Не дело это — портняжничать,— отвечает муж.— Деньденьской иголку втыкать да нитку тянуть. Устанешь только, а заработаешь самую малость.

— Тогда давай займемся красильным ремеслом,— не унимается жена.

— Красильное ремесло и того хуже. И сами в краске, и вокруг одни краски. Что за жизнь! А корысти опять-таки никакой.

Спорили они, спорили и решили наконец устроить постоялый двор. Устроить-то устроили, и дела у них пошли неплохо, а богатства все равно не нажили.

— Богатые гости добро привезут, да с собой увезут. А с бедняка что возьмешь? Он сам нищ да гол.

И вот забрел однажды на постоялый двор почтенный старец — борода белая, посох длинный, на посохе красной тушью иероглифы выведены: «Коли я войду в ворота, всех избавлю от заботы». Увидал муж, что написано на посохе, и думает: «Не иначе как это бессмертный предсказатель судьбы».

Не вытерпел он и спрашивает:

— Господин, а господин! Расскажи, как ты людей от забот избавляешь?

— Есть у меня одно зелье,— отвечает старец,— кто выпьет его — обо всех невзгодах забудет! Печали, тоски да забот — как не бывало!

Услыхали это муж с женой и стали просить старца, чтоб продал им волшебное зелье. Согласился старец, отвесил пол-ляна*.

Взяла жена зелье и говорит мужу:

— Ну, теперь мы непременно разбогатеем, подсыпем богатым гостям этого порошка в рис или чай, и забудут они здесь свои мешки да тюки.

И надо же было так случиться, что прямо на другой день заехал на постоялый двор богатый купец. Ларцы жемчугом набиты, мешки — яшмой, ящики — кораллами да бирюзой. А украшений золотых и серебряных — не счесть! Разгорелись у жадных хозяев глаза. Пока муж смотрел, как купец в своей комнате бесценные сокровища складывает, жена на кухне в чай да в рис всыпала гостю весь порошок до капельки. Гость съел весь рис, опорожнил целый чайник чаю и спать лег. Жадные хозяева от нетерпения всю ночь дрожали и не сомкнули глаз.

А рано утром, только купец уехал, кинулись к нему в комнату: рыщут, ищут — ничего найти не могут. По углам искать стали, пол разворотили, да все напрасно: не то чтоб драгоценностей, камешка — и то не нашли!

— Обманул нас проклятый старик,— в ярости закричала жена,— не волшебное это зелье, все купец с собой увез, ничего не забыл!

— Ах, черепашье отродье! — еще громче завопил муж.— Забыл! За постой уплатить забыл! Говорил нам старик: «Кто выпьет зелье, обо всех невзгодах забудет!» А мы эти его слова запамятовали!

Жадность, видать, память отбивает!

КАК СУДЬЯ БАО ОСЛА ДОПРАШИВАЛ

Китайская сказка

Жил в старину один бедняк по прозванью Ван Уцзы — Ван Пятый. И был у него осел, он на нем хворост да уголь возил. Других руки кормят, а бедняка ослиная спина. Берег бедняк своего осла ну прямо как сокровище драгоценное, поил, кормил, мелкую траву и то секачом для него рубил. Так он своего осла холил, что шкура у того стала гладкая, щетина блестящая. Кто ни увидит — всяк похвалит:

— И впрямь сокровище четвероногое!

Был, конечно, осел тот упрямым, так на то он и осел! С утра до ночи копытами бьет, отдыху себе не дает. На другого осла самое большее сто двадцать цзиней* навьючишь, а этот и двести сорок одолеет. Другой осел в один конец сбегает, а этот в два поспеет.

Навьючил бедняк на осла уголь древесный, повез в городок продавать. Осла у ворот привязал, сам мешок с углем на продажу понес. Воротился — нет осла. Вместо него к дереву другой, ледащий, осел привязан. Всполошился бедняк, заметался, то на восток побежит, то на запад кинется, где только не искал! Осла и след простыл. Взяла Вана Пятого досада, рассердился он, потащил паршивого осла ледащего к судье Бао жалобу подавать, да не

знает, ответчиком кого сказать. Думал, думал, на осла ледащего жалобу подал.

Вышел судья Бао в зал, стал дела разбирать. Дошел до жалобы Вана Пятого, приказал стражникам ответчика привести и давай его ругать:

— Тай! Ты откуда взялся? Как посмел чужое имя присваивать, себя за другого выдавать!

А осел голову понурил, молчит, хоть бы слово вымолвил!

Пуще прежнего рассвирепел судья Бао, как стукнет колотушкой по столу, как закричит:

— Ван Чао, Ма Хань! Живо намордник на осла наденьте! Не кормите его, не поите! Крепко-накрепко под арест на три дня заприте. После снова ему допрос учиним!

Едва не рассмеялись стражники, и те, что на возвышении подле судьи стояли, и те, что внизу в зале были, да не осмелились. Пришлось им выполнить приказ судьи. Заперли они ответчика почтенного, осла ледащего, в пустом загоне. Тем временем новость эта на все четыре стороны разнеслась, дивятся люди, отродясь про такое не слыхали. И на третий день, когда опять был суд назначен, не сотни — тысячи людей заполонили присутствие. Каждому охота поглядеть.

Три раза в барабан ударили, поднялся судья Бао в зал, на судейское место сел. Стражники тотчас осла притащили: брюхо у него ввалилось, голова опущена, смотреть жалко. Стукнул судья колотушкой по столу и как закричит:

— Эй, стража! Дайте-ка этому паршивцу сорок палок, да посильнее бейте!

— Слушаюсь,— разом ответили стражники, взяли батоги и давай осла дубасить.

Десять, двадцать, тридцать — все сорок палок ему дали. Напоследок судья Бао приказал:

— Теперь отпустите его, пускай идет куда хочет.

А осел ледащий три дня взаперти просидел, три дня не ел, три дня не пил, сорок палок получил, страху натерпелся. Как вылетит он из зала, как помчится! Только его и видели.

Приказал тут судья Бао одному стражнику да Вану Пятому по следу пойти, поглядеть: в чей он дом забежит — тот и есть его хозяин, тот самый вор, который осла у Вана Пятого увел, а своего ледащего оставил.

Пошли Ван Пятый со стражником по следу, с ними еще несколько зевак увязалось, целых пятнадцать ли* прошли, смотрят — осел ледащий к хозяину одного хутора забежал. Пошли люди за ослом следом. Нашли, конечно, осла, которого у Вана Пятого увели, и самого вора схватили.

КАК ПЫТАЛИ КАМЕННУЮ ПЛИТУ

Китайская сказка

Сел однажды Бао-гун в паланкин, отправился в суд дела вершить. Едет он по улице, смотрит: сидит на каменной плите мальчик, сидит и горько плачет. А рядом с ним стоит плетеная корзинка бамбуковая.

Приказал Бао-гун носильщикам остановиться, подозвал мальчика и спрашивает:

— Кто тебя обидел, мальчик? Отчего ты плачешь?

Отвечает мальчик:

— С самого утра торговал я пончиками. Наторговал на двести медяков, деньги положил в корзину. Тут фокусник пришел, стал фокусы показывать. Сел я на этот камень, стал смотреть. Недолго смотрел. Потом в корзину заглянул, а денег нет.

Сказал так мальчик, еще горше заплакал.

Выслушал Бао-гун мальчика, брови нахмурил, подумал немного и говорит:

— Деньги лежали в корзине, корзина стояла на камне. Вдруг деньги исчезли. Наверняка каменная плита их украла. Стража! Доставить в ямынь мальчика и плиту на допрос.

Услыхали люди, что Бао-гун каменную плиту допрашивать будет, друг другу передавать стали, недаром говорится: один десяти скажет, десять — сотне. Подивились, скорей к ямыню побежали допрос послушать.

Поднялся Бао-гун в зал, велел внести плиту, перед столом поставить. Мальчику рядом с плитой велел встать, а народ весь по обеим сторонам стола расположился.

Сел Бао-гун на судейское место, допрос начал:

— Признавайся, плита каменная, ты у мальчика деньги украла? Только правду говори, не то я велю тебя бить и пытать.

Но камень он камень и есть, лежит себе да молчит. Рассвирепел Бао-гун, стукнул по столу, велел стражникам бить плиту. Услыхал народ, что судья камень бить приказал, смех, да и только! Но в ямыне не посмеешься — боязно. Подняли стражники палки, принялись камень колотить. Бьют, колотят, щепки от палок во все стороны разлетаются. Не стерпели тут люди, захохотали, да так громко, что и не слышно, как палки о камень бьют.

Только Бао-гун не смеется, в дощечки стучит, чтоб народ утихомирить, и говорит:

— Вы что, порядка не знаете? Не умеете себя в ямыне вести? Стража! Запереть двери, никого не выпускать!

Видят люди — рассердился Бао-гун, упали на колени, о пощаде молят.

Говорит судья:

— Ладно, на этот раз я вас пощажу, только пусть каждый, прежде чем домой идти, монетку даст. Коли согласны, отпущу я вас с миром.

Приказал Бао-гун стражникам притащить большой чан с водой, посреди зала поставить. Потом каждому велел монету в чан бросить, сам рядом стоит, смотрит. Одна за другой падают монеты в чан, люди друг за дружкой из зала выходят. Но вот подошел какой-то человек, монету в чан бросил. Смотрит Бао-гун: на воде кружочки жира плавают.

Как закричит судья:

— Это ты, пес, у ребенка деньги украл? Признавайся!

Испугался вор, дрожит весь.

Приказал Бао-гун обыскать вора, нашли у него стражники сто девяносто девять монет, с той монетой, которую он в чан бросил, ровно двести. Отдал Бао-гун все двести монет мальчику, а вора приказал побить хорошенько и вон выгнать.

Только тут поняли все, зачем понадобилось Бао-гуну каменную плиту допрашивать. С той поры стали люди пуще прежнего мудрого судью почитать.

ЧУДЕСНЫЕ ЗЕРНА

Тибетская (Китай) сказка

Много сотен лет назад было в Тибете обширное государство Було. Жители его не знали другой еды, кроме говядины и баранины, не пили других напитков, кроме ячьего и козьего молока*.

О вкусной цзамбе*, что из зерен ячменя делают, никто даже и не слыхал.

Жил в Було один кузнец, мастер на все руки. У того кузнеца был сын по имени Ачу, юноша умный, добрый и отважный. Однажды от чужеземных купцов, прибывших в Було с разными товарами, Ачу услышал, что есть такое растение — ячмень, а зерна у него золотистые. Эти чудесные зерна, сказали купцы, хранятся в пещере могучего горного духа Жуды, а живет Жуда за девяносто девятью высокими горами и девяносто девятью широкими реками.

И решил тогда Ачу отправиться к горному духу и попросить у него семян ячменя для своего народа.

Долго не соглашались родители отпустить своего единственного сына в такой трудный и опасный путь. Но юноша был настойчив, и родители скрепя сердце уступили.

Двадцать приятелей Ачу вызвались ехать вместе с ним к горному духу. Всем им кузнец выковал по доброму мечу, и ранним летним утром двинулись они в дальнюю дорогу.

Долго ехал Ачу со своими спутниками. Только перевалят

через одну гору — перед ними сразу же другая вырастает. Только переправятся через одну реку — встречается на пути следующая.

То один, то другой гибли по дороге удальцы, сопровождавшие Ачу. Кто в глубокую пропасть свалился, кто в быстрой реке утонул, кого дикие звери разорвали или ядовитые змеи ужалили. Словом, когда девяносто восемь гор и девяносто восемь рек остались позади, в живых остался один Ачу.

Держа на поводу своего коня, шаг за шагом стал взбираться юноша на девяносто девятую гору. И на перевале, под высокой сосной, увидел старую женщину, которая пряла шерсть. Подошел к ней Ачу, почтительно поклонился и спросил, где находится обитель горного духа Жуды и как до нее добраться.

— Кто ты такой и зачем тебе нужен Жуда? — спросила его старуха.

Ачу рассказал ей, откуда он и что привело его сюда.

Понравился старухе — а была это богиня земли — вежливый и красивый юноша, и она сказала:

— Жуду найти очень легко. Спустишься с горы, увидишь реку. Переправься через нее и иди вверх по реке. У истока реки встретится тебе огромный водопад. Там три раза выкрикни имя горного духа, и он явится перед тобой.

Дошел Ачу до истока девяносто девятой реки и увидел водопад, с шумом несся он с высокой горы. Стал Ачу лицом к водопаду и громко произнес:

— Уважаемый горный дух Жуда! Явись мне, сделай милость, есть у меня к тебе дело!

Прокричал так три раза, и вдруг из струй водопада появился огромный старик. Голова его возвышалась над горой, а борода свисала до самой реки, сама на водопад походила.

— Кто меня звал? — громовым голосом спросил горный дух.— Уж не ты ли, юноша? Откуда ты пришел и зачем я тебе?

— Почтенный горный дух Жуда,— отвечал ему Ачу,— я пришел сюда из государства Було. Говорят, у тебя есть семена ячменя. Дай мне немного этих семян, и я отнесу их своему народу.

— Ты ошибся, юноша,— засмеялся горный дух,— у меня никаких семян нет. Ячмень выращивает царь змей Кабулэ, у него одного есть зерна ячменя.

Опечалился Ачу. Стал он горного духа расспрашивать, где обитает царь змей и как у него зерна ячменя раздобыть.

— Царь змей,— отвечал ему дух,— живет в большой горной пещере, отсюда в семи днях пути на быстром коне. Но он очень свиреп и скуп. Кабулэ ни за что не захочет поделиться с людьми своими зернами. К нему многие за ячменем приходили, да он всех их в собак превратил и съел. Пойдешь к нему, он и тебя в пса превратит, а потом съест.

— Я не боюсь,— сказал Ачу горному духу,— мне бы только семена ячменя добыть!

Понравился горному духу отважный юноша, и он рассказал, как добраться до царя змей Кабулэ.

— Чтобы добыть зерна ячменя,— сказал под конец Жуда,— есть только один способ: их надо выкрасть у Кабулэ. Осенью царь змей ссыпает зерна в мешки и складывает их за своим троном. Трон этот охраняют сто стражников. Раз в десять дней царь змей отправляется в гости к повелителю драконов. Но не успеет сгореть благовонная свечка, как он уже возвращается обратно. Однако стражники всегда пользуются этим случаем, чтобы немножко вздремнуть. Вот за это время и надо успеть выкрасть из пещеры Кабулэ эти зерна.— Затем горный дух достал из-за пазухи шарик величиной с горошину и протянул его Ачу: — Я уже стар и не могу тебе помочь. Прими от меня в подарок эту Жемчужину ветров. Держи ее у себя, а надо будет, возьми в рот — сразу быстрее ветра помчишься. Запомни также: если даже царь змей и превратит тебя в собаку, не пугайся. Постарайся найти девушку, которая полюбила бы тебя и в обличье собаки. Воротишься с ней домой, снова обретешь человеческий облик. Ну, ступай! Желаю тебе, юноша, удачи!

Сел Ачу на коня и отправился в путь. Добравшись до владений царя змей, он снял с седла мешок с едой, освободил коня от уздечки и отпустил его. Сам же закинул мешок за спину и полез на гору, где обитал царь змей Кабулэ. Напротив пещеры царя змей нашел Ачу маленькую пещерку, выложил ее сухой травой и ветками, улегся и стал наблюдать за входом в обиталище грозного Кабулэ.

Наступил день, когда Кабулэ отправлялся в гости к повелителю драконов. Задремал Ачу, как вдруг разбудил его мелодичный звон колокольчиков. Выглянул Ачу и видит: царь змей, в чешуйчатом халате, обшитом серебряными колокольчиками, выходит из своей пещеры.

Понял юноша, что Кабулэ отправляется в гости к повелителю драконов.

Быстро выбежал он из своего убежища, а когда добрался до пещеры царя змей, то увидел у входа спящих стражников. Только он хотел пробраться внутрь, как снова послышался звон серебряных колокольчиков. Это возвращался царь змей. Тут стражники зашевелились и стали подниматься, а Ачу бросился в траву, затаив дыхание, а потом тайком вернулся назад.

Долго думал юноша, как бы ему изловчиться и суметь до возвращения царя змей раздобыть семена ячменя. И наконец придумал.

Только царь змей покинул свою пещеру, как Ачу подбежал к высокому дереву, ловко забрался на него, привязал к толстой ветке веревку и, держась за ее свободный конец, отважно бросился через пропасть. Длинная веревка перенесла его прямо к входу в обиталище Кабулэ.

Осторожно обойдя спящих стражников, Ачу вошел внутрь пещеры. Там было темным-темно, и ему пришлось пробираться вперед, держась одной рукой за стену. Наконец юноша достиг главного зала. В зале перед большим золотым троном горел огонь, ярко озаряя все помещение. Около трона спали стражники, а за троном стояли мешки с зерном.

Стал Ачу насыпать золотистые зерна в мешок на груди. Насыпал — и к выходу! Да забыл впопыхах об осторожности и нечаянно задел двух стражников. Стражники вскочили, преградили юноше путь, но Ачу не растерялся. Бросил он в глаза стражникам горсть зерна и схватился за меч. Пока стражники протирали глаза, юноша успел выскочить из пещеры. Но шум разбудил других стражников. Словно рой пчел, окружили они Ачу. Рассыпая удары направо и налево, отважный юноша вырвался из их кольца и кинулся бежать.

Но, на свою беду, он побежал прямо навстречу возвращавшемуся царю змей. Впереди — царь змей, позади — стражники. Тогда Ачу быстро сунул в рот Жемчужину ветров и бросился с отвесной скалы в горное ущелье. Увидев это, царь змей злобно захохотал и простер свою руку к юноше. Сразу же загремел гром, засверкали молнии, и Ачу превратился в желтую собаку. Но, помня наказ горного духа, он бежал все дальше и дальше. Одним прыжком перелетал через ущелья, переносился через высокие горы. Сзади все гремели раскаты грома и сверкали молнии, но они уже не могли испугать Ачу.

Долго бежал Ачу, превращенный в желтую собаку, пока не добрался до пограничного с Було княжества Луджо. В Луджо также не сеяли злаков, лишь несколько фруктовых деревьев росло вблизи замка тусы — местного князя. А вокруг расстилалась дикая степь, там паслись стада яков и овец.

От жителей княжества Ачу услыхал, что имя их тусы Кэньпан. У Кэньпана было три красавицы дочери: старшую звали Цзэтан, среднюю — Хамуцо, младшую — Эмань. Из всех троих Эмань была не только самой красивой, но и самой доброй девушкой. Она помогала всем бедным людям, никогда не обижала животных, и даже пугливые птички брали корм из ее рук.

«Только Эмань может спасти меня»,— подумал Ачу, вспомнив о словах горного духа. Он решил отыскать ее, подарить доброй девушке семена ячменя и подружиться с ней.

Несколько дней бродил Ачу, превращенный в собаку, вокруг замка тусы Кэньпана. Наконец он увидел, как Эмань вышла из замка и начала собирать на лужайке цветы. Ачу подбежал к ней, стал радостно лаять, тихонько хватать зубами за подол и вилять хвостом. Девушке очень понравилась красивая желтая собака. Она наклонилась и погладила собаку по голове. Собака же поглядела на Эмань по-человечески умными глазами и показала лапой на мешок, висевший у нее на шее.

Эмань сняла мешок с шеи Ачу, осторожно развязала его и увидела там золотистые зерна. Но девушка не знала, что это за зерна и какая от них польза. Тогда собака опять дернула ее за подол, а затем вырыла в земле небольшую ямку и начала показывать носом то на семена, то на ямку. Наконец Эмань поняла желание собаки и стала бросать золотистые зерна в ямки, вырытые Ачу, и засыпать их землей. Долго работали они, пока не посеяли все семена. Затем Эмань вернулась в замок, но уже не одна, а с желтой собакой. Добрая девушка полюбила свою красивую и ласковую собаку, а собака ни на шаг не отходила от своей хозяйки. Умные глаза собаки с любовью и тоской смотрели на Эмань.

Но вот наступила осень. Созрели все плоды, толстый слой жира нагуляли яки и овцы. Для дочерей тусы Кэньпана пришло время выходить замуж.

В один теплый осенний вечер на лужайке перед замком тусы было устроено веселое гулянье. Со всех окрестных мест собрались сюда знатные люди со своими женами, сыновьями и дочерьми. Много песен было пропето, много танцев перетанцовано, много чаю с молоком, солью и сливочным маслом выпито.

Но вот наконец наступило время последнего танца — танца выбора мужей дочерьми тусы Кэньпана. Этот танец, согласно древнему обычаю, девушки должны были танцевать с фруктами в руках и вручить эти фрукты своему избраннику.

Первый круг протанцевали дочери тусы, и старшая сестра, отдав свои фрукты сыну главного советника, вышла из танца. Второй круг танцуют оставшиеся две сестры, и средняя сестра, вручив фрукты сыну соседнего тусы, также закончила танец. А Эмань прошла в танце и третий круг, но так никого себе и не выбрала. Много красивых юношей было среди собравшихся, но девушке казалось, что каждому из них чего-то недостает, и она никому не могла отдать предпочтение.

А юноши уже начали шептаться между собой.

— Кого же в конце концов выберет Эмань себе в мужья? — говорили они. Всем хотелось назвать своей женой эту умную, красивую и добрую девушку.

Четвертый круг пошла танцевать Эмань и вдруг увидела свою любимую желтую собаку. С мокрыми от слез глазами сидел Ачу среди гостей и не отрываясь смотрел на девушку. Дрогнуло сердце у Эмань, и, кружась в танце, она невольно приблизилась к желтой собаке. Девушка, конечно, и не думала выбирать себе в мужья собаку. Но, подойдя к ней, она случайно поскользнулась, фрукты выпали из ее рук и подкатились прямо к собаке.

— Эмань выбрала себе в мужья собаку! Эмань выбрала себе в мужья собаку! — злорадно закричали юноши, напрасно ожидавшие от нее фруктов.

Даже старшие сестры и те не пожалели бедную девушку, а стали вместе со всеми насмехаться над ней.

Тусы Кэньпан был очень гордый и самолюбивый человек. Видя, как люди высмеивают его дочь, он страшно разгневался и, указывая на Эмань, закричал сердито:

— Раз ты полюбила пса и перед всем народом выбрала его себе в мужья, то уходи отсюда вместе с ним и никогда больше не возвращайся в мой замок!

Зарыдала Эмань и пошла прочь, а желтая собака не отставала от нее ни на шаг.

Пришла Эмань на поле, где сажала ячмень, и видит: стоят повсюду налитые зерном желтые колосья, склоняются перед ней, словно в приветствии. Пала Эмань на землю, обняла свою собаку и зарыдала горше прежнего.

— Не надо так плакать, умная, прекрасная Эмань,— вдруг сказала ей собака человеческим голосом.

От неожиданности девушка даже рыдать перестала и, потихоньку всхлипывая, с удивлением и испугом посмотрела на свою собаку.

— Не удивляйся и не бойся,— продолжал Ачу,— я человек, а не собака.

— Ты человек?! Почему же ты принял облик собаки?! — воскликнула Эмань.

Вздохнул Ачу и произнес:

— Тебе, конечно, известно про страну Було. Так вот, я сын кузнеца из той страны. Наши жители, как и жители твоего княжества, никогда не сеяли ячмень и не ели пищи, приготовленной из его зерен. Поэтому я похитил семена ячменя у царя змей Кабулэ, а он в отместку за это превратил меня в пса. Но я могу вновь стать человеком.

Посмотрела Эмань на спелую ниву ячменя, на собаку, стоящую перед ней, и показалось ей, будто стоит около нее не желтый пес, а красивый и отважный юноша. Нагнулась она к собаке, обняла ее и спросила дрожащим голосом:

— И когда же ты сможешь снова стать человеком?

— Когда меня полюбит чистой любовью какая-нибудь девушка,— отвечал ей Ачу.

— Я люблю тебя! — воскликнула Эмань.— Я по-настоящему люблю тебя! Почему же ты не превращаешься в человека? Чем я могу тебе еще помочь?

— Если ты действительно любишь меня,— сказал Ачу,— то сначала собери спелые колосья ячменя, сшей мешок и насыпь туда зерна. Мы пойдем в мою страну, станем по дороге сеять ячмень. Пусть он будет в радость людям! А придем ко мне на родину, и я опять стану человеком.

Эмань принялась быстро собирать урожай. Затем она сняла свой передник, сшила из него мешок и наполнила его зернами ячменя.

Долго шли Ачу и Эмань и повсюду сеяли золотистые зерна.

Наконец впереди показался большой город, обнесенный высокой стеной.

— Здесь я тебя покину,— сказал Ачу, обращаясь к девушке.— Не хочу, чтобы мои земляки видели тебя рядом со мной, пока я нахожусь в обличье желтой собаки. Войдешь в город, спроси у прохожих, где кузнец живет, и иди прямо туда.— С этими словами Ачу быстро скрылся из глаз.

У городских ворот Эмань спросила прохожих, где находится дом кузнеца.

— Дойдешь до базара,— отвечали ей,— там тебе каждый покажет.

Только Эмань к базару подошла, как навстречу ей выскочила желтая собака. Немного не добежав до девушки, собака вдруг остановилась и исчезла в облаке белого дыма, внезапно окутавшем ее. Облако дыма быстро рассеялось, и на месте собаки Эмань увидела высокого красивого юношу. Это и был Ачу. Он взял Эмань за руку и повел к своим родителям.

Заплакали от радости отец и мать Ачу, увидев своего единственного сына живым и невредимым. Не знали они, как и благодарить красавицу Эмань, освободившую их сына от злых чар царя змей.

А вскоре в доме кузнеца состоялась веселая свадьба Эмань и Ачу. Много простого народа было на этой свадьбе. Во время свадебной церемонии одна за другой слагались песни в честь новобрачных. Одни из них славили отвагу Ачу, добывшего своему народу зерна ячменя. Другие воспевали доброту и верность красавицы Эмань.

С тех пор по всему Тибету выращивают ячмень, и люди научились делать из его золотистых зерен вкусную цзамбу, ставшую любимой пищей тибетцев.

ЖУРАВЛИНЫЕ ПЕРЬЯ

Японская сказка

Давно-давно жили в одной горной деревушке старик со старухой. Очень они печалились, что детей у них не было.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес. Собрал он большую охапку хвороста, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силок, бьется и стонет, видно, на помощь зовет.

— Ах ты бедняга! Потерпи немного... Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу. Взмахнула она крыльями и полетела прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько к ним постучался.

— Кто бы это мог быть в такой поздний час?

Открыл старик дверь. Видит: стоит в дверях девушка, вся запорошенная снегом.

— Заблудилась я в горах,— говорит.— А на беду, сильно метет, дороги не видно.

— Заходи к нам,— приглашает старуха.— Мы гостье рады.

Взял старик девушку за руку и повел к очагу:

— Садись, обогрейся да поужинай с нами.

Поужинали они втроем. Видят старики, девушка красивая да такая ласковая. Стала она старухе по хозяйству помогать, а потом и говорит:

— Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи, спину потру?

— Вот спасибо, доченька. Спина-то у меня и вправду болит. А как тебя по имени зовут?

— О-Цуру.

— О-Цуру, Журушка, хорошее имя,— похвалила старуха.

Пришлась старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им с ней расставаться.

На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

— Нет у нас детей, Журушка. Останься с нами жить.

— С радостью останусь, у меня ведь на свете никого нет... А в благодарность за доброту вашу натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу: не заглядывайте в комнату, где я ткать буду. Не люблю, когда смотрят, как я работаю.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: кирикара тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру к старикам сверток узорчатой ткани. По красному полю золотые журавли летят.

— Красота-то какая! — дивится старуха.— Глаз не отвести!

Пощупала ткань: мягче пуха, легче пера.

А старик взглянул на девушку и встревожился:

— Сдается мне, Журушка, что похудела ты. Щеки у тебя вон как впали. В другой раз не позволю тебе так много работать.

Вдруг послышался хриплый голос:

— Эй, дома хозяева?

Это пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал у крестьян полотно. Спрашивает Гонта:

— Ну что, бабушка, есть у тебя полотно на продажу? Наткала, верно, за зиму-то?

— Есть на этот раз у нас кое-что получше, господин Гонта,— отвечает старуха.— Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша Журушка,— и развернула перед Гонтой алую ткань. Золотые журавли словно живые летят.

— О, такого прекрасного узора и в столице никто не видал. Ваша дочь, я смотрю, мастерица! — Гонта сразу полез в кошелек, достал пригоршню золотых монет. Понял он, что в княжеском дворце продаст такую замечательную ткань во сто раз дороже.

— Золотые монеты! Смотрите, настоящее золото! — Старики глазам своим не поверили.

Впервые на своем веку видели они золото.

— Спасибо тебе, Журушка, спасибо! — от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой.— Заживем мы теперь по-другому. Сошьем тебе новое платье к празднику. Пусть все любуются, какая ты у нас красавица.

Наступила весна. Пригрело солнце. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

— Сестрица Журушка, выйди поиграй с нами.

Улыбается Журушка:

— Ну хорошо, давайте играть. Поплывем в гости к лунным феям.

Поднимут двое детей руки — это ворота в царство фей. А Журушка поет:

Поплывем мы в царство фей
Дружно, дружно, весело.
Облачко — как лодочка,
Серебряные весла.

Проходят дети в ворота веселой вереницей и стариков зовут:

— Дедушка, пойдем с нами играть! Бабушка, пойдем играть!

— Да полно вам, не тяните нас за руки так сильно,— смеются старики.

Но не всегда светить солнцу. И дождь полям нужен. Поглядит Журушка, что небо облака закрыли, и запоет:

Дождик, дождик, лей сильней,
Дождик, лей среди полей.
Дольше, дольше погости
На грушевом дереве.

Соберутся дети вокруг Журушки, а она им сказки рассказывает о разных диковинных птицах.

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

— Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такой же ткани, как в прошлый раз? Продай мне, я охотно куплю.

— Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя больше ткать: очень она от этой работы устает. Боюсь, заболеет.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, набитый золотыми монетами.

— Я заплачу тебе еще дороже, чем в прошлый раз. А если ты не согласишься, пеняй на себя. Худо тебе будет. Меня ведь сам князь к тебе прислал,— пригрозил Гонта.— Чтоб через три дня была ткань готова, не то головой поплатишься!

Ушел Гонта, а старик и старуха стали горевать:

— Беда, беда! Что же с нами теперь будет! Пропали наши головы.

Все слышала о-Цуру, хоть и была в другой комнате. Стала она утешать стариков:

— Не бойтесь, не плачьте. Через три дня будет готова ткань, красивее прежней.

Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо.

Вскоре послышался за стеной быстрый-быстрый стук: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

— Журушка, кончай скорее, будет тебе! — тревожатся старик со старухой.— Ты, верно, устала, доченька?

Вдруг послышался грубый голос:

— Ну как, готово? Покажите мне.

Это был Гонта.

— Нет, показать нельзя. Журушка крепко-накрепко запретила к ней входить, пока она ткет.

— Ого! Вот еще выдумки! Я вижу, ваша дочь привередница. Ну, а я и спрашивать у нее не стану!

Оттолкнул Гонта стариков и настежь распахнул двери.

— Ой, там журавль, жу-жу-равль! — испуганно забормотал он.

Входят старики — и правда, стоит за ткацким станком большая птица.

Широко раскрыла она свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный мягкий пух и ткет из него красивую ткань: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

Захлопнули старики дверь поскорее, а Гонта со всех ног убежал — так он испугался.

На другое утро прибежали дети звать Журушку.

— Журушка, выйди к нам, поиграй с нами или сказку расскажи.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, открыли дверь и видят: никого нет. Лежит на полу прекрасная узорчатая ткань, а кругом журавлиные перья рассыпаны... Начали старики звать дочку, искали-искали, да так и не нашли.

Под вечер закричали дети во дворе:

— Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

Выбежали старики, глядят... Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домами. Тяжело так летит...

— Журушка, наша Журушка! — заплакали старики.

Поняли они, что это птица, спасенная стариком, оборотилась девушкой... Да не сумели они ее удержать.

— Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно, грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

Долго ждали старик со старухой, но Журушка так и не вернулась.

Есть, говорят, на одном из дальних островов большое озеро. Видели там рыбаки журавля с выщипанными перьями. Ходит журавль по берегу и все поглядывает в ту сторону, где старик со старухой остались.

ФЛЕЙТИСТ САНТА

Японская сказка

В старину, далекую старину, жил один юноша по имени Санта. Никто во всей Японии не умел лучше его играть на флейте. Заиграет веселую песню — каждый в пляс пустится. Но Санта был так беден, что ни одна девушка за него замуж не шла.

Сидит однажды Санта возле своего домика, играет на флейте и грустит, сам не зная о чем.

Флейта поет: пироро-пироро... Кругом тихо-тихо. Ветер и тот заслушался.

Вдруг спускается с неба легкое, как дымок, лиловое облако. Сошел с него одноглазый старик в богатом наряде и говорит:

— Здравствуй, Санта-дон!*

— Здравствуй, гость с неба. Чем могу тебе услужить?

— Звуки твоей флейты слышны даже в моем солнечном царстве. Много-много раз ты радовал меня своей игрой. В награду за это отдам я тебе в жены свою дочь. Согласен?

— Как не согласиться! От души благодарен.

— Ну, если так, жди свою невесту завтра утром.

Махнул рукой на прощание старик и улетел на лиловом облаке.

Всю ночь Санта глаз не сомкнул.

На другое утро чуть свет вышел он из дому. Бродит по двору взад и вперед и все на небо посматривает. А небо, как нарочно, прозрачное, синее. Ни облака на нем, ни птицы.

Вот дымок показался... Но нет, это где-то в горах костер разожгли.

Вдруг, откуда ни возьмись, выплыло белое-белое облако. Летит по небу, а Санта глаз с него не спускает. Остановилось облако над домом Санты и плавно-плавно спустилось вниз.

Сошла с облака девушка невиданной красоты. Лицо светится чудесным светом, одежды так и сверкают.

— Я здесь по приказу моего отца,— говорит она голосом звонким, как флейта.— Если хочешь, буду твоей женой.

Взял ее за руку Санта и повел в дом.

Хорошо зажили молодые. Санта на жену не нарадуется. Звали ее о-Ката. На все она мастерица: и ткать узоры чудесной красоты, и песни петь.

Поет молодая жена, а муж вторит ей на флейте. Кто ни пройдет мимо их дома, остановится и слушает, слушает...

А то наденет Санта маску* и начнет веселый танец. И жена вслед за ним. Так красиво — глаз не отведешь.

Стали люди говорить, что у флейтиста жена так хороша собой, что все знаменитые красавицы перед ней просто уродины.

Дошел этот слух и до ушей князя — правителя острова. Велел он своим слугам садиться на самых быстрых коней и скакать к Санте.

— Доставьте его в мой замок пред мои очи, да поскорей!

Удивился Санта:

— Что его светлости от меня понадобилось? Уж не хочет ли он послушать, как я на флейте играю?

Княжеские слуги долго толковать не привыкли. Посадили Санту на коня и привезли в замок.

Говорит ему князь:

— Эй, флейтист! Молва идет про твою жену, что уж очень она собой хороша. Отдай мне ее в служанки.

— Нет, князь, хоть убей меня, а я с моей женой не расстанусь.

Посулил князь флейтисту много золота. Но и тут Санта не согласился.

Призадумался князь. Если силой отнять у флейтиста жену, пойдет про него, князя, дурная молва. Нет, видно, тут не сила, а хитрость нужна.

— Хорошо, я оставлю тебе твою жену, если исполнишь ты мою волю. А не исполнишь — пеняй на себя.

— Приказывай, князь.

— Свей из пепла веревку и завяжи в виде бабочки. А сроку я тебе даю до завтрашнего утра.

— Свить веревку из пепла? Да где же это слыхано? Вот когда пропал я! Разлучат меня с моей женой.

Вернулся Санта домой и с горя бросился ничком на постель.

Встревожилась о-Ката. Подбежала, расспрашивает:

— Что с тобой? Что случилось?

Рассказал ей Санта о своем горе. Требует князь невозможно-

го: «Свей веревку из пепла и завяжи узлом в виде бабочки».

Вымочила о-Ката веревку в соленой воде, а потом хорошенько высушила. На другое утро переплела она искусно веревку и уложила кольцами на круглом железном подносе. А потом подожгла. Запылала веревка ярким пламенем. Пламя догорело, и — вот чудо! — лежит на подносе веревка, целая, как была. Узел в виде бабочки завязан.

— На, возьми! — говорит жена Санте.— Отнеси князю.

Пошел Санта к князю, подал ему веревку на круглом подносе.

— Вот, князь, веревка из пепла. Исполнил я твое повеление.

— Где? Покажи, быть не может!

Схватил князь поднос, вертит в руках, рассматривает. Но, видно, притаился огонь в пепле. Обжегся князь, бросил веревку, на пальцы дует.

Опомнился немного и говорит:

— Хо, подумаешь, трудное дело! Такую веревку из пепла любой простак совьет. Задам-ка я тебе задачу потруднее. Принеси мне завтра утром такой барабан, чтобы он сам собой гудел на весь мой дворец. А не принесешь — пеняй на себя. Заберу твою жену в служанки.

Пришел Санта домой грустный-грустный и бросился ничком на постель.

Подбежала к нему жена:

— Что с тобой? Что такое?

— Вот когда беда так беда! Требует князь, чтобы принес я ему к завтрашнему утру барабан-самогуд. Такого, поди, на всем свете нет.

— Ну, это задача нехитрая,— усмехнулась о-Ката.

Отыскала она барабан, сняла с одной его стороны кожу. Спрятала внутри гнездо шершней, а потом снова натянула кожу и хорошо ее укрепила.

Гудят шершни, стучатся в стенки барабана: гу-у, гу-у, стук-стук, гу-у, гу-у, стук-стук.

На другое утро отнес Санта барабан к князю.

— Исполнил я твою волю. Вот смотри, барабан-самогуд. Никто в него не стучит и пальцем его не трогает, а он сам собой гудит так, что стены дрожат.

Вот уж этого князь не ожидал. Закричал он:

— Эй, слуги! Разрежьте кожу на барабане. Хочу я посмотреть, отчего он гудит, какая хитрость в нем спрятана.

Слуги так и сделали. Вылетел тут из барабана рой гудящих шершней. Начали шершни всех жалить. Кого один раз, кого два, а князю всех больше досталось. Бегают все, кричат, руками машут. Только тогда шум утих, когда всех шершней переловили.

Отдышался князь и говорит:

— Пустое дело — барабан-самогуд. Каждый мальчишка такой сделает. Нет, не оставлю я тебе твою жену.

— Осмелюсь доложить, мне ее пожаловал в жены сам владыка солнечного царства. Она его родная дочь. Разгневается, пожалуй, тесть мой, если кто ее обидит.

— Вздор, вздор! Как ты смеешь болтать мне всякие небылицы! Кто тебе поверит!

— Нет, князь, это чистая правда.

— А если правда, так отправляйся в солнечное царство. Попроси своего тестя, чтоб дал он тебе письмо за своей печатью. Тогда, пожалуй, я поверю. А не исполнишь моего приказа, твою жену в служанки заберу, а тебе велю голову отрубить, чтоб не лгал бессовестно своему князю.

Вернулся Санта домой и со слезами упал ничком на постель. Узнала жена, что князь требует, и немного призадумалась.

— Да, эта задача потрудней других. Но не бойся, я тебе помогу.

Вышла она во двор, подняла глаза к небу и взмахнула черным веером раз и другой.

Вдруг послышался такой гул и свист, будто подул сильный ветер. Летит, словно темная туча, большая-большая птица с черными крыльями.

— Садись птице на спину и не бойся,— говорит о-Ката,— она отнесет тебя на самое небо к моему отцу.

Сел Санта на спину птице. Понеслась она вверх. Зажмурил Санта глаза на минуту. Открыл их, а уж земля внизу кажется не больше кунжутного семечка.

Вот прилетел он на небо.

С радостью встретил его одноглазый старик — владыка солнечного царства.

Говорит он:

— Здравствуй, Санта-дон, давно мы с тобой не видались,— и повел зятя в золотой дворец.

Усадили Санту на шелковые подушки и подали ему на золотом подносе горы белого как снег риса, а к нему множество вкусных приправ.

— Слышал я, знаю, что князь от тебя требует,— говорит владыка солнечного царства.— Кушай, зять, спокойно, не торопись, а я тем временем напишу князю, чтоб не смел он мою дочь обижать.

Остался Санта один. Пробует он небесные кушанья, одно другого вкуснее.

Вдруг в соседнем покое послышались плач и стоны:

— Ой, ой, хочу риса! Дайте мне хоть рисиночку!

Открыл Санта узорчатую дверь... и что же видит?

Черт огненного цвета, ростом великан, на голове рога, прикован к стойлу железными цепями и плачет, роняя большие, как бобы, слезы:

— Ой, ой, хочу риса! Дайте мне хоть рисиночку!

Принес добрый Санта полную чашку риса.

— На, поешь, бедняга. Видать, сильно ты проголодался.

Разинул Огненный черт свою пасть, глубокую, как жерло пещеры, проглотил рис вместе с чашкой и вдруг разом порвал все цепи, словно паутинки. Завыл он от радости диким голосом и пропал из глаз.

Тут бегом прибежал одноглазый старик. Лицо у него белое-белое.

— Санта, что ты наделал! Этот черт давно задумал похитить одну из моих дочерей.

— Твою дочь? Которую? Уж не мою ли жену?

— То-то и беда! Разве можно было его кормить? Он одну пригоршню риса проглотит — так десять тысяч могучих воинов с ним не справятся.

— Не знал я, не знал...

— Боюсь я, унесет он мою дочь на чертов остров Кэкэгасима. Лежит этот остров в самой дальней части моря. Туда и мне доступа нет.

— Ну, коли так, зови скорей птицу с черными крыльями, полечу я домой, к своей жене на помощь.

Кликнул владыка солнечного царства птицу с черными крыльями. Отнесла она Санту домой.

Только опоздал он. Нет жены дома! Двери распахнуты, один ветер в пустых комнатах гуляет.

«Поплыву хоть на самый край света,— решил Санта,— а жену свою отыщу».

Взял он с собой свою любимую флейту да еще маску седого старика, положил их к себе за пазуху и пошел к берегу моря. Стоит на берегу моря лодка с парусом.

Сел в нее Санта и поплыл искать чертов остров Кэкэгасима.

Долго скитался он по морям. Разные повидал острова: и такой, где людоеды живут, и такой, где у всех людей собачьи головы, и еще много других. Наконец заплыл он так далеко, где ни один корабль еще не бывал.

Однажды утром увидел Санта: торчит из моря черная гора, а над ней красный огонь пылает.

Вышел Санта на берег и весело заиграл на своей флейте: пиророро-пиророро.

Тут сбежались к нему со всех сторон чертенята. Бьют в ладоши, пляшут.

Спрашивает Санта чертенят:

— Не знаете ли вы, где живет Огненный черт?

— Как не знать? Он у нас самый главный. Пойдем с нами, покажем.

Показали они Санте пещеру в горе.

Подошел он к самому входу и тихо-тихо заиграл на флейте.

Услышала его жена знакомые звуки и залилась слезами.

— Что с тобой? Отчего ты вдруг заплакала? — спрашивает ее Огненный черт.

— Слышишь, флейта играет? Сердце у меня так и защемило.

— Ого! С чего бы это? Уж не твой ли муж-флейтист играет там у входа?

— Не говори глупостей! Как он сюда попал бы! Просто я с самого детства люблю звуки флейты. Не могу без слез слышать, так люблю.

Надел Санта на лицо маску старика и вошел в пещеру. Не узнал его черт.

— Играй,— говорит,— да смотри повеселее, а я своих приятелей созову, устрою пирушку.

Вот собрались в пещеру черти самых разных цветов: синие, красные, желтые. Заиграл Санта на флейте веселый напев. Запрыгали черти, заскакали, закружились в пляске. Все быстрей играет Санта, все быстрей пляшут черти. Наконец, пьяные и усталые, повалились они на пол рядами. Храпят так, что пещера дрожит.

Тут схватил Санта жену за руку:

— Бежим скорее!

— На твоем челноке мы далеко не уплывем,— отвечает о-Ката.— Догонят нас черти сразу.

— Что же нам делать?

— Тут в пещере спрятана волшебная колесница. Стукнуть по ней один раз железной палицей, она тысячу ри пролетит*.

Выкатили Санта с женой из пещеры большую колесницу. Вскочили на нее и ударили по ней железной палицей:

— Колесница, колесница, лети отсюда побыстрее!

Взлетела колесница на воздух. Мчится, только ветер в ушах свистит. Вот и остров Кэкэгасима из виду скрылся. Обрадовались Санта с женой, полегчало у них на сердце.

Но тут, как на грех, очнулся от сна Огненный черт.

— Беда! Беда! Украл флейтист небесную деву! Проснитесь, черти, вставайте!

Повскакали черти, глаза протирают.

— Скорее тащите из железной кладовой нашу самую быструю колесницу! — вопит Огненный черт. Глаза у него от злости во лбу, как колеса, вертятся.

Притащили черти колесницу. Была она куда больше первой и могла лететь в десять раз быстрее.

Вскочили на нее все черти, сколько их было. Кому места не хватило, тот влез на плечи к другому.

Ударил Огненный черт колесницу железной палицей с такой силой, что искры брызнули.

— Лети, лети быстрее бури! Догоняй беглецов!

Мчатся черти, огненный след за ними по воздуху стелется.

Увидели они Санту с женой и заорали громче раскатов грома:

— Держи, держи! Попались! Не уйдете от нас!

Уже совсем черти близко. Вот-вот когтями схватят.

Тут достала о-Ката черный веер и быстро-быстро им замахала.

— Лети, лети к нам, птица! Защити нас, птица!

Вдруг появилась над ними черная птица. Крыльями беглецов прикрывает. Стали черти стрелы в черную птицу пускать, копья в нее метать. Обернулась птица да как клюнет носом вражескую колесницу! Перевернулась колесница вверх дном — и камнем в воду. Тут все черти и потонули.

А Санта с женой полетели к владыке солнечного царства. Обрадовался он, ласково их принял и долго от себя не отпускал.

Собрались наконец молодые к себе домой. Дал им старик на прощанье письмо за своей печатью. Пошел Санта в замок, подал князю письмо. А в письме написано:

«Я, повелитель солнечного царства, выдал дочь свою замуж за флейтиста Санту. Худо будет тому, кто им зло причинит».

Вспыхнул князь от гнева:

— Опять ты морочить меня вздумал пустыми выдумками. Настрочил это письмо по твоему приказу какой-нибудь наемный писец и подложную печать приложил. Но меня не проведешь. Вот тебе твоя грязная бумажонка!

И бросил письмо на пол. Вдруг вспыхнуло оно ярким пламенем.

Бросились слуги тушить пламя. Пробуют затоптать его, залить водой, а пламя все сильней разгорается.

Запылал княжеский дворец, как большой костер.

Тут напал на князя страх.

Стал он просить у Санты прощения голосом слабым, как писк цикады:

— Никогда больше тебя не потревожу, золотом осыплю, только избавь меня от гнева твоего грозного тестя.

И тут вдруг пламя само собой погасло.

— Ничего мне, князь, от тебя не надо, только оставь нас в покое.

С той поры зажил Санта со своей женой в мире и довольстве.

Желаю счастья! Желаю счастья!

ОБЕЗЬЯНЬЕ ЦАРСТВО

Японская сказка

Давно-давно это было.

Жил в одной горной деревушке старик с тремя сыновьями. Земли у них было с кошкин лоб. Чая и вина не пили они и в большой праздник.

Настал неурожайный год. Пришлось двум старшим сыновьям идти в город на заработки. Младшему только десять лет было. Остался он дома с отцом.

Как-то раз прислали старшие сыновья отцу из города триста медяков.

— Послушай, Сабуро, ты у меня смышленый,— говорит отец мальчику.— Научился бы торговать вразнос, нам бы легче стало. Вот тебе сто медяков, купи на них какого-нибудь товару и продай хоть с малой прибылью. Все будет подспорье в хозяйстве.

Идет Сабуро по дороге, а что купить, как продавать — он и не знает. Продавать горшки? Еще побьются. Продавать каштаны? Еще рассыплются. Продавать редьку? Еще никто не купит.

Вдруг видит Сабуро, навстречу ему старуха ковыляет. Несет она мешок, а в мешке кот мяучит, да так жалобно!

— Бабушка, куда ты кота несешь? — спрашивает Сабуро.

— Несу я его, сынок, в реке топить. Он мышей не ловил, у соседей цыплят таскал... Пусть-ка теперь ловит рыб на дне.

Еще жалобней кот замяукал.

— Бабушка, бабушка, не топи кота. Лучше продай его мне, я тебе сто медяков дам.

— Как, ты и вправду хочешь купить этого негодника? Бери, бери, милый. Вот радость-то какая! Словно в раскрытый рот сладкий пирожок сам собой залетел...

Взяла старуха сто медяков и пошла домой, не помня себя от радости.

— Вот видишь, котик, в какую беду ты чуть не попал. Вперед тебе наука. Не таскай чужого. Возьму я тебя домой, и давай жить в дружбе.

Принес Сабуро кота домой. Ничего не сказал отец, только вздохнул. Вот и еще лишний рот в доме прибавился.

На другое утро снова дал отец мальчику сто медяков.

Идет Сабуро по дороге, а навстречу ему старик бредет, согнутый, словно стебель камыша под зимним снегом. Несет старик мешок, а в мешке собака визжит.

— Дедушка, дедушка, куда ты собаку несешь?

— Несу в реке топить. Она дом не сторожила да — мало того! — таскала чужих поросят. Привяжу камень к мешку — и в воду.

При этих словах собака еще горестней завизжала. Говорит Сабуро:

— Дедушка, не топи собаку в реке, лучше продай мне. Я тебе сто медяков дам.

— Сто медяков за этого скверного пса! Да я бы его и даром отдал.

Взял старик деньги и пошел домой довольный.

— Вот видишь, песик, несдобровать бы тебе, если б я твоему хозяину на дороге не попался. Другой раз не делай худого.

Привел Сабуро собаку домой. Ничего не сказал отец, а про себя подумал: «Самим есть нечего, а тут еще корми кота с собакой».

На третье утро вынул отец из сундучка сто медяков, отдал мальчику и говорит:

— Ну, сынок, это наши последние деньги. Смотри на этот раз потрать их с толком.

Целый день бродил Сабуро из деревни в деревню. Не умеет он ни покупать, ни продавать. Стало солнце за горы садиться. Вдруг видит Сабуро, деревенские мальчишки тащат на веревке маленькую обезьянку. Дразнят они ее, щиплют, мучают. Обезьянка уже еле-еле дышит, из глаз слезы катятся.

Закричал Сабуро:

— Вы зачем обезьянку обижаете?

Ответил ему главный заводила:

— А ты откуда взялся, чтобы нам указывать? Эта глупая обезьянка никаких забавных штук делать не умеет. Только визжит.

— Отдайте мне обезьянку, я вам за нее сто медяков дам.

— Сто медяков? Да ну? Давай скорей!

Схватили мальчишки деньги и убежали с шумом и гамом.

— Ты еще совсем маленькая,— говорит Сабуро обезьянке.— Ничего не смыслишь. Другой раз не подходи близко к деревне, чтобы мальчишки опять тебя не поймали. Ну, беги, беги в горы.

Отпустил Сабуро обезьянку. А она несколько раз наклонила голову, словно в знак благодарности, и наутек.

Солнце совсем уже скрылось за горами. Стало темно. Вспомнились тут мальчику слова отца: «Это наши последние деньги». Стыдно возвращаться домой с пустыми руками. Сел Сабуро под деревом и задумался.

Вдруг послышался крик: «Кья-кья!» Видит Сабуро, появилась перед ним обезьянка. Э, да это опять та самая!

— Ты зачем здесь? Беги прочь, спасайся, глупая.

Вдруг обезьянка заговорила человеческим голосом:

— Сабуро-сан, я рассказала моему дедушке, как ты меня спас. Он велел привести тебя. Мой дедушка — обезьяний царь. Пойдем, я отведу тебя в наше царство.

Захотелось Сабуро побывать в обезьяньем царстве. Пошел он через горы и долины. Ночь была светлая, лунная. Обезьянка впереди — дорогу показывает. Завела она мальчика далеко в глубь пустынных гор.

Вдруг увидел Сабуро перед собой белый каменный за́мок. У железных ворот стоят на страже с копьями в руках большие

лохматые обезьяны. По знаку маленькой обезьянки отперли они ворота.

Ввели Сабуро в просторный зал. Сидит там на высоком помосте обезьяний царь, старый-старый. На щеках глубокие морщины, из ушей белая шерсть растет. Одежда на нем золотом сверкает.

— Спасибо, что к нам пожаловал,— говорит обезьяний царь.— Этот неразумный детеныш — мой единственный внук. Погибни он — пришел бы конец моему роду. Не знаю уж, как и благодарить тебя.

Хлопнул царь в ладоши. Вбежали тут слуги. Несут золоченые подносы. На подносах чего-чего только нет! И рыба, и дичь, и сласти разные.

Устроили обезьяны веселое представление. Насмешили своего гостя до слез.

На прощанье сказал обезьяний царь:

— Вот тебе в подарок бесценное сокровище за то, что ты моего внука спас.

Дал он Сабуро мешочек из алой парчи.

— Лежит в этом мешочке золотая монета. Подбрось ее в воздухе и пожелай что хочешь. Все исполнится. Прощай! Доброго тебе пути.

Было уже утро, когда маленький внучок обезьяньего царя вывел Сабуро на проезжую дорогу к самому подножию горы.

Тут они и простились.

Вернулся Сабуро домой, видит, отец сам не свой.

— Всю ночь я не спал, думал, ты уж не вернешься.

— Прости, отец, но не зря бродил я ночью в горах. Больше не придется нам голодать.

Достал Сабуро из-за пазухи алый мешочек, раскрыл его и вытряхнул золотую монету.

— Для начала, отец, пожелаем хороший дом. Наша-то лачуга совсем развалилась. Льет в ней дождь, как на улице.

Подбросил Сабуро монету вверх. Покатилась она, зазвенела.

— Монета, монета, подари нам хороший дом!

Ждут старик отец и Сабуро, что-то будет.

Вдруг послышался треск и грохот. Не успели они и глазом моргнуть, как все вокруг переменилось. Сидят они в хорошем доме, на новых циновках. Вышли они во двор, смотрят: вместо гнилой соломы крыша красной черепицей крыта. Кладовые рисом и ячменем набиты.

— Уж не во сне ли я это вижу?! — радуется отец.

Вся деревня сбежалась смотреть на невиданное чудо. Созвал старик всех на пир, никого не забыл.

Толстый Гомбэй пришел, как гусь. Шею вытянул. А ушел, как черепаха. Весь согнулся, и на спине мешок подарков.

Вернулся сосед домой, не спится ему. Жадным он был, таким

жадным, что в деревне про него говорили: «У Гомбэя из глотки рука тянется. Так и норовит чужое ухватить».

Рано-рано утром, только рассвело, пришел Гомбэй к старику отцу и попросил в долг чудесную монету:

— Пусть покарают меня боги, если не верну вашу монету через три дня в целости и сохранности.

Никогда старик никому в просьбе не отказывал. Дал он Гомбэю чудесную монету.

Но вот прошло и три дня, и четыре, и пять. Стал Сабуро тревожиться. Не несет сосед монету. А тут как раз вернулись домой старшие братья. Видит Сабуро, обносились они, обтрепались. Захотелось ему нарядить своих братьев в новую одежду.

Пошел он к Гомбэю, просит возвратить чудесную монету. Вернул монету Гомбэй. Лежит она, как была, в мешочке из алой парчи.

— Ну,— говорит Сабуро братьям,— увидите, что сейчас будет. Сами себя не узнаете.

Подбросил он монету в воздух.

— Наряди моих братьев в новую одежду, да покрасивее.

Покатилась монета, зазвенела. А братья как были, так и остались оборванными, в лохмотьях.

— Что это? Не слушается монета,— удивился Сабуро.— Верно, плохо я ее подкинул.

Много раз бросал он монету в воздух — и все без толку.

— Так вот оно что! Мою чудесную монету подменили. Подсунул мне взамен плут Гомбэй эту пустозвонку. Какое несчастье! Пойду потребую у него, чтобы отдал мне мою волшебную монету.

Побежал Сабуро к Гомбэю, а тот в ответ: не знаю, мол, ничего. Что получил, то и вернул. Хоть на весы клади монету — та же самая.

Вернулся Сабуро домой ни с чем и заплакал горькими слезами.

Опечалились, глядя на него, кот с собакой. Толкуют между собой, совет держат, как хозяину в несчастье помочь.

— Он наш спаситель. Хоть головы сложим, а вызволим его из беды.

Побежали кот с собакой к дому Гомбэя. Глядят, у того не дом, а княжеский дворец. Стоят вокруг семь белых стен, кольцо в кольцо.

Бегает собака вокруг ограды, не может в дом пробраться. А коту стены не страшны. Залез он к соседу на чердак и притаился в углу. Пробежала мимо мышка. Кот ее цап-царап. Запищала мышка в его когтях.

Вышла тут из норки старая мышь с седыми усами, склонила голову и стала просить:

— Господин кот, уважаемый господин кот! Осмелюсь доло-

жить, у нас, мышиного народа, сегодня большое торжество. Мы играем свадьбу. Да вот беда, ты невесту поймал. Жаль нам жениха, он сейчас так страдает. Будь милостив, пощади невесту.

— Что ж, пожалуй, я согласен. Но даром, так и знай, я ее не отпущу, а только за выкуп. Здесь где-то в доме спрятан красный мешочек с золотой монетой. Принесите мне его, а я, так и быть, разожму свои когти. .

Тут изо всех углов выскочило множество мышей. Рассыпались они в разные стороны, словно листья на ветру, и пустились на поиски.

Много времени не прошло, бежит старая мышь, в зубах красный мешочек держит.

— Взгляни, господин кот, тот ли это, который тебе нужен?

— Он самый. Где же вы его разыскали?

— В спальне нашего хозяина Гомбэя.

— Молодцы! За это отпускаю на волю вашу невесту. Веселитесь, играйте свадьбу.

Схватил кот мешочек в зубы и скорей бежать. Мигом перескочил через семь стен. У ворот собака дожидается.

— Ах, бедный, как ты устал! Дай я мешочек понесу.

— Нет, пес, не дам я тебе мешочка. Мой подвиг — моя и слава.

— Это что ж выходит! Шли мы с тобой вдвоем на врага, как верные товарищи, а воинская слава тебе одному достанется? А я, значит, неблагодарный, не сослужил моему хозяину службы! Как же я теперь людям на глаза покажусь?

И так обидно стало собаке, что не вытерпела она, вырвала у кота мешочек — и бегом домой. Вперед кота добежать торопится.

А по пути надо было́ через речку переплыть. Бросилась собака в воду и плывет. Кот сзади гонится.

— Мяу-мяу, пес-разбойник, вор, отдай мою добычу!

— Гав, не отдам! — тявкнула собака и упустила красный мешочек в воду.

Пошел мешочек на дно — ведь в нем тяжелая монета была.

Вот беда какая! Вылезла собака на берег, отряхнулась и, поджав хвост, поплелась домой, как побитая. Ругает себя, да уж поздно.

Подбежал кот к речке. Вдруг возле самого берега плеснула хвостом большая рыба. Поймал ее кот, понес в зубах своему хозяину. Хочет хоть чем-нибудь его в горе утешить.

Взял рыбу Сабуро и стал резать на тонкие ломтики*, чтобы угостить отца с братьями. Вдруг из брюха рыбы выпал мешочек из алой парчи. Открыл его Сабуро, а в нем золотая монета лежит.

Глазам своим Сабуро не верит. «Уж не моя ли это монета?» — подумал он.

Тут рассказал ему кот все, как было.

Подбросил Сабуро монету в воздух.

— Монета, монета, наряди моих братьев в новые одежды.

Глядят старшие братья друг на друга и не узнают. Вместо лохмотьев на них новая красивая одежда.

Тут пошло такое веселье в доме, что и не описать. А Сабуро сказал коту с собакой:

— Вы оба хотели помочь мне, не жалея своей жизни. За это спасибо! Но собака схитрила, отняла чужую добычу. И потому вот как я решил. Ты, кот, будешь жить у меня в доме и спать возле теплого очага. А ты, собака, станешь во дворе дом сторожить.

Так с тех пор и повелось. Живет кот в доме, а собака во дворе, и нет между ними прежней дружбы.

КУВШИННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Японская сказка

В старину, далекую старину, жил в одной деревне молодой парень по имени Таро. Был он бездельник, каких мало. И к тому же любопытен.

С утра бродит по улицам и глазеет по сторонам. Тут новую крышу настилают, там бочку чинят, а вот собака за кошкой погналась. Кошка сидит на дереве, а Таро стоит под деревом. Ждет, когда кошка с собакой помирятся.

Мальчишки даже песню сложили:

Кто глаза таращит,
Словно филин в чаще,
Как лягушка на болоте?
Это наш Таро.
Ороро́н-короро́н!
Ороро́н-короро́н!

Настала осенняя страда. Все парни жали и молотили рук не покладая. Один Таро шатался по деревне как ни в чем не бывало.

Вдруг приметил он на обочине дороги глиняный кувшинчик.

— О-о, ходишь далеко — найдешь больше,— обрадовался Таро.— И целехонький, ни трещины. Но что в нем шуршит? Верно, полевая мышь туда забралась.

Заглянул Таро в кувшин — и что же видит? Не мышь там прячется, не ящерица, не лягушка, а маленький человечек. Головенка у него ну не больше каштана, а сам он, если на ноги встанет, будет ростом с гороховый стручок. Вот чудо! Таро так широко рот разинул от удивления, что в него, как в ворота, повозка с конем могла бы въехать.

Человечек заговорил голосом тонким-тонким, как писк цикады:

— Здравствуй, Таро! Вот мы и встретились. Из всей вашей деревни один ты мне полюбился. Ох, как я не люблю других парней! Возьми меня к себе домой жить.

— Что ж,— отвечает Таро,— пожалуй, возьму. Отчего не позабавиться?

Дома вынул он маленького человечка из кувшина и бережно, двумя пальцами, посадил посреди комнаты. А кошку на улицу выгнал за то, что стала облизываться.

— Кувшинный человечек, какой ты забавный! Верно, меньше самого крошечного карлика на свете. Хочешь, поиграем?

Целый день играл Таро с Кувшинным человечком. Посадил его в деревянную чашку и катал в кадке с водой. Подует посильнее — в кадке буря поднимается.

Тележку сделал и мышь в нее запряг. Мышь побегала-побегала и бросилась в норку, тележку опрокинула.

Смеялся-смеялся Таро, но к вечеру надоела ему новая забава. Не привык он долго одним и тем же заниматься.

На другой день опять пошел Таро шататься по улицам. Солнце уже начало садиться, когда вспомнил он о Кувшинном человечке.

Вернулся Таро домой, смотрит, а там какой-то долговязый верзила на полу развалился, руки-ноги раскинул... Кто бы это мог быть? Стал Таро вглядываться в незваного гостя. Словно он его уже где-то видел. Да ведь это Кувшинный человечек!

— Вот чудо из чудес! Как же ты так сразу, в один день, вырос? — спрашивает Таро.— Еще вчера был меньше мыши, а теперь меня перерос.

— Все твоими трудами, друг мой, твоими заботами,— отвечает Кувшинный человечек.— Недаром я тебя из тысячи выбрал. Гуляй, гуляй больше, я еще и не так вырасту.

В первый раз в жизни призадумался Таро: что бы эти слова значили?

А Кувшинный человечек уже не гостем, а хозяином себя держит. Принеси ему то, подай это, да поживее.

На другой день Таро ушел из дома раньше обычного. Сказать по правде, сбежал от своего гостя. Весь день бродил он по деревне без дела.

Вечером вернулся; открыл дверь — и замер на пороге. В дом войти нельзя. Гость так вырос, что ему и одному в доме тесно.

— Тоже выстроили домишко, недотепы деревенские,— ворчит Кувшинный человечек.— Повернуться негде. Очаг посредине сделали, то и дело ногой в него попадаю. А угли-то горячие!

Пришлось Таро спать под открытым небом. Чуть свет ушел он со двора подальше. А вскоре соседки у колодца поспорили, чей ребенок в драке виноват. Ну как тут не послушать!

Вернулся Таро домой уже в сумерках и понять не может, что

за толстые бревна из окон и дверей торчат? Пригляделся, а это руки и ноги гостя. Стал Кувшинный человечек великаном. Того и гляди, крышу своротит. Всю ночь Таро думал, как от беды избавиться,— ничего придумать не мог.

А наутро вот что случилось. Пришел к нему сосед и говорит:

— Сын у меня заболел. Одному мне, старику, не управиться. Помоги в поле урожай убрать.

Не хотелось Таро за работу браться, но и отказать совестно. Взял он серп в руки, пошел помогать старику соседу. Вечером сосед говорит:

— Спасибо тебе, что помог. Вот на́, возьми за свой труд.

И дал ему немного денег. Первый раз в жизни заработал Таро деньги. Держит их в руке, и на душе у него легко так стало. Пошел он домой. Только смотрит, не торчат больше из дверей руки и ноги непрошеного гостя. Ворчит гость в доме, ворочается, как медведь. Припер Таро дверь покрепче и лег спать во дворе.

На другое утро опять пошел Таро помогать соседу. Вернулся он к себе домой поздно вечером, а гость почему-то вдвое меньше стал. Сидит в углу сердитый. В доме так хорошо стало, просторно. Можно после работы чайку попить.

А гость жалуется:

— Ошибся я в тебе, Таро! Думал, ты стоящий человек: мухи с головы не сгонишь — так ленив. Еще бы дня два ты поленился, я бы с гору вырос, до самых облаков. Ну чего ты серпом целый день махал? В гроб, что ли, меня вогнать хочешь?

«Э-э,— смекнул Таро,— вот оно в чем дело! Ну уж завтра я так работать буду, что никто за мной и не угонится».

Назавтра к вечеру Кувшинный человечек стал опять ростом с гороховый стручок.

— Прошу тебя, Таро-сан,— запищал он плаксивым голоском.— Посади меня снова в кувшин да и оставь возле дороги. Поищу я себе другого хозяина, поленивее.

Таро так и сделал.

Старые люди в деревне сказали: верно, это сама лень была в образе Кувшинного человечка.

А кто потом нашел его, не знаю.

Может, и сейчас Кувшинный человечек лежит возле дороги, ждет нового хозяина.

ЦАПЛЯ И БУЙВОЛ

Филиппинская сказка

Вы когда-нибудь замечали, что частенько, особенно в дождливый сезон*, на спине буйвола* сидит цапля? И буйвол нисколько не противится этому. Знаете почему? Потому, что буйвол пони-

мает: никуда ему теперь не деться от этой белой длинноногой птицы.

Послушайте историю, которая произошла когда-то...

Буйвол и цапля были не в ладах. Никогда они не разговаривали друг с другом, хотя их всюду видели вместе: у реки, на рисовом поле или на лугу. Но все равно они друг друга недолюбливали.

Но вот как-то буйвол смирил гордыню.

— Послушай, цапля,— сказал он,— чтобы нам больше не дуться друг на друга и помириться, давай потягаемся.

— Давай,— согласилась цапля.— А как?

— Пойдем на реку. Ну-ка, кто из нас больше воды выпьет?

— Но ты же вон какой большой, значит, и воды в тебя войдет намного больше,— возразила цапля.

Потом подумала и приняла вызов буйвола.

Они условились встретиться на следующее утро. Договорились так. Победитель вовсе не тот, кто выпьет больше воды. Победитель тот, после кого воды в реке станет меньше! И еще. На вечные времена получит он полную власть над проигравшим. Так решили цапля и буйвол. А судьями выбрали корову, лошадь, собаку и птиц. Решили и разошлись по домам.

Только цапля полетела не домой, а на реку. Села она на дерево, что росло на берегу, и стала внимательно наблюдать за уровнем воды в реке. Заметила цапля, что прилив начинается утром, а отлив — в полдень.

На следующий день, едва только солнце взошло, на берегу реки собрались звери и птицы. Все с нетерпением ожидали начала интересного зрелища. Вот и судьи пришли.

Первым вызвался показать, на что он способен, буйвол. Победно оглядел он толпу и подумал: «Сейчас увидите, сколько я выпью воды!»

Пил он действительно очень долго. Многим показалось даже, что буйвол вряд ли когда остановится.

Но вот буйвол все же оторвался от воды, поднял голову и с ужасом обнаружил, что воды-то в реке нисколько не меньше! Наоборот, еще больше! Ведь вначале вода едва покрывала его копыта, а теперь доходит уже до половины ноги.

Буйвол снова принялся пить. Пил до тех пор, пока не захлебнулся. Медленно повалился он на свое вздувшееся брюхо и тут же уснул.

Тем временем вода в реке все прибывала. Зрителям пришлось даже отойти подальше от берега, чтобы не замочить ноги.

Теперь черед цапли показать свои силы, объявили судьи.

— Подождем, пока проснется буйвол,— сказала цапля.— Пусть видит, как я пью воду! А то еще не поверит, что я выиграла по правилам.

Стали ждать. Прошел час, второй, третий... Лишь через

четыре часа проснулся буйвол. А цапля между тем приметила, что в реке-то начался отлив!

— Н-ну-у, те-е-перь твоя оч-че-е-редь, цапля,— с трудом проговорил буйвол.

Опустила хитрая птица свой длинный клюв в воду — вроде пьет ее. Долго-долго стояла она так в реке.

— Смотрите! Река мелеет! Воды становится все меньше! — закричали звери и птицы, собравшиеся на берегу.

Так цапля оказалась победителем, а буйвол — побежденным. И на глазах у многочисленных свидетелей буйвол признал свое поражение.

Вот с тех пор и катается цапля на спине буйвола, когда ей угодно и сколько угодно!

ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ

Филиппинская сказка

Старики говорят, что когда-то давно вода в море не была, как теперь, соленой. Поговаривают, стала она такой, потому что какой-то муравей укусил Ангало.

«А кто такой Ангало?» — спросите вы.

Так вот, Ангало был великаном. Когда он стоял в самой середине моря, вода едва доходила до его колен. Когда же Ангало стоял на земле, горы тоже были ему лишь по колени.

Как-то раз кончилась у людей соль, и они пришли к Ангало.

— У нас кончилась соль, Ангало. Мы хотим раздобыть соль за морем. Ведь здесь ее нет. Помоги нам, Ангало.

— Нет ничего проще,— ответил великан.— Идите за мной.

Пришли они к морю. Ангало сел на берегу и протянул свою ногу так, что пяткой уперся в гору по ту сторону моря.

— Вот вам мост,— сказал он людям.— По моей ноге вы сможете перейти через море.

— Спасибо, Ангало!

— Возьмите корзины для соли и ступайте!

Обрадовались люди, взяли корзины и без труда перешли через море. Набрав соли, они повернули назад. Снова шли они по ноге Ангало, и каждый нес полную корзину соли.

Вот уже и самая середина моря. И тут Ангало укусил муравей. Вздрогнул великан от боли, а люди с соляными корзинами попадали в море.

С тех пор, говорят старики, вода в море стала соленой.

САМПАГИТА

Филиппинская сказка

Это случилось в далекой-далекой деревне. Буйно цветет там природа, воздух наполнен ароматом цветов, а влюбленные, встречаясь, клянутся друг другу в вечной любви и верности.

Жили в этой деревне девушка Анита и юноша Эрнесто. Анита была красива, как ночь: глаза — веселые и живые, волосы черным-черны, а губы — алы, как косточки спелой саги*.

Красивым был и Эрнесто — сильный, трудолюбивый юноша, пленивший сердца многих девушек своей красотой и веселым нравом. Полюбила его и Анита.

Эрнесто и Анита встречались под сенью большого дерева, росшего неподалеку от ручья. Днем и ночью радостно журчал он. В вечной верности друг другу поклялись здесь Анита и Эрнесто.

— Боюсь, что ты меня забудешь,— сказала как-то Анита.— Ты такой красивый, другие девушки так и льнут к тебе.

— Анита,— отвечал с улыбкой Эрнесто.— Если я забуду тебя и нашу клятву, я умру.

— И все же я боюсь, как бы ты не забыл меня,— не успокаивалась Анита.

— Возьми этот острый кинжал! — воскликнул юноша.— Если я нарушу клятву, убей меня!

Долго смотрела девушка на острый кинжал, держа его в руках. Затем печально сказала:

— Нет, этот кинжал не для тебя. Он убьет меня, если ты будешь счастлив с другой.

Но вот пришла пора расстаться влюбленным. Сердце каждого из них хранило клятву верности возлюбленному. Однако кто знает, как повернет судьба?

Услышала однажды Анита, что женился ее Эрнесто. Перехватило у нее дыхание, сдавило грудь. Видно, вправду суждено ей умереть из-за своего возлюбленного!

Плакала по ночам Анита, шепча имя любимого. В нежных лунных бликах видела она как наяву счастливое лицо Эрнесто и рядом с ним лицо незнакомки, сделавшей ее жизнь безрадостной.

Вспомнила тогда Анита о кинжале Эрнесто. Вспомнила она и то, как не раз говорила, что убьет себя, если ее возлюбленный женится на другой.

Вот наступила ночь. Анита тихонько вышла из дома, подошла к дереву, под сенью которого встречалась с Эрнесто. Светила луна. Кинжалом Анита вырезала на стволе дерева два слова: «Сумпа кита!» — «Проклинаю тебя!» — и вонзила его себе в сердце.

Так умерла Анита. Утром нашли ее бездыханной, и родите-

ли решили похоронить дочь здесь же: пусть могила Аниты станет для всех памятью несчастной любви.

А через несколько дней на могиле выросло растение с жемчужно-белыми цветками. Их нежный аромат пленил людей. Но вот люди заметили на стволе дерева, росшего возле могилы, слова: «Сумпа кита!»

Тогда и цветки эти стали называть похожим словом — «сампакита», или «сампагита»*. Их и сейчас так называют.

КОТ И ОБЕЗЬЯНКИ

Индонезийская сказка

Однажды шел по дороге кот и дурачил всех, кто попадался ему на глаза. Повстречались коту две обезьянки.

В это время обезьянки увидели осиное гнездо на ветке большого дерева. Они спросили кота:

— Слушай, кот, что это за штука висит на дереве?

Кот им ответил:

— О-о, это гонг моего дедушки.

— А громко он звучит? — спросили обезьянки.

— Конечно! — сказал кот.— Если по нему ударить, вся страна услышит его звук.

— Можно нам попробовать?

— О-о, нет, нельзя, а то мой дедушка рассердится,— ответил кот.

— Но ведь его здесь нет,— убеждали кота обезьянки.

— Правильно, дедушки нет. Но он поручил мне охранять гонг, чтобы к нему никто не прикасался.

— Ну разреши нам ударить по нему хоть разочек. Нам так хочется послушать, как он звучит.

— Нет, нет, нельзя, а то всполошится вся страна!

Но обезьянкам очень хотелось ударить в гонг. И они снова стали просить кота:

— Мы только разок ударим, разреши нам!

— Ну, раз уж вы так настаиваете,— согласился кот,— ладно, ударьте. Но сначала я уйду отсюда, а то дедушка на меня разгневается. Если он узнает, что я был здесь и не запретил вам прикасаться к гонгу, мне попадет за это.

— Хорошо,— обрадовались обезьянки,— убегай скорее, а мы ударим по этому гонгу.

— Эй, эй, эй! — крикнул, убегая, кот.— Подождите, пока я не уйду. Когда меня уж совсем не будет видно, можете ударить.

— Беги быстрей!

— Подождите еще! Не торопитесь! — кричал кот.— Меня еще видно...

— Быстрей! — кричали ему вслед обезьянки.

Когда кот скрылся из виду, обезьянки нашли палку и ударили ею по осиному гнезду, которое висело на ветке дерева.

Обозленные осы и в самом деле загудели, как большой гонг. Гнездо, заполненное осами, упало на землю. Обезьянки от удивления даже рты разинули. Но вот целый рой ос поднялся в воздух...

И... что это? Осы принялись яростно жалить обезьянок в головы, в уши, в спины, в шеи... Не помня себя от боли, обезьянки бросились бежать, но осы не отставали.

Увидев пруд, обезьянки нырнули в него с размаху. Им пришлось долго сидеть под водой, пока осы не улетели. Как только затихло вдали гуденье осиного роя, обезьянки вынырнули из воды.

Видят: сидит на берегу кот, тот самый, что одурачил их. А кот, поджидая обезьянок, прислонился к стволу маленького кустика, на котором рос красный перец; стручки перца уже созрели.

Подошли к коту обезьянки и спрашивают его:

— Слушай, кот, что ты здесь делаешь?

— Теперь я сторожу сад моего дедушки, чтобы никто не рвал фрукты.

— Что? Фрукты? А нам можно их попробовать?

— Можно, только я сначала уйду. Если мой дедушка узнает, что я разрешил вам это сделать, он разгневается на меня.

Подождали обезьянки, пока кот скрылся из виду, потом нарвали много-много стручков красного перца, набили ими себе полные рты и стали жевать...

И вдруг... словно пожар начался у них во рту! На глазах у обезьянок выступили слезы, губы распухли от красного перца!..

А кот был уже далеко...

ПОЧЕМУ У МЕДВЕДЯ КОРОТКИЙ ХВОСТ

Индонезийская сказка

Как-то раз сидел канчиль в своей норке и щелкал орешки. Вдруг видит: прямо к нему приближается тигр.

«Пропал я»,— подумал малютка канчиль, да так и затрясся от страха.

Что было делать? Хитрый зверек не растерялся. С треском раскусил он орешек, так что скорлупа захрустела у него на зубах, и воскликнул:

— До чего же вкусные глаза у этих тигров!

Услышал тигр такие слова, и стало ему страшно. Попятился он назад, повернулся и пошел прочь. Идет он по лесу, а навстречу ему медведь. Тигр и спрашивает:

— Скажи-ка, дружище, ты не знаешь, что это за зверь сидит там в норе и за обе щеки уплетает глаза тигров?

— Не знаю,— отвечает медведь.

— Пойдем посмотрим,— говорит тигр.

А медведь ему в ответ:

— Я боюсь.

— Ничего,— говорит тигр,— давай свяжемся хвостами и пойдем вместе. Если что и случится, мы друг друга в беде не оставим.

Вот связались они хвостами и пошли к норке канчиля. Идут, храбрятся изо всех сил.

Как увидел их канчиль, так сразу и понял, что они не на шутку струсили. И закричал он тут громким голосом:

— Вы только поглядите на этого негодника тигра! Его отец должен был прислать мне белого медведя, а сынок волочит сюда черного. Ну и ну!

Медведь услышал эти слова и до смерти перепугался.

«Вот, оказывается, что,— подумал он,— тигр меня попросту обманул. Полосатый хочет расплатиться за долги своего отца и отдает меня на съедение страшному зверю».

Метнулся медведь в одну сторону, а тигр — в другую. Хвост у медведя и оторвался. С тех пор, говорят, у всех медведей хвосты куцые...

А умный канчиль радуется: ведь он спасся от тигра!

КАНЧИЛЬ СТЕРЕЖЕТ ПОЯС ПРОРОКА СУЛЕЙМАНА

Индонезийская сказка

Канчиль бродил по лесу, прячась в кустарнике,— боялся снова встретиться с тигром. То и дело озирался он по сторонам — так ему было страшно.

Через некоторое время вышел он на опушку леса, а там удав спит. Сперва канчиль перепугался, а потом подумал: «Сяду-ка я на этого удава. Пусть тигр приходит, я все равно его перехитрю».

И тут как раз показался тигр. Увидел он канчиля и очень обрадовался.

— Вот теперь-то я тебя съем! Ты зачем меня обманул? Ну погоди, теперь-то уж тебе никуда не удрать, пришел твой последний час!

Но канчиль, делая вид, что он ничуть не боится, промолвил:

— Послушай-ка, безумный тигр! Ты что, ослеп и ничего не видишь? Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову! Тебе здесь не место! Разве ты не знаешь, что мне велено стеречь пояс пророка Сулеймана*? Если ты осмелишься подойти ближе, тебя погубит волшебная сила этого пояса из змеиной кожи. И не смей так громко разговаривать, а не то пробудишь колдовские чары, и тогда тебе худо придется!

Перепугался тигр, услышав эти слова. От гнева его не осталось и следа.

— Ах, канчиль,— проговорил он смиренно,— как мне нравится этот пояс! До чего ж на нем красивые узоры, весь он блестит и переливается, словно шелковый. Можно надеть его на минутку? Очень уж мне хочется поносить хоть немного пояс пророка Сулеймана.

Канчиль и говорит:

— Я уже предупредил тебя, что будет, если ты только приблизишься к поясу. Нельзя тиграм прикасаться к тому, что принадлежит пророку!

А тигр в ответ:

— Да ничего не случится, канчиль, ты только разреши!

Тогда канчиль сказал:

— Ты, тигр, совсем удержу не знаешь. Не хочешь внять моему совету — пеняй на себя. Только я должен сначала убраться отсюда подальше — вот тогда и надевай пояс. Но смотри, будь осторожен!

Подошел тигр к поясу, и стало ему не по себе — очень уж был этот пояс похож на змею, свернувшуюся кольцами. Набрался он храбрости, раскрутил пояс и стал наматывать его на свой живот. Тут удав проснулся и сдавил брюхо тигра. Перепугался полосатый, завыл и начал изо всех сил вырываться — ему было очень больно.

Волоча за собой змею, он бросился на вершину холма, скатился оттуда вниз и наконец вырвался из объятий удава.

Отдышался он и снова принялся выслеживать канчиля, который обманул его два раза подряд.

ПОЛТОРАСТА КРОКОДИЛОВ ХОТЯТ СОЖРАТЬ КАНЧИЛЯ

Индонезийская сказка

Однажды канчиль прилег отдохнуть на высоком холме, неподалеку от большой реки. Только он заснул, начался сильный ливень.

Дождь лил не переставая, словно с неба хлынули водопады. Река разлилась, и овраги вокруг холма сразу же затопило.

Завертелись страшные водовороты. Вода поднималась все выше и выше, и шум ее напоминал рев урагана. Вскоре она подступила к тому месту, где спал канчиль. Проснувшись и увидев, как разлилась река, зверек очень испугался. Прыгнуть было некуда: кругом бурлила вода. Вскарабкаться на дерево он тоже не мог. Оставалось только надеяться, что вода скоро спадет и не успеет его смыть. Пуститься вплавь канчиль и вовсе не решался, так как боялся угодить в пасть крокодилу. Стоял он, трясясь от страха, и тут над водой неожиданно показались крокодильи головы.

— Ага! — воскликнул самый старый крокодил.— Наконец-то мы с тобой повстречались, канчиль! А ну-ка иди сюда, да побыстрее! Теперь тебе уже никуда не скрыться! А может, спрячешься у меня в брюхе? Сейчас я тебя прикончу и угощу твоим мясом всех друзей. Мы съедим тебя до последней косточки! Должно быть, у тебя очень вкусное мясо — жирное и мягкое. Может быть, оно так же полезно, как хорошее лекарство.

Подумал канчиль, что от смерти ему уже не уйти. Но он все-таки не терял надежды и, обратившись к крокодилу, воскликнул:

— Кто раскрыл тебе тайну? Откуда ты узнал, что из моего мяса можно сделать лекарство? Я так мал, что сыты мною вы все равно не будете. Но если вы хотите приготовить из меня лекарство, это совсем другое дело. В таком случае можете есть меня все вместе, если только вас здесь не меньше, чем нужно.

— Нас здесь восемьдесят,— сказал крокодил.

— Если только восемьдесят, у вас наверняка заболят животы. Не верите, можете хоть сейчас разорвать меня на кусочки и съесть. Но вот если за меня примутся сразу полтораста крокодилов, то лекарство пойдет на пользу, и все вы будете долго жить и здравствовать.

— А ты правду говоришь, канчиль?

— Конечно, правду! — воскликнул канчиль.

— Перед смертью всегда слишком много болтают! — проворчал крокодил.— Хоть одним канчилем сыт не будешь, все же я тебя съем.

Подскочил к нему канчиль и говорит:

— Пожалуйста, рви меня на части! Я даю хороший совет, а вы меня не слушаете. Мне ведь все равно, сколько крокодилов меня съедят! Но я хочу, чтобы звери были благодарны мне после моей смерти, чтобы мое доброе имя прославилось на весь мир... А впрочем, если хорошенько подумать, то, пожалуй, можете и не слушаться моего совета. Ведь если меня сожрут восемьдесят крокодилов, все они околеют. То-то будут радоваться мирные зверюшки, которые живут на берегу реки и никого не трогают! Ох, и зачем я только проболтался? Теперь уж слова обратно не возьмешь. Подвел меня мой болтливый язык! Такую тайну выдал!

— Я теперь вижу, что ты говоришь правду,— сказал старый крокодил.— Что ж, велю сейчас пятидесяти крокодилам позвать сюда еще семьдесят, чтобы всего нас было сто пятьдесят. А тридцать крокодилов останутся сторожить тебя, пока другие разойдутся в разные стороны. Вскоре все будут здесь!

Пятьдесят крокодилов разошлись по сторонам: кто вылез на берег, кто нырнул в воду. Очень скоро все вернулись обратно, а с ними еще семьдесят. Теперь их было сто пятьдесят. Овраг так и кишел крокодилами, и все они страшно разевали пасти.

— Ну, чего ты еще хочешь, канчиль? — спросил крокодил.— Нас тут уже собралось полтораста.

— Если вас и в самом деле полтораста, не больше и не меньше, можете меня есть! Но уверены ли вы в этом?

— Ни больше и ни меньше, точь-в-точь полтораста, я только что пересчитал.

— Ну, ваше счастье, если ты сосчитал правильно! Но если ты ошибся, это для всех вас кончится плохо.

— Да лучше ты сам пересчитай, чтобы не было ошибки.

— А я полагаюсь на вас! Раз ты говоришь, что здесь сто пятьдесят крокодилов, ни больше и ни меньше, то, пожалуйста, рвите меня на части!

— Нет, нет, я боюсь, лучше ты пересчитай нас!

— Что ж, я готов, но только расположитесь так, чтобы я вас хорошо видел. Ложитесь все рядком, бок о бок, от холма вон до того берега.

Улеглись крокодилы в ряд, друг к другу боками прижались.

— Считай быстро, да смотри не ошибайся,— сказал крокодил.

— Разреши мне наступать ногами на спины твоих друзей,— попросил канчиль.— Пусть только они не сочтут меня неучтивым.

— Ничего, ничего, ведь это для пользы дела!

Стал канчиль со спины на спину перепрыгивать, крокодилов считать: раз, два, три, четыре... восемь... десять... двадцать... двадцать четыре... пятьдесят... шестьдесят... девяносто... сто... сто двадцать... сто пятьдесят! Тут он прыгнул на берег и со всех ног бросился удирать.

— Подожди минуточку, канчиль, я хочу кое о чем спросить тебя! — закричал старый крокодил.

— О чем же это?

— Да вот насчет того, что ты говорил!

— Мясом моим хочешь полакомиться? И не надейся! Возвращайся туда, откуда ты пришел, подлый крокодилище! Желаю тебе и твоим друзьям, чтобы охотники прострелили вам головы! А теперь я помчусь во весь дух.

Пустился канчиль бежать и скоро добрался до пригорка, поросшего тростником. Тут канчиль остановился, чтобы пере-

дохнуть. Вдруг тростник зашевелился, словно от ветра, и канчиль увидел, что к нему приближается крокодил. Отскочил он как ужаленный и воскликнул:

— Ах ты, подлый крокодил! Ишь чего задумал — исподтишка нападать! Хорошо, что я вовремя тебя заметил!

Бросился канчиль бежать и добежал без передышки до небольшого озера. Его мучила жажда, и он решил напиться. Не успел он наклониться к воде, как увидел там что-то продолговатое, вроде плетеной корзинки. Канчилю стало не по себе, но он все же не растерялся и сказал:

— Послушай-ка, если ты крокодилья голова, то не шевелись, а если ты кусок дерева, то подплыви ко мне.

Это был, конечно, крокодил, и он тотчас же поплыл к берегу, чтобы канчиль принял его за кусок дерева!

Канчиль бросился бежать со всех ног.

— Ну и глуп же крокодил, не понимает, когда над ним издеваются! — сказал канчиль, углубившись в лесную чащу.— Раз уж он так придурковат, никогда ему не удастся провести меня. А я буду измываться над ним, как захочу.

Канчиль очень устал и остановился под большим развесистым деревом, где было тихо и прохладно. Тут он прилег отдохнуть — бояться ему больше было некого.

ЛИСА И ПЕТУХ

Персидская сказка

Было ли так или не было, а жил-был старый петух. Не раз попадал он в лапы лисы, но всегда ему удавалось как-нибудь схитрить, и он уходил от нее живым. И вот клевал он как-то за селом зернышки и вдруг видит: крадется к нему лиса!

До села далеко, не добежишь. Только и успел петух взлететь на стоявший рядом старый вяз. Лиса подошла к дереву и говорит:

— Эй, петух! Почему ты, как увидел меня, взлетел на дерево?

А петух ей отвечает:

— А ты что, хотела бы, чтобы я подбежал и обнял тебя?

— Конечно! Разве ты ничего не знаешь? Падишах* разослал по всем улицам и базарам глашатаев и велел им кричать: «Во всем моем государстве ни одна живая душа, ни один зверь не смеет обижать слабого. Да будут впредь волки и овцы пить воду из одного родника, а соколы и голуби жить в одном гнезде». И ты теперь должен спуститься ко мне, мы вместе пойдем гулять.

— Гулять хорошо компанией, а не вдвоем,— ответил петух.— Подожди немножко, пусть подбегут те звери, что несутся сюда, словно вихрь. Тогда все вместе и погуляем.

Лиса тут спрашивает:

— Что это за звери? Какие звери?

— Похожи на волков, только уши и хвосты длинней.

— Может быть, это овчарки?

— Наверно, они!

Решила лиса, что это овчарки, и пустилась наутек. А петух ей вдогонку кричит:

— Почему же ты удираешь?

— Потому что я не люблю иметь дело с овчарками.

— А разве ты не говорила, что падишах повелел всем зверям не обижать слабых?

— Так ведь овчарки были в степи и не слышали шахского указа. Они могут разорвать меня на куски.

Сказала лиса это и скрылась.

ГЛУПЫЙ МЕДВЕДЬ

Персидская сказка

Увидел как-то медведь во сне, что удалось ему раздобыть три жирных куска. Проснулся он утром и отправился на поиски этих кусков — вдруг сон сбудется!

Вот заметил медведь вдали козленка, направился к нему, а козленок видит, что не убежать ему, не растерялся, подошел к медведю и низко ему поклонился.

— Да знаешь ли ты меня? — спросил его медведь.

— Конечно,— ответил козленок.— Все знают ходжа-кедхуду*. А я тем более, ведь я был придворным певцом твоего отца.

— Так спой же и для меня,— попросил медведь.

Козленок начал громко блеять, и пастух услышал. Прибежал он с овчарками, отдубасил медведя дубиной, да еще собаки покусали его — еле-еле убежал медведь.

Пошел медведь дальше, а навстречу ему два барана. «Съем-ка я их»,— подумал медведь.

Позвал он баранов, видят те, что бежать невозможно, сговорились и подошли к медведю.

— Мы очень рады,— говорят они,— что станем едой ходжа-кедхуды.

И давай бараны спорить, кого раньше медведю есть. Наконец один предложил:

— С разрешения ходжа-кедхуды мы сразимся на рогах. А победителя пусть он съест первым.

Выбрали они в судьи медведя, отступили на пятьдесят шагов, да как ударят с размаху медведя рогами под бока! Бедняга упал замертво, а когда пришел в себя, то баранов и след простыл.

Часа два медведь отлеживался под деревом, потом встал и

пустился в путь. А навстречу ему верблюд. Медведь подумал: «Это лучше всего, и жирнее, и мяса больше».

Закричал он во весь голос:

— Эй, верблюд! Остановись, я видел во сне, что должен съесть тебя.

— Здравствуй, ходжа-кедхуда,— ответил верблюд.

— А ты откуда меня знаешь? — спросил медведь.

— Кто же тебя не знает,— отвечал верблюд.— А я в особенности, я ведь гонец твоего отца. Я вот и сейчас несу тебе послание от отца.

— Где же оно?

— Написано у меня на копыте,— ответил верблюд.

Медведь присел, чтобы прочитать послание, а верблюд так лягнул его в грудь, что он отлетел на десять шагов и лишился сознания. Только перед заходом солнца медведь пришел в себя и понял, как нужно было толковать свой сон.

ШАНГУЛ И МАНГУЛ

Персидская сказка

Было ли это так или не было, а жила-была коза, и было у нее трое козлят: одного козленка звали Шангул, другого — Мангул, третьего — Виноградинка.

И вот однажды коза сказала козлятам:

— Я пойду за едой, а вы тут не вздумайте баловаться! Если придет волк и постучится, дверей не открывайте. Посмотрите под дверь: если черные ноги увидите,— значит, это волк! А если ноги будут красные — знайте, это ваша мать.

А волк подслушал эти слова, и, как только ушла коза, он окрасил лапы хной и постучался в дверь. Козлята спросили:

— Кто тут?

— Откройте дверь,— отвечал волк.— Я принесла вам еду.

— Покажи ногу! — закричали козлята.

Волк просунул в щель лапу, видят козлята: красная нога — и открыли дверь. Волк бросился на них и схватил Шангула и Мангула, а Виноградинка все-таки убежала.

Вернулась коза и видит, что дверь распахнута, а дома — ни души. Стала она звать козлят. Виноградинка услышала и прибежала на зов матери. Она рассказала козе, как волк утащил ее братьев.

Заплакала коза, а потом говорит:

— Уж я проучу волка!

Поднялась она на крышу волчьего дома и заглянула внутрь. А волк стряпал обед. Давай коза по крыше прыгать, в котел землю сыпать. Волк зарычал:

— Кто это там топчется и портит мою еду?

А коза отвечает:

Коза я, колокольцами бренчу,
Копытами по крыше я стучу.
На землю ставши крепкими ногами,
Врага сражу я острыми рогами.
Эй, кто унес Шангула моего?
Эй, кто унес Мангула моего?
Пусть в бой идет — и я убью его.

Волк говорит:

Что ж, я унес Шангула твоего,
Что ж, я унес Мангула твоего.
Сразимся — не боюсь я никого.

Коза пошла, отыскала бурдюк, набила его маслом, брынзой, творогом, отнесла к точильщику и просит:

— Дяденька, возьми вот это, наточи мои рога!

А волк тоже взял бурдюк, надул его, пошел к цирюльнику и сказал:

— Дяденька, возьми это и наточи мои клыки!

Цирюльник развязал бурдюк, и из него вышел только воздух. Но он и глазом не моргнул, а только сказал про себя: «Я с тобой такую шутку сыграю, что в сказках будут рассказывать!»

Взял он клещи, выдернул у волка все клыки и вставил вместо них деревянные.

Пришла коза к волку, и вышли они на бой. Подошли они к ручью, а коза и говорит:

— Давай сначала напьемся воды!

Опустила она морду в воду, но пить не стала.

А волк напился до отвала, живот его вздулся, и стало ему невмоготу.

Тогда коза сказала:

— Я готова к бою!

Отошла она немного назад, потом подскочила и ударила рогами волка в брюхо. Волк хотел было вцепиться зубами ей в загривок, но его деревянные клыки разом выпали.

А коза проткнула волку живот и убила его.

Потом она вывела из логова волка Шангула и Мангула и повела их домой, где ждала Виноградинка.

Пошли мы вверх — была там простокваша,
А вниз пошли — была там пахты чаша,
Неправдой обернулась сказка наша.
Пошли мы вверх — была там пахты чаша,
Пошли мы вниз — была там простокваша,
И правдой обернулась сказка наша.

УДОД

Персидская сказка

Было так или не было, а жил-был в лесу удод. Свил он себе на дереве гнездо. И захотелось как-то ему посмотреть, каков из себя город.

Прилетел он в город, сел на высокую стену и стал щебетать. А дети услышали голос удода и решили расставить силок и поймать его.

Занялись дети силком, а удод знай себе посмеивается. Как раз в это время проходил мимо один мудрец. Спрашивает он удода:

— Над чем ты смеешься?

— Над глупостью этих детей,— отвечает удод.— Они расставляют силок для меня, а ведь я во время полета вижу воду под землей. Будто я не увижу их силка!

— Не радуйся раньше времени,— промолвил мудрец,— и не смейся попусту. Не то угодишь еще в силок.

Ну, а дети? Дети расставили силок, и один из них заметил:

— Силок без приманки не годится. Какая птица сядет в силок без приманки?

И они стали разыскивать приманку. Нашли кузнечика и червячка, положили в силок и отошли. Удод слетел со стены, захотелось ему полакомиться кузнечиком и червячком. А о сетях он уже забыл. Тут-то он и угодил в силок. Прибежали дети, схватили удода, привязали к его ноге бечевку, стали ее дергать и тянуть.

Между тем возвращался тот же мудрец. Видит он: дети поймали удода и привязали бечевкой за ногу.

Подошел он и говорит:

— Эх, удод! Разве не ты смеялся над глупостью детей? Ты же говорил: «Я вижу воду под землей! Мне ли не увидать их силка?»

Удод ему ответил:

— Все это так. Но демон алчности своей пятерней ослепил, одурачил меня и лишил языка. Двумя пальцами он закрыл мне глаза, и я перестал видеть силок. Двумя другими заткнул уши, и я не услышал советов мудреца. А одним пальцем закрыл рот, чтобы я не спрашивал, как быть. Умоляю тебя, о мудрец, освободи меня!

Мудрец подозвал к себе детей:

— Обижать безобидную птицу — дело недостойное. Лучше отпустите ее на свободу.

Дети выпустили удода, и он полетел в лес. Он и до сих пор там летает.

СТАРУШКА

Персидская сказка

Было так или не было, а жила-была старушка. Дом у нее был величиной с сито, комната — с тарелку и куст джидды* — с метелку. Были у нее циновка и постель, так что дом ее не был пуст.

Поужинала как-то старушка, смотрит: подул такой сильный ветер, что у нее мурашки по спине забегали. Она постелила себе постель и легла. Не успела она глаз сомкнуть, как кто-то постучался в дверь. Старушка открыла дверь и увидела воробья. Говорит он:

— Старушка! Ночь такая холодная, дует ветер, а мне негде переночевать. Пусти меня на ночь к себе в дом! Утром, как только выглянет солнце, я улечу!

Жаль стало старушке воробья.

— Очень хорошо,— ответила она,— садись на куст джидды во дворе, да и спи себе.

Уложила она воробья и легла сама. Но не успела она и глаз сомкнуть, как снова кто-то постучался. Пошла она к двери, открыла, видит, стоит осел.

— Ночь такая холодная,— начал осел,— дует ветер, а мне негде и поспать спокойно. Позволь мне остаться здесь на ночь! А утром я покину твой дом.

Жаль стало старушке осла, и она ответила:

— Очень хорошо, иди в дом и устраивайся где-нибудь в уголке.

Устроила она осла и легла в постель. Но тут опять постучались. Она снова открыла дверь и увидела курицу.

— Старушка,— заговорила та,— дует ветер, ночь холодная, а мне некуда деваться. Пусти меня к себе переночевать! Утром, как только запоют петухи, я уйду.

— Очень хорошо,— ответила старуха,— пристройся где-нибудь во дворе.

Устроила она курицу и снова легла, но опять раздался стук в дверь. Встала она, открыла и увидела ворону.

— Старушка,— говорит ворона,— ночь холодна, а у меня нет подходящего места для ночлега. Пусти меня в свой дом! Рано поутру, как только птицы выглянут из гнезд, я улечу восвояси.

— Очень хорошо,— ответила старушка и посадила ворону на холку ослу.

Но тут опять постучались. Она взяла свечу, открыла дверь и увидела собаку.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Ночь холодная,— ответила собака,— а у меня нет ни конуры, ни норы, где переночевать. Пусти меня поспать здесь! Я встану, как только затрубят в банях*, и уйду.

Жаль стало старушке собаку, уложила она ее рядом с ослом.

Проснулась утром старушка и слышит, звери подняли страшный шум. Подошла она к воробью и сказала:

— Ну, вставай, уходи восвояси, уже утро!

А воробей ей в ответ:

— Я буду чирикать тебе, нести маленькие яйца. Ну как, надо мне уходить?

— Ладно уж, оставайся,— согласилась старушка. И подошла к ослу.— Пошевеливайся, уходи, уже утро! — закричала она.

— Я могу реветь в твою честь, зачем же мне уходить? — спросил осел.

— Ну, ладно, и ты оставайся,— промолвила старушка и подошла к курице.— Ну, вставай, пора уходить, уже утро! — закричала она.

— Ведь я буду кудахтать ради тебя, нести тебе крупные яйца. Мне ли уходить?

— Ну, и ты оставайся,— кивнула старушка.

Потом она подошла к вороне и сказала:

— Поднимайся, уходи!

— Я же каркаю в твою честь, бужу ради тебя людей. Зачем мне уходить?

— Ладно, и ты оставайся,— был ответ.

И наконец, старушка подошла к собаке.

— Поднимайся и уходи! — закричала она.— Уже светло.

— Я ведь буду лаять для тебя,— отвечала собака,— хватать воров буду. Мне ли уходить?

— Можешь и ты остаться,— отвечала старушка.

Так и остались все, стали помогать ей по хозяйству.

Сказка наша кончилась, а ворона до гнезда не долетела.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ХАКИМ

Афганская сказка

Сидели как-то два человека и обедали. У одного из них было пять лепешек, у другого — три. А в это время по дороге проходил юноша. Подошел он к ним, поздоровался. Они тоже его приветствовали и пригласили с ними пообедать. Он согласился, сел с ними. Когда обед кончился, прохожий оставил им восемь золотых и сказал:

— Возьмите, это плата за ваши лепешки.

Взяли они эти деньги, и начался дележ. Хозяин пяти лепешек кричит:

— Пять рупий мои, а три твои, потому что у меня было пять лепешек, а у тебя только три.

А тот, у кого было три лепешки, требует себе половину денег. Ссора их разгоралась все больше, никак они не соглашались друг с другом.

Тогда они пошли к одному справедливому хакиму и рассказали ему, в чем дело. Хаким сказал хозяину трех лепешек:

— Тот юноша дал тебе три золотых по доброй воле, почему же ты их не берешь?

— Господин, я с этим не согласен,— ответил тот.— Я требую свою долю по праву.

— Ты требуешь свою долю? — сказал хаким.— Но твоя доля всего один золотой, а семь золотых принадлежат другому.

— Почему же, господин, мне причитается всего один золотой? — завопил тот человек.— Я и на три-то золотых не согласен, а ты мне всего один даешь!

— Вас было три человека,— ответил хаким,— а лепешек — восемь. И если каждую лепешку разделить на троих, то из них получится двадцать четыре части. И если вы съели поровну, то на каждого человека приходится по восемь частей. Из твоих трех лепешек получилось девять частей. Восемь съел ты сам, и остается всего одна. Из пяти лепешек другого человека получилось пятнадцать частей. Восемь съел он сам, а семь остались. Если тот путник съел восемь частей, то туда вошла одна часть от твоих лепешек и семь от его. Тогда твоя доля — один золотой, а его — семь. Подумай-ка сам, какой расчет получается.

— Правильно,— ответил тот человек,— теперь я понял и согласен с тобой.

ДРУЖБА ДУРАКА РАВНОСИЛЬНА ДРУЖБЕ ВРАГА

Афганская сказка

Один падишах держал для охоты белого сокола и очень его любил и берег. Однажды сокол улетел и опустился на дом одной старухи. Она тут же его поймала и стала разглядывать. Показалось старухе, что клюв у сокола кривой, она и говорит:

— Ай, ай, бедняжка! Как же ты будешь клевать зерно с таким клювом?

Взяла она подходящий ножик и подрезала верхнюю часть клюва. Сравняла обе части, полюбовалась на свою работу:

— Вот и хорошо, теперь ты сможешь клевать зерно.

Потом старуха посмотрела на лапки сокола, они показались ей очень когтистыми.

— Ох, несчастный! — сказала она.— Неужели никто в жизни не мог постричь тебе когти? Ты и на ногах-то еле держишься из-за этих большущих когтей.

И старуха быстренько обрубила ему когти. Она, бедняжка, любила его по-своему и старалась избавить от всех недостатков.

Узнал падишах, что его белый сокол улетел, и отдал приказ, что нашедшего сокола ожидает награда. Люди стали разыскивать сокола и нашли его в доме старухи. Благополучно доставили сокола к падишаху, рассказали, как любит его старуха, как заботится о нем и в каком положении оказался из-за этого сокол.

Посмотрел на своего сокола падишах и очень опечалился, но ничего не сказал. Только велел выпустить его на волю и объявить, что так бывает со всяким, кто попадает в руки людей, не знающих ему цены.

Запомните, друзья,— лишь два лица у зла:
Либо это враг умно беду подстроил,
Либо глупый друг услугу оказал.

СКРЯГА ВСЕГДА НЕСЕТ ДВОЙНОЙ УБЫТОК

Афганская сказка

Сидел однажды скряга и ел лепешки с медом. Проходил по улице человек и окликнул его. Пришлось скряге позвать его, а самому спешно спрятать лепешки. Только он хотел убрать и мед, как появился гость. Так он и не успел спрятать мед. «Ничего,— думает скряга,— не станет он есть один мед». А сам говорит гостю:

— Да ты ешь мед, коли любишь.

— Ладно,— отвечает гость,— мед вещь хорошая. Как его не любить!

И принялся уплетать мед, расхваливая его необыкновенный вкус.

— Да,— говорит скряга,— вкус у него действительно хорош. Только ты не ешь слишком много, а то сердце заболит.

— Правильно,— отвечает гость,— заболит сердце. Только чье? Твое?

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУДЬЯ

Афганская сказка

У одного жадного человека пропал кошелек, в котором было сто ашрафи. Как он ни искал, как ни старался, ни горевал — ничего не нашел. Тогда он объявил: «Тому, кто найдет мой кошелек

и вернет мне деньги, я дам в благодарность десять ашрафи».

Нашел этот кошелек один хороший человек и отдал его скупцу.

— Давай мне те десять ашрафи, которые ты обещал,— говорит он ему.

— В этом кошельке было сто десять ашрафи,— ответил скупой,— а сейчас здесь только сто. Десять ашрафи остались у тебя. Ты уже получил свою долю! Чего же ты еще от меня хочешь?

Пошел тот человек к судье и рассказал ему все. Призвал судья скупца и спрашивает:

— Почему не отдаешь его долю?

— Да он сам уже взял ее из этого кошелька,— отвечает тот.— Что я ему дам?

Судья взял кошелек, осмотрел его и завязал точно так же, как тот был завязан раньше. Потом и говорит скупцу:

— Если в твоем кошельке было сто десять ашрафи, а здесь только сто, то ясно, что кошелек не твой. Иди-ка поищи сам свой кошелек, а этот отдай человеку, который его нашел. Когда придет хозяин кошелька, он ему и вернет.

ТУРЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ

СУП ИЗ УТКИ

Видит однажды ходжа, что у источника плещутся утки. Когда он побежал, чтобы схватить их, утки улетели.

Ходжа сел у источника и, макая хлеб в воду, начал кушать.

Кто-то сказал ему:

— Приятного аппетита, ходжа! Что ты кушаешь?

— Суп из утки,— отвечал ходжа.

«ОСЛУ ТЫ ВЕРИШЬ, А МНЕ НЕ ВЕРИШЬ»

Однажды сосед попросил у ходжи осла.

— Нет у меня,— отвечал ходжа.

А в это время заревел осел.

Тогда сосед заметил:

— Эфенди*, ты говоришь, что у тебя нет осла, а вон, слышишь, осел ревет.

Ходжа покачал головой и сказал:

— Господи боже мой, чудной ты человек; ты ослу веришь, а мне, дожившему до седой бороды, не веришь.

«РАЗВЕ ЗА СОРОК ЛЕТ КОЗЛЕНОК НЕ ПРЕВРАТИЛСЯ В КОЗЛА?»

Однажды у ходжи спросили:

— Под каким знаком зодиака* ты родился?

— Под знаком «Старого козла»,— отвечал ходжа.

— Послушай, ходжа, в астрономических таблицах нет такого знака.

Ходжа заметил:

— Когда я был ребенком, моя мать определяла по звездам мою судьбу, и ей сказали — «Козерог».

— Да,— заметили ходже,— но это слово значит не козел, а козленок.

— Эх вы, дурни,— возразил ходжа.— Я сам знаю это, но с тех пор, как определяли по звездам мою судьбу, минуло ровно сорок лет, и разве за это время козленок не превратился в козла?

«ЭТО — ВОДА ОТ ВОДЫ, В КОТОРОЙ ВАРИЛСЯ ЗАЯЧИЙ СУП»

Однажды приносит крестьянин зайца ходже. Через неделю крестьянин снова пришел к ходже, а ходжа и не хочет его узнавать.

— Я тот крестьянин,— напомнил он,— что принес тебе на прошлой неделе зайца.

Ходжа пробормотал:

— Добро пожаловать.— И угостил его супом.— Прошу откушать заячий суп,— пошутил он.

Через несколько дней приходят к ходже несколько крестьян и тоже напрашиваются на угощение.

— Да вы кто такие? — спросил ходжа.

— Мы соседи того крестьянина, который принес тебе зайца,— отвечали они.

Ходжа кой-чем угощает и их.

Через неделю опять приходят крестьяне.

Когда ходжа осведомился, кто они, ему отвечали:

— Мы — соседи соседей того крестьянина, который принес тебе зайца.

— Добро пожаловать,— сказал им ходжа и вечером поставил перед ними миску с водой.

Крестьяне, удивленные, поглядели на миску и сказали:

— Эфенди, что это?

А ходжа отвечал им:

— Это — вода от воды, в которой варился заячий суп.

ХОДЖА И ТИМУР ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ НА ОХОТЕ

Однажды отправился ходжа ко двору Тимура*. Тот велел посадить его на негодную клячу и взял с собой на охоту.

В это время пошел дождь. Все погнали своих лошадей и поскакали обратно. А лошадь ходжи, разумеется, не могла быстро бежать.

Тогда ходжа разделся догола и подобрал под себя платье. Когда дождь перестал, он опять надел на себя платье и вернулся домой.

Падишах, увидев, что ходжа совсем не промок, осведомился, как это так случилось. Ходжа отвечал:

— Когда у человека такая боевая лошадь, разве может человек намокнуть? Только начался дождь, я пришпорил коня, и он в один миг, как птица, доставил меня сюда.

Падишах удивился и велел поставить лошадь в главную конюшню.

Как-то снова собрались на охоту. Падишах садится на ту лошадь. Случайно опять полил дождь.

Ходжа и другие участники охоты пришпорили коней и приехали домой, а падишах, сидевший верхом на той кляче, промок до последней нитки.

Домой вернулся он поздно и, позвав на следующий день ходжу, начал ему выговаривать:

— Разве пристало тебе лгать? Я из-за тебя промок до костей.

— Чего ты сердишься? — заметил ходжа.— Где же был у тебя ум? Если бы ты снял с себя платье, как я, и спрятал его под себя, а потом, когда кончился дождь, снова бы надел его, ты бы не вымок и приехал сухоньким.

КАК ХОДЖА ТАЩИЛ ИЗ КОЛОДЦА МЕСЯЦ

Однажды поздно вечером ходжа при свете луны поднимал ведро из колодца, и увидел он, что в колодец упал месяц.

Чтобы вытащить месяц, он привязал к веревке крюк и спустил вниз.

Случайно крючок зацепился за камень; и, когда ходжа сильно тянул веревку, крючок сорвался, а ходжа упал на спину.

Он взглянул наверх и увидел, что месяц на небе. «Ну, слава богу, помучился я немало, но зато месяц теперь вернулся на свое место».

«СОН УБЕЖАЛ, ВОТ Я И ИЩУ ЕГО»

Вышел ходжа в полночь на улицу и прогуливается.

Повстречал его градоправитель, обходивший город дозором, и говорит:

— Что это ты ищешь ночью по улицам?

— Сон убежал, вот я и ищу его,— отвечал ходжа.

КАК ХОДЖА НАПУГАЛ КРЕСТЬЯН

Зашел ходжа в деревню, и пропала у него сумка. Он и объявил крестьянам:

— Или вы найдете мне сумку, или... уж я знаю, что сделаю.

Так как ходжа был человек известный и уважаемый, крестьяне заволновались, начали искать сумку и наконец нашли.

Но одного из них взяло любопытство, и он сказал:

— Миленький ходжа, а что бы ты сделал, если бы не нашли сумку?

Ходжа преспокойно заметил:

— Да что, есть у меня дома старый коврик; пришлось бы из него сделать сумку.

«КТО ПРОДАЕТ ПАР ОТ КУШАНЬЯ, ТОТ ПОЛУЧАЕТ ЗВОН ОТ ДЕНЕГ»

Один бедняк из Акшехира, думавший только о том, что бы ему раздобыть к сухому хлебу, который перепадает ему, проходил как-то мимо харчевни.

Видит: сковородка так и шипит да потрескивает и во все стороны идет от нее аромат амбры*.

Он немедленно уселся на корточки перед сковородкой и, отламывая куски хлеба, держал их над дымом и, по мере того как хлеб увлажнялся, кидал к себе в рот.

Хозяин, дивясь такого рода изготовлению пищи, сначала наблюдал за ним спокойно. Но как только бедняк окончил еду, он схватил его за ворот и стал требовать плату за кушанье, которое он съел.

Бедняк, ссылаясь на то, что он ни кусочка не взял у него, отказался платить.

А в это время судьей в Акшехире был ходжа. Трактирщик повел бедняка к судье.

Выслушав как следует иск, ходжа вынул из кармана монетки и подозвал трактирщика поближе к себе.

— Наклони-ка хорошенько ухо,— сказал он ему и начал погромыхивать деньгами.— Получай! — продолжал он.

Трактирщик, изумленный, проговорил:

— Что это значит?

А ходжа ему в ответ:

— Решение вполне соответствует требованиям правосудия: кто продает пар от кушанья, тот получает звон от денег.

ХОДЖА ПРИСУЖДАЕТ ИСТЦУ «НИЧТО»

Пришли однажды к хакиму два человека. Истец и говорит:

— Эфенди! Этот человек шел, взвалив на спину дрова. Нога у него запнулась, он упал. Дрова свалились, и он попросил меня взвалить ему вязанку дров на спину. Я спросил у него, что он даст мне за это. «Ничего»,— сказал он. «Ладно»,— подумал я и согласился. Взвалил ему дрова и потребовал обещанное им «ничто», а он мне не дал. Вот я и требую теперь от него это «ничто». Удовлетворите меня в моих правах.

Хаким переправил их к ходже, искусство которого в разрешении подобных тяжб было уже испытано.

Ходжа, согласно положению, внимательно выслушал все, как было, и сказал:

— Ну, конечно, ты прав: безусловно, он должен исполнить свое обещание — уплатить свой долг,— и, указывая на коврик, на котором сидел, продолжал: — Подойди сюда, дружок! Подними этот ковер, на котором я сижу. Что там?

— Ничего,— отвечал истец.

— Возьми его и уходи. Ну-ну, не задерживайся, бери, что тебе принадлежит, и проваливай по своим делам!

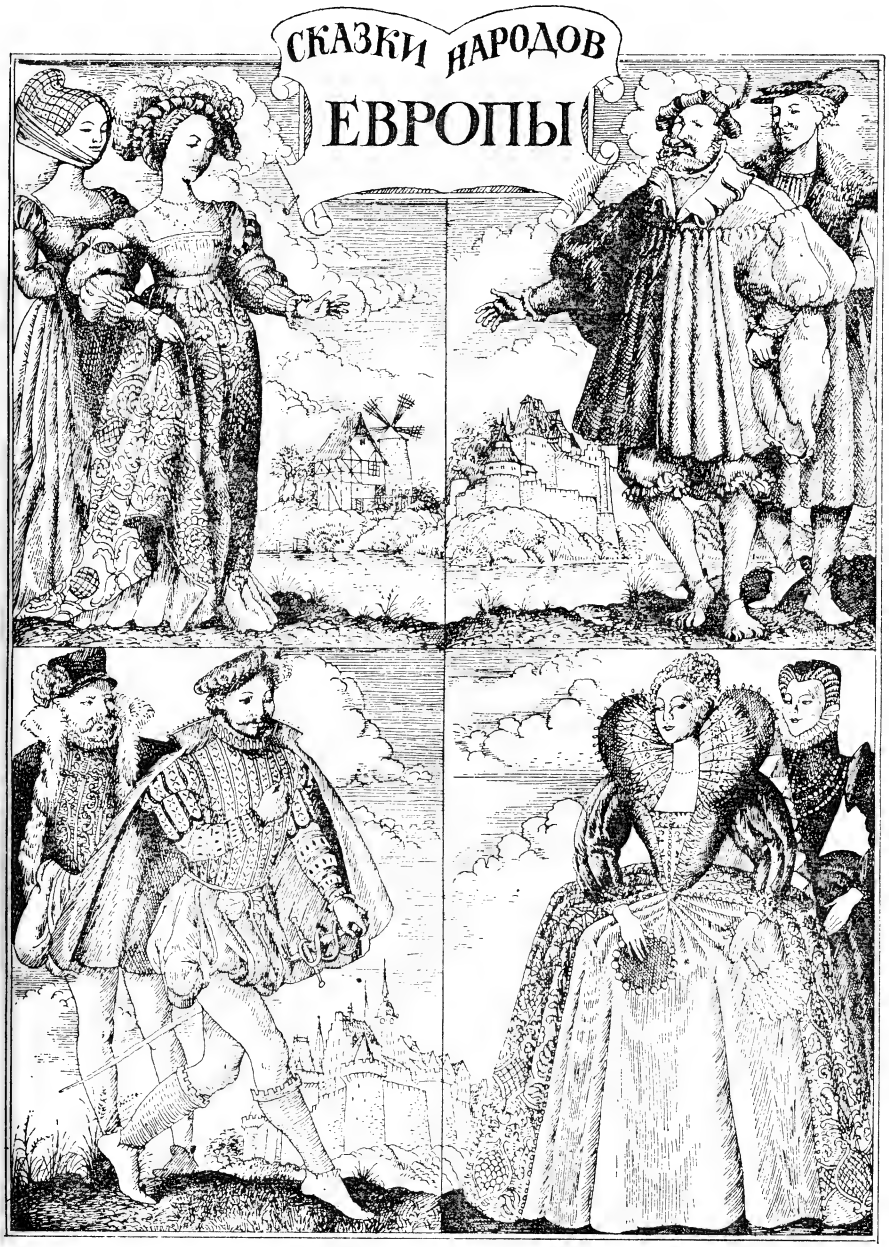
ХОДЖА, ПРОСНУВШИСЬ, ПРОСИТ ОЧКИ

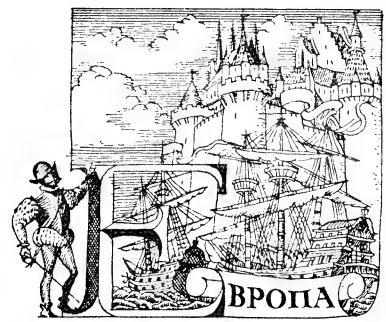
Однажды ночью ходжа в волнении разбудил жену и говорит:

— Ай, жена, подай мне поскорее, пока я не разгулялся, мои очки!

Жена дала ему очки, но спросила о причине беспокойства.

— Мне снится красивый сон, но кое-что я не могу разглядеть,— заметил ходжа.


СКАЗКИ НАРОДОВ
ЕВРОПЫ


ЕВРОПА

ПАСТУХ, КОТОРЫЙ ТЫСЯЧУ ЗАЙЦЕВ ПАС

Польская сказка

Давно это было, еще во времена татарских набегов. Тучей налетали татары из восточных степей и, словно паводок, заливали польские земли. Никому от них не было спасения. Деревни и города предавали они огню, стариков и детей убивали, а молодых в ясырь — в полон — угоняли.

Из татарской неволи рыцарей выкупали короли, богатые горожане — своих родных, а крестьян кто выкупит? Вот и оставались они в плену-неволе, пока смерть не выкупит. Разве что убежать посчастливится.

Посчастливилось Всемилу — убежал он из татарского плена.

Сколько дней, сколько ночей шел он на родину — не счесть! Дожди поливали его, солнце жгло, ветер насквозь пронизывал, холодал он и голодал.

Но ему все нипочем. Торными дорогами идет, глухими тропками, степью раздольной, лесом дремучим: тоска по дому гонит его вперед. И кажется ему, нигде такой золотой пшеницы нет, пригорков таких привольных, ручьев серебристых, как в родном краю, где Висла течет.

Вот пробирается он бескрайней прикарпатской пущей. Кругом лес да лес, ни единой души нигде. На рваной сермяге — пыль чужедальних дорог, за спиной сума потертая, а в суме все его богатство: краюшка хлеба, пузырь с молоком — добрых людей подаяние, да горстка монет, что на дороге нашел.

Идет, ягоды собирает и ест, а хлеб да молоко не трогает, напоследок оставляет, когда голод совсем доймет.

Вдруг из-за дерева старичок выходит. Сгорбленный, борода седая, палкой подпирается.

— Здравствуй, странник!

— Здравствуй, дедушка!

— Добрый человек, нет ли у тебя хлебушка? Совсем я изголодался, еле на ногах стою.

— А почему, дедушка, ты ягоды не собираешь? — спрашивает Всемил.

А старик в ответ:

— Ах, милок! Это молодому легко: нагнулся, ягодку сорвал и пошел дальше. А старые кости не гнутся.

«Старость — не радость,— думает Всемил.— Надо помочь старику. А с меня и ягод хватит!»

Вынул из сумы хлеб и старику протягивает:

— На, дедушка! Ешь на здоровье.

Обрадовался старик. Одной рукой краюшку схватил, другой дудочку из-за пазухи достает.

— Возьми дудочку на память. Может, пригодится.

Как встретились они невзначай, так и расстались, и каждый в свою сторону побрел: один — на восток, другой — на запад.

И десяти шагов не отошел Всемил, оглянулся, а дед как сквозь землю провалился.

«Небось за деревьями не видать его»,— подумал Всемил и зашагал дальше.

Вот кончился лес, и расстилается перед ним пустошь, солнцем опаленная, сухая, каменистая. Растет на ней травка чахлая да красный чабрец, сухая овсяница колосками шуршит, да ядовитый очиток желтеет. Одно слово — пустошь. Ни дымка, ни жилья не видно.

Час за часом проходит, солнце палит немилосердно, а пустоши конца-краю нет.

«Отдохнуть бы да молока попить»,— думает Всемил и по сторонам озирается — ложбинку ищет, где бы примоститься.

Вдруг поднялся ветер, зашумел, засвистел поверху, а наземь спустился — тучи песка взметнул, свет белый заслонил.

Долго ли, коротко бушевал ветер, а когда улегся, видит Всемил — навстречу ему старичок бредет. Совсем дряхлый да немощный. Тот, которого он в лесу повстречал, против этого молодец молодцом.

— Дай водицы, добрый человек! — прохрипел старик.— От жажды умираю.

Как быть? И старика жалко, и молоко отдавать не хочется.

— Спаси меня! Спаси! — молит старик.

Откажешь, утаишь молоко — душой покривишь.

«Авось доплетусь как-нибудь до деревни или на ручеек набреду и напьюсь вволю»,— думает Всемил, достает из сумы пузырь с молоком, конопляную нить развязывает и старику подает.

— Пей, дедушка, на здоровье!

Обрадовался старик. К пузырю приник и все молоко до капли выпил.

Утолил жажду и говорит:

— От неминучей смерти спас ты меня! Чем же мне отблагодарить тебя? Возьми вот кнут, может, пригодится.

Сказал и вытащил из-за пояса можжевеловое кнутовище с конопляной веревкой и хлопушкой из конского волоса на конце.

Тут опять поднялся ветер, взметнул, закружил песок — ни зги не видать.

А когда ветер стих, старика точно не бывало.

Недосуг Всемилу голову ломать, куда старик подевался. Торопится он засветло пустошь пройти и в безопасном месте заночевать.

Под вечер видит он, впереди верхушки деревьев маячат, меж ветвями сизый дымок вьется, а в стороне белеет дорога, колеями изъезженная.

«Знать, деревня близко»,— обрадовался Всемил, и сил у него прибавилось.

По дороге идти ходко, не то что пустошью. Идет он и радуется, что скоро в избе за стол сядет.

Вдруг смотрит — у дороги под деревом старик сидит и горько плачет.

— Ты чего, дедушка, плачешь? — спрашивает у него Всемил.

— Ох, милый человек, беда со мной приключилась! Продал сын в городе поросенка и велел мне деньги домой отнести, а я их потерял дорогой. Теперь невестке на глаза показаться боюсь. Выгонит злая баба меня из дома. А куда я на старости лет денусь? Кому я, немощный да хворый, нужен?

А сам плачет, дрожмя дрожит, будто озноб его бьет. Пожалел Всемил старика.

«Есть у меня деньги в суме. Не заработал я их, а на дороге нашел. Достались они мне легко, легко с ними и расставаться. Отдам-ка я их старику».

— На, дедушка, возьми! — говорит Всемил и протягивает старику деньги.— Да смотри опять не потеряй.

Обрадовался старик, в ноги Всемилу поклонился.

— Вот не ждал не гадал, что счастье такое привалит. Чем же я отблагодарю тебя, добрый человек? Возьми хоть клюку мою, может, пригодится.

Не захотел Всемил старика обижать, взял клюку и пошел своей дорогой. Но не отошел далеко и подумал: «Надо помочь старику с земли подняться». Обернулся, а старика и след простыл.

«Ого! Даром что старик, а побежал, как молодой»,— подивился Всемил.

Вот идет он деревней, к домам приглядывается. В какой постучать, не знает. Боязно ему: а ну как прогонят? Остановился возле одной хаты — двор перед крылечком чисто выметен, песочком желтым посыпан. В саду цветы цветут, а на завалинке кот сидит, умывается. «Зайду-ка я сюда»,— решил Всемил и постучался в дверь. Посчастливилось ему, на добрых людей напал. Накормили его досыта и спать на сеновал пустили.

Наутро Всемил снова в путь отправился. Пришел на то место, где раньше его деревня была, а от родной деревни после татар-

ского набега и следа не осталось. Дома стоят новые, люди живут в них чужие, пришлые.

«Делать нечего, придется в услужение идти»,— подумал Всемил. А от людей он слыхал: в замке пастух нужен. Но не коней сторожить, не коров пасти, не свиней, не овец, не гусей, не индюшек... А кого — люди не сказывают, только криво усмехаются.

Отправился Всемил в замок. «Сам разузнаю,— думает,— какой им пастух нужен».

Вот и замок за высокой стеной, к воротам мост подъемный ведет. Сказал Всемил, зачем пришел, и его прямо в покои панские ведут. Выходит к нему важный пан кастелян и говорит:

— Пастух мне нужен, тыщу зайцев пасти на лугу. Прослужишь месяц, не убежит ни один заяц, да еще полный мешок сказок мне расскажешь,— отдам за тебя свою дочь и десяток деревень в придачу. А убежит хоть один — до самой смерти на меня даром работать будешь. Иди подумай, в полдень ответ мне дашь.

Поклонился Всемил пану кастеляну и во двор вышел. Там его слуги обступили, спрашивают: кто такой, откуда да зачем пожаловал?

Утаил Всемил, кто он да откуда. Говорит, в пастухи наниматься пришел, зайцев пасти.

— Вот дурак,— говорят слуги и по сторонам озираются, не слышит ли кто из панских приспешников.— Мыслимое ли дело — за зайцами на лугу углядеть. Да они мигом разбегутся. Много тут до тебя охотников находилось, а теперь до самой смерти на кастеляна спину гнут, точно невольники. Вон погляди: кто камни носит, кто стену вокруг замка возводит.

Глянул Всемил, и страшно ему стало.

«Мешок сказок рассказать — это для меня не штука,— думает он.— Немало я их наслушался у татар. А вот с зайцами дело потруднее. Ну, да где наша не пропадала!»

А слуги знай твердят:

— Не лезь волку в пасть. Ступай отсюда, покуда цел. Свет велик. Найдешь свою долю, женишься, вольным человеком будешь.

А Всемил: нет и нет. Буду зайцев пасти.

Людям жалко парня: молод он да собой хорош.

Поднялось солнце высоко на небе. Полдень настал. В замке колокол зазвонил — на обед людей сзывает. Всемил к пану кастеляну идет и говорит: согласен, дескать, зайцев пасти. А кастелян рад-радешенек, будет у него новый невольник, даровой работник.

— Иди,— говорит,— в людскую кухню, пообедай. А после обеда приказчик зайцев выпустит.

Так и сделали.

После обеда велел приказчик овин отворить. Прыг-скок, во двор тысяча зайцев выскакивают.

Смотрят люди, что дальше будет. Кто парня жалеет, кто смеется.

«Какой же я пастух без дудочки»,— рассудил Всемил. Дудочку — подарок первого старика — достал и заиграл. Только заиграл, зайцы, что по всему двору разбежались, прыгали да резвились, сбились в стаю, построились по четверо в ряд, как солдаты, и ждут.

Идет Всемил к воротам, а зайцы за ним — скок-поскок — бегут, оглядываются, не отстал ли кто, не забежал ли вперед.

Люди от удивления рты разинули. А приказчик посреди двора столбом стоит, на заячье войско дивуется, даже народ на работу не гонит.

Последняя четверка за воротами скрылась, только тогда опомнились люди.

Вот и луг, где Всемилу велено зайцев пасти.

«Ай да я! — смеется Всемил.— Зайцев выгнал, теперь надо в оба глядеть, как бы они не разбежались».

Воткнул в землю клюку, чтобы не мешала ему за зайцами бегать.

Что за диво!

Зайцы вокруг клюки сбились и, будто их кто на веревочке держит, не разбегаются, травку пощипывают. А когда всю траву съели, Всемил клюку в другое место перенес, в землю воткнул, и опять зайцы пасутся, не разбегаются.

Тут, откуда ни возьмись, прилетели вороны да как начнут каркать. Три самых маленьких зайчонка испугались — и в кусты.

— Эй вы, косые! Куда побежали, ворочайтесь назад! — крикнул Всемил, взял кнут — подарок второго старичка — да как щелкнет.

И в тот же миг зайчишки из кустов выскочили и назад воротились.

«Что за диво! На дудочке заиграю — зайцы за мной бегут. Клюку в землю воткну — они вокруг пасутся, не разбегаются. Отобьется косой, щелкну кнутом — назад бежит. Видно, не простые это дары, а волшебные»,— рассуждает Всемил.

Вечером пересчитал приказчик зайцев: все!

Считает на другой день: опять все!

На третий день, на четвертый — то же самое!

В замке — переполох. Пан кастелян злится, из себя выходит:

— Как?! Этот мужик сиволапый, этот нищий пастух на моей дочери женится и десять деревень получит? Не бывать тому!

Вот пасет Всемил зайцев на лугу, глядь — от замка к нему колобок катится.

Что такое?

Подкатился колобок поближе. Тут Всемил разглядел — не колобок это, а кухарка. Как бочка, толстая, а ножки, ровно пеньки, коротенькие.

Бросилась кухарка к Всемилу и заголосила:

— Ой, спаси меня, милый пастушок! Спаси!

А сама передником глаза трет, притворные слезы льет.

— Жарила я зайца для пана кастеляна. А он сгорел у меня, обуглился весь. Что мне теперь, горемычной, делать, где зайца взять? Прогонит меня в шею кастелян, собаками затравит. Спаси меня, продай зайчика!

И пастуху монету сует.

«Ловушка это,— смекнул Всемил.— Хотят, чтоб вечером одного зайца не хватило». Но виду не подает и говорит:

— Спрячь деньги. Зайца я не продам, не мой он, а панский. Но так и быть, выручу вас. А вы за это спляшите мне. Скучно ведь целый день одному сидеть да за зайцами глядеть.

Кухарка рада, что простака провела и панское приказание исполнила. Правой рукой за правый конец сборчатой юбки ухватилась, левой рукой — за левый и давай вертеться, толстыми ногами перебирать, притопывать. Точно мячик, подпрыгивает, кланяется на все стороны, вкруговую ходит.

Развеселился Всемил, посмеялся вволю, а потом и говорит:

— Ну, хватит, умаялись вы. Сейчас вам зайца поймаю.

Схватил первого попавшегося зайца и кухарке подает. Толстуха зайца к себе прижала, передником прикрыла — упустить боится — и к замку бежит, от счастья ног под собой не чует.

Только на мост взошла, Всемил кнутом щелк! Заяц из передника прыг и назад на луг прибежал. И опять все до единого вокруг клюки пасутся.

Гей! На лугу — веселье, а в замке — грусть-тоска!

Кастелян бранится, панна слезы льет. Кухарка платком повязалась, будто у нее зубы болят, а сама злющая-презлющая, горшками гремит, сковородами стучит, вертелами бренчит, аж гром в кухне стоит.

Как тут быть, как панскому горю пособить?

Кастелян придворных да челядинцев на совет сзывает.

Думали они, думали, как пастуха извести, зайца у него увести, и придумали.

Вот наряжается дочь кастеляна крестьянской девушкой и на луг отправляется. Юбка на ней старая, линялая, на голове веночек, бусы деревянные, в руках корзинка из ивовых прутьев.

Подходит она к пастуху, улыбается ласково и говорит:

— Продайте мне одного зайчика. Отец хочет в роще зайцев развести. Монахи обложили его оброком: каждый год двадцать зайцев вынь да положь! Самец у нас уже есть, теперь нам зайчиха нужна.

— Да как же твой отец накажет им в лес не убегать, по панскому лугу не скакать? Перестреляют их охотники — и пропало дело!

— Да он... да они...— запинается панна, что́ сказать, не знает.— Да отец рощу плетнем огородил.

«Опять ловушка»,— смекнул Всемил и говорит:

— Такой красавице продавать зайца негоже. Выбирай любого, но сперва поклонись мне десять раз.

Кланяется панна пастуху, смиренно да покорно, до самой земли сгибается.

Поймал Всемил зайчиху и панне в корзинку посадил.

— Пусть живет у вас на здоровье и каждый год по двенадцать зайчат приносит.

Обрадовалась панна, корзинку платком прикрыла и бегом к деревне. А у первой хаты к замку поворотила.

Всемил зорко за ней следит, все видит.

Стала она к воротам замка подходить, Всемил щелкнул кнутом, зайчиха из корзинки прыг и на луг прибежала.

Опять в замке горе, опять кастелян придворных да челядинцев на совет сзывает. Судили, рядили, как пастуха извести, как зайца у него увести. Но так ничего и не придумали.

И решил кастелян сам к пастуху идти, зайца у него просить.

«Чай, я не баба, у меня заяц не убежит. Только бы люди про это не прознали»,— рассудил кастелян.

Посылает он дочку на чердак, велит в сундуке самый никудышный, молью проеденный кафтан найти и ему принести. Надевает он тот кафтан, жгутом соломенным перепоясывается, из конюшни старую клячу выводит, вместо седла дерюгу кладет и тайком из замка едет.

Подъехал к Всемилу и просит этак жалостливо:

— Добрый человек, продайте зайчика подешевле. Хочется хоть раз в жизни зайчатины отведать.

Всемил сразу пана признал, но виду не подает.

— Не годится у такого бедняка деньги брать,— говорит он.— Я вам даром зайца отдам, но сперва исполните мою просьбу.

А кастелян в ответ:

— Почему не исполнить — исполню!

— Вон видите, по меже Барбоска бежит, хвостом машет?

— Вижу, вижу...

— Догоните его и поцелуйте в нос.

Разозлился кастелян: да как он смеет, мужик сиволапый, над барином издеваться!

Но делать нечего. Покорился пан. Не то придется десять деревень отдать да простого мужика в зятья взять.

Съежился пан, будто ниже ростом стал, и спрашивает:

— А через листик можно?

— Валяйте через листик!

Кастелян по меже идет, спотыкается и приговаривает:

— Барбоска, Барбоска! Поди сюда, собачка моя хорошая! Поди сюда!

Не привык деревенский пес к такому ласковому обхождению: приостановился и ждет.

А кастелян перед ним на колени — бух! Лист подорожника сорвал и через лист этот собаку прямо в нос чмокнул.

Идет обратно к пастуху, от злости красный, как свекла.

— Исполнил я твою просьбу,— говорит.

— Как же, видел, видел! Теперь мой черед вашу просьбу исполнить.

Поймал Всемил зайца и кастеляну отдал.

Кастелян покрепче зайца за уши ухватил, на камень влез, с камня на клячонку вскарабкался, трюх-трюх — в замок потрусил.

Вот уж и мост недалеко. Тут Всемил как щелкнет кнутом!

И откуда только у зайчишки сила взялась! Вырвался он из цепких панских рук, с лошади на землю соскочил и на луг помчался. Мчится, белый хвостик мелькает, следом пыль завивается.

Напрасно унижался пан, так ни с чем в замок и воротился. Четвертая неделя к концу подходит. Приказчик каждый вечер зайцев пересчитывает и кастеляну докладывает:

— Все зайцы целы. Как была тыща, так и есть.

Переполошился кастелян: как тут быть, как беду отвратить?

Велит он четверку лошадей в карету закладывать и к соседям едет, к таким же, как сам, панам, богатым да знатным.

Приезжает и про беду свою рассказывает.

А они ему в ответ:

— Чего горевать, отчаиваться до времени! Он еще вам мешок сказок рассказать должен. Тут уж ему не вывернуться! Пусть хоть всю ночь напролет рассказывает, а вы говорите: «Мало! Еще не полный мешок». Вот и станет он вашим холопом.

Послушался кастелян. Собирает он пир, зовет на пир панов, как он сам, знатных да богатых, с женами и дочками.

А когда гости съехались, приказал он большущий мешок из-под овечьей шерсти принести да пастуха позвать.

Проведал про это Всемил, к управителю поспешил и говорит:

— Как же я в этаких лохмотьях в панские покои явлюсь?

Поглядел управитель на его рваную сермягу и молвил:

— Твоя правда, пастух! Негоже в панские покои в лохмотьях идти.

Дали Всемилу кафтан тонкого сукна, пояс широкий, сапоги с подковками да шляпу с павлиньим пером.

Искупался Всемил в речке, панский брадобрей ему волосы постриг, подровнял. А как надел он нарядный кафтан, на кухне так и ахнули: молодец молодцом, прямо не узнать!

В трапезной гости за столами посиживают, едят, пьют, веселятся.

— Позвать пастуха! — распорядился кастелян.

Входит Всемил — статен, пригож. Такого тут сроду не виды-

вали. Панны глаз с него не сводят, вздыхают, на дочку кастеляна с завистью поглядывают, и каждая про себя думает: «Вот бы мне такого красавца мужа, не посмотрела бы я, что он пастух...»

Дочка кастеляна вздохнула горестно и шепчет:

— Уж больно мешок-то велик!

Встал Всемил, где ему велели, перед ним мешок на распорках повесили, и начал он сказки сказывать.

Рассказывает разные были-небылицы, легенды да предания, что в татарской неволе у костра наслушался.

Одна сказка страшней другой, одна другой диковинней и забавней.

Вот говорит он час целый. Заслушались гости, есть-пить перестали, мыслями в дикие степи перенеслись. Чудится им, будто они на диких конях скачут, в кибитках на голой земле спят, из луков стреляют.

Сколько на белом свете чудес!

Панна отцу подмигивает, знаки делает: загляни, мол, в мешок, много ли он наговорил.

Заглянул кастелян в мешок и только рукой махнул:

— Мало! Еще дно просвечивает.

Тут Всемил говорит:

— Хватит этих ужасов да страхов! Расскажу-ка я вам веселую историю. Вот сижу я как-то раз на лугу и зайцев пасу. Глядь — прямо ко мне бедняк на кляче трусит. Кафтан на нем старый-престарый, молью траченный, вместо седла — дерюга, вместо стремян — прясла. И был тот бедняк как две капли воды на нашего пана похож. Глаза, точь-в-точь как у нашего пана, серые, волосы, как у нашего пана, седые...

Кастелян забеспокоился, на скамье заерзал. «Что это он болтает? Вдруг гости догадаются?»

— Попросил у меня бедняк зайца, а я ему и говорю...

Кастеляна холодный пот прошиб. «Сейчас расскажет, как я пса в нос целовал».

Не вытерпел кастелян, к мешку подбежал да как закричит:

— Хватит! Хватит! Мешок уже полный!

А дочка ему вторит:

— С верхом! Сказки на пол высыпаются.

Так стал Всемил зятем знатного пана кастеляна.

ДАР ЧЕРНОГО ЛЕШЕГО

Польская сказка

Жил-был в одной деревне бедный крестьянин. Как ни бился, ни трудился, не мог он со своей семьей прокормиться. Вот и прозвали его соседи Горемыкой.

Достался ему от отца земли клочок, да какой от него прок? Слева — болото, справа — песок, даже вереск и тот не растет, только посередке узенькая полоска землицы вся в яминах да каменьях. Какой уж тут достаток!

Вот отправился как-то осенью мужик свою полоску под озимые пахать. Конь — кожа да кости, еле тащится, выщербленный лемех по камням скрежещет. У мужика по лбу пот градом катится, словно в знойный июльский полдень. А на дворе мелкий холодный дождик моросит, даль мглой затянуло, как по осени бывает.

Пашет, пашет мужик. Умаялся, живот совсем подвело. Отдохнуть бы да хлебушка пожевать, что за пазухой спрятан. «Нет,— думает,— поработаю до полудня без отдыха».

Работа спорится, когда сила есть. А у бедного мужика сил мало, и голод его донимает. Куст шиповника отдохнуть манит и от дождя укрыться. Приостановился мужик, краюшку из-за пазухи вынул, оглядел, понюхал. «Может, съесть? — думает.— Хлебушек добрый, из чистой ржи, хоть и черствый, а корочка вкусно пахнет... Только солнышко еще низко, до полудня далеко... Съем краюшку сейчас — до вечера не дотяну. Нет, обождать надо. Положу-ка я лучше хлеб на межу под куст: пускай не соблазняет».

Обернул краюшку льняной тряпицей, чтоб сырость осенняя не пропитала, и с тяжелым вздохом положил под куст на межу.

Пашет он и не глядит по сторонам: ни налево, ни направо — ни на песок бесплодный, ни на болото топкое.

А за болотом и вовсе трясина бездонная, и водилось там леших видимо-невидимо.

Зеленый Леший к себе в топь заманивает. Ухватится жабьими лапищами за колеса — они по ступицу в трясине увязнут. Большущей зеленой жабой прыгает перед конскими мордами — кони в сторону шарахаются, упряжь рвется, телега ломается, а измученные, перепуганные люди плутают до рассвета, дорогу ищут.

Жил там и Синий Леший. Этот по протокам, по ручейкам из болота в реки и озера выплывает. А то плотину прокопает, воду спустит, и водяная мельница останавливается.

Рыжий Леший болотную лихорадку на людей напускает.

Но отчаянней всех Черный Леший. Только он отваживается средь бела дня из болота вылезать, по окрестным полям скакать, в хаты заглядывать да высматривать, что бы ему натворить, как навредить людям, горе-беду наслать на них.

Вот вылез Черный Леший из трясины, за кустом шиповника притаился. Луп-луп глазищами, озирается, что бы такое выкинуть, себя, Лешего, потешить.

Видит, мужик из-за пазухи хлеб достал, со всех боков оглядел, в тряпицу льняную завернул и со вздохом под куст положил на межу. А сам опять за соху взялся.

Только мужик спиной к Лешему повернулся, Леший краюшку схватил и шмыг в кусты. Сидит и ждет, что будет. Мужик по-

кражу обнаружит, ругаться небось станет, вора проклинать да их, чертей, поминать. Вот потеха!

Тут солнышко из-за туч выглянуло, весь свет позолотило, короткие тени легли на мокрую землю от деревьев и кустов.

Пахарь из-под ладони на небо глянул, вздохнул с облегчением: вот и полдень, время червячка заморить. Вывел он коня на межу: пусть попасется,— а сам к кусту зашагал, где хлеб схоронил.

Подходит, а хлеба-то нет, одна тряпица на земле белеет. Мужик глазам своим не поверил. Что за напасть?

— Кто ж это на хлеб мой позарился? Меня, горемыку, без еды оставил? Не иначе шел мимо человек еще бедней меня. Пусть ест на здоровье!

Оторопел Черный Леший. Вот чудак! Не ругается, не проклинает, чертей не поминает. А коли так, никакой радости от проделки нет. Чуть было не подбросил он хлеб обратно под куст, да спохватился: негоже им, лешим, людей жалеть. Коли напроказил, так тому и быть. У них тоже свое бесовское достоинство есть.

Леший загоготал злобно, топнул козлиными копытами, тряхнул козлиными рогами и умчался прочь — в болото.

А там, в глуши непроходимой, где нога человеческая не ступала, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, сидел Водяной — старшой над всей нечистью.

Развалился Водяной на троне из ивовых прутьев и дремлет: разморило его осеннее солнышко. На нем кафтан богатый — из тростника сотканный, на лысине — камышовый венок, лицо зеленью отливает; из себя он огромный, пузатый.

Дела он все справил — леших да бесенят в разные стороны разослал козни дьявольские строить, добрым людям вредить.

Остановился перед ним Черный Леший. Водяной один глаз открыл и спрашивает:

— Зачем пожаловал?

— Да вот украл я у бедняка краюшку хлеба,— проскрипел Леший,— думал, он ругаться станет, нас, чертей, поминать...

— Ну и что? — встрепенулся Водяной.— Проклинал?

— Нет. Здоровья пожелал тому, кто хлеб его съел.

— Здоровья, говоришь, пожелал? — Водяной покачал головой, большущей, как дыня.— Закрома у него небось полнехоньки. Что ему кусок хлеба!

— Какое там! Во всей округе бедней его не сыщешь. С хлеба на квас с семьей перебивается. Теперь до самого вечера крошки во рту не будет.

Услыхал это Водяной, брови насупил да как рявкнет:

— Ах ты негодяй! Иль ты забыл, что лешие и бесы тоже свою честь блюсти должны? Последний кусок хлеба украл у бедняка? К богачу небось потрудней в сундук залезть. Стыд и срам! Пусть люди бедняков обижают. Беги что есть мочи и положи хлеб, откуда взял.

— Да как же я положу его? — захныкал Леший.— Раскрошился он весь, а крошки птицы склевали.

Водяной приложил палец к носу и задумался.

— Не можешь отнести хлеб — службу ему сослужи. В работники к нему наймись. Послужи мужику верой-правдой да через три года возвращайся. А до того и на глаза мне не показывайся!

Делать нечего, Водяного, что над всеми бесами и лешими старшóй, никто ослушаться не смеет. Выскочил Черный Леший из топи болотной, оземь ударился, в пригожего малого обратился и к мужику подходит.

Солнце уже за дальним лесом схоронилось, и голодный мужик домой собрался.

Еле волочит он ноги, лошадь спотыкается, соха на камнях, на выбоинах подпрыгивает. А у мужика сил нет ее придержать. В глазах темно от голода и усталости.

Тут подходит к нему незнакомец. Глаза зеленые, точно лесные озера, волосы, как вороново крыло, черные, над алыми губами темные усики топорщатся, лицо румяное — парень кровь с молоком!

Залюбовался мужик парнем, а что глаза у него злым огнем горят, этого он не приметил.

Незнакомец соху за рукояти ухватил и говорит:

— Давайте-ка я вам помогу, хозяин!

Свистнул парень, и лошадь, будто дотронулись до нее волшебной палочкой, встрепенулась, заржала весело и помчалась домой. Ни дать ни взять молодой жеребец! Мужик диву дается.

— Наймите меня в работники,— молвит парень.

Еще пуще удивился мужик:

— Какая тебе корысть к бедняку наниматься? Мы и сами-то впроголодь живем, а тебе еще платить надо...

А тот в ответ:

— Не надо мне никакой платы. Не гоните меня, и в накладе не останетесь.

И просил он так настойчиво, что мужик даже испугался малость. Почем знать, кто он, этот пришелец? Может, разбойник, что от справедливой кары прячется, безопасное убежище ищет? Прогонишь его, он еще мстить станет. «Лучше не перечить ему»,— решил бедняк и говорит:

— Ну что ж, поживи недельку, а коли понравится, насовсем оставайся.

Так поселился Леший у мужика. Первым делом стал он коня в силу приводить: скребницей чистит, отборным овсом кормит, ключевой водой поит. А откуда он овес брал, мужику невдомек.

Недели не прошло — коня не узнать, словно подменили его. Бока округлились, шерсть блестит, грива расчесана. Идет-пританцовывает, ровно девица на свадьбе. День-деньской без устали

работает, а в телегу запряжешь — так и рвется вперед, вожжи не удержишь.

Соседи диву даются. Откуда у мужика такой конь? Купить — не купил, потому что гроша ломаного у него нет. Обменять — не обменял: кто ж без обмана его клячу возьмет, а он хоть и бедный, но честный мужик. Да и масть у коня та же, и шрам на спине. Чудеса! А может, колдовство?

Привел батрак коня в силу, за корову принялся. По обочинам, по придорожным канавам ее пасет, траву посочней косит. Возвращается корова с пастбища — вымя у нее что твое ведро.

Пьют мужиковы ребятишки молока вволю. Побелели они, потолстели. Чирикают весело, как воробьи, когда солнышко пригреет.

«Хороший батрак, усердный,— думает мужик.— Хлеба ест мало, а работает за семерых».

— Оставайся у меня, живи,— говорит он Лешему.— Мне такой работник надобен.

Обрадовался Леший. Не то недоброват бы ему. Как покажешься на глаза Водяному, приказа его не выполнивши! У нечисти на этот счет строго!

Прошло сколько-то времени, и вот говорит батрак мужику:

— Пора поле под озимую пшеницу пахать, не то поздно будет.

А мужик в ответ:

— Да я уже полоску запахал и рожь посеял. Надо ведь и под картошку клочок поля оставить.

— А вон тот кусок возле болота разве не ваш?

— Мой-то мой, да толку-то что,— со вздохом говорит мужик.— Кочки да мхи пахать не станешь.

— Давайте я попробую.

— Лошадь не осилит.

— У меня осилит. А зерно для посева я сам раздобуду.

Согласился мужик. Пускай этот чудно́й батрак поступает по своему разумению. Коли он сам зерно достанет, значит, убытка в хозяйстве не будет.

Распахал Леший болото. А ночью у всех хомяков в округе кладовые обчистил и к полевым мышам в норки заглянул. Писк, плач поднялся — за десять верст слышно! Приволок Леший мешок пшеницы — ну прямо чистое золото! — и засеял поле.

Увидели это соседи, от смеха животы надорвали.

— Вот дурак! Зерно в болото швыряет. Уж лучше бы жабьим пометом засеял, хоть жабы развелись бы.

Смеются соседи, пригорюнился хозяин. А батрак знай свое дело делает да помалкивает.

Пришла зима. Землю сковал лютый мороз. Зато весна настала на редкость дружная, теплая. А летом — сушь да зной! Самые старые старики такой жары не припомнят.

Солнце жжет огнем, палит. Напрасно канюки жалобно кри-

чат — дождя просят. Земля потрескалась, трава на лугах пожухла-пожелтела, поля покрылись толстым слоем пыли, колоски печально поникли.

А у мужика на болоте пшеница стеной стоит, налитые колосья к солнцу тянутся. Пришло время, сжали пшеницу. Урожай собрали сам-сто.

Насыпал мужик полнехонек амбар: и на хлеб, и на семена хватит, да еще на продажу останется. И хотя несуразной цены он не заламывал, а все же и в кубышку малую толику денег отложил.

На батрака он со страхом, с почтением поглядывает. А тот работает себе да посвистывает как ни в чем не бывало.

Вот настало время поле пахать, батрак и говорит мужику:

— В этом году пески пахать будем.

— Пески? Да там испокон века не росло ничего — ни былинки, ни травинки.

— У меня, хозяин, вырастет.

Не стал ему перечить мужик — знал: парень он проворный, башковитый. А соседи опять до упаду хохотали, когда мужик с батраком выехали пустошь пахать.

Запахали, посеяли, забороновали, управились и стали ждать.

В том году лето выдалось дождливое: ни клочка голубого неба, ни солнечного лучика. Серые струи дождя уныло плещут по лужам, барабанят по крышам, текут по размокшим дорогам — ни пройти ни проехать.

Поле мужика, что в низине, озером разлилось. Хлеб сгнил на корню, а на пустоши пшеница уродилась на диво. Опять собрал мужик урожай сам-сто.

Не смеются больше соседи, не до смеха им. «Откуда батрак знает, дождь будет или вёдро?» — гадают они.

На третью осень вышел как-то ночью батрак и давай с болота на пустошь грязь носить, а песок с пустоши на болото. Огромный кус поля осушил, огромный кус удобрил. Теперь у мужика вся земля пахотной стала, для сева пригодной. Засевай да урожай собирай.

Каждому ясно: такая работа не под силу человеку. Проснулся утром мужик, увидел, что батрак сделал, сплюнул потихоньку, перекрестился и ни о чем больше его не спрашивал. Стороной обходил и с опаской поглядывал.

А батрак сложа руки не сидит. Пшеницу, рожь, ячмень посеял, картошку посадил. Хватило места и для капусты с горохом. Урожай по осени собрали невиданный.

Полон у мужика амбар, полон овин. И никакой он теперь не горемыка, хотя соседи по старой памяти его так называют. Одежа на нем исправная, лицо гладкое, румяное. А ребятишек с женой и вовсе не узнать, будто и не они это.

Время идет, и третий год уже на исходе.

Настала лунная сентябрьская ночь. Месяц высоко на небе висит и заливает землю потоками голубого света — да такого яркого, что малюсенький самый гвоздик на дороге разглядишь, зато привычных предметов не различишь: до того свет этот обманчив.

Вот вышел батрак в глухую полночь на порог, оземь ударился, в Лешего обратился и к топи-трясине помчался.

А там меж ивами и ракитами, меж зельем болотным, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, пляска, гульба — дым коромыслом! То нечисть разная: кикиморы да русалки, лешие да бесы, упыри да оборотни хороводы водят, скачут, визжат, пособачьи брешут, гогочут. А над головами у них огни болотные, точно венки огненные.

Водяной на трухлявом пне сидит, на дудочке наигрывает — лягушачьими лапами перебирает, на серебряную луну любуется. Остановился Черный Леший перед ним, поклонился до земли и говорит:

— Вот и я! Кончилась моя служба. Верой-правдой послужил я мужику три года.

— Коли так, оставайся с нами! Ступай попляши, пока луна не померкнет, пока небо на востоке не зарумянится.

Но Черный Леший к месту пристыл, в затылке чешет, с копытца на копытце переступает.

— Чего тебе надобно? — спрашивает Водяной.

— Всемогущий господин и повелитель! Помог я мужику из нужды выбиться. Украденный кусок хлеба стократ ему вернул. Так и оставить мужика в довольстве, в достатке?

— А чего же ты хочешь?

— Подшутить над ним малость на прощание.

— Смотри только, чтобы вся работа насмарку не пошла.

— Не бойся!

Хлопнул Водяной в зеленые ладоши и закричал зычным голосом:

— Эй вы, бесы, лешие, идите-ка сюда!

Сбежалась к трухлявому пню вся нечисть. В кучу сбились, шеи вытянули, ждут, что старшой скажет.

Так и так, говорит он им.

— Дозволь ему над мужиком подшутить! Дозволь! — завопили, заверещали, заржали бесы, лешие, кикиморы.

Водяной ударил себя по зеленой ляжке и говорит:

— Ладно! Будь по-вашему! Недаром мы нечистой силой зовемся, значит, наше дело козни строить, проказить, людей пугать. Сыграй шутку со своим хозяином. Да смотри чести нашей бесовской не посрами!

У Черного Лешего глаза так и загорелись:

— Не бойся, не посрамлю!

До рассвета плясал и пел Леший со своими. Плясал до упаду,

пел до хрипоты. А когда на востоке заалела заря, стукнул козлиным копытцем об землю и полетел прямиком к хате мужика.

А мужик спит себе спокойно и ни о чем не подозревает.

Наутро говорит ему батрак:

— Служил я тебе, хозяин, верно и платы никакой не требовал. А теперь давай рассчитаемся, в путь мне пора.

Мужик рад от батрака избавиться.

— Правда твоя, преумножил ты мое добро. Говори, сколько тебе заплатить?

— Ни много ни мало: меру ржи.

Удивился мужик:

— А на что тебе зерно? На себе ведь ты его не потащишь?

Батрак смеется в ответ:

— Насыпьте зерно возле печки да котел побольше дайте. Стану зерно варить.

— Зерно варить? И что же получится?

— Увидите.

Принялся батрак за дело. Залил зерно ключевой водой из такого ключа, что никогда петушиного пения не слыхивал. Варил, парил, цедил, доливал, переливал и никому через плечо заглянуть не позволил.

Долго ли, коротко ли, приглашает батрак хозяина к столу. На столе бутылка, а в ней словно вода прозрачная, только запахом острым в нос ударяет.

— Что это? — спрашивает мужик.

Батрак скалит белые зубы и говорит:

— Питье такое.

— Отродясь такого не видывал: ни квас, ни мед, ни пиво!

— Чего понапрасну глядеть — глазами не распробуешь. Глотните-ка!

Попробовал мужик и скривился: горько и язык жжет.

— Да вы побольше выпейте,— уговаривает батрак.

Мужик отпил и сплюнул с отвращением:

— Тьфу, гадость!

Приуныл батрак: неужто шутка не удалась?

— Не угодил, значит? Не по вкусу мое угощение? Глотните, хозяин, еще разок, сделайте одолжение!

Выпил мужик стаканчик, выпил другой. В голове у него зашумело, хата ходуном заходила. Чудится мужику: стены рухнут, насмерть задавят. Хочет он встать — ноги не слушаются. Слово молвить хочет — язык заплетается. А батрак захохотал да так на мужика глянул, что у того мурашки по спине побежали. Догадался он, кто у него в батраках служил три года, и с горя третий стакан выпил. Выпил и под лавку свалился.

Загоготал глумливо Черный Леший, остатки варева по бутылкам разлил, выскочил в окно — и был таков!

Проспал мужик под лавкой до вечера, проснулся — на душе

тоскливо, свет белый не мил. А увидел бутылки на столе, словно клещами к ним потянуло.

Встал он, соседей позвал и всю ночь потчевал их дьявольским зельем.

С той поры обеднели крестьяне. Работа у них не спорится, из рук все валится. Да и как работе спориться, если они каждую ночь к бутылке прикладываются, а наутро с больной головой встают.

И пошло у мужика прежнее горемычное житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме раззорица.

Вот какую злую шутку Черный Леший с мужиком сыграл.

ПЯТЬ ОВЕЧЕК

Польская сказка

За тремя горами, за тремя лесами, над быстрой речкой замок стоял. И в замке том богатый и знатный рыцарь жил — гроза всех врагов.

Богатств его не счесть. Тысячи мешков зерна собирали крестьяне с его необозримых полей. Табуны лошадей, стада овец и коров паслись на бескрайних его лугах. Великое множество зверей и птиц водилось в его лесах.

Злато и серебро рекой текло в сокровищницу рыцаря.

Была у рыцаря и дружина бравых молодцов — лихих удальцов.

Когда враг отчизне угрожал и король грамоты рассылал — защитников созывал, рыцарь первый в королевский замок с дружиной являлся. Первый кидался в жаркий бой, жизни не щадил.

Все-то у него есть: и власть, и слава, и богатство, и жена-красавица, только детей нет.

— Кто утешит, приласкает нас в старости? — горюет жена.

— Услышу ли милое сердцу слово «отец»? — сетует рыцарь.

Шли годы.

И вот нежданно-негаданно подступил к границам королевства могучий враг.

Грозится неприятель всех людей истребить, все города и села огнем спалить.

Король кликнул клич: на войну всем идти, родную землю защищать.

Простился рыцарь с любимой женой и на далекую войну отправился.

Полгода спит он в седле, одной рукой ложку с похлебкой ко рту несет, другую на рукояти меча держит.

Разбили врага наголову, и поспешил рыцарь со дружиной в обратный путь.

Едут они, едут, а кругом равнина бескрайняя, камнями усеяна, сухой травой поросла. Ни деревца, ни кустика. Солнце жжет-палит, а схорониться негде, жажду утолить нечем.

Едут они день, едут второй, вот и третий день на исходе.

Чуть живые кони, чуть живые люди.

Храбрые воины приуныли, головы повесили. Кони еле бредут, об острые камни спотыкаются.

А солнце палит, горячий ветер в лицо тучи песка метет.

Воды! Воды! В ней спасение!

А тут ни речки, ни озерца, ни самого что ни на есть маленького родничка.

Делать нечего, пришлось остановиться — дальше ехать невмоготу. Не погибли на войне от вражеской сабли, знать, от жажды погибнуть суждено. Упали воины на землю, лежат, не шелохнутся, точно мертвые.

Кони головы понурили, дышат с присвистом.

Вот посылает рыцарь одного воина воду искать — тот ни с чем возвращается. Посылает другого — опять ни с чем! Восемь раз посылал, восемь раз воины без воды возвращались, а на девятый он сам пошел. «Может,— думает,— мне посчастливится».

Только взошел он на песчаный холм, свежестью, прохладой повеяло.

Смотрит — колодец внизу! До краев водой полон, а поверху золотой ковшик плавает.

Хочет рыцарь ковшиком воду зачерпнуть, а ковшик ускользает, в руки не дается.

Раз попробовал, другой, третий — не дается ковшик в руки, да и только!

«Ладно,— думает рыцарь,— без ковшика обойдусь».

Снял с головы шлем и над срубом наклонился. А кудри по плечам рассыпались и в воду упали.

Пьет рыцарь, пьет, никак не напьется. Наконец утолил жажду и чует: возвращается к нему прежняя сила.

Теперь дружину позвать надо.

Хочет рыцарь уста от воды оторвать, голову поднять, плечи расправить, да не тут-то было!

Словно держит его кто-то крепко за волосы и вниз тянет.

Ухватился он двумя руками за колодезный сруб, коленками уперся и голову над водой приподнял. Приподнял — и от ужаса обомлел.

Из колодца, глаза в глаза, чудище на него глядит: голова жабья с бадью, рот от уха до уха, глазищи как лукошки, вместо рук — клешни рачьи.

Вот этими-то клешнями и вцепилось чудище рыцарю в волосы, держит и не пускает.

— Пусти! — взмолился рыцарь.

— Ква-ква-ква! — засмеялось чудище.— Ишь чего захотел! Так легко от меня не отделаешься. Я давно тебя тут поджидаю. Ты мою воду пил, теперь плати.

— Говори, кто ты таков и чем тебе за воду заплатить?

Высунулось чудище из колодца наполовину — рыжая бородища раскинулась по воде, точно ржавые водоросли, каждый волосок поодиночке шевелится.

— Я — Кощей Меднобородый, владыка подземного царства. Отдай мне, чего дома не знаешь.

Призадумался рыцарь:

«Чего бы это я дома не знал? Кажется, все знаю. Может, из столицы мешок серебра прислали или кошель золотых? Не до денег сейчас, надо свою жизнь спасать, дружину из беды выручать».

Взял да и согласился.

— Отпусти меня,— говорит,— сделай милость. Отдам тебе, чего дома не знаю.

— Ква-ква-ква, вижу, ты человек сговорчивый. Дай мне перстень в залог, тогда отпущу.

Снимает рыцарь с пальца золотой перстень, а на перстне герб родовой — три серебряных звезды в изумрудном поле,— и протягивает Меднобородому.

Чудище перстень в жабью пасть хватает и говорит:

— Пока перстень у меня, ты мой должник.

Сказало и выпустило из клешней кудри рыцаря.

— Дозволь и дружине моей напиться из твоего колодца,— просит рыцарь.

— Пейте на здоровье, ква-ква-ква! — заквакала жаба и исчезла в колодце.

Разгладилась вода, а золотого ковшика как не бывало.

От воды прохладой и свежестью веет, весело поблескивает она на солнце.

Рыцарь обернулся и крикнул зычным голосом:

— Вода! Вода!

Заслышав волшебное слово, вскочили воины на ноги — откуда только сила взялась! — и к колодцу. Сами напились и коней напоили.

И в путь пустились. На другой день к вечеру подъезжают к замку.

А их с дозорной башни еще издали заметили.

Народ к воротам бежит: «Едут! Едут!»

Барабаны застучали, трубы затрубили, все ворота настежь распахнулись, все мосты опустились, знамена развернулись.

Спешат слуги навстречу победителям с хлебом-солью.

Отроки в два ряда выстроились, горящие факелы держат.

За ними простой люд толпится.

А на крыльце жена рыцаря в кругу придворных дам сидит и держит на коленях в пуховом одеяльце дочку, что неделю назад народилась.

Въехали воины во двор. Народ цветы под копыта коней бросает. Рыцарь спешился и по цветам к жене бежит.

— Муж дорогой, у нас дочка народилась! — говорит ему жена, а сама от радости так и светится.

Остановился рыцарь как вкопанный, пошатнулся, закрыл лицо руками и заплакал.

Смолкли гомон и шум. Тихо сделалось, будто вокруг ни души.

Только плач рыцаря в тишине слышится.

«Что такое? — дивится народ.— Видно, с горя, что не сын, а девчонка...»

Отчего храбрый рыцарь горько так плачет, никому невдомек. Ведь только он страшную правду знает. Только он видел, как из колодца жабья пасть выглядывала, как рыжая бородища, точно водоросль, по воде плавала, а рачьи клешни в волосы вцепились и держали крепко, не отпускали. Только он свое обещание помнит:

«Отдам тебе, чего дома не знаю».

Назвали девочку Радуней — ведь она радость в дом принесла.

Плывут по небу облака, струится вода в речке, дни за днями бегут.

Вот Радуня уж на ножки встала, по комнате семенит. А вот и по дорожкам садовым бегает. А там и шерсть мотать помогает матери, с отцом в поле скачет на коне.

Лет с десяток прошло, и Радуня победителей на турнирах награждает и краснеет, как маков цвет, когда рыцарь перед ней на колено опускается.

Вошла Радуня в лета, помолвили ее с рыцарем по имени Радослав.

Назавтра свадьба. В замок гости съехались.

А нынче девичник. В последний раз веселится невеста со своими подружками.

Завтра косу ей расплетут, чепец наденут и среди женщин посадят. Не плясать ей больше, не веселиться с подружками.

На кухне варят-жарят, свадебный пир готовят.

А в особой горнице тетка Радуни с помощницами-каравайницами каравай месит. Месят они тесто, а сами пляшут, песни поют, смеются, шутят.

Потому примета есть: если весело караваю в квашне, если радостно караваю в печи — вся жизнь молодой в радости и веселье пройдет.

Вдруг у ворот шум да крик. Музыка играет, кони ржут, кнуты щелкают — это дружина Радослава за невестой приехала.

Подружки бросили венки плести, перестали петь, плясать, к воротам бегут.

И как древний обычай велит, Радослава от ворот прогоняют. Не хотят ему Радуню отдавать.

Дру́жки жениха за воротами поют:

Отворяй-ка, батюшка, воро́та,
На невесту нам взглянуть охота.
Крепкие запоры отмыкай,
Жениху невесту отдавай.[1]

А подружки хором в ответ:

Замуж наша девица не хочет,
Пусть она в венке еще походит,
Не пришла, видать, ее пора,
Уезжайте с нашего двора.

Опять дружки поют:

Лучше отворите,
А не то мечом
Мы ворота мигом
В щепки иссечем.

Радуня сидит одна в горнице. Слышит песни и улыбается. Знает: ворота не заперты, только палочкой заложены. Толкнется конь мордой, они и распахнутся настежь.

Въедет дружина жениха на двор с криком, с шумом, будто во вражеский замок ворвалась.

А подружки переполошатся и с визгом к Радуне кинутся.

Тут и венки раздавать пора. А венков наплели они с подружками — не счесть! Все стены увешаны. Самый красивый — калиновый, золотой нитью перевитый, серебряными блесточками усыпанный — для любимого жениха.

Радуня одна в горнице.

Окошко настежь раскрыто, под окошком речка журчит, вдоль берега липы цветут. На воде играют лучи закатного солнца, в ветвях гомоздятся птички — на ночлег устраиваются.

Вдруг вспенилась вода в реке, волны о берег ударились. Птицы в страхе разлетелись.

Затрещали кусты, и послышался голос скрипучий, в замке до той поры не слыханный:

— Ква-ква-ква, иди-ка сюда! Ты мне обещана, по доброй воле отдана!

Идет Меднобородый, как утица, вперевалку. Глазищи выпучил, клешни выставил. Идет — рыжей бородой землю метет.

К окну подошел, Радуню клешнями схватил и в реку утащил.

И никто ничего не видал, никто ничего не слыхал.

---

[1] Стихи в сказке перевел Ю. Вронский.

Вбегают дружки в горницу с песней:

Мы ворота крепкие сломали,
На конях на борзых прискакали,
Девице поклон от удальцов:
Наплела ли ты для нас венков?

— А где же невеста?

— Радуня! Радуня!

Ни отзыва, ни отклика.

И стар, и млад, и беден, и богат, сколько ни есть в замке людей — все кинулись невесту искать.

Женщины в горницах ищут, во все углы-закоулки заглядывают.

В саду, во дворе Радуню кличут.

Мужчины на коней вскочили — по окрестным полям, лесам рыщут.

Рыбаки на лодках по реке плывут, баграми дно обшаривают.

Псы ощетинились, рвутся с лаем к реке и в воду ныряют.

Почуяли, видно, куда похититель со своей добычей скрылся.

Где невеста?

Никто не знает, не ведает. Один только отец о страшной правде догадывается.

Засветил он лучину — на полу следы огромных клешней виднеются.

А за раму длинный рыжий волос зацепился, по ветру вьется, молнией сверкает.

— Он, он тут был... В подземное царство ее утащил...

...Долго ли, коротко ли, приплыл Меднобородый в столицу подземного царства.

Привел он Радуню во дворец и говорит:

— Отныне будешь ты моей служанкой. Смотри не вздумай мне перечить, не то несдобровать тебе. Вот тебе на сегодня урок: отмой, отскреби во дворце все лестницы.

На другой день Меднобородый приказывает:

— Вымой во дворце окна все!

На третий день велит он Радуне с крыши ил счистить и украсить ее ракушками.

Что ни день — новую работу задает.

Радуется Меднобородый, что уволок человека в подземное царство и служить себе заставил.

Надулся от важности — того и гляди, лопнет, задрал жабью голову, на весь дворец квакает, клешнями щелкает.

— Хоть у меня ни солнца золотого нет, ни месяца серебряного, как на земле, а ты служить мне должна, воле моей покорятьсся. Вот какой я могучий, ква-ква! — похваляется.

Радуня все его приказания исполняет, не смеет ослушаться.

Спит Радуня на чердаке, объедками на кухне кормится.

В голове у нее шумит, в глазах темно, от непосильной работы руки-ноги отяжелели, словно свинцом налились. Но не плачет она, не отчаивается. Чует сердце: избавление близко.

Сколько прошло времени, не знает Радуня: не всходит и не заходит тут солнце. Тут вечный мрак царит.

Не шелестят тут листья — одна вода журчит. Ни деревца, ни птички не увидишь. За окном диковинный коралловый куст раскачивается да пугливые рыбки проплывают.

Нет тут ни собак, ни кошек. По полу уродливые раки да скользкие угри ползают.

Тоскует Радуня по ясному солнышку, по светлому месяцу, по зеленой травке, по дому родительскому. Да делать нечего, приходится чудище ублажать, приказы его исполнять.

Вот как-то говорит ей Меднобородый:

— Нынче спальню мою хорошенько прибери. Замети, отовсюду сор выгреби, только печку смотри не трогай.

Прибирает Радуня горницу и видит: над ложем чудища коралл висит, на коралле — золотой перстень, на перстне — три серебряных звезды в изумрудном поле.

Радуня пыль с коралла смахивает и с перстня глаз не сводит.

Чудно́ ей: откуда этот перстень тут взялся? Ведь три серебряных звезды в изумрудном поле — их родовой герб, что над воротами замка висит.

Прибирает Радуня горницу, а перстень с серебряными звездами нейдет из головы. Как он тут очутился?

Задумалась она и позабыла наказ Меднобородого печку не трогать. Чистит она топку, золу выгребает, запечье обметает.

А стала поленья в печи укладывать, смотрит — под ними пять веретен лежат.

Вынула их Радуня из печи, обтерла, на полу в ряд положила и говорит:

— Веретенца точеные, что же вы зря в печи пропадаете, пряжу не прядете?

Что за диво! Не успела договорить — веретенца овечками обернулись.

Стоят пять овечек. Одна в одну: беленькие, кудрявые.

Копытцами разом стукнули и говорят человечьим голосом:

— Добрая девушка, ты от злых чар нас избавила. В награду покажем мы тебе дорогу из подземного царства на землю. Бежим вместе с нами! Да перстень возьми с собой! Пока перстень у Меднобородого, ты служить ему должна.

Обрадовалась Радуня, засмеялась, в ладошки захлопала. Перстень схватила и крепко-накрепко завязала в уголок платка.

А как глянула на овечек — опечалилась.

— Как же я за вами поспею? — говорит она.— У вас по четыре ножки, а у меня только две и те еле ходят, тяжелые, как свинцом налиты.

— Не печалься! Только бы нам из дворца на широкую дорогу выбраться.

Бегут овечки из горницы в горницу, копытцами по полу стучат.

А вот и широкая дорога, что под морским дном идет и на землю ведет.

Остановились овечки на дороге, и говорит первая овечка Радуне:

— Садись, мы тебя понесем!

— Встанем рядом, а ты нам на спины, как на белую скамеечку, садись да покрепче держись, не то упадешь,— говорит другая.

А третья молвит:

— Ты худенькая, как пушинка легонькая, такая ноша нам под силу!

— Только бы Меднобородый до времени нас не хватился, морем за нами не погнался да не поймал, как станем на берег выходить,— говорит четвертая.

— На земле он не поймает нас. Где ему на своих утиных лапах за нами угнаться,— говорит пятая.

Встали овечки рядом. Села Радуня им на спины, как на белую скамеечку, и пустились овечки бежать.

Бегут, бегут овечки, а дорога все не кончается, тьма не проясняется.

У Радуни сердце от страха замирает:

«Вдруг дорога на землю не выведет? Придется нам или с голоду помирать, или к Меднобородому возвращаться».

А овечки знай бегут, не останавливаются.

Вот мрак редеть стал, свет впереди забрезжил, а вон и оконце на землю.

В оконце солнышко золотое заглядывает, деревья зелеными ветками машут, с далеких полей запах спелых хлебов доносится...

Выскочили овечки через оконце на землю и помчались от моря прочь. А Меднобородый уже пропажу заметил и море переплыл. Знает он: по суше далеко на утиных лапах не уйдешь.

И плывет вдогонку за беглянками подземными озерами, да реками, да протоками.

Овечки по земле бегут, а Меднобородый под землей за ними гонится, не отстает.

Бегут овечки час и два, бегут третий. Уже солнышко к закату клонится.

А тут озеро на пути, да такое большое — другой берег чуть виднеется.

Как озеро переплыть? Меднобородый вот-вот их догонит.

Радуня на землю соскочила, к солнышку руки протянула и просит:

Солнце, солнце ясное,
Светишь ты на славу!

Перекинь над озером
Золотую лаву!

Услыхало солнце, перекинуло через озеро золотые мостки. Бегут по мосткам пять овечек в ряд, звенит под копытцами золото, брызги во все стороны разлетаются, рыбы в страхе шарахаются.

Вот и другой берег! Бегут овечки, торопятся.

А Меднобородый — раз-два! — озеро переплыл и под землей гонится, не отстает.

Прибегают овечки на край пропасти. Пропасть широкая — не перепрыгнешь, глубокая — дна не видно, и по камням с грохотом бешеный поток мчится.

На землю ночь спустилась. Из-за леса показался месяц и отправился странствовать по небу. Звезды перед ним расступаются, голубыми, зелеными, красными фонариками вслед ему светят.

Как через пропасть перескочить? Вот-вот их Меднобородый догонит.

Радуня на землю соскочила, к месяцу руки протянула и просит:

Месяц, месяц ясный,
Ты король средь звезд!
Перекинь над пропастью
Серебряный мост!

Услыхал месяц, перекинул через пропасть серебряный мосток.

Пять овечек по кладке в ряд бегут, под копытцами серебро звенит, громкое эхо от скалы к скале перекатывается, летучие мыши в страхе в разные стороны разлетаются.

Вот и другой край пропасти! Бегут овечки дальше, торопятся.

А Меднобородый — раз-два! — поток переплыл, что по дну пропасти с грохотом мчится, и опять под землей за беглянками гонится.

Овечки по земле бегут, а он под землей плывет, не отстает.

Овечки из сил выбились.

Что это там впереди темнеется?

Стоит посреди дороги высоченная гора. И снизу на нее не подняться, и сбоку ее не объехать. И ни кустика на ней, ни былинки, даже мох и тот не растет.

Вдруг видят они — стая диких уток летит.

Радуня на землю поскорей соскочила, руки к птичьей стае протянула и просит:

Утки, утки быстрые,
Под сизою тучей!
Одолжите крылья нам,
Чтоб взлететь над кручей!

Услышали дикие утки, по три разделились, подняли вверх по овечке, подняли Радуню и понесли на крыльях.

Через тучи пробились, через горы-скалы перелетели и опустились по другую сторону.

Выставил Меднобородый из-под земли жабью морду, выпучил глазищи. Смотрит — с гор потоки не бегут, не бурлят, не пенятся водопады.

Как через горы перейти?

Делать нечего, стал Меднобородый по отвесным скалам карабкаться. Рыжей бородой за уступы цепляется, клешнями подпирается, зубами за камни хватается.

Да не посчастливилось Меднобородому — сорвался он с половины горы, полетел в пропасть и рассыпался мелким прахом.

Прибежали овечки в замок.

Радуня на землю соскочила и отцу с матерью на шею кинулась.

Заметил рыцарь у дочери свой перстень, схватил его дрожащей рукой и говорит:

— Послушайте, дочка дорогая, жена любимая, расскажу я вам страшную правду, ничего не утаю. Не давала она мне покоя с той минуты, как увидел я тебя, Радуня, у матери на коленях.

И рассказал, как дружина умирала от жажды в пустыне, как он колодец нашел и пообещал чудищу отдать то, чего дома не знает.

— Теперь я стражу расставлю подле каждого колодца, повсюду, где вода есть: на речке, на пруду,— говорит рыцарь.

А Радуня в ответ:

— Не тревожься, отец, и стражу не расставляй, не нужна она больше. Дикие утки видали, сорвался Меднобородый со скалы, упал в пропасть и мелким прахом рассыпался. Видали и мне рассказали.

Тут сыграли веселую свадьбу. И зажили молодые дружно да хорошо в замке Радослава, а белые овечки — с ними.

Любит их Радуня, точно сестер родных.

Рано поутру Радуня с овечками солнышко встречает, а вечером — месяц и диким уткам навстречу выходит, когда они мимо летят. Солнышко за мост золотой благодарят, месяц — за кладку серебряную, а уток — за то, что на крыльях перенесли через горы-скалы поднебесные.

ПОЧЕМУ СОБАКА РЫЧИТ НА КОШКУ, А КОШКА ГУБИТ МЫШЕЙ

Чешская сказка

Властелин всех животных — человек — дал собакам права сопровождать его повсюду, охранять его дом и добро и помогать ему в различных промыслах. Собаки очень гордились этой при-

вилегией, а кошки сильно им завидовали. Наконец кошки собрали совет и постановили отнять у собак эти права. Так и сталось. Кошки выкрали пергамент, на котором были написаны права, спрятали его в кладовой под кучу старого хлама.

Там его увидала мышь, обрадовалась она, побежала к своим сестрам и похвасталась находкой. Мыши стали держать совет: как им поступить, чтобы эти права себе присвоить. Долго не могли они ничего придумать. Но вот самая старшая и мудрая мышь встала и пропищала следующее:

— Сестры! По-моему, лучше всего — съесть эти права. Тогда мы окончательно завладеем ими и никто не сможет отнять их у нас.

Ее предложение понравилось всем мышам. Они тут же устроили славный пир и съели все права до последнего кусочка.

Вскоре у собак была общая сходка, и они попросили хранителя прав предъявить славному собранию грамоту. Хранителю волей-неволей пришлось признаться, что права украдены у него кошками — о чем он уже доведался. Собаки сейчас же набросились на кошек и стали требовать у них свои бумаги. Кошки сначала было отпирались, но собаки не давали им житья. Тогда кошки постановили отдать права. Пошли за ними. Видят: на месте их нет. В хранилище, где были спрятаны бумаги, имели свободный доступ только мыши. Поэтому кошки стали требовать бумаги у них. Но мыши не могли отдать права: по совету старшей сестры они их давно уже съели.

С тех пор собаки ненавидят кошек и всюду преследуют их. А кошки винят в этом мышей и поклялись им отомстить. Вот почему собака рычит на кошку, а кошка губит мышей.

ЗЛАТОВЛАСКА

Чешская сказка

В одной стране — забыл я ее название — был королем злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбу и говорит:

— Купи у меня эту рыбу, король. Жалеть не будешь.

Король покосился на рыбу:

— Не видел я еще такой рыбы в своем королевстве. Ядовитая, что ли?

— Что ты! — испугалась торговка.— Прикажи эту рыбу зажарить, съешь ее — и ты сразу начнешь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь пропищит, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королем на земле.

Королю это понравилось. Он купил у торговки рыбу и, хотя был скупой и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. «Вот теперь,— подумал король и потер костлявые руки,— буду я самым умным на свете и завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги».

Король позвал своего слугу, молодого Иржика, и приказал ему зажарить рыбу к обеду.

— Но только без плутовства! — сказал король Иржику.— Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, отрублю голову.

Принес Иржик рыбу на кухню, поглядел на нее и еще больше удивился: никогда он не видел такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнем, как радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбу. Но против королевского приказа не пойдешь.

Жарит Иржик рыбу и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится, не покрывается корочкой, а становится прозрачной.

«Кто ее знает, зажарилась она или нет,— подумал Иржик.— Надо попробовать».

Взял кусочек, пожевал и проглотил — как будто готова. Жует и слышит тоненькие пискливые голоса:

— И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбы!

Оглянулся Иржик. Никого нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

— Ага! — сказал Иржик.— Теперь я кое-что начинаю понимать насчет этой рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остыла. А за окном идут через двор гуси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

— Куда пойдем? Куда пойдем?

А другой отвечает:

— К мельнику на ячменное поле! К мельнику на ячменное поле!

— Ага! — снова сказал Иржик и усмехнулся: — Теперь-то я понимаю, какая это рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусок рыбы, потом красиво разложил рыбу на серебряном блюде, посыпал петрушкой и укропом и понес блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать все, о чем говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь зверей не такая уж легкая, как думают люди,— есть у зверей и горе и заботы. С этого времени Иржик стал жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржиком на прогулку.

Король ехал впереди, а Иржик — за ним следом. Горячий конь Иржика все рвался вперед. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

— Иго-го! — ржал конь.— Давай, брат, поскачем и перенесемся одним махом через эту гору.

— Хорошо бы,— отвечал ему конь короля,— да на мне сидит этот старый дуралей. Еще свалится и сломает шею. Нехорошо получится — как-никак, а все-таки король.

— Ну и пусть ломает шею,— сказал конь Иржика.— Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалину.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржика:

— Ты чего смеешься, нахал?

— Вспомнил, твоя королевская милость, как сегодня на кухне два поваренка таскали друг друга за вихры.

— Ты у меня смотри! — с угрозой промолвил король.

Он, конечно, не поверил Иржику, сердито повернул коня и поскакал к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржику налить себе стакан вина.

— Но смотри, если недольешь или перельешь — прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжелый стакан. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Летают по комнате и на лету дерутся. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять.

— Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

— Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчесывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

— Отдай! Бей вора!

Воробьи взъерошились и, схватившись, вылетели за окно. Но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как колокольчик. Иржик оглянулся и... пролил вино.

— Ага! — крикнул король.— Теперь прощайся с жизнью, Иржик!

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и веселый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с полу золотой волос, протянул его Иржику и сказал:

— Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилую, если ты найдешь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведешь ее мне в жены. Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржику? Взял он волос, снарядился в дорогу

и выехал верхом из города. А куда ехать, не знает. Отпустил он поводья, и конь поплелся по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой темной пущи. Видит Иржик: на опушке пылает огонь, горит сухой куст. Пастухи бросили костер, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом — муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащат из муравейника свое добро — муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зерна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

— Помоги, Иржик! Спаси! Горим!

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят:

— Спасибо тебе, Иржик. Век не забудем твоей доброты! А если понадобится тебе помощь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в темную пущу. Слышит: жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит: под высокой елью лежат два вороненка — выпали из гнезда — и пищат:

— Помоги, Иржик! Покорми нас! Умираем с голоду! Мать с отцом улетели, а мы еще летать не умеем.

Король нарочно дал Иржику старого, больного коня — настоящую клячу. Стоит конь, ноги у коня трясутся, и видно, что поездка эта для него — одно мучение.

Иржик соскочил с коня, подумал, заколол его и оставил воронятам конскую тушу — пусть кормятся.

— Кар-р, Ир-ржик! Ка-р-р! — весело закричали воронята.— Мы тебе за это поможем!

Дальше пошел Иржик пешком. Долго шел глухим лесом, потом лес начал шуметь все сильнее, все громче, ветер гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

— Моя сеть,— кричал один рыбак,— моя и рыба!

— А лодка чья? — отвечал другой рыбак.— Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали все сильнее, потом засучили рукава, и дело кончилось бы дракой, если бы не вмешался Иржик.

— Бросьте шуметь! — сказал он рыбакам.— Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море. Рыба вильнула хвостом, высунула голову из воды и говорит:

— Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

— Куда шагаешь, добрый человек?

— Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жены красавицу с золотыми волосами. А где ее найдешь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржиком.

— Ну что ж,— говорят,— ты нас помирил, а мы добро помним. Поможем тебе. Красавица с золотыми волосами на всем свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров, а на острове — хрустальный дворец? Вот там она и живет, в этом дворце. Каждый день на рассвете она расчесывает волосы. Тогда занимается над морем такая золотая заря, что мы просыпаемся от нее в своей хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Мы перевезем тебя на остров. Только узнать красавицу почти невозможно.

— Это почему же? — спрашивает Иржик.

— А потому, что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твое, Иржик, трудное.

Перевезли рыбаки Иржика на остров. Иржик пошел прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров.

— Ладно! — сказал король.— Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идет?

— Идет! — согласился Иржик.

— Поди поспи с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с ходу не решишь.

Хорошо спалось Иржику! В окна дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришел к королю. Король подумал и говорит:

— Вот тебе первая задача. Носила моя золотоволосая дочь на шее ожерелье из жемчуга. Оборвалась нитка, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошел Иржик на лужайку, где королевна рассыпала жемчуг. Трава стоит по пояс, и такая густая, что земли под ней не видно.

— Эх,— вздохнул Иржик,— были бы здесь друзья-муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни каких-то крошечных людишек возятся около его ног:

— Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? Погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать к ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал нанизывать их на суровую нитку.

Собрал все ожерелье и понес королю. Король долго пересчитывал жемчужины, сбивался, считал снова.

— Все верно! Ну хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

— Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь и уронила в море золотой перстень. Даю тебе день сроку на то, чтобы ты его достал.

Пошел Иржик к морю, сел на берегу и чуть не заплакал. Море перед ним лежит теплое, чистое и такое глубокое, что даже страшно подумать.

— Эх,— говорит Иржик,— была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на темной воде, и из глубины всплыла золотая рыба.

— Не грусти! — сказала она Иржику.— Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике.— Будь спокоен, я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока наконец не выплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике.

Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил ее и пошел во дворец.

— Ну что ж,— сказал король,— ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мертвой воды. Где ее взять? Пошел Иржик куда глаза глядят, дошел до великой пущи, остановился и думает:

«Были бы здесь мои воронята, они бы...»

Не успел он додумать, слышит: над головой свист крыльев, карканье и видит: летят к нему знакомые воронята.

Рассказал им Иржик свое горе.

Воронята улетели, долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги с живой и мертвой водой.

— Карр, карр, берри и будь ррад! Карр!

Взял Иржик баклаги и пошел к хрустальному дворцу. Вышел на опушку и остановился: между двух деревьев черный паук сплел паутину, поймал в нее муху, убил и сидит сосет мушиную кровь. Брызнул Иржик на паука мертвой водой. Паук тут же умер — сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой. Она ожила, забила крылышками, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А улетая, сказала Иржику:

— На свое счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать Златовласку.

Пришел Иржик к королю с живой и мертвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мертвую воду на старой мыши, что бежала через дворцовую комнату, а живую воду — на

засохшем цветке в саду и обрадовался. Поверил. Взял Иржика за руку, повел в белый зал с золотым потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что Иржик только махнул рукой и опустил глаза — как тут узнать, которая из них Златовласка! На всех одинаковые длинные платья, а на головах — одинаковые белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

— Ну, выбирай,— говорит король.— Угадаешь — твое счастье! А нет — уйдешь отсюда один, как пришел.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит — жужжит что-то у самого уха.

— Ж-и-и-и, иди вокруг стола. Я тебе подскаж-жу.

Взглянул Иржик: летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошел вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щеки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

— Не та! Не та! Не та! А вот эта — она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто еще сомневается, потом сказал:

— Вот золотоволосая королевна!

— Твое счастье! — крикнул король.

Королевна быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у нее по плечам. И сразу же весь зал заиграл таким блеском от этих волос, что казалось, солнце отдало весь свой свет волосам королевны.

Королевна взглянула в упор на Иржика и отвела глаза: такого красивого и статного юноши она не видела ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово — закон. Придется ей идти замуж за старого, злого короля!

Повез Иржик невесту своему господину. Всю дорогу берег ее, следил, чтобы не спотыкался ее конь, чтобы холодная капля дождя не упала на ее плечи. Грустное это было возвращение. Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королевну, но не мог ей об этом сказать.

Старый, сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу, и приказал быстро готовить свадьбу. А Иржику сказал:

— Хотел я тебя повесить на сухом суку за ослушание, чтобы труп твой склевали вороны. Но за то, что ты нашел мне невесту, объявляю тебе королевскую милость. Вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову и похоронить с честью.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая красавица и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Златовласка приложила голову к телу, побрызгала живой водой — голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала

она Иржика второй раз — и он вскочил живой, молодой и еще более красивый, чем был до казни. И спросил Златовласку:

— Почему я так крепко уснул?

— Ты бы уснул навсегда,— ответила ему Златовласка,— если бы я не спасла тебя, милый.

Король увидел Иржика и остолбенел: как это он ожил, да еще стал таким красивым! Король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

— Отруби мне голову! А потом пусть Златовласка побрызжет на меня чудесной водой. И я оживу молодым и красивым.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось. Зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не поможешь. Похоронили короля без слез, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ правителем Иржика,— недаром он был самым мудрым человеком на свете. А Златовласка стала женой Иржика, и они прожили долгую и счастливую жизнь.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро и как король потерял голову.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Словацкая сказка

Было у матери две дочки: одна — родная, другая — падчерица. Родную она очень любила, а падчерицу терпеть не могла, и все из-за того, что Марушка красивей Олены была. Но Марушка не знала о своей красоте, у нее и мысли такой быть не могло: мачеха как только на нее взглянет, так и нахмурится. И она думала, что, наверно, чем-нибудь мачехе не угодила.

Пока Олена то наряжалась да прихорашивалась, то по горнице расхаживала или на дворе прохлаждалась, то на улице разгуливала, Марушка в доме чистила, прибирала, варила, стирала, шила, пряла, ткала, траву для скота косила, коров доила — всю работу делала. А мачеха знай бранит ее да ругается целый день. И не смягчало ее то, что та все терпеливо сносила,— напротив, от этого она обращалась с бедной девушкой все хуже и хуже. А все из-за того, что Марушка с каждым днем становилась все красивей, а Олена — все безобразней.

И подумала мачеха: «Какая мне радость держать красавицу падчерицу в доме? Будут приходить парни в гости, станут влюбляться в Марушку и не захотят любить Олену».

Потолковала она с Оленой, и надумали они такое, что никому другому и в голову бы не пришло.

Однажды — было это вскоре после Нового года, в трескучий

мороз,— захотелось Олене фиалок понюхать. Она и говорит:

— Ступай, Марушка, в лес, набери мне букет фиалок. Хочу его к поясу приколоть: очень мне хочется фиалочек понюхать.

— Боже мой! Милая сестрица, что это тебе в голову пришло? Слыханное ли дело, чтобы под снегом фиалки росли? — ответила бедная Марушка.

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? — закричала на нее Олена.— Ступай сейчас же вон! И коли не принесешь мне фиалок, я тебя убью!

И мачеха выгнала Марушку из дому, дверь за ней захлопнула да на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Снегу там целые сугробы, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали огонек. Пошла она на тот огонек и пришла на вершину горы. Там горел большой костер, а вокруг костра лежало двенадцать камней, и на тех камнях сидели двенадцать человек: трое из них с белыми, седыми бородами, трое помоложе, трое еще моложе и трое совсем молодых. Сидят тихо, молча, неподвижно глядя на огонь. Это были двенадцать месяцев. Январь сидел на самом высоком камне. Волосы и борода у него были белые как снег, а в руке он держал палку.

Испугалась Марушка, совсем от страха помертвела. Но потом набралась храбрости, подошла поближе и попросила:

— Люди добрые, позвольте мне погреться, я дрожу от холода.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Я пришла за фиалками,— ответила Марушка.

— Не время теперь фиалки рвать, кругом снег...— возразил Январь.

— Знаю,— сказала Марушка,— да сестра моя Олена с мачехой велели принести им из лесу фиалок. А коли не принесу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы мне фиалок нарвать?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к самому младшему месяцу, дал ему в руку палку и сказал:

— Братец Март, садись теперь ты наверх, на мое место.

Месяц Март взобрался наверх, на самый высокий камень, и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился вверх столбом, снег начал таять, деревья покрылись почками, под молодыми буками зазеленела трава, и в траве закачались бутоны цветов. Наступила весна. Среди кустарников, укрывшись под листьями, зацвели фиалки. И увидела Марушка, что вся земля словно голубым платком покрыта.

— Рви скорей, Марушка, рви скорей! — стал торопить ее молодой Март.

Марушка обрадовалась, стала рвать фиалки и скоро нарвала

большой букет. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что она спешит домой с фиалками. Отворили они ей дверь, и весь дом наполнился запахом фиалок.

— Где же это ты их нарвала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе, под кустами. Их там видимо-невидимо,— спокойно ответила Марушка.

Олена вырвала букет у нее из рук, прицепила его себе к поясу, стала нюхать сама и матери давала нюхать, но сестре не сказала: «Понюхай».

На другой день сидела Олена у печки, и захотелось ей ягод.

— Ступай, Марушка, принеси мне ягод из лесу.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы под снегом ягоды росли?

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же, и коли ты мне ягод не принесешь, я тебя убью! — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку вон, дверь за ней захлопнула и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. А там сугробы снега стеной стоят, и нигде ни следа человеческого. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит вдали тот же огонек. И опять она, идя на огонек, пришла к костру. Вокруг него опять сидели двенадцать месяцев, и выше всех — Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться, я совсем замерзла,— попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем опять пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Пришла по ягоды,— ответила девушка.

— Да ведь теперь зима, на снегу ягоды не растут,— промолвил Январь.

— Знаю,— печально ответила Марушка.— Да сестра Олена с мачехой велели ягод им набрать. А коли не наберу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы набрать ягод?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к тому месяцу, который сидел напротив него, и сказал:

— Братец Июнь, садись ты теперь на мое место.

Июнь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился в три раза выше, снег в несколько мгновений растаял, деревья покрылись листьями, кругом защебетали птицы, всюду зацвели цветы. Наступило лето. Под кустами стало белым-бело, словно там насыпали белых звездочек, и белые звездочки эти на глазах стали превращаться в ягоды, которые зрели и становились красными.

— Собирай скорей, Марушка, собирай скорей! — стал торопить ее ласковый Июнь.

Марушка обрадовалась и быстро набрала ягод полный передник. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидали, что Марушка спешит домой и ягод у нее полный передник. Отворили ей дверь, и весь дом наполнился запахом ягод.

— Где же это ты их набрала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе, их там видимо-невидимо,— спокойно ответила Марушка.

Олена взяла у нее ягоды и наелась досыта; наелась и мачеха. Но Марушке они не сказали: «Возьми себе ягодку».

Полакомилась Олена, а на третий день захотелось ей уж яблока отведать.

— Ступай, Марушка, в лес, принеси мне яблок румяных,— приказала она.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы зимой яблоки зрели?

— Ах ты гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же в лес, и, коли мне румяных яблок не принесешь, убью! — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку из дому, захлопнула за ней дверь и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Вдруг видит — вдали опять тот же огонек; пошла Марушка на него и пришла к костру. Двенадцать человек — двенадцать месяцев — сидели вокруг словно прикованные, и выше всех Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться. Мороз меня совсем донял,— попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спросил:

— Зачем опять пришла, девица?

— Пришла за яблоками румяными,— ответила девушка.

— Теперь зима. Разве зимой зреют румяные яблоки? — говорит Январь.

— Знаю,— печально ответила Марушка.— Но Олена и мачеха пригрозили, что, коли я не принесу им румяных яблок из лесу, они меня убьют. Очень прошу вас, дяденьки, помогите мне еще раз.

Сошел со своего места Январь, подошел к одному из старших месяцев, дал ему палку в руку и сказал:

— Братец Сентябрь, садись на мое место.

Сентябрь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой. Огонь взметнулся вверх, снег растаял. Но листья на деревьях не распустились, а, пожелтелые, понемногу стали падать на

землю. Наступила осень. Не увидела Марушка ярких цветов, да она и не искала их. Она смотрела теперь только на деревья. И вдруг увидела яблоню, а на ней высоко-высоко на концах ветвей висят румяные яблоки.

— Тряси, Марушка, тряси скорей! — сказал Сентябрь.

Марушка тряхнула яблоню, и с нее упало яблоко; тряхнула другой раз — упало другое.

— Бери, Марушка, бери скорей и беги домой! — крикнул Сентябрь.

Схватила она два яблока, сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда Марушка вернулась. Отворили они ей, и она подала им два яблока.

— Где же это ты их сорвала? — спросила Олена.

— Они растут высоко на горе. Там еще много,— ответила Марушка.

Только она сказала, что их много, как Олена накинулась на нее:

— Ах ты гадкая грязнуха! Почему же ты больше не принесла? Верно, сама по дороге съела?

— Милая сестрица, не ела я ни кусочка. Когда я первый раз дерево тряхнула, одно яблоко упало. Второй раз тряхнула — упало второе. А больше трясти мне не дали. Крикнули, чтоб я домой шла,— сказала Марушка

— А, чтоб тебя нелегкая взяла! — забранилась Олена и кинулась бить ее.

Мачеха не захотела отставать и схватила дубинку. Но Марушка не далась им в руки, убежала на кухню и спряталась где-то за печью. Лакомка Олена перестала браниться и набросилась на яблоко. Другое дала матери. Таких сладких яблок они ни разу в жизни не едали. В первый раз отведали.

— Мама, дай мне сумку, я сама в лес пойду. Эта дрянь непременно все съест по дороге. А я найду то место и все яблоки стрясу, хоть сам черт на меня напустись!

Так кричала Олена, и мать напрасно ее отговаривала. Повесила Олена сумку на плечо, набросила платок на голову, закуталась хорошенько и пошла в лес. Мать только руки ломала в отчаянии от того, что ее дочка задумала.

Пришла Олена в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Бродила Олена, бродила, потому что охота яблочков поесть гнала ее все дальше и дальше,— ну просто мученье! Вдруг увидала она вдали огонек, пошла на него и пришла к костру, вокруг которого сидели двенадцать человек — двенадцать месяцев. Но она не поклонилась им, не попросила пустить ее к костру, а просто протянула руки и стала греться, будто огонь для нее и разведен.

— Зачем пришла? Чего тебе надо? — рассердился Январь.

— Что ты меня расспрашиваешь, старый дурак? Не твое дело, куда хожу, зачем хожу! — отрезала Олена и пошла на гору, словно яблоки там только ее и ждали.

Январь нахмурился и взмахнул палкой у себя над головой. В одно мгновение небо покрылось тучами, костер погас, повалил снег, подул холодный ветер. Олена ничего не видела на шаг перед собой и все больше и больше тонула в глубоких сугробах. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, и, наконец, она упала в изнеможении...

Ждет мать Олену, глядит в окошко, выходит посмотреть за дверь. Проходит час, другой, а Олены все нет и нет. «Что она, от яблок не может никак оторваться, что ли? Пойду сама погляжу»,— решила мать, взяла сумку, закуталась шалью и пошла дочку искать.

Снег валит все гуще, ветер дует все сильней, сугробы стоят, как стены. Шагает она по сугробам, зовет дочь — ни одна душа не отзывается. Заблудилась, сама не знает, куда забрела, ругает Олену. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, упала и она...

А Марушка дома приготовила обед, прибрала в избе и подоила корову. Ни Олены, ни матери все нету.

— Что же это они так долго? — беспокоится Марушка, садясь вечером за прялку. Сидит она за прялкой до поздней ночи, а о них ни слуху ни духу.— Ах боже мой! Что с ними приключилось? — волнуется добрая девушка и с тоской смотрит в окошко.

Там ни единой души — только после утихшей вьюги сияют звезды, земля искрится от снега да крыши трещат от мороза. Печально опустила Марушка занавеску. С утра опять стала ждать их и к завтраку, и к обеду, но так и не дождалась ни Олены, ни матери: обе замерзли в лесу.

После них остались Марушке домик, коровка, садик, поле и лужок возле дома. А пришла весна, нашелся и хозяин всему этому богатству — красивый парень, который женился на доброй Марушке, и они славно зажили в любви и мире. Мир да любовь всего дороже!

ЗОЛОТАЯ ПОДКОВА, ЗОЛОТОЕ ПЕРО, ЗОЛОТОЙ ВОЛОС

Словацкая сказка

Жил-был один крестьянин, и было у него двенадцать сыновей, но самого младшего они никогда не называли братом. Однажды решили все двенадцать братьев искать себе службу и пришли к одному королю.

— Славный, пресветлый король, не примете ли вы нас к себе на службу?

— Отчего бы и нет,— говорит король,— только служите исправно!

Отслужили они у него год. А когда год вышел, король их спрашивает:

— Ну, какую же награду вы себе просите?

— Славный, пресветлый король! Дайте нам по одному волу.

— Ладно,— говорит король,— вон там стадо, выбирайте любых.

Пошли братья в стадо, выбрали себе двенадцать добрых волов и вернулись с ними домой.

— Сбегай,— говорят они самому младшему,— позови отца.

Отец вышел на двор и видит отменных двенадцать волов.

— Ну,— говорит,— видно, исправно вы служили, это мне по душе.

Прошло какое-то время, и опять двенадцать братьев отправились служить. Приходят они снова к этому королю.

— Славный, пресветлый король, не примете ли вы нас опять на службу?

— Отчего бы и нет,— говорит король,— только служите исправно!

Опять отслужили они год. А когда год вышел, король их спрашивает:

— Ну, какую награду вы себе просите?

— Славный, пресветлый король! Дайте нам по одной корове!

— Ладно,— говорит король,— вон там стадо, выбирайте любых!

Пошли братья в стадо, выбрали себе двенадцать отменных коров и опять вернулись домой.

— Сбегай,— говорят они самому младшему,— позови отца.

Отец вышел на двор и видит отменных двенадцать коров.

— Ну,— говорит,— опять вы исправно служили, и это мне по душе.

Теперь у них были и волы, и коровы, и захотелось им еще заработать. Опять отправились они искать себе службу и по старому знакомству зашли к тому же королю.

— Славный, пресветлый король! Хотелось бы нам еще у вас послужить.

— Пожалуй,— говорит король,— только опять служите мне исправно.

И еще год они отслужили. А когда год прошел, спрашивает их король:

— Ну, а теперь что вам дать?

— Славный, пресветлый король! Нам бы по коню на каждого.

— Ладно,— говорит король,— вон там табун, выбирайте любых!

Пошли братья в табун и выбрали себе самых лучших скакунов, только самый младший все ходил среди коней. Взять доброго коня он боялся — еще скинет; взять худого — еще не выдержит его.

Так он и пошел прочь без коня. А там у какой-то лужи пасся один конек, и этот конек говорит ему:

— Янко, возьми меня, я тебе хорошо послужу. А когда придем к королю, будут тебе давать седло самое лучшее; но ты его не бери, а проси седло, которое уже семь лет на чердаке валяется...

Так оно и вышло. Король его уговаривал: мол, бери вот это седло, новехонькое,— а он ни в какую. Ну что же, велел король вычистить старое седло, смазать и отдать младшему брату.

Как выехали они из города, старшие братья сразу далеко вперед ушли. Тут конек спрашивает:

— Янко, как пойдем: как солнце или как ветер?

— Конек мой, так езжай, чтобы ни тебе, ни мне ничего не сделалось.

Один раз встряхнулся конек, и стал вдруг Янко медный, и конек стал медный; не успел Янко опомниться, как оказался в придорожной корчме раньше своих братьев.

Входят братья в корчму, а Янко уже за столом сидит.

— Сам черт тебя, что ли, нес? — прикрикнули они на него.

— Да я-то что,— говорит Янко,— я все потихоньку, да по торной дорожке, а вы бог знает где носились.

А они на него:

— Молчи, дурак! Поехал бы с нами, увидал бы медного принца на медном коне.

А Янко сидит себе да помалкивает.

Вышли они из этой корчмы, и братья его ускакали далеко-далеко вперед. Опять конек спрашивает:

— Янко, как пойдем: как солнце или как ветер?

— Конек мой, езжай так, чтобы ни тебе, ни мне ничего не сделалось.

Конек встряхнулся, и стал Янко серебряный, и конек стал серебряный; обогнал Янко своих братьев и остановился у корчмы.

Приходят братья — Янко за столом сидит.

— Опять тебя черт на себе вез? — накинулись они на него.

— Да я-то что, я все потихоньку, да по торной дорожке, а вы бог знает где носились.

А они на него:

— Молчи, дурак! Поехал бы с нами, увидал бы серебряного принца на серебряном коне.

Янко знай сидит себе и помалкивает.

Собрались в путь одиннадцать братьев и поскакали вперед; а Янко идет себе, еле ноги волочит. За корчмой спросил его конек:

— Янко, как пойдем: как солнце или как ветер?

— Конек мой, так езжай, чтобы ни тебе, ни мне ничего не сделалось.

Конек встряхнулся, и стал Янко золотой, и конек стал золотой. Приехал Янко раньше братьев.

Приходят братья, а Янко у печи сидит.

— Гляньте-ка на него,— удивляются те,— опять он уже здесь! Какой черт тебя домой принес раньше нашего?

— Да я-то что, я все потихоньку, да по торной дорожке, а вы бог знает где носились.

А они на него:

— Молчи, дурак! Поехал бы с нами, увидал бы золотого принца на золотом коне.

Янко сидит тихонько — слово боится сказать.

Отца как раз дома не было, а когда он пришел, то старших похвалил, что кони у них добрые, а Янко выбранил за его паршивую клячу.

На другой день говорят братья отцу:

— Батюшка, мы уже свое отработали, теперь хотим жениться. Все мы от одного отца, поищите же нам невест от одной матери.

Самый старший оседлал своего коня, отец сел на него и поехал искать им невест.

Едет он и видит, как одна старая баба на шести кобылах пашет. Он и спросил ее, нет ли в здешних местах такой матери, чтобы у нее двенадцать дочерей было. А она ему велела ехать дальше: мол, есть такие в таком-то и таком-то доме. А это была старая ведьма, и у нее было двенадцать дочек. Щелкнула она кнутом над кобылами и вмиг оказалась дома.

Вот приходит отец в этот дом, там его встречают, как дорогого гостя, а он просит показать ему невест. Ведьма побежала в конюшню, взяла кнут из-за двери, стегнула каждую кобылу по разу — и стали перед ней двенадцать девок.

— Вон, шкуры,— кричит старуха,— к вам свататься пришли!

И они пошли в избу одна за другой. Отцу девушки понравились, и они тут же сговорились, когда женихам приезжать на свадьбу.

В назначенный день оседлали двенадцать братьев своих коней и поехали за невестами.

Как стали они к тому дому подъезжать, конек и говорит:

— Янко, станут тебя усаживать посреди стола, а ты сядь с краю, отговорись, что тебе, мол, нужно за конями присматривать. Как я копытом стукну — выходи вон! Станут тебя вином потчевать, а ты первую чашу вылей под стол, и сделается у тебя рюмочка, а ты эту рюмочку незаметно сунь в карман.

Янко пошел в избу и все так и сделал. Рюмка у него была в кармане. Конек ударил копытом, и Янко вышел. Говорит ему конек:

— Теперь станут вас угощать супом, а ты первую ложку

зачерпни и вылей под стол. Сделается у тебя щетка. Ты эту щетку подбери и спрячь в карман.

Янко вернулся в избу и все так и сделал. Теперь и щетка у него была в кармане. Конек ударил копытом, и Янко вышел. Говорит ему конек:

— Подадут на стол жаркое, а ты урони первый кусок вместе с вилкой. Сделается у тебя гребень. Старуха почует неладное и нагнется, чтоб тебе эту вилку подать; но ты не зевай и живо спрячь этот гребень в карман. Потом можешь есть смело.

Янко вернулся в избу и все так и сделал. Положил он гребень в карман и теперь уже поел вволю. Когда поели, улеглись все спать, и эти девицы тоже спали в своих постелях. Потом и старая ведьма улеглась.

Конек ударил копытом, и Янко вышел. Говорит ему конек:

— Переложи братьев на место старухиных дочек, а их положи на место братьев. И сам не забудь перелечь!

Только он их местами поменял и сам перелег, как приходит ведьма с мечом — и прямо к жениховским постелям. Намотала волосы на руку и поотрубала головы девицам — а она думала, что женихам. Обрадовалась ведьма, что двенадцать душ загубила, и пошла спать.

Конек ударил копытом, и Янко вышел. Говорит ему конек:

— Разбуди братьев, пусть седлают коней и скачут вперед, а ты останешься дверь затворить.

Братья встали, коней оседлали и поскакали прочь, а Янко остался запереть двери. Когда он двери запер, молвил ему конек:

— Садись на меня, Янко, и, что бы ты по дороге ни увидел, не останавливай меня!

Сел Янко, и, когда они мимо окна летели, он крикнул:

— Баба, баба, старая баба, которая дочек своих загубила, спасибо тебе за ужин!

Вскочила баба-яга со сна, побежала к дочкам — а они все мертвые! Чуть она не лопнула от злости! Села на лопату и пустилась за братьями в погоню. Но те уже были далеко.

— Погоди,— бормочет баба-яга,— ведь я вас сумею придержать!

И забросила вперед золотую подкову.

— Гоп, конек мой,— кричит Янко,— на дороге золотая подкова! Как, поднять мне ее?

А конек ему отвечает:

— Поднимешь — худо; не поднимешь — еще хуже будет.

Янко соскочил и поднял подкову; но пока он с ней возился, стала их баба-яга догонять.

— Плохо дело, Янко,— кричит конек,— бросай на землю гребень!

Янко уронил гребень — сделался густой лес. Пока баба-яга через этот лес продиралась, они уже далеко ушли.

— Погоди, вот я до тебя доберусь! — И бросила ведьма золотое перо.

— Гоп, конек мой,— кричит Янко,— тут золотое перо на дороге! Ну как, поднять мне его или нет?

А конек ему отвечает:

— Поднимешь — худо; не поднимешь — еще хуже будет.

Янко соскочил и перо поднял. И опять их баба-яга догоняет.

— Плохо дело, Янко,— кричит конек,— бросай на землю щетку!

Янко уронил щетку, и сделался колючий терновник; пока баба-яга через кусты продиралась, они опять далеко ушли.

— Погоди, все равно ты от меня не уйдешь! — И ведьма бросила золотой волос.

— Гоп, конек мой,— кричит Янко,— тут золотой волос на дороге! Как, можно мне его поднять?

— Поднимешь — худо; не поднимешь — еще хуже будет.

Пока Янко золотой волос поднимал, ведьма их совсем догнала, вот она уже коня за хвост хватает...

— Янко, плохо дело,— кричит конек,— бросай рюмку!

Бросил Янко рюмку, и сделалось большое море. Пуститься через море ведьма не посмела, пришлось ей вернуться с пустыми руками, а Янко с коньком счастливо вернулись домой. Теперь уже братья не обижали Янко: они были рады, что он их от верной смерти спас. И не ругали его больше, а все к нему «братец» да «братец». Но у Янко все душа болела, что они до этого ни разу не назвали его братом. Простился он с отцом и с братьями, оседлал своего конька и поехал куда глаза глядят — искать себе службу.

* * *

Ехал он, ехал, и наконец показался перед ним город.

— Янко,— говорит конек,— видишь этот город? Там живет король, к нему ты и попросишься на службу. Коли он тебя примет, служи ему верой и правдой. А если что будет не так, ты мне только скажи, я тебе всегда помогу!

Когда они к городу приблизились, конек встряхнулся и сразу стал тощий-претощий, и вся шерсть у него свалялась, словно его двенадцать лет никто не чесал.

Приходит Янко к королю:

— Славный, пресветлый король! Не найдется ли у вас для меня службы?

— Отчего же,— говорит король,— мне как раз еще один конюх нужен.

Дали Янко двенадцать коней, чтобы за ними ухаживать, а конек был тринадцатый и стоял смирно в углу.

Другие конюхи за неделю немало свечей переводили, а

Янко свечей не просил, и кони у него всегда были лучше всех. Король очень этому дивился и бранил остальных конюхов, что они столько свечей переводят, а кони у них все равно хуже. Да и самих конюхов это допекало.

— Постой,— говорят они,— нужно нам разузнать, в чем тут фокус.

И в тот же вечер они углядели в щелку, что у Янко в конюшне золотая подкова светит. Больше им и не нужно было знать. На другое утро приходят они с доносом:

— Славный, пресветлый король! Теперь мы знаем, отчего он свечей не жжет. Ведь у него там есть золотая подкова, она ему и светит.

Как услышал это король, тут же велел позвать Янко.

— Что это у тебя за подкова? — говорит.— Живо тащи ее сюда, а не то велю тебя казнить безо всякого суда!

Пришел Янко в конюшню, обнял конька за шею и горько заплакал. Спрашивает его конек:

— Янко, чего ты плачешь, что с тобой?

— Ах, конек мой, как же мне не плакать, если хозяин велел отдать ему золотую подкову, а не то казнит он меня без всякого суда!

А конек ему на это:

— Я ведь тебе говорил: поднимешь — худо будет; а если б ты ее не поднял, было бы еще хуже. Не плачь, Янко, отдай ему эту подкову!

Янко отнес подкову и подумал было, что теперь его оставят в покое. Но король вдруг возьми и спроси его:

— Откуда у тебя эта подкова?

— Я ее на дороге подобрал там-то и там-то!

Смотрит король, поглядывает то на слугу, то на подкову и наконец говорит:

— Ладно, где ты ее подобрал, до того мне дела нет. Но я тебе вот что скажу: если не приведешь мне коня, который этой подковы лишился, не сносить тебе головы. А приведешь, много денег получишь.

Воротился Янко в конюшню, расплакался и все коньку рассказал.

— Ну-ну, не кручинься, чему быть — того не миновать,— говорит на это конек,— только засыпь мне овса побольше, а завтра тронемся в путь.

Еще только светать начало, а они уже были в пути. Летели они через горы, через долы, и когда прилетели к дому бабы-яги, уже была ночь. Конек остановился и говорит:

— Вот мы и на месте, Янко, и как раз вовремя пришли. Наша старуха сейчас спит, а конь у нее в конюшне стоит. Ты к ней потихоньку войди и вытащи ключи у нее из-под подушки; меч, который с ней рядом лежит, забрось куда-нибудь в угол, конюшню

отопри и веди этого коня сюда. Только будь осторожен и поскорее возвращайся!

Все Янко исполнил в точности: вытащил ключи из-под подушки, меч в угол забросил, конюшню отпер. И даже глаза рукой прикрыл — до того ослепил его золотой конь. Отвязал он его и привел к своему коньку.

— Садись,— говорит конек,— и коня держи крепче!

Янко сел на своего конька, а когда они мимо окна летели, он крикнул:

— Баба, баба, старая баба, которая дочек своих загубила, уводим мы от тебя золотого коня!

Вскочила баба-яга, схватилась за меч, а его нет на месте. Пока она по углам шарила, они уже через три горы перелетели. Только когда они уже у моря были, увидала их баба-яга и закричала:

— Янко, Янко, придешь ли еще ко мне?

— Приду, приду, а ты за ключами получше смотри!

У моря ведьмина власть кончилась, пришлось ей возвращаться с пустыми руками, а Янко привел золотого коня домой.

Очень обрадовался король коню и поставил его в отдельную роскошную конюшню. Своим конюхом он нахвалиться не мог, но о награде и думать позабыл. Хотел было Янко сходить к королю, напомнить, но конек ему сказал:

— Не ходи, потерпи немного.

Свечей Янко и теперь не брал, а кони у него все равно были самые ухоженные.

Король этому очень дивился и бранил остальных слуг.

— Какие же вы,— говорит,— работники? Ведь нет у него больше золотой подковы, и все равно ваши кони хуже, даром вы только свечи переводите.

— Славный, пресветлый король! Да зачем же ему свечи, если у него золотое перо есть!

Повелел король позвать Янко.

— Слышал я,— говорит,— что у тебя золотое перо есть. Неси его сюда, да поживее, а не то велю тебя казнить безо всякого суда!

Пошел Янко в конюшню, обнял конька за шею и залился горькими слезами.

Только и сказал ему конек:

— Если бы ты это перо тогда не поднял, еще хуже было бы. Не плачь, Янко, отдай его королю!

Отнес Янко золотое перо. Смотрит король, поглядывает то на слугу, то на перо.

— Вот что,— говорит он наконец,— золотого коня ты мне привел, а теперь достань мне утку, которая это перо обронила. Если достанешь, получишь полкоролевства, а не достанешь — велю тебя казнить.

Воротился Янко в конюшню, опять плачет, а конек ему:

— Ну-ну, не кручинься, чему быть — того не миновать! Засыпь мне овса побольше, а завтра тронемся в путь.

Еще только светать начало, а они уже были в пути. Летели они через горы, через долы, и когда прилетели к дому бабы-яги, уже была ночь.

— Вот мы и на месте,— говорит конек,— и пришли как раз вовремя. Наша старуха опять спит, а утка у нее во второй комнате, сидит в золотой клетке на двенадцати яйцах и каждый день сносит по одному яйцу. Входи, но смотри не разбуди старуху, потому что ключи у нее на этот раз за поясом! Вытащи их потихоньку, меч, который с ней рядом лежит, поломай и куски по двору раскидай; потом открой тихонько вторую комнату и принеси утку вместе с золотой клеткой! Только смотри, будь осторожен и поскорее возвращайся.

Янко все исполнил в точности. Потихоньку вытащил ключи из-за пояса, меч поломал и обломки по двору раскидал, открыл комнату, подхватил клетку с уткой и вернулся к своему коньку.

— Садись,— говорит конек,— да держи клетку покрепче!

Янко сел на конька, а когда они под окном летели, крикнул:

— Баба, баба, старая баба, которая дочек своих загубила, унес я твою золотую уточку!

Вскочила баба-яга, схватилась за меч, а его нет на месте. Пока она обломки меча по двору собирала, пока к кузнецу бегала, чтобы он их сварил, Янко с коньком уже через пять гор перелетели. Только когда они уже у моря были, увидела их баба-яга.

— Янко, Янко, придешь ли еще ко мне?

— Приду, приду, а ты за ключами получше смотри!

У моря ведьмина власть кончилась, пришлось ей возвращаться с пустыми руками, а Янко вернулся домой с золотой уткой.

Король очень обрадовался утке с золотыми яйцами и повесил ее клетку над своей постелью. Янко он похваливал и по плечу похлопывал, но о том, что обещал ему полкоролевства, и думать забыл.

Хотел было Янко напомнить королю, но конек ему отсоветовал:

— Не ходи, потерпи немного.

По-прежнему Янко ходил за двенадцатью конями, а конек его был тринадцатый и стоял в углу.

Свечей он и теперь не брал, и все же его кони всегда были самые ухоженные. Король только диву давался, а другие конюхи затаили на Янко зло, потому что король их бранил.

— Какие же вы,— говорит,— работники? Ведь нет у него ни золотой подковы, ни золотого пера, и все равно ваши кони хуже, и свечей на вас никак не напасешься!

— Славный, пресветлый король, да зачем ему свечи, если у него есть золотой волос!

Король тут же велел позвать Янко.

— Что у тебя там за золотой волос? — говорит.— Неси его сюда сейчас же, не то велю тебя четвертовать!

Пошел Янко в конюшню, обнял конька за шею и горько заплакал. Спрашивает его конек:

— Янко, что ты все плачешь, что с тобой?

— Ах, конек мой, как же мне не плакать, ведь хозяин велел мне отдать золотой волос, а не то он велит меня четвертовать!

И опять конек ему сказал:

— Если б ты этот волос тогда не поднял, еще хуже было бы. Не плачь, Янко, отдай ему золотой волос!

Отнес Янко золотой волос. Смотрит король, поглядывает то на слугу, то на этот волос и наконец говорит:

— Вот что. Золотого коня ты мне достал, есть у меня и золотая утка, а теперь ты должен привести ко мне ту, которая этот волос обронила. Сделаешь это — отдам тебе все королевство; а если не сделаешь, велю тебя казнить.

Воротился Янко в конюшню и все коньку рассказал, а тот ему говорит:

— Ну-ну, не кручинься, чему быть — того не миновать! Засыпь мне овса побольше, а завтра тронемся в путь.

Еще только светать начало, а они уже были в пути. Летели они через горы, через долы и когда прилетели к дому бабы-яги, тьма была такая густая, хоть ножом ее режь.

— Вот мы и на месте, Янко,— говорит конек,— и пришли как раз вовремя. Наша старуха уже спит, а золотая девица у нее в третьей комнате за стеклом. Войдешь потихоньку, но теперь достать ключи не так-то легко: ведьма держит их в зубах, а если она проснется — беда будет. Если сможешь, потихоньку вытащи ключи у нее из зубов, меч поломай на куски и в окошко выкинь. Потом отопри третью комнату. Бояться тебе нечего, потому что девица охотно пойдет с тобой. Но не вздумай ее поцеловать, а не то нам худо придется.

Янко все исполнил в точности: ключи потихоньку вытащил у ведьмы из зубов, меч поломал и в окошко выкинул, а потом отпер третью комнату. Золотая девица сияла словно красное солнышко, а когда он вошел, она приветливо ему улыбнулась. Подбежал он к ней и чуть было ее не поцеловал, но потом опомнился: вспомнил слова своего конька, взял ее за правую руку и привел к коньку.

— Молодец, Янко,— говорит конек,— а теперь садитесь оба!

Сели они на конька, а когда под окном пролетали, Янко крикнул:

— Баба, баба, старая баба, увел я от тебя золотую девицу!

Вскочила баба-яга, схватилась за меч, а его нет на месте. Пока она на улице куски собирала, пока к кузнецу бегала, они уже через семь гор перелетели. Когда они уже у моря были, увидела их баба-яга.

— Янко, Янко, придешь ли еще ко мне? — кричит она им вслед.

А он ей в ответ:

— Нет, не приду больше, живи себе спокойно!

Услышала баба-яга, что он больше к ней не придет, и разлилась от злости лужей дегтя.

А конек с Янко и золотой девицей счастливо вернулись домой.

Король на радостях ног под собой не чуял и сразу задумал сыграть свадьбу. А она нет и нет: мол, только за того она пойдет, кто ее освободил. Король к ней по-всякому — и по-доброму, и по-злому, но она и видеть его не хотела.

Рассвирепел король и задумал черное дело: решил он Янко казнить. Он думал, что если Янко не станет, то девица скорее за него пойдет. И он велел передать Янко, что в такой-то день суждено ему умереть, но он, мол, волен выбрать себе такую смерть, какую сам пожелает.

Услышал Янко эту злую весть и со страху чуть с ног не свалился. Горевал он и плакал, бедняга, словно малый ребенок, и все приговаривал:

— Вот и дождался я награды, вот и дождался!

Тут конек отозвался из угла:

— Янко, что ты опять плачешь, что с тобой?

— Ах, конек мой, ты еще спрашиваешь! Король велел передать мне, что в такой-то день суждено мне умереть, только смерть свою я волен выбрать.

— Да, это уже не шутка,— говорит конек,— но не горюй, мы и с этим делом справимся. Скажи, чтобы вскипятили молоко в большом котле и тебя в нем сварили. И попроси, чтобы перед смертью тебе позволили со мной попрощаться.

На другой день призвал король к себе Янко.

— Ну,— говорит,— что ты надумал?

Отвечает ему Янко:

— Раз уж я должен умереть, сварите меня в котле молока.

И вот уже варят молоко в котле, и рядом стоит печальный Янко.

— Ах,— говорит,— об одном лишь прошу: приведите сюда моего конька, чтобы я с ним простился.

Король сказал: «Ладно», и конька привели.

Молоко вскипело, и Янко должен был прыгнуть в котел. Но тут конек вдохнул в себя весь жар из молока. Прыгнул Янко в молоко и стал весь золотой.

Увидал это король, закричал:

— Вылезай оттуда, да поживее!

Янко выскочил из котла, а король в него прыгнул. Тут конек выдохнул весь жар назад в котел, король обмер и сварился.

А золотая девица вышла замуж за Янко, которого теперь выбрали королем. С тех пор и ему жилось хорошо, и его коньку.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЗВЕРЬ

Венгерская сказка

Жили в лесу медведь да волк. Год выдался никудышный, засушливый, голодно им пришлось. Давно уж стали они, каждый в одиночку, подумывать: вот было б славно к людям наведаться, вокруг их чуланов да конюшен покружить.

Повстречались однажды волк с медведем.

Медведь говорит:

— С добрым утром, кум волк!

Волк ему отвечает:

— Недоброе для меня это утро, кум медведь, и от твоих пожеланий оно добрым не станет, но — будь здоров, будь здоров!

— Ох, какой ты нынче унылый! Или беда приключилась?

— И не спрашивай,— отвечает волк.— Беда, говоришь, приключилась? Еще как приключилась и по сю пору не кончилась.

— Видно, голоден ты? — спрашивает медведь.— Вон как у тебя живот подвело, талия прямо комариная.

Вздохнул волк:

— Голоден-то я голоден, да если б только это!

Тут медведь оглядел волка внимательней. И говорит ему:

— Эк у тебя шуба-то разодрана! Видно, с родичем каким подрался?

Волк только лапой махнул.

— Если б с родичем! С человеком!

Засмеялся медведь.

— С человеком? Всего-то?

Волк глаза на него вытаращил:

— Всего-то?! Да ведь сильней его зверя нет!

Засомневался медведь.

— Расскажи, кум, как дело было?

Огляделся волк вокруг да и говорит:

— Ладно, все тебе расскажу. Невмочь стало мне голод терпеть, и вот ночью прокрался я в село, думал барашка жирного либо поросенка раздобыть. Уж так осторожно шел, но собаки дух мой почуяли, лай подняли на весь свет. И тут выскочил человек, туда-сюда, и давай своим хвостом блестящим размахивать — они-то его топором называют,— да ка-ак в голову мне швырнет! Так и подкосил. Сам не знаю, как ноги унес.

Дивится медведь:

— Человек с тобой сладил? Ну и ну! Да ведь он слабак!

А волк ему:

— Говорю тебе, нет на свете зверя сильнее!

Медведь тут приосанился, напыжился.

— Вот что я скажу тебе, кум. Человека я, правда, не видывал, но, если бы повстречался, в миг разодрал бы его, вот как этот куст.

— Против куста геройствовать-то легко,— с усмешкою говорит ему волк.— А вот как на его месте человек оказался бы! Право, не знаю, что б ты делал тогда.

— Зато я знаю,— самодовольно проворчал медведь.— Уж я такое сделал бы, что он тут бы и дух испустил.

— Я б тебе поверил, да что-то веры нет! — ответил ему волк с издевкою.

Медведь так и вскипел:

— Спорим!

Волк ему лапу протягивает:

— Спорим! На что?

— На зайца жирного! — говорит медведь, сомнения в уме не держа.

На том и поладили.

Вышли они из лесу осторожно, с оглядкою, затаились у проселка, по которому деревенские ходят. Ждут-пождут. Вдруг на дороге мальчонка показался.

Медведь спрашивает:

— Вот это и есть человек?

А волк ему отвечает:

— Это пока не человек. Он только будет еще человеком.

Опять сидят, ждут. Навстречу им старик нищий идет.

Медведь волка спрашивает:

— Но уж это небось человек?

Волк его поучает.

— Этот,— говорит,— только был человеком.

Сидят, ждут. Смотрят, в их сторону молодушка-крестьянка идет.

— Вот это уж человек! — рокочет медведь.

А всезнайка волк ему объясняет:

— Нет, брат, это только его подруга.

Опять сидят, опять ждут волк с медведем, и вот шагает им навстречу молодец-гусар.

— Ну а этот? — спрашивает медведь.— Человек ли?

— Это уж и вправду человек! — отвечает волк да как припустится наутек, только пятки засверкали!

А медведь напыжился, расфасонился да и вылез на проселок, сел, гусару путь загородил.

Увидел гусар медведя, в руку поплевал, вынул поперву пистолет. Бах-бабах в медведя! Потом, не долго думая, выхватывает он саблю острую и бесстрашно на медведя бросается. Вертит гусар саблею, да так ловко, что медведю и не подступиться к нему. Не выдержал гусарской атаки медведь, терпел-терпел, повернулся и — давай бог ноги! Помчался, не глядя, куда дорога ведет, через пни да кусты, по оврагам да буеракам, лишь бы в лес поскорей.

Скоро опять повстречались волк с медведем.

Волк говорит:

— Ну что, кум медведь, мой заяц-то?

Медведь ему угрюмо так:

— Твой, твой! Да, теперь я верю, что сильней человека зверя нет.

А волк ему:

— Расскажи, куманек, как дело было.

Ну, медведь-то теперь ума-разума набрался, говорит рассудительно:

— Ладно, слушай же! Эдакого странного зверя я за всю мою жизнь не видывал. Как повстречались мы с ним на дороге той, ну, я и пошел на него с воем да с рыканьем. А он, веришь ли, ка-ак в меня плюнет, еще издали, у меня прямо искры из глаз посыпались. Но только это еще полбеды! А вот когда я близко к нему подошел и совсем уж было на него кинулся, вытянул тут человек сбоку свой язык сверкающий и как принялся им меня колотить! Да ведь ловко как, а язык-то острый-преострый! Из-за него мне к самому человеку и не подступиться... Вот так-то, кум волк, прямо тебе скажу: долго я этого и не выдержал — стыд не стыд, а только задал я стрекача!

ОХ ХОХО

Венгерская сказка

Жил однажды бедняк, и был у него сынок маленький. Очень они были бедные. Бедняк едва-едва зарабатывал семье на пропитание.

Когда мальчик подрос и набрался ума, сказал он отцу:

— Хочется мне, батюшка, по свету побродить, работу себе поискать.

— Ох, сынок,— ответил отец,— молод ты еще.

— Ничего, батюшка, сколько смогу, столько и наработаю.

— Что ж, сынок, ступай, коли так,— говорит отец.— Голько жалею я тебя, уж больно ты молод.

Испекла мать пышку в очаге, прямо на жару подовом, положила пышку в котомку, сыночку на дорогу.

Распрощался сын с отцом-матерью, поклонился за то, что растили его, уму-разуму наставляли. И отправился в путь-дорогу. Шел он и шел, покуда не проголодался.

Встретился ему на пути родничок. Подумал паренек: вот здесь славно будет присесть да поснедать. Открыл он котомку, вынул пышку, пополам ее разломил. Половину съел, а другую половину не тронул. Он-то и целиком ее съел бы запросто, да подумал: эдак назавтра ничего не останется. Поевши, встал он и подошел к роднику напиться. А так как был он все-таки голоден, то и вздохнул в шутку вроде бы:

— Ох-хохо!

И только он это вымолвил, выскакивает из родничка крошечный человечек, а борода у него длинная-предлинная.

— Ты меня звал, сынок, так вот он я.

— Ох, отец, не звал я тебя, даже не знал, что здесь ты.

— Как это не звал! — отвечает ему человечек.— Ты меня по имени кликнул: «Ох Хохо!» — вот я и явился.

— Да ведь я просто так сказал «ох-хохо!» — голоден я, мол, вот и все.

— Ну ладно. Куда путь держишь? — спросил Ох Хохо.

— Вот надумал службу себе поискать.

— Да хоть ко мне нанимайся, возьму. Только сразу скажу: платить тебе ничего не стану. Что сам найдешь — только то и твое.

— Что ж, согласен,— отвечает ему паренек.

И пошли они в глубь леса. Далеко уж зашли, глядь, а там дом стоит.

— Вот здесь я и живу. Входи, паренек.

Навстречу им девушка вышла, из красавиц красавица.

Старик говорит:

— Вот тебе, дочка, мальчонка. Сдаю с рук на руки. Остальное знаешь сама.

Ушел старик.

Девушка взяла мальчика за руку, не спросила даже, голоден ли, не устал ли с дороги, сразу в дом его повела, в громадный казан посадила и огонь под казаном развела. Потом из крутого кипятка мальчонку в кадку с холодной водой окунула. Вышел парнишка оттуда в сто раз красивей, чем был. Девушка его спрашивает:

— Говори, паренек, чему обучился?

— А вот чему: перевернусь разок через голову, оборочусь конской подковою!

Опять схватила девушка мальчика, опять в казан с кипящей водой бросила. А потом, как и в первый раз, в кадку с холодной водой окунула. Выскочил паренек из воды, еще краше стал.

— Ну а теперь чему научился?

— А теперь вот чему научился: перевернусь разок через голову, оборочусь гвоздиком, чтоб подкову подбить!

Тогда девушка в третий раз мальчонку в казан бросила и потом опять в холодную воду окунула. Выскочил мальчик из воды красавцем писаным.

— Ну-ка, говори, паренек, чему теперь выучился?

— Вот чему я выучился: через голову разок кувыркнусь — белым голубем оборочусь!

— Ну так вот, паренек, завтра твоей службе конец. Слушай же меня внимательно. Завтра вернется домой мой отец, станет тебя спрашивать, чему научился, мол. А ты ему скажи: я многому научился. Вот через голову перекувыркнусь — и подковою обернусь. Другой раз перекувыркнусь — гвоздиком стану, чтоб под-

кову ту подковать. А еще раз перекувыркнусь — в бела голубя превращусь. Он-то спросит тебя, чему еще научился, но ты знай помалкивай. И еще другое тебе скажу. Завтра воскресенье будет, и придет за тобой отец твой. А мой отец, по обычаю своему, сделает так: рассыплет он гречку по двору, и слетится во двор голубей белых видимо-невидимо, поболе тыщи. И ты среди них будешь. Тогда мой отец скажет твоему: «За сыном пришел, говоришь? Ну что ж, отыщи среди голубей этих своего сына. До трех раз отыщешь — домой забирай. Но если и на третий раз ошибешься, все они так и останутся белыми голубями». Но тебя я научу, как быть, и отцу твоему все объясню, только ты у самых ног его скакать норови. Тогда он узнает тебя, и ты вернешься домой. Эти-то голуби оттого и остались все голубями, что родители не признали их.

Поблагодарил мальчик добрую девушку.

На другой день Ох Хохо домой пожаловал. Стал он мальчика выспрашивать, но он в точности так отвечал, как дочь Ох Хохо наказывала. Вот понесла девушка обед в дом, а на пороге отец мальчика стоит, спрашивает, где сынок его. Девушка громко ему отвечает:

— Теперь его нет здесь, но вот-вот придет.

А сама тихонько шепнула бедняку, на какого голубя указать, чтобы сына вызволить.

Ну, отобедали, вышел Ох Хохо во двор, спрашивает:

— За чем пожаловал, почтенный?

— Я за сыном моим пришел.

Метнулся Ох Хохо в дом, вынес миску с гречкою. Высыпал гречку на землю, свистнул громко, и в один миг со всех сторон во двор голуби слетелись — шагу негде ступить. И все одинаковы, все белы! Да только отец мальчика знал уже, на которого указать, чтобы сына угадать. Показал он, как надо: вот, мол, сын мой!

— Ну, твое счастье, что угадал,— говорит Ох Хохо,— не то остался бы он у меня навсегда. Что ж, твоя взяла. Сейчас перевернется он через голову и станет опять мальчиком, краше чем был.

Так и случилось. Обрадовался сыну отец, и отправились они вместе домой. Но по дороге отец призадумался, затужил. Господи, господи, худо бедняку: ну чем он сыночка родимого накормит? Нет в доме и крошки завалящей.

Да только сын угадал его мысли. Спрашивает отца:

— Что закручинились, батюшка?

— Да вот беда какая, сынок, нечем мне тебя и попотчевать.

— Об этом не печальтесь,— отвечает ему сын.— Я сейчас через голову перекинусь и обернусь красавицей собакой — легавой золотой масти. Ошейник на мне будет из золота, застежки на ошейнике брильянтовые, вместо поводка — золотая цепочка. А вы идите себе и меня ведите. Вскоре мы повстречаемся с каре-

той. И будут в той карете сидеть четыре барина. Они вас спросят: куда, мол, путь держите? А вы скажите, что на ярмарку собаку ведете. «А сколько ж вы за нее просите?» — скажут господа. А вы им: золота, мол, корзинку. Одно только помните крепко: собаку продайте, а ошейник не продавайте, в карман себе положите.

Только он это вымолвил, как тут же через голову кувыркнулся и обернулся такой красивой легавой, что и отец залюбовался, глаз оторвать не мог. А тут как раз и карета показалась, навстречу им катит. В карете четыре господина сидят. Увидели они чудо-собаку, остановили карету. Спрашивают бедняка:

— Куда ты ведешь собаку? Экая ведь красавица!

— Да вот на большую ярмарку иду, продать хочу.

— А сколько ж ты за нее просишь?

— Она корзинку золота стоит, как отдать.

— Но уж с цепочкой и ошейником вкупе?

— Нет. Их не продаю, только собаку.

— Да куда ж я с собакой, добрый человек, ежели ты с нее ошейник с цепочкою снимешь?

— Этого добра в любой лавке довольно.

Отвалили ему баре золота, сколько просил.

— Ну, давай сюда собаку!

Взяли они собаку в карету, везут, радуются. А бедняк котомку с золотом на спину закинул, идет себе по дороге, не торопится. Баре в карете и полкилометра не проехали, как наперерез им заяц скачет. Собака его увидела, рваться стала. Но хозяин крепко держал ее. Остальные трое говорят ему:

— Отчего ты не отпустишь собаку? Ей же до смерти хочется зайца словить.

— Э, нет, не отпущу! Убежит она, только я ее и видел.

— Не убежит. Это ж охотничья собака, ученая. Вернется, да еще с зайцем.

До тех пор уговаривали, пока не отпустил хозяин собаку. Выскочила легавая из кареты, бросилась вслед за зайцем под крыжовенный куст. Ждут-пождут господа, не возвращается собака. Уж они свистели, кричали — нет ее нигде.

— Ну, что я говорил? — сердился хозяин.— Не надо мне было ее отпускать, она этих мест не знает, как найдет дорогу обратно?

Выскочили господа из кареты. Ищут-рыщут — нет собаки! Наконец тот, кто купил ее, надумал повернуть назад, вдруг да собака к старому своему хозяину воротилась! Сели они опять в карету, пустились за бедняком вдогонку. Скоро его и нагнали. Тот себе идет тихо-мирно, рядом с ним мальчонка шагает. Покричали ему господа: не видал ли собаку?

— Да как бы я ее видел, коли давеча вам продал? А где ж она, куда подевалась?

— Да вот заяц нам дорогу перебежал, собака бросилась за ним и как в воду канула. Я было подумал, за вами она побежала.

— Нет, я ее не видел,— сказал бедняк.

Ну, господа в карете своей дорогой поехали, за собакой вдогонку, да только напрасно спешили: исчезла легавая. А бедняк с сыном домой пошли, и зажили они с той поры припеваючи.

Однажды отец говорит:

— Хорошо бы, сынок, на ярмарку сходить.

— Хорошо бы. Ну что ж, деньги у нас есть, пойдемте, батюшка.

Пошли они на ярмарку. Сын по дороге и говорит отцу:

— Вот что, батюшка, перевернусь я сейчас и обернусь скакуном золотой масти. Да с нарядной уздечкой. Возьмите вы меня за узду и ведите на ярмарку продавать. Вас сразу обступят торгаши, барышники, станут спрашивать, сколько вы за коня своего просите. Скажите им: «Две корзинки золота» — и не уступайте. Только уздечку нипочем не продавайте, твердите одно: «Коня продаю, а уздечка не продажная». Потому как, если и уздечку продадите, мне уж к вам не вернуться.

Так и сталось. Обернулся сын бедняка скакуном золотой масти, да таким красавцем, что нельзя было глаз отвести. Пришли они в город. Сбежался народ, дивится, такого красивого скакуна здесь и не видывали.

— Сколько же стоит этакий скакун? — спрашивают.

— Как отдать, две корзинки золота ему цена.

— Что же,— говорит покупатель,— но только вместе с уздечкой.

— Нет, уздечку не продаю. Не продажная.

А покупатель не отстает:

— Всегда лошадей продают с уздечкой.

— А я не продаю. Нравится, берите так, а на нет и суда нет.

Долго они торговались, пока не дошел их торг до ушей Ох Хохо. Он в том самом городе проживал. Сразу сообразил Ох Хохо, что это за конь такой. Очень он рассердился: «Ну погоди, пес-разбойник, соврал ты мне, сказал, что только и научился подковой да гвоздем оборачиваться. Меня провести вздумал? Ну так я ж тебя проучу!»

Подошел Ох Хохо к толпе, где коня того торговали. Там все еще рядились. За уздечку особо денег сулили. Тут как раз и подоспел Ох Хохо.

— Получай две корзинки золота,— говорит бедняку,— но только с уздечкой вместе.

— Нет, уздечку не продаю,— и ему отвечает бедняк.

— Опомнись! Где это видано, чтобы лошадь без уздечки продавали?

— Кто хочет, пусть продает с уздечкой. А я не стану.

Так и торговались они, пока не посулил Ох Хохо за уздечку еще одну корзинку золота.

— Нет, не продам я!

— А я никому не уступлю коня,— стоит на своем Ох Хохо.

Словом, измором взял, продал ему бедняк и уздечку. Ох Хохо тотчас коня слуге передал, велел в конюшню свести да привязать покрепче. А бедняк с кучей денег домой побрел. Очень он горевал, что нет у него больше сына, да что было делать!

Ох Хохо тоже домой пошел.

— Ну, погоди у меня, пес-разбойник! Обманул ты меня, но уж я тебя проучу!

Говорит он слуге своему:

— Этому коню, коли сена попросит, воды дай. А когда попросит воды, ячменя брось,— словом, что б ни захотел, ты все наоборот делай.

— Слушаюсь, хозяин. Как приказали, так и сделаю.

А по городу только и разговоров, что про коня Ох Хохо. Люди в один голос твердят: на свете нет скакуна красивее.

Город тот королевским городом был, сам король проживал в нем. А сын его как раз надумал жениться, решил взять за себя дочку другого короля, того, чей город по другую сторону моря стоял.

Вот и говорит королевич отцу своему:

— Слышал я, есть у Ох Хохо конь невиданный, золотистой масти. Надо бы на время взять у него коня. Хочу на нем невесту свою прикатить.

— Ступай, сынок,— говорит король,— попроси, может, и даст он тебе, да только очень уж дрожит Ох Хохо над скакуном своим.

— Ну, я все ж пойду, попытаю счастья.

Пошел королевич к Ох Хохо, просит дать ему коня на время.

— Эх, королевич, много ты захотел, ваше высочество, никому другому я бы того коня ни за какие деньги не отдал. Но, как есть ты королевский сын, отказать тебе не хочу, и коня ты получишь. Только одно условие тебе ставлю: чтоб ни капли воды не дал ему выпить!

— Ну что ж,— говорит королевич,— коли приказываешь не давать, так я и не дам.

Вывели скакуна во двор, оседлали; королевич вихрем к отцу помчался.

— Видишь, король-батюшка, дал-таки он мне коня. Наказал только не поить его, как бы ни просил он воды.

Тотчас созвали всех, кому следовало королевича на смотрины сопровождать. Гурьбой пошел свадебный люд на пристань, все на корабль сели. А королевич решил верхом на коне море переплыть. Бедный конь совсем от жажды измучился, да только не позволил ему королевич выпить водицы ни капельки.

Долго ли, скоро ли — переплыл море конь. Отправился коро-

левич со свитою в королевский город, к королю. Услыхали там, кто к ним пожаловал, приняли жениха с великими почестями. «Видать, отец его богач несусветный, коли этакого скакуна держит»,— подумал король.

Сыграли свадьбу. Все к столу сели, ели-пили, гуляли.

— Ну что ж,— сказал наконец королевич,— пора и домой, путь-то неблизкий.

Сели они с невестой в седло, на коня. Остальные гости опять на корабль взошли. Как выплыли в море, конь посреди моря очень пить захотел. Да только королевич все за узду его дергал, не давал голову опустить, водицы испить. Смотрела на это невеста, смотрела, на третий раз не выдержала.

— Жестокий ты человек,— говорит она королевичу,— нет у тебя сердца. Да неужто не жалко тебе это бедное животное! Воды ему пожалел! Или мало ее в море этом?

Конь опять к воде потянулся, пить хочет, но королевич опять за узду дернул, не дал. Тогда невеста и говорит ему:

— Назад поворачивай, слышишь, вези меня к отцу во дворец. Хоть мы с тобой обвенчались, все равно я женой твоей нипочем не стану!

Испугался королевич, что невеста его покинет. И позволил лошади напиться. Всего только два глотка и хлебнул скакун, и в тот же миг обернулся он золотою рыбкой. Королевича с невестой в воде оставил.

Но Ох Хохо мигом прознал, что конь его в золотую рыбку превратился. Тотчас и он сам через голову перевернулся, голубем стал. Полетел к морю стрелой, там опять через голову кувыркнулся и обернулся громадным китом. Погнался кит за рыбкой, вот сейчас поймает. Да только золотая рыбка на берег выкинулась и в белого голубя превратилась. Но тут и кит из воды выпрыгнул, перевернулся через голову, сарычом стал. Погнался сарыч за голубем. Летит бедный голубок, торопится.

Прилетели они так в город, то другого государства город был, и тоже стоял там дворец королевский. И в этот самый час на седьмом его этаже сидела у окошка королевская дочка. Увидела она, что сарыч голубя догоняет. Ой, вот почти и поймал уж! Открыла она окошко: вдруг да залетит голубок! А он и вправду в окно влетел. Королевна быстренько окошко захлопнула, только-только успела — сарыч уж был тут как тут. Голубь на плечо королевне сел, дух перевести. Слышит королевна, как сердечко голубиное бьется, пожалела его, к себе прижала: не отпущу, мол, тебя, никому не отдам, велю сейчас клетку принести, в клетке у себя держать буду. А сама его сахаром потчует, кормит птаху малую. И тут голубок через голову вдруг кувыркнулся и обернулся королевичем красоты невиданной.

— Скажи, королевна,— говорит он ей,— по сердцу ли я тебе?

— По сердцу, еще как по сердцу!

— Тогда послушай меня,— говорит он.— Я сейчас опять перевернусь через голову и стану золотым колечком. Надень ты колечко это на палец. Скоро здесь объявится каменщик, он придет к королю и скажет: нет лучше меня каменщика во всем свете. Твой отец и наймет его. А когда он кончит работу, король спросит, сколько ему за труд полагается. Каменщик ответит ему: «Ничего мне не нужно, кроме того кольца, что твоя дочка на пальце носит». Но ты кольцо не отдавай, если желаешь моею стать.

Так все и было. Явился каменщик, сказал, что он лучший каменщик в целом свете и пусть, мол, король даст ему работу. Поручили каменщику королевские печи подправить. Скоро каменщик кончил дело и пошел к королю.

— Что ж тебе следует за работу твою? — спрашивает король.

— Ничего мне не нужно, кроме того кольца, что твоя дочка на пальце носит.

Смутился король. Неужто у него, короля, не найдется, чем с каменщиком расплатиться? У дочери кольцо отбирать?!

— Эдак мне совестно поступить,— говорит король.— У меня и золота и серебра хватает. Говори же, чего пожелаешь?

— Ничего мне не нужно, кроме того кольца,— отвечает каменщик.

Пошел король к дочке, просит колечко отдать.

— Ну нет, ни за что не отдам,— говорит королевна.

— Отдай, дочка, кольцо, очень тебя прошу. А я прикажу, чтобы сделали тебе колец, каких только хочешь, на каждый пальчик по колечку. Лишь бы мне от этого каменщика избавиться.

Королевна на своем стоит:

— Нипочем не отдам колечка злому каменщику, никому не позволю над собой посмеяться!

Вернулся король к каменщику, говорит ему:

— Зачем дочери моей горя желаешь? Дам я тебе золота блюдо целое. Или что другое возьми, не откажу.

— Не нужно мне твоего золота, ни одно блюдо, ни два, ни десять. Мне то кольцо надобно.

Рассердился король. Говорит дочери:

— Сей же час отдай кольцо! Лишь бы убрался отсюда этот каменщик. Сказал ведь: велю сделать тебе любое колечко, какое пожелаешь.

Заплакала королевна.

— И не совестно вам, батюшка, эк у вас на мое колечко глаза разгорелись! — в сердцах сказала она отцу.— Что ж, забирайте, коли так! — И бросила кольцо оземь.

Только она бросила кольцо, как оно превратилось в миску с гречкою. Да только и каменщик не зевал, через голову кувырк — и красным петухом обернулся. Принялся он быстро-быстро зернышки гречихи клевать. Но одно зернышко подскочило и за

портретом притаилось — их много там под потолком висело. Петух между тем зернышки все склевал и говорит:

— Ну, пес-разбойник, уж теперь-то ты в зобу у меня, больше мне с тобой не сражаться. Сказал ведь, что проучу!

Вдруг выскакивает из-за картины красавец гусар в красном мундире, со шпагой в руке. Мигом перерезал он петуху горло, тут и пришел конец Ох Хохо.

Говорит гусар королевне:

— А теперь скажи мне, желаешь ли моей женой быть?

— Желаю, коли батюшка не против. Беспременно желаю!

— Да уж ладно,— говорит король,— раз ты этакого молодца себе выбрала, будь по-твоему. Живите же друг с дружкою счастливо до самой смерти.

Обвенчался сын пастуха с королевною, а когда время пришло, стал королем. До сих пор живут-поживают, коли не померли.

МАРЦИ, ЧЕСТНЫЙ ВОР

Венгерская сказка

Было то или не было, жила однажды бедная женщина. И был у нее сын по имени Марци. Честный, прямодушный был этот Марци. А к тому же еще такой умный, ловкий, дельный да находчивый, что слух о нем по всей стране прошел: на все, мол, горазд Марци, за какое б дело ни взялся. Дошла его слава и до короля. А был тот король завидущий на редкость: досадно ему стало, что слава Марци затмевает его славу. И надумал король Марци перехитрить. Призвал он его к себе и говорит:

— Ну, знаменитый Марци, слышу я отовсюду, что очень уж ты знаменитый. А коль ты такой всезнайка да всеумейка, докажи это делом, не то истреблю тебя! Ежели ты все умеешь, так, значит, и воровать умеешь? А?

— Ваше величество,— отвечает королю честный Марци,— воровать я не воровал никогда. И впредь не хочу.

Обрадовался король и тотчас ему приказ отдает:

— Ну, коли ты никогда не воровал, так теперь либо сумеешь и это, либо конец тебе! Слушай же: на моем поле сейчас двенадцать батраков пашут. Так вот, либо ты выкрадешь у них, прямо с пашни, все двенадцать плугов с двенадцатью парами волов, либо я уж знаю, как мне поступить: прикажу голову твою на кол насадить, понял? Зато, если испытание выдержишь, все мои сокровища тебе отдам, ведь и я их также украл.

Горько стало на душе у Марци, да что поделаешь! Пошел он домой, рассказал своей матушке, что было у него с королем.

— Вот теперь хорошенько пораскинь мозгами, сыночек,— сказала ему мать.

Крепко задумался Марци. Но вдруг улыбнулся весело. Попросил он мать раздобыть ему двенадцать цыплят, черных, без пятнышка, и наседку одну, тоже черную.

— К чему они тебе, сынок? — спросила мать, но раздобыла все, что он попросил.

Взял Марци цыплят, пошел с ними в лес. Батраки королевские поблизости, у самой опушки пахали. Отпустил Марци потихоньку наседку с цыплятами да как закричит:

— Глядите, дикая курица, да с цыплятами! Ловите, они счастье приносят!

Батраки побросали плуги и наперегонки за цыплятами припустились. Цыплята со страху в лес подались, батраки за ними. А Марци тем временем повернул волов и повел их за собой вместе с плугами.

Привел Марци волов с плугами прямо домой к себе, потому как уговор с королем был такой: что Марци выкрасть сумеет, то и забирает себе безо всякого. Поэтому Марци только матушку свою послал к королю сказать, чтоб не ждал волов.

На другой день король опять призывает к себе Марци. Принял его сердито.

— Слышал я, удалось тебе моих волов угнать вместе с плугами.

— Удалось вот,— скромно ответил Марци.

— На этот раз тебе повезло. Но погоди. Теперь должен ты пшеницу из моего сарая выкрасть, а ведь тот сарай крепко сторожат и днем и ночью. Если до утра не выкрадешь, так и знай, быть твоей голове на колу. Ну а сумеешь — государство мое тебе отдам, я ведь и сам его воровством собрал.

— Попытаюсь, ваше величество.

Опять стал Марци думу думать, как бы ему выкрасть из сарая пшеницу, хоть и много у нее сторожей.

А король в тот день сторожей-то к себе позвал, щедро хмельным угостил и крепко-накрепко наказал в оба следить за проклятым Марци, чтобы не обвел их как-нибудь. «Вы,— говорит им,— как его завидите, кидайтесь на него не мешкая все скопом и колотите куда ни попадя».

Подслушал Марци, что король сторожам приказал, и сразу кой-что придумал. Сладил он из соломы человека, на голову ему свою шляпу надел и тихо-незаметно к сараю приставил. Потом отошел в сторонку, да как чихнет! Сторожа выбегают, всяк другого опередить норовит. Видят, возле сарая человек стоит. И шляпу Марци узнали. «А ну, бери его за бока!» — кричат. Хмельного-то порядком напробовались, головы у них и так уж кругом шли, а тут от усердия и вовсе сторожа ошалели. Под присягой сказали бы, что живого Марци видят, что это Марци пришел пшеницу

королевскую красть. И давай лупить пугало по голове да по шляпе! Так расколошматили, разнесли, что и пылинки от него не осталось.

Покончив дело, бросились бегом к королю — докладывают: теперь уж не украдет Марци пшеницы из сарая. Забили, дескать, разбойника до смерти.

Обрадовался король, не знал, куда сторожей посадить, чем напоить-накормить. А Марци тем временем преспокойно пшеницу всю и вывез.

Послал он мать к королю, доложить, что и это испытание выдержал.

Позеленел король, посинел от злости. Сломя голову в сарай кинулся, но Марци, само собой, и зернышка пшеничного на поглядение не оставил. Опять позвал король Марци к себе. Сидит, ждет, злой-презлой.

— Выходит, украл ты пшеницу, а, Марци?

— Выходит, так, ваше величество.

— Ну что ж, коли так... Но уж теперь ждет тебя из задачек задача. Должен ты выкрасть коня моего любимого золотистой масти, хотя сто моих кучеров-конюхов днем и ночью глаз с него не спускают. Не сумеешь — быть твоей голове на колу! Ну а уж если сумеешь, отдам тебе мою корону, я-то и сам ее тоже украл.

Опять думает Марци, голову ломает. И все же придумал! Оделся он в лохмотья, оборванцем прикинулся да бутыль с хмельным прихватил. Вечером пошел к конюшне, постучал в ворота. Не хотели его впускать кучера, строго-настрого наказал им король быть начеку. Но когда увидели, что за воротами жалкий такой оборванец стоит, да еще бутыль с вином у него, все же впустили. Посадили его возле яслей, а Марци вино свое нахваливает, конюхов угощает, ну и поддались они. Стали пить, еще да еще, скоро захмелели, и дрема их одолела. «Чего нам,— думают,— бояться? Уж как-нибудь убережем королевского жеребца». Один-то из них коня за повод держал крепко, другой за хвост, а третий сидел на коне верхом. Да только Марци тому, кто спросонья хвост конский держал, связку пеньки сунул в руку. Того, кто верхом на коне заснул, приподнял осторожно и на ясли верхом посадил. У того же, кто повод в руке зажал, не стал повода отнимать, просто уздечку со скакуна снял и потихоньку из конюшни его вывел, к себе домой отвел.

Наутро король, и в мыслях сомнения не держа, в конюшню жалует. Ох, как же он разозлился! Ногами затопал, на конюхов-кучеров закричал:

— Так-то вы коня моего любимого бережете! Увел Марци коня!

А те-то хмельные еще, понять ничего не могут. Один говорит:

— Так я ведь за хвост его держу!

Другой:

— А я верхом на нем сижу!

Третий:

— А я повод из рук не выпускаю!

Изругал их король почем зря. И решил впредь сам за своим добром последить, но уж Марци теперь — хоть самому живу не быть — извести непременно!

Стал он измышлять, как за дело приняться. Хоп, придумал!

Тотчас послал король за Марци и такое ему повеление дал: ежели завтра в полдень не выкрадет Марци обед, для самого короля приготовленный, быть его голове на колу!

— Но уж если сумеешь, отдам тебе мой меч королевский, ведь я и сам его так-то украл.

Назавтра в полдень сели король с королевой за стол, обеда ждут. Повариха уж и стол накрыла, кушанья на поднос поставила, в покои королевские нести приготовилась. Только хотела было поднос в руки взять, видит, от окна кухонного рука тянется. Опрометью бросилась повариха в комнаты королевские.

А Марци-то еще накануне вечером сделал тайком деревянную руку, покрасил ее и веревкой обвязал. Веревку же другим концом к колесу колодезному прикрепил. А под окошком кухонным дырку выдолбил и просунул руку в нее, как раз до стола. Ее-то повариха и увидела. Побежала она скорей к королю: пришел, мол, Марци, уже и руку к обеду королевскому протянул!

Король с королевой скорее на кухню, стали ту руку к себе тянуть. Тянули, тянули, а веревка-то и лопнула, король с королевой на пол попадали. Пока поднялись, огляделись, Марци с обедом и след простыл.

Попировали в тот день Марци с матушкой, королевским обедом полакомились.

Король не знал, что и учинить со злости. «Уж теперь-то,— решил,— изведу его непременно». На другой день призвал он к себе Марци и приказал к завтрашнему утру с пальца королевы золотое колечко украсть.

— Если сумеешь, отдам тебе дочку в жены. Правда, ее-то я сам не украл, но решил за того выдать замуж, кто и меня перехитрить сумеет. Вот к чему устраивал я тебе все испытания.

Понял Марци: теперь надобно держать ухо востро! Вечером прокрался он в королевские покои. Вдруг слышит, король говорит королеве:

— Я сейчас встану, пройдусь немного, прогуляюсь перед сном. А как вернусь, ты, душенька, отдай мне на время колечко, у меня оно целей будет.

Вышел король во двор, все углы-закуты оглядел, нет ли поблизости Марци. А Марци тем временем дверь отворил, вошел в спальню королевскую и, голос изменив, говорит королеве:

— Быстренько отдай мне кольцо, душенька, потому как этот проклятущий Марци в любой миг может здесь оказаться.

Королева в темноте-то и отдала ему кольцо. А Марци затаился у двери и, как только король воротился, неслышно наружу выскользнул.

Король опять в постель лег и говорит королеве:

— Дай мне, душенька, кольцо!

— Да я же только что тебе его отдала,— отвечает ему королева сердито.— Вот сейчас ты спросил у меня кольцо, и я сама же его на палец тебе надела!

Король чуть не лопнул со злости. Но уже ничего не сказал, не стал новых козней против Марци строить. Даже тогда ничего не сказал, когда не матушка Марци, а сам он явился в королевский дворец за дочкою королевской, за мечом, короной и всем государством.

Сели они тут за свадебный пир, все там было, чего пожелалось, каждому угощение досталось, дорогим гостям поднесли по миске похлебки; цыган и тех кофейком побаловали.

СМОРОДИНКА

Венгерская сказка

В стародавние времена жил на свете король, и было у него три сына. А неподалеку проживала вдова, и была у нее единственная дочка. Дочку прозывали Смородинкой, потому что она ничего, кроме смородины, в рот не брала.

Однажды она захворала: не могла больше матушка смородину ей покупать. Что бедной женщине делать, как дочку от смерти спасти? Подсмотрела она, что в монастырском саду смородины видимо-невидимо, прокралась туда и целую корзинку смородины набрала. А как стала выходить, глядь, навстречу настоятельница того монастыря идет и говорит ей с попреком:

— Ты что ж это делаешь, женщина?

Испугалась бедная женщина.

— Никогда в жизни я ничего чужого не брала,— ответила она настоятельнице,— и сейчас не стала бы, когда бы не крайность пришла! Есть у меня доченька красоты невиданной, в целом свете не найти ей равной, да вот беда: коли не поест она день-другой смородины, помрет беспременно. Нынче не ела, если и завтра не поест, помрет.

Настоятельница простила бедную женщину, но пошла проводить ее до самого дома: никак не верилось ей, что у этой бедной женщины дочка такая особенная.

Когда же увидела, что девушка и вправду красавица, сказала ее матери:

— Послушай меня, ты женщина бедная, отдай нам дочку свою, у нас она может есть смородины вдоволь.

Бедной женщине что делать? Смородина только в монастыре растет. Отдала она свою доченьку.

Стала девушка в монастыре жить. В те поры еще дозволялось монашкам окна монастырские настежь держать. Смородинка в окошко-то нет-нет да и глянет. И вот однажды проезжали мимо монастыря три королевича, увидели они девушку и словно к месту присохли: не встречали этакой красы!

Старший королевич тотчас божиться стал, что до тех пор не успокоится, пока не назовет красавицу женой своей. Средний королевич туда же: и он, мол, не успокоится, пока девушку женой не назовет. А младший королевич сказал:

— Не бывать этому! Моей женой она станет!

Сцепились тут королевичи — страшное дело. Чужие люди насилу их розняли. На шум и настоятельница к окну подошла: что, дескать, случилось? Смородинка ей говорит:

— Это из-за меня они дерутся.

Испугалась настоятельница: ну как король да королева попрекать ее станут! Тотчас велела она Смородинке от окна отойти и принялась стыдить ее; когда же девушка оправдываться стала, потому как ни в чем не была виновна, настоятельница ей и говорит:

— Вон оно что! Выходит, ты не только собою пригожа, но еще и помыслами чиста, гордячка? Так пусть же, Смородинка, вся эта краса да чистота твоя ящерицей обернется, и жить ты будешь теперь не у меня, а на самом краю света!

В тот же миг обернулась бедная Смородинка ящерицей, а еще минуту спустя оказалась она на краю света.

Время шло, матушка тех королевичей померла, отец же их сильно состарился. Рад бы он был снять с себя свое звание королевское, да только никак не мог решить, которому из сыновей передать его, потому что любил всех троих одинаково. И сказал сыновьям старый король:

— Трое вас у меня, сыновья мои родимые, и каждый, знаю, двух других не лучше. Но все ж таки испытаю я вас. Тот, кто три мои просьбы выполнит, тот и королевство получит.

Все три сына кивают ему согласно: что ж, мол, король-батюшка, выкладывай свои три просьбы.

— Сперва, детки мои, и одной будет довольно,— сказал король.— Желал бы я иметь чудо-плат, столько-то саженей в длину, да столько же в ширину, а при этом чтобы он через обручальное кольцо продергивался...

Поклялись королевичи в один голос, что чудо-плат раздобудут. Взяли они с собой денег изрядно и пустились в путь. Выехали из крепости, видят — три дороги в разные стороны разбегаются. Две дороги хороши были, по ним двое старших уехали. А третья дорога вся в комьях да колдобинах, она младшему королевичу досталась.

Старшие королевичи скоро прибыли в большой и красивый город. А младший брел да брел, совсем притомился, живой души по дороге не встретил, птички и той не увидел. Старшие братья накупили в городе всякого тканья-полотна, а младший все шел да шел без останову. И пришел он так на край света.

На краю света увидел младший королевич мост каменный, сел на мосту, закручинился: что ж теперь ему делать? Вот ведь какая беда — не исполнить ему и первой просьбы отца своего.

Он и не заметил, как подползла к нему маленькая ящерка с золотистой спинкой. Подползла и тихонько спрашивает (в те поры животные умели еще разговаривать):

— Что запечалился, королевич, о чем призадумался?

Поглядел на ящерку королевич и отвечает:

— Эх, ящерка — золотая спинка, зачем спрашиваешь, все равно ведь совета не дашь, горю моему не поможешь.

— А ты расскажи,— просит ящерка,— вдруг да помогу тебе.

Рассказал тогда ей королевич, что их у отца трое сыновей и решил отец тому сыну королевство отдать, кто три его желания исполнит. А первое его желание такое: раздобыли бы ему чудо-плат, столько-то саженей в длину и столько же в ширину, а при этом чтобы через обручальное кольцо продергивался.

Выслушала его ящерка и говорит:

— Ладно, королевич, ты посиди тут, а я, может быть, горю твоему помогу.

Юркнула ящерка под мост, в паучье царство. С пауками она большую дружбу вела, вот и попросила их: «Помогите!» Пауки тотчас принялись нитки сучить, плат невиданный ткать. Десять дней, десять ночей трудились — изготовили ткань. Ящерка наверх ее отнесла, королевичу подала. Уместился дивный плат у него в кармане.

Меж тем два старших брата давно уж домой воротились, тканей всяких навезли прорву. Куски-то были и в длину хороши, и в ширину как раз, да только ни один сквозь отцово обручальное кольцо не пролез.

Тут и младший королевич подоспел.

Вынимает он из кармана свой плат. Король его сквозь кольцо протянул, младшему сыну кивает.

— Вот это дело,— говорит,— сквозь кольцо плат свободно проходит, да только не знаю, таков ли он в ширину и длину, как я заказывал!

Тотчас приказал он измерщиков привести. Измерили они ткань и вдоль и поперек, оказалась она в самый раз!

Обрадовался старый король.

— Вот видите, дети мои,— говорит,— самый младший-то сноровистее всех оказался. Да только остаются еще два испытания. Кто из вас с ними справится, тому и королевство достанется. А теперь слушайте мою просьбу: принесите вы мне маленькую

собачку, такую, чтоб в скорлупе золотого орешка умещалась, а как из скорлупы выскочит, чтобы лай ее в семижды семи королевствах слыхать было.

Опять тронулись братья в путь. Старшие, как и в первый раз, по хорошим дорогам к городу, а младший — опять по колдобинам, на край света.

Вот пришел младший королевич на край света да и говорит громким голосом:

— Ящерка — золотая спинка, выдь на зов мой!

Ящерка к нему выбежала.

— Чего тебе, королевич, нужно?

Королевич грустно ей отвечает:

— Вот теперь, я думаю, не сумеешь ты волю мою исполнить.

— А ты скажи,— отвечает ему ящерка,— может, и сумею!

Рассказал королевич про отцово желание. Про то, какая ему собачка нужна.

Ящерка призадумалась, а потом и говорит:

— Никуда не уходи, может, я сумею тебе помочь!

И юркнула она в подземное царство, где махонькие-премахонькие человечки обитают. Пробралась она прямо к королю человечков тех и взмолилась: сделай, мол, милость, отдай ты мне вот такую да такую карликовую собачку. И отдал ей карликовый король своего первого министра: он и был как раз той самой собачкой. Спрятала ящерка собачку в золотую скорлупу ореховую и выбралась из подземного царства. Королевичу же наказала так:

— Вот возьми орешек, в карман положи, да гляди по дороге не открывай, беги к отцу поскорее!

Два его старших брата давно уж были дома. С тем и воротились, что подобной собаки на свете не водится и, дескать, искать ее — только время даром терять.

Завидел король младшего своего сына и говорит:

— Ну что, сынок, и ты с пустыми руками пришел, как твои братья?

Тут королевич радостно вынимает из кармана золотой орешек, открывает его — а собачка как выскочит! Да как взлает — слышен был этот лай в семижды семи королевствах. Слушает ее лай король — не наслушается, доволен, будто спину ему маслом умащивают. И сказал король сыновьям:

— Ну, видите, сыны мои дорогие, младший-то и с этой задачкою справился. Но только вот вам мое последнее слово: кто третье мое желание исполнит, тому и быть королем. А желаю я вот что: тому из вас государство оставлю, кто самую красивую невесту в дом приведет.

Старшие братья обрадовались, тут же похваляться стали:

— Уж в чем, в чем, а в этом мы младшего братца-то обойдем, ведь мы где только не были, каких красавиц не видели! Среди стольких-то как не выбрать самую красивую! А кого видел млад-

ший брат на краю света? Никого и не видел. Разве что ящерку!

И вправду опечалился младший королевич, что уж тут скажешь, не приведет ведь ему ящерка из-под земли красавицу невесту. Все-таки отправился он к ней, печальный, сел на мосту каменном. Прибежала ящерка. Королевич ей говорит:

— Теперь уж, ящерка, ты и вправду моей беде не поможешь.

А ящерка — золотая спинка тихо, ласково ему отвечает:

— Как знать, может, и помогу.

— Нет,— говорит королевич,— ведь отец наш вот что сказал нам: кто самую красивую невесту в дом приведет, тому и быть королем.

Закраснелась тут ящерка — золотая спинка и молвит ему:

— А ну, возьми-ка ты меня в руку покрепче да об этот каменный мост ударь посильнее!

Королевич оторопел.

— Ну уж нет,— говорит он ящерке,— этого я нипочем не сделаю. Чтобы я да ударил тебя, когда я великой благодарностью тебе обязан!

Но ящерка не отступалась:

— Исполни просьбу мою, ударь меня о каменный мост!

Ни в какую не соглашался королевич, но потом увидел, как ящерка опечалилась, зажмурился крепко да и ударил ее о каменный мост. И что же он видит? Стоит перед ним вместо ящерки красавица, каких свет не видывал. И говорит она королевичу:

— Что, королевич, узнаёшь ли меня?

А королевич чуть ума не лишился на радостях.

— Вроде бы и узнаю, да только глазам своим поверить боюсь.

Со смехом отвечает ему красавица невиданная:

— Да ведь это я из окна монастырского выглядывала! Из-за кого ты драку затеял! Смородинка я!

Королевич все дивится, глазами хлопает, а Смородинка говорит:

— Вот теперь, королевич, я навеки твоя, только смерть нас разлучит!

Королевич от радости вовсе голову потерял, не знает, как ей руку подать, чтоб домой вести.

Старшие братья уже воротились, каждый со своею невестой. Только его и ждали, чтоб решилось, кому из них королем быть. Когда младший королевич пришел, старый король как раз картошку буртил, ну, правда, картошка была не простая, а золотая. Увидел король невесту младшего сына и в тот же миг решение принял.

— Вы уж не сердитесь, детки милые, на брата своего,— сказал он старшим своим сыновьям,— а только королевство младший сын заслужил!

Но братья и не думали на него сердиться, от души ему добра желали, чтобы жил-поживал счастливо!

ПАСТУХ, ЧТО РЕЧИ ЗВЕРЕЙ ПОНИМАЛ

Венгерская сказка

Вот как-то шел я да брел по дороге, дошел до селеньица Пелег, гляжу, а там сказок видимо-невидимо, к яслям стоят привязаны, выбрал я из них самую наилучшую. Быль это или небыль, за семью морями по сю сторону стеклянной горы печка стоит развалюха, стенки у нее, какая внутрь, какая наружу валятся — ни одной не видать, полна печь булок сдобных — ни одной не сыскать. Ну так вот, было то или не было, а только жил в тех краях пастух. Пас он как-то баранов своих в лесу, вдруг видит — вдалеке огонь полыхает. А из огня слышится стон змея преогромного:

— Помоги мне, добрый человек, добром за добро тебе отплачу, мой отец — король над всеми змеями, он тебя щедро вознаградит.

Пастух подхватился, к огню подбежал, по дороге сук крепкий срезал да и вытащил змея из огня. Пополз змей, совсем немного отполз, а там камень большущий лежит, они вдвоем камень тот отвалили. Оказалась под камнем дыра. Спустились змей с пастухом под землю и прибыли к королю змеиному.

Змеиный король спрашивает:

— Чего пожелаешь, бедный человек, за то, что жизнь моего сына спас, от лютой смерти его избавил?

— Ничего мне такого не надо,— сказал бедняк,— хочу я только речь всякого зверья понимать.

Согласился змеиный король, одно условие пастуху поставил: никому про это не рассказывать, не то помрет в одночасье. С тем и вернулся пастух на землю.

Вот пошел пастух домой и увидел дуплистое дерево. На том дереве две сороки сидели. Одна другой и говорит:

— Э-эх, знал бы кто из людей, сколько денег в дупле здесь запрятано, то-то б счастье ему привалило!

Услыхал их разговор пастух, дерево-то и приметил. А сам домой поспешил. Поздно вечером вернулся он к дереву, уже на телеге, деньги из дупла вынул и домой отвез. Зажил богато.

Взял он за себя замуж дочку старшего пастуха. Жена ему все не давала покоя:

— Откуда у тебя столько денег?

— Не спрашивай,— отговаривался пастух,— бог дал.

А за печной трубой у них две кошки сидели грелись. Вот старая кошка и говорит молоденькой: ты, мол, махонькая, тебе-то полегче в чулан забраться да кус сала выкрасть. Засмеялся пастух. Жена спрашивает, отчего он смеется. Пастух рассказал ей, что старая кошка у молодой требует.

— Да как же это ты речи ихние разбираешь? — спрашивает жена.

— Эх, кабы ты знала! Только нельзя мне про то говорить, иначе помру.

— Нет, все равно скажи! — пристала жена.

Но пастух уперся: нет, и все тут.

Собрались они в какой-то день на ярмарку. Жена на кобылу села, муж на жеребца. Жена приотстала немного. Заржал тут жеребец, то есть кобылу окликнул: что, мол, плетешься нога за ногу?

— Тебе-то легко,— сказала ему кобыла,— вон поджарого какого везешь, а посмотри, на мне какая толстуха!

Понял их речи пастух, засмеялся. Жена опять спрашивает, чему, мол, смеешься-то. Рассказал ей пастух, о чем жеребец с кобылой беседовали. Тут жена опять к нему пристала: скажи да скажи, как речи зверей разбираешь. Но пастух свое твердит: нельзя, мол, про то говорить, иначе помру в одночасье.

Воротились они домой. А к дому их как раз волки подкрались, просят собак баранов им уступить. Собаки сперва заартачились, а потом посулили все ж четырех барашков. Но тут старый Бодри как зарычит на них:

— Ах вы подлые! Да как же смеете вы хозяйских баранов волкам сулить?

Все слышал, все понял хозяин, собак разогнал, одному Бодри большой ломоть хлеба бросил.

Тут уж как с ножом приступилась к нему жена, требует, чтоб рассказал, отчего да почему язык зверей понимает. Пастух божится:

— Коли расскажу, тут же дух испущу.

— Нет,— стоит на своем жена,— хоть помри, да расскажи.

Приказал тогда пастух гроб себе принести и лег в него. Только велел жене напоследок при нем добрый кусок хлеба верному Бодри кинуть. Но не стал Бодри хлеб есть, очень уж жаль ему хозяина своего. Сидит он, горюет.

В этот миг заскочил в дом кичливый петух и преспокойно принялся хлеб тот клевать.

— Эх ты, злая, бессердечная тварь,— сказал ему Бодри.— И ты можешь так спокойно лакомиться, когда наш дорогой добрый хозяин вот-вот богу душу отдаст?!

Но петух ответил ему:

— Дурак ты! Такой же дурак, как и хозяин твой: с одной женой, вишь, не может управиться! Вон погляди, сколько жен у меня, а для каждой слово мое закон.

Выскочил тут пастух из гроба, поколотил жену свою, чтоб не спрашивала больше, не допытывалась, отчего да почему язык зверей ему ведом.

ПЕТРУ-ПЕПЕЛ

Румынская сказка

Жил-был на свете, люди добрые, жил-был на свете бедный-пребедный человек, и было у него шестеро детей, потому что у бедняка всегда много детей. Так вот, росли у него эти шестеро детей и все наперебой кричали: «Отец, дай мамалыги! Отец, дай мамалыги!» И от эдакой напасти хотелось иной раз бедняге бежать куда глаза глядят.

Перебивался наш бедняга с грехом пополам, пока не оперились дети, пока не набрались они ума-разума, и тогда попросил он у старосты дозволения выгородить кусок из общей земли. Хотелось ему посадить немного кукурузы, картофеля, луку грядку-другую, а может, и еще чего — чтобы прокормиться. И трудились его сыновья до седьмого пота, потому что земля была знатная и давала урожай сказочный. Радовался бедняк трудолюбию своих сыновей — были они ловкие, проворные, как муравьи; только самый младший, Петру, до того был нерадивый да ленивый, что просто беда. День-деньской сидел он в запечном углу у кучи пепла, все жевал угольки.

Первые три года росли у них на огороде кукуруза, тыква, конопля, лук, салат да картофель, а на четвертый год посеяли они клевер, потому что завелась у них коровенка с двумя телочками и понадобился зеленый корм.

И вырос тот клевер на диво — любо-дорого смотреть: расстилался он зеленым ковром, а когда дул ветер, волны пробегали по нему, точно по глади озера.

Что ни день, приходил хозяин полюбоваться на свой клевер да постеречь его — ведь такой красоты не было во всей округе.

Однажды видит он — вытоптан его клевер, да так, будто по нему скакала лошадь.

Тогда надумал бедняк послать в поле старшего сына и строго наказал ему не спать всю ночь, сторожить клевер и непременно изловить ворога и злодея.

Выслушал сын наказ своего родителя, отправился в поле и решил, как наказал отец, не смыкать глаз всю ночь: да только на рассвете стало его клонить в сон, разобрала его истома, и не заметил он, как уснул.

Солнце поднялось уже высоко, а он все спал: заждался его отец и затревожился, уж не случилось ли чего,— отправился посмотреть; приходит в поле и видит: спит его сын крепким сном, а клевер весь вытоптан. Не иначе как резвился на нем целый табун коней.

Опечалился отец, закручинился, осерчал на сына, стал его бранить да поколачивать, приговаривая:

— Ах ты сонная тетеря, ах ты недотепа! Так вот каково на

тебя надеяться! Ты только взгляни, бездельник, на клевер! Такто ты его охраняешь! Горе мне с вами! Пока растил вас — мыкался, так теперь полагал, вы мне помощники, а глядите, какая от вас помощь: и ночи не можешь ты прободрствовать, раззява, лодырь несчастный!

На другую ночь послал этот человек второго сына, потом — третьего, и так по очереди посылал он всех своих детей; только здесь, видно, не обошлось без ворожбы: ни один из сыновей не мог укараулить поле; все к утру засыпали, и тут-то нечистый приводил того самого, кто наводил порчу на клевер.

Сердился отец, ругал сыновей ругательски, да все без толку: они и сами бы рады не уснуть, но сон подкрадывался лютым разбойником и одолевал их — не было с ним никакого сладу.

Пришла очередь Петру сторожить клевер. Вылез он из своего запечного угла, подошел к матери и говорит:

— Слышь, матушка? Замеси мне лепешку из пепла, и вот увидишь, как посмеюсь я над своими братьями, даром что они кичливые да ученые.

— Помолчи, дурак! — осерчал отец.— Какой нечистый будет ночью есть твой пепел? Или ты думаешь, ты лучше своих братьев?

— Обещаю тебе, батюшка, устеречь клевер, дозволь ты мне только покараулить хоть одну ночку.

— Будь по-твоему! — сказал отец.— Знай только: коли не найдешь ты злодея, что топчет клевер, не придется тебе больше торчать в запечном углу.

Замесила мать лепешку из пепла, положил Петру-Пепел (так прозвали его люди) ее в котомку и, когда зашло солнце, отправился в поле.

Всю ночь караулил Петру клевер; только как стала заниматься заря, подул теплый дурманный ветер, коснулся он век Петру-Пепла, и стали у него глаза сами собой закрываться. Но Петру не сдавался; как понял он, что сон вот-вот его сморит, добрался до колючих кустов, что росли по краю поля, сорвал несколько колючек и положил их возле себя; едва начнет его клонить сон, уколет он себя колючкой, тут и проснется.

Под утро, когда время близилось к рассвету, спустились на поле три коня, что три горы, и принялись резвиться на клевере. Изловчился тут Петру-Пепел и поймал всех трех. А были это кони не простые, а колдовские, и дышали они теплым, сонным ветром; однако стоило на них глянуть, как становились они кроткими, словно овечки, и тут бери их хоть голыми руками. Когда поймал их Петру, то вознамерился он увести их к отцу, а кони и молвят:

— Смилуйся над нами, Петру, отпусти нас подобру-поздорову, мы и так уже припозднились; да и то сказать, какой тебе от нас прок, ведь мы кони не простые, а волшебные, а коли отпустишь ты нас на волю, глядишь, мы тебе и пригодимся.

Не стал с ними спорить Петру, обещал их отпустить подобру-поздорову, и тут дал ему первый конь уздечку медную, второй — серебряную, а третий — золотую, и молвили они такие слова:

— Коли будет у тебя нужда или горе, стоит тебе тряхнуть уздечкой, и мы вмиг перед тобой предстанем и тебе поможем. Только смотри никому про нас не сказывай.

И кони исчезли, точно их и не было вовсе, а Петру спрятал уздечки за пазуху и воротился восвояси.

Отцу же сказал, чтобы больше не тревожился, будет теперь клевер в целости и сохранности.

И опять уселся Петру в свой запечный угол, а братья попрежнему работали; и так как работали они не покладая рук, то пошло у них дело на лад и нажили они кой-какое добро.

В те поры разлетелась по стране весть, что царь, чуя, что близок его смертный час, ищет жениха для своей дочери и что откажет он ему трон и все царство. И отдан был приказ, чтобы собрались в стольном городе все юноши, а царевна сама выберет из них жениха. И еще было сказано, что царевна будет восседать на площади с короной в руке, а все юноши должны проскакать мимо, и тот, кто сумеет выбить саблей из рук ее корону три раза подряд, и будет царским зятем.

В те времена брали в мужья не по чинам, каждый бедняк мог стать царю зятем, коли сам он и его подвиги придутся по вкусу царской дочери. Потому что ценили человека за смекалку, ловкость и храбрость, а не за богатства да имения. Вот почему и призвал царь не одних королевичей да царевичей, но и крестьянских сыновей, чтобы прибыли они все на состязание и могла б его дочь выбрать из них самого достойного.

И съехалось туда — мама родная! — как на большую ярмарку, народу видимо-невидимо, слетелись юноши со всего света: царевичи, королевичи, принцы, господские и крестьянские дети, и наряжены они были один другого краше, а кони под ними были один другого резвее и будто дышали огнем-пламенем. Немудрено, что все юноши искали руки царской дочери: была она так прекрасна, что не вздумать, не взгадать, только в сказке сказать, и царство наследовала огромное, а богатства несчетные, потому что была она одна дочь у родителей.

Услыхал про это Петру-Пепел, и, подите же, и он туда же. Вылез из своего запечного угла и, мил человек, тоже решил отправиться показать свою доблесть перед царской дочерью и завоевать ее сердце. Чем черт не шутит! Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь; самая грязная свинья иной раз сожрет лучшую грушу.

Видит он, братья сами поехали искать руки царской дочери, а его не позвали, и, недолго думая, вышел за околицу, вынул медную уздечку, тряхнул ею три раза, и явился к нему конь

красный, как медь огненная, резвый, как арабский скакун, и спросил тот конь Петру-Пепла:

— Что прикажешь, повелитель?

— Отвези меня к царской дочери, чтобы пронесся я перед нею как молния, выбил из рук ее корону и завоевал бы ее сердце.

— Ладно, повелитель,— молвил конь,— но прежде облачись вот в эти одежды парадные да опоясайся саблей, а остальное уж моя забота.

Облачился Петру-Пепел в одежды парадные, какие конь привез ему, опоясался саблею и стал совсем неузнаваемым — теперь и родной брат не признал бы его. Сверкали те одежды, сабля и шпоры багряной медью, полыхали, точно языки пламени, а лицо его светилось лучами заходящего солнца. Вот каким стал Петру-Пепел, и ретивый конь принес его в город, где собрались другие юноши. Да, позабыл я рассказать вам, что, как Петру-Пепел мчался на своем коне в город, повстречались ему его братья: телега у них завязла в грязи, и лошаденки никак не могли ее вытащить. Петру-Пепел как завидел их, сразу узнал, а они его не признали, сняли шапки — должно быть, подумали, царевич какой скачет: уж больно он был видный да разодетый.

— Что, Павел, Иоан, Гицэ, Дэнилэ и Еремие, не могут Лила с Фане вытащить вас из грязи? — спросил он братьев.

— Нет, твое величество,— ответили братья, удивляясь, откуда он знает их имена,— не под силу лошадям нас вывезти: хилые они, куда уж им!

— Что ж вы не взяли с собой братца Петру? Он телегу бы подтолкнул да из грязи вас бы и вытащил.

— Ну его к богу, твое величество, не достоин он того, чтобы имя его поминать.

— Вы так думаете? Так знайте же, что не кто иной, как Петру Пепел, вытащит вас из грязи.

Как дунул конь Петру-Пепла, так подтолкнул телегу братьев вместе с их лошаденками далеко вперед.

Подивились братья словам незнакомца. По речам своим похож он был на Петру-Пепла, только разве могло такое случиться? Знали они, что Петру-Пепел сиднем сидит в своем запечном углу, откуда ж ему взять такую одежду и такого коня? Не мог это быть их брат Петру, не мог, да и все тут.

Так говорили дорогой между собой братья, а Петру тем временем уже прибыл в царский стольный град.

Людей с разных сторон в город съехалось великое множество. И все дивились, на Петру глядючи: какого это царя сын? Одни говорили, что царя Красного, другие, что Зеленого, третьи — будто Желтого; а королевские сыновья смотрели на него волком, потому что был он всех сильнее и краше и зарился на их счастье. Но вдруг затрубили трубы, и началась потеха.

Царевна поднялась на помост из красного мрамора; одета она

была в золотые одежды, драгоценные каменья сияли на ней, как солнце; восседала царевна на золотом троне и держала в руке царскую корону; те, кто бились за эту корону, проносились мимо трона ласточками и пытались саблей выбить ее из рук царевны. Только кто ударит по короне саблей, у того сабля ломается, а корона и не шелохнется.

По прошествии нескольких часов лежала у ног царевны целая гора сабель.

И все, кто там был, дивились, почему это юноша в медно-красных одеждах не пробует счастья.

Наконец пришел черед и Петру-Пепла; пришпорил он своего коня и молнией пронесся мимо царевны как раз под той ее рукою, в которой держала она корону, и ударил саблей по короне с такою силой, что корона чуть не улетела в запечный угол. Тут все захлопали от радости, а царь устроил пир великий и повелел всем через три дня съехаться снова и снова попытать счастья, чтобы отыскать такого витязя, который три раза подряд выбьет из рук царевны корону. На пиру только и разговору было, что о юноше в медных доспехах. Потом, кто жил поближе, воротились восвояси, а кто подальше — там остались. Воротился и наш Петру к себе домой, вернее сказать, в свой запечный угол.

А как вернулись домой его братья, принялись они рассказывать, что видели. Петру все слушал да помалкивал. Только когда повели они разговор о том, как завязли в болоте и как явился какой-то разодетый господин и вытащил их из грязи, Петру в своем запечном углу давай смеяться и говорит:

— Видал я, как конь того господина только дунул и подтолкнул вас с вашей телегой далеко вперед.

— Да откуда ты-то знаешь, бездельник? — спросили его братья.— Откуда ты знаешь?

— Откуда? А я влез на курятник и видел все лучше вас.

Еще рассказали братья, как состязались королевичи да царевичи, как старались они выбить корону из рук золотоволосой царевны. Но кто ударял корону саблей, у того сабля ломалась, а корона и не шевелилась. А напоследок явился господин — тот самый, что вытащил их из грязи,— и как ударил саблей по короне, так полетела она у всех над головами бог весть куда.

— И я видел того господина,— сказал Петру-Пепел,— одежды на нем были меднокрасные, а на коне его доспехи медные, горели они, словно полымя; с нашего курятника все было видно!

Братья, по обыкновению, ну бранить его и от злости сломали курятник, чтобы Петру не было повадно над ними потешаться, говорить, будто он видел с курятника все лучше их.

На третий день, как было назначено, братья опять впрягли лошадей в телегу — и в путь: лошадей не жалей, был бы кнут потяжелей.

Как уехали они, Петру-Пепел вышел из своего запечного угла

и тоже отправился в путь-дорогу. Дошел он до околицы, вынул из-за пазухи серебряную уздечку, тряхнул ею три раза — мигом явился ему могучий серебряный конь-красавец; привез он Петру одежды, саблю и кольчугу серебряную; не успел надеть их Петру, конь как вихрь домчал его до царского стольного града. Собралось там народу тьма-тьмущая — больше, чем прежде. Королевичи да принцы, все в шелках да в золоте, и кони их били копытами и кусали удила от нетерпения.

Но вот прискакал Петру, и был он всех краше. Королевичи да принцы ему завидовали, знали, что все равно он выйдет победителем.

Тут началось состязание. Петру снова остался последним. И как в прошлый раз, кто ударит саблей по короне, у того сабля на куски разлетается, а корона и не шелохнется. Но когда пришел черед Петру, он так ударил саблей, что посыпались искры, и полетела корона далеко-далеко.

Весь народ дивился его красоте и доблести, и его сразу прозвали Красным королем.

А царь пожаловал ему грамоту, как и в прошлый раз, и приказал всем явиться через три дня, чтобы снова помериться силами, и тогда уж будет объявлен победитель.

Разъехался весь народ, а Петру-Пепел, Красный король, вернулся в свой запечный угол, стал ждать, когда будет и на его улице праздник. Как воротились домой его братья, начали они рассказывать, что видели, а Петру-Пепел объявил, что все лучше их знает; и как стал он им говорить, братья только рот разинули: говорил он, словно по писаному.

Тут спросили его братья: откуда он все знает? А он им:

— Известно откуда! Влез я на свинарник и все увидел, а ежели бы не видел, то не стал бы и сказывать.

Рассердились братья, что он знает все лучше их, хоть сам и не бывал на игрищах, и сломали свинарник, с которого Петру будто бы все видел.

Наконец на третий день отправились братья в царский стольный град, а Петру, как они уехали, вылез из своего угла, тряхнул золотой уздечкой, и явился тут чудесный золотой конь, повод и седло у него были из чистого золота, одежды, саблю, кольчугу и шпоры он привез тоже золотые. И когда надел их Петру и сел на коня, то можно было подумать, что он не иначе как сын солнца — так сверкал он сам, и конь, и его доспехи.

На этот раз собралось народу и того больше, и все искали Красного короля, который в первый раз был в медных доспехах, а во второй — в серебряных; потому что знал народ: он один сможет выбить корону из рук царской дочери. Только и разговоров было, что про Красного короля, и завидели его люди еще издали, потому что сияли его доспехи, точно красное солнышко.

Не успели оглянуться, а он уже на площади. Все стали хлопать

ему и кричать: «Да здравствует Красный король!» Только сын Черного царя на него злобился: уж очень он любил царевну и, как говорят, поклялся, что отдаст все отцовское государство за руку этой красавицы.

Но царевна и не смотрела в его сторону, потому что искала себе жениха красивого и храброго; а сын Черного царя ничем не взял: ни красоты в нем не было, ни храбрости — не мудрено, что он злобился. А когда начались игрища, Петру снова остался последним, чтобы люди не говорили, будто он задается; он и вовсе бы не стал пытать своего счастья, но узнал народ, что царевне никто не мил, стали люди кричать:

— Позовите Красного короля! Пускай Красный король покажет свою силу! Не уйдем мы, пока он сюда не явится!

Тут уж Петру волей-неволей пришлось попытать свое счастье.

А царевна как взглянула на него, так и влюбилась; и он в нее влюбился; подошел он к ней, она надела корону ему на голову, поклонилась ему, взяла его за руку и сказала, что любит его и что он ее суженый. Потом царь-отец дал им свое благословение и призвал священника, а священник обвенчал их перед всем народом, и устроили царский пир, и всех, кто там был, царь пригласил к себе в гости.

А Петру призвал братьев и отца, отвел их в отдельные покои и сказал им:

— Я Петру-Пепел, ваш брат и ваш, батюшка, сын. Повезло мне тогда, что я пошел стеречь клевер: кони, которые топтали наше поле, принесли счастье и мне и вам.

И тут братья упали перед ним на колени, стали молить его о прощении, а он их всех поцеловал и привел с собой во дворец.

И пировал весь народ целую неделю, все радовались, а особенно радовалась царевна, что достался ей в мужья такой красавец. Царь же, так как был он стар, посадил на трон своего зятя, Красного короля, и тот правил милостиво и мудро долгие годы, а коли не помер, то и сейчас живет.

ИЛЯНА КОСЫНЗЯНА

Румынская сказка

В старину, когда жил на свете Дед Мороз с белой бородой, был один царь, конечно, богатый, как и все цари. Имел он сына Ионицэ, по прозванию Фэт-Фрумос — значит и смельчак, и красавец. Любил веселье Ионицэ, пляски и песни, любил и музыкантов послушать, но милее всех забав ему были кони. Частенько ездил Ионицэ вместе с царским табунщиком пасти коней на лугах. А надо сказать, самый лучший из всех лугов, с травой-клевером, был неподалеку от озера. Называлось оно озером Вол-

шебниц. Кое-когда выходили из того озера на вольный свет волшебницы — показаться людям.

Вот однажды поехал наш Иониця с табунщиком на тот луг табун пасти. Иониця лег близ бережка и заснул, а табунщик стал за конями приглядывать. Как вдруг всколыхнулось озеро, и явилась на берег волшебница, такая раскрасавица девушка, какой в целом свете не бывало. Подошла она к Иониця, обнимает его и говорит:

— Пробудись, милый друг!

Иониця не просыпается. Она стала плакать, целует его, а он все спит крепким сном. Обиделась на него волшебница, вернулась в озеро и скрылась под водой.

Табунщик попас коней, разбудил Иониця, и они поехали домой на конях. По дороге рассказал табунщик про волшебницу. Подосадовал на себя Иониця, как это он проснуться не мог?

На другой день опять они отправились на пастбище. Иониця хоть и задумал не спать, да сморил его сладкий сон. Сон-то ведь слаще меда. Так и загадка говорит: «Слаще его нет ничего, всем нужен, а никому не послушен».

Вышла из озера волшебница, опять та самая, будит Иониця, обнимает-целует — никак не разбудит. Заплакала она, ушла и скрылась в озере.

Табунщик все видел. Тоже, верно, досадовал на Иониця. Разбудил его, поехали они домой, и тут он рассказал Иониця, как будила его волшебница и плакала, видя, что не добудится.

На третий день опять поехал Иониця с табунщиком пасти коней на тот луг, что неподалеку от озера Волшебниц. Иониця стал прохаживаться по бережку, чтобы сон разогнать. Все ждет-пождет, думает: вот сейчас покажется волшебница из воды. И что же он вдруг надумал? Лег на траву и посматривает на озеро. Ну как тут не заснуть? Сон опять одолел его. Иониця спит себе крепко, а из озера вышла волшебница, подходит к нему, целует, плачет, прямо не знает, что и делать. Потом уж видит, что все равно не разбудить его, и говорит:

— Больше я не приду.

Сняла кольцо у Иониця и надела себе на палец, а свой именной перстень ему на палец надела и после того ушла, скрылась в озере.

Немного погодя пришел табунщик, разбудил Иониця и рассказал ему все как было.

Иониця чуть не помер с досады. Глянул на палец — видит чужое кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Прочитал Иониця надпись, не стал тут долго раздумывать. Едет домой. А как приехал, роздал он все богатства свои бедным людям. Справил себе обувку надежную — железные лапти, взял

посох стальной и отправился странствовать по свету широкому — искать Иляну Косынзяну.

Вот пришел он к зятю, который женат был на младшей сестре Ионицэ. Спрашивает его:

— Не слыхал ли ты случаем про Иляну Косынзяну?

— Нет, не слыхал,— отвечает зять.

Идет Ионице дальше и приходит к другому зятю, который женат был на средней сестре. Стал спрашивать и его, не знает ли он что-нибудь про Иляну Косынзяну?

— Откуда мне знать? — отвечает тот.— Про нее только сказки складывают.

Не сробел Ионицэ, подтянул потуже ремни на железных лаптях, взял свой посох стальной и пошел дальше разыскивать милую. Ничего не поделаешь, любовь и на край света заведет.

Приходит он к третьему зятю, который женат был на старшей сестре Ионицэ. И его тоже спрашивает:

— Ты много видал и слыхал на своем веку, должно быть, знаешь и про Иляну Косынзяну.

— Покамест еще не слыхивал, чтобы кто-нибудь побывал у Иляны Косынзяны, прознал, где она живет,— отвечал ему зять.— Воротись-ка ты лучше домой, нечего зря ходить да худую славу наживать!

Промолчал Ионицэ и затаил про себя, какая у него тоска на сердце. Без дальних слов распростился он с зятем и отправился в путь. Много долин и гор исходил Ионицэ, много кудрявых лесов и зеленых лугов прошел. Кого ни встречал, кого ни расспрашивал, так ничего и не узнал про Иляну Косынзяну.

«Что мне теперь за житье без Иляны? Так и буду идти, покуда земной простор не кончится, покуда свет да небушко не скроются».— говорил себе Ионицэ.

Шел он, шел и устали не знал. А на уме у него только Иляна была. Иной раз и почудится ему, будто вот она, впереди, да после видит Ионицэ, обманулся он, только так показалось.

Пришел он к высокой горе, стал взбираться на нее, а сам все об Иляне думает. Добрался до самого верху, смотрит, а по другую сторону горы темная пещера. Солнце в те места заглядывало только на закате. Спустился в пещеру Ионицэ Фэт-Фрумос, шел-шел, и ни один жив человек ему не попался, только змеи да всякие звери шныряют. Но Ионицэ не побоялся их.

После завидел он свет вдалеке и свернул в ту сторону. Прибавил шагу Ионицэ и очутился возле мельницы, какой не видывал на всем своем долгом пути. В быстрой речке черным-черна вода бежит, мельничные колеса гоняет, они лётом летают.

То-то обрадовался Ионицэ! Заходит он на мельницу, а людей там что-то не видно, как обычно на мельницах бывает. «Пропащая та мельница, куда народ не захаживает»,— так поговорка говорит. Посмотрел Ионицэ направо, посмотрел налево и при-

метил тут старика. Такой он был древний, тот старик, что у него уже веки не поднимались, он их крючьями поднимал. Один он на мельнице и управлялся, едва поспевал муку в мешки насыпать — так скоро зерно мололось.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Ионицэ старику.

— Здорово, молодец! — отвечает старик.— Скажи на милость, каким ветром тебя сюда занесло? До сей поры на этой мельнице ни один земной житель не бывал.

— Да что ж, человеку надо все изведать, девять морей и девять земель пройти — всякое повидать. Так вот и я исходил весь свет, только вот не узнал того, о чем спрашивал, никто не сумел мне сказать. Может, ты мне, дедушка, скажешь, ты человек старый, похоже, самому времени ровесник.

Старик поднял крючьями веки, посмотрел на Ионицэ и спрашивает, что ему надобно.

— Не слыхал ли ты, дедушка, про Иляну Косынзяну? — говорит Ионицэ.

— Так ведь мельницей она и владеет. На нее одну я мелю муку день-деньской. Прилетают сюда девять могучих птиц что ни день, каждая по четыре мешка зерна на себе приносит, а мне к утру надо все зерно смолоть.

Ободрился наш Ионицэ, сразу и сил у него прибавилось. Потолковал он со стариком о том о сем и сдружился с ним. А уж после напросился Ионицэ за мельника поработать, муку в мешки насыпать. Старик и рад отдохнуть, прилег на мешки и, конечно, сразу уснул — очень уж он натрудился. Ионицэ того и надо было. Живо наполнил мешки мукой, а в один мешок спрятался сам и зашил его изнутри.

Между тем прилетели могучие птицы, шумят, кричат, стали окликать старика, спрашивают:

— Мука готова?

Старик еле-еле пробудился от сна, поднял веки и туда и сюда смотрит — молодца нет как нет. Вот и пришлось старику опять одному управляться. А спросонок ему и вовсе тяжело мешки-то ворочать, насилу взвалил их птицам на спины. И полетели те птицы домой, как мысль, как ветер, быстрые.

Старик, понятно, так и остался на мельнице век доживать и смерти дожидать. А долго он, бедный, ломал голову, куда подевался молодец: то ли в реке потонул, то ли на вольный свет выбрался к земным жителям.

Между тем Ионицэ жив-невредим был в надежном месте. Прилетели могучие птицы к Иляне Косынзяне и отдали мешки повару. Вспорол он один мешок, а в нем как раз Ионицэ был. Ну и напугался тот повар, когда Ионицэ из мешка вылез!

— Да как же ты попал сюда, скажи на милость? — спрашивает он Ионицэ.

— Про то молчок,— говорит Ионицэ и показывает ему

кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Промолчал тогда повар и оставил Ионицэ у себя в доме жить.

Вот пришло время повару хлебы печь для Иляны Косынзяны — иного хлеба она и в рот не брала, только какой ей повар пек. Ионицэ и говорит повару:

— Дай-ка я испеку, увидишь, какой хороший хлеб будет!

— Ладно,— говорит повар.

Взялся Ионицэ за дело, засучил рукава, замесил тесто, живо-готово, посадил хлебы в печь. Вынул повар потом караваи из печи и надивиться не может, до чего пышный хлеб испекся.

Несет он Иляне каравай; она только взяла его в руки, сразу спрашивает:

— Кто испек такой чудесный, пышный хлеб?

— Кто же другой испечет? Я испек,— отвечает повар.

После того как вышел весь хлеб, повар снова собрался печь. Опять Ионицэ взялся стряпать вместо повара, и получился хлеб вдвое чудеснее прежнего. Долго дивилась Иляна, что хлеб раз от разу все лучше.

А повар не поспевал хлеб припасать. Только испекут — он уж весь, не то что прежде бывало. Оно и понятно: добрый хлеб все равно что пирог — не залежится.

Вот опять надо повару хлебы печь.

У Ионицэ от радости сердце так и запрыгало. Берется он стряпать в третий раз, сажает хлебы в печь, и тут недолго думая взял да и запек в один каравай кольцо Иляны Косынзяны.

Повар принес каравай Иляне. Она разломила его пополам, кольцо-то и выпало. Иляна его подняла, признала свое кольцо и спрашивает:

— Кто испек хлеб?

Повар давай вилять — то, другое, пятое, десятое, ну а после все же признался, что хлеб Ионицэ испек.

Иляна немедля послала повара за Ионицэ, привели его к ней в дом. Увидала она его, обняла и приказала дать ему платье, золотом шитое, его-то прежнее давно немыто было.

Спустя две недели обвенчалась Иляна с Ионицэ Фэт-Фрумосом и такой веселый пир задала, что весть о нем за девять земель разнеслась.

После свадьбы Ионицэ получил от Иляны все ключи. И стал он полным хозяином всех палат, и покоев, и кладовых. Только вот от подвала не дала ему Иляна ключа.

Прошло сколько-то дней; захотелось все ж Ионицэ узнать, что у нее в том подвале. Попросил он ключ у Иляны; не отказала она, отдала тот ключ. Ионицэ пошел, отпер подвал и заглянул внутрь. Вдруг слышит: из бочки зычный голос раздается, просит отворить дверь пошире. Послушался Ионицэ, распахнул дверь, тут и начали с бочки все обручи слетать, да как

вымахнул оттуда змей — с гору, не меньше,— и прямиком к Иляне Косынзяне. Подхватил ее и унес за девять земель.

Иониця давай слезы лить, а что толку — слезами горю не поможешь. Теперь опять ему надо разыскивать Иляну Косынзяну. Обул он железные лапти, взял стальной посох и отправился странствовать по свету широкому. Идет наш молодец, идет, остановится, пораздумает, да как ни думай — сам виноват, корить некого.

После долгих странствий приходит он к Святой Пятнице и стучится в дверь, знает, что она всем попавшим в беду помогает. Святая Пятница говорит:

— Коли добрый человек, заходи, помогу, а недобрый — ступай прочь за девять земель.

— Добрый я человек,— отвечал Иониця.

Впустила его в дом Святая Пятница и спрашивает, что ему надобно. Рассказал ей Иониця, что и как с ним случилось. Послушала его Святая Пятница, долго смотрела на него, словно хотела сказать: «Глупая голова ногам покою не дает». Потом пожалела его и утешила:

— Ничего, не теряй надежду! Возьми вот лук, когда-нибудь он тебе пригодится.

Взял Иониця подарок и пустился в дорогу. Шел он, шел по многим царствам, по дальним сторонам, не приведись столько исходить нам! И вот видит: стоит дом, над ним во́роны летают, кругом волки воют, страх, да и только!

Заходит в тот дом Иониця, а навстречу ему бабка, как есть ведьма: ноги лошадиные, зубищи стальные, а пальцы все загнутые, как серпы. Увидала она Иониця и спрашивает, каким ветром его к ней занесло. Иониця ей отвечает, что пришел он в работники наняться, коня заслужить.

— Ладно,— говорит бабка.— Мне как раз нужен работник. Служи у меня, только всего и дела — кобылицу каждый вечер пасти.

Так и уговорились. А год в те времена был только три дня. Иониця и рассудил, что год не долог, не век протянется.

Вот настал вечер; выводит бабка кобылицу, велит Иониця на пастбище ехать и наказывает приглядывать за кобылицей, а если не устережет, то голова долой. Сел Иониця верхом на кобылицу и погнал ее во всю прыть на пастбище, да не забыл и лук дареный прихватить. Едет он, вдруг навстречу ему ковыляет пташка с перебитой ножкой. Увидал ее Иониця, натянул тетиву, хотел подстрелить ту птаху, а она говорит ему:

— Не губи меня, лучше завяжи мне ножку, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Пожалел Иониця птаху, завязал ей ножку и поехал дальше. А как прибыл на пастбище, взял да и не стал с кобылицы слезать, чтобы не упустить ее.

Кобылица себе пасется, Иониця наш дремлет верхом на ней. Потом она ссадила его на камень, а сама обернулась птицей, полетела в лес с другими птицами и там стала петь.

Пробудился поутру Иониця, глядь, сидит он на камне, в руках уздечку держит, а кобылицы и след простыл. Загоревал он, заплакал, да так жалобно, что птицы и петь перестали.

И вдруг является перед ним та самая птаха, которой он ножку завязывал, и говорит ему:

— Не горюй, кобылица сама сыщется!

Пташка была чудодейка, приказала всем птицам петь да высматривать, нет ли залетной птицы среди них. Как запели все птицы, так и узналась по пению залетная птица. Пригнали ее к Иониця. Увидал он ее, стегнул уздечкой по голове и приговаривает:

— Но, ведьмина кобылица! Не будь ты птицей, а обратись в кобылицу, как и была!

Обратилась она в кобылицу, Иониця вскочил на нее и вмиг очутился у ведьминого дома.

Видит ведьма свою кобылицу, так обозлилась, рвет и мечет, отдубасила ее и пригрозила: если, мол, она и в другой раз сыщется, то уж несдобровать ей.

На второй вечер Иониця опять едет кобылицу пасти. И кто же ему попадается навстречу? Бедняга заяц с перешибленной лапой. Иониця берет свой лук, хочет подстрелить зайца, а заяц говорит ему:

— Не стреляй, лучше завяжи мне лапу, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Иониця завязал ему лапу и отпустил зайчишку.

Вот прибыл Иониця на пастбище, стал пасти кобылицу, верхом на ней сидит, а чтобы не спать, наложил себе репьев за ворот. Да что там, сон всякому сладок, одолеет, когда и не ждешь. Крепко заснул наш Иониця, кобылица опять оставила его с уздечкой на камне, а сама обратилась в зайца и давай скакать по лесу вместе с другими зайцами.

Просыпается Иониця, видит, что упустил кобылицу, и начал слезы проливать и голосить так, что и в полях и в лесах слышно было. Прибежал тут к нему хромой заяц и говорит:

— Положись на меня, мы тебе ее мигом сыщем!

Как пустился в лес тот зайчишка, собрал всех зайцев, оглядел их и узнал пришлого зайца по зубам: зубы-то у него не заячьи были, а лошадиные. Стал он пришлого зайца кусать да щипать и погнал вон из лесу. Иониця тут как тут, стоит, приговаривает.

— Но, ведьмина кобылица, не будь ты зайцем, а обернись кобылицей, как и была!

Стегнул он зайца уздечкой, и обратился тот в кобылицу. Иониця сел на нее и погнал прямо к дому. А ведьма тем часом

поставила на огонь котел с водой. Закипела вода, ведьма ждет: вот вернется Иониця домой без кобылы, тут-то она и сварит его заживо. Как увидала, что привел он кобылицу, от злости чуть не лопнула. Прикусила язык здоровенными своими зубищами, ни словечка не сказала. Но уж зато кобылице и досталось от нее! Начала ведьма охаживать ее каленым железным прутом, самое даже пот прошиб. Потом опять наказала ей получше спрятаться, чтобы Иониця не сыскал ее.

На третий вечер опять поехал на пастбище Иониця и опять заснул, словно околдованный. Кобылица обернулась теперь старым дубом, встала посреди леса, а корни пустила на том самом месте, где спал хромой зайчишка, вот и спугнула его, беднягу.

Пробудился от сна Иониця, глядит — опять кобылицы нет. Загоревал он пуще прежнего. Сам видел, какая злющая бабка-то, теперь от нее и вовсе не жди добра. Но, как говорится, на большую беду и подмога велика.

Подоспели тут птица-чудодейка и хромой зайчишка и говорят Иониця:

— Нечего тебе сокрушаться! Вон у тебя какой крепкий посошок, стучи им по всякому дереву — и найдешь кобылицу!

Иониця так и сделал. Как ударил по старому дубу, тот и запрыгал, а Иониця говорит:

— Стой, ведьмина кобылица, обратись из дуба в кобылицу, как и была!

Обернулся дуб кобылицей, Иониця поехал на ней домой. Увидела его бабка, заскрипела зубами что есть силы; они у нее все и покорежились.

Так вот и год сровнялся. Иониця говорит бабке:

— Ну что, хорошо я тебе служил?

— Хорошо,— отвечает бабка.— Теперь идем на конюшню, выберешь себе коня, как у нас уговорено было. Только прежде поешь, а то ты, видать, голодный.

Иониця сел за еду, и вот, пока он угощался, залетела в окно птаха-чудодейка и шепчет ему:

— Выбирай самого захудалого коня!

После пошел Иониця с бабкой на конюшню, она и давай всяких коней ему показывать: и гнедых, и буланых, и серых. И велит выбрать одного.

А в самом конце конюшни стоит неказистая клячонка шелудивая, глаза бы на нее не глядели.

— Вон того коня дай! — сказал Иониця.

— Да как я тебе такого никудышного коня дам? — говорит бабка.— Бери другого, какого хочешь.

Иониця знай просит этого. Так и пришлось отдать.

Заполучил Иониця коня, распростился с бабкой и тронулся в путь. А конь такой заморыш, еле-еле идет со двора.

Да горевать нечего! Конь-то был не простой. Как заржал он

вдруг, так и обратился в волшебного коня, хоть под облака на нем лети. Было у него четырнадцать селезенок, и потому он устали не знал.

Ионицэ вскочил на коня и только подумал, как бы ему к Иляне попасть, сразу очутился у змеиного дворца.

Иляна шла с водой от колодца, увидала Ионицэ, признала тут же, стала обнимать-целовать его.

Тотчас сели они на волшебного коня и понеслись.

Змей мигом это проведал, вскочил на коня и помчался за ними в погоню во весь дух. Видит, что не нагнать их, и давай кричать коню Ионицэ, чтобы сбросил тот его. Посулил змей коню, что будет его в молоке купать, овсом да сахаром кормить. Не сплошал Ионицэ, крикнул змеиному коню, что будет его клевером кормить и в росе купать.

Как услышал это змеиный конь, сбросил он змея наземь, расшиб на мелкие кусочки и растоптал копытами. Потом понесся во всю прыть и догнал коня Ионицэ.

Ионицэ сел тогда на змеиного коня, а Иляна Косынзяна осталась на его коне. Вот едут они дальше. Ехали, ехали по многим царствам, миновали девять земель и очутились дома. Как только воротились они во дворец Иляны, так стали гостей созывать да свадьбу справлять. Были на той свадьбе и все волшебницы из озера, пели, плясали — такого веселья ни на земле, ни на небе не знавали.

Если не умерли молодые, то и поныне живут.

Сел я на горячую головню верхом и мелю языком, сел я верхом на пилу на ржавую и поведал вам быль небывалую.

ХИТРЫЙ ПЕТР И ЗМЕЙ

Болгарская сказка

Было время, когда по земле бродили великаны-чудища. У них были громадные огненные крылья и хвосты, а чешуя сияла, как солнце. Жили они в горах, в глубоких пещерах, и, когда летали, становились невидимыми.

Эти чудища назывались змеями.

И вот случился на земле великий потоп, и все змеи потонули, потому что плавать они не умели, а долго летать по небу не могли — крылья ослабевали. Остался на земле только один змей. Он поднялся на самую высокую гору и ждал, пока воды потопа не стекут в моря, озера и реки. И вот обсохла земля, и змей тронулся в путь. Пришел он в болгарскую землю и поселился в горах, в одной пещере. Подыскал себе в служанки старую ведьму и отправился искать богатырей-юнаков.

А в то время уже родились на свет хитрецы, что побеждали не силой, а разумом.

Шел-шел змей, и повстречался ему однажды такой хитрец. Звали его Хитрый Петр. Вот змей и спрашивает его издалека:

— Эй, человек, ты богатырь-юнак?

— Богатырь,— отвечает Хитрый Петр.

— А в чем твоя сила?

— Возьму в руку камень, стисну — вода потечет.

— Не верю,— говорит змей.

— Давай потягаемся. Только сперва ты возьми камень и стисни.

Змей поднял с земли камень, стиснул его, в порошок искрошил — не течет вода.

— Ну, теперь гляди на меня,— говорит Хитрый Петр.

Нагнулся Хитрый Петр, поднял камень, а другой рукой незаметно вынул из торбы комок свежего творога. Стиснул в руке камень вместе с творогом — потекла вода.

Подивился змей на такую богатырскую силу.

— Ну, ты посильнее меня,— говорит.— Давай побратаемся!

— Давай,— согласился Хитрый Петр.

Побратались. Дальше пошли вместе. Шли-шли, дошли до виноградника. Видят: стоит среди виноградника высокая черешня со спелыми плодами. Змей был великан — рвет спелые черешни с высокого дерева и ест с ладони. А Хитрый Петр вертится вокруг ствола да облизывается — не может достать рукой до веток. Обобрал змей все ветки и наклоняет самую верхушку, чтоб и ее очистить. Тут Хитрый Петр изловчился, поймал одну ветку и принялся рвать черешни. Наелся змей, отпустил верхушку, а Хитрый Петр не успел вовремя выпустить свою ветку да и взлетел на воздух, как птица. Перекувыркнулся через черешню и шлепнулся в терновый куст. Под тем кустом дремал заяц. Испугался заяц, выскочил и — тягу.

— Что с тобой, побратим? — спрашивает змей Хитрого Петра.

— Да ничего! Увидел я зайца. «Дай,— думаю,— перепрыгну через черешню да схвачу его за уши». А заяц — наутек. Убежал, проклятый!

Змей еще пуще дивится. Пошли дальше. Шли-шли, добрались до леса. А в лесу полным-полно всякой дичи — и зайцев, и серн, и оленей. Змею захотелось есть. Вот он и говорит Хитрому Петру:

— Давай огородим лес высокой стеной, будем дичь ловить. Поймаем — изжарим и съедим.

— Ну что ж, я не прочь,— отвечает Хитрый Петр.

Засучили рукава, принялись за дело. Змей трудится по-богатырски — целые скалы таскает, одну на другую громоздит, а Хитрый Петр затыкает грязью дырочки между камнями.

Сложили высокую стену, огородили лес. Змей перелез через стену и принялся ловить медведей, волков, лисиц, серн, зайцев — всяких зверей. Ловит и в кучу складывает. А Хитрый Петр куда-то скрылся. Стал змей его кликать. Кликал-кликал, наконец Хитрый Петр показался вдалеке. Немного погодя подошел к змею с двумя малыми птенчиками в руках и говорит:

— Видишь? Я и птиц ловить могу! Не велико уменье ловить тех, кто по земле ходит. А ты попробуй поймай того, кто по воздуху летает!

И вот змей с Хитрым Петром сложили под деревом громадный костер. Змей освежевал дичь, насадил на вертелы сто оленей, двести серн, пятьсот зайцев. Изжарилось мясо, змей и говорит Хитрому Петру:

— Садись, побратим, мясо есть!

Сели. Змей ел по-богатырски, как змеи едят,— по зайцу зараз проглатывал, а Хитрый Петр еле-еле управился с лопаткой молодой серны. Смотрит Хитрый Петр на змея, завидует, хочется ему показать, что и он может есть по-богатырски. И стал он хватать громадные куски мяса. Есть не ест, только за спину себе кидает, когда змей в сторону глядит.

Настал вечер. Змей и говорит Хитрому Петру:

— Пойдем ко мне ночевать.

Пришли они в пещеру. Встречает их ведьма и спрашивает на змеевом языке:

— Это кто такой?

— Мой побратим.

— Что он за птица?

— Юнак. Богатырь, каких мало,— посильней меня будет.

— Чего ж ты его не убьешь?

— А как его убить? — спрашивает змей.

— Заснет он ночью, а ты возьми молот в сто пудов весом да и пристукни его.

Хитрый Петр все языки понимал и язык змеев тоже. Испугался до смерти, но ни слова не проронил. Легли спать, потушили светильник. Тут Хитрый Петр встал с постели, вышел из пещеры, набрал в мешок камней и положил его на свою постель под одеяло, а сам спрятался за дверью и ждет, что будет.

В полночь змей поднялся, схватил стопудовый молот, подошел к постели Хитрого Петра и ну дубасить по мешку. Бьет по камням что есть силы — из камней искры летят. Бил-бил, вернулся к ведьме и говорит:

— Ну, теперь убил! Что правда, то правда: крепок был этот юнак, куда крепче меня,— я его колочу, а из него искры летят.

И змей лег спать.

Наутро, откуда ни возьмись, появляется Хитрый Петр.

— Доброе утро, побратим!

Змей глаза выпучил.

— Как? Ты еще жив? — дивится змей.— Да ведь я же тебя молотом убил!

Усмехнулся Хитрый Петр:

— Так это ты меня бил? А я думал, меня блоха кусала. Нет, брат, лучше уж ты не трудись меня убивать. Я закаленный.

— Как же ты закалился?

— В кипятке.

— Сделай милость, закали и меня,— просит змей,— ведь мы с тобой побратимы.

— Отчего не закалить, закалю,— отвечает Хитрый Петр,— да только вытерпишь ли?

— Вытерплю! — говорит змей.— Очень уж хочется мне стать таким богатырем-юнаком, как ты.

— Ну что ж, так тому и быть,— говорит Хитрый Петр.— Прикажи своей старухе вскипятить чан воды. Да подкатите сюда бочку.

Подкатили бочку. Змей приказал ведьме налить полный чан воды и развести под ним огонь. Закипела вода, вот Хитрый Петр и говорит змею:

— Ну, юнак-богатырь, лезь в бочку! Буду тебя закалять.

Змей с великой охотой влез в бочку, а Хитрый Петр заколотил ее крепко-накрепко, потом провертел дырку и принялся лить кипяток в бочку. Закричал змей:

— Ой-ой! Побратим, горячо!

— Терпи, побратим,— утешает его Хитрый Петр.— Вытерпишь, закалишься не хуже меня.

Вот Хитрый Петр налил бочку доверху и говорит ведьме:

— Держи его в бочке до вечера — закалится, станет крепче железа. А как солнце зайдет, ты бочку разбей и выпусти его.

Ушел Хитрый Петр и был таков. А ведьма сидит, вечера дожидается. Взошел месяц, разбила она бочку, видит — змею конец пришел.

С той поры нет больше змеев на земле — все перевелись.

МАЛЬЧИК, ЩЕНОК, КОТЕНОК И ЛЯГУШОНОК

Болгарская сказка

У одной женщины был сын-школьник. Каждое утро, когда мальчик уходил в школу, мать давала ему денежку и говорила:

— Возьми, сынок, денежку, купи себе белую булочку.

Как-то раз мальчик шел по дороге, и вот видит он, что трое озорников бьют палками маленького щенка.

— Эй вы! — закричал мальчик.— За что щенка бьете?

— Не твое дело! Иди своей дорогой, а то и тебя отколотим.

Щенок жалобно завизжал. Мальчик опять крикнул озорникам:

— Слушайте, отдайте мне щенка! Я вам за него дам денежку, а вы на нее булку купите.

— Ладно,— говорит один мальчишка,— давай денежку.

Отдал мальчик свою денежку и взял щенка. В тот день он остался без булки. Вернулся мальчик домой, мать увидела щенка, нахмурилась, но сказать ничего не сказала.

На другой день мать опять дала сыну денежку и проводила его в школу. Перешел мальчик через мост, видит — те же озорники мучают котенка: навязали ему на шею камень и собираются бросить его в реку. Котенок мяукает — ни дать ни взять дитя плачет. Пожалел мальчик котенка и кричит озорникам:

— Стойте, не бросайте его в воду! Продайте мне, я вам за него денежку дам.

— Давай денежку! — крикнул старший мальчишка и подал ему котенка.

Мальчик отвязал камень, положил котенка в свою сумку, пошел в школу и опять проголодал до вечера. Вернулся он домой. Мать его увидела котенка, еще пуще нахмурилась, но опять ничего не сказала сыну.

И на третий день мальчик отдал свою денежку озорникам — выкупил у них лягушонка: он тайком от лягушки-матери выскочил из глубокого омута, вот его и поймали. Вечером пришел мальчик домой и пустил лягушонка на рогожку, где лежали щенок и котенок. Тут мать рассердилась не на шутку:

— Это еще что? Зачем ты приносишь в дом всякую дрянь? Кто их будет кормить? Или не знаешь, что нам самим есть нечего?

— Не сердись, мать,— говорит мальчик,— всякая тварь жить хочет.

— Выкинь их вон из дома, не хочу я их держать у себя!

— Ладно, мать, только и я уйду вместе с ними.

— Ступай куда хочешь! — кричит мать в сердцах.

Захлопнула мать ворота за сыном, думала — постоит-постоит, да и придет домой с повинной. А мальчик и взаправду ушел.

Побрел мальчик по большой дороге, а щенок, котенок и лягушонок за ним бегут. Шли-шли, подошли к большому городу. Сели передохнуть. Сидит мальчик, тяжело вздыхает.

— Что с тобой, братец? — спрашивает лягушонок.— Чего вздыхаешь?

— Тяжко у меня на сердце. Ведь хлеба-то у нас нет. Что будем делать?

— Заработаем,— говорит лягушонок.

— А как заработать?

— Я тебя научу как. Я стану песни петь,— голос-то у меня звонкий,— а щенок с котенком будут плясать. Позабавим ребя-

тишек, они нам денежек накидают. Вот мы и купим хлеба... Пойдем попробуем.

Встали они и опять тронулись в путь. Вошли в город да прямиком на школьный двор. Лягушонок песни поет, а щенок с котенком в пляс пустились. И так лихо они отплясывали, что школьники наглядеться не могли. Накидали мальчику денежек полную шапку. Обрадовался мальчик. Себе купил каравай хлеба, лягушонку целую коробочку мух, щенку — кусок мяса, котенку — рыбку. Наелись все досыта, вышли из города и переночевали в копне сена. Наутро отправились они в другой город и там тоже пели да плясали, вот и заработали себе на хлеб.

Так они все шли да шли — из города в город, из села в село. Много сел и городов обошли. Много дней и годов миновало. Голос у лягушонка стал еще звонче, шея у щенка потолстела, хвост у котенка вырос длинный, а у мальчика над верхней губой пушок появился. Теперь уж он был не мальчик, а молодец молодцом.

И вот как-то раз лягушонок говорит:

— Знаешь что, братец, надоело мне бродить по белу свету да песни петь.

— А чего тебе хочется? — спрашивает молодец.

— Хочу вернуться в наш глубокий омут, к матери. Соскучился я по ней.

— И я по своей матери стосковался,— говорит молодец.— Давайте вернемся домой.

А лягушонок ему на это:

— Приведешь меня к моей матери, она мне обрадуется великой радостью и захочет тебя наградить деньгами. Ты, братец, денег не бери, а попроси у нее серебряную коробочку — мать ее всегда под языком носит.

И вот отправились наши путники в обратный путь. Дошли до глубокого омута. Лягушонок как квакнет:

— Матушка! Я вернулся! Вылезай встречать!

Старая лягушка его услыхала да от радости так высоко подскочила, что через мельницу перепрыгнула.

— Где ж ты пропадал, дитятко мое родное? — спрашивает лягушка.

Тут лягушонок ей все рассказал. Старая лягушка принялась благодарить молодца.

— Чем же тебя наградить? — спрашивает.

— Ничего мне не надо. Прошу только коробочку — ту самую, что ты под языком носишь.

— Ишь, какой! Знаешь, чего просить,— говорит лягушка.— Из молодых, да ранний! Ну что ж, бери. Придет нужда, открой крышку — увидишь, что будет.

Оставил молодец лягушонка у старой лягушки, а сам пошел домой к матери. Щенок с котенком побежали за ним следом. Ступили на порог. Тут мать как всплеснет руками:

— Сыночек, да как же ты вырос! Смотри-ка — усики пробиваются. Жениться пора.

— Правда твоя, матушка, я и сам надумал жениться, уж и невесту присмотрел,— говорит сын.— Когда шли мы домой в нашу деревню, увидел я в соседнем городе девушку. Она стояла у источника, наливала воду в золотой кувшин. Вот на ней-то я и хочу жениться. Пойди посватай ее за меня.

— Как же мне ее сватать, сынок? А ты знаешь, кто эта девушка? Ведь она царская дочь, дитятко!

— Ну так что ж, что царская дочь? А мы разве не люди?

— Люди-то люди, да бедняки из бедняков.

— Ты все-таки пойди посватай ее, а там увидим, как дело обернется.

Встала мать, пошла в царский дворец. Старый царь оглядел ее с головы до пят и топнул ногой.

— Ты зачем пришла? — спрашивает строгим голосом.

Рассказала беднячка, зачем пришла. А царь как крикнет:

— Я отдам свою дочь за того, кто построит дворец больше и краше моего. Так и скажи своему сынку. А теперь убирайся вон!

Пришла беднячка домой, передала сыну, чего требует старый царь.

Выслушал сын свою мать, вспомнил про лягушкину коробочку, вынул ее из кармана и открыл крышку, а крышечка-то была маленькая, с ноготок. И вдруг потянулся из коробочки белый тонкий столбик дыма. Тянулся, стлался да вдруг и обернулся великаном — огромным-преогромным, с гору величиной.

— Что прикажешь, господин? — спрашивает великан молодца.

— Приказываю тебе построить дворец, да побольше и покраше царского.

— Исполню! — проговорил великан и вмиг построил дворец высотой до небес.

Увидел старый царь этот дворец и язык прикусил. Делать нечего, пришлось ему выдать свою дочь за молодца. Зажили молодые во дворце.

Вот как-то раз молодец и говорит жене:

— Пойду погляжу, что на белом свете делается. А ты оставайся дома да меня поджидай, пока не вернусь.

Пошел молодец по большой дороге, а щенок с котенком за ним идут. Целый день шли. Под вечер подошли к одному городу. Замяукал котенок:

— Братец, мне есть хочется!

— Сейчас тебя накормлю,— говорит молодец.

Сунул руку в карман — хотел коробочку вынуть, а коробочки-то и нету! Испугался молодец.

— Где моя коробочка? — кричит.— Видно, забыл я ее

дома на полке под миской. Делать нечего, надо возвращаться. Возьмем свою волшебную коробочку и опять тронемся в путь.

Повернули путники назад.

А с коробочкой вот что приключилось.

Принялась молодайка убирать горницу и нашла коробочку на полке под миской. Не знала она, что это за коробочка, взяла да и выбросила ее в окно. Упала коробочка на улицу, и послышался из нее голос:

— Ох!

В это время по улице проходил старьевщик. Услышал он оханье, нагнулся, поднял коробочку и открыл крышку. И вот из коробочки вылез великан.

— Что прикажешь, господин? — говорит великан старьевщику.

— Приказываю тебе взять этот дворец и перенести его вместе со мной на самый пустынный остров в море! И молодку с собой прихватим — вон ту, что сейчас из окошка выглядывает.

— Исполню! — проговорил великан и перенес дворец на остров.

Поздно вечером молодец, щенок и котенок добрались до места, где раньше стоял их дворец. А дворца-то и нет! Сел молодец на камень и горько заплакал.

— О чем плачешь, братец? — спрашивает его щенок.

— О дворце плачу, о молодице своей плачу. Эх, была бы у меня сейчас моя коробочка!

— Не плачь, братец, мы ее тебе принесем,— сказал котенок и вместе со щенком побежал к морю.

Добежали они до берега, всмотрелись, видят в море одинокий остров, а на нем дворец. Котенок вскочил на спину щенку, а тот бросился в море и доплыл до острова. Прокрались во дворец. Котенок не утерпел, забрался на чердак и давай гоняться за мышами. И вот подбегает к нему старая крыса и спрашивает:

— Ты чего моих мышей гоняешь?

— Хочу твоему хозяину отомстить.

— А что он тебе сделал?

— Украл коробочку у нашего братца. Где он сейчас, твой хозяин?

— Спит.

— А коробочка?

— Он ее в нос засунул. Коли тебе эта коробочка нужна, я ее принесу, только ты обещай не ловить моих мышек.

— Обещаю! — говорит котенок.

Побежала крыса на кухню и опустила свой хвост в красный перец. Потом прокралась в спальню к старьевщику. А тот спит себе, знать ничего не знает! Крыса тихонечко подползла по одеялу к его голове и пощекотала хвостом у него в носу. Попал старьевщику красный перец в нос, щекотно стало. Понатужился он да

как чихнет — коробочка-то и выпала у него из носа, а крыса схватила ее зубами и отнесла котенку.

— На,— говорит,— неси своему братцу, чтобы он не плакал.

А котенок ей:

— Спасибо тебе большое!

Взмахнул котенок лапками, выскочил на двор, сел на спину к щенку, и поплыли они по морю — рады-радешеньки, что нашли коробочку своего братца. Выбрались на берег, видят — сидит молодец на камне и плачет.

— Не плачь, братец, мы тебе коробочку принесли! — кричит котенок и подает молодцу коробочку.

Тот вытер глаза и открыл крышку. В мгновение ока появился великан.

— Что прикажешь, господин? — спрашивает.

— Приказываю тебе перенести сюда дворец, мою жену и вора.

И вот дворец мигом вернулся на место. Молодец вошел в него. А вор спит себе да спит глубоким сном. Молодец как затопает ногами — разбудил вора, дал ему затрещину, крикнул:

— В другой раз не будешь воровать чужие дворцы! А не то я заставлю великана тебе все кости переломать. Вон отсюда!

Старьевщик — шапку в охапку и наутек.

И вот все они стали жить да поживать: молодец с женой и матерью — во дворце, котенок — на чердаке, щенок — во дворе. А лягушонок, тот каждый вечер вылезал из глубокого омута и пел им песни — убаюкивал их, пока не заснут.

ПОЧЕМУ СТАРИКАМ ПОЧЕТ

Болгарская сказка

Один жестокий царь издал такой закон: всех старых людей убивать.

— Старики не могут ни жать, ни пахать, ни деревья рубить,— говорил он.— Только дома сидят, хлеб даром едят да под ногами путаются.

И вот царские палачи засучили рукава и взяли топоры в руки. Всех стариков переказнили. Остался на той земле только один старик — отец некоего боярина. Пожалел боярин старика отца, не выдал его палачам, а спрятал в тайнике и там кормил. Никто про него знать не знал, ведать не ведал.

У жестокого царя был вороной конь, да такой норовистый, каких свет не видывал. Не то что объездить его, но и подойти к нему никто не смел. Жила в царском дворце одна знахарка, хитрая баба. Раз спросил ее царь, как объездить коня. А она ему в ответ:

— Как объездить? А прикажи, государь, своим боярам свить

аркан из песка. Заарканишь своего вороного коня песочным арканом, станет он смирней овечки.

Созвал царь всех бояр и объявил свою волю:

— Завтра же доставьте мне аркан из песка. А если явитесь во дворец без аркана, я вас всех до единого переказню.

Разошлись бояре, повесивши головы. Никто не понимал, как это можно свить аркан из песка. Среди бояр был и тот, кто спас от казни своего отца. Вернулся он домой, вот старик его и спрашивает:

— Что закручинился, сынок?

Боярин рассказал, чего требует царь.

— Только и всего? — говорит старик.— Ну, тебе бояться нечего. Завтра утром, когда вы все соберетесь во дворце, царь вас спросит: «Где аркан?», а ты ему ответь: «Царь-государь, мы готовы свить аркан из песка, да не знаем, какой тебе надобен — толстый ли, тонкий ли. Дай нам образец».

Сын исполнил отцовский совет. На другой день выслушал царь умную отговорку, наклонил голову и говорит:

— Что правда, то правда, надо бы вам дать образец, да только негде его взять.

И не стал царь бояр казнить.

В то лето случилась великая засуха, какой на земле еще никогда не бывало. Все выгорело — и травы и хлеба. Житницы опустели, ни зерна не осталось на семена. Испугались люди — не умереть бы с голоду! Царю тоже забота немалая. Призвал он опять своих бояр и приказывает:

— Слушайте царское слово! Завтра же явитесь во дворец и доложите мне, где взять зерна на посев. А не то я с вас всех головы поснимаю.

Вышли от царя бояре сами не свои. Как быть? Нигде ни зерна — хоть шаром покати! И вот видит старик,— тот, что жил в тайнике,— сын его опять закручинился. Стал он сына расспрашивать, а тот ему в ответ:

— Ну, отец, на сей раз и ты мне не можешь помочь.

— Почему?

— Да потому, что во всей нашей земле нет ни зернышка, а царь велел нам, боярам, завтра же доложить ему, где найти семена на посев.

— Не бойся, сынок. Вот вы завтра придете к царю, а ты и присоветуй ему, чтоб он приказал крестьянам разрыть все муравейники, какие только есть в нашем царстве. Там найдут зерно, что муравьями собрано.

На другой день крестьяне разрыли муравейники и в каждом набрали по мешочку крупного зерна. Тогда царь милостиво обошелся с боярином и спросил:

— Скажи, кто дал тебе такой мудрый совет?

— Не смею, государь. Скажу — прикажешь меня повесить.

— Говори! Ни волоса не упадет с твоей головы.

Тут уж боярин признался, что спрятал своего отца, а старик научил его отговориться от песочного аркана и указал, где найти скрытое зерно.

И тогда издали новый закон: никто не смеет обижать старых людей, и, когда они идут по улице, каждый должен уступать им дорогу.

ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВЦЕ

Греческая сказка

Жил да был однажды бедный человек, и звали его Костакис. Все дни он работал с восхода до заката, а по воскресеньям выходил в свой садик, садился под яблоней, съедал хороший обед, а потом до вечера играл на свирели и таким образом проводил весь свой день в удовольствии. И было у Костакиса доброе сердце: ни на кого он ни разу не рассердился, ни с кем никогда не поссорился.

Раз в воскресный денек, когда он играл на своей свирели и мурлыкал песенку, выползла из укромного уголка змея и, качаясь-кланяясь, принялась танцевать перед ним в такт музыке. Поначалу испугался Костакис, а потом успокоился. Так вот оно и было — он играл, а змея танцевала. Наконец змея поклонилась в последний раз и исчезла, а там, где она танцевала, увидел бедняк мешочек золотых монет. Бедняга от радости чуть в пляс не пустился, а потом и говорит жене:

— В другое воскресенье я опять заиграю на свирели, тогда увидим, приползет ли она снова. Смотри только, никому ни слова! Ведь это не простая змея, это добрый дух нашего дома!

— О чем ты говоришь! Разве я рассудок потеряла, чтобы болтать о таком! Конечно же, это добрый дух нашего дома, в преданиях о нем не зря говорится. Слыхала я, что змеи любят музыку, может, ей нравится, как ты играешь?

— А ты, глупая, надо мной насмехалась, и убегала каждое воскресенье к соседкам, чтобы не слышать моей игры! Теперь видишь, что получилось!

Так в разговорах прошла неделя, а в воскресный день они вновь увидели змею. Целый год так продолжалось, и каждый раз змея оставляла Костакису мешочек золота. Дивился народ, что бедняки начали жить в достатке. Пошли сплетни да пересуды, то да се. Только и разговору — как бы вызнать тайну Костакиса! И вдруг змея пропала!

Ждал бедняк, ждал, играл на свирели, играл — все впустую: не выползает змея!

Тогда решил Костакис отыскать змеиную нору. А когда оты-

скал, увидел змейку, свернувшуюся клубком, мертвую. Опечалился бедный человек, заплакал горько и зарыл ее в саду, возле ограды.

А через несколько дней выросло на том самом месте деревце диковинное, ни на какое другое в мире не похожее. Подрыл Костакис немного корень и увидел, что деревце выросло на змеиных костях. Тогда прикрыл он корни землей, а деревце про себя назвал змеиным. Все дивились тому деревцу, а тайное его имя, змеиное, никто знать не знал. Даже жена Костакиса не знала: не открыл он ей, что выросло деревце на костях змеи.

И вот по воскресеньям начали собираться люди и ставить заклады. Но всегда проигрывали, ведь они не знали тайное имя деревца. Приходил один, ставил заклад и спрашивал:

— Это яблоня? Это груша? Это мирабель?

Подходил другой и начинал:

— Это гранат? Это персик? Это смородина?

Подходил третий:

— Это абрикос? Это инжир? Это померанец?

Никто не мог угадать, и бедняк выиграл множество споров.

А жил в той деревне один хитрый и жадный торговец, и решил он выведать секрет у жены бедняка. Вот набрал он вышивок, безделушек, украшений из поддельного золота, принес и продал ей по дешевке. Стали они друзьями. Раз торговец и говорит:

— Неужели и ты, любушка, не знаешь, что это за дерево растет в вашем саду у ограды?

— Не знаю я тайны, милый дружок. Таится муж и от меня!

— А ты упроси, уговори его. Подарю тебе тогда тапки, золотом расшитые, с шелковыми кисточками. Да смотри скажи вроде не мне, а назови деревце громко два раза в своей спальне. Я спрячусь под окошком и услышу. Вот и не будешь ты горевать, что выдала тайну.

Так он ее уговаривал, и на другой день спрятался хитрец под окошком в переулочке и весь обратился в слух. А женщина принялась пытать мужа:

— Скажи, муженек, как зовется наше деревце, что у ограды?

— Зачем это тебе знать? Плохо разве выигрывать нам в спорах?

— О чем волнуешься, Костаки мой, я ли разболтаю! Ты что, меня не знаешь? Или ты меня совсем не любишь?!

Подумал немного бедняк и открыл секрет.

— Давно бы так! Значит, это змеиное дерево! И выросло оно на костях нашей змейки! Ах дорогая наша змейка, ты и мертвая нам помогаешь! — И чтобы услыхал ее торговец под окошком, крикнула изо всех сил: — Змеиное дерево! Змеиное дерево!

В воскресенье вновь собрался народ спорить. Пришел и торговец в цветастом жилете. Вот проиграли двое, проиграли трое, тогда вперед вышел торговец и говорит:

— Ставлю на спор все свое имущество! Ставь и ты все, что имеешь, Костакис!

Растерялся бедняк, не ожидал он такого большого залога, но, уверенный, что никто не знает его тайны, согласился:

— По рукам! Ставлю все, что нажил!

— Договорились! Это тополь?

— Нет! Проиграл первый раз!

— Это липа?

— Нет! Проиграл и второй раз!

— Это... это...— Притворился торговец, что размышляет, крепко обхватил руками голову, вот-вот отгадает название.— А может, это змеиное дерево?!

Застыл Костакис с открытым ртом, как громом пораженный. В глазах у него все потемнело: только что был он в достатке, а теперь всего лишился и стал беднее прежнего!

Пришлось ему убираться из собственного дома: жена, как узнала о том, что произошло, вконец рассорилась с ним.

Вот бредет бедняга по дороге и убивается:

— Так мне, дурню, и надо, коли поверил злой женщине!

Встретилась ему старушка.

— Здравствуй, сыночек!

— Здравствуй, бабушка!

— Что ищешь ты здесь, где и птицы не пролетают?

— Хожу ищу свою судьбу!

— Судьба твоя живет в доме Солнца.

— Как же туда, бабуся, добраться?

— Это, сынок, далеко отсюда. Сначала пройдешь ты скалу, что висит в воздухе и качается, а на землю не падает, а потом речку, в которой воды чуть-чуть, а там уже и до Солнца рукой подать!

Проговорила это старушка и исчезла. А Костакис побрел дальше. Шел он, шел, долго шел.

И вот, наконец, дом показался, красный-красный, так и горит! А у двери женщина сидит, ни молодая ни старая. Понял Костакис — это же его судьба!

— Зачем пожаловал сюда, Костакис?

— Пришел я помощи твоей просить,— отвечает.— Не могу больше такую жизнь терпеть! Отдаюсь на твою волю — что хочешь, то со мной и делай!

— Хорошо,— говорит судьба,— попытаюсь я тебе помочь. Давай дождемся Солнца и спросим у него совета.

Вот сели они ждать. Как стемнело, закатилось Солнце спать-отдыхать, чтобы рано поутру вновь на небо отправиться. Дала ему женщина обед, показала Костакиса и попросила:

— Помоги, Солнышко, этому бедному человеку! Ведь это он играл на свирели моему дитятку — змейке!

Молвило тогда Солнце:

— Возвращайся в свою деревню и поспорь с торговцем. Пусть он теперь ставит в заклад все свое имущество. А спор будет вот о чем: спроси ты его, откуда Солнце встает. Он ответит, не долго думая, с востока, а ты говори — с севера, и ничего не бойся!

— Как же мне спорить, у меня и для заклада ничего-то нет!

— А ты поищи у корней змеиного деревца — авось найдешь чего-нибудь!

Наконец добрался бедняк до своей деревни. Дождался он ночи, подошел к своему дому, перелез через ограду в сад, копнул землю под змеиным деревцем и достал мешочек с золотыми монетами. Схватил он мешочек, перепрыгнул через изгородь и спрятался за деревней в ожидании воскресного дня.

В воскресенье чуть свет явился он к торговцу.

— Эй, ты зачем здесь? — удивился торговец.

— Хочу побиться с тобой об заклад!

— А что поставишь в залог? Ты же нищий! Без залога нет и спора!

— Не совсем уж я и нищий. Вот мой залог! Или он тебе не по душе?

С этими словами Костакис потряс мешочком с золотыми. Он-то знал, что ради золота торговец согласится на любой спор.

Так и случилось. Увидал торговец деньги, помутилось у него от жадности в голове, и, забыв всякую осторожность, он крикнул:

— Так о чем будет спор?

— Давай поспорим, откуда Солнце встает!

— Ха!.. Ха! Откуда же еще — с востока, конечно!

— Спорим, что с севера?!

Подумал торговец, что у Костакиса от горя с головой не в порядке, и воскликнул:

— Да я готов спорить об этом хоть тысячу раз, на любой залог!

— Если ты так уверен,— отвечает бедняк,— поставь все свое имущество! А я — этот мешочек, больше у меня ничего нет!

Засмеялся алчный торговец: скоро это золото в его карман пересыплется!

Вот на следующий день, еще не рассвело, взобрались они оба и все соседи на крышу дома и начали ждать восхода Солнца. У бедняги сердце колотилось от страха, не обманула ли его судьба, а у торговца сердце колотилось от радости, что скоро золото его будет. Так смотрели одни на восток, а другие — на север. Вдруг озарилось небо, и красные солнечные лучи показались на севере! Ахнул народ от удивления, а торговец упал без чувств. Пришлось ему, хочешь не хочешь, отдавать все свое имущество бедняку. И зажил Костакис хорошо, а мы с вами еще лучше!

ТРИ УДАЛЬЦА И ТРИ ДЕВУШКИ

Греческая сказка

Жили-были три удальца. Дошла до них как-то молва, что в старом колодце живут три девушки-красавицы, и захотелось удальцам взять их себе в жены; так и решили: больший возьмет в жены старшую девушку, средний — среднюю, а меньший — младшую.

Вот добрались они до колодца, обвязался старший удалец веревкою и спустился в колодец. Вызволил он первонаперво меньшую девушку, затем среднюю, принялся уж было за старшую, но та молвила:

— Поднимись сперва сам, удалец, а я вслед за тобою буду! Не то увидят твои братья, что я краше всех, захотят меня в жены, а тебя здесь бросят.

Не послушался удалец, не пожелал первым лезть, и тогда девушка сказала:

— Знаю я, что оставаться тебе в колодце. Вот возьми эти два лесных ореха: в одном — платье небесное, по подолу звезды, в другом — платье земное, по подолу цветы. А сшиты платья без иголки, без нитки. Будут пробегать мимо две овцы — черная да белая. Сумеешь вскочить на белую — отнесет она тебя в Верхний мир, мир людей; вскочишь на черную — попадешь в Нижний мир, подземный, мир теней.

Так сказавши, поднялась девушка из колодца. Увидали ее удальцы — ослепли от красоты, и каждый решил взять ее в жены, а веревку брату в колодец не бросать.

Вот сидит девушка во дворце, и приходит к ней средний удалец:

— Хочешь ли серебра, хочешь ли золота, пойдешь ли за меня замуж?

— Нет,— отвечает,— не надобно мне ни серебра, ни золота, не пойду за тебя замуж!

Приходит другой и спрашивает:

— Хочешь ли, девушка, хрусталя, хочешь ли жемчуга, станешь ли моей невестой?

— Нет,— отвечает,— не надобно мне ни хрусталя, ни жемчуга, а хочу я два наряда — два платья, сшитых без иголки, без нитки. Одно платье небесное, по подолу звезды, другое платье земное, по подолу цветы. Кто их добудет, за того и замуж пойду!

А тем временем старший удалец ждал, ждал, когда братья бросят ему веревку, да так и не дождался. Спрятал он тогда за пазуху орехи и начал осматриваться. Глядь, две овцы бегут. Вот белая овца мимо бежит, бросился на нее удалец, промахнулся. Кинулся тогда ловить черную, изловчился и схватил. Перенесла его черная овца в Нижний мир, к одинокому дереву.

Видит удалец на дереве гнездо, а в гнезде птенцы пищат: змея к ним подбирается, вот-вот проглотит! А то были времена, когда животные еще разговаривали человечьими голосами. И проговорили птенцы:

— Добрый человек, спаси нас от змеи, она нас проглотить хочет!

Удалец два раза просить себя не заставил, вмиг змею убил и на вершину дерева зашвырнул. Вдруг все вокруг задрожало — летит мать птенцов, чудовищная птица, солнце крыльями закрывает. Увидала рядом с гнездом человека, почудилось ей, что собирается он погубить ее птенцов, рассвирепела птица и бросилась с клекотом на удальца. Тут птенцы запищали-закричали:

— Не губи ты, матушка, человека, он наш спаситель! Приползала змея огромная, хотела нас проглотить, а он ее убил и на вершину дерева зашвырнул!

Молвила тогда птица:

— Спасибо тебе, удалец! Каждый год высиживаю я яйца, но приползает змея и губит птенцов. Чем отплатить тебе за твою доброту?

— Если можешь, перенеси ты меня в Верхний мир!

— Будь по-твоему! Но только добудь сорок овец и сорок бурдюков воды: пригодятся, когда полетим.

Вот добыл удалец все, что требовалось. Раскрыла птица крылья, сложил он овец ей на крылья, поставил бурдюки с водой, сел сам, и птица взлетела.

Скажет птица «Кра!» — дает ей удалец мясо. Скажет «Кру!» — воды. Вот и Верхний мир показался. Сказала птица «Кра!», а мясо-то кончилось! Что делать бедняге? Отрезал он кусок с ноги и кинул птице. Села птица у городских ворот, выплюнула изо рта человечье мясо, и приросло оно тотчас на прежнее место. Поблагодарила еще раз удальца птица, потом поднялась в воздух и вмиг исчезла. А удалец пошел в город.

Встречается ему на дороге купец. Удалец его и просит:

— Возьми меня, мастер, в помощники!

А купец как раз искал помощника и взял его с радостью.

День проходит, неделя проходит, видит однажды молодец, что купец опечален, и спрашивает:

— Что с тобой, мастер, отчего закручинился?

— Что сказать тебе, парень? Заказали мне два наряда, два платья, без иголки, без нитки сшитые. Одно платье небесное, по подолу звезды, другое земное, по подолу цветы. Где ж такие сыскать?!

— Это ли печаль! Будет слезы лить! Принеси-ка ты мне вина стакан да кулек конфет, получишь к утру платья!

Не поверил купец помощнику, но принес все, что требовалось. Закрылся удалец в каморочке, съел конфеты, выпил вино и расколол первый орех: появилось платье небесное, по подолу

звезды — засияло в каморочке. Расколол второй орех: появилось платье земное, по подолу цветы — запестрело в каморочке.

Пришел утром купец, увидал платья, без иголки, без нитки сшитые, смутился. Побежал во дворец, стал наряды девушке показывать. Увидала те платья девушка, вмиг поняла, что удалец из колодца выбрался. Но все же согласилась стать женой среднего удальца.

Вот съехались гости, начались свадьба да веселье, музыка да танцы. Пришел и купец со своим помощником. Сели гости за столы, пьют, едят, угощаются. Идут к столу жених с невестой. Увидала девушка помощника купца — вмиг узнала в нем старшего удальца!

И посреди пира и свадебного застолья молвил купец:

— Вот возьму я виноградный побег, положу его на стол, и если он выгонит листья, даст завязь и виноград мигом поспеет, чтобы вся свадьба поела и наелась, отдадим невесту за другого жениха!

Посмеялась свадьба: где это видано, чтобы виноградный побег тут же выгнал листву, дал завязь и спелый виноград, чтобы все поели. Что ж, согласились тогда отдать невесту за другого жениха.

Вот берет купец виноградный побег, кладет его посреди стола. И вдруг начали расти листья, появилась завязь, глядь — спелый виноград повис золотыми гроздьями. Все ели и дивились такому чуду, и молвил тогда купец:

— Возьмет девушку в жены удалец, что сидит рядом со мной.

И тотчас их обвенчали.

Была свадьба, и я там пировал.

В красной феске танцевал.

ВЕДЬМИНА ДОЧКА

Греческая сказка

Жил да был однажды царь, и звали его Яннакис. Говорит ему мать:

— Яннаки, женись.

— Нет, не хочу.

— Женись, сыночек, негоже царю без царицы.

— Не нашлась еще по мне невеста.

Раз пошел Яннакис на охоту, подстрелил птицу, и кровь ее закапала на снег. Пришел домой и говорит матери:

— Только ту в жены себе возьму, что бела как снег и румяна как кровь.

— Где же сыскать такую, дитятко, что бела как снег и румяна как кровь? Такие только в Нижнем мире водятся!

— Скажи мне, кто она, схожу и приведу тебе невестку.

— Иди,— говорит,— в Нижний мир и сыщи Марио, дочку ведьмы Ламии, она и есть твоя суженая.

Тотчас Яннакис в путь пустился, добрался до Нижнего мира, нашел Марио, дочку Ламии. Как увидел ее, чуть не ослеп от красоты. Молвила девица:

— Что ищешь здесь, Яннаки? Уходи, не то съест тебя моя матушка.

— А ты спрячь меня, вот и не съест.

— Где же мне тебя спрятать? Сюда не заходят люди. Как ты сюда попал?

— Да я за тобой, Марио, пришел, ты моя суженая!

Тогда схватила она его и спрятала. И только спрятать успела, ведьма вернулась:

— Где-то здесь, где-то там человеком пахнет.

— Что ты, матушка, откуда здесь быть человеку? Садись-ка лучше да поешь хорошенько!

Села Ламия за стол, поела, попила — наелась. А когда наелась, дочь и говорит:

— Что, матушка, если сейчас человека сыскать, съела бы его?

— Теперь,— говорит,— не смогу, сыта уже.

— Эй, Яннаки, ну-ка выйди, покажись моей матушке!

Немного времени спустя поднялась Ламия, отправилась на охоту. Оставила старика мужа дом стеречь.

Только мать за дверь, Марио усыпила отца, схватила Яннакиса за руку, и пустились они бегом. Вернулась Ламия, нет нигде Марио. Ищет там, ищет здесь, растолкала старика:

— Где Марио?

— А мне почем знать? Я спал, ничего не видал.

Рассвирепела ведьма, кинулась в погоню. Вот бегут Марио и Яннакис, видят вдали черную тучу. Говорит Марио:

— Видишь ту тучу, Яннаки? Это мать за нами гонится. Стань-ка ты церковкой, а я колоколенкой.

Стал Яннакис церковкой, Марио — колоколенкой. Нагнала их туча, спрыгнула на землю ведьма, толкнула церковку, пихнула колоколенку, а погубить беглецов не удалось. Тогда она поднялась и ни с чем улетела.

— Эй, Яннаки, бежим, путь еще не близкий!

Побежали они дальше, видят — вновь позади туча черная.

— Снова нас матушка настигает! Теперь становись ты родником, а я водицей.

Стал Яннакис родником, стала Марио водицей и потекла. Вновь спрыгнула с тучи ведьма, подбежала к роднику — разбрызгала воду, замутила, а погубить беглецов не удалось. Тогда она поднялась и ни с чем улетела.

А Яннакис с Марио вновь в путь пустились. И видят — опять туча их догоняет. Говорит тогда Марио:

— Становись теперь ты, Яннаки, морем, а я буду утицей.

Стал тут Яннакис морем, обернулась Марио утицей, побежала утица к морю, бросилась в волны и ну плавать! Вот и туча приблизилась, спустилась Ламия, подбежала к морю, начала звать:

— Марио моя, глазоньки мои, светик мой, пойдем домой! Вот вернется Яннаки к матери, она его вымоет, вычешет — забудет он тебя!

Молвит Марио Яннакису:

— Слышишь ли, Яннаки, о чем говорит моя матушка?

— Пусть себе болтает, Марио моя! Ты моя суженая, мне ли тебя забыть?!

Ждала, ждала ведьма, не дождалась и в обратный путь пустилась. Говорит тогда Яннакис:

— Теперь, Марио, пошли к моей матушке.

Шли, шли, подошли к самому дворцу. Дал Яннакис девушке колечко и амулетик и говорит:

— Марио, светик мой, суженая моя, побудь здесь недолго. Я пойду платье приготовлю, тебе его принесу. Ты переоденешься, и пойдем вместе к моей матушке.

Сказал так, а только в дом вошел, забыл Марио.

Через некоторое время обручила его мать с другой.

А Марио ждала, ждала жениха, видит — не возвращается. Шла мимо старушка за овощами. Вот Марио ей и говорит:

— Не возьмешь ли меня, тетушка, с собой, не пустишь ли к себе жить?

— Что ж,— отвечает,— живи.

Привела старушка Марио в свой дом. А нужно сказать, что дом той старушки был как раз возле дворца, где жил Яннакис с матерью. Услыхала однажды Марио, что царь надумал жениться, поняла: совсем забыл ее Яннакис. Тогда взяла она немного муки, замесила тесто и вылепила трех птичек. Дала птичек старой женщине и наказывает:

— Отправляйся к царю, туда, где он кудри чешет!

Вышел царь утром в комнатку кудри чесать, а там на зеркале три птички рядком сидят. Слетела первая птичка, села царю на плечо и молвит:

— Марио моя, глазоньки мои, светик мой, пойдем домой! Вот вернется Яннаки к матери, она его вымоет, вычешет — забудет он тебя!

Слетела средняя птичка:

— Слышишь ли, Яннаки, о чем говорит моя матушка?

Тут молвит третья птичка:

— Пусть себе болтает, Марио моя! Ты моя суженая, мне ли тебя забыть?!

Ахнул тогда Яннакис:

— Горе мне, несчастному! Что же я наделал?! Позабыл свою невесту!

Затосковал Яннакис, не пьет, не ест. Куда идти? Где искать Марио?..

Стали глашатаи кричать:

— Царь наш заболел, царь наш чахнет от неведомого недуга! Всякий житель волен прийти к нему с кушаньем: может, отведает царь и поправится!

Потек народ к нему, что ни день — новые яства несут, но ничто не помогает. Тогда говорит Марио старушке:

— Давай, старая, и мы состряпаем что-нибудь для царя.

Сварила Марио похлебку, налила в миску, бросила туда колечко и говорит старушке:

— Неси, тетушка, похлебку эту царю. Как отведает, начнет поправляться!

Взяла старая женщина миску, пошла во дворец.

— Добрый день, детки!

— Здравствуй, старая, что надобно?

— Вот принесла и я царю угощение!

— Поди прочь, старуха! Виданное ли дело — царю ваше варево хлебать?!

Тут услыхал их царь и крикнул из окошечка:

— Пусть подымется, она вольна!

Поднялась старая женщина наверх и дала царю похлебку Взял царь миску, съел варево, глядь — а там колечко лежит Как признал Яннакис колечко, тотчас ему лучше стало. Вот зовет он слуг:

— Дайте этой женщине серебра, золота, сколько пожелает, и пусть утром принесет что-нибудь еще!

Нагрузили старую золотом, вернулась она домой веселая.

— Приказали мне, Марио, состряпать еще что-нибудь к утру!

— Ну что ж,— отвечает,— это дело нехитрое!

На следующий день послала Марио старушку за овощами и испекла овощной пирог, а внутрь запекла амулетик. Дала она пирог старой женщине и просит:

— Пойди, тетушка, отнеси этот пирог царю. Как съест его — вмиг поправится!

Взяла старая узелок с пирогом, принесла во дворец, отдала царю. Режет Яннакис пирог, глядь — а там амулетик.

— Куда ты дела девушку? — спрашивает Яннакис.

— Что ты, детка, у меня девушки и в помине нет!

— Скажи, старая, не то худо будет!

— Повезло мне, нашла я ее за деревней, где собирала овощи. Вот и взяла ее к себе в дом.

Кликнул тогда царь слуг и велел им дать старушке денег, сколько та пожелает. Взяла старая целую кучу денег, сложила в узелок и домой тащит. А за нею — царь поспешает, в карете,

с платьем и украшениями. В дом вошел, взял с собой Марио и тотчас с ней обвенчался.

И я там не был, да и вы мне не поверите!

ДЕВИЦА НА ВОЙНЕ

Греческая сказка

Жил-был царь, и было у него три дочери. Однажды пришло ему послание идти на войну. А был он стар. Вот сел, и плачет, и думает, что же ему делать. Пришла к царю старшая дочь и спрашивает:

— Что с тобой, батюшка, отчего плачешь?

— Не твоя это забота, не тебе про нее и знать.

— Нет, батюшка, скажи, а то не отстану!

— Что сказать тебе, бедняжка? Пришло мне послание идти на войну, а я не могу.

— Ах, горе какое, война да беда, а я-то надеялась, что собрался ты замуж меня выдать!

Вот и средняя дочь идет и спрашивает:

— Что с тобой, батюшка, отчего плачешь?

— Не твоя это забота, не тебе про нее и знать.

— Нет, скажи, что случилось.

— Не скажу, а то ответишь, как твоя сестрица.

— Нет, батюшка, не отвечу тебе, как сестрица.

— Послушай, голубка, пришло мне послание идти на войну, а я стар и не могу.

— Ах, горе какое, война да беда, а я-то думала, что собрался ты замуж меня выдать!

Наконец приходит к царю младшая дочь и спрашивает:

— Что с тобой, батюшка, отчего плачешь?

— Не твоя это забота, не тебе про нее и знать.

— Скажи, батюшка, скажи, родненький.

— Будь по-твоему, но смотри не отвечай, как старшие твои сестрицы. Вот что стряслось, доченька: пришло мне послание идти на войну, а я не могу, ведь я стар.

— Полно лить слезы, это ли горе, батюшка! Дай ты мне мужское платье и доброго коня — отправлюсь я на войну!

— Негоже девице войной заниматься, доченька.

— Не тревожься, батюшка, я схожу, я повоюю — выиграю войну!

— Будь по-твоему, детка!

Дал он ей мужское платье и доброго коня. Отправилась царевна на войну и победила.

Случилось там же воевать одному царевичу из соседнего царства. Вот пустились они в обратный путь и остановились

на постоялом дворе. Догадался царевич, что с ними девушка, и говорит матери:

— Матушка, а ведь это девица ходила на войну!

— Пустое толкуешь, виданное ли дело, чтобы девицы на войну ходили!

— Говорю тебе, матушка, точно девица воевала!

— Ну что ж, посмотрим, каков этот воин. Как завечереет, позови его в поле ночевать, а для ночлега выбери место травное. На закате уснете, на зорьке проснетесь. Тогда и погляди на траву: если под тобою трава будет зеленее, то это девица, нет — значит, парень.

Как сказала мать, так он и сделал. Вышли они в поле и легли спать. Уснул царевич, а девушка встала, отошла подальше и там легла; на заре же вернулась на прежнее место. Вот поднялись утречком, смотрит царевич — трава под царевной зеленее. Тогда пошел он к матери и говорит:

— Подо мной, матушка, трава вялая, а под воином — свежая да зеленая.

— А я что говорила? Видишь теперь, это парень!

— Нет,— отвечает упрямец,— это девица. Вернемся домой — пойду ее сватать!

Вернулся царевич домой с войны, надел простые одежды, взял веретена, нитки и бусы и отправился в город, где живет царевна. Остановился у дворцовых окон и кричит:

— Кому нитки, кому бусы, кому веретена!

Услыхали его служанки, прибежали к царевне:

— Слышишь ли, госпожа, что продает чужеземец?

— Пусть его кричит.

— Неужто мы так ничего и не купим?

— Да покупайте, что хотите.

Выбрали служанки бусы, хотят отдать деньги, а тот не берет:

— Не нужны мне золотые монеты, дайте вы мне в уплату миску проса!

Обрадовались девушки, принесли ему миску проса. А он, хитрец, одной рукой просо в мешок сыплет, а другой — по земле рассыпает. Сел и собирает просо по зернышку, пока не стемнело. Пришли служанки и спрашивают:

— Почему не попросишь еще одну миску, зачем сидишь и собираешь по зернышку?

— Не хочу я другого,— отвечает,— этим просом мне заплатили, оно-то мне и нужно! Но дайте вы мне переночевать, пустите в какую-никакую каморочку!

Пустили его девушки переночевать в каморочку, а он дождался ночи, подкрался к царевниному окну и бросил в нее сонной травой, а как та заснула крепким сном, схватил в охапку и на родину принес.

Проснулась царевна, видит — места все незнакомые. Тут

догадалась она, кем был тот торговец, взяла ее досада, и притворилась она немой.

Год проходит, три проходят — молчит девушка. И что ни год, пуще мать сына бранит:

— Сдурел ты, что ли, хорошую невесту добыл — немую да глухую! Оставь ее сей же час и другую сватай!

Делать нечего, пришлось царевичу новую невесту сватать. Обручились они, вот подошел день свадьбы. Собрались гости, ведут молодых под венец, дали невесте в руку свечу, дали и немой. Потек у немой воск, жжет руку, а она свечи не бросает, еще крепче держит. Тут начали ей говорить:

— Эй, немая, сожжешь руку, брось свечу!

А та будто и не слышит. Подошел жених и говорит:

— Эй, немая, сожжешь руку, брось свечу!

Царевна и бровью не повела. Подходит и невеста в свадебном наряде:

— Эй, немая, сожжешь руку, брось свечу!

Как услыхала это царевна, разгневалась:

— Откуда ты взялась, чтобы мне приказывать!

Услыхал эти слова царевич и все понял. Тут оставил он новую невесту и взял в жены царевну. Была свадьба веселая, и прожили они жизнь в счастии и согласии. Может, и по сей день живут.

ПЕТУХ И КУРИЦА

Албанская сказка

Жили-были петух с курицей. Отправились они как-то на прогулку. Шли, шли и не заметили, как ушли далеко от дома. В дороге их неожиданно застиг ливень. Промокли петух с курицей, озябли. А потом и вечер наступил, и негде им от непогоды укрыться.

Бредут петух с курицей и видят: стоит на берегу горной речки мельница. Постучался петух в дверь.

— Кто там? — спрашивает мельник.

— Это мы, петух с курицей,— отвечает петух.— Мы промокли и озябли, пусти нас переночевать. Мы заплатим за ночлег: когда курица снесет яйцо, мы тебе его оставим.

— Не нужно мне ничего,— ответил мельник.— И ночевать вас не пущу, уходите.

Бредут петух с курицей дальше, видят, стоит у реки еще одна мельница. Постучался петух в дверь.

— Кто там? — спрашивает мельник.

— Это мы, петух с курицей,— отвечает петух.— Мы промок-

ли и озябли, пусти нас переночевать, мы заплатим за ночлег: когда курица снесет яйцо, мы тебе его оставим.

— Уходите отсюда,— ответил мельник.— Не пущу вас ночевать.

Бредут петух с курицей дальше, видят, стоит у реки третья мельница. Постучался петух.

— Кто там? — спрашивает мельник.

— Это мы, петух с курицей,— отвечает петух.— Пусти нас переночевать, мы озябли и промокли. Мы заплатим за ночлег: когда курица снесет яйцо, мы тебе его оставим.

Мельник оказался человеком добрым и заботливым. Он открыл дверь, пустил петуха с курицей, растопил очаг, усадил их, обогрел, зерном накормил. Петух с курицей обсохли, отогрелись, поели и легли спать. Мельник задул очаг и тоже улегся отдыхать.

Но петуху с курицей не спалось. Жалко им стало яйца, не хотелось отдавать его мельнику. И решили они потихоньку встать и уйти. Поднялись под конец ночи, дверь открыли и пошли к себе домой.

Утром мельник просыпается и видит: нет петуха с курицей. «Наверно,— думает,— пошла курица на сеновал, яйцо мне хочет снести, а петух ее сторожит». Растопил он очаг, уселся и ждет. Время проходит, уже солнце высоко, а петуха с курицей все нет. Встал тогда мельник, обошел всю мельницу, заглянул на сеновал — нет гостей.

«Ладно,— думает мельник,— пойду к ним в деревню, пусть отдадут мне обещанное яйцо».

Когда петух с курицей увидели, что в их деревню спускается с перевала мельник, они быстро разбили все яйца, которые у них были в доме, вылили желтки и белки в кувшин и хорошенько его спрятали, а скорлупу бросили в очаг и сверху прикрыли тлеющими углями. Потом воткнули в полотенце несколько иголок и спрятались сами.

Мельник вошел в дом, посмотрел по сторонам, но яиц нигде не увидел.

«Ладно,— подумал он,— посижу у очага, подожду. Скоро, наверное, петух с курицей придут».

Только он наклонился к углям, чтобы раздуть огонь, как скорлупа затрещала, полопалась и мельника всего обдало сажей — и лицо и руки. Вскочил он, пошел водой умылся. Только взялся за полотенце, а иголки вонзились ему в пальцы.

— Вот как отблагодарили меня петух с курицей за то, что я им сделал столько добра,— сказал мельник и пошел обратно к себе на мельницу.

С тех пор никто в том краю не открывает дверей неблагодарным петуху с курицей, если они просятся переночевать.

СМЫШЛЕНАЯ ДЕВУШКА

Албанская сказка

Давным-давно жили в деревне крестьянин с женой. И был у них один-единственный сын.

Когда сыну пришла пора жениться, родители посоветовали ему выбрать невесту в родной деревне. Юноша перебрал в уме всех деревенских девушек, но подходящей невесты не нашел. Делать нечего, пришлось родителям разрешить ему искать себе невесту, где хочет.

Обрадовался сын, что родители не неволят его с выбором, и отправился в город. Там жил портной, старый друг его отца. Пришел юноша к портному и говорит:

— Надумал я жениться. Ни одна девушка в нашей деревне мне не по душе. Вот я и решил прийти к вам. Может быть, вы, добрый друг моего отца, поможете мне найти самую лучшую девушку на свете?

Портной подумал и сказал:

— Слыхал я, что в одной деревне живет очень хорошая девушка. Да беда в том, что она у отца единственная дочь, других детей нет, а жена у него недавно умерла. Поэтому отец даже слышать о женихах не хочет и сватов в дом не пускает.

Юноша ответил:

— Это ничего, что сватов не пускает, с отцом я дело улажу, лишь бы девушка была хорошая.

Тогда портной сказал:

— Завтра у нас базарный день, и ее отец наверняка придет в город.

Юноша вернулся домой, а наутро встал затемно и снова отправился к портному прямо в его мастерскую на базарной площади. Портной уже сидел за работой. Он налил гостю чашку кофе, а когда в толпе появился высокий седой крестьянин, показал его юноше. Тот хорошо рассмотрел отца девушки и остался доволен. Одежда у старика была чистая, а заплаты пришиты аккуратно и, как видно, с большим старанием.

После обеда крестьяне стали разъезжаться с базара. Пошел домой и отец девушки со своими односельчанами. Юноша распрощался с портным и отправился вслед за ними. На полдороге к деревне он нагнал их, поздоровался, пожелал всем доброго пути. Дальше они пошли вместе. Юноша весело болтал и шутил с молодыми парнями. Дорога поднималась в гору. На перевале им пришлось взбираться вверх по крутой каменистой тропинке. Отцу девушки было трудно идти, и юноша старался ему помочь. Он шел впереди и протягивал руку каждый раз, когда старику нужно было подняться на крутой уступ. Так у него появилась возможность заговорить с отцом девушки. Он шутливо сказал:

— Отец, а почему бы вам не потратить лишний грош и не купить коня? С конем легче одолевать подъемы.

Старик удивился и ответил:

— Что ты говоришь, сынок? Разве можно за грош купить коня?

— Надо же! — невозмутимо ответил юноша и пошел дальше.— А я и не знал. Оказывается, нельзя за грош купить коня.

Когда они подошли к деревне, юноша, взглянув на зеленые поля озимых, спросил:

— Отец, а у вас в деревне кто-нибудь уже косил озимые?

Старик еще больше удивился и ответил, немного раздражаясь:

— О чем ты спрашиваешь, сынок? Кто же косит озимые, когда они едва взошли?

Юноша ответил так же спокойно и невозмутимо:

— Вот оно что! А я и не знал. Нельзя, оказывается, косить озимые, когда они едва взошли.

Они направились дальше. Юноша развлекал отца девушки разговором, а когда крестьяне пришли в деревню и стали расходиться по улочкам и тропинкам к своим домам, юноша проводил старика до самых ворот.

Спускались сумерки, а в горах темнеет быстро. Юноша успел рассказать старику, что идет в соседнюю деревню, и теперь, когда он стал почтительно прощаться, старик сказал:

— Смеркается, сегодня уж не стоит идти дальше, оставайся у меня ночевать, а утром поднимешься пораньше и отправишься в путь.

Только этого юноша и добивался. Он и в деревню-то пришел, чтобы попасть в дом к старику, и все у него получилось, как он хотел. Теперь ему оставалось выполнить свое намерение — увидеть девушку, узнать, хорошая ли она работница и умна ли она.

Старый крестьянин с гостем вошли в чисто убранную комнату. В доме царил полный порядок. «Пожалуй, девушка хорошая работница»,— подумал юноша. Вскоре он заметил ее в окне — девушка как раз вышла во двор за дровами. Она была стройна и очень красива, но, видно, недавно поранила ногу, потому что одна ступня у нее была перевязана и девушка хромала. Юноша подумал: «Если она еще и умна, женюсь!» И он сказал старику:

— Отец, в таком прекрасном доме, как ваш, мог бы поселиться король, да вот беда: труба-то у очага кривая!

Девушка в это время находилась за дверью. Не дожидаясь ответа отца, она сказала:

— Неважно, что труба кривая, шел бы дым прямо!

Юноша сразу смекнул, что девушка неглупа.

Но старый крестьянин не разбирался в тонкостях беседы и рассердился на дочь. Он вышел за дверь, велел ей испечь хлеба и приготовить ужин, а потом стал укорять: зачем вступила в разговор с чужим человеком, да еще с таким дурачком.

— Всю дорогу он болтал глупости,— сказал крестьянин.— Когда мы шли через перевал, спросил, почему бы мне не потратиться и не купить за грош коня. Когда подошли к деревне, стал спрашивать, не косят ли наши крестьяне озимые, а озимые только взошли. Теперь говорит, что труба у очага покосилась. Где же она покосилась? Труба прямая!

— Нет,— ответила девушка,— это не глупости. Не о коне он тебя спрашивал, коня за грош не купишь, а о палке. Тебе тяжело лазить в гору, а если бы ты взял с собой посох, было бы легче. И про озимые он спросил неспроста. Ты сам знаешь, что в голодный год наши крестьяне объедают по весне озимые, как только взойдут побеги. Кривая труба у очага — тоже не глупость. Просто он пошутил надо мной, я ведь хромаю.

Юноша слышал их разговор и решил завтра же утром посвататься к девушке.

Вернулся в комнату старик, они поужинали и легли спать. Рано утром юноша встал, поблагодарил хозяина за ночлег и собрался в дорогу. Старик проводил его до ворот, но юноша, вместо того чтобы распрощаться, вдруг говорит:

— Только затем я к вам в дом пришел, чтобы назвать вас тестем, а вашу дочь женой.

Старик постоял, подумал немного и пошел в дом спрашивать дочь, как быть.

— Если ты не выдашь меня за него, я вообще замуж не пойду,— ответила дочь.

Старик снова отправился к воротам и сообщил юноше о согласии дочери.

Довольный юноша вернулся домой и рассказал родителям о своем выборе.

Через какое-то время отец жениха и говорит жене:

— Пора готовить подарок невесте. Пошлем ей большой сдобный крендель и бурдюк с медом. А в крендель запеки двенадцать золотых монет.

Мать жениха испекла крендель, налила полный бурдюк меда и с этими подарками снарядила в дорогу работника. А жених его напутствовал:

— Передай от меня поклон будущему тестю и скажи ему так: «Жених желает вам крепкого здоровья и говорит: полная луна, двенадцать месяцев, козленок на ножках скачет».

Отправился работник в деревню невесты. По дороге присел закусить, поел кукурузного хлеба с брынзой, да не удержался, отломил кусок от сдобного кренделя и отпил из бурдюка меду. Когда жевал крендель, попались ему на зуб две золотые монеты. Работник спрятал их в кошелек, а хозяйку в мыслях обругал за то, что не умеет хлеб печь, бросает в тесто монеты,— он чуть было зубы не сломал.

К вечеру работник пришел в дом невесты и передал старому

крестьянину подарок и привет от жениха. Старик не понял, что ему хотел сказать жених. Он стал проклинать себя за то, что обещал дочь такому дурачку, и сетовать на лихую судьбу дочери, но смышленая девушка сразу все поняла. Она накормила и напоила работника, а наутро проводила его со словами:

— Передай от меня поклон жениху и скажи ему: «Невеста желает всем вам доброго здоровья и говорит: ущербная луна, десять месяцев, козленок упал на колени, но не огорчай куропатку, не убивай змею».

Работник вернулся домой и передал хозяевам слова невесты, которых он тоже не понимал. Услышав об ущербной луне и десяти месяцах, жених рассердился и хотел прогнать работника, но, когда тот сказал: «Не огорчай куропатку, не убивай змею», простил его.

Вскоре жених с невестой сыграли свадьбу и жили потом долго и счастливо.

КАК ДЕВУШКА ЦАРЯ ПЕРЕХИТРИЛА

Черногорская сказка

Жил-был бедняк. Никого родных у него не было, кроме дочери. Жили они тем, что добрые люди дадут. Дочь умела говорить умные речи и отца учила, как надо говорить. Раз пришел бедняк к царю за милостыней. Царь спросил, откуда он и кто научил его так умно говорить. Бедняк ответил, что дочь научила.

— А она у кого научилась? — спросил царь.

— Ее умудрила наша бедность.

Тогда царь дал ему три десятка яиц и сказал:

— Снеси их дочери и скажи, чтобы она вывела мне из них цыплят. Выведет — я ее награжу, а нет — буду тебя пытать.

Бедняк, плача, вернулся домой и сказал обо всем дочери. Та догадалась, что яйца вареные, послала отца спать, сказав ему, что обо всем позаботится сама. Отец послушался, лег спать, а дочь взяла котел, наполнила его водой, положила туда бобы и сварила их.

На другое утро позвала она отца и велела ему взять плуг, запрячь волов и пахать у дороги, по которой поедет царь.

— Как увидишь царя,— сказала она отцу,— сей бобы и кричи: «Эй, волы, пошевеливайтесь! Да поможет бог уродиться вареным бобам!» Царь спросит: «Как же могут уродиться вареные бобы?» — «Так же, как из вареных яиц могут вывестись цыплята»,— ответишь ты.

Выслушал дочь бедняк, пошел пахать у дороги, а завидев царя, принялся кричать:

— Эй, волы, пошевеливайтесь! Да поможет бог уродиться вареным бобам!

Царь остановился.

— Бедняк, как же могут уродиться вареные бобы? — спросил царь.

— Так же, преславный царь, как из вареных яиц могут вывестись цыплята,— ответил тот.

Царь сразу понял, что так его дочь научила отвечать. Он велел слугам схватить бедняка и привести к себе. Дал ему царь пучок льна и сказал:

— Возьми и сделай из этого канат, паруса и всю остальную снасть, какая нужна для корабля, а не сделаешь — пропала твоя головушка!

Бедняк в страхе взял пучок льна, заплакал и пошел домой рассказать обо всем дочери. Та послала его спать, сказав, что обо всем сама позаботится. Наутро она взяла кусочек дерева, разбудила отца и говорит:

— Возьми этот кусочек дерева и отнеси царю: пусть он мне из него сделает кудель, веретено, станок и все прочее, тогда и я сделаю, что он велит.

Бедняк послушался дочери и сказал царю, как она научила. Услыхав ответ, царь подивился и стал думал, что ж теперь делать. Потом он взял чашечку и дал ее бедняку:

— Возьми чашечку и снеси своей дочери: пусть она ею вычерпает море, чтоб на его месте стало сухое поле.

Бедняк заплакал, отнес чашечку домой и рассказал обо всем дочери. Та велела ему подождать до утра и обещала обо всем сама позаботиться. Утром она позвала отца и дала ему пучок пакли:

— Снеси царю, пусть он этой паклей запрудит все озера, реки и ручьи, тогда я ему вычерпаю море.

Бедняк пошел и передал все царю. Царь, видя, что девушка умнее его, велел привести ее и, когда вместе с отцом она предстала перед ним, сказал:

— Угадай, девушка, что слышно дальше всего?

— Преславный царь, дальше всего слышны гром и ложь,— ответила девушка.

Тогда царь взялся за бороду, повернулся к своим приближенным и спросил:

— Угадайте, сколько стоит моя борода?

Одни отвечали так, другие этак, а девушка сказала:

— Царева борода стоит трех летних дождей.

— Девушка ближе всех к правде,— сказал царь и спросил у нее, хочет ли она выйти за него замуж, потому что он решил взять ее в жены.

Девушка поклонилась и сказала:

— Преславный царь! Как ты хочешь, так и будет. Только

прошу тебя, напиши своей рукой на бумаге, что, если ты на меня рассердишься и прогонишь со двора, я вправе взять с собою то, что мне больше всего по душе придется.

Царь согласился и написал. Прошло некоторое время, и царь разгневался на жену.

— Не хочу,— говорит,— чтобы ты была моей женой. Уходи из моего дворца куда глаза глядят!

— Хорошо, преславный царь! Я уйду, только позволь мне переночевать, утром меня здесь не будет.

Царь позволил, а царица за ужином подмешала в вино каких-то душистых трав и, потчуя царя, приговаривала:

— Пей, царь, веселей! Завтра утром мы расстанемся, и, поверь, я буду счастливее, чем в тот день, когда мы с тобою встретились.

Царь скоро заснул, а царица приготовила карету и увезла его в каменную пещеру. Царь проснулся, увидел, где он находится, и закричал:

— Кто меня сюда привез?

— Я тебя сюда привезла,— отвечала царица.

— Зачем ты это сделала? Я же сказал, что ты мне больше не жена.

Тогда она достала бумагу:

— Правильно, преславный царь, ты мне это говорил. Но посмотри-ка, что написано на этой бумаге: что мне больше всего по душе придется в твоем доме, то я и могу унести с собой, когда буду уходить от тебя.

Царь поцеловал жену и вернулся с ней во дворец.

ЭРО ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ

Герцеговинская сказка

Нанялся Эро в услужение к султану; договорились они о жалованье и условились, что ежели Эро когда-нибудь посмеет обмануть султана, то поплатится за это головой.

Однажды слуги донесли султану, будто Эро ел украдкой инжир в саду.

Султан позвал к себе Эро и говорит ему:

— Ну, Эро, верил я тебе, да разуверился! Ты меня обманул и, значит, заслужил смерть. Сам на себя пеняй! Но за твою прежнюю службу и преданность являю тебе свою милость и разрешаю выбрать: какой смертью хотел бы ты умереть!

— А сдержишь ли ты слово свое, о высокочтимый султан?— спрашивает Эро.

— Клянусь тебе, сдержу!

Тогда Эро сказал:

— В таком случае, высокочтимый падишах, я хотел бы скончаться от старости, как и мой покойный батюшка!

Султан засмеялся и помиловал Эро.

ЦЫГАН И ВЕЛИКАН

Боснийская сказка

В чаще леса стояла заброшенная мельница. С давних пор никто на той мельнице не жил и зерна не молол, потому что ходили слухи, будто там водятся привидения.

Однажды цыган добыл где-то мешок кукурузы и стал раздумывать, где бы ему зерно смолоть, чтобы никто не застал его за этим делом. Вспомнил он про лесную мельницу и говорит жене:

— Положи-ка мне в торбу хлеба да кусок свежего сыра, я пойду ночью на мельницу кукурузу молоть.

Пробрался цыган в мельницу, засветил лучину, запер дверь и принялся за работу. Как раз в эту пору возвращался откуда-то домой великан и услышал стук мельничного колеса. Разобрало великана любопытство, подошел он к мельнице и постучался в дверь.

— Отвори!

— Не отворю,— отвечает цыган.

— Отвори! — кричит великан.— А не то крышу на тебя свалю!

Цыган мигом вытащил из торбы сыр, сунул руку в дыру, что зияла в стене, и стал сыр в кулаке сжимать, пока из него сок не закапал.

— Эй ты, буян! — крикнул цыган, насмехаясь.— Видишь, как из этого камня вода капает? Хочешь, чтобы я из тебя тоже все кишки выпустил?!

Такие слова пришлись великану не по душе, и проговорил он ласковым голосом:

— Да что ж ты зря разошелся? Мы с тобой можем и поладить, ведь я и сам не робкого десятка!

Цыган отпер дверь, и они с великаном просидели до самого утра, все рассказывали друг другу про свои молодецкие подвиги. Наконец великан проголодался и говорит:

— Эй, цыган, чем бы нам с тобой позавтракать?

— Для себя я припас все, что нужно, а ты уж сам о себе позаботься,— отвечает цыган.

— Ладно, я пойду попробую раздобыть вола. Вола и на двоих хватит. А ты тем временем дров припаси, чтоб мясо зажарить.

Великан пригнал вола с ближнего пастбища, зарезал его, освежевал и хотел было на вертел насадить, а цыгана с дровами все нет да нет — великану не из чего вертел сделать. Отправился

он в лес и вдруг видит: цыган как ни в чем не бывало копает яму под большущим буком. Удивился великан, закричал:

— Что это ты делаешь?

— Подождешь — увидишь! Не стану же я бегать взад-вперед с дровами! Уж лучше я выкопаю этот бук и приволоку сразу целое дерево к мельнице!

— Да зачем нам целое дерево? — разозлился великан, обломил несколько огромных ветвей, взвалил их на плечи и зашагал к мельнице.

— Что ты хочешь — пойти по воду или вола на вертеле вертеть? — спрашивает великан.

А цыган отвечает:

— Лучше уж я буду вола вертеть!

Великан схватил воловью шкуру и отправился за водой. Вот вернулся он, глядит: один бок у вола зажарился, а второй еще совсем сырой.

— Что же ты вола не перевернешь? Пусть он со всех сторон хорошенько обжарится,— укоризненно молвил великан.

— С меня и одного бока достаточно,— сквозь зубы процедил цыган,— а если тебе мало, сам и переворачивай!

Великан зажарил вола и говорит:

— Ну вот сейчас за едой и узнаем, кто из нас двоих настоящий удалец!

Великан пристроился к волу с одной стороны, цыган — с другой, и принялись они уписывать за обе щеки. Цыган, пока ел, набил жареным мясом полные карманы и торбу. Наконец насытился великан, еле дышит, отвалился от еды. И тут-то увидел, что цыган вырыл в воловьей туше пещеру поглубже, чем он. Растрогался великан, обнял цыгана и говорит:

— Дорогой брат, пойдем со мной. Хочу показать своим товарищам настоящего удальца!

Цыгану польстила такая честь, и они двинулись в путь. Вскоре пришли они к жилищу великанов. Хозяева на ту пору собирали в саду черешню. Согнет великан дерево, одной рукой держит за макушку, а другой ягоды обирает. Цыгану работа понравилась. Подошел он к одному великану и будто бы помогает дерево наклонять, а сам знай себе свободной рукой ягоду за ягодой в рот отправляет. Вдруг великан отпустил макушку, дерево разогнулось, цыган взлетел в воздух и — бах! — шлепнулся прямо в кусты, где сидела в гнезде галка с птенцами. Цыган сунул галку в карман и как ни в чем не бывало вылез из кустов.

— Зачем же ты дерево отпустил? — спрашивает великан.

— Отпустил?! Да я птицу увидел в небе и прыгнул за ней. Вот она — гляди! — И с этими словами цыган вытащил галку из кармана.

Вдруг, откуда ни возьмись, заяц бежит. Цыган как закричит:

— Держи его! Держи!

Бросился великан зайца догонять, бегал за ним, бегал, да так и не поймал.

— Эх, ты! — смеется над ним цыган.— Куда уж тебе за птицами в небе гоняться, коли не сумел поймать зверушку, что по земле бегает!

Великаны диву даются, верят мошеннику. Повели они цыгана в горницу к своему старейшине, рассказали про молодецкие подвиги цыгана, которым сами они свидетелями были, и старейшина предложил цыгану остаться у них насовсем.

Утром послал старейшина по воду двух великанов и цыгана и каждому из них дал скатанный бурдюк из воловьей шкуры. Бедняга цыган и пустой-то бурдюк из последних сил волочит. То по земле тащит, то на спину взвалит, и все думает, как бы ему из этой передряги выкрутиться. Пришли к источнику. Великаны наполнили все бурдюки водой, а цыган взял лопату и принялся рыть канавку от источника к дому.

— Что ты такое затеял? — спрашивают великаны.

— А вы разве не видите? — отвечает цыган.— С какой же стати каждый день воду таскать, когда можно подвести ее к самому дому. Вот и будет вдоволь свежей воды!

Взмолились великаны:

— Не рой канаву, ради бога! Еще затопит водой наше жилье.

— Нет, буду рыть! — заупрямился цыган.— А не то и вовсе по воду никогда не пойду!

— Милый, не рой, пожалуйста, канаву, а уж мы и тебя, и твой бурдюк с водой донесем до самого дома!

Поведали великаны своему старейшине, какую беду удалось им от дома отвести, а он и говорит:

— Коли так, я теперь цыгана буду в лес наряжать за дровами.

Утром посылает старейшина великанов в лес за дровами, а с ними и цыгана. Вот пришли они в лес, каждый великан облюбовал себе по буковому дереву, спилил его и на плечо взвалил. А цыган распутал длинную-предлинную веревку, что из дома с собой прихватил, и заарканил чуть не пол-леса.

— Что ты такое затеял? — удивились великаны.

— Да ничего особенного. Зачем бегать каждое утро в лес по дрова?! Лучше уж я сразу приволоку запас дней на десять — пятнадцать.

Взмолились великаны:

— Дорогой, не надо! Ты дровами весь двор завалишь, и придется нам тогда перелезать через поленницы в дом!

— А я все-таки по-своему сделаю, а иначе и вовсе дрова не понесу!

— Уж ты только послушайся нас, а мы и тебя, и твою вязанку сами домой дотащим!

До тех пор великаны уговаривали цыгана, пока тот не согласился.

Дома рассказали они о новой проделке цыгана. Встревожились великаны. И старейшина, посоветовавшись со всей общиной, говорит цыгану:

— Тесновато наше жилье для такой оравы. Вот тебе пятьдесят дукатов и ступай поищи себе другое пристанище!

— И не подумаю! — отвечает пройдоха.— Мне и здесь хорошо! Я с вами, как нитка с иголкой,— куда вы, туда и я!

Цыган спал на кухне, возле очага, там было тепло и удобно. Вечером слышит цыган, как великаны в комнате между собою шепчутся:

— Надо его прикончить, а то от него не избавишься!

Выведав замысел великанов, цыган достал из чулана седло, положил его перед очагом вместо себя, прикрыл, а сам ушел спать в чулан. Через некоторое время крадется в кухню великан с огромным железным молотком в руках. Как трахнет: трах! трах! трах!

— Готов! — пробормотал великан и отправился спать.

Цыган отнес седло обратно в чулан, лег на свое место и заснул. Проснулся еще до восхода солнца, раздул огонь в очаге и давай песни распевать. Прибежали великаны и диву дались: видят, цыган жив и здоров.

— Как ты спал? — закричали они.

— Отлично! Вот только блохи кусали, сколько их тут было — никто не знает!

Великаны в недоумении подтолкнули друг друга локтями и замолчали. А старейшина снова принялся цыгану толковать:

— Нет, право, тесновато наше жилье. Да к тому же, честно признаюсь, не пристало тебе с нами якшаться, потому что ты из героев герой. Вот тебе сто дукатов, и ступай откуда пришел!

— Да я и за тысячу дукатов не уйду! — отвечает цыган.— Мне и здесь хорошо. Да и зачем мне уходить отсюда? Небось дома у меня ни старый, ни малый не плачет и есть не просит!

Был праздничный день, и потому великаны не стали работать, а пошли в поле состязаться, кто дальше всех камень бросит. Ведь и мы с вами, хоть и не великаны, а тоже любим эту игру...

Возьмет великан целую глыбу себе на ладонь, поднимет на высоту плеча, да ка-ак швырнет ее... Пришел черед и цыгану камень бросать. Тут он и спрашивает:

— Что это за крепость с башней вдали виднеется?

— А почему это тебе любопытно?

— Помолчите немного, сейчас увидите, как башня на землю полетит! — со злостью ответил цыган.

— Ой-ой! Не кидай туда камень,— закричали хором великаны.— Кидай в другую сторону. В той крепости живет наш царь, и если ты попадешь в его башню, он снимет нам головы с плеч!

— А мне-то что! — отмахнулся цыган.— Не боюсь я ни вас, ни вашего царя! — и стал рукава засучивать.

Окружили его великаны:

— Дорогой, милый наш брат! Выслушай нас! Мы тебе подарим бурдюк, доверху набитый золотом и дукатами, только уходи ты от нас, ради бога! Мы и тебя, и ношу твою до самого дома доставим, чтоб тебе не пришлось надсаживаться!

Лягушка без принуждения в воду прыгает, а цыгана тоже долго уговаривать не пришлось.

Взобрался он на плечи к великану, два других схватили бурдюк, полный дукатов, и пошли. Вдруг слышит цыган, как старейшина носильщикам шепчет:

— Хотелось бы мне, чтобы вы принесли дукаты обратно!

Цыган притворился, будто ничего не слыхал.

Вот пришли они к дому цыгана, протиснулись в низкую дверь. Нагнулся тот великан, что бурдюк с золотом тащил, и протяжно вздохнул: «Уффф!» А цыгана точно ветром сдуло — вскочил и кинулся на крышу.

— Что такое? — всполошились великаны.

— Подождите, сейчас моя дымовая труба даст вам ответ, а вы передадите его своему старейшине, если только живыми до дому доберетесь!

Великаны бросились бежать со всех ног, а бурдюк, набитый золотыми дукатами, достался цыгану. Дукатов было в нем столько, что всем бы нам хватило с лихвой!

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ

Сербская сказка

У короля Матии была красавица дочь, но с ленцой: никогда ничего не делала, да и не умела делать, день-деньской сидела перед зеркалом и любовалась собой.

Пришла пора выдавать ее замуж. Король объявил: кто в три года научит его дочь работать, за того он ее и замуж выдаст. Время идет да идет, а за королевну никто не сватается. Послал король приближенных искать мужа для дочери. Поехали они в разные стороны. И вот встретился им как-то парень — пашет поле на восьми волах. Они тут же ему приказали идти к королю. Парень испугался, но делать нечего. Приходит он к королю, а тот ему и рассказал все по порядку. Согласился парень, обещал в три года научить девушку работать. Привел он королевну домой. Мать выбежала навстречу, дивится на прекрасную девушку.

На другой день парень взял плуг, запряг волов и поехал в поле, а матери сказал, чтобы не принуждала сноху работать. Вечером возвратился с работы, мать подала ужин, а сын спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Я и ты,— отвечает она.

— Ну, кто работал, тот и есть может.

Не понравилось это королевской дочери, рассердилась она и голодная пошла спать. И на другой день все так же было.

На третий королевна и говорит свекрови:

— Мама, дай и мне какую-нибудь работу, чтобы не сидеть без дела.

Та велела ей наколоть дров.

Вечерело. Сели за ужин, а парень снова спрашивает:

— Кто сегодня работал, мать?

— Мы трое: я, ты и королевна.

— Ну, кто работал, тот и есть может.

И все трое поужинали. Так, понемногу, королевна научилась работать.

Через три года приезжает король проведать дочку. Видит — работает она дружно со свекровью. Обрадовался и говорит:

— Как, и ты научилась работать?

— А как же,— отвечает королевна,— у нас так положено: кто работал, тот и есть может. И знаешь, отец, коли ты хочешь поужинать, пойди-ка наколи дров.

Король привез дочери и зятю много подарков, погостил, а потом отвез всех троих к себе во дворец. Парня того он принял, как родного сына, обещал еще при жизни передать ему королевство.

КАК СОЛДАТ ЧЕРТА ОБРИЛ

Хорватская сказка

Отслужил солдат двенадцать лет и пошел домой на побывку. Шел он, шел и вдруг набрел на господскую усадьбу, а оттуда доносились шум и песни. Подумал служивый: «Наверно, здесь идет пир горой. Почему бы и солдату не подкрепиться? Ведь у меня с утра маковой росинки во рту не было!» И вошел в усадьбу.

А там за столом, уставленным винами и яствами, пировало много господ. Солдат попросил и его напоить-накормить — дескать, очень он устал и проголодался с дороги. Гости с радостью его приняли и усадили за стол. Спрашивает солдат, нельзя ли ему переночевать в усадьбе, а утром он дальше в путь двинется.

— Ну что ж,— отвечают ему,— для храброго человека ночлег найдется.

— А на что же тут храбрость? — удивился солдат.

Служивому объяснили, что в усадьбу каждую ночь является черт и, кого ни застанет, утаскивает с собой.

— Нам уже пора по домам расходиться,— говорят ему гости,— но коли ты храбрый малый, оставайся здесь. Еды у тебя вдоволь, стереги усадьбу. Неизвестно только, найдем ли мы тебя поутру живым.

Отвечает им солдат:

— Э-э! За меня не беспокойтесь! Я чертей не боюсь, пусть хоть целая сотня сюда нагрянет!

Солдат остался, а господа ушли. Сидит он за столом, угощается. Около полуночи все двери вдруг распахнулись настежь. Входит черт и кричит служивому:

— Ты что здесь делаешь?

Солдат ничуть не испугался и отвечает:

— Как видишь, отдыхаю себе, ем да пью.

— А кто тебе позволил остаться здесь на ночь? — возмутился черт.— Это моя усадьба. Кого застану в этом доме, того в плен беру. И тебя тоже уведу с собой!

— Ты-то, может, и хотел бы меня увести, да только я не пойду!

— Почему это ты не пойдешь? — удивился черт.

Отвечает солдат:

— А потому, что ты косматый и безобразный, с тобой совестно и на люди-то показаться! Давай я тебя обрею, чтобы ты покрасивее был, тогда и пойду с тобой! А если не дашься, так и знай, ничего у тебя не выйдет!

Видит черт, что попался ему храбрый пленник — с таким беды не оберешься, и согласился побриться, чтобы стать красивее.

Схватил солдат дубовую доску и давай ею черта скоблить. Черт зарычал и стал брыкаться. А служивый его успокаивает:

— Лежи смирно. Хочешь быть красивым — терпи!

Зарекается черт солдата трогать — лишь бы отпустил его. Но служивый про то и слышать не желает. Черт взмолился, слезно просит помиловать, обещает солдату подарить усадьбу и вдобавок сообщить диковинную тайну. Солдат оставил свое бритье и спрашивает черта, какая там у него тайна. Черт и говорит:

— В полночь в эту горницу, где мы с тобой сейчас находимся, вползет страшная, большущая змея. Днем-то она в подвале сидит, обвилась вокруг трех огромных бочек, полных золота. Если ты поцелуешь ту змею, она превратится в красавицу, потому что это не змея, а заколдованная девица.

Едва умолк черт, за дверью послышалось зловещее шипение, и в комнату вползла змея. Солдат, не медля ни минуты, подскочил к ней и поцеловал. В тот же миг змея обернулась девицей-раскрасавицей и стала благодарить молодца за то, что он освободил ее от колдовских чар.

Тут черт и говорит солдату:

— Отдаю тебе и красавицу, и дворец, и всю усадьбу. Но смотри не переступай ее границу — иначе снова станешь моим пленником, и я утащу тебя!

И пропал.

Утром явились в усадьбу господа и диву дались: сидит солдат с красавицей за столом и угощается.

— Много смельчаков вызывалось стеречь усадьбу, и все они бесследно исчезали!

Рассказал тогда солдат, что приключилось с ним ночью, господа похвалили его за храбрость и ушли, а молодец остался в усадьбе со своей красавицей, и стала она его женой.

Зажили они в любви и согласии, только скоро стало им скучно одним в усадьбе. Вот однажды солдат и предложил молодой жене прокатиться в город — пусть, мол, полюбуются люди на наше счастье! Он забыл и думать, какой запрет наложил на него черт. Велел он слугам запрячь коней и поехал с женою в город. Только выехали за ворота своей усадьбы, как навстречу им черт. Вспомнил тут солдат про запрет, и сердце у него в пятки ушло. «Ну,— думает,— сейчас черт свое возьмет».

До усадьбы далеко. «Все равно черт догонит меня»,— решил молодец. Видит он: так и так пропадать, обхватил обеими руками жену за шею и стал целовать в последний раз. А черт издалека за ним наблюдал, и почудилось ему, что солдат вздумал свою жену брить. Перепугался черт. «Не дамся больше в твои руки»,— подумал он, повернул назад и пустился наутек, только пятки засверкали.

С той поры черт оставил в покое смельчака, и солдат по сей день живет со своей женой, если только не умер.

ПАСТУШОК

Словенская сказка

Однажды в Истрии, у самого берега моря, пастушок пас нескольких коров да с десяток коз и овец.

Было уже за полдень, и солнце немилосердно жгло землю. Вдруг пастушок увидел, что на мягкой мураве спят три девицы. То были волшебницы-вилы. Все три — раскрасавицы и до того друг на дружку похожие, что их и не различишь. Лежат они не шелохнувшись, будто и впрямь спят сладким сном. Мальчику, понятно, и невдомек, кто они такие; он думал, обыкновенные девушки, утомились, мол, красавицы, гуляя, легли и заснули.

«А ведь солнце обожжет девушек! — подумал мальчик.— Жаль! У них такие белые лица! Дай-ка я пособлю им в беде!»

Влез пастушок на ближнюю липу, нарвал кудрявых веток, воткнул их в землю возле спящих, и девушки очутились в тени.

Скоро вилы проснулись. Увидели они липовые ветки, очень удивились и стали спрашивать друг друга, кто же укрыл их от солнечных лучей. На самом-то деле вилы отлично видели, кто о них позаботился,— ведь волшебницы никогда не спят, а лишь притворяются, будто спят. Спрашивали же они друг друга затем, что хотели проверить, отзовется мальчик или нет.

Но пастушок и не думал признаваться вилам — пустился он наутек, потому что не мог смотреть на их волосы: они сверкали, словно чистое золото! Однако в тот же миг все три вилы были уже возле него. Не удалось мальчику убежать от них. Красавицы спросили, что он хочет в награду за то, что укрыл их от жаркого солнца. Мальчик ничего не посмел попросить. Вилы решили подарить ему волшебный кошелек — в нем никогда не переводятся цехины. Но золотые монеты не понравились пастушку: он не знал, что такое деньги. А играть желтыми кружочками и любоваться на них ему вовсе не хотелось — куда занятнее возиться с живыми телятами, коровами да овцами: он любил их больше всего на свете.

Вилы и сами поняли это и сказали:

— Когда ты под вечер погонишь стадо к селу, за твоей спиной раздастся звон колокольчиков. Смотри же, не вздумай оглянуться, пока не подойдешь к самому дому.

Сказали и сразу исчезли.

Тут только догадался мальчик, что перед ним были не простые девушки, а волшебницы.

Солнце все ниже клонилось к морю, и пастушок погнал свое стадо домой. Чем ближе он подходил к селу, тем сильнее становился перезвон колокольчиков за его спиной. Мальчик позабыл о том, что наказали ему вилы, и как раз на середине пути обернулся посмотреть, кто же гонит за ним столько скота. И увидел, как из моря выходят овцы, коровы и козы и бредут за его маленьким стадом. Но лишь только мальчик обернулся, скот перестал выходить из моря на сушу. Пастушок пригнал домой только тех, что успели выйти на берег. А послушайся он волшебниц, стадо его было б гораздо больше. Но пастушку и того оказалось довольно. Не обошел мальчик и своих бедных соседей — со всеми поделился скотом, которым его наградили вилы.

ЦАРЬ И КРАСАВИЦА

Македонская сказка

Жил-был в одной стране разбойник. Нажил он немалое богатство. Но вот настал его смертный час. Позвал разбойник жену и сказал ей:

— Запомни, когда я помру, все добро раздай беднякам, себе же оставь только саблю, коня и собаку. А как вырастет наш сын, станет крепким да смелым, скажи ему, что отцовская сила была в сабле. Возьмет он саблю булатную — тотчас станет таким же могучим, как я. Исполни все свято, жена... Ну, прощай, умираю.

Сказал так отважный разбойник и отдал богу душу, скончался.

Жена все исполнила в точности. Как похоронила мужа, раздала беднякам на помин души все его богатства, оставила только саблю, коня и собаку — для сына, когда тот вырастет.

Рос, рос паренек — да и вырос. Сравнялось ему восемнадцать. И стал он выспрашивать, в чем таилась отцовская сила.

Мать не посмела открыть ему тайну, боялась, что не сбережет он в такие незрелые годы отцово наследство.

Но сын всякий день приставал к ней с расспросами. Хочешь не хочешь, а пришлось рассказать ему, что отцовская сила таилась в сабле, да еще в коне и собаке.

Как узнал про то разбойничий сын, взял отцовскую саблю, взнуздал боевого коня, оседлал его, свистнул собаку и поехал на главную площадь — людей поглядеть да себя показать.

Давно не бывал на воле могучий конь, рвется вперед, так и взвился бы в небо, кабы не узда. Да и сам паренек не глядит, куда мчится. И сшиб он нечаянно царского сына. Тут же, на месте, царевич и умер. Закричали царские слуги, всполошился народ — кутерьма поднялась превеликая, бросились все ловить разбойничьего сына. Как учуял он беду, пришпорил коня. Серым соколом ринулся конь вдоль по улице. Слуги все рассказали царю, снарядил он погоню — да поздно: разбойничий сын был уже далеко.

Несколько дней мчался он без оглядки, а когда страх помаленьку утих, придержал коня, стал раздумывать, как ему быть, что делать: вернуться домой или дальше скакать куда глаза глядят. Не знал он еще, что отцовскою саблей мог бы все царское войско перебить, если б вздумали с ним потягаться,— побоялся вернуться, решил ехать вперед, поискать какой-нибудь город большой и там поселиться.

Ехал он, ехал — дней этак пять или шесть — и увидел вдруг в чистом поле громадную башню, всю из хрусталя. Ох, и блестела та башня под солнцем! Подивился разбойничий сын на чудесную башню и решил разузнать, что в ней сокрыто. Подъехал к башне поближе, осмотрел ее всю вокруг — где же двери? Искал, искал, как будто и нет нигде ни входа, ни выхода — так искусно они были спрятаны. Заглянул парень внутрь через стекла — и что же он видит? Сидит в башне красавица, Дунья Гюзели.

Знала девушка о своей красоте, потому-то и в башне затворилась: все ждала — вот придет к ней первейший храбрец и сокрушит все преграды великим геройством.

— Отвори, красавица!— попросил сын разбойника.— Отвори, я войду!

Но ответила девушка так:

Только храброму витязю впору
Сбить замки, поломать все затворы.

Робким нет в эту башню дороги.
Если храбр — так войди без подмоги.
Если б робкого я ожидала,
Я б сидеть в этой башне не стала!

Услыхал эти речи сын разбойника, выхватил саблю из ножен, разогнал ретивого коня и ударил по башне с налету. Зазвенели хрустальные стены, распахнулись ворота, и влетел удалец на коне прямо в терем к девице.

Увидела Дунья Гюзели, какой храбрец да красавец предстал перед нею,— догадалась с первого взгляда, что он ее суженый. Обняла его, поцеловала, взяла за руку, и стали они мужем и женою.

Время шло. Как-то раз отправилась Дунья Гюзели в баню. Честь честью помылась, оделась, а как вышла на улицу да перешагнула через канаву водосточную, сорвалась у нее с ноги узорчатая туфелька и упала в ручей. Слуги бросились вслед, да не поймали — вода быстро текла!

Уплыла туфелька далеко-далеко, и выбросило ее на зеленую лужайку. Проходили мимо царские слуги, увидали красивую туфельку, подивились чудесным узорам: вся-то она расшита жемчугом да самоцветами! Прочитали и имя хозяйки, шелком да бисером вышитое.

— Ну и туфелька! — молвили царские слуги.— Не иначе как красавица ее носила. Ведь недаром назвали ее Дуньей Гюзели, что значит — «Красавица мира». Отнесем-ка находку царю, пусть посмотрит. Может, и награду большую получим.

Так и сделали. Посмотрел царь на туфельку, подивился чудесной вышивке, а больше всего понравилось ему имя хозяйки. Наградил он своих слуг за находку, обещал еще больше, если найдут Дунью Гюзели да во дворец ее приведут.

И отправились царские слуги разыскивать Дунью Гюзели по всем селам и всем городам. Спрашивали встречных и поперечных — не знают ли, где живет красавица. А ведь недаром говорится: «Язык доведет до Стамбула». Попался им такой человек, что указал дорогу к хрустальной башне. Вот пришли туда слуги, сказали красавице:

— Хочет царь немедленно взять тебя в жены.

Польстили те речи Дунье Гюзели, а все же она отвечала:

— Вот, выпейте, слуги, по чарке да и ступайте с богом обратно. И пуще всего старайтесь, чтоб муж мой не узнал, с чем вы ко мне приходили, не то несдобровать вам.

Услыхали царевы посланцы такие слова, головы повесили, вернулись к царю и передали ответ.

Рассердился царь и говорит:

— Возьмите немедленно войско в пятьсот человек, добудьте красавицу силой.

Отобрали пятьсот человек из царевых полков и снова двинулись к башне.

Увидела Дунья Гюзели войско, кликнула мужа и просит:

— Запри ворота покрепче.

— Не бойся, красавица женушка, не пугайся! — ответил ей муж.— Покуда я жив, мне и три таких войска не страшны. Сейчас ты увидишь, как я с ними расправлюсь.

Лишь только солдаты приблизились к башне, он выехал к ним на коне, с саблей наголо.

— Э-гей! Ты, что ли, муж красавицы Дуньи Гюзели?

— Я самый,— ответил разбойничий сын.— Что вам нужно?

— Жену твою нужно,— сказали солдаты.— К царю ее повезем. Отдай, если хочешь остаться в живых, напрямик говорим.

— И жены не отдам, и плохого вы мне ничего сделать не можете. Убирайтесь немедленно, если вам жизнь дорога.

Ну, конечно, солдаты взялись за оружие. Да только не знали они, что за сила таится в заветной сабле. Пришпорил парень коня, взмахнул отцовской саблей и единым ударом срубил врагам головы. Лишь кое-кого оставил в живых — чтоб было кому рассказать царю о сраженье.

Ну что ж, побежали солдаты к царю. Тотчас снарядил он второе такое же войско. Но муж красавицы Дуньи и второе войско порубил. И несколько раз посылал еще царь отборных солдат к хрустальной башне — конец всегда был одинаков. Никак не удавалось царю захватить Дунью Гюзели.

Но вот наконец отыскал он лиходейку-старуху и приказал ей добыть красавицу хитростью.

— Ну что ж, я добуду,— ответила бабка.— Только вели ты сделать кибитку из шелка на двух человек — такую, чтоб по небу летала, свезла бы меня к Дунье Гюзели, а потом к тебе нас доставила. Тогда и выйдет твое дело.

Уж очень хотелось царю добыть себе в жены красавицу. Построили старухе кибитку, пустили ее в поднебесье. Добралась бабка до места, кибитку в кустарнике спрятала, сама пешком пошла к жилищу красавицы и попросилась переночевать, а то, мол, она из далеких краев возвращается и, на беду, заблудилась.

Услышала Дунья Гюзели ту слезную просьбу, и жалко ей стало старуху; пустила ее в свой дворец, напоила ее, накормила. А тут как раз и муж возвратился. Взглянул на старуху и очень обрадовался: пусть, мол, и вовсе останется, коли захочет, а то Дунья Гюзели проводит весь день одна-одинешенька.

— Очень рады мы тебе, бабушка. Захочешь — так оставайся у нас вместо матери, заботиться будем о тебе, как о родной.

— Ах, сыночек! Неужто пригреешь старуху? Добрая ж душа у тебя! Останусь! От добра добра разве ищут?

— Ну, дай тебе бог здоровья, бабушка.

Чего захотела старуха, того и добилась: стала вором домашним.

Встанет спозаранку, день-деньской вынюхивает, высматривает, в чем таится великая сила хозяина. И жену подстрекала разузнать, расспросить мужа.

— Уж какая ты счастливая, дочка! Муж у тебя — богатырь! Узнать бы, милая, в чем его удаль! Спросила бы ты, доченька, как-нибудь вечерком, в чем его молодецкая сила!

— А что же, бабуся, и правда спрошу,— отвечает Дунья Гюзели.

И верно, спросила его в тот же вечер.

— Да разве не знаешь, красавица женушка, в чем моя сила?

— Не знаю — откуда ж мне знать, если ты, господин мой, о том ни слова не говорил!

— Так знай, моя сила — в той сабле, что досталась мне от отца... И в коне, и в собаке... Но в сабле — больше всего. Как саблю сниму, я больным становлюсь, и тут уж ребенок меня одолеет. Вот видишь, женушка, в чем моя сила?

Так и узнала Дунья Гюзели, в чем сила супруга, да хитрой старухе про то и рассказала.

«А мне только того и нужно было, красавица,— подумала лиходейка.— Теперь исполню свое обещанье царю».

И стала она сторожить, как бы выкрасть хозяйскую саблю да спрятать. А ведь не зря говорится: «И вода спит, один черт не дремлет». Улучила злодейка минуту, сняла ночною порой саблю с гвоздя да кинула в глубокий бассейн. Молодец тотчас заболел.

— А ты не тревожься, дочурочка,— сказала старуха Дунье Гюзели.— Уж если я здесь, значит, горе избудем. Не горюй, не кручинься, пойдем лучше в лес, поищем целебных трав. Попоим болящего отваром травяным натощак три денечка — всю хворь как рукой снимет.

Пошла красавица вдвоем со старухой в лес искать целебных трав, а подлая бабка быстрехонько к самой кибитке ее приманила, тайком для отлета кибитку наладила и стала уговаривать Дунью Гюзели войти посмотреть: что, мол, за штуку они отыскали — из земли, что ли, выросла иль с неба свалилась? Вошла первой бабка, вошла за ней Дунья Гюзели — кибитка тотчас и взвилась.

Беда! Поняла тут Дунья Гюзели, что бабка ее обманула, сперва испугалась ужасно: не ведьма ли бабка или, может, какая русалка?

Плачет красавица:

— Несчастная я! Да что же со мной теперь будет! Зачем ты так сделала, бабка? Что видела ты от меня плохого? Зачем подняла ты меня в облака и несешь неведомо куда!

— Не бойся, дочурочка! — молвила бабка.— Я тебе зла не желаю. Царицей хочу тебя сделать, в царских палатах жить станешь, а не в дикой пустыне. Правду говорю, не бойся.

Летела, летела кибитка, до царского дворца долетела. Спустились на землю, и повела бабка Дунью Гюзели к царю. Как увидел

ее царь, обомлел, сердце так и заколотилось: уж очень приглянулась ему красавица. Да только вот Дунье Гюзели он не понравился: и старый, и больно невзрачен. Смотрит она на него, и будто ворог лютый перед нею, а не царь в раззолоченном платье, в короне да со скипетром в руке. Но хоть не по сердцу он, а теперь уж ничего не поделаешь.

— Ну вот, красавица, видишь? Хоть твой муж и побил у меня много войска, а все же попалась ты мне в руки! Сейчас обвенчаемся, станешь царицей.

— Знать, такая уж моя судьба,— отвечала красавица.— Пойду за тебя замуж... Только ты, царь, сначала устрой, как положено, оглашенье сорокадневное и всем повели, чтобы шли во дворец меня чествовать да красотою моей любоваться. И вот что еще скажу тебе: знаю я дивное средство, могу превратить тебя, царь, в молодого. Как станет тебе двадцать пять, тогда и обвенчаемся. Ладно?

Выслушал царь ее речи, на все согласился, назначил день свадьбы и стал ожидать, что опять станет молодым. А Дунья Гюзели нарочно хитрила, чтобы выиграть время, надеялась: муж-то разузнает, придет и избавит ее от несчастья.

А что ж он делает, бедный парень, больной, одинокий?

Заржал его конь, пес залаял — оба есть запросили. А парень и встать не может. Понял он тогда, что это старухины козни. Говорит он:

— Послушай-ка, пес, друг мой верный, поищи, где спрятала чертова бабка заветную саблю, а то ведь, пожалуй, я так и умру безвременно.

Услышал слова его пес, пожалел хозяина и бросился саблю разыскивать. Искал, искал — нет нигде. Прибежал наконец к бассейну, увидел саблю на дне, нырнул один раз, другой раз и третий — никак не достанет. Много раз прыгал он в воду — схватил-таки саблю, принес своему господину. Тот взял ее в руки и тотчас поправился. Накормил он коня и собаку — и в путь: помчался искать свою жену по всему государству, из города в город, из деревни в деревню. А как доскакал до столицы да услышал про царскую свадьбу, сразу угадал, кто царева невеста, узнал и о том, что вскорости царь станет совсем молодым, двадцатипятилетним, да тут же и женится. Вмиг понял тогда юнак, чьи все это затеи, не стал тратить времени даром, отправился на окраину города к знакомой старухе, дал ей кучу денег и велел сшить побыстрее три платья — для нее и для двух ее дочерей, пусть оденутся понаряднее и пойдут поглядеть на цареву невесту да честь ей воздать, как предписано царским указом.

Старуха живо позвала искусного портного. Через два дня все платья были готовы. Тотчас нарядились и бабка и дочери и пошли вместе с парнем в царские хоромы, поглядеть на невесту. Пришли они к ней. Красавица сразу мужа признала и повела

его в другую палату, где мужчины пировали, да по дороге и спрятала в своей опочивальне — в просторной закрытой нише. Женщин же она всласть угостила и домой отправила, сказала, что парень попозже придет, вслед за ними.

А было то накануне сорокового дня. Все ждали его с нетерпением: всем хотелось взглянуть, как царь чудом преобразится и вдруг помолодеет.

Настал вечер тридцать девятого дня. Пришел старый царь в полутемную спальню, а тут вдруг дверцы ниши распахнулись, выскочил оттуда разбойничий сын, взмахнул своей саблей и снес царю голову. Утром вышла Дунья Гюзели к народу, а рядом с нею предстал красивый и молодой царь двадцати пяти лет.

Изумился народ великому чуду. А Дунья Гюзели и муж ее, сын-то разбойника, царем и царицею сделались в этой стране.

Вот так-то: не рой другому яму, сам в нее попадешь.

ОБЕЗЬЯНИЙ ДВОРЕЦ

Итальянская сказка

Жил на свете король, и было у него два сына-близнеца: Джовани и Антонио. Никто не знал, который из них появился на свет первым. При дворе кто думал так, кто этак, и король никак не мог решить, кого же сделать своим наследником.

— Вот что,— сказал он наконец сыновьям.— Чтобы все было по справедливости, ступайте-ка вы странствовать по свету да поищите себе жен. Чья жена сделает мне лучший подарок, тому и корона достанется.

Братья вскочили на коней и поскакали в разные стороны.

Джовани через два дня доехал до большого города. Там встретил он дочь маркиза и рассказал ей про отцовский наказ. Приготовила она для короля запечатанный ларчик, и они обручились. Король не открывал ларчика, ждал, пока не получит подарка от жены Антонио.

А тем временем Антонио скакал все дальше и дальше и не видел на своем пути никаких городов. Вот заехал он в непроходимый дремучий лес, которому конца-краю не было, и пришлось юноше прокладывать себе дорогу мечом. Вдруг впереди открылась поляна, а на поляне — мраморный дворец с хрустальными окнами.

Постучал Антонио в дверь.

И знаете, кто ему открыл?

Обезьяна! Да еще в ливрее! Она поклонилась Антонио и знаками предложила войти. Две другие обезьяны помогли Антонио спешиться, взяли коня под уздцы и отвели на конюшню.

Антонио вошел во дворец и поднялся по мраморной лестнице,

устланной коврами. На перилах сидели обезьяны и молча отвешивали ему поклоны.

Вошел Антонио в залу, а там стоит карточный стол. Одна обезьяна пригласила его сесть, другие тоже уселись рядом, и пошла у них с принцем игра в карты. Потом обезьяны знаками спросили, не хочет ли Антонио поесть, и повели его в столовую. За накрытым столом сидели обезьяны, разодетые, в шляпах с перьями, и прислуживали тоже обезьяны,— на тех были передники. После ужина обезьяны с факелами проводили принца до спальни и оставили одного.

Антонио очень удивился и даже напугался. Но усталость взяла свое, и вскоре он крепко уснул.

В полночь его разбудил чей-то голос:

— Антонио!

— Кто здесь? — спросил он и сел на кровати.

— Антонио, чего ты ищешь по свету?

— Ищу жену, которая сделала бы моему отцу подарок, лучший, чем подарок жены моего брата Джовани. Тогда я стану наследником короля.

— Женись на мне, Антонио,— сказал голос,— будет тебе и подарок и корона.

— Ладно, женюсь на тебе,— прошептал Антонио.

— Вот и хорошо,— сказал голос.— Завтра же отправь письмо своему отцу.

Наутро Антонио написал отцу, что он жив-здоров и вскоре вернется с женой. Письмо отдали обезьяне, она резво поскакала с дерева на дерево и вскоре добралась до столицы. Король хоть и подивился диковинному гонцу, все же был рад доброй вести и оставил обезьяну у себя при дворе.

На другую ночь принца снова разбудил тот же голос:

— Антонио! Ты не передумал?

Он в ответ:

— Нет, не передумал.

А голос и говорит:

— Вот и хорошо! Завтра пошли отцу еще одно письмо.

Назавтра Антонио снова написал королю, что все хорошо, и отдал письмо другой обезьяне. И эту обезьяну король оставил при дворе.

Так каждую ночь неизвестный голос спрашивал Антонио, не передумал ли он, и просил написать отцу. И каждый день к королю отправлялась обезьяна с письмом. Прошел месяц, и обезьян в столице стало видимо-невидимо, они были всюду — на деревьях, на крышах, на памятниках. Заколачивает сапожник гвозди в подметки, а на спине у него обезьяна корчит рожи; делает врач операцию, а у него из-под рук обезьяна тащит ножи и нитки, которыми сшивают кожу; идут дамы гулять, а обезьяны сидят у них на зонтиках. Король уж не знал, что и делать!

Прошел месяц, и голос сказал Антонио:

— Завтра мы поедем к королю и поженимся.

Утром выходит Антонио из дворца, а у ворот стоит роскошная карета. На козлах обезьяна-кучер, а на запятках — два лакея, тоже обезьяны. А кто же сидит внутри, на бархатных подушках, в драгоценностях и в пышном уборе из страусовых перьев на голове?

Обезьяна!

Сел Антонио рядом с ней, и карета покатила.

Приехали они в королевскую столицу. Люди толпой бежали вслед за диковинной каретой, а как увидели, кто в ней сидит, перепугались: ну и чудеса, принц Антонио обезьяну в жены берет! Народ глаз с короля не сводил, а тот поджидал сына на ступенях дворцовой лестницы. Всем хотелось посмотреть, какую он скорчит мину, как увидит невесту.

Но король недаром был король: он и глазом не моргнул, словно жениться на обезьяне было самым обычным делом, и только сказал:

— Антонио ее избрал — он на ней и женится. Королевское слово твердое.— И принял от обезьяны запечатанный ларчик с подарком.

Оба ларчика решили открыть назавтра — в день свадьбы. Обезьяну проводили в ее комнату, и она пожелала остаться одна.

Утром Антонио пошел за невестой. Когда он вошел в комнату, обезьяна стояла у зеркала и примеряла подвенечное платье.

— А ну, посмотри, хороша ли я? — сказала она и обернулась.

Антонио слова не мог вымолвить от удивления: обезьяна превратилась в белокурую красавицу, высокую и стройную,— просто заглядение. Антонио стал протирать себе глаза и все никак не мог поверить чуду, а девушка говорит:

— Да, да, это я, твоя невеста!

И они бросились друг другу в объятия.

А у дворца тем временем собралась толпа поглазеть на свадьбу принца Антонио с обезьяной. Вдруг видят: выходит он рука об руку с писаной красавицей — все так и обомлели. Обезьяны тоже были неподалеку — на деревьях, на крышах, на карнизах и подоконниках. И когда молодая чета проходила мимо, они спускались, вертелись волчком и тут же превращались в людей: кто стал дамой в накидке и со шлейфом, кто — кавалером в шляпе с пером и при шпаге, кто — монахом, кто — крестьянином, кто — пажом. И все они двинулись вслед за женихом и невестой и проводили их к венцу.

После свадьбы король открыл ларчики с подарками. В ларчике жены Джовани оказалась живая птичка; просто чудо, как она могла просидеть взаперти так долго. Птичка держала в клювике орешек, а из орешка торчало золотое перышко.

Когда король открыл ларчик жены Антонио, оттуда тоже вы-

порхнула живая птичка. В клювике у нее была ящерка — и как только она там умещалась! А во рту у ящерки был орешек — и как только он туда попал! А внутри орешка лежало сто локтей узорчатого тюля!

Король уже собирался объявить Антонио своим наследником, и Джовани стоял рядом, пригорюнившись, но тут жена Антонио и говорит:

— Антонио не нужно отцовского королевства. Я приношу ему в приданое свое королевство: ведь он, когда женился на мне, избавил всех нас от колдовства!

И весь обезьяний народ — теперь уж в человечьем обличье — радостно приветствовал своего короля Антонио. Джовани унаследовал королевство отца, и все они зажили в мире и согласии.

Так и жили они без печали,
А мне ничего не дали.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Итальянская сказка

Жил-был на свете бедный юноша. Вот однажды говорит он своей матери:

— Пойду-ка я, мама, странствовать по свету. В нашей деревне за меня и сухого каштана не дают. Что из меня здесь путного выйдет? Пойду искать свое счастье! Глядишь, и для тебя, мама, настанут радостные дни.

Сказал — и отправился в путь.

Добрался он до какого-то города и стал бродить по улицам. Видит, плетется в гору старушка, несет на коромысле два больших ведра с водой, а сама еле дышит. Подошел юноша к старушке:

— Дайте, бабушка, я донесу воду, не годится вам таскать такую ношу.

Подхватил он ведра, донес их до старушкиного дома, поднялся по лестнице и поставил ведра на кухне.

А на кухне было полным-полно собак и кошек. Стали они тереться у ног своей хозяйки, повизгивают, мурлычат.

— Чем же тебя отблагодарить? — спросила старушка.

— Спасибо,— говорит юноша.— Ничего мне не надо. Мне просто хотелось услужить вам.

— Подожди меня здесь, сынок,— сказала старушка, вышла из кухни и вернулась с колечком в руке. С виду оно не стоило и четырех сольдо. Старушка надела его юноше на палец и говорит: — Кольцу этому нет цены. Если ты пожелаешь чего-нибудь, поверни его вокруг пальца, тут все и сбудется. Только смотри не потеряй его, не то худо будет. А для верности дам я тебе кота

и собаку, они пойдут за тобою повсюду. Животные они сильные и не сегодня, так завтра тебе пригодятся.

Поблагодарил юноша старушку и пошел своей дорогой. Но, по правде сказать, не поверил он ни единому ее слову, а потому и подарки в грош не ставил.

«Болтает старушка»,— решил он про себя. И даже не подумал повернуть колечко, хотя бы для пробы.

Вышел он из города, а кот и собака бежали следом. Юноша очень любил животных и был рад, что у него появились кот и песик. Он играл с ними, а они бегали и прыгали. Так они и не заметили, как вошли в лес. Настала ночь, юноша лег отдохнуть под деревом, а кот и собака пристроились рядышком. Но юноша никак не мог уснуть, потому что очень проголодался. Тут он вспомнил про колечко: «А ну-ка испробую, попытка — не пытка». Повернул он кольцо вокруг пальца и сказал:

— Хочу есть и пить!

Едва вымолвил он эти слова, как перед ним появился стол и три стула, а на столе полным-полно всяких яств да напитков.

Юноша сел, повязал себе на шею салфетку, усадил кота с собакой, им тоже повязал салфетки, и все трое давай уплетать еду за обе щеки. Теперь-то юноша поверил в свое колечко!

Поели они, юноша растянулся на земле и размечтался о чудесах, которые он теперь может делать. Но труднее всего было выбрать: то он хотел пожелать себе груды серебра и золота, то ему больше по душе были кони и кареты, то замки и земли. Все новые желания приходили к нему на ум.

«Да так и спятить недолго,— решил он наконец, когда не смог уже ничего больше придумать.— Сколько раз я слышал, что люди теряют голову, когда им привалит много денег. Ну а я хочу свою голову на плечах сохранить. На сегодня довольно, а завтра видно будет».

Тут он повернулся на бок и крепко уснул. Собака легла у него в ногах, кот — в изголовье, и так они всю ночь сторожили хозяина.

Проснулся юноша, а солнышко уже сияет над зелеными деревьями, дует свежий ветерок, пташки поют, и усталость его как рукой сняло. Вздумал он было пожелать резвого коня, да так хорошо и привольно было в лесу, что юноша решил идти пешком; вздумал пожелать завтрак, да кругом росла такая вкусная земляника, что ничего другого ему и не захотелось; пожелал пить, но неподалеку протекал ручей с такой прозрачной водой, что решил он напиться из пригоршни.

Так шел он по полям и лугам и наконец добрался до большого дворца. А там у окна сидела красавица. Увидела она юношу, который, заложив руки в карманы, весело шел по дороге с котом и собакой, и ласково ему улыбнулась. Юноша поднял глаза... Хоть колечко-то он и сохранил, но сердце потерял в тот же миг.

«Вот и настало время попросить помощи у кольца»,— подумал он. Повернул кольцо и пожелал:

— Пусть напротив этого дворца встанет другой дворец, еще прекраснее, и пусть в нем будет все, что душе угодно.

Не успел он и глазом моргнуть, как дворец вырос словно из-под земли, а сам юноша очутился внутри, будто век там жил; собака сидела в своей конуре, а кот умывался у окна.

Подошел юноша к окну, распахнул его — а напротив у окна сидит его красавица. Улыбнулись они друг другу, повздыхали, и юноша решил, что теперь самое время попросить ее руки. Девушка была очень рада, родители тоже, и через несколько дней сыграли свадьбу.

В первый же вечер молодая жена и спрашивает:

— Скажи мне, как это твой дворец сразу вырос из земли, словно гриб?

Задумался молодой: сказать или не сказать? А потом решил: «Ведь она моя жена, а от жены таиться нечего». И рассказал ей о волшебном кольце. Потом оба заснули.

А посреди ночи злая женщина потихоньку сняла кольцо с пальца спящего мужа, потом встала, позвала слуг и приказала:

— Скорее уходите из этого дворца! Вернемся в дом моих родителей!

Дома она повернула кольцо и сказала:

— Пусть дворец моего мужа вознесется на высокую скалистую вершину вон той горы.

Дворец тут же исчез, будто его вовсе не бывало; посмотрела молодая на гору и увидела, что взлетел он на самую вершину

Проснулся поутру юноша, а жены нет как нет. Отворил он окно и увидел под собой пропасть. Протер глаза, глядит — глубоко-глубоко, на самом дне, трещины да бугры, а кругом — снежные вершины. Хотел он повернуть кольцо, а кольца на руке нет как нет! Позвал слуг — никто не откликнулся. На зов прибежали лишь кот и собака; они остались во дворце, потому что юноша про кольцо жене рассказал, а про кота с собакой слова не вымолвил.

Сперва юноша ничего не понимал, но потом догадался, что во всем виновата его жена — коварная изменница. Только не очень-то это его утешило. Стал смотреть он, нельзя ли как-нибудь спуститься с горы, но все окна и двери были над самой пропастью. Еды во дворце оставалось всего на несколько дней, и юноша в страхе подумал, что придется ему умереть голодной смертью.

Увидели кот и собака горе своего хозяина, подошли поближе, собака и говорит:

— Не горюй, хозяин, мы с котом отыщем себе дорожку вниз среди скал, а спустимся — добудем и колечко.

— Дорогие вы мои зверюшки,— сказал юноша,— на вас вся

моя надежда. Ведь лучше броситься со скалы, чем умирать с голоду.

Отправились кот с собакой в трудный путь: цеплялись за камни, скользили вниз, прыгали с кручи на кручу, со скалы на скалу и в конце концов спустились к подножию горы. В долине текла река, надо было через нее переправиться. Собака посадила кота на спину и переплыла на другой берег.

Пришли они к дворцу коварной жены уже поздней ночью, когда все спали глубоким сном. Потихоньку прокрались кот с собакой через лаз в подворотне. Кот и говорит собаке:

— Ты останься здесь и карауль. А я пойду посмотрю, что дальше делать.

Украдкой пробрался он по лестнице к комнате, где спала обманщица. Но дверь была заперта, и кот никак не мог войти. Пока он раздумывал, как быть, мимо шмыгнула мышь. Кот цап — и схватил ее. Это была здоровенная жирная мышь. Стала она просить кота помиловать ее.

— Ладно,— говорит кот.— Только прогрызи дыру в этой двери, чтобы я мог войти.

Мышь тотчас принялась за работу. Уж она грызла-грызла, все зубы сточила, а дырка вышла маленькая: не то что кот — даже сама мышь пролезть в нее не могла.

— Есть у тебя мышата? — спрашивает кот.

— А то как же? — отвечает мышь.— Не то семь, не то восемь, и один шустрее другого.

— Приведи поскорее мне одного,— говорит кот.— Да не вздумай меня обмануть, все равно поймаю тебя и съем.

Мышь убежала и вернулась с мышонком.

— Слушай, малыш,— говорит ему кот.— Коли ты ловок, спаси жизнь твоей матери. Пролезь в спальню, взберись на постель и сними кольцо, что у женщины на пальце.

Мышонок пролез в дырку, но вернулся ни с чем:

— Нет у ней на пальце никакого кольца.

Но кот не растерялся!

— Значит, она его для верности во рту держит! Живо ступай да пощекочи хвостом ей в носу. Она чихнет и раскроет рот. Кольцо выпадет, ты хватай его и беги скорее сюда.

Как сказал кот, так оно и вышло. Не успел он и глазом моргнуть, как мышонок вернулся с колечком. Схватил его кот и помчался вниз по лестнице. Выскочили они с собакой из подворотни — и наутек!

Но в душе собака позавидовала коту: ведь кольцо-то добыл он!

Прибежали они к реке.

Собака и говорит:

— Отдай мне кольцо, а то не перевезу на тот берег.

Но кот отдавать кольца не хотел. Стали они ссориться, кот

выронил колечко, оно упало в реку, а тут как раз проплывала рыба — и проглотила его. Ухватила собака рыбу зубами и завладела-таки кольцом. На радостях перевезла она кота на тот берег. Но они все продолжали браниться между собой, пока не добрались до дворца и не пришли к хозяину.

— Принесли кольцо? — спрашивает он в тревоге.

Собака выплюнула рыбу, а рыба выплюнула кольцо.

Но тут кот говорит:

— Это не собака добыла кольцо, а я! Собака у меня его отняла!

А собака в ответ:

— Не схвати я рыбу, кольцо бы пропало!

Тогда юноша погладил обоих и сказал:

— Дорогие мои, не ссорьтесь, оба вы мне милы и дороги, обоих вас я люблю.

И целых полчаса он гладил и ласкал одной рукой собаку, а другой — кота, пока они не помирились и не стали друзьями, как прежде. Потом он встал у окна, повернул кольцо на пальце и сказал:

— Хочу, чтобы мой дворец опять опустился на прежнее место, а жена моя со своим дворцом пусть летит за тридевять земель!

Оба дворца тут же снялись с места. Дворец юноши встал посреди цветущей долины, а дворец обманщицы взлетел под облака — громко визжала она со страху.

Юноша привез во дворец свою мать, и зажила она счастливо на старости лет. Собака и кот тоже остались во дворце, жили они мирно, хоть, случалось, и ссорились. Юноша иногда пользовался кольцом, но не часто, потому что справедливо думал: «Не годится человеку без труда получать все, чего он ни пожелает».

РОЗИНА В ПЕЧИ

Итальянская сказка

У одного бедняка умерла жена и оставила ему хорошенькую дочку по имени Розина. Бедняк с утра до ночи работал, а присматривать за девочкой было некому. Вот он и решил снова жениться. Вторая жена тоже родила ему дочку, и назвали ее Ассунтой. Была она дурнушкой и скверного нрава. Девочки вместе росли, вместе ходили в школу, но всякий раз Ассунта возвращалась домой злая-презлая.

— Мама,— говорила она,— не хочу я больше ходить с Розиной! Кто нас ни встретит, всяк только ее и хвалит: и красивая она, и приветливая, а мне говорят, что я бука и черна, как головешка.

Мать души в Ассунте не чаяла. Видит, что она от зависти чуть не лопается, и спрашивает однажды:

— Ну как же мне помочь твоему горю?

— Пошлите Розину пасти коров,— отвечает Ассунта.— И велите ей спрясть моток пеньковой кудели. А если вернется она домой без пряжи да с голодными коровами, надавайте ей колотушек. Сегодня колотушки, завтра колотушки — этак она живо подурнеет и приветливость с нее слетит.

Мать уступила капризам дочери, позвала Розину и говорит:

— Не смей больше ходить с Ассунтой. Будешь теперь пасти коров и запасать для них траву, а еще будешь прясть в день по мотку кудели. Смотри у меня, если вечером вернешься без пряжи, а коров пригонишь голодными, задам тебе хорошую трепку. Мое слово твердое.

Розина от удивления и слова не могла вымолвить, но мачеха уже схватилась за палку, и девушке пришлось покориться.

Взяла она прялице, полное кудели, и погнала коров в поле. Идет и приговаривает:

— Коровушки вы мои, коровушки! Как запасу я вам травы, когда мне надо прясть кудель? Хоть бы кто мне помог!

Тут самая старая корова повернула к ней голову и говорит:

— Не печалься, Розина. Иди за травой, а мы тебе кудель спрядем и смотаем. Ты только скажи:

Коровушка-коровка,
Пряди мою кудельку,
Рогами помогай,
В клубок пряжу намотай!

Под вечер коровы напаслись вволю. Розина пригнала их домой и поставила в стойло. На голове она принесла большую охапку травы, а в руке держала клубок пряжи.

Как увидела это Ассунта, от злости чуть не задохнулась. Говорит она матери:

— Завтра опять пошлите Розину коров пасти, но дайте ей два мотка кудели, а если она не спрядет всего, пусть отведает палки.

Но и на этот раз довольно было Розине сказать:

Коровушка-коровка,
Пряди мою кудельку,
Рогами помогай,
В клубок пряжу намотай! —

и вечером коровы были сыты, трава запасена, и два мотка кудели спрядены и смотаны клубки.

Ассунта вся позеленела от злости:

— Как это ты все успеваешь сделать за один день?

— А так,— отвечает Розина.— Есть ведь добрые сердца на свете. Мне помогают мои коровушки.

Ассунта скорей бегом к матери.

— Мама, пусть завтра Розина сидит дома и хозяйничает, а я с коровами пойду. Дайте и мне кудели.

Вот поутру Ассунта погнала пасти стадо. В руке она держала хворостину и хлестала коров что было сил. Как дошли они до луга, Ассунта навила кудель на рога коровам. А коровы стоят себе не шелохнутся.

— Вы что! Прясть не хотите? — закричала Ассунта.— Вот я вас!

И давай хлестать их хворостиной пуще прежнего. Коровы замотали головами и вмиг спутали всю кудель. Остался от нее ком пакли. Неймется Ассунте. Вот и говорит она матери однажды вечером:

— Мама, что-то мне редьки захотелось. Пусть Розина надергает ее у соседа в огороде.

Чтобы угодить дочери, мать велела Розине пойти за редькой в соседский огород.

— Да что же это? — взмолилась Розина.— Неужто вы хотите, чтобы я воровала? Никогда я такого не делала! Ведь если сосед увидит, что к нему ночью через забор лезут, он вора убьет!

А Ассунте только того и надо. Стала она теперь сама в доме командовать и говорит сестре:

— Иди, иди, не то палкой угощу!

Побрела в темноте бедная Розина, перелезла через забор в чужой огород, но вместо редьки ухватила репу. Тянет-потянет она репу, наконец вытащила; шарит, а под ней кротовая норка, а в норке пять прехорошеньких маленьких кротов.

— Ой, какие миленькие! — сказала Розина и стала собирать их в передник.

Но тут ненароком уронила она одного кротенка на землю, и он зашиб себе лапку.

— Ох, прости меня, миленький, я ведь нечаянно,— сказала Розина.

И стала она кротовое семейство ласкать и гладить. Понравилась Розина тем четырем кротам, что сидели у нее в переднике, они и говорят:

— Милая девушка, ты такая добрая и ласковая, мы хотим сделать тебе подарок. Станешь ты прекраснее всех на свете и будешь сиять, как солнышко. Так тому и быть.

Но охромевший крот проворчал:

— Какая уж ласковая, я из-за нее чуть ноги не лишился! Пусть же, как только упадет на нее луч солнца, превратится она в змею, а человеком вновь станет, только когда попадет в горящую печь.

Вернулась Розина домой, было ей и радостно и боязно. А во-

круг нее, хоть и ночь была, стало светло как днем — так ярко сияла ее краса. Глянули на нее мачеха и сестра, такую прекрасную и сверкающую, как солнце, да только рты разинули. Розина рассказала им все, что случилось на огороде.

— Нет здесь моей вины,— говорит она.— Только сжальтесь надо мной, не посылайте на солнце, не то я змеей стану.

С тех пор Розина выходила из дому только вечером или в пасмурный день. Она проводила все время в тени у окошка, работала и пела. А из окошка расходилось сияние далеко-далеко.

Однажды проезжал мимо королевич. Сияние озарило его, он поднял голову и увидел Розину. «Откуда такая красота в крестьянской лачуге?» — подумал королевич и вошел в дом.

Так они и познакомились. Розина рассказала принцу свою историю, рассказала и о заклятии, что нависло над ее головой.

Королевич и говорит:

— Будь что будет. Нечего такой красавице оставаться в лачуге. Вы станете моей женой — я так решил, и мое слово твердое.

Тут вмешалась мачеха:

— Ваше величество, будьте осторожны, а то в беду попадете. Сами посудите: как упадет на Розину луч солнца, она сразу превратится в змею.

— Это уж мое дело,— отвечает королевич.— Сдается мне, что не любите вы эту девушку. Приказываю отправить ее во дворец. А чтобы солнце не осветило ее по дороге, я пришлю закрытую карету. Смотрите, чтобы все было исполнено. А теперь — счастливо оставаться!

Мачеха с Ассунтой не посмели ослушаться королевича и стали собирать Розину в дорогу. Но в душе затаили злобу.

Наконец прикатила карета — старинная, совсем закрытая, только маленький глазок наверху, а на запятках слуга, весь в лентах, в шляпе с пером и со шпагой на перевязи.

Розина вошла в карету, и мачеха села вместе с ней — проводить во дворец. Но прежде отвела она слугу в сторонку и говорит ему:

— Добрый человек, если хочешь заработать десять паоло на чай, открой в карете глазок, когда солнце будет над головой.

— Хорошо, синьора,— ответил слуга.— Как прикажете!

И карета покатила. А в полдень, когда солнце стояло прямо над головой, слуга, не ведая тайны и злого умысла, открыл в карете глазок, и солнечный луч упал на голову Розины. В тот же миг девушка обратилась в змею и с шипеньем уползла в лес.

Распахнул королевич дверцу кареты у ворот своего замка, а Розины там нет! Как услышал он, что случилось, заплакал, закричал и чуть не убил мачеху. Но тут все наперебой стали говорить ему, что такова уж, видно, судьба Розины: не случись этого несчастья теперь, оно произошло бы позже. Перестал королевич убиваться, но остался грустен и безутешен.

А тем временем повара на королевской кухне давно пекли, варили и жарили в печах, на плитах и на вертелах кушанья для свадебного пира, и гости уже сидели за столом. Узнали они, что невеста исчезла, и рассудили так: «Раз уж мы здесь, попируем». И слугам было велено разогреть кушанья.

Тут из лесу принесли вязанку хвороста, и один из поваров бросил ее в горящую печь. Вдруг видит, в вязанке-то змея! Не успел он ее вытащить — хворост так и вспыхнул! Стал повар смотреть в печь, как сгорит змея, вдруг из пламени прыг на пол девушка, румяная, как роза, и сияет ярче солнца.

Повар просто онемел, а потом как закричит:

— Сюда! Сюда! Из печи девушка выскочила!

На крик прибежал королевич, а за ним и все придворные. Узнал принц свою Розину и крепко обнял ее.

Тут же отпраздновали свадьбу. Розина зажила счастливо, и ее уже никто не обижал.

ВОЛК, УЛИТКА И ОСЫ

Французская сказка

Раз волк шел по лесу и наступил на улитку.

В те времена животные еще умели говорить как люди. Вот улитка ему и сказала:

— Какой ты злой, волк! Зачем топчешь ногами слабых? И чем гордишься? Захочу, так побегу быстрее тебя. Давай побьемся об заклад, что ты и твои приятели волки запыхаетесь, догоняя меня.

— Это тебя-то не догнать, убогая?

— Да, меня, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра с восходом солнца, и посмотрим, кто из нас первый добежит до берега Гаронны.

— Хорошо, придем, убогая.

Волк продолжал путь. Не прошел он и двадцати шагов, как наступил на осиное гнездо.

— Какой ты злой, волк, зачем топчешь ногами слабых? Мы, осы, малы, но тебя не боимся. Хочешь, побьемся об заклад, что мы утопим и тебя и твоих приятелей волков?

— Это вы-то, мелюзга этакая?

— Да, мы, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра, когда взойдет солнце, и посмотрим, много ли нам понадобится времени, чтобы утопить вас в Гаронне.

— Хорошо, придем.

Волк тотчас же пошел предупредить своих. А улитка сказала осам:

— Подружки, оповестите весь ваш осиный народ. Мои улитки

тоже все непременно соберутся на зов. Спрячьтесь в ветвях ив, что растут на берегу Гаронны. Мы пригоним вам волков, а вы в удобную минуту нападите на них и жальте, пока они не бросятся в воду.

— Хорошо, улитка, будет сделано.

И осы улетели, чтобы исполнить то, что обещали. А улитка разместила своих подружек на всем пути до берега Гаронны, через каждые пять шагов по улитке.

На другое утро, с восходом солнца, волки и улитка были уже на том месте, откуда решено было начать бег.

— Ты здесь, улитка?

— Здесь, волки. Начнем.

Волки помчались галопом. На бегу они кричали:

— Где ты, улитка?

— Здесь, волки,— отвечали улитки, расставленные по дороге через каждый пять шагов.

Когда волки добежали до берега Гаронны, осы тучей вылетели из листвы ив и, напав на зверей, принялись больно жалить их, громко жужжа:

— Сильнее! Сильнее!

Бедные волки кинулись в реку и не смели высунуть из воды ничего, кроме кончика морды.

— В нос, в нос! — жужжали осы, налетая на волчьи носы и усердно работая жалами.

Волки все утонули, а улитки и осы, очень довольные, воротились в лес.

КЛУБОК ШЕРСТИ

Французская сказка

Тетушка Миетта из деревни Месс была так скупа, так скупа, что готова была стричь шерсть с яйца.

Раз она, с прялкой в руке, гнала своих коров в поле Обеспи и нашла на дороге большущий клубок шерсти, похожий на какого-то зверька. Она проворно наклонилась, чтобы его подобрать, но так спешила, так спешила, что и не подумала о прядильщице, потерявшей клубок. Она уже видела его в объемистом кармане своего передника, который как будто нарочно сделан для этого.

Но тетушке Миетте никак не удавалось поймать клубок. Он все катился, катился вперед, и, чтобы схватить его, она второпях бросила у дороги свою прялку. Теперь у нее обе руки были свободны и жадно тянулись к клубку. Но клубок ускользал и все катился да катился вперед!

Тетушка Миетта забыла о своей прялке, брошенной на дороге, о своих двух красавицах коровах, которые по привычке спокойно

пошли сами на выгон. Она как сумасшедшая гналась за клубком, а тот все убегал от нее. Словно блуждающий огонек, мелькал он впереди и упорно не давался ей в руки. Задыхаясь, пробежала она через деревенский луг, поднялась, сама того не заметив, на холм Шатель-Гвизон. Тетушка Миетта готова была бежать за таинственным клубком хоть на край света. Наконец ей удалось ухватить не клубок, а кончик нитки, которая тянулась за ним.

Тетушка принялась наматывать нитку на пальцы и так постепенно намотала великолепный большой клубок. А тот, первый, не уменьшался и все убегал вперед, увлекая за собой старую Миетту.

Теперь она довольна: она держит обеими руками, прижимая к груди, громадный клубок шерсти. Она свяжет из него куртку и штаны мужу, юбку себе, а остальную шерсть продаст... Вот так удача! Тетушка Миетта не чувствует усталости.

Клубок скоро становится так велик, что уже невозможно наматывать на него нитку. Огорчилась тетушка Миетта, вздохнула, но делать нечего — оборвала нитку.

Вдруг желанный клубок, за которым она так гналась, как прыгнет да и скрылся из виду! В тот же самый миг второй великолепный клубок, который она с таким трудом намотала, выскользнул из ее рук, а уж как она старалась удержать его.

И вот старуха снова бросается в погоню! Ей удалось опять поймать конец нитки. Двадцать раз сматывала она нитку в клубок, и двадцать раз ее работа кончалась ничем.

Тетушку Миетту видели в тот день в Мон-Редоне, и в Шастре, и в Урсьере — повсюду. Растрепанная, запыхавшаяся, измученная, бежала она за клубком, лихорадочно перематывая его.

Ее муж нашел обеих коров в поле Обеспи, а прялку жены — на краю дороги. А старая Миетта все не может остановиться, так и бежит до сих пор по лесам и полям.

Если найдете на дороге клубок шерсти, похожий на маленького зверька, подберите его, но только с тем, чтобы вернуть прядильщице, которая его обронила.

ТРИ ОХОТНИКА

Французская сказка

Жили-были три охотника.

Два ходили голые, а на третьем не было никакой одежды.

У охотников было три ружья.

Два ружья были не заряжены. В третьем не было заряда.

Охотники вышли из города на рассвете и шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Близ леса они застрелили трех зайцев и двух из них упустили.

А третий заяц от них сбежал. Они положили его в карман к тому охотнику, на котором не было одежды.

— Ах, боже мой! — сказали они.— Как же мы сварим того зайца, который от нас убежал?

И вот три охотника снова пустились в путь.

Они шли далеко, далеко, далеко и еще дальше.

Наконец пришли к дому без стен, без крыши, без дверей, без окон, без всего.

Три охотника три раза громко постучали в дверь: тук! Тук! Тук!

Хозяин, которого не было дома, отозвался:

— Кто там? Что вам нужно?

— Не окажете ли вы нам услугу? Одолжите нам горшок, чтобы сварить того зайца, который от нас убежал.

— Ах, боже мой, друзья, у меня есть только три горшка: у двух выбито дно, а третий уже никуда не годен!

КАК ОСЕЛ ПРОГЛОТИЛ ЛУНУ

Французская сказка

На север от монтастрюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье.

Раз вечером, часов в шесть, а дело было в декабре, взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменился и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал от пруда, крича:

— Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастрюка.

— Чего ты так раскричался?

— Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

Монтастрюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завопили:

— Его осел проглотил луну! Его осел проглотил луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

— Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

— Осел! Это ты проглотил луну?

Осел поднял хвост и заорал.

— Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы теперь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь в темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

— Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен.

Через десять минут осла повесили на дереве.

Но тут один из судей спохватился.

— Друзья,— сказал он,— мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умилостивить, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того, в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано — сделано. Двенадцать молодых монтастрюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи — курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча словно бешеные. Монтастрюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастрюк.

В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастрюкские судьи вздохнули с облегчением.

— Рамьерские волки оказали нам громадную услугу,— говорили они.— Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами повесили эту скотину. Ну, а что касается луны, которую осел проглотил,— она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе.

КРЕСТЬЯНИН И МОЛОДЫЕ СЕНЬОРЫ

Испанская сказка

Крестьянин жил в деревне, а король — в столице, в Мадриде. Деревня была далеко от Мадрида, и, конечно, король ничего не слыхал о крестьянине. Зато крестьянин знал многое про короля.

Он знал, что король живет в огромном дворце, что ест он

самые лучшие кушанья, что подают ему их на золоте, что у него множество слуг и все его боятся — не только слуги, даже министры, разодетые в шелк и бархат. «И конечно, этот король ростом с великана! — так думал крестьянин.— Не будь он таким высоченным и сильным, почему бы люди стали его бояться!» Одним словом, захотелось крестьянину на короля подивиться, посмотреть на него собственными глазами.

Пришел к жене и сказал:

— Марианна, не пойти ли мне в столицу короля посмотреть? Что ты на это скажешь?

— Я скажу тебе, что ты последний дурень, и не дам денег на дорогу,— рассудительно отвечала жена.— У нас в доме всего три реала, к зиме надо купить и то и другое, а король обойдется и без тебя!

Вот досада! Видит крестьянин — не легко с женой сговориться. А сам думает: «Как бы не так! Ведь я не молод, а до сих пор короля не видал. Если сейчас не схожу в Мадрид, так и не придется мне на короля поглядеть!»

Делать нечего — пустился на хитрость. На другой же день снова пришел к жене, стонет:

— Женушка, зуб болит! К цирюльнику надо бежать: пусть вытащит! — И за щеку рукой держится.

Жена знала, что частенько у мужа болят зубы. Поверила, пожалела:

— Так в чем же дело? Ступай!

— Да цирюльник-то в Мадриде живет!

— В Мадриде?

А муж как повалится на пол, как закричит:

— Ой, не могу терпеть, так больно!

Перепугалась хозяйка:

— Вот тебе три реала. Беги сейчас же, да скорей возвращайся обратно!

Крестьянин схватил деньги — и за дверь.

Идет по дороге, радуется, песни поет. Но мы знаем, что от деревни до столицы не близко. Три дня шел крестьянин, за три дня чуть не все деньги проел: осталось всего-навсего полреала!

Пришел в Мадрид — на площади давка. Народ шумит, кони скачут — чуть с ног не сбили.

— Что такое?

— Король из церкви выходит!

Подошел крестьянин поближе, видит: идут из дверей придворные, министры, советники, а вот и сам король!

— Вива! Живи много лет! — закричал народ.

А крестьянин даже плюнул с досады:

— Ну и король! Смотреть не на что! И вовсе не великан. Правда, золота на нем навешано много: на груди — золото, на плечах — золото, на шляпе, на рукавах — везде золото, а ростом

такой, как все! Эка невидаль! — рассердился крестьянин.— Знал бы, не топал бы трое суток!

Есть захотел. Пошел на рынок.

Сосчитал деньги — все карманы обшарил: полреала, и ни одним мараведи больше. А зуб и на самом деле разболелся.

Остановился крестьянин против лавки пирожника, а продавец надрывается — во все горло расхваливает свой товар:

Пирожки печеные,
Сладкие, слоеные.
Вкусней не бывало,
За дюжину — полреала!

Глаза у крестьянина разгорелись:

«Вот это пирожки! Никогда таких не едал! На все деньги бы накупил, да нельзя — зуб болит. Не вытащу зуба — не дойти до деревни, а не поем — тоже ног до дому не дотащишь!»

Так он стоял и думал и все на сдобные пирожки поглядывал, не заметил, как подошли три молодых сеньора. Плащи до пят, шляпы с перьями — одним словом, знатные господа. Увидали, что стоит человек, во все глаза на еду уставился, решили над ним посмеяться.

— Эй ты, деревня! — закричали ему сеньоры.— Сколько съешь пирожков за один присест?

— Я-то? — отозвался крестьянин, а сам от пирожков глаз не отводит.— Хоть сотню съем!

— Сотню? — удивились сеньоры.

— И еще попрошу!

Как принялись они хохотать:

— Ни за что тебе не поверим. Не съесть тебе сотни!

— Съем! Почему не съесть?

Завязался спор. Крестьянин твердит: съем да съем! А сеньоры — свое: никогда не съешь! Собрался народ. Хохочут, тоже кричат, одни: «Съест!», другие: «Не съест ни за что!»

Наконец говорят сеньоры:

— Об заклад побейся, что съешь. А мы за все пирожки заплатим.

А какой заклад у крестьянина? Вот тут-то он и смекнул — говорит сеньорам:

— Ладно! Пусть об заклад! А не съем — что хотите со мной делайте. Хотите — побейте, хотите — да что там: ничего для спора не пожалею. Вот зуб, видите.— И показывает им на свой больной зуб.— Не съем сотни, пусть вырвет мне зуб мадридский цирюльник!

— Ешь, начинай! — расхохотались сеньоры.— Быть тебе, дуралей, без зуба!

Толпа расступилась, смотрят: подошел к пирожкам крестьянин, один съел не спеша, за другим тянется.

— Один! — считают сеньоры.

А он уже и другой проглотил.

— Второй! — кричит толпа.— Третий! Четвертый!

А крестьянин времени не теряет, пирожки в рот кладет.

— Десятый! — кричат сеньоры.

— Десятый! — кричит народ.

— Двадцатый!

— Двадцатый!

А крестьянин все ест да ест.

— Да что он — бездонный? — смеются в толпе.

— Двадцать пятый! — считают сеньоры.

Но крестьянин уже наелся. Шутка сказать — двадцать пять пирожков с начинкой съел! А пироги-то один другого больше! Съел и рот рукавом вытер.

— Простите,— сказал,— сеньоры, я проиграл! Не могу сотни съесть.

Что тут было!

— Проиграл! — зашумела толпа.

— Проиграл! — обрадовались сеньоры.— Зовите скорей цирюльника!

А цирюльник уже тут как тут со своими щипцами.

Увидев его, крестьянин скроил такую печальную рожу, что сеньоры еще громче расхохотались.

— Открывай рот! — кричат.

Будто нехотя открыл рот крестьянин, а цирюльник ухватился за зуб и давай тащить. Цирюльник тащит, крестьянин кричит, а сеньоры смеются. Чем громче кричит, тем веселее смеются. Наконец вытащил зуб цирюльник.

Расплатились сеньоры за пирожки, заплатили и цирюльнику сколько нужно и сказали людям, которые всё еще толпились вокруг:

— Видали дурня? За какие-то пирожки он расстался с зубом!

А крестьянин в ответ:

— Ну нет, я совсем не дурень. Не остались ли вы в дураках, уважаемые сеньоры?

— Как ты смеешь?!

— Вы платили за пирожки?

— Платили.

— И цирюльнику заплатили?

— Сполна.

— Вот и спасибо. Ведь зуб-то у меня и в самом деле болел! А теперь я и сыт, и здоров. Избавили вы меня сразу от двух несчастий: от голода и от больного зуба!

Сказал и пошел своей дорогой.

Надвинули шляпы до самых глаз сеньоры и бегом с площади. А им вслед неслись хохот, свист и насмешки.

ГОРБАТАЯ ПРИНЦЕССА

Испанская сказка

Не думайте, что принцесса так и родилась горбатой, ничего подобного: она была стройна и красива. К тому же была единственной наследницей короля, и ее будущий муж должен был получить королевство.

Король был уже стар и с нетерпением ждал, когда же наконец гордая принцесса выберет себе мужа, чтобы передать ему свой трон. Но принцесса вовсе не хотела выходить замуж. Не нравились ей ни принцы, ни графы, ни маркизы. Даже самых благородных кабальеро не удостаивала она взглядом.

И вот однажды, прогуливаясь перед дворцом, она встретила старого нищего. Лицо его было безобразно, одежда в лохмотьях, а спину украшал огромный горб.

— Подайте на бедность! — протянув руку, заголосил нищий.

Но девушка так испугалась его уродства, что тотчас же поспешила уйти.

— Никогда не показывайся мне на глаза! — крикнула она старику.

Нищий рассердился. Он догнал принцессу и бросил в нее черного паука. Паук уцепился за шлейф принцессы, и как ни старалась девушка, не могла стряхнуть с платья гадкое насекомое. Так и пришла во дворец вместе с пауком.

Стал паук жить во дворце.

Он не давал принцессе ни минуты покоя. Он кусал ее и днем и ночью и вырос такой большой и толстый, что даже придворные стали его бояться. Тогда принцесса позвала солдат и приказала им застрелить паука, а из его кожи сделать бубен.

Прошло время. Король сказал своей дочери:

— Ты видишь, я стар. Мне нужен наследник, чтобы передать ему королевство. Когда же ты выберешь себе мужа?

— Хоть завтра,— рассмеялась в ответ принцесса.— Но выберу я только того, кто без ошибки ответит, из чего сделан мой бубен.

— Хорошо! — согласился король.— Но помни, кто бы ни отгадал, мы сейчас же отпразднуем свадьбу. Даю в том мое королевское слово!

И король объявил по всей стране, что принцесса выйдет замуж за того, кто отгадает, из чего сделан ее бубен.

Со всех концов прискакали на конях принцы и графы. В роскошных колясках приехали маркизы и герцоги. Со шпагами на боку прибыли во дворец благородные кабальеро. Но никто из них не сумел отгадать, из чего сделан бубен принцессы. Красавица только посмеивалась над женихами, пока из самого даль-

него королевства не прискакал верхом на белом коне стройный принц в золотом плаще и с пером на шляпе.

Увидев юношу из окошка, принцесса тотчас же полюбила его. Она решила помочь незнакомому принцу и, распахнув окно, громко крикнула:

— Он из кожи паука!

Но принц, утомленный долгой скачкой, не расслышал слов принцессы, а если бы и расслышал, ни за что бы ей не поверил: он подумал бы, что принцесса смеется над ним. Разве делают бубны из паучьей кожи?!

Зато крик принцессы услышал горбатый нищий. Как раз в это время он проходил под окошками, выпрашивая подаяние. И когда принц так и не смог ответить, из чего сделан бубен, горбатый нищий пришел к королю и сказал:

— Я отвечу. Отдайте мне красавицу в жены.

— Из чего же? — спросил смущенный король.

— Он из кожи паука! — со смехом ответил нищий, и королю пришлось отдать принцессу горбатому старику. Что делать! Она сама назначила такое условие, а король подтвердил его своим королевским словом.

О, как сердился король! Он позвал свою дочь и сказал:

— Вот до чего довели тебя твои капризы. Уходи сейчас же из дворца со своим стариком, забудь навсегда, что я твой отец, и никогда не возвращайся обратно!

Принцесса горько заплакала. Горбатый нищий взял ее за руку, и они тотчас же ушли из дворца, а принцы и графы, маркизы и благородные кабальеро разъехались по своим королевствам, оплакивая печальную участь своенравной принцессы. Уехал и принц в золотом плаще и шляпе с пером. Печальный уехал он в свое самое далекое королевство, потому что успел уже полюбить молодую принцессу.

Долго шли по дорогам принцесса и старый нищий и пришли наконец к реке.

— Ты моя жена и должна исполнять все мои желания,— сказал горбун.— Возьми меня на спину и перенеси через реку.

Посадила принцесса старика себе на спину и понесла. Дошла до середины реки и подумала: «Если я сейчас не избавлюсь от нелюбимого мужа, всю жизнь придется мне таскать его за собою. Лучше я стряхну его в воду». Она стала скакать и прыгать, чтобы сбросить старика со своей спины. Прыгала, прыгала и наконец стряхнула его: старик был уже дряхлым и не мог удержаться на спине у принцессы. Но горб — огромный уродливый горб — принцесса никак не могла сбросить. Он крепко прирос к ее спине, и принцесса стала горбатой.

Ах, этот горб! Принцесса так его ненавидела! Мало того, что сидел он на ней верхом, как всадник. К досаде девушки, коварный горбик оказался до крайности разговорчивым. Правда, если

принцесса молчала, он тоже помалкивал. Но стоило девушке обронить хоть слово, горбик тотчас же повторял его, будто передразнивая принцессу,— ну точь-в-точь как эхо в горах.

— Дайте мне напиться воды,— просила девушка, постучавшись в двери какой-нибудь хижины, и горб тотчас же повторял: «Дайте мне напиться воды!» — и притом таким тоненьким голоском, что все начинали смеяться над девушкой. Другие же обижались, полагая, что она смеется над ними, и прогоняли несчастную.

Сколько ни уговаривала его принцесса помолчать хоть немного, упрямый горбик пищал и пищал по-прежнему. Тогда девушка притворилась немой. С непривычки это было нелегко, но зато горб оставил ее в покое: пришлось и ему замолчать.

Наконец дошла принцесса до самого дальнего королевства, где жил стройный принц в золотом плаще и шляпе с пером. Почему попала она именно в это королевство, принцесса сама не знала, но, наверное, сердце подсказало ей дорогу. Она пришла во дворец и нанялась в услужение. Она прислуживала за королевским столом, но принц даже не взглянул на нее ни разу. Разве станет красавец, наследник трона смотреть на служанку, притом еще горбатую и немую! Юному принцу было вовсе не до того: по приказу родителей он должен был жениться на знатной маркизе. Конечно, эта маркиза была совсем не так красива, как принцесса с бубном, но горба у нее не было, и никто не осмелился бы сказать, что она немая: маркиза была пряма как палка и целыми днями трещала, как попугай. Вот какую невесту подыскали для принца в золотом плаще и в шляпе с пером!

Итак, маркиза-невеста прикатила в золоченой карете в самое далекое королевство, где жил принц в золотом плаще, и по этому случаю во дворце готовили большой ужин, а принцессе-служанке поручили жарить пирожки с яблоками для королевского стола.

Она зажарила первый пирожок и сказала горбу:

— Горбик, горбик, не хочешь ли пирожка?

— Хочу, хочу! — пропищал горбик.

Как видите, если дело касалось чего-нибудь вкусненького, он забывал передразнивать принцессу, а сразу отвечал, чего хочет!

Принцесса угостила его пирожком, положила на сковородку второй и опять спросила:

— Горбик, горбик, не хочешь ли еще пирожка?

— Ой, хочу! — пропищал горбик.

Он был большим сладкоежкой. И принцесса снова угостила его пирожком.

— А еще? — спросила она, обжаривая третий, самый большой пирожок.— Не хочешь ли ты его отведать?

— Очень, очень хочу! — пропищал в нетерпении горбик.

— Так прыгай ко мне в передник! — приказала принцесса горбу.

Глупый горбик так любил сладкие пирожки, что не заставил просить себя еще раз и прыгнул в передник девушки. Принцесса схватила его щипцами и бросила в печку.

— Горю, горю! — пропищал горбик в последний раз и замолчал навсегда.

Так избавилась принцесса от ненавистного горба и стала стройной, как прежде. К тому же теперь ей уже не нужно было притворяться немой. Она побежала в свою комнатку, нарядилась в атласное платье с кружевами и явилась в парадный зал, где собирались к ужину знатные гости и принц с маркизой встречали каждого глубоким поклоном.

Когда принцесса, нарядная и величественная, появилась в дверях, принц воскликнул:

— Смотрите, это наша немая служанка! Как она стройна и красива!

А маркиза-невеста вскочила с места и, покраснев от досады, затрещала как сорока:

Ишь, нарядная какая!
Прочь ступай!
Прочь ступай!
Повариху я узнаю,
Как ее ни наряжай!

Она трещала бы еще очень долго, но принцесса не дала ей договорить и с достоинством ответила:

— Ваша правда, сеньора маркиза, я была поварихой и прислуживала сеньору принцу, но я родилась не служанкой, а принцессой, дочерью короля. И если вы не знаете этого, то могли бы и помолчать, хотя, говорят, это искусство совершенно вам не знакомо.

Услышав такой смелый ответ, трещотка прикусила язык и убежала из зала. Она прыгнула в свою золоченую карету и навсегда ускакала из самого далекого королевства.

А принц? Он тотчас же узнал свою возлюбленную принцессу, о которой так долго тосковал. Принц очень обрадовался, что она уже не немая, и при всех гостях предложил ей стать своей женой.

Они жили долго и счастливо. Принц вскоре же стал королем, а принцесса королевой. Она была доброй королевой, всегда помогала больным и бедным и никогда не отворачивалась от чужого горя. Уж она-то отлично знала, как тяжело скитаться без гроша по дорогам и просить у чужих дверей глоток воды и кусочек хлеба, чтобы утолить голод и жажду. И за это молодой король любил ее еще больше.

НЕВЕСТА ТРЕХ ЖЕНИХОВ

Испанская сказка

Жил человек. А у него была дочь. Девушка была хороша, как солнце, но своенравна, как горный ветер.

Однажды отец работал в саду. Отворилась калитка, и трое юношей, один красивее другого, вступили в сад и сказали:

— Твоя дочь прекрасна, как солнце. Мы просим ее руки.

Отец ответил:

— Она своенравна, как ветер. Надо спросить ее согласия.— И скрылся в доме, а юноши остались ждать у калитки.

Придя к дочери, отец сказал:

— Трое юношей, один красивее другого, просят твоей руки. Кого же из трех назовешь ты своим мужем?

Дочь посмотрела в окошко и увидала, что отец сказал правду: таких красавцев она еще не встречала!

Улыбнувшись, ответила:

— Все трое мне по душе.

Отец рассердился:

— Не можешь же ты выйти замуж за троих?

— Согласна выйти за любого из них,— ответила дочь.— Но пойми, мне нужны все трое.

И сколько отец ни спорил, повторяла одно и то же:

— Пойми, мне нужны все трое!

Несчастный старик не знал, что ответить юношам. Он долго думал, наконец вышел и сказал женихам:

— Моя дочь хороша, как солнце, но своенравна, как горный ветер: ей нужны все трое! Но не может же она выйти замуж за троих? Послушайтесь моего совета: отправляйтесь в чужие земли и далекие страны — ищите там свое счастье.

Юноши переглянулись.

Отец объяснил:

— Ищите в далеких странах для своей невесты самый лучший, самый редкий подарок, какого нет нигде на свете. И тот, кто найдет его, станет мужем моей дочери.

Женихи молча поклонились и вышли.

В тот же день они покинули берега Испании и отправились в чужие земли и далекие страны на поиски своего счастья. Каждый ехал своим путем, но ни один не нашел для невесты подарка, какого нет нигде на свете. Долго скитались они по бурным морям, не одну пару туфель изорвали об острые камни, бродя по чужим дорогам. Печаль окутала их сердца, но не погасила надежды.

И вот однажды первый жених встретил дряхлого старика.

— Здравствуй, юноша,— прошамкал странник,— не хочешь ли ты купить зеркальце?

Зеркальце было маленьким, и юноша, горько засмеявшись, ответил:

— Такое зеркальце мне ни к чему. Я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете.

Старик улыбнулся:

— Ты нашел его, сынок. Это зеркало не простое: в любую минуту ты можешь увидеть в нем того, кого пожелаешь.

Юноша очень обрадовался, взял зеркальце и отдал за него старику все свои деньги.

Вскоре второй жених встретился с тем же странником.

— Не нужен ли тебе пузырек с бальзамом? — спросил странник.

— Мне бальзам ни к чему,— ответил юноша.— Я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете.

Но и бальзам оказался не простым, а чудесным. Странник объяснил юноше, что этим бальзамом можно не только заживлять раны, но и воскрешать мертвых. Обрадованный юноша взял пузырек с бальзамом и отдал за него страннику все свои деньги.

Третий жених, не найдя ничего, печально бродил по берегу моря и думал уже броситься со скалы в морскую бездну, как вдруг увидал, что по волнам плывет большой ящик. Ящик приблизился к берегу, в нем открылась маленькая дверца, и из нее один за другим стали выходить люди. Их было такое множество, что юноша не мог сосчитать. Последним вышел старик, поклонился жениху и сказал:

— Юноша, не хочешь ли ты купить мой ящик?

— Такой старый ящик мне ни к чему! — воскликнул печальный юноша.— Он годен лишь на дрова, а я ищу для невесты подарок, какого нет нигде на свете!

— В таком случае, лучше этого ящика ты ничего не найдешь,— ответил старик.— Мой ящик плавает по волнам, летает по воздуху, сам бежит по земле, и не успеет камень, брошенный в волны, достигнуть морского дна, как ящик перенесет тебя и твоих друзей, куда ты только ему ни прикажешь.

Они сговорились, юноша отдал старику все свои деньги и стал хозяином волшебного ящика.

Не успело солнце трижды подняться на полдень, как трое юношей встретились.

— Я нашел чудесный подарок, какого нет нигде на свете! — воскликнул радостно первый жених и показал свое зеркальце.

— Мой подарок еще чудесней,— сказал второй и достал пузырек с волшебным бальзамом.

— Я думаю, что вы оба уступите первенство моему подарку,— хвастливо сказал третий и указал на большой ящик, качавшийся на волнах у самого берега.

Стали юноши спорить, и каждый настаивал, что его подарок самый лучший, самый редкий, лучше его и нет на свете.

Наконец первый жених воскликнул:

— Испытайте мой подарок на деле! Взгляните в зеркальце, и вы увидите девушку, прекрасную, как солнце, и своенравную, как горный ветер.

Все трое взглянули в зеркало и в ужасе отшатнулись: невеста трех женихов лежала на постели без движения и без дыхания.

— Она мертва! — воскликнул в отчаянии первый юноша и заплакал.

— Не плачь! — утешил его второй.— Мой бальзам оживит ее!

— Мы опоздали,— возразил первый.— Пока мы доберемся до берегов Испании, ее уже похоронят, и никакой бальзам не спасет ее.

— Мы будем там раньше, чем сядет солнце! — сказал хозяин ящика.— Поспешим к морю: нас всех доставит на родину мой чудесный корабль!

Все трое, позабыв о недавнем споре, помчались к морскому берегу. Вбежали в ящик, дверца захлопнулась — жжжи! — и чудесный ящик взвился в воздух. Не успело сесть солнце, а юноши, все трое, уже стояли у знакомой калитки. Старик отец выбежал им навстречу и, плача, объявил женихам, что они пришли слишком поздно. Но юноши смело вошли в дом, где без движения и без дыхания лежала невеста трех женихов. Только окропили ее губы чудесным бальзамом, девушка улыбнулась и встала. Радость юношей была беспредельна. А девушка подошла к отцу, обняла его и сказала:

— Ты видишь, отец, я права: мне были нужны все трое, все трое мне пригодились. Если бы не они, не пришлось бы мне снова увидеть солнце, а тебе — обнимать меня сегодня. А теперь дай мне год сроку, и я выберу одного из трех женихов и назову его своим мужем. А другие двое пускай не сердятся на меня: не могу же я быть невестою трех женихов. К тому же в нашем селении немало красивых девушек, и они без труда найдут себе подругу по сердцу.

Так и было. Прошел год, минула зима, в горах снова зацвел миндаль, а в селении, где жил отец со своей дочерью, сыграли сразу три веселых свадьбы. Которого же из трех братьев выбрала себе в мужья невеста — угадайте сами!

СЪЕЛ СОВУ!

Португальская сказка

Волк шел по лесу и увидал сову, сидящую на высокой сосне. Волк подошел и крепко обхватил сосну хвостом, словно собираясь перепилить. Сова, высунувшись из гнезда, сказала ему:

— Ах, кум, не пили, пожалуйста, сосну, мои детки свалятся вниз и умрут.

Волк отвечал:

— Коль не желаешь, чтоб я спилил сосну, спустись ко мне сама.

Сову это не очень-то устраивало, но — что ж поделаешь? — она стала потихоньку перелетать с ветки на ветку и, спустившись уже довольно низко, спросила волка:

— А тебе, волк, чего надобно?

А он в ответ:

— Спустись еще немножко, дело есть.

Сова возразила:

— Да ты говори, я и отсюда слышу.

Волк настаивает:

— Спустись — поняла? Я тебе ничего дурного не сделаю.

Сова оплошала и спустилась к волку, а тот как щелкнет зубами — да и схватил беднягу.

Сова говорит из пасти волка:

— Слушай, кум, погоди меня есть, я еще завещанье не составила.

А волк отзывается:

— Нет уж! Теперь ты попалась, голубушка.

Молит сова:

— Да ты хоть с детками-то дай проститься, вон они на дереве одни сидят.

Волк говорит:

— Не дам, кума, а то ты небось убежишь.

Сова покорилась:

— Ладно уж, только ты сам им тогда скажи, что меня съел, а то ведь ждать будут. Три раза повтори, чтоб услыхали: «Съел сову!»

Волк тихонечко так сказал, чтоб рот не больно-то открывать:

— Съел сову!

Сова попрекает:

— Да что ж ты, кум, так тихо, они ж не слышат!

Волк повторил «съел сову!» немного погромче.

А она недовольна:

— Ну вот, они не услышали! Погромче давай!

Волк тут разинул пасть, чтоб громко крикнуть «съел сову!», а она как вырвется, да сразу же и взлетела на самую верхушку сосны. Взглянула вниз на волка и говорит:

— Другую дуру ищи!

ОТЦОВО НАСЛЕДСТВО

Португальская сказка

У одного человека было два сына, и вот однажды младший и говорит отцу:

— Отец, отдай мне мою долю, хочу я пойти по белу свету богатства искать.

Отец дал ему то, что полагалось из доли матери, и он покинул дом и отправился в дальние земли.

Долго ли, коротко ли, а видя, что никакого богатства скопить не удается и деньги, данные отцом, понемногу убывают, парень решил вернуться под родной кров. Но, едва он ступил на землю, где родился, как услыхал от людей скорбную весть — что отец его умер. А брат, по слухам, превратил дом в настоящий дворец и живет припеваючи. Парень решил поговорить с братом и рассказал ему все, что с ним случилось с тех пор, как он ушел из дому. Выслушав его, брат отвечал:

— Я ничем не могу тебе помочь, потому как наш отец мне ничего не оставил в наследство. Тебе же он завещал вот этот старый ящик и строго-настрого запретил мне его открывать.

Парень покорно принял отцово наследство и пошел из родного дома куда глаза глядят. По дороге он решил все же открыть ящик и поглядеть, что в нем; но едва лишь он приподнял крышку, как из-под нее выскочил паренек с ноготок, лицом черен, да и говорит:

— Приказывай, хозяин!

— Приказываю предоставить мне дворец со всем, чему в нем быть положено, и к нему еще кареты и лакеев мне в услужение.

Сказано — сделано: все вмиг оказалось пред его глазами точнехонько так, как было задумано. И зажил парень очень счастливо в своем дворце, гораздо более прекрасном и богатом, чем дворец самого короля. И вот однажды дошла до него весть, что старший брат собирается к нему в гости. Ну что ж, он принял брата по-царски, а тот между делом и спрашивает его, как, мол, он в такое короткое время столько добра нажил.

— Это все наследство, что мне оставил наш отец.

— Но ведь он оставил тебе в наследство всего-навсего старый ящик!

— Так-то оно так, но в этом ящике весь секрет и заключается.

Тогда старший брат изловчился выкрасть у него ящик и поспешил убраться восвояси, покуда младший не хватится своей потери. Прибыв к себе, он открыл ящик, малютка негр выскочил и говорит:

— Приказывай, хозяин!

— Приказываю, чтоб мой брат лишился своего дворца

К сказке «Горбатая принцесса».

и попал в тюрьму, а чтоб мой дворец стал в тысячу раз пышней и красивей, чем тот, что принадлежал ему.

Так все и сделалось, и еще новый хозяин наказал негритенку:

— Велю тебе сделать так, чтоб дочь графа вышла за меня замуж и чтоб мне тоже графский титул пожаловали.

Сбылось все, что было задумано, а чтоб уж никто более не украл волшебный ящик, новоявленный граф ни на минуту с ним не расставался и даже, ложась спать, засовывал под подушку.

Так бы все дальше и шло, да только старшему брату было неведомо, что у младшего, который сидел сейчас в тюрьме, кроме ящика, было еще кое-что. А именно: держал он кота и собаку. И вот как только они узнали, что хозяин их в беде, то и порешили немедля отправиться повидать его в темнице, чтоб обсудить, как ему помочь. Придя на место, узнали они, что граф, брат их хозяина, украл у него ящик, и вознамерились проникнуть во дворец, чтоб унести ящик и вернуть владельцу. Для этой цели смастерили они лодку из огромной тыквы, ибо знали, что им придется долго плыть по морю.

Высадившись на берег неподалеку от дворца графа, они узнали, что он не расстается с ящиком и даже кладет ночью под подушку. Тогда собака и говорит коту:

— Я полезу под кровать, а ты проберись в кухню и намочи хвост в уксусе; потом пощекочи графу нос кончиком хвоста, он станет чихать, а я потихоньку вытяну из-под него ящик — и бегом.

Так они и поступили, и, едва выбравшись из дворца, забрались в свою лодку и пустились в обратный путь. Плывут они, плывут и вдруг видят вдали корабль, где вся команда состоит из мышей и рыб. Ну те, увидя кота и собаку, сразу же подняли военные флаги, изготовясь принять бой. Но кот и собака отпустили их с миром, при этом рассказав о своих злоключениях и о беде своего хозяина. Выслушав их, капитан-мышь сказал:

— Если я и моя команда можем чем пособить, кликните клич — и мы явимся.

— Благодарим! — отозвались разом кот и собака.

Когда они уж подплывали к знакомой пристани, то между ними разгорелся жаркий спор о том, кто же должен вернуть хозяину ящик. Кот кричал «я», собака кричала «я», ну, тут оба зазевались да и уронили ящик в море.

И тот и другая очень расстроились, и собака кликнула клич:

— Рыбий король, выручай нас!

И тут же из волн всплыла огромная рыбина и промолвила:

— Я явился; скажите, чего вам надобно.

— Да вот путешествую я, кот меня сопровождает, и везли мы ящик, да он случайно в воду упал, так что одно лишь ваше величество может в этом деле пособить.

— Я сам-то ваш ящик не видал, но созову своих подданных, может, они и видели.

И тут, по зову короля, приплыло рыб видимо-невидимо. Последним явился лангуст, у которого одна нога была переломана, и говорит:

— Я видал этот ящик, он мне как раз на ногу упал.

Рыбий король приказал лангусту спуститься на дно за ящиком, а потом отдал пропажу собаке, которая, рассыпавшись в благодарностях, немедля отплыла, разумеется, вместе с котом. Ящик решено было носить по очереди на спине до самого конца путешествия.

Когда кот и собака появились перед хозяином вместе с ящиком, он остался очень этим доволен и сразу же открыл ящик и сказал негритенку:

— Хочу, чтоб стены этой тюрьмы рухнули! Хочу дворец, на какой выходили бы окна братнего! Хочу жениться на королевской дочке!

Так все и свершилось, и младший брат пошел тогда к старшему и говорит ему:

— Я мог бы сделать тебе много зла, да не желаю: напротив, я порешил разделить с тобой все мое богатство и отныне жить в дружбе и согласии.

Излишне добавлять, что собака и кот получили: первая — ошейник, изукрашенный дорогими каменьями, а второй — тканую золотом ленту — и остались при дворе, дожив в почете до глубокой старости.

КАК ДЖЕК ХОДИЛ СЧАСТЬЯ ИСКАТЬ

Английская сказка

Жил на свете мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать.

Не успел далеко отойти — навстречу ему кот.

— Куда идешь, Джек? — спросил кот.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им собака.

— Куда идешь, Джек? — спросила собака.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им коза.

— Куда идешь, Джек? — спросила коза.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им бык.

— Куда идешь, Джек? — спросил бык.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им петух.

— Куда идешь, Джек? — спросил петух.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек.— Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Так и шли, пока не начало темнеть. Задумались они тогда, где же им ночь провести. А в это время у дороги показался дом.

Джек велел друзьям не шуметь, подкрался к дому и заглянул в окошко. А в доме-то сидели разбойники и пересчитывали награбленные деньги.

Вот вернулся Джек к своим друзьям и наказал им дожидаться его знака, а потом кричать что есть мочи. Приготовились все, Джек подал знак, и тут — кот замяукал, собака залаяла, коза заблеяла, бык замычал, петух закукарекал. Такой шум подняли, что разбойники перепугались и убежали. Тогда Джек с друзьями спокойно вошли в дом.

Но Джек все-таки опасался, как бы разбойники ночью не вернулись. И когда настало время ложиться спать, Джек устроил кота в качалке, собаку посадил под стол, козу отправил на чердак, быка спрятал в подвале, петуху велел взлететь на крышу. А сам улегся в постель.

Видят разбойники: свет в доме погас, и послали туда одного из своих людей за деньгами. Но он тут же прибежал назад и рассказал, какого страху только что натерпелся.

— Вот вхожу я в дом,— говорит,— хочу сесть в качалку, а там уж старуха какая-то сидит да вяжет. Как ткнет она в меня спицами!

А это был кот, вы же знаете.

— Подхожу я к столу, хочу взять наши денежки, а под столом сапожник. Как вонзит он в меня шило!

А это была собака, вы же знаете.

— Поднимаюсь на чердак, а там кто-то зерно молотит. Как трахнет он меня цепом — чуть с ног не сбил!

А это была коза, вы же знаете.

— Наконец, спускаюсь в погреб, а там — дровосек. Как запустит он в меня топором! Еле ноги я унес.

А это был бык, вы же знаете.

— Но все бы ничего, кабы не карлик на крыше. Как завопит он: «А подать-ка его сюда! А подать-ка его сюда!..» Я и наутек.

А это петух кричал: «Ку-ка-ре-ку-у!»

ТРОСТНИКОВАЯ ШАПКА

Английская сказка

Ну, слушайте! Жил когда-то один богатый человек, и было у него три дочери. Вот задумал он узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Скажи, как ты меня любишь, доченька?

— Как жизнь свою! — отвечает она.

— Это хорошо,— говорит он. И спрашивает среднюю: — А как ты меня любишь, доченька?

— Больше всего на свете! — отвечает она.

— Очень хорошо,— говорит он. И спрашивает младшую: — А как же ты меня любишь, моя голубка?

— Я люблю тебя, как мясо любит соль,— отвечает она.

Ах как отец рассердился!

— Значит, ты меня вовсе не любишь,— говорит он.— А раз так, не смей оставаться в моем доме!

И он тут же прогнал ее прочь и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. И пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не пришла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое красивое платье, и пошла дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она наконец до какого-то дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает она.

— Нет, не нужна,— отвечают ей.

— Мне больше некуда идти,— говорит она.— Жалованья я не прошу, а делать буду, что прикажут.

— Что ж,— отвечают ей,— если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась, и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю-всю грязную работу. А так как она никому не сказала, как ее зовут, все прозвали ее Тростниковая Шапка.

Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. Но Трост-

никовая Шапка сказала, что очень устала и никуда не пойдет, и осталась дома.

А как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал. И уж поверьте мне, красивей ее никого не было на балу!

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на бал. Он с первого взгляда полюбил Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней.

Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другое утро служанки говорят ей:

— Что вчера было на балу!

— Что? — спрашивает Тростниковая Шапка.

— Знаешь, приехала туда одна молоденькая леди, а уж какая красавица, как разряжена! Наш молодой хозяин глаз с нее не сводил!

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Сегодня вечером опять бал, она, наверное, приедет.

Но когда настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что слишком устала и не пойдет со всеми. Однако не успели слуги уйти, как она сбросила с себя тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин ее ждал. И танцевал опять только с ней, и не сводил с нее глаз. Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

На другой день служанки говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть на ту леди! Она опять была на балу. А наш молодой хозяин так глаз с нее и не сводил.

— Ну что ж,— говорит Тростниковая Шапка,— я бы не прочь взглянуть на нее.

— Так слушай, сегодня вечером опять бал. Идем с нами! Она наверное уж приедет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала:

— Я очень устала. Если хотите, ступайте одни, а я останусь дома.

Но только они ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин был ей несказанно рад. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как

ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

И все же перед самым концом бала Тростниковая Шапка опять потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другой день служанки ей говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка! Не пошла вчера с нами, и теперь не видать тебе той леди. Балов больше не будет!

— Ах, как жалко! А мне так хотелось ее увидеть! — ответила Тростниковая Шапка.

Так-то вот.

А молодой господин?

Да чего он только ни делал, чтобы узнать, куда девалась Тростниковая Шапка, но все напрасно. Куда бы он ни ходил, у кого бы ни спрашивал — никто ничего о ней не знал. И он так затосковал, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Сварите молодому господину овсяную кашу,— приказали поварихе.— А то как бы не умер с тоски по красавице.

Повариха тут же принялась варить кашу. А в это время в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь? — спросила она.

— Кашу для молодого господина,— ответила повариха.— Может, отведает. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю! — попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка сама сварила для молодого господина овсяную кашу. А когда каша была готова, она бросила в нее украдкой кольцо.

Вот отнесли кашу больному. Он съел ее и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите ко мне повариху! — приказал он.

Повариха поднялась к нему.

— Кто варил кашу? — спросил он.

— Я,— соврала она с перепугу.

Но он взглянул на нее и сказал:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее готовил? Тебе за это ничего не будет.

— Коли так,— говорит она,— ее готовила Тростниковая Шапка.

— Позовите ко мне Тростниковую Шапку! — сказал он.

Вот пришла Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу? — спрашивает юноша.

— Я,— отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо? — спрашивает он.

— У того, кто мне дал его! — отвечает она.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую одежду и предстала перед ним в своем красивом платье.

Ну конечно, молодой человек очень быстро поправился, и они решили обвенчаться. Свадьбу хотели справить на славу и гостей созвали отовсюду. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. Но она так никому и не призналась, кто же она такая.

И вот, перед самой свадьбой, она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади!

— Невкусно получится,— заметила повариха.

— Неважно,— сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить,— согласилась повариха.

Настал день свадьбы. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким невкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно за другим все блюда и вдруг разрыдался.

— Что с вами? — спрашивает его молодой хозяин.

— Ах! — отвечал он.— Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит. И она ответила: «Как мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и прогнал ее из дому. А теперь вижу, что она любила меня больше всех. Но ее уж, видно, нет в живых.

— Посмотри, отец, вот она! — воскликнула Тростниковая Шапка, бросилась к отцу и обвила его шею руками.

С тех пор все зажили счастливо.

ФЭРН-ДЭНСКИЙ БРАУНИ

Шотландская сказка

Некогда в Шотландии водилось много брауни. Брауни — они вроде домовых, но живут не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-нибудь поблизости от людского жилья. Много рассказывают сказок про брауни из Бодсбека и брауни из Бледнока, но самая лучшая — это сказка про брауни из Фэрн-Дэна.

«Фэрн-Дэн» — значит «Папоротниковый лог». Так называлась одна ферма, потому что стояла она в конце лога, где буйно росли папоротники. По этому логу надо было пройти, чтобы попасть на ферму.

Ходили слухи, будто в логу живет брауни. Днем он не появлялся, а по ночам люди иногда видели, как он бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Но он никогда никому не вредил.

Ведь все брауни, если их не обижают, не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь тем, кто нуждается в помощи. Фермер, хозяин Фэрн-Дэна, частенько говаривал,

что прямо не знает, как он обошелся бы без своего брауни. Ведь если на ферме была спешная работа, скажем, если надо было обмолотить и провеять рожь, или ссыпать зерно в мешки, или собрать репу, или выстирать белье, сбить масло, выполоть огород — на помощь приходил брауни. Хозяевам фермы стоило только, отходя ко сну, распахнуть двери в амбар, или в молочную, или в сарайчик, куда складывали репу, да поставить на порог чашку с парным молоком — брауни на ужин, и когда они наутро просыпались, чашка оказывалась пустой, а все работы на ферме законченными. И все было сделано даже лучше, чем сделали бы люди.

Все знали, какой этот брауни кроткий и незлобивый, но все почему-то боялись его. Когда люди возвращались домой из церкви или с базара, они даже ночью делали крюк мили в две, только бы не проходить по логу — так им было страшно увидеть брауни даже издали.

Впрочем, страшились его не все. Жена фермера сама была такая добрая и приветливая, что не боялась ничего на свете. Когда ей надо было поставить за порог чашку молока, брауни на ужин, она наливала в нее самое густое, жирное молоко да еще подбавляла к нему полную ложку сливок.

— Брауни на нас усердно работает,— говаривала она,— а жалованья не просит. Значит, мы должны угощать его как можно лучше.

И вот однажды вечером фермерша внезапно захворала, да так тяжело, что все боялись, как бы она не умерла. Муж ее очень встревожился, да и слуги тоже,— ведь она была добрая хозяйка, и они любили ее, как мать родную. Но все они были люди молодые, в болезнях ничего не понимали и потому говорили, что надо бы вызвать опытную старуху лекарку, что жила в семи милях от фермы на другом берегу реки.

Но кому за ней съездить? Вот вопрос! Близилась полночь, тьма была кромешная, путь к дому лекарки пробегал через лог, а там, чего доброго, можно было встретить брауни, которого все боялись.

И никто на ферме не знал, что тот, кого все они так опасаются, стоит сейчас за кухонной дверью.

Это был крошечный волосатый уродец с длинной бородой, красными веками, широкими плоскими ступнями — точь-в-точь жабьи лапы — и длинными-предлинными руками, доходившими до земли, даже если он стоял прямо.

Брауни в тревоге прислушивался к разговору на кухне. В тот вечер он, как всегда, вышел из потаенной норы в логу, чтобы узнать, нет ли работы на ферме, и выпить свою чашку молока. И тут он увидел, что входная дверь дома не заперта, а в окнах горит свет, и догадался, что на ферме что-то неладно. Ведь в этот поздний час там всегда было темно и тихо. Ну, он и прокрался

на крыльцо разузнать, что случилось. И вот он узнал из разговора слуг, что фермерша занемогла. Тут сердце у него упало — ведь фермершу он крепко любил, потому что она всегда была добра к нему. И он очень рассердился, когда понял, что эти трусы не смеют съездить за лекаркой, потому что боятся его, брауни.

— Дураки, олухи, болваны! — забормотал он и топнул широкой безобразной ногой.— Словно я брошусь их кусать, как только встречу! Эх, если б они только знали, как я стараюсь не попадаться им на глаза, они бы не мололи такого вздора. Но мешкать нельзя. Эдак хозяюшка и помереть может. Придется, видно, мне самому за лекаркой ехать.

Тут брауни поднял руку, снял с гвоздя темный плащ фермера и накинул его себе на голову. Он хорошенько закутал в плащ свое нескладное тело, потом побежал на конюшню, а там оседлал и взнуздал самую резвую из лошадей. Потом повел лошадь к двери и вскарабкался к ней на спину.

— Ну, коли ты всегда бегаешь быстро, так сейчас беги еще быстрей! — сказал он.

И лошадь словно поняла его. Она тихонько заржала, запрядала ушами, потом ринулась во тьму, как стрела, пущенная из лука. Никогда еще она не бежала так быстро, и вскоре брауни остановил ее у домика старухи лекарки.

Она крепко спала. Но брауни забарабанил в окно, и тут же в окне показался белый ночной чепец. Старуха прижалась лицом к стеклу.

— Кто там? — спросила она.

Брауни наклонился и проговорил своим глухим басом:

— Скорей собирайся, тетушка! Надо спасти жизнь хозяйке Фэрн-Дэна. На ферме ее некому лечить, там одни только дуры служанки.

— Но как же я туда попаду? — с беспокойством спросила старуха.— За мной прислали повозку?

— Нет, повозки не прислали,— ответил брауни.— Садись ко мне за спину и крепко держись за меня. Я тебя довезу до Фэрн-Дэна целой и невредимой.

Он не просто говорил, а приказывал, и старуха не посмела ослушаться. К тому же в молодости она не раз так ездила верхом, за спиной у какого-нибудь всадника. Она оделась и вышла из дому. Потом стала на камень, что лежал у порога, влезла на лошадь и села, крепко обхватив незнакомца в темном плаще.

Они ни словом не перемолвились, пока не подъехали к логу. Тут старухе стало жутко.

— Как думаете, нам здесь не встретится брауни? — робко спросила она.— Не хочется мне его видеть! Люди говорят, что встреча с ним — не к добру.

Спутник ее рассмеялся каким-то странным смехом.

— Не беспокойся и не болтай вздора,— сказал он.— Ты боишься встретить урода. Но ничего безобразней того, кто сейчас сидит с тобой на лошади, ты не увидишь. За это я ручаюсь!

— Ну тогда все хорошо и ладно! — отозвалась старуха со вздохом облегчения.— Хоть я и не видела вашего лица, но знаю, что вы человек добрый, раз успокаиваете бедную старушку.

Больше она ни слова не вымолвила, пока они не проехали по всему логу и лошадь не вбежала во двор фермы. Тут всадник спешился, протянул свои сильные длинные руки и осторожно ссадил старуху. И вдруг с него соскользнул плащ, и старуха увидела, что спутник ее — уродец с коротким широким туловищем и безобразными руками и ногами.

— Да кто же вы такой? — спросила она, вглядываясь ему в лицо при свете занявшейся зари.— Почему у вас глаза как плошки? И что у вас за ступни? Больно уж они велики! Да и на жабьи лапы смахивают.

Маленький уродец рассмеялся.

— Я много миль прошагал пешком в молодые годы. А говорят, кто много ходит, у того ступни расшлепаны,— ответил он.— Но ты, тетушка, не трать времени понапрасну. Ступай в дом. А если кто тебя спросит, как ты добралась сюда так быстро, скажи, что люди, мол, за мной не приехали, ну и пришлось мне сидеть за спиной у брауни из Фэрн-Дэна!

ВЕЛИКАН ДРЕГЛИН ХОГНИ

Шотландская сказка

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

— Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам, а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань — думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам. Во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный страшный великан Дреглин Хогни. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

— А что, конь твой лягается? — спросил он наконец грубым, резким голосом.

— Еще как лягается-то! — ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

— Я умею объезжать коней,— сказал великан,— и я помогу тебе объездить твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше.

И так грозно он говорил, что юноша не посмел ослушаться — пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

— А что, пес твой кусается?

— Еще как кусается-то! — ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

— Я умею приручать самых диких собак на свете,— сказал великан.— Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку.

Потом великан задал юноше третий вопрос:

— А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

— Еще как клюется-то! — ответил он.— Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он заклюет всех, кто ему под клюв попадется.

— Больше не будет клеваться,— мрачно проговорил великан.— Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга враз повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшне оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

— Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все, как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать на поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к замку. Но он был малый смекалистый, и ему не по нраву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый стол, а пуще всего — сам хозяин, великан Дреглин Хогни. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

— Что это шипит? — подозрительно спросил великан.

— Да это вода капает из сырого полена,— спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни, а собака проснулась и вскочила с места, а сокол — он сидел на плече у хозяина — взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих братьев. Они лежали рядом, холодные и словно каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра — столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот зажили они в замке счастливо, да и по сей день так живут.

ПРО КОРОЛЯ, ПРО СВЯТОГО И ПРО ГУСЫНЮ

Ирландская сказка

Вы слышали когда-нибудь про доброго короля О'Тула, который жил в давние времена в Ирландии и которому на старости лет выпала нежданная радость?

Да, так вот когда король О'Тул был еще молодым, во всей Ирландии не нашлось бы юноши отважней его. Любимым занятием короля была охота, и с восхода солнца до темного вечера он

только и знал, что скакал по болотам, пришпоривая своего коня да науськивая собак.

Жизнь его текла славно и весело, пока король совсем не состарился и не сгорбился. Теперь он уж не мог охотиться целыми днями, будь то лето или зима, будь то дождик или солнце. И пришел день, когда единственное, что осталось бедному старому королю,— это ковылять с палочкой по саду. «Жизнь кончена,— думал он,— если нет больше ни радостей, ни утех».

И вот чтобы как-то утешить себя и развеселить, король завел себе гусыню. Хотите верьте, хотите нет, но гусыня оказалась добрым другом бедному старому королю.

Какое-то время они совсем неплохо развлекались вдвоем — король О'Тул и гусыня,— и не смейтесь, ничего смешного тут нет. Куда бы она ни залетала, как только он звал ее, она тут же возвращалась и могла хоть весь день ковылять за ним, если ему этого хотелось.

А по пятницам — вы же знаете, что пятница, по священным законам, постный день и мяса добрым христианам есть не положено,— так вот, по пятницам она заплывала подальше в озеро и приносила своему хозяину на обед нежную, жирненькую форель.

Да, это доброе создание было единственной радостью и утехой бедного старого короля О'Тула. Но, увы, ничто не вечно на этом свете! И королевская гусыня тоже состарилась, и настал день, когда крылья отказали ей, так же как старому королю ноги, и бедняжка при всем своем желании не могла уже больше развлекать своего хозяина. Что поделаешь!

Король О'Тул был безутешен.

В один прекрасный день старики — мы хотели сказать: старик король и старушка гусыня — сидели на берегу озера и грустили. Король держал гусыню на коленях и с нежностью глядел на нее, а в глазах у него стояли слезы. «Нет, уж лучше умереть или утонуть в этом озере, чем влачить такую жалкую, унылую жизнь»,— думал он.

Он выпустил из рук гусыню, и она заковыляла к прибрежным камышам поискать добычи. А король все сидел и думал о своей безрадостной жизни.

Вдруг он поднял голову и увидел перед собой незнакомого юношу, на вид такого скромного и симпатичного.

— Приветствую тебя, король О'Тул! — сказал скромный юноша.

— Вот те на́, откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился король.

— Это неважно. Я еще кое-что знаю,— отвечал юноша.— А смею я спросить тебя, добрый король О'Тул, как поживает твоя гусыня?

— Откуда ты знаешь и про мою гусыню тоже? — спросил король.

Ведь гусыню-то в это время видно не было: она охотилась в камышах.

— Я все про нее знаю. А откуда — это неважно,— улыбнувшись, ответил юноша.

— Но кто же ты такой? — спросил король.

— Честный человек,— ответил юноша.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь? — поинтересовался король.

— Старое делаю новым.

— А-а, значит, ты лудильщик? — решил король.

— Нет, поднимай выше! Что бы ты, например, сказал, если бы я сделал твою старую гусыню опять молодой?

— Опять молодой?! — переспросил король, и его старое лицо так и засияло от радости: о лучшем он и мечтать не мог.

— Ну да, опять молодой,— кивнул в ответ юноша.

Король О'Тул свистнул. Тут же из камышей показалась старушка гусыня и заковыляла к своему сгорбленному старику хозяину. Что и говорить, старушка была верна ему как собака.

Юноша поглядел на гусыню и сказал:

— Даю слово, я сделаю ее молодой, если хочешь.

— Клянусь здоровьем! — воскликнул король, в свою очередь бросая взгляд на старушку гусыню, от которой остались одна кожа да кости.— Коли ты сделаешь это, я буду считать тебя самым умным юношей во всех семи приходах моего королевства!

— Подумаешь, одолжил,— смеясь, сказал юноша.— А что ты мне все-таки дашь за это?

— Все, что попросишь! — сказал король.— И это будет только справедливо.

— Ты отдашь мне все земли, какие облетит твоя гусыня в тот день, когда я сделаю ее снова молодой?

— Отдам! — сказал король.

— А на попятный не пойдешь? — спросил юноша.

— Не пойду! — сказал король.

Тогда юноша подозвал к себе старушку гусыню, от которой остались одна кожа да кости, подхватил ее на руки, расправил ей крылья и подбросил вверх. Да не только подбросил, но и подул под крылья, чтобы ей легче было взлететь. И — клянусь вам! — старушка взвилась в воздух ну точно орел. И кружилась, и ныряла, и резвилась, словно ласточка.

На старого короля одно удовольствие было смотреть: от удивления он даже рот открыл и радовался, глядя на свою старушку гусыню, которая порхала в небе ну точно жаворонок.

Да, так вот, гусыня сделала большой круг — сначала скрылась из глаз, потом вернулась — и наконец опустилась у ног своего хозяина. Он погладил ей голову и крылья и убедился, что она и в самом деле стала опять молодой и здоровой, и даже еще лучше, чем была.

— Нет, лучших гусынь свет не видел! — похвалил он ее.

— А что ты хочешь сказать мне? — спросил его юноша.

— Что ты самый умный юноша, какой только ступал по земле ирландской,— ответил король, продолжая любоваться своей гусыней.

— А еще что?

— Что я тебе буду век благодарен.

— А ты сдержишь слово и отдашь мне все земли, какие облетела сейчас гусыня?

— Сдержу и отдам,— сказал король,— и буду всегда рад приветствовать тебя на своей земле, даже если у меня останется всего один акр.

— Я вижу, ты честный и добрый старик,— говорит тогда юноша.— Счастье твое, что ты сдержал слово, не то гусыне твоей больше б никогда не летать!

— Ах, да кто же ты такой? — спрашивает король юношу, уже во второй раз за это утро.

И слышит ответ:

— Я святой Кевин.

— О господи! — восклицает король и падает на колени, конечно, с великим трудом, так как старые кости его уже не слушались.— Стало быть, выходит, я все утро разговаривал тут и вел беседу с самим святым?

— Ну да,— говорит святой Кевин.

— А я-то думал, что говорю с простым, скромным парнем!

— Я переоделся,— говорит святой,— вот ты меня и не узнал. А пришел я, король О'Тул, чтобы испытать тебя. И я убедился в это утро, что ты честный и добрый король, потому что ты сдержал слово, данное простому лудильщику, за которого ты меня принял. И за это я тебя награжу: пусть твоя гусыня останется молодой!

Вот какая история приключилась со старым королем О'Тулом, хотите верьте, хотите нет.

В старину говорили:

Осень настигает нас так же быстро,
как гончая собака добычу.

ТЕМНЫЙ ПАТРИК И ПОВЕЛИТЕЛЬ ВОРОН КРОМАХИ

Ирландская сказка

Король Коннахта был добрый король, но у него было три беспутных сына, которые однажды накликали на него великую беду.

А вышло все из-за того, что они сыграли злую шутку с очень опасным человеком — самим Повелителем Ворон — Кромахи.

Кромахи был древним колдуном. Он жил в маленькой хижине в чаще леса, впрочем, не так уж далеко от королевского замка. На верхушках деревьев, что нависли над его хижиной, гнездились вороны. На самом-то деле это были не вороны, а злые духи, которые служили своему повелителю Кромахи.

И вот — как, наверное, сделали б и другие на их месте, когда всего вдоволь, а занятий никаких,— три королевских сына, Диклан, Дармид и Дати, решили в один прекрасный день просто так, забавы ради, сыграть над старым Кромахи одну из своих шуточек: засунули ему в дымоход каменную плиту. Ну, и колдун чуть не задохнулся от дыма.

Взбешенный Кромахи гнался за ними до самого замка и там в присутствии отца, у которого чуть сердце не разорвалось от горя, проклял их и предрек, что первый сын станет вором и его всю жизнь будет преследовать закон; второй сделается убийцей и всю жизнь не будет выпускать ножа из рук, а младший превратится в нищего и всю свою жизнь будет жить подаянием.

Потом он проклял и отца, который потакал сыновьям и сделал из них таких вот озорников и бездельников, и предрек, что король будет жить, чтобы видеть, как злая судьба постигнет одного за другим всех трех его сыновей.

Бедный отец, убитый горем, сразу слег в постель. И в тот же миг в его спальню влетели четыре вороны, расселись на четырех столбах его кровати и принялись зловеще каркать: «Карр! Карр! Карр!»

Так они каркали день и ночь, день и ночь...

И от этого карканья не только у короля расшаталось здоровье и помутился разум, страдали все, кто жил в замке или возле него. Король созвал всех мудрецов и ученых мужей королевства, чтобы они дали совет, как избавиться от такой напасти. Но безуспешно.

Наконец, эти дурные вести о болезни короля и его подданных долетели до Донеголских гор и достигли ушей Темного Патрика. Грустно сделалось у него на душе, и вот он захлопнул дверь своей хижины, перекинул через плечо красный узелок и зашагал в Коннахт.

Когда этот бедняк представился в замке и попросил отвести его в королевскую спальню, слуги хотели было напустить на него собак. Но королева услышала шум и спросила, что случилось. А так как сердце ее разрывалось от горя и она готова была испробовать любое средство, она сказала:

— Раз уж никто из наших мудрецов и ученых не сумел нам помочь, этот темный бедняк хуже все равно нам не сделает. Введите его, и будь что будет!

И Темный Патрик очутился в спальне короля, окруженного толпой философов, мудрых советчиков и докторов.

Темный Патрик вошел, поклонился всем и попросил изложить дело, что было исполнено. Тогда он поглядел на черных ворон, рассевшихся на четырех столбах королевской кровати, и велел позвать трех принцев.

Первого, старшего принца он спросил, как его звать.

— Меня зовут Диклан.

— А какое проклятье наложил на тебя Кромахи?

— Он сказал, что я стану вором и всю мою жизнь меня будет преследовать закон.

Темный Патрик повернулся к королеве, дрожавшей от страха, и сказал ей:

— Тотчас отошлите Диклана в лучшую школу законов. Пусть станет судьей, и ни один законник к нему не придерется!

И в тот же миг ворона, что сидела в изголовье на левом столбе кровати, испустила пронзительный крик, от которого у всех мороз пробежал по коже, расправила крылья и вылетела в открытое окно.

Тогда Темный Патрик обратился ко второму принцу:

— А как тебя зовут?

— Мое имя Дармид.

— Какое ты заслужил проклятье?

— Я стану убийцей и всю мою жизнь не буду выпускать ножа из рук.

Темный Патрик повернулся к трепещущей королеве и сказал:

— Немедленно отошлите Дармида в лучшую медицинскую школу. Пусть учится и станет врачом! Тогда его нож не будет ножом убийцы.

Тут ворона, что сидела в ногах кровати на правом столбе, издала пронзительный крик, от которого у многих замерло сердце, раскинула крылья и вылетела в окно.

Тогда Темный Патрик обратился к младшему принцу:

— Как твое имя?

— Дати.

— На какое проклятье обрек тебя Кромахи?

— Я буду нищим и всю мою жизнь буду жить подаянием.

Темный Патрик повернулся к задыхающейся от волнения королеве.

— Не теряя драгоценного времени,— сказал он,— отошлите этого юношу в университет. Пусть он станет поэтом, и все, что ему дадут за труды, он возьмет себе по заслугам!

Мерзкая ворона, сидевшая на левом столбе в ногах кровати, издала пронзительный крик, расправила крылья и улетела в окно.

Радость, постепенно заполнявшая королевское сердце, заставила его подняться в постели и закричать от счастья. И в тот же

миг четвертая ворона испустила душераздирающий крик, который наверняка уж разнесся на все четыре стороны коннахтского королевства, и тоже вылетела в окно.

Темный Патрик скромно отказался от всех почестей, которые король и королева на радостях предлагали ему. Он отверг и пост главного советчика, который все мудрецы, ученые и философы следом за королем и королевой просили его принять. Он сказал им, что он простой и темный горец и не привык жить при дворе, в замке, среди великих ученых мужей, что может быть счастлив только в своей убогой хижине в Донеголе, возделывая картофельное поле на склоне горы.

И, перебросив через плечо красный узелок, Темный Патрик пустился в обратный путь.

В старину говорили: Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

ПО ЗАСЛУГАМ РАСЧЕТ

Шведская сказка

Как-то раз у одного человека убежала лошадь, и он пошел ее искать.

Бродил он, бродил по лесу, да вдруг на пути гора, а в горе расщелина. Стал он через расщелину перебираться, заглянул вниз и видит: лежит большой змей, сдвинуться с места не может, камнем ему хвост придавило.

Окликнул змей человека и говорит ему:

— Помоги мне освободиться, получишь за это по заслугам расчет.

Взял человек длинную палку, сдвинул камень и освободил змея.

— Вот и хорошо,— сказал змей,— сейчас ты получишь по заслугам расчет.

А человек и спрашивает, что же это такое — по заслугам расчет?

— Так ведь это смерть,— отвечает змей.

— Ну, это еще проверить надо, у других спросить,— сказал человек.

Пошли они дальше вместе и вот встречают медведя. Спросил человек у медведя, что такое по заслугам расчет, и тот ответил, что это смерть.

Говорит тогда змей:

— Вот видишь, по заслугам расчет — смерть. Сейчас я тебя съем!

Попросил человек:

— Давай еще немного пройдем, еще кого-нибудь спросим.

Пошли они дальше и встретили волка. И спросил у него человек, что такое по заслугам расчет.

Волк отвечает:

— Смерть.

— Ну, теперь-то уж я тебя съем,— говорит змей.

Попросил человек:

— Давай еще немного пройдем, еще кого-нибудь спросим.

Пошли они дальше и повстречали лису. Спрашивает у нее человек, что такое по заслугам расчет. И ответила лиса, как и другие:

— Смерть.

— Ну, теперь-то уж я тебя съем,— говорит змей.

Услыхала это лиса и сказала:

— Нет, погоди. Сперва надо в этом деле разобраться. Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Понимаешь, змей лежал в расщелине, а хвост ему придавило камнем,— начал человек.

А лиса ему на это:

— Пойдем-ка на то место, где все это случилось, да посмотрим.

Отправились они все вместе обратно.

Попросила лиса человека взять палку и поднять камень, а змею велела сунуть хвост под камень и лечь, как он раньше лежал.

Сделал змей, как ему сказано было, а лиса велит человеку опустить немного палку.

А потом спрашивает у змея:

— Ну как, в прошлый раз хуже было?

— Хуже,— отвечает змей.

— Опусти палку еще немного,— сказала лиса человеку, а потом спрашивает у змея: — Ну что, в прошлый раз хуже было?

— Хуже,— опять отвечает змей.

— Вытащи палку совсем,— говорит лиса человеку, а потом спрашивает у змея: — Ну как, в прошлый раз хуже было?

— Нет,— отвечает змей.— В прошлый раз было лучше.

Тогда лиса и говорит:

— Ну вот, так и лежи. Теперь вы в расчете.

И остался змей в расщелине, а человек был рад-радешенек, что змей с ним по заслугам не рассчитался.

ЗАМУХРЫШКА

Шведская сказка

Жил-был бедный крестьянин, и было у него три сына.

Старшие двое были прилежные да проворные, а младший лентяй и грязнуля каких мало. Целыми днями он сидел у печки и копался в золе. Ногти у него выросли длиннющие, словно когти,

волосы он отродясь не расчесывал, и прозвали его поэтому Замухрышка.

Однажды дал ему отец немного еды на дорогу и сказал:

— Довольно тебе есть родительский хлеб. Иди-ка ты сам попытай счастья, Замухрышка!

Шел он, шел, пришел в большой лес и заблудился. Еда у него вся кончилась, и он не знал, что ему делать. Загрустил он, сел на пенек и горько заплакал. Вот когда он пожалел, что так ленился дома.

Стемнело, и стал Замухрышка думать, где бы ему устроиться на ночлег. И увидал он, что вдалеке огонек горит, и пошел на огонек. Долго он шел и увидел большую реку, а на другом берегу той реки замок, а вокруг замка железные стены. И в одном окошке замка горел тот огонек. Разделся он догола, одежу на спину привязал и пошел вброд по реке. Но скоро так глубоко стало, что он чуть не утонул, насилу выбрался.

Вышел он на другом берегу, стал вход искать — а входа-то и нет, насилу он в железной стене ворота нашел, и они открылись сами собою.

Вошел он в ворота, а они за ним сразу сами и захлопнулись. Стал он бродить по двору, дверь в замок искать, да нашел только щелку в стене. Постучал он в стену, и тут же открылась дверь. И он вошел в темную-темную комнату.

Стал он стены ощупывать и нащупал дверь, она сразу отворилась, и он попал в большую комнату. Посреди той комнаты стоял стол, а за столом сидел старый-престарый старик и что-то писал. Нос у старика был длинный-длинный, а на голове надета чудная шапочка.

— Чего тебе надо, мальчик? — спросил старик.

— Вот хожу службу ищу,— ответил Замухрышка.

— А как же ты сюда вошел? — спросил старик.

— Да уж трудно мне пришлось,— ответил Замухрышка.

— А ведь обратно-то еще трудней будет выбираться,— сказал старик.— Что же, оставайся мне служить. Я скоро поеду родных навестить и вернусь через год. А ты в это время читай книжки да коня моего холь. Вот тебе ключи ото всех дверей, только одну открывать нельзя, а какую, я тебе покажу. Если ты ее откроешь, я сразу вернусь и тебе несдобровать.

И вынул он большую связку ключей.

— А как тебя звать-то? — спросил старик.

— Замухрышка,— ответил мальчик.

— Красивое имя,— сказал старик и ушел.

А Замухрышка остался в замке. Целыми днями он читал книжки и скоро стал не глупей своего хозяина. Запретную дверь он никогда не открывал, только один разок ему очень захотелось заглянуть в щелку, но он вспомнил, что наказывал ему старик, и ушел от той двери подальше.

Но дни шли за днями, и любопытство его все больше разбирало. И вот он не смог больше терпеть, открыл дверь и вошел в маленькую комнатку. В комнатке была печка, а на печке кипел котел. На стене висел меч, а рядом с ним несколько фляг. На столе лежали две щетки и коробка, а в ней колышки.

Перепугался Замухрышка, что ослушался старика, и стало ему тошно одному в замке. Тут он вспомнил про коня и побежал в конюшню. А там стоял хозяйский конь, под хвостом сено, а под мордой — жар. Пожалел Замухрышка коня и повернул его так, чтобы сено под мордой оказалось, а жар под хвостом! Тут конь и заговорил:

— Что ты наделал? Ты зашел в запретную комнату, и хозяин, того гляди, вернется. Но ты мне помог, и за это я дам тебе добрый совет. Беги в запретную комнату и отпей из бутыли, что висит рядом с мечом. И станешь сильным и удержишь меч. Потом сунь голову в котел. Потом пройди в соседнюю комнату и возьми там латы. Одни блестят как солнце, другие — как месяц, третьи — как звезды в небе. Возьми их все. Еще возьми меч, флягу, щетку и коробку с колышками. Да только поскорее, не то вернется хозяин.

Побежал Замухрышка в замок и сделал все, как велел ему конь. Отпил он из бутыли, и меч в руке у него стал как перышко, сунул он голову в котел — и куда-то пропали грязные патлы и вместо них выросли золотые кудри. Взял он с собою все, что велел ему конь, сел на коня и поскакал прочь.

Недалеко он ускакал, и вернулся хозяин. Такой злой, что от этой злости все стены в замке дрожали.

Конь и спрашивает Замухрышку:

— Слышишь ты что-нибудь?

— Нет, ничего не слышу,— отвечает Замухрышка.

— Приложи голову к моему уху,— сказал конь.

Послушался мальчик, да только все равно ничего не услышал.

Поскакали они дальше, и скоро конь опять спросил:

— Слышишь ты что-нибудь?

— Слышу сзади грохот.

— Скорей, скорей скачи и плесни назад из бутыли! — сказал конь.

Послушался его мальчик, и разлилось за ними море, хозяину не переплыть. Пришлось ему возвращаться, людей кликать, корабль строить.

А конь все скакал и скакал. И вот он снова спросил у мальчика, не слышит ли тот чего. Три раза он у него спрашивал, и на третий раз Замухрышка ему ответил, что слышит сзади ужасный гул.

— Брось назад щетку! — сказал конь.

Бросил Замухрышка щетку, и за ними вырос дремучий лес, хозяину не пройти. Пришлось ему возвращаться, людей кликать, деревья рубить.

Скакали они, скакали и прискакали к стеклянной горе.

— Только бы гору одолеть, и тогда уже нам ничего не страшно,— сказал конь.— Слышишь ты что-нибудь?

— Да, я слышу, сзади гром гремит,— ответил Замухрышка.

— Значит, старый тролль нас догоняет,— сказал конь.— А ну-ка пришпорь меня!

Пришпорил Замухрышка коня, а хозяин уже руку к нему тянет. Конь на гору, а хозяин за ним.

— Высыпай колышки из коробки! — крикнул конь.

Высыпал он колышки, и превратились они в большущие бревна, покатились бревна с горы на тролля и его раздавили!

— Ну, мы спасены,— сказал конь.— Теперь переоденься во все старое, а латы оставь у меня, только не забудь — возьми с собой уздечку! Иди во дворец, он совсем близко, и попросись на службу — помогать садовнику.

Исполнил Замухрышка все, как велел ему конь, и садовник взял его на службу. Конь приходил к нему каждую ночь, учил, что надо делать, и садовник хвалил его, нахвалиться не мог.

Вот как-то раз стоял Замухрышка в саду и золотые кудри расчесывал. А принцесса тут возьми да выгляни в окно; увидала его и подумала: «Ох, не тот он, за кого себя выдает».

А Замухрышка увидал принцессу, поскорей нахлобучил шапчонку и спрятался за кустом.

Ну, а тут соседний король войну затеял, и конь научил Замухрышку, чтоб он пошел попросился в королевское войско. Замухрышка так и сделал. Король посмеялся, но на войну его взял и дал ему старую клячу. Пошли они в поход, а Замухрышка с клячи в лужу свалился, и все войско над ним хохотало.

Подождал Замухрышка, пока войско мимо пройдет, оставил старую клячу в луже, сам на гору, потряс уздечкой, и прибежал к нему его волшебный конь, а на седле латы лежат.

— Надевай те, что блестят как солнце! — сказал конь.— Бери меч, садись на меня, и поскачем с тобой на войну.

Замухрышка так и сделал, и не успело еще королевское войско до сечи дойти, а уж Замухрышка всех врагов разогнал. Удивился король, кто же этот принц заморский? Тут он увидел, что из ноги принца кровь течет, и повязал ему ногу своим королевским платочком и потом пригласил его к себе, да только принц отказался и поскакал на гору. Там он разнуздал коня и переоделся во все старое. Вернулся к луже, подобрал старую клячу и поплелся во дворец.

На другой день все так же было. Замухрышка выехал на старой кляче, она застряла в луже, он побежал на гору, потряс уздечкой. На этот раз он надел те латы, что блестели как месяц. Опять он разогнал всех врагов и поскакал на гору.

На третий день он надел те латы, что блестели как все звезды на небе, и так много врагов порубил могучим мечом, что те,

которые уцелели, пустились наутек и не оглядывались, пока до своей страны не добежали.

Опять король звал Замухрышку в гости, а он на гору поскакал. Переоделся там в старые лохмотья, подобрал клячу в луже и поплелся во дворец. Увидели его все и давай хохотать и спрашивать, где это он так долго пропадал.

Кончилась война, и устроил король пир на весь мир. Было тут много благородных принцев, которые помогали королю на войне, и король велел дочкам выбирать из них женихов.

Старшая покатила к одному принцу золотое яблочко и сказала:

— Это тебе, моя радость.

Вторая тоже покатила яблочко к благородному принцу, ну, а младшая бросила яблочко Замухрышке, он на пороге стоял.

— Это тебе, моя радость,— говорит.

Рассердился король и велел вытолкать Замухрышку взашей.

— Ну нет! — говорит Замухрышка.— Я на войне больше врагов перебил, чем вы все вместе!

Показал он свою рану на ноге и спросил, не признает ли кто свой платочек, на рану повязанный. Поглядел король и узнал свой платочек. Потряс Замухрышка уздечкой, и прискакал к нему волшебный конь.

Рассказал Замухрышка все как было, мол, конь не даст соврать, и конь все подтвердил. Все диву давались, а конь велел Замухрышке, чтоб принес топор и отрубил ему голову.

— Нет, не могу я такое дело сделать! — сказал Замухрышка.

— Делай, как я велю,— сказал конь.— Ты же обещал меня спасти.

Отрубил Замухрышка ему голову, и в тот же миг конь превратился в прекрасного принца. Взял тот принц Замухрышку за руку и подвел к королю.

— Милый батюшка,— сказал принц.— Узнаешь ли ты сына родного, которого околдовал злой тролль? Ведь это на мне скакал Замухрышка, когда разогнал всех твоих врагов. Это он меня спас!

У короля даже дух захватило. А Замухрышка надел латы, что блестели как солнце, и золотые кудри по плечам распустил. И король на радостях тут же сделал его принцем и отдал ему в жены свою младшую дочку.

КАК МАЛЬЧИК К СЕВЕРНОМУ ВЕТРУ ЗА СВОЕЙ МУКОЙ ХОДИЛ

Норвежская сказка

Жила-была старая женщина, и был у нее сын; женщина была совсем слабая и больная, и приходилось сыну ходить в амбар за мукой.

Вот однажды пошел он за мукой и только вышел из амбара, как, откуда ни возьмись, налетел Северный ветер, отнял у него муку и умчался с нею прочь.

Снова пошел мальчик в амбар, и, как только он вышел оттуда, снова налетел Северный ветер и отнял муку; в третий раз все было точно так же. Подумал мальчик, что нехорошо поступает Северный ветер, и осердился. И решил он разыскать его и попросить обратно свою муку.

Ну вот, отправился он в путь, а дорога была долгая. Шел он, шел и пришел наконец к Северному ветру.

— Здравствуй,— говорит мальчик.

— Здравствуй,— говорит Северный ветер, а у самого голос неприветливый.— Ну, чего тебе надо?

— Да хочу,— говорит мальчик,— муку у тебя обратно попросить, которую ты у меня возле амбара отнял. Мы люди бедные, а если ты и последнее у нас отнимешь, нам ничего другого не останется, как умереть с голоду.

— Нет у меня никакой муки,— отвечает Ветер.— Но раз уж ты в такой нужде, дам я тебе скатерть, да такую, что стоит тебе только сказать: «Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!» — и будет у тебя все, что твоей душе угодно.

Ну что ж, обрадовался мальчик и пошел домой. Да только дорога была долгая, за день не дойти, и зашел он переночевать на постоялый двор, а когда там собрались ужинать, положил он на стол свою скатерть и говорит: «Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!»

Не успел он это сказать, как скатерть все исполнила, и все стали хвалить ее — хвалят не нахвалятся. Но никому она так не пришлась по душе, как хозяйке постоялого двора; ничего-то не надо ни жарить, ни варить, ни на стол накрывать, ни со стола убирать, думала она. И вот настала ночь, все заснули, а хозяйка взяла скатерть, которую мальчику Северный ветер дал, а вместо нее положила другую, с виду точь-в-точь такую же, да только скатерть эта никого даже кусочком черного хлеба угостить не могла.

Проснулся мальчик, взял скатерть, отправился в путь и к вечеру пришел домой к своей матери.

— Ну,— сказал он,— был я у Северного ветра; он честно со мной рассчитался — дал мне вот скатерть, а скатерть эта не простая. Скажи ей только: «Расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!» — и у тебя будет все, что твоей душе угодно.

— Вот чудеса,— сказала мать,— пока своими глазами не увижу — не поверю.

Мальчик — скорее к столу, положил на него скатерть и говорит: «Скатерть, расстелись и угости меня самыми вкусными вещами!» А скатерть как лежала, так и осталась, даже кусочком черного хлеба его не угостила.

— Что ж, делать нечего, придется опять к Северному ветру идти,— сказал мальчик и отправился в путь.

Шел он, шел и пришел к Северному ветру.

— Здравствуй,— говорит.

— Здравствуй,— отвечает ветер.

— Отдавай мне муку, которую ты у меня отнял, а скатерть-то твоя никуда не годится.

— Нет у меня муки,— отвечает ему Северный ветер,— на вот, возьми лучше козла, и он будет давать тебе золотые дукаты, как только ты скажешь ему: «Козел, делай деньги!»

Что ж, мальчик не прочь был получить такого козла и тут же отправился в путь; только идти было долго, в один день не дойти, и снова остановился он на постоялом дворе.

Прежде чем попросить еды и питья, он испытал своего козла, чтобы узнать, правду ли сказал Северный ветер, и оказалось, что все чистая правда. Как увидел это хозяин постоялого двора, решил он, что козлу этому цены нет, и, как только мальчик заснул, хозяин взял козла себе, а вместо него подсунул другого, который никаких золотых дукатов делать не мог.

Наутро мальчик отправился со двора, пришел к своей матери и говорит:

— Северный ветер все-таки хороший. Вот, дал мне козла, да такого, что скажи ему только: «Козел, делай деньги!» — и он делает золотые дукаты.

— Вот чудеса,— сказала мать,— ни за что я этому не поверю, пока своими глазами не увижу.

— Козел, делай деньги! — сказал мальчик.

Но козел сделал кое-что совсем другое.

Снова пошел мальчик к ветру, сказал, что козел никуда не годится, и попросил рассчитаться за муку.

— Ну, больше я уже ничего не могу тебе дать,— сказал ветер,— кроме той старой палки, что стоит у входа. Может, и она тебе пригодится. Скажи ей: «Бей, моя палочка!» — и она начнет бить и будет драться до тех пор, пока ты не скажешь: «Стой, моя палочка!»

Путь до дому был долгий, и снова зашел мальчик на постоялый двор. Только он уже смекнул, что сталось со скатертью да с козлом, и потому, как вошел, так сразу и улегся на скамью и давай храпеть, будто спит крепким сном.

Подумал хозяин, что и палка, видно, на что-нибудь сгодится. Нашел он точно такую же и положил рядом с мальчиком и хотел уж было взять палку себе, а мальчик-то как закричит:

— Бей, моя палочка!

Палка — бить-колотить, а хозяин давай прыгать через столы да лавки и кричит-надрывается:

— Прикажи ты этой палке перестать, не то она прибьет меня до смерти! Ой, отдам я тебе и козла и скатерть!

Решил мальчик, что хозяин уже получил по заслугам, и сказал:

— Стой, моя палочка!

А потом положил в карман скатерть, взял в руки палку, на веревочке повел козла и со всем этим богатством отправился к себе домой.

Честно рассчитался за муку Северный ветер!

МУЖ-ХОЗЯЙКА

Норвежская сказка

Жил-был на свете человек, злющий-презлющий. Никак ему жена не могла угодить. И всегда-то ему казалось, что она мало по хозяйству занята. Вот приходит он как-то раз домой с сенокоса и давай ругаться.

— Не сердись понапрасну,— говорит ему жена.— Давай-ка лучше завтра поменяемся работой: я пойду вместо тебя сено косить, а ты оставайся дома и хозяйством занимайся.

Обрадовался муж и сразу согласился.

Рано поутру вскинула жена косу на плечо и отправилась на луг сено косить, а муж остался по хозяйству возиться.

Перво-наперво решил он сбить к обеду масло. Но только принялся за дело, как захотелось ему пить, и пошел он в погреб за пивом. А пока он цедил в кружку пиво, слышит: в кухню поросенок забрался. Зажал он в кулаке затычку от бочки — и вверх по лестнице, посмотреть, как бы не опрокинул поросенок маслобойку. Прибежал, да поздно: поросенок уже успел перевернуть маслобойку и слизывает с полу сливки. Муж так разозлился, что бочка с пивом тут же у него из головы напрочь вылетела, и он кинулся со всех ног за поросенком. Нагнал его в дверях и так ногой поддал, что поросенок свалился на землю замертво.

Тут муж вспомнил, что в руках затычку от бочки держит, и — бежать в погреб. Примчался, а бочка-то пустая — пиво давным-давно из нее все вытекло.

Пошел он снова в маслодельню, отыскал сливки, залил в маслобойку и принялся масло сбивать, чтобы к обеду, значит, поспеть.

Но только он взялся за дело, как вспомнил, что скоро полдень, а корова все еще не кормлена и не поена. Вести ее на выгон уже поздно, решил он. Пусть, думает, попасется на крыше. Крыша у них была крыта торфяником и вся поросла высокой, сочной травой. Дом стоял на пригорке. Дай, думает муж, перекину-ка я на крышу доску и проведу по ней корову. Но маслобойку он не решился из рук выпустить, потому что по кухне ползал их малыш, а уж он только и мечтал перевернуть ее вверх тормашками.

Взвалил муж маслобойку на спину и за коровой пошел. Но прежде чем тащить ее на крышу, решил ее напоить. Взял бадью и за водой отправился. Но только наклонился над колодцем, молоко из маслобойки вылилось и ему прямо за шиворот потекло.

Близился полдень, а масла все еще и в помине не было. Решил тогда муж хоть кашу сварить. Налил в горшок воды и поставил на огонь. Тут ему стукнуло в голову, что корова может с крыши свалиться. Чего доброго, еще переломает себе ноги или шею свернет. Пошел он корову привязывать. Один конец веревки ей к шее привязал, а другой пропустил через трубу и привязал к своей ноге.

Вода в горшке тем временем давно закипела, а он еще и не принимался молоть крупу. Только начал молоть крупу, а корова возьми да и свались с крыши и потяни его за собой в трубу! Накрепко застрял он в трубе, а корова повисла на веревке между небом и землей — ни туда и ни сюда!

Ждала-ждала жена, когда муж ее обедать позовет, но время шло, а никто ее не звал. Наконец лопнуло у нее терпение, и пошла она домой. Приходит и видит: висит на веревке бедняжка корова. Бросилась она к ней и обрезала веревку косой. А муж как свалится в очаг! Входит жена на кухню, а он в горшке с кашей торчком торчит — одни ноги наружу!

МАЛЁК

Датская сказка

У одного человека было трое сыновей: старший — Поуль, средний — Педер и младший — по прозванию Малёк. Поуль и Педер были парни хоть куда, а Малёк непутевый вышел, знай у печки лежит да в золе копается. И не разберешь, каков он есть,— до того весь в золе перемажется.

Раз приходят Поуль с Педером к отцу и говорят, что надумали они пойти по свету, службу себе поискать. Ну, отец дал им свое согласие. А Малёк как узнал, что братья уходят, тоже с ними запросился. Отец и слышать не хотел, чтоб его из дому отпускать: он ни к какому делу не годный да и видом неказист. Этакому замарашке чужим людям и на глаза-то показаться стыдно. А Малёк свое заладил: пойду да пойду!

Стали Поуль с Педером в дорогу собираться, справили им новую красивую одежу, а Малёк как был в грязном, затасканном тряпье, так и остался. Старшие братья его стыдились, никак не хотели, чтобы он следом увязался, а Мальку и горя мало, идет себе за ними — и всё тут.

Вот пришли Поуль с Педером в королевский замок, и взяли их там в услужение, да притом на хорошие места определили.

А как Малёк туда припожаловал, для него и работы-то найти не могли: куда поставишь этакого замарашку? Потом, однако ж, послали его на конюшню, самым распоследним подручным конюха — грязь да навоз вычищать.

Старшие братья знаться с ним не желали: мало что сам замарашка, так и место захудалое — хуже не сыщешь. Малёк меж тем работал со старанием и в скором времени получил местечко получше. Тут Поулю с Педером завидно стало, да и боязно: ну как Малёк им нос утрет? Пришли они к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля барана увести, а баран тот особенный — как шаг ступит, так полфунта шерсти с себя скинет; королю от него выгода будет немалая, всему войску сукна на мундиры достанет. Только пусть король Малька припугнет, что прикажет голову с него снять, коли он барана не раздобудет: без угроз проку от него не добьешься.

Призвал король Малька и спрашивает, верно ли, что он волшебного барана раздобыть похвалялся. Малёк отвечает, что он про барана слыхом не слыхивал, да и где ему с этаким делом управиться.

А король говорит:

— Не добудешь барана — голову долой, а добудешь — дам тебе хорошее место.

Малёк в слезы, да ведь плачь не плачь — с королем не поспоришь.

Попросил он, чтоб дали ему деревянную квашню, черенок от метлы да передник. Квашню он себе под суденышко приспособил, из черенка мачту сделал, а передник заместо паруса натянул. И поплыл он по морю к тому месту, где было жилище горного тролля.

Волшебный баран на берегу пасся, схватил его Малёк да живей на суденышко — и прочь поплыл. А тролль-то со своей горы увидел его. Бросился он со всех ног на берег, стал у воды и кричит:

— Эй, кто у меня барана уволок?

А Малёк в ответ:

— Это я уволок, Мальком прозываюсь!

— Ну, держись, сейчас догоню! — кричит тролль.

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Горный тролль ну бесноваться, по берегу-то скачет, а воды боится. Малёк от него и ускользнул.

Воротился он в замок с бараном, король его на радостях на хорошее место определил.

А братьев еще больше зависть одолела: этак Малёк, чего доброго, не сегодня завтра с ними сравняется. И удумали они новую хитрость.

Пришли к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля волшебный светильник раздобыть, какой на три королевства светит; королю от него выгода будет немалая,

особенно как придет ему нужда с войском своим в поход выступить. Только пусть он Мальку пригрозит, что казнить прикажет, коли он волшебный светильник не добудет, а не то от него проку не жди.

Опять призвал король Малька и спрашивает, верно ли, что он волшебный светильник у горного тролля раздобыть похвалялся.

И опять Малёк в слезы: про светильник он и слыхом не слыхивал. А король ему:

— Добудь мне светильник! Не добудешь — не сносить тебе головы, а исполнишь мое повеление — еще лучше место получишь.

Делать нечего, попросил Малёк, чтоб дали ему мешок соли, и под вечер поплыл в деревянной квашне к жилищу горного тролля.

Как смерклось, взобрался он на гору, где у тролля огонь в очаге горел, и давай в котел с кашей соль бросать пригоршнями. Вот приходит старая троллиха кашу попробовать, какова она на вкус, а каша-то чересчур солона. Разбавить бы надо, воды принести, а на дворе уже вовсе стемнело. Сходила старая троллиха за волшебным светильником и отправилась с ним по воду, а Малёк тут как тут: схватил волшебный светильник — да и был таков!

Только он от берега отплыл, а тролль уж к воде прибежал и кричит:

— Эй, Малёк, это ты?

— Я! — отвечает Малёк.

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок!

— Да еще и волшебный светильник унес?

— Унес!

— Ну, держись у меня, сейчас догоню!

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Забегал горный тролль по берегу, запрыгал, будто в воду броситься изготовился, а Малёк знай себе дальше плывет.

Воротился он домой веселый и довольный, король еще лучше место ему дал, он уж и над братьями своими возвысился, а они от зависти покой потеряли, только о том и думают, как бы его со свету сжить.

Пришли опять Поуль с Педером к королю и говорят: дескать, Малёк похвалялся, что может у горного тролля волшебный звонок раздобыть, какой на три королевства звонит; от него выгода будет немалая, особенно как надумает король на врага войною пойти. Только пусть он Мальку казнью пригрозит, а не то проку не будет.

Снова король Малька призвал и спрашивает, верно ли, будто он похвалялся у горного тролля звонок раздобыть, какой на три королевства звонит.

Малёк отвечает: он, мол, про звонок слыхом не слыхивал, да и не под силу ему такое дело.

А король ему:

— Не добудешь волшебного звонка, тогда с жизнью прощайся, а добудешь — получишь принцессу в жены да полкоролевства в придачу. Ну, а после моей смерти — и все королевство.

Что тут делать? Спустил Малёк на воду квашню и поплыл опять к горному троллю. Приплыл он туда поздно ночью, тролль с женою уж спать улеглись. Пробрался Малёк в глубь горы, в троллевы покои, и залез под кровать, где был припрятан волшебный звонок. Малёк мигом его нашарил и собрался бежать, да не тут-то было: звонок как зазвонит! Горный тролль и проснулся. Ткнул он в бок жену-троллиху и спрашивает:

— Это что такое?

А она ему спросонья:

— Кто его знает, может, это я звонок задела, он и зазвонил.

Поворчал тролль на жену, потом угомонились они и заснули. Малёк как услышал, что тихо стало, решил еще разок попробовать, да где там: только он за звонок схватился, такой опять трезвон поднялся, что тролль вскочил, растолкал троллиху и кричит:

— Что за напасть, опять это ты?

А она отвечает:

— Кому ж еще быть? Верно, я ненароком звонок задела.

На этот раз тролль разворчался не на шутку: и что ей неймется, лежала бы спокойно! А потом оба снова заснули.

Малёк и думает: «Была не была, попробую в последний раз».

Только он собрался одним прыжком из-под кровати выскочить и тягу задать, тролль почуял неладное, хвать рукой рядом с кроватью — и сцапал Малька. Ну, тролль, понятно, без труда догадался, кто это есть, и говорит:

— Малёк, это ты?

— Я! — отвечает Малёк.

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок!

— Волшебный светильник у меня унес?

— Унес!

— А теперь и звонок хотел утащить?

— Хотел!

— Скажи-ка, а что бы ты со мной сделал, кабы я вот так тебе в руки попался? — спрашивает тролль.

— Откормил бы орехами да сливками отпоил, а потом бы зажарил,— отвечает Малёк.

— Ладно, и я с тобой так сделаю,— говорит горный тролль.

Посадили Малька в клетушку и стали его орехами откармливать и сливками отпаивать. Приставили к нему девушку, чтоб еду готовила да подавала, а девушку ту тролль из родительского дома выкрал и служить себе заставил. И сговорились Малёк с девушкой друг дружке помогать.

Вот прошла неделя или две, захотел тролль поглядеть, как

там Малёк, накопил ли жирку. Глаза у тролля худые были, девушка и научила Малька заместо пальца лучинку ему протянуть. Видит тролль, не больно-то Малёк разжирел, и велел он его еще две недели откармливать.

Как прошло две недели, тролль опять захотел поглядеть, довольно ли Малёк жиру накопил. Тут Малёк, по девушкину совету, заместо пальца коровий сосок ему подсунул. Увидал тролль, какой он стал жирный, и сказал, что пора из него жаркое готовить.

Вот пошел тролль работать в поле, а жене наказал Малька зажарить и, как будет готово, в волшебный звонок позвонить. А девушка опять научила Малька, что ему делать.

Собралась троллиха жаркое готовить, посадила Малька на противень и хотела в печку засунуть — вроде того, как хлебы ставят выпекать, а Малёк-то с противня и свались! Она его сажает, а он сваливается, будто никак удержаться не может. Тут Малёк и говорит троллихе: он, дескать, в толк не возьмет, как на противне усидеть и не свалиться, пусть уж она ему покажет.

Ну, троллиха и уселась на противень. Только она хорошенько умостилась, сунул Малёк противень в печку и заслонку закрыл. Потом взял ее ночной чепец и положил в постель на подушку: со стороны поглядеть — будто сама троллиха лежит. Отыскал он волшебный звонок, и бросились они с девушкой к берегу, а там их квашня на воде дожидалась.

Пока они с горы бежали, звонок трезвонил без перерыва, а тролль-то подумал, жена его зовет жаркое есть, он и припустил домой со всех ног. Вошел, а в доме никого не видать, потом заприметил чепец в постели и думает: «Верно, жена отдохнуть прилегла, устала, пока жаркое готовила». Потом пригляделся, а там никого, один чепец.

Кинулся тролль что было духу на берег, а Малёк с девушкой только-только отчалили, совсем еще недалеко уплыли. Принялся тут тролль прыгать да скакать, будто вот-вот в воду бросится, вдогонку поплывет. А сам кричит Мальку:

— Ты у меня барана уволок?

— Уволок! — отвечает Малёк.

— Волшебный светильник у меня унес?

— Унес!

— И волшебный звонок утащил?

— Утащил!

— Да вдобавок девушку увел?

— Увел!

— Ну, держись у меня, сейчас догоню!

— Давай догоняй! — отвечает Малёк.

Тут тролль до того разъярился, что от злости лопнул. И рассыпался горный тролль на тысячи красных кремешков,

К немецкой народной книге о шильдбюргерах.

твердых и острых, об какие мальчишки ноги себе режут летом босиком бегают.

А Малёк благополучно домой прибыл, король и принцесса обрадовались, встретили его с почетом, и в скором времени свадьбу сыграли, богато и весело пировали.

ВОЛК

Датская сказка

Жили-были муж да жена, и было у них семь овечек, куцый жеребенок, собака да кошка. Наняли они пастушонка — овец пасти. Вот раз взял пастушонок узелок со снедью и пошел в поле со своими семью овечками. Вдруг, откуда ни возьмись, волк.

— Ах, какие славные овечки! Это твои? — спрашивает волк.

— Мои,— отвечает пастушонок.

А волк и говорит:

— Отдай мне узелок с едой, а не то я овцу у тебя съем.

— Не отдам,— говорит пастушонок.

Ну, волк и съел одну овцу.

На другой день пастушонок опять взял узелок со снедью и пошел в поле с шестью овечками. А волк опять тут как тут, и было все, как в первый день: волк попросил у пастушонка узелок, а пастушонок не захотел его отдать, волк и съел вторую овцу.

И каждый день то же было, пока волк всех овец не поел.

Выбранил хозяин пастушонка и велел ему куцего жеребенка пасти. Раз пошел пастушонок в поле, присмотреть за жеребенком, а навстречу ему опять волк.

— Эй, пастушонок, отдай мне свой узелок, а не то я у тебя жеребенка съем,— говорит волк.

Не захотел пастушонок отдать узелок — волк взял да и съел куцего жеребенка.

Воротился пастушонок, рассказал, что с ним приключилось, а хозяин его прочь погнал и не велел домой приходить, пока не отыщутся семь овечек да куцый жеребенок.

Делать нечего, пришлось пастушонку в дорогу пуститься, хоть он и знал, что овечек да жеребенка нигде не сыскать, волк их поел. Шел он, шел и проголодался, развязал свой узелок со снедью и только было поесть собрался, откуда ни возьмись — волк.

— Эй, пастушонок, отдай мне свой узелок, а не то я тебя самого съем,— говорит волк.

Не отдал пастушонок свой узелок — волк его и проглотил.

Ждали, ждали хозяева, когда пастушонок домой воротится, а его нет как нет. Послали они работника его поискать. Работнику тоже волк повстречался, вот работник его и спрашивает, не видал

ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка. А волк ему отвечает:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, и для тебя там место найдется.— И с этими словами — хап! — и съел работника.

Заждались хозяева своего работника, нет его и нет. Послали они девушку-служанку его поискать. Ей тоже волк навстречу попался, девушка его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да еще хозяйского работника. А волк ей в ответ:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, там и для тебя местечко найдется.— Хап! — и съел ее.

Ждет-пождет хозяин, когда девушка домой воротится, а ее все нет и нет, под конец надоело ему ждать, и отправился он на поиски сам. Повстречал он волка и спрашивает, не видал ли тот пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да еще девушку-служанку. А волк ему:

— Слышишь, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, пожалуй, и тебе там место найдется.— И с этими словами — хап! — и проглотил хозяина.

Долго хозяйка мужа поджидала, а он все не идет да не идет. Под конец не стало ей больше покоя, и пошла она сама его поискать. Встретился ей волк, она его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да еще ее мужа.

— Как не видать,— волк ей отвечает,— слышишь, в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, да и для тебя еще местечко найдется.— Хап! — и хозяйку тоже проглотил.

Надоело собаке одной сидеть, хозяев дожидаться, и ушла она из дому их искать. Попадается ей навстречу волк, она его и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да еще хозяина с хозяйкой. А волк отвечает:

— Слышишь, поди, как в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, да и для тебя там место найдется.— Хап! — и проглотил собаку.

Не осталось в доме никого, кроме кошки, ей тоже скучно одной показалось.

Побежала она всех пропавших искать, встречает волка и спрашивает, не видал ли он пастушонка, да семь овечек, да куцего жеребенка, да работника, да девушку-служанку, да хозяина с хозяйкой, да еще собаку.

— Как же, как же,— волк отвечает,— слышишь, в брюхе у меня урчит да бурчит, вот они где, а и для тебя еще местечко найдется.— Хап! — и кошку тоже съел.

Однако ж волк пожадничал: тесновато стало у него в животе, собака с кошкою повздорили да так сцепились, что волчье брюхо

когтями и разодрали. И вывалились оттуда пастушонок со своими семью овечками, куцый жеребенок, работник, девушка-служанка, хозяин с хозяйкой и собака с кошкой — живы-здоровы, целы и невредимы. Набросились они всем скопом на волка и убили его, а сами, веселые да довольные, домой пошли.

ГИЛИТРУТТ

Исландская сказка

Жил в давние времена один молодой работящий крестьянин. Был у него свой хутор с обширными пастбищами и много-много овец. И вот он женился. Жена ему, на беду, попалась бездельница и лентяйка. Целыми днями она била баклуши, даже обед мужу и то ленилась приготовить. И муж ничего не мог с ней поделать.

Однажды осенью приносит он жене большой мешок шерсти и велит за зиму спрясть всю шерсть и выткать из нее сермягу. Жена даже не взглянула на шерсть. Время идет, а она и не думает приниматься за работу. Хозяин нет-нет да и напомнит ей про шерсть, только она и ухом не ведет.

Как-то раз пришла к хозяйке огромная безобразная старуха и попросила помочь ей.

— Я тебе помогу, но и ты должна оказать мне одну услугу,— отвечает хозяйка.

— Это справедливо,— согласилась старуха.— А что я должна для тебя сделать?

— Спрясть шерсть и выткать из нее сермягу,— отвечает хозяйка.

— Давай сюда свою шерсть! — говорит старуха.

Хозяйка притащила весь мешок. Старуха вскинула его на плечо, как пушинку, и говорит:

— По весне я принесу тебе сермягу!

— А как я с тобой расплачусь? — спрашивает хозяйка.

— Ну, это пустяки! — отвечает старуха.— Ты должна будешь с трех раз угадать мое имя. Угадаешь, и ладно, больше мне ничего не нужно.

Хозяйка согласилась на это условие, и старуха ушла.

В конце зимы хозяин снова спросил у жены про шерсть.

— Не тревожься,— отвечает жена.— Сермяга в срок будет готова.

Хозяин промолчал, но заподозрил неладное.

Меж тем зима шла на убыль, и вот замечает хозяин, что его жена с каждым днем становится все мрачнее и мрачнее. Видно, что она чего-то боится. Стал он у нее выпытывать, чего она боится,

и в конце концов она рассказала ему всю правду — и про огромную старуху, и про шерсть. Хозяин так и обомлел.

— Вот, глупая, что наделала! — сказал он.— Ведь то была не простая старуха, а скесса-великанша, что живет здесь в горах. Теперь ты в ее власти, добром она тебя не отпустит.

Как-то раз пошел хозяин в горы и набрел там на груду камней. Сперва он ее даже не заметил. И вдруг слышит: стучит что-то в каменной груде. Подкрался он поближе, нашел щель между камнями и заглянул внутрь.

Смотрит: сидит за ткацким станком огромная безобразная старуха, гоняет челнок и поет себе под нос:

Ха-ха-ха! Никто не знает,
как меня зовут!
Хо-хо-хо! Никто не знает,
что имя мое Гилитрутт!

И ткет себе да ткет.

Смекнул хозяин, что это та самая скесса, которая приходила к его жене. Побежал он домой и записал ее имя, только жене об этом ничего не сказал.

А тем временем жена его от тоски да от страха уже и с постели подниматься перестала. Пожалел ее хозяин и отдал ей бумажку, на которой было записано имя великанши. Обрадовалась жена, а все равно тревога ее не отпускает: боязно, что имя окажется не то.

И вот наступила весна. Хозяйка попросила мужа не уходить из дома, но он ей сказал:

— Ну, нет. Ты без меня со скессой столковалась, без меня и расплачивайся.— И ушел.

Осталась хозяйка дома одна. Вдруг земля затряслась от чьих-то тяжелых шагов. Это явилась скесса. Хозяйке она показалась еще больше и безобразнее, чем прежде. Швырнула скесса на пол кусок сермяги и закричала громовым голосом:

— Ну, хозяйка, говори, как меня зовут!

— Сигни,— отвечает хозяйка, а у самой голос так и дрожит.

— Может, Сигни, а может, и нет, попробуй-ка угадать еще разок!

— Оса,— говорит хозяйка.

— Может, Оса, а может, и нет, попробуй-ка угадать в третий раз!

— Тогда не иначе как Гилитрутт! — сказала хозяйка.

Услыхала скесса свое имя и от удивления рухнула на пол, так что весь дом затрясся. Правда, она тут же вскочила и убралась восвояси. С той поры в тех краях никто ее не видал.

А уж жена крестьянина была рада-радешенька, что избави-

лась от скессы. И с того дня ее будто подменили, такая она стала добрая и работящая. И всегда сама ткала сермягу из шерсти, которую осенью приносил муж.

ШКОЛА ЧЕРНОКНИЖИЯ

Исландская сказка

В прежние времена была на свете Школа Чернокнижия. Обучали там колдовству и всяким древним наукам. Находилась эта школа в прочном подземном доме, поэтому окон там не было и всегда царил мрак.

Учителей в Школе Чернокнижия тоже не было, а все науки изучались по книгам, написанным огненными буквами, и читать их можно было только в темноте.

Чтение длилось от трех до семи лет, и за это время ученики ни разу не поднимались на землю и не видели дневного света. Каждый день серая лохматая лапа высовывалась из стены и давала ученикам пищу.

И еще одно правило всегда соблюдалось в этой школе: когда ученики покидали ее, черт оставлял у себя того, кто выходил последним. Поэтому немудрено, что каждый старался проскочить вперед.

Учились однажды в Школе Чернокнижия три исландца — Сэмунд Мудрый, Каульвюр сын Ауртни и Хальвдан сын не то Эльдяудна, не то Эйнара. Хотели они договориться, что выйдут в дверь одновременно, но Сэмунд сказал друзьям, что пойдет последним. Друзья, конечно, обрадовались.

Сэмунд накинул на плечи широкий плащ, и, когда он поднимался по лестнице, которая вела наверх, черт ухватил его за полу.

— А ты мой! — сказал он.

Но Сэмунд скинул плащ и убежал. Железная дверь захлопнулась за ним и отдавила ему пятку.

— Душа дороже пятки! — сказал Сэмунд по этому поводу, и эти слова стали поговоркой.

А иные рассказывают, что все было иначе: когда Сэмунд поднялся по лестнице и ступил за порог, солнце стояло так, что тень Сэмунда упала на стену. Только черт приготовился его схватить, как Сэмунд сказал:

— А я вовсе не последний. Вон за мной еще один идет.— И показал на тень.

Черт принял тень за человека и схватил ее. Так Сэмунд вырвался на волю, но с тех пор он жил без тени, потому что черт оставил ее у себя.

НЕМЕЦКАЯ НАРОДНАЯ КНИГА О ШИЛЬДБЮРГЕРАХ, ИЛИ О ТОМ, КАК ЖИТЕЛИ ГОРОДА ШИЛЬДЫ ОТ ВЕЛИКОГО УМА ГЛУПОСТЬЮ СПАСАЛИСЬ

СЛОВО О ШИЛЬДБЮРГЕРАХ

Удивительное дело, как это столь славные подвиги шильдбюргеров оказались по сию пору никем не записаны! А ведь из-за каких пустяков люди аршинные протоколы строчат! Самих-то жителей города Шильды винить не приходится — велики были их дела, велики и думы и не о письме заботы. К тому же были шильдбюргеры до того скрытными, что не пожелали увековечить свои деяния простыми буквами, а прибегли для этого к более мудреным знакам и отпечатали их на сырой еще глине могильных памятников. Кстати сказать, это тоже свидетельствует об их необычайной прозорливости, ибо, дай они глине затвердеть, им пришлось бы живописать на ней не деликатными своими перстами, а костылем ночного сторожа. Костыль же этот, как всем известно, снабжен острым железным наконечником и весит три пуда шесть фунтов и двадцать два золотника; а может, прибегнуть и к другим каким остроконечным снарядам, к примеру — навозным вилам. Впрочем, все свое житье-бытье шильдбюргеры окружили такой глубокой тайной, что никто никогда не узнал бы о них, не приснись они как-то одному императору, у которого тоже, как говорится, была ума палата.

Сей император, пробудившись от сна, тотчас же позвал трех самых умных своих советчиков — точильщика, подметальщика и трубочиста — и велел им немедля отправиться на поиски шильдбюргеров. Послам было приказано до тех пор не устраивать привала, покуда не доберутся они до города Шильды. Там им надлежало хорошенько все разглядеть и не возвращаться домой, если не найдут себе ровню по уму и сообразительности.

Точильщик, подметальщик и трубочист, не теряя времени

даром, взвалили на плечи каждый свой инструмент и пустились в путь-дорогу. Долго они странствовали в чужих краях, немало повидали всяких диковин, но того, что им надо было, никак не могли найти. Совсем уж они отчаялись, но вот однажды в полдень забрели в небольшой городок. Миновали заставу, вышли на базарную площадь и видят: стоит среди площади здоровенный свинопас, в плечах косая сажень, и надета на нем шапка городского головы. Стоит он посреди площади и во всю мочь трубит в рог, каким свиней скликают. «Видно, своих советников в ратушу зовет»,— смекнули послы. А советники не идут, замешкались. Осерчал городской голова, и так его рог заревел, что петушок на городских воротах волчком завертелся, а городские советники сломя голову бросились в ратушу. Понравилась городскому голове такая прыть, он и промолвил:

— Вот ведь как вас, важных господ, созывать приходится!

В ту пору его помощник гнал мимо ратуши стадо свиней, и свиньи стали тереться о столбы и подпорки сего высокого учреждения — бока чесать. Городской голова, опасаясь, как бы его дворец не рухнул, тут же на месте издал указ: поставить на каждом углу по одному советнику! Ну, а поскольку у отцов города дубинок с собой не оказалось, стали они махать свиньям шляпами, чтобы те, боже упаси, ратушу не сокрушили.

Когда эта опасность миновала, поспешили советники наверх. Тут надобно заметить, что у ратуши лестницы не было, а потому батрак главного свинопаса, сиречь городского головы, спускал сверху доску на веревках и при помощи хитроумно прилаженных блоков поднимал советников одного за другим.

— И до чего же ловко у них это устроено! — воскликнули в один голос наши послы, дивясь хитрой механике, и тут же пришли к заключению, что наконец-то они и впрямь добрались до места.

Но прежде чем вручить городскому голове свои верительные грамоты, решили они пройти на погост — поглядеть могильные памятники. И там они увидели, что на каждом надгробии выдавлены какие-то странные знаки. Призадумались наши послы. Ну а как ума им было не занимать стать, в конце концов догадались: знаки эти передавали потомкам, чем погребенный был славен и именит. К примеру, вилы на могильнике говорили, что усопший знал толк в навозе, а прописное С — что покойник был мастер выгребать Свинарник. И так далее и тому подобное.

Убедившись еще раз, что они достигли цели, поспешили послы к ратуше, взгромоздились на доску, и батрак втащил их наверх, прямо пред светлые очи городского головы. Тут уж, как повелось, стали они препираться, кому говорить первому. Наконец выбор пал на точильщика, и тот повел такую речь:

— Мы — трое послов. Я искуснейший мастер точить ножи, ножницы и топоры. По левую руку от меня — знаменитый подметальщик, по правую — несравненный трубочист. Прибыли мы к

вам из дальних стран, дабы почтить славного городского голову и великого свинопаса...

С этими словами точильщик принялся отвешивать городскому голове низкие поклоны. Но тут точило, прилаженное у него за плечами, перевесило, и искуснейший мастер точить ножи, ножницы и топоры сорвался на мостовую. Городской голова и его советники кричат ему сверху: пусть, мол, свою речь дальше говорит, а он и рта раскрыть не может. Стали советники думать и гадать, отчего это чужеземный посол рта открыть не может, и наконец решили, что, должно быть, он, падая, свернул себе скулу. Тогда подняли они его на доске обратно и еще разок сбросили вниз, чтоб скула на место встала. А затем потребовали, чтобы он закончил свое так славно начатое приветствие. Точильщик отдышался немного и говорит:

— Да я с перепугу все свои слова растерял!

Услыхав это, горожане бросились словно полоумные по домам. В скором времени вернулись они — кто с лопатой, кто с киркой, кто с ломом — и давай раскапывать мостовую на месте, где чужеземный посол речь потерял.

Долго они копали, долго искали, но так ни одного словечка и не нашли, хоть вырыли глубокую яму. Снова собрались они на совет и быстро смекнули, что недурно было бы приспособить эту яму под колодезь. Но тогда возник новый вопрос: а какой ему быть глубины? Чтобы определить это, перекинули они балку через яму, и один из них ухватился за нее руками и повис. За его ноги уцепился второй, за того — третий, и так далее. В конце концов верхнему пришлось тяжеленько, и он крикнул своим приятелям:

— Эй, братцы! А ну, держись крепче — мне на руки поплевать надо!

Но только он одну руку отпустил, как вся цепочка рухнула.

Опять задумались горожане: а куда им теперь землю девать, которую они из ямы выбросили? После долгих словопрений один из них нашел выход: надо рядом выкопать вторую яму и свалить туда всю землю из первой. Переглянулись горожане, покумекали, и один изрек:

— А куда же мы денем землю из второй ямы?

— Ну и шут же ты гороховый! — ответили ему.— Вторую-то яму надо поглубже и пошире сделать, чтоб в нее вся земля из первой и из второй вошла. Соображать надо!

Слушали, слушали послы эти речи — и давай бог ноги! Очень уж стыдно им стало за свое скудоумие. Смекнули, стало быть, что против такого народа им вперед и соваться нечего!

Ну а так как марш они взяли скорый, то через короткое время прибыли к своему императору и отрапортовали обо всем, что увидели и услышали в славном городе Шильде.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ И В КОГО УРОДИЛИСЬ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ

Ну так вот, ежели верить слухам, то первый шильдбюргер был родом из Древней Греции. Сказать по правде, так только по слухам мы и знаем что-либо о шильдбюргерах. Ни летописей, ни родовых книг у них не сохранилось, все погибло во время большого пожара, когда город Шильда сгорел дотла, о чем в свое время и в своем месте мы доложим со всей обстоятельностью. Кстати, геройский дух и благородные повадки, столь свойственные жителям Шильды, также свидетельствуют об их древнегреческом происхождении. Но который из великих мудрецов древнего мира был праотцом шильдбюргеров, этого, как оно ни прискорбно, установить уже нельзя. Однако позволительно утверждать, и с полной достоверностью, что человек тот был наделен отменно острым и пытливым умом и пользовался среди земляков почетом и уважением.

Тут уместно заметить, что древние греки частенько бывали неблагодарными и платили злом за добро, кое оказывали им мудрые сыны отечества, а подчас и весьма сурово расправлялись с ними: кого казнили, кого изгоняли. Так поступили они, например, с Солоном и Ксенофонтом. И вот один из мудрейших мудрецов спешно покинул родину с женой и детьми и поселился в чужих краях. Дети же его по смерти отца в Грецию возвратиться не пожелали, памятуя правило справедливое и поныне: «Где родители наши жили, там и нам жить велели». Они построили себе дома, стали пасти скот, пахать землю, и, когда пришел срок, родились и у них дети, и так год за годом вырос на том месте, где когда-то поселилась одна семья, целый городок, названный Шильдой.

О ТОМ, КАК ЖЕНЫ ШИЛЬДБЮРГЕРОВ РЕШИЛИ МУЖЕЙ СВОИХ ОБРАТНО ЗАПОЛУЧИТЬ

Вот ведь какая притча: ни жена без мужа, ни муж без жены не может хозяйствовать. От такого разделения только вред да неурядица.

Коли нет хозяина в доме, то и лада нет, а где лада нет, там и работа не спорится — ломят кто во что горазд, никто друг друга не слушает; ну а там, где друг друга не слушают, вряд ли что путное получится. В любой работе надо, чтобы один другому подсоблял, как мы это и видим во всех ремеслах и промыслах.

Если же нет хозяйки, то и вовсе порядка в доме не жди. А коли в доме порядка нет, то не будет его и во всем хозяйстве. Ведь недаром же говорят: крыша течет в одном углу, а мокро и на лавке и на

полу. Вот и выходит, что супруги один без другого никак жить не могут. Оттого-то, когда иноземные князья всех шильдских мужей в советчики разобрали, а жены одни остались, городок Шильда в полное запустение пришел. Однако жены шильдбюргеров с таким беспорядком мириться не захотели и, памятуя об общей пользе, положили держать совет, как город спасти. Долго они судили, долго рядили и так и эдак прикидывали, а всё к одному приходит: мужей надобно вернуть. Но это легко сказать, а как сделать?

Перво-наперво порешили они письмо мужьям написать и разослать его во все концы.

Письмо это до нас не дошло, но, если память мне не изменяет, говорилось в нем вот что:

«Здравствуйте, дорогие мужья! Пишут вам ваши жены и шлют вам из города Шильды низкий поклон, всем купно и каждому в особицу.

А еще кланяются вам родительницы ваши и все детушки ваши, мал мала меньше, кои растут без вас сиротами, как былинки в поле,— это при живых-то отцах! Великая вам честь и всему шильдскому роду слава, что из дальних стран князья вас советчиками себе назначили и к вашим умным словам прислушиваются. Но только женам вашим, и детушкам, и всем родичам вашим большой урон нанесен: хозяйство в упадок пришло, поля не родят, скотина дичает, дети малые растут неслухами. Вот и просим вас, чтоб вернулись вы поскорее каждый в свой дом, хозяйство на ноги поставили, ребятишек уму-разуму поучили.

И еще дозвольте словечко молвить: ведь милость-то господская — что погода апрельская. На подачки да обещания господа ух как тороваты, а вы, на корысть польстившись, и дорогу домой забыли. Видно, запамятовали, как охотник с беззубой собакой поступает: в награду за верную службу на первом суку ее вешает. Та же участь и вас постигнет, когда князья милость свою на гнев сменят и вас свободы лишат. Свободу-то надо почитать пуще золота. А кому ваш совет понадобится, тот вас и сам найдет. Ворочайтесь же поскорее, чтобы дети малые и мы, ваши жены верные, на вас порадовались и хозяйство чтобы снова поднялось, а родители ваши, на вас взглянувши, спокойно помереть могли. Кланяемся вам земно и ждем не дождемся, когда вы домой прибудете».

О ТОМ, КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ И КАК ИХ ВСТРЕТИЛИ ВЕРНЫЕ ЖЕНЫ

Получили шильдбюргеры на чужбине это письмо, и сердце у них дрогнуло. Поняли они, что жены правильно им отписали и что

давно пора им возвращаться в родной город. А посему и испросили они у своих господ отпуск для поправления домашних дел. Просьбе этой господа вняли и шильдбюргеров отпустили, хоть и без всякого удовольствия — кому же охота лишаться мудрых советчиков?

И вот после долгих странствований шильдбюргеры со славою и великими дарами вернулись наконец домой. У себя же дома нашли они все в таком беспорядке и запустении, что поначалу, несмотря на весь свой ум и понятливость, ничего понять не могли. Но в конце концов все же уразумели, что город сотни лет строится, а что разрушить его одного дня достаточно.

А жены хоть и рады были возвращению долгожданных мужей, но встретили их по-разному. Одни лаской, как оно и надлежит, другие же криком и бранью. Такая повадка и по сей день кое у кого в ходу, однако прок от этого весьма невелик.

Но как бы оно там ни было, они объяснили своим мужьям, что не дело это — так долго оставаться на чужой стороне и что впредь уезжать им из дому не след.

Стали тут шильдбюргеры судить да рядить, как им дело повернуть, чтобы князья и вельможи не мучили их больше — не отрывали от дому.

ПОЧЕМУ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ РЕШИЛИ ОТ СВОЕГО ВЕЛИКОГО УМА ГЛУПОСТЬЮ СПАСАТЬСЯ

На другой день собрались жители Шильды под большой липой на базарной площади. В летнее время они здесь устраивали сходки, зимой же ратушей им служил трактир, а место у печки было председательским.

Люди умные и рассудительные, они быстро порешили все спорные и запутанные дела, а затем приступили к главному: как им быть и что делать, дабы их более не отзывали из дому. При этом они взвесили все «за» и «против» — причиненный вред и ту пользу, которая была им от иноземных князей,— и вскоре им стало ясно, что польза далеко не покрывает урона. Вот тогда-то и был учинен среди жителей поголовный опрос: как им впредь поступать?

Послушали бы вы, какие тут мудрые речи полились, сколь высокоумны были советы и до чего же складно люди говорили!

Одни считали, что на князей и вельмож надо просто махнуть рукой. Другие же говорили, что отказывать им не нужно, а надо всякий раз давать им такие дурные советы, чтобы князья сами Шильду и ее обитателей оставили в покое.

Под конец вышел вперед старый горожанин, испросил слова и повел такую речь:

— А я, к примеру, так полагаю: поелику нас, шильдбюргеров, отрывали от домашнего очага по причине нашей мудрости и ясного ума, то, по моему разумению, спасаться нам надо глупостью и шутовством. Тогда нас никто трогать не будет и никуда не отзовет. Посему с нынешнего дня всем нам, от мала до велика, надлежит самым что ни на есть нешуточным образом валять дурака, и какая бы глупость ни взбрела кому из нас на ум, он должен ее тут же сотворить. Однако знайте, разыгрывать из себя шута или дурака — это немалое искусство. Бывает, возьмется за такое дело человек бестолковый, и вместо смеха получаются одни слезы. А то и хуже того: надумает иной разыграть глупца, а сам и взаправду в такого превратится. Но нам-то, шильдбюргерам, это не грозит, мы народ мудрый, умней нас никого на свете нет.

С превеликим тщанием обсудили шильдбюргеры предложение старца. Предмет сей показался им столь важным, что они решили не спешить, следуя умному правилу: поспешишь — людей насмешишь. А когда толком все взвесили, то пришли к убеждению, что никакого вреда колпак шута принести не может. И разошлись по домам, обязав друг друга пораскинуть умом, за какой кончик прежде всего ухватить тот шутовской колпак.

Втайне-то кое у кого из них кошки скребли на душе. Как же так? На склоне дней, после стольких лет мудрствования вдруг превратиться в глупцов! К тому же шильдбюргеры поняли, что дело и впрямь нелегкое: повсюду ведь глупых больше, чем умных, и глупцы терпеть не могут, чтобы им их глупостью глаза кололи.

Но поелику дело шло об общем благе, порешили они в конце концов распроститься со своей мудростью и стать отпетыми дураками.

На этом и кончается та часть нашей книги, в коей речь шла о великом уме шильдбюргеров. Теперь же последует рассказ о том, как жители города Шильды глупостью спасались.

О ТОМ, КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ РЕШИЛИ ПОСТРОИТЬ НОВУЮ РАТУШУ

Прошло несколько дней, и снова жители Шильды собрались под старой густой липой: надо было посовещаться, как положить начало своему шутовству, дабы весть о нем сразу разнеслась по всему белому свету.

После долгих словопрений порешили: так как отныне вся жизнь в Шильде потечет по новому руслу, то прежде всего надобно общими силами и на общинные средства возвести новую ратушу. И должна та ратуша стоять на земле крепче крепкого: ведь какие бы глупости в ней ни говорились, сколько бы шутовства ни творилось, а она должна выстоять!

Сама по себе затея была не столь уж глупа и сумасбродна, но нельзя же было шильдбюргерам с первого же дня целый мешок глупостей вывалить: люди сразу бы догадались, что это они понарошку делают.

Памятуя, что они всегда были смекалисты, шильдбюргеры решили сначала слегка прикрыть свое шутовство, а по прошествии времени, когда представится случай, развернуться вовсю. К слову сказать, решив начать дело с постройкой новой ратуши, шильдбюргеры брали пример со своего приходского попа.

Поп сей, когда его на должность ставили, первым делом потребовал, чтобы в храме новый амвон возвели, да из самого крепкого дуба, а то вдруг рухнет под тяжестью забористых словечек, коими святой отец так любил уснащать свои проповеди, возвещая слово божье.

Много радовались шильдбюргеры своему мудрому решению и тут же без промедления взялись за работу, поклявшись от затеи своей не отступать и возвести ратушу до самого конька.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ДОСТАВЛЯЛИ БРЕВНА ДЛЯ НОВОЙ РАТУШИ

Настоящие дураки — те приступили бы к делу, не запасшись ни бревнами, ни камнем, ни известью, ни песком — всем, что нужно для доброй постройки.

Не то шильдбюргеры, ведь их разум должен был угаснуть не вдруг, а исподволь, как догорает сальная свеча.

И вот отправились они всем скопом в долину, что за горой, и принялись деревья валить.

А когда стволы были очищены от веток и коры, кое-кто из них, размечтавшись, подумал: «Эх, кабы мне сейчас такой самострел, чтобы я мог заложить в него бревно и пальнуть им до самой базарной площади...»

И то сказать, если б нашли они такой снаряд, то избавились бы от многих тяжких трудов. Но, как говорится:

Если бы да кабы,
Да во рту росли грибы,
То был бы не рот,
А целый огород!

Что поделаешь, пришлось шильдбюргерам, поплевав на ладони, взяться за переноску бревен на собственном горбу — сперва на вершину горы, а затем вниз по склону, к самым городским стенам. Немало пришлось им покряхтеть, посопеть да попотеть, покуда

перетаскали они все бревна, кроме одного — по их разумению, последнего.

Наконец взялись они всей артелью и за это последнее: поднимали, поднимали, перекашивали, подталкивали и перекатывали его и с великими усилиями достигли верха горы; отдышавшись, отерли пот и начали спуск по склону. Но тут то ли они недоглядели, то ли веревка перетерлась, а только бревно выскользнуло у них из рук и само без всякой подмоги запрыгало по горе, докатилось до места и легло рядом с остальными.

Этакая сообразительность — и у кого же? У неотесанного бревна! — поразила шильдбюргеров прямо-таки как громом. Долго они моргали да глаза терли, пока один из них не изрек:

— Ну и чудаки же мы, что на своем горбу кругляки с горы таскали! И ведь никто из нас не смекнул, что с горы-то он и сам покатится. А мы-то кряхтели, мы-то сопели!

Тут вышел вперед один шильдбюргер и повел такую речь:

— Велика наша беда, но можно горю помочь. Коли уж хватило у нас силенок весь строевой лес с вершины горы вниз перетаскать, так неужто не сможем его обратно втащить? А уж оттудова пустим бревнышки самоходом и полюбуемся, как они сами под горку катятся. Вот и награда будет за труды наши праведные!

Такой совет пришелся по душе всем шильдбюргерам.

Ведь вот он — случай — положить достойное начало своему шутовству.

Подставили они свои горбы и поперли груз наверх. И если перед тем они изрядно попотели, перетаскивая его вниз, то теперь и вовсе пóтом изошли.

Кое-как все же подняли они все бревна на гору и, отдышавшись, стали спускать их вниз одно за другим.

И впрямь, до чего ж любо было смотреть, как они катятся да подскакивают.

После удачного завершения трудов, довольные и веселые, возвратились шильдбюргеры в город. А поелику они славно порадели за общее дело, то и не грех им было засесть в кабаке, чтобы столь же славно попировать за общинный счет.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СТРОИЛИ НОВУЮ РАТУШУ И О ЧЕМ ОНИ ПРИ ЭТОМ ПОЗАБЫЛИ

Доставив бревна на место, шильдбюргеры с таким жаром принялись за возведение ратуши, что всякий, видя их, подумал бы: «Да, не шутовское дело они затеяли!» Прошло три дня, и все три капитальных стены (шутовства ради они строили свою ратушу о трех углах) были готовы.

Затем горожане забрались наверх и укрепили стропила. Оставалось только кровлю положить.

Довольные достигнутым, они всем скопом отправились в тот гостеприимный дом, где хозяин стрижет своих гостей без ножниц, и закончили трудовой день превеликим пьянством, опять же за общинный счет.

На другой день, как только ударил колокол (без этого никому не дозволялось приступать к делу), сошлись они у ратуши и стали класть кровлю.

Встали они цепочкой: один на самом верху, другие на лестнице, третьи на земле — и так до кучи черепицы. И каждая черепица, переходя из рук в руки, попадала наконец к шильдбюргеру, который настилал крышу.

Но тут вскоре снова ударил колокол и призвал всех к новому походу — в кабак! Услыхали шильдбюргеры благовест, побросали черепицу и пустились наперегонки (не побежишь — не победишь!) прямо на обед. А бежали они как гуси-гуменники — эти всего больше боятся, что им воды в поилке не достанется.

Но получилось так, что тот, кто последним стал в цепочку, первым прибежал в кабак и занял лучшее место, самое дальнее от входа, и на работу бежать он ведь опять будет в прибытке.

Отдав должное угощению, шильдбюргеры снова отправились к ратуше, чтобы честь честью освятить ее, а затем от имени всех шутов и глупцов испробовать, каково-то в ней будет вершить великие шутовские дела.

Вот вошли они чин чином, а там — кромешная тьма! Немало шильдбюргеры тут страху натерпелись, однако принялись опять думать да гадать, по какой такой причине в ратуше темно? Уж не допустили ли они какого недосмотра или ошибки, когда ее строили? Не испугали ли светлое солнышко? И где-то оно теперь спряталось? А может, мешает ему что проникнуть в шутовские палаты?

Подумали они, покумекали и вышли на волю — поглядеть с улицы на дело рук своих: может, там обнаружится какой изъян?

Однако все три стены оказались прочно сложенными, нигде не видно было никаких огрехов. И здесь, на улице, исправно сияло солнышко, на нем шильдбюргеры тоже никаких изъянов не приметили.

Тогда они возвратились в ратушу, но там уже и впрямь никаких недочетов не увидели — за недочетом самого света.

Да что тут долго толковать? Не открылась им причина такой темноты, сколько они свои глупые головы ни ломали, и осталась она для них темной загадкой.

Великий страх объял шильдбюргеров, и для пользы дела они снова бросили клич: «Все на сходку!»

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ДОГАДАЛИСЬ, ОТЧЕГО У НИХ В РАТУШЕ ТЕМНО, И ЧТО ОНИ ПОСЛЕ ЭТОГО СДЕЛАЛИ

Долго жители Шильды не могли нарадоваться на свою ратушу и заседали в ней с утра до ночи. На их счастье, до самой осени ни разу дождя не было, и потому дыра в крыше не помешала им принять немало важных решений.

Но вот ласковое лето миновало, и солнышко стало частенько прятать свое веселое лицо за серые тучи — приближалась зима, суровая и немилостивая, и все чаще в шутовской палате стало накрапывать.

Не понравилось это шильдбюргерам, и решили они, что раз человек под зонтом не мокнет, то и они не отсыреют, ежели крышу свою починят. Они снова заложили крышу черепицей, полагая, что раз летом они грелись на солнышке, как им велела матушка-лень, то и зимой им надобно подле печки сидеть, дабы руки и ноги у них не замерзли.

Но вот починили они крышу и отправились снова в палату. И что бы вы думали? В ратуше было так же темно, как и прежде.

Снова сидели шильдбюргеры с лучинами на голове в темной ратуше и держали совет. Наконец дошла очередь говорить одному шильдбюргеру, который никогда не считал себя за последнего дурака,— дабы не оскорбить его скромность, я не буду называть его имени.

Ну так вот, встал этот шильдбюргер и заявил, что лучше всего будет, если они поступят так, как посоветует его кум. С разрешения высокого собрания он тут же покинул палаты, чтобы сходить позвать кума.

Покамест он ощупью пробирался вдоль стены (лучина у него на голове давно погасла!), он заметил в одном месте полоску света: должно быть, здесь плохо законопатили стену. Тут он глубоко вздохнул, вспомнил о своей прошлой мудрости, от которой, как и все другие, отказался, быстро вернулся в палату и начал:

— Что ж, соседушки, разрешите теперь и мне слово молвить.

А когда ему разрешили, он продолжал:

— Вот я так скажу: к примеру, заведется у меня какая-нибудь привычка и вытеснит то, что мне досталось от природы. Удивительное дело, дурные привычки особливо быстро вытесняют природные и сами как бы делаются второй натурой человека. Так и у нас. Ведь поныне мы были людьми с умом и соображали, что к чему. А теперь приняли шутовские привычки, и так они нам пришлись по нутру, что с успехом изгоняют на роду написанные. Люди вполне разумные, мы теперь сделались шутами и с шутовством своим не желаем расставаться ни за какие блага. Попали мы в такую беду и никак не можем понять, в чем наша ошибка, почему

мы всё в потемках сидим? И никто не догадался, что мы у своей ратуши окна забыли сделать. Нельзя так сразу шутами себя выставлять. Очень это грубо получается. Такое только всамделишным дуракам к лицу.

Перепугались тут шильдбюргеры — как же это они оплошали? Получилось, будто они и вовсе богом обижены! Даже друг на друга глядеть им стало стыдно. А потому они сразу без всяких заседаний и проволочек принялись проламывать стены ратуши, и не нашлось ни одного, кто отказался бы от отдельного оконца, о коем потом мог бы сказать: «Вот оно, мое оконце, и только и свету, что в нем».

Очень скоро ратуша оказалась готовой, недоставало только внутреннего устройства, а о нем речь впереди.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ В СВОЕЙ РАТУШЕ ПАЛАТЫ ГОТОВИЛИ

Прорубили шильдбюргеры в своей ратуше окна и принялись за внутреннее устройство.

Прежде всего решили они прибрать Шутовскую палату, а затем уже взяться за Палату для корпения и уже после всех за Палату для потения.

Не прошло много времени, и треугольная ратуша, всем шутам на славу, была устроена и вновь освещена.

Настала зима, выпал первый снег, и городской голова затрубил в свой знаменитый рог. Услыхав его, шильдбюргеры гурьбой поспешили в ратушу. И надобно сказать, до того они теперь поумнели, что никто из них не забыл прихватить полено,— надо же было печь протопить, а обременять казну расходами на дрова негоже. Но когда они собрались в Шутовской палате, то увидели: в ратуше не только никакой печи нет, но даже и место ей не определено.

Снова переполошились шильдбюргеры.

— Неужто мы, как ослы длинноухие,— воскликнули они,— никогда свою ратушу не наладим? Где ж нам теперь печь ставить?

Одни советовали сложить печь за дверью — там она, дескать, никому мешать не будет. Другим это не понравилось: ведь городскому голове положено возле самой печи сидеть, а так он будет торчать за дверью! Это ж курам на смех!

Много разных советов выслушали шильдбюргеры. Долго судили и рядили, все подходящие места для печи осмотрели и никак решить не могли — где же печь ставить? Наконец нашелся один советчик и предложил сложить печь за окном, прямо на площади. И пояснил тут же, что ежели голова пожелает сидеть возле самой печи, дабы мудрость его никогда не замерзала, то можно

ему выделить место у окошка. Пусть он оттуда на печку глядит и греется.

Такой совет всем шильдбюргерам пришелся по душе, и они от радости в ладоши захлопали. Но нашелся среди них один житель, которому вечно все было не так. Поднялся сей «не так» и заговорил:

— Вы говорите т а к, а я говорю н е т а к. Куда, к примеру, пойдет жар, что должен наши палаты согревать, где нам потеть да корпеть положено? На улицу! А всю улицу, сколько ни топи, нам никогда не натопить. Т а к я говорю или н е т а к? А чтобы жар от печи к нам в наши шутовские палаты шел, надобно рыболовную сеть взять и одним концом к печке на площади приладить, а другим к окну. Вот весь жар к нам и пойдет, некуда ему больше деться. Т а к я говорю или н е т а к?

— Т а к ты говоришь,— отвечает ему голова.— И за умный совет превеликая тебе благодарность и почет. Отныне второе место у печи всегда за тобой.

Вот и решили шильдбюргеры поставить печь на базарной площади, а от нее протянуть к ратуше рыболовную сеть — это чтобы жар от печи прямехонько в палаты струился, и в те, где потеть, и в те, где корпеть, и в те, где им своим шутовские дела творить...

Я, признаться, опасался, как бы они и меня к себе не пригласили, чтобы на какую-нибудь шутовскую должность определить, но когда услыхал, как один шильдбюргер другому сказал: «Куда уж ему соваться! Он до нашего не допер»,— сразу успокоился.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СОЛЬ СЕЯЛИ

Достроили, стало быть, свою ратушу горожане и стали в ней, что ни день, совет держать. И зашел у них как-то разговор о запасах. И впрямь, надо было кое-что впрок отложить — не ровен час, цены поднимутся, сразу к перекупщикам и спекулянтам в лапы попадешь.

Особенно пеклись шильдбюргеры о соли. В те времена из-за бесконечных войн и междоусобиц продажа ее, а стало быть, и покупка были делом хлопотным. Долго горожане советовались друг с другом, нельзя ли все так повернуть, чтобы в Шильде своя соль была, ведь что на пашне без навоза, что на кухне без соли — дело дрянь! Под конец взяла верх такая догадка: крупинка соли как две капли воды похожа на крупинку сахара, а сахар, все знают, растет в поле. Стало быть, и соль должна в поле расти.

Так рассудив, порешили шильдбюргеры выделить из общинных земель большой клин, вспахать его, хорошенько отборонить, а затем по всем правилам посеять на нем соль. А соли-то, к слову сказать, было в Шильде куда меньше, чем шутов и дураков!

«Совершить сие,— значилось в соответствующем указе,—

надлежит самым срочным и аккуратнейшим образом. Посев же производить с господнего благословения».

«Наконец-то,— смекнули шильдбюргеры,— и у нас соль будет в достатке. Из-за каждой щепотки никому в ножки кланяться не придется».

В первый же погожий день перепахали шильдбюргеры выделенный клин, хорошенько взборонили его и, как им подсказала их шутовская премудрость, густо засеяли солью.

А чтобы поле уберечь от всяких недругов, они на каждом углу поставили сторожа. И каждому сторожу вручили по длинной ветке, дабы птиц разгоняли, коли станут посеянную соль клевать.

Не прошло много времени, как поле буйно зазеленело, и шильдбюргеры всем скопом бегали любоваться, как у них шибко соль растет. Чем выше поднимались зеленя, тем пышнее расцветали надежды шильдбюргеров — спали они и видели, как эту самую соль лопатами загребать будут.

Но тут они вспомнили, что не только птица, но и всякая иная тварь — лошадь, корова, овца и особливо распроклятая коза — великие охотницы соль лизать. Что делать? Как быть?

Для пущей безопасности и лучшей сохранности своего соляного поля, каковое они охотно увеличили бы во много раз, пришлось им в придачу к четверым назначенным сторожам поставить еще одного — как начальника над всей стражей. Сему начальнику было строго-настрого приказано: ежели, не приведи бог, на поле забредет корова или какая другая скотина, немедля ее с поля, толкая, избивая и пугая, гнать!

Начальник стражи поклялся все в точности исполнять. А как он свою клятву сдержал, это мы узнаем в следующей главе.

О ТОМ, КАК НАЧАЛЬНИК СОЛЯНОЙ СТРАЖИ СВОЮ КЛЯТВУ СДЕРЖАЛ

До сих пор не могу взять в толк, как это верховный страж со всеми своими сторожами опростоволосился и на соляное поле шильдбюргеров целое стадо забрело!

Памятуя о данном ему наказе и о своей клятве, сей начальник при виде скотины, спокойно щиплющей ростки долгожданной соли, струхнул и призадумался: ежели эта бестолковая тварь сейчас столько соли вытоптала и сожрала, то сколько же она погубит, когда соль в колос войдет! Так рассудивши, верховный страж поспешил в город докладывать городскому голове, какая над Шильдой стряслась беда.

Растерялись городской голова и его советники и, не зная, какой подать совет, решили созвать общую сходку. А начальника над стражей за то, что дров не наломал и ничего на свой страх и риск не предпринимал, похвалили.

На сходке дело сперва вывернули наизнанку, затем налицо, потом на него взглянули с той и с другой стороны и до тех пор вертели и выворачивали, пока у всех голова кругом не пошла. В конце концов шильдбюргеры решили назначить четверых судей, ибо судей неразумная скотина пуще всех испугается. И должны были судьи пойти на соляное поле, посадить там начальника стражи на носилки, вручить ему длинный кнут и рысью таскать по полю вдоль и поперек, покуда тот своим кнутом всю нашкодившую скотину не прогонит.

Самого же начальника стражи не до́лжно было спускать на землю, дабы он посеву урона не нанес и клятвы своей тем самым не нарушил.

Столь мудрому решению начальник стражи обрадовался, тут же вскочил на носилки и расселся на них, словно папа римский.

Судьи же таскали его по полю до тех пор, покуда он всю скотину не прогнал.

Будь я этим начальником, и я бы согласился, пусть меня хоть целый год по два раза на дню на носилках таскают.

Само собой разумеется, сами судьи никакого урона подрастающей соли не причинили. Потому как судьи всегда об общей пользе пекутся и даже своими слоновыми ножищами никакого вреда драгоценному злаку причинить не могут.

КАК ПОД ГОРОДОМ ШИЛЬДОЙ СОЛЬ В ПОЛЕ ВЫРОСЛА И КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПЫТАЛИСЬ ЕЕ ЖАТЬ

Поле под Шильдой зазеленело, потом зацвело, и в конце концов то, что жители города принимали за соль, поспело и, по правде сказать, более всего походило на чертополох, крапиву, одним словом, на бурьян.

Вот однажды шильдбюргеры всем миром пошли в обход своего соляного поля: впереди городской голова, за ним советники, судьи, а потом уж и простой народ. Обошли они поле с одной стороны, обошли с другой и рассудили, что пора за жатву приниматься. И стали они кто серп точить, кто лошадей запрягать, кто телегу ладить, а кто и цепы готовить — надо ж было соль вымолачивать. Однако, как только они приступили к жатве — тут же серпы побросали. Соль-то оказалась до того остра и крепка, что обжигала руки до самых локтей. Надо было бы надеть рукавицы, но шильдбюргеры побоялись, как бы их на смех не подняли,— на дворе ведь лето стояло!

Нашлись и умники, которые предложили соль косой косить, как траву на сено, но тут другой подсказал, что этого делать никак нельзя — колос осыплется. Третьи же предложили: давайте соль

пулями из аркебуз сбивать. Но здесь вышла другая помеха: не нашлось среди жителей Шильды метких стрелков, со стороны же они приглашать не пожелали. Боялись, как бы их секрет соль выращивать не похитили. Так и пришлось им всю соль оставить неубранной. И ежели до этой затеи в Шильде мало было соли, то теперь ее осталось совсем ничего: что они сами не съели, то, стало быть, посеяли.

Надо бы им высушить на печке прошлогодний снег и потом его вместо соли пользовать — он тоже крупчатый, да советчика под рукой не оказалось.

И никто из жителей Шильды не мог понять, почему соль так кусается? То ли они неверный севооборот применили, то ли навоза переложили, а может статься, и недоложили...

И поклялись они ухаживать за соляным полем еще лучше.

Я-то знал, что на том поле росла крапива, и шильдбюргеры, приняв ее за соль, здорово обстрекались, однако промолчал: как они шуты есть, так пусть шутами и остаются. К тому же в шутовской моей головушке бродила и другая мысль: не любим мы — и шильдбюргеры тут не исключение,— чтобы наши ошибки нам в строку ставили или на нашу глупость указывали. Известно, не дело ослу осла длинноухим ругать!

КАКОЙ УРОК ИМПЕРАТОР ЗАДАЛ ШИЛЬДБЮРГЕРАМ

Покуда весть о мудрости шильдбюргеров разнеслась по белу свету, прошло немало времени. Зато слух об их шутовстве и глупости словно молния облетел все страны, и очень скоро на земле не осталось никого, кто не был бы наслышан об их проделках. Но по правде говоря, в том нет ничего удивительного. Ведь с тех пор как мы, люди, лишились мудрости и сделались шутами, мы чаще всего и спрашиваем о шутовских проделках, а мудрость нам ни к чему. Так оно и с шильдбюргерами получилось. Чтобы люди прослышали об их уме и мудрости, понадобилось много лет, а вот молва об их шутовстве обошла всех и вся прежде, чем они стали настоящими глупцами.

Как-то раз император той страны, где жили шильдбюргеры, прибыл по своим императорским делам в соседний с Шильдой городок. Местные жители стали рассказывать ему о неслыханных шутовских проделках шильдбюргеров. Император очень удивился — в прежние годы он и сам не раз прибегал к мудрым советам шильдбюргеров. Ну а так как ему все равно надо было ожидать, покуда в городок съедутся все его вассалы, он и приказал отвезти себя в Шильду, дабы самому убедиться, так ли все обстоит, как ему рассказывали, или это лишь пустая болтовня.

Тут он поступил, как один хороший подмастерье. Тот тоже

хотел все увидать сам, и однажды, заручившись обещанием, что жена его будет держать язык за зубами и никому ничего не расскажет, шепнул ей по секрету, будто сосед их снес яйцо. Не прошло и получаса, как жена, разумеется, тоже по секрету, поведала о том своей соседке, но речь, конечно, шла уже о паре яиц. Та тоже по секрету рассказала об этом своей невестке, правда добавив еще одно яйцо. И так оно пошло: чем дальше — тем больше. Не успела наступить ночь, как уже вся деревня знала, что сосед того подмастерья снес за один день дюжину яиц. А ведь поначалу говорилось только об одном яйце.

Умудренный опытом император сперва отправил в Шильду гонца с известием о своем скором прибытии. При этом он велел передать шильдбюргерам (должно быть, хотел проверить, подлинные они шуты или только прикидываются), что он не только подтверждает давние права и вольности города Шильды, но предоставит им еще большую свободу, ежели горожане на его приветственную речь, с которой он первым обратится к ним, ответят присказкой и в лад. Пусть они, мол, покамест поразмыслят над этим уроком, а когда он прибудет в Шильду, то встретят его полуверхом-полупешком.

У бедняг шильдбюргеров поджилки затряслись при таком известии — перепугались они пуще кошки, приметившей еще издали живодера. Более всего они боялись, что император разгадает их уловку: известное дело, господа и видят-то куда дальше простых смертных, и руки-то у них длиннющие, и, как бы ты далеко ни был, обязательно тебя сцапают. И кто его знает, может, император, разгневавшись, заставит шильдбюргеров сбросить шутовские колпаки и придется им все начинать сначала.

А причина для такого беспокойства у них ведь была: шуточное ли это дело — самим, по собственной воле, не спросив высочайшего соизволения, заделаться шутами и всерьез валять дурака!

Испугавшись, шильдбюргеры вспомнили о своей былой прозорливости и очень скоро нашли выход из беды.

Прежде всего навели они порядок в хлеву и на кухне — это чтобы встретить императора самым достойным образом. Потом они задумались над тем, как им быть с городским головой. Прежний до того лихо разыгрывал из себя шута, что для разумных горожан он уже не годился — надо было выбирать нового. Ну а чтобы никого не обижать, шильдбюргеры приняли такое решение: раз императору придется отвечать присказкой и в лад, то городским головой они назначат того, кто к утру придумает самую ладную присказку.

С тем и разошлись по домам. И надо сказать, не было среди них ни одного, кто бы в эту ночь в мечтах своих не видел себя городским головой.

Пуще же всех одолела эта мысль свинопаса. «Я же давно привык свиным стадом командовать. Неужели же с шильдбюргерами

не сумею управиться?» Всю-то ночь он с боку на бок ворочался, жену совсем затолкал. А она была женщина хозяйственная и от своего прежнего ума припасла кое-что на черный день. Вот и спрашивает мужа, чем это он, дескать, так обеспокоен. Долго свинопас отмалчивался, наконец не выдержал и поведал ей о своей мечте.

Узнав, отчего муженек ее так закручинился, жена свинопаса возмечтала стать женой городского головы.

— Дорогой мой муженек! — сказала она.— Не мучай ты себя понапрасну, а лучше скажи, что ты мне подаришь, ежели я тебе самую складную из складных присказок подскажу?

— Шубу подарю! — выпалил свинопас.

Жена давно вздыхала по шубе. Наклонилась она к его уху и стала нашептывать:

Вот все говорят, государи мои,
Что нет скотины грязнее свиньи,
А я скажу, государи мои,
Что нет скотины вкуснее свиньи!

И чтобы муж не забыл этой присказки, она повторила ее ровно девяносто девять раз.

Тем временем рассвело, и пора уже было идти в ратушу.

А там сколько в Шильде было жителей, столько они принесли с собой присказок! И мне только жалеть приходится, что не все они у меня в памяти сохранились.

Первым выступил самый старый шильдбюргер. Он сказал:

Хоть я и простой мужик,
А присказки сказывать тоже... умею.

— А лучше ты ничего не мог придумать? — закричал на него другой шильдбюргер.— Проваливай! Я хочу быть головой! Слушайте мою присказку!

Гансом с детства звали меня,
Но я в обиду не дам... своих детей.

— И только-то? — скривил губы третий шильдбюргер.— Этак я, пожалуй, тебя переплюну. А ну, слушайте, что я сочинил:

Хочешь собрать богатый урожай,
Весной вози навоз и не... ленись.

Но эта присказка не понравилась четвертому. Отпихнул он третьего и говорит свое:

Как аукнется,
Так и... ответ получите.

Едва договорил, выступает пятый:

Кто сказки сказывает не в лад,
Того повесить был бы я... готов.

Выкладывают они один за другим свои присказки, а свинопас стоит ни жив ни мертв. Боится, как бы кто его стишок не сказал. Но вот дошел черед и до него. И хоть повторил он про себя присказку жены чуть ли не тысячу раз, а получилось у него немножко не то:

Вот все говорят, государи мои,
Что нет скотины вкуснее свиньи,
А я скажу, государи мои,
Что нет умнее моей жены!

Услыхав такое, советники в один голос воскликнули:

— Гляди-ка! А ведь у него и впрямь складно получилось!

Тотчас приступили к голосованию и, разумеется, выбрали свинопаса городским головой.

При этом шильдбюргеры рассуждали так: уж этот сумеет потрафить его величеству да и компанию ему составить.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ИМПЕРАТОРА ВСТРЕЧАЛИ

Я уже сказывал, что император велел передать шильдбюргерам: пусть навстречу его величеству выезжают полупешком-полуверхом и на приветствие отвечают присказкой и в лад.

Обсудили это хитрое дело горожане у себя в ратуше и насчет ладной присказки приняли такое решение: городской голова первым обратится к императору со словами:

Добро пожаловать, государь император,
Во славный город Шильду, милости просим!

И тогда его величеству волей-неволей придется отвечать:

Благодарствуйте, мудрые шильдбюргеры!

Ну а ежели все так получится, как они задумали, то городской голова скажет:

А самый мудрый из нас
Первый свинопас!

Таким образом они выполнят одну половину урока, который им задал император.

Но вот о второй мнения отцов города разошлись.

Один предлагал для встречи императора разделиться на два отряда: первый выедет верхом, а второй — пешком.

Другим казалось, что надо так сделать: выстроиться в шеренгу, и в каждой шеренге один бюргер на коне, а другой — пеший.

Третий советовал: надо, мол, чтобы каждый горожанин взял коня, одну ногу вставил в стремя, а на другой скакал бы рядом.

Нашлись и такие умники, которые вот что предложили: встречать императора следует верхом на палочках-коняшках, на каких ребята скачут. Вот это и будет полупешком-полуверхом. К тому же палочка эта всегда наготове — легка, резва и уход за ней скорый: взнуздал, ногу поднял и поскакал.

Надо ли говорить, что такое предложение пришлось шильдбюргерам по нраву? И городской голова тут же издал указ: каждому быть наготове с палочкой-коняшкой. Кстати, в Шильде не оказалось такого бедняка, у которого не было бы в доме своей палочки-коняшки. И вскоре все они — кто на буланом, кто на вороном, кто на пегом, а кто и на гнедом — носились по городу, объезжая своих лихих коней.

А когда настал назначенный день и показался вдали император со свитой, шильдбюргеры помчались ему навстречу во весь опор. Только вот с новым городским головой случилась оказия. То ли переволновался он очень, то ли по еще какой причине, а пришлось ему отстать и поспешно укрыться за навозной кучей.

Между тем император со своими людьми подъезжал все ближе. Смутилась шильдская рать — куда же это их новый голова подевался?

А тот и сам видит — мешкать больше нельзя, забыл про свою лошадку и, подхватив штаны, полез на навозную кучу, чтобы, стало быть, оттуда приветствовать его величество по всей форме.

Император со свитой все ближе подъезжает, и пора уж городскому голове шляпу снимать, а у него руки заняты. Что делать? Сунул он шляпу в зубы, одной рукой штаны поддерживает, другой императорскому величеству приветственно машет, а сам кричит с навозной кучи:

Милости просим, император Шильда,
Добро пожаловать к нам сюда за стол!

Такая встреча, да в таком месте, и императору глаза открыла, какого полета птица перед ним. Понял он, что шильдбюргеры шуты нешуточные и не зря о них всякие слухи распускают,— протянул городскому голове руку и молвил:

Благодарствуйте, мудрые шильдбюргеры!

Вот тут и надо было голове ответить ему складной присказкой, как оно было решено на совете. А он, чтобы случаем не оговорить-

ся, стоит и молчит. Тогда другой шильдбюргер, видя, что голова со страху язык проглотил, выскочил на своей палочке-коняшке и брякнул:

Голова у нас первый шут!

А ведь, чтобы получилось складно, надо было сказать:

А самый мудрый из нас —
Первый свинопас!

Шильдбюргер же решил: что свинопас, что шут — одно и то же, а городской голова у них и впрямь первый шут. Вот он ненароком и сказал правду.

Так-то шильдбюргеры императора встретили.

После этого поскакали горожане к городским воротам. А государь император, прежде чем двинуться им вслед, спрашивает голову:

— С чего это ты, чудак, на навоз взобрался?

— Да мои ноги, ваше величество,— отвечает голова,— от радости ничего не чуяли, вот они на кучу и взлетели.

Государь вполне таким ответом удовлетворился, и они всей толпой направились к ратуше. А чтобы его величеству в пути скучно не было, шильдбюргеры потешали его рассказами, как они свою ратушу строили и как совсем недавно большой важности дело совершили — соль посеяли. И тут же они попросили государя императора от соляного налога их освободить, когда они урожай соберут, и патент — грамоту на соляной злак — выдать.

Внял император их просьбе, и с той поры право сеять соль закреплено за шильдбюргерами навечно.

КАКОЙ ПОДАРОК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПРЕПОДНЕСЛИ ИМПЕРАТОРУ

Встретили жители города Шильды своего высокого гостя и снова принялись думать да гадать, как им императора уважить и что ему в дар преподнести. Одни предлагали подарить ему серебряный или золотой кубок. Другим это показалось чересчур дорого, к тому же приняли они в рассуждение, что у императора серебряной и золотой посуды хоть отбавляй. Те же, что любили хорошо поесть, советовали одарить императора морковью, свеклой, горохом и прочими дарами земли. Но соседи их взяли в соображение, что в таком добре император, вероятно, не нуждается: он же всюду гость, и, куда бы ни прибыл, все ему обязаны ставить угощение.

Тут высказался один шильдбюргер, который посоветовал презентовать царствующей особе большой горшок с горчицей. Импе-

ратору, мол, приходится много бывать в разъездах, обедать за чужим столом, вот у него и будет всегда приправа при себе.

Такой мудрый совет отцам города пришелся по вкусу, и они сразу принялись за дело.

Заварили свежую горчицу в новом обливном горшке, нарядили двух мальчишек и послали их вместе с городским головой вручать императору подарок от жителей города Шильды.

Представ пред высочайшие очи, городской голова подтолкнул мальчишек с горчицей вперед, а сам, волнуясь и запинаясь, начал:

— Всемилостивейший... государь... горчица! Нижайше просим вас принять в дар от города Шильды... всекрепчайшего императора в этом новом обливном горшке!

Его величество государь император, услыхав такую достойную речь, прыснул со смеху и даже шляпу снял — верно, жарко ему стало от такого горячего приветствия.

— Надень, надень, государь-горчица! — закричал городской голова императору.— Надень, не то плешь застудишь!

Тем временем мальчишкам надоело держать горшок с горчицей, и они поставили его на пол, да так неаккуратно, что горшок разбился и вся горчица разлилась.

— Ах вы бесенята проклятые! Ах вы неслухи! Разбойники! Воры и грабители! Бунтари! Изменники! Какой горшок разбили! Какая горчица пропала! За семь верст против ветра от нее в носу свербило, а вы ее на пол вылили! Государь император, вы ее хоть попробуйте! — С этими словами голова зачерпнул пригоршней горчицу и сунул ее императору прямо под нос.

— Запах горчицы я и так отлично слышу, запах отменный! — отвечал голове высокий гость.— И я вместе с тобою скорблю об уроне, однако с благодарностью отмечаю вашу добрую волю и желание мне угодить.

А городской голова все причитал:

— Какая горчица пропала — не простая, императорская! Всекрепчайшая!

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ С ИМПЕРАТОРОМ ЗАВТРАКАЛИ И КАКУЮ ИМПЕРАТОР ИМ ЗАГАДКУ ЗАДАЛ

Увидел император такую любовь шильдбюргеров и пригласил их на завтрак. Городской голова и его советники приняли всемилостивейшее приглашение, и скоро все собрались за огромным императорским столом. Рядом с его величеством сидел сам городской голова, а ниже, друг за другом, все прочие отцы города. Много здесь было хитроумных речей сказано, однако пересказывать все и до послезавтра времени не хватит, а потому я их опущу.

Прежде всего к столу подали большой судок с отварным карпом, потом еще блюдо с карпом, но только на другой манер приготовленное. После рыбы принесли кашу. Тут голова заметил, что кое-кто из советников еще не справился с предыдущим кушаньем, и прикрикнул на них:

— Эй, ребята! Налегайте да поспешайте! А ты, государь император, не жди их! Недаром ведь говорят: семеро дураков одного не дожидаются.

Так за присказками да прибаутками шильдбюргеры управились со всеми богатыми яствами, что для них на императорской кухне были приготовлены. Слушал их император, порой и смеялся, но все у него в голове не укладывалось, как же так: прежде шильдбюргеры на весь мир умом и рассудительностью славились, а теперь от них, кроме глупостей да шуточек разных, ничего не услышишь. И вот, чтобы окончательно решить, в самом ли деле жители Шильды так глупы или только понарошку дурака валяют, император надумал задать им загадку.

— Ехал я к вам в город Шильду,— сказал он,— и вижу, у дороги дохлый волк лежит. Я стал расспрашивать, отчего это волк прямо тут у самой дороги издох? Но никто мне ответа дать не сумел. Не поможете ли вы мне разгадать, почему волк сдох?

Шильдбюргеры ему отвечают:

— Дело это не простое. Тут надо совет держать.

И пошли к себе в ратушу, где заперлись в Палате для потения. Попотев там часок-другой, они перешли в Палату для корпения. Там они немалое время корпели и наконец собрались в Шутовской палате, где и стали выкладывать то, что удалось им взять если не потением, то корпением.

Первый шильдбюргер сказал, что, вернее всего, волк в мороз по снегу босиком бегал, а потому простудился, заболел и издох.

Другой шильдбюргер высказал другую догадку. Волк, мол, верхом не ездит, а все на своих ногах бегает. Верно, погнался за ним кто, а он давай удирать, но ведь он-то на своих ногах бежит, а погоня за ним на лошадях. Видит волк, что погоня уже близко, нагоняет его, рванул — и дух из него вон.

Третий шильдбюргер привел новую причину:

— У волка, должно быть, очень большое горе было, и до того он запечалился, что жить не захотел, взял да издох.

Встал тут городской голова и молвил:

— Дорогие друзья советники! Неужто мы с вами по своей скотине не видим, отчего волк издох? Ведь сколько телят, овец и другой всякой твари он в Шильде зарезал? А мясо-то он ел все сырое. Никто же ему его не тушил, не варил, не жарил. Не поп он, чтобы ему свою повариху держать. День на день не приходится, иной раз и старую корову задерет, у той ведь мясо поди какое жилистое, попробуй его перевари! Опять же волк подчас и падалью не брезговал — ведь это луженый желудок надо иметь! И еще

скажу. У кума моего на той неделе теленок от какой-то заразы пал. Он его за околицу выбросил, и с тех пор никто этого теленка не видел. Надо полагать, волк с голодухи его прямо на морозе и сожрал. Небось после еще к проруби бегал студеной водой запивать. Что же мы тут удивляемся да гадаем? От такой пищи кто хочешь сдохнуть может. Да и по зубам тоже видно, что он от сырого мяса сдох. Зубы же у него все белые. А от горячей пищи зубы черными делаются — это и малые дети знают.

Как голова сказал, так шильдбюргеры своему высокому гостю и доложили.

Понял тогда император, что у шильдбюргеров от прежнего ума и помину не осталось.

О ТОМ, КАКОЕ ПРОШЕНИЕ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПОДАЛИ ИМПЕРАТОРУ И КАК ОН ИМ ОТВЕТИЛ

Хоть его величеству государю императору и нравилось у шильдбюргеров, однако дела государственные не терпели больше промедления, и он уведомил городского голову о дне своего отъезда. В знак милости за хороший прием он разрешил шильдбюргерам обратиться к нему с прошением.

Горожан это очень обрадовало, и они подали императору целый свиток. В нем были подробно изложены бедствия, свалившиеся на них, когда они состояли советниками при князьях в чужих странах. Жить вдали от дома им приходилось подолгу, жены, оставшись одни, бедствовали, и хозяйство пришло в полный упадок. Пришлось им вернуться в Шильду, чтобы помочь беде. Тогда-то они и решили от великого своего ума глупостью спасаться. Способ этот стал приносить хорошие плоды, и они положили и впредь так соблюдать себя.

И жилось бы им вольготно под шутовским колпаком, если бы не злые козни соседей. Они над бедными шильдбюргерами и над их глупостью так зло издеваются и такими насмешками и убийственными оскорблениями поддевают, что приходится горожанам за свою жизнь опасаться. Потому-то шильдбюргеры и просят государя скрепить их шутовство императорской подписью и печатью, дабы от злых нападок уберечь. Никому они свою мудрость не навязывали и своим шутовством также не докучают.

Император охотно исполнил их просьбу.

В тот же день он велел своему лучшему писцу написать нижеследующую охранную грамоту:

«Мы, божьей милостью император великой и могущественной империи, постоянно радея об увеличении своих владений, объяв-

ляем настоящим всем и каждому, что, согласно просьбе жителей города Шильды, берем их отныне под свою защиту и приказываем: никто им в их шутовстве и глупости никаких помех чинить не должен ни словом, ни делом, ни помышлением. А ежели найдутся ослушники, то грозит им великая кара и вечная наша императорская немилость. Таковым ослушникам приказываю надевать шутовской колпак с одним, двумя или тремя колокольцами, в зависимости от тяжести преступления. Снять сей колпак дозволяется лишь после примирения с обиженным шильдбюргером и уплаты двух гульденов в нашу императорскую казну.

Такова наша твердая воля и наше императорское решение, каковое мы своей подписью скрепляем и наложением печати удостоверяем.

Дата: лета... дня».

В придачу к охранной грамоте император приложил еще немалую «благодарность» и обязал своих гостеприимных хозяев истратить ее как можно скорей и веселей.

КАК ДВА ШИЛЬДБЮРГЕРА ДОМАМИ ОБМЕНЯЛИСЬ

Неспроста люди говорят, что привычка — вторая природа. Шильдбюргеры наши со временем до того привыкли к шутовству, что никак от него отстать не могли. Все, за что бы они ни брались, оборачивалось глупостью. Стало быть, с шутовством-то шутить нельзя, иначе навеки дураком останешься.

Ну так вот, прослышали два шильдбюргера, что люди в давние времена друг с другом разными товарами обменивались и от такого обмена большую выгоду имели. Думали они, думали и надумали сами друг с другом обменяться, и не чем-нибудь, а сразу домами. Первый шильдбюргер, который жил на верхнем конце улицы, разобрал свой дом и перетаскал его по бревнышку на нижний конец, где жил тот, с кем он договорился об обмене. А второй шильдбюргер, что жил на нижнем конце улицы, тоже разобрал свой сруб и отвез его туда, где прежде жил первый шильдбюргер. На новом месте каждый из них собрал свой дом, присел отдохнуть и думает: «А что же я на этом выиграл?»

Нам-то с вами смешно, а шильдбюргерам было не до смеха. Сколько труда они положили, чтобы дома свои сперва разобрать, а потом снова построить! Да все, оказывается, зря!

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ КОРОВУ НА КРЕПОСТНУЮ СТЕНУ ПОДНИМАЛИ

Вышли шильдбюргеры однажды за городские ворота осмотреть старую крепостную стену: нельзя ли камень из нее на постройке использовать?

Но тут они увидели, что вся стена заросла сверху травой. Очень это их огорчило — ведь какой хороший покос зря пропадает! Стали они друг с другом советоваться, как до этой травы добраться и что с ней делать. Одни считали, что траву надобно серпом жать. Однако на такую высокую стену с серпом лезть никто не отваживался. Другие полагали, что надо найти хороших стрелков и сшибить каждую травинку из самопала. Но, как вы уже знаете, метких стрелков в Шильде не было.

Под конец слово взял городской голова.

— Зачем нам траву эту жать,— молвил он,— или из самопалов по травинке сшибать? Давайте пустим корову на стену, она там всю траву и сожрет.

Такой совет всем шильдбюргерам пришелся по нраву. И в благодарность они положили первой пустить на стену корову городского головы. Тот охотно согласился.

Пригнали они, стало быть, корову, завязали ей петлю на шее, перекинули веревку через стену и давай всем скопом тянуть — корову наверх поднимать. Корова стала задыхаться, а когда они ее повыше подняли, совсем язык вытянула. Городской голова, как увидел это, сразу закричал:

— Тяните шибче! Это она травку на стене почуяла и языком к ней тянется.

Но сколько шильдбюргеры за веревку ни тянули, поднять корову наверх так и не удалось.

А когда они ее снова на землю опустили, то из коровы уже и дух вон.

То-то обрадовалась вся шильдбюргерская община! Было им теперь что свежевать и чем закусить, хотя до мясоеда оставалось еще немало времени.

КАК ОСЕЛ ШИЛЬДБЮРГЕРОВ УМУ-РАЗУМУ УЧИЛ

В ту пору в Шильде выросла такая крупная свинья, каких еще не бывало, и порешили шильдбюргеры откормить ее на славу. Однако свинья эта была большой проказницей и однажды забралась в ригу, где хранился овес. Здесь она повела себя совсем посвински и нажралась до отвала. Шильдбюргеры этого ей никак не

могли простить. Они объявили ее воровкой и предали суду. Судьи же постановили сожрать ее самое.

С громкими криками и шумом шильдбюргеры в тот же день закололи свинью. Мясо, сало, щетину и ножки отдали судьям за хлопоты. А чтобы ничего не пропадало даром, промыли кишки, набили их всем, чем положено, и сделали одну огромную колбасу. Но тут пришлось им покумекать: в чем же ее сварить?

Вытащили самый большой горшок, примерили — не влезает в него колбаса. Растерялись шильдбюргеры: как быть? Решили пойти к гончару просить его горшок сделать, чтобы в него вся колбаса вошла. Но тот отказал: «Нельзя,— говорит,— сделать такой большой горшок. Он и в печь не войдет».

Совсем отчаялись шильдбюргеры и в великом недоумении разбрелись по домам. А один из них бредет себе в задумчивости и вдруг видит — стоит осел и кричит: «И-а! И-а!»

Хлопнул шильдбюргер себя по лбу и обратно в ратушу поспешил. Ему послышалось, будто осел кричит: «А в два! А в два!»

— Позор на наши шутовские головы! Где это видано, чтобы ослы умней людей были! А у нас так оно и есть. Осел-то стоит и кричит: «А в два! А в два!» — это значит, чтобы мы колбасу вдвое сложили. И как же мы сами не догадались!

Пораскинув умом, шильдбюргеры сообразили: раз колбасу можно в два раза сложить, то почему нельзя ее сложить и в три, и в четыре раза? Вот они и сложили ее так, чтобы она в большой горшок вошла. Залили кипятком, поставили на огонь, сварили, подали к столу.

Ну а так как разжевать и проглотить колбасу совета у осла спрашивать не надо было, то скоро от нее и хвостика не осталось.

КАК ОДИН ШИЛЬДБЮРГЕР СПАСАЛ ЧЕСТЬ ГОРОДА ШИЛЬДЫ И ПРИ ЭТОМ ПОТЕРЯЛ СВОЮ КОБЫЛУ

Прослышал один шильдбюргер, что ни на кого нельзя взваливать больше, чем он может нести, и с тех пор никогда свою кобылу не нагружал. Нет, он взваливал мешок с мукой себе на плечи и уж только после этого садился на лошадь и ехал так с мельницы прямо домой. Думал, так кобыле легче будет. Вот едет он дорогой и видит — у самой границы шильдских земель стоит дерево. А на дереве сидит кукушка. Сидит и кукует. А по ту сторону границы стоит другое дерево. И на нем тоже сидит кукушка, но чужая, и тоже кукует.

Слушал наш шильдбюргер, слушал и вдруг заметил, что чужая кукушка стала шильдскую перекуковывать. Рассердился он тут,

соскочил с лошади, залез на дерево и давай своей кукушке помогать чужую перекуковывать.

Тем временем неподалеку пробегал волк. Увидел он, кобыла без присмотра стоит, напал на нее и сожрал. А шильдбюргер все сидел наверху и чужую кукушку перекуковывал — честь города Шильды спасал. И так он под конец наловчился куковать, что залетная птица сперва замолчала, а потом и вовсе улетела. Не выдержала, значит, сдалась.

Спустился шильдбюргер, довольный, с дерева, а кобылы нет — одни косточки валяются. Так и пришлось ему на своих двоих с мешком муки домой добираться.

Однако, вернувшись в Шильду, он рассказал городскому голове, как он спасал честь и достоинство всех жителей города и чужую кукушку перекуковал, но вот незадача — кобылу-то его тем временем волк зарезал.

Услыхав такую весть, городской голова да и весь шильдский совет посчитали это за великую несправедливость: как же так, человек радел о чести всей шильдской общины — и понес такой урон! Надо ему благодарность вынести и лошадь купить.

Так они и сделали.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ КОЛОКОЛА ПРЯТАЛИ

Дошли как-то и до Шильды слухи, что скоро война будет. Опасаясь за свое добро, шильдбюргеры прежде всего подумали о колоколах на ратуше — как бы их не сняли, чтобы на пушки перелить. Созвали они совет и скоро ли, долго ли порешили утопить колокола в озере, а когда война кончится, снова поднять их со дна озера и повесить в ратуше.

Погрузили они колокола на большую ладью, выехали на самую середину озера и хотели уже их в воду столкнуть, но тут один шильдбюргер закричал:

— Стойте, братцы! А как же мы место это найдем, когда нам опять колокола доставать придется?

— Мне бы твои заботы! — ответил городской голова. Встал и сделал зарубку на борту ладьи.— Вот, где я зарубку зарубил, тут мы их и найдем.

Шильдбюргеры обрадовались находчивости своего головы, столкнули колокола в воду и поплыли к берегу.

А через год, когда беда миновала, они опять сели в ту же самую ладью и поплыли колокола со дна поднимать. И зарубку на борту ладьи нашли, но вот колоколов так и не смогли разыскать, хоть все озеро шестами истыкали.

КАК ОДИН ШИЛЬДБЮРГЕР СВОЕГО КОНЯ ОБМЕНЯЛ

Отправились как-то шильдбюргеры верхом озимые проверять и по дороге остановились на хуторе отдохнуть. Отдохнули и стали снова в путь собираться. Все садятся на коней, а один ждет. Подождал, покамест все сели, вскочил на коня и поскакал. Около ручья городской голова велел им коней напоить. Все спешились. Когда коней напоили, все снова стали садиться на своих коней, а один шильдбюргер опять ждет. Все сели, тогда и он сел.

Вот его и спрашивают:

— Отчего ты всегда последним на своего коня садишься?

А он отвечает:

— Да я его иначе не узнаю. А как все разберут коней, один и останется. Вот он, стало быть, мой и есть. Я тогда с чистой совестью и сажусь на него.

Едут они дальше и по пути проезжают небольшую деревушку. Но надо сказать, что в этой деревушке очень озорные ребята жили. Увидали они горожан на конях и давай в них камнями кидать. И один нашему шильдбюргеру камнем по голове угодил. Тот потер ушибленное место и подумал: «Ну что это у меня за конь такой! То его никак не узнаешь и всех ждать приходится, покамест они коней разберут, а теперь еще брыкаться стал? Обижает он меня. Дай-ка я его лучше на кобылу променяю».

И на следующем же перевале поменял своего молодого резвого коня на старую кобылу. Вот сел он на нее, едет и, довольный, думает: «Уж эта-то меня не обидит!»

А может, его самого бог обидел?

КАК В ГОРОД ШИЛЬДУ РАК ЗАБРЕЛ И КАКУЮ ЕМУ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПРИДУМАЛИ КАЗНЬ

Ни в чем не повинный бедняга рак однажды заблудился и попал в город Шильду, прямо на базарную площадь, где, как вы знаете, стоит ратуша.

Выходят из Шутовской палаты отцы города и видят — что за чудо здесь! Такого у них отродясь не водилось! А как стал рак назад пятиться, усами шевелить, клешнями щелкать, городской голова сразу «караул» закричал и велел в набат ударить — так испугался. Сбежались все жители города Шильды на площадь и стали думать да гадать, что это за чудовище у них в городе объявилось. Под конец один даже сказал:

— Не заморский ли это портной?

Должно быть, этот шильдбюргер рачьи клешни за портновские ножницы принял. Ну а чтобы проверить такую догадку, шильдбюргеры принесли кусок хорошей материи и посадили на нее рака. Тот стал по материи ползать, а они говорят:

— Это он крой размечает.

И тут же принялись по его следам материю резать. Рак ползет, а шильдбюргеры за ним режут. Так весь кусок и изрезали. Однако под конец увидели, что никакого кроя у них не получилось.

Тогда они позвали одного подмастерья, который только что вернулся после долгих странствий по белу свету. Спрашивают его: что это за чудо такое?

Подмастерье оглядел рака со всех сторон, походил вокруг него и говорит:

— Много я на свете всяких чудес видел, но такого еще не видывал. Если хотите знать, что это за тварь, то я вам вот что скажу: коли это не голубь, то, должно быть, аист, а ежели не аист, то, скорее всего, олень...

Ну, от такого ответа шильдбюргеры, надо прямо сказать, не поумнели и какими были, такими и остались.

Тут один из них любопытства ради потрогал рака рукой. А тот хвать его клешней!

Шильдбюргер заорал:

— Караул! Смерть моя пришла!

Увидали горожане, что товарищ их попал в беду, и тут же, не заходя в Шутовскую палату, сотворили суд над заморским чудищем. Приговор их гласил:

«Поелику никто в Шильде не ведает, какой зверь в наш город без дозволения забрался, а сам этот зверь обманным образом за портного себя выдавал, однако же на деле им не оказался, постановили мы: признать зверя за обманщика и пуще того — за убийцу, ибо он посягал на самую жизнь одного из наших горожан. Посему положили мы, вняв жалобам пострадавших истцов, казнить этого зверя самой суровой казнью — предать его воде».

Сотворить казнь над заморским чудищем взялся тот самый шильдбюргер, которого рак клешней хватил. Однако теперь уж он руками его трогать не стал, а подцепил на доску и так с доской и отнес к реке, где и предал его, согласно приговору, воде.

Остальные шильдбюргеры побежали, разумеется, за ним вслед — на казнь чудища поглазеть. А как увидали, что рак в воде барахтается, всеми лапами сразу загребает и усами шевелит, так и воскликнули:

— До чего же ему в воде помирать неохота!

Вот как шильдбюргеры рака в воде утопили.

КАК ОДИН ШИЛЬДБЮРГЕР СВОЕГО СЫНА В ШКОЛУ ОТДАВАЛ

Один знатный шильдбюргер, вспомнив, чему его учили родители и деды, а именно, что молодые годы для учения упускать нельзя, взял своего сына за руку и повел в соседний город в школу — в самой Шильде школы не было.

Пошли они вдвоем к учителю, а тот их спрашивает, знает ли сынок что-нибудь.

Отец за сына отвечает:

— Нет, ничего он не знает.

— А сколько сыночку вашему лет? — спрашивает учитель.

— Третьего дня ему как раз тридцать стукнуло,— отвечает отец.

— Вот тебе раз! — удивился учитель.— Уже тридцать лет стукнуло, а до сих пор ничего не знает!

— Да как вам сказать, господин учитель, разве за тридцать лет чему-нибудь научишься? Мне вот уже шестьдесят пять исполнилось, а я все равно ничего путного не знаю.

— Да-а...— протянул учитель,— трудно нам будет сыночка вашего чему-нибудь научить, однако попытаемся. Давай заходи в класс! — обратился он к сыну.

Но тут отец остановил его:

— Вы только поскорее его учите! Мне вот в кузницу за углом забежать надо, а как я вернусь, мы с ним опять домой пойдем.

— Нет,— возразил учитель,— тогда уж сразу его с собой забирайте. За такое малое время он ничему не научится.

Рассердился папаша-шильдбюргер, схватил своего увальня за руку и повел домой — маменьке под крылышко.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СТРАШНОГО ЗВЕРЯ МЫШКОДАВА КУПИЛИ, А ВМЕСТЕ С НИМ И СВОЮ ПОГИБЕЛЬ ОБРЕЛИ

Надо вам сказать, что в городе Шильде никогда кошек не водилось. И развелось там видимо-невидимо мышей. Прямо на глазах в хлебный ларь забирались и таскали все что ни попади.

Как за ними шильдбюргеры ни гонялись, как ни морили, мышей становилось все больше и больше.

В ту пору через город проходил бродяга, и в котомке у него сидела самая обыкновенная кошка. Он так, забавы ради, ее на дороге подобрал.

Зашел бродяга в кабак и увидел: мыши средь бела дня, никого

не боясь, по столам, по стульям бегают. Расстегнул бродяга котомку и выпустил кошку. Вмиг та дюжину мышей задавила, сидит на полу и облизывается. Увидал это кабатчик и бросился в ратушу — надо ж было отцам города доложить, какой в Шильде чудо-зверь объявился. Те всем советом пришли в кабак и спрашивают бродягу, не уступит ли своего страшного мышкодава, а уж они не поскупятся, хорошо заплатят. Бродяга понял, с кем имеет дело, и ответил, что подобную диковинку никакими деньгами не оплатить. Но раз у них в Шильде такая беда с мышами, он уж отдаст им свое сокровище за сто гульденов.

Шильдбюргеры обрадовались, что с них так мало запросили, ударили по рукам и отдали бродяге пятьдесят гульденов звонкою монетой, а остальные обещали выплатить через полгода, после сбора урожая. Бродяга же, боясь, как бы они не передумали, поскорее отнес мышкодава в старый амбар, где у шильдбюргеров общинное зерно на зиму хранилось и где мышей было более всего,— и пошел своей дорогой.

А как вышел он за городские ворота, так и припустил рысцой.

Бежит он и то и дело оглядывается — нет ли погони? Шильдбюргеры же на радостях, что купили за дешево свирепого мышкодава, забыли спросить, что он ест, и, чтобы узнать, послали гонца бродяге вдогонку. Гонец, как ни старался бродягу догнать, не мог — больно шибко тот улепетывал. Тогда шильдбюргер издали крикнул:

— Чего он жрет?

А бродяга тоже издали ему отвечает:

— Что попадет!

Гонцу-шильдбюргеру же показалось: «Скот и народ».

Перепугался он до смерти и побежал назад, в город Шильду. Предстал перед советом в ратуше, рассказал, что ему послышалось, и добавил: «Вот передавит зверь мышкодав всех мышей, потом за скот примется, а после и за нас, хоть и купили мы его за наши кровные денежки».

Стали тогда шильдбюргеры совет держать, как им от мышкодава избавиться, и решили в конце концов, что лучше всего его сразу убить. Но, на беду, не нашлось среди них ни одного, кто осмелился бы даже близко подойти к страшному зверю.

Снова они это дело обсудили и пришли к заключению: надо, мол, амбар, где зверь сидит, поджечь. Мышкодав и сгорит вместе с амбаром... Хоть и жалко им было зерна, однако это, смекнули они, все же будет меньшим злом. Иначе ведь им всем придется от мышкодава погибнуть.

Как решено, так и сделано.

Обложили шильдбюргеры амбар соломой и подожгли. А кошка, почуяв дым, перескочила на соседнюю крышу, а оттуда в дом.

Так амбар зря и сгорел.

Снова собрались отцы города на совет. Ввиду сложности вопро-

са они сперва долго потели в Палате для потения, затем перешли в Палату для корпения, а оттуда уже в Шутовскую палату, где и вынесли решение.

«Дом, в коем скрывается страшный зверь мышкодав, на общинные деньги купить и вместе с чудищем спалить».

Сказано — сделано.

Подкрались они к дому, где кошка спряталась, обложили соломой и подожгли.

А кошка тем временем взобралась на крышу дома, сидит там и лапкой умывается. Такая уж у этой породы привычка.

Шильдбюргеры же, увидев, как кошка лапку за голову заносит, решили, что она клятву дает — всем им страшной местью отомстить!

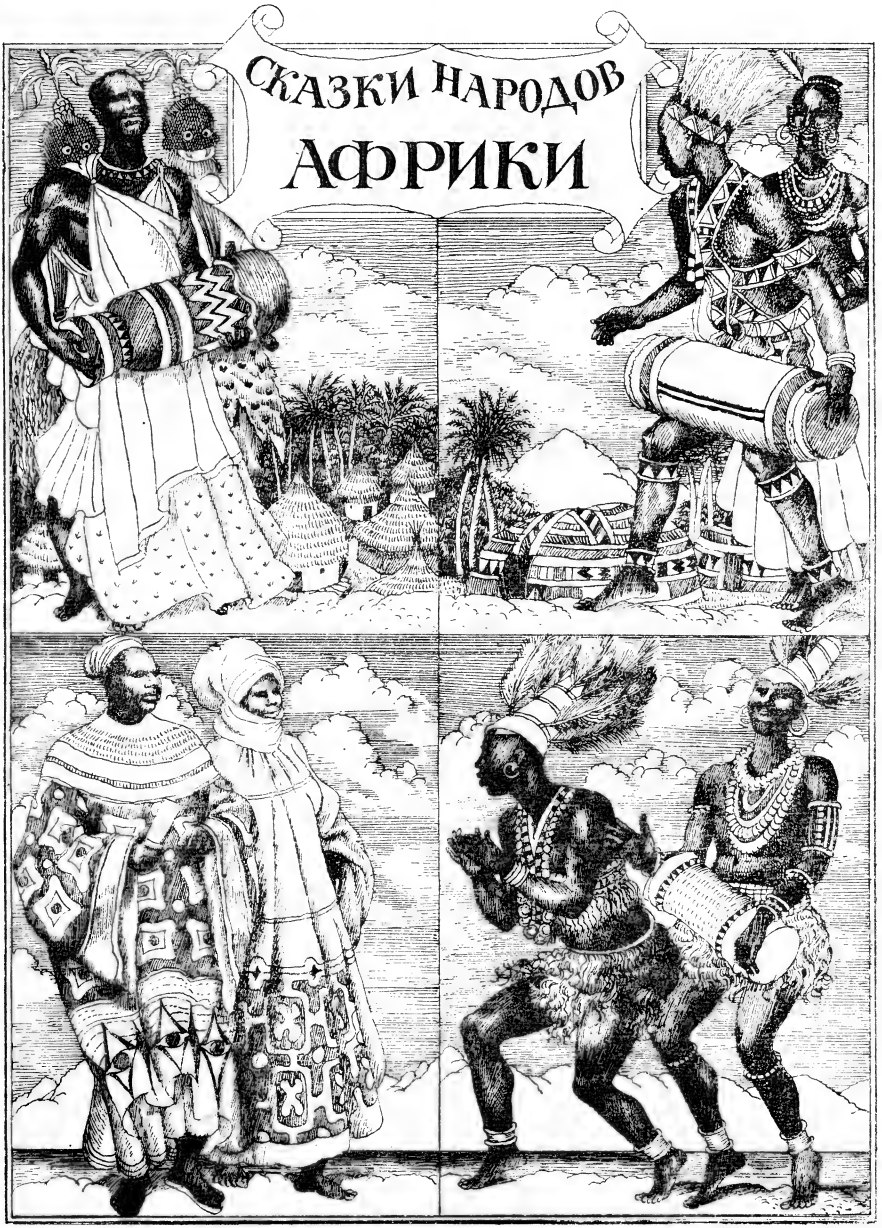
В отчаянии один из них схватил копье и давай кошку колоть, но та вцепилась в древко, вмиг соскользнула по нему на землю и... была такова.

Тем временем огонь перекинулся сперва на соседний дом, от него — на другой, подул ветер, и вскоре огнем занялся весь город Шильда. И пришлось шильдбюргерам с женами и малыми детьми бежать от огня подальше в лес.

Так город Шильда и сгорел дотла. А вместе с ним и знаменитая ратуша со всеми шутовскими палатами.

Сами же шильдбюргеры в Шильду возвращаться не стали — своими глазами ведь видели, как мышкодав клялся отомстить им страшной местью. Вот и разбрелись они по всему белому свету.

А вам они не попадались?


СКАЗКИ НАРОДОВ
АФРИКИ

АФРИКА

КАК ДЕВУШКА СДЕЛАЛА ЗВЕЗДЫ

Сказка бушменов

В давние времена жила девушка. Взяла она однажды горсть золы из костра и забросила ее на небо. Зола рассыпалась там, и по небу пролегла звездная дорога. С тех пор эта яркая звездная дорога ночью освещает землю мягким светом, чтобы люди возвращались домой не в полной темноте и находили свой дом.

Но когда восходит солнце, звездная дорога белеет, звезды ее блекнут и исчезают.

Уйдет солнце, вновь выплывает звездная дорога, и опять проплывает она по старым следам.

И так солнце и звездная дорога ходят друг за другом вокруг земли.

Чтобы звездной дороге не было скучно ночью одной, девушка забросила на небо сладкие коренья. Она швырнула их туда еще и потому, что рассердилась на свою мать, которая дала ей так мало кореньев, что девушка не могла ими насытиться. Девушка эта была больна, она лежала в хижине и сама не могла пойти на поиски съестного. Вот она и рассердилась на мать и забросила коренья на небо, чтобы те стали звездами. И эти сладкие коренья тоже стали звездами.

КАК ДЕТИ ЗАБРОСИЛИ НА НЕБО СОЛНЦЕ

Сказка бушменов

Прежде солнце было человеком и жило на земле. От одной из его подмышек исходило сияние. Когда человек-солнце поднимал руку, становилось светло, опускал руку — наступала тьма. Днем солнечный свет был белым, а ночью — красным, как огонь.

Но стоило старику-солнцу прилечь, светло становилось только вокруг его дома, а весь мир погружался во мрак, будто небо сплошь затягивало тучами.

Вот надумала одна женщина послать своих детей к человеку-солнцу: пусть поднимут его да и забросят повыше на небо. Очень уж холодно так-то, без солнца. А если забросить солнце

наверх, станет сразу и светло и тепло. И бушменский рис* мигом высохнет.

Позвала женщина детей и говорит им:

— Ляжет старик-солнце спать, подберитесь к нему и, если увидите, что он крепко уснул, хватайте его поскорей и бросайте вверх, в небо. Да повыше!

Отправились дети к человеку-солнцу. Шли они осторожно, тихонечко, старик и не заметил, как дети схватили его и бросили вверх, в небо.

И крикнули дети человеку-солнцу:

— О наш дедушка, Солнечная Подмышка! Оставайся там, будь жарким солнцем, чтобы вся земля была светлой да теплой, чтобы всех нас ты обогрел. Станешь ты к нам приходить, тьма сразу умчится прочь!

С тех пор так и повелось. Солнце приходит — тьма уходит. Солнце садится — тьма спускается на землю. Тогда выходит луна. Она освещает все вокруг, и тьма отступает.

А когда появляется солнце, оно гонит луну, отрезает ножом от луны по кусочку. Тогда луна просит:

— О солнце! Ради моих детей оставь мне хотя бы спинной хребет!

И солнце уступает просьбам луны. Постепенно луна снова становится полной и большой. Она ведь сандалия кузнечика-богомола Цагна*, которую он бросил в небо, приказав ей стать луной. Вот она и бродит в ночи.

Так появилось на небе солнце.

Днем вся земля сияет, кругом светло, люди могут везде ходить, все видеть: и кустарник, и газелей, на которых они охотятся, и антилоп, и других зверей.

Люди ходят друг к другу в гости, и солнце освещает им путь.

О МАТЕРИ-НОСОРОГЕ И ЕЕ ДОЧЕРЯХ

Сказка бушменов

У серебристого шакала и носорога было две дочери. Пока мать-носорог работала в поле, к ее старшей дочери приходили свататься сначала шакал, потом гиена, а затем рысь.

Как только являлся очередной поклонник, младшая дочь скорее бежала к матери сообщить ей об этом.

Мать-носорог говорила ей:

— Принеси мне мой короткий рог!

Наденет она этот рог и мчится к хижине. Тем временем серебристый шакал, отец девушек, спешил предупредить гостя, что несдобровать ему сейчас: очень уж остер рог матери-носорога. И тот скорей убегал прочь!

Но вот пришел свататься леопард.

Младшая сестра снова побежала к матери и говорит ей:

— Новый гость не похож на всех прежних!

Тогда мать велела:

— Принеси-ка мне мой длинный рог!

Вышла она к леопарду, но он не убежал в страхе, как все до него, а стоял не шелохнувшись. Мать-носорог свирепо бросилась к нему, но он даже не пошевелился.

А старшая дочь рассердилась на мать.

Тогда мать-носорог сказала, что леопард выдержал ее испытание. Его не испугать и длинным рогом!

И она с радостью отдала леопарду в жены свою дочь.

ЛЕОПАРД И ШАКАЛ

Сказка готтентотов

Возвращался леопард с охоты и увидел близ крааля* барана. Никогда раньше не видел леопард такого зверя. Испугался он и, подойдя к барану, робко спросил:

— Здравствуй, приятель! Как зовут тебя?

Затопал ногами баран, заблеял громко:

— Я баран. А ты кто такой?

— Я леопард,— ответил леопард. А сам испугался еще больше и убрался поскорее прочь.

По дороге встретил леопард шакала и рассказал, какого страшного зверя довелось ему только что увидеть. Засмеялся шакал:

— Ох и глуп же ты, леопард! Ведь ты упустил прекрасный кусок мяса! Завтра пойдем туда вместе, поймаем да и съедим его!

На другой день отправились они за бараном. Вот уж подошли к краалю. А баран в это время как раз собирался идти на луг. Увидал он на холме леопарда с шакалом и испугался. Побежал скорее к жене и говорит:

— Там на холме леопард и шакал, они идут к нам. Ох, боюсь, пришел нам конец!

— Не бойся,— ответила жена,— возьми детеныша с собой и выходи к ним. Только подойдут леопард и шакал, ущипни детеныша, пусть он заплачет, будто голоден.

Так и сделал баран: взял детеныша и вышел навстречу леопарду и шакалу.

Когда леопард увидел барана, он опять испугался и хотел уже воротиться. Но шакал привязал леопарда к себе кожаной веревкой:

— А ну иди со мной!

В это время баран ущипнул детеныша, и тот громко закричал. А баран говорит:

— Спасибо тебе, шакал, что привел ко мне леопарда. Видишь, как голоден мой детеныш, как просит он есть!

Услышал леопард эти слова, закричал от страха и бросился прочь. Не останавливаясь, бежал он через холмы и горы и волочил за собою шакала. Так прибежал он к себе домой и шакала за собой приволок.

ОТЧЕГО У ГИЕНЫ ЗАДНИЕ НОГИ КОРОТКИЕ

Сказка готтентотов

Встретились однажды шакал и гиена, и, пока они разговаривали, поднялось над ними большое белое облако.

Увидел это шакал, и захотелось ему попробовать облако, потому что было оно белое, как сало. Влез шакал на облако и стал есть его. Когда он наелся, захотелось ему спуститься вниз, а облако тем временем поднялось высоко.

Тогда шакал крикнул гиене:

— Сестрица, я хочу поделиться с тобой! Поддержи меня, я спущусь!

Прыгнул шакал, а гиена поддержала его и не дала ему упасть.

Потом и гиена полезла на облако, забралась на самую вершину и стала кусать его.

Насытившись, она крикнула шакалу:

— Эй, серый брат, держи теперь ты меня, да покрепче!

Хитрый шакал ответил:

— Не бойся, сестрица, спускайся, я поддержу тебя!

Поднял он вверх лапы, а гиена стала слезать с облака. Она спустилась на самый край и была уже близко от земли, как вдруг шакал отпрыгнул в сторону и закричал жалобно:

— Ой, сестрица, не сердись! Ах, как мне больно! Мне в ногу вонзился острый шип, он страшно колет меня!

Но гиена уже не могла удержаться и, упав со всего размаха на землю, отшибла себе задние ноги. С той поры, говорят, у гиены задние ноги короче передних.

ГИЕНА И ЛУНА

Сказка зулу

Нашла однажды гиена кость. Схватила ее — и бегом. А в это время, ярко сияя, взошла луна и отразилась в неподвижной речной глади.

Увидела это гиена, бросила кость и нырнула в реку за луной: решила, что это кусок сала. Но конечно, ничего там не нашла. Только вода замутилась, и отражение пропало.

Вернулась гиена опять на берег, села и стала ждать. Вновь застыла вода, и вновь появилась на ней луна. Опять бросилась гиена в воду — и опять ничего не поймала.

И так она делала много раз, но ничего у нее не выходило.

А в это время подошла к реке другая гиена. Увидав брошенную кость, подхватила ее и убежала, оставив первую гиену ловить луну. А та продолжала свое бесполезное занятие до самого утра, пока не зашла луна и не исчезло ее отражение в воде.

Но на следующую ночь гиена опять вернулась, и снова продолжала ловить луну в воде, и опять ничего не могла поймать.

И потому человеку, который делает что-нибудь подобное, говорят: «Ты похож на гиену, которая, увидев луну в воде, бросила кость, а схватила пустоту».

ОБЕЗЬЯНА, ПИТОН И ЗАЯЦ

Сказка сото

Давно-давно, когда животные могли разговаривать так же, как и люди, жила-была обезьяна.

Однажды утром отправилась эта обезьяна поискать себе что-нибудь поесть. Вот пришла она к холму, подняла камень, лежавший на солнцепеке, а там — черви, скорпионы, жуки. Вдоволь полакомилась обезьяна. И пошла дальше.

Идет она, идет и вдруг видит: на дороге еще один камень лежит, а под ним огромный питон. Еле живой.

Стал питон просить обезьяну:

— О дитя моего отца, отверни этот камень, чтобы я мог выползти. Помоги мне!

Обезьяна приподняла камень и освободила питона.

Не успел он выползти из-под камня, как схватил обезьяну и хотел уж ее проглотить. Закричала обезьяна, стала просить питона помиловать ее, но питон и слушать ничего не желал.

А в это время случилось зайцу проходить мимо. Вот несчастная обезьяна и обратилась за помощью к нему, прося рассудить их с питоном. Рассказали питон и обезьяна, как все случилось, а заяц, подумав, ответил:

— Ничего не понимаю! Питон, ложись под камень, как это было, когда обезьяна увидела тебя, чтобы я своими глазами мог увидеть, как все было на самом деле.

Как сказал заяц, так и сделали. Питон лег, а обезьяна навалила на него огромный плоский камень.

И говорит тогда заяц обезьяне:
— А теперь, сестра моя, беги прочь!
И они убежали оба, оставив питона лежать под камнем.

О ТОМ, КАК ЛИСА ОБМАНУЛА ГИЕНУ

Сказка сото

Однажды лиса сказала гиене:
— Пойдем со мной, я покажу тебе место, где можно сытно поесть.

Обрадовалась гиена и пошла с ней. Лиса привела гиену к загону, где было много скота, но загон был заперт, ночью его всегда запирали. Лиса и гиена обошли вокруг ограды, нашли щель и проползли в загон. Они убили много скота и стали есть.

Но вот лиса насытилась и решила выбраться за ограду. Правда, едва-едва пролезла через щель — так живот распух. Но все-таки пролезла. А гиена осталась в загоне.

Гиена тем временем все ела и ела мясо. Когда же наелась до отвала и захотела вылезти из загона — не тут-то было! Только передняя часть туловища пролезала в щель. Живот же ее сильно вздулся.

Так гиена и осталась в загоне.

Пришел утром хозяин скота в загон, а там гиена! Схватил он палку и давай бить гиену, пока та не вырвалась и не убежала.

Вся избитая, пошла гиена искать лису, которая так коварно покинула ее.

А лиса, завидя гиену, повалилась на землю и, потирая бока, запричитала:
— О моя старшая сестра, они чуть не убили меня! Ох, как мне больно, ох, как мне больно! Я и шагу ступить не могу! Помоги мне, сестра, до дому добраться!

Взвалила гиена лису к себе на спину и понесла. Лиса же стала смеяться и петь:
— Больной везет здорового! Больной везет здорового!

Гиена услышала это, сбросила лису и погналась за ней. Лиса юрк в пещеру. Гиена — за ней. И что же она видит? Вытянулась лиса в струнку, а лапами уперлась в потолок! Только гиена хотела схватить лису, та как закричит:
— Ох, сестра моя, не делай этого, иначе упадет потолок и раздавит нас! Помоги мне удержать его, а потом уж побьешь меня! Держи потолок, пока я схожу срублю кол, подставим его для поддержки!

Согласилась гиена и осталась держать потолок, а лиса юрк из пещеры и была такова.

Вот стоит гиена, держит потолок в пещере, ждет терпеливо, пока лиса кол раздобудет.

А в это время возвратились домой обезьяны, которые в этой пещере жили. Удивились они, увидев гиену, и спрашивают:

— Ты что здесь делаешь?

— Да вот потолок держу! Лиса говорит, того и гляди, рухнет! Она-то за колом побежала. Может, удастся удержать потолок,— ответила гиена.

Засмеялись обезьяны:

— Оставь! Потолок держится крепко, не упадет.

Разозлилась гиена еще пуще и опять отправилась искать лису.

Видит — сидит лиса у ямы и что-то бормочет. А в той яме пчелиное гнездо, только гиена про это не знала.

— А, попалась! — закричала гиена.— Настал час твоей смерти!

А лиса смиренно в ответ:

— Я и вправду очень-очень дурная. Знаю, не может быть мне никакой пощады. Но сегодня праздник, посмотри, дети песни поют, и я тоже. Видишь, у меня книга, я по ней молюсь!

Гиена услышала жужжание пчел и проговорила:

— Да, слышу, и правда поют!

А лиса продолжает:

— Вот почему прошу тебя: не убивай меня сегодня, подожди уж до завтра! Бери-ка лучше книгу да молись вместе с нами!

— А где мне взять книгу? — спросила гиена.

— Да вот, в яме,— ответила лиса.— Выбирай любую — там их много.

Послушалась гиена, полезла в яму за книгой и растревожила пчел. Набросились они на гиену и искусали ей всю морду. А лиса тем временем убежала.

ОТЧЕГО У ЛЮДЕЙ КОЖА БЫВАЕТ РАЗНОГО ЦВЕТА

Сказка сото

Когда люди жили одной семьей в пещере у первого человека, по имени Лове, жизнь их была хорошей и счастливой.

Но однажды случилось, что поссорились они, и стали драться, и в драке убили любимого сына вождя своего Лове.

Узнал об этом вождь, разгневался и прогнал людей из своей пещеры, где им так хорошо жилось.

Вышли все люди из пещеры и пошли кто куда.

А солнце стояло высоко и палило очень сильно. И опалило солнце людей так, что некоторые стали темными, а другие, опаленные еще сильнее, совсем черными. Одни так обожглись, что

кожа покраснела,— стали они краснокожими. Другие обожглись не очень сильно — стали коричневыми.

А были и такие, у которых кожа шелушилась, стали они желтыми.

И так разошлись по всей земле.

ЗАВЕТ МОЧУАНА

Сказка сото

Состарившись, вождь Мочуана созвал людей своего племени и сказал им:

— Я ухожу, живите в мире и работайте сообща.

Взял он свой посох и велел всем людям принести ему их посохи. Когда собрали все посохи, он взял один из них и приказал сломать. Человек, которому он приказал, легко это сделал.

Тогда Мочуана связал все посохи вместе и приказал людям сломать целую связку. Но как те ни старались, ничего не могли поделать.

И сказал тогда Мочуана:

— Один-то посох ломается ох как легко! А вот целую связку переломить вам не удалось. Знайте же: то же будет и с вами. Будете жить врозь, враг легко победит вас поодиночке. Вместе будете держаться — никто вас не одолеет! Пусть будет это законом для вас!

СЛОН И ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сказка яо

Однажды из пустыни пришел человек, и был он одинок и печален.

Слон, который встретился ему на пути, взял его к себе на спину и носил его повсюду много лет, показывал ему леса и саванны и всех зверей, которые там обитали.

Человек питался диким медом и лесными плодами, которые доставал ему слон. Слон посвятил человека в тайны охоты и сделал его великим охотником.

Затем слон отнес мужчину в страну слонов, и там они увидели женщину, сидящую на земле. Слон опустил мужчину перед женщиной и сломал несколько деревьев, чтобы первая пара людей построила себе хижину и жила в ней.

Мужчина и женщина остались вместе. Вначале они жили только охотой. У них родилось много детей, и они постепенно заселили всю пустыню. Так возникло племя яо.

ЛЕВ, ЛЕОПАРД И ГИЕНА

Сказка маконде

Однажды к леопарду пришло много гостей. Ели, веселились, а когда наступила ночь, увидел леопард, что всех гостей ему не разместить. Не на чем им спать.

«Схожу-ка я ко льву,— подумал,— одолжу у него шкуру буйвола, которого он позавчера убил на охоте».

И пошел.

— Послушайте, лев, у меня в доме много гостей, а разместить их не на чем. Не одолжите ли вы мне шкуру буйвола?

— Возьми,— ответил лев,— только верни ее завтра утром.

— Верну обязательно.

Утром разошлись гости леопарда, и он уже совсем было собрался отнести шкуру льву, но тут пришла гиена.

— Дорогой леопард, у меня сегодня праздник и придут гости. Одолжите мне, пожалуйста, эту шкуру буйвола.

— Да знаешь ли ты, кто хозяин этой шкуры?

— Знаю, лев.

— То-то. Нет, не могу я дать тебе шкуру. Известны мне твои повадки, ты ее обязательно испортишь.

— Что вы, что вы! — успокоила его гиена.— Ведь шкура принадлежит самому льву! Неужели я позволю причинить ему какой-нибудь вред?

Поверил леопард и дал шкуру.

На следующий день разошлись гости гиены, а в доме не осталось никакой еды. Голодная гиена отгрызла кусочек от шкуры. Потом еще кусочек и еще... Все знают, какие гиены прожорливые: едят все, что может быть хоть мало-мальски съедобным.

Так и съела гиена всю шкуру.

А лев тем временем устал ждать шкуру. «Что же это такое? — думает.— Обещал леопард вернуть шкуру на следующий день, прошло уже два дня, а шкуры все нет».

Вышел он из дому да как закричит на всю саванну:

— Верни-и шку-уру-у! Верни-и шку-уру-у!

Испугался леопард, побежал к гиене.

— Где шкура?

— Нет шкуры, дорогой леопард, я ее съела.

— Что ты наделала! Тогда заплати за нее чем-нибудь льву.

— Чем же я заплачу? У меня ничего нет.

— И у меня нет. Как нам теперь быть?

Думали они, думали, но ничего не придумали.

Так и ходит с тех пор лев по саванне, и все требует, чтобы ему вернули шкуру буйвола, и очень сердится:

— Верни-и шку-уру-у! Верни-и шку-уру-у!

А леопард и гиена, заслышав его грозный голос, убегают и прячутся.

ГИЕНА И ЧЕРЕПАХА

Сказка маконде

Однажды случился в лесу пожар: загорелась сухая трава. Все звери испугались и бросились бежать, а черепахе с ее коротенькими ножками как уйти от огня?

Огонь все ближе к ней подбирается, вот-вот настигнет — и сгорит бедная черепаха. Пробегала мимо гиена, черепаха ее просит:

— Пожалей меня, подруга, вынеси из огня!

Засмеялась гиена и побежала дальше.

А огонь все ближе.

Смотрит черепаха — бежит леопард. Черепаха к нему — просит спасти ее. Взял леопард черепаху, посадил на самое высокое дерево, а когда прошел огонь, вернулся, снял с дерева и опустил на землю.

— Позволь отблагодарить тебя за твою доброту,— сказала ему черепаха.

Собрала она пепел от сгоревшей травы, разбавила водой и подошла к леопарду.

— У тебя доброе сердце, поэтому и ходить ты должен в красивой одежде.

Разрисовала ему шкуру черными узорами, и стал леопард с тех пор таким красивым.

Когда повстречала его гиена, спросила удивленно:

— Дружище, где ты раздобыл такой красивый костюм?

Ответил леопард:

— Это подруга моя, черепаха, мне его подарила.

Побежала гиена к черепахе и попросила, чтобы та и ей сделала такой же костюм, как у леопарда.

— У тебя злое сердце,— сказала ей черепаха,— поэтому и одежда твоя будет совсем другой.

И пеплом нарисовала на шкуре гиены черные некрасивые полосы.

КАК ЛЮДИ ДОБЫЛИ ОГОНЬ

Сказка чагга

Раньше у людей не было огня. Они вынуждены были есть мясо и бананы сырыми, как павианы.

Однажды, как всегда, дети погнали скот на пастбища и взяли с собой сырую пищу. Там они вырезали себе стрелы и стали играть. Один мальчик положил стрелу на кусок дерева кихомбо*,

которое там лежало, и начал крутить стрелу в руках. Стрела нагрелась, и мальчик крикнул товарищам:

— Кто хочет потрогать?

Дети подошли, и он прикоснулся к ним нагревшейся стрелой. Дети вскрикнули и разбежались. А мальчик стал вертеть стрелу еще сильнее, чтобы она нагрелась еще больше, а потом снова дотронулся до детей. Тогда и они стали помогать ему и предложили:

— Давайте нагреем еще сильнее.

Они снова начали вертеть стрелу — тогда появился дым. Клочок сухой травы, лежащей внизу, начал тлеть. Дети принесли еще травы, чтобы увидеть больше дыма и повеселиться. И в то время как они стояли и смотрели, вверх взметнулось пламя — пшш... пых! Оно осветило и поглотило траву, стало расти и уничтожило кустарник и все время гудело и трещало: во-во-во-во-во, будто проносилась буря.

Люди со всей округи сбежались сюда, смотрели на пламя и говорили:

— А где же те, кто послал нам это чудо?

Потом они отыскали детей и закричали:

— Откуда вы взяли это чудо?!

Взрослые были очень рассержены, и дети испугались. Но они все-таки взяли свои деревяшки и показали, как их вертели. И тогда снова вспыхнуло пламя. Взрослые закричали:

— Что вы наделали! То, что вы придумали, уничтожит всю нашу траву и деревья!

О том, что огонь может сослужить и добрую службу, взрослые узнали, когда дети стали искать на месте пожарища принесенную на пастбище пищу. Дети сказали:

— Подите-ка сюда, взгляните: всю нашу еду уничтожил Вово! — Они назвали огонь Вово потому, что когда он горел, то гудел: во-во-во-во.

Однако, когда дети, проголодавшись, все же попробовали бананы, то обнаружили, что они стали намного мягче и слаще, чем были. Они снова развели небольшой огонь и положили в него бананы — и снова нашли, что бананы стали вкуснее.

И тогда все люди понесли Вово домой и стали печь на нем свою еду.

Однажды к ним пришел незнакомец, отведал их еды и спросил:

— Как вы это готовите?

Тогда ему показали огонь. Незнакомец пошел домой и взял козу, чтобы обменять ее на огонь. Он повстречал другого человека, и тот спросил его:

— Куда это ты идешь с козой?

А незнакомец ответил:

— Я иду к Вово и возьму у него для себя немного огня.

Вот так и пришло много людей. Они купили огонь и разнесли его по всей земле. И они научились добывать огонь из кусков дерева трением. Мягкое дерево они назвали кипонгоро, а другое — овито. Эти две деревяшки они стали держать наготове на полу хижины и говорили:

— Это на случай, когда наступит долгая ночь и все люди будут спать, так что никто не сможет достать огня у соседа.

КАК ПРОИЗОШЛИ ЛЮДИ

Сказка акамба

Самые первые люди вышли из термитника. Это были мужчина и его жена и еще муж с женой.

С неба спустилась еще третья пара; при них были корова, овца и коза. Родственники небесной пары назывались племенем духов и были очень богаты.

Спустившиеся с облаков построили деревню в Нзауе*. Всякий, кто придет туда, может увидеть высоко на скале следы первого небесного мужчины, следы его коз и овец.

Сын небесных родителей женился на дочери человека, вышедшего из термитника. Этой паре выделили скот. А сын одного из тех, кто вышел из термитника, взял в жены дочь небесного мужчины, и этой паре тоже дали скот.

Много потом родилось детей, и людей стало много. И вдруг наступил голод. Некоторые люди снялись с места и ушли далеко в лес — там построили свои жилища. И одни люди стали племенем масаи, а другие — кикуйю.

СОБАКА И КОТ

Сказка суахили

Было такое время, когда выслеживать добычу по запаху умел только кот.

Подумала собака: «Повезло коту, что он умеет находить съестное по запаху. Другим-то зверям обязательно нужно увидеть его!»

Решила собака попросить кота научить ее отыскивать разные вещи и находить дорогу по запаху.

Кот согласился. Поселилась собака у кота, и стал он обучать ее.

Вот прошло некоторое время, и собака решила: довольно ей учиться, она и так уже все знает.

— Пора,— говорит собака коту,— домой возвращаться. Я теперь сама могу по запаху отыскать себе пропитание.

— Да ты еще не все премудрости знаешь,— ответил ей кот.— Подождать бы тебе немного!

Но собака настаивала на своем.

— Хорошо,— решил кот,— отпускаю тебя, но только не сегодня, а завтра.

А сам рано-рано утром и говорит кошке:

— Если собака станет спрашивать меня, скажи, что я на охоте. Пусть там меня отыщет.

Очень хотелось коту проверить, чему же научилась собака за время учения.

Кошка так и сделала.

Принюхалась собака, учуяла запах кота и пошла в лес по этому запаху. Долго она шла и пришла как раз к тому месту, где кот незадолго до того спрятался. А след свой он так оборвал: прыгнул с одного большого камня на другой, вбежал в нору с одной стороны, выбежал с другой, а потом вскочил на баобаб и затаился там.

Собака умело распутывала следы, а вот когда подошла к баобабу, растерялась. Как быть дальше — не знала.

Нюхала она все вокруг, нюхала, глядела, глядела по сторонам, а учуять кота так и не смогла.

А кот сверху все наблюдает. Видит, не может собака его отыскать, и кричит:

— Ну, где я?

Вот что получилось из-за того, что собака поспешила, бросила учение посередине.

— Сейчас, собака, ты умеешь находить по запаху то, что на земле. А на дереве отыскать — тебе уж не под силу! Это потому, что поспешила ты! Не успел я тебя всему научить,— сказал кот.

Так до сих пор собаки и не умеют влезать на деревья за добычей.

КАК МАНГУСТ ПЕРЕХИТРИЛ КРОКОДИЛА И ЛЕОПАРДА

Сказка чокве

Произошло это давным-давно, в то старое доброе время, когда звери еще разговаривали.

Жил-был маленький хитрый мангуст, и была у него большая красивая охотничья собака. Верой и правдой служила собака своему хозяину. Каждый день, шел ли дождь, палило ли солнце, трудолюбивый пес отправлялся на охоту и всегда возвращался

с добычей. И не с какой-нибудь, а крупной добычей! Он приносил не меньше десяти—двенадцати штук самого разного зверья. Очень гордился им мангуст. Во всей округе только у него одного и был такой славный пес. И хотя говорят: «Добрая слава лежит, а дурная по дорожке бежит»,— о собаке мангуста по всем окрестным деревням и селениям пошла добрая слава. Узнали о ней даже в горах, лощинах и ущельях жившие там искусные звери-охотники.

Узнал о ней и крокодил — не менее искусный охотник, вернее, разбойник и гроза здешних речных просторов. А как узнал, решил наведаться к мангусту, проверить, так ли это? Верно ли говорят звери?

Мангуст принял крокодила гостеприимно, предложил циновку.

— Слышал я,— сказал крокодил, как только ступил на порог дома,— про твою собаку. Плетут такие небылицы, будто она каждый день тебе приносит десять—двенадцать штук всякого зверья. Так ли это?

— Ты спрашиваешь: «Так ли это?» — сказал мангуст.— По всему видно, не веришь ты тому, что всем хорошо известно. А собаку мою всякий знает — о ней только и судачат в наших краях.

— Нет, я верю,— сконфуженно ответил крокодил, видя, как превратно истолковал его слова мангуст.— Я спросил: «Так ли это?» — лишь потому, что не всегда верю слухам.

— Этим слухам можешь верить. Чистую правду говорят звери. Такая собака,— продолжал мангуст,— подарок судьбы. Ей цены нет! Она кормит и меня, и всех жителей моей деревни.

— А скажи, пожалуйста, какая она из себя? Чем она отличается от своих собратьев?

— Хм! Чем отличается? Это породистый пес! Что может быть у него общего с собачьей сворой?!

— Как бы мне хотелось хоть одним глазком глянуть на нее. Покажи, сделай милость...

— Да ее ж нет дома. Она еще с охоты не возвращалась.

— Хотел бы я иметь такую собаку. Может, продашь, а? — решил попытать счастья старый пройдоха, надеясь как-нибудь обмануть мангуста.

Забыл лукавый обманщик, что мангуст мал, но хитер.

— Если сказать правду, я продавать ее не собирался. Но раз тебе так загорелось... И потом, если добычу ты будешь делить пополам, а с собакой хорошо обращаться... Почему не продать?!

— А запросишь сколько?

— Да пять-то коз взять надо.

— Дороговато...

— Дороговато?.. Дело твое, можешь не покупать собаку, пусть козы твои на охоту ходят. Только сделка выгодная! Через

два-три дня ты поймешь, что я тебе ее отдал даром. Ведь каждый день она столько добычи приносит! В корень смотреть надо. Но знаешь, не я к тебе пришел в дом, а ты, не я тебе навязываю собаку, а ты просишь продать ее. Не сошлись в цене — всего хорошего. Ты оставайся при своем, а я при своем, и делу конец!

Крокодил улыбнулся: он счел, что дело сделано, ведь мангуст согласился продать собаку. А цена? Пять коз так пять коз! Лишь бы этот плюгавец не передумал, и крокодил отправился за козами.

Вот тут улыбнулся мангуст. Нет, не улыбнулся, а засмеялся. Нет, не засмеялся, а захохотал и хохотал долго, до упаду: ловко он обставил зеленого, тот даже не увидел собаки, которую торговал.

Спустя час мангуст совсем уж было собрался на охоту со своей собакой, глядь — идет леопард к его дому.

По всему видно, торопится, боится опоздать. И вид такой озабоченный.

Мангуст припрятал собаку — зачем выставлять напоказ свое добро? — уселся важно у порога и стал поджидать знатного гостя — все-таки гроза здешних лесов и полей. Поджидая, он набил трубку, раскурил ее и несколько раз с наслаждением затянулся.

Пятнистый поздоровался с мангустом, и тот предложил ему циновку и трубку в знак уважения. Пуская дым из ноздрей, леопард стал рассказывать мангусту все известные ему сплетни. Болтал, болтал, заговаривая зубы хозяину дома, потом не выдержал и спросил напрямик:

— Слышал я, у тебя охотничья собака что надо! Не продашь ли?

Мангуст пожал плечами, затянулся, закашлялся, сплюнул и сказал, уставившись на собеседника:

— Ну, верно, есть у меня собака, но какая нужда мне ее продавать? Ты же знаешь, второй такой нет в наших краях. Она меня кормит.

— Не врут звери,— вздохнул леопард.— Посмотреть бы на нее.

— За посмотр денег не беру, пожалуйста. Только она еще с охоты не вернулась, и когда вернется — не знаю. Продать! Тоже скажешь... Кто ж даст цену хорошую? Вот ты, например, разве заплатишь как следует?

— Почему нет? Такая собака стоит немало, это я знаю. Говори: сколько хочешь? — сказал леопард, впившись взглядом в мангуста.— Ну, твоя цена?

Очень он надеялся, что сумеет обвести вокруг пальца эту малявку: заплатить часть, получить собаку и... поминай как звали. Где мангусту тягаться с леопардом?

— Давай пять коз.

— Ну, если ты так хочешь, будь по-твоему.

Довольный собой и тем, как ловко он сумел уговорить мангуста, чтобы тот продал собаку, леопард скрылся в лесной чащобе, и не успел мангуст до трех сосчитать, как у ног его лежали пять коз, одна другой упитаннее. Мангуст отправил их в загон, а сам, любезно поблагодарив леопарда, сказал:

— Ну вот теперь все в порядке: козы — мои, а собака — твоя!

— Собака-то моя, а только где она? — с нескрываемым беспокойством спросил леопард.

— Как где? Я ж тебе сказал: на охоте. Иди-ка сюда. Вон видишь,— и он махнул в ту сторону, куда уполз крокодил,— там поблескивает река, вот оттуда и должна она прийти. Но тебе лучше спрятаться здесь в кустах и выждать, пусть поближе подойдет, а тогда бери ее. Только удержишь ли? Она ведь очень сильная. Придется и зубы и когти в ход пустить.

— Не беспокойся, за этим дело не станет. Ты только скажи точно, где мне спрятаться. Никто еще не усомнился в моей силе,— кичливо сказал леопард.

Мангуст не сомневался: леопард не даст маху, да и крокодил не спасует. Особенно страшна у крокодила пасть. А так как леопард не знал, как выглядит собака, мангуст описал ему во всех подробностях внешность крокодила, еще раз заметив:

— Зла очень, будь осторожнее, замешкаешься — не миновать беды!

Терпеливо и внимательно выслушал советы мангуста пятнистый леопард и залег в кустах, которые указал ему хитрец.

Между тем мангуст, поджидая крокодила, предвкушал, как схватятся два матерых разбойника.

Крокодил был легок на помине, как раз в тот самый миг он положил на порог своих коз. Мангуст отвел их в загон, вернулся к крокодилу и сказал:

— Дело сделано. Теперь козы — мои, а собака — твоя!

— Ну, раз собака моя, скажи, где она,— спросил крокодил.

— Вон видишь кусты? — И мангуст указал крокодилу то место, где укрылся леопард, а так как зеленый не знал, как выглядит собака, мангуст точь-в-точь описал внешность леопарда и добавил: — Смотри будь осторожен. Она так просто в руки не дастся, у нее такие зубы и такие когти...

— А, ерунда... Никакие зубы и никакие когти для меня не опасны. Мою ведь кожу не прокусишь!

— Ах да, конечно. И потом, это уж твоя забота, мое дело предупредить.

Не медля более, крокодил пополз навстречу леопарду.

А мангуст свистнул собаку, подхватил свои пожитки, десять

коз вперед пустил и отправился в путь — искать новое пристанище. Он шел и весело пел:

Счастливо оставаться,
Бороться и сражаться,
Зеленый крокодил,
Пятнистый леопард...

А зеленый крокодил и пятнистый леопард и вправду сражались, и сражались не на живот, а на смерть. Молча, упорно изматывали они друг друга, и ни тот, ни другой уступить не хотел. Спустилась ночь, забрезжило утро, наступил новый день, а они все сражались, и казалось, этому побоищу конца не будет. Лишь к исходу второго дня, когда дневное светило угасло, увидел крокодила и леопарда человек.

— Чем вы досадили друг другу и почему бьетесь так страшно? — спросил он.

Услышав человеческий голос, крокодил и леопард прекратили сражение, и каждый стал доказывать свою правоту.

— Это моя собака,— сказал леопард,— я купил ее у мангуста, отдав пять коз.

Зеленый возмутился:

— Что ты сказал? Я — твоя собака? Я не собака, а крокодил! Это ты моя собака, я купил тебя у мангуста. Пять коз ему дал.

— Чушь какая! Я — леопард,— сказал пятнистый.

Человек весело смеялся, слушая их перебранку, а потом заметил:

— Здорово провел вас маленький мангуст. И коз получил, и собаку себе оставил. Ох, не надорвал ли он себе живот от смеха, потешаясь над вашей глупостью!

А крокодил и леопард, поняв, что они обмануты, бросились к мангусту, но того уже и след простыл. Хитрец был далеко, и сколько они ни искали его и кого только ни спрашивали, никто его даже в глаза не видел.

Сбежать-то он сбежал, но зло, сотворенное им, его преследует: крокодил и леопард с той поры ищут хитрого мангуста, чтобы наказать по заслугам.

ХАМЕЛЕОН И ДРЕВЕСНАЯ ЯЩЕРИЦА

Сказка чокве

Давным-давно, когда звери умели говорить, Нонгвена-хамелеон смастерил улей, чтобы круглый год лакомиться медом. С трудом укрепил он этот улей на дереве и привязал толстыми

лианами, чтобы его не повредили дикие звери или ветер, а потом спустился с дерева и, довольный собой, вернулся домой.

Прошло несколько дней. Хамелеон наведался в лес посмотреть, как обстоят дела, и, к своей радости, увидел, что в улье уже поселился большой пчелиный рой; пчелы усердно трудились, приготовляя сладкий, душистый мед.

Забыв обо всем на свете, Нонгвена любовался труженицами-пчелами: одни возвращались, неся в хоботке пыльцу, другие вылетали из улья, чтобы ее собрать. Долго смотрел на них хамелеон, пока у него в глазах не зарябило, и тогда он отправился восвояси. С тех пор всякий раз, проходя мимо дерева, он присаживался поблизости — понаблюдать за работой пчел.

Прошло три месяца, срок достаточный, чтобы соты наполнились медом, и Нонгвена решил, что пора доставать мед. Он взял большой нож, корзинку и калебасу и направился в лес.

По дороге Нонгвена сорвал пучок сухой травы, свил из него тугой жгут, чтобы зажечь принесенной из дому головешкой и выкурить дымом пчел. Подойдя к дереву с ульем, он запалил жгут и начал карабкаться наверх. Добравшись до улья, он глазам своим не поверил: кто-то опередил его и забрал мед. Хамелеон ужасно огорчился и стал думать, как ему отыскать вора.

Мед был украден не весь, и Нонгвена понял, что вор не новичок в подобных делах и поймать его с поличным не так-то просто.

Спустившись с дерева, хамелеон хорошенько все обдумал. Он сходил домой, запасся провизией на три-четыре дня и спрятался в дупле огромного дерева, откуда мог днем и ночью наблюдать за ульем.

В тот вечер и в ту ночь никто не появлялся. На следующий день тоже никто не пришел, и Нонгвена даже стал опасаться, уж не предупредил ли кто вора. Но на рассвете третьего дня хамелеон увидел, как по дереву проворно взбирается древесная ящерица. Она сняла крышку улья, вынула соты и уселась лакомиться медом прямо на дереве — даже пчелиные укусы ей были нипочем.

Нонгвена слез с дерева и закричал:

— Так это ты воруешь мой мед?!

— И ты еще смеешь обвинять меня в воровстве? Ведь это же я построила улей! — накинулась на него ящерица Шиква Ша Мукала, прикидываясь обиженной.

— Как только у тебя язык поворачивается такое плести?! Неужели тебе не стыдно?!

— Вот наглец! — воскликнула ящерица, закрывая улей крышкой. Она слезла с дерева и напустилась на хамелеона: — Ты что это себе воображаешь? Если у тебя такие глаза, что каждый смотрит куда хочет, если ты, чуть что, меняешь цвет кожи, так, значит, ты умней всех?! Ну, не со мной тебе тягаться! Убирайся, пока цел!

— В жизни не видывал таких нахалок! — вскричал Нонгвена.— Мало того, что ты стащила мой мед, так еще смеешь оскорблять меня! Я не стану унижаться и спорить с тобой! Да, у меня глаза не то что ваши, я могу одним глазом смотреть вправо, а другим назад! И бог Нзамби* не зря послал мне дар менять окраску! И ты завидуешь мне, потому что ты жалкое, презренное существо! Только и умеешь, что присваивать себе чужое добро да еще оскорблять законного владельца! Сейчас я созову всех зверей. И пускай самые умные, могущественные и благородные разрешат наш спор.

— Что ж, зови,— согласилась древесная ящерица, а сама знай обсасывает сладкие соты.

Хамелеон своей обычной неторопливой поступью направился в лес, а Шиква Ша Мукала осталась на дереве лакомиться сотами.

Вскоре на поляне начали собираться звери, чтобы принять участие в судилище. Один за другим подходили они и рассаживались вокруг дерева, где сидела Шиква Ша Мукала, а та преспокойно продолжала есть и перестала, лишь когда вернулся Нонгвена в сопровождении льва, слона, леопарда, пантеры, бегемота и антилопы.

Увидя царя зверей и могущественных правителей лесного царства, ящерица слезла с дерева. Все разговоры вокруг сразу прекратились.

Лев был назначен председателем суда, слон и бегемот — его помощниками; присяжными заседателями выбрали леопарда, пантеру, крокодила, змею, носорога, дикобраза. Нонгвена предупредил, что дело предстоит разбирать серьезное: речь идет не только о краже, но и об оскорблении достоинства. Нонгвена и ящерица Шиква Ша Мукала сидели перед судьями, за ними полукругом расположились остальные звери, а птицы усеяли ветви ближайших деревьев.

Лев подозвал антилопу и велел ей допросить сначала Нонгвену, а затем Шикву Ша Мукалу, чтобы разобраться, кто же из них прав.

Антилопа подошла к хамелеону и спросила:

— В чем ты обвиняешь древесную ящерицу?

— Я вам уже сказал, что построил улей, вот он висит на ветвях,— начал хамелеон, указывая в сторону дерева.— Приладил я его на дереве, а сам вернулся домой обождать, пока там поселится пчелиный рой. Уж так я обрадовался, увидев, что в улье пчелы, просто и сказать не могу. Месяца три я прождал, прежде чем решился взять меду поесть да приготовить хмельного, как у нас все делают.

— Да, все мы так делаем! — хором закричали звери.

— Что за шум! Замолчите сейчас же! — рыкнул на них лев. И, обращаясь к хамелеону, сказал: — Продолжай свой рассказ, благородный господин!

— Продолжаю, благородный господин и повелитель,— ответил хамелеон.— Когда наконец я надумал заглянуть в улей, меда там почти не осталось, и тогда я спрятался вот в этом дупле,— он указал на дерево неподалеку от улья,— чтобы подкараулить вора.

— И подкараулил? — спросила антилопа.

— Как видите,— кивнул хамелеон в сторону ящерицы.

Пока хамелеон рассказывал, Шиква Ша Мукала хранила молчание, но, почувствовав, что все ее осуждают, она заговорила:

— Дело было вовсе не так. И никакая я не воровка. Улей-то мой!

Свидетелей ни у хамелеона, ни у ящерицы не нашлось. Никто не видел, как строился улей, и после разъяснения ящерицы все призадумались. Члены суда вполголоса посовещались между собой и решили прибегнуть к хитрости. И вот слон сказал Шикве Ша Мукале:

— Ты утверждаешь, что улей твой. Тогда покажи нам, как ты укрепляла его на дереве.

Проворная ящерица, не раздумывая, схватила палку, словно это был улей, и в одно мгновение взобралась на дерево. Ей и в голову не пришло, что таким образом никогда бы не удалось втащить улей наверх: слишком он тяжелый.

Оказавшись наверху, Шиква Ша Мукала неуверенно пробормотала:

— Вот так я втащила улей.

— Спускайся, мы уже насмотрелись на твою ловкость.— насмешливо заметил слон. И, подмигнув Нонгвене, попросил хамелеона: — Не покажешь ли, как ты взобрался и установил на дереве улей?

Со свойственной ему неторопливостью хамелеон привязал за один конец веревки палку, как если бы это был улей, и начал карабкаться по стволу, держа в зубах свободный конец веревки. Так он переставлял сначала одну, потом другую ногу, пока не достиг вершины. Очутившись наверху, Нонгвена подтянул палку, прикрепил ее к ветке и вздохнул:

— Вот так я взобрался на дерево и поднял улей.

— Ты говоришь правду. Улей твой. Шиква Ша Мукала — лгунья и обманщица! — в один голос воскликнули лев и другие члены почтенного суда, а за ними и остальные звери и птицы, присутствовавшие на судилище.

— Спускайся с дерева, господин,— сказал лев.

С неизменным своим спокойствием и медлительностью Нонгвена спустился по стволу и уселся напротив обвиняемой. Ящерица не знала, куда деваться от стыда: все смотрели на нее с осуждением.

После совещания со слоном, бегемотом и другими членами суда лев заявил:

— Суд считает доказанным, что Шиква Ша Мукала виновна, и я, как верховный судья, выношу следующий приговор: установлено, что улей принадлежит хамелеону Нонгвене, а не Шикве Ша Мукале. Древесная ящерица Шиква Ша Мукала приговаривается к штрафу за воровство. В возмещение причиненного ущерба она должна отдать Нонгвене в нашем присутствии три козы. Суд предупреждает ее, что за повторное преступление она поплатится головой.

При этих словах ящерица задрожала от страха; она тут же привела трех коз и при свидетелях отдала их Нонгвене.

С тех пор древесная ящерица всегда сторонится обитателей леса — торопится пробежать мимо, ни на кого не глядя, потому что ей до сих пор стыдно, а хамелеон ходит не спеша и смотрит всем прямо в глаза: ведь он не вор и не лжец.

ТРИ КАЛЕБАСЫ

Сказка каонде

Вскоре после того как Леза* сотворил двух первых людей — Мулонгу и его жену Мвинамбузи, он повелел призвать к нему медовую птицу Майимбу. Когда Майимбу предстал перед Лезой, бог дал ему три калебасы. Все они были закрыты с обоих концов.

— Передай их Мулонге и Мвинамбузи,— повелел Леза,— и скажи им, что они могут открыть без меня только вот эти две калебасы. В них хранятся различные семена. А третья калебаса пусть остается закрытой, пока я сам не спущусь на землю и не разрешу открыть ее.

По дороге Майимба не смог сдержать любопытства и стал открывать калебасы одну за другой. В первой и во второй он увидел семена. Майимба заткнул эти калебасы и открыл третью. И тут из нее посыпались болезни и смерть, страшные хищные звери и опасные пресмыкающиеся. Майимба не успел схватить их и спрятать обратно в калебасу. Тут появился Леза. Он попытался помочь Майимбе. Но, хотя они и видели льва в его логове, змею в ее норе, они не сумели схватить их.

— Ты очень виноват и ответишь за все,— сказал тогда Леза Майимбе.

Майимба очень испугался и улетел в лес. С тех пор он больше не живет среди людей.

Потом Леза пришел к Мулонге и его жене и сказал им:

— Майимба причинил вам великое зло. Я послал его передать вам калебасы и строго-настрого запретил открывать третью калебасу. Но он ослушался меня, открыл калебасу и выпустил на землю болезни, смерть, хищников — львов, леопардов, а так-

же змей и других пресмыкающихся. Я ничем не могу помочь вам — звери разбежались, и я не сумел поймать их. Поэтому отныне людям придется строить для себя дома и жить в них, чтобы укрываться от опасностей.

КАПУМБУ И ЗВЕРИ

Сказка балуба

Созвал однажды капумбу всех зверей и говорит:

— Нет среди вас ни одного, кто мог бы съесть больше, чем я. Вы уже все насытитесь, а я все буду есть, есть и есть.

Тут поднялся лев:

— Я могу потягаться с тобой!

Начали они. Долго ели, наконец лев запросил пощады, а капумбу продолжал уплетать как ни в чем не бывало.

Вызвался тогда леопард:

— Я сумею тебя одолеть!

Но и леопард вскоре сдался.

Неудача постигала каждого, кто пытался съесть больше капумбу, все крупные звери потерпели поражение. И вдруг поднимается козел:

— Господин капумбу! Можно, я попробую? Глядишь, и одолею тебя!

— Что ж, попробуй! — отвечает капумбу.— Все большие звери не могли победить меня, куда уж тебе?!

Начали они. Полдень наступил, а козел все жует. Дело к вечеру идет, козел не сдается.

Ночь наступила, время пришло расходиться по домам. Звери и говорят:

— Завтра уж продолжите спор. А сейчас спать пора, отправляйтесь-ка вы вдвоем в пещеру.

Улеглись капумбу и козел спать. Просыпается ночью капумбу, слышит, козел жует. А что в пещере жевать, кроме камней? Испугался капумбу: «Уж если этот парень камни жует, то что ему стоит меня съесть вместе с бивнями?!» Выбрался он из пещеры наружу, улегся спать подальше от козла.

Утром приходят звери. Увидев капумбу, удивились:

— Что это ты здесь разлегся? Чем тебе плохо было в пещере?

А капумбу отвечает:

— Ночью, как ни проснусь, козел все жует да жует. Спрашиваю его: «Чего ты все жуешь?», а он отвечает: «Камень». «Ого! — думаю.— Разделается козел с камнем, за меня да за мои бивни примется». Вот и ушел из пещеры.

Засмеялись звери:

— Всех нас ты одолел, а козел-то тебя победил! И не станем

мы теперь называть тебя капумбу с бивнями! Будешь ты теперь просто слоном. А твое бывшее имя — капумбу — дадим козлу, будет он у нас — капумбу-козел.

Так закончился спор, и все разошлись по домам.

КАК ЗАЯЦ СТАЛ ВОЖДЕМ ВСЕХ ЗВЕРЕЙ

Сказка ламба

Однажды заяц созвал всех зверей и сказал:

— Давайте наварим пива, поставим его под огромным деревом и спросим у тех, кто живет там, на небе, кому быть вождем здесь, на земле.

Все согласились и назначили день.

А на рассвете того дня заяц посадил на дерево своего брата, тоже зайца.

Вот собрались все звери — были тут и слон, и лев, и носорог,— сварили пиво, поставили его под деревом. Только начали пить пиво, а заяц и говорит:

— Настало время спросить: кому быть вождем здесь, на земле?

Поднялся слон и крикнул:

— О, вы там, наверху, в деревне наших предков! Кому быть вождем здесь, на земле?

Но никто не ответил сверху; стояла тишина.

Тогда заяц сказал:

— Они не отвечают тебе. Значит, не признают тебя! И не быть тебе вождем!

Поднялся лев и закричал:

— О, вы там, наверху, в деревне наших предков! Кому быть вождем здесь, на земле?

И снова ответом было молчание.

А заяц опять говорит:

— И тебе не быть вождем!

Теперь уж сам заяц поднялся:

— Это я, заяц, кричу. Кому быть вождем здесь, на земле?

И услышали звери, как сверху раздался голос:

— Тебе, почтенный заяц, тебе! Тебя мы оставляем вождем там, на земле!

Заяц оглядел всех важно:

— Ну, теперь вы слышали?

И все согласились. А слон сказал:

— Воистину ты вождь, так сказали нам сверху!

Поднялись все звери, поклонились зайцу — своему вождю.

И сказал тогда заяц:

— Теперь иди за мной, народ мой!

ДВА ГЛУПЦА

Сказка ламба

Жили-были два человека. Отправились они однажды путешествовать. Один шел впереди, а другой за ним. Когда первый пришел в деревню, он сказал:

— Передайте дурачку, который идет сзади, пусть поторопится!

Вот подошел к деревне второй человек, увидал людей и спрашивает:

— Что, дурачок уже прошел здесь?

Удивились люди и говорят:

— Да эти парни оба дураки!

ДВУЛИКАЯ НГИ

Сказка бети-булу

Нги-мбаба, летучая мышь, родилась с пастью, полной зубов, и с двумя крыльями. В лесу долго не могли разобраться, кто же Нги-мбаба такая: зверь или птица? Хитрая Нги долго этим пользовалась. Устроят птицы пир, Нги тут как тут: у нее же птичьи крылья! Начнут звери делить добычу, Нги спешит за своей долей: у нее же зубастая пасть!

Когда же нечем было поживиться, Нги не появлялась ни там ни тут.

В лесном народе только и было разговоров, что о странном поведении Нги. Но всему приходит конец.

Однажды объявил Энгуду-страус, верховный вождь птиц, что собирает свой народ — важные дела предстоит решать. Позвали гонцы и Нги-мбабу. Да только не прилетела она на общий птичий сбор.

— Не о чем,— говорит,— мне с вами беседовать! У вас и пасти-то нет, один клюв! А у меня вон сколько красивых зубов, беленьких да остреньких! Нет у меня с вами ничего общего!

А тут как раз Энгбеме-лев, верховный вождь всех зверей, созвал свой народ на общий сбор — важные дела предстоит решать. Позвали гонцы и Нги-мбабу, но она и не подумала прийти.

— Не о чем,— говорит,— мне с вами беседовать! Что у нас общего? Летать вы не умеете, знай бегаете на четырех лапах! У меня-то вон какие прекрасные крылья!

Тогда Энгуду-страус исключил Нги-мбабу из племени птиц, а Энгбеме-лев выгнал ее из звериной семьи.

Вскоре после этого устроили птицы праздник. Каждому раздавали угощение. Нги явилась на праздник первой.

К сказке «Падчерица».

— Ведь у меня чудные крылья, совсем как у настоящей птицы! — рассуждала она.

Энгуду-страус велел ей открыть рот.

В ответ Нги-мбаба добросовестно обнажила ряд белых зубов.

— Взгляни на меня,— сказал тогда Энгуду-страус.— Разве у меня в клюве есть зубы? Иди же к тем, у кого, как и у тебя, зубов полон рот! Ты не из нашего народа!

Так ни с чем и воротилась домой Нги-мбаба.

А через несколько дней Энгбеме-лев объявил праздник зверей, где каждого ждало вкусное угощение.

Опять Нги-мбаба примчалась первой. Но Энгбеме-лев встретил ее с удивлением. Он рассадил всех животных по семьям, но ни в одной семье не нашлось места для летучей мыши: рогов у нее не было, копыт тоже. Не оказалось у Нги-мбабы и других примет, по которым звери легко узнают друг друга.

Напрасно она всем показывала свои зубы. Энгбеме-лев грозно приказал ей удалиться.

Так и стала Нги-мбаба отшельницей — зубастый незверь, крылатая нептица, странное существо, которое не захотели принять в свое племя ни птицы, ни звери. С того самого дня летучую мышь и называют Нги двуликой.

ПОЧЕМУ МУЖЧИНЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ БОЛТЛИВЫМИ

Сказка чокоси

Жил-был один могущественный вождь, и был у него сын — гордый и своенравный юноша. Он рос один у отца с матерью, и они любили его больше жизни, всегда и во всем ему уступая. Однажды юноша сказал отцу:

— Отец, я уже настоящий мужчина, а своего коня у меня нет. Подари мне хорошего коня! — И ласковым голосом, против которого никогда не могла устоять его мать, добавил: — А чтобы я был достоин тебя, отец, пусть этот конь будет быстрый, как молния, чтобы каждый, едва взглянув на меня, знал, что перед ним сын вождя.

Царь приказал своим рабам привести из конюшни коня, черного, как ночь. Но вместо того чтобы поблагодарить, как положено, отца, юноша заявил:

— Надо еще посмотреть, подойдет ли он мне.

Он вынес во двор мешок с хлопком, вскочил на коня и приказал подать ему факел. Затем наклонился в седле, поджег факелом хлопок, пришпорил коня и исчез в облаке пыли. Юноша доскакал до дальней деревни — пешком до нее и за день не доберешься,— там повернул коня и примчался обратно ко дворцу.

Спешился, подбежал к мешку, а хлопок весь сгорел, остался лишь маленький кусочек. В гневе юноша воскликнул:

— Этот черный конь настоящая черепаха! Не пристало мне на нем ездить!

Приказал вождь привести другого коня, белого, как облако. В тот же миг юноша вскочил на него, поджег хлопок в новом мешке и, пришпорив коня, исчез вдали. Когда он возвратился, сгорело полмешка хлопка. Юноша был вне себя от гнева:

— Что это?! Уж не решил ли отец посмеяться надо мной? Этот белый конь ползет, как бык. Мне ли на нем ездить?!

Снова вождь послал рабов в конюшню — на этот раз за конем, огненным, как рассекающая небо молния. Это был такой горячий конь, что многие не осмеливались даже подойти к нему. Люди поговаривали, что в этого коня вселился сам дух саванны, лучше держаться от него подальше.

Юноша вскочил на огненного коня и скорей поджег мешок с хлопком. Не успел он и пришпорить своего скакуна, как тот взвился в воздух и исчез вместе с всадником. Пламя едва поднялось над хлопком, когда юноша, громко смеясь от счастья, вновь появился на своем коне:

— Спасибо, отец! Вот наконец конь, достойный меня. На нем я облечу весь белый свет. Решил я отправиться в долгое странствие, посмотреть, как люди живут.

И, махнув на прощание рукой, юноша опустил поводья и умчался на огненном коне.

Три дня и три ночи неслись они сквозь тучи в бешеной скачке. На четвертый день конь замедлил бег и опустился на землю. Юноша оказался в удивительном краю, где люди сеяли небесные семена. Сын вождя проработал с ними весь день и в благодарность получил несколько волшебных небесных семян.

Юноша вскочил в седло, и конь и всадник растаяли в сумерках.

На утро седьмого дня они оказались в огромной пустыне. Здесь люди сеяли воду. Целый день сын вождя усердно трудился с ними и в награду получил несколько зерен.

Понеслись они с огненным конем дальше и на утро девятого дня остановились в царстве равнин, где люди сеяли горы. Юноша помог им и получил за это несколько чудесных семян. Когда же на небе взошла луна, он вновь тронулся в путь на своем волшебном коне.

И вот на тринадцатый день пути конь опять остановился в каком-то селении. На небе сияли звезды, вокруг лежала темная ночь. Вождь проводил его в хижину для гостей и предложил ему поужинать. Юноша с радостью согласился, но коня на дворе не оставил: привязал поводья к двери и только тогда прилег отдохнуть. Вскоре появились слуги вождя. Они внесли большое блюдо с едой и, поставив его перед юношей, удалились. Только

он собрался подкрепиться, видит — грива у коня встала дыбом! Тут конь заговорил человеческим голосом:

— Не прикасайся к еде! Это ловушка! Знай, что ты попал к людоедам! Они заманивают к себе чужеземцев на ночлег, а на рассвете убивают их. Бежим скорее, или мы пропали!

Ужас охватил юношу. Стремглав вскочил он на коня, вонзил в него шпоры, и они взвились в небо.

На заре вождь людоедов пробрался к хижине гостя, а его и след простыл! Вне себя от ярости, приказал вождь позвать Кпабимблиге — могущественную колдунью, с которой не мог тягаться ни один из колдунов этого ужасного селения.

— Дерзкий чужеземец вообразил, что сможет от нас скрыться,— сказал вождь колдунье.— Лети за ним в погоню и доставь мне его живьем.

Кпабимблиге пробормотала под нос несколько слов и в тот же миг оказалась в ста шагах от огненного коня.

— Теперь не уйдете от меня! — крикнула она.

Юноша бросил наземь свои небесные семена, и тут же взошли небеса, заколосились густые тучи и спрятали юношу от колдуньи. В гневе Кпабимблиге прокричала волшебные слова, и тучи раздвинулись. Вновь колдунья настигла юношу, вот-вот схватит его!

В злобной ярости закричала колдунья:

— На этот раз ты попался! Никуда не денешься!

Бросил юноша семена вод, и за ним разлился бушующий океан. Но и это не остановило старуху: в кипящие валы по ее повелению с грохотом обрушились горы. По ним и помчалась колдунья за беглецами.

Видит огненный конь, что беда близка.

— Настал, видно, мой черед помочь тебе! Только не мешкай! Слезь с меня, собери сухой травы, разложи вокруг нас кольцом, подожги и скорей прыгай в седло!

Юноша вскочил в седло в ту самую минуту, когда Кпабимблиге, распевая песню победы, протянула к нему свою костлявую руку. Тут же волшебный конь прыгнул через пламя и исчез, унося своего седока. Вмиг домчались они до родного дома и здесь, перед дворцом, оказались наконец в безопасности.

Поняла Кпабимблиге, что на этот раз осталась ни с чем, но не захотела смириться. Обернулась она девушкой невиданной красоты и поспешила к юноше в селение. Окружили ее молодые люди, пораженные такой неземной красотой, а она никого не замечает, глаз не сводит с сына вождя. И он ее полюбил с первого взгляда. Не знал юноша, что это была злобная колдунья Кпабимблиге!

Сыграли свадьбу. Как-то вечером молодые сидели у себя в хижине, и красавица принялась расспрашивать мужа, как удается ему оберечь себя от смертельной опасности.

— Когда ты уходишь на охоту, я вся дрожу от страха. Скажи мне, что ты сделаешь, если вдруг на тебя нападет колдун или злой дух?

Юноша улыбнулся:

— Превращусь в дерево, вот и все.

— Ну а если вырвать из земли это дерево?

— Тогда я обернусь кустом!

— А если вырвать этот куст?

— Тогда я обернусь...

В эту минуту мать юноши воскликнула:

— Остановись, сын! Тайна, слетевшая с языка, уже не тайна. Ты и так сегодня слишком много болтаешь! Мужчина должен быть сдержан! Никогда вождь, твой отец, не болтал того, что не следует!

Стыдно стало юноше, и он не проронил больше ни слова.

С тех пор Кпабимблиге не находила себе места от злости. Поняла она, что не так-то легко выведать последнюю тайну мужа. Что же еще придумать?

И вот в одно прекрасное утро она упросила мужа сходить с ней в саванну за листьями баобаба для соуса. Ничего не подозревая, сын вождя согласился, и они отправились в путь.

Юноша вскарабкался на баобаб и начал рвать листья, бросая их вниз своей жене. Вдруг видит: а у подножия дерева не красавица жена, а ужасная колдунья Кпабимблиге. Сказал он заветные слова и в ту же минуту исчез.

Колдунья внимательно оглядела все вокруг и тут же заметила дерево, которого здесь не было. Обхватила его колдунья и вырвала из земли. Но дерево словно растаяло у нее в руках, а поодаль вдруг появился колючий куст. Вырвала его Кпабимблиге, а юноша обернулся маленьким колоском, который воткнулся в землю у самых ног колдуньи. Все глаза проглядела злобная Кпабимблиге, стараясь угадать, кем же на этот раз обернулся юноша, но так и не заметила колоска.

Поняла колдунья, что осталась ни с чем, и в ярости умчалась восвояси.

А теперь подумайте, что было бы с сыном вождя, если б он открыл свою последнюю тайну! Разве может мужчина быть болтливым!

КАКОГО ХАМЕЛЕОН ЦВЕТА?

Сказка бауле

Однажды бог Ньямье* направил на землю послов, чтобы они позвали к нему всех живущих на ней людей и животных.

Когда все собрались, Ньямье объявил:

— Пусть каждый из вас скажет, что бы он хотел иметь на земле. Я охотно все это вам разрешу.

Человек сказал:

— Мне хотелось бы жить в деревне и возделывать свое поле.

— А мы желаем жить в лесу,— заявили звери.

И только хамелеон не проронил ни слова.

— Ну а ты? — спросил Ньямье.

— Видишь ли,— ответил хамелеон,— я хотел бы, чтобы вообще всякое место, куда бы я ни пришел, принадлежало мне.

— Хорошо,— решил Ньямье.— Каждый получит то, что просил.

С тех пор люди живут в деревнях, а звери в лесу. Хамелеон же, куда ни придет, принимает окраску того места и потому всюду чувствует себя как дома.

КАК ПАУК ПРОГНАЛ ЛЕОПАРДА В ЛЕС

Сказка бауле

В ту пору, когда звери, подобно людям, мирно жили в деревнях, между ними как-то разгорелся великий спор. Паук утверждал, будто может поймать леопарда. Но ему, конечно, никто не верил, потому что леопард — самый отважный среди зверей и силен, как не многие.

Однако паук упорно стоял на своем. Он сплел корзину и пошел с ней к леопарду, что жил неподалеку.

— Послушай, леопард,— сказал он.— В деревне все надо мной смеются.

— Почему же? — спросил леопард.

— Я сказал — ты разумнее всех зверей и сумеешь поместиться даже в этой тесной корзине. Тогда все рассмеялись и говорят, что ты для этого слишком неуклюжий и жирный.

— Ах так! — воскликнул леопард.— Ну, это мы еще увидим! Смотри, как легко я влезу в нее! — И он втиснулся в узкую корзину.

— Остается только перевязать тебя,— заметил паук.— И тогда всякий убедится, что ты целиком уместился в ней.

Он обвязал корзину вдоль и поперек, взвалил ее на спину и отнес в деревню.

— Ну, что я вам говорил? — торжествовал паук.— Вот он, ваш леопард!

На радостях паук достал пальмовое вино и пригласил всех зверей на пирушку. Когда гости изрядно захмелели, он и говорит:

— А теперь, друзья, давайте заколем леопарда! Позовите моего сына да скажите — пусть прихватит из дому нож.

Паучонок принес нож и подумал, что надо перерезать веревки. Так он и сделал. Из корзины с ревом выскочил леопард и бросился на паука. Однако тот успел вместе с сыном спрятаться в калебасе. Леопард обыскал весь двор, но так и не нашел их.

Мучимый жаждой, он заглянул в калебасу, не осталось ли там немного вина. В калебасе же было совсем не вино, а перец.

Паук увидел через горлышко глаз леопарда, набрал полный рот перца и дунул ему прямо в глаз. Леопард скорчился от боли.

— Не иначе здесь все заколдовано,— простонал он.— Больше ни за что не вернусь в эту деревню.

И он убежал далеко в лес. Там он живет и по сей день.

ПОЧЕМУ У СВИНЬИ РЫЛО ВЫТЯНУТОЕ

Сказка бауле

Пришла раз свинья к слону и спрашивает:

— Скажи, что надо есть, чтобы стать таким огромным, как ты?

— О, это секрет,— ответил слон добродушно.— Впрочем, ладно. Если хочешь, я достану тебе это волшебное средство.

Он скрылся в чаще и вскоре принес откуда-то листья гбаньиги. Конечно, он не сказал свинье, где нарвал их.

— Каждый день я буду давать тебе немного таких листьев, и в конце концов ты станешь такой же большой, как я,— сказал слон.

С тех пор свинья ежедневно приходила к слону, получала у него несколько волшебных листьев и пожирала их. Через некоторое время она действительно начала расти и делаться похожей на слона. Она растолстела, рыло у нее вытянулось, появились небольшие клыки, глаза и уши тоже стали напоминать слоновьи.

«Все в порядке! — подумала свинья.— Скоро я сделаюсь такой же, как слон. Но я не буду без толку шататься по свету! Я всем покажу, что значит быть большим зверем!» Она задрала нос и перестала узнавать знакомых.

Однажды под вечер свинья пошла в лес накопать себе на ужин кое-каких кореньев. Она вела себя так, будто и в самом деле была уже большим и могучим зверем: громко топала, фыркала и чавкала, так что многие в страхе обходили это место.

Как раз в это время мимо проходил слон. Услышав странный шум, он остановился и спросил удивленно:

— Эй, кто там в чаще?

— Тот, кто здесь есть, больше самого слона,— прохрюкала в ответ свинья.

— Ого! — воскликнул слон.— Я сроду не видал зверя больше меня. Надо хоть взглянуть на него.

Он шагнул через кусты и увидел маленькую уродливую свинью, которая ковырялась в грязи.

— Так-так,— промолвил слон.— Вот ты, оказывается, какая! Я помогаю тебе расти, а ты... Стоило прибавить тебе немного в весе, как ты начала корчить из себя большого зверя и даже уверяешь, что стала крупнее меня! За это я больше не дам тебе волшебных листьев, и ты на всю жизнь останешься такой, как теперь.

Так он и сделал.

Вот почему рыло у свиньи вытянуто, а когда она ест, то топчется на месте, как слон.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Сказка фон

Тро-антилопа и Козо-дерево были прежде неразлучными друзьями. А подружились они так.

Тро часто приходилось спасаться бегством от своих преследователей — охотников и хищных зверей. Очень уж она была заметна из-за высокого роста и длинных рогов.

Как-то раз, изможденная после длительного бега, антилопа остановилась передохнуть под деревом и стала рассказывать ему о своих несчастьях.

— Сестра,— сказал Козо,— я знаю, как тебе спастись. Как только ты почуешь опасность, прячься поскорее под моими ветвями. Вон они какие широкие да большие. И спускаются почти до самой земли. Вот тебя и не будет видно.

Горячо поблагодарила Тро дерево. И теперь она часто спасалась от врагов под надежной защитой своего друга. Под его ветвями она чувствовала себя в полной безопасности, так как ни человек, ни зверь не могли ее здесь заметить.

Однажды утром проголодавшаяся антилопа принялась вдруг объедать листья Козо.

— Что ты делаешь, несчастная! — воскликнул Козо.— Я дал тебе убежище, и вот чем ты мне отплатила!

Тро ничего не сказала в ответ и продолжала щипать зеленые ветки.

И так было каждый день. Уж очень по вкусу пришлись антилопе листья дерева, и она объела все ветви, до которых только могла дотянуться.

А через несколько дней проходил мимо охотник и сразу заметил антилопу. Она спала глубоким сном под деревом, и листья не прикрывали ее. Охотник прицелился и убил антилопу.

Так Тро заплатила жизнью за свою черную неблагодарность.

А сказка говорит: не следует объедать листья у дерева, которое тебя же защищает.

ЛЕНТЯЙКА

Сказка фон

В одной семье росла девочка по имени Догбе. У нее было много братьев и сестер. Все дети помогали родителям в работе на поле и дома. Только одна Догбе ничего не умела делать и ничему не хотела учиться. Так и выросла она лентяйкой.

Выросла и превратилась в очень красивую девушку. Один юноша полюбил Догбе за красоту и пришел к ней свататься. Но родители Догбе отказали ему, говоря, что не будет ему счастья с такой женой. Ведь она не сможет приготовить ему даже акассу — руки у Догбе совсем неумелые.

Юноша ушел, а оскорбленная Догбе стала горько плакать. Проплакала она целый день и спать легла в слезах. А наутро стала просить мать помочь ей — хочется ей быть работящей да умелой.

— Научись сперва готовить, дочка. Вот хотя бы акасса. Приготовлять его совсем не трудно. Возьми кукурузу, залей на день водой, затем потолки. Получившуюся муку опять залей водой. Отруби всплывут наверх, удали их от остальной муки, а тесто поставь варить. Пока варится, добавляй в него воды и мешай все время. Всплывет тесто наверх — значит, сварилось. Можешь делать из него хлебцы. Потом заворачивай их в листья и неси на рынок.

На следующий день Догбе, едва только проснулась, взяла у отца денег, купила кукурузы и стала приготовлять хлебцы, как ее учила мать. А затем понесла на рынок продавать.

Так она делала каждый день и заработала немало денег.

Как-то пошел юноша, сватавшийся за Догбе, на рынок и купил там несколько хлебцев. Понравились они ему. Стал он спрашивать, кто же приготовил такие вкусные хлебцы, и очень обрадовался, когда узнал, что это хлебцы Догбе. Вскоре он женился на Догбе.

Молодые были очень счастливы, и муж не мог нарадоваться на свою трудолюбивую жену.

ПОЧЕМУ МАВУ НЕ ЖИВЕТ БОЛЬШЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Сказка эве

Раньше Маву* жил среди людей. И небо было так близко, что до него рукой можно было достать.

Варила как-то одна женщина кашу и никак не могла размешать ее как следует ложкой. И показалось ей, что это небо мешает.

Рассердилась женщина и плеснула горячей кашей прямо в небо. Каша попала Маву в лицо. Разгневался Маву и сказал:

— Не буду я больше жить среди людей!

И навсегда ушел. И небо утащил за собой.

ПОЧЕМУ У КУРОПАТКИ НЕТ ХВОСТА

Сказка эве

Когда Маву раздавал птицам крылья, он не дал им хвосты, а сказал, что каждая должна сама себе купить. Продаются хвосты в таком-то городе, и каждый хвост стоит пять каури*.

А у кого каури нет, тот так без хвоста и останется.

И Маву назначил день, когда все птицы должны собраться.

В назначенный день прилетели птицы со своими каури и купили себе хвосты. Только куропатки не было да не было: видно, без денег сидела куропатка.

Сжалился Маву над ней и решил подождать немного: вдруг куропатка запаздывает?

Но куропатка не пришла. Тогда Маву продал ее хвост дикому голубю — врагу куропатки.

Воротился голубь из города и ну хвастать хвостом перед куропаткой:

— Город совсем близко, чего ты боишься слетать туда? Купила бы себе украшение.

А куропатка на это отвечала:

— Богатство еще не храбрость.

Так поссорились они, и ссора эта продолжается до сих пор. Увидит голубь куропатку и начинает кричать:

— Город близко, город близко!

А куропатка отвечает:

— Богатство — еще не храбрость.

Так и нет между ними мира.

ПОЧЕМУ ОБЕЗЬЯНА ЖИВЕТ НА ДЕРЕВЬЯХ

Сказка эве

Проохотился лесной кот целый день и не поймал ничего. Устал он и растянулся на земле отдохнуть, но блохи не давали ему покоя.

Вдруг видит кот: идет мимо обезьяна.

— Обезьяна, поищи у меня блох,— позвал кот.

Согласилась обезьяна и стала выискивать у него блох, а кот в это время уснул. Привязала тогда обезьяна кота за хвост к дереву, а сама убежала.

Выспался кот. Встал, собрался было идти по своим делам, да не может сдвинуться с места: хвост-то привязан к дереву. Пробовал кот высвободиться, да ничего не получалось.

А в это время мимо проползала улитка. Увидел ее кот, обрадовался:

— Улитка, отвяжи меня!

— А ты меня не убьешь, когда я освобожу тебя? — спросила улитка.

— Нет, нет,— заверил кот,— ничего худого тебе не сделаю.

Освободила улитка кота.

Пришел кот домой и сказал зверям, которые жили по соседству с ним:

— Через пять дней оповестите всех, что я умер и вы собираетесь меня хоронить.

Ничего звери не поняли, но согласились выполнить просьбу кота.

Вот прошло пять дней. Кот улегся на землю, вытянулся и притворился мертвым.

Звери приходят и видят: кот-то мертвый. А среди зверей была и обезьяна.

Подошла она поближе — проститься с котом, а он как вскочит! Как бросится на нее!

Обезьяна наутек! Только тем и спаслась от кота, что на дерево вспрыгнула.

Вот с тех самых пор обезьяна живет на деревьях и не любит ходить по земле. Это потому, что она очень боится лесного кота.

ЛЕОПАРД И АНТИЛОПА

Сказка эве

Настал как-то голод из-за сильной засухи, и людям и зверям нечего было есть.

Задумала тогда антилопа пойти к Маву и попросить у него дождя. Пришла она к нему и говорит:

— Пошли дождь на нашу землю. Если ты исполнишь эту просьбу, заколи меня себе на обед, когда поспеет ямс* нового урожая.

Согласился Маву и послал так много дождя, что все плоды очень хорошо уродились. Когда же захотелось ему отведать свежего ямса, то вспомнил он слова антилопы и послал за ней своих гонцов.

Пришли слуги Маву к антилопе, но она велела передать, что еще очень молода, ей следует подрасти немного, а потом уж пусть приходят за ней.

Слуги ушли и рассказали все Маву; Маву согласился подождать. И сколько раз ни приходили за антилопой, она все говорила, что еще слишком молода.

Прошло несколько лет. Возвращаясь однажды от антилопы, слуги встретили леопарда, что жил по соседству с антилопой.

— Куда это вы все ходите, друзья мои? — спросил их леопард.

Слуги ответили. Тогда леопард сказал:

— Антилопа никогда не вырастет больше — такова ее порода. И нечего ждать, ловите ее да ведите к Маву.

Вернулись слуги к Маву и рассказали ему все, что поведал им леопард. Рассердился Маву и приказал слугам сейчас же поймать антилопу.

Поймали слуги антилопу, надели ей на шею веревку и повели к Маву. По дороге встретился им леопард.

— Куда это ты идешь, антилопа? — окликнул он ее злорадно.

— Да вот,— отвечает антилопа,— послал Маву за мной разгрызать ему кости во время еды.

— Да ведь у тебя нет зубов?!

— Искала я кого-нибудь позубастей, но не нашла!

Обиделся тут леопард: кому не известно, до чего крепки леопардовы зубы! И значит кому, как не ему, быть помощником Маву! Снял он веревку с шеи антилопы и надел на свою собственную.

Пришли они к Маву. Слуги оставили леопарда во дворе. Видит он, неподалеку ребенок плачет. Слышит, мать его утешает:

— Не плачь, сынок, сегодня твой отец большого зверя заколет! Как раз сейчас его привели. Славное угощение будет!

Вздрогнул леопард от этих слов, сразу стала ему понятна

хитрость антилопы. Скинул он веревку с шеи и пустился наутек, благо его никто не видел!

А по дороге он встретил антилопу, схватил ее и притащил домой.

Но леопард не стал сразу есть антилопу, а велел ей сначала собрать дрова и развести огонь.

Вот ходит антилопа по двору, дрова собирает и что-то себе под нос бормочет.

— С кем это ты разговариваешь? — спрашивает леопард.

А антилопа молчит.

Второй раз услышал леопард бормотание антилопы и опять спросил ее о том же.

Отвечает антилопа:

— Слуги Маву пришли за тобой. Вот я и кричу тебе: «Беги поскорее!»

Выскочил тут леопард из дому и убежал в лес. Ушел и больше не возвращался.

Так антилопа перехитрила леопарда.

ПАДЧЕРИЦА

Сказка эве

Давным-давно на берегу моря раскинулось огромное царство. Молва о его богатстве шла по всему свету, и все в этом царстве жили счастливо. Не было счастья лишь у царя: все его сыновья, едва появившись на свет, умирали. Царь старел, а наследника у него все не было.

Но в один прекрасный день, к великой радости царя, царица родила сына. Правда, вскоре эта радость сменилась тревогой.

«Как оградить моего единственного сына от злой судьбы?» — размышлял царь, и мысль эта не давала ему покоя.

Чтобы отвести от сына злых духов, царь решил сохранить его имя в тайне до тех пор, пока он не станет взрослым.

— Пусть имя мальчика будет известно только его дяде да мне*.

Шло время, малыш рос и наконец превратился в красивого и сильного юношу. И решил царь женить его на девушке, которая сможет угадать его имя. Пусть сам дух, покровительствующий юноше, подскажет его имя той, которую он сочтет достойной царского сына!

Многие мечтали о том, чтобы выдать свою дочь за сына царя; отцы покупали для своих дочерей самые красивые одежды, матери целыми днями хлопотали вокруг девушек, сооружая им затей-

ливые прически. Самые богатые запасались у колдунов надежными амулетами.

Девушки одна за другой покидали родительский кров и с богатыми дарами тянулись к царскому дворцу.

Донеслась воля царя и до глухой деревушки, где жила девушка по имени Акосиуа. Акосиуа была круглой сиротой — мать ее давно умерла, а отец, рыбак, погиб в море, и теперь Акосиуа росла у мачехи.

Мачеха ненавидела ее только потому, что Акосиуа была красивее любой из трех мачехиных дочек. Не было ей равных по красоте и во всем крае.

А мачеха мечтала выдать одну из дочерей за царского сына. Купила она им все самое красивое, и стали они собираться во дворец.

А падчерице мачеха приказала:

— Перебери кукурузу и просо, подмети в доме и во дворе, перемой да перечисти все, а тогда уж иди куда хочешь, хоть во дворец ступай — людям на посмешище.

Горько вздохнула Акосиуа, да делать нечего. Увидела она, что Абра, Яуа и Ама уже нарядились и отправляются в путь, и подбежала к ним:

— Сестры мои милые! Не держите на меня зла! Дороги во дворец я не знаю, а спросить мне будет некого. Помогите мне! Когда дойдете до развилки, положите на дорогу ко дворцу зеленую веточку акации, а на другую дорогу, что к темному лесу ведет, бросьте сухую ветку пальмы.

Обещали сестры сделать все так, как она просила, но, когда дошли до развилки двух дорог, самая злая и уродливая из сестер, ненавидевшая сироту пуще мачехи, сказала:

— Что это мы будем помогать зазнайке? Ишь думает, что она красивее всех на свете! Положите-ка засохшую ветку на дорогу ко дворцу, а зеленую веточку бросим на дорогу к темному лесу. Чего нам бояться! Если даже она выберется из леса живой и невредимой, скажем, что перепутали веточки. Ведь она толком и объяснить не умеет, чего хочет!

Так сестры и сделали.

А бедняжка Акосиуа работала тем временем не покладая рук. Все она сделала, что мачеха наказала, а потом решила испечь кукурузных лепешек — угостить царя. Акосиуа хорошенько растерла кукурузные зерна, приготовила из муки вкусные лепешки, завернула их в свежие банановые листья и положила в свою старую, потрескавшуюся посудину.

Девушка умылась, надела ветхую одежонку и тронулась в путь. Как только подошла к развилке дорог, налетел вихрь! Подхватил он с земли обе веточки, закружил их и швырнул засохшую ветку пальмы на дорогу к лесу, а цветущую веточку акации опустил на дорогу ко дворцу. По ней и пошла Акосиуа дальше.

Шла она, шла, смотрит, старичок стоит. Позвал он девушку:

— Дитя мое, нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Силы мои тают.

Повстречал старичок и злых сестер, да те ничего ему не дали, лишь обругали его да пошли своей дорогой. А у падчерицы сердце было доброе. Она подумала: «Зачем царю мои жалкие кукурузные лепешки? У него и так полно самых вкусных яств. А бедный старичок, может быть, умрет, если я не поделюсь с ним».

Акосиуа приветливо улыбнулась:

— Дедушка, вот все, что у меня есть! Ешь на здоровье! — И она протянула старичку свои немудреные припасы.

Поел старичок, поблагодарил девушку за угощение, а потом и говорит:

— Дитя мое, за твою доброту я открою тебе имя царевича. Его зовут Кетоуогло Сильный.

Удивилась Акосиуа:

— Откуда же, дедушка, ты знаешь то, чего никто на свете не знает?

Но не успела она договорить, как старичка и след простыл. Тут-то и поняла Акосиуа, что повстречался ей сам дух, покровитель царевича.

С легким сердцем зашагала Акосиуа дальше и не останавливалась, пока не дошла до дворца. На площади перед дворцом она увидела огромную толпу.

Юные девушки, одна прекрасней другой, по очереди подходили к дяде юного царевича и называли имя царского сына. А рядом музыкант изо всех сил бил в барабан, чтобы никто из девушек не слышал ответов своих соперниц. Каких только имен не называли девушки! Но все было напрасно! Угадать тайное имя царевича так никто и не смог.

Подошел черед и Акосиуы. Тут-то и стала над ней потешаться одна из красавиц:

— Жалкая простушка! Неужели ты и в самом деле надеешься угадать имя царевича? Ведь дух не захотел открыть его даже нам, таким богатым и красивым!

Уродливые сестры бедной падчерицы тут же подняли крик:

— Гоните эту замарашку прочь! Да как она смеет подходить к нам! Ишь вздумала нас позорить!

Но дядя царевича строго прикрикнул на злобных сестер и сделал девушке знак приблизиться:

— Что ж, попробуй и ты угадать имя моего племянника.

Акосиуа ответила:

— Царевича назвали Кетоуогло Сильный, чтобы оградить его от злых духов.

И дядя воскликнул:

— Вот избранница духа-хранителя! Она и станет женой царского сына!

Так бедная падчерица вышла замуж за юного царевича, а мачехины дочки вернулись домой ни с чем.

ПОЧЕМУ У ПОПУГАЯ КЛЮВ КРИВОЙ

Сказка йоруба

Собрались однажды попугай и ракушка каури строить себе дом и поспорили, чей дом получится лучше.

Каури строили себе жилище целиком из каури, а попугай из перьев, которые ему позволили выщипать из своих хвостов несколько попугаев.

Когда оба дома были готовы, каури увидели, что у попугая жилье получилось красивее. Тогда каури созвали своих друзей — птиц и говорят им:

— Давайте утащим у попугая дом!

А у попугая не было друзей среди птиц: откуда ему знать о бесчестном сговоре? К тому же он обещал попугаям заплатить за выщипанные перья, и теперь ему приходилось работать особенно много и усердно.

Отправился однажды попугай по делам, а дом сторожить оставил свою приятельницу лягушку.

Тут как раз и надумали каури утащить его дом. Пришли они и птиц с собой не забыли позвать.

Испугалась лягушка, схватила флейту и давай в нее дуть!

Попугай услышал — и бегом домой! Подходит к дому и кричит:

— Здесь я, здесь я! Сейчас всякого поймаю и разорву на части!

И хвать первого попавшегося.

На другой день каури подбили ястреба идти на разбой. И опять лягушка дала сигнал. И опять попугай расправился с разбойником.

На третий раз маленькая птичка Арони вызвалась идти красть дом попугая.

Говорят каури:

— Куда тебе! Ты слишком мала!

— Стоит мне только попытаться, и вы увидите! — настойчиво твердит Арони. И еще просит дать ей с собой семь каури.

Зашла Арони на рынок, купила там всякой всячины, перца побольше, и, завязав все в узелок, направилась прямо к лягушке, которая опять сторожила дом друга своего — попугая.

— Слыхала я, что ты очень искусна в игре на флейте. Дай-

ка мне взглянуть на нее,— попросила Арони, обращаясь к лягушке.

Та, не чуя подвоха, протянула ей флейту. Птичка вертит флейту, будто рассматривает, а сама накидала в трубу все, что купила на рынке. Потом, вернув лягушке флейту, вдруг принялась ухватывать поудобнее дом попугая!

Лягушка скорей за флейту, а флейта молчит!

Так Арони и удалось утащить жилище попугая.

Вернулся попугай домой, а дома нет!

Пошел он тогда к каури. В доме каури было целых семь дверей, и седьмая — железная.

Принялся попугай долбить эти двери. Вот одну разбил клювом, другую, третью, и так до седьмой. А седьмая — железная! — не поддается попугаю, как он ни старается! Даже клюв согнулся!

Вот почему у попугая клюв кривой.

О ТОМ, КАК ВПЕРВЫЕ ЗАГРЕМЕЛ ГРОМ

Сказка йоруба

У Элири, маленькой-маленькой крысы, было три сына: слон, буйвол и баран. Обработали они поле, и слон посеял окро, буйвол — осун, а баран — игба. Стали дети просить мать пойти на поле и выбрать, что ей понравится.

Пошла Элири на поле в первый раз, взяла окро и игба, а когда пошла во второй раз, поняла, что кто-то чужой успел похозяйничать на поле. Прокляла Элири вора, пожелала ему злой смерти.

Вдруг из кустов выходит птица Ирогун и говорит:

— Я, Ирогун, побывала на вашем поле, я брала окро у слона, осун у буйвола и игба у барана.— И, схватив хлыст, она отхлестала крысу.

Добралась Элири до дома и рассказала все своему сыну слону.

Возмутился слон: как посмели так жестоко обидеть его мать!

А когда маленькая Элири и слон, ее сын, пришли вместе на поле, вышла из кустов птица Ирогун и прогнала их.

Дома Элири рассказала буйволу о том, как птица Ирогун избила ее, а потом прогнала ее вместе со слоном. Не поверил буйвол, решил сам пойти на поле.

Отправилась теперь Элири с буйволом и снова повторила проклятия. Опять появилась птица Ирогун и, отхлестав их, прогнала с поля.

Воротились они домой, и мать пошла жаловаться барану.

А баран в это время был на рынке, но Элири вышла на дорогу и, встретив его, все ему рассказала.

Тогда баран снял с себя ношу и говорит:

— Несдобровать тому, кто посмел так обидеть маленькую-маленькую крысу Элири, мою мать.

И вот Элири и баран пошли на поле, и он велел ей повторить проклятия. Она так и сделала. И снова появилась птица Ирогун, и опять призналась, что это она воровала с поля.

И тогда баран сразился с птицей Ирогун. Сломались его рога в жестокой схватке, и когти Ирогун тоже сломались. Нечем им стало биться дальше.

Баран послал домой свою жену — овцу — за новыми десятью рогами, а птица Ирогун — свою жену-собаку — за новыми десятью когтями.

В это время Элири поскорей зажарила жирный кусок мяса и повесила его у дома Ирогун, так чтобы собака-жена не смогла его достать.

Принесла овца десять рогов барану, а у Ирогун новых когтей все нет и нет!

Собака учуяла возле дома жир, капавший сверху, и принялась слизывать его, а когда вдруг увидела мясо, то и вовсе забыла, зачем ее послали домой.

Долго ждали птица Ирогун и баран. И наконец баран не вытерпел:

— Не моя вина, что тебе все никак не несут новые когти.

И они снова сразились. Упала Ирогун сначала на колено, а затем и тело ее коснулось земли. Так птица Ирогун была побеждена. И с тех пор стала она жить на земле, а не на деревьях, как прежде.

А шум схватки птицы Ирогун с бараном и был первый гром на земле.

С тех пор, едва начинаются раскаты грома, баран нетерпеливо роет землю копытом и твердит:

— Когда-нибудь мы снова сразимся с тобой, птица Ирогун, еще не все кончено! Когда-нибудь мы снова сразимся!

ЖАДНАЯ ЖЕНЩИНА

Сказка йоруба

У одного человека были две сестры: одна богатая, а другая бедная. Та, что была бедна, была так бедна, что у нее не было даже куска материи, и она ветками привязывала себе на спину ребенка.

Жила она сбором листьев и их продажей.

Однажды, как обычно, женщина пошла в заросли за листьями

и взяла с собой ребенка. Придя туда, она положила его на землю, а сама ушла.

Пока ее не было, обезьяна унесла ребенка и села поиграть с ним на вершине дерева.

Женщина вернулась и, не найдя ребенка на месте, громко закричала. А обезьяна забавлялась с ребенком, прыгая с ветки на ветку.

Вдруг ребенок заплакал, и мать, подняв голову, заметила их на дереве.

Тогда женщина запела, а обезьяна начала плясать и стала по дереву спускаться все ниже и ниже.

Мать все продолжала петь, а обезьяна, приплясывая, понемногу спускалась к земле.

И вот она с ребенком в руках встала на землю, вернула ребенка матери и спросила ее:

— Как же так получается? Ты такая прекрасная певица, а каждый день приходишь сюда за листьями.

И женщина ответила:

— Я такая бедная, что только этим и кормлюсь.

Тогда обезьяна сказала:

— Иди этой дорогой и увидишь маленькую тропинку налево, пойди по ней и немного погодя увидишь дерево с многочисленными плодами. Одни плоды будут кричать: «Возьми меня, возьми меня!» Ты их не трогай, а возьми только тот, что молчал.

И женщина все сделала так, как советовала обезьяна.

Плоды просили: «Возьми меня, возьми меня!» — но она не притронулась к ним, а взяла только тот, что молчал.

Потом она вернулась и рассказала все обезьяне и показала ей плод. И обезьяна велела:

— Когда придешь домой, запрись в комнате и разрежь плод.

Добралась женщина до дому и сделала так, как ей было приказано. Внутри плода нашла она много денег и одежды. Разделила женщина все на три части и одну часть отдала брату, другую сестре, а третью взяла себе.

Но богатой сестре того, что она получила, показалось мало, и она сказала:

— Не беспокойся, я знаю, где ты достала это; я пойду и добуду все это себе сама.

На другой день она сделала так: взяв ребенка с собой и немного углубившись в заросли, бросила материю и взяла ветки, чтобы привязать ребенка, как это делала бедная ее сестра. Затем, положив ребенка на землю в том же месте, она стала бродить в зарослях и срезать листья. Обезьяны в это время не было, но когда она вернулась и увидела ребенка, то очень удивилась и сказала себе:

«Неужели эта женщина так неблагодарна: она, должно быть, очень жадная; нужно все-таки узнать, почему она вернулась».

Обезьяна унесла ребенка, и женщина запела, как и первая, а обезьяна, приплясывая, как и в тот раз, опустилась на землю.

Потом обезьяна отдала женщине ребенка и спросила:

— Тебе мало вчерашнего?

Богатая женщина не хотела признаться, что вчера приходила другая женщина, и ответила:

— Да, мне мало, я хочу еще.

Тогда обезьяна посоветовала ей так же, как и первой женщине, брать только те плоды, которые молчат.

Но когда женщина добралась до дерева, она подумала:

«Хотела бы я знать, за кого меня принимает эта обезьяна?! Я не так глупа».

И она собрала плоды, которые просили: «Возьми меня, возьми меня!» Потом вернулась и показала их обезьяне.

И обезьяна велела ей пойти домой и разрезать плоды.

Женщина сделала, как ей было сказано. Но когда разрезала плоды, то нашла там не золото и одежду, а оттуда повыскакивали хищные звери и повыползали змеи. И принялись ее кусать и жалить.

Вот почему никогда не следует жадничать. И уж если дали тебе что-нибудь, будь благодарен и за это.

АНАНСИ — СТАРЕЙШИЙ ИЗ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Сказка ашанти

Однажды полевые и лесные звери поспорили, кто из них старше и заслуживает большего уважения. Каждый из них твердил:

— Я старейший из живых существ!

Они спорили долго и горячо и наконец решили обратиться к судье. Пошли звери к пауку Ананси.

— Кваку Ананси, мы никак не можем решить, кто из нас достоин наибольшего уважения. Выслушай нас!

Ананси приказал своим детям принести ему скорлупу ореха, с большим достоинством уселся на нее, словно вождь племени на резном стуле, и стал слушать.

Первой начала цесарка:

— Клянусь, говорю истинную правду! Я старейшая из всех живых существ. Когда я родилась, произошел великий лесной пожар. Никто в мире, кроме меня, не потушил бы его! А я не побоялась пламени и затоптала огонь. Я тогда сильно обожглась, и, как вы можете сами убедиться, ноги у меня до сих пор красные.

Звери посмотрели на ноги цесарки и увидели, что они и в самом деле красные. И тут все разом воскликнули:

— Да, да! Она старше всех нас!

Потом заговорил попугай:

— Клянусь, что говорю правду! Старейший из всех живых существ — я. Когда я появился на свет, не было еще никаких инструментов и орудий. Это я изготовил первый молот для кузнецов; я стучал по железу клювом, отбивая железо, потому-то у меня клюв и стал кривой.

Все посмотрели на клюв попугая.

— Да, да! Попугай и в самом деле старейший из нас!

Затем стал говорить слон:

— Клянусь, что говорю чистую правду! Я старше попугая и цесарки. И вот почему. Когда я родился, бог неба дал мне длинный и очень удобный нос. А когда он стал создавать других животных, материала не хватило, и они получили совсем маленькие носы.

Звери внимательно осмотрели нос слона и воскликнули:

— Да, да! Слон на самом деле старейший из нас!

Вслед за слоном заговорил кролик:

— Клянусь, что говорю чистую правду! Я самый старший из вас. Когда я появился на свет, не было еще ни дня, ни ночи — все было серым. Вот и я с тех пор серый.

Все стали бить в ладоши, радостно восклицая:

— Да, да, да! Разве не правда, что он самый старший?!

Последним заговорил дикобраз:

— Клянусь, что говорю правду! И вам всем придется признать, что старейший на земле — я. Когда я родился, земля еще как следует не была доделана. Она была мягкая, как масло, и ходить по ней было нельзя. Я держался только благодаря моим иголкам.

Довод был убедительный, и все собравшиеся приветствовали дикобраза громкими возгласами:

— Да, да, да! Может ли быть кто-нибудь старше его?!

После этого все примолкли, приготовившись выслушать решение Ананси.

Он сидел на скорлупе кокосового ореха и, покачивая головой, говорил:

— Если бы вы обратились ко мне раньше, вам не о чем было бы спорить: ведь старейший из всех живых существ на земле — я. Когда я родился, земли еще не было и вообще ничего не было, даже не на чем было стоять. Когда умер мой отец, негде было его похоронить. Поэтому мне пришлось похоронить его в своей голове.

Когда звери услышали это, они воскликнули:

— Да, да, да! Кваку Ананси старше всех. Разве можно в этом сомневаться?!

ПОЧЕМУ АНАНСИ ЕСТ МУХ, БАБОЧЕК И КОМАРОВ

Сказка ашанти

Однажды муха, бабочка и комар отправились вместе на охоту. В лесу им попался паук Ананси.

— Мы тебя съедим! — сказали они и схватили паука.

Завязалась борьба. Но Ананси был сильнее, чем казался, и они втроем не могли одолеть его.

Боролись они, боролись, наконец решили отдохнуть. И тогда Ананси спросил:

— Почему вы напали на меня?

— Мы голодны,— отвечали муха, бабочка и комар.— Ты же знаешь, что всем надо есть.

— Я ведь тоже хочу есть. Почему же я не могу съесть вас?

— Ты не так силен, чтобы одержать верх над нами,— сказали они.

— Но и вы не так сильны, чтобы справиться со мной,— сказал Ананси.— Давайте заключим сделку. Пусть каждый из вас придумает какую-нибудь историю. А если я вам не поверю, пожалуйста, ешьте меня. Потом я тоже кое-что вам расскажу, но если вы скажете, что я соврал, тогда я съем вас.

Все согласились. Первой начала бабочка:

— Прежде чем я появилась на свет, мой отец переселился на новую землю. Но в этот самый день он садовым ножом поранил себе ногу и не мог работать. Тогда я вскочила, расчистила землю от леса, подготовила ее под посев, засеяла, прополола, собрала урожай и сложила его в амбар. И когда через несколько дней я родилась, отец мой был уже богачом.

Бабочка, муха и комар посмотрели на Ананси, ожидая, что он скажет: «Этого не может быть!» — и тогда они съедят его. Но Ананси сказал:

— Какой правдивый рассказ! Все так и было.

Затем стал рассказывать комар:

— Когда мне было четыре года, я мирно сидел в лесу, на слоне, которого только что убил. Настроение у меня было прекрасное, мне захотелось поиграть. Тут я увидел, что по лесу крадется леопард. Я погнался за ним и только хотел схватить его, как он обернулся и разинул пасть, чтобы проглотить меня. Я быстро просунул руку ему в глотку и схватил его изнутри за хвост, потом подтянул к себе и вывернул наизнанку. А леопард только что съел овцу. И теперь овца оказалась снаружи, а леопард был внутри. Овца вежливо поблагодарила меня за услугу и принялась щипать траву.

Комар, муха и бабочка ждали, что Ананси скажет: «Это враки!» — и тогда они съедят его. Но Ананси кивнул:

— О, это чистая правда! Чистая правда!

Теперь настала очередь мухи.

— Вот моя история. Однажды я отправилась в лес на охоту и напала на след антилопы. Я прицелилась в нее из ружья, выстрелила, забежала вперед, схватила антилопу, перевернула на бок, содрала с нее шкуру и разрезала на четыре части. А в это время пуля, которой я только что выстрелила из своего ружья, пролетала мимо. Я поймала ее и снова зарядила ею ружье. Я была голодна и, подняв мясо на вершину дерева, развела там на ветке костер, чтобы сварить его. Я съела всю антилопу целиком. А когда пришло время спускаться с дерева, я так наелась, что живот у меня раздулся и мне тяжело было спуститься на землю. Я побежала в деревню и достала там веревку. Потом взобралась на дерево, обвязалась веревкой и стала осторожно спускаться.

Муха, бабочка и комар с нетерпением ждали, что Ананси скажет: «Этого быть не может!»

А вместо этого он сказал:

— Это самый правдивый из всех рассказов на свете.

Теперь настала очередь Ананси.

— В прошлом году посадил я кокосовую пальму. И месяца не прошло, как она выросла. А я был тогда очень голоден. Срезал я с пальмы три ореха. Первый из них я вскрыл садовым ножом, и оттуда вылетела муха. Вскрыл я второй орех, и оттуда вылетела бабочка. Вскрыл я еще один орех, и вылетел оттуда комар. А ведь дерево, на котором они выросли, посадил я, значит муха, бабочка и комар принадлежат мне. Я хотел было их съесть, но они разбежались. С тех пор я их разыскиваю, чтобы съесть. И вот я нашел вас: моя муха, мой комар и моя бабочка!

Муха, комар и бабочка молчали.

— Может быть, вы хотите что-нибудь сказать? — спросил паук.

Им и хотелось бы сказать так, как говорил Ананси: «Все это правда! Чистая правда!», но как же скажешь? Ананси вмиг съест их!

Не могли они сказать и что он соврал, потому что тогда спор был бы проигран и Ананси все равно съел бы их.

Они не могли сказать, что это правда, и не отваживались сказать, что это ложь. Поэтому муха, бабочка и комар бросились наутек.

И вот даже теперь, всякий раз когда паук Ананси поймает муху, бабочку или комара, он их съедает, потому что он их перехитрил и сумел соврать лучше.

БАРАБАН ОСЭБО

Сказка ашанти

Когда-то у леопарда Осэбо был большой барабан, которым восхищались и звери, и боги. Восхищались-то все, но никто даже и подумать не смел, чтобы завладеть этим барабаном, потому что Осэбо был самым сильным из зверей на земле и его все боялись. Один только бог неба Ньяма все подумывал, как бы отнять барабан у леопарда.

И случилось так, что у него умерла мать. Ньяма стал готовиться к похоронам. Ньяме хотелось устроить такие похороны, чтобы они были достойны его семьи. Да и все вокруг говорили:

— Для такого обряда нужен большой барабан Осэбо!

Но как раздобыть этот барабан, Ньяма не знал.

Наконец он созвал к себе всех зверей, какие были на земле. Все пришли. Не пришел только леопард.

Вынесли стул для Ньямы, он уселся, а слуги в это время держали над его головой пестрые зонтики из радуги.

И Ньяма сказал:

— Для похорон мне нужен большой барабан леопарда. Кто мне его добудет?

Первым вызвался слон Эсоно:

— Я это сделаю!

Он отправился туда, где жил леопард, и попытался отнять барабан, но леопард прогнал его.

Эсоно вернулся в дом Ньямы:

— Не смог я достать барабан.

Тогда вызвался лев Гиата:

— Я добуду барабан!

Пошел лев туда, где жил леопард, и попытался отнять барабан, но леопард прогнал и его.

Гиата вернулся в дом Ньямы ни с чем:

— Не смог я достать барабан.

Антилопа Адова тоже ходила за барабаном. И крокодил Оденкем. И медведь Овеа. Ходили и многие другие звери, но леопард всех прогнал прочь.

Тогда выступила вперед черепаха Акикиге.

В те времена спина у черепахи была, как и у других животных, мягкая. Акикиге сказала богу неба:

— Я добуду для тебя барабан!

Услыхав эти слова, все звери засмеялись:

— Если самые сильные не смогли добыть барабан Осэбо, как же сделаешь это ты? Ведь ты так мала и слаба!

А черепаха в ответ:

— Никто из вас не смог добыть барабан. Посмотрим, что у меня получится.

И она медленно-медленно поползла из дома Ньямы и наконец добралась до того места, где жил леопард.

Увидев черепаху, Осэбо крикнул:

— Тебя тоже послал ко мне Ньяма?

— Нет! Я пришла просто из любопытства, хочу кое-что посмотреть.

— А что ты хочешь посмотреть? — удивился леопард.

— Ньяма, бог неба, сделал себе новый барабан,— сказала черепаха.— Барабан этот так велик, что бог может войти в него и спрятаться. Говорят, этот барабан больше твоего.

— Нет на свете барабана больше моего,— обиделся леопард.

Черепаха Акикиге принялась рассматривать барабан леопарда Осэбо.

— Я вижу, вижу, но все же он не так велик, как барабан Ньямы. Во всяком случае, не так уж он велик, чтобы тебе можно было в нем спрятаться.

— Разве?!

И, чтобы доказать черепахе, что она ошиблась, Осэбо забрался в барабан.

— Да, в самом деле большой барабан, но ты все-таки виден,— призналась черепаха.

Леопард протиснулся дальше в барабан.

— Хвост все-таки виден! — опять сказала черепаха.

Леопард еще дальше протиснулся в барабан. Оставался снаружи только кончик хвоста.

— Ах! — вздохнула черепаха.— Еще немного, и ты победишь бога неба Ньяму.

Леопард, извиваясь, втискивался в барабан все дальше и дальше, пока не скрылся и самый кончик его хвоста.

Тогда черепаха скорей заткнула отверстие барабана кухонным горшком. И хотя леопард неистово кричал, черепаха поволокла барабан к дому Ньямы, а когда она подошла совсем близко к дому, то остановилась и начала бить в него, подавая богу неба знак, что она неподалеку.

Стоило зверям услыхать звук большого барабана Осэбо, как они задрожали от страха, подумав, что бьет в барабан сам Осэбо. Но когда все увидели медленно-медленно ползущую черепаху, которая волокла за собой барабан, звери изумились.

Черепаха предстала перед богом неба.

— Вот этот барабан! Я его добыла для тебя. А внутри сидит Осэбо. Что мне с ним делать?

А Осэбо внутри барабана слышал все это и дрожал от страха: что-то теперь будет?!

— Отпустите меня, и я уйду с миром,— принялся он просить.— А барабан пусть остается богу неба.

Тогда черепаха вынула кухонный горшок, который закрывал отверстие в барабане, и оттуда выбрался испуганный Осэбо.

Выбирался он второпях, пятясь задом, и попал прямо в костер бога неба, поэтому шкура его во многих местах опалилась тлеющими в золе угольками.

Леопард выскочил из костра и умчался со всех ног. Но следы огня, там, где подпалилась его шкура, остались. Вот почему у всех леопардов на шкуре темные пятна.

Ньяме сказал черепахе:

— Ты раздобыла большой барабан Осэбо для похорон моей матери! Что тебе дать за это?

Черепаха оглядела всех и увидела в глазах зверей страшную зависть. Она испугалась: неужели ей достанется от них за то, что она их всех превзошла?

И черепаха ответила:

— Больше всего на свете мне хотелось бы иметь на спине крепкий щит.

И бог неба дал черепахе крепкий панцирь, который она и носит на спине.

Разве вы видели когда-нибудь черепаху без панциря?

КАК АШАНТИ НАЧАЛИ САЖАТЬ ЯМС

Сказка ашанти

Не всегда ашанти возделывали ямс. Рассказывают, что в старину они не знали ямса и весь год с трудом добывали себе еду. Но вот однажды через их страну проходил путник. В числе других пожитков он нес с собой и ямс. Один ашанти, по имени Абу, увидел ямс и задумался.

— Если бы у нас был ямс! — сказал он своим друзьям.— Тогда нам нечего было бы бояться голода.

И Абу решил отправиться на поиски ямса, чтобы его народ мог засеять свои поля.

Он взял с собой оружие и пустился в путь. Шел он много дней и повсюду расспрашивал у людей, не знают ли они такую страну, где растет ямс.

Одни говорили, что он идет верной дорогой, другие указывали совсем в другую сторону. Наконец он нашел такую страну, где на полях повсюду рос ямс.

Абу спросил, как ему найти дом вождя, и ему указали дорогу. Он вошел в дом вождя и рассказал ему, чего ищет.

— В моей стране,— сказал Абу,— нет ямса. И наш народ часто голодает. Если бы ты мог дать мне с собой хоть несколько зерен, мы бы посеяли их в нашей деревне и навсегда избавились бы от голода.

Вождь выслушал Абу и кивнул:

— Я подумаю.

Он велел поместить Абу в доме для гостей и накормить его.

Прошло несколько дней. Вождь племени послал за Абу.

— Я хотел бы помочь твоему народу, но, если они не будут голодать и станут сильными, не пойдут ли они войной на более слабых соседей?

— Этого не случится,— сказал Абу,— потому что мой народ мирный. А разве тот, кто голодает, может затеять войну с тем, кто избавил его от нужды?

— Но все же, если твой народ воинственный и честолюбивый, вам очень опасно помогать,— сказал вождь.— Приведи ко мне заложника из твоего народа. Он останется у нас, а я дам тогда тебе зерна ямса.

И Абу возвратился к ашанти, пришел к отцу и рассказал ему все.

— Отец,— сказал он.— У тебя много сыновей. Пошли одного из них заложником в страну ямса, и тогда мы получим ямс, чтобы наш народ не голодал.

Но отец Абу отказался отправить одного из сыновей в изгнание.

Пошел Абу к братьям и передал им предложение чужого вождя. Он просил их послать кого-нибудь из сыновей заложником, но они, как и отец, не решились на это.

Тогда Абу в отчаянии снова отправился в страну ямса и сказал вождю, что не смог найти заложника. Вождь оставался непреклонным.

— Прости меня, но без заложника я не могу дать тебе ямса.

Печально возвращался Абу домой, так и не найдя никакого выхода.

Но когда он уже подходил к своей деревне, то вспомнил о сестре, у которой был один-единственный сын. Абу отправился к ней и рассказал ей обо всем.

— У меня только один сын, и, если он покинет меня, я останусь совсем одинокой,— огорчилась женщина.

— Тогда мы все погибнем! — воскликнул Абу.— На тебя моя последняя надежда. Ямс растет во многих странах, а у нас его нет, и народ наш обречен голодать.

Долго он говорил сестре о том, как изменил бы ямс судьбу их народа. И наконец она согласилась отпустить сына.

Абу вернулся к вождю страны ямса вместе с племянником и отдал ему мальчика в заложники.

Вождь поселил мальчика у себя и дал Абу семена ямса.

Когда Абу вернулся в свою деревню, он раздал жителям ямс для посева. И все были очень довольны.

Урожай ямса собрали, и у всех было вдоволь еды. С тех пор в стране ашанти сеют много ямса.

Абу же сказал своему народу:

— Мой отец не захотел отдать кого-нибудь из своих сыновей в заложники в обмен на ямс. Братья мои тоже от этого отказались. Отныне я не хочу иметь ничего общего с отцом и братьями. Только моя сестра отдала своего единственного сына ради того, чтобы мы перестали голодать. Честь и слава ей за это! А когда я умру, все мое имущество пусть перейдет к племяннику, живущему в стране ямса. Ведь только благодаря ему мы теперь никогда не голодаем.

Так и случилось, что, когда Абу умер, его скот и земля перешли не к сыну, не к братьям, а к племяннику — сыну его сестры.

А ашанти говорили:

— Надо поступать так, как завещал нам Абу, потому что он сделал для нас и нашего народа великое дело. Он принес ямс в нашу страну. И мы будем поступать теперь так, как поступал Абу, храня память о его великом деянии.

И с тех пор, когда ашанти умирает, он завещает свое имущество сыну своей сестры.

В честь Абу ашанти называют такую семью «абусуа», что означает «по примеру Абу».

Так и повелось у ашанти, что мальчики получают наследство не от отца, а от дяди*.

КОЛОДЕЦ НЬЯМЫ

Сказка ашанти

Говорят, что в стародавние времена все звери в лесу не давали лягушке прохода, потому что у нее не было хвоста. Лягушка на зверей обиделась и пошла к богу неба Ньяме попросить себе хвост.

Бог неба выслушал лягушку, подумал и сказал:

— Есть у меня такой колодец, где вода никогда не иссякает. Для этого колодца мне нужен сторож. Если ты согласишься стать сторожем, то получишь хвост.

Лягушка согласилась:

— Хорошо, буду сторожить, только дай мне хвост.

Ньяма дал лягушке хвост и послал ее к колодцу:

— Берись за дело! Содержи колодец в чистоте, чтоб каждый путник мог утолить жажду.

Отправилась лягушка к колодцу и поселилась в нем.

Она очень гордилась своим хвостом и новой должностью.

Но однажды началась засуха. Дождей давно уже не было, и колодцы все пересохли. Только в одном колодце Ньямы была вода. Тут уж лягушка и вовсе заважничала и стала заносчивой и просто глупой.

Когда нигде не стало воды, звери пошли к Ньяме и попросили

воды у него. Он послал их к своему колодцу, который никогда не пересыхал.

Первым пришел напиться буйвол. Услыхала лягушка, что буйвол идет, и заквакала:

— Кто идет мутить воду в колодце Ньямы?

— Это я, буйвол,— ответил буйвол.

Лягушка в ответ:

— Убирайся отсюда! Нет для тебя воды! Колодец высох.

Буйвол ушел, так и не напившись.

Потом к колодцу подошла овца, и лягушка опять заквакала:

— Кто идет мутить воду в колодце Ньямы?

Овца ответила:

— Это я, овца.

А лягушка закричала:

— Убирайся отсюда! Нет для тебя воды! Колодец высох.

Ушла и овца, изнывая от жажды.

Один за другим подходили к колодцу Ньямы газель, кабан, корова и слон, и всех их лягушка прогоняла:

— Убирайтесь прочь! Нет здесь воды! Колодец высох.

Наконец всем в округе стало невмоготу. Когда до Ньямы дошел слух о том, что его подданные погибают от жажды, он сам отправился к колодцу, посмотреть, что там делается.

Услыхав его шаги, лягушка проквакала:

— Кто идет мутить воду в колодце Ньямы?

Ньяма строго сказал:

— Это я, Ньяма!

Но лягушка по привычке проквакала ему в ответ:

— Убирайся прочь! Нет здесь воды! Колодец высох.

Услышав такие слова, Ньяма страшно разгневался. Он схватил лягушку за хвост и оторвал его. А лягушку прогнал прочь.

И осталась лягушка без хвоста.

Теперь она всюду ищет воду и живет у воды, вспоминая свои лучшие дни, когда она сторожила колодец самого Ньямы.

Но Ньяма постоянно напоминает лягушке, сколько горя она всем причинила: рождаются-то лягушки с хвостом, но, когда подрастут немного, Ньяма хвост у них отнимает.

РАЗГОВОР

Сказка ашанти

Это случилось недалеко от города Аккры, на северном берегу Гвинейского залива, в небольшой деревеньке. Пришел однажды крестьянин на свое поле накопать немного ямса, чтобы продать его на базаре. А пока он копал, один из клубней ямса вдруг сказал ему:

— Наконец-то ты явился! Полоть меня никогда не полол, а теперь пришел с мотыгой?! Убирайся прочь и не трогай меня!

Удивился крестьянин, огляделся вокруг и увидел корову. Та, как всегда, жевала жвачку и смотрела на хозяина как ни в чем не бывало.

— Ты мне сейчас что-нибудь сказала? — спросил ее крестьянин.

Корова молча продолжала жевать, но тут заговорила собака.

— Это не корова разговаривала с тобой,— сказала собака,— а ямс! Послушай, что говорит тебе ямс: «Не трогай меня!»

Крестьянин рассердился, потому что собака никогда до сих пор ни с кем не разговаривала, да еще таким тоном! Он взял нож и срезал ветку с пальмового дерева, чтобы наказать собаку. Но тут пальма сказала ему:

— Положи ветку!

Совсем растерялся крестьянин и хотел бросить ветку, но пальмовая ветка добавила:

— Положи меня осторожно!

Он бережно положил ветку на камень, а камень сказал:

— Эй, ты! Убери-ка ветку!

Это было уж слишком! Испуганный крестьянин со всех ног бросился бежать обратно в деревню.

По дороге он повстречал рыбака. Рыбак нес на голове сеть.

— Что ты так торопишься? — спросил рыбак крестьянина.

— Мой ямс,— отвечал крестьянин,— сказал мне: «Не трогай меня!» Потом собака сказала: «Послушай, что тебе говорит ямс!» А когда я хотел ударить собаку пальмовой веткой, дерево сказало: «Положи ветку на землю!» А пальмовая ветка сказала: «Положи осторожно!» Камень же сказал: «Убери-ка ветку!»

— И это все? — удивился рыбак.— Чего же ты так испугался?

— Погоди! — сказала рыбачья сеть.— А убрал он ветку с камня?

— Что-о-о? — испуганно закричал рыбак.

Он бросил сеть на землю и побежал стремглав за крестьянином.

Так и бежали они по дороге, пока не повстречали ткача со свертком ткани на голове.

— Куда вы так мчитесь? — спросил их ткач.

— Мой ямс сказал мне: «Не трогай меня!» — отвечал крестьянин. А собака сказала: «Послушай, что говорит тебе ямс!» Дерево сказало: «Положи ветку на землю!» Ветка сказала: «Положи осторожно!» А камень сказал: «Убери-ка ветку!»

— И тогда,— подхватил рыбак,— тогда моя сеть сказала: «А убрал он ветку с камня?»

— Ну что здесь такого? — спокойно заметил ткач.— Стоит из-за этого так волноваться! Не вижу причины.

— Как бы не так! — сказал сверток с тканью.— Если бы ты сам это слышал, ты бы тоже побежал без оглядки!

— Что-о-о? — закричал перепуганный ткач.

Он бросил сверток посреди дороги и побежал за рыбаком и крестьянином.

Запыхавшись, прибежали они к реке и увидели купавшегося там человека.

— Уж не гонитесь ли вы за газелью? — спросил он.

И первый из них сказал, задыхаясь:

— Мой ямс сказал мне: «Не трогай меня!» Собака сказала: «Послушай, что говорит тебе ямс!» А когда я хотел срезать ветку с дерева, дерево сказало: «Положи ветку на землю!» Ветка же сказала: «Положи осторожно!» А камень сказал: «Убери-ка ветку!»

Рыбак едва выговорил:

— А моя сеть сказала: «Убрал ли он ветку с камня?»

— Моя ткань сказала: «Ты бы тоже побежал без оглядки!»,— еле выдохнул ткач.

— Из-за этого вы так сломя голову несетесь? — подзадорил их купальщик.

— Еще бы! — сказала речка.— Если бы ты сам это слышал, ты небось еще не так побежал бы!

— Что-о-о? — закричал купальщик.

Он выскочил из воды и голый помчался вслед за ткачом, рыбаком и крестьянином.

Так, стремглав, перегоняя друг друга, пронеслись они, на удивление всем, по главной улице деревни и прибежали наконец к дому вождя.

Слуги вынесли на улицу стул, вождь вышел, важно уселся на него и приготовился слушать их жалобы.

И вот они начали рассказывать вождю свои горести.

— Пошел я в поле выкопать немного ямса,— начал крестьянин, размахивая руками.— И тут все вокруг стало вдруг разговаривать. Мой ямс сказал мне: «Не трогай меня!» Собака сказала: «Послушай, что говорит тебе ямс!» Дерево сказало: «Положи ветку на землю!» Ветка сказала: «Положи осторожно!» А камень сказал: «Убери-ка ветку!»

— А моя сеть,— вступил в разговор рыбак,— сказала: «Убрал ли он ветку с камня?»

— Моя ткань,— добавил ткач,— сказала: «Ты бы тоже побежал без оглядки!»

— То же самое сказала и река! — буркнул купальщик.

Вождь выслушал их терпеливо и нахмурился.

— Поистине невероятная история! — воскликнул он наконец.— Думаю, будет лучше, если каждый из вас вернется домой и займется своим делом! Пока я не наказал вас за нарушение порядка и спокойствия.

И они пошли домой. Вождь посмотрел им вслед и укоризненно покачал головой:

— И такая глупость может всех взбаламутить?!

— Невероятно! Не правда ли? — сказал вдруг стул вождя.— Подумать только — говорящий ямс!

ПОЧЕМУ ПАВИАН ТАРАЩИТ ГЛАЗА

Сказка манджак

Однажды отправились звери в плавание по морю. Каждый заплатил рулевому, сколько мог. Собрал рулевой деньги, и лодка отчалила от берега.

А когда очутились они в открытом море, поднялся сильный ветер. Лодку бросало из стороны в сторону, словно щепку, и вскоре она наполнилась водой. Стали звери вычерпывать воду, а она не убывает!

— Нас слишком много! — закричал рулевой.— Надо кого-то выбросить за борт, иначе все потонем!

Выбросить! Но кого? Всем хочется жить. И решили звери выбросить самого уродливого.

Начал рулевой всматриваться в пассажиров. То к одному подойдет, то к другому. А среди пассажиров был павиан Кон. Испугался павиан, что его из лодки выбросят, начал тереть глаза, пока они не стали красными. И когда рулевой остановился возле него, Кон поднял свою страшную собачью морду, вытаращил глаза и спросил:

— Ты меня хочешь выбросить?

Испугался рулевой, увидав вблизи такое страшилище с красными глазами.

— Нет, не тебя,— ответил он и прошел мимо.

Всех осмотрел рулевой, но безобразнее Кона не нашел. Однако всякий раз, как он приближался к Кону, тот таращил на него кровавые глаза, скалился и рычал:

— Ты меня?

— Нет,— отвечал рулевой и проходил дальше.

А шторм все усиливался. Вода в лодке все прибывала. Надо было решать!

Тут рулевой увидел дикую свинью. У нее был приплюснутый пятачок, короткие ноги, а глазки совсем маленькие! Рулевой подал знак гребцам, и они выбросили свинью за борт. Так павиан Кон спас себе жизнь.

С тех пор все павианы грозно таращат налитые кровью глаза и скалятся, словно спрашивают:

— Ты меня?

И это их часто спасает.

ДВА ДУРАКА

Сказка манджак

Жили-были два парня в одной деревне. Однажды они заспорили, кто из них умнее.

— Я умней всех на свете! — сказал первый.

— Нет, я! — возразил ему другой.

— Нет, я!

Долго они так спорили и наконец решили пойти к старику мудрецу — пусть он их рассудит. Мудрец подумал, подумал, потом вручил первому парню длинный нож и сказал:

— Ты, сын мой, должен принести мне большую вязанку сизаля*.

Затем дал такой же нож второму парню и сказал:

— А ты, сын мой, должен принести мне полдесятка спелых плодов кабесейры.

Нигде поблизости сизаля не было, и первому парню пришлось отправиться за ним на дальнее поле. К полудню он нарубил большой ворох стеблей сизаля.

— Ах! — с досадой воскликнул парень.— Веревку-то я забыл захватить! Чем теперь связать сизаль? Ничего не поделаешь, придется сходить в деревню.

Пока он ходил за веревкой, солнце уже село. Лишь поздно вечером положил он вязанку сизаля к ногам старика. Мудрец посмотрел на сизаль, связанный веревкой, и подумал: «Давно я не видел такого дурака. Он даже не догадался связать сизаль жгутом из его стеблей, а отправился за веревкой в деревню. Трудно найти человека глупее!»

Теперь мудрец с нетерпением ждал возвращения второго парня, которого послал за плодами кабесейры.

А тот полдня бродил по лесу, пока наконец не наткнулся на огромное дерево кабесейры, увешанное зрелыми плодами. Парень вырезал пять палок и начал их бросать вверх, стараясь сбить плоды. Но палки одна за другой застряли в ветвях. Что тут делать? Полез парень на дерево. Достал одну палку и говорит:

— Послушай, палка! Ну и лентяйка же ты! Вместо того чтобы сбить мне плод, ты разлеглась на ветках. Слушай, ты должна попасть вот сюда, чтобы плод упал вниз. Мудрец велел принести плоды, и ты должна мне помочь. Поняла? Ты должна ударить вот здесь!

Так он терпеливо объяснил каждой палке, куда ей надо попасть, и снова начал бросать палки в плоды кабесейры.

Когда последняя палка опять застряла в ветвях, парень взобрался на дерево и начал упрашивать палки сбить ему хоть пяток плодов. Так он провозился до самого захода солнца. Поздно вечером с пустыми руками он вернулся в деревню и рассказал

К «Старой-престарой сказке».

мудрецу о своей неудаче. Тот внимательно выслушал его и задумался.

Поистине трудно было решить, кто из этих парней глупее!

ОТКУДА У ЗАЙЦА ШАПОЧКА

Сказка манкань

Теперь носит заяц на голове шапочку из темного меха. А раньше была у него белая шапочка. Сшил ее зайцу его отец, старый заяц. Да только недолго пришлось зайцу в ней щеголять. Увидел его шакал и отнял шапочку. Заплакал заяц, стал просить вернуть ему подарок отца. Да разве шакала уговоришь! Так и остался заяц без шапочки. Затаил он обиду и решил отомстить шакалу.

Как-то раз встретил заяц шакала в лесу и говорит:

— Брат шакал! Я знаю тут одно дерево, где живут пчелы. Помоги мне набрать меда! Сам я мал и до дупла не допрыгну.

Услышал шакал про мед и обрадовался.

— Веди меня скорее, показывай, где то дерево с дуплом! Я до меда живо доберусь.

Привел заяц шакала к большому дереву, где в дупле жили пчелы. Начал он прыгать вокруг дерева и жаловаться:

— Видишь, брат шакал, никак мне до дупла не достать! Попробуй сам, может быть, ты допрыгнешь.

Разбежался шакал, прыгнул на дерево и вцепился передними лапами в край дупла. Засунул он одну лапу в дупло, отковырнул кусок сотов с медом, сбросил вниз. Заяц тут же подхватил соты и спрятался за дерево. Быстро высосал мед и закричал шакалу:

— Брат шакал! Зачерпни поглубже, а то здесь меду нет, одна вощина!

Шакал устал держаться лапами за край дупла и решил залезть в него поглубже. Подтянулся, с трудом просунул в дупло голову и начал выгребать соты с медом. И тут на него набросились потревоженные пчелы. Начали они жалить шакала в лапы и морду. Вся голова у него распухла. Хотел он спрыгнуть на землю, а голова обратно не пролезает. Застрял шакал в пчелином дупле!

А заяц как закричит испуганным голосом:

— Брат шакал, охотники! Ой-ой-ой, видно, облава! И, похоже, идут сюда. Слезай скорее!

Попробовал шакал вытащить голову, а не может. А пчелы жалят еще сильнее!

— Брат заяц! — прохрипел шакал.— Не вытащить мне головы из дупла. Сбегай к питону, попроси его помочь мне, иначе я здесь умру.

— Хорошо, брат шакал,— сказал заяц.— Только достань

побольше меда, я его питону снесу, а то ведь он даром и с места не сдвинется.

Набросал шакал соты с медом на землю. Подобрал их заяц, отнес домой. Дома спрятал мед, взял свой большой барабан и бегом к дуплу.

Бежит, бьет в барабан и кричит:

— Брат шакал! Питона нет дома! А облава все ближе. Бежим скорей, охотники окружают лес. Слышишь, как загонщики бьют в тамтамы? Бежим, не то схватят тебя и сдерут с тебя шкуру! Скорее!

И тут заяц изо всех сил начал бить в барабан.

Услышал шакал барабанный грохот, рванулся и выдернул голову из дупла, ободрав весь мех на ушах. Шлепнулся шакал на землю и, не разбирая дороги, бросился наутек подальше от того места, где гремел барабан.

Когда он убежал, заяц вылез из кустов. Видит: висят на дереве клочья темной шакальей шкуры. Допрыгнул до них заяц, снял с дерева. Отнес эти клочки своему отцу и попросил сшить из них шапочку.

Сшил отец зайцу новую шапочку. Надел он ее и пошел щеголять по лесу. Да на беду повстречался ему шакал. Увидел он новую шапочку зайца и спрашивает:

— Откуда она у тебя? Что-то мех знакомый,— чей бы это?

— Да ведь это клочья от твоей шкуры, брат шакал!

— А ну, давай сюда шапочку, раз она из моей шкуры сшита!

— Как бы не так, брат шакал! Мою белую шапочку ты отнял, но эту темненькую не получишь!

Услышав такой ответ, пришел шакал в ярость. Бросился он на зайца, но тот прыгнул в сторону и пустился наутек. Шакал — за ним! И с тех пор все гоняется за зайцем, хочет отнять у него шапочку.

Да разве шакалу зайца поймать?

Вот и бегают зайцы по сей день в темных шапочках.

СОБАКА И КУРИЦА

Сказка биофада

Жили были два друга — курица и собака. Они спали в одном доме: собака у порога, а курица — внутри дома в клетке. Однажды заленилась курица и попросила собаку закрыть на ночь дверь. На это собака ответила:

— Если тебе так хочется, можешь закрыть, а мне все равно — что у порога спать, что на улице. Известное дело, собачья жизнь.

Курица пригрелась в клетке и не захотела встать, чтобы закрыть на ночь дверь.

— Как знаешь,— сказала курица.— Я живу в клетке, мне бояться нечего.

Но в ту ночь к ним в дом забралась лиса. Прошмыгнула она мимо спящей собаки, открыла клетку, вытащила курицу — и наутек! По дороге курице чудом удалось вырваться из лап лисы и убежать домой.

— Куда ты так долго ходила? — спросила собака курицу.

Курица ничего не ответила и молча легла спать.

На другой день вечером собака и говорит курице:

— Закрой получше дверь, а то тебя может украсть лиса. Я закрывать не буду,— я лисы не боюсь.

Вспомнила курица, как лиса тащила ее через лес, встала и закрыла дверь на засов.

С тех пор все куры спят под замком.

КАК ЛИС ОБМАНУЛ ГИЕНУ

Сказка фульбе

Рассказывают, что однажды лис, изнемогая от жажды, подошел к колодцу. А на барабан была натянута веревка с двумя ведрами на концах. Уселся лис в верхнее ведро и спустился вниз, а второе ведро и поднялось!

Напился лис воды, а вылезти не может. Заглянула в колодец гиена и увидела в воде луну и лиса, сидящего на дне. Гиена спросила:

— Что ты там делаешь?

А лис указал на отражение луны и сказал:

— Я ем половину этого сыра, а вторая половина останется для тебя.

— Как же мне спуститься?

— Сядь в ведро,— ответил лис.

Под тяжестью гиены верхнее ведро опустилось вниз, а ведро с лисом поднялось наверх.

Так лис выбрался из колодца, а глупую гиену оставил там.

КАК ГИЕНА НА БАЗАР ХОДИЛА

Сказка фульбе

Сходил заяц на базар, накупил съестного. Баклажанов купил, арахисового шербету. Пришел он назад в лес, видит — гиена. Достал заяц шербет, отломил кусок, дал гиене отведать.

— О! Да как это вкусно! Где ж можно раздобыть такое? — спрашивает гиена.

А заяц в ответ:

— Да на базаре! На базаре есть все, что твоей душе угодно.

— Так пошли скорей на базар! — зовет гиена.

— Нет,— покачал головой заяц.— Базар только раз в неделю бывает.

— Обязательно пойду в следующий раз,— решила гиена.

Вот дождалась гиена базара и отправилась. Только пришла на базар — глядь, мясная лавка. Кругом говяжьи да бараньи ноги развешаны. Кинулась гиена в лавку, вцепилась в окорок. Мясник подскочил да оплеуху ей ляп! Бросила гиена окорок:

— Вот это называется базар! А заяц-то мне совсем по-другому рассказывал!

Вернулась гиена в лес, а тут заяц навстречу.

— Эй, заяц, хорош получился твой базар! Я на базар тырк! А мне тут же оплеуху ляп!

— Да не совсем так,— засмеялся заяц.— Ты на базар тырк, чужое хап! А тебе оплеуху ляп!

— Откуда ты знаешь? — удивилась гиена.— Ты там был, что ли?

— Нет, не был,— отвечает заяц,— да я тебя хорошо знаю.

КУРОПАТКА И ЗАЯЦ

Сказка фульбе

Однажды куропатка и заяц поспорили: кто из них лучше спрячется?

Куропатка вырыла ямку поглубже среди пеньков и забралась вся — только лапы торчат наружу.

Заяц ходил-ходил, искал-искал, все обыскал — нет куропатки! Наконец устали и куропатка, и заяц. Тогда куропатка и говорит:

— Дядюшка заяц, устала я. Снимай поскорее сумку. Ишь повесил мне на лапы!

Удивился заяц, засмеялся и снял сумку. А куропатка вылезла из ямки и стряхнула пыль с себя.

Настала очередь зайца прятаться. Забрался он в соседние кусты и притаился там. Ищет-ищет куропатка, все обыскала, а зайца найти не может. Тогда куропатка громко рассмеялась:

— Вылезай, дядюшка заяц, я тебя вижу!

Заяц и выскочил! Он-то не знал, что куропатка его вовсе не видела!

Вот теперь и скажите: кто же хитрее — куропатка или заяц?

НЕНАСЫТНЫЙ АНСИГЕ КАРАМБА

Сказка менде

Жил в деревне Маку человек по имени Ансиге Карамба.

От отца ему досталось большое наследство, и Ансиге слыл богачом, но был жаден и скуп. Кроме того, Ансиге отличался невероятным обжорством.

У него была жена Паама, множество слуг и рабов. Всем доставалось от него. Пааму он постоянно укорял:

— Ты плохо меня кормишь и не заботишься обо мне так, как жена должна заботиться о своем муже.

И всегда он был не в духе. Ему казалось, что слуги и рабы едят слишком много, да еще и обворовывают его. А на самом деле слугам доставалось очень мало еды, потому что Ансиге прятал свои припасы так старательно, что никому не удавалось отыскать их.

Жители деревни Маку считали Ансиге самым плохим человеком на свете.

Он так надоел Пааме постоянным ворчанием и упреками, что и ей стало невмоготу жить с ним дальше. И однажды она сказала:

— Я пойду навестить отца. Родные по мне, наверно, соскучились.

Собрала она свои пожитки и ушла из Маку к себе в деревню.

После ее ухода Ансиге стало совсем плохо. Еду готовили ему теперь слуги. Они заботились о нем не так, как жена. Если раньше, до ухода Паамы, его кормили вкусно, то теперь еда стала хуже и с каждым днем ее становилось все меньше.

Чем больше Ансиге упрекал слуг и рабов, тем хуже ему жилось. Им надоела жадность и обжорство хозяина.

Прошло много времени с тех пор, как ушла Паама, и вот как-то утром Ансиге признался самому себе:

— Жизнь моя незавидная. Два года минуло с тех пор, как жена сбежала к родным, и теперь я вынужден платить неблагодарным слугам только за то, что они готовят мне еду. У них же одна забота: обмануть меня да накормить похуже. Как бы мне не помереть с голоду! Надо пойти за Паамой и привести ее домой.

После долгого пути пришел он в деревню, где жили родители Паамы.

Отец Паамы встретил его приветливо и по законам гостеприимства подарил ему козленка.

У Ансиге даже слюнки потекли. Забыв про все на свете, он схватил козленка, поскорее зарезал его и сварил. При этом он страшно спешил, потому что боялся: вдруг кто-нибудь явится и тогда придется ему делиться своей едой? Даже не дождавшись, пока мясо сварится, он начал жадно глотать его кусок за куском.

Он ел, ел и ел. И вскоре от козленка не осталось и косточки.

Но Ансиге все еще не наелся. Он увидел большую овцу, которая паслась в поле, поймал ее, зарезал и принес к своему костру.

А между тем прошло немало времени с тех пор, как Ансиге ушел из деревни, и Паама стала беспокоиться о муже:

— Я своего муженька знаю! Пойду посмотрю, что с ним приключилось из-за его обжорства.

Пошла она, а Ансиге как раз собирался свежевать овцу.

— Что ты делаешь?! — испугалась Паама.— Вижу, это вовсе не козленок, которого дал тебе мой отец. Ведь это овца вождя племени!

— Не притворяйся, будто ты меня не знаешь,— сердито ответил ей Ансиге.— Козленка, что дал мне твой отец, я уже съел, но этого мне было мало; я увидел овцу и решил ее тоже съесть.

— И надо же было случиться такому несчастью! — воскликнула Паама.— Вождь племени накажет тебя за это! Но все-таки я попытаюсь помочь тебе!

Паама велела Ансиге отнести зарезанную овцу туда, где была привязана дикая лошадь вождя племени, и положить ее рядом с лошадью. Потом, вернувшись в деревню, Паама сказала вождю, что, судя по всему, лошадь лягнула овцу и убила ее.

Вождь сейчас же послал туда слугу посмотреть, что случилось, и тот, вернувшись, сказал:

— Да, это правда, овцу, наверное, убила лошадь. Такое несчастье!

На другой день Паама призналась отцу:

— Ансиге пришел из Маку голодный как волк. Что бы мне такое приготовить, чтобы накормить его досыта?

— А почему бы тебе не поджарить ему молодые початки маиса? — посоветовал отец.— Это как раз утолит его голод.

Паама пошла в поле, набрала большую корзину маисовых початков. Того, что она набрала, хватило бы на двадцать человек.

Паама поджарила молодые початки и подала мужу.

Ансиге съел все без остатка. Но все-таки не наелся. Он пошел в поле и торопливо стал обрывать маисовые початки.

Ансиге собрал столько початков, что с трудом мог унести. Он взвалил их на спину и отправился в деревню.

Становилось все темнее и темнее, и ему нелегко было найти дорогу. Наконец Ансиге выбрался на тропу.

К этому времени стало так темно, хоть глаз выколи. Только вдали кое-где мелькали огоньки деревни. Ансиге решил идти к ним напрямик. Но у дороги был вырыт колодец. И когда Ансиге подошел к нему в темноте, то вместе со всей своей ношей упал в колодец.

А Паама, оставшись в доме отца, в это время подумала: «Я своего муженька хорошо знаю! Пойду-ка взгляну, что с ним случилось. В какую беду снова попал он из-за своего ненасытного желудка».

И, взяв факел, она пошла искать мужа.

Подошла Паама к колодцу и тут услыхала крики Ансиге: он звал на помощь.

Заглянула Паама в колодец, осветила его факелом и увидела на дне Ансиге, а вокруг него плавали початки маиса.

— Что ты там делаешь? — спросила Паама.

— Не притворяйся, ты же меня знаешь! — закричал Ансиге.— Я искал чего-нибудь поесть. Все только одного хотят: уморить меня голодом. Лучше помоги мне выбраться отсюда!

— Да, ты попал в беду! Кому это понравится, что ты воруешь зерно?! Но делать нечего, я тебя вызволю.

Она побежала в поле, где паслись коровы, и согнала их всех на маисовое поле, где так потрудился Ансиге. И когда коровы начали щипать то, что осталось после Ансиге, Паама подняла крик. Из деревни прибежали люди.

— Что случилось? — спросили они Пааму.

— Большое несчастье! — ответила Паама.— Мой муж гулял в поле и увидел, что коровы топчут маис. Он разогнал коров и собрал упавшие на землю початки. Но ведь он не здешний, он совсем не знает дороги — пошел наугад и упал в колодец.

— Ну, не беда! — утешали ее соседи.— Ничего, мы его вытащим.

Они прогнали с поля коров, принесли факелы, веревки и вытащили Ансиге из колодца.

Первое, что он сделал,— пустился бегом в дом Паамы, чтобы поскорей поужинать.

На другой день отец сказал Пааме:

— Сегодня приготовь своему мужу что-нибудь повкуснее. Приготовь самое любимое его блюдо!

— Я приготовлю ему лепешки из проса,— кивнула Паама.

Она насыпала проса в деревянную ступку и стала толочь его, толкла и растирала до тех пор, пока все до последнего зернышка не превратилось в муку, а Ансиге тем временем с жадностью следил за женой. Четыре раза насыпала Паама зерно в ступку и намолола целую гору муки. Потом она смешала муку с водой и приготовила тесто, а когда испекла лепешки, понесла их Ансиге.

Этими лепешками можно было накормить двадцать человек. Но Ансиге съел все один. И когда последняя крошка была съедена, Ансиге уставился горящими от жадности глазами на ступку, где было просо:

— Может быть, там осталось еще немножко?

Подошел он к ступке, заглянул внутрь и увидел на ее стенках прилипшую муку. Он засунул голову в ступку, чтобы слизать языком муку, а на донышке ступки тоже осталось немного муки.

Ансиге подальше засунул голову в ступку, стараясь достать языком муку. Но когда он попытался вытащить голову обратно, то не смог: голова крепко застряла в ступке.

А в это время Паама подумала: «Я знаю своего муженька! Пойду-ка посмотрю, не попал ли он в новую беду из-за своего обжорства».

Вошла она в дом и внимательно огляделась. Но Ансиге нигде не было. Тогда Паама отправилась во двор и увидела мужа, голова которого застряла в ступке.

— Что с тобой случилось? — воскликнула Паама.

— Нечего стоять и расспрашивать, что со мной случилось,— рассердился Ансиге. Голос его звучал сдавленно и глухо.— Я хотел слизать языком муку. А теперь завяз крепко. Придумай же что-нибудь!

— Хорошо, хорошо,— сказала Паама.— Я тебя выручу.— И она стала звать на помощь.

Сбежались люди и стали спрашивать, что случилось.

— Ах, какое несчастье, какое несчастье! — повторяла Паама.— И во всем я сама виновата. Я сказала мужу, что у него слишком большая голова, а он говорит, нет, совсем не большая. Я сказала, что у него голова не влезет в ступку, а он стал спорить и сунул голову в ступку, да и застрял там. Во всем виновата я одна!

— Ну ничего, ничего,— смеясь, утешали ее соседи.— Беда не так уж велика!

Они не могли удержаться от смеха, увидев, как Ансиге застрял в ступке.

— А ведь твоя правда,— говорили соседи Пааме.— Головато у него и верно большая!

Потом принесли топор, раскололи ступку и освободили Ансиге.

Вся деревня над ним потешалась. А он так рассердился, что собрал все свои пожитки и пустился в обратный путь, в деревню Маку.

Вернулся Ансиге домой и вдруг вспомнил, что, увлекшись едой, позабыл сказать Пааме, чтобы она вернулась вместе с ним. И послал слугу сказать жене, чтобы она сейчас же воротилась. Но Паама только велела слуге сказать мужу: «Уж я-то тебя знаю!»

КОЗА И ШАКАЛ

Сказка манден

Однажды пошла коза рыбу сетью ловить. Забрасывала она сеть и тут и там, но ничего ей в сеть не попадалось.

Задумалась коза: «Что делать? Чем козлят голодных кормить?»

Вдруг видит: идет по берегу шакал и тащит целый мешок свежей рыбы,— видно, улов был богатый.

«Эх, была не была! — подумала коза.— Либо съест меня шакал, либо я его перехитрю!»

— Эй, соседка, как дела? — крикнул шакал издали.

Но коза по-прежнему сидела с задумчивым видом, словно ничего не слышала.

Второй раз окликнул ее шакал, и снова коза не ответила. Тогда шакал с досады бросил мешок с рыбой, швырнул сеть, подскочил к козе и заорал:

— Эй, коза, проснись! Я спрашиваю: как дела?!

— А? Что вы сказали? — встрепенулась коза.

— Послушай, соседка, о чем ты так задумалась, что даже не слышишь, когда тебя спрашивают? — удивился шакал.— Видно, тебе твоя шкура не дорога!

— Ах, извините,— с испугом ответила коза.— Ума не приложу, что мне делать с мясом. У меня дома мяса полон сарай, а в такую жару оно быстро портится. Вот я и думаю, что мне делать, как его сохранить?

— Откуда же у тебя столько мяса? — недоверчиво спросил шакал.

— Да была я недавно у могущественного колдуна, и он сделал мне такие рога, что, стоит мне наставить их на какого-нибудь зверя, он сразу же умирает. Многие звери не верили, вот и поумирали. Туши я перетаскала в сарай, и теперь он полон. А мясо портится. Что? Вы мне тоже не верите?

— Верю, верю! — закричал шакал.

Взглянул он на козьи рога и от страха закрыл глаза. Так, с закрытыми глазами, и начал пятиться в кусты. А потом повернулся и бросился со всех ног подальше от страшных рогов козы.

А коза подобрала мешок с рыбой и сеть шакала и спокойно пошла домой.

В тот вечер в доме у козы все были сыты, а шакал бегал вокруг деревни и выл от голода.

О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ БЕДНЫЙ ЗАЯЦ

Сказка манден

Жила-была одна старушка. Была у нее внучка Анни — о красоте ее слава шла далеко-далеко.

Собрались вместе богатые звери — слон, буйвол, лев, носорог, леопард — и решили пойти к девушке просить у нее руку и сердце. Каждый из них надел самый лучший наряд и прихватил с собой богатый подарок для Анни и для ее бабушки.

— Возьмите меня с собой! — попросил их бедняк заяц.

— Ха-ха-ха! Го-го-го! — засмеялись богатые звери.— Вы только послушайте его! Ха-ха-ха! Голодранец собрался жениться на красавице Анни! Го-го-го!

Посмеялись над зайцем богатые звери и тронулись в путь. Позади них босиком шел заяц. В стареньких латаных брюках, в выцветшей рубашке и дырявой шляпе на голове, он был не чета богатеям, и все над ним только потешались.

Вскоре богатые звери догнали старушку, она несла на голове тяжелую вязанку хвороста.

— Сыночки, помогите! — обратилась она к богатым зверям.

Но никто из них не повернул даже головы в сторону старушки. На них были чистые белые рубашки и новые костюмы. И они спешили к юной невесте Анни.

А бедный заяц остановился и сказал:

— Давайте я вам помогу!

Снял он свою старую шляпу, попросил старушку подержать ее, а сам взвалил себе на голову грязную вязанку хвороста и бодро зашагал по дороге.

Когда богатые звери пришли в дом Анни, они наперебой начали предлагать ей свои подарки и просить ее выбрать себе жениха из них. Но Анни ответила, что скоро придет ее бабушка, она и выберет ей жениха.

Вскоре вернулась домой старушка.

— Анни! — сказала она с порога.— Быстренько нагрей воды для нашего гостя, а то он нес вязанку хвороста и запачкался. Да не забудь выстирать ему рубашку!

Умылась старушка, переоделась и вышла к богатым гостям. Они сидели, важно развалившись, и держали руки в карманах.

— Зачем пожаловали? — спросила она их.

Богатые звери начали предлагать ей подарки и просить отдать замуж красавицу внучку.

— Благодарю вас за честь,— сказала старушка.— Спасибо, что не побрезговали нашей хижиной. Но вы опоздали. У меня уже есть зять. Он настоящий труженик. Знаю, он и меня, старуху, в беде не оставит, и моей дорогой внучке Анни верным другом будет.

И старушка позвала зайца. Вышел заяц, одетый в чистую рубашку, аккуратно причесанный.

От удивления богатые звери ахнули. Но что поделаешь? Опозоренные, они ушли ни с чем.

Вот с тех пор богатые звери не любят маленького бедного зайца.

КРОКОДИЛЬИ СЛЕЗЫ

Сказка манден

Поселился один человек в лесу, построил хижину и занялся охотой. Каждый день возвращался он с богатой добычей, но прошел год, другой, и все звери вокруг разбежались. Теперь охотнику приходилось долго бродить по лесу, чтобы найти добычу.

Однажды охотник два дня плутал по лесным тропинкам, но не встретил даже мыши. И вдруг он заметил в кустах крокодила. Видно, уполз крокодил далеко от реки и заблудился в незнакомом лесу.

Обрадовался охотник нежданной добыче, вскинул ружье, прицелился крокодилу в голову.

— Не стреляй в меня! — взмолился крокодил.

— Почему это мне в тебя не стрелять? У меня и ружье уже заряжено. Я охотник меткий и еще ни разу не упускал добычу.

И охотник снова вскинул ружье.

Заплакал крокодил:

— Не надо меня убивать! Пожалуйста!

Медленно опустил охотник ружье и сказал крокодилу:

— Я целых два дня и ночь бродил по лесу, но не встретил ни зверя, ни птицы. Если я не убью тебя и не принесу домой мяса, моя семья умрет с голоду.

— Не убивай меня! — стал просить охотника крокодил.— Уж очень мне жить хочется. У меня совсем пересохло в горле, и я сам не доползу до воды. Отнеси меня к реке, я тебе за это хорошо заплачу. Будет у тебя и еда, и вино, и деньги. Я очень богат! У меня на дне реки спрятано много золота и серебра...

Подумал охотник и говорит:

— Ладно, не буду тебя убивать, только не забудь хорошенько мне заплатить. Но как же я тебя донесу до реки? Ты очень тяжелый!

— Пожалуйста, спаси меня! — умолял крокодил, и крупные слезы катились из его глаз.— Видишь, я плачу. Уж как-нибудь понесешь, потихонечку, с остановками...

— Хорошо,— согласился охотник,— так и быть, донесу тебя до реки. Но боюсь, как бы ты меня по дороге не съел,— вон какая у тебя огромная пасть!

— Не бойся пасти, бойся зубов,— ответил крокодил.— А чтобы я не мог тебя съесть, сунь мне в рот толстую палку, а морду завяжи веревкой.

— Да, но у тебя такие сильные лапы! — возразил охотник.— Нести тебя будет страшно.

— Не бойся лап, побойся когтей,— снова ответил крокодил.— А на всякий случай свяжи мне лапы веревкой, я и оцарапать-то не смогу тебя.

Вставил охотник палку в пасть крокодила, а морду туго обмотал веревкой. Потом связал крокодилу лапы и взвалил его себе на спину.

— Спасибо! Я знал, что у тебя доброе сердце! — всхлипнул крокодил.

И понес его охотник через лес к реке.

Шел он медленно, часто останавливался. Легко ли нести на себе такую тушу? Пот катился по лицу охотника, ноги его подгибались, но он шел и шел вперед.

И вот показалась река.

— Устал я, нет больше сил тебя нести,— тяжело вздохнул охотник.— Давай я тебя развяжу, ползи к воде сам.

Но крокодил снова принялся упрашивать охотника:

— Пожалуйста, отнеси меня поближе к реке! Я совсем обессилел и умираю от жажды. К тому же лапы у меня так долго были связаны, что совсем онемели.

Делать нечего. Вздохнул охотник и понес крокодила дальше. Донес до берега, положил у самой воды.

— Ну, теперь все? — спрашивает охотник.

— Нет, отнеси меня, где поглубже! — отвечает крокодил.

Оставил охотник ружье на берегу и поволок крокодила в реку. Вот уже вода до колен достает охотнику.

— Здесь-то в самый раз теперь будет?

— Нет,— сказал крокодил,— еще рано.

Вот уже вода до пояса достает охотнику.

— А теперь?

— Нет,— снова говорит крокодил.— Здесь еще слишком мелко.

А когда вода дошла охотнику до горла, остановился он:

— Ну, теперь, наверное, пора. Дальше я идти не могу, боюсь утонуть.

— Ладно, теперь в самый раз! — согласился крокодил, и крупные слезы покатились из его глаз.

Развязал охотник крокодила и говорит:

— Я твою просьбу исполнил: оставил тебя в живых и донес до реки в такую жаркую пору. Легко ли мне было! Но я бедный человек, у меня большая семья, и ты теперь должен меня щедро отблагодарить.

— Не беспокойся! — кивнул крокодил.— Я тебя так отблагодарю, что никаких забот теперь знать не будешь! Я тебя съем! Разве ты не знаешь, что за добро платят злом? Разве ты не знаешь, что такое крокодильи слезы? Мы плачем, когда собираемся съесть свою жертву. Ха-ха-ха!

— Я не знал, когда крокодилы плачут,— ответил охотник.— Но я знаю, что ты поступаешь нечестно. За добро следует платить добром, у кого хочешь спроси!

Долго спорили крокодил и охотник и наконец порешили спро-

сить первых трех зверей, которые придут к реке, кто из них прав. Как звери рассудят, так и будет!

Притаились они под берегом и стали ждать.

Вскоре прибежала к реке газель.

— Ты кто? — спросил ее крокодил.

— Я газель!

— Чего тебе надо на моем берегу?

— Я умираю от жажды,— ответила газель.— Разреши мне напиться.

— Запрещаю тебе пить из моей реки! — крикнул крокодил.— Но если мне понравится, как ты ответишь на мой вопрос, может, я и позволю тебе напиться.

— О чем ты хочешь меня спросить? — удивилась газель.

И крокодил принялся рассказывать, как он уполз далеко от реки, чтобы найти себе добычу, и заблудился в лесу.

— Охотник нашел меня, хотел застрелить, но я заплакал и уговорил его не убивать меня, отнести к реке на глубокое место. А за это я обещал ему выкуп. Но он не знал, что такое крокодильи слезы, не знал, что за добро всегда платят злом. И когда я сказал, что хочу его съесть, он ответил, что это нечестно. Рассуди нас! Скажешь, что я прав, можешь пить сколько хочешь!

Газели очень хотелось пить. Посмотрела она на охотника и говорит крокодилу:

— Ты можешь съесть этого человека. Своей огненной палкой он убил много зверей, но сегодня пришел его час. Он должен был знать, что такое крокодильи слезы!

— Слышал, что сказала газель? — обрадовался крокодил.

— Слышал,— опечалился охотник.

Напилась газель и убежала, а крокодил с охотником остались под берегом ждать других двух зверей, чтобы те их рассудили.

Через некоторое время показался у реки шакал. Только он спустился к воде, крокодил его окликнул:

— Стой, ты кто?

— Шакал.

— Что тебе здесь понадобилось, на моем берегу?

— Я пришел напиться.

— Сначала ответь на один вопрос, а потом пей вволю,— решил крокодил.

Рассказал он шакалу, как дело было. А потом спрашивает:

— Могу я съесть этого человека?

— Конечно, можешь, раз голоден,— тявкнул шакал.— Чего тут раздумывать?! Будет знать, что такое крокодильи слезы!

— Ну?! Слышал? — обрадовался крокодил.

— Да,— ответил охотник упавшим голосом.

Напился шакал и убежал поскорее в лес.

Долго ждали охотник и крокодил третьего зверя, но на берегу никто не показывался.

— Я так голоден, что у меня больше нет сил ждать! — проревел крокодил.— Сейчас я тебя съем! Ты своими ушами слышал, что сказали газель и шакал. То же самое тебе скажет любой зверь. Мы только зря тратим время...

Но охотник стоял на своем:

— Скажет третий зверь, что ты прав, тогда меня и съешь. А пока подождем!

Наконец из лесу выскочил на берег заяц. Огляделся по сторонам, подбежал к реке и только хотел напиться, как вдруг услышал хриплый голос крокодила:

— Стой! Ты кто?

— Заяц!

— Что ты делаешь на моем берегу?

— Прибежал напиться. Я всегда пью здесь в это время.

— А сегодня я тебе запрещаю! — сказал крокодил.— Сначала ответь на один вопрос.

И крокодил начал рассказывать все с самого начала. Внимательно выслушал его заяц и говорит:

— Позвольте мне напиться, а потом уж я вам отвечу. У меня от жажды в горле першит, и я очень боюсь, что вы прогоните меня от воды, если я отвечу неправильно. А судья не должен бояться!

Подумал крокодил и согласился:

— Ладно, пей! Я хочу, чтобы ты без страха ответил, имею ли я право съесть этого человека, если я голоден.

Напился заяц, стряхнул воду с усов и говорит крокодилу:

— Я бы вам ответил, но не могу судить по справедливости возле реки. Придется вам выбраться на берег и отползти подальше в лес.

— Почему ты не можешь рассудить нас здесь? — удивился крокодил.— Может, шум воды мешает тебе думать?

— Нет, не поэтому! Мой дедушка разбирал тяжбу вашего дедушки с одним человеком на берегу реки и не дожил до старости. Мой отец тоже как-то взялся судить близ воды и умер не своей смертью. Из-за этого я так рано остался сиротой. Нет, я согласен рассудить вас только в лесу, подальше от воды!

— Ладно,— согласился нехотя крокодил.— Только пусть охотник сам несет меня в лес,— мне по суше ползать тяжело!

— Я боюсь нести его на себе,— признался охотник зайцу.— Смотри, какая у него пасть и какие лапы!

— Не бойся большой пасти и сильных лап, опасайся зубов и когтей,— сказал заяц.— Нес же ты крокодила к реке из лесу, так же понесешь и в лес от реки. Иначе я не смогу вас рассудить!

— Ладно уж,— проворчал крокодил.

Бросил заяц охотнику веревку и палку. Охотник связал крокодилу лапы, сунул толстую палку в пасть, а морду туго замотал. И потащил крокодила к берегу.

Когда вода дошла охотнику до пояса, спросил крокодил:

— Заяц, может, ты здесь нас рассудишь?

— Нет! — ответил заяц.— Вы ведь еще в воде, а не на суше.

Вот дошла вода охотнику до колен, и снова крокодил спрашивает:

— Заяц, а теперь ты можешь сказать, кто из нас прав?

— Нет! — ответил заяц.— Пусть охотник подальше отойдет!

Выволок охотник крокодила на берег, подобрал свое ружье, взвалил крокодила на спину и понес к лесу. Не успел он сделать и трех шагов, крокодил опять спрашивает зайца:

— Ну а теперь можешь нас рассудить? Мы ведь уже на земле.

— Нет,— ответил заяц.— Не могу я судить поблизости от воды. Вот дойдем до леса...

И лишь когда охотник отнес крокодила далеко в лес, заяц остановился:

— А теперь, охотник, бросай крокодила на землю, сейчас я вас рассужу. Охотник! Убей этого крокодила! Он тебя обманул, чуть было не съел. Осталась бы твоя семья без кормильца. Убей его! Пусть все знают, что за добро платят добром, а за зло платят злом. Убей его! И никогда не верь крокодильим слезам.

И охотник пристрелил крокодила.

С тех пор все знают, чего стоят крокодильи слезы.

КАК ПОЯВИЛСЯ МЕСЯЦ

Сказка манден

Давным-давно, когда еще не было луны, не было и смерти. Люди не умирали. Ведь с неба свисали цепи. Когда люди уставали от жизни, они взбирались по цепи на небо, выше облаков, и отдыхали там сколько хотели.

Жил тогда кузнец, по имени Фазого Ба Си, очень искусный в своем ремесле. Жизнью он не был доволен. Еще бы! У всех людей было много детей, много сыновей, у него же были только две дочери и ни одного сына. Не было у него помощника. Это огорчало его: ведь он должен был сам все делать: и разжигать угли, и раздувать мехи, и все сам, и только сам.

Сколько ни горевал он, даже гневался, а сына нет и нет. Вот однажды кузнец и сказал людям:

— С меня довольно, ухожу на небо.

Люди отвечали ему:

— Подожди немного, у тебя еще будут сыновья, и тогда станет тебе легче.

И остался Фазого Ба Си. Но однажды, когда он докрасна раскалил кусок железа, то снова пришел в гнев, взял железо и влез на небо.

Увидели это его дочери и последовали за ним.

— Пойдем за отцом. И чтобы он никогда с нами не расставался и не мог уйти от нас, надо обрубить цепи,— сказали они.

И как сказали, так и поступили.

И с того времени люди стали умирать: они навсегда потеряли цепь, когда кузнец со своими дочерьми ушел на небо.

А железо, которое кузнец только что выковал, стало месяцем.

И когда месяц узким серпом встает на вечернем небе, говорят:

— Вот Фазого Ба Си раскалил свое железо.

Когда полный месяц сияет на небе, говорят:

— Вот кузнец окончил свою работу.

А около месяца две маленькие звездочки. Их видно только в очень ясную погоду. Это дочери кузнеца.

ЗОЛОТОГЛАЗАЯ АЙЗЕ

Сказка сонинке

Жили некогда в одной стране царь и его верный раб. У каждого из них была семья, но не было слышно во дворце ребячьих голосов — ни у царя, ни у раба детей не было. Звали они лучших колдунов и знахарей, да все впустую: годы шли, а все оставалось по-прежнему.

И вдруг в один прекрасный день разнеслась по стране весть, что у царя появился наследник. В тот же день и у раба сын родился. Через неделю, как и положено, состоялся обряд наречения: царский сын получил имя Маду Благородный, а сына раба назвали Маду Раб.

Шли годы, мальчики росли, и были они похожи как две капли воды — никто не мог отличить, где Маду Благородный, а где Маду Раб. Это не на шутку беспокоило царя. И вот одна старая женщина посоветовала ему изготовить два браслета — один из золота, другой из серебра — и золотой браслет дать Маду Благородному, а серебряный — Маду Рабу. Так царь и сделал.

Мальчики росли вместе. Шли годы, и вот пришла пора им жениться.

Самую красивую невесту в своей стране выбрал царь для Маду Благородного. Но не захотел царевич брать жену из отцовских подданных, и Маду Раб поддержал его:

— Не станем мы искать невесту для Маду Благородного в родном краю. Решили мы отправиться в чужие земли и посватать золотоглазую Айзе.

Бывают минуты, когда отец уступает в споре с сыном, даже если он и царь. Отпустил царь сына, а вместе с ним Маду Раба странствовать по белу свету, а в дорогу приказал положить им вдоволь копченой рыбы да имбиря.

Юноши ехали дни и ночи. Миновали они владения туарегов и

сонинке, фульбе и бамана. Где они ни проезжали, их спрашивали одно и то же: «Куда вы путь держите, юноши, без оружия? Да и на воинов вы вовсе не похожи!» — «Путь наш далек,— отвечали они.— Едем мы сватать золотоглазую Айзе!» А в ответ слышались одни и те же слова: «Не тратьте, юноши, сил понапрасну. То, что вы затеяли, не под силу было и самым отважным».

Но молодых людей мало трогали подобные предостережения. И они продолжали свой путь. Ехали они две недели, месяц, вот уже и целых три месяца и наконец очутились у стен богатого дворца.

Старая колдунья провела их к царю. Поинтересовался царь, зачем они пожаловали, и, разузнав все, только покачал головой:

— Воротитесь-ка, юноши, назад, пока не поздно. Тот, кто добивается руки моей Айзе, должен пройти испытание: целую неделю предстоит ему пробыть в верхней комнате дворца, и все это время не получит он ни воды, ни пищи. Выдержит смельчак испытание — возьмет Айзе в жены, не выдержит — расстанется со своей головой. А уж неподкупная моя колдунья проследит, чтобы все было как следует.

Маду Благородный долго не стал раздумывать, и тут же его заперли наверху. А старая колдунья и говорит:

— Маду Благородный, хорошенько запомни: попытаешься схитрить — твой отец умрет, отступишься — умрет твоя мать, ну а просто так сидеть будешь — сам умрешь от голода. Выбирай, упрямец, что тебе больше по душе.

Проходит ночь, две ночи, три ночи, проходит пятая ночь. Маду Благородный не ест, не пьет. Все вокруг только и говорят, что о близкой свадьбе Айзе и Маду Благородного. И никто не знает, что каждую ночь, под утро, Маду Раб, обернувшись кошкой, прокрадывался к своему товарищу и приносил ему еду и питье. Ни о чем не подозревала и колдунья.

На седьмую ночь, в привычный час, Маду Раб принес своему товарищу ужин. Сытно закусив, Маду Благородный и не заметил, как уронил на пол рыбью косточку.

А колдунья сразу почуяла в его комнате запах рыбы.

Она внимательно осмотрела все и заметила рыбью кость. Схватила ее старуха, завернула в платок и спрятала понадежней в царских покоях.

А Маду Благородный, ничего не подозревая, спокойно спал до утра.

Стал раздумывать Маду Раб, как выручить товарища из беды. Обернулся кошкой и, заметив пробегавшую мимо мышку, схватил ее за хвост:

— Хоть между котами и мышами давняя вражда, я, пожалуй, пощажу тебя, но при одном условии: сейчас же проберись в царские покои и принеси мне рыбью косточку, что завернута в платок.

Мышка, довольная, что так легко отделалась, тут же обшарила все царские покои и принесла платок. Маду Раб достал оттуда рыбью кость, а на ее место положил золотой браслет Маду Благородного. Мышка быстренько оттащила платок назад и побежала восвояси.

Наутро царь приказал бить в барабан: срок испытания истек. Толпа, собравшаяся на площади, в один голос кричала:

— Слава Маду Благородному! Нет равных Маду Благородному!

Вдруг показалась старая колдунья. Подойдя к царю, она громко сказала:

— Не видать Маду Благородному руки Айзе! Вчера он нарушил царский запрет. Прикажи, царь, казнить его!

— Откуда тебе это известно? — удивился царь.

— Вели принести сосуд, спрятанный в твоих покоях, и убедишься сам.

— Пусть сосуд принесет рука, которая его туда поставила,— молвил царь в ответ.

Старуха поковыляла за сосудом, притащила его и торжествующе выкрикнула:

— Сними скорее, царь, крышку, и ты увидишь платок, в который завернута найденная у Маду рыбья косточка.

А царь в ответ:

— Пусть косточку достанет рука, которая ее туда спрятала.

Старуха поспешно вытащила платок, но вместо рыбьей косточки из него со звоном выкатился золотой браслет.

В толпе послышались крики:

— Этот браслет Маду подарил невесте в знак своей любви! Старуха растеряла всю свою силу!

Злую старуху тут же на площади и казнили.

Царь отдал золотоглазую Айзе в жены Маду Благородному, а в придачу хотел дать ему сотую долю своих несметных богатств. Но оба Маду в один голос сказали:

— Наше богатство — это Айзе. Не нужно нам больше ничего.

Вместо сокровищ попросили они у царя меткий лук да острую саблю и двинулись в обратный путь.

Бамана, фульбе и бозо — все, кто встречался им на пути, пытались похитить у них золотоглазую Айзе, но храбрость и сила Маду Благородного и Маду Раба охлаждала самые горячие головы.

Последними, кого они встретили, были воинственные туареги. Долго бились с ними юноши, но силы были неравны. И вот упал без чувств Маду Раб, повалился на землю Маду Благородный, а туареги схватили Айзе и умчались прочь.

Вернулись Маду домой опечаленные. В родном селении их встретил царь:

— Разве не предлагал я сыну жениться на самой красивой

девушке в нашем царстве? Надеюсь, теперь жизнь вас чему-нибудь научила.

— Выслушай нас, царь,— сказал в ответ Маду Раб.— Золотоглазую Айзе похитили у нас туареги, но им далеко не уйти. Я отправляюсь в погоню и не вернусь, пока не настигну их.

С этими словами оседлал Маду коня и поехал на поиски Айзе.

Подъехав к стоянке туарегов, Маду увидел, что она безлюдна, туареги, по обыкновению, с кем-то воевали, а золотоглазую пленницу охраняли лишь злые псы. Маду бросил голодным псам кость, и они тут же забыли, что должны стеречь пленницу. Маду Раб посадил девушку за спину и спокойно поскакал домой.

Много времени не прошло, устроил царь пышную свадьбу Маду Благородного и золотоглазой Айзе, и стали они жить-поживать.

Прошел год. Однажды Маду Раб увидал самую красивую рабыню царя и тут же полюбил ее. А надо сказать, что царь берег своих рабынь пуще глаза. И вот увидел как-то царь Маду Раба рядом с красавицей, да не узнал его. В слепой ярости царь не успел разглядеть дерзкого незнакомца. Схватил он юношу за руку, да тот оказался проворнее — вырвался и убежал. Лишь серебряный браслет Маду Раба остался в руках у царя.

Пришел Маду Раб к Маду Благородному, рассказал ему о том, как прогневал грозного царя, а верный товарищ и говорит:

— Не печалься, это не беда. Я все устрою. Береги без меня Айзе, а я скоро вернусь.

Отправился Маду Благородный в саванну и долго бродил там, пока не набрел на львицу с двумя львятами. Их-то он и искал. Маду вырвал львят у кормящей львицы и принес их домой*. Еле живым ушел от разъяренной львицы!

Рано утром по приказу царя барабан созвал на площадь всех жителей деревни. Стали царские слуги примерять найденный браслет всем подряд, но он так никому и не подошел. Наконец одна старуха вышла из толпы и сказала:

— Царь, ты собрал весь свой народ. Почему же здесь нет ни Маду Благородного, ни Маду Раба?

Царь немедленно послал за ними. И вот они тоже вышли на площадь, оба в праздничных нарядах, Маду Благородный — с двумя живыми львятами в руках. Подошел Маду Благородный к отцу и говорит:

— А я-то думал, отец, что ты сам обо всем догадаешься. Вчера мы с Маду поспорили, у кого из нас больше отваги и хитрости. Один из нас должен был незаметно пробраться в царские покои и в знак того, что ему удалось провести стражу, оставить там свой браслет, а другой — вырвать двух львят из лап кормящей львицы. Оба мы выдержали испытание. Так рассуди же нас, отец, перед всеми людьми, кто из нас отважнее?

А как вы думаете? Кто из двух юношей вернее в дружбе?

ДЕВУШКА И ЗМЕЙ

Сказка зарма

Давным-давно жила в одном селе девушка невиданной красоты.

Многие пытались завоевать сердце Фати, да все понапрасну — красавица упрямо твердила, что полюбит только такого юношу, у которого на коже и царапинки не будет, не то что пореза или рубца.

Что же было делать молодым людям, у каждого из которых на теле виднелись племенные знаки, говорящие, откуда юноша родом? Как только Фати замечала хоть один рубец, она тут же прогоняла очередного жениха.

Так все и шло, пока не прослышал о красавице один огромный змей. Принялся он лизать свою кожу и до тех пор вылизывал ее, пока она совсем гладкой и блестящей не стала. Тогда он и предстал перед Фати во всей своей красе. Как увидели его люди, сразу поняли: что-то тут неладно.

— Будь с ним поосторожнее, ведь он чужак! У нас в селении таких красивых юношей никогда не было!

Но красавица и слышать ничего не желала. Только увидала она незнакомца, как забыла обо всем на свете. Ни о чем не раздумывая, она сразу согласилась стать его женой.

Тут же змей посадил Фати на своего коня, и они умчались. Долго нес их конь, и вдруг поводья упали наземь. Вскрикнула девушка:

— Муж мой, поводья упали!

— Так надо,— ответил он.— Здесь их место.

И они понеслись вперед.

Опять закричала Фати:

— Муж мой, стремена упали!

— Так надо. Здесь их место!

Доехали они до одинокого дерева, и девушка вскрикнула в третий раз:

— Муж мой! Седло падает!

— Так надо. Здесь его место!

Вот уже раскинулась вокруг бескрайняя голая равнина, и тут под седоками рухнул конь.

— Муж мой,— вскрикнула Фати,— конь упал!

— Так надо. Здесь его место!

И они зашагали дальше. Через некоторое время змей и спрашивает:

— Узнаешь это место?

— Да, сюда ходят за камедью*.

— Узнаешь ты это место?

— Да, сюда ходят за листьями.

— Узнаешь ты это место?

— Ой, я уже ничего не узнаю!

Теперь вокруг лежала только выжженная солнцем трава.

Долго шли они по этим пустынным местам, пока не пришли к одинокому дому, расположенному под тенистой акацией. В доме всего было вдоволь, вокруг сновало множество рабов. Неподалеку паслись несметные стада.

— Вот твой дом! — сказал змей, а сам отправился дальше и заполз в огромный баобаб, который служил ему жилищем.

Вот год проходит, новый наступает, а у матери от дочки ни одной весточки нет! Месяц за месяцем идет, а вестей все нет. А когда наступил сезон дождей, посадила мать тыкву и говорит ей такие слова:

— Тыква моя милая! Если уже нет в живых моей доченьки, протяни свой стебель к ее могиле! Если жива она, дотянись стеблем до крыши ее дома!* Укажи мне дорогу к ней!

Начала тыква расти, стебель ее тянулся все дальше и дальше и вскоре обвился вокруг акации, что росла у дома Фати. Тогда женщина наскоро собралась и отправилась туда, куда повел ее стебель.

— Так вот в какой глуши ты живешь! — сказала женщина, увидев дочку.— Говорила я тебе, что жених твой чужак и вовсе не тот, за кого себя выдает!

— Да, мама,— ответила Фати,— муж мой не человек, а великий змей. Ни земля, ни небо не могут с ним тягаться красотой и силой. Видишь там огромный баобаб? Это и есть его жилище.

Тут и вечер наступил. Девушка решила предупредить мужа о приходе матери. И она запела:

— Э-э, Сунну! Э-э, Сунну, здравствуй! Моя мать шлет тебе привет.

А змей в ответ:

— Э-э, Фати! Э-э, Фати, здравствуй! Передай привет твоей матери от меня! Прикажи зарезать в ее честь сотню коров, сотню индюшек и сотню кур.

На другой день мать девушки стала собираться в обратную дорогу, ей не терпелось рассказать всем в деревне, как удачно устроилась судьба Фати.

И вновь девушка отправилась к баобабу:

— Э-э, Сунну! Здравствуй, Сунну! Моя мать шлет тебе прощальный привет.

А змей в ответ:

— Э-э, Фати! Когда вернешься, Фати, прикажи поймать сотню лошадей, сотню верблюдов, сотню баранов, сотню кур и сотню индюшек и отдай их своей матери.

Так змей хотел отблагодарить старую женщину за то, что она навестила их.

Как сказал змей, так девушка и сделала. Вернулась ее мать с богатыми дарами в родную деревню.

А у матери Фати была сестра. Как увидела она, какое богатство привалило ее родне, стала расспрашивать, что да как, пока все не вызнала. А тогда быстренько собралась и отправилась, куда стебель тыквы ее повел.

Долго шла она и вот пришла наконец прямо к дому под акацией, где жила ее племянница. Подивилась она богатому дому молодой хозяйки, и очень ей захотелось взглянуть на ее мужа. Стала она просить Фати об этом, а та и говорит:

— Лучше не проси, ведь муж мой не похож на обычных людей.

И Фати отправилась предупредить мужа о приходе гостьи:

— Э-э, Сунну, э-э, Сунну, здравствуй! Моя родственница шлет тебе привет.

Змей тут же отозвался:

— Э-э, Фати, когда вернешься, Фати, прикажи поймать сотню лошадей, сотню верблюдов, сотню коров и отдай их своей родственнице.

Так Фати и сделала.

При виде таких щедрых даров любопытство женщины разгорелось еще сильнее, и решила она во что бы то ни стало взглянуть на мужа Фати хоть краешком глаза. Как ни отговаривала ее Фати, та стояла на своем.

— Что ж, поступай как знаешь,— вздохнула Фати,— подойди к баобабу — и ты увидишь моего мужа, прятаться он не станет.

Подойдя к баобабу, женщина позвала:

— Э-э, Сунну! Э-э, Сунну, здравствуй! Здравствуй, Сунну, э-э!

Тело змея заскользило вокруг баобаба, и женщина услышала:

— Бу! Бу! Бу! У Фати большой муж! Он большой! Очень большой!

И в тот же миг змей схватил женщину и проглотил ее целиком.

День прошел, наступил вечер, а женщина все не возвращалась, и Фати отправилась к баобабу:

— Э-э, Сунну! Где моя родственница, Сунну?

Змей не откликнулся.

Фати подошла ближе:

— Э-э, Сунну! Здравствуй, Сунну! Где моя родственница, Сунну?

И змей отозвался:

— Э-э, Фати! Твоя родственница тут кричала, шумела, ругалась, я ее и проглотил.

Вся в слезах побрела Фати назад. Плакала она, плакала, и

захотелось ей воротиться домой, к матери. Опечалился змей и говорит ей:

— Что ж, Фати, ступай, если хочешь. Да возьми с собой сотню рабов. Пусть они отныне твоей матери служат.

И еще вспомнил змей об их давнем уговоре: должен он исчезнуть, если хоть раз причинит своей жене зло. Тут и пришел великому змею конец, только из баобаба поднялся в небо столб белого дыма.

А Фати вернулась домой, к родной матери.

КАК ЗАЯЦ ПЕРЕХИТРИЛ ГИЕНУ

Сказка хауса

Однажды заяц и гиена отправились на охоту. Заяц добыл много дичи, но гиена все покидала в свой мешок. Наконец заяц убил антилопу, а гиена и ее положила к себе. Рассердился заяц и, оставив гиену, помчался домой.

Там он измазал всего себя красной и белой глиной и, взобравшись на высокий муравейник, уселся наверху.

Вскоре на дороге показалась гиена, она как раз возвращалась домой. Подошла гиена к муравейнику, видит, что-то белеет наверху, испугалась и говорит:

— О ты, сидящий на муравейнике, пропусти меня! Я отдам тебе все, что добыла на охоте.— И вытащила из мешка немного дичи.— Можно мне пройти?

А заяц в ответ:

— Умм! Умм!

Достала гиена из мешка оставшуюся дичь, бросила все это зайцу и спрашивает:

— О ты, сидящий на муравейнике, можно мне пройти?

А заяц опять:

— Умм! Умм!

Пришлось тогда гиене вытаскивать из мешка антилопу.

На этот раз заяц пропустил ее.

Гиена с пустым мешком пошла домой, а заяц вымылся, собрал добычу и пошел к себе.

УМНЫЙ ПЕТУХ

Сказка хауса

Пошел петух однажды к своим родственникам на поминки. А по пути встретился с котом.

Хитрый кот и думает: «Вот я сейчас петухом-то полакомлюсь!» А сам говорит:

— Куда это ты направился, петух?

— Почтить память умершего дяди,— отвечает петух.

— Так пойдем вместе, вдвоем-то все веселей,— предложил кот.

Догадался петух о злом умысле кота.

— Нет, если ты пойдешь со мной, будет нас уже трое. Собака тоже хотела пойти на поминки.

Испугался кот. Прошел еще немного вперед и вдруг остановился:

— Некогда мне! Дел полно! Я ведь просто пошутил.

Так смекалистый петух спасся от кота.

КАК ТУШКАНЧИК ПЕРЕХИТРИЛ ЛЬВА

Сказка хауса

Повадился лев убивать в лесу зверей, и с каждым днем их становилось все меньше. Забеспокоились звери, собрались все и пошли ко льву.

— О повелитель леса, мы к тебе с просьбой. Не убивай нас, лучше мы сами будем каждое утро приносить тебе одного из нас. А остальных не трогай!

— Хорошо,— согласился лев.

На следующее утро бросили звери жребий, и пал он на антилопу. Лев насытился и никого больше в этот день не тронул.

На другой день жребий пал на гиену, и она была съедена львом.

Так прошло много дней, и наконец жребий пал на тушканчика. Только звери собрались вести его ко льву, тушканчик и говорит:

— Нет-нет, не трогайте меня, я сам пойду.

Отпустили тушканчика, а он вернулся в свою нору, лег и уснул. И спал преспокойно до полудня.

Льва же мучил голод; не дождавшись своей жертвы, он вскочил во гневе и с ревом бросился искать зверей. Услышал тушканчик рев льва и, выйдя из норы, взобрался на дерево возле колодца.

Подошел лев, а тушканчик с верхушки дерева и спрашивает:

— Что случилось, почему ты кричишь?

— Целый день жду зверей,— взревел лев,— но они так ничего и не принесли мне поесть!

А тушканчик в ответ:

— Мы бросили жребий, и он пал на меня. Я шел к тебе и нес мед, но другой лев, что сидит в этом колодце, остановил меня и отобрал мед.

— Где он, этот лев?

— В колодце! Но он утверждает, что гораздо сильнее тебя,— ответил тушканчик.

Рассвирепел лев, подбежал к колодцу, заглянул внутрь и увидел другого льва, который смотрел на него. На самом деле это было только его отражение. Рычит лев, а из колодца ни звука! Прыгнул лев на другого льва в колодец и утонул.

А тушканчик вернулся к зверям и сказал:

— Я покончил со львом, теперь можете жить в лесу спокойно.

Обрадовались звери:

— Молодец, тушканчик! Маленький, а одолел льва!

КАК ПОЯВИЛСЯ СЛОН

Сказка хауса

В давние-давние времена не было слонов.

Однажды во время большой войны один человек убежал из города в лес. В лесу было много всяких зверей. Испугался человек и спрятался от них. Спрятался и заснул.

Звери увидели человека. Стали они по очереди подходить к нему, и каждый приносил кусок кожи. Этими кусками звери укрывали человека до тех пор, пока он не стал очень высоким и толстым.

Проснулся человек и поднялся на ноги вместе со всеми кусками кожи, которые были на нем. Так человек стал слоном. Это был первый слон, и от него происходят все слоны.

ДВА БЕДНЯКА

Сказка хауса

Жил-был один бедный человек. У него не было ни пищи, ни одежды, ничего, кроме набедренной повязки. Отправился этот человек к царю и сказал:

— Устал я так жить, лучше мне умереть. Нет у меня ни пищи, ни одежды, всего и имущества — одна набедренная повязка. Вот как велика моя бедность!

— Хорошо.— И царь приказал своим слугам схватить бедняка и казнить его.

А как раз в это время мимо проходил другой бедняк, совсем нагой.

— Я хочу попросить вас о милости. Когда вы убьете этого человека, отдайте мне его набедренную повязку,— сказал он.

Услыхав такие слова, первый бедняк воскликнул:

— Остановитесь! Не убивайте меня! Отведите меня обратно к царю, я хочу сказать ему кое-что.

Подвели бедняка к царю.

— Позволь мне остаться живым,— попросил он царя.— Сегодня я увидел человека еще беднее меня. Не хочу умирать!

— Иди своей дорогой,— смилостивился царь,— и благодари судьбу, что увидел человека беднее себя.

Вот и конец сказки.

ГЛУПЫЙ МАЛЬЧИК

Сказка хауса

Жила на свете женщина. Был у нее сын — глупый, бестолковый, не похожий на других детей.

Однажды мать послала его купить иголку. Купил он иголку, а по дороге домой встретил приятеля с корзиной, полной отрубей, и спросил его:

— Куда бы мне положить иголку?

— Положи в мою корзину,— сказал тот.

Положил мальчик иглу в корзину, а подойдя к дому, хотел взять ее, но не нашел и вернулся домой ни с чем.

— Где игла? — спросила мать.

— Я положил ее в корзину с отрубями, а потом не мог там найти.

— Какой ты недогадливый! — сказала мать.— Надо было воткнуть иглу в рукав рубашки. Вот и не потерял бы ее.

В другой раз женщина послала сына за маслом:

— Иди, да поскорей возвращайся!

Купил мальчик масла, положил его в рукав рубашки и отправился домой. А пока шел, масло таяло, капало на землю, и принес он домой совсем мало.

— Где масло? — спросила мать.

— Оно вытекло, только немного осталось у меня в рукаве.

Мать очень рассердилась и закричала:

— Нужно было положить масло в кувшин. Вот бы оно и было в целости и сохранности! В другой раз так и сделай.

Через несколько дней женщина попросила сына принести от соседей щенка. Взял мальчик щенка, положил его в кувшин и плотно закрыл. Дома мать спросила:

— Где же щенок?

— В кувшине.

— Открывай скорее,— испугалась мать.

Открыли они кувшин, а щенок-то задохнулся! Мать воскликнула:

— Ох и глуп же ты! Нужно было привязать щенку на шею веревку и говорить ему: «Иди, иди!»

В следующий раз мальчик отправился за мясом. Купил он мясо, перевязал его веревкой и потащил за собой, приговаривая: «Иди, иди!»

Учуяли собаки запах мяса, побежали за мальчиком и съели все. Приволок он домой одни кости.

— Где мясо? — спросила мать.

— Вот оно.

— Да ты и впрямь болван! — закричала мать.— Что ты называешь мясом? Старые кости?

— Но ты же сама меня так учила! — обиделся сын.

А женщина опечалилась:

— Больше никуда не буду тебя посылать.

ПОЗАРИВШИСЬ НА ЧУЖОЕ, ПОТЕРЯЕШЬ СВОЕ

Амхарская сказка

Во времена царя Теводроса жил купец. Закупив товары в одном месте, он вез их продавать в другое место — тем и промышлял.

Однажды остановился купец отдохнуть возле реки, пообедал, а потом вновь навьючил свой караван и двинулся дальше. Да через некоторое время вспомнил, что оставил на привале кошель с деньгами.

Воротился он быстрее назад, чтобы поискать потерянные сто быров, и повстречал человека. Незнакомец его и спрашивает:

— Что это ты здесь ищешь?

— Да вот деньги потерял!

— А сколько денег у тебя пропало?

— Сто быров,— ответил купец.

Обрадовался незнакомец:

— Их-то, видимо, я и нашел! Вот твои быры!

Купец взял деньги, а потом и говорит:

— У меня пропало двести быров! Верни мне остальные!

— Не может того быть! Я нашел сто быров! — удивился незнакомец.

Пришлось им идти к царю Теводросу — пусть сам царь рассудит их.

Вот царь и спрашивает купца:

— Сколько денег у тебя пропало?

— Двести быров!

— А сколько ты нашел? — обратился царь к незнакомцу.

— Сто быров,— ответил тот.

Тогда царь и говорит:

— Раз у тебя, купец, пропало двести быров, спрашивай свои деньги у того, кто нашел двести быров. И тот, кто нашел сто быров, вправе взять их себе. А если объявится человек, у которого пропали сто быров, я сам заплачу ему.

Так рассказывают.

ПОЧЕМУ ЗМЕИ ЕДЯТ ЛЯГУШЕК

Малагасийская сказка

Повстречались раз змея и лягушка.

— Давай дружить,— сказала лягушка.— Ты большая, я маленькая. Вот мы и будем помогать друг другу. Ты такая длинная, что сможешь дотянуться до любого высокого места, а я пролезу туда, куда не добраться тебе. И голос у меня громкий, это тоже нам пригодится. Только прежде чем стать добрыми друзьями, надо испытать наши силы. Давай состязаться в беге, посмотрим, можем ли мы поймать друг друга. Ты старше меня, убегай первая.

Змея быстро изогнулась, потом еще раз и еще раз.

Так и не смогла лягушка ее поймать.

— Хорошо ты бегаешь,— сказала она.

Настала очередь лягушки. Запрыгала лягушка, но уже на четвертом прыжке змея настигла ее и схватила за задние лапы.

— Не глотай меня,— попросила змею лягушка.— Приоткрой немного рот и скажи «а».

Сказала змея «а», но только она раскрыла рот, лягушка как бросится в воду! Страшно удивилась змея.

А лягушки в пруду нахваливают подругу: какая она хитрая да какая ловкая! Смеются без удержу над глупой змеей.

Не могла змея стерпеть, что лягушка ее провела. Собрала она своих детей и сказала:

— Пожирайте лягушек, где бы они вам ни попались, ешьте их, даже если вы сыты. И глотайте их всегда целиком, чтобы они ускакать не успели. Только так мы истребим их проклятое племя!

ДВА ПЛУТА—КУТУФЕЦИ И МАХАКА

Малагасийская сказка

Ну, слушайте хорошенько! Я вам расскажу о двух плутах. Молва об их проделках докатилась и до наших мест. Эй, мужчины! Эй, женщины! Слушайте!

Плутов этих зовут Кутуфеци и Махака. Вот однажды покинули они родные места и отправились в путь. Кутуфеци жил на

западе, поэтому он отправился на восток. А Махака жил на востоке, поэтому он отправился на запад.

Как раз посредине между западом и востоком они и встретились.

У Махаки в руках была испачканная глиной лопата, у Кутуфеци — корзина, а в ней ворон.

— Ты что несешь? — спросил Кутуфеци.

— Лопату,— ответил Махака.— Хочу сменять ее на курицу.

— Смотри-ка! А я несу курицу и хочу сменять ее на лопату.

— Значит, по рукам. Отойдем в сторонку и поменяемся.

— Ты, приятель, не открывай здесь корзину,— попросил Кутуфеци.— Курица пугливая и не связана, еще улетит.

— А я только что намочил лопату. Подожди немного, не копай сразу, а то зазубрится,— посоветовал Махака.

И приятели разошлись восвояси.

Пришел Махака в хижину, открыл корзину, а оттуда вылетел ворон и как закаркает!

У Кутуфеци тоже все пошло кувырком. Стал он насаживать лопату на ручку, а она сломалась!

Оба плута остались довольны. Каждому понравилась проделка другого.

— До чего же мы ловки! Надо нам держаться друг друга! — воскликнули они.

Прошло немного времени, и плуты встретились снова. Первым заговорил Махака:

— Раз уж стали мы товарищами, давай испытаем, кто из нас умнее.

— Ладно,— согласился Кутуфеци,— начинай!

— Есть одна штука, которая меня удивляет,— сказал Махака.— Растолкуешь мне, в чем тут дело, признаю, что ты умнее меня. Видишь вон ту корову? Объясни, почему это у нее шкура черная, а молоко белое?

— Не знаю,— признался Кутуфеци.— А меня вот что удивляет. Посмотрим, сумеешь ли ты объяснить, отчего это так. Бык и баран едят одну и ту же траву. Так почему у быка хвост длинный и тонкий, а у барана — короткий и толстый?

— Не знаю,— смутился Махака.

— Да мы и в самом деле один другого стоим! — решили плуты.— Надо нам держаться вместе!

А потом Кутуфеци и Махака приготовили вкусную еду, чтобы съесть ее вместе.

— Давай раньше поспим. Тот, кому приснится самый интересный сон, съест все один,— предложил Махака.

Улеглись приятели спать. Через некоторое время Кутуфеци проснулся.

— Мне приснилось, будто я поднимаюсь на небо, и такие там

замечательные штуки, так они меня изумили...— разбудил он приятеля.

— А мне приснилось,— перебил его Махака,— что я вижу, как ты поднимаешься на небо. Я и подумал: «До чего же замечательные штуки он там увидит! Теперь обратно спуститься его и не уговоришь». Тут я проснулся и съел весь обед. А теперь смотрю — ты здесь.

Что вы на это скажете, женщины?

А вы? Эй, мужчины!

Я еще не кончил, слушайте, слушайте!

Однажды, говорят, Кутуфеци шел с юга, а Махака с севера, и опять они встретились.

— Что нового на юге, в твоей стороне? — спрашивает Махака.

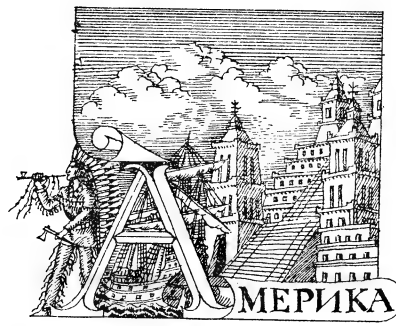
— Да все вверх дном перевернулось! — отвечает Кутуфеци.— Уж такие страшные бедствия! Влез я на гору, а она подо мной провалилась; прибежал в долину, а она ходуном ходит; помчался в лес, а там деревья валятся. Думаю, надо бежать от всех этих напастей! И припустился к вам на север! А у вас тут как дела?

— У нас тут кое-что почище,— вздохнул Махака.— Собрались люди недавно и решили: всем лжецам — головы долой! Вот я и бросился бежать на юг.

Расхохотался Кутуфеци. Глядя на него, и Махака смеялся до упаду.

Вдосталь нахохотавшись, приятели вместе тронулись в путь, радуясь, какие они замечательные враны.

СКАЗКИ НАРОДОВ
АМЕРИКИ


АМЕРИКА

ВЕЛИКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ МЫШКИ

Эскимосская сказка

Однажды маленькая мышка решила пространствовать. Бабушка собрала ее в дорогу, и тихим солнечным днем мышка отправилась в путь. Вскоре ей встретилось огромное озеро. Мышка огляделась, но поблизости никого не было.

— Жаль,— вздохнула она,— а я ведь готова помериться силами с кем угодно.

Переплыв озеро, она стряхнула с себя воду и сказала:

— Пожалуй, даже дельфин устал бы больше после такого заплыва!

А огромное озеро было всего-навсего следом бабушкиной ноги, который дождь заполнил водой.

Мышка свернула на другую тропу и вскоре увидела высокую гору. Вокруг не было ни души, и мышка очень огорчилась:

— Жаль, что поблизости не видно оленей, я бы показала им, как нужно прыгать.

Она разбежалась и одним прыжком перемахнула через гору.

— Неплохо! — сказала она себе.— Я бы даже сказала — здорово!

А гора была просто пучком сухой травы.

Мышка побежала дальше и вдруг увидела двух медведей, боровшихся не на жизнь, а на смерть.

— Остановитесь,— закричала она,— прекратите сейчас же, вы убьете друг друга!

Но медведи не слышали ее, и тогда она бросилась между ними и разняла их.

— Я очень храбрая и сильная,— сказала им мышка,— бегите и больше не попадайтесь мне на пути!

И они ушли. Это были полевой клоп и муха.

— Пожалуй, на сегодня достаточно,— сказала себе мышка и побежала домой.

— Чего только я не видела, бабушка! — закричала она прямо с порога и тут же рассказала обо всех своих приключениях.

— Ах ты глупышка...— вздохнула бабушка.

ВОРОН — ОБМАНЩИК

Эскимосская сказка

Однажды старый ворон* пришел на берег океана полакомиться. Нашел он под камнем большого краба, ухватил его клювом, вытащил и только собрался разбить и съесть, как другие крабы схватили его за лапы.

— Эй! — сказал ворон.— Кра-кра,— сказал ворон.

Краб вывалился у него из клюва и был таков! А другие не испугались, держат ворона, не отпускают. Плохо дело!

— Ладно уж,— сказал ворон.— Не буду вас больше трогать. Отпустите меня!

А крабы не отпускают: видно, не верят ворону. Испугался ворон, принялся нахваливать крабов.

— Какие вы красивые, кра-кра! Я вас так полюбил! Хотите, отдам вам в жены мою тетку?

— Настоящие крабы не женятся на воронах,— отозвался наконец один из крабов, и остальные с ним согласились.

— Какие вы большие, кра-кра! — продолжает ворон нахваливать крабов.— Хотите, отдам вам каяк* моего деда? Совсем новый!

— Настоящим крабам каяк не нужен,— холодно сказал самый маленький краб, а остальные гордо отвернулись.

«Что же делать? — растерялся ворон.— Вода-то ведь прибывает!»

— Крупнолобики! — взмолился он.— Отпустите меня! Я же утону!

Молчат крабы, хоть бы один откликнулся.

— Эх вы, какой ручей пропадает! — вздохнул ворон.— Я только затем и прилетел, чтобы подарить вам тот ручей, да заболтался что-то, кра-кра...

— Какой ручей? Где он? — всполошились крабы и тут же отпустили ворона.

— Пошли провожу,— засмеялся ворон и, взмахнув крыльями, полетел вдоль берега.

А немногие смельчаки, те, что последовали за ним, быстро сбили на камнях свои башмаки и вернулись.

Полетел ворон вдоль берега и увидел вдруг рыбку. «Кто-то ее потерял»,— решил ворон и стал лакомиться. Наелся и полетел. Летит, блестит на солнце: чешуя налипла на перьях, вот и сияет. Смотрит ворон, стоит на берегу медведь, оленя свежует.

— Кра-кра,— окликнул его ворон.

Поднял голову медведь, удивился:

— Что с тобой, ворон?

А ворон в ответ:

— Прости, медведь, тороплюсь. Видишь, даже почиститься не успел.

— Да что стряслось-то? — не отстает медведь.

— Ох, боюсь, не успеешь ты, косолапый. Там ее столько!.. На всю зиму хватит, если, конечно, не растаскают...

— Ты это о чем? О рыбе? — догадался наконец медведь.

— Ну да,— обрадовался ворон.— Беги скорее, а я оленя посторожу.

Медведь поспешил к рыбе, а ворон преспокойно принялся за оленя. Наелся и улетел, только его и видели. Вернулся медведь злой, усталый, а ворона и след простыл: улетел подальше от берега, чтоб медведь не нашел. Да и ягод ему захотелось: после рыбки да оленины неплохо и ягодами полакомиться.

Полетел ворон к белке. Уселся возле ее дома и стал ждать. А вот и белка с лукошком, по веткам прыгает, домой торопится. Смотрит, на пороге ворон сидит.

— Посторонись, пожалуйста,— просит белка ворона.— У меня там бельчата голодные.

— Пустяки,— махнул крылом ворон.— Мы с тобой столько лет не виделись, кра... Расскажи лучше, какие новости? Слыхала, кто-то рассердил медведя? Говорят, он теперь зол на весь свет, кра... Да что ж ты молчишь?

— Меня бельчата ждут, пусти,— снова попросила белка.— Я скоро вернусь. Я же несу им поесть...

— Да я и сам спешу,— заверил ее ворон.— Из-за тебя только и задержался. А ягоды у тебя какие! Одна другой лучше!

Покосился ворон на лукошко, а белка на него смотрит. Смотрит и говорит:

— Знаешь что, давай потанцуем! А потом я угощу тебя ягодами, хорошо?

— Хорошо! — обрадовался ворон.— Жаль только, музыки нет, да и спешу я. Давай начнем прямо с ягод?

— Ха-ха-ха,— расхохоталась белка.— Да ты, наверное, и плясать не умеешь!

— Ну да уж,— обиделся ворон.— Знаешь, какие мы, вороны, музыкальные?

— Мы тоже,— гордо сказала белка.— Давай-ка я буду петь, а ты пляши. Посмотрим, как у тебя получится!

— Кра! — взмахнул крыльями ворон.— Я и с закрытыми глазами могу. Начинай!

И ворон, зажмурившись, закружился над деревом. А белка тут же юркнула в свой домик.

— Как можно! — возмущался потом ворон.— Такая кроха — и такая обманщица!

ПЕРВАЯ ВОДЯНАЯ ЛИЛИЯ

Сказка североамериканских индейцев

Давным-давно люди и звери жили мирно и счастливо. Не знали они ни суровой зимы, ни холодных ветров, ни жестокой стужи. Еды было вдосталь: в лесах хватало оленей, в прериях — бизоньих стад, а с деревьев свисали сочные плоды. Повсюду благоухали цветы. Перья птиц были ярче, чем теперь, и пели птицы не переставая.

Звери были совсем ручные, они приходили и уходили на зов человека. Люди не знали войн, никто никого не обижал и не опасался своего соседа.

Днем индейцы играли в мяч и другие игры, требовавшие сил и сноровки, а по вечерам все сходились поглядеть на звезды. Индейцы верили, что звезды — это дом добрых людей, которых позвал в Страну Звезд Великий Дух*.

И вот как-то ночью индейцы увидели, что одна звезда засияла прямо на юге, над самой высокой горной вершиной. С каждой ночью она становилась все больше, ярче, ближе.

Индейцы созвали совет и послали вождей разузнать, где теперь находится сверкающая звезда. Вожди приготовились к дальнему пути, но вернулись очень скоро.

— Звезда совсем рядом,— рассказали они.— Она порхает неподалеку, над верхушками высоких деревьев. Она не похожа на другие звезды. Пожалуй, она напоминает птицу. В ней скрыт какой-то важный смысл!

Верховный вождь созвал еще один совет для решения этой загадки. Одни считали, что звезда предупреждает о великой беде. Другие — что это какое-то доброе предзнаменование. Многие говорили, будто узнают ту самую звезду, которую их предки считали предвестницей жестокой войны. Совет решил, что всем остается только ждать.

Миновала полная луна. Звезда по-прежнему мерцала невдалеке, скрывая неразрешимую тайну. И вот ночью одному юноше приснился сон*. Он увидел, как к нему подошла красивая девушка и сказала:

«Меня покорила земля твоего народа. Мне полюбились ваши цветы, птицы, реки, озера и горы. И вот я покинула своих сестер в Стране Звезд: хочу теперь жить среди вас. Спроси своих мудрецов и великих вождей, где мне поселиться. Расскажи им, что мне хочется быть там, где я смогу видеть людей счастливыми. Спроси, какой вид мне принять, чтобы и они меня полюбили».

Проснувшись, юноша поспешил наружу и взглянул на юг. Прекрасная звезда стояла на обычном своем месте. С рассветом он послал гонца, чтобы созвать людей в палатку совета.

— Звезда, которую видели мы на юге,— сказал он им,— полюбила людей земли и желает остаться, чтобы жить среди нас.

И он поведал им о своем сне.

На следующую ночь самые красивые, самые храбрые воины отправились приветствовать гостью. Они поднесли ей в дар «трубку мира», набитую ароматными травами. Звезда поблагодарила людей, добрыми словами согрев им сердце. Вместе они вернулись в селение, и звезда с распростертыми крыльями порхала над палатками до самого рассвета.

На следующую ночь юноша вновь увидел сон. Опять явилась прекрасная девушка и заговорила с ним.

«Спроси мудрецов и великих вождей, где мне жить,— сказала она.— И какой вид принять, живя среди людей».

Было много предложений.

— На верхушках огромных деревьев! — сказали одни.

— В сердце самого красивого цветка! — предлагали другие.

— Пусть звезда сама решит, где ей будет лучше всего,— решили мудрейшие из мудрых.

Сначала звезда выбрала для жилья горную розу. Но в горах ей было очень одиноко без людей, среди которых она собиралась поселиться. Она вышла в прерии, но чуть не попала под копыта бизонов. Потом принялась искать обрывистую скалу, но скала оказалась такой высокой, что дети ни за что не смогли бы увидеть звезду. Наконец она нашла то, что искала.

— Я знаю, где мне будет лучше всего,— сказала звезда людям.— На воде! Там я смогу видеть, как проплывают мимо ваши каноэ. Ребятишки будут играть на берегу и станут моими товарищами. Даже самые маленькие полюбят меня: я буду навевать им сладкие сны в колыбельки.

Сказав так, звезда вошла в озеро и распростерла крылья на его глади. Очень понравилось ей свое отражение в прозрачной воде. На другое утро люди увидели на озере тысячи белых цветов в окружении зеленых листьев. То были первые белые водяные лилии.

ДОБРЫЙ ОХОТНИК

Сказка североамериканских индейцев

Жил-был один молодой охотник. Все звери очень любили его за доброту. Никогда он не стрелял в оленя, если видел, что тот переплывает бурную реку. Не трогал он лань с детенышем, не нападал на дичь врасплох или на зверя, уставшего от погони. Хищному зверю и птице он всегда оставлял кусочек оленьего мяса. Снимет шкуру с убитой дичи и скажет:

— Эй, плотоядные! Это вам!

Непременно оставит медведю немного меда, а ворону — кукурузных початков с поля. Потроха убитой дичи охотник бросал в озеро или в ручей — для рыб и другой живности.

Как-то раз случилась с охотником беда. Отстал он от своих товарищей, и тут напали на него индейцы враждебного племени чероков. Они расправились с ним и сняли скальп*.

Когда враги ушли, первым из зверей почуял человечью кровь волк. Он подошел, сразу же узнал доброго охотника и громко завыл, подзывая других зверей, а сам тем временем принялся лизать его рану. Вскоре все звери собрались вокруг и стали оплакивать погибшего друга.

Бережно ощупал лапами тело охотника медведь и сказал:

— В груди еще сохранилось тепло!

Тут подоспели и птицы. Пока медведь лапами согревал человека, все стали держать совет: как же оживить доброго охотника? Только один голос раздался против — голос грифа-стервятника:

— Давайте лучше подождем, пока он дозреет, и съедим его!

Но звери решили приготовить чудесное лекарство, в которое каждый из них вложит по искорке жизни — по кусочку своего ума и души. Так и сделали. И получилась на редкость крепкая смесь, и было ее так мало, что она вся поместилась в скорлупке ореха, а внешне напоминала каплю воды*.

И тут сова сказала:

— Живому человеку нужен скальп. Кто пойдет за скальпом охотника?

Завязался жаркий спор. Оказалось, не всякий зверь годится на это. Думали, думали и наконец решили, что тут нужна ловкая и умная птица. Говорят, сначала хотели выбрать орла. Ирокезы считают его очень благородной птицей, ведь, говорят, он носит на спине чашу с росой и в дождливые дни проливает ее на землю туманом.

Потом выбрали было колибри — за то, что она быстро летает и почти невидима. Но в конце концов решили выбрать Великого ворона, Гагагову.

Ворон полетел в деревню чероков и скоро увидел скальп охотника. Он был натянут на обруч и висел над дымоходом вигвама*. Ворон камнем кинулся вниз и схватил скальп. Чероки заметили его, стали стрелять из луков, но ворон взмыл так высоко, что стрелы не причинили ему вреда.

Ворон принес скальп на совет зверей, и все решили, что кожа слишком высохла — человек не сможет носить ее. Тогда орел пролил на нее несколько капелек росы. Кожа стала мягкой и прочно приросла к голове охотника.

Тут ему дали отведать удивительного лекарства, и охотник почувствовал, что к нему возвращается жизнь. Лежа с закрытыми глазами, он заметил вдруг, что понимает язык птиц и зверей. Ему слышалась чудесная песня, и казалось, он тут же запоминает ее слово в слово. Звери в ней просят охотника передать всем его товарищам, чтобы они тоже напевали эту песню всякий раз, как им понадобится помощь.

Охотник спросил, как приготовлять лекарство, и звери ответили, что позже откроют кому-нибудь этот важный секрет.

И вот медведь поставил охотника на ноги. Но когда тот открыл глаза, вокруг уже никого не было: видно было только много-много разных звериных следов.

Добрый охотник отправился в путь, возвратился в племя и рассказал людям о том, что случилось с ним.

СИНЯЯ РОДИНКА

Сказка североамериканских индейцев

Как-то раз идет молодой индеец и видит: увязает в болоте бизониха. Решил Синяя Родинка ей помочь. Взял он длинную палку и стал выталкивать ею бизониху. Вскочила бизониха на ноги и убежала прочь. А юноша вернулся домой.

К весне родились у всех бизоних детеныши. Родился бизоненок и у той, что спаслась из болота. Очень хотелось малышу поиграть с другими бизонятами. Но те отталкивали его рожками и приговаривали:

— Ты человечий сын!

Рассказал бизоненок об этом матери. Она и отвечает:

— Ну что ж, если так, пойдем искать твоего отца.

Отправились они в путь. Шли долго-долго и в конце концов набрели на индейскую деревню. Тут бизоненок обернулся человеком и побежал играть с деревенскими детьми. Наигрются дети и бегут по своим домам, а бизоненок всегда убегал в лес, и никто в деревне не мог понять, кто же он такой.

Призадумались индейцы и велели детям повыспросить у новичка, чей он сын. Вот они и спрашивают бизоненка:

— Зачем ты пришел в нашу деревню?

— Я ищу своего отца,— ответил он.

Посовещались между собой индейцы и решили: пусть мальчик пройдет по деревне. Может, и найдет своего отца. Так и сделали. Стал мальчик ходить от дома к дому, из семьи в семью, но так и не нашел своего отца. Тогда собрали всех юношей. Оглядел их мальчик и воскликнул:

— Вот мой отец! — и сел рядом с Синей Родинкой.

Тот был очень удивлен. «Как же так? Ведь у меня нет семьи»,— думал он.

А у юноши на одной щеке была синяя родинка. Приглядевшись к мальчику, увидел он такую же родинку у него. Юноша не верил своим глазам.

Вывел мальчик юношу за деревню и сказал:

— Наконец-то я нашел тебя! Мама просила отвести тебя

к ней. Как увидит она нас, тут же бросится на тебя, но ты не беги прочь. Сразу хватай бизониху за рога.

Только вошли они в лес, как, откуда ни возьмись, появилась бизониха и бросилась на юношу. Но едва Синяя Родинка схватил ее за рога, она превратилась в прекрасную женщину и сказала:

— Отпусти меня, пожалуйста. Ведь ты помог мне когда-то выбраться из трясины. Этот мальчик — твой сын. И на щеке у него твоя родинка.

— Ну что ж, давайте жить вместе,— сказал юноша.

Так у Синей Родинки появилась семья.

Молодая жена предостерегала мужа:

— Если мы поссоримся, обещай, что никогда не бросишь в меня золой из костра, не коснешься ничем острым. Иначе быть беде!

Муж обещал.

Было у Синей Родинки два любимца, ворон и сорока*. Они очень полюбили бизоненка, а он — их. Где бы ни бегал мальчик, где бы ни играл, они всегда садились ему на плечи.

Мать и отец Синей Родинки тоже полюбили малыша. Старик часто катал его на спине, а с ним — ворона и сороку. Так прожили они долго, и все было хорошо.

Но как-то раз поссорились муж с женой, и рассердился Синяя Родинка: выхватил из очага головню и кинулся на жену. Тотчас же она опрометью бросилась вон из палатки, прихватив сына.

Синяя Родинка выбежал следом, умоляя их остановиться. Но было поздно: его жена и сын снова стали бизонами. Почуяли их деревенские собаки, подняли лай и погнали прочь, пока бизоны совсем не скрылись из глаз.

Сильно горевали дед с бабкой. Очень скучали они по внуку. А ворон с сорокой тревожно летали вокруг, разыскивая бизоненка среди индейских детей. Наконец мать Синей Родинки сказала сыну:

— Плохо ты поступил с моим внучком! Ведь жена предупреждала тебя: она была не простая женщина!

— Да, я во всем виноват,— ответил сын.— Пойду их искать. Если я не вернусь, пошли за мной следом моих любимцев, ворона и сороку. Пусть отыщут хоть кусочек моего тела. Положи его ко мне на кровать и прикрой чем-нибудь. Потом набей трубку, раскури и скажи: «Синяя Родинка, вот дым для тебя!»*

И Синяя Родинка ушел. Много времени прошло, прежде чем набрел он на огромное стадо бизонов. Бродил он, бродил среди них, а потом заметил, что одна бизониха с бизоненком сидят в сторонке. «Ох, верно, это и есть моя жена с сыном»,— подумал юноша.

Подкрался Синяя Родинка к месту бизоньего водопоя, вырыл яму и спрятался в ней. Он терпеливо ждал часа, когда бизоны пойдут на водопой. Вот утолили жажду взрослые бизоны, и на-

чали пить бизонята. Когда напился последний, Синяя Родинка увидел, что остались только бизониха с сыном. Тут он вскочил и схватил бизоненка. И верно, это был его сын! Он тоже обрадовался встрече.

— Пойду позову мать,— решил бизоненок.

Когда бизониха спустилась к ним, Синяя Родинка сказал ей:

— Я пришел забрать вас с собой.

Бизониха ответила:

— Нужно сначала спросить позволения у хозяина стада. Если он разрешит, мы уйдем вместе. Ах, зачем ты обидел нас! Ведь мы, бизоны, так боимся огня и острых ножей...

Бизоненок, сын Синей Родинки, пошел к вожаку стада и спросил:

— Можно нам с матерью вернуться к отцу?

А потом вернулся к Синей Родинке и говорит:

— Хозяин требует, чтобы мы дождались бизоньей пляски. Если во время бизоньей пляски ты четырежды сможешь отличить меня от других бизонят, нас отпустят домой.

И вот собрались бизоны на пляску. Сын Синей Родинки тайком сказал отцу:

— Во время первого танца у меня будет хвост колечком — по нему ты и узнаешь меня. Во второй раз я стану припадать на одну ногу. В третий раз у меня будут опущенные уши. А в четвертый раз я закрою глаза.

Три раза Синяя Родинка отгадывал своего сына. А на четвертый раз закрыли глаза сразу все бизонята, и он ошибся. Тотчас все стадо набросилось на Синюю Родинку и растоптало его. Когда бизоны решили, что с ним покончено, они разбрелись кто куда.

Давно ушел из дому Синяя Родинка, и старуха мать решила пустить по следу его любимцев, ворона и сороку. Они полетели и вскоре вернулись с крошечным кусочком его тела. Старуха бережно положила его на кровать сына и прикрыла шкурой. Потом вышла из палатки, раскурила трубку и промолвила:

— Синяя Родинка, вот дым для тебя! Синяя Родинка, вот дым для тебя!

И едва она произнесла это в четвертый раз*, Синяя Родинка вышел из палатки живой и невредимый.

СТАРАЯ-ПРЕСТАРАЯ СКАЗКА

Сказка североамериканских индейцев

Как-то в стародавние времена раскинуло племя шайенов свой лагерь. По обычаю, поставили палатки в круг, а в середине дети затеяли игры. Но игр не получилось: люди давно уже голодали, и во всем лагере не было ни крошки еды.

И тут вызвались людям помочь два могучих ведуна. На первом ведуне была бизонья накидка. На другом — точно такая же. Поглядели они друг на друга, удивились, что одеты совсем одинаково!* Лица раскрашены одинаково, перья на уборах вьются одинаково...

Первый ведун сказал:

— Не держишь ли ты на меня зла? Зачем подражаешь моему наряду? Ты что, смеешься надо мной?

Другой ответил:

— По-моему, это ты смеешься надо мной! Кто научил тебя вырядиться так?

А первый ведун объясняет:

— Мне привиделось во сне, будто я отправился к чистому, прозрачному ручью, что течет вблизи нашего лагеря, и там, в ручье, я и проведал про это платье.

Второй так сказал:

— И я отправился к ручью, который увидел во сне, и там проведал про свое платье!

Они жарко заспорили, а потом решили:

— Пойдем к ручью вместе и посмотрим, у кого из нас больше прав носить этот наряд.

Они пошли к ручью, а все люди следом за ними.

У ручья один ведун с вызовом спросил другого:

— Посмеешь ли ты войти в ручей?

Другой ответил:

— Я-то посмею! А ты?

Они вместе вошли в ручей, заходили в воду все глубже и глубже, а потом погрузились на самое дно.

Там, на дне, ведуны увидели старуху, которая жила в этом ручье. Старуха спросила их:

— Зачем пришли?

Оба ведуна были очень голодны, поэтому они ответили:

— В нашем племени нечего есть. Помоги нам!

Тогда старуха дала каждому по миске с едой; одну миску она наполнила кукурузой, а другую — пеммиканом*.

Ведуны возвратились к своему племени и отдали еду людям. Каждый наелся досыта — все племя, до самого малого ребенка. Но сколько бы ни ели из мисок, они так и оставались полными.

Эту старую-престарую сказку часто рассказывают шайены. Они хорошо помнят, откуда в их племени появилась привычная еда — кукуруза и пеммикан.

КОЙОТ И ЖЕНЩИНА-СОВА

Сказка североамериканских индейцев

Как-то раз выбежал койот к океану. Было это в том месте, где впадает в него река Колумбия. Там-то и жила женщина-сова. Это была злая ведьма, которая много лет подряд губила попавших к ней в плен людей. Она привязывала человека к колыбельке и пускала ее по воде во мглу, приговаривая:

— Уходи навсегда!

Когда колыбелька возвращалась, на ней лежали уже только человечьи кости, потому что на пути своем колыбелька проплывала мимо такого раскаленного, жаркого места, что ни один человек не мог там выжить.

Койот увидел на берегу толпу несчастных: каждого из них ждала печальная участь. Несчастным пленникам очень хотелось убежать от злой старухи, но колдовство ее лишало их силы.

Койот смешался с толпой и, последив немного за женщиной-совой, сказал людям:

— Испытаю теперь я свою судьбу! Мне кажется, я скоро вернусь обратно.

Его привязали к колыбели, и еще до того, как он скрылся в тумане, старуха проговорила:

— Уходи навсегда!

Но люди дружно закричали:

— Возвращайся к нам!

Время тянулось долго, но вот дозорные различили колыбельку. Она мало-помалу подплывала все ближе, ближе... Сильно тревожились люди, не случилось ли чего-нибудь с койотом. Но едва колыбелька коснулась берега, все увидели, что койот цел и невредим.

Теперь предстояло решить, кто же сильнее — сова или койот? Старуху тоже привязали к колыбели и отправили во мглу. А койот и все люди громко закричали:

— Уходи навсегда!

Колыбелька возвратилась, и на ней белели только кости колдуньи.

Очень радовались люди, что избавились от злой волшебницы. Они стали упрашивать койота остаться с ними. Даже пообещали ему в жены красивую девушку... Но койот отказался:

— Нет, не нужно мне жены. Побегу-ка я дальше берегом реки...

АХАЙЮТА И ПОЖИРАТЕЛЬ ТУЧ

Сказка североамериканских индейцев

Было это на самой заре времен. Далеко на востоке того края, где живут индейцы пуэбло, на вершине горы обитало страшное чудовище. Его прозвали Пожирателем Туч. Был он величиной с гору, а пасть свою раскрывал с востока далеко на запад. Жадность чудовища была ненасытной, а пищей ему служили тучи.

Порой Пожиратель бывал особенно прожорлив, и тогда вся земля страдала от жажды. Засохнув, гибли посевы кукурузы, сильно страдали звери. Только люди, сохранив про запас немного еды, могли выжить, но и им приходилось нелегко. Много воинов искало встречи с Пожирателем Туч, но все терпели неудачу оттого, что не было у них подходящих волшебных амулетов.

А далеко на западе земель пуэбло жил со своей бабкой юноша по имени Ахайюта. Был он сильным, как и его отец Солнце, и быстрым, как олень. Ахайюта мечтал о той поре, когда он станет великим воином. И вот однажды он пришел к своей бабушке и попросил:

— Задай мне такую задачу, чтобы, выполнив ее, я мог стать мужчиной и занять свое место в кругу совета!

— Есть дело, которого не совершил еще ни один человек,— предостерегла его бабушка.

— Мне не страшна самая трудная задача,— отвечал Ахайюта.— Скажи, что я должен сделать.

— Ты должен одолеть Пожирателя Туч, чтобы народ наш не страдал от долгой, жестокой засухи,— сказала старая женщина.

— Кто это — Пожиратель Туч? — спросил юноша.

И бабушка рассказала ему о злобном чудовище, которое многие годы мучило людей и держало их в нищете.

— Я убью его, бабушка! — Юноша сжал свой самый большой лук и самые длинные стрелы.

— Сначала, внучек, надо найти Пожирателя Туч,— сказала старуха. Достав потаенную корзинку, она вынула из нее четыре перышка*.— Видишь эти перья? Воткни в волосы красное перо, и оно будет направлять тебя в пути. Чудесная сила синего пера позволит тебе понимать речь зверей. Владея желтым пером, ты сможешь уменьшаться в размерах и стать величиной с самого маленького зверька.

— А для чего черное перо? — спросил юноша.

— Это самое главное перо, а ведь каждое из них — большая сила! Храни их бережно и ни за что не выпускай из своих рук. Черное перо, внучек, придаст тебе силы, чтобы совершить тот подвиг, на который ты идешь.

Рано поутру Ахайюта укрепил в волосах красное перо, распрощался с бабушкой и отправился в путь.

Весь день красное перо направляло его в пути. Чем дальше к востоку он шел, тем жарче был воздух, реже растительность. Земля казалась выжженной, и все чаще попадались широкие трещины в почве. Уже давно не видно было зверей. И вдруг Ахайюта наступил на подземную норку крота, и сам хозяин выпрыгнул наружу.

— Скажи, где живет Пожиратель Туч? — спросил Ахайюта, воткнув в волосы синее перо.

— До жилья Пожирателя всего несколько дней пути, но ты должен быть осторожен. Он погубил всех зверей, все растения, и, если увидит тебя, ты тоже погибнешь,— сказал крот, внимательно оглядывая горизонт.— Я тоже погиб бы, но мой домик находится глубоко под землей, там-то я в безопасности.

— По твоему тоннелю я смогу подобраться к самому дому Пожирателя Туч,— сказал Ахайюта,— и он не заметит меня.

— Уж очень ты велик,— засмеялся крот.

Но тут у него на глазах Ахайюта воткнул в волосы желтое перо. Тотчас же он сделался маленьким, не больше самого крота и легко вошел в его норку.

— Ах! — воскликнул крот.— Ты владеешь удивительной силой! И к тому же храбрец! Ступай за мной!

Двигаясь по подземному ходу крота, Ахайюта всюду замечал запасы пищи и воды, которые хозяин заготовил в своем подземном жилище. Часто они останавливались, чтобы поесть и отдохнуть, но не зажигали огня: хозяин терпеть не мог дыма.

На четвертый день подземного путешествия крот сказал:

— Мы почти у дома Пожирателя Туч.

Тут послышался гул, и земля затряслась. Стенки лаза сильно дрожали, посыпались даже отдельные камешки. Вскоре лаз повернул вверх и оборвался. Землетрясение усилилось.

— Дом Пожирателя Туч прямо над нами,— проговорил крот.— Слышишь, как шумно дышит он во сне? Сейчас главное — тихо!

— Я слышу, как бьется сердце Пожирателя Туч,— прошептал Ахайюта, втыкая в волосы четвертое, черное перо.— Сейчас я разделаюсь с ним!

Он почувствовал, как исполинская сила наполняет все его тело.

Приложив самую длинную, самую прямую стрелу, Ахайюта натянул лук до предела. Он прицелился прямо в то место над головой, откуда доносилось биение сердца Пожирателя Туч. Едва он спустил тетиву, раздался громкий крик, и все кругом затряслось. Крот и Ахайюта оказались засыпанными землей и глыбами скал.

Когда Ахайюта пришел в себя, земля все еще тряслась. Повсюду лежал в развалинах огромный дом Пожирателя Туч, а тело чудовища распростерлось, словно гора.

— Ты одолел Пожирателя Туч! — вскричал крот и от радо-

сти пустился в пляс.— Нас засыпало землей, когда чудовище билось в агонии. Но я откопал тебя. Смотри, твоя стрела попала прямо в сердце Пожирателя!

Друзья взглянули на небо и увидели, что оно быстро темнеет, наполняясь тучами. Скоро пошел дождь. Он выпал по всей земле, с востока на запад.

— Наше племя не будет больше страдать от жадности Пожирателя Туч,— вскричал Ахайюта.

И он тоже, вслед за кротом, начал пляску дождя.

— А ты стал настоящим мужчиной и великим воином! — ответил крот.

Так в знойной земле пуэбло была побеждена засуха. А об Ахайюте и его подвиге люди с почтением вспоминают и до сего дня.

КАК КОЙОТ ПОЙМАЛ ВЕТЕР

Сказка североамериканских индейцев

В давние времена ветер дул каждый день. Он дул так сильно, что никому не давал житья. Тогда койот решил:

— Чтобы ветер больше не дул, поймаю его да убью. Расставлю силки в ущелье между горами. Там-то он мне и попадется.

И вот взял койот и расставил силки на камне в самом узком месте ущелья. А потом пошел домой спать. Наутро приходит койот в ущелье и видит: кто-то бьется в силках. Длинные волнистые волосы. Большие глаза. Широкий рот.

Достал койот из колчана стрелу, наложил на лук, говорит:

— Сейчас ты умрешь!

— Не стреляй в меня,— говорит ветер.— Разве тебе меня не жалко?

— Не жалко,— отвечает койот.— Ты каждый день налетаешь на дома и лезешь не в свое дело. Готовься к смерти!

— Пожалей меня,— молит ветер.

— Ладно, живи,— смилостивился койот,— только пообещай мне, скажи: «Больше никогда не буду дуть!»

— Но я же умру, если буду все время сидеть дома,— плачет ветер.— Как тогда мне найти еду?

— Ладно. Тогда скажи: «Когда подую, когда перестану!»

— Клянусь тебе: когда подую, когда перестану.

Высвободил койот пленника из силков и отпустил на волю. Ветер поэтому жив по сей день.

Только теперь он когда подует, когда перестанет.

КАК КРОЛИК ВЗЯЛ КОЙОТА НА ИСПУГ

Сказка североамериканских индейцев

Сидел кролик в кустах, ягодами лакомился. Вдруг видит: бежит койот. Кролик скорее-скорее прочь. Койот за ним. Кролик в нору. Койоту в нору не влезть. Сунул он в нору лапу, стал разрывать. А нора неглубокая. Вот-вот до кролика койот доберется.

Сидит кролик в норе, смотрит на койотову лапу, думает, как быть. Иначе как на хитрость надеяться не на что.

— Все ко мне! — закричал кролик.— Койот к нам в дом лапу сунул. Тут-то мы его и поймаем!

Кролик, конечно, сидел в норе один-одинешенек. Но он хотел, чтобы койот подумал, будто там много зверей.

— Ну что, хватать? — громко спросил кролик.

— Хватай! — ответил он сам себе и крепко схватил койота за лапу.— Держи! — крикнул кролик.— Режь ему лапу!

До смерти напуганный койот выдернул лапу и бросился наутек. Долго бежал он и оглядывался: боялся, что за ним все звери гонятся.

КАК ПОЛЬ БАНЬЯН ВЫРУБИЛ ВСЕ ЛЕСА В СЕВЕРНОЙ ДАКОТЕ

Из фольклора США

Поль Баньян* считался у лесорубов главным силачом, и вообще он был великим человеком. Каждый день он вырастал на два фута*. Когда он хохотал, люди в дальних деревнях бежали домой и прятались в подвалы: они думали, что надвигается страшная гроза.

Поль был быстрее молнии. На всем севере только ему удавалось на ночь задуть свечу и прыгнуть в постель, пока в комнате еще держится свет задутой свечи.

Он рассказывал, что однажды посадил кукурузное зерно и в пять минут кукуруза вымахала на пятьдесят футов, так что его помощник Оле Большой Швед забрался по ней неизвестно куда.

С его стола падали на пол такие здоровенные крошки, что подбиравшие их бурундуки стали крупнее волков и выжили из окрестности медведей.

Поль изобрел двойной топор с лезвиями по обе стороны, чтобы его лесорубам работалось вдвое быстрее. Топор самого Поля был размером с ворота, и Поль насадил его на топорище из крепкого высокого дуба. Поль так лихо орудовал им, что топор раскалялся

докрасна, и тогда приходилось окунать его в ближнее озеро.

Поль и семерка его лесорубов за один-единственный месяц свели леса по всей Северной Дакоте. Сам Поль вырубал квадратную милю* в день, и его счетовод Джонни Чернильная Душа едва поспевал заносить в книги, сколько и где нарублено. А Поль тем временем стоял среди леса, который едва доходил ему до пояса, и размахивал топором, который вряд ли смогла бы поднять семерка его лесорубов.

Поль проложил русло реки Святого Лаврентия на востоке и вырыл залив Пьюджет Саунд на западе, а после этого пособил Джиму Хиллу в постройке Большой Северной магистрали.

Поль сказал Джиму, что проложит эту железную дорогу быстро и дешево. Чтобы построить забор вдоль путей, он привел шестьсот восемьдесят бобров. Бобры нагрызли в полосе отчуждения много тысяч сосновых кольев длиною по шесть футов.

Тогда Поль привез из Миннесоты сусликов. Суслики начали рыть себе норы возле дороги. Поль вытаскивал их из готовых нор и ставил туда колья. Многие суслики возмутились и устроили митинг протеста. Однако с дороги они не ушли и роют там норы поныне.

Поль Баньян, Вороватый Сэм, Оле Большой Швед и семерка прославленных лесорубов построили лесопилку, чтобы пилить такие высокие деревья, что макушки их видно лишь в ясный день, и такие толстые, что прорубиться сквозь кору к древесине можно было, только действуя сообща.

Лесорубы валили такие деревья вездеходной пилой, которая была длиною в несколько миль и срезала все на своем пути. По ночам эту пилу вострили тридцать точильщиков.

Падавшие в снег деревья поднимали такую метель, что солнце в этих краях видели только по нечетным четвергам.

Деревья так боялись Поля и его подручных, что однажды целый лес, завидя их, пустился наутек, так что Полю пришлось ловить его сетью.

Вслед за лесорубами по лесосекам шел Малыш Голубой Бык. Он наступал на пни и вдавливал их глубоко в землю, чтобы можно было посеять озимые в эту же осень.

ПЕКОС БИЛЛ, ТЕХАСЕЦ

Из фольклора США

Пекос Билл* был лучший наездник во всем Техасе, к тому же еще говорят, что именно он изобрел лассо. Лассо у него было длиною от Рио-Гранде до Большой Излучины*, и петля у этого лассо была соответствующая. Билл от нечего делать забрасывал лассо в небеса и заарканивал пролетавших орлов и коршунов.

Он арканил все, что попадало ему на глаза,— медведей, волков, пантер, лосей, бизонов. Увидев впервые железнодорожный состав, он решил, что это какое-то вредное пресмыкающееся, и набросил на него лассо, отчего чуть не случилось крушение.

Билл души не чаял в своем коне и имел на это все основания, потому что сам выкормил его нитроглицерином и колючей проволокой.

Конь вырос выносливый и злой и никого, кроме Билла, к себе не подпускал. Конь души не чаял в своем Билле и, когда кто-нибудь другой пробовал прокатиться на нем, начинал брыкаться и прыгать как черт. Он наделал немало вдов, этот конь, и Билл прозвал его Вдоводелом.

Вдоводел был конь как раз под стать Биллу, но вообще-то Билл мог ездить на всем, что движется. Как-то он для смеха оседлал молнию и перелетел на ней через пик Пайк.

В другой раз он поспорил на стетсоновскую шляпу, что проедет верхом на циклоне. Он отправился в Канзас и, ухватив торнадо* за ухо, вскочил на него. Подкручивая усы и пришпоривая торнадо, он прокатился по Оклахоме и северной узкой части Техаса, а над самым Техасом торнадо понял, что сбросить Билла ему не удастся, и выпал из-под него проливным дождем. Это была единственная неудача в жизни Билла.

Когда Билл перебил всех бандитов в Техасе, там стало так тихо и спокойно, что Билл заскучал.

Оседлал он Вдоводела и отправился дальше на запад. В Нью-Мексико Билл встретил старого траппера* и спросил его, нет ли тут где парней пожелезнее.

— За двести миль отсюда в горах живет шайка до того железных парней, что гвозди зубами перекусывают,— ответил старый траппер.

Билл поскакал в горы: очень ему не терпелось взглянуть на этих железных парней.

Но только конь его оступился, полетел под откос и свернул себе шею, и Биллу пришлось продолжить свой путь пешком.

Снял он с коня седло, взвалил на плечи и зашагал, но вдруг увидел гремучую змею. Это была здоровенная змея длиною в двенадцать футов, и из пасти у нее торчали здоровенные ядовитые зубы.

Загремела гремучая змея и полезла в драку. Биллу с кем бы ни драться — лишь бы подраться, но Билл всегда дрался честно. Ему не хотелось, чтобы змея потом шипела, будто он напал первым, и он позволил ей укусить себя целых три раза.

Тут Билл дал себе волю и вытряхнул дух из змеи. Он был незлопамятен, и, когда змея попросила пощады, Билл обернул ее себе вокруг шеи, как шарф, взвалил седло на плечи и зашагал дальше.

Шел он каньоном, и тут на него с высокой скалы бросился

кугуар. Билл бровью не повел. Положил он на землю седло, снял с шеи змею и занялся кугуаром. Рыжая шерсть с кугуара летела до самых небес, так что окрестные птицы и кролики подумали, будто уже заходит солнце. Когда кугуар получил столько, сколько ему причиталось, он стал лизать Биллу руки и пищать, словно котенок.

Набросил Билл на кугуара седло, кинул на морду уздечку, вскочил на него верхом и погнал по горам. Мчится кугуар по горам, каньоны перепрыгивает, а Билл его шпорами бьет и змеей, словно плетью, хлещет.

Так на кугуаре и примчался Билл к железным парням, осадил кугуара, наземь спрыгнул, седло стал снимать.

Железные парни у костра сидят, над костром в котелке кофе кипит да ведро бобов варится. Билл несколько дней ничего не ел, запустил он руку в ведро, отправил пригоршню бобов себе в рот, запил котелком кофе и отер губы колючим кактусом.

— Кто тут у вас главный? — спрашивает Билл железных парней.

— Я был,— отвечает парень в семь футов ростом,— а теперь ты будешь.

Так началась жизнь Билла на Западе.

Вскоре после того он застолбил Нью-Мексико и обнес забором всю Аризону. В ней он устроил огромное ранчо. От въездных ворот до дверей дома было так далеко, что вдоль пути Билл поставил станции с перекладными лошадьми для гостей. Билл любил веселую компанию, и, когда к нему приезжали гости, он всегда уговаривал их погостить подольше.

У него было так много ковбоев, что его пекарям приходилось запружать ручьи и замешивать тесто прямо в лощинах. Они ссыпали в них фургоны муки, ведерки дрожжей и тонны соли. Затем запрягали коней и месили тесто плугами и скреперами*. По сей день кое-где в лощинах осталась соль. Люди назвали такие места солонцами.

КЕЙСИ ДЖОНС, МАШИНИСТ

Из фольклора США

Настоящее имя Кейси Джонса* было Джон Лютер Джонс. Вот как он получил свое прозвище. Когда он пришел наниматься на железную дорогу Мобил-Огайо, молодой машинист по фамилии Лешли сказал ему:

— Все хорошо, только имя твое здесь не пойдет. Понимаешь, у нас тут слишком много Джонсов, и все их путают. Ты откуда родом?

— Из Кейса,— ответил Джонс.

— Вот и прекрасно,— сказал Лешли.— Мы будем звать тебя Кейси Джонс.

Кейси Джонс от кочегара на магистрали Мобил — Огайо дошел до машиниста на Иллинойсской Центральной, где прославился тем, что, ведя свой паровоз, подавал гудок на шесть музыкальных тонов. Это был глубокий протяжный гудок, который начинался тихо-тихо, затем поднимался, крепчал и замирал в отдалении, как шепот. Люди прозвали его козодоем, так как и правда он чем-то напоминал жалобный голос ночной птицы: «КЕЕЕЕЕЕЙ СИИИИИИ ДЖОООООООНС».

Вдоль всей Иллинойсской Центральной, от Джексона, штат Тенесси, до Уотер Вэлли, штат Миссисипи, люди слышали этот гудок и, просыпаясь ночью, говорили:

— Это наш Кейси Джонс,— и спокойно засыпали опять, когда знакомый голос жалобного козодоя терялся в ночи.

После нескольких лет вождения грузовых и пассажирских составов Кейси стал машинистом прославленного экспресса «Пушечное ядро», который курсировал на линии Мемфис — Кентон, штат Миссисипи. Его «козодой» по-прежнему оглашал окрестности, чтобы люди знали:

...слыша козодоя стон,
Что ведет состав сегодня Кейси Джонс.

В воскресенье 29 апреля 1900 года Кейси Джонс прибыл с экспрессом на станцию Мемфис в двадцать два ноль-ноль. Вместе с кочегаром Симом Уэббом они зашли к дежурному отметить прибытие и уже собирались разойтись по домам, как вдруг кто-то сказал:

— Джо Льюиса увезли в больницу, некому вести «Пушечное ядро» на Кентон.

— Я заменю Джо Льюиса, если вы подготовите мой паровоз к рейсу,— вызвался Кейси.

В двадцать три ноль-ноль, с опозданием в девяносто пять минут, поезд триста восемьдесят второй под проливным дождем отошел от станции Мемфис на юг, к станции Кентон.

Это случилось в четыре утра на разъезде Воан, штат Миссисипи. Железнодорожный путь петлей огибал городок Воан, а за городком, в самом конце петли, был длинный разъезд, на котором той ночью паровоз к паровозу стояли два товарных состава — южный восемьдесят третий и северный семьдесят второй. Оба вместе они были длиннее пути разъезда на четыре вагона, и их бригады решили сманеврировать на юг, чтобы открыть «Пушечному ядру» северную стрелку разъезда. Когда же экспресс выйдет на стрелку, оба они сманеврируют на север и откроют ему южную стрелку.

Только когда они начали маневр на север, от поезда семь-

десят второго неожиданно отцепились четыре последних вагона и загородили главный путь у самой южной стрелки. Поездные бригады, конечно, не знали, что Кейси гонит экспресс со скоростью семьдесят миль в час, чтобы наверстать время. А Кейси не слышал взрыва петарды*, которую сигнальщик семьдесят второго поставил на пути, предупреждая об опасности.

И вот когда славный триста восемьдесят второй был в какой-нибудь сотне футов от южной стрелки, изумленным глазам Кейси Джонса и Сима Уэбба предстали неясные в предутренней мгле очертания нескольких товарных вагонов, медленно въезжавших с главного пути в разъезд. Оба мгновенно поняли, что ничто на свете не может предотвратить катастрофу.

— Прыгай, Сим, спасайся! — крикнул Кейси Джонс кочегару, а сам дал задний ход и включил воздушные тормоза — это было все, что он мог сделать. И грохочущий триста восемьдесят второй на полной скорости врезался в товарные вагоны, круша их, как спичечные коробки́. Симу действительно удалось выпрыгнуть, он упал в придорожные кусты и даже не сильно расшибся.

А прославленный триста восемьдесят второй разнес в щепу все четыре товарных вагона и полетел под откос. Когда тело Кейси Джонса нашли в обломках, одна рука машиниста была на шнуре гудка, другая на тормозном рычаге.

— Я помню, что, когда я прыгал, Кейси дал пронзительный долгий гудок,— рассказывал потом Сим Уэбб жене Кейси Джонса.— Он явно хотел предупредить сигнальщика грузового состава, чтобы тот тоже прыгал.

Груды сена и горы пшеницы из разбитых вагонов лежали у места крушения. Говорят, что несколько лет потом на путях в этом месте росла пшеница.

ВИРГИНСКИЙ ГЕРКУЛЕС

Из фольклора США

Америка знала много славных пионеров: великана-лесоруба Поля Баньяна, ковбоя диких прерий Пекоса Билла, доброго фермера Джонни Яблочное Зернышко и еще много «золотых петушков», прославившихся своей силой, отвагой и великими делами.

Таков был и Питер Франциско из штата Виргиния. Люди всегда готовы поведать о его редкой силе и бесстрашных подвигах.

Нам бы хотелось рассказать о нем три увлекательных и веселых истории, но, к сожалению, не хватает места.

Питер попал в Виргинию издалека, говорят, будто даже из Португалии, ну да это к делу сейчас не относится. Его подобра-

ли на берегу, брошенного там какими-то бессердечными моряками, удравшими потом на всех парусах. Случилось это давным-давно в районе Хопуэлла, неподалеку от Питерсберга, штат Виргиния.

Судьба оказалась милостива к маленькому черноглазому и черноволосому мальчугану. Его взял к себе на воспитание судья Энтони Уинстон, чья ферма была расположена по соседству.

Мальчик вырос большой и крепкий, и вскоре о его богатырской силе уже гремела молва. Однако характером он был тихий, в чужие дела не лез и пускал в ход свою силу, только когда в этом была острая необходимость.

С каждым годом росту и силы у него прибавлялось. К шестнадцати годам он достиг уже почти семи футов, а весом был более двухсот пятидесяти фунтов*. Он мог каждой рукой поднять по одному взрослому человеку.

Настало время, когда американцы решили освободиться от Британской короны, и Питер одним из первых записался в армию мятежников.

Он тут же отличился силой и храбростью, оказываясь всегда в самой гуще сражения, и покрыл себя неувядаемой солдатской славой. Все, от низших офицеров до генералов, знали о его подвигах.

Генерал Джордж Вашингтон* специально для него заказал шпагу шести футов длиной, и Питер размахивал ею, словно перышком.

Генерал Лафайет* был его лучшим другом, собственно, как и все, с кем он был в одном строю.

Когда кончилась война, он вернулся к мирной и благополучной жизни, открыл гостиницу с пансионом, но о великих делах своих не забывал никогда. Мы вам расскажем лишь об одном случае из его мирных дней, а вы сами убедитесь, что Питер Франциско не зря снискал и похвалу, и любовь многих людей.

Однажды он сидел на веранде своего дома и с удовольствием вспоминал битву с драгунами полковника Тарнтона*, в которой он одной рукой раскидал с полдюжины всадников. И вдруг Питер услышал топот конских копыт, приближающийся к гостинице.

— Удача! Едет путник, которому нужны будут еда и постель! — И он с нетерпением уставился на дорогу.

Вскоре верхом на коне появился здоровенный детина довольно наглого вида.

— Добрый день, сэр,— приветствовал его вежливо Питер.— Вы ищете, где бы остановиться? Пожалуйста, у нас сколько угодно свободных комнат.

— Вы Питер Франциско? — заорал громовым голосом всадник, так что на семь миль вокруг, наверно, было слышно.

— Ну, я. Может, вы слезете с коня и войдете?

— Меня зовут Памфлет. Я прискакал из самого Кентукки, чтобы отхлестать вас ни за что ни про что.

— Что ж, это нетрудно устроить, дружище Памфлет,— сказал, улыбаясь, Питер.— Эй, кто-нибудь там! — крикнул он.

На веранду вышел слуга.

— Будь добр,— сказал ему Питер,— сходи наломай ивовых прутьев подлинней и покрепче! Потом дашь их вот этому господину, прискакавшему из Кентукки.

Слуга поспешил в сад.

— Мой слуга, дорогой господин Памфлет, избавит вас от лишних хлопот и забот, чтобы вы могли исполнить то, зачем приехали.

Памфлет в недоумении поглядел на Питера: почему этот прославленный богатырь даже не разозлится? Он задумался на минуту, потом соскочил с коня и провел его под уздцы через ворота, потом через палисадник, гордость миссис Франциско, и подошел к самой веранде, на которой сидел Питер. Памфлет был мужчина большой, грузный и ходил неуклюже. Он долго смотрел на Питера, подпиравшего головой потолок веранды, потом медленно произнес:

— Мистер Франциско, не разрешите ли вы мне узнать, какой у вас вес?

— Пожалуйста, если вас это интересует.— И Питер спустился с веранды в сад.

Пришелец из Кентукки бросил поводья своего коня и, собрав все силы, несколько раз приподнял Питера над землей.

— Да, вы тяжелый, мистер Франциско.

— Люди тоже так говорят, мистер Памфлет,— смеясь, заметил Питер.— А теперь, мой дорогой господин Памфлет, приехавший сюда, чтобы отхлестать меня ни за что ни про что, я бы хотел проверить ваш вес... Разрешите и мне поднять вас, чтобы узнать, сколько весите вы.

Питер Франциско слегка наклонился вперед и легко поднял Памфлета с земли. Он проделал это дважды, а на третий раз поднял его повыше и — хоп! — перебросил через садовую ограду.

Памфлет полежал немного, потом не спеша встал. Он ушибся при падении, правда не очень, и весьма неприязненно посмотрел на Питера.

— Выходит, вы выставили меня из своего сада,— заметил он саркастически.— Тогда будьте любезны выставьте уж и моего коня.

— С преогромным удовольствием, сэр!

Питер спокойно подошел к коню. Разве не поднял он однажды одной-единственной рукой пушку весом в тысячу сто фунтов? Лошадь-то небось весит меньше?

Левую руку он поддел лошади под брюхо, а правой подхватил пониже хвоста, поустойчивее расставил ноги, напряг все

мускулы и одним могучим рывком поднял испуганное животное и отправил вслед за его хозяином через изгородь.

Памфлет глядел на все это разинув рот. Потом медленно и с большим уважением вымолвил:

— Мистер Франциско, теперь я полностью удовлетворен, ибо собственными глазами убедился, что ваша репутация великого силача заслужена вами честно.

— Благодарю вас, сэр,— сказал, приветливо улыбаясь, Питер.— Благодарю вас! Когда будете в другой раз проезжать мимо, милости просим, заходите.

Памфлет ускакал, а Питер вернулся на свое место на веранде, откуда любовался виргинскими цветами и виргинским солнцем.

ПОЧЕМУ В КАЛИФОРНИИ НЕ НАЙТИ УМНЫХ МЕДВЕДЕЙ

Из фольклора США

Мы не погрешим против правды, если скажем, что самым большим на свете медведем был Старина Гром Небесный.

Самым большим — да, но не самым умным. Встречались в Калифорнии во времена, когда там проходил фронтир, медведи-гризли такие мозговитые, что мозгам было тесно в их башках. Может, оттого, что солнце там шпарило каждый божий день? Коли не дождь, так солнце и солнце. А на солнце, сами знаете, все живехонько созревает.

Предположим, родился у медведицы медвежонок-несмышленыш. Солнце его пригрело, и, глядишь, умишко у него быстро и созрел. Так или иначе, а КУ (коэффициент умственного развития, как теперь выражаются специалисты) у этих медведей был на диво высокий. И водилось их тогда видимо-невидимо — можно сказать, больше, чем скотины рогатой.

Во всяком случае, так оно было на Рашен-Ривер в ту пору, когда на берегу ее поселился один фермер. Он выращивал сочную кукурузу и разводил свиней.

В первую же осень, как только кукуруза начала вызревать, на его поле забрели медведи и подчистили все до единого початка. А фермер-то прикидывал: часть кукурузы он продаст, остальной будет свиней откармливать, тоже на продажу, конечно.

Ох и рассердился он! Просто-таки из себя вышел. И всякий раз, как пойдет в поле, увидит голые стебли без пухленьких, желтых початков, так из себя выходит и назад в себя никак прийти не может. Он твердо знал, что это медведи, потому как следы их ясно виднелись на земле. Но вот загадка: медведи кукурузу-то не ели, а с собой уносили.

Дальше — больше, за кукурузой стали пропадать сами свинки. Фермер прямо-таки обыскался — туда, сюда, все надеялся хоть ихние косточки отыскать на том месте, где косолапые лакомились окороками. Но ни единой не нашел. Даже жалкого хвостика.

Как-то раз ему почудилось, будто визжит кто под деревом. Подошел, а это вовсе и не визжит, а мяучит; видно, какой-то кот свое «мяу» промяукал да и забыл тут.

Чуть с ума не спятил бедный фермер, хотя пятить-то особо было не с чего. И вдруг напал на след, ведущий прочь с его кукурузного поля. След этот вилял зигзагом сначала меж кукурузных полос, потом поднимался на холм и, наконец, спускался к лесочку милях в трех от поля. След был медвежий, ни чей другой, потому как только косолапые так косолапят.

Прихватил фермер свое ружье, вскинул на плечо и зашагал к тому лесу. Подходит и слышит: вроде как медведи ворчат, пыхтят. Поближе подкрался. Вот те на! Медведей сотня, не меньше, и все за работой. Да за какой! Строят свиной хлев из павших стволов да толстых веток и загоняют в него его собственных призовых свинок! Одни медведи строят, другие полные охапки кукурузных початков таскают, хряков его подкармливают.

Что и говорить, косолапый не промах, для себя, значит, запас на зиму готовит! Ну и умные бестии эти медведи! Куда ему с ними тягаться!

Повернулся фермер и пошел восвояси, ни одного выстрела не сделал. Запряг он коней, побросал в фургон кой-какие вещички и подался в другие места. Говорят, будто он завел ферму в горах, стал из гальки валуны выращивать, чтоб подправить местный пейзаж в Скалистых горах иль в Колорадо, точно не знаем.

А медведи взялись его старой фермой управлять. И преуспели поначалу, а потом уж больно разъелись, обленились и, чуть что, в спячку заваливались. Медведи, дело известное, все зимние месяцы в году спят без просыпу. А эти медведи спали и зимой, и весной, и осенью. До того дошло, что даже летом заваливались спать, пока не заснули на веки вечные. Может, потому в Калифорнии и не найти больше умных медведей?

УГАДАЙТЕ, КТО?

Из фольклора США

Жила однажды на свете очень миловидная молоденькая негритянская девушка. Глаза ее всегда смеялись, а ноги танцевали. Все молодые люди были от нее без ума, о чем каждый сообщал ей. Ее всегда сопровождала целая свита, куда бы она ни шла. Юноши готовы были даже бросить работу,

только бы полюбоваться на нее. А она все не могла решить, за кого же из них выйти ей замуж. Она была чуточку спесива. И все разглядывала их и разбирала по косточкам.

Не стоит ее бранить за это, ведь молодых людей было так много, а выбор сделать так трудно!

И все-таки четырех из них она предпочитала другим. Но кто будет единственный избранник, этого она никак не могла решить.

«А может, мне выйти замуж за того, кто работает быстрее всех?» — наконец подумала она и поделилась этим со своими поклонниками.

Что ж, все четверо были юноши крепкие, сильные и трудностей не боялись. И у каждого было в запасе много нежных слов для хорошенькой негритянки.

Однажды поутру она шла к источнику за водой, держа деревянную бадью в руках.

К ней подошел один из молодых людей, ухаживавших за ней, старший из четырех. Он был плотником.

Он хорошо знал характер девушки и что у нее на уме. И в шутку сказал:

— Я мастер, который ищет работу. Скажи мне, милая, куда ты идешь?

— Я иду за водой! — был ответ.

— И я с тобой! Давай я помогу тебе нести бадью.

Он взял из ее рук бадью, они дошли до источника, и он набрал из него полную бадью воды. А потом пошли назад. И, могу уверить вас, рот влюбленного юноши не был на замке. Он сказал девушке много ласковых слов и попросил выйти за него замуж.

Пока он объяснялся ей в любви, вдруг — крак! — дно деревянной бадьи, полной воды, затрещало и готово было вот-вот выпасть.

Юноша не сплоховал. Как вы думаете, что сделал этот находчивый плотник? Не успела девушка и глазом моргнуть, а в руках у него уже была подходящая доска. Не успела она рта раскрыть, а уж он вырезал из этой доски подходящее для бадьи дно. Не успела она вздохнуть, а уж он вставил дно в бадью, да так крепко, как кора сидит на дереве.

Словом, так быстро, что из бадьи не убежало ни капли воды.

— Можно считать, что я мастер без дела, но вот какой я на деле плотник! — сказал он девушке.— Выйдешь за меня замуж, радость моя?

— Ты лучший плотник во всем штате! Но я еще должна подумать. Подожди немного, тогда я дам ответ.

Времена менялись, а девушка — нет. Пришла зима, стояли сильные холода. Как-то раз у девушки в гостях сидел второй из молодых людей, который ухаживал за ней. Он был дровосеком.

Он хорошо знал характер девушки и что у нее на уме. И в шутку сказал:

— Я лесоруб, который сидит без дела!

Он добавил еще нежных и теплых слов, и все-таки их тепла не хватило, чтобы согреть комнату.

— Тогда раздобудь для печи дров! — сказала девушка.— В доме нет ни щепки.

— С радостью! Я сделаю все, чтобы тебе стало тепло и уютно, единственная моя! — ласково сказал юноша.

Он взял топор и вышел. Неподалеку росло могучее дерево, почти что десяти футов в обхвате. Юноша проверил, достаточно ли остер топор. В это время вдруг разразилась гроза — только в штате Миссисипи зимой бывают такие странные грозы, когда гремит гром, сверкают молнии, а дождя нет.

Когда юноша в первый раз взмахнул топором, вверху сверкнула молния. Слепящий шар ее устремился с неба на дерево, которое он собирался рубить.

Топор взлетел вверх, потом упал вниз. Вверх, вниз, вверх, вниз — в тысячу раз быстрее молнии.

Раз! Раз! Ух! Ух! Дерево упало.

Гик! Гик! Гик! Во все стороны полетели щепки.

И что бы вы думали, не успела молния ударить в дерево, а молодой дровосек уже с целой вязанкой дров вбежал в дом.

— Вот, моя единственная, я принес много дров, теперь нам будет тепло, и я могу сказать тебе, как я тебя люблю, а потому прошу: выходи за меня замуж! Быть может, я и впрямь лесоруб, который сидит без дела, зато я лучший дровосек на весь штат Миссисипи.

— Не спорю, дровосек ты прекрасный, но о женитьбе еще надо подумать. Подожди немного, тогда я дам ответ.

Однако время не ждет, даже хорошеньких девушек. В Миссисипи пришла весна. Все зазеленело и расцвело. В одно прекрасное утро девушка и третий ее ухажер гуляли в лесу. Этот молодой человек был кузнецом.

Сияло солнце, пели птицы, день был чудесный. Самый что ни на есть подходящий день, чтобы сделать девушке предложение. Так молодой кузнец и поступил, последовав примеру предыдущих молодых людей, и попросил девушку выйти за него замуж.

Что и говорить, ни одной красотке во всем Миссисипи не делали, наверное, столько предложений!

Он хорошо знал характер девушки и что у нее на уме. Шутки ради он сказал:

— Я сапожник без сапог! Но выходи за меня замуж, и увидишь, на что я гожусь!

Гвозди и подковы! Он же всегда носил их при себе. Да еще молоток. Пока они беседовали, мимо пробежал олень.

— Милая, сейчас я покажу тебе, как работает сапожник без сапог. Ну чем я не кузнец?

Он догнал оленя, достал молоток, гвозди и подкову... Раз, два, и готово! Олень был подкован на лету.

Закончив работу, юноша воскликнул:

— Видишь, любимая, какой я работник! Теперь ты решишься выйти за меня замуж не медля, как я не медлил, догоняя оленя?

— Кузнец ты прекрасный, лучше и не найти. Но о женитьбе еще надо подумать,— сказала девушка.— Здесь не надо спешить, как в погоне за мулом или за оленем. Подожди немного, тогда я дам ответ.

Пробежало лето, настала осень. Однажды девушке повстречался четвертый из ее вздыхателей, брадобрей.

— Красавица моя,— воскликнул он,— я безработный брадобрей! Но я тебя люблю и сделаю счастливой.

И он сказал ей все-все, что говорят влюбленные молодые люди в таких случаях.

Вдруг из кустов выскочил пушистый кролик с длинными ушами.

— Краса моя,— воскликнул юноша,— я покажу тебе, как бреет безработный брадобрей!

Он вытащил бритву, мыло и воду, которые всегда носил при себе, и не успел кролик пересечь зеленую лужайку, мордочка у него уже была выбрита. И даже за ушами.

— Вот видишь! А теперь пойдешь за меня?

— Брадобрей ты прекрасный, а вот какой муж... Об этом еще надо подумать. Дай мне время, тогда я отвечу.

И милая девушка все думала и думала. Думала и думала...

Так долго думала, что у нас не хватило терпенья дождаться, чтобы узнать, кто станет ее женихом. Мы можем только гадать. И вы тоже. А когда угадаете кто, скажите!

ОБИДИЛДОК И ЕГО РЫБКА

Из фольклора США

На одной ферме в штате Индиана жил мальчишка по имени Обидилдок Манринг.

Однажды он поймал в речке пескаря. Пескарь этот был такой маленький, что его не было смысла жарить. Поэтому Обидилдок налил воды в водопойную колоду и пустил туда рыбку.

Каждый день он давал пескарю корма. Тот привык к Оби и стал совсем ручной. Когда мальчишка бросал корм, пескарь подплывал к руке и ласкался.

В один прекрасный день Джо (так Оби назвал своего песка-

ря) выпрыгнул из кормушки и поскакал по дороге следом за своим Оби. Все лето Джо ходил за Оби и развлекал его, когда Оби приходилось делать скучные дела по хозяйству.

Когда осенью Оби пошел в школу, Джо пошел вместе с ним.

Но однажды, когда они переходили речку по бревнышку, Джо поскользнулся и упал в воду.

Так грустно окончилась история про этого пескаря. Он, наверно, жил бы по сей день, кабы тогда не утонул!

МУРАВЕЙ И ПШЕНИЧНЫЕ ЗЕРНА

Из фольклора США

Один король больше всего на свете любил слушать сказки. Все придворные уже рассказали ему все сказки, которые знали, и поэтому король объявил, что отдаст дочку замуж за того, кто расскажет ему такую сказку, которая никогда не кончится. Однако если это будет просто очень длинная сказка с концом, то рассказчика тут же казнят.

Пришел во дворец к королю один красивый молодой человек и говорит, что может рассказать такую сказку, которая никогда не кончится.

— Знаешь, если это будет просто очень длинная сказка, я тебя казню,— говорит король.

Только молодой человек не испугался, сел на скамеечку возле королевского трона и начал рассказывать:

— Жил на свете муравей. Он уже несколько дней не ел и был очень голодный. Полз муравей по дороге, полз и вдруг увидал огромный амбар. В этот амбар фермер ссыпал всю свою пшеницу. Муравей решил утащить из амбара пшеницы — и сейчас поесть, и запас сделать.

Пробрался муравей в амбар, взвалил на спину пшеничное зерно и потащил домой.

Муравей был маленький и мог унести только одно зернышко. Поэтому он вернулся в амбар, взвалил на спину еще одно пшеничное зерно и потащил домой. Потом он вернулся в амбар, взвалил на спину еще одно пшеничное зерно и потащил домой. Потом он вернулся в амбар, взвалил на спину еще одно пшеничное зерно и потащил домой. Потом он вернулся в амбар...

Красивый молодой человек рассказывал и рассказывал, как муравей таскал пшеничные зерна из амбара, и король понял, что эта сказка в самом деле никогда не кончится. И он сказал:

— Бери мою дочку в жены, только кончай скорей свою бесконечную сказку!

— Хорошо,— сказал молодой человек.— Увидел муравей, что дом его полон пшеничных зерен, что не надо ему больше в

амбар возвращаться, уселся поудобнее и стал есть. Тут и сказке конец.

Король был доволен, а красивый молодой человек и королевская дочка поженились и зажили припеваючи.

ПОЧЕМУ У БРАТЦА ОПОССУМА ГОЛЫЙ ХВОСТ

Сказка афро-американцев США

Однажды братец Опоссум* ну просто ужас до чего проголодался! И захотелось ему отведать хурмы. А надо вам сказать, что братец Опоссум был преленивейшим созданием! Но тут уж в брюхе у него так заурчало, что волей-неволей пришлось ему отправиться на поиски пищи. И как вы думаете, кого он встретил по дороге? Ну конечно же, братца Кролика! А были они большие приятели, Опоссум с Кроликом, потому что Опоссум никогда не приставал к Кролику, как другие. Сели они у дороги, начали болтать о том о сем.

Тут Опоссум возьми и признайся, что просто умирает с голоду. А Кролик — тот даже в ладоши захлопал и закричал, что знает такое место, где Опоссум может великолепно подкрепиться. Опоссум, разумеется, спросил, где оно, это место, на что Кролик ответил:

— Да в саду братца Медведя!

Едва только Опоссум услышал о фруктовом саде братца Медведя, у него изо рта потекли слюнки. Не успел Кролик и глазом моргнуть, Опоссума уж и след простыл. Прибежал он в сад и взобрался на самое высокое дерево. А Кролик-то, оказывается, вот что придумал: помчался он к дому Медведя и давай кричать, что кто-то безобразничает у него в саду.

Медведь со всех ног бросился туда.

Сидит Опоссум на дереве, и все-то чудится ему, будто Медведь идет. Сидит он так и приговаривает:

— Еще одну штучку — и удеру! Еще одну — и удеру!

Ну и досиделся! Медведь тут как тут, а Опоссум его не видит и знай себе повторяет:

— Еще одну — и удеру!

Подскочил Медведь к дереву и как начал его трясти! Свалился Опоссум на землю, словно спелый плод, и, едва коснулся ногами травы, пустился наутек к забору — что твоя скаковая лошадь! А Медведь за ним вдогонку. Так бежали они по саду, бежали, и с каждым прыжком Медведь был все ближе. Добежали они до забора, тут Медведь и настиг Опоссума и схватил его зубами за хвост. Только Опоссум все же изловчился, протиснулся между жердями, рванулся и выдернул хвост из зубов

Медведя. Однако Медведь так крепко держал его зубами, а Опоссум тянул с такой силой, что вся шерсть осталась во рту у Медведя.

И пожалуй, не будь поблизости Кролика и не принеси он Медведю кружку воды, тот непременно подавился бы шерстью.

Вот с того самого дня на хвосте братца Опоссума не растет шерсть. Ни у него, ни у его детей.

КАК БРАТЕЦ КРОЛИК ЗАСТАВИЛ БРАТЦА ЛИСА, БРАТЦА ВОЛКА И БРАТЦА МЕДВЕДЯ ЛОВИТЬ ЛУНУ

Сказка афро-американцев США

Были времена, когда и братец Кролик, и братец Лис, и братец Волк, и братец Медведь — все жили дружно и не ссорились. Были времена, когда все они жили словно одна семья.

Только заметил однажды Кролик, что слишком уж он раздобрел от такой спокойной жизни, и стал он думать и гадать, что бы такое сотворить. День ото дня становился он все беспокойнее — ну, прямо места себе не находил!

Вот как-то вечером, после ужина, лежал Кролик на траве, так и этак мозгами раскидывал и вдруг увидел своего старого приятеля Черепаху.

Поздоровались они сердечно, уселись на лужайке, разговорились, вспомнили старое. Болтали они так, болтали, а Кролик возьми и скажи, что неплохо, пожалуй, немножечко поразвлечься, как в былые времена. А братец Черепаха ему в ответ:

— Я, братец Кролик, и сам только о том и думаю! Вот славно, что ты мне повстречался!

— Ну и чудесно, братец Черепаха! — воскликнул Кролик.— Давай позовем братца Лиса, братца Волка и братца Медведя и порыбачим завтра вечером на пруду. Там заодно и позабавимся досыта. Я заведу разговор, а ты знай поддакивай. Придешь?

— Если не приду, значит, меня унес Кузнечик,— засмеялся братец Черепаха.

— Скрипку можешь с собою не приносить, я ведь тебя не на танцы зову! — пошутил в ответ Кролик и с этими словами помчался домой и сразу же улегся спать.

А братец Черепаха поспешил прямо к пруду, чтобы не опоздать к назначенному сроку.

На следующее утро Кролик дал знать об уговоре всем соседям, и те ужасно обрадовались — им самим такая мысль и в голову не приходила. Братец Лис тут же объявил, что сбе-

гает за матушкой Мидоус, мисс Моттс и другими девочками*.

Вечером все были в сборе. Братец Медведь — этот притащил удочку с леской и крючком, и братец Волк тоже принес удочку, а братец Лис — тот явился с сачком. Братец Черепаха, чтобы не отстать от других, принес в баночке червей. А матушка Мидоус и девочки уселись поодаль и взвизгивали всякий раз, как братец Черепаха показывал им баночку с червями. Братец Медведь сказал, что намерен поймать сома. Братец Волк сказал, что будет ловить карасей. Братец Лис пообещал наловить окуней для матушки Мидоус. Братец Черепаха заявил, что наловит пескарей, а братец Кролик — тот подмигнул братцу Черепахе и сказал, что постарается поймать карпа.

Вот приготовились они, и Кролик совсем уж было собрался забросить удочку, но вдруг остановился как вкопанный, будто увидел что-то в воде. Глядя на него, и остальные тоже замешкались. Кролик бросил удочку, поскреб в затылке и снова уставился на воду. Видя такое дело, девочки не на шутку разволновались, и матушка Мидоус закричала:

— Эй, братец Кролик, объясни, пожалуйста, что там такое случилось?

Братец Кролик ничего не ответил, только снова поскреб в затылке, не отводя глаз от воды. Тут мисс Моттс вскочила с места, подобрала юбки и стала громко кричать, что ужасно боится змей. Но Кролик и тогда не проронил ни слова, а только почесывал в затылке да на воду глядел. Потом глубоко вздохнул и произнес:

— Леди и джентльмены! Лучше всего, пожалуй, уйти отсюда: никому из нас не поймать здесь ни единой рыбешки.

Только он это сказал, братец Черепаха подполз к самому берегу, глянул вниз и сказал:

— Это точно! Вот уж точно так точно!

И с этими словами попятился назад, сокрушенно покачивая головою, будто пораженный тем, что увидел.

— Не пугайтесь, милые леди,— продолжал Кролик.— Мы ведь рядом и сумеем постоять за вас. А уж чему быть суждено — то и сбудется. Всякое случается в жизни. Да, в сущности, ничего особенного и не произошло. Просто луна утонула в пруду. Вы что, не верите мне?! Тогда ступайте и посмотрите собственными глазами.

Тут все, разумеется, бросились к воде, глянули — и впрямь вон она, луна, покачивается на самом дне! Братец Лис постоял, постоял да и говорит:

— Так, так, так!

Братец Волк постоял, постоял да и говорит:

— Вот ужас-то, вот ужас-то, вот ужас-то!

А братец Медведь постоял, постоял да и говорит:

— Гм, гм, гм!

Леди тоже постояли, постояли, а потом матушка Мидоус как закричит:

— Да что же это такое делается!

А братец Кролик еще разок глянул на воду и сказал:

— Леди и джентльмены! Вы тут можете причитать сколько душе угодно, однако до тех пор, пока мы не выудим луну из пруда, не видать нам рыбы как своих ушей. Это вам и братец Черепаха подтвердит.

Стали все наперебой допытываться у братца Черепахи, как бы им вытащить луну из пруда, но тот посоветовал им во всем полагаться на братца Кролика. А Кролик прикрыл этак глаза, будто бы обдумывая, какое решение принять, а потом сказал:

— Пожалуй, лучше всего будет сбегать к дядюшке Маку, взять у него невод и выловить им луну.

— Вот замечательно, братец Кролик, что ты вспомнил о дядюшке Маке! — вскричал братец Черепаха.— Он ведь близкая родня мне. Наверняка дядюшка Мак не откажет нам в просьбе.

Отправился братец Кролик за неводом, а братец Черепаха принялся тем временем объяснять всем и каждому, будто тот, кто увидит луну в воде и поймает ее, вместе с луной достанет со дна горшок с золотом. Ух, до чего обрадовались тут братец Лис, братец Волк и братец Медведь! Решили они, что, как только у них будет невод, все они пойдут ловить луну.

Возвратился Кролик с неводом и быстро сообразил, что к чему. Притворился он, будто сам хочет лезть в пруд за луной. Скинул пальто, стал даже стягивать жилет, но тут все вокруг зашумели, закричали, начали уговаривать его не мочить ноги, принялись убеждать Кролика, что и сами справятся с этим делом. Братец Лис взялся за один конец невода, братец Волк — за другой, а братец Медведь двинулся следом за ними, чтобы переносить невод через коряги и острые камни.

Вот забросили они невод, потянули, но только луна осталась на месте. Забросили еще раз — снова ничего. Забросили в третий — опять неудача. Решили они зайти в воду поглубже.

Попала вода Лису в ухо. Как начал он трясти головой! Волку тоже попала в ухо вода, и этот затряс головой что было мочи. И Медведю попала в ухо вода, и он тоже стал изо всех сил трясти головой. Вот так все трое трясли да мотали головами, а сами незаметно заходили в пруд все дальше и дальше.

Сделал Лис еще шажок — и ушел с головой под воду. Волк тоже шагнул — и тоже погрузился в воду по макушку. А следом за ними и Медведь. Что тут поднялось! Они так барахтались, что едва всю воду из пруда не выплескали!

Выбрались они кое-как на берег — девочки так и прыснули со смеху: сделались все трое грязнее грязи. А Кролик им кричит:

— Мне кажется, джентльмены, что вам следует побыстрее отправиться по домам и переодеться во что-нибудь сухое.

Может, в другой раз вам и повезет. Слышал я, что луна вообще-то ловится неплохо, нужно только насаживать на крючок простофиль вроде вас — то-то славная будет приманка! Тогда уж наверняка можно выудить луну, за это я ручаюсь!

Что оставалось делать Лису, Волку и Медведю? Мокрые, усталые и злые поплелись они домой, а братец Кролик и братец Черепаха, довольные тем, как они обманули простаков, отправились в гости к матушке Мидоус и девочкам.

КАК БРАТЕЦ КРОЛИК И БРАТЕЦ ЧЕРЕПАХА БЕГАЛИ НАПЕРЕГОНКИ

Сказка афро-американцев США

Бежал братец Кролик однажды по дороге, весело так, вприпрыжку — ли́ппити-кли́ппити, кли́ппити-ли́ппити! — и встретился ему братец Черепаха.

Остановились они, разговорились. Стал братец Кролик благодарить братца Черепаху за то, что тот вмешался в драку, случившуюся недавно в доме матушки Мидоус.

Посме́ялись они над тем, как трусливо удирал тогда братец Лис, а Черепаха тут и скажи:

— Вот если бы я побежал вдогонку за братцем Лисом, ему ни за что не уйти бы!

— Я и сам его в два счета догнал бы,— ответил Кролик,— не хотелось только матушку Мидоус и девочек одних оставлять.

Слово за слово — начался у них спор: кто быстрее бегает? Братец Кролик кричит:

— Я!

Ну а братец Черепаха — тот в грудь себя бьет и кричит:

— Нет, я!

Спорили они так да шумели, и тут братец Черепаха сказал:

— Ну вот что, братец Кролик, я готов побиться об заклад, что обгоню тебя. Ставлю пятьдесят долларов — есть у меня целая бумажка, я ее у себя за дымоходом прячу.

На это Кролик ответил:

— У меня у самого есть пятьдесят долларов. Я не только обгоню тебя, братец Черепаха, а еще успею поле ячменем засеять и урожай собрать, пока ты будешь плестись!

Побились они, значит, об заклад, сбегали домой за деньгами и пригласили судьей старого Сарыча.

Потом стали готовиться к бегу. Отмерили пять миль и в конце каждой мили поставили по столбику. Братец Кролик решил бежать по большой дороге, а братец Черепаха объявил, что побежит лесом. Как ни уговаривали его, как ни убеждали, что по

дороге бежать гораздо легче, он стоял на своем: братец Черепаха знал, что делает!

Матушка Мидоус с девочками и все остальные соседи быстро прослышали о споре и обещали прийти в назначенный час.

Братец Кролик — этот готовился без устали, каждый день подолгу бегал, а уж прыгал — что твой кузнечик! Братец же Черепаха — тот целые дни проводил у себя в болоте. Была у него жена и четверо сыновей, у братца Черепахи-то, и каждый из них — ну ни дать ни взять вылитый братец Черепаха! Увеличительное стекло возьми — и то, пожалуй, не отличишь их друг от друга!

Вот настал назначенный день. Солнышко еще не взошло, а братец Черепаха и все его домочадцы уже были на своих местах. Жена осталась в леске неподалеку от первого столбика, каждый из сыновей пристроился у своего столбика, а сам братец Черепаха расположился вблизи от последнего столбика.

Мало-помалу начали собираться зрители. Появился судья Сарыч, пришла матушка Мидоус с девочками. А вот и братец Кролик — нарядный такой, на шее и на ушах разноцветные ленточки! Собрались все и направились к другому концу дороги: посмотреть, кто придет первым.

Наступила решающая минута. Судья Сарыч с важным видом вышел вперед, достал из жилетного кармана часы и громко спросил:

— Ну как, джентльмены, готовы?

Братец Кролик тотчас откликнулся:

— Я готов!

И жена братца Черепахи тоже ответила, что можно начинать.

Дал Сарыч команду, и Кролик стрелой понесся по дороге. А жена Черепахи бочком-бочком — да к себе в болото. Ну а Сарыч — тот полетел вперед над дорогой: он ведь был судьей, братец Сарыч-то, ему положено было следить за тем, чтобы все шло честно, по правилам.

Добежал братец Кролик до столбика, а один из сыновей братца Черепахи выполз в это время из лесочка.

Братец Кролик крикнул:

— Ты где, братец Черепаха?

— Здесь я,— послышалось в ответ,— ползу помаленьку.

Братец Кролик немного удивился и прибавил ходу. Когда же он подбежал к следующему столбику, другой сынок братца Черепахи выполз из леска. Братец Кролик окликнул его и опять услыхал в ответ:

— Ползу помаленьку.

И еще раз повторилось то же самое, и еще. Наконец Кролику осталось пробежать одну только милю — и денежки у него в кармане!

Тем временем братец Черепаха увидел, что над дорогой

летит судья Сарыч, и понял: пора действовать. Выполз он из леска, перебрался кое-как через канаву и на виду у толпы зрителей притаился за последним столбиком.

Тут на дороге показался Кролик. Добежал он до столбика, с победным видом огляделся по сторонам и завопил во все горло:

— Я выиграл, я выиграл, братец Сарыч! Деньги мои!

Тут все как начали хохотать! А матушка Мидоус с девочками — те едва не лопнули со смеху. Вышел из-за столбика братец Черепаха и сказал:

— Уважаемые леди и джентльмены! Думается мне, что деньги-то выиграл я. Вот отдышусь немножечко и заберу их.

С этими словами взял братец Черепаха кошелек с деньгами, повесил его себе на шею и как ни в чем не бывало отправился домой.

КАК БРАТЕЦ ЧЕРЕПАХА ОКАЗАЛСЯ СИЛЬНЕЕ ВСЕХ

Сказка афро-американцев США

Задумала однажды матушка Мидоус варить леденцы.

Назвала она гостей, и столько их явилось на приглашение, что пришлось чан с патокой вытащить во двор и там же, во дворе, развести огонь.

Дело нашлось каждому. Братец Медведь помогал таскать дрова, братец Волк отгонял собак, братец Лис присматривал за огнем, братец Кролик смазывал жиром тарелки, чтобы к ним не прилипли леденцы, а братец Черепаха взобрался в качалку и объявил, что будет следить за патокой, чтобы не убежала.

Словом, собрались все соседи, однако никто не озорничал и не проказничал. Уж так было заведено у матушки Мидоус: пришел к ней в дом — веди себя как полагается, забудь обо всех ссорах и раздорах.

Вот сидят гости, беседуют, облизываются, глядя, как клокочет и булькает в чане патока. И начали они мало-помалу хвастаться своей силой и ловкостью.

Братец Кролик заявил, что он самый быстрый, а братец Черепаха знай себе покачивается в кресле да на патоку поглядывает.

Братец Лис сказал, что он самый хитрый, а братец Черепаха знай себе покачивается в кресле.

Братец Волк во всеуслышание объявил, что он самый храбрый, а братец Черепаха знай себе покачивается в кресле.

Братец Медведь прорычал, что он самый сильный, а братец Черепаха знай себе покачивается в кресле.

Вот качался он так, качался, а потом прищурил глаз и говорит:

— Значит, по-вашему, такая старая скорлупа, как я, вроде бы уже и не в счет? Словно бы и не я доказал братцу Кролику, что не он самый быстрый! Нет, друзья, не выйдет! Пусть братец Медведь не хвалится, будто он самый сильный. Я и с ним готов поспорить!

Тут как начали все смеяться да подтрунивать над братцем Черепахой! Ведь кого хочешь спроси — каждый скажет, что Медведь сильнее любого вола. Посмеялись, пошумели, тут матушка Мидоус возьми и спроси братца Черепаху, как это он собирается доказать, будто он сильнее Медведя.

— Дайте только мне веревку, да покрепче, а я нырну в пруд, и там посмотрим, сумеет ли братец Медведь вытащить меня из воды,— ответил братец Черепаха.

Тут все снова развеселились, а братец Медведь встал и сказал:

— Вот жалость, что у нас нет веревки!

А братец Черепаха ему в лад:

— Ну конечно, ни веревки нет, ни силенки!

Да, именно так и сказал братец Черепаха. а сам знай себе покачивается в кресле и на патоку поглядывает, не убежала бы.

Поднялась тогда с места матушка Мидоус и сказала, что охотно одолжит им свою бельевую веревку и, пока леденцы будут остывать на тарелках, все могут отправиться к пруду и собственными глазами убедиться, так ли на деле силен братец Черепаха. Сам братец Черепаха и размерами-то всего в ладонь, и уж очень забавно было слушать, как он хвастает, будто одолеет Медведя.

Словом, взяли они веревку и направились к пруду.

Пришли на берег, облюбовал братец Черепаха местечко по вкусу, взялся за один конец веревки, а другой протянул Медведю.

— А теперь, уважаемые люди и джентльмены,— обратился братец Черепаха к зрителям,— отправляйтесь-ка вместе с братцем Медведем во-о-он в тот лесок. Я же останусь здесь. Как только я подам голос — пусть братец Медведь начинает тащить за веревку, пусть показывает свою силу. Да что там братец Медведь! Вы все беритесь за тот конец, а я уж здесь как-нибудь один управлюсь.

Все двинулись в лес, а братец Черепаха остался один. Только скрылись все из виду, братец Черепаха нырнул в воду и крепко-накрепко привязал свой конец веревки к большущей коряге. Потом вылез на берег и что было мочи закричал:

— Тяни!

Схватил Медведь веревку, подмигнул матушке Мидоус и девочкам да как дернет! Никакого толку!

Рассердился Медведь, обмотал веревку вокруг плеч, рванулся вперед изо всех сил — только братец Черепаха не пускает.

Тут Волк подскочил, стал помогать Медведю — куда там!

Тогда уж и все остальные взялись за веревку. Тянут, пыхтят, из кожи вон лезут — потеха, да и только!

А братец Черепаха покрикивает на них с берега:

— Что же вы не тащите? Глядите, веревка-то у вас вся провисла!

Наконец почувствовал братец Черепаха — перестали они тянуть за веревку. Тут он опять нырнул в пруд, отвязал конец, вылез на берег, сел и сидит, вроде как отдыхает.

Подошли все поближе, а он и говорит:

— В самый последний раз вы дернули неплохо. Еще бы немного — и, пожалуй, ваша взяла бы. Ты, братец Медведь, и вправду очень силен. Верно, не слабее пары волов. Только я все-таки посильнее тебя!

МОНЕТНЫЙ ДВОР БРАТЦА КРОЛИКА

Сказка афро-американцев США

Встретились однажды на дороге братец Кролик и братец Лис. Поздоровались, стал Кролик расспрашивать Лиса о жене, о детях. Отвечает Лис:

— Да живем, слава богу, ничего. А у тебя дома как?

— Да и я не жалуюсь.

Идут они рядом, беседуют, только слышит Лис — что-то позвякивает у Кролика в кармане. Вот Лис и говорит:

— Может, я и ошибаюсь, однако кажется мне, братец Кролик, что у тебя в кармане деньги позванивают.

Ухмыльнулся Кролик и ответил этак небрежно:

— Да какие там деньги — мелочишка! У меня всегда есть с собой немного на всякий случай.

И с этими словами вытащил из кармана целую пригоршню монет.

Глянул Лис и ахнул: тут и долларов, и всякой иной монеты видимо-невидимо! Засверкало все это на солнце, да так, что глазам больно!

— Ну и деньжищ у тебя, братец Кролик! — вскричал Лис.— Я с прошлого года, с тех самых пор, как продал на базаре свои арбузы, не видывал сразу столько денег. Неужели ты не боишься, что кто-нибудь набросится на тебя и все отнимет?

— Подумаешь! — отвечает Кролик.— Этого добра всякий может раздобыть сколько душе угодно.

Сказал так и пошел дальше своей дорогой, важный такой — ни дать ни взять настоящий миллионер. Только брюк в желтую полоску не хватает.

— Эй, братец Кролик, послушай! — кричит вслед ему Лис.— Сделай милость, скажи, откуда у тебя столько денег?

— А оттуда, где их делают, вот откуда!

Лис даже рот разинул от удивления, а потом и спрашивает:

— Где же, любопытно мне знать, их делают, деньги-то?

— Да то в одном месте, то в другом. Ты, братец Лис, делай, как я тебе скажу, а главное, будь повнимательнее, держи ухо востро, тогда и у тебя будет много денег.

Стал Лис упрашивать Кролика — расскажи да расскажи ему, как отыскать заветное место. И так и этак ластился, а Кролик смотрел на него сурово, так, словно сомневался: говорить или не говорить? Потом уселся на траву, стал рисовать на земле тростью какие-то кружочки. Помолчал еще немного и сказал:

— Ну, ладно, братец Лис. Допустим, открою я тебе тайну — так ты ведь сразу раззвонишь всему свету! Соседи и захватят наши деньги, а нам не достанется ни цента.

Тут Лис начал клясться, что и словом не обмолвится об этом, и тогда Кролик устроился поудобнее, огляделся по сторонам, откашлялся и сказал:

— Рассказывать-то, собственно, нечего, братец Лис. Дело-то пустяковое. Главное — внимательно следить за дорогой и ждать, пока не покажется фургон. А у настоящего фургона, надо тебе сказать, два колеса спереди и два сзади. Если приглядеться, то можно заметить, что передние колеса гораздо меньше задних. Вот и соображай теперь, братец Лис, что из этого следует.

Подумал Лис, подумал, покачал головой:

— Где уж мне догадаться, братец Кролик!

Глянул на него Кролик укоризненно так, словно жалея его за то, что он такой тугодум, а вслух произнес:

— Так вот, братец Лис. Следует из этого, что рано или поздно большие колеса догонят колеса маленькие — ведь большие колеса, как ты понимаешь, катятся быстрее. Ну а как только колеса начнут тереться друг о друга, тотчас из-под них станут выскакивать новенькие монетки. Теперь тебе ясно, братец Лис, что нужно делать, а?

Вновь крепко задумался Лис, опять покачал головой. Кролик — тот даже глаза закрыл от досады:

— Ну конечно, братец Лис, если тебе не нужны деньги, тогда можешь преспокойно сидеть на месте, а фургон пусть себе катится дальше! Но уж если хочешь иметь доллары, следуй за фургоном и лови мгновение, когда задние колеса коснутся передних. Тут уж знай не зевай, подбирай монеты!

Наконец-то Лис понял, в чем дело, и обрадовался — не передать! А Кролик продолжал:

— Как увидишь на дороге фургон — немедленно зови меня, если, конечно, сам не пожелаешь попытать удачи. Сразу зови, уж я-то от денег не откажусь, у меня сейчас в них нужда.

Сорвал Лис травинку и стал покусывать ее в нерешитель-

ности, и тут до его ушей донесся скрип колес: по склону холма ехал фургон! Покосился Кролик на Лиса и сказал:

— Ты, братец Лис, не стесняйся, ты только скажи, что не хочешь бежать за фургоном, и я сам побегу.

— А что, если колеса не будут тереться друг о друга?

Тут Кролик вконец потерял терпение:

— Нет у меня времени по сто раз объяснять тебе одно и то же, братец Лис. Не хочешь бежать — так и скажи!

Улыбнулся смущенно Лис, будто устыдившись собственной тупости.

— Я, братец Кролик, пожалуй, пробегусь немножко, посмотрю, как у фургона колеса катятся.

Пожелал Кролик удачи Лису и медленно зашагал по дороге, стараясь не терять Лиса из виду. Поднялся он на вершину холма, оглянулся и увидел, что Лис, высунув язык, мчится вдогонку за фургоном. Кролик повалился на землю и давай кататься по траве от смеха, да так, что пятки сверкали в воздухе! А братец Лис — тот все бежал и бежал за фургоном, все ждал, когда задние колеса нагонят передние. Так и добежал до самой Миссисипи!

КАК БРАТЕЦ ЛИС ПОПАЛ В ПЕРЕДЕЛКУ ИЗ-ЗА БРАТЦА КРОЛИКА

Сказка афро-американцев США

Повадился одно время братец Кролик бегать на поле братца Человека и лакомиться там свежей капустой. И так рассердился в конце концов братец Человек, что решил поставить ловушку и поймать Кролика. Вот однажды прибежал братец Кролик на поле и набросился на зелень, да так увлекся, что не успел и пикнуть, как оказался в ловушке.

А братец Человек тут как тут! Увидел он Кролика, захлопал от радости в ладоши и закричал:

— Ага, попался, приятель! Выходит, это ты безобразничал на моем поле, топтал грядки, пожирал капусту? А теперь вот сидишь здесь и не знаешь, как выпутаться! Ничего не скажешь, ловкач ты! Только на сей раз — шалишь, не уйдешь! Подожди немного, я с тобою рассчитаюсь за все твои проделки!

И с этими словами братец Человек направился в заросли орешника за гибкими прутьями.

А братец Кролик — тот и слова вымолвить не может. Сидит в ловушке ни жив ни мертв, душа от страха в пятки ушла, чувствует — попался!

Тут откуда ни возьмись — братец Лис. Увидел он братца Кролика в ловушке, даже рот открыл от удивления. А Кролик притво-

рился, будто ему смерть как весело! Хохочет, ну просто умирает со смеху! И наплел он братцу Лису целую историю. Будто нынче вечером в доме матушки Мидоус состоится свадьба и ему, братцу Кролику, велели непременно прийти в гости. А он, Кролик, как на грех, не может прийти. Тогда девочки взяли и привязали его к забору, а сами побежали за священником и сказали на прощание, что на обратном пути развяжут Кролика и уведут с собой на праздник. И надо же беде случиться, продолжал свой рассказ братец Кролик, что как раз сегодня утром заболели его крольчата. У них сильный жар, и ему, Кролику, позарез нужно сбегать к лекарю за пилюлями.

— Прошу тебя, братец Лис, будь другом,— взмолился Кролик,— займи мое место, дождись девочек и ступай с ними на свадьбу. Повеселишься там досыта, это уж как пить дать!

Братец Лис не заставил себя долго упрашивать. Залез он в ловушку, а братец Кролик потуже затянул узел на нем, попрощался с Лисом и пошел по дороге, будто бы к лекарю. Не успел он скрыться из виду — появился братец Человек с пучком розог в руках. Увидел братца Лиса и остановился как вкопанный.

— Эге, приятель! — воскликнул он.— Да ты, никак, перекрасился в другой цвет. И размерами стал побольше, и хвост у тебя как будто сделался длиннее. А ну-ка, отвечай, как твое имя?

Братец Лис в ответ ни слова. Тогда братец Человек сказал:

— Вот уж повезло так повезло! Сперва попался тот прохвост, что портит мои посевы, а теперь — тот, что таскает моих гусей!

И с этими словами ка-а-к вытянет Лиса по спине розгами! Уж он стегал его, стегал — любо-дорого было посмотреть! Братец Лис — тот и рвался, и метался, и ругался, и плевался, и кричал, и рычал, а братец Человек все колотил и колотил его.

Пошел братец Человек за новыми розгами в лес, а братец Кролик тут как тут! Подошел к Лису и говорит:

— Ума не приложу: куда это запропастились девочки? Давно пора им быть здесь. Я вот уже и к лекарю успел сбегать, а ведь до него куда дальше, чем до священника.

Сказав это, братец Кролик повернулся, как бы давая понять, что ужасно торопится домой.

Но тут заговорил братец Лис:

— Я был бы тебе чрезвычайно признателен, братец Кролик, если бы ты помог мне выбраться отсюда. Мне, пожалуй, уж не дождаться девочек и не гулять на свадьбе в доме матушки Мидоус.

Братец Кролик преспокойно уселся на траву, поскреб за ухом, словно обдумывая, как ему поступить, а потом сказал:

— И верно, братец Лис. То-то, я гляжу, ты какой-то такой, будто тебя побили. И взлохмаченный, словно по твоей спине прошлись разок-другой.

Ничего не сказал на это братец Лис, а братец Кролик не унимается:

— Мы ведь с тобой приятели, братец Лис, не так ли? Ты ведь не таишь на меня обиды, верно? А иначе мне и уйти недолго, братец Лис, мне время дорого.

Что оставалось делать Лису? Принялся он уверять Кролика, что ничего против него не имеет.

Тогда братец Кролик помог ему выбраться из ловушки, и разошлись они в разные стороны.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ НОЧЬ

Сказка южноамериканских индейцев

Когда мир был молодым, ночи не было, и индейцы племени мауэ никогда не спали.

Прослышал Уаньям, что ночью завладела ядовитая змея сурукуку и все ее родичи: змея жарарака, паук, скорпион, стоножка,— и сказал людям своего племени:

— Пойду раздобуду для вас ночь.

Взял он с собой лук и стрелы и отправился в путь.

Пришел он в хижину к сурукуку и говорит ей:

— Не обменяешь ли ты ночь на мои лук и стрелы?

— Ну, к чему мне, сынок, твои лук и стрелы,— отвечает ему сурукуку,— если у меня даже рук нет?

Делать нечего, пошел Уаньям искать для сурукуку что-нибудь другое. Приносит погремушку и предлагает ей:

— Вот, не желаешь ли? Я тебе подарю погремушку, а ты уж похлопочи, чтобы у людей была ночь.

— Сыночек,— говорит сурукуку,— ног-то у меня нет. Нацепи-ка ты, пожалуй, эту погремушку мне на хвост, но так, чтобы я его могла поднимать в случае надобности.

С тех пор, когда змея сердится, она шуршит хвостом, вот так: шу-шу-шу,— это она предостерегает прохожего.

И все же сурукуку не отдала ночь Уаньяму.

Тогда решил он раздобыть яду — может, сурукуку на него польстится.

И правда — как услыхала сурукуку про яд, так сразу по-другому заговорила:

— Так и быть, отдам я тебе ночь, больно уж яд мне нужен.

Уложила она ночь в корзинку и отдала Уаньяму.

Люди его племени увидели, что он выходит с корзинкой от сурукуку, сразу побежали ему навстречу и стали спрашивать:

— Ты в самом деле несешь нам ночь, Уаньям?

— Несу, несу,— отвечал им Уаньям,— только сурукуку

не велела мне открывать корзинку раньше, чем я доберусь до дому.

Но товарищи Уаньяма так его стали упрашивать, что в конце концов он сдался на их уговоры и открыл корзинку.

Выпорхнула оттуда ночь, первая ночь на земле, и наступила кромешная тьма.

Испугались темноты люди племени мауэ, закричали и бросились бежать вслепую кто куда.

А Уаньям остался один-одинешенек среди сплошного мрака и тоже закричал:

— Где же луна, кто ее проглотил?

Тут все родичи сурукуку: змея жарарака, скорпион и стоножка, поделившие яд между собой, окружили Уаньяма, и сестра сурукуку, жарарака, больно ужалила его в ногу.

Догадался Уаньям, что это жарарака его ужалила, и закричал:

— Я узнал тебя, жарарака! Погоди, мои товарищи тебе отомстят за меня!

Тогда все змеиное семейство набросилось на Уаньяма; только кутимбойя, которую змеи обделили ядом за скверный нрав, не могла кусаться; она и теперь не трогает людей племени мауэ.

Умер Уаньям от укуса жарараки, но его друг натер мертвое тело настоем из целебных листьев и оживил Уаньяма.

И тот снова отправился к хижине сурукуку.

Теперь он хотел получить от нее длинную ночь, потому что первая была слишком коротка.

А в уплату он понес сурукуку много-много змеиного яда.

И сурукуку собрала всю грязь на земле и смешала ее с соком женипапы*, чтобы ночь была почернее.

Так появилась длинная ночь.

И потому так часто по ночам нас мучают ломота в костях и горечь во рту.

Вот вам история о том, как Уаньям раздобыл ночь для людей племени мауэ.

УЛИЦЫ КАМАГУЭЯ И БЫЧКИ

Кубинская сказка

Улицы Камагуэя* очень запутанны. И каждая извивается, как змея. Ни одной прямой нету. Этот древний город похож на лабиринт. Если вы спросите кого-нибудь из местных жителей, чем это объясняется, вам расскажут следующее.

Когда закладывали Камагуэй, его основатели, а все они были скотоводами, пригнали сюда стадо бычков. Начали спорить о планировке будущего города. В это время шли дожди, земля

размокла и превратилась в грязное месиво. И вот один человек предложил согнать всех бычков на поляну и несколько раз выстрелить в воздух. Животные испугаются, побегут, и на мокрой земле останутся следы. Они и покажут направление будущих улиц. Так и сделали. Было дано несколько выстрелов, бычки бросились врассыпную и наметили своими копытами расположение улиц Камагуэя. Поэтому они так перепутаны.

А если вы спросите камагуэйца, почему же улица Сальсипуэдес имеет всего полтора квартала и кончается тупиком, упираясь в стену дома, он ответил:

— Да потому, что у этого бычка было больное сердце: он пробежал совсем немного, упал и умер от страха.

ОТКУДА ПОШЛО НАЗВАНИЕ КОХИМАР?[1]

Кубинская сказка

Это рассказ о том, как пляж Кохимар получил свое название.

Как-то раз один веселый негр вместе с приятелем отправился на прогулку в окрестности Гаваны. Через некоторое время повстречался им знакомый галисиец*. Зашагали они дальше втроем и вскоре добрались до того места, которое сейчас называется пляж Кохимар. Побродили парни по пляжу, и вдруг галисийцу вздумалось показать друзьям, какой он отличный пловец.

— Послушай-ка,— сказал он негру,— давай искупаемся, поплаваем малость, а?

— С удовольствием. Искупаться всегда приятно!

— Так пошли!

Они мигом разделись и поплыли.

— Посмотри-ка,— воскликнул негр,— видишь маргаритку, вон там, высоко-высоко над морем, посреди обрыва? Попробуй нырнуть с вершины утеса и сорвать ее на лету! Идет?

Галисиец недолго думая вскарабкался на утес, прыгнул и на лету сорвал цветок.

— Браво! Браво! — закричали приятели.

Вокруг них сейчас же собралась большая толпа, и негр рассказал о подвиге галисийца.

— Да быть этого не может! — усомнился кто-то.

— А ну-ка, друг, покажи этим людям свое искусство! — воскликнул раззадоренный негр.

---

[1] По-испански К о х и м а р (Cogimar) — значит «Схватил море».

Галисиец согласился, и маргаритку пристроили на прежнее место.

На глазах у собравшихся галисиец прыгнул снова, но на этот раз неудачно: когда он попытался схватить цветок, рука его соскользнула, и он шумно плюхнулся в воду. Над морем взметнулся высоченный фонтан.

Негр крикнул галисийцу с утеса:

— Эй, приятель, схватил ты маргаритку?

А тот, отфыркиваясь, ответил:

— Схва... схва... Я схватил море, черт побери!

После этой удивительной истории пляж и стал называться Кохимар — Схватил море.

ХОДЯЧАЯ ТЫКВЕННАЯ ГРЯДКА

Кубинская сказка

Бакальяо разъезжал по деревням, рассказывал сказки да продавал овощи и яйца. С того и жил. Однажды, вернувшись домой из очередной поездки, заметил он на спине своей лошади под седлом потертость.

По части коновальства Бакальяо был большой мастер. Взял он из очага горсть древесной золы, присыпал рану и выпустил лошадь на пастбище — пусть отдыхает, а там, глядишь, зола и время залечат рану.

Через два воскресенья Бакальяо отправился на пастбище за своей лошадкой. Задумал он съездить в город на петушиные бои — авось его петух выйдет победителем и хозяину перепадет несколько монеток. Обошел Бакальяо пастбище, обшарил все закоулки, но лошади нет как нет.

Дождь лил уже целую неделю, и домой он вернулся грязный-прегрязный, с мокрыми ногами.

Бакальяо решил, что его славная лошадка, не раз приносившая ему победу на скачках и возившая его к деревенским подружкам, потеряна навсегда. Но однажды вышел он на луг и видит — движется к нему что-то вроде грядки, сплошь покрытой спелыми тыквами.

Не веря своим глазам, Бакальяо осторожно приблизился: как все крестьяне, он был любопытен и ему хотелось поближе взглянуть на диковинку. И как же он удивился, когда узнал в ходячей грядке собственную лошадь! А тыквы на ее спине выросли из семечек, вместе с золой попавших в рану. Ведь у кубинских крестьян заведено хранить тыквенные семечки в золе, чтобы они равномерно подсыхали и не теряли всхожести до следующего сева...

ХИТРЫЙ ГАИТЯНИН

Кубинская сказка

В большом бараке вместе с другими сборщиками сахарного тростника жил один гаитянин. Гамак его висел в углу. В день первой получки он раздобыл горшочек, чтобы хранить деньги, и положил туда три песо. Ночью, когда все спали, лежал он в своем гамаке и напевал:

В моем горшочке три монеты,
удвою я богатство это.

Один из сборщиков, хитрющий малый, не спал и все слышал, а гаитянин этого не знал.

Настал день следующей получки. Пошел гаитянин туда, где был спрятан горшок, и положил еще три песо. А ночью, лежа в гамаке, опять принялся петь:

В горшке у меня шесть песо есть,
я завтра к ним добавлю шесть!

Хитрец услышал и подумал: «Надо будет завтра посмотреть, где он прячет свое сокровище».

На следующий день выследил он гаитянина и увидел, что тот хранит горшочек с деньгами под камнем. Хитрец запустил туда руку и вытащил двенадцать песо.

А назавтра гаитянину понадобились три песо. Не чуя беды, направился он к своему сокровищу. Смотрит: что за чудеса? Деньги-то исчезли! Подумал он немного и сказал себе: «Ну погоди, мошенник, ты еще попадешься на удочку!»

В день получки, когда все уснули, гаитянин начал петь:

Как я богат, как я богат!
В моем горшочке целый клад —
двенадцать песо в нем держу,
а завтра двадцать положу!

Вор все слышал, встал на следующее утро спозаранку и положил двенадцать песо обратно в горшочек. Когда пришел хозяин, они были на месте. Взял он все деньги и ушел. А вор-то прятался рядом, в густых зарослях. Выждал он некоторое время и — к горшочку: заберу, мол, двадцать песо. Но горшочек был пуст, и вор тяжко вздохнул:

— О пресвятая дева, гаитянин-то оказался еще хитрее меня!

ПЛОХОЙ ХОЗЯИН

Кубинская сказка

Один хозяин гулял среди полей со своим рабом-негром. Переходили они по мосту речку, хозяин оступился и упал в воду. Плавать он не умел и стал умолять негра:

— Спаси меня, негр! Я отпущу тебя на свободу!

Услыхал раб такое обещание и вытащил хозяина на берег. Но тот не сдержал слова.

И еще раз произошло то же самое: хозяин упал в реку, пообещал негру свободу, и тот спас его. Однако бумага об освобождении так и не была подписана.

В третий раз, когда приключилась такая же беда, хозяин, уже идя ко дну, опять пообещал освободить негра. Но тот ему сказал:

— Ты хочешь, чтобы я тебя спас... Это можно, только сначала подпиши под водой бумагу.

ЗАЗНАЙКА

Кубинская сказка

Жила в горах девушка. Из самых бедных была, а зазналась — дальше некуда. В Гаване у нее была родственница. И вот однажды эта родственница прислала за ней. Собралась наша гордячка в дорогу. В Гавану поехала.

Вскоре вернулась она обратно в свою деревню, наряженная по моде,— завитая — не узнать ее. А нос стала задирать пуще прежнего.

Видит она мачете и спрашивает:

— Это что за вещь? Для чего она?

Крестьяне дивятся, говорят:

— Это мачете, им тростник рубят.

А она все городской барышней прикидывается. Остановилась возле плуга и тычет пальцем:

— А это как называется? Для чего это?

Крестьяне отвечают:

— Это плуг, им землю пашут.

Так подходила она к коровам, козам и все делала вид, будто знать не знает, что это такое. Увидала грабли и спрашивает:

— А это как называется?

Спрашивает, а сама поставила ногу на зубья. Не успели ей ответить, грабли как хлопнут ее по лбу, а наша барышня как закричит:

— Ах, проклятые грабли!

Тогда все поняли, что она только прикидывается городской барышней.

КАК КРЕСТЬЯНИН НЕ ЗАПЛАТИЛ ЗА ЯИЧНИЦУ

Кубинская сказка

Один крестьянин каждый год ездил в Гавану и всякий раз съедал там яичницу из двух яиц.

Но вот сказали ему как-то в гостинице, что он не заплатил за яичницу, которую съел в прошлом году. Крестьянин не хотел платить — слишком дорого запросили с него за те яйца, потому-де, что они уже годовалые стали. Спорили, спорили, и в конце концов хозяин подал на крестьянина в суд.

Судья спрашивает:

— Почему вы так запоздали с платой за яичницу?

— Господин судья,— отвечает крестьянин,— я никак не мог приехать раньше, маис для посева жарил.

Судья удивился:

— Как же это вы будете сеять жареный маис? Он же не взойдет...

Тогда крестьянин сказал:

— А как же вы требуете с меня столько денег за яйца, съеденные в прошлом году? Ведь цыплята из них уже не вылупятся.

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Кубинская сказка

Однажды галисиец и негр отправились в трактир поужинать. У обоих в желудке было пусто, а в кармане не густо.

На последние свои гроши заказали они себе ужин. Когда принесли еду, негру подали более полную миску. Галисиец сидел напротив негра и сразу заметил это. Быстро повернул он стол — а стол был круглый — так, что полная миска очутилась прямо перед ним. Негр удивился, а галисиец и говорит ему:

— Ты же знаешь, земля круглая и вертится...

Негр подумал, повернул стол на прежнее место и говорит:

— Куда уж нам с тобой вертеть миром. Пусть будет как есть...

ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО

Мексиканская сказка

Педро ди Урдималас сидел у дороги под деревом и подбрасывал на ладони несколько песо. Монетки звенели невесело, потому что их было слишком мало. Вот Педро и раздумывал, как бы раздобыть их побольше.

Вдруг он увидел вдали на дороге облачко пыли.

— Кажется, это то, что мне нужно! — обрадовался Педро ди Урдималас.

Он рассовал в ветвях дерева все свои песо и стал ждать. Тем временем облачко пыли на дороге все росло и росло и превратилось в целую тучу. В этой туче двигалось стадо мулов. Их гнали погонщики, а рядом на лошади ехал хозяин, владелец большого ранчо.

Педро подождал, пока всадники с ним поравнялись, и принялся изо всех сил трясти дерево. Погонщики и хозяин даже рты разинули от удивления: на землю с дерева со звоном посыпались золотые монеты! А Педро спокойно подобрал с земли свои песо, сунул их в карман и сказал:

— Ну, на сегодня, пожалуй, хватит!

У владельца ранчо глаза разгорелись.

— Эй, Педро! — закричал он.— Что это за чудесное дерево? Не продашь ли ты его мне?

— Право, не хотелось бы,— стал отказываться Педро.— Это чудесное дерево досталось мне по наследству от отца, и мне было бы тяжело с ним расстаться. Хотя, с другой стороны, такое дерево надо сторожить и днем и ночью, а я люблю побродить по свету. Так что, если вы дадите мне подходящую цену, я, может быть, и подумаю.

Стали торговаться. Педро понемножку уступал, покупатель понемножку набавлял. Наконец сторговались. Владелец ранчо отсчитал Педро изрядную сумму, и тот ушел, побрякивая в кармане монетами. Теперь они звенели весело, потому что их было много.

А счастливый обладатель драгоценного дерева велел погонщикам осторожно выкопать дерево из земли. Дерево привезли на ранчо и посадили перед домом. Посадили и принялись трясти. Но, сколько ни трясли, не то что песо, но даже ни одного сентаво не упало с дерева.

— Наверно, Педро стряс все монеты, а новые еще не подросли,— решил хозяин.

Подождал он день, подождал другой,— не сыплются с дерева песо, да и только.

Наконец владелец ранчо понял, что Педро его обманул. Рассердился он, крикнул погонщиков и поскакал вместе с ними

за Педро. Скакали они, скакали и настигли его на берегу реки.

Педро ди Урдималас крепко спал, а подле него стояла большая бутыль с вином, оплетенная соломой.

— Эй, Педро! — воскликнул, увидев это, владелец ранчо.— Клянусь, что до конца своей жизни ты ничего больше не будешь пить, кроме речной воды! А уж ее-то ты попьешь вдоволь!

Вместе с погонщиками он набросился на спящего Педро и посадил его в мешок из-под зерна. Мешок крепко завязали, и владелец ранчо сказал:

— Дело сделано! Теперь остались сущие пустяки — бросить мешок с этим обманщиком в реку. Так что торопиться нам некуда. Давайте же разопьем винцо, купленное на урожай с чудесного дерева Педро ди Урдималаса.

Бутыль пошла по кругу. Крепкое в ней было вино! Когда бутыль опустела, всем захотелось спать. Они улеглись на песке и дружно захрапели.

Тогда Педро вытащил из-за пояса свой острый нож мачете и прорезал в мешке небольшую дырку, только чтобы просунуть руку. А просунув руку, он развязал мешок и вылез из него. Потом набил мешок лошадиными попонами и снова крепко завязал.

Другой на его месте поспешил бы уйти подальше, пока спят преследователи. Но не таков был Педро ди Урдималас! Он любил всякое дело доводить до конца. Педро спрятался в зарослях и стал смотреть, что будет дальше.

Скоро владелец ранчо и погонщики проснулись. Они подняли мешок и бросили его в реку.

— Прощай, Педро! — крикнул владелец ранчо.— Можешь теперь обманывать рыб на дне!

— Зачем на дне? — отозвался из кустов Педро.— Ведь те, кого можно обманывать, водятся и на суше!

Услышав голос Педро, которого они только что утопили, погонщики и их хозяин так перепугались, что вскочили на коней и ускакали прочь.

А Педро выбрался из кустов, выловил мешок с попонами и продал его в ближайшем ранчо.

УРУБУ И ЖАБА

Бразильская сказка

Урубу* с жабой были приглашены в гости на небо. Пришел урубу к жабе и стал ее поддразнивать:

— Кумушка жаба, я знаю, что тебя пригласили в гости на небо, и хочу пойти с тобой.

— Пригласили, а как же иначе,— сказала жаба.— Пойдем, но только ты возьми с собой гитару.

— Обязательно возьму,— говорит урубу,— а ты уж тогда возьми с собой бубен.

И он удалился, пообещав в день праздника зайти за жабой. Явился урубу к жабе, а та зовет его в дом взглянуть на кума и крестников. Занялся урубу с жабьими детишками, а жаба в это время залезла в гитару и кричит будто издали:

— Куманек, я ведь быстро ходить не могу, так я уж пойду потихоньку вперед!

А сама сидит себе в гитаре. Немного погодя прощается урубу с жабьим семейством, берет гитару и отправляется в путь-дорогу. Добрался он до неба, а там все его спрашивают, почему жаба с ним не пришла.

— Вот еще! Да этой дурехе сюда и не добраться,— отвечает урубу,— она и по земле-то еле-еле шлепает, где уж ей летать!

Тут гостей пригласили к столу. Урубу положил свою гитару и тоже пошел за стол садиться.

Стали гости пировать, а жаба тем временем незаметно вылезла из гитары и говорит:

— А вот и я!

Все очень удивились, что жаба все-таки добралась до неба. Начали гости танцевать и веселиться, а после стали собираться по домам. Видя, что урубу зазевался, жаба улучила минутку и опять в гитару спряталась.

Попрощался урубу с хозяевами — и в обратный путь, на землю. Летит он, а жаба возьми да зашевелись в гитаре. Урубу недолго думая перевернул гитару отверстием вниз, жаба и вывалилась из нее. Падает и кричит:

— Эй, камень, прочь с дороги, а то расшибу!

«Ишь ты! — думает урубу.— Здорово научилась летать кума жаба!»

А жаба плюх на землю! С тех пор так и живет сплющенная.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Бразильская сказка

Рассказывают, что однажды камень и бамбук сильно поспорили. Каждый из них хотел, чтобы жизнь человека была похожа на его собственную. И вот как они говорили.

Камень:

— Жизнь человека должна быть такой же, как моя. Тогда он будет жить вечно.

Бамбук:

— Нет, нет, жизнь человека должна быть такой, как моя. Я умираю, но сразу рождаюсь снова.

Камень:

— Нет, пусть лучше будет по-другому. Пусть лучше человек будет как я. Я не склоняюсь ни под дуновением ветра, ни под струями дождя. Ни вода, ни тепло, ни холод не могут повредить мне. Моя жизнь бесконечна. Для меня нет ни боли, ни заботы. Такой должна быть жизнь человека.

Бамбук:

— Нет. Жизнь человека должна быть такой, как моя. Я умираю, это правда, но возрождаюсь в моих сыновьях. Разве это не так? Взгляни вокруг меня — повсюду мои сыновья. И у них тоже будут свои сыновья, и у всех будет кожа гладкая и белая.

Ничего не ответил камень. И ушел мрачный.

Бамбук победил в споре.

Вот почему жизнь человека похожа на жизнь бамбука.

ЛЮДИ, ИСКАВШИЕ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Бразильская сказка

Один человек отправился как-то по своим делам. Путь был не близкий, и сумерки сгустились внезапно. Заметив домик у дороги, путник пошел на огонек, постучался и попросил ночлега. Его впустили, накормили и всячески обласкали. Но сразу же после ужина вся семья засуетилась и стала собираться куда-то.

Видя эти поспешные сборы, гость спросил:

— Куда это вы все так поздно?

Ему ответили:

— Мы идем искать день.

Гость изумился и, не найдя, что сказать, во все глаза смотрел на хозяев.

Когда сборы были наконец окончены, вся семья схватила пустые мешки и опрометью бросилась вон из дому: впереди папаша, за ним мамаша, за нею детки, за ними тети и дяди. Так что дом в одну секунду опустел. Гость подумал, подумал и побежал вдогонку.

Бежали, бежали, пока не начало светать. А как взошла заря, туго перевязали мешки и повернули назад. Когда пришли домой, уже совсем рассвело. Тут же развязали мешки и стали их вытряхивать посреди двора.

Гость, которого разбирало любопытство, не выдержал и спросил, что ж такое они принесли в мешках.

— Мы принесли день,— ответили ему.— Мы ведь говорили, что идем искать день!

Гость покачал головой, поспешно распростился и отправился в дорогу. На обратном пути он опять зашел в этот дом и принес хозяевам петуха. И сказал:

— Я принес эту птицу для того, чтоб вам не надо было каждую ночь ходить искать день. Она будет приносить день прямо в дом, и вам не придется так уставать. Вот что: вы ее устройте на ночь где-нибудь повыше. Как она пропоет в первый раз — значит, день еще далеко. Как пропоет во второй — значит, день близко. Как пропоет в третий — значит, день уже тут, на дворе. Эта птица называется «петух».

Вся семья долго дивилась на петуха. Потом гость спустил его на землю, и петушок сразу же вытянулся в струнку, встряхнулся и пропел: «Кукареку!»

Вся семья сильно перепугалась, услышав такую песню, и никто не решался подойти к петушку...

Но хозяин дома все же очень остался доволен подарком и, потирая руки, сказал жене:

— Ну вот, жена, теперь уж нам не придется ходить так далеко и носить день в мешке!

Гость, видя, что все устраивается к лучшему, распрощался и пошел своей дорогой. Но когда он был уже довольно далеко, хозяйка вдруг вспомнила:

— Ох, ох, ох, муженек! А мы и не спросили: чего она ест, птица-то!

Хозяин тут же побежал догонять путника. И как только завидел его, так и стал кричать на бегу:

— Приятель! Эй, приятель! Э-эх ты, как спешишь-то!.. Остановись, обожди немножко!..

И так уж он надрывал глотку, что путник услышал и остановился, поджидая бегуна. Поравнявшись с ним, хозяин спросил:

— Послушай-ка, приятель, не откажи, растолкуй, пожалуйста, чего она ест, птица-то?

Путешественник, которому это порядком надоело, отвечал с досадой:

— Да все ест...

Хозяин, не вымолвив ни слова, круто повернулся и побежал домой. Прибежал измученный и вконец перепуганный. И еще с порога закричал жене:

— Ой, горе-то какое, жена! Помилуй нас бог! Он говорит, что эта птица ест все! Что ж теперь будет? Она же нас всех съест!!

Жена в ужасе всплеснула руками и завопила:

— Ох, муженек, давай ее скорее прикончим, пока она нас не съела!

Тут вся семья схватила палки и погналась за бедным петушком...

И по-прежнему с тех пор в домике у дороги каждую ночь

суета: все собираются в путь — искать завтрашний день, чтоб принести его домой в мешках.

А петушок?.. Петушок улетел в дальнее селение и своим пением вызывает приход дня на землю.

КАИПОРА

Бразильская сказка

Один человек больше всего на свете любил охоту. С рассвета до заката пропадал он в лесу, в самых глухих уголках, сплетая из жердей ловушки для птиц, роя волчьи ямы, расставляя западни и капканы.

И вот как-то раз, когда он, взобравшись на самую верхушку дерева, подстерегал дичь, из чащи выскочило стадо кабанов. Охотник прицелился и метким выстрелом уложил сразу троих. Но в ту минуту, когда он, в восторге от своей удачи, стал слезать с дерева, издали послышался громкий свист. Охотник вздрогнул и замер на своем настиле из веток, испуганно вглядываясь в темную лесную глубину... Да, сомнений быть не могло: то приближался Каипора, главный леший окрестных лесов,— видно, желал взглянуть хозяйским глазом на свое кабанье стадо...

Все ближе и ближе слышался свист, и уже не только свист, а еще и топот копыт и треск валежника. И вот наконец чаща раздвинулась, и охотник увидел Каипору. Он был маленький, жилистый, черный как черт, мохнатый как обезьяна, и ехал верхом на тощем черном кабане. В правой руке он держал длинную железную рогатину, а левая рука его и вовсе не была видна, как, впрочем, и весь левый бок — виден он был только наполовину, словно другая его половина растаяла в сонном, жарком, сыром воздухе леса. Вонзая острые пятки в бока поджарого кабана, он скакал по своей вотчине с гиканьем и свистом, протыкая рогатиной воздух, поднимая такой шум, что хоть святых вон выноси, и выкрикивая гнусавым голосом охотничий клич:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Наткнувшись на убитых кабанов, распростертых на земле, он стал с силой тыкать в них своей рогатиной, приговаривая:

— Вставайте, вставайте, бездельники! Не время спать!

И убитые кабаны вскочили как ни в чем не бывало и убежали, ворча. Только последний, самый большой кабан, никак не хотел вставать... Каипора пришел в бешенство: он тыкал непокорного с такой силой, колол с таким остервенением, что даже сломал один рог своей рогатины. Тут только большой кабан поднялся, словно нехотя, и, встряхнувшись, поскакал вслед за остальными. Каипора закричал ему вслед:

— Нежности какие! Ну погоди, я тебя проучу! Теперь

из-за тебя придется завтра идти к кузнецу чинить рогатину!

И, пустив вскачь своего сухопарого кабана, Каипора умчался, оглашая чащу гнусавым криком:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Долго еще сидел охотник на дереве. Когда ни крика, ни топота уже не было слышно и вокруг стояла полная тишина, он слез с дерева и не чуя под собою ног побежал домой.

На следующее утро, ранехонько, зашел он в гости к кузнецу. Ну, поговорили о том о сем, а тем временем солнце уже встало высоко на небе. Тут-то и постучался в двери кузницы невысокий кряжистый индеец в кожаной шляпе, нахлобученной на глаза. Вошел и говорит кузнецу:

— Добрый день, хозяин. Не можешь ли починить вот эту рогатину? Только поживей, а то я уж больно спешу...

— Эх, добрый человек,— отвечает кузнец,— поживей-то никак нельзя, потому как жар в горне раздувать некому. Мехи-то у меня с утра — как неживые.

А наш охотник как взглянул на индейца, так сразу признал в нем вчерашнего знакомого и подумал, что Каипора затем, верно, и переменил свое обличье, чтоб пойти к кузнецу чинить рогатину, которую сломал вчера о бока большого кабана. «Ну, погоди...» — подумал охотник и вскочил с места со словами:

— Я раздую горн, мастер.

— Неушто умеешь? — спросил кузнец.

— А попробую. Пожалуй, тут особой-то учености не требуется,— сказал охотник.

Кузнец разжег горн и велел охотнику взяться за мехи. Охотник приналег на мехи и стал раздувать, но только тихо так — р-раз — два-а; р-раз — два-а — три-и-и,— напевая в такт песенку:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...

Индеец глядел-глядел, а потом подошел, оттолкнул охотника, да и говорит:

— Пусти-ка, ты не умеешь! Дай-ка я!

И как нажмет на мехи, да и пошел быстро-быстро: раз — два — три; раз — два — три... А сам напевает:

Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...
...Насмотрится чуда,
Но только об этом
Ни слова покуда!..

Тут наш охотник стал пятиться к двери, выскользнул тихонько на улицу, да и давай бог ноги! С тех пор он никогда уже не убивал кабанов и, если что в лесу увидит, то уж держит язык за зубами.

КОКОСОВАЯ ПАЛЬМА И КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

Бразильская сказка

Один юноша очень любил одну девушку и хотел на ней жениться. Но вот забирают его на войну, и говорит он своей любимой:

— Смотри не выходи за другого, я скоро вернусь, и мы с тобой поженимся.

А чтоб никто не узнал про их любовь, юноша назвал девушку Кокосовой Пальмой, а она его — Кокосовым Орехом. Простились они друг с другом, горько плача, и ушел юноша на войну. Много женихов сваталось к девушке, но она всем отказывала, все ждала своего любимого. Так прошло несколько лет, и велит ей отец выходить замуж: хватит, мол, привередничать.

Делать нечего, пришлось ей покориться.

Наступил день свадьбы, и как раз в этот день вернулся с войны юноша. Стал он расспрашивать про свою любимую и узнал, что сегодня она выходит замуж. Сильно опечалился юноша, даже есть не стал. Заметил это слуга-индеец и спрашивает, отчего он такой печальный. Поведал ему юноша свое горе, а тот ему и говорит:

— Не печалься, мой господин, доверься мне, я все устрою.

А во дворе дома, где жила девушка, росло деревце. Под это деревце юноша приходил когда-то беседовать со своей возлюбленной. Велел ему слуга укрыться под ним и обещал, что девушка непременно туда придет. Юноша так и сделал, а индеец отправился в дом невесты.

Там уже было полно гостей, невеста с женихом уже одеты, и все готово к свадьбе. Ждали только священника. Тут индеец попросил позволения поздравить невесту, подошел к ней и спел:

Я с войны пришел к тебе,
Неужель конец надежде?..
Пальму ждет свою Орех
Там, где ждал когда-то прежде.

Тут все захлопали в ладоши и закричали:
— Браво, индеец, спой другую!
Индеец спел еще куплет:

Из напитков всех вкусней
Алуá, скажу по чести;
Пальму ждет свою Орех
В тот же час, на том же месте.

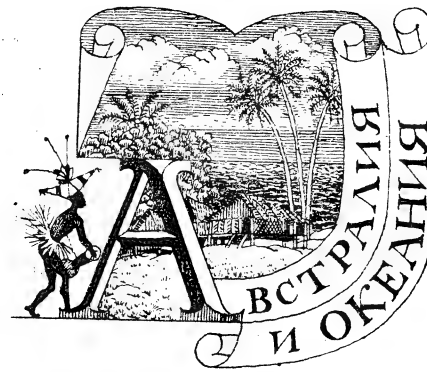
Гости зашумели:

— Здорово поешь, индеец! Спой еще!
Индеец обрадовался и спел:

Иль ты счастлива с другим?
Иль про все ты позабыла?
Пальма, Пальма, твой Орех
По своей тоскует милой.

Тут вскочила невеста — ей, мол, пить захотелось — и за дверь. Прошмыгнула она тихонько во двор и побежала прямо к тому деревцу, куда прежде приходила беседовать со своим возлюбленным. Он один был ей по сердцу. Кинулась она в объятия своему милому, а тут как раз и священник подошел: юноша с ним заранее уговорился. Обвенчал он жениха с невестой, и жили они долго и счастливо.

СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ


АВСТРАЛИЯ
И ОКЕАНИЯ

I. СКАЗКИ И МИФЫ АВСТРАЛИЙЦЕВ

ВЕЛИКАЯ ТРЯСКА И БОЛЬШАЯ ВОДА

В те далекие времена, когда люди еще не жили племенами, пришли на землю великая тряска и большая вода. Задул самый сильный из ветров, пошел дым, и полетела пыль с гор. Так было много дней и ночей и еще много дней и ночей.

А потом вдруг все затихло. Не было больше ветра, но пропал воздух. Стало очень трудно дышать, и умерло много людей.

Вдруг опять задул ветер, загремел гром, затряслась земля, и покатились по суше большие волны воды.

Остались живы только те люди, которые забрались высоко на утесы.

Ушла большая вода, и по земле запрыгали рыбы, такие, каких еще никто никогда не видал.

Спустились люди с высоких утесов и удивились.

Там, где были холмы, стали долины, а на месте прежних долин выросли холмы.

Солнце тоже начало делать все наоборот: раньше оно приходило с севера и уходило на юг, а после великой тряски и большой воды стало приходить с востока и уходить на запад.

КАК ПОЯВИЛАСЬ НА НЕБЕ ЛУНА

В далекие времена вся земля была покрыта морем. Потом морская вода начала понемногу уходить, и в разных местах вышли из воды острова. А там, откуда вода не успела убежать, образовались лагуны.

Прошло еще немного времени, и выросли на этих островах трава и деревья. А из моря вылезли звери и стали привыкать к жизни на суше.

Пришли на эти острова и люди. Они ели рыб и крабов, черепах и ракушки, рвали плоды с деревьев.

На одном из таких островов жили две сестры — Куррамара и

Накари. Были эти сестры храбрыми охотницами и хорошо ловили рыбу.

Отдыхали они однажды у лагуны. Поймала одна из сестер, та, которую звали Накари, невиданную рыбу небывалой величины. Была эта рыба бледной, круглой и плоской. И назвали сестры эту рыбу Луной-рыбой. Тяжелой оказалась Луна-рыба. Еле вытащили ее сестры из воды.

Пошли сестры искать коренья, чтобы вкуснее была рыба. А Луну-рыбу оставили в густой траве, под большим деревом.

Набрали сестры много кореньев и пришли обратно к лагуне. Очень проголодались сестры и много думали о том, как съедят они рыбу с кореньями. Но рыбы под деревом не было.

Долго искали сестры Луну-рыбу. Смотрят, а она сидит на ветке большого дерева. Потом на другую ветку прыгнула. Все выше и выше стала подниматься Луна-рыба и наконец прыгнула прямо в небо.

И поплыла Луна-рыба по небесному своду большим плоским светлым шаром, все освещая на небе и на земле.

Медленно и гордо плыла Луна-рыба по небу, и была она большой и важной.

Так продолжалось много ночей.

Но однажды сестры увидели на небе только половинку Луны-рыбы, потом четверть, а затем совсем не стало Луны-рыбы.

— Кто-то там, на небе, съел нашу рыбу! — закричала Курра-мара.

Но она ошиблась.

Луна-рыба была волшебницей и опять пришла на небо. Сначала увидали люди лишь один ее кусочек. Но она все росла и росла и наконец снова поплыла по небосводу большим светлым шаром.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗВЕРИ, ПТИЦЫ И РЫБЫ

Когда мать вселенной Эйнгана создала землю, она забыла сделать зверей, птиц и рыб. Сотворила она долины и горы, леса и пустыни, моря и реки, людей, деревья и растения, но о зверях, птицах и рыбах не подумала.

Еще сотворила Эйнгана дождь, чтобы он наполнял водой дно рек, и его братьев — молнию и гром.

И любила их Эйнгана, как родных сыновей, а больше всех любила она Маррагона-молнию. Подарила она Маррагону много каменных топоров, чтобы дробил он скалы и крушил деревья. А брат Маррагона, гром, при этом страшно грохотал и гремел.

Был у Маррагона-молнии сын, еще ни разу не спускавшийся на землю. И захотелось ему узнать, как живут люди на земле.

Спустился он вниз и стал смотреть, как воины танцуют пляску праздника и войны. Увидал его старейшина племени и приказал взять в плен, чтобы отец его, Маррагон-молния, не причинял больше вреда племени новарнинг.

Узнал об этом Маррагон-молния и страшно рассердился.

Своими каменными топорами расколол он скалы, за которыми попрятались люди племени, и разбил деревья, под которыми они стояли. Освободил Маррагон-молния своего сына, и тот тоже погнался за людьми.

Страшно стало на земле. Побежали люди племени новарнинг во все стороны, ища спасения от гнева Маррагона-молнии, и превратились в зверей, птиц и рыб. Звери спрятались в норы, птицы поднялись высоко в небо, а рыбы опустились на дно морей.

А Маррагон-молния и его брат гром по-прежнему посещают землю. И люди, и звери, и птицы боятся их и прячутся от них.

КАК У АВСТРАЛИЙЦЕВ ПОЯВИЛСЯ БУМЕРАНГ

Много-много лет назад земля была совсем плоской. Как блюдо. А над ней нависало небо, плоское, как крышка от блюда.

Между небом и землей был только очень небольшой промежуток, так мало места, что там могли жить только крохотные люди и звери, не больше термитов.

Дожди не выпадали, потому что они могли утопить и унести эти маленькие существа.

Деревья были совсем низенькие, как травинки.

В те далекие времена в одном из селений жил храбрый охотник и вождь племени по имени Йонди.

Однажды охотился он далеко от дома и прилег отдохнуть возле небольшого источника. Йонди был очень умен и заметил, что к этому источнику приходят слабые и больные звери, пьют из него и становятся здоровыми и сильными.

Окунулся охотник в источник и почувствовал, что его мускулы стали как камень, а усталость исчезла.

Поглядел Йонди в воду, а там, на дне источника, лежит палка, которую волшебная вода сделала твердой и прочной. Взял Йонди палку и еще раз окунулся в чудесный источник, который он назвал источником будущего.

Вышел охотник из воды и стал расти все выше и выше. Палка тоже все увеличивалась.

Стукнулся Йонди головой о свод небес, схватил волшебную палку, напрягся и начал ею отодвигать небосклон все выше и выше, пока и сам не стал таким, как теперешние люди.

Еще поднатужился охотник и отбросил небо далеко ввысь,

туда, где оно находится сейчас. А вместе с небом взлетели вверх солнце, месяц и звезды.

Вода из источника будущего тоже поднялась вверх, к солнцу, превратившись в тучи, и из них пошел благодатный дождь.

Волшебная вода напоила землю, и всех людей, зверей, деревья и траву, и все начало расти, пока не стало как сейчас. Из земли забило множество источников. Они соединились и стали реками и морями.

На небе засверкала яркими цветами радуга. Вдруг она разбилась на тысячи и тысячи кусочков. Эти кусочки превратились в чудесных многоцветных птиц.

Все люди стали танцевать и хвалить великого охотника Йонди, отодвинувшего небо так далеко. Звери тоже радовались и танцевали, а кенгуру так распрыгался, что разучился ходить и с тех пор только прыгает.

А глупый страус испугался, бросился бежать и бежал до тех пор, пока его ноги не стали такими сильными, как сейчас.

А некоторые звери проспали все чудо. Им было лень встать. Так на земле появились ленивцы.

Отодвинув небо, Йонди начал искать свою палку, которой он подпирал свод небес. Смотрит, а палка эта изогнулась от напряжения и стала бумерангом.

С тех пор жители Австралии почитают бумеранг... Ведь он помог людям вырасти, а не ползать по земле, как муравьи.

ОТЧЕГО У КАЗУАРА СИНЯЯ ГОЛОВА

Все знают, что храбрый Йонди отодвинул низко нависшее над землей небо палкой, которую он нашел в источнике будущего.

Все знают, что палка эта изогнулась и стала бумерангом.

Все знают, что появилась тогда на взлетевшем ввысь небе радуга и что разбилась она на тысячи и тысячи разноцветных кусочков, которые превратились в тысячи и тысячи красивых птиц.

А что произошло с этими птицами?

Они упали на землю и стали учиться летать. Одни птицы очень скоро научились летать, другие так и не научились. Очень смеялась над такими неудачниками птица-хохотунья Кукабурра, особенно над казуаром*, у которого тогда еще не было синей головы.

И разозлился казуар. Злился, что он некрасивого серого цвета, не такой яркий, как попугай, злился, что он глупее совы, злился, что не умеет летать и что птица-хохотунья Кукабурра смеется над ним, когда он пытается этому научиться.

Возненавидел казуар всех птиц и решил поджечь лес, в котором они жили.

Пошел он к дереву огня, принес оттуда горящую головню и поджег лес.

Те птицы, которые научились хорошо летать, улетели далеко-далеко и вернулись только тогда, когда пожар потух.

Но многие и многие птицы еще не умели летать. Спасаясь от пламени, бросились они в воду рек, морей и озер.

И произошло чудо. Превратились те птицы в рыб. Вот почему есть разные рыбы — большие и маленькие, круглые и плоские, разноцветные, золотистые и бесцветные, красивые и уродливые. Это все бывшие птицы, и каждая рыба немного похожа на птицу, от которой она произошла.

А казуар был наказан за свое злодейство. Бог Биами, создатель всего живого на земле, сделал так, что голова казуара стала синей. И теперь над казуаром смеется не только птица-хохотунья Кукабурра, но и все птицы и звери.

О ТОМ, КАК ЗМЕЯ СТАЛА ЯДОВИТОЙ

Это случилось в те времена, когда многие звери были еще людьми.

Жил на земле страшный, ядовитый ящер, и звали его Мунгоон-Гали. В своей пасти он носил мешочек с ядом, убивал им людей и ел их. И стало мало людей — уж очень прожорлив был Мунгоон-Гали!

Собрались тогда звери (а в те времена все звери и люди были близкими родственниками) и стали думать, как спасти человеческий род. И решили звери послать хитрую черную змею Оойю-бу-луи, чтобы она перехитрила страшного Мунгоон-Гали и украла у него мешочек с ядом.

Согласилась хитрая змея Оойю-бу-луи сделать это, а про себя подумала: «Отниму-ка я у Мунгоон-Гали его мешочек с ядом и оставлю себе. И стану сильнее всех зверей и людей, и все будут бояться меня, черную змею Оойю-бу-луи!»

Приползла змея в логово Мунгоон-Гали, а он спит.

Разбудила его змея и говорит:

— Звери и люди сговорились убить тебя. Но я твой друг и открою тебе тайну, как они хотят сделать это. Только сначала дай мне подержать твой мешочек с ядом, а то я боюсь тебя!

Послушался глупый ящер и передал змее мешочек. А она выскользнула из логовища и исчезла в густой траве.

Погнался за ней Мунгоон-Гали, но не догнал.

С тех пор не могут больше ящерицы охотиться на людей и едят только насекомых.

А хитрая змея Оойю-бу-луи не пошла к костру, где ждали ее люди и звери, а оставила себе мешочек с ядом.

Возненавидели змею все люди и звери и стали убегать от нее или старались убить.

Ящерицы тоже ненавидят Оойю-бу-луи за обман. Но если змея укусит ящерицу, она от этого не умирает, потому что знает чудесную траву, вылечивающую от змеиного укуса.

КАК ЛЯГУШКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕЛИЧИНЫ ВЫПИЛА ВСЮ ВОДУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АВСТРАЛИИ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Очень давно это было. Тогда еще не родился прапрадедушка моего дедушки.

Пришли в страну жара и засуха. И не стало воды ни в одной реке, пруду или ручье. Люди, животные и птицы начали падать и умирать. С ужасом смотрели те, кто остался в живых, на страшное, злое солнце, горевшее ярким пламенем в расплавленном золоте неба. Исчезли тучи и облака, и единственной тенью была тень смерти.

Перестали охотники гоняться за дичью и умирали вместе с животными.

Собрались те, кто еще был жив, у высохшего главного водопоя и стали обсуждать, куда делась вся вода в стране.

Оказалось, что ее выпила лягушка небывалой величины. И решили те, кто был еще жив, люди, животные и птицы, рассмешить эту лягушку, чтобы вся вода вылилась из нее обратно.

Но напрасно хохотала перед лягушкой птица-хохотунья, напрасно смешно прыгал перед ней кенгуру и танцевал на одной ноге журавль. Лягушка небывалой величины крепко сжала рот и не хотела смеяться.

Тогда забрался маленький юркий червячок на ее голое брюхо и начал щекотать его кончиком своего хвоста.

Долго крепилась, но наконец не выдержала гигантская лягушка, затряслась от смеха, и вода хлынула водопадом из ее огромного рта.

И сразу наполнились до берегов реки, пруды и ручьи, и жизнь всего живого была спасена.

ПЛЕЯДЫ И СОЗВЕЗДИЕ ОРИОНА

Как-то заигрались семь девушек, семь сестер, живших в небе, и спустились с синего неба на высокие горы внизу, на земле.

На такие горы они спустились, где ледяные реки с шумом падают в бездну. Давно это было.

Долго жили те девушки в горах и очень тосковали и плакали, потому что не знали, как попасть обратно в свой небесный дом. И были те сестры прекрасны и холодны, как была прекрасна и холодна вода, струившаяся из ущелья.

Один человек, по имени Вурунна, поймал двух из семи этих девушек. И заставил их жить в своей хижине и сидеть с ним у костра. Стали эти сестры блекнуть и чахнуть. Но как-то посмотрели они в небо и увидели там пять своих сестер, которые указывали им на высокое дерево.

Подбежали те две девушки к дереву и стали умолять его помочь им попасть домой. Сжалилось дерево и начало быстро расти. Росло, росло и уперлось верхушкой в небо.

Вернулись обе девушки в свой небесный дом, и опять все семеро сестер были вместе. Правда, несчастные пленницы теперь были не такими яркими, как их сестры, а тусклыми и бледными. Так появилось созвездие Плеяды.

Печально смотрели на семь небесных звезд семь земных юношей племени Берай-Берай, любившие их на земле. Стало этим юношам горько и одиноко.

Но доброе дерево помогло и им. Поднялись юноши на небо и превратились в созвездие Ориона.

Каждую ночь смотрят они на своих возлюбленных и слушают их тихое пение.

СОБАКА И КЕНГУРУ

Когда кенгуру и собака были людьми, повстречались они как-то на лесной тропе.

— Ты куда идешь, пес? — спросил кенгуру.

— Иду на охоту,— ответил пес.

— Я бы тоже пошел с тобой,— сказал кенгуру.

— Ладно,— сказал пес.— Пойдем со мной и будь мне другом.

Они собрали свои копья и воммеры*, и кенгуру спросил:

— Куда же мы пойдем?

— Да вон туда! — И пес повел кенгуру в горы.

Вскоре они подошли к речке. Берега у речки были глинистые. Там была и коричневая глина, и красная, и белая.

Они накопали копьями разноцветной глины и сложили ее холмиками возле себя.

— Попробуй разрисовать меня,— попросил пес кенгуру.— Разрисуй меня так, чтобы я стал похож на собаку*.

— Ладно,— сказал кенгуру.— Я разрисую тебя так, что ты станешь похож на собаку.

— Ты сначала нарисуй меня коричневой глиной,— сказал пес.— Попробуй преврати меня в собаку.

Кенгуру нарисовал сначала голову собаки, потом шею, и брюхо, и грудь, и хвост, и четыре лапы.

— Гляди! — сказал кенгуру.— Я нарисовал тебя. Разрисовал все как полагается. Ты получился совсем как собака.

— Ты хорошо разрисовал,— похвалил его пес.— Ты разрисовал меня совсем как собаку.

— А теперь ты разрисуй меня,— попросил кенгуру.

— Ладно,— согласился пес.— Ложись.

— Ты меня кое-как не рисуй,— сказал кенгуру.

— А ты ляг,— сказал пес.— И я разрисую тебя так, что ты станешь кенгуру и поскачешь во всю прыть — хоп-хоп-хоп!

Пес нарисовал голову кенгуру, потом две передние лапы, потом брюхо и хвост и задние лапы.

— Вот ты и готов,— сказал пес.— Я все правильно сделал. Я нарисовал в тебе все, что надо.

— Если ты все нарисовал, я должен стать кенгуру,— сказал кенгуру.

— Я все, все нарисовал,— уверил друга пес.

— Ну-ка попробуй залаять по-собачьи,— сказал кенгуру.

— Ладно,— согласился пес и залаял.

— А теперь догони меня,— сказал кенгуру.— Пробежимся немного.

— Беги вперед,— сказал пес,— а я побегу за тобой.

И вот они уже были не люди; они стали собакой и кенгуру.

Кенгуру поскакал вперед, а пес погнался за ним. Они пробежали по долине, перескочили через ручей и взобрались по склону холма, а пес все время лаял.

Потом они остановились отдохнуть.

— Как же мы назовем то место, где мы разрисовали друг друга? — спросил пес.

— Даже не придумаю, как бы нам назвать это место,— сказал кенгуру.

— Назовем его Барл-барл,— решил пес.

— А теперь бежим дальше,— сказал кенгуру.

— Ладно,— ответил пес.— Беги вперед, а я залаю.

Долго они бежали. Перебрались еще через одну речку и очутились у подножия большой горы.

— Вот хорошее место,— сказал пес.— Давай взберемся на эту скалу.

— Давай,— согласился кенгуру.— Укуси меня за хвост, и я прыгну на самую вершину.

Когда пес тоже взобрался на скалу, он спросил:

— А как мы назовем это место?

— Назовем его Нумилукари и Бинамиками,— предложил кенгуру.

— Ладно,— сказал пес.— Отныне мы будем тут жить.

Там они и жили, и пес лаял с утра до вечера.

ДЕВОЧКА И ЗМЕЙ

В давние времена жили у реки женщина и девочка. Женщина была девочке матерью и пообещала одному мужчине отдать свою дочь ему в жены.

Но девочка боялась его, и он это чувствовал. Глаза у него были черные, колючие, а когда он смотрел на девочку, они будто застывали.

Однажды он взял охапку травы и положил ее в дупло упавшего дерева. Потом сам забрался в дупло и обратился в змея.

Тут на ветку дерева села коричневая птичка, и змей позвал ее из дупла:

— Лети сюда, и гляди на меня, и говори со мной, пока я сижу в дупле.

— Ладно,— сказала птичка.

Мать услышала, как птичка говорит со змеем, и крикнула ей:

— Эй, птичка, кто это забрался в дупло?

Но птичка испугалась и улетела.

Девочка подошла к дереву и заглянула в дупло. Там было так темно, что сначала она ничего не увидела. Потом она разглядела в темноте чьи-то горящие глаза.

— Посмотри-ка, мама! — крикнула девочка.

Мать подошла, заглянула в дупло, но ничего не увидела.

— Никого там нет,— сказала мать.

Девочка опять поглядела в дупло и опять увидела горящие глаза.

— Там кто-то есть, мама!

— Я никого не вижу.

— А я вижу,— стояла на своем девочка.— Вижу два глаза.

— Если там кто-то есть, мы его оттуда выгоним,— решила мать.— Найди-ка мне палку подлиннее.

Девочка принесла длинную палку, и мать сказала:

— Я зайду с той стороны и потычу в дупло палкой. А ты сунь руку в дупло и хватай, если кто вылезет.

Девочка сунула в дупло руку, а мать стала тыкать длинной палкой с другого конца, и тогда змей укусил девочку.

Девочка отскочила от дерева, а змей выполз и сказал:

— Черные, красные и желтые! Отныне зовите меня змеем! Кого захочу, того и укушу.

И змей уполз прочь и полз весь день, покуда не добрался до своей страны. Он отыскал там большую скалу и свернулся клубком у ее подножия.

— Здесь я буду жить,— сказал змей.— Раньше я был человеком, а теперь змей. И пусть меня зовут Ярабартбарт.

Он подхватил гнилую палку и бросил ее в залив. Потом заполз в большую трещину в скале и назвал эту трещину Бабартжейо. Там он и прячется по сей день.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

В те дни, когда жил Припригги, не было в небе путей-дорог. Звезды были тогда совсем юные и яркие и скучали в одиночестве, потому что не было на небе дороги, по которой они могли бы пойти в гости друг к дружке и поплясать в долгие темные ночи.

Так было до того, как появился Млечный Путь.

А на земле люди были счастливы, они часто пели и танцевали вокруг костров, на которых жарилась дичь.

Во все стороны тянулись по земле дороги, гладко утоптанные ногами друзей.

Припригги жил на длинной косе в устье реки Пайн. Он был певец и танцор. Когда звучали во тьме гуделки* и его братья по племени густо разрисовывали себя священной глиной, Припригги запевал песню и заводил танец.

И песни, которые пели люди, были песнями Припригги, и танцы, которые они танцевали, тоже создавал Припригги. За это люди любили его, и он стал сильным, и гордым, и счастливым от их уважения.

Как-то утром, когда вернулись с охоты летучие лисицы* и затих шум их перебранки, Припригги взял свое копье и воммеру и пошел в мангровую рощу искать добычу.

Ночью должно было состояться большое празднество. Много племен собралось на корробори*. Ночью мужчины будут стучать копьями, танцуя под музыку Припригги, весело хлопать себя по ляжкам и отбивать пятками дробь. От его песен всем станет радостно и хорошо, и люди будут танцевать так же красиво, как и он. Но для праздника нужна еда, а Припригги был к тому же и хорошим охотником.

Еще не заалело на востоке небо, и в робких предрассветных сумерках летучие лисицы еще висели на мангровых деревьях, словно черные плоды.

Под прикрытием темноты Припригги неслышно подкрался к огромному дереву, сплошь усыпанному спящими зверьками. На этом дереве спали самые большие и самые сильные летучие лисицы. Великая сила и мощь таилась на этом дереве.

Припригги зацепил воммеру за конец копья и откинулся назад, чтобы метнуть копье. Он спустил копье, и оно полетело вверх. Страшный шум и свист раздался от взмахов множества крыльев. Мангровые деревья закачались и загудели, словно в бурю, но еще громче вопила и пищала разъяренная стая.

Летучие лисицы ринулись вниз с вершин мангровых деревьев. Словно испуганные духи, проносились они меж ветвей.

Они опустились к Припригги, сцапали его и потащили наверх. Лисицы пробились сквозь зеленую завесу листвы и взлетели в пламенеющее зарей небо. Черными полосами прочертили зарю крылья лисиц, которые уносили Припригги.

Люди из племени Припригги услышали свист и хлопанье крыльев, выбежали из своих хижин и из-под деревьев, где они спали, и увидели, что летучие лисицы уносят Припригги.

Те племена, которые пришли на корробори, тоже проснулись и тоже увидели, как Припригги, словно звезда, пронесся по небу. Он летел так быстро, что за ним тянулась струйка дыма.

Когда свист крыльев стих и пропал дымный след, с неба, из-за самой дальней звезды, люди услышали голос Припригги.

Он пел им свою прощальную песню. Это была самая последняя песня Припригги, и он пел ее с неба, и все знали, что там, на небе, он уже больше петь не сможет. Этой песней он прощался с людьми.

А они слушали его, и в их воображении зарождался новый танец, и вдруг все стали притопывать ногами, взмахивать руками и покачивать головой. И они запели прощальную песню Припригги, как пел ее он сам.

Той ночью ее пели все. Люди из племени Припригги и другие племена, собравшиеся на корробори,— все, все пели эту песню. И плясали новый танец под последнюю песню Припригги. Из всех танцев это был самый прекрасный танец, и из всех песен последняя песня Припригги была самой торжественной.

Люди пели и плясали, глядя вверх, и вдруг они увидели, как через небо протянулся Млечный Путь.

А прежде его там не было.

АИСТ И ВОРОН

В те дни, когда Аист и Ворон были людьми, Аист пригласил Ворона к себе в гости.

— Я наловил сетью много рыбы,— сказал Аист.— Приходи ко мне, поедим с тобой рыбы.

— Ладно, приду,— сказал Ворон.

Ворон взял плетеную сумку и каменный топор и отправился к Аисту. Погода стояла холодная, Ворон был голоден, он шел и думал о рыбе, которую поймал Аист.

«Добрый малый этот Аист,— сказал он сам себе.— Приятно, когда у тебя есть такой друг».

Шел Ворон, шел и вдруг заметил, что в ствол одного дерева залетают пчелы.

— Э-э! Да это пчелиное гнездо! — вскричал Ворон.— Поем-ка я сначала меда, а потом уж поем рыбы.

Он влез на дерево и прорубил каменным топором дыру в стволе в том месте, куда влетели пчелы. Потом сунул в дупло руку и вытащил один сот, который так и сочился медом. Он съел этот сот и вытащил другой, он ел и ел мед, пока не съел его весь. И не оставил ни капельки меда для Аиста.

— У Аиста вон сколько рыбы,— сказал Ворон, обмывая руки в ручье.— А у меня рыбы нет!

Подойдя к стойбищу Аиста, Ворон увидел, что тот жарит на костре рыбу.

— Иди сюда, к костру,— позвал его Аист.— Я приготовил тебе много рыбы.

Ворон сел у костра, взял большущую краснорыбицу и стал ее есть.

— Вкусную я дал тебе рыбу,— сказал Аист.— Вот съешь ее, а потом мы посидим, поговорим.

Ворон уплетал рыбу, а Аист сидел и смотрел на него. И вдруг Аист заметил в волосах у Ворона кусочек сота и пчелу.

— Эге! — воскликнул он.— Да у тебя в волосах застряла пчела и ячейка сотов.

Ворон ничего ему не ответил. Он смаковал краснорыбицу.

Аист подумал-подумал и говорит:

— Перестань есть мою рыбу, а то ты испортишь мне всю рыбную ловлю. Заброшу я свою сеть в речку, и не попадет в нее ни одной рыбешки. Увидит рыба пчелу и ячейку сотов у тебя в волосах, испугается и уплывет.

Услышав такую речь, Ворон встал и отошел от костра. Он сел на поваленное дерево и ничего не ответил Аисту.

А тот сидел у костра и раздумывал о Вороне.

— Ты чего туда ушел? — спросил он наконец.

— Чтобы не есть твоей рыбы,— сказал Ворон.— Съем я твою рыбу, а она увидит пчелу у меня в волосах, и тогда ты не поймаешь своей сетью ни одной рыбины.

— Не надо так говорить,— сказал Аист.— Это ведь твоя страна, ты волен делать что хочешь. Иди поешь еще рыбы.

— Нет, не пойду,— сказал Ворон.— Не могу я есть твою рыбу, а то испорчу тебе всю рыбную ловлю. Забросишь ты сеть в речку, а рыба-то вся и уплывет. Ничего не поделаешь, Аист, не могу я теперь есть твою рыбу.

Но Аист надеялся уговорить Ворона и все твердил: «Иди поешь еще рыбы», а Ворон отвечал: «Нет, не могу».

Наконец Ворон разозлился. Он встал и сказал:

— Прощай, Аист. Пойду-ка я домой, в те края, откуда пришел.

И ушел, даже не оглянувшись на Аиста.

Ворон жил на склоне горы, и называлась эта гора Аргулуп. Жил он в пещере, а внизу было большое озеро, где гнездилось множество лебедей.

В ту пору лебеди начали кладку яиц. Ворон взял корзину и пошел на озеро собирать яйца.

Яиц было так много, что он быстро набрал полную корзину. Он отнес яйца в пещеру и пошел собирать еще. Когда в пещере набралась большая груда яиц, Ворон послал Аисту приглашение:

«Приходи ко мне есть лебединые яйца. У меня много лебединых яиц».

Передали Аисту это приглашение, он подумал и говорит:

— Ладно, пойду. Хочется мне повидать Ворона, поглядеть, как он живет.

И вот он отправился в гости к Ворону.

— Здравствуй, друг! — приветствовал его Ворон.— Смотри, сколько я тебе яиц набрал.

Разжег Ворон большой костер и испек яйца.

— Иди садись сюда, и я дам тебе яиц,— сказал он Аисту.— Здесь тебе будет удобно.

Аист сел, взял яйцо и стал его есть.

А Ворон не сводил с Аиста глаз, покуда тот ел, и вдруг заметил у него в волосах несколько зеленых муравьев.

— Эге! — воскликнул Ворон.— Да ты лакомился зелеными муравьями! Теперь ты испортишь лебединые яйца! Пропадут они все, ведь ты ел зеленых муравьев. Тому, кто ест лебединые яйца, нельзя есть зеленых муравьев, а кто ест зеленых муравьев, тому нельзя есть лебединые яйца. Первый раз в жизни вижу существо, которое ест лебединые яйца после зеленых муравьев. Вот что я тебе скажу, Аист.

— Ах, так! — сказал Аист.— Тогда прощай!

— Прощай,— ответил Ворон.— Не хочу я больше тебя видеть!

— И я тоже! Уж больше я не приглашу тебя в гости,— сказал Аист и ушел.

Вот почему аиста и ворона теперь никогда не увидишь вместе.

КАК ПОЯВИЛСЯ УТЕС НИМБУВА

Сначала Нимбува был радугой, но ему опостылела одинокая жизнь, и он спустился на землю и превратился в рыбу Баррамунду.

Когда он был радугой, он часто смотрел из своего небесного дома на одну женщину. Она ныряла за корнями водяных лилий в лагуне, а двое ее детей играли на берегу. Она была красивая, и когда выходила из воды, то вся сверкала, как коричневая рыба.

Нимбува полюбил ее и, превратившись в рыбу Баррамунду, поселился в лагуне, среди водяных лилий, чтобы быть поближе к этой женщине.

Однажды стояла женщина вместе со своими двумя детьми на берегу лагуны и вдруг услышала разговор двух ястребов.

— Посмотри-ка, там рыба,— сказал один ястреб.— Да такая огромная, что, наверное, нам с тобой ее не поднять.

— Слышишь, что говорят ястребы? — спросила мать девоч-

ку.— Видно, в лагуне плавает хорошая рыба.— Она взяла длинную острогу и сказала мальчику: — Ты с сестрой стой тут, подальше от воды,— а сама подошла к берегу и стала высматривать рыбу.

Она увидела Баррамунду почти на самой поверхности воды. В том месте было мелко, поэтому женщина вошла в воду и занесла над рыбой острогу.

Но Баррамунда юркнул в сторону, и женщина промахнулась. Она еще раз нацелилась острогой и опять промахнулась.

А в это время вода в лагуне стала медленно подниматься, и рыба стала все расти и расти.

Девочка увидела, что делается с рыбой, испугалась и закричала:

— Мама, убей ее! Смотри, какое чудовище!

— Это просто большая рыба,— ответила мать.— И я забью ее.

Она снова ударила острогой и опять промахнулась. А вода все прибывала и прибывала, и рыба становилась все больше и больше.

Женщина все била и била по рыбе острогой, а вода все поднималась, и рыба все росла.

Вдруг Баррамунда подплыл под женщину, поднял ее на свой хребет и утащил прочь. Баррамунда понес женщину в свои края, и там он превратился в горный утес, а женщину превратил в каменный столб возле себя.

Девочка и мальчик побежали к отцу, и девочка сказала:

— Отец, случилось страшное несчастье! Наша мама увидела рыбу, а это была не рыба, а чудовище, и оно утащило ее.

Отец взял каменный топор:

— Пойду отрублю ему голову. Это Нимбува.

Дошел он до утеса и стал рубить Нимбуве голову, и, когда уже почти совсем отрубил, вдруг сам превратился в камень, и теперь стоит он рядом со своей каменной женой и Нимбувой.

Вот почему у скалистого утеса Нимбува в Арнемленде вершина похожа на голову с наполовину перерубленной шеей, и вот почему рядом с ним расположились два больших каменных столба.

БРАТЬЯ УИНЖАРНИН

В те времена, когда еще не было муравьев, жило на земле удивительное племя. Стоило только людям этого племени вскинуть вверх руки, как у них распахивались огромные крылья и они могли летать, будто летучие мыши. Звали этих людей кин кин, и все другие племена боялись их.

Кин кин были жестокие и коварные люди, и жили они в большой горной пещере. Посреди пещеры была глубокая огненная яма — там жил бог огня, которому поклонялось племя кин кин.

В жертву богу огня кин кин приносили людей; они связывали их и бросали в огненную яму, и бог огня пожирал их.

Однажды двое мужчин из племени кин кин летали над холмами и долинами, высматривая очередную жертву. Далеко внизу они заметили возвращавшихся с охоты братьев Уинжарнин. Братья были храбрые охотники и большие искусники, они славились во всех племенах своим умением лечить больных и всегда были рады помочь людям в беде. Все любили и уважали братьев Уинжарнин.

Два кин кина подлетели поближе к братьям, спустились на землю и пошли к ним навстречу. Братья поздоровались с ними приветливо, как они всегда здоровались со всеми. Они знали, что с кин кин опасно иметь дело и что они приносят людей в жертву своему богу огня, но, когда кин кин пригласили братьев в гости в свою пещеру, братья Уинжарнин согласились пойти к ним, потому что надеялись на свою силу и ловкость. К тому же им было любопытно посмотреть, как живет племя кин кин.

Кин кин радушно встретили братьев Уинжарнин и стали уговаривать их остаться на несколько дней, чтобы насладиться пиршеством и плясками, которые племя устроит в их честь.

Братья пробыли в племени кин кин три дня, а на третий день объявили, что им пора отправляться домой. Услышав это, кин кин стали упрашивать братьев остаться еще хотя бы на день, чтобы посмотреть священный танец «эму».

Братья Уинжарнин знали, что после священного танца «эму» всегда совершается жертвоприношение, но любопытство пересилило страх, и они остались.

Священный танец «эму» исполнялся вокруг священного огня. Ярко пылало пламя в пещере, и на стены ее ложились тени танцовщиц.

Исполняли этот танец только молодые девушки кин кин. Они стали в круг, и было похоже, что это страусы эму клюют пищу. Каждая девушка подняла руку, и тени от рук казались длинными шеями эму, и они качались и кружились по стене.

Девушки скользили по кругу, и эму-тени тоже скользили по стене и то становились большими и страшными, то делались такими же, как девушки.

Глядя на танцующие тени эму, люди обычно забывали обо всем на свете, они не могли оторвать глаз от теней, но братья Уинжарнин были настороже и все время помнили об опасности.

А кин кин не спускали глаз с братьев, и, когда им показалось, что тени совсем заворожили братьев, кин кин бесшумно поднялись и стали подкрадываться к братьям.

Но старший брат Уинжарнин увидел их из-за костра. Он увидел, как сверкают в темноте их белые зубы и горят глаза — словно огонь без пламени. И когда кин кин бросились на него, он вскочил на ноги, юркнул в сторону, и руки их схватили пустоту.

Так быстро вскочил старший брат Уинжарнин, что не успел поднять с земли свои копья, и нечем было ему защищаться от врагов. Тогда он понесся вокруг огненной ямы, а кин кин с визгом погнались за ним.

Уинжарнин как ветер несся вокруг костра, а кин кин не могли бегать так быстро, как он, и придвигались к огню все ближе и ближе, чтобы сжать круг.

Они все носились вокруг костра, но вот головы у кин кин совсем закружились, и все они один за другим попадали в яму.

Яростно взметнулось пламя, и огонь сожрал людей кин кин. Вот, издав пронзительный вопль, свалился в огонь последний кин кин, и не стало больше в мире людей кин кин.

Братья Уинжарнин выбежали из пещеры и спрятались в лесной чащобе, а на следующий день вернулись к пещере посмотреть, горит ли еще священный огонь в яме.

Но пещера исчезла. На том месте, где горел костер, был теперь муравейник, вокруг него ползало множество муравьев, и у некоторых из них были крылья.

С тех пор и живут на земле муравьи.

ХОВИ

Совсем мало осталось теперь на земле животных, и все они маленькие*. А когда-то животных было много и попадались огромные — высотой с дерево.

Почти все большие животные ели траву, но Хови ел людей.

Хови был длиннее дерева, поваленного на землю, а когда вставал во весь рост, голова его поднималась над холмом. Когда он бежал, земля дрожала, а напьется из источника — людям ни капли воды не останется.

Хови бродил по равнинам в поисках еды, и, если попадалось ему на пути какое-нибудь племя, он съедал всех людей до последнего, и это племя навсегда исчезало с лица земли.

И нигде нельзя было спрятаться от Хови, потому что он рыскал повсюду.

Тогда люди отыскали небольшую долину, куда можно было пройти только через узкое ущелье, и стали там жить. Хови не мог пролезть в это ущелье, потому что был очень толстый.

Когда Хови напал на племя Водяной Крысы, нескольким человекам удалось спастись. Укрылись они в долине и стали думать, как им покончить с чудовищем.

Они разложили дымные костры, чтобы подать знак всем племенам. Люди увидели дым и сошлись в долину на совет.

Племена шли как на битву. Впереди шагали самые храбрые воины, за ними шли старики, а следом за стариками с воинственными криками и плясками двигались все остальные их сородичи.

Когда люди собрались в долине*, племя Водяной Крысы заявило, что Хови должен умереть. Если Хови будет жить, не станет на земле людей, и вместе с ними исчезнут все знания.

И решили племена отобрать самых отважных воинов, чтобы они сражались с Хови до тех пор, пока не покончат с ним.

Храбрецы попрощались со своими сородичами и вышли из долины через узкое ущелье.

Много дней бродили они по земле, отыскивая следы Хови. И вот напали на них. Каждый след Хови был величиной с человека и впечатался в землю на глубину вытянутой руки.

Воины знали, что, насытившись, Хови обычно скрывается в пещере и спит там до тех пор, пока снова не проголодается.

Правда, они не знали, где находится эта пещера, но они пошли по следам чудовища, и следы привели их в горы, к его логовищу.

Воины подошли к входу в логовище и заглянули внутрь, но темнота в пещере была чернее ночи, и они никак не могли разглядеть Хови.

Но вот Хови зашевелился в темноте, и стало слышно, как он трется о камень и как скрежещет его чешуя. Смерть дохнула на воинов из пещеры, и они в страхе отпрянули назад.

Тогда воины посовещались между собой и решили разложить у входа в пещеру огромный костер, чтобы жар и дым выгнали Хови наружу.

Наложили они много деревьев и веток, а между ними насовали сухих листьев. Когда воины подожгли этот костер, пламя взметнулось так высоко, что совсем закрыло вход в пещеру. Потом они полили костер водой, и пещера заполнилась дымом и гарью.

И тут все услышали рев Хови и грохот его шагов. Он ринулся к выходу прямо через костер, и огонь и дым скрыли его из виду.

Но Хови вырвался из огня на поляну, где его ждали воины. Дым ослепил его, и он ничего не видел.

Воины налетели на чудовище со своими копьями и налла-налла*. Они карабкались на него и кололи его копьями сверху; они подползали под Хови и кололи его копьями снизу.

Наконец Хови упал и умер.

А воины вернулись в долину и рассказали племенам, что Хови никогда больше не придет. Люди стали плясать и петь от радости, а потом покинули долину и вернулись в свои стойбища.

И с той поры никто не встречал животных, которые едят людей.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ КРАСНАЯ ПЫЛЬ

Не всегда летала над землей красная пыль*, которая скрывает от нас солнце. В незапамятные времена пыли не было, а дождь никогда не заставлял себя долго ждать.

Жил в те дни знахарь по имени Дарана. Он был первым заклинателем дождя. Он изучал насекомых и птиц. Он следил, как муравьи тащат свои личинки вверх по стволам деревьев и прячут их под корой, чтобы их не залило водой во время наводнения.

Дарана часто собирал белый гипс, который в сухую погоду крошится, а перед дождем разбухает от влаги.

И когда Дарана хотел вызвать дождь, он брал деревянное блюдо и наполнял его кусками гипса. Потом ставил это блюдо на землю, и два его сородича пели над ним заклинания.

Затем Дарана делал из дерева большой щит кандри, рисовал на нем свой тотем* и проводил волнистые линии, как будто это течет вода.

Он поднимал кандри на плечи и пел и плясал до тех пор, пока не собирались на небе тучи и не отдавали свой дождь земле.

Однажды Дарана вызвал с неба такой ливень, что вода залила всю землю и по разлившимся рекам неслись вырванные с корнем деревья.

Вода уже поднялась по пояс Даране, а он не двигался с места. Все племена побежали в горы, и, когда они оказались в безопасности, Дарана пошел вброд к тому месту, где на пути к морю разбушевались реки и слились бурные потоки воды.

Здесь он воткнул кандри в землю. Он пел заклинания и плясал, и дождь прекратился, и вся вода схлынула. Угомонились реки, и снова засияло яркое солнце.

И тогда выросла на земле такая трава, и такие цветы, и такие деревья, каких раньше никогда не бывало. Лианы заплели все тропы, и даже на скалах и в песках расцвели цветы.

И появилось столько гусениц, что люди не могли съесть всех, что собрали. Они раскладывали гусениц на кусках коры и сушили их на солнце. Они набивали сушеными гусеницами корзины и вешали их на деревья — про запас, на голодное время.

Дарана был очень доволен, что удалось собрать так много еды, и только просил все племена беречь и охранять запасы.

Но однажды какой-то мальчик увидел на дереве корзину с сушеными гусеницами и запустил в нее бумерангом. Бумеранг попал прямо в корзину, она лопнула, и оттуда поднялось такое громадное облако красной пыли, что оно покрыло всю землю и затмило солнце.

Люди всех племен испугались — они знали, что Дарана может разгневаться и покарать их.

Но тут они услышали голос Дараны, он сказал им, что надо сделать.

Люди побежали к своим стойбищам и набрали много кусочков гипса. Они смазали камни жиром эму, и вся красная пыль опустилась на эти камни. А сверху люди прикрыли эту пыль перьями эму.

Если кто-нибудь соскоблит с этих камней перья или расколет камни, снова взметнется над землей красная пыль, и тогда все люди погибнут.

КАК ПОЯВИЛСЯ ОГОНЬ

Когда мир был совсем юным, огня у людей не было. Дичи было полным-полно, но ели ее сырой, и она не доставляла людям особого удовольствия.

Однажды человек Водяная Крыса глодал твердую ветку, и вдруг изо рта у него вылетела искра и упала на сухую траву. Трава вспыхнула ярким пламенем.

Человек Водяная Крыса удивился. Он стал бросать ветки в огонь, чтобы потушить его, но ветки загорелись и запылали жарким костром. А в ветках пряталась змея. Она зажарилась в огне, и запах жареного мяса так понравился человеку, что он съел змею, и это было вкусно.

Человек Водяная Крыса подбрасывал сучья в костер, чтобы он не потух, и скоро все племена прослышали об этом чуде и пришли поглядеть на огонь.

Люди догадались, что можно унести с собой горящие ветки и зажечь новые костры. И вот повсюду люди разнесли горящие ветки, и теперь в каждом стойбище был свой огонь.

Много лет горели эти костры, люди уже не дрожали от холода по ночам и не ели сырого мяса после охоты. Люди обленились и стали много спать, гораздо больше, чем в те времена, когда они мерзли по ночам.

Однажды пронесся над землей сильный ураган. Дождь лил как из тыквенной бутыли. Он потушил все костры, а обленившиеся люди забыли, как зажигают огонь, теперь они опять дрожали от холода по ночам и ели сырое мясо.

Жил в одном племени человек Ястреб, и было у него две сестры — женщины Змеи. Они были тоненькие-претоненькие, и глаза у них будто смотрели все время в одну точку. Они любили горячее солнце и страшились холода.

Когда человек Ястреб уходил на охоту, женщины Змеи ложились на песок и, не шевелясь, грелись на солнышке до самого его возвращения.

Неподалеку от их стойбища в лесу был старый термитник. Деревья защищали его от ветра и скрывали от людских взглядов. Солнце здесь особенно припекало, и женщины Змеи часто приходили сюда и лежали, прислонясь к термитнику, слепленному из травы и глины.

Никто не знал, куда ходят женщины Змеи, потому что они были скрытными и никому не рассказывали, что ходят в это теплое местечко.

Однажды солнце светило так горячо, что за их спинами сухая трава на термитнике начала тлеть, а потом загорелась красным огнем.

Сестры человека Ястреба сначала испугались, но потом огонь им понравился. Получалось, что только они одни знали, где есть огонь, и им стало казаться, что они могущественнее всех на свете.

Когда брат женщин Змей пришел с охоты, они уже вернулись в стойбище. Он дал сестрам их долю мяса, но они не стали его есть, а дождались, пока человек Ястреб уснет, и только тогда тихонько ушли в лес.

Там они взяли палку и, пробив глиняную стенку термитника, разворошили огонь, горевший внутри, и просунули туда мясо, которое дал им брат. Когда мясо поджарилось, женщины Змеи вынули его и съели, а потом вернулись в стойбище.

Каждый день они так делали, пока их брат не заподозрил неладное. Он почуял запах жареного мяса и догадался, что сестры где-то раздобыли огонь.

Но когда он спросил их об этом, сестры сказали, что знать не знают ни про какой огонь. Брат хотел проследить за ними, когда они пойдут в лес, но сестры догадались, что он будет за ними следить, и искусно заметали свои следы. Тогда он спросил их, что они делают в лесу, и они ответили, что ищут клубни ямса.

Человек Ястреб обеспокоился, он пошел к соседним племенам, рассказал людям, как ведут себя его сестры, и попросил помочь ему разгадать, почему это они говорят, что никогда не видели огня, а сами едят жареное мясо.

Все племена по очереди пытались выследить сестер человека Ястреба и поймать их, когда они жарят мясо на огне, но женщины Змеи были очень хитрые и ускользали от всех. Они не шли к термитнику, если рядом были люди, а когда им очень хотелось жареного мяса, они уходили подальше от дома и приближались к термитнику с другой стороны.

Тогда человек Ящерица сказал, что он разгадает тайну женщин Змей, если это поручат ему одному.

Все племена согласились на его условие, и человек Ящерица пошел в лес и залег там на много дней и ночей. Он не ходил на охоту со своими братьями и с наступлением темноты не возвращался в стойбище, и тогда сестры человека Ястреба решили, что человек Ящерица отправился в далекий поход.

Однажды все мужчины притворились, что уходят на охоту. Когда они скрылись из виду, женщины Змеи взяли мясо и, думая, что никто их не видит, побежали к термитнику.

Но человек Ящерица не отставал от них ни на шаг, и, когда женщины Змеи подошли к термитнику и начали ворошить огонь, он подполз с другой стороны и сунул в термитник палку. Когда он вытащил палку обратно, он увидел, что палка загорелась, и

тогда человек Ящерица с победным кличем помчался с горящей палкой к стойбищу, где ждали его сородичи.

Сестры человека Ястреба очень разозлились на человека Ящерицу за то, что он так хитро их провел. Они поклялись отомстить ему и здесь же, возле термитника, превратились в змей, чтобы нападать на людей.

И теперь змеи бросаются на всех, кто подходит к ним близко, а если злая змея укусит человека, он умирает в страшных муках.

ПОЧЕМУ ПЛЕМЕНА ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Было время, когда все племена говорили на одном языке. Даже чужие понимали друг друга, и никто не спотыкался на незнакомых словах, никого не считали глупым, как считают теперь, если человек не может объясниться с другим человеком и оба молчат.

Племен было много, а говорили все они на одном языке, и поэтому люди легко делились друг с другом своими познаниями и все племена жили в дружбе.

Но брачные законы запрещали мужчинам одного племени жениться на женщинах другого племени, и люди были недовольны такими порядками, а потому собрались старики всех племен и постановили, что каждый может жениться на ком хочет. Мужчина из племени Динго может взять себе в жены женщину из племени Ящерицы, женщина Кенгуру может выйти замуж за мужчину Эму; так постановили для всех племен.

Однако нашлись племена, которым новый закон не понравился. Они отточили свои копья и сговорились стоять на своем.

И больше всех гневались племена Черепахи, Лягушки и Ворона.

Тогда старики созвали все племена, чтобы вместе решить этот спор.

Племена, которые стояли за новый закон, не верили, что спор можно решить мирно. Они опасались, как бы племена Черепахи, Лягушки и Ворона не напали на них,— уж больно воинственные это были племена. Поэтому все захватили с собой бумеранги, налла-налла и копья и стали ждать, что будет.

Но воины Черепахи, Лягушки и Ворона понимали, что других племен больше, и они придумали, как перессорить тех, кому нравится новый закон, чтобы они передрались и перебили друг друга.

Когда в назначенный день все люди собрались вместе, племена Черепахи, Лягушки и Ворона начали плясать и петь. Чуть кто-нибудь уставал, на его место тут же становился другой. Они топали и кричали и не останавливались даже в тот час, когда, по обычаю, все садились за еду.

А другие племена стояли вокруг и глядели на них. Но уходить с места корробори во время пения и плясок не полагалось: это навлекло бы на племя несчастья и бедствия.

Так люди стояли и смотрели на пляски, и голод все больше и больше мучил их, и ноги у них подкашивались, и глаза закрывались от усталости.

Три дня плясали и пели племена Черепахи, Ворона и Лягушки, а на третий день от голода и усталости людей других племен охватила злоба, и речь их стала дерзкой и оскорбительной. Все сердились и толкали друг друга.

А так как все племена говорили на одном языке, каждый понимал, что сосед его оскорбляет, и люди настолько разъярились, что вскочили на ноги и начали драться.

Драка между друзьями страшнее драки с врагом. Многие пали в этой схватке, и племена разошлись в ненависти.

С тех самых пор и решило каждое племя говорить не так, как говорят другие племена. Каждое племя придумало себе свой собственный язык, чтобы только соплеменники понимали друг друга.

Вот так, как сейчас.

СЕБЯЛЮБЦЫ

Жило одно племя в краю, который лежал далеко от моря. В лесах, по которым странствовало это племя, было множество кенгуру и коала, но людям надоело питаться дичью, захотелось им отведать чего-нибудь другого.

— Пойдемте к морю,— предложил кто-то.— В море полно рыбы.

И вот племя двинулось через лес. Люди шли по лесу до тех пор, пока не вышли к морю у большого мыса, возле которого много озер и заливов.

Во всех этих озерах и заливах плавала рыба. В тот летний вечер, когда пришло сюда племя, над травой и водой тучей вилась мошкара, и люди то и дело слышали всплески — это рыба прыгала за мошкарой.

Мужчины радовались и рассуждали о том, сколько наловят рыбы. Женщины весело переговаривались. Они понесли своих детишек на берег, где тихие волны лизали песок. Женщины решили выкупать детей в синей воде, которая солона на вкус и разливается до самого края земли.

Мужчины сплели сети и сачки. Они пошли с сетями бродом по отмелям и били рыбу острогой. Они метали копья, ныряли за рыбой и, поймав рыбину, высоко поднимали ее над собой, чтобы все увидели их добычу.

Вместе с людьми к морю пришли и собаки. Собаки эти были

сильные и быстрые, когда-то они тоже были людьми. Обычно они питались дичью, которую сами ловили: им было мало объедков, что бросали им люди. В родных краях собаки никогда не голодали, ведь там было вдосталь кенгуру, а собаки были хорошими охотниками.

На новом стойбище у моря никакой еды, кроме рыбы, не было, и собаки голодали, потому что ловить рыбу они не умели.

Однажды мужчины поймали столько рыбы, что едва дотащили ее до стойбища. Они свалили возле костра целую гору серебристой рыбы, и, покуда женщины жарили ее, рыболовы легли отдыхать под деревьями.

Собаки поглядели на эту серебристую гору, и голод их стал нестерпимым.

Собачий вожак подошел к мужчинам.

— Дайте нам немножко рыбы. Все равно вам не съесть ее всю, а мы совсем оголодали,— попросил он.

— Пошел вон, пес! — закричал один из мужчин.— Собаки не едят рыбу!

— А мы будем! — сказал собачий вожак.— Кенгуру здесь нет, и мы совсем отощали от голода. Дайте нам рыбы, чтобы мы могли поесть и набраться сил.

— Сами наловите, если вам поесть охота,— сказал другой мужчина.— А эта рыба наша, не станем мы делиться с собаками.

— Собаки не умеют ловить рыбу,— сказал вожак.

— Тогда подыхайте с голоду! — крикнул первый мужчина и швырнул в вожака камнем.

Тут все мужчины вскочили и стали гнать собак из стойбища палками и камнями — и глумились, и смеялись над ними.

Собаки убежали далеко в лес, сбились в круг и долго-долго говорили.

А племя пировало в своем стойбище до тех пор, пока от рыбы остались только кости. От всего улова не уцелело ни одной рыбешки.

Потом люди мирно сидели и беседовали до восхода луны, а когда луна взошла, в стойбище вернулись собаки. Они были полны гнева на людей.

Собачий вожак отошел от других собак, залаял и пронесся по стойбищу. Он высоко подпрыгивал на бегу, и на лапах у него сверкал огонь.

— Да будут наказаны все себялюбцы! — крикнул он и стал колдовать.

От его колдовства словно ветер пронесся над стойбищем, и все люди, что были там — женщины, дети, мужчины,— превратились в камни.

С тех пор у всех себялюбцев сердце каменное и нет в них ласки и доброты.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ГУДЕЛКА

В незапамятные времена горы были такие высокие, что луна казалась маленькой, когда поднималась над ними. В лучах солнца одни горы золотились и краснели, а другие всегда оставались темными и страшными.

В темных горах жили злые люди, а в золотых горах люди были добрые.

На одном стойбище в золотых горах жили два брата. И того и другого звали Байяма, и оба они были женатые. У каждого брата был ребенок, и обоих детей звали Вируимбралл.

Однажды братья ушли вместе с женами на охоту, и дети остались одни.

Дети плескались в ручье, играли и веселились.

Один злой человек с темных гор, по имени Туркук, держал свору свирепых псов, и вместе с ними он преследовал ненавистных ему людей и охотился на животных, которыми питался.

Увидел он, что братья и их жены собрались в поход, дождался, когда они отошли подальше от стойбища, кликнул своих собак, спустился с горы и, подойдя к стойбищу, где играли дети, натравил на них собак. И собаки убили детей.

А Туркук убежал на свою гору — он считал, что там он в безопасности.

Когда братья и их жены возвратились и увидели, что случилось, они обезумели от горя. Братья поклялись отомстить за своих детей, и на следующее утро они превратились в кенгуру и помчались по следам Туркука и его псов в темные горы.

Они добежали до стойбища Туркука и зашли с наветренной стороны, так чтобы ветер относил их запах в стойбище.

Почуяв кенгуру, собаки затявкали. Туркук вскочил на ноги, схватил копья и прислоненную к дереву воммеру, кликнул собак и пустил их против ветра — в ту сторону, где, по его расчетам, затаились кенгуру.

Свора собак понеслась по горе, а Туркук пустился за ними, прыгая с камня на камень и подгоняя собак криками. Братья дождались, чтобы злые собаки их увидели, и тогда понеслись прочь, а собаки гнались за ними по пятам.

Братья заманили собак вниз, в долину, и помчались дальше по долине, к тому месту, где за деревьями высилась огромная отвесная скала. Братья добежали до лужайки у подножия скалы и остановились, прислонясь спинами к скале. Здесь они стали ждать собак.

Вожаки собачьей своры выскочили на лужайку из кустов и бросились на кенгуру.

Но братья были сильными воинами, они встретили собак безо всякого страха.

Собаки с рычанием прыгали на них, а братья-кенгуру отбрасы-

вали их назад своими мощными задними лапами. Уже вся свора налетела на них, но братья бились до тех пор, пока не одолели всех собак.

Тогда братья вернулись в лес и шли по собачьим следам, пока не встретили Туркука, который бежал со всех ног, чтобы ему поспеть на место, когда собаки примутся терзать кенгуру.

И братья убили его, а затем снова превратились в людей и вернулись в свое стойбище.

На следующий день они отправились на охоту, и один из братьев, заметив на коре дерева следы когтей опоссума, взял каменный топор и стал рубить на стволе зазубрины, чтобы ему легче было взобраться на дерево.

Когда он уже влез высоко на дерево, от дерева отскочила щепка и со звонким гудением полетела вниз, и звук этот напоминал голос ребенка.

Услышав этот звук, Байяма поспешно спустился с дерева: ему показалось, что это его сын говорит с ним.

И брату его тоже послышался детский голосок. Братья подняли щепку и с удивлением стали ее разглядывать. Они решили хранить ее, чтобы она всегда напоминала им погибших малышей.

Тот брат, который лазил на дерево, пробуравил в щепке дырку и продел в нее полоску лыка, чтобы закинуть щепку через плечо.

Но сначала он покрутил ею над головой, и снова послышался голос — это был голос их детей.

Потом братья пошли с этой щепкой из племени в племя и рассказали всем о случившемся чуде, и с тех самых пор люди стали созывать племена гудением этой щепки. И назвали ее гуделкой*.

Каждый праздник начинается так: идут разрисованные люди по лесу и размахивают гуделками над головой. И, услышав гуделку, сходятся люди всех племен, потому что это голос духа из Сновидения* и его зову подчиняются все.

КАК ВЫПЬ ПОЙМАЛ ДЮГОНЯ

Когда Выпь* был человеком, закинул он однажды сеть в море и поймал дюгоня*. Дюгонь был очень большой, Выпь привязал его к каноэ и потянул за собой к берегу.

«Подшучу-ка я над моими друзьями,— решил Выпь,— заставлю их попотеть за кусочек этого дюгоня».

Подплыв к берегу, он кликнул всех своих друзей:

— Я поймал дюгоня. Садитесь в каноэ и плывите за мной. Отыщем местечко поудобнее и съедим дюгоня.

Друзья немедля столкнули в воду свои каноэ и поплыли за Выпью вдоль берега.

— Добрый малый этот Выпь,— говорили они.— Он поймал дюгоня, а мы все будем есть его!

А Выпь все греб и греб, пока они не подплыли к Длинному острову.

— Хорошее место — Длинный остров,— сказал Выпь друзьям.— Здесь мы и остановимся.

Друзья его обрадовались, что скоро начнется пиршество. Они выпрыгнули из каноэ и разбили стойбище на острове, а потом говорят Выпи:

— Давай вытягивай дюгоня из воды, начнем пиршество!

— Нет,— ответил Выпь,— нехорошее это место. Только сейчас я увидел, что это плохое место. Плывите за мной дальше.

Тогда все его друзья снова сели в каноэ и поплыли за Выпью. Возле Пологого острова они окружили каноэ Выпи и стали его убеждать:

— Вот где чудесное местечко! Самое подходящее, чтобы съесть дюгоня.

— Нет, поплывем дальше,— ответил им Выпь.— Дальше есть места и получше.

Выпь снова заработал веслом и потащил дюгоня по воде, а его друзья поплыли за ним в своих каноэ.

Но теперь они уже не толковали на все лады об этом добряке Выпи. Грести было тяжело, и все молчали.

Немного погодя они приблизились к Лысому острову. Выпь остановил свое каноэ, и оно качалось на волнах, пока он оглядывал берег.

— Подходящее местечко,— сказали ему друзья.— Давай съедим дюгоня здесь, а?

— Нет, это плохое место,— ответил Выпь.— Поплывем дальше.

Друзья последовали за ним, и скоро они подплыли к Зеленому острову.

— Ах, какое место! — обрадовались все.— Лучше места не найдешь! Хорошо бы тут съесть дюгоня.

— Нет, здесь плохо,— сказал Выпь.— Хорошие места дальше.

— Когда же мы зажарим этого дюгоня? — спросили у Выпи друзья.— Мы все плывем и плывем.

— Я поймал дюгоня в свою сеть,— ответил им Выпь.— Это мой дюгонь, и я зажарю его для своих друзей в хорошем месте.

Пришлось двинуться дальше, а дюгонь все тащился в воде. Наконец подплыли к Скалистому острову.

— Вот это самое лучшее место,— сказали Выпи друзья.— Может, вытащим каноэ на берег?

Но Выпь печально покачал головой:

— Мне жаль, друзья мои, но это самое худшее место из всех.

Доплывем-ка до Песчаного острова и съедим дюгоня на Песчаном острове. Вот там и вправду прекрасное место.

Двинулись дальше, но друзья Выпи так устали, что он приплыл на Песчаный остров первым.

— Что-то вы еле тащитесь, друзья,— закричал Выпь с берега.— Может, дюгонь вам не нравится?

Тогда один из его друзей, самый сильный из всех, сказал:

— Ты нам сначала ответь, это последняя остановка или нет, тогда и мы тебе скажем, нравится нам твой дюгонь или нет.

— Да, здесь мы остановимся,— сказал Выпь.— Вот вытащим дюгоня на берег и попируем на славу.

Они вытащили дюгоня на берег и разрубили его на куски. Затем разожгли большой костер и поджарили мясо.

А на этом острове жила одна старуха. Она жила тут и в воздухе, и на земле, и в море. Иногда люди видели ее, а иногда никто не видел, но все знали, что она здесь живет.

Когда мясо дюгоня начало поджариваться, старуха жадно принюхалась: чем это так вкусно пахнет? А потом решила: «Пойду-ка погляжу».

Шла она, шла по лесу и в конце концов набрела на костер, и тогда она сказала Выпи и его друзьям:

— Здравствуйте, мои внуки! Я живу на этом острове, и очень мне хочется есть. Дайте мне мяса.

Они дали ей кусок мяса, она положила его на камень и говорит:

— Пойду схожу за сумкой, чтобы мне было в чем нести это мясо.

А сама отошла в сторонку, спряталась за деревьями и стала думать, как бы ей завладеть всем дюгонем.

Едва она скрылась из виду, как Выпь заявил:

— Эта старуха заберет у нас все мясо. Плохое здесь место! Надо нам ехать дальше!

Они собрали все куски дюгоня и, нагрузив ими свои каноэ, отплыли от берега, но старуха вернулась, когда они еще были недалеко, и с визгом вбежала в воду. Она стала шлепать по воде ладонями и подняла высокие волны, которые с брызгами пены хлынули на каноэ.

Волны захлестнули каноэ, и Выпь и его друзья очутились в воде. А куски дюгоня вывалились из каноэ и поплыли по воде, и каждый кусок превратился в живого дюгоня. Стали эти животные нырять в море между плывущими мужчинами и женщинами.

Волны швыряли Выпь и его друзей, словно мангровые листочки. Белые гребни накрывали их с головой, а потом волны снова выносили их на поверхность и, наконец, выкинули их на дальний берег, где они отлеживались на солнце, покуда не набрались сил. А когда они оглянулись на Песчаный остров, то увидели возле него столько дюгоней, сколько раньше и в глаза не видели.

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ПЛЕЛА СУМКИ

В краю, где горные утесы и море братья и где деревья стройны и высоки, жила молодая девушка по имени Лована, которая дичилась людей.

Она любила покой и тишину.

Глаза у нее были темные и робкие, но, когда она бродила по лесу, они сияли от восторга и удивления.

Жила Лована одна в хижине, сделанной из коры, и плела сумки для всех, кто бы у нее ни попросил. Пальцы у нее были длинные, они быстро и ловко переплетали полоски лыка, и потому она делала сумок больше, чем другие женщины.

Оттого что Лована была такая тихая, никто не разговаривал с ней подолгу. Юноши ее племени проходили мимо ее хижины, когда шли на охоту,— не умела она пошутить с ними и приветить их ласковым словом.

А она печально смотрела им вслед, потому что шел среди них один юноша, и, когда они скрывались за деревьями, Лована чувствовала себя еще более одинокой, чем прежде.

Звали этого юношу Яади.

Однажды все племена отправились далеко от стойбища на праздник. Дети с криками бегали по лужайкам и прятались меж деревьев. Самых маленьких женщины несли на плечах и смеялись вместе с ними.

За спиной у женщин висели сумки, те самые сумки, которые сплела им Лована. Женщины взяли с собой много ямса, а мужчины — копья и воммеры, и все племена вместе отправились в путь. Люди шли друг за другом на расстоянии вытянутой руки, и, когда их вожаки уже скрылись из виду, по стойбищу все еще тянулась вереница людей.

Вскоре в стойбище осталась только одна Лована, потому что никому не пришло в голову сказать ей: «Пойдем с нами на праздник». Все забыли о ней. И ее мать, и отец, и все сородичи ушли и даже не вспомнили о ней. Она была слишком тихая, и среди веселья и шума никто не заметил, что ее нет.

Много дней шли по лесу разные племена, и там, где они проходили, не оставалось никакой дичи — ведь сколько надо было прокормить народу!

Через десять дней Яади, шагавший во главе, повернул назад и прошел вдоль вереницы людей до последней старухи и последнего отставшего ребенка. И тогда он крикнул, чтобы все люди остановились. И он спросил их: «Где Лована?» Но никто не мог ему ответить.

От старухи, которая плелась в самом хвосте, до мужчин, которые прокладывали путь, люди передавали друг другу три слова: «Ее тут нет».

Вот весть эта дошла до Яади, и, услышав ее, он содрогнулся.

— Я вернусь за ней,— сказал он.— Ей, наверное, нечего есть.

Взял он свой каменный топор, копье и воммеру, свой щит и налла-налла и ушел от всех. Яади возвращался тем путем, по которому прошли племена и где уже не было никакой дичи, так что ему пришлось отойти далеко в сторону и охотиться в глухом дальнем лесу. Он прорубал тропы в зарослях и всю добычу нес за спиной. Он отыскивал пчелиные гнезда в дуплах, и каждый день шел с раннего утра и до той поры, пока не спускалась ночь.

И чем ближе Яади подходил к хижине Лованы, тем больше приходилось ему петлять по лесу, хотя он и так уже шатался под тяжестью добычи, которую нес девушке.

С того дня как племя покинуло стойбище, Лована сидела в хижине и плела сумки. Еда, которую она собирала, не утоляла ее голода. На охоту она не могла пойти, потому что у нее не было копий. Она ела ямс и корни водяных лилий и собирала крабов на берегу.

Но однажды лыко, из которого она плела сумку, стало рваться. Лована все время путала петли, и пальцы у нее дрожали.

Она устыдилась своей неловкости и обеспокоилась. Она старалась плести как можно осторожней и не дергать полоски лыка.

Лована знала, почему дрожат ее пальцы и почему она все поглядывает в сторону, где затихли в ожидании высокие деревья.

Кто-то подходил все ближе, и ближе, и ближе.

Лована слышала, как колотится ее сердце. Она склонила голову, чтобы ничего не видеть, кроме сумки, которую плела.

Кто-то подходил все ближе и ближе.

Она сжала сумку онемевшими пальцами.

Кто-то подходил все ближе.

Она не подняла головы.

И вот тень Яади упала на девушку, и она взглянула на него.

Лована увидела над собой его лицо, и закрыла глаза, и упала на землю, и лежала тихо-тихо.

Яади опустился на колени и взял ее голову в ладони. Он смотрел на ее лицо и молчал.

Потом Лована открыла глаза и взглянула на него, и не было в ее глазах страха.

— Что с тобой? — спросил Яади.

— Зачем ты пришел?

— Я пришел за тобой.

— Почему ты сделал это?

— Потому что уже давным-давно твои отец и мать обещали отдать тебя мне в жены. Вот я и пришел.

Она не сводила с него глаз.

— Хочешь есть? — спросил Яади.

— Да,— ответила Лована.

Он отдал ей еду, которую принес, и все смотрел на нее, пока она ела.

— А теперь в путь,— сказал Яади, когда девушка поела.— Пойдем к нашему племени.

— Пойдем,— прошептала Лована.

Он пошел вперед, а она следом. Девушка оставила свою хижину и все сумки и ни разу не оглянулась назад.

Она смотрела только на того, кто шел впереди.

II. СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ОКЕАНИИ

КАК ЖИТЕЛИ ОСТРОВОВ ТОРРЕСОВОГО ПРОЛИВА ОБРЕЛИ ОГОНЬ

На одном конце острова Баду жил вместе с матерью человек по имени Хавиа, и не было у них огня. А на другом конце острова жил крокодил, у него-то огонь был.

Однажды Хавиа и крокодил в одно и то же время били острогой рыбу, и, возвратившись домой, крокодил разложил костер, чтобы сварить наловленную рыбу.

Пришел к нему Хавиа и попросил:

— Одолжи мне немного огня, я тоже хочу сварить рыбу.

— Ты живешь на берегу,— ответил крокодил,— а я в воде. Удивительно, что у тебя нет своего огня.

Не захотел крокодил дать человеку огонь.

Вернулся домой Хавиа, и принялись они с матерью разделывать рыбу, а потом вялить куски на солнце: так и пришлось им есть рыбу сырой.

Много раз с тех пор Хавиа приходил к крокодилу и просил его одолжить огонь, но всегда получал отказ.

И вот однажды Хавиа решил пойти поискать огонь в каком-либо другом месте. Он надел дори* и всякие украшения, черной краской раскрасил себе лицо, а потом прыгнул в воду и поплыл в селение Буджи, распевая по пути такую песню:

— О кеке кеке ке каибар ке нгаи мамути кауа (Я вижу там дым, кто-то жжет лес, я плыву туда, чтобы взять огонь).

И вот наконец он доплыл до селения Буджи.

Здесь жила женщина, она жгла лес, расчищая место для огорода*. Между большим и указательным пальцами на правой ее руке постоянно горел огонь.

Как только женщина заметила Хавиа, она быстро загасила все язычки пламени: ей не хотелось, чтобы чужеземец узнал, что у нее есть огонь.

— Откуда ты приплыл? — спросила женщина у Хавиа, едва лишь он ступил на берег.

— С острова Баду.

— Что ищешь ты здесь?

— Огонь! Я ловлю рыбу, но у меня нет огня, чтобы ее приготовить.

— Хорошо,— сказала женщина,— сейчас отправляйся спать, а завтра я дам тебе огонь.

На следующий день, когда женщина вновь принялась жечь лес, Хавиа сказал ей:

— Я собираюсь обратно, подойди ко мне — давай попрощаемся.

Женщина протянула на прощание левую руку, но Хавиа попросил дать ему правую и быстро сорвал с ее руки огонь. А потом бросился бежать и прыгнул в воду. Распевая ту же песню, что и раньше, Хавиа поплыл на остров Боигу.

Приплыв на Боигу, Хавиа разжег там огонь. Дым от его костра поднялся высоко в небо. Мать Хавиа увидела его с острова Баду и сказала:

— О, я вижу там дым, это возвращается мой сынок. Стало быть, ему удалось достать огонь.

А Хавиа тем временем поплыл на следующий остров — Мабуиаг — и зажег на нем костер.

Увидев дым, мать снова сказала:

— О, теперь он на Мабуиаге, дым виден ближе.

Наконец Хавиа добрался до своего острова — Баду.

— Я добыл огонь, а два мои приятеля наловили рыбы, теперь ты можешь приготовить ее на огне,— сказал он матери.

Увидел крокодил, что у Хавиа и его матери появился огонь, и решил прикинуться добрым. Он пришел к Хавиа и предложил ему огня. Но Хавиа ответил:

— Нет, не нужен нам твой огонь, я уже достал его в другом месте.— И добавил: — Нечего тебе жить на берегу.— Раз ты крокодил, так и оставайся в воде! Ты не ровня человеку*, чтобы жить с ним рядом — на берегу.

Обиделся крокодил и, залезая в воду, сказал:

— Да, меня зовут крокодил, и я буду жить в воде, но за это стану охотиться на людей везде, где только их встречу.

О ТОМ, КАК КАЗУАР И КРОКОДИЛ ПОССОРИЛИСЬ ИЗ-ЗА САГОВОЙ ПАЛЬМЫ

В селении Сагеро прямо на берегу реки росла саговая пальма*. Посадил ее казуар.

Вот как-то раз вылез из воды крокодил, выполол вокруг этой пальмы траву и заявил:

— Саговая пальма теперь моя!

Сказал и нырнул обратно в реку.

Некоторое время спустя к дереву вернулся казуар:

— Кто посмел отметить своим знаком мое дерево? Это саго мое! — И скорей сделал метку на стволе пальмы, чтобы всем было видно: это дерево его.

Казуар был очень рассержен. «Конечно, это крокодил пометил дерево»,— догадался он.

— Теперь тебе, крокодил, лучше оставаться в воде. Только посмей выползти на берег! — сказал казуар и вернулся в лес.

На следующий день к пальме опять приполз крокодил.

— Что за дела?! Почему казуар пометил мое дерево? Оно мое!

И, улегшись под пальмой, крокодил стал поджидать казуара. Но казуар все не приходил, и крокодил уполз обратно в воду.

Как-то раз, когда саго уже поспевало, казуар вновь вернулся осмотреть дерево.

— Пожалуй, завтра я срежу верхушку,— решил он,— вот и будет у меня еда.

Однако первым у саговой пальмы появился крокодил. Он приставил к дереву длинный шест, влез на пальму и срезал верхушку.

Случилось так, что и казуар пришел к пальме в это же время. Увидя на дереве крокодила, казуар закричал:

— Ах ты негодник! Как ты посмел срезать верхушку саго! Не ты растил его, а я! — И свалил шест, приставленный к дереву, чтобы крокодил не смог слезть.

Тщетно упрашивал крокодил:

— Поставь, прошу тебя, шест обратно, мне нужно спуститься.

Казуар убежал, а крокодил так и сидел на дереве.

Пришлось ему прогрызать себе дорогу внутри пальмы, выедая саго. Только через три месяца добрался он до основания дерева и, проделав дыру в коре, вышел на волю.

— Ну и бесстыжий же этот казуар! — сказал крокодил.— Все-то меня обманывает!

Крокодил отправился к реке и хотел нырнуть, но он так долго сидел на дереве, так исхудал и стал таким легким, что не погружался в воду и остался плавать на поверхности.

Некоторое время спустя у реки появился казуар и начал прогуливаться по берегу. Схватил его крокодил и затащил под воду. Там он держал казуара три месяца, как раз столько, сколько сам просидел на дереве по вине казуара. А когда этот срок прошел, крокодил отпустил казуара, и тот вернулся домой, в лес.

В ГОСТЯХ У СОЛНЦА, ЛУНЫ И НОЧИ

Поспорили как-то раз два человека из племени киваи. Один утверждал:

— Хивио-солнце и Гануми-луна — это два разных человека.

А другой стоял на том, что Хивио и Гануми один человек. Спор их перешел в драку, и один крепко побил другого.

И тогда избитый устыдился своей слабости и решил отправиться в путь на каноэ, чтобы наконец точно узнать, где дом Гануми-луны и как Гануми путешествует по небу.

День и ночь греб он веслом в открытом море, направляя каноэ к тому месту, где восходит луна. Наконец он приплыл к дому Гануми-луны. В это время как раз начался отлив, и лодка села на мель.

Первый раз Гануми-луна появился перед человеком в образе маленького мальчика, который стал приглашать его сойти на берег.

— Нет,— сказал человек,— ты маленький мальчик, а не луна. Я хочу, чтобы сам Гануми пригласил меня.

— Я и есть Гануми-луна,— ответил мальчик.— Выходи, пожалуйста, на берег.

— Нет,— настаивал человек,— я хочу видеть взрослого, а не такого ребенка, ты вовсе не Гануми.

И он остался в каноэ.

Гануми-луна начал быстро расти и скоро вышел к человеку в образе юноши. Но тот опять отказался выйти на берег:

— Я жду, когда появится настоящий Гануми-луна, а не такой как ты, юнец. Я жду взрослого человека, пусть он выведет меня на берег.

Прошло время, Гануми обзавелся бородой, и тогда он вновь пришел к человеку. Но тот продолжал твердить:

— Я желаю, чтобы вышел сам Гануми-луна.

— Да я и есть Гануми!

И снова человек не поверил ему.

В следующий раз Гануми-луна появился в образе седоволосого старика.

— Выходи же на берег,— позвал он человека.

— Так это ты Гануми? — спросил гость.— Я хочу, чтобы сам Гануми пригласил меня на берег.

— Ну конечно, я Гануми-луна.

— Нет,— сомневался человек,— мне думается, ты не Гануми.

Наконец Гануми-луна приплелся дряхлым стариком, еле ступавшим и опиравшимся на палку.

Только тогда мужчина вышел из лодки и пошел за ним на берег. «Вот это настоящий Гануми пришел»,— думал он.

Гануми-луна показал человеку свои владения:

— Здесь все мое и все белое: белая хижина, белый сад, белая земля.

Потом он показал человеку другое место:

— А здесь владения ночного мрака Дуо, здесь все черное. Отсюда приходит темнота ночи.

Наконец он привел человека в третье место:

— Здесь владения Хивио-солнца. Тут все красное: красная хижина, красный огород, красная земля. Так уж заведено — за тьмою ночи всегда приходит свет солнца.

Затем Гануми-луна и мужчина поели вместе, чем скрепили свою дружбу, а когда они окончили трапезу, Гануми-луна сказал:

— Смотри, как я буду подниматься по небосклону. Впереди идет тьма, я иду за ней, а за мной солнце. Солнце и я — два разных человека.

Взобрался Гануми-луна на дерево варакара* и оттуда бросился в небо. Он опустился на край облака, и все вокруг осветилось.

Увидел это мужчина и подумал: «Выходит, моя правда. Луна — это один человек, а солнце — другой. Мой товарищ был неправ, когда говорил, что солнце и луна — один человек».

Гость Гануми-луны не спал всю ночь, осматривая владения Гануми. Ничто не росло здесь, кроме низеньких деревьев и кустарника: очень уж близок был лунный свет.

Начался рассвет, но луна все еще оставалась на небе.

Наконец взошло солнце. Тогда Гануми покинул небосклон и вернулся домой.

Он сказал человеку:

— Ну, теперь ты видел меня? Хорошо меня рассмотрел?

— Да, я видел и тебя, Гануми-луна, и Хивио-солнце, и ночной мрак Дуо. Вы — три разных человека, но живете здесь все вместе.

А потом пришли ночь, луна и солнце, и каждый из них принес человеку угощение.

Дуо сказал:

— Это моя еда, она вся черная: черный банан, черное таро*, черный ямс*. Поэтому меня зовут ночным мраком Дуо.

Гануми-луна кивнул на свою еду:

— А моя еда вся белая: белый банан, белое таро, белый ямс.

Хивио-солнце, в свою очередь, показал еду, принесенную им:

— Это вот моя еда, она вся красная: красный банан, красное таро, красный ямс. Запомни: меня зовут Хивио-солнце.

Потом Гануми-луна сказал человеку:

— Подожди немного! Скоро начнется закат, и, когда спустится солнце, я отправлюсь наверх. Привяжу я веревку к каноэ и потащу к тому месту, откуда ты приплыл. Как станем подплывать к твоему дому, дерни за веревку, я и остановлюсь. Пусть соберутся все люди селения. Ты покажи им веревку и скажи: «Это веревка Гануми-луны, за нее он тянул мою лодку». И покажи им нашу еду, а потом отвяжи веревку.

На закате дня Гануми позвал человека:

— Иди садись в каноэ, а я привяжу веревку.

И вот они отправились в путь. Наконец мужчина приплыл к своему дому, и, когда он дернул за веревку, Гануми-луна застыл в небе. А люди, увидев лодку, начали кричать:

— Вот человек, который отправился посмотреть на луну! Он вернулся!

Мужчина, побывавший в гостях у Гануми-луны, созвал всех людей селения. Не забыл он позвать и того, с кем спорил. Человек так сказал людям:

— Вот посмотрите, что я привез с собой. Эту еду дал мне ночной мрак Дуо, поэтому она вся черная. Эта еда Гануми-луны, поэтому она вся белая. Эту еду мне дал Хивио-солнце, поэтому она вся красная. А вот это — веревка Гануми, за нее он тащил мою лодку и привез меня домой. Теперь вы видели моего друга, и я позволю ему уйти.

Только отвязал человек веревку, как она взвилась в воздух и вмиг исчезла.

Мужчина вынес из лодки всю привезенную еду, но люди боялись пробовать ее:

— А вдруг от нее можно умереть?

— Нет,— убеждал их мужчина,— ночь, луна и солнце сказали: «Это настоящая еда, не бойтесь, ешьте ее, от нее не умирают».

И тогда все стали ее есть.

ШАГАЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Однажды на берегу близ деревни Онгари играл маленький мальчик. Вдруг он увидел, что к деревне медленно движется огромное дерево*. Оно выглядело очень грозно. Мальчик испугался и с криком бросился в деревню.

Собрались мужчины. Они посоветовались и решили срубить дерево прежде, чем оно дойдет до Онгари и раздавит дома, убьет людей, свиней и собак. На помощь позвали мужчин из соседних деревень, и все вместе, взяв каменные топоры, пошли рубить корни дерева.

Мужчины трудились изо всех сил два дня и еще один день*. За это время дерево подошло почти к самой деревне. Наконец могучий ствол покачнулся и со страшным шумом повалился на землю.

Пока дерево раскачивалось туда и сюда, с него осыпались плоды. Те, что упали в море, стали первыми морскими рыбами. А те, что попали в реку, превратились в первых речных рыб.

Так была спасена деревня Онгари, и так возникли рыбы. Если бы маленький мальчик вовремя не заметил шагающего дерева, не было бы сейчас Онгари и никто не мог бы ловить и есть рыбу.

ЦАПЛЯ И ЧЕРЕПАХА

Как-то раз во время отлива отправилась цапля на коралловый риф, да оступилась — нога и застряла в трещине. А тут прилив! Стала вода подниматься и скоро поднялась по самую цаплину шею.

Видит цапля, плывет мимо акула. Она и просит:

— Спаси меня!

— Погоди немного,— ответила акула и уплыла прочь.

Видит цапля, плывет мимо тунец. Снова просит:

— Спаси меня!

— Погоди немного,— ответил тунец и тоже уплыл прочь.

Затем неподалеку от цапли показалась треска. Но и она не захотела выручить птицу из беды.

Тут плывет мимо черепаха.

— Сестрица! — позвала ее цапля.— Помоги мне! Боюсь, вода скоро еще выше поднимется!

Расколола черепаха коралл, в котором застряла нога цапли, и птица легко взлетела в воздух.

— Ты спасла мне жизнь! — крикнула она черепахе.— Глядишь, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

Вскоре жители селения Хагелонга пошли ловить рыбу. Они спустили в воду сеть, закрепили ее углы на подпорках и стали ждать.

Сначала в сеть заплыла акула.

— Попалась! Тащи сеть! — закричали одни, а другие им возразили:

— Нет, не этот улов нам нужен!

Потом в сеть заплыла треска.

— Попалась! Тащи сеть! — опять закричали некоторые, но другие сказали:

— Нет, не этот улов нам нужен!

Много рыб перебывало в сетях, но рыбаки опять и опять выпускали их в море.

Наконец в сеть заплыла черепаха.

— Вот кто нам нужен! — обрадовались рыбаки и, счастливые, принялись вытаскивать ее на берег.

Рыбаки связали черепаху и, положив ее на песок, соорудили вокруг ограду.

Вождь селения сказал:

— Завтра приготовим дров, наберем листьев, накопаем ямса и изжарим черепаху.

Утром одни люди отправились за дровами, другие — за листьями, третьи пошли выкапывать ямс, а двух мальчиков оставили сторожить черепаху.

Вдруг прилетает цапля и говорит мальчикам:

— Хотите, я станцую для вас?

— Конечно,— обрадовались дети,— нам очень хочется посмотреть, как ты танцуешь.

Они принесли цапле всякие украшения из собачьих и дельфиньих зубов. Цапля надела их на шею и начала танцевать. Пританцовывая, она потихоньку приближалась все ближе и ближе к ограде, за которой лежала связанная черепаха.

Увидела черепаха цаплю и говорит:

— Сестрица! Меня хотят убить!

— Я помогу тебе,— ответила цапля.— Ведь и ты меня спасла когда-то.

Повернулась цапля к мальчикам, принялась танцевать еще веселее и вдруг запела:

— Керембаебае! Керембаебае! Развяжи-ка ноги!

(А черепаха в это время развязывала ноги!)

— Керембаебае! Керембаебае! Просунь голову через ограду!

(А черепаха в это время просовывала голову через ограду!)

— Керембаебае! Керембаебае! Вылезай! Вылезай! Теперь вся вылезай!

(А черепаха в это время уже вылезла на волю!)

— Керембаебае! Ползи к берегу! Керембаебае! Ныряй в воду! Керембаебае! Уплывай в глубину!

Так черепаха была спасена.

Вернулись люди на берег, подошли к ограде, а черепахи-то и нет!

— Кто же мог ее утащить? — удивились они. И спрашивают мальчиков: — Здесь кто-нибудь был?

— Никого, кроме цапли,— ответили мальчики.— Она танцевала для нас. А как исчезла черепаха, мы и не заметили.

Огорчились люди. А когда внимательно осмотрели песок и увидели следы черепахи, тянущиеся к берегу, поняли:

— Никто ее не крал. Черепахе удалось спастись. Она в море ушла.

ДЕТИ И ВЕЛИКАН

Жили-были двое детей — мальчик Матаи Тиу и девочка Матаи Куар.

Однажды их родители собрались, как всегда, на небо, а детям и говорят:

— Не смейте без нас открывать заднюю дверь!

Только родители ушли, мальчик просит сестру:

— Давай попробуем открыть заднюю дверь — узнаем, почему нам не разрешают это делать.

Открыли Матаи Тиу и Матаи Куар дверь и прямо перед собой увидели сад.

К сказке «Как лягушка небывалой величины выпила всю воду в Центральной Австралии и что случилось потом».

— Ты только посмотри, сколько здесь бананов! Сколько сахарного тростника! — обрадовался Матаи Тиу.

Нарвали дети бананов, наломали тростника и, отойдя подальше, в самую глубь сада, уселись полакомиться бананами.

А в это время их мать на небе места себе не находила от волнения. Говорит она отцу:

— Я чувствую, что-то случилось там, внизу. Вон как дрожит мой большой палец.

— Придется тебе спуститься на землю и посмотреть, все ли у детей в порядке,— ответил отец.

Спустилась женщина с неба, увидела, что в доме открыта задняя дверь, испугалась, схватила на всякий случай метлу — и бегом в сад, к детям. А Матаи Тиу и Матаи Куар увидели, что мать сердита, вскочили и бросились бежать.

Бежали они, бежали, вдруг видят — великан, а в руках у него метла. Повернулся великан к детям и сказал о себе:

— Аруру метет, чтобы дорога к нам была чиста.

Дети присели на корточки и говорят:

— Матаи Тиу и Матаи Куар убежали из сада, и теперь они здесь.

А великан в ответ:

— Пойду скажу о вас Туре Кае Фоно Руа.

Эту дорогу охраняли десять великанов. Девять великанов милостиво отнеслись к детям, а вот десятый, двухголовый Туре Кае Фоно Руа, ни за что не хотел отпускать их домой, а хотел съесть их.

Велел он привести детей в дом и приказал им:

— Ну-ка расчешите мне волосы!

Положил великан свои головы детям на колени: одну голову мальчику, другую — девочке.

Стал мальчик расчесывать волосы великана и приговаривать:

— Спи! Спи!

Великан и уснул. Тогда дети тихонько встали, связали спящего великана — и бегом! Прибежали они к морю, а там лодка! Дети положили в лодку четыре куска пемзы и два тяжелых камня таптуени, оттолкнулись от берега и поплыли.

Долго-долго гребли дети. И вдруг девочка заметила что-то странное вдалеке. Она и говорит брату:

— Посмотри в сторону солнца! Что это там такое? Какое-то крохотное пятнышко! Может, это муха?

Не знали дети, что пятнышко это никакая не муха, а двухголовый великан, который отправился в погоню за маленькими беглецами.

Не много понадобилось великану времени, чтобы догнать лодку Матаи Тиу и Матаи Куар.

Опустился он в лодку рядом с детьми, и девочка страшно испугалась, а мальчик как ни в чем не бывало говорит:

— Садись, почтенный, отдохни. Посмотри-ка, что я сейчас буду делать!

А сам поднял со дна лодки куски пемзы и привязал по куску к рукам и ногам. Потом как ни в чем не бывало шагнул в воду и ну плясать на воде!

Весело смеялся великан, глядя на смешные ужимки и прыжки мальчика.

Матау Тиу снова забрался в лодку. А развеселившийся великан стал просить его:

— Дай мне свои игрушки! Я тоже хочу попробовать!

— Хорошо! — ответил мальчик.— Я тебе помогу. Сейчас привяжем камни к твоим ногам.

Вытянул великан ноги. Матаи Тиу привязал к ним два тяжелых камня таптуени.

Обрадовался великан. Прыгнул в море и тотчас пошел ко дну.

А Матаи Тиу и Матаи Куар стали грести к берегу и благополучно вернулись домой.

ОБМАНУТАЯ ЛЮДОЕДКА

Жила-была одна женщина. И было у нее четверо детей: три мальчика и одна девочка.

Однажды дети пошли в лес. Бродили-бродили по лесу и набрели на дом, где жила людоедка. Людоедка услышала шаги детей, вышла к ним и говорит:

— Заходите, дети, я ваша бабушка.

Дети вошли, сели на пол и, усталые, скоро заснули.

Тогда людоедка завернула их в циновку, а младшего уложила в печь и накрыла листьями*. Сама же вышла из дому, притащила большие камни и подперла ими дверь, чтобы дети не могли выйти наружу. Затем людоедка взяла перламутровую раковину и отправилась к скале — наточить ее*. При этом она поглядывала на солнце и пела:

— Солнце, зайди! Мне хочется есть. Я съем Ширеппуэ и Мауэппуэ!

Услыхал ее песню младший мальчик и скорей разбудил всех. Долго дети пытались выйти, да никак не могли сдвинуть камни. Наконец они нашли щель в углу дома, расковыряли ее и убежали.

Вернулась людоедка домой, пощупала циновку, надрезала ее, а потом и говорит:

— Подожду еще немного! Ох и вкусная еда меня ждет!

А в это время мимо ящерица пробегала.

— А их там уже нет! Дети еще утром от тебя убежали! — говорит она людоедке.

Разозлилась людоедка:

— Все-то ты врешь! И ничем теперь я тебя не угощу!

Потом людоедка разрезала циновку, а там и в самом деле нет никого. Разозлилась она, выскочила из дому, побежала искать, не спрятались ли дети где-нибудь поблизости.

Долго искала она беглецов повсюду, пока не заметила их на дороге. Увидела — и бросилась в погоню. А дети скорей вскарабкались на дерево, что росло у пруда.

Людоедка взглянула в воду, увидела там отражение детей и прыгнула в пруд за ними. Долго она искала их под водой и чуть не утонула. А дети громко смеялись.

Тут людоедка заметила их на дереве и закричала:

— А ну спускайтесь!

— Нет, лучше ты поднимись к нам! — ответили дети.

Людоедка стала карабкаться на дерево и уже почти коснулась ноги младшего мальчика. Но тут дети произнесли заклинание:

— Выступай, подступай, вылезай, перелезай! Чтоб тебе поскользнуться и содрать всю кожу!

Людоедка оступилась, сползла с дерева и крепко поцарапалась.

— Что мне делать? Как мне взобраться на дерево? — завопила она.

— Попробуй спиной прокарабкаться! — крикнули дети. И скорей опять произнесли слова заклинания: — Выступай, подступай, вылезай, перелезай! Чтоб тебе поскользнуться и содрать всю кожу!

Людоедка и на этот раз упала.

— Что же мне теперь делать? — снова завопила она.

— Натрись золой и прыгай в море! — кричат дети.

Побежала людоедка домой, натерлась золой, бросилась в море и утонула.

А дети спустились с дерева и побежали домой.

ОСЬМИНОГ И КРЫСА

Однажды птицы собрались в путешествие и позвали с собой крысу и рака-отшельника, который в те времена жил на суше. Уселись они в лодке, подняли парус и отплыли от берега.

Все шло хорошо, но вдруг зимородок нечаянно проткнул дно лодки своим длинным клювом. Лодка стала тонуть, и все птицы разлетелись.

Рак-отшельник еле-еле добрался до ближайшего рифа да так и остался жить в море.

И пришлось крысе одной плыть к берегу.

Увидел ее осьминог, удивился и спрашивает:

— Откуда ты, крыса?

— Плыли мы под парусом,— отвечает крыса,— да зимородок продырявил клювом лодку, она и потонула.

— Садись на меня,— предложил осьминог,— довезу тебя до берега.

Забралась крыса на голову осьминогу, и он поплыл.

Вскоре они приплыли к острову, и крыса соскочила на землю.

— Эй, осьминог! — закричала она на прощание.— Посмотри-ка, что у тебя на голове.

Осьминог пощупал голову и понял, что крыса нагадила на него. Рассердился осьминог, погнался за крысой, но та спряталась в норке.

Вы, конечно, знаете, что у всякого осьминога на голове бугорки. Они остались с тех самых пор. Теперь осьминог — злейший враг всякой крысы.

Вот почему, собираясь ловить осьминога, нужно делать приманку, похожую на крысу. Осьминог сразу бросается на такую приманку.

АКУЛА И ЧЕРЕПАХА

На острове Савайи*, в селении Салега, жила когда-то слепая старуха по имени Фонуэа, и была у нее единственная дочь, которую звали Салофа.

Однажды во всей округе наступил страшный голод. В Салеге тоже нечего было есть. В один из этих дней родичи Фонуэы стали печь клубни ямса, которые собрали накануне в лесу.

Дожидаясь, пока еда будет готова, жадно втягивая вкусный дымок, слепая Фонуэа сидела с дочерью в стороне. Вот дым исчез, значит, камни уже раскалились*, и ямс, накрыв получше, поставили париться.

Прошло еще немного времени, старуха и спрашивает дочь:

— Посмотри, не несут ли нам нашу долю?

— Нет,— отвечает Салофа.

Много раз спрашивала Фонуэа, не зовут ли ее с дочерью к обеду, и всякий раз Салофа отвечала «нет».

Наконец старуха поняла, что родичи не хотят поделиться с ними едой.

Отчаявшись, слепая Фонуэа велела дочери отвести ее к морю. Стала она на край скалы, ухватила дочь за руку и воскликнула:

— Прыгай со мной!

Бросились они в морские волны и сразу же превратились одна в акулу, а другая в черепаху. И поплыли на восток, подальше от жадных и злых родичей.

Долго они плыли и наконец достигли селения Ваитоги на острове Тутуила*. Вышли на берег мать с дочерью и снова приняли человеческий облик.

Верховный вождь Летули очень радушно встретил гостей. В его доме Фонуэу и Салофу хорошо накормили, одели. Мать и дочь как следует отдохнули и набрались сил. Они были очень благодарны Летули за его гостеприимство, и Фонуэа сказала ему:

— Мы с дочерью вернемся в море и останемся жить под скалой у вашего селения. Когда ты захочешь, мы выплывем на поверхность и станем развлекать тебя танцами. А ты запомни песню, которой нас можно вызвать из моря.

И Фонуэа спела вождю эту песню. А Летули велел объявить всем жителям селения, что его гости станут теперь акулой и черепахой и что будут они жить отныне в море под скалой. И если кто-нибудь посмеет обидеть их или проявит к ним неуважение, вождь сочтет это за тягчайшее преступление.

И вот Фонуэа и Салофа снова приняли облик акулы и черепахи и поселились в море под скалой Ваитоги. Они прожили там много-много лет и всегда выплывали на поверхность, услышав песню, обращенную к ним:

Фонуэа, Фонуэа, поднимись из морской пучины!
Видишь, люди вождя Летули пришли посмотреть на тебя,
Посмотреть на забавную вашу игру
И приветствовать вас.

Стоило акуле с черепахой показаться на поверхности моря и начать танцевать, люди не могли сдержать восторженных криков:

— Лалелей! Лалелей! Прекрасно! Прекрасно!

В Ваитоги бывает много людей со всего света. Лучшие певцы и музыканты не раз играли и пели у скалы, пытаясь вызвать акулу и черепаху, но до сих пор акула с черепахой выплывают только на звуки одной призывной песни, той, что когда-то в знак благодарности была сложена слепой Фонуэой для верховного вождя Летули.

ПОХИЩЕНИЕ ОГНЯ

Раньше люди ели сырую пищу — плоды, овощи, словом, то, что давала им земля. У людей не было огня, чтобы варить еду. И они не умели готовить таро, ямс, корни ти* и другие дары Акалоны*.

Однажды Мауи спросил свою мать Хину*:

— А где можно раздобыть огонь?

— Огонь есть у кур,— ответила Хина.— Только знай: чтобы раздобыть его, нужна немалая сила и ловкость. Иди к самым маленьким курочкам, только тогда и сумеешь заполучить огонь.

Отправился Мауи за огнем. Пришел к Ваианае на Оаху*, а там только большие куры.

— Вот пришел быстроногий сын Хины. Как бы не случилось беды! — заволновались они.

Мауи и впрямь не раз гонялся за ними, и куры знали, какой он проворный.

Попытался Мауи схватить огонь, но куры, быстро собрав в узелок огонь, золу и бананы, которые пеклись на огне, улетели прочь. И Мауи остался ни с чем.

Так повторялось много раз, пока наконец Мауи не увидел совсем маленькую курочку. Она как раз разжигала огонь, собираясь печь бананы.

Схватил Мауи птицу и крепко зажал ее в руках. А курочка и говорит:

— Пощади меня, Мауи! А я тебе скажу, где можно взять огонь. Попробуй потереть стебель таро.

Стал Мауи тереть стебель таро, а искр все нет и нет. Стебель же покрылся бороздками и остался таким до сих пор. Да вы и сами это можете увидеть, взглянув на стебель таро.

В гневе вернулся Мауи к курочке. А она ему опять:

— Иди и потри воду!

Однако курочка схитрила, потому что имела в виду она не обычную воду, а кусты, которые назывались «красная вода»*. Мауи не сумел разгадать курочкины слова и отправился тереть обычную воду. Конечно, никакого огня у него не получилось.

И снова рассерженный Мауи вернулся к курочке.

— Иди в лес и найди там кусты «красная вода»,— подсказала курочка.

Мауи так и сделал. И скоро огонь у него разгорелся.

Мауи был все-таки сердит на птицу: зачем она гоняла его, почему не сказала сразу про кусты «красная вода»? И он прижег огнем гребешок курочки.

С тех пор гребешки у кур стали красными.

А у людей с того дня появился огонь.

ТАКАРАНГИ И РАУ-МАХОРА

Давно это было. Жил на свете Ранги-те-рунги, вождь племени таранаки. Его селение называлось Вакарева. Это было большое, хорошо укрепленное па*.

У вождя была дочь, красавица Рау-махора. Весть о ее красоте разнеслась по всей стране.

Дошла она и до Те-Ранги-апити-руа, вождя племени нгати-ава. Он жил в селении Пуке-арики, и был у него сын Такаранги, отважный и прославленный воин. Такаранги тоже прослышал о красоте Рау-махоры и часто думал о ней.

И вот между племенами таранаки и нгати-ава началась война. Воины нгати-ава подступили к Вакареве и окружили селение. Взять его силой не удалось, и началась долгая осада.

Через некоторое время осажденные начали страдать от голода и жажды. Многие из них были уже близки к смерти.

Однажды вождь Ранги-те-рунги поднялся на земляной вал, окружающий па, и крикнул врагам:

— Умоляю вас, дайте хоть глоток воды!

Некоторые воины нгати-ава пожалели старика. Один из них сбегал к источнику и наполнил калебасу водой. Но остальные воины — а их было большинство! — не позволили своему товарищу передать воду и разбили калебасу у него в руках. Старый вождь не получил ни капли воды.

Так повторилось несколько раз. Осаждавшие спорили между собой, давать или не давать воду старику вождю. А тот стоял на земляном валу и ждал.

Наконец он заметил предводителя вражеских воинов. Его отличали длинные белые перья голубя в волосах и длинный белый гребень из китовой кости.

— Скажи, кто ты? — крикнул ему Ранги-те-рунги.

— Это Такаранги,— ответили за своего предводителя воины нгати-ава.

Тогда старый вождь обратился к Такаранги с такими словами:

— Скажи, юный воин, можешь ли ты успокоить могучие волны*, которые бушуют над подводными скалами О-ронго-маита-Купе?

Это значило: «Хоть ты и вождь, но сможешь ли ты сдержать своих свирепых воинов?»

Такаранги ответил заносчиво:

— Бурные волны смирятся, ни одна собака не осмелится укусить меня за руку!

Это значило, что простые воины не посмеют перечить ему, вождю.

А про себя Такаранги думал так: «Этот умирающий старик — отец красавицы Рау-махоры. Ох, как будет жалко, если он погибнет от жажды!»

Такаранги поднялся и медленно пошел к источнику. У родника Оринги он наполнил калебасу чистой холодной водой. Суровые воины опустили оружие, никто из них не сказал ни слова, никто из них не двинулся с места. С удивлением смотрели они на своего вождя. Но вот «бурное море успокоилось». Такаранги передал калебасу старому вождю и сказал:

— Я ведь говорил, что ни одна собака не осмелится укусить мою руку. Вот вода — тебе и твоей юной дочери.

Ранги-те-рунги и Рау-махора стали пить воду, а Такаранги с восхищением смотрел на девушку. И она тоже не могла отвести глаз от молодого вождя. Долго они стояли и смотрели друг на друга. И все воины нгати-ава глядели на них.

Вдруг Такаранги взобрался на вал и сел рядом с красавицей. А его воины стали говорить:

— Смотри-ка, нашему вождю нравится быть воином, но Рау-махора, кажется, нравится еще больше!

И тут внезапная мысль пришла в голову старому вождю, и он спросил свою дочь:

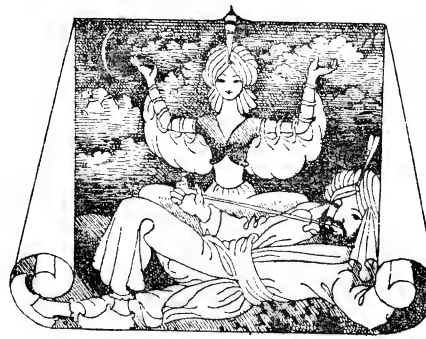
— Дитя мое, а ты бы хотела, чтобы этот юный вождь стал твоим мужем?

— Он мне нравится,— опустила глаза Рау-махора.

Ранги-те-рунги немедленно объявил, что отдает свою дочь в жены Такаранги. Война сразу же окончилась, и воины нгати-ава разошлись по домам.

С тех пор племена таранаки и нгати-ава никогда больше не воевали друг с другом.

ТЫСЯЧА И ОДНА
НОЧЬ
АРАБСКИЕ СКАЗКИ



РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ

Жил-был когда-то злой и жестокий царь Шахрияр. Он каждый день брал себе новую жену, а наутро убивал ее. Отцы и матери прятали от царя Шахрияра своих дочерей и убегали с ними в другие земли.

Скоро во всем городе осталась только одна девушка — дочь визиря, главного советника царя,— Шахразада.

Грустный ушел визирь из царского дворца и вернулся к себе домой, горько плача. Шахразада увидела, что он чем-то огорчен, и спросила:

— О батюшка, какое у тебя горе? Может быть, я могу помочь тебе?

Долго не хотел визирь открыть Шахразаде причину своего горя, но наконец рассказал ей все. Выслушав своего отца, Шахразада подумала и сказала:

— Не горюй! Отведи меня завтра утром к Шахрияру и не беспокойся — я останусь жива и невредима. А если удастся то, что я задумала, я спасу не только себя, но и всех девушек, которых царь Шахрияр не успел еще убить.

Сколько ни упрашивал визирь Шахразаду, она стояла на своем, и ему пришлось согласиться.

А у Шахразады была маленькая сестра — Дуньязада. Шахразада пошла к ней и сказала:

— Когда меня приведут к царю, я попрошу у него позволения послать за тобой, чтобы нам в последний раз побыть вместе. А ты, когда придешь и увидишь, что царю скучно, скажи: «О сестрица, расскажи нам сказку, чтобы царю стало веселей». И я расскажу вам сказку. В этом и будет наше спасение.

А Шахразада была девушка умная и образованная. Она прочитала много древних книг, сказаний и повестей. И не было во всем мире человека, который знал бы больше сказок, чем Шахразада, дочь визиря царя Шахрияра.

На другой день визирь отвел Шахразаду во дворец и простился с ней, обливаясь слезами. Он не надеялся больше увидеть ее живой.

Шахразаду привели к царю, и они поужинали вместе, а потом Шахразада вдруг начала горько плакать.

— Что с тобой? — спросил ее царь.

— О царь,— сказала Шахразада,— у меня есть маленькая сестра. Я хочу посмотреть на нее еще раз перед смертью. Позволь мне послать за ней, и пусть она посидит с нами.

— Делай как знаешь,— сказал царь и велел привести Дуньязаду.

Дуньязада пришла и села на подушку возле сестры. Она уже знала, что задумала Шахразада, но ей все-таки было очень страшно.

А царь Шахрияр по ночам не мог спать. Когда наступила полночь, Дуньязада заметила, что царь не может заснуть, и сказала Шахразаде:

— О сестрица, расскажи нам сказку. Может быть, нашему царю станет веселей и ночь покажется ему не такой длинной.

— Охотно, если царь прикажет мне,— сказала Шахразада.

Царь сказал:

— Рассказывай, да смотри, чтобы сказка была интересная.

И Шахразада начала рассказывать. Царь до того заслушался, что не заметил, как стало светать. А Шахразада как раз дошла до самого интересного места. Увидев, что всходит солнце, она замолчала, и Дуньязада спросила ее:

— Ну, а дальше что было, сестрица?

— Дальше я расскажу вам вечером, если только царь не велит меня казнить,— сказала Шахразада.

Царю очень хотелось услышать продолжение сказки, и он подумал: «Пусть доскажет вечером, а завтра я ее казню».

Утром визирь пришел к царю ни живой ни мертвый от страха. Шахразада встретила его, веселая и довольная, и сказала:

— Видишь, отец, наш царь пощадил меня. Я начала рассказывать ему сказку, и она так понравилась царю, что он позволил мне досказать ее сегодня вечером.

Обрадованный визирь вошел к царю, и они стали заниматься делами государства. Но царь был рассеян — он не мог дождаться вечера, чтобы дослушать сказку.

Как только стемнело, он позвал Шахразаду и велел ей рассказывать дальше. В полночь она кончила сказку.

Царь вздохнул и сказал:

— Жалко, что уже конец. Ведь до утра еще долго.

— О царь,— сказала Шахразада,— куда годится эта сказка в сравнении с той, которую я бы рассказала тебе, если бы ты мне позволил!

— Рассказывай скорей! — воскликнул царь, и Шахразада начала новую сказку.

А когда наступило утро, она опять остановилась на самом интересном месте.

Царь уже и не думал казнить Шахразаду. Ему не терпелось дослушать сказку до конца.

Так было и на другую, и на третью ночь. Тысячу ночей, почти три года, рассказывала Шахразада царю Шахрияру свои чудесные сказки. А когда наступила тысяча первая ночь и она окончила последний рассказ, царь сказал ей:

— О Шахразада, я привык к тебе и не казню тебя, хотя бы ты не знала больше ни одной сказки. Не надо мне новых жен, ни одна девушка на свете не сравнится с тобой.

* * *

Так рассказывает арабская легенда о том, откуда взялись чудесные сказки «Тысячи и одной ночи».

АЛАДДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

В одном персидском городе жил бедный портной Хасан. У него были жена и сын по имени Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец его сказал:

— Пусть мой сын будет портным, как я,— и начал учить Аладдина своему ремеслу.

Но Аладдин не хотел ничему учиться. Как только отец выходил из лавки, Аладдин убегал на улицу играть с мальчишками. С утра до вечера они бегали по городу, гоняли воробьев или забирались в чужие сады и набивали себе животы виноградом и персиками.

Портной и уговаривал сына, и наказывал, но все без толку. Скоро Хасан заболел с горя и умер. Тогда его жена продала все, что после него осталось, и стала прясть хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и сына.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он играл на улице с мальчишками, к ним подошел человек в красном шелковом халате и большой белой чалме. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя: «Вот тот мальчик, которого я ищу. Наконец-то я нашел его!»

Этот человек был магрибинец — житель Магриба*. Он подозвал одного из мальчиков и расспросил его, кто такой Аладдин, где живет. А потом он подошел к Аладдину и сказал:

— Не ты ли сын Хасана, портного?

— Я,— ответил Аладдин.— Но только мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать.

— Знай, Аладдин, я твой дядя,— сказал он.— Я долго пробыл в чужих землях и давно не видел моего брата. Теперь

я пришел в ваш город, чтобы повидать Хасана, а он умер! Я сразу узнал тебя, потому что ты похож на отца.

Потом магрибинец дал Аладдину два золотых и сказал:

— Отдай эти деньги матери. Скажи ей, что твой дядя вернулся и завтра придет к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и рассказал ей все.

— Ты что, смеешься надо мной?! — сказала ему мать.— Ведь у твоего отца не было брата. Откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

— Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! — закричал Аладдин.— Он дал мне эти два золотых. Завтра он придет к нам ужинать!

На другой день мать Аладдина приготовила хороший ужин. Аладдин с утра сидел дома, ожидал дядю. Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Вошел магрибинец, а за ним слуга, который нес на голове большое блюдо со всякими сластями. Войдя в дом, магрибинец поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

— Прошу тебя, покажи мне место, где сидел за ужином мой брат.

— Вот здесь,— сказала мать Аладдина.

Магрибинец принялся громко плакать. Но скоро он успокоился и сказал:

— Не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я уехал отсюда сорок лет назад. Я был в Индии, в арабских землях и в Египте. Я путешествовал тридцать лет. Наконец мне захотелось вернуться на родину, и я сказал самому себе: «У тебя есть брат. Он, может быть, беден, а ты до сих пор ничем не помог ему! Поезжай к своему брату и посмотри, как он живет». Я ехал много дней и ночей и наконец нашел вас. И вот я вижу, что хотя мой брат и умер, но после него остался сын, который будет зарабатывать ремеслом, как его отец.

— Как бы не так! — сказала мать Аладдина.— Я никогда не видела такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Хоть бы ты заставил его помогать матери!

— Не горюй,— ответил магрибинец.— Завтра мы с Аладдином пойдем на рынок, я куплю ему красивый халат и отдам его в ученье к купцу. А когда он научится торговать, я открою для него лавку, он сам станет купцом и разбогатеет... Хочешь быть купцом, Аладдин?

Аладдин весь покраснел от радости и кивнул головой.

Когда магрибинец ушел домой, Аладдин сразу лег спать, чтобы скорее пришло утро. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота встречать дядю. Магрибинец вскоре пришел. Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина хорошенько вымыли, обрили ему голову и напоили

розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повел Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе самую дорогую и красивую одежду: желтый шелковый халат с зелеными полосами, красную шапку и высокие сапоги.

Они с магрибинцем обошли весь рынок, а потом пошли за город, в лес. Был уже полдень, а Аладдин с утра ничего не ел. Он очень проголодался и устал, но ему было стыдно признаться в этом.

Наконец он не выдержал и спросил своего дядю:

— Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь ведь нет ни одной лавки, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только один пустой мешок.

— Видишь вон там, впереди, высокую гору? — сказал магрибинец.— Я хотел отдохнуть и закусить под этой горой. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

— Откуда же ты возьмешь обед? — удивился Аладдин.

— Увидишь,— сказал магрибинец.

Они уселись под высоким густым деревом, и магрибинец спросил Аладдина:

— Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день варила к обеду одно и то же блюдо — бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он сразу ответил:

— Дай мне вареных бобов с маслом!

— А не хочешь ли ты жареных цыплят? — спросил магрибинец.

— Хочу! — обрадовался Аладдин.

— Не хочется ли тебе рису с медом? — продолжал магрибинец.

— Хочется! — закричал Аладдин.— Всего хочется! Но откуда ты возьмешь все это, дядя?

— Из этого мешка,— сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

— Где же цыплята? — спросил Аладдин.

— Вот! — сказал магрибинец. Он засунул руку в мешок и вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами.— А вот и рис с медом, и вареные бобы, вот и виноград, и гранаты, и яблоки!

Магрибинец стал вынимать из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

— Ешь,— сказал магрибинец Аладдину.— В этом мешке есть всякие кушанья. Опусти в него руку и скажи: «Хочу баранины, халвы, фиников», и все это у тебя будет.

— Вот так чудо! — сказал Аладдин.— Хорошо бы моей матери иметь такой мешок!

— Если будешь меня слушаться,— сказал магрибинец,— я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатового соку с сахаром и пойдем дальше.

— Куда? — спросил Аладдин.— Я устал, и уже поздно. Пора домой.

— Нет,— сказал магрибинец,— нам нужно дойти сегодня вон до той горы. А когда мы вернемся домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти, но, услышав про мешок, он тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, идем.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повел к горе. Солнце уже закатилось, и было почти темно. Они шли очень долго и наконец пришли к подножию горы. Аладдину было страшно, он чуть не плакал.

— Набери тонких и сухих сучьев,— сказал магрибинец.— Надо развести костер. Когда он разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину очень захотелось увидеть то, чего никто никогда не видел. Он забыл про усталость и пошел собирать хворост.

Когда костер разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи коробочку и две дощечки и сказал:

— О Аладдин, я хочу сделать тебя богатым и помочь тебе и твоей матери. Исполняй же все, что я тебе скажу.

Он раскрыл коробочку и высыпал из нее в огонь какой-то порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени — желтые, красные и зеленые.

— Слушай внимательно, Аладдин,— сказал магрибинец.— Сейчас я начну читать над огнем заклинания, а когда я кончу, земля предо мной расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьмись за кольцо и подними камень. Под камнем будет лестница, которая ведет в подземелье. Спустись по ней и увидишь дверь. Открой эту дверь и иди вперед. Ты встретишь страшных зверей и чудовищ, но не бойся: как только ты дотронешься до них рукой, чудовища упадут мертвыми. Ты пройдешь три комнаты, а в четвертой увидишь старуху. Она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей до себя дотронуться, иначе ты превратишься в черный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и открой дверь на другом конце сада. За этой дверью будет большая комната, полная золота и драгоценных камней. Возьми оттуда все, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу, которая висит на стене, в правом углу. Когда ты принесешь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. А на обратном пути тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Услышав о страшных зверях и чудовищах, Аладдин очень испугался.

— Дядя,— спросил он магрибинца,— почему ты сам не хочешь спуститься под землю? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

— Нет, нет, Аладдин,— сказал магрибинец,— никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Клад лежит под землей уже много сотен лет, и достанется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Слушайся меня, а не то тебе будет плохо!

Аладдин испугался еще больше и сказал:

— Ну хорошо, я принесу тебе лампу, но только смотри подари мне мешок!

— Подарю! Подарю! — закричал магрибинец.

Он подбросил в огонь еще порошку и начал читать заклинания. Он читал все громче и громче, и когда наконец выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот и земля расступилась перед ними.

— Поднимай камень! — закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом. Он обеими руками ухватился за кольцо, потянул к себе камень и легко поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в глубине ее виднелась узкая лестница. Аладдин сел на край ямы и спрыгнул на первую ступеньку лестницы.

— Ну, иди и возвращайся скорее! — крикнул магрибинец.

Аладдин быстро пошел вниз. Чем ниже он спускался, тем темнее становилось вокруг, но он, не останавливаясь, шел вперед.

Дойдя до последней ступеньки, Аладдин увидел широкую железную дверь. Толкнув ее, он вошел в большую полутемную комнату и вдруг увидел посреди комнаты странного негра в тигровой шкуре. Негр молча бросился на Аладдина, но Аладдин дотронулся до него рукой, и он упал на землю мертвым.

Аладдину было очень страшно, но он пошел дальше. Он толкнул вторую дверь и невольно отскочил: перед ним стоял огромный лев с оскаленной пастью. Лев припал всем телом к земле и прыгнул прямо на Аладдина. Но едва его передняя лапа задела голову мальчика, как лев упал на землю мертвым.

Аладдин от испуга весь вспотел, но все-таки пошел дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипение: посреди комнаты, свернувшись клубком, лежали две огромные змеи. Они подняли головы и, высунув длинные жала, медленно поползли

к Аладдину. Но как только змеи коснулись руки Аладдина своими жалами, их сверкающие глаза потухли и они растянулись на земле мертвыми.

Дойдя до четвертой двери, Аладдин осторожно приоткрыл ее. Он просунул в дверь голову и увидел, что в комнате нет никого, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

— Наконец-то ты пришел, Аладдин, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом темном подземелье!

Аладдин протянул к ней руки: ему показалось, что это его мать. Он хотел уже обнять ее, но вовремя вспомнил, что если он до нее дотронется, то превратится в черный камень. Он отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Подождав немного, он снова приоткрыл ее и увидел, что в комнате уже никого нет.

Аладдин прошел через эту комнату и открыл пятую дверь. Перед ним был прекрасный сад с густыми деревьями и душистыми цветами. На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Они не могли далеко улететь: им мешала тонкая золотая сетка, протянутая над садом. Все дорожки были усыпаны круглыми сверкающими камешками.

Аладдин бросился собирать камешки. Он запихивал их за пояс, за пазуху, в шапку. Он очень любил играть в камешки с мальчишками.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но когда камни некуда было больше класть, он вспомнил про нее и пошел в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье, самая большая. Там лежали кучи золота, серебра и драгоценностей. Но Аладдин даже не посмотрел на них: он не знал цены золоту и дорогим вещам. Он взял только лампу и засунул ее в карман. Затем он пошел обратно к выходу и с трудом взобрался вверх по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он крикнул:

— Дядя, протяни мне руку и возьми мою шапку с камешками, а потом вытащи меня наверх: мне самому не выбраться!

— Дай мне сначала лампу! — сказал магрибинец.

— Я не могу ее достать, она под камнями,— ответил Аладдин.— Помоги мне выйти, и я дам тебе ее.

Но магрибинец не хотел помочь Аладдину. Он хотел получить лампу, а потом бросить Аладдина в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу. Он начал упрашивать Аладдина, но Аладдин ни за что не соглашался отдать ему лампу. Он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю.

Когда магрибинец увидел, что Аладдин не хочет отдать ему лампу, он страшно рассердился и закричал:

— Ах, так ты не отдашь мне лампу? Оставайся в подземелье и умри с голоду!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки, произнес какие-то слова — и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

Этот магрибинец был вовсе не дядя Аладдина: он был злой волшебник и хитрый колдун. Он узнал, что в Персии лежит под землей клад и открыть этот клад может только мальчик Аладдин — сын портного Хасана. Самое лучшее из всех сокровищ клада — это волшебная лампа. Она дает тому, кто возьмет ее в руки, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя.

Долго колдовал магрибинец, пока не узнал, где живет Аладдин и не нашел его.

И вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать ее! А ведь если он выйдет на землю, он может привести сюда других людей, которые тоже захотят завладеть кладом.

Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье!

И магрибинец ушел обратно в свою волшебную страну Иффикию.

Когда земля сомкнулась над Аладдином, он громко заплакал и закричал:

— Дядя, помоги мне! Дядя, выведи меня отсюда, я здесь умру!

Но никто его не слышал и не ответил ему. Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей,— обманщик и лгун. Он побежал вниз по лестнице, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли и выход в сад тоже был закрыт.

Аладдин сел на ступеньки лестницы, опустил голову на руки и заплакал.

Но как только он случайно коснулся лбом кольца, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье, земля задрожала, и перед Аладдином появился страшный джинн* огромного роста. Голова его была как купол, руки — как вилы, ноги — как столбы, а рот — как пещера. Глаза его метали искры, а посреди лба торчал громадный рог.

— Чего ты хочешь? — спросил джинн громовым голосом.— Требуй — получишь!

— Кто ты? Кто ты? — закричал Аладдин, закрывая себе лицо руками, чтобы не видеть страшного джинна.— Пощади меня, не убивай меня!

— Я Дахнаш, глава всех джиннов,— ответил джинн.— Я раб кольца и раб того, кто владеет кольцом. Я исполню все, что прикажет мой господин.

Аладдин вспомнил о кольце, которое должно было его защитить, и сказал:

— Подними меня на поверхность земли.

Не успел он договорить эти слова, как очутился наверху, около входа в подземелье.

Уже настал день, и солнце ярко светило. Со всех ног побежал Аладдин в свой город. Когда он вошел в дом, его мать сидела посреди комнаты и горько плакала. Она думала, что ее сына уже нет в живых. Едва Аладдин захлопнул за собой дверь, как упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему в лицо водой, а когда он очнулся, спросила:

— Где ты пропадал и что с тобой случилось? Где твой дядя и почему ты вернулся без него?

— Это вовсе не мой дядя, это злой колдун,— сказал Аладдин слабым голосом.— Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть.

Мать накормила Аладдина вареными бобами — даже хлеба у нее не было! — и потом сказала:

— А теперь расскажи мне, что с тобой случилось.

— Я был в подземелье и нашел там чудесные камни,— сказал Аладдин и рассказал матери все, что с ним было.

Потом он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка?

— Нет у меня ничего, дитя мое. Ты съел все, что я сварила и на сегодня и на завтра. Я так беспокоилась о тебе, что совсем не могла работать, и у меня нет пряжи, чтобы продать ее на рынке.

— Не горюй, матушка,— сказал Аладдин.— У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать.

Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла ее, осмотрела и сказала:

— Пойду почищу ее и снесу на рынок. Может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля вдруг задрожала и появился ужасный джинн.

Мать Аладдина закричала и упала без памяти. Аладдин услышал крик. Он выбежал во двор и увидел, что мать лежит на земле, лампа валяется с ней рядом, а посреди двора стоит джинн такого огромного роста, что головы его не видно, а туловище заслоняет собой солнце.

Как только Аладдин поднял лампу, раздался громовой голос джинна:

— О владыка лампы, я к твоим услугам! Приказывай — получишь!

Аладдин уже начал привыкать к джиннам и не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джинн его услышал:

— Кто ты, о джинн, и что ты можешь делать?

— Я Маймун Шамхураша! Я раб лампы и раб того, кто владеет лампой,— ответил джинн.— Требуй от меня чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец,— приказывай!

Когда он заговорил, мать Аладдина пришла в себя. Увидя джинна, она снова закричала от ужаса. Но Аладдин приставил руку ко рту и крикнул:

— Принеси мне две жареные курицы да еще что-нибудь хорошее и потом убирайся, а то моя мать тебя боится!

Джинн исчез и скоро принес стол, покрытый прекрасной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с водой.

Аладдин с матерью начали есть и ели, пока не насытились.

— О матушка,— сказал Аладдин, когда они поели,— эту лампу надо беречь и никому не показывать. Она принесет нам счастье и богатство.

— Делай как знаешь,— сказала мать,— но только я не хочу больше видеть этого страшного джинна.

Через несколько дней Аладдину с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял золотое блюдо, пошел на рынок и продал его за сто золотых.

С этих пор Аладдин каждый месяц ходил на рынок и продавал по одному блюду. Он узнал цену дорогим вещам и понял, что каждый камешек, который он подобрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке, вышел на площадь глашатай и закричал:

— Заприте лавки и войдите в дома! Пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдет в баню, и никто не должен видеть ее!

Купцы бросились запирать лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади.

Аладдину очень захотелось поглядеть на царевну. Все в городе говорили, что красивее ее нет девушки на свете. Аладдин быстро прошел в баню и спрятался за дверью так, что никто не мог его увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. Скоро вдали показалась толпа девушек на серых мулах под золотыми седлами. А посреди них медленно ехала девушка, одетая пышнее и наряднее всех других и самая красивая. Это и была царевна Будур.

Она слезла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина,

вошла в баню. А Аладдин побрел домой, тяжко вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она красивее всех девушек,— думал он.— Если я не женюсь на ней, я умру».

Придя домой, он бросился в постель и пролежал до вечера. Когда мать спрашивала его, что с ним, он только махал на нее рукой. Наконец она так пристала к нему, что он не выдержал и сказал:

— О матушка, я хочу жениться на царевне Будур! Пойди к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

— Что ты говоришь! — воскликнула старуха.— Тебе, наверное, напекло солнцем голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов? Поужинай лучше и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах.

— Не хочу ужинать! Хочу жениться на царевне Будур! — закричал Аладдин.— Пожалуйста, матушка, пойди к султану и посватай меня!

— Я еще не сошла с ума, чтобы идти к султану с такой просьбой,— сказала мать Аладдина.

Но Аладдин упрашивал ее до тех пор, пока она не согласилась.

— Ну хорошо, сынок, я пойду,— сказала она.— Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу ему принести хорошего?

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

— Не беспокойся об этом, матушка! Возьми одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принес из подземного сада. Это будет хороший подарок султану. У него, наверно, нет таких камней, как мои.

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой: так ярко сверкали эти камни.

— С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану,— сказал она.— Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чем ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

— Попробуй, матушка,— сказал Аладдин.— Иди поскорее!

Мать Аладдина покрыла блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Как я буду говорить с султаном о таком деле? — думала она.— Кто мы такие, чтобы свататься к дочери султана? Я простая женщина, а мой муж был бедняком, и вдруг Аладдин хочет стать зятем великого султана! Нет, не хватит у меня смелости просить об этом. Конечно, султану, может быть, и понравятся наши драгоценные камни, но у него их, наверно, и так много. Хорошо, если меня только поколотят и выгонят из дивана*. Лишь бы не засадили в подземелье».

Так она говорила про себя, направляясь в диван султана по улицам города. Прохожие с удивлением смотрели на старуху в дырявом платье, которую никто до сих пор не видел около дворца султана. Мальчишки прыгали вокруг и дразнили ее, но старуха ни на кого не обращала внимания.

Она была так бедно одета, что привратники у ворот дворца попробовали даже не пустить ее в диван. Но старуха сунула им монету и проскользнула во двор.

Скоро она пришла в диван и стала в самом дальнем углу. Было еще рано, и в диване никого не было. Но понемногу он наполнился вельможами и знатными людьми в пестрых халатах. Султан пришел позже всех, окруженный неграми с мечами в руках. Он сел на трон и начал разбирать дела и принимать жалобы. Самый высокий раб стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим павлиньим пером.

Когда все дела были кончены, султан махнул платком — это означало: «Конец!» — и ушел, опираясь на плечи негров.

А мать Аладдина вернулась домой, так и не сказав султану ни слова.

На другой день она опять пошла в диван и снова ушла, ничего не сказав султану. Она пошла и на следующий день — и скоро привыкла каждый день ходить в диван.

Наконец султан заметил ее и спросил своего визиря:

— Кто эта старая женщина и зачем она приходит сюда? Спроси, что ей нужно, и я исполню ее просьбу.

Визирь подошел к матери Аладдина и крикнул:

— Эй, старуха, подойди сюда! Если у тебя есть какая-нибудь просьба, султан ее исполнит.

Мать Аладдина задрожала от страха и чуть не выронила из рук блюдо. Визирь подвел ее к султану, и она низко поклонилась ему, а султан спросил ее:

— Почему ты каждый день приходишь сюда и ничего не говоришь? Скажи, что тебе нужно?

Мать Аладдина еще раз поклонилась и сказала:

— О владыка султан! Мой сын Аладдин шлет тебе в подарок эти камни и просит тебя отдать ему в жены твою дочь, царевну Будур.

Она сдернула с блюда платок, и весь диван осветился — так засверкали камни.

— О визирь! — сказал султан.— Видел ли ты когда-нибудь такие камни?

— Нет, о владыка султан, не видал,— отвечал визирь.

Султан очень любил драгоценности, но у него не было ни одного камня, подобного тем, которые прислал ему Аладдин.

Султан сказал:

— Я думаю, что человек, у которого есть такие камни, может быть мужем моей дочери. Как ты думаешь, визирь?

Когда визирь услышал эти слова, он позавидовал Аладдину великой завистью: у него был сын, которого он хотел женить на царевне Будур, и султан уже обещал ему выдать Будур замуж за его сына.

— О владыка султан,— сказал визирь,— не следует отдавать царевну за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней. Пусть он подарит тебе еще сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять. Тогда мы узнаем, богат он или нет.

А про себя визирь подумал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог все это добыть! Аладдин будет бессилен это сделать, и султан не отдаст за него свою дочь».

— Ты хорошо придумал, визирь! — закричал султан и сказал матери Аладдина: — Ты слышала, что говорит визирь? Иди и передай твоему сыну: если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же камнями, сорок невольниц и сорок рабов.

Мать Аладдина поклонилась и вернулась домой.

Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин сказал:

— О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном. Что же он ответил тебе?

— Ах, дитя мое, лучше бы мне не ходить к султану и не говорить с ним! — ответила старуха.— Послушай только, что он мне сказал...

И она передала Аладдину слова султана. Но Аладдин засмеялся от радости и воскликнул:

— Успокойся, матушка, это самое легкое дело!

Он взял лампу и потер ее. Когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джинна. А джинн тотчас появился и сказал:

— О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй — получишь!

— Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценных камней, сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять,— сказал Аладдин.

— Будет исполнено, о господин,— ответил Маймун, раб лампы.— Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец? Приказывай!

— Нет, сделай то, что я тебе сказал,— ответил Аладдин.

И раб лампы скрылся.

Скоро он появился снова. За ним шли сорок прекрасных невольниц. Каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями, а за невольницами шли рослые, красивые рабы с обнаженными мечами в руках.

— Вот то, что ты требовал,— сказал джинн и скрылся.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни и осмотрела рабов и невольниц. Потом, радостная и гордая, она повела их ко дворцу султана.

Весь народ сбежался посмотреть на это шествие. Стража во дворце застыла от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану. Все они поцеловали землю перед султаном и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд.

— О визирь,— сказал султан,— каково твое мнение? Разве не достоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

— Достоин, о владыка! — отвечал визирь, тяжело вздыхая.

— Пойди и передай твоему сыну,— сказал султан матери Аладдина,— что я принял его подарок и согласен выдать за него замуж царевну Будур. Пусть он придет ко мне: я хочу с ним познакомиться.

Мать Аладдина торопливо поклонилась султану и побежала домой так быстро, что ветер не мог бы за ней угнаться. Она прибежала к Аладдину и закричала:

— Радуйся, сынок! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны! Он сказал это при всех! Иди сейчас же во дворец: султан хочет с тобой познакомиться.

— Сейчас я пойду к султану,— сказал Аладдин.— А теперь уходи: я буду разговаривать с джинном.

Аладдин взял лампу, потер ее, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. Аладдин сказал ему:

— Приведи мне сорок восемь белых невольников: это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре — сзади. И еще доставь мне тысячу золотых и самого лучшего коня.

— Будет исполнено,— сказал джинн и скрылся.

Он достал все, что велел ему Аладдин, и спросил:

— Чего ты хочешь еще? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец? Я все могу.

— Нет, пока не надо,— сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану. На рыночной площади, где было много народу, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил его в толпу. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал золото, пока его мешок не опустел. Он подъехал ко дворцу, и все вельможи и приближенные султана встретили его у ворот и проводили в диван. Султан поднялся ему навстречу и сказал:

— Добро пожаловать, Аладдин! Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери? Я согласен. Все ли ты приготовил к свадьбе?

— Нет еще, о владыка султан,— ответил Аладдин.— Я не выстроил для царевны Будур дворца.

— А когда же будет свадьба? — спросил султан.— Ведь дворец скоро не выстроишь.

— Не беспокойся, султан,— сказал Аладдин.— Подожди немного.

— А где ты собираешься построить дворец? — спросил султан.— Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

— Как тебе будет угодно, султан,— ответил Аладдин.

Он простился с султаном и уехал домой вместе со всей своей свитой.

Дома он взял лампу, потер ее и, когда появился джинн Маймун, сказал ему:

— Построй мне дворец, да такой, какого еще не было на земле! Можешь ты это сделать?

— Могу! — воскликнул джинн голосом, подобным грому.— К завтрашнему утру будет готово.

И в самом деле: на следующее утро среди пустыря возвышался великолепный дворец. Стены его были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Аладдин обошел все комнаты и сказал Маймуну:

— Знаешь, Маймун, я придумал одну шутку. Сломай вот эту колонну, и пусть султан думает, что мы забыли ее поставить. Он захочет построить ее сам и не сможет этого сделать. Тогда он увидит, что я сильнее и богаче его.

— Хорошо,— сказал джинн и махнул рукой.

Колонна тотчас исчезла, как будто ее и не было.

— Теперь,— сказал Аладдин,— я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошел к окну и увидел дворец, который так блестел и сверкал, что на него было больно смотреть. Султан приказал позвать визиря и показал ему дворец.

— Ну, визирь, что скажешь? — спросил он.— Достоин ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

— О владыка султан! — закричал визирь.— Разве ты не видишь, что этот Аладдин — колдун? Берегись, как бы он не отобрал у тебя твое царство!

— Ты говоришь все это из зависти,— сказал ему султан.

В это время вошел Аладдин и, поклонившись султану, попросил его осмотреть дворец.

Султан с визирем обошли дворец, и султан очень восхищался его красотой. Наконец Аладдин привел гостей к тому месту, где Маймун сломал колонну. Визирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны, и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

— Не беда,— сказал султан.— Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, султан,— тихо сказал ему визирь,— тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются. И они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, визирь! — гордо сказал султан.— Неужели я не могу поставить одну такую колонну?

Он велел созвать всех каменотесов, какие были в городе, и отдал им свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонну все-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина с царевной Будур. Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

А магрибинец вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Только одно утешение осталось у него. «Раз Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина»,— думал он.

И вот однажды он захотел убедиться, что лампа цела и находится в подземелье. Он погадал на песке и увидел, что лампы в подземелье больше нет. Магрибинец испугался и стал гадать дальше. Он увидел, что Аладдин спасся из подземелья и живет в своем родном городе.

Быстро собрался магрибинец в путь и поехал через моря, горы и пустыни в далекую Персию. Долго ехал он и наконец прибыл в тот город, где жил Аладдин.

Магрибинец пошел на рынок и стал слушать, что говорят люди. На рынке только и было разговоров, что об Аладдине и его дворце.

Магрибинец походил, послушал, а потом подошел к продавцу холодной воды и спросил его:

— Кто такой этот Аладдин, о котором здесь все говорят?

— Сразу видно, что ты нездешний,— ответил продавец,— иначе ты знал бы, кто такой Аладдин: это самый богатый человек во всем мире, а его дворец — настоящее чудо!

Магрибинец протянул продавцу золотой и сказал ему:

— Возьми этот золотой и окажи мне услугу. Я и вправду

чужой в городе, и мне хотелось бы посмотреть на дворец Аладдина. Проводи меня к этому дворцу.

Продавец воды привел магрибинца ко дворцу и ушел, а магрибинец обошел вокруг дворца и осмотрел его со всех сторон.

«Такой дворец мог построить только джинн, раб лампы. Наверно, лампа находится в этом дворце»,— подумал он.

Долго раздумывал магрибинец, как завладеть лампой, и наконец придумал.

Он пошел к меднику и сказал ему:

— Сделай мне десять медных ламп, только поскорее. Вот тебе пять золотых в задаток.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил медник.— Приходи к вечеру, лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких медных ламп, блестевших как золотые. Как только рассвело, он стал ходить по городу, громко крича:

— Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети прыгали вокруг него и кричали:

— Сумасшедший, сумасшедший!

Но магрибинец не обращал на них внимания.

Наконец он пришел ко дворцу. Аладдина в это время не было дома. Он уехал на охоту, и во дворце была только его жена, царевна Будур.

Услышав крик магрибинца, Будур послала слугу узнать, в чем дело. Слуга вернулся и сказал ей:

— Это какой-то сумасшедший: он меняет новые лампы на старые.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

— Хорошо бы узнать, правду он говорит или обманывает. Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

— Есть, госпожа,— сказала одна служанка.— Я видела в комнате господина нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

— Принеси эту лампу,— приказала Будур.— Отдай ее этому сумасшедшему, и пусть он даст нам новую.

Служанка вышла на улицу и отдала магрибинцу волшебную лампу, а взамен получила новенький медный светильник. Магрибинец очень обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Потом он купил на рынке осла и уехал. Выехав за город, магрибинец потер лампу и, когда джинн Маймун явился, крикнул ему:

— Хочу, чтобы ты перенес дворец Аладдина и всех, кто в нем находится, в Ифрикию! И меня тоже перенеси туда!

— Будет исполнено! — сказал джинн.— Закрой глаза и открой глаза — дворец будет в Ифрикии.

— Поторопись, джинн! — сказал магрибинец.

И не успел он договорить, как увидел себя в своем саду в Иффикии, у дворца. Вот пока все, что с ним было.

А султан проснулся утром, выглянул в окно и вдруг видит — дворец исчез. Султан протер глаза и даже ущипнул себя за руку, чтобы проснуться, но дворца нет как нет.

Султан не знал, что и подумать. Он начал громко плакать и стонать. Он понял, что с царевной Будур случилась какая-то беда. На крики султана прибежал визирь и спросил:

— Что с тобой случилось, султан? Чего ты плачешь?

— Разве ты ничего не знаешь? — закричал султан.— Ну так взгляни в окно. Где дворец? Где моя дочь?

— Не знаю, о владыка! — ответил испуганный визирь.

— Привести сюда Аладдина! — закричал султан.— Я отрублю ему голову!

В это время Аладдин как раз возвращался с охоты. Слуги султана вышли на улицу и побежали к нему навстречу.

— Прости нас, Аладдин,— сказал один из них.— Султан приказал связать тебе руки, заковать тебя в цепи и привести к нему. Мы не можем ослушаться султана.

— За что султан рассердился на меня? — спросил Аладдин.— Я не сделал ему ничего дурного.

Позвали кузнеца, и он заковал ноги Аладдина в цепи. Вокруг Аладдина собралась целая толпа. Жители города любили Аладдина за его доброту, и, когда узнали, что султан хочет отрубить ему голову, все сбежались ко дворцу. А султан велел привести Аладдина к себе и сказал ему:

— Правду говорит мой визирь, что ты колдун и обманщик? Где твой дворец и где моя дочь Будур?

— Не знаю, о владыка султан! — ответил Аладдин.— Я ни в чем перед тобой не виноват.

— Отрубить ему голову! — крикнул султан.

И Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану: «Если ты не помилуешь Аладдина, мы разрушим твой дворец и перебьем всех, кто в нем находится. Освободи Аладдина, а не то тебе придется плохо!»

Султан испугался, позвал Аладдина и сказал ему:

— Я пощадил тебя, потому что тебя любит народ. Но если ты не отыщешь мою дочь, я все-таки отрублю тебе голову! Даю тебе сроку сорок дней.

— Хорошо,— сказал Аладдин и ушел из города.

Он не знал, куда ему идти и где искать царевну Будур, и с горя решил утопиться; дошел до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, что с его мизинца падает кольцо. Аладдин быстро

подхватил кольцо и вспомнил, что это то самое колечко, которое надел ему на палец магрибинец.

Аладдин совсем забыл про это кольцо. Он потер его, и перед ним явился джинн Дахнаш и сказал:

— О владыка кольца, я перед тобой! Чего ты хочешь? Приказывай!

— Хочу, чтобы ты перенес мой дворец на прежнее место! — сказал Аладдин.

Но джинн, слуга кольца, опустил голову и ответил:

— О господин, я не могу этого сделать! Дворец построил раб лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня чего-нибудь другого.

— Если так,— сказал Аладдин,— снеси меня туда, где стоит сейчас мой дворец.

— Закрой глаза и открой глаза,— сказал джинн.

Аладдин закрыл и снова открыл глаза. И очутился в саду перед своим дворцом. Он взбежал по лестнице и увидел Будур, которая горько плакала. Увидев Аладдина, она вскрикнула и заплакала еще громче — теперь уже от радости. Она рассказала Аладдину обо всем, что с ней случилось, а затем сказала:

— Этот магрибинец много раз приходил ко мне и уговаривал меня выйти за него замуж. Но я не слушаю злого магрибинца, а все время плачу о тебе.

— А где он спрятал волшебную лампу? — спросил Аладдин.

— Он никогда с ней не расстается и всегда держит при себе,— ответила Будур.

— Слушай, Будур,— сказал Аладдин,— когда магрибинец опять придет к тебе, будь с ним поласковее. Попроси его поужинать с тобой и, когда он начнет есть и пить, всыпь ему в вино вот этот сонный порошок. Как только он заснет, я войду в комнату и убью его.

— Он уже скоро должен прийти,— сказала Будур.— Иди за мной, я тебя спрячу в темной комнате; а когда он уснет, я хлопну в ладоши — и ты войдешь.

Едва Аладдин успел спрятаться, как в комнату Будур вошел магрибинец. Она весело встретила его и приветливо сказала:

— О господин мой, подожди немного. Я принаряжусь, а потом мы с тобой вместе поужинаем.

Магрибинец вышел, а Будур надела свое лучшее платье и приготовила кушанья и вино. Когда колдун вернулся, Будур сказала ему:

— О господин мой, обещай мне исполнить сегодня все, что я у тебя попрошу!

— Хорошо,— сказал магрибинец.

Будур начала его угощать и поить вином. Когда он немного опьянел, она сказала ему:

— Дай мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпей из моего.

И Будур подала магрибинцу кубок вина, в которое она подсыпала сонного порошка. Магрибинец выпил его и сейчас же упал, сраженный сном, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись, отрубил мечом голову магрибинцу. А затем он вынул у него из-за пазухи лампу, потер ее, и сейчас же появился Маймун, раб лампы.

— Отнеси дворец на прежнее место! — приказал ему Аладдин.

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана. Султан в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери. Он сейчас же побежал во дворец своего зятя, где Аладдин с женой встретили его на лестнице, плача от радости.

Султан попросил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову...

Аладдин долго и счастливо жил в своем дворце вместе с женой и матерью, пока не пришла к ним всем смерть.

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Когда-то, очень давно, в одном персидском городе жили два брата — Касим и Али-Баба. Когда умер их отец, они поделили деньги, которые после него остались.

Касим стал торговать на рынке дорогими тканями и шелковыми халатами. Он умел расхваливать свой товар и зазывать покупателей, и в его лавке всегда толпилось много народу. Касим все больше и больше богател и, когда накопил много денег, женился на дочери главного судьи, которую звали Фатима.

А Али-Баба не умел торговать и наживать деньги, и женат он был на бедной девушке по имени Зейнаб. Они быстро истратили почти все, что у них было, и однажды Зейнаб сказала:

— Слушай, Али-Баба, нам скоро будет нечего есть. Надо тебе что-нибудь придумать, а то мы умрем с голоду.

— Хорошо,— ответил Али-Баба,— я подумаю, что нам делать.

Он вышел в сад, сел под дерево и стал думать. Долго думал Али-Баба и наконец придумал. Он взял оставшиеся деньги, пошел на рынок и купил двух ослов, топор и веревку.

А на следующее утро он отправился за город, на высокую гору, поросшую густым лесом, и целый день рубил дрова. Вечером Али-Баба связал дрова в вязанки, нагрузил ими своих ослов и вернулся в город. Он продал дрова на рынке и купил хлеба, мяса и зелени. С тех пор Али-Баба каждое утро уезжал на гору и до самого вечера рубил дрова, а потом продавал их на рынке и покупал хлеб и мясо для себя и для Зейнаб.

И вот однажды он стоял под высоким деревом, собираясь его срубить, и вдруг заметил, что на дороге поднялась пыль до самого неба. А когда пыль рассеялась, Али-Баба увидал, что прямо на него мчится отряд всадников, одетых в панцири и кольчуги; к седлам были привязаны копья, а на поясах сверкали длинные острые мечи. Впереди скакал на высокой белой лошади одноглазый человек с черной бородой.

Али-Баба очень испугался. Он быстро влез на вершину дерева и спрятался в его ветвях. А всадники подъехали к тому месту, где он только что стоял, и сошли на землю. Каждый их них снял с седла тяжелый мешок и взвалил его себе на плечи; потом они стали в ряд, ожидая, что прикажет Одноглазый — их атаман.

«Что это за люди и что у них в мешках? — подумал Али-Баба.— Наверное, это воры и разбойники».

Он пересчитал людей, и оказалось, что их ровно сорок человек, не считая атамана. Атаман встал впереди своих людей и повел их к высокой скале, в которой была маленькая дверь из стали; она так заросла травой и колючками, что ее почти не было видно.

Атаман остановился перед дверью и громко крикнул:

— Симсим, открой дверь!

И вдруг дверь в скале распахнулась, атаман вошел, а за ним вошли его люди, и дверь опять захлопнулась за ними.

«Вот чудо! — подумал Али-Баба.— Ведь симсим-то — это простое растение. Я знаю, что из его семян выжимают масло, но я не знал, что оно может открывать двери!»

Али-Бабе очень хотелось посмотреть поближе на волшебную дверь, но он так боялся разбойников, что не осмелился слезть с дерева.

Прошло немного времени, и вдруг дверь снова распахнулась и сорок разбойников вышли с пустыми мешками. Как и прежде, одноглазый атаман шел впереди. Разбойники привязали к седлам пустые мешки, вскочили на коней и ускакали. Тогда Али-Баба, который уже устал сидеть, скорчившись на дереве, быстро спустился на землю и подбежал к скале.

«А что будет, если я тоже скажу: «Симсим, открой дверь»? — подумал он.— Откроется дверь или нет? Попробую!»

Он набрался храбрости, вдохнул побольше воздуху и во весь голос крикнул:

— Симсим, открой дверь!

И тотчас же дверь распахнулась перед ним и открылся вход в большую пещеру.

Али-Баба вошел в пещеру, и, как только он переступил порог, дверь снова захлопнулась за ним. Али-Бабе стало немного страшно: а вдруг дверь больше не откроется и ему нельзя будет выйти? Но он все же пошел вперед, с удивлением осматриваясь по сторонам.

К сказке «Синдбад-Мореход».

Он увидел, что находится в большой комнате и у стен стоит множество столиков, уставленных золотыми блюдами под серебряными крышками. Али-Баба почувствовал вкусный запах кушаний и вспомнил, что с утра ничего не ел. Он подошел к одному столику, снял крышки с блюд, и у него потекли слюнки: на блюдах лежали все кушанья, каких только можно пожелать: жареные куры, рисовый пилав, блинчики с вареньем, халва, яблоки и еще много других вкусных вещей.

Али-Баба схватил курицу и мигом обглодал ее. Потом принялся за пилав, а покончив с ним, отломил халвы, но уже не мог съесть ни кусочка — до того он был сыт. Отдохнув немного, он осмотрелся и увидал вход в другую комнату. Али-Баба вошел туда и зажмурил глаза. Комната вся сверкала и блестела — так много было в ней золота и драгоценностей. Золотые динары и серебряные дирхемы грудами лежали прямо на земле, словно камни на морском берегу. Драгоценная посуда — кубки, подносы, блюда, украшенные дорогими каменьями,— стояла по всем углам. Кипы шелка и тканей — китайских, индийских, сирийских, египетских — лежали посреди комнаты; по стенам висели острые мечи и длинные копья, которых хватило бы на целое войско.

У Али-Бабы разбежались глаза, и он не знал, за что ему взяться: то примерит красный шелковый халат, то схватит золотой поднос и смотрится в него, как в зеркало, то наберет в пригоршню золотых монет и пересыпает их.

Наконец он немного успокоился и сказал себе: «Эти деньги и драгоценности, наверное, награблены, и сложили их сюда разбойники, которые только что здесь были. Эти богатства не принадлежат им, и если я возьму себе немножко золота, в этом не будет ничего дурного. Ведь его здесь столько, что не счесть».

Али-Баба подоткнул полы халата и, встав на колени, стал подбирать золото. Он нашел в пещере два пустых мешка, наполнил их динарами, притащил к двери и крикнул:

— Симсим, открой дверь!

Дверь тотчас же распахнулась. Али-Баба вышел из пещеры, и дверь захлопнулась за ним. Колючие кусты и ветви переплелись и скрыли ее от глаз. Ослы Али-Бабы паслись на лужайке. Али-Баба взвалил на них мешки с золотом, прикрыл их сверху дровами и поехал домой. Когда он вернулся, уже была ночь и встревоженная Зейнаб ждала его у ворот.

— Что ты делал в лесу так долго? — спросила она.— Я думала, что тебя растерзали волки или гиены. Отчего ты привез дрова домой, а не продал их?

— Сейчас все узнаешь, Зейнаб,— сказал Али-Баба.— Помоги-ка мне внести в дом эти мешки и не шуми, чтобы нас не услышали соседи.

Зейнаб молча взвалила один из мешков себе на спину и они

с Али-Бабой вошли в дом. Зейнаб плотно прикрыла за собой дверь, зажгла светильник и развязала мешок.

Увидя золото, она побледнела от страха и крикнула:

— Что ты наделал, Али-Баба? Кого ты ограбил?

— Не тревожься, Зейнаб,— сказал Али-Баба.— Я никого не ограбил и сейчас расскажу тебе, что со мною сегодня случилось.

Он рассказал ей про разбойников и пещеру и, окончив свой рассказ, сказал:

— Смотри, Зейнаб, спрячь это золото и не говори о нем никому. Люди подумают, что мы и вправду кого-нибудь ограбили, и донесут на нас султану, и тогда он отнимет у нас все золото и посадит нас в подземелье. Давай выкопаем яму и спрячем в ней золото.

Они вышли в сад, выкопали при свете луны яму, сложили все золото, а потом опять забросали яму землей.

Покончив с этим делом, Али-Баба лег спать. Зейнаб тоже легла, но еще долго ворочалась с боку на бок и думала: «Сколько же золота привез Али-Баба? Как только рассветет, я пересчитаю все монетки, до последней!»

На следующее утро, когда Али-Баба, как всегда, уехал на гору, Зейнаб побежала к яме, раскопала ее и принялась пересчитывать динары. Но их было так много, что Зейнаб не могла сосчитать. Она не очень хорошо считала и все время сбивалась. Наконец это ей надоело, и она сказала себе: «Лучше я возьму меру и перемеряю золото. Вот только меры у меня нет. Придется попросить у Фатимы».

А Касим с Фатимой жили в соседнем доме. Зейнаб сейчас же побежала к ним. Вошла в сени и сказала Фатиме:

— Сделай милость, одолжи мне ненадолго меру. Я сегодня же верну ее тебе.

— Хорошо,— ответила Фатима,— но моя мера у соседки. Сейчас я схожу за ней и дам ее тебе. Подожди здесь в сенях. У тебя ноги грязные, а я только что постлала чистые циновки.

Все это Фатима выдумала. И мерка, которой меряли крупу, висела на своем месте — в кухне, над очагом,— и циновок она не меняла уже дней десять. На самом деле ей просто очень хотелось узнать, для чего Зейнаб вдруг понадобилась мерка,— ведь Фатима хорошо знала, что в доме у Али-Бабы давно уже нет никакой крупы. А спрашивать Зейнаб она не желала: пусть Зейнаб не воображает, что Фатима интересуется ее делами. И она придумала способ узнать не спрашивая. Она вымазала дно мерки медом, а потом вынесла ее Зейнаб и сказала:

— На, возьми. Только смотри не забудь возвратить ее в целости и не позже чем к закату солнца. Мне самой нужно мерять чечевицу.

— Спасибо тебе, Фатима,— сказала Зейнаб и побежала домой.

Она выгребла из ямы все золото и начала торопливо его мерять, все время оглядываясь по сторонам.

Золота оказалось десять мер и еще полмеры.

Зейнаб вернула мерку Фатиме и ушла, поклонившись ей до земли. Фатима сейчас же схватила мерку и заглянула в нее. И вдруг она увидела: ко дну мерки прилип какой-то маленький светлый кружочек. Фатима запустила руку в мерку и вынула кружочек. Это был новенький золотой динар.

Фатима не верила своим глазам. Она повертела монету между пальцами и даже попробовала ее на зуб — не фальшивая ли? Но динар был самый настоящий, из чистого золота.

— Так вот какая это крупа! — закричала Фатима.— Они такие богачи, что Зейнаб даже меряет золото мерой. Наверное, они кого-нибудь ограбили, а сами притворяются бедняками. Скорее бы Касим вернулся из лавки! Я непременно все расскажу ему. Пусть пойдет к Али-Бабе и пригрозит ему хорошенько. Али-Баба, наверное, поделится с ним.

Фатима весь день просидела у ворот, ожидая Касима. Когда стало смеркаться, Касим вернулся из лавки, и Фатима, не дав ему даже снять тюрбан, закричала:

— Слушай, Касим, какая у меня новость! Твой брат Али-Баба прикидывается бедняком, а он, оказывается, богаче нас с тобой!

— Что ты выдумала! — рассердился Касим.— Богаче меня нет никого на нашей улице да и во всем квартале. Недаром меня выбрали старшиной рынка.

— Ты мне не веришь! — обиделась Фатима.— Ну так скажи: как ты считаешь деньги, когда подсчитываешь по вечерам выручку?

— Обыкновенно считаю,— ответил Касим.— Складываю в кучи динары и дирхемы и пересчитываю. А как насчитаю сотню, загибаю палец, чтобы не ошибиться. Да что ты такие глупости спрашиваешь?

— Нет, не глупости! — закричала Фатима.— Ты вот считаешь динары на десятки и сотни, а Зейнаб, жена твоего брата, считает мерами. Вот что она оставила в моей мерке!

И Фатима показала ему динар, который прилип ко дну мерки.

Касим осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Пусть меня не зовут Касимом, если я не допытаюсь, откуда у Али-Бабы взялись деньги. Хитростью или силой, но я отберу их у него!

И он сейчас же отправился к своему брату.

Али-Баба только что вернулся с горы и отдыхал на каменной скамье перед домом. Он очень обрадовался Касиму и сказал:

— Добро пожаловать, Касим! Ты не часто бываешь у меня. Что привело тебя ко мне сегодня, да еще в такой поздний час?

— Добрый вечер, брат мой,— важно сказал Касим.— Меня привела к тебе большая обида.

— Обида? — удивился Али-Баба.— Чем же мог я, бедный дровосек, обидеть старшину рынка?

— Ты теперь богаче меня,— сказал Касим.— Ты меряешь золото мерами. Вот что моя жена нашла на дне мерки, которую она дала твоей жене Зейнаб. Не обманывай меня: я все знаю! Почему ты скрыл от меня, что разбогател? Наверное, ты кого-нибудь ограбил?

Али-Баба понял, что Касим проведал его тайну, и решил во всем признаться.

— О брат мой,— сказал он,— я вовсе не хотел тебя обманывать! Я только потому ничего тебе не рассказал, что боялся воров и разбойников, которые могут тебя убить.

И он рассказал Касиму про пещеру и про разбойников. Потом протянул брату руку и сказал:

— О брат мой, мы с тобой оба сыновья одного отца и одной матери. Давай же делить пополам все, что я привезу из пещеры. Я знаю, как туда войти и как уберечься от разбойников. Возьми себе половину денег и сокровищ — этого хватит тебе на всю жизнь.

— Не хочу половину, хочу все деньги! — закричал Касим и оттолкнул руку Али-Бабы.— Говори скорее, как войти в пещеру, а если не скажешь, я донесу на тебя султану, и он велит отрубить тебе голову!

— Зачем ты грозишь мне султаном! — сказал Али-Баба.— Поезжай, если хочешь, в пещеру, но только тебе все равно не увезти все деньги и сокровища. Даже если бы ты целый год возил из пещеры золото и серебро, не отдыхая ни днем, ни ночью,— и тогда ты не увез бы и половины того, что там есть.

Он рассказал Касиму, как найти пещеру, и велел ему хорошо запомнить слова: «Симсим, открой дверь!»

— Не забуду,— сказал Касим.— Симсим... симсим... Это, кажется, растение вроде конопли. Буду помнить.

На следующее утро Касим оседлал десять мулов, взвалил на каждого мула по два больших сундука и отправился в лес. Он пустил своих мулов пастись на опушке леса, отыскал дверь в скале и, встав перед нею, закричал изо всех сил:

— Эй, симсим, открой дверь!

Дверь распахнулась, Касим вошел, и дверь снова захлопнулась за ним.

Касим увидел пещеру, полную сокровищ, и совсем потерял голову от радости. Он заплясал на месте, потом бросился вперед и стал хватать все, что попадалось под руку: охапки дорогих тканей, куски золота, кувшины и блюда, потом бросал их и срывал со стен золотые мечи и щиты, хватал пригоршнями деньги и совал их за пазуху. Так он метался по пещере целый час, но никак не

мог забрать всего, что там было. Наконец он подумал: «У меня времени много. Буду выносить отсюда мешок за мешком, пока не нагружу всех мулов, а потом приеду еще раз. Я буду ездить сюда каждый день, пока не заберу все, до последней монетки!»

Он схватил мешок с деньгами и поволок его к двери.

Дверь была заперта.

Касим хотел произнести волшебные слова, которые открывали дверь, но вдруг оказалось, что он позабыл их. Он помнил только, что надо сказать название какого-то растения.

И он крикнул:

— Горох, открой дверь!

Но дверь не открылась. Касим испугался. Он подумал и крикнул опять:

— Пшеница, открой дверь!

Дверь и не шевельнулась. Касим от страха уже ничего не мог вспомнить и выкрикивал названия всех растений, какие знал:

— Овес, открой дверь!

— Конопля, открой дверь!

— Ячмень, открой дверь!

Но дверь не открывалась.

Касим понял, что ему никогда больше не выбраться из пещеры. Он сел на мешок с золотом и заплакал.

В это время разбойники ограбили богатых купцов, отобрали у них много золота и дорогих товаров. Они решили все это спрятать в пещере. Подъезжая к лесу, атаман заметил на опушке мулов, которые мирно щипали траву.

— Что это за мулы? — сказал атаман.— К их седлам привязаны сундуки. Наверно, кто-нибудь разузнал про нашу пещеру и хочет нас ограбить!

Он приказал разбойникам не шуметь и, подойдя к двери, тихо произнес:

— Симсим, открой дверь!

Дверь отворилась, и разбойники увидели Касима, который старался спрятаться за мешок с деньгами. Атаман бросился вперед, взмахнул саблей и отрубил Касиму голову.

Разбойники оставили тело Касима в пещере, а сами переловили мулов и, погнав их перед собой, ускакали.

А Фатима весь день просидела у окна — все ждала, когда покажутся мулы с сундуками, полными золота. Но время проходило, а Касима все не было. Фатима прождала день, прождала ночь, а утром с плачем прибежала к Али-Бабе.

Али-Баба сказал:

— Не тревожься, Фатима. Я сейчас сам поеду на гору и узнаю, что случилось с Касимом.

Он тотчас же сел на осла и поехал в лес, прямо к пещере.

И как только вошел в пещеру — увидел, что его брат лежит мертвый на мешках с деньгами.

Али-Баба вынес тело Касима из пещеры, положил его в мешок и печальный поехал домой. «Вот до чего довела Касима жадность! — думал Али-Баба.— Если бы он согласился разделить со мной деньги и не захотел забрать себе все, он и сейчас был бы жив».

Али-Баба устроил Касиму пышные похороны, но никому не сказал, как погиб его брат. Фатима говорила всем, кто провожал Касима на кладбище, что ее мужа растерзали в лесу дикие звери.

Когда Касима похоронили, Али-Баба сказал Фатиме:

— Знаешь что, Фатима, продай мне твой дом, и будем жить вместе. Тогда и мне не придется строить новый дом, и тебе не так страшно будет жить одной. Хорошо?

— О Али-Баба,— сказала Фатима,— мой дом — твой дом, и все, что у меня есть, принадлежит тебе. Позволь только мне жить с вами — больше мне ничего не нужно.

— Ну вот и хорошо,— сказал Али-Баба, и они с Зейнаб и Фатимой зажили вместе.

Али-Баба еще несколько раз ездил в пещеру и вывез оттуда много золота, драгоценных одежд, ковров и посуды.

Каждый день у него на кухне готовилась пища не только для него самого, Зейнаб и Фатимы, но и для всех его бедных соседей, которым нечего было есть. А когда соседи благодарили его, он говорил:

— Приходите и завтра и приводите с собой всех бедняков. А благодарить не за что. Я угощаю вас на деньги моего брата Касима, которого съели на горе волки. Он ведь был человек богатый.

Скоро все бедняки и нищие стали приходить к дому Али-Бабы к обеду и ужину, и жители города очень его полюбили.

Вот что было с Али-Бабой, Зейнаб и Фатимой.

Что же касается разбойников, то они через несколько дней опять приехали к пещере и увидели, что тело их врага исчезло, а мешки с деньгами разбросаны по земле.

— В нашу пещеру опять кто-то заходил! — вскричал атаман.— Недавно я убил одного врага, но, оказывается, их несколько. Пусть не буду я Хасан Одноглазый, если я не убью всякого, кто хочет поживиться нашей добычей! Храбрые разбойники, найдется ли среди вас смельчак, который не побоится отправиться в город и разыскать нашего обидчика? Пусть не берется за это дело трус или слабый. Только хитрый и ловкий может исполнить его.

— О атаман,— сказал один из разбойников,— никто, кроме меня, не пойдет в город и не выследит нашего врага. Недаром зовут меня Ахмед Сорвиголова. А если я не найду его, делай со мной что хочешь.

— Хорошо, Ахмед,— сказал атаман.— Даю тебе один день сроку. Если ты найдешь нашего врага, я назначу тебя своим

помощником, а если не найдешь — лучше не возвращайся: я отрублю тебе голову.

— Будь спокоен, атаман, не пройдет дня, как ты узнаешь, где найти своего врага,— сказал Ахмед.— Ждите меня сегодня к вечеру здесь в лесу.

Он сбросил с себя разбойничье платье, надел синий шелковый халат, красные сафьяновые сапоги и тюбетейку и пошел в город.

Было раннее утро. Рынок был еще пуст, и все лавки были закрыты. Только старый башмачник сидел под своим навесом и, разложив инструменты, ждал заказчиков.

Ахмед Сорвиголова подошел к нему и, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, дядюшка! Как ты рано вышел на работу! Если бы я не увидел тебя, мне пришлось бы еще долго ждать, пока откроется рынок.

— А что тебе нужно? — спросил старый башмачник, которого звали Мустафа.

— Я чужой в вашем городе,— ответил Ахмед.— Только сегодня ночью я пришел сюда и ждал до рассвета, пока открыли городские ворота. В этом городе жил мой брат, богатый купец. Я пришел к нему из далеких стран, чтобы повидать его, и, подходя к городу, услышал, что его нашли в лесу мертвым. Теперь я не знаю, как отыскать его родных, чтобы поплакать о нем вместе с ними.

— Ты говоришь, твой брат был богатый купец? — спросил башмачник.— В нашем городе недавно хоронили одного купца, и я был на похоронах. Жена купца говорила, что его растерзали волки, но я слышал от одного человека, что это неправда и что этого купца на самом деле младший брат нашел в лесу убитым, без головы, и тайком привез домой в мешке.

Ахмед Сорвиголова очень обрадовался. Он понял, что этот богатый купец и есть тот человек, которого убил атаман в пещере.

— Ты можешь меня провести к его дому? — спросил Ахмед башмачника.

— Могу,— ответил башмачник.— Но только как же мне быть с работой? Вдруг кто-нибудь придет на рынок и захочет заказать мне туфли, а меня не будет на месте?

— Вот тебе динар,— сказал Ахмед.— Возьми его за убытки, а когда ты покажешь мне дом моего брата, я дам тебе еще динар.

— Спасибо тебе за твою щедрость! — воскликнул обрадованный Мустафа.— Чтобы заработать этот динар, мне нужно целый месяц ставить на туфлях заплатки. Пойдем!

И башмачник привел Ахмеда к дому, где жил Касим.

— Вот дом, где жил убитый купец. Здесь поселился теперь его брат,— сказал Мустафа.

«Его-то мне и надо!» — подумал Ахмед. Он дал Мустафе динар, и Мустафа ушел, кланяясь и благодаря.

Все дома в этом городе были обнесены высокими стенами, так что на улицу выходили только ворота. Запомнить незнакомый дом было нелегко.

«Надо отметить этот дом, чтобы потом узнать его»,— решил Ахмед.

Он вытащил из кармана кусок мела и поставил на воротах дома крестик. А потом пошел обратно.

«Теперь я запомню этот дом и приведу к нему завтра моих товарищей... Быть мне помощником атамана!» — радовался он.

Только что Ахмед успел уйти, как из дома вышла служанка Али-Бабы по имени Марджана, девушка умная и храбрая. Она собралась идти на рынок за хлебом и мясом к обеду. Закрывая калитку, она обернулась и вдруг увидела на воротах крестик, нарисованный мелом.

«Кто это вздумал пачкать наши ворота? — подумала она.— Наверное, уличные мальчишки... Нет, крест слишком высоко. Его нарисовал взрослый человек, и этот человек задумал против нас злое дело. Он хочет запомнить наш дом, чтобы нас убить или ограбить. Надо мне сбить его с толку».

Марджана вернулась домой, вынесла кусок мела, поставила кресты на всех соседних домах и ушла по своим делам.

А разбойник прибежал в пещеру и крикнул:

— Слушай, атаман! Слушайте все! Я нашел дом нашего врага и отметил его крестом. Завтра я вам покажу его.

— Молодец, Ахмед Сорвиголова! — сказал атаман.— Завтра к утру будьте все готовы. Мы спрячем под халаты острые ножи и пойдем с Ахмедом к дому нашего врага.

— Слушаем и повинуемся тебе, атаман,— сказали разбойники, и все стали поздравлять Ахмеда с удачей.

А Ахмед Сорвиголова ходил гордый и говорил:

— Вот увидите, я буду помощником атамана!

Он всю ночь не спал, дожидаясь утра, и, как только рассвело, вскочил и разбудил разбойников. Они надели широкие бухарские халаты, белые чалмы и туфли с загнутыми носками, спрятали под халаты ножи и пошли в город. И все, кто их видел, говорили:

— Это бухарцы. Они пришли в наш город и осматривают его.

Впереди всех шли Ахмед с атаманом. Долго водил Ахмед своих товарищей по городу и наконец отыскал нужную улицу.

— Смотрите,— сказал он,— вот этот дом. Видите, на воротах крест.

— А вот еще крест,— сказал другой разбойник.— В каком же доме живет наш враг?

— Да вон и на том доме крест! И на этом! И здесь крест!

Да тут на всех домах кресты! — закричали вдруг остальные разбойники.

Атаман рассердился и сказал:

— Что это значит? Кто-то перехитрил тебя, Ахмед! Ты не выполнил поручение, и не придется тебе больше с нами разбойничать. Я сам отрублю тебе голову!

И когда они вернулись в лес, жестокий атаман отрубил голову Ахмеду. А потом сказал:

— Кто еще возьмется отыскать дом нашего врага? У кого хватит храбрости? Пусть не пробует это сделать ленивый или слабый!

— Позволь мне попытаться, о атаман! — сказал один из разбойников, Мухаммед Плешивый.— Я человек старый, и меня так легко не проведешь. А если я не выполню поручение — казни меня так же, как ты казнил Ахмеда.

— Иди, Мухаммед,— сказал атаман.— Буду тебя ждать до завтрашнего вечера. Но смотри: если ты не найдешь и не покажешь мне дом нашего врага, тебе не будет пощады.

На следующее утро Мухаммед Плешивый отправился в город. Ахмед рассказывал разбойникам про Мустафу, и Мухаммед пошел прямо на рынок, к старому башмачнику. Он повел с ним такой же разговор, как и Ахмед, и пообещал ему два динара, если Мустафа покажет ему дом убитого купца. И Мустафа, обрадованный, довел его до самых ворот.

«Придется и мне как-нибудь отметить дом»,— подумал Мухаммед. Он взял кусок кирпича, валявшийся на дороге, и нарисовал на воротах маленький крестик в правом верхнем углу.

«Здесь его никто не увидит, кроме меня,— подумал он.— Побегу скорее за атаманом и приведу его сюда».

И он быстро пошел обратно к своим товарищам.

А Марджана как раз возвращалась с рынка. Увидев, что от ворот их дома крадучись отошел какой-то человек и побежал по дороге, она сообразила, что тут что-то неладно. Марджана подошла к воротам, внимательно осмотрела их и увидела в правом верхнем углу маленький красный крестик.

«Так вот, значит, кто ставит кресты на наших воротах! — подумала Марджана.— Подожди же, я тебя перехитрю».

Она подняла с земли кусок кирпича и поставила такие же кресты на воротах всех домов их улицы.

— Ну-ка, попробуй теперь найти наш дом! — воскликнула она.— Тебе это так же не удастся, как вчера.

А Мухаммед Плешивый всю дорогу бежал не останавливаясь и наконец вошел в пещеру, еле переводя дух.

— Идемте скорее! — крикнул он.— Я так отметил этот дом, что уж теперь нашему врагу не уйти. Собирайтесь же скорее, не мешкайте!

Разбойники завернулись в плащи и пошли вслед за Мухамме-

дом. Они очень торопились, чтобы дойти до города засветло, и пришли туда перед самым закатом солнца. Найдя знакомую улицу, Мухаммед Плешивый подвел атамана к самым большим и красивым воротам и указал ему пальцем на маленький красный крестик в правом верхнем углу ворот.

— Видишь,— сказал он,— вот моя отметка.

— А это чья? — спросил один из разбойников, который остановился у соседних ворот.— Тут тоже нарисован крестик.

— Какой крестик? — закричал Мухаммед.

— Красный,— ответил разбойник.— И на тех воротах точно такой же. И напротив — тоже. Пока ты показывал атаману свой крестик, я осмотрел все соседние ворота.

— Что же, Мухаммед,— сказал атаман,— и тебя, значит, перехитрили? Хоть ты и хороший разбойник, а слова не сдержал. Пощады тебе не будет!

И Мухаммед погиб так же, как и Ахмед. И стало в шайке атамана не сорок, а тридцать восемь разбойников.

«Надо мне самому взяться за это трудное дело,— подумал атаман.— Мои люди хорошо сражаются, воруют и грабят, но они не годятся для хитростей и обмана».

И вот на следующее утро Хасан Одноглазый, атаман разбойников, вошел в город сам. Торговля на рынке была в полном разгаре. Он нашел Мустафу-башмачника и, присев рядом с ним, сказал:

— О дядюшка, почему ты такой печальный? Работы, что ли, мало?

— Работы у меня уже давно нет,— ответил башмачник.— Я бы, наверно, умер с голоду, если бы судьба не послала мне помощь. Позавчера рано утром пришел ко мне один щедрый человек и рассказал, что он ищет родных своего брата. А я знал, где дом его брата, и показал ему дорогу, и чужеземец подарил мне целых два динара. Вчера ко мне пришел другой чужеземец и опять спросил меня, не знаю ли я его брата, который недавно умер. Я привел его к тому же самому дому и опять получил два динара. А сегодня вот уже полдень, но никто ко мне не пришел. Видно, у покойника нет больше братьев.

Услышав слова Мустафы, атаман горько заплакал и сказал:

— Какое счастье, что я встретил тебя! Я третий брат этого убитого. Я пришел из далекой страны и только вчера узнал, что моего старшего брата убили. Нас было пятеро братьев, и мы все жили в разных странах, и вот теперь мы сошлись в вашем городе, но только для того, чтобы найти нашего брата мертвым. Отведи же меня к его дому, и я дам тебе столько же, сколько дали мои братья.

— Хорошо! — радостно сказал старик.— А больше у него нет братьев?

— Нет,— ответил атаман, тяжело вздыхая.— Нас было пятеро, а теперь стало только четверо.

— Жалко, что вас так мало! — сказал старый Мустафа и тоже вздохнул.— Идем.

Он привел атамана к дому Касима, получил свою плату и ушел. А атаман сосчитал и хорошо запомнил, сколько ворот от угла улицы до этого дома, так что ему не нужно было отмечать ворота. Потом он вернулся к своим товарищам и сказал:

— О разбойники, я придумал одну хитрость! Если она удастся, мы убьем нашего врага и отберем все богатства, которые он увез из пещеры. Слушайте же меня и исполняйте все, что я прикажу.

И он велел одному из разбойников пойти в город и купить двадцать сильных мулов и сорок кувшинов для масла.

А когда разбойник привел мулов, нагруженных кувшинами, атаман приказал разбойникам влезть в кушины. Он сам прикрыл кувшины пальмовыми листьями и обвязал травой, а сверху проткнул дырочки для воздуха, чтобы люди не задохнулись. А в оставшиеся два кувшина налил оливкового масла и вымазал им остальные кувшины, чтобы люди думали, что во всех кувшинах налито масло.

Сам атаман надел платье богатого купца и погнал мулов в город.

Наступал вечер, уже темнело. Атаман направился к дому Касима и увидел, что у ворот сидит веселый и приветливый человек. Это был Али-Баба.

Атаман подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли.

— Добрый вечер, почтенный купец! — сказал он.— Я чужеземец, из далекой страны. Я привез запас дорогого масла и надеялся продать его в вашем городе. Но мои мулы устали от долгого пути и шли медленно. Когда я вошел в город, уже наступил вечер и все лавки закрылись. Я обошел весь город, чтобы найти ночлег, но никто не хотел пустить к себе чужеземца. И вот я прошел мимо тебя и увидел, что ты человек приветливый и радушный. Не позволишь ли ты мне провести у тебя одну ночь? Я сложу свои кувшины на дворе, а завтра рано утром увезу их на рынок и продам. А потом я уеду обратно в мою страну и буду всем рассказывать о твоей доброте.

— Входи, чужеземец,— сказал Али-Баба.— У меня места много. Расседлай мулов и задай им корму, а потом мы будем ужинать... Эй, Марджана, посади собак на цепь, чтобы они не искусали нашего гостя!

— Благодарю тебя, о почтенный купец! — сказал атаман разбойников.— Пусть исполнятся твои желания, как ты исполнил мою просьбу.

Он ввел своих мулов во двор и разгрузил их у стены дома, осторожно снимая кувшины, чтобы не ушибить разбойников. А потом нагнулся к кувшинам и прошептал:

— Сидите тихо и не двигайтесь. Ночью я выйду к вам и сам поведу вас в дом.

И разбойники шепотом ответили из кувшинов:

— Слушаем и повинуемся, атаман!

Атаман вошел в дом и поднялся в комнату, где уже был приготовлен столик для ужина. Али-Баба ждал его, сидя на низенькой скамейке, покрытой ковром. Увидев гостя, он крикнул Марджане:

— Эй, Марджана, прикажи зажарить курицу и приготовить побольше блинчиков с медом! Я хочу, чтобы мой гость был доволен нашим угощением.

— Слушаю и повинуюсь,— сказала Марджана.— Я приготовлю все это сама, своими руками.

Она побежала на кухню, живо замесила тесто и только что собралась печь блинчики, как вдруг увидела, что масло все вышло и жарить не на чем.

— Вот беда! — закричала Марджана.— Как же теперь быть? Уже ночь, масла нигде не купишь. И у соседей не достанешь, все давно спят. Вот беда!

Вдруг она хлопнула себя по лбу и сказала:

— Глупая я! Говорю, что нет масла, а здесь, под окном, стоят сорок кувшинов с маслом. Я возьму немного у нашего гостя, а завтра чуть свет куплю масла на рынке и долью кувшин.

Она зажгла светильник и вышла во двор. Ночь была темная, пасмурная. Все было тихо, только мулы у колодца фыркали и звенели уздечками.

Марджана высоко подняла светильник над головой и подошла к кувшинам. И как раз случилось так, что ближайший кувшин был с маслом. Марджана открыла его и стала переливать масло в котел.

А разбойникам уже очень надоело сидеть в кувшинах скрючившись. У них так болели кости, что они не могли больше терпеть. Услышав шаги Марджаны, они подумали, что это атаман пришел за ними, и один из них тихо сказал:

— Наконец-то ты пришел, атаман! Скорее позволь нам выйти из этих проклятых кувшинов и дай расправиться с хозяином этого дома, нашим врагом.

Марджана, услышав голос из кувшина, чуть не упала от страха и выронила светильник. Но она была умная и храбрая девушка и сразу поняла, что торговец маслом — злодей и разбойник, а в кувшинах сидят его люди и что Али-Бабе грозит страшная смерть.

Она подошла к тому кувшину, из которого послышался голос, и шепнула:

— Скоро придет пора. Молчи, а то тебя услышат собаки. Их на ночь спустили с цепи.

Потом она подошла к другому кувшину и спросила:

— Кто тут?

— Я, Хасан,— ответил голос из кувшина.

— Будь готов, Хасан, скоро я освобожу тебя.

Так она обошла все кувшины и узнала, что в тридцати восьми кувшинах сидят разбойники и только в два кувшина налито масло.

Марджана схватила котел с маслом, побежала на кухню и нагрела масло на огне так, что оно закипело. Потом вышла во двор и плеснула кипящим маслом в кувшин, где сидел разбойник. Тот не успел и крикнуть — сразу умер. Покончив с одним врагом, Марджана принялась за других. Она кипятила масло на огне и обливала им разбойников, пока не убила всех. А затем она взяла сковородку и нажарила много румяных блинчиков, красиво уложила их на серебряное блюдо, облила маслом и понесла наверх, в комнату, где сидели Али-Баба и его гость.

Али-Баба не переставал угощать атамана разбойников, и скоро тот так наелся, что еле мог двигаться. Он лежал на подушках, сложив руки на животе, и тяжело дышал. Али-Баба увидел, что гость сыт, и захотел повеселить его. Он крикнул Марджане:

— Эй, Марджана, спляши для нашего гостя самую лучшую из твоих плясок!

— Слушаю и повинуюсь, господин,— ответила Марджана с поклоном.— Позволь мне только пойти и взять покрывало, потому что я буду плясать с покрывалом.

— Иди и возвращайся,— сказал Али-Баба.

Марджана убежала к себе в комнату, завернулась в вышитое покрывало и спрятала под ним острый кинжал. А потом она возвратилась и стала плясать.

Али-Баба и атаман разбойников смотрели на нее и качали головами от удовольствия.

И вот Марджана посреди танца стала все ближе и ближе подходить к атаману. И вдруг она, как кошка, прыгнула на него и, взмахнув кинжалом, вонзила его в сердце разбойника. Разбойник громко вскрикнул и умер.

Али-Баба остолбенел от ужаса. Он подумал, что Марджана сошла с ума.

— Горе мне! — закричал он.— Что ты наделала, безумная? В моем доме убит чужеземец! Стыд и позор на мою голову!

Марджана опустилась на колени и сказала:

— Выслушай меня, господин, а потом делай со мной что хочешь. Если я виновата, убей меня, как я убила его.

И она рассказала Али-Бабе, как она узнала о разбойниках и как погубила их всех.

Али-Баба сразу понял, что это те самые разбойники, которые приезжали к пещере и убили Касима.

Он поднял Марджану с колен и громко закричал:

— Вставай, Зейнаб, и разбуди Фатиму! Нам грозила страшная смерть, а эта смелая и умная девушка спасла всех нас!

Зейнаб и Фатима сейчас же прибежали и крепко обняли Марджану, а Али-Баба сказал:

— Ты не будешь больше служанкой, Марджана. С этого дня ты будешь жить вместе с нами, как наша родная сестра.

И с этих пор они жили спокойно и счастливо, пока не пришла к ним смерть.

СКАЗКА О РЫБАКЕ

Жил-был когда-то давно один рыбак. У него были жена и трое детей. Целый день он ловил рыбу, а вечером продавал ее на рынке и покупал хлеб и мясо для своей семьи. И каждый день он закидывал сеть три раза — не больше.

И вот однажды утром он положил на плечо свою сеть, взял корзину и пошел ловить рыбу. Он поставил корзину на берег, засучил рукава и закинул сеть как можно дальше в море. Когда сеть погрузилась в воду, рыбак осторожно потянул ее назад и почувствовал, что сеть тяжелая.

«В нее, наверно, попало много рыбы»,— подумал рыбак. Когда он вытянул сеть на берег и развернул ее, то увидел, что в сети запутался мертвый осел и сеть вся порвана.

«Вот чудо! — подумал рыбак.— Я уже много лет ловлю здесь рыбу, но ни разу мне в сеть не попадался осел».

Рыбак кое-как починил сеть и еще раз закинул ее в море.

Когда сеть погрузилась в воду, он попробовал ее вытянуть, но опять сеть была тяжелая, тяжелей, чем в первый раз.

Наконец он втащил сеть на берег и развернул ее и нашел в ней черепки, осколки стекла и кости.

— Горе мне! — закричал рыбак и ударил рукой об руку.— Кажется, в море подохла вся рыба. Закину сеть еще, в последний раз, и если ничего не поймаю, придется мне вернуться домой без рыбы.

И снова закинул рыбак свою сеть в море и дождался, пока она погрузилась в воду. Он начал ее вытягивать, но сеть никак не поддавалась.

«Она, верно, зацепилась, за что-нибудь»,— подумал рыбак. Он быстро разделся, вошел в воду и нырнул. Долго пришлось ему биться над сетью, пока он не отцепил ее. А когда он вытащил сеть на берег, в ней оказался большой медный кувшин, запечатанный свинцовой печатью.

Рыбак обрадовался и сказал сам себе: «Посмотрю, что такое в этом кувшине, и продам его. На рынке медников мне за него могут дать, пожалуй, золотой».

Он вынул из-за пазухи нож и попробовал сорвать печать, но она плотно пристала к горлышку кувшина и не поддавалась. Наконец рыбаку удалось открыть кувшин, и он наклонил его. Но из кувшина ничего не вылилось.

— Он пустой! А я-то думал, в нем золото! — воскликнул рыбак и поставил кувшин прямо.

И вдруг из кувшина пошел густой дым. Он поднимался все выше и выше и наконец дошел до самых облаков. И когда дым весь вышел из кувшина, дым этот превратился в огромное чудовище, у которого ноги были на земле, а голова — в небе.

Руки у него были длинные, до самых пяток, пальцы — крючковатые, с когтями как у льва. Ноги его, точно столбы, вросли в землю, во рту, широком, как городские ворота, торчали длинные острые зубы, из ноздрей валил дым, а из глаз летели искры. И голова — огромная, точно купол,— качалась из стороны в сторону. И вдруг этот великан закричал страшным голосом, от которого загудело все вокруг:

— Слушай, рыбак! Сейчас я тебя обрадую.

Рыбак со страху упал на землю. У него во рту пересохло и зубы громко застучали. Полежав немного, он поднял голову и спросил:

— Чем же ты меня обрадуешь, о джинн?

— Тем, что убью тебя сию же минуту.

— О начальник джиннов, не убивай меня! — закричал рыбак.— Я ведь только что вытащил тебя со дна моря.

— За то, что ты меня вытащил, я окажу тебе милость: выбирай, какой смертью хочешь умереть. Что тебе приятнее: чтобы я тебя разорвал, повесил или утопил в море?

— За что ты меня убиваешь? — спросил рыбак.

— Послушай мою историю, о рыбак,— сказал джинн.

— Рассказывай, да поскорей, а то мне страшно на тебя смотреть,— ответил рыбак.

— Знай, рыбак,— сказал джинн,— что я был стражником у царя ифритов. Однажды я ослушался царя, и царь велел посадить меня в этот кувшин и бросить в море. Я пролежал в море сто лет и сказал: «Тому, кто освободит меня, я дам много денег». Но никто не освободил меня. Когда прошло еще сто лет, я сказал: «Тому, кто освободит меня, я исполню все желания». Но опять никто не освободил меня. Прошло еще пятьсот лет, и я сказал: «Тому, кто освободит меня, я открою сокровища земли». Но я пролежал в кувшине еще тысячу лет, и никто не освободил меня. Тогда я очень рассердился и сказал сам себе: «Всякого, кто меня освободит, я убью и дам ему выбрать, какой смертью умереть». И вот ты освободил меня — выбирай же, как тебе умереть.

Когда рыбак услышал слова ифрита, он громко заплакал и сказал:

— Помилуй меня за то, что я освободил тебя из кувшина.

— Я потому и хочу убить тебя, что ты меня освободил,— сказал ифрит.

И тогда рыбак подумал: «Это — ифрит, а я — человек, и у меня есть разум, который поможет мне перехитрить ифрита».

— О ифрит,— сказал он,— если уж ты непременно хочешь меня убить, ответь мне сначала на один вопрос.

— Спрашивай скорей, мне некогда,— отвечал ифрит.

— Ты говоришь,— сказал рыбак,— что твой царь велел посадить тебя в этот кувшин. Но кувшин маленький, а ты большой. Как же ты уместился в этом кувшине?

— Так ты не веришь, что я был в кувшине и пролежал на дне моря столько лет? — закричал ифрит.

— Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя в кувшине своими глазами,— отвечал рыбак.

— Клянусь тебе, что я был в этом кувшине!

— Не клянись,— сказал рыбак,— все равно я тебе не поверю.

— Хочешь, я тебе докажу, что я был в кувшине? — сказал ифрит.

— Хочу,— ответил рыбак.

Ифрит поднял одну ногу и опустил ее в кувшин.

— Смотри, рыбак: вот моя нога в кувшине,— сказал он.

— А вторая? — закричал рыбак.

Ифрит поднял другую ногу и сунул ее в кувшин.

— Теперь обе ноги вместе в кувшине. Ты поверил? — спросил он рыбака.

— А колени куда ты денешь? — крикнул рыбак.

— Я покажу тебе,— ответил ифрит и опустился в кувшин по пояс.— Теперь ты веришь?

— А живот и грудь, в которых двадцать четвертей высоты, куда ты их денешь? — продолжал рыбак.

— О несчастный! — крикнул ифрит.— Ты все еще не веришь?

И он опустился в кувшин по шею, а рыбак сказал:

— Я еще вижу эту голову, большую, как купол. Для нее-то и не хватит места.

— Если я скроюсь в кувшине с головой, ты поверишь? — спросил ифрит.

— Поверю,— сказал рыбак.

И ифрит сунул голову в кувшин, и, как только он это сделал, рыбак быстро схватил печать, плотно закрыл горлышко кувшина и покатил его по песку к морю.

— Что ты хочешь сделать, рыбак? — закричал джинн.

— Я хочу бросить тебя в море, где ты уже пролежал столько лет,— сказал рыбак.

— Не надо! — крикнул ифрит.

Но рыбак продолжал толкать кувшин к морю и говорил:

— Я сброшу тебя на дно моря и сяду на берегу. А когда кто-нибудь придет сюда с сетями, я скажу: не ловите рыбу в этом месте. Здесь — ифрит. Всякому, кто его вытащит, он предлагает выбрать, какой смертью умереть.

— Выпусти меня, я окажу тебе милость,— сказал ифрит.

— Ты лжешь, проклятый! — закричал рыбак.— Если я тебя выпущу, ты сделаешь со мной то же, что сделал царь Юнан с врачом Дубаном.

— А кто такие царь Юнан и врач Дубан? — спросил ифрит.

— Слушай, я тебе расскажу,— ответил рыбак.

Был в одном персидском городе царь, которого звали царь Юнан. У него было много денег, войск и телохранителей, но все тело было у него в пятнах, и ни один врач не мог его вылечить. Царь Юнан целые дни пил лекарства, глотал порошки и мазался мазями, но болезнь все не проходила, и приближенные царя решили, что он уже не поправится.

И вот однажды пришел в город царя Юнана старый, седой врач по имени Дубан. Он прочитал все врачебные книги — арабские, персидские и греческие, и не было такой болезни, которую он не мог бы вылечить. Врач Дубан скоро услышал, что царь Юнан очень болен. Тогда он раскрыл свои книги и читал их целый день и целую ночь, а потом он вынул из своей сумки разные мази и травы и приготовил из них лекарство. Когда лекарство было готово, врач Дубан взял палку и выдолбил ее и положил лекарство в эту палку, а к палке он приделал сверху круглую ручку.

И когда наступило утро, врач Дубан пошел во дворец и сказал царю Юнану:

— О царь, вот уже много лет, как ты лечишься от своей болезни, а она все не проходит. Хочешь, я тебя вылечу?

— Хочу,— сказал царь.— А когда это будет? Поторопись, врач, мне уже очень надоело лечиться.

— Это будет завтра,— ответил врач Дубан.— Только смотри, слушайся меня и делай все, что я тебе скажу. Иди и ложись спать. Спи весь день и всю ночь, а утром выезжай на поле, где играют в мяч, и жди меня.

Царь проспал день, проспал ночь, а утром сел на коня и выехал в поле.

Врач Дубан тоже скоро пришел. Он подал царю палку с круглой ручкой и сказал:

— Возьми эту палку и бей по мячу изо всей силы. Гоняйся за мячом на своем коне, пока не вспотеешь, и все время сжимай ручку палки как можно сильней. Когда ты вспотеешь, лекарство разойдется по твоему телу — и ты поправишься.

Царь послушался врача Дубана и стал гоняться по полю за мячом. Когда его конь выбился из сил и царь сам чуть не упал с седла от усталости, врач Дубан сказал:

— Теперь довольно. Слезай с коня, сходи в баню и ложись спать. А когда проснешься — будешь здоров.

И правда, когда царь проснулся на следующее утро и вышел из своей спальни, тело у него было чистое и блестящее, как серебро,— без единого пятнышка. Все приближенные царя удивились искусству врача Дубана, а царь Юнан призвал его к себе и сказал:

— Теперь ты мой самый лучший друг. Проси чего хочешь.

— Мне ничего не надо,— сказал врач.— Позволь мне только видеть тебя и с тобой разговаривать.

— Приходи ко мне каждый день обедать,— сказал царь.

Он дал врачу много денег и подарил ему чистокровного коня и шелковый халат, весь расшитый золотом. И врач сел на коня и уехал.

С тех пор он каждый день приезжал во дворец к царю Юнану, и царь сажал его рядом с собой на трон. Врач Дубан стал для него дороже всех приближенных, и он советовался с ним обо всех своих делах.

А у царя был визирь — Махмуд Плешивый, злой и завистливый человек. Он позавидовал врачу Дубану и решил его погубить. И вот как-то раз после обеда, когда врач Дубан только что уехал, этот Махмуд Плешивый пришел к царю и сказал:

— О царь, ты оказал мне много милостей, и я должен дать тебе совет.

— Говори скорей,— сказал царь.

— О царь,— продолжал визирь,— ты каждый день зовешь к себе врача Дубана и обедаешь с ним. А этот врач — злодей, и он хочет тебя убить.

— Это ты напрасно говоришь, визирь,— сказал царь.— Разве ты не видел, как врач Дубан меня вылечил? У меня нет друга дороже этого врача. Завтра я дам ему еще халат и десять кошельков золота.

— Опомнись, о царь! — сказал визирь.— Этот Дубан вылечил тебя палкой, которую ты подержал в руке, а завтра он, может быть, убьет тебя чем-нибудь, что ты понюхаешь. Вот тебе мой совет: когда врач к тебе придет, вели палачу отрубить ему голову. Тогда ты избавишься от этого врача и спасешься от смерти.

— Ты это все говоришь из зависти,— сказал царь.— Врач Дубан — мой лучший друг, и если я его убью, то буду раскаиваться, как раскаивался царь, когда убил сокола.

— А как это было? — спросил визирь.

— Слушай, я тебе расскажу,— сказал царь Юнан.— Один

царь очень любил охотиться. Он приручил сокола, чтобы пускать его вдогонку за дичью, и этот сокол всегда сидел у него на руке. А на шее у царя висела чашка, и он поил из нее своего сокола, когда соколу хотелось пить.

И вот однажды рано утром пришел к царю главный сокольничий и говорит:

«О царь, пора ехать на охоту».

Царь велел своим приближенным выезжать и сам сел на коня и поехал впереди всех. Охотники ехали до самого полдня и наконец приехали в одно место, где водилось много газелей. Царь велел своим людям встать в круг и растянуть сеть, и вдруг в сеть попалась газель.

«Всякого, кто упустит эту газель, я убью своими руками!» — закричал царь.

И вдруг газель подошла к царю и встала перед ним на задние ноги, а передние сложила на груди и низко поклонилась царю. Царь так удивился, что нагнул голову и тоже поклонился газели, и вдруг газель перескочила через голову царя и убежала.

«Лови ее, лови!» — закричал царь и поднял голову и увидел, что все охотники переглядываются и смеются.

«Чего вы смеетесь?» — спросил царь.

И один из охотников выступил вперед и сказал:

«О царь, ты говорил, что убьешь всякого, кто упустит газель, но ты сам упустил ее».

«Пусть я не буду царем,— закричал царь,— если я не поймаю эту газель! Ждите меня здесь и не двигайтесь».

Он вскочил на коня и погнался за газелью и скакал до тех пор, пока не настиг ее. Он спустил с руки своего сокола, и сокол ударил газель крыльями по голове и ослепил ее. Тогда царь сошел с коня и зарезал эту газель.

А день был жаркий, и царю очень хотелось пить, и коню его тоже. Он осмотрелся и увидел, что находится на высокой горе, где нет ни одного ручейка. Прямо перед ним росло дерево, а с дерева капала вода, похожая на масло.

Царь снял с шеи чашку и сошел с коня и, набрав в чашку этой воды, поставил ее перед конем. И вдруг сокол ударил по чашке крылом и расплескал воду.

Царь подумал, что птица тоже хочет пить, и еще раз набрал полную чашку воды. Он поставил ее перед соколом, но сокол опять опрокинул чашку ударом крыла. «Скверная птица! — закричал царь.— Ты лишила воды и себя и моего коня».

Снова наполнил он водой чашку и хотел выпить сам, но сокол вдруг закричал, захлопал крыльями и выбил чашку из рук царя. Царь очень рассердился, взмахнул мечом и отрубил соколу крылья. А сокол стал махать головой и показывать клювом на дерево. Царь поднял голову и увидел, что на верхушке дерева сидит змея и с дерева капает не вода, а змеиный яд. И вдруг сокол

громко закричал, раскрыл клюв и умер. И царь пожалел, что убил сокола, который спас ему жизнь, и горько заплакал, но помочь горю было уже нельзя...

Так и я буду раскаиваться, если послушаюсь тебя и убью врача Дубана, который вылечил меня от болезни. Уходи же с моих глаз, о визирь, и не давай мне больше таких советов.

— О царь,— сказал визирь,— врач не сделал мне ничего дурного, и я советую тебе его убить только из жалости к тебе. Если ты доверишься этому врачу, он убьет тебя и сядет вместо тебя на трон. Ведь он вылечил тебя чем-то, что ты взял в руки, и, может быть, он тебя убьет чем-нибудь, что ты понюхаешь.

Царь испугался — а вдруг это и правда так будет? — и сказал:

— Ты прав, о визирь! Если врач вылечил меня палкой, которую я взял в руки, то он может меня убить чем-нибудь, что я понюхаю. Но как же мне с ним поступить?

— Пошли за ним сейчас же,— сказал визирь,— и когда он придет, отруби ему голову. Обмани его раньше, чем он тебя обманет.

— Ты правильно говоришь,— сказал царь и послал за врачом.

Врач сейчас же пришел, радостный и довольный, не зная, какая его ждет беда.

— Знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил его царь Юнан.

— Нет, не знаю. Никто не знает неизвестного,— ответил Дубан.

— Я позвал тебя, чтобы убить,— сказал царь.

Врач Дубан горько заплакал и сказал царю Юнану:

— Что же я тебе сделал и за что ты хочешь меня убить?

— Мне говорили,—сказал царь Юнан,— что ты пришел в мое царство для того, чтобы погубить меня. И вот я убью тебя раньше, чем ты меня убьешь. Ты вылечил меня палкой, которую я взял в руку, и убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем-нибудь другим.

— Пощади меня, не убивай! — сказал врач Дубан.

Но царь воскликнул:

— Тебя непременно нужно убить!

— О царь,— сказал один из приближенных,— подари мне жизнь этого врача и не убивай его. Он не сделал тебе ничего дурного и вылечил тебя от болезни, когда никто не мог тебя вылечить.

— Этот врач пришел, чтобы меня погубить. Так сказал мой визирь Махмуд Плешивый! — закричал царь.— Эй, палач, отруби ему голову!

— Если уж ты решил меня убить,— сказал врач Дубан царю Юнану,— дай мне отсрочку до утра. Отпусти меня домой, и я

подарю тебе все свои книги. А среди них есть такая книга, какой нет ни у одного царя.

— Хорошо,— сказал царь.— Ступай домой, а завтра утром принеси мне книгу.

Царь Юнан целую ночь ворочался с боку на бок и не мог заснуть, до того ему не терпелось увидеть книгу, которую обещал ему подарить врач. Едва рассвело, царь вскочил с постели и закричал:

— Привести сюда врача Дубана!

И врача привели под охраной двух стражников. В руках у него была книга и горшочек с порошком.

— Давай сюда твою книгу! — закричал царь.

— Подожди, о царь,— сказал врач,— потерпи еще немного. Вели принести большое блюдо.

— Эй, блюдо поскорей! — крикнул царь, и двое слуг бегом бросились из комнаты и принесли блюдо.

Тогда врач Дубан высыпал на блюдо порошок из горшочка, разровнял его и сказал:

— О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока мне не отрежут голову. А когда меня казнят, поставь мою голову на блюдо и прикажи ее натереть этим порошком. Потом раскрой книгу и спрашивай что хочешь. Моя голова ответит на все вопросы.

Царь очень удивился и весь затрясся от любопытства. Он махнул рукой, и палач отрубил голову врачу Дубану. И когда голову поставили на блюдо, она вдруг открыла глаза и сказала:

— О царь, раскрой книгу и переверни от начала десять листков.

Царь раскрыл книгу и хотел перевернуть листок, но листки слиплись и пристали друг к другу. Царь послюнил палец и перевернул один листок, и другой, и третий, и когда царь Юнан дошел до десятого листка, он вдруг зашатался и побледнел.

— В этой книге — яд! — закричал царь.— Меня отравили!

А голова врача Дубана пошевелила губами и сказала:

— Я тебя вылечил, а ты меня убил. Я просил пощады, а ты не пощадил. Вот наказание за твою жестокость.

И как только голова Дубана произнесла эти слова, царь сейчас же упал мертвый...

— Так и ты, о ифрит, хотел меня убить, хотя я оказал тебе услугу и вытащил тебя со дна моря. А теперь я опять сброшу тебя туда.

— О рыбак,— закричал ифрит,— не делай этого! Если я был злодеем, то будь ты благодетелем. Обещаю тебе, что я тебе не сделаю зла и научу тебя, как разбогатеть.

Долго упрашивал ифрит рыбака, и наконец рыбак согласился.

громко закричал, раскрыл клюв и умер. И царь пожалел, что убил сокола, который спас ему жизнь, и горько заплакал, но помочь горю было уже нельзя...

Так и я буду раскаиваться, если послушаюсь тебя и убью врача Дубана, который вылечил меня от болезни. Уходи же с моих глаз, о визирь, и не давай мне больше таких советов.

— О царь,— сказал визирь,— врач не сделал мне ничего дурного, и я советую тебе его убить только из жалости к тебе. Если ты доверишься этому врачу, он убьет тебя и сядет вместо тебя на трон. Ведь он вылечил тебя чем-то, что ты взял в руки, и, может быть, он тебя убьет чем-нибудь, что ты понюхаешь.

Царь испугался — а вдруг это и правда так будет? — и сказал:

— Ты прав, о визирь! Если врач вылечил меня палкой, которую я взял в руки, то он может меня убить чем-нибудь, что я понюхаю. Но как же мне с ним поступить?

— Пошли за ним сейчас же,— сказал визирь,— и когда он придет, отруби ему голову. Обмани его раньше, чем он тебя обманет.

— Ты правильно говоришь,— сказал царь и послал за врачом.

Врач сейчас же пришел, радостный и довольный, не зная, какая его ждет беда.

— Знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил его царь Юнан.

— Нет, не знаю. Никто не знает неизвестного,— ответил Дубан.

— Я позвал тебя, чтобы убить,— сказал царь.

Врач Дубан горько заплакал и сказал царю Юнану:

— Что же я тебе сделал и за что ты хочешь меня убить?

— Мне говорили,—сказал царь Юнан,— что ты пришел в мое царство для того, чтобы погубить меня. И вот я убью тебя раньше, чем ты меня убьешь. Ты вылечил меня палкой, которую я взял в руку, и убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем-нибудь другим.

— Пощади меня, не убивай! — сказал врач Дубан.

Но царь воскликнул:

— Тебя непременно нужно убить!

— О царь,— сказал один из приближенных,— подари мне жизнь этого врача и не убивай его. Он не сделал тебе ничего дурного и вылечил тебя от болезни, когда никто не мог тебя вылечить.

— Этот врач пришел, чтобы меня погубить. Так сказал мой визирь Махмуд Плешивый! — закричал царь.— Эй, палач, отруби ему голову!

— Если уж ты решил меня убить,— сказал врач Дубан царю Юнану,— дай мне отсрочку до утра. Отпусти меня домой, и я

подарю тебе все свои книги. А среди них есть такая книга, какой нет ни у одного царя.

— Хорошо,— сказал царь.— Ступай домой, а завтра утром принеси мне книгу.

Царь Юнан целую ночь ворочался с боку на бок и не мог заснуть, до того ему не терпелось увидеть книгу, которую обещал ему подарить врач. Едва рассвело, царь вскочил с постели и закричал:

— Привести сюда врача Дубана!

И врача привели под охраной двух стражников. В руках у него была книга и горшочек с порошком.

— Давай сюда твою книгу! — закричал царь.

— Подожди, о царь,— сказал врач,— потерпи еще немного. Вели принести большое блюдо.

— Эй, блюдо поскорей! — крикнул царь, и двое слуг бегом бросились из комнаты и принесли блюдо.

Тогда врач Дубан высыпал на блюдо порошок из горшочка, разровнял его и сказал:

— О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока мне не отрежут голову. А когда меня казнят, поставь мою голову на блюдо и прикажи ее натереть этим порошком. Потом раскрой книгу и спрашивай что хочешь. Моя голова ответит на все вопросы.

Царь очень удивился и весь затрясся от любопытства. Он махнул рукой, и палач отрубил голову врачу Дубану. И когда голову поставили на блюдо, она вдруг открыла глаза и сказала:

— О царь, раскрой книгу и переверни от начала десять листков.

Царь раскрыл книгу и хотел перевернуть листок, но листки слиплись и пристали друг к другу. Царь послюнил палец и перевернул один листок, и другой, и третий, и когда царь Юнан дошел до десятого листка, он вдруг зашатался и побледнел.

— В этой книге — яд! — закричал царь.— Меня отравили!

А голова врача Дубана пошевелила губами и сказала:

— Я тебя вылечил, а ты меня убил. Я просил пощады, а ты не пощадил. Вот наказание за твою жестокость.

И как только голова Дубана произнесла эти слова, царь сейчас же упал мертвый...

— Так и ты, о ифрит, хотел меня убить, хотя я оказал тебе услугу и вытащил тебя со дна моря. А теперь я опять сброшу тебя туда.

— О рыбак,— закричал ифрит,— не делай этого! Если я был злодеем, то будь ты благодетелем. Обещаю тебе, что я тебе не сделаю зла и научу тебя, как разбогатеть.

Долго упрашивал ифрит рыбака, и наконец рыбак согласился.

Он открыл кувшин, дым пошел вверх и опять превратился в ифрита, и как только ифрит вышел из кувшина, он сейчас же пихнул кувшин ногой и сбросил в море.

Тут рыбак до того испугался, что весь задрожал, но ифрит рассмеялся и сказал:

— Иди за мной.

И рыбак пошел сзади ифрита, не веря, что спасся, и шел до тех пор, пока они не вышли за город. Они поднялись на гору и спустились в широкую долину, и вдруг рыбак увидел перед собой пруд, которого никогда не видел раньше.

— Посмотри на этот пруд,— сказал ифрит, и рыбак посмотрел и увидел, что в пруду много рыб разного цвета — белых, красных, голубых и желтых.

— Что это за пруд и почему рыбы в нем разноцветные? — спросил рыбак.

— О рыбак, закинь твою сеть,— сказал ифрит.

И рыбак закинул сеть в пруд и вытащил ее и вдруг видит — в сети четыре рыбы: белая, красная, голубая и желтая.

— О рыбак,— сказал ифрит,— снеси эту рыбу во дворец к царю, и царь даст тебе за нее столько денег, что тебе хватит на всю жизнь. Приходи сюда каждый день и лови рыбу, но закидывай сеть не больше чем три раза. А теперь — прощай и извини меня, если я тебя чем-нибудь обидел.

Ифрит ударил ногой о землю, и земля под ним расступилась и поглотила его. А рыбак вернулся домой, положил рыбу в лоханку и понес ее к царю, как велел ему ифрит.

Он пришел во дворец и показал рыбу. Царь очень удивился: он никогда раньше не видел таких рыб.

— О визирь,— сказал он,— отдай этих рыб новой стряпухе, которую мне недавно подарил царь румов. Пусть она их изжарит, и мы увидим, хорошо ли она стряпает.

— Слушаю и повинуюсь,— сказал визирь и повел рыбака на кухню. Он отдал рыбу стряпухе, и стряпуха, увидев этих рыб, тоже очень удивилась.

— О девушка,— сказал визирь,— царь хочет испытать твое искусство. Изжарь же этих рыб как следует.

И потом визирь вернулся к царю, а царь велел ему заплатить рыбаку четыреста золотых динаров — по сто динаров за каждую рыбу. И рыбак положил деньги за пазуху и вернулся домой радостный и счастливый.

А стряпуха вычистила рыбу, поставила сковороду на огонь и положила рыбу жариться. Когда рыба поджарилась с одной стороны, стряпуха хотела ее перевернуть, но едва она дотронулась до рыбы, как стена кухни вдруг раздвинулась, и из нее вышла молодая женщина с зеленой веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыбы, и рыба превратилась в уголь, а потом эта женщина ушла, и стена снова сдвинулась.

Стряпуха до того испугалась, что упала на пол без памяти. А очнувшись, она увидела, что вся рыба сгорела.

— Что теперь будет! — закричала стряпуха.— Царь хотел меня испытать, а я сожгла рыбу.— И она опять упала на пол без чувств.

А тут как раз вошел в кухню визирь.

Он увидел, что стряпуха лежит на полу, и толкнул ее ногой, и тогда она пришла в себя и рассказала ему все, как было.

— Это удивительное дело,— сказал визирь.

Он сейчас же послал за рыбаком и, когда рыбака привели, закричал:

— О рыбак, принеси мне еще четыре такие же рыбы — белую, красную, голубую и желтую!

Рыбак пошел к пруду, закинул сеть и вытянул ее и вдруг видит: в сеть опять попались четыре рыбы — белая, красная, голубая и желтая. Он принес этих рыб визирю и получил за них четыреста динаров, а визирь пошел на кухню и сказал стряпухе:

— Возьми этих рыб и изжарь их при мне, чтобы я увидел, что будет.

И девушка приготовила рыбу и бросила ее на сковородку. И когда рыба поджарилась с одной стороны, стена кухни раздвинулась, и из нее вышла та же самая женщина с веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыб, и все рыбы сгорели, а женщина перевернула сковородку и ушла, а стена снова сдвинулась.

— Такое дело нельзя скрывать от царя! — закричал визирь.— Царь должен видеть это своими глазами.

И визирь бегом побежал к царю, путаясь в полах халата, и рассказал ему обо всем, что он видел.

— Ко мне рыбака, сию же минуту! — закричал царь, и когда рыбака привели, царь велел ему принести еще четыре разноцветные рыбы и приставил к нему трех стражников, чтобы рыбак не убежал.

Рыбак в третий раз пошел к пруду и принес еще четыре такие же рыбы. Тогда царь сказал своему визирю:

— Я сам изжарю их и посмотрю, что будет.

Он засучил рукава, повязал себе вокруг пояса полотенце, взял в руки нож и вычистил рыбу. Потом он нагрел масло на сковороде и положил рыбу в масло, и вдруг масло поднялось и вспенилось, и от него пошел густой дым. Царь так испугался, что выронил нож и присел на землю, и вдруг стена раздвинулась, и из нее опять вышла женщина. В правой руке у нее был меч, а в левой — две змеи. Змеи были покрыты такими иглами, как у ежа; изо рта у них шел синий дым.

Женщина закричала в лицо царю, и царь упал на спину от страха, а женщина сказала ему:

— Посмотри на меня хорошенько и запомни мое лицо. Если

ты еще раз будешь ловить мою рыбу, я превращу твой город в море и всех твоих воинов в рыб.

Потом она опять закричала на царя, и царь лишился чувств, а когда он очнулся, то не увидел ни рыбы, ни сковороды, ни женщины, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

Царь выбежал из кухни и закричал своему визирю:

— Приведи сюда рыбака, да поскорее!

Стражники побежали за рыбаком и привели его, а рыбак дрожал от страха и не рад был, что принес царю разноцветных рыб.

— Эй, рыбак, откуда эти рыбы? — спросил его царь.

— Из пруда в долине между четырех гор,— отвечал рыбак.

— А сколько дней пути до этого пруда?

— Пути полчаса, о владыка, наш царь.

И царь удивился: он не знал, что так близко от его города есть пруд с разноцветными рыбами. Он велел своим приближенным садиться на коней и сам сел на коня, и они поехали. А рыбак шел впереди и показывал дорогу, ожидая для себя какой-нибудь беды.

Они поднялись на гору и спустились в широкую долину. Посредине долины был большой пруд, а в пруду плавали разноцветные рыбы: белые, красные, голубые и желтые.

— Знал ли кто-нибудь из вас раньше про этот пруд? — спросил царь своих приближенных.

И все, кто был с царем, ответили:

— Нет.

— Я не войду в мой город и не сяду на трон, пока не узнаю правду про этот пруд и про разноцветных рыб! — воскликнул царь.

Он подозвал своего визиря и сказал ему:

— О визирь, я задумал одно дело. Я уйду сегодня ночью один и узнаю, что это за пруд и почему рыбы в нем разноцветные. А ты садись у входа в мою палатку и говори всякому, кто будет меня спрашивать: «Царь нездоров и приказал мне никого не впускать к нему».

Потом царь переменил одежду, опоясался мечом и пошел. Он шел всю ночь и весь день и вторую ночь до утра, и вдруг он увидел вдали что-то черное.

Царь обрадовался и воскликнул:

— Может быть, я встречу кого-нибудь, кто расскажет мне об этом пруде и о рыбах!

Он подошел ближе и увидел дворец, выстроенный из черного камня и блестящего железа. Царь тихонько постучался в ворота, но никто не открыл ему. Он постучался второй раз и третий, но не услышал ответа, и тогда царь что было силы ударил рукой в ворота, но никто не ответил ему.

«Во дворце, верно, никого нет»,— подумал царь. Он толкнул

ворота, и вдруг они открылись. Царь прошел через двор и вошел во дворец, но не увидел ни одного человека.

— О жители дворца,— крикнул тогда царь,— я чужестранец и путешественник! Нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Никто не откликнулся на слова царя, и царь удивился и опечалился. Он сел на скамью около двери и вдруг услышал чьи-то стоны и рыдания. Царь прислушался и пошел в ту сторону, откуда доносились стоны. Скоро он пришел в большую комнату; посредине этой комнаты стоял высокий трон, а на троне сидел красивый юноша в шелковом халате и горько плакал. Царь обрадовался и сказал:

— Мир тебе, о юноша! Как хорошо, что я тебя увидел! Скажи мне, почему ты плачешь и что это за дворец? Отчего ты сидишь один и у тебя нет приближенных?

Юноша ничего не отвечал царю и продолжал плакать и стонать.

Царь рассердился и сказал:

— О юноша, почему ты не встаешь передо мной и не отвечаешь на мое приветствие? Разве ты не знаешь, что я царь этой страны?

Тут юноша заплакал еще сильнее и сказал:

— О владыка, наш царь, если бы ты знал, что со мной случилось, ты бы не гневался на меня.

Он приподнял полу своего халата, и царь увидел, что снизу до пояса он каменный, а от пояса до волос на голове он человек. Царь громко вскрикнул от ужаса и сказал:

— Я хотел узнать правду об этом дворце и о рыбах, а теперь приходится спрашивать и о них и о тебе. Расскажи мне скорей, кто совершил такое злодеяние?

— Слушай меня внимательно,— сказал юноша.— Со мной случилась удивительная история.

Знай, что мой отец был царем и звали его Махмуд, царь Черных островов. Он процарствовал семьдесят лет и умер, и я стал царем после него. А у меня была жена, и я очень ее любил. И вот однажды вечером она велела затопить баню и пошла мыться, а я лежал на подушках и ждал ее. Вдруг я услышал из соседней комнаты голоса двух ее невольниц, которые разговаривали между собой.

«Бедный наш господин! — сказала одна из них.— Он думает, что наша госпожа его любит. А она каждый вечер подсыпает ему в вино сонный порошок и, когда он заснет, уходит. Утром она дает ему что-то понюхать, и он просыпается. Скоро она совсем убьет его и станет вместо него царицей. Смотри только никому не говори то, что я тебе сказала. Вот идет наша госпожа».

И правда, моя жена вошла в комнату и велела невольницам подавать ужин. Я так испугался, когда услышал слова невольницы, что ничего не сказал жене. После ужина она велела подать питье, которое я пил на ночь, и налила его в мой кубок, но я только

притворился, что пью, а сам вылил питье за пазуху и сейчас же захрапел, как храпит спящий. И моя жена надела свое лучшее платье, повязала вокруг пояса мой меч и сказала:

«Спи всю ночь и не просыпайся. Недолго тебе осталось жить. Скоро я убью тебя и сама стану царицей».

Потом она вышла из комнаты, и я поднялся и пошел за ней следом. Она дошла до городских ворот и произнесла какие-то слова, которые я не понял, и вдруг замки упали с ворот и ворота раскрылись. Моя жена вышла за ворота (а я все шел за ней) и подошла к какой-то хижине, построенной из глины. Она вошла в эту хижину, а я забрался на крышу и посмотрел сверху вниз, и вдруг я увидел, что посреди хижины лежит негр, у которого одна губа как одеяло, а другая — как башмак, и он подбирает ею песок с земли. Я посмотрел на него хорошенько и узнал его. Это был страшный колдун по имени Абуль-Асвад. Он затаил злобу на моего отца за то, что тот выгнал его из города, и поклялся, что погубит меня. Этот колдун был болен проказой и не выходил из своей хижины.

Когда моя жена подошла к нему, он закричал на нее:

«О негодная, почему ты опоздала? Я уже давно жду тебя, чтобы сговориться, когда мы убьем твоего мужа и завладеем его царством, а ты все не идешь!»

«О господин мой,— сказала моя жена,— я, право, не виновата. Будь на то моя воля, не взошло бы еще солнце, как его город лежал бы в развалинах. Но ты ведь знаешь, что время еще не настало».

«О проклятая! — закричал колдун.— Если ты завтра же не убьешь своего мужа, я перестану учить тебя колдовству. Ты играешь со мной всякие шутки и обманываешь меня».

Когда я услышал эти слова, о царь, у меня потемнело в глазах от гнева и я перестал сознавать, что делаю. Я спустился с крыши, вошел в хижину, схватил меч, который моя жена принесла с собой, и ударил негра по шее. Негр страшно захрипел, и я решил, что убил его. Я бросил меч, вернулся во дворец и лег в постель, а утром пришла моя жена и ничего не сказала мне. И я тоже ничего не сказал ей, так как боялся ее.

А через несколько дней она обрезала волосы и надела одежды печали.

«Что с тобой случилось?» — спросил я ее.

«О господин мой,— отвечала мне жена,— я узнала,что моя матушка скончалась, что отец мой убит на войне, а из двух моих братьев одного ужалила змея, а другой свалился в пропасть. Позволь мне построить в нашем дворце гробницу и перенести в нее их тела. Я буду плакать над ними и печалиться о них».

«Делай, как тебе вздумается»,— сказал я.

И моя жена построила посредине дворца гробницу с куполом и сидела там днем и ночью.

А я боялся ее и не говорил ей ни слова про колдуна, про то, что я слышал в ту ночь.

Но однажды я не вытерпел и вошел в гробницу, где сидела моя жена, и услышал, как она плачет и говорит:

«О господин мой, скажи мне хоть словечко! Скоро ли ты поправишься и мы с тобой убьем моего мужа и будем царствовать в его городе?»

Тут я подбежал к гробнице и заглянул в нее и увидел негра, который лежал весь обвязанный и тихо стонал. Я замахнулся на него мечом и хотел его прикончить, но моя жена схватила меня за руку и крикнула:

«Ты уже один раз чуть не убил моего друга и разрубил ему горло так, что он теперь лежит, как мертвый, и не может говорить. но тебе мало этого. Я хотела тебя пощадить, но теперь нет тебе пощады. Ты будешь ни живой ни мертвый, пока не кончится срок твоей жизни».

«Да, негодная, это я ударил колдуна мечом, и сейчас я убью его и тебя с ним вместе!» — закричал я и замахнулся на мою жену мечом. И вдруг она произнесла какие-то слова, которых я не понял, и сказала:

«Стань по моему колдовству наполовину камнем и наполовину человеком».

И я тотчас же стал таким, как ты видишь, о царь, и не могу подняться с места, и я ни мертвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала мой город и все его рынки и сады и превратила город в пруд, острова — в горы. А жителей города она превратила в разноцветных рыб.

И кроме того, она каждый день меня бьет, сто раз ударяет меня бичом, а после этого она надевает на меня одежду из конского волоса и поверх нее шелковый халат.

— О юноша,— сказал царь,— ты объяснил мне тайну этого пруда и разноцветных рыб и рассеял мою заботу. Но мне жалко тебя, и я хочу тебе помочь. Где лежит негр и где эта женщина?

— Негр лежит больной в своей гробнице, и женщина скоро придет к нему,— ответил юноша.

Царь тотчас же пошел к гробнице, в которой лежал негр. Он подкрался к нему, взмахнул мечом и убил его, а потом взвалил его тело на плечи и бросил в колодец. Затем царь вернулся к гробнице и лег туда вместо негра. Он закрылся его покрывалами и стал ждать, когда придет женщина — жена юноши. Скоро она пришла, и в руках у нее была чашка с лекарством. Она наклонилась над постелью негра и сказала:

— О господин мой, протяни мне руку и скажи хоть словечко, чтобы я знала, что ты поправляешься.

Тут царь зашевелился и сказал слабым голосом на языке негров:

— Ах, ах, мне, кажется, стало лучше.

Услышав его слова, женщина вскрикнула от радости и сказала:

— О господин мой, это правда? Поговори со мной!

И царь сказал заплетающимся языком:

— О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой говорили? Ты каждый день бьешь своего мужа, и он кричит и не дает мне спать. Если бы не это, я бы давно поправился.

— Если ты хочешь, я расколдую его,— сказала женщина.

— Освободи его и дай мне отдых,— ответил ей царь.

И женщина пришла к юноше, взяла в руки чашку с водой и проговорила над ней что-то, и вода в чашке забулькала и стала кипеть, как кипит вода в котле на огне.

Потом женщина обрызгала юношу этой водой и сказала:

— Если ты стал таким по моему колдовству, превратись опять в человека.

И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги и опять стал человеком, как прежде, а женщина вернулась к гробнице и сказала:

— О господин, я исполнила то, что ты приказал.

— О несчастная,— сказал царь,— ты сделала только половину дела. Каждый раз, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы из пруда и проклинают нас с тобой. Вот почему я не могу поправиться. Иди скорей, сними с них колдовство, а потом приходи ко мне.

— Слушаю и повинуюсь, о господин мой,— сказала женщина.

Она взяла из пруда немного воды и поколдовала над нею, а потом опять вылила ее в пруд, и сейчас же рыбы запрыгали и подняли головы и превратились в людей, а горы превратились в острова, как прежде. И торговцы опять начали торговать, и все люди принялись за свои дела, и город стал таким же, как был раньше.

А колдунья вернулась к царю и сказала:

— О господин, я исполнила твою волю. Встань же теперь, если ты здоров, и выйди из этой могилы.

— Подойди ко мне ближе и дай мне руку,— сказал царь слабым голосом.

И как только женщина подала ему руку, он ударил ее мечом и убил. А потом он вышел из могилы и увидел заколдованного юношу, который стоял и ждал его.

— О юноша,— сказал царь,— ты останешься жить в своем городе или пойдешь со мной, в мой город?

— А знаешь ли ты, сколько дней пути отсюда до твоего города? — спросил юноша.

— Два с половиной дня,— ответил царь.

— О царь,— воскликнул юноша,— если ты сядешь на хорошего коня и поскачешь как можно быстрей, то доедешь до твоего города через год! Ты пришел сюда в два с половиной дня только потому, что город был заколдован. Но я не покину тебя и поеду с тобой.

— Ты будешь моим сыном и наследником моего царства,— сказал царь.— Собирайся же скорее в путь.

И они поехали, и ехали целый год, днем и ночью. И когда они вернулись в город царя, царь сел на свой трон и сказал:

— Позвать ко мне рыбака, который принес разноцветных рыб.

Послали за рыбаком, и скоро он пришел, и царь рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Рыбак очень опечалился, услышав его рассказ, и сказал:

— Значит, мне уже не придется носить тебе рыбу?

— Нет, не придется,— сказал царь.— Но не горюй. Я дам тебе столько золота, что тебе хватит до конца жизни.

И он приказал своему визирю щедро наградить рыбака, и рыбак ушел домой счастливый и довольный.

СИНДБАД-МОРЕХОД

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Давно-давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвращаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далеких странах, где они побывали.

Синдбад слушал их рассказы, и ему все больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран.

И вот он решил поехать в далекое путешествие.

Он накупил много товаров, выбрал самый быстрый и крепкий корабль и пустился в путь. С ним поехали и другие купцы со своими товарами.

Долго плыл их корабль из моря в море и от суши к суше, и, приставая к земле, они продавали и выменивали свои товары.

И вот однажды, когда они уже много дней и ночей не видели земли, матрос на мачте закричал:

— Берег! Берег!

Капитан направил корабль к берегу и бросил якорь у большого зеленого острова. Там росли чудесные, невиданные цветы, а на ветвях тенистых деревьев пели пестрые птицы.

Путешественники сошли на землю, чтобы отдохнуть от качки. Одни из них развели костер и стали варить пищу, другие стирали белье в деревянных корытах, а некоторые гуляли по острову. Синдбад тоже пошел погулять и незаметно для себя удалился от берега. Вдруг земля зашевелилась у него под ногами, и он услышал громкий крик капитана:

— Спасайтесь! Бегите на корабль! Это не остров, а огромная рыба!

И в самом деле, это была рыба. Ее занесло песком, на ней выросли деревья, и она стала похожа на остров. Но когда путешественники развели огонь, рыбе стало жарко и она зашевелилась.

— Скорей! Скорей! — кричал капитан.— Сейчас она нырнет на дно!

Купцы побросали свои котлы и корыта и в ужасе бросились к кораблю. Но только те, что были у самого берега, успели добежать. Рыба-остров опустилась в глубь моря, и все, кто опоздал, пошли ко дну. Ревущие волны сомкнулись над ними.

Синдбад также не успел добежать до корабля. Волны обрушились на него, но он хорошо плавал и вынырнул на поверхность моря. Мимо него плыло большое корыто, в котором купцы только что стирали белье. Синдбад сел верхом на корыто и попробовал грести ногами. Но волны швыряли корыто направо и налево, и Синдбад не мог им управлять.

Капитан корабля приказал поднять паруса и поплыл прочь от этого места, даже не взглянув на утопавшего.

Синдбад долго смотрел вслед кораблю, а когда корабль скрылся вдали, он заплакал от горя и отчаяния. Теперь ему неоткуда было ждать спасения.

Волны били корыто и бросали его из стороны в сторону весь день и всю ночь. А утром Синдбад вдруг увидел, что его прибило к высокому берегу. Синдбад схватился за ветки дерева, которые свешивались над водой, и, собрав последние силы, вскарабкался на берег. Как только Синдбад почувствовал себя на твердой земле, он упал на траву и лежал как мертвый весь день и всю ночь.

Утром он решил поискать какую-нибудь пищу. Он дошел до большой зеленой лужайки, покрытой пестрыми цветами, и вдруг увидел перед собой коня, прекраснее которого нет на свете. Ноги коня были спутаны, и он щипал траву на лужайке.

Синдбад остановился, любуясь этим конем, и спустя немного времени увидел вдали человека, который бежал, размахивая руками, и что-то кричал. Он подбежал к Синдбаду и спросил его:

— Кто ты такой? Откуда ты и как ты попал в нашу страну?

— О господин,— ответил Синдбад,— я чужеземец. Я плыл на корабле по морю, и мой корабль утонул, а мне удалось схватиться за корыто, в котором стирают белье. Волны до тех пор носили меня по морю, пока не принесли к вашим берегам. Скажи мне, чей это конь, такой красивый, и почему он пасется здесь один?

— Знай,— отвечал человек,— что я конюх царя аль-Михрджана. Нас много, и каждый из нас ходит только за одним конем. Вечером мы приводим их пастись на этот луг, а утром уводим обратно в конюшню. Наш царь очень любит чужеземцев. Пойдем к нему — он встретит тебя приветливо и окажет тебе милость.

— Благодарю тебя, господин, за твою доброту,— сказал Синдбад.

Конюх надел на коня серебряную уздечку, снял путы и повел его в город. Синдбад шел следом за конюхом.

Скоро они пришли во дворец, и Синдбада ввели в зал, где сидел на высоком троне царь аль-Михрджан. Царь ласково обошелся с Синдбадом и стал его расспрашивать, и Синдбад рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Аль-Михрджан оказал ему милость и назначил его начальником гавани.

С утра до вечера стоял Синдбад на пристани и записывал корабли, которые приходили в гавань. Он долго прожил в стране царя аль-Михрджана, и всякий раз, когда к пристани подходил корабль, Синдбад спрашивал купцов и матросов, в какой стороне город Багдад. Но никто из них ничего не слышал о Багдаде, и Синдбад почти перестал надеяться, что увидит родной город.

А царь аль-Михрджан очень полюбил Синдбада и сделал его своим приближенным. Он часто разговаривал с ним о его стране и, когда объезжал свои владения, всегда брал Синдбада с собой.

Много чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду в земле царя аль-Михрджана, но он не забыл своей родины и только о том и думал, как бы вернуться в Багдад.

Однажды Синдбад стоял, как всегда, на берегу моря, грустный и печальный. В это время подошел к пристани большой корабль, на котором было много купцов и матросов. Все жители города выбежали на берег встречать корабль. Матросы стали выгружать товары, а Синдбад стоял и записывал. Под вечер Синдбад спросил капитана:

— Много ли еще осталось товаров на твоем корабле?

— В трюме лежит еще несколько тюков,— ответил капитан,— но их владелец утонул. Мы хотим продать эти товары, а деньги за них отвезти его родным в Багдад.

— Как зовут владельца этих товаров? — спросил Синдбад.

— Его зовут Синдбад,— отвечал капитан.

Услышав это, Синдбад громко вскрикнул и сказал:

— Я Синдбад! Я сошел с твоего корабля, когда он пристал к острову-рыбе, а ты уехал и покинул меня, когда я тонул в море. Эти товары — мои товары.

— Ты хочешь меня обмануть! — вскричал капитан.— Я сказал тебе, что у меня на корабле есть товары, владелец которых утонул, и ты желаешь взять их себе! Мы видели, как Синдбад утонул, и с ним утонуло много купцов. Как же ты говоришь, что товары твои? Нет у тебя ни чести, ни совести!

— Выслушай меня, и ты узнаешь, что я говорю правду,— сказал Синдбад.— Разве ты не помнишь, как я нанимал твой корабль в Басре, а свел меня с тобой писец по имени Сулейман Вислоухий?

И он рассказал капитану обо всем, что случилось на его корабле с того дня, как все они отплыли из Басры. И тогда

капитан и купцы узнали Синдбада и обрадовались, что он спасся. Они отдали Синдбаду его товары, и Синдбад продал их с большой прибылью. Он простился с царем аль-Михрджаном, погрузил на корабль другие товары, которых нет в Багдаде, и поплыл на своем корабле в Басру.

Много дней и ночей плыл его корабль и наконец бросил якорь в гавани Басры, а оттуда Синдбад отправился в Город Мира, как называли в то время арабы Багдад.

В Багдаде Синдбад роздал часть своих товаров друзьям и приятелям, а остальные продал.

Он перенес в пути столько бед и несчастий, что решил никогда больше не выезжать из Багдада.

Так окончилось первое путешествие Синдбада-Морехода.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Но скоро Синдбаду наскучило сидеть на одном месте, и захотелось ему опять поплавать по морям. Снова накупил он товаров, отправился в Басру и выбрал большой, крепкий корабль. Два дня складывали матросы в трюм товары, а на третий день капитан приказал поднять якорь, и корабль тронулся в путь, подгоняемый попутным ветром.

Много островов, городов и стран повидал Синдбад в это путешествие, и наконец его корабль пристал к неведомому прекрасному острову, где текли прозрачные ручьи и росли густые деревья, увешанные тяжелыми плодами.

Синдбад и его спутники, купцы из Багдада, вышли на берег погулять и разбрелись по острову. Синдбад выбрал тенистое место и присел отдохнуть под густой яблоней. Скоро ему захотелось есть. Он вынул из дорожного мешка жареного цыпленка и несколько лепешек, которые захватил с корабля, и закусил, а потом лег на траву и сейчас же заснул.

Когда он проснулся, солнце стояло уже низко. Синдбад вскочил на ноги и побежал к морю, но корабля уже не было. Он уплыл, и все, кто был на нем — и капитан, и купцы, и матросы,— забыли о Синдбаде.

Бедный Синдбад остался один на острове. Он горько заплакал и сказал сам себе:

— Если в первое путешествие я спасся и встретил людей, которые привезли меня обратно в Багдад, то теперь никто меня не найдет на этом безлюдном острове.

До самой ночи стоял Синдбад на берегу, смотрел, не плывет ли вдали корабль, а когда стемнело, он лег на землю и крепко заснул.

Утром, с восходом солнца, Синдбад проснулся и пошел в глубь острова, чтобы поискать пищи и свежей воды. Время

от времени он взбирался на деревья и осматривался вокруг, но не видел ничего, кроме леса, земли и воды.

Ему становилось тоскливо и страшно. Неужели придется всю жизнь прожить на этом пустынном острове? Но потом, стараясь подбодрить себя, он говорил:

— Что толку сидеть и горевать! Никто меня не спасет, если я не спасу себя сам. Пойду дальше и, может быть, дойду до места, где живут люди.

Прошло несколько дней. И вот однажды Синдбад влез на дерево и увидел вдали большой белый купол, который ослепительно сверкал на солнце. Синдбад очень обрадовался и подумал: «Это, наверно, крыша дворца, в котором живет царь этого острова. Я пойду к нему, и он поможет мне добраться до Багдада».

Синдбад быстро спустился с дерева и пошел вперед, не сводя глаз с белого купола. Подойдя на близкое расстояние, он увидел, что это не дворец, а белый шар — такой огромный, что верхушки его не было видно. Синдбад обошел его кругом, но не увидел ни окон, ни дверей. Он попробовал влезть на верхушку шара, но стенки были такие скользкие и гладкие, что Синдбаду не за что было ухватиться.

«Вот чудо! — подумал Синдбад.— Что это за шар?»

Вдруг все вокруг потемнело. Синдбад взглянул вверх и увидел, что над ним летит огромная птица и крылья ее, словно тучи, заслоняют солнце. Синдбад сначала испугался, но потом вспомнил, что капитан его корабля рассказывал, будто на дальних островах живет птица Рухх, которая кормит своих птенцов слонами. Синдбад сразу понял, что белый шар — это яйцо птицы Рухх. Он притаился и стал ждать, что будет дальше. Птица Рухх, покружившись в воздухе, опустилась на яйцо, покрыла его своими крыльями и заснула. Синдбада она и не заметила.

А Синдбад лежал неподвижно возле яйца и думал: «Я нашел способ выбраться отсюда. Лишь бы только птица не проснулась».

Он подождал немного и, увидев, что птица крепко спит, быстро снял с головы тюрбан, размотал его и привязал к ноге птицы Рухх. Она и не шевельнулась — ведь в сравнении с нею Синдбад был не больше муравья. Привязавшись, Синдбад улегся на ноге птицы и сказал себе:

«Завтра она улетит со мною и, может быть, перенесет меня в страну, где есть люди и города. Но если даже я упаду и разобьюсь, все-таки лучше умереть сразу, чем ждать смерти на этом необитаемом острове».

Рано утром перед самым рассветом птица Рухх проснулась, с шумом расправила крылья, громко и протяжно вскрикнула и взвилась в воздух. Синдбад от страха зажмурил глаза и крепко ухватился за ногу птицы. Она поднялась до самых облаков и

долго летела над водами и землями, а Синдбад висел, привязанный к ее ноге, и боялся посмотреть вниз. Наконец птица Рухх стала опускаться и, сев на землю, сложила крылья. Тогда Синдбад быстро и осторожно развязал тюрбан, дрожа от страха, что Рухх заметит его и убьет.

Но птица так и не увидела Синдбада. Она вдруг схватила когтями с земли что-то длинное и толстое и улетела. Синдбад посмотрел ей вслед и увидел, что Рухх уносит в когтях огромную змею, длиннее и толще самой большой пальмы.

Синдбад отдохнул немного и осмотрелся — и оказалось, что птица Рухх принесла его в глубокую и широкую долину. Вокруг стеной стояли огромные горы, такие высокие, что вершины их упирались в облака, и не было выхода из этой долины.

— Я избавился от одной беды и попал в другую, еще худшую,— сказал Синдбад, тяжело вздыхая.— На острове были хоть плоды и пресная вода, а здесь нет ни воды, ни деревьев.

Не зная, что ему делать, он печально бродил по долине, опустив голову. Тем временем над горами взошло солнце и осветило долину. И вдруг вся она ярко засверкала. Каждый камень на земле блестел и переливался синими, красными, желтыми огнями. Синдбад поднял один камень и увидел, что это драгоценный алмаз, самый твердый камень на свете, которым сверлят металлы и режут стекло. Долина была полна алмазов, и земля в ней была алмазная.

И вдруг отовсюду послышалось шипение. Огромные змеи выползали из-под камней, чтобы погреться на солнце. Каждая из этих змей была больше самого высокого дерева, и если бы в долину пришел слон, змеи, наверно, проглотили бы его целиком.

Синдбад задрожал от ужаса и хотел бежать, но бежать было некуда и негде было укрыться. Синдбад заметался во все стороны и вдруг заметил маленькую пещеру. Он забрался в нее ползком и очутился прямо перед огромной змеей, которая свернулась клубком и грозно шипела. Синдбад еще больше испугался. Он выполз из пещеры и прижался спиной к скале, стараясь не шевелиться. Он видел, что нет ему спасения.

И вдруг прямо перед ним упал большой кусок мяса. Синдбад поднял голову, но над ним ничего не было, кроме неба и скал. Скоро сверху упал другой кусок мяса, за ним третий. Тогда Синдбад понял, где он находится и что это за долина.

Давно-давно в Багдаде он слышал от одного путешественника рассказ о долине алмазов. «Эта долина,— говорил путешественник,— находится в далекой стране между гор, и никто не может попасть в нее, потому что туда нет дороги. Но купцы, которые торгуют алмазами, придумали хитрость, чтобы добывать камни. Они убивают овцу, режут ее на куски и бросают мясо в долину.

Алмазы прилипают к мясу, а в полдень в долину спускаются хищные птицы — орлы и ястребы,— хватают мясо и взлетают с ним на гору. Тогда купцы стуком и криками отгоняют птиц от мяса и отдирают прилипшие алмазы; мясо же они оставляют птицам и зверям».

Синдбад вспомнил этот рассказ и обрадовался. Он придумал, как ему спастись. Быстро собрал он столько крупных алмазов, сколько мог унести с собой, а потом распустил свой тюрбан, лег на землю, положил на себя большой кусок мяса и крепко привязал его к себе. Не прошло и минуты, как в долину спустился горный орел, схватил мясо когтями и поднялся на воздух. Долетев до высокой горы, он принялся клевать мясо, но вдруг сзади него раздались громкие крики и стук. Встревоженный орел бросил свою добычу и улетел, а Синдбад развязал тюрбан и встал. Стук и грохот слышались все ближе, и скоро из-за деревьев выбежал старый, толстый бородатый человек в одежде купца. Он колотил палкой по деревянному щиту и кричал во весь голос, чтобы отогнать орла. Не взглянув даже на Синдбада, купец бросился к мясу и осмотрел его со всех сторон, но не нашел ни одного алмаза. Тогда он сел на землю, схватился руками за голову и воскликнул:

— Что это за несчастье! Я уже целого быка сбросил в долину, но орлы унесли все куски мяса к себе в гнезда. Они оставили только один кусок и, как нарочно, такой, к которому не прилипло ни одного камешка. О горе! О неудача!

Тут он увидел Синдбада, который стоял с ним рядом, весь в крови и пыли, босой и в разорванной одежде. Купец сразу перестал кричать и замер от испуга. Потом он поднял свою палку, закрылся щитом и спросил:

— Кто ты такой и как ты сюда попал?

— Не бойся меня, почтенный купец. Я не сделаю тебе зла,— ответил Синдбад.— Я тоже был купцом, как и ты, но испытал много бед и страшных приключений. Помоги мне выбраться отсюда и попасть на родину, и я дам тебе столько алмазов, сколько у тебя никогда не было.

— А у тебя правда есть алмазы? — спросил купец.— Покажи.

Синдбад показал ему свои камни и подарил самые лучшие из них. Купец обрадовался и долго благодарил Синдбада, а потом он позвал других купцов, которые также добывали алмазы, и Синдбад рассказал им обо всех своих несчастьях.

Купцы поздравили его со спасением, дали ему хорошую одежду и взяли его с собой.

Они долго шли через степи, пустыни, равнины и горы, и немало чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду, пока он добрался до своей родины.

На одном острове он увидел зверя, которого называют

каркаданн. Каркадани похож на большую корову, и у него один толстый рог посередине головы. Он такой сильный, что может носить на своем роге большого слона. От солнца жир слона начинает таять и заливает каркаданну глаза. Каркаданн слепнет и ложится на землю. Тогда к нему прилетает птица Рухх и уносит его в когтях вместе со слоном в свое гнездо.

После долгого путешествия Синдбад наконец добрался до Багдада. Родные с радостью встретили его и устроили праздник по случаю его возвращения. Они думали, что Синдбад погиб, и не надеялись больше его увидеть. Синдбад продал свои алмазы и опять стал торговать, как прежде.

Так окончилось второе путешествие Синдбада-Морехода.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Несколько лет прожил Синдбад в родном городе, никуда не выезжая. Его друзья и знакомые, багдадские купцы, каждый вечер сходились к нему и слушали рассказы о его странствиях, и всякий раз, как Синдбад вспоминал про птицу Рухх, алмазную долину огромных змей, ему становилось так страшно, как будто он все еще бродил в долине алмазов.

Однажды вечером к Синдбаду, по обыкновению, пришли его приятели-купцы. Когда они кончили ужин и приготовились слушать рассказы хозяина, в комнату вошел слуга и сказал, что у ворот стоит человек и продает диковинные плоды.

— Прикажи ему войти сюда,— сказал Синдбад.

Слуга привел торговца плодами в комнату. Это был смуглый человек с длинной черной бородой, одетый по-иноземному. На голове он нес корзину, полную великолепных плодов. Он поставил корзину перед Синдбадом и снял с нее покрывало.

Синдбад заглянул в корзину — и ахнул от удивления. В ней лежали огромные круглые апельсины, кислые и сладкие лимоны, померанцы, яркие, словно огонь, персики, груши и гранаты, такие большие и сочные, каких не бывает в Багдаде.

— Кто ты, чужеземец, и откуда ты пришел? — спросил Синдбад торговца.

— О господин,— ответил тот,— я родился далеко отсюда, на острове Серендибе. Всю мою жизнь я плавал по морям и побывал во многих странах и везде я продавал такие плоды.

— Расскажи мне про остров Серендиб: какой он и кто на нем живет? — сказал Синдбад.

— Про мою родину не расскажешь словами. Ее нужно видеть, так как нет в мире острова прекраснее и лучше Серендиба,— ответил торговец.— Когда путник вступает на берег, он слышит пение прекрасных птиц, перья которых горят на солнце, как драгоценные камни. Даже цветы на острове Серендибе

светятся, словно яркое золото. И есть на нем цветы, которые плачут и смеются. Каждый день на восходе солнца они поднимают свои головки кверху и громко кричат: «Утро! Утро!» — и смеются, а вечером, когда солнце заходит, они опускают головки к земле и плачут. Лишь только наступает темнота, выходят на берег моря всевозможные звери — медведи, барсы, львы и морские кони,— и каждый держит во рту драгоценный камень, который сверкает, как огонь, и освещает все вокруг. А деревья на моей родине самые редкие и дорогие: алоэ, которое так прекрасно пахнет, если его зажечь; крепкий тек, что идет на корабельные мачты,— ни одно насекомое не прогрызет его, и не повредит ему ни вода, ни холод; высокие пальмы и блестящий эбен, или черное дерево. Море вокруг Серендиба ласковое и теплое. На дне его лежат чудесные жемчужины — белые, розовые и черные, и рыбаки ныряют в воду и достают их. А иногда они посылают за жемчугом маленьких обезьян...

Долго еще рассказывал торговец плодами про диковины острова Серендиба, и когда он кончил, Синдбад щедро наградил его и отпустил. Торговец ушел, низко кланяясь, а Синдбад лег спать, но еще долго ворочался с боку на бок и не мог заснуть, вспоминая рассказы об острове Серендибе. Ему слышался плеск моря и скрип корабельных мачт, он видел перед собой чудесных птиц и золотые цветы, сверкавшие яркими огнями. Наконец он заснул, и ему приснилась обезьяна с огромной розовой жемчужиной во рту.

Проснувшись, он сразу же вскочил с постели и сказал себе:

— Я непременно должен побывать на острове Серендибе! Сегодня же начну собираться в путь.

Он собрал все, какие у него были, деньги, накупил товаров, простился со своими родными и опять отправился в приморский город Басру. Он долго выбирал себе корабль получше и наконец нашел прекрасное, крепкое судно. Капитаном этого судна был мореход из Персии по имени Бузург — старый толстый человек с длинной бородой. Он много лет плавал по океану, и его корабль ни разу не потерпел крушения.

Синдбад велел погрузить свои товары на корабль Бузурга и тронулся в путь. С ним вместе поехали его приятели-купцы, которым также захотелось побывать на острове Серендибе.

Ветер был попутный, и корабль быстро двигался вперед. Первые дни все шло благополучно. Но однажды утром на море началась буря; поднялся сильный ветер, который то и дело менял направление. Корабль Синдбада носило по морю как щепку. Огромные волны одна за другой перекатывались через палубу. Синдбад и его приятели привязали себя к мачтам и стали прощаться друг с другом, не надеясь спастись. Только капитан Бузург был спокоен. Он сам встал у руля и громким голосом отдавал приказания. Видя, что он не боится, успоко-

ились и его спутники. К полудню буря начала стихать. Волны стали меньше, небо прояснилось. Скоро наступило полное затишье.

И вдруг капитан Бузург принялся бить себя по лицу, стонать и плакать. Сорвал с головы тюрбан, бросил его на палубу, разорвал на себе халат и крикнул:

— Знайте, что наш корабль попал в сильное течение и мы не можем из него выйти! А это течение несет нас к стране, которая называется «Страна мохнатых». Там живут люди, похожие на обезьян, и никто еще не вернулся живым из этой страны. Готовьтесь же к смерти — нам нет спасения!

Не успел капитан договорить, как раздался страшный удар. Корабль сильно встряхнуло, и он остановился. Течение пригнало его к берегу, и он сел на мель. И сейчас же весь берег покрылся маленькими человечками. Их становилось все больше и больше, они скатывались с берега прямо в воду, подплывали к кораблю и быстро карабкались на мачты. Эти маленькие люди, покрытые густой шерстью, с желтыми глазами, кривыми ногами и цепкими руками, перегрызли корабельные канаты и сорвали паруса, а потом бросились на Синдбада и его спутников. Передний человечек подкрался к одному из купцов. Купец выхватил меч и разрубил его пополам. И сейчас же на него кинулись еще десять мохнатых, схватили его за руки и за ноги и сбросили в море, а за ним и другого и третьего купца.

— Неужели мы испугаемся этих обезьян?! — воскликнул Синдбад и вынул меч из ножен.

Но капитан Бузург схватил его за руку и закричал:

— Берегись, Синдбад! Разве ты не видишь, что если каждый из нас убьет десять или даже сто обезьян, остальные разорвут его в клочья или выкинут за борт? Бежим с корабля на остров, а корабль пусть достается обезьянам.

Синдбад послушался капитана и вложил меч в ножны.

Он выскочил на берег острова, и его спутники последовали за ним. Последним ушел с корабля капитан Бузург. Ему было очень жалко оставлять свое судно этим мохнатым обезьянам.

Синдбад и его приятели медленно пошли вперед, не зная, куда направиться. Они шли и тихо разговаривали между собой. И вдруг капитан Бузург воскликнул:

— Смотрите! Смотрите! Дворец!

Синдбад поднял голову и увидел высокий дом с черными железными воротами.

— В этом доме, может быть, живут люди. Пойдем и узнаем, кто его хозяин,— сказал он.

Путники пошли быстрее и вскоре дошли до ворот дома. Синдбад первым вбежал во двор и крикнул:

— Тут, наверно, недавно был пир! Смотрите — на палках

вокруг жаровни висят котлы и сковороды и всюду разбросаны обглоданные кости. А угли в жаровне еще горячие. Посидим немного на этой скамье — может быть, хозяин дома выйдет во двор и позовет нас.

Синдбад и его спутники так устали, что едва держались на ногах. Они уселись, кто на скамью, а кто прямо на землю, и вскоре уснули, пригревшись на солнце. Синдбад проснулся первым. Его разбудил сильный шум и гул. Казалось, что где-то недалеко проходит большое стадо слонов. Земля дрожала от чьих-то тяжелых шагов. Было уже почти темно. Синдбад привстал со скамьи и замер от ужаса: прямо на него двигался человек огромного роста — настоящий великан, похожий на высокую пальму. Он был весь черный, глаза у него сверкали, как горящие головни, рот был похож на отверстие колодца, а зубы торчали, точно клыки кабана. Уши падали ему на плечи, а ногти на его руках были широкие и острые, как у льва. Великан шел медленно, слегка согнувшись, точно ему трудно было нести свою голову, и тяжело вздыхал. От каждого вздоха шелестели деревья и верхушки их пригибались к земле, как во время бури. В руках у великана был огромный факел — целый ствол смолистого дерева.

Спутники Синдбада тоже проснулись и лежали на земле полумертвые от страха. Великан подошел и нагнулся над ними. Он долго рассматривал каждого из них и, выбрав одного, поднял его, как перышко. Это был капитан Бузург — самый большой и толстый из спутников Синдбада.

Синдбад выхватил меч и бросился к великану. Весь его страх прошел, и он думал только об одном: как бы вырвать Бузурга из рук чудовища. Но великан ударом ноги отбросил Синдбада в сторону. Он разжег огонь на жаровне, зажарил капитана Бузурга и съел его.

Кончив есть, великан растянулся на земле и громко захрапел. Синдбад и его товарищи сидели на скамье, прижавшись друг к другу и затаив дыхание.

Синдбад оправился первый и, убедившись, что великан крепко спит, вскочил и воскликнул:

— Лучше было бы, если бы мы утонули в море! Неужели мы позволим великану съесть нас, как овец?

— Уйдем отсюда и поищем такое место, где бы мы могли спрятаться от него,— сказал один из купцов.

— Куда нам уйти? Он ведь всюду нас найдет,— возразил Синдбад.— Лучше будет, если мы убьем его и потом уплывем по морю. Может быть, нас подберет какой-нибудь корабль.

— А на чем же мы уплывем, Синдбад? — спросили купцы.

— Посмотрите на эти бревна, что сложены около жаровни. Они длинные и толстые, и, если их связать вместе, выйдет хороший плот,— сказал Синдбад.— Перенесем их на берег моря,

пока спит этот жестокий людоед, а потом мы вернемся сюда и придумаем способ его убить.

— Это прекрасный план,— сказали купцы и начали перетаскивать бревна на морской берег и связывать их веревками из пальмового лыка.

К утру плот был готов, и Синдбад с товарищами вернулись во двор великана. Когда они пришли, людоеда на дворе не было. До самого вечера он не появлялся.

Когда стемнело, земля опять затряслась и послышался гул и топот. Великан был близко. Как и накануне, он медленно подошел к товарищам Синдбада и нагнулся над ними, освещая их факелом. Он выбрал самого толстого купца, проткнул его вертелом, зажарил и съел. А потом он растянулся на земле и заснул.

— Еще один наш спутник погиб! — воскликнул Синдбад.— Но это последний. Больше этот жестокий человек никого из нас не съест.

— Что же ты задумал, Синдбад? — спросили его купцы.

— Смотрите и делайте так, как я скажу! — воскликнул Синдбад.

Он схватил два вертела, на которых великан жарил мясо, раскалил их на огне и приставил к глазам людоеда. Потом он сделал знак купцам, и они все вместе навалились на вертела. Глаза людоеда ушли в глубь головы, и он ослеп.

Людоед со страшным криком вскочил и принялся шарить вокруг себя руками, стараясь поймать своих врагов. Но Синдбад и его товарищи врассыпную бросились от него и побежали к морю. Великан пошел за ними, продолжая громко кричать. Он догонял беглецов и перегонял их, но так и не поймал никого. Они пробегали у него между ногами, увертывались от его рук и наконец добежали до берега моря, сели на плот и отплыли, гребя, как веслом, тонким стволом молодой пальмы.

Когда людоед услышал удары весла о воду, он понял, что добыча ушла от него. Он закричал еще громче прежнего. На его крик прибежали еще два великана, такие же страшные, как он. Они отломили от скал по громадному камню и бросили вслед беглецам. Глыбы скал со страшным шумом упали в воду, только слегка задев плот. Но от них поднялись такие волны, что плот перевернулся. Спутники Синдбада почти совсем не умели плавать. Они сразу захлебнулись и пошли ко дну. Только сам Синдбад и еще двое купцов помоложе успели схватиться за плот и удержались на поверхности моря.

Синдбад с трудом вскарабкался снова на плот и помог своим товарищам выбраться из воды. Волны унесли их весло, и им пришлось плыть по течению, слегка направляя плот ногами. Становилось светлее. Скоро должно было взойти солнце. Товарищи Синдбада, мокрые и дрожащие, сидели на плоту и

громко жаловались. Синдбад стоял на краю плота, высматривая, не видно ли вдали берега или паруса корабля. Вдруг он обернулся к своим спутникам и крикнул:

— Мужайтесь, друзья мои Ахмед и Хасан! Земля недалеко, и течение несет нас прямо к берегу. Видите, птицы кружатся там, вдали, над водою? Их гнезда, наверно, где-нибудь близко. Ведь птицы не улетают далеко от своих птенцов.

Ахмед и Хасан подбодрились и подняли головы. Хасан, у которого глаза были зоркие, как у ястреба, посмотрел вперед и сказал:

— Твоя правда, Синдбад. Вон там, вдалеке, я вижу остров. Скоро течение пригонит к нему наш плот, и мы отдохнем на твердой земле.

Измученные путники обрадовались и стали сильнее грести ногами, чтобы помочь течению. Если бы они только знали, что ждет их на этом острове!

Скоро плот прибило к берегу, и Синдбад с Ахмедом и Хасаном вышли на сушу. Они медленно пошли вперед, подбирая с земли ягоды и коренья, и увидели высокие, развесистые деревья на берегу ручья. Густая трава так и манила прилечь и отдохнуть.

Синдбад бросился под дерево и сейчас же заснул. Его разбудил какой-то странный звук, точно кто-то перетирал зерно между двумя огромными камнями. Синдбад открыл глаза и вскочил на ноги. Он увидел перед собой огромного змея с широкой пастью, как у кита. Змей спокойно лежал на брюхе и лениво, с громким хрустом двигал челюстями. Этот хруст и разбудил Синдбада. А из пасти змея торчали человеческие ноги в сандалиях. По сандалиям Синдбад узнал, что это ноги Ахмеда.

Постепенно Ахмед целиком исчез в брюхе змея, и змей медленно уполз в лес. Когда он скрылся, Синдбад осмотрелся кругом и увидел, что он остался один.

«А где же Хасан? — подумал Синдбад.— Неужели его тоже съел змей?»

— Эй, Хасан, где ты? — крикнул он.

— Здесь! — раздался голос откуда-то сверху.

Синдбад поднял голову и увидел Хасана, который сидел скорчившись в густых ветвях дерева, ни живой ни мертвый от страха.

— Полезай и ты сюда! — крикнул он Синдбаду.

Синдбад схватил с земли несколько кокосовых орехов и вскарабкался на дерево. Ему пришлось сидеть на верхней ветке, это было очень неудобно. А Хасан прекрасно устроился на широком суку пониже.

Много часов просидели Синдбад и Хасан на дереве, каждую минуту ожидая появления змея. Стало смеркаться, наступила

ночь, а чудовища все не было. Наконец Хасан не выдержал и заснул, опершись спиной о ствол дерева и свесив ноги. Вскоре задремал и Синдбад. Когда он проснулся, было светло и солнце стояло довольно высоко. Синдбад осторожно наклонился и посмотрел вниз. Хасана на ветке больше не было. На траве, под деревом, белела его чалма и валялись стоптанные туфли — все, что осталось от бедного Хасана.

«Его тоже сожрал этот ужасный змей,— подумал Синдбад.— Видно, и на дереве от него не спрячешься».

Теперь Синдбад был один на острове. Долго искал он какого-нибудь местечка, чтобы укрыться от змея, но на острове не было ни одной скалы или пещеры. Устав искать, Синдбад присел на земле у самого моря и стал думать, как бы ему спастись.

«Если я вырвался из рук людоеда, так неужели я дам себя съесть змею? — думал он.— Я человек, и у меня есть разум, который поможет мне перехитрить это чудовище».

Вдруг с моря плеснула огромная волна и выбросила на берег толстую корабельную доску. Синдбад увидел эту доску и сейчас же придумал, как ему спастись. Он схватил доску, подобрал на берегу еще несколько досок поменьше и унес их в лес. Выбрав доску подходящего размера, Синдбад привязал ее к своим ногам большим куском пальмового лыка. Такую же доску он привязал к голове, а две другие — к телу, справа и слева, так что оказался как будто в ящике. А потом он лег на землю и стал ждать.

Скоро послышался треск хвороста и громкое шипение. Змей почуял запах человека и разыскал свою добычу. Из-за деревьев показалась его длинная голова, на которой светились, как факелы, два больших глаза. Он подполз к Синдбаду и широко разинул пасть, высовывая длинный раздвоенный язык.

Он удивленно осмотрел ящик, из которого так вкусно пахло человеком, и попробовал захватить его и разгрызть зубами, но крепкое дерево не поддавалось.

Змей обошел Синдбада со всех сторон, пытаясь сорвать с него деревянный щит. Щит оказался слишком крепким, и змей только обломал себе зубы. В ярости он стал бить хвостом по доскам. Доски задрожали, но выдержали. Долго трудился змей, но так и не добрался до Синдбада. Наконец он выбился из сил и уполз обратно в лес, шипя и разбрасывая хвостом сухие листья.

Синдбад быстро отвязал доски и вскочил на ноги.

— Лежать между досками очень неудобно, но если змей застигнет меня беззащитным, он меня сожрет,— сказал себе Синдбад.— Надо бежать с острова. Пусть лучше я утону в море, чем погибну в пасти змея, как Ахмед и Хасан.

И Синдбад решил опять смастерить себе плот. Он вернулся к морю и начал собирать доски. Вдруг он увидел неподалеку

парус корабля. Корабль все приближался, попутный ветер гнал его к берегам острова. Синдбад сорвал с себя рубашку и принялся бегать по берегу, размахивая ею. Он махал руками, кричал и всячески старался обратить на себя внимание. Наконец матросы заметили его, и капитан приказал остановить корабль. Синдбад бросился в воду и в несколько взмахов достиг корабля. По парусам и по одежде матросов он узнал, что корабль принадлежит его землякам. Действительно, это был арабский корабль. Капитан корабля много слышал рассказов про остров, где живет страшный змей, но никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь от него спасся.

Матросы ласково встретили Синдбада, накормили и одели его. Капитан приказал поднять паруса, и корабль помчался дальше.

Долго плыл он по морю и наконец доплыл до какой-то земли. Капитан остановил корабль у пристани, и все путники вышли на берег продавать и выменивать свои товары. Только у Синдбада ничего не было. Грустный и печальный, остался он на корабле. Скоро капитан подозвал его к себе и сказал:

— Я хочу сделать доброе дело и помочь тебе. С нами был один путешественник, которого мы потеряли, и я не знаю, умер он или жив. А товары его так и лежат в трюме. Возьми их и продай на рынке, и я дам тебе что-нибудь за труды. А то, что не удастся продать, мы отвезем в Багдад и отдадим его родственникам.

— Охотно сделаю это,— сказал Синдбад.

И капитан приказал матросам вынести товары из трюма.

Когда выгрузили последний тюк, корабельный писец спросил капитана:

— Что это за товары и как зовут их хозяина? На чье имя их записать?

— Запиши на имя Синдбада-Морехода, который плыл с нами на корабле и пропал,— ответил капитан.

Услышав это, Синдбад едва не лишился чувств от удивления и радости.

— О господин,— спросил он капитана,— знаешь ли ты того человека, чьи товары ты приказал мне продать?

— Это был человек из города Багдада по имени Синдбад-Мореход,— отвечал капитан.

— Это я Синдбад-Мореход! — закричал Синдбад.— Я не пропал, а заснул на берегу, а ты не дождался меня и уплыл. Это было в мое прошлое путешествие, когда птица Рухх принесла меня в долину алмазов.

Матросы услышали слова Синдбада и толпой обступили его. Некоторые ему верили, другие называли его лжецом. И вдруг подошел к капитану один купец, который тоже плыл на этом корабле, и сказал:

— Помнишь, я тебе рассказывал, как я был на алмазной горе и бросил в долину кусок мяса, и к мясу прицепился какой-то человек, и орел принес его на гору вместе с мясом? Ты мне не поверил и сказал, что я лгу. Вот человек, который привязался тюрбаном к моему куску мяса. Он подарил мне такие алмазы, лучше которых не бывает, и сказал, что его зовут Синдбад-Мореход.

Тут капитан обнял Синдбада и сказал ему:

— Возьми свои товары. Теперь я верю, что ты Синдбад-Мореход. Продай их поскорей, пока на рынке не кончилась торговля.

Синдбад продал свои товары с большой прибылью и вернулся в Багдад на этом же корабле. Он был очень доволен, что возвратился домой, и твердо решил никогда больше не пускаться в путешествия.

Так окончилось третье путешествие Синдбада.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Но прошло немного времени, и Синдбаду опять захотелось побывать в чужих странах. Он купил самых дорогих товаров, отправился в Басру, нанял хороший корабль и поплыл в сторону Индии.

Первые дни все шло благополучно, но однажды под утро поднялась буря. Корабль Синдбада стало кидать по волнам, как щепку. Капитан велел бросить якорь в мелком месте, чтобы переждать бурю. Но не успел корабль остановиться, как якорные цепи лопнули, и корабль понесло прямо на берег. Паруса на корабле порвались, волны залили палубу и унесли всех купцов и матросов в море.

Несчастные путешественники, точно камни, пошли ко дну. Только Синдбад и еще несколько купцов схватились за обломок доски и удержались на поверхности моря.

Целый день и целую ночь носились они по морю, а утром волны выбросили их на скалистый берег.

Еле живые лежали путники на земле. Только когда прошел день, а за ним ночь, они немного опомнились.

Дрожа от холода, Синдбад и его друзья пошли по берегу, надеясь, что встретят людей, которые их приютят и накормят. Долго шли они и наконец увидали вдалеке высокую постройку, похожую на дворец. Синдбад очень обрадовался и пошел быстрее. Но едва путники приблизились к этой постройке, их окружила толпа людей. Эти люди схватили их и отвели к своему царю, а царь знаком приказал им сесть. Когда они сели, перед ними поставили миски с каким-то диковинным кушаньем. Ни Синдбад, ни его приятели-купцы никогда такого не ели. Спутники Синдбада с

жадностью набросились на кушанье и съели все, что было в мисках. Один Синдбад почти не притронулся к кушанью, а только попробовал его.

А царь этого города был людоед. Его приближенные ловили всех чужеземцев, которые заходили в их страну, и кормили их этим кушаньем. Всякий, кто ел его, постепенно терял разум и становился похож на животное. Откормив чужеземца, приближенные царя убивали его, жарили и съедали. А царь ел людей прямо сырыми.

Приятелей Синдбада тоже ждала такая участь. Каждый день они ели помногу этого кушанья, и все тело у них заплыло жиром. Они перестали понимать, что с ними делается,— только ели и спали. Их отдали пастуху, точно свиней; каждый день пастух выгонял их за город и кормил из больших корыт.

Синдбад не ел этого кушанья, а другого ему не давали. Он подбирал на лугах коренья и ягоды и кое-как питался ими. Все его тело высохло, он ослабел и еле держался на ногах. Видя, что Синдбад такой слабый и тощий, приближенные царя решили, что его не надо стеречь — все равно не убежит,— и скоро забыли о нем.

А Синдбад только и мечтал, как бы вырваться от людоедов. Однажды утром, когда все еще спали, он вышел из ворот дворца и пошел куда глаза глядят. Скоро он пришел на зеленый луг и увидел человека, который сидел на большом камне. Это был пастух. Он только что пригнал купцов, приятелей Синдбада, из города и поставил перед ними корыто с кормом. Увидев Синдбада, пастух сразу понял, что Синдбад здоров и владеет своим умом. Он сделал ему знак рукой: «Подойди сюда!» — и, когда Синдбад приблизился, сказал ему:

— Иди по этой тропинке, а когда дойдешь до перекрестка, сверни направо и выйдешь на султанскую дорогу. Она выведет тебя из земли нашего царя, и ты, может быть, доберешься до твоей родины.

Синдбад поблагодарил пастуха и пошел. Он старался идти как можно быстрее и скоро увидел справа от себя дорогу. Семь дней и семь ночей шел Синдбад по этой дороге, питаясь кореньями и ягодами. Наконец на восьмой день утром он увидел невдалеке от себя толпу людей и подошел к ним. Люди обступили его и стали расспрашивать, кто он и откуда пришел. Синдбад рассказал им обо всем, что с ним случилось, и его отвели к царю той страны. Царь велел накормить Синдбада и тоже спросил его, откуда он родом и что с ним произошло. Когда Синдбад рассказал царю о своих приключениях, царь очень удивился и воскликнул:

— Я в жизни не слышал истории удивительней! Добро пожаловать, чужеземец! Оставайся жить в моем городе.

Синдбад остался в городе этого царя, которого звали Тайгамус. Царь очень полюбил Синдбада и скоро так привык к нему,

что не отпускал его от себя ни на минуту. Он оказывал Синдбаду всякие милости и исполнял все его желания.

И вот однажды после обеда, когда все приближенные царя, кроме Синдбада, разошлись по домам, царь Тайгамус сказал Синдбаду:

— О Синдбад, ты стал для меня дороже всех моих приближенных, и я не могу расстаться с тобой. У меня есть к тебе большая просьба. Обещай мне, что исполнишь ее.

— Говори, какая у тебя просьба,— ответил Синдбад.— Ты был добр ко мне, и я не могу тебя ослушаться.

— Останься у нас навсегда,— сказал царь.— Я найду тебе хорошую жену, и тебе будет в моем городе не хуже, чем в Багдаде.

Услышав слова царя, Синдбад очень огорчился. Он все еще надеялся вернуться когда-нибудь в Багдад, а теперь надежду приходилось оставить. Ведь не мог же Синдбад отказать царю!

— Пусть будет по-твоему, о царь,— сказал он.— Я останусь здесь навсегда.

Царь тотчас же велел отвести Синдбаду помещение во дворце и женил его на дочери своего визиря.

Еще несколько лет прожил Синдбад в городе царя Тайгамуса и стал понемногу забывать Багдад. У него завелись друзья среди жителей города, все его любили и уважали.

И вот однажды ранним утром к нему вошел один из его приятелей по имени Абу-Мансур. Одежда на нем была разорвана и тюрбан съехал набок; он ломал себе руки и горько рыдал.

— Что с тобой, Абу-Мансур? — спросил Синдбад.

— Сегодня ночью у меня умерла жена,— ответил его приятель.

Синдбад принялся его утешать, но Абу-Мансур продолжал горько плакать, ударяя себя руками в грудь.

— О Абу-Мансур,— сказал Синдбад,— что пользы так убиваться? Пройдет время, и ты утешишься. Ты ведь еще молодой и долго проживешь.

И вдруг Абу-Мансур заплакал еще сильнее и воскликнул:

— Как это ты говоришь, что я долго проживу, когда мне осталось жить всего один день! Завтра ты лишишься меня и никогда больше меня не увидишь.

— Почему? — спросил Синдбад.— Ты ведь здоров, и тебе не грозит смерть.

— Завтра похоронят мою жену, и меня тоже опустят с нею в могилу,— сказал Абу-Мансур.— В нашей стране такой обычай: когда умирает женщина, ее мужа хоронят живым вместе с нею, а когда умирает мужчина, с ним вместе хоронят его жену.

«Это очень скверный обычай,— подумал Синдбад.— Хорошо, что я чужеземец и меня не похоронят живым».

Он постарался, как мог, утешить Абу-Мансура и обещал, что попросит царя избавить его от такой страшной смерти. Но

когда Синдбад пришел к царю и высказал ему свою просьбу, царь покачал головой и сказал:

— Проси о чем хочешь, Синдбад, но только не об этом. Я не могу нарушить обычай моих предков. Завтра твоего приятеля опустят в могилу.

— О царь,— спросил Синдбад,— а если умрет жена у чужеземца, ее мужа тоже похоронят вместе с нею?

— Да,— ответил царь.— Но не беспокойся за себя. Твоя жена еще слишком молода и, наверно, не умрет раньше тебя.

Когда Синдбад услышал эти слова, он очень огорчился и испугался. Печальный, вернулся он к себе и с этих пор все время думал об одном — как бы его жена не заболела смертельной болезнью. Прошло немного времени, и то, чего он боялся, случилось. Его жена тяжело занемогла и через несколько дней скончалась.

Царь и все жители города пришли, по обычаю, утешать Синдбада. На его жену надели ее лучшие драгоценности, положили ее тело на носилки и понесли к высокой горе, находившейся недалеко от города. На вершине горы была вырыта глубокая яма, прикрытая тяжелым камнем. Носилки с телом жены Синдбада обвязали веревками и, подняв камень, опустили в могилу. А потом царь Тайгамус и друзья Синдбада подошли к нему и начали с ним прощаться. Бедный Синдбад понял, что пришел час его смерти. Он бросился бежать с криком:

— Я чужеземец и не должен подчиняться вашим обычаям! Я не хочу умереть в этой яме!

Но как ни отбивался Синдбад, его все-таки привели к страшной яме. Ему дали с собой кувшин воды и семь хлебных лепешек и, обвязав веревками, опустили в яму. А потом яму завалили камнем, и царь и все, кто был с ним, ушли обратно в город.

Бедный Синдбад очутился в могиле, среди мертвецов. Сначала он ничего не видел, но, когда его глаза привыкли к темноте, он заметил, что в могилу проходит сверху слабый свет. Камень, закрывавший вход в могилу, неплотно прилегал к ее краям, и тоненький луч солнца пробивался в пещеру.

Вся пещера была полна мертвецов — мужчин и женщин. На них были надеты их лучшие платья и драгоценности. Отчаяние и горе охватили Синдбада.

«Теперь-то уже мне не спастись,— подумал он.— Из этой могилы никому не выйти».

Через несколько часов солнечный луч, освещавший пещеру, погас, и вокруг Синдбада стало совсем темно. Синдбад был очень голоден. Он съел лепешку, напился воды и уснул прямо на земле, среди мертвецов.

День, другой, а за ним и третий провел Синдбад в страшной пещере. Он старался есть как можно меньше, чтобы еды хватило на более долгий срок, но на третий день вечером он проглотил

последний кусок лепешки и запил ее последним глотком воды. Теперь ему оставалось только ждать смерти.

Синдбад расстелил на земле свой плащ и лег. Всю ночь пролежал он без сна, вспоминая родной Багдад, друзей и приятелей. Только под утро его глаза закрылись, и он уснул.

Проснулся он от слабого шороха: кто-то с ворчаньем и фырканьем скреб когтями каменные стены пещеры. Синдбад вскочил на ноги и пошел по направлению шума. Кто-то пробежал мимо него, стуча лапами.

«Это, верно, какой-нибудь дикий зверь,— подумал Синдбад.— Почуяв человека, он испугался и убежал. Но как же он попал в пещеру?»

Синдбад бросился следом за зверем и вскоре увидел вдалеке свет, который становился тем ярче, чем ближе Синдбад подходил к нему. Скоро Синдбад оказался перед большим отверстием. Синдбад вышел через отверстие наружу и оказался на склоне горы. Морские волны с ревом разбивались о ее подножие.

Радостно стало у Синдбада на душе, снова появилась у него надежда на спасение.

«Ведь проходят же мимо этого места корабли,— подумал он.— Может быть, какое-нибудь судно подберет меня. А если даже я умру здесь, это будет лучше, чем погибнуть в этой пещере, полной мертвецов».

Синдбад посидел немного на камне у входа в пещеру, наслаждаясь свежим утренним воздухом. Он принялся думать о своем возвращении в Багдад, к друзьям и приятелям, и грустно стало ему, что он вернется к ним разоренный, без единого дирхема. И вдруг он хлопнул себя рукой по лбу и громко сказал:

— Я печалюсь о том, что вернусь в Багдад нищим, а недалеко от меня лежат такие богатства, каких нет в сокровищницах персидских царей! Пещера полна мертвецов, мужчин и женщин, которых опускают в нее уже много сотен лет. И вместе с ними опускают в могилу их лучшие драгоценности. Эти драгоценности так и пропадут в пещере без всякой пользы. Если я возьму себе часть их, никто не пострадает от этого.

Синдбад тотчас же вернулся в пещеру и стал собирать перстни, ожерелья, серьги и браслеты, разбросанные по земле. Он завязал все это в свой плащ и вынес узел с драгоценностями из пещеры. Несколько дней провел он на берегу моря, питаясь травой, плодами, кореньями и ягодами, которые он собирал в лесу на склоне горы, и с утра до вечера смотрел на море. Наконец он увидел вдали, на волнах, корабль, который направлялся в его сторону.

Мигом сорвал Синдбад с себя рубашку, привязал ее к толстой палке и принялся бегать по берегу, размахивая ею в воздухе. Дозорный, сидевший на мачте корабля, заметил его знаки, и капитан приказал остановить корабль невдалеке от берега. Не дожидаясь, пока за ним пришлют лодку, Синдбад бросился в воду и в не-

сколько взмахов достиг корабля. Спустя минуту он уже стоял на палубе, окруженный матросами, и рассказывал свою историю. От матросов он узнал, что корабль их идет из Индии в Басру. Капитан охотно согласился довезти Синдбада до этого города и взял у него в уплату только один драгоценный камень, правда самый большой.

Через месяц пути корабль благополучно достиг Басры. Оттуда Синдбад-Мореход отправился в Багдад. Он сложил в кладовую драгоценности, которые привез с собой, и опять зажил в своем доме, счастливый и радостный.

Так окончилось четвертое путешествие Синдбада.

ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Прошло немного времени, и снова наскучило Синдбаду жить в своем прекрасном доме в Городе Мира. Кто хоть раз плавал по морю, кто привык засыпать под вой и свист ветра, тому не сидится на твердой земле.

И вот однажды пришлось ему поехать по делам в Басру, откуда он не раз начинал свои путешествия. Он опять увидел этот богатый веселый город, где небо всегда такое синее и солнце светит так ярко, увидел корабли с высокими мачтами и разноцветными парусами, услышал крики матросов, выгружавших из трюмов диковинные заморские товары, и ему до того захотелось путешествовать, что он немедля решил собираться в путь.

Через десять дней Синдбад уже плыл по морю на большом, крепком корабле, нагруженном товарами. С ним было еще несколько купцов, а вел корабль старый опытный капитан с большой командой матросов.

Два дня и две ночи плыл корабль Синдбада в открытом море, а на третий день, когда солнце стояло как раз над головами путников, вдали показался небольшой скалистый остров. Капитан приказал направиться к этому острову, и, когда корабль приблизился к его берегам, все увидели, что посреди острова возвышается огромный купол, белый и сверкающий, с острой верхушкой. Синдбад в это время спал на палубе в тени паруса.

— Эй, капитан! Останови корабль! — закричали спутники Синдбада.

Капитан велел бросить якорь, и все купцы и матросы выскочили на берег. Когда корабль стал на якорь, толчок разбудил Синдбада, и он вышел на середину палубы, чтобы посмотреть, почему остановился корабль. И вдруг он увидел, что все купцы и матросы стоят вокруг огромного белого купола и стараются пробить его ломами и крючьями.

— Не делайте этого! Вы погибнете! — крикнул Синдбад.

Он сразу понял, что этот купол — яйцо птицы Рухх, такое же,

как то, которое он видел в первое путешествие. Если птица Рухх прилетит и увидит, что его разбили, всем матросам и купцам не миновать смерти.

Но товарищи Синдбада не послушались его и стали еще сильнее бить по яйцу. Наконец скорлупа треснула. Из яйца полилась вода. Потом из него показался длинный клюв, за ним — голова и лапы: в яйце был птенец. Если б яйцо не разбили, он, наверно, скоро бы вылупился.

Матросы схватили птенца зажарили его и принялись есть. Только Синдбад не притронулся к его мясу. Он бегал вокруг своих товарищей и кричал:

— Кончайте скорей, а то прилетит Рухх и убьет вас!

И вдруг в воздухе послышался громкий свист и оглушительное хлопанье крыльев. Купцы посмотрели вверх и кинулись к кораблю. Прямо над их головами летела птица Рухх. В когтях у нее извивались две огромные змеи. Увидев, что ее яйцо разбито, птица Рухх так закричала, что люди попадали от страха на землю и уткнулись головами в песок. Птица выпустила свою добычу из когтей, покружила в воздухе и скрылась из виду. Купцы и матросы поднялись на ноги и побежали к морю. Они подняли якорь, распустили паруса и поплыли как можно быстрее, чтобы спастись от страшной птицы Рухх.

Чудовищной птицы не было видно, и путники начали было уже успокаиваться, но вдруг опять послышалось хлопанье крыльев, и вдали показалась птица Рухх, но уже не одна. С ней летела другая такая же птица, еще больше и страшней первой. Это был Рухх-самец. Каждая птица несла в когтях огромный камень — целую скалу.

Товарищи Синдбада забегали по палубе, не зная, куда укрыться от разъяренных птиц. Некоторые легли на палубу, другие спрятались за мачты, а капитан неподвижно застыл на месте, подняв руки к небу. Он до того испугался, что не мог шевельнуться.

Вдруг раздался страшный удар, точно выстрел из самой большой пушки, и по морю заходили волны. Это одна из птиц бросила камень, но промахнулась. Увидя это, второй Рухх громко закричал и над самым кораблем выпустил из когтей свой камень. Камень упал на корму. Корабль жалобно затрещал, накренился, снова выпрямился, подброшенный волной, и стал тонуть. Волны залили палубу и унесли всех купцов и матросов. Спасся один Синдбад. Он ухватился рукой за корабельную доску и, когда волны улеглись, взобрался на нее.

Два дня и три ночи носился Синдбад по морю, и наконец на третий день волны прибили его к неведомой земле. Синдбад выбрался на берег и огляделся. Ему показалось, что он не на острове, среди моря, а дома, в Багдаде, в своем чудесном саду. Ноги его ступали по мягкой зеленой траве, усеянной пестрыми

цветами. Ветки деревьев гнулись от тяжести плодов. Круглые сверкающие апельсины, душистые лимоны, гранаты, груши, яблоки как будто сами просились в рот. Маленькие пестрые птицы с громким щебетаньем кружились в воздухе. Подле быстрых, блестящих, как серебро, ручьев прыгали и играли газели. Они не испугались Синдбада, потому что никогда не видели людей и не знали, что их нужно бояться.

Синдбад так устал, что еле стоял на ногах. Он напился воды из ручья, лег под дерево и сорвал с ветки большое яблоко, но не успел даже откусить от него ни кусочка, а так и заснул, держа яблоко в руке.

Когда он проснулся, солнце опять стояло высоко и птицы так же весело щебетали на деревьях: Синдбад проспал весь день и всю ночь. Только теперь он почувствовал, как ему хочется есть, и с жадностью набросился на плоды.

Подкрепившись немного, он поднялся и пошел по берегу. Ему хотелось осмотреть эту чудесную землю, и он надеялся встретить людей, которые приведут его в какой-нибудь город.

Долго гулял Синдбад по берегу, но не увидел ни одного человека. Наконец он решил немного отдохнуть и свернул в небольшой лесок, где было прохладнее.

И вдруг он видит: под деревом, у ручья, сидит маленький человек с длинной волнистой седой бородой, одетый в рубаху из листьев и подпоясанный травой. Этот старичок сидел у самой воды, поджав ноги, и жалобно смотрел на Синдбада.

— Мир тебе, о старик! — сказал Синдбад.— Кто ты и что это за остров? Почему ты сидишь один у этого ручья?

Старик не ответил Синдбаду ни одного слова, но показал ему знаками: «Перенеси меня через ручей».

Синдбад подумал: «Если я перенесу его через ручей, мне не будет от этого ничего плохого, а сделать доброе дело никогда не мешает. Может быть, старик мне покажет, как найти на острове людей, которые помогут мне добраться до Багдада».

И он подошел к старику, посадил его себе на плечи и перенес через ручей.

На другом берегу Синдбад опустился на колени и сказал старику:

— Слезай, мы уже пришли.

Но старик только крепче уцепился за него и обхватил ногами его шею.

— Долго ты еще будешь сидеть у меня на плечах, скверный старик? — закричал Синдбад и хотел сбросить старика на землю.

И вдруг старик громко засмеялся и так сжал ногами шею Синдбада, что тот чуть не задохнулся.

— Горе мне! — воскликнул Синдбад.— Я убежал от людоеда, перехитрил змея и заставил Рухха нести себя, а теперь мне самому придется носить этого скверного старика! Пусть только

он заснет, я сейчас же утоплю его в море! А до вечера недолго ждать.

Но наступил вечер, а старик и не думал слезать с шеи Синдбада. Он так и заснул у него на плечах и только немного разжал ноги. А когда Синдбад попробовал тихонько спихнуть его со своей спины, старик заворчал во сне и больно ударил Синдбада пятками. Ноги были у него тонкие и длинные, как плети.

И превратился несчастный Синдбад в вьючного верблюда. Целыми днями приходилось ему бегать со стариком на спине от одного дерева к другому и от ручья к ручью. Если он шел тише, старик жестоко бил его пятками по бокам и сжимал ему коленями шею.

Так прошло много времени — месяц или больше. И вот однажды в полдень, когда солнце особенно сильно пекло, старик крепко заснул на плечах Синдбада, и Синдбад решил отдохнуть где-нибудь под деревом. Он стал искать тенистого места и вышел на полянку, на которой росло много больших тыкв; некоторые из них были сухие. Синдбад очень обрадовался, когда увидел тыквы.

«Они мне, наверно, пригодятся,— подумал он.— Может быть, они даже помогут мне сбросить с себя этого жестокого старика».

Он сейчас же выбрал несколько тыкв побольше и выдолбил их острой палочкой. Потом он набрал самого спелого винограда, наполнил им тыквы и плотно закупорил их листьями. Он выставил тыквы на солнце и ушел с полянки, таща на себе старика. Три дня не возвращался он на полянку. На четвертый день Синдбад снова пришел к своим тыквам (старик, как и в тот раз, спал у него на плечах) и вынул пробки, которыми заткнул тыквы. В нос ему ударил крепкий запах: виноград стал бродить и его сок превратился в вино. Этого только и нужно было Синдбаду. Он осторожно вынул виноград и выжал из него сок прямо в тыквы, а потом снова закупорил их и поставил в тень. Теперь надо было подождать, когда проснется старик.

Никогда Синдбаду так не хотелось, чтобы он проснулся поскорее. Наконец старик начал ерзать на плечах Синдбада и ударил его ногой. Тогда Синдбад взял самую большую тыкву, откупорил ее и отпил немного.

Вино было крепкое и сладкое. Синдбад прищелкнул языком от удовольствия и начал плясать на одном месте, встряхивая старика. А старик увидел, что Синдбад напился чего-то вкусного, и ему тоже захотелось попробовать. «Дай и мне»,— знаками показал он Синдбаду.

Синдбад подал ему тыкву, и старик одним духом выпил из нее весь сок. Он никогда раньше не пробовал вина, и оно ему очень понравилось. Скоро он начал петь и смеяться, захлопал в ладоши и застучал кулаком по шее Синдбада.

Но вот старик стал петь все тише и тише и наконец крепко

заснул, свесив голову на грудь. Его ноги постепенно разжались, и Синдбад легко сбросил его со своей спины. До чего приятно показалось Синдбаду расправить наконец плечи и выпрямиться!

Синдбад ушел от старика и целый день бродил по острову. Он прожил на острове еще много дней и все ходил вдоль берега моря, высматривая, не покажется ли где-нибудь парус. И наконец он увидел вдали большой корабль, который приближался к острову. Синдбад закричал от радости и принялся бегать взад и вперед и махать руками, а когда корабль подошел ближе, Синдбад бросился к воде и поплыл ему навстречу. Капитан корабля заметил Синдбада и велел остановить свое судно. Синдбад, как кошка, вскарабкался на борт и сначала не мог сказать ни одного слова, только обнимал капитана и матросов и плакал от радости. Матросы громко говорили между собой, но Синдбад не понимал их. Среди них не было ни одного араба, и никто из них не говорил по-арабски. Они накормили и одели Синдбада и дали ему место в своей каюте. И Синдбад ехал с ними много дней и ночей, пока корабль не пристал к какому-то городу.

Это был большой город с высокими белыми домами и широкими улицами. Со всех сторон его окружали крутые горы, поросшие густым лесом.

Синдбад вышел на берег и пошел бродить по городу.

Улицы и площади были полны народу; все люди, которые попадались Синдбаду навстречу, были чернокожие, с белыми зубами и красными губами. На большой площади был главный городской рынок. Там стояло много лавок, в которых торговали, расхваливая свои товары, купцы из всех стран — персы, индийцы, франки*, турки, китайцы.

Синдбад стоял посреди рынка и смотрел по сторонам. И вдруг мимо него прошел человек в халате, с большим белым тюрбаном на голове и остановился у лавки медника. Синдбад внимательно всмотрелся в него и сказал себе:

«У этого человека совсем такой же халат, как у моего приятеля Хаджи-Мухаммеда с Красной улицы, и тюрбан у него свернут по-нашему. Пойду к нему и спрошу, не из Багдада ли он».

А человек в тюрбане тем временем выбрал большой блестящий таз и кувшин с длинным узким горлышком, отдал за них меднику два золотых динара и пошел обратно. Когда он поравнялся с Синдбадом, тот низко поклонился ему и сказал:

— Мир тебе, о почтенный купец! Скажи мне, откуда ты родом — не из Багдада ли, Города Мира?

— Привет тебе, земляк! — радостно ответил купец.— По тому, как ты говоришь, я сразу узнал, что ты багдадец. Уже десять лет я живу в этом городе и ни разу до сего дня не слышал арабской речи. Пойдем ко мне и поговорим о Багдаде, о его садах и площадях.

Купец крепко обнял Синдбада и прижал его к груди. Он повел

Синдбада к себе домой, напоил и накормил его, и они до вечера проговорили о Багдаде и его диковинах. Синдбаду было так приятно вспоминать родину, что он даже не спросил багдадца, как его зовут и как называется город, в котором он теперь находится. А когда стало темнеть, багдадец сказал Синдбаду:

— О земляк, я хочу спасти тебе жизнь и сделать тебя богатым. Слушай же меня внимательно и делай все, что я тебе скажу. Знай, что этот город называется Городом Черных и все жители его — зинджи*. Они живут в своих домах только днем, а вечером садятся в лодки и выезжают в море. Как только наступает ночь, в город приходят из леса обезьяны и если встречают на улице людей, то убивают их. А утром обезьяны снова уходят, и зинджи возвращаются. Скоро станет совсем темно, и обезьяны придут в город. Садись же со мной в лодку, и поедем, иначе обезьяны тебя убьют.

— Спасибо тебе, земляк! — воскликнул Синдбад.— Скажи мне, как твое имя, чтобы я знал, кто оказал мне милость.

— Меня зовут Мансур Плосконосый,— ответил багдадец.— Идем скорей, если ты не хочешь попасть в лапы обезьянам.

Синдбад и Мансур вышли из дому и пошли к морю. Все улицы были полны народу. Мужчины, женщины и дети бежали к пристани, торопясь, спотыкаясь и падая.

Придя в гавань, Мансур отвязал свою лодку и вскочил в нее вместе с Синдбадом. Они отъехали немного от берега, и Мансур сказал:

— Сейчас в город войдут обезьяны. Смотри!

И вдруг горы, окружавшие Город Черных, покрылись движущимися огоньками. Огоньки катились сверху вниз и становились все больше и больше. Наконец они совсем приблизились к городу, и на большой площади появились обезьяны, которые несли в передних лапах факелы, освещая путь.

Обезьяны рассыпались по рынку, сели в лавках и начали торговать. Одни продавали, другие покупали. В харчевнях обезьяны-повара жарили баранов, варили рис и пекли хлеб. Покупатели, тоже обезьяны, примеряли одежду, выбирали посуду, материю, ссорились и дрались между собой. Так продолжалось до рассвета; когда небо на востоке стало светлеть, обезьяны построились в ряды и ушли из города, а жители вернулись в свои дома.

Мансур Плосконосый привел Синдбада к себе домой и сказал ему:

— Я уже долго живу в Городе Черных и стосковался по родине. Скоро мы с тобой отправимся в Багдад, но сначала тебе нужно нажить побольше денег, чтобы не стыдно было вернуться домой. Слушай же, что я тебе скажу. Горы вокруг Города Черных покрыты лесом. В этом лесу много пальм с прекрасными кокосовыми орехами. Зинджи очень любят эти орехи и готовы отдать за каждый из них много золота и драгоценных камней. Но пальмы

в лесу такие высокие, что ни один человек не может достать орехи, и никто не знает способа, как их раздобыть. А я научу тебя. Завтра мы пойдем в лес, и ты вернешься оттуда богачом.

На следующее утро, как только обезьяны ушли из города, Мансур вынес из кладовой два больших тяжелых мешка, взвалил один из них на плечи, а другой велел нести Синдбаду и сказал:

— Ступай за мной и смотри, что я буду делать. Делай то же самое, и у тебя будет больше орехов, чем у кого-либо из жителей этого города.

Синдбад с Мансуром пошли в лес и шли очень долго, час или два. Наконец они остановились перед большой пальмовой рощей. Здесь было множество обезьян. Увидев людей, они вскарабкались на верхушки деревьев, свирепо оскалили зубы и громко заворчали. Синдбад сначала испугался и хотел бежать, но Мансур остановил его и сказал:

— Развяжи твой мешок и посмотри, что там есть.

Синдбад развязал мешок и увидел, что он полон круглых, гладких камешков — голышей. Мансур тоже развязал свой мешок, вынул из него горсть камешков и бросил ими в обезьян. Обезьяны закричали еще громче, принялись прыгать с одной пальмы на другую, стараясь укрыться от камней. Но куда бы они ни убегали, камни Мансура везде доставали их. Тогда обезьяны стали срывать с пальм орехи и бросать их в Синдбада и Мансура. Мансур с Синдбадом бегали между пальмами, ложились, приседали, прятались за стволами, и только один или два ореха, брошенных обезьянами, попали в цель.

Скоро вся земля вокруг них покрылась большими, отборными орехами. Когда в мешках не осталось больше камней, Мансур и Синдбад наполнили их орехами и вернулись в город. Они продали орехи на рынке и получили за них столько золота и драгоценностей, что едва принесли их домой.

На следующий день они опять пошли в лес и снова набрали столько же орехов. Так они ходили в лес десять дней.

Наконец, когда все кладовые в доме Мансура были полны и золото некуда было класть, Мансур сказал Синдбаду:

— Теперь мы можем нанять корабль и отправиться в Багдад.

Они пошли к морю, выбрали самый большой корабль, наполнили его трюм золотом и драгоценностями и поплыли. На этот раз ветер был попутный, и никакая беда не задержала их.

Они прибыли в Басру, наняли караван верблюдов, навьючили их драгоценностями и отправились в Багдад.

Жена и родные радостно встретили Синдбада. Синдбад роздал друзьям и приятелям много золота и драгоценных камней и спокойно зажил в своем доме. Снова, как прежде, стали приходить к нему купцы и слушать рассказы о том, что он видел и испытал во время путешествия.

Так окончилось пятое путешествие Синдбада.

Но прошло немного времени, и Синдбаду снова захотелось поехать в чужие страны. Быстро собрался Синдбад и поехал в Басру. Опять выбрал он себе хороший корабль, набрал команду матросов и пустился в путь.

Двадцать дней и двадцать ночей плыл его корабль, подгоняемый попутным ветром. А на двадцать первый день поднялась буря и пошел сильный дождь, от которого промокли вьюки с товарами, сложенные на палубе. Корабль начало бросать из стороны в сторону, как перышко. Синдбад и его спутники очень испугались. Они подошли к капитану и спросили его:

— О капитан, скажи нам, где мы находимся и далеко ли земля?

Капитан корабля затянул пояс потуже, влез на мачту и посмотрел во все стороны. И вдруг он быстро спустился с мачты, сорвал с себя тюрбан и начал громко кричать и плакать.

— О капитан, в чем дело? — спросил его Синдбад.

— Знай,— ответил капитан,— что пришел наш последний час. Ветер отогнал наш корабль и забросил его в неведомое море. Ко всякому кораблю, который достигает этого моря, выходит из воды рыба и глотает его со всем, что на нем есть.

Не успел он еще договорить эти слова, как корабль Синдбада начал подниматься на волнах и опускаться, и путники услышали страшный рев. И вдруг к кораблю подплыла рыба, подобная высокой горе, а за ней другая, еще больше первой, и третья — такая огромная, что две другие казались перед ней крошечными, и Синдбад перестал понимать, что происходит, и приготовился умереть.

И третья рыба разинула пасть, чтобы проглотить корабль и всех, кто был на нем, но вдруг поднялся сильный ветер, корабль подняло волной, и он понесся вперед. Долго мчался корабль, подгоняемый ветром, и наконец налетел на скалистый берег и разбился. Все матросы и купцы попáдали в воду и утонули. Только Синдбаду удалось зацепиться за скалу, торчавшую из воды у самого берега, и выбраться на сушу.

Он осмотрелся и увидел, что находится на острове, где было много деревьев, птиц и цветов. Долго бродил Синдбад по острову в поисках пресной воды и наконец увидел небольшой ручеек, который тек по полянке, заросшей густой травой. Синдбад напился воды из ручья и поел кореньев. Отдохнув немного, он пошел по течению ручья, и ручей привел его к большой реке, быстрой и бурливой. На берегах реки росли высокие, развесистые деревья — тек, алоэ и сандал.

Синдбад прилег под деревом и крепко заснул. Проснувшись, он немного подкрепился плодами и кореньями, потом подошел к реке и стал на берегу, глядя на ее быстрое течение.

— У этой реки,— сказал он себе,— должно быть начало и

конец. Если я сделаю маленький плот и поплыву на нем по реке, вода, может быть, принесет меня к какому-нибудь городу.

Он набрал под деревьями толстых сучьев и веток и связал их, а сверху положил несколько досок — обломков кораблей, разбившихся у берега. Таким образом получился отличный плот. Синдбад столкнул плот в реку, стал на него и поплыл. Течение быстро несло плот, и вскоре Синдбад увидел перед собой высокую гору, в которой вода пробила узкий проход. Синдбад хотел остановить плот или повернуть его назад, но вода была сильнее его и втянула плот под гору. Сначала под горой было еще светло, но чем дальше течение несло плот, тем становилось темнее. Наконец наступил глубокий мрак. Вдруг Синдбад больно ударился головой о камень. Проход делался все ниже и теснее, и плот терся боками о стены горы. Скоро Синдбаду пришлось стать на колени, потом на четвереньки: плот еле-еле двигался вперед.

«А вдруг он остановится? — подумал Синдбад.— Что я тогда буду делать под этой темной горой?»

Синдбад не чувствовал, что течение все-таки толкало плот вперед.

Он лег на доски лицом вниз и закрыл глаза,— ему казалось, что стены горы вот-вот раздавят его вместе с его плотом.

Долго пролежал он так, каждую минуту ожидая смерти, и наконец заснул, ослабев от волнения и усталости.

Когда он проснулся, было светло и плот стоял неподвижно. Он был привязан к длинной палке, воткнутой в дно реки у самого берега. А на берегу стояла толпа людей. Они указывали на Синдбада пальцами и громко разговаривали между собой на каком-то непонятном языке.

Увидев, что Синдбад проснулся, люди на берегу расступились, и из толпы вышел высокий старик с длинной седой бородой, одетый в дорогой халат. Он приветливо сказал что-то Синдбаду, протягивая ему руку, но Синдбад несколько раз покачал головой в знак того, что не понимает, и сказал:

— Что вы за люди и как называется ваша страна?

Тут все на берегу закричали: «Араб, араб!», и другой старик, одетый еще наряднее первого, подошел почти к самой воде и сказал Синдбаду на чистом арабском языке:

— Мир тебе, чужеземец! Кто ты будешь и откуда ты пришел? По какой причине ты прибыл к нам и как нашел дорогу?

— А вы сами кто такие и что это за земля?

— О брат мой,— ответил старик,— мы мирные землевладельцы. Мы пришли за водой, чтобы полить наши посевы, и увидели, что ты спишь на плоту, и тогда мы поймали твой плот и привязали его у нашего берега. Скажи мне, откуда ты и зачем ты к нам приплыл?

— О господин,— ответил Синдбад,— прошу тебя, дай мне поесть и напои меня, а потом спрашивай о чем хочешь.

— Пойдем со мной в мой дом,— сказал старик.

Он отвел Синдбада к себе домой, накормил его, и Синдбад прожил у него несколько дней. И вот как-то утром старик сказал ему:

— О брат мой, не хочешь ли ты пойти со мной на берег реки и продать свой товар?

«А какой у меня товар?» — подумал Синдбад, но все-таки решил пойти со стариком на реку.

— Мы снесем твой товар на рынок,— продолжал старик,— и если тебе дадут за него хорошую цену, ты его продашь, а если нет — оставишь себе.

— Ладно,— сказал Синдбад и пошел за стариком.

Придя на берег реки, он взглянул на то место, где был привязан его плот, и увидел, что плота нет.

— Где мой плот, на котором я приплыл к вам? — спросил он старика.

— Вот,— ответил старик и указал пальцем на кучу палок, сваленных на берегу.— Это и есть твой товар, и дороже его нет ничего в наших странах. Знай, что твой плот был связан из кусков драгоценного дерева.

— А как же я вернусь отсюда на родину в Багдад, если у меня не будет плота? — сказал Синдбад.— Нет, я не продам его.

— О друг мой,— сказал старик,— забудь о Багдаде и о своей родине. Мы не можем отпустить тебя. Если ты вернешься в свою страну, ты расскажешь людям про нашу землю, и они придут и покорят нас. Не думай же о том, чтобы уехать. Живи у нас и будь нашим гостем, пока не умрешь, а твой плот мы с тобой продадим на рынке, и за него дадут столько пищи, что тебе хватит на всю жизнь.

И бедный Синдбад оказался на острове пленником. Он продал на рынке сучья, из которых был связан его плот, и получил за них много драгоценных товаров. Но это не радовало Синдбада. Он только и думал о том, как бы вернуться на родину.

Много дней прожил он в городе на острове у старика; немало друзей завелось у него среди жителей острова. И вот однажды Синдбад вышел из дому погулять и увидел, что улицы города опустели. Он не встретил ни одного мужчины — только дети и женщины попадались ему на дороге.

Синдбад остановил одного мальчика и спросил его:

— Куда пропали все мужчины, которые живут в городе? Или у вас война?

— Нет,— ответил мальчик,— у нас не война. Разве ты не знаешь, что у всех больших мужчин на нашем острове каждый год вырастают крылья и они улетают с острова? А через шесть дней они возвращаются, и крылья у них отпадают.

И правда, через шесть дней все мужчины опять вернулись, и жизнь в городе пошла по-прежнему.

Синдбаду тоже очень захотелось полетать по воздуху. Когда прошло еще одиннадцать месяцев, Синдбад решил попросить кого-нибудь из своих приятелей взять его с собой. Но сколько он ни просил, никто не соглашался. Только его лучший друг, медник с главного городского рынка, наконец решил исполнить просьбу Синдбада и сказал ему:

— В конце этого месяца приходи к горе около городских ворот. Я буду ждать тебя у этой горы и возьму тебя с собой.

В назначенный день Синдбад рано поутру пришел на гору. Медник уже ждал его там. Вместо рук у него были широкие крылья из блестящих белых перьев.

Он велел Синдбаду сесть к нему на спину и сказал:

— Сейчас я полечу с тобой над землями, горами и морями. Но помни условие, которое я тебе скажу: пока мы будем лететь — молчи и не произноси ни одного слова. Если ты раскроешь рот, мы оба погибнем.

— Хорошо,— сказал Синдбад.— Я буду молчать.

Он взобрался меднику на плечи, и тот распахнул крылья и взлетел высоко в воздух. Долго летал он, поднимаясь все выше и выше, и земля внизу казалась Синдбаду не больше чашки, брошенной в море.

И Синдбад не мог удержаться и воскликнул:

— Вот чудо!

Не успел он произнести эти слова, как крылья человека-птицы бессильно повисли и он начал медленно падать вниз.

На счастье Синдбада, они в это время как раз пролетали над какой-то большой рекой. Поэтому Синдбад не разбился, а только ушибся о воду. Зато меднику, его приятелю, пришлось плохо. Перья на его крыльях намокли, и он камнем пошел ко дну.

Синдбаду удалось доплыть до берега и выйти на сушу. Он снял с себя мокрую одежду, выжал ее и осмотрелся, не зная, в каком месте земли он находится. И вдруг из-за камня, лежавшего на дороге, выползла змея, державшая в пасти человека с длинной седой бородой. Этот человек махал руками и громко кричал:

— Спасите! Тому, кто спасет меня, я отдам половину моего богатства!

Недолго думая Синдбад поднял с земли тяжелый камень и бросил его в змею. Камень перешиб змею пополам, и она выпустила из пасти свою жертву. Человек подбежал к Синдбаду и воскликнул, плача от радости:

— Кто ты, о добрый чужеземец? Скажи мне, как твое имя, чтобы мои дети знали, кто спас их отца.

— Мое имя — Синдбад-Мореход,— ответил Синдбад.— А ты? Как тебя зовут и в какой земле мы находимся?

— Меня зовут Хасан-ювелир,— ответил человек.— Мы находимся в земле Египетской, недалеко от славного города Каира, а эта река — Нил. Пойдем ко мне в дом, я хочу наградить

тебя за твое доброе дело. Я подарю тебе половину моих товаров и денег, а это немало, так как я уже пятьдесят лет торгую на главном рынке и давно состою старшиной каирских купцов.

Хасан-ювелир сдержал слово и отдал Синдбаду половину своих денег и товаров. Другие ювелиры тоже хотели наградить Синдбада за то, что он спас их старшину, и у Синдбада оказалось столько денег и драгоценностей, сколько у него никогда еще не бывало. Он купил самых лучших египетских товаров, нагрузил все свои богатства на верблюдов и вышел из Каира в Багдад.

После долгого пути он вернулся в свой родной город, где его уже не надеялись увидеть живым.

Жена и приятели Синдбада подсчитали, сколько лет он путешествовал, и оказалось — двадцать семь лет.

— Довольно тебе ездить по чужим странам,— сказала Синдбаду его жена.— Оставайся с нами и не уезжай больше.

Все так уговаривали Синдбада, что он наконец согласился и дал клятву больше не путешествовать. Долго еще ходили к нему багдадские купцы слушать рассказы о его удивительных приключениях, и он жил счастливо, пока не пришла к нему смерть.

Вот все, что дошло до нас о путешествиях Синдбада-Морехода.

Комментарии

СКАЗКИ НАРОДОВ АЗИИ

Фольклор народов зарубежной Азии дал миру огромное разнообразие сказочных сюжетов, образов и форм волшебной, бытовой и новеллистической сказки, сказки о животных. Характерная черта сказочного эпоса основных народов Азии заключается в том, что он рос в условиях тесных взаимосвязей с культурами этих народов, которые еще в древности и средневековье создали удивительное искусство: архитектуру и скульптуру, оригинальную живопись, развитую музыку и театр, возвели в ранг искусства каллиграфию и обогатили сокровищницу мировой литературы такими шедеврами, как древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», иранская «Книга царей» («Шахнамэ») и собрание древнекитайской лирики «Книга песен» («Шицзин»).

Сказочный фольклор не только был одним из истоков формирования литературы, но и на протяжении многих веков ее развития обогащал своими образами и сюжетами творчество писателей и поэтов; достаточно вспомнить древнеиндийские сборники прозы «Панчатантра» и «Джатаки», средневековую новеллу Китая, Кореи, Японии и Вьетнама. Сказочники и сами, приобщаясь к письменной культуре, находились под ее обаянием, немало заимствовали из нее: те же сюжеты «Панчатантры», имеющие фольклорное происхождение, опять, уже вторично, входили в устное бытование. Таким образом, сказки народов Азии следует рассматривать как часть их древней, многовековой, развитой культуры.

Различные религиозно-философские учения Востока не могли не оказать воздействия на сказку. Но в них мы обнаруживаем, как правило, народное восприятие и народное осмысление официальных религий. Индийский сказочник, например, без всякого почтения изображает индуистского священнослужителя (брахмана) и смеется над его премудростью.

Забавны и часто представляют иносказания сказки о животных, бытующие в странах Азии. В них мы находим и острую социальную сатиру: там часто высмеиваются «сильные мира сего» под видом хищных животных, таких, как

лев, «царь зверей». Значительное развитие в фольклоре народов Азии получили волшебные сказки; многие из них отличаются сложной композицией, увлекательным сюжетом, яркими образами, в которых концентрируется высокая нравственная привлекательность положительных сказочных героев. Удивительны и своеобразны также сказки бытовые и новеллистические, раскрывающие реальный мир традиционного Востока, мечты и устремления его простых людей, демонстрирующие их остроумие, тонкое чувство юмора.

Сказки многих народов Азии интересны еще и тем, что они до сих пор широко бытуют в народе. Вечерами, особенно после сбора урожая, послушать сказочника собираются не только дети, но и взрослые. Поэтому публикации новых записей сказок народов Востока в изобилии появляются и сегодня. Более того, широкая научно обоснованная, серьезная работа по собиранию этих сказок началась только в наше время.

Особое место в мировой литературе занимают арабские сказки «Тысяча и одна ночь». Это огромное собрание новеллистических произведений, часто сказочного происхождения, является общепризнанным шедевром письменной арабской средневековой литературы.

Стр. 36. *Махараджа* (махарадж) — великий государь.

Стр. 39. *Тилак* — знак благословения.

Стр. 47. *Пандит* — ученый брахман.

Бхавани — богиня индуистской мифологии, мать — хранительница земли.

Стр. 48. *Астролог* — знаток астрологии, учения о якобы существующей связи между расположением звезд и историческими событиями, а также судьбами людей и народов. Астрология возникла в древности и имела широкое распространение в средневековье. В странах Востока при дворах правителей часто служили астрологи, предсказывавшие судьбы государей и государств по звездам.

Стр. 49. *Бог Рама* — один из индуистских богов, он считался седьмым перевоплощением верховного бога индуистов — Вишну. Рама избавил мир от власти царя ракшасов (демонов) — Раваны.

Кошала — название государства в древности; оно находилось в Северной Индии.

Видьяхар — буквально это имя означает «Носитель знания».

Стр. 51. *Кейннары* (киннары) — фантастические существа, их представляли в виде птиц с головами людей. Считались небесными певцами и музыкантами. Тайцы думали, что кейннары обитают в лесах.

Стр. 52. *Гороскоп* — предсказание, которое составляли по звездам астрологи.

Стр. 55. *Кэнг* — тайское национальное блюдо. Оно приготовляется из риса, мелко нарезанного мяса, птицы или рыбы. В него добавляют пряности, зелень, кусочки различных плодов.

Стр. 56. *Цикада* — насекомое; в тропических странах обитают крупные цикады (до 6 сантиметров длиной) с широкими крыльями. Цикады издают громкий характерный треск.

С т р. 57. *Кунжут* — растение, в семенах которого содержится значительное количество масла, идущего в пищу.

С т р. 59. *Натами* — фея, представлялась в образе чудесной красавицы.

С т р. 61. *Моны* — народ, живущий в Южной Бирме и Юго-Западном Таиланде, говорят на языке мон-кхмерской группы, исповедуют буддийскую религию.

С т р. 64. *Попугай* — в фольклоре народов Бирмы считается олицетворением мудрости, смелости и верности.

С т р. 71. *Небесный властитель* — высшее божество вьетнамской мифологии. В старину вьетнамцы думали, что он обитает в своем дворце на небесах и посылает на землю дождь.

С т р. 76. *Нефритовый пол* — пол, сделанный из нефрита, ценного белого или зеленого полупрозрачного минерала.

Трон — драконово ложе.— Во Вьетнаме в старину дракон считался символом государя, поэтому его трон называли драконовым ложем.

С т р. 77. *Драконов двор* — двор во дворце государя.

Драконова галерея — галерея государева дворца.

С т р. 78. *Нгаук Хоанг* (Яшмовый владыка) — главный бог религии даосов (от «дао» — «истинный путь», который они искали). Во вьетнамском фольклоре и мифологии считался одним из верховных божеств, обладающим волшебной силой; выступал в качестве поборника справедливости.

С т р. 79. *Баньян* — тропическое вечнозеленое дерево с воздушными корнями. Корни достигают земли и становятся как бы стволами, а дерево благодаря этому принимает вид целой рощи. В тени баньянов нередко укрываются храмы, эти деревья считались раньше обиталищами духов.

...пришлось построить для чудища храм.— Такие храмы возводились для того, чтобы умилостивить злого духа или чудовище.

С т р. 80. *Великий гриф* — фантастическая птица. В природе же водятся грифы — хищные птицы, размах крыльев которых достигает трех метров.

С т р. 82. *Яшмовый листок с золотой ветки.*— Имеется в виду сын или дочь богатых и знатных родителей.

С т р. 83. *Бетель.*— Во Вьетнаме, как и в других странах Юго-Восточной Азии, существует обычай жевать бетель. Для этого берут кусочек свежего или сушеного ореха арековой пальмы, обертывают его бетельным листом, то есть листьями бетельной лианы, добавляя немного извести и пряностей. Все это вместе называется бетель. Бетель имеет легкое возбуждающее действие: губы человека, который жует бетель, окрашиваются в кроваво-красный цвет. В старину во Вьетнаме небольшой отрезок времени измерялся теми несколькими минутами, которые требовались, чтобы изжевать порцию бетеля.

С т р. 86. *Зэм* — старая вьетнамская мера длины, около 500 метров.

С т р. 90. *Торынг* — своеобразный ксилофон, музыкальный инструмент, состоящий из бамбуковых палочек разных размеров, по которым ударяет музыкант.

Год лошади.— Во Вьетнаме, как и в странах Дальнего Востока, применялся счет годам по животным.

«...называй Мугазо старшей сестрой».— У народов Вьетнама нет термина родства, указывающего, как у русских, на равенство,— брат, сестра. Сестра или брат обязательно должны быть или старшими или младшими. Старшая сестра

имела преимущества, например, при дележе наследства. Ей полагалось первой выходить замуж.

С т р. 101. *Мау* — вьетнамская единица измерения земельной площади, около 0,36 гектара.

Горная цепь Чыонгшон (буквально: Длинные горы) — протяженная горная цепь на западе Вьетнама.

Общинный дом... деревни.— Во вьетнамских деревнях есть здания, как правило внушительных размеров, где поклонялись местному духу-покровителю. Здесь же собирались на совет старосты и старейшины.

С т р. 104. *Батат* — сладкий картофель.

Термиты — насекомые, обитающие в тропиках. Подобно муравьям, строят себе жилища.

С т р. 108. *Король якков.*— *Якки* — духи в мифологии кхмеров.

С т р. 116. *Лама* — буддийский священнослужитель в Монголии и Тибете.

Чавганца — женщина, в старости принявшая монашеский обет.

С т р. 119. *Маньчжурский хан* — здесь: император маньчжурской династии Цин, которая правила в Китае с 1644 по 1911 год. При маньчжурской династии Монголия была завоевана Китаем и испытывала гнет маньчжуро-китайских правителей.

С т р. 120. *Чхонван* — небесный государь, верховное божество у корейцев.

С т р. 121. *Сом* — старинная корейская мера веса, равная приблизительно ста пятидесяти килограммам.

С т р. 126. *Чумиза* — один из видов проса.

Камса — начальник провинции.

С т р. 127. *Кимчхи* — любимое блюдо корейцев, соление из капусты, обычно сильно наперченное.

С т р. 128. *Экзамен кваго* — экзамен на ученую степень, которая давала право занять высокую государственную должность.

Куксу — корейское национальное блюдо, длинная рисовая лапша из пресного теста; приготавливают эту лапшу на сильно наперченном мясном бульоне.

С т р. 131. *...как по животным счет годам вести.*— В Китае, Корее, Японии, Монголии и Вьетнаме в старину было принято исчислять годы шестидесятилетними циклами, поэтому век считался состоящим из шестидесяти лет. Каждый год имел свое название. Оно состояло из названия одного из двенадцати животных и названия одной из «стихий» (дерево, огонь, земля, металл, вода). Малый цикл состоял из двенадцати лет, причем первый год каждого цикла в Китае, Корее, Японии и Вьетнаме носил название года мыши. Затем следовали годы вола (или буйвола), барса (или тигра), зайца (или кошки), дракона, змеи, лошади, овцы (или козы), обезьяны, петуха, собаки и свиньи. В старину с циклом счета годов по животным были связаны некоторые обычаи. Так, человек, родившийся в год петуха, не должен был есть курятины.

Юй-ди — верховное божество в китайской народной религии. Обычно изображался сидящим на троне в императорском одеянии, украшенном вышитыми драконами, и головном уборе со свисающими вниз нитями, которые состояли из цветных шариков.

Небесный дворец.— В старину китайцы представляли жизнь божеств на небесах как нечто сходное с земной жизнью. Поэтому думали, что небесный повелитель живет в Небесном дворце.

Стр. 139. *Ямынь* — управа, присутственное место, государственное учреждение.

Стр. 142. *Чжан* — старинная китайская мера длины, равная трем метрам двадцати сантиметрам.

Стр. 143. *Пол-ляна.*— *Лян* — старинная китайская мера веса, около тридцати двух граммов.

Стр. 144. *Цзинь* — старинная китайская мера веса, шестьсот граммов.

Стр. 145. *Ли* — старинная китайская мера длины, около полукилометра.

Стр. 147. *Ячьего и козьего молока.*— В Тибете и некоторых высокогорных районах Азии разводят в качестве мясного и молочного скота яков. Отсюда — ячье молоко. Яки — крупные рогатые животные наподобие зубров, с горбом, со свисающей длинной шерстью.

Цзамба — мука, которую приготавливают из зерен ячменя. Сначала их поджаривают, и они принимают коричневато-золотистый цвет. Затем зерна перемалывают. Тибетцы замешивают цзамбу на воде, делают катышки и едят.

Стр. 157. *Санта-дон.*— При вежливом обращении к японским именам добавляются элементы «дон», «сан» и другие. «Дон» — более уважительное обращение, чем «сан».

Стр. 158. *...наденет Санта маску...*— В старинном японском театре актеры играли в масках.

Стр. 162. *Ри* — старинная японская мера длины, примерно четыре километра.

Стр. 168. *Взял рыбу Сабуро и стал резать на тонкие ломтики...*— В Японии на закуску подают сырую рыбу, нарезанную ломтиками. Это называется сасими.

Стр. 171. *Дождливый сезон.*— На Филиппинах, как и во многих тропических районах земного шара, различаются только два времени года: дождливый сезон (на Филиппинах он длится с июня по октябрь) и сухой сезон (с ноября по май).

Буйвол.— Буйвола, о котором идет речь в этой сказке, филиппинцы называют калабао — водяной буйвол. Бóльшую часть времени он проводит в воде.

Стр. 174. *Сага* — растение, которое приносит бобы; внутри них овальные зерна: причем один бок черного, а другой алого цвета.

Стр. 175. *Сампагита* — цветок, который по виду и запаху напоминает жасмин. Считается национальным символом Филиппин.

Стр. 178. *Пророк Сулейман* — в мусульманской религии великий мудрец и проницательный судья, обладал множеством чудесных способностей. Ему покорялся могучий ветер, он понимал язык птиц; по приказу аллаха, то есть всевышнего бога мусульман, Сулейману служили духи — джинны.

Стр. 181. *Падишах* — государь, правитель.

Стр. 182. *Ходжа-кедхуда.*— *Ходжа* (или хаджи) — мусульманин, совершивший паломничество в священный город мусульман Мекку. Ходжа пользуется особым уважением окружающих. *Кедхуда* — деревенский староста.

С т р. 186. *Джидда* — кустарник, который дает съедобные ягоды.

...как только затрубят в банях... — В Иране было принято открывать бани на рассвете и при этом трубить в рог.

С т р. 190. *Эфенди* — господин, вежливое обращение к образованному человеку.

С т р. 191. *Знаки зодиака.* — *Зодиак* — двенадцать, по числу месяцев в году, созвездий. Каждый месяц обозначается названием созвездия, знаком зодиака. Декабрь соответствует Козерогу.

С т р. 192. *Тимур* (Тамерлан; 1336—1405) — среднеазиатский правитель, прославившийся своими завоеваниями.

С т р. 193. *Амбра* — пахучее, ароматное вещество.

Н. И. Никулин

СКАЗКИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Фольклор народов Европы, который в течение многих веков развивался параллельно с богатой литературой, восходящей корнями к народному устному творчеству и воспринявшей, так или иначе, традиции античности — древнегреческой и древнеримской культуры, подарил миру классические образцы народной сказки. Это сказки о животных (знамениты, например, «Бременские музыканты» в обработке братьев Гримм), волшебные сказки (среди них известная на весь мир «Золушка»), бытовые сказки и анекдоты.

Животные в сказках европейских народов — часто устойчивые типажи, воплощение тех или иных свойств человеческой натуры (лис и лисица — хитрецы и обманщики; волк — глуп, жаден и свиреп), в них легко узнать представителей тех или иных сословий: например, в упомянутом уже волке нетрудно разглядеть феодала. «Какой ты злой, волк! Зачем топчешь ногами слабых?» — спрашивают пострадавшие от него осы во французской сказке «Волк, улитка и осы», уже своим риторическим вопросом характеризуя злого волка, который еще к тому же оказывается порядочным дурнем. Легко обманывает волка и сова, попавшаяся в зубы серому в забавной португальской сказке «Съел сову!».

Явные следы обожествления зверя или отношение к этим историям как к магическим для европейских сказок о животных — давно пройденный этап. Это, скорее, аллегории, иносказания, басни, сатирические повествования, часто с нравоучительным подтекстом. Бывают также и шуточные сказки о животных, которые служат прежде всего для того, чтобы посмешить, развлечь.

Волшебные сказки народов зарубежной Европы характеризуются развитым сюжетом, динамичностью действия, которое увлекает читателя и слушателя. Нередко это развернутые повествования, в них мы находим идеального, с народной точки зрения, героя, доброго, душевно щедрого, который после приключений добивается богатства и счастья — женитьбы на принцессе или богатой девушке.

Излюбленные всеми народами мира сказки о гонимой падчерице (типа «Золушки») существуют в фольклоре народов зарубежной Европы в виде ярких,

запоминающихся, развернутых повествований, позволяющих создать необыкновенно милый образ идеальной героини — терпеливой труженицы. Эти сказки о гонимой падчерице сравнимы только со сказками на соответствующую тему, которые записаны у народов Азии.

Кроме того, следует отметить оригинальную словацкую сказку о бедной падчерице — «Двенадцать месяцев», которая послужила хорошей основой для известной одноименной пьесы С. Маршака.

Мир волшебников, чародеев, добрых фей в европейской сказке давно воспринимается как поэтический вымысел. Волшебные палочки и волшебные колечки, чудесные дудочки и прочее превратились в образность, разглядеть их мифологическую основу иной раз бывает нелегко. В мир волшебной сказки зарубежных европейских народов легко и непринужденно входят не только чудесные помощники — необыкновенный щенок и кот, ловкий лягушонок,— но и шутка, ирония, неверие в чудеса, о которых в этих сказках рассказывается.

Бытовые сказки европейских народов приближены к атмосфере реальной крестьянской или городской жизни. Это весьма распространенная в их фольклоре разновидность сказки, близкая к анекдоту. Обычно в них господствует атмосфера комического, стихия сатиры, действует смекалистый и ловкий герой простого происхождения. Он всегда характеризуется в поступке, в нем явственно проступают черты определенного социального типажа (ремесленника, крестьянина, бывалого солдата) и черты национальные, по которым мы узнаем веселых французских шутников-охотников («Три охотника») и отчаянно смелого солдата-хорвата («Как солдат черта обрил»).

Кстати, не из тех ли он бесстрашных солдат, что в 70-е годы прошлого века сражались за независимость своей родины против османского владычества? Ведь симпатии сказочников в некоторых других странах, например во Вьетнаме и Китае, никогда не привлекал солдат. Наоборот, там солдат — мишень для насмешек сказочника, поскольку феодальные армии этих стран нередко были орудием подавления своих же народов. И народ платил солдатам и стражникам той же монетой, изображая их глупцами и недотепами, напрочь лишенными смекалки.

К сожалению, теперь факты живого бытования сказок у народов зарубежной Европы стали редки, и нам, пожалуй, вряд ли удастся услышать тихим летним вечером от деда-сказочника ту самую хорватскую сказку «Как солдат черта обрил» или польскую сказку «Пастух, который тысячу зайцев пас». Но можно быть уверенным, что слушатели-хорваты воспринимали солдата именно хорватом, а слушатели-поляки — заячьего пастуха, бежавшего в давние времена из татарского плена, именно поляком.

Существуя века рядом с литературой, европейская сказка питала ее, давала ей свои жизненные соки.

Еще гомеровский эпос — древнегреческая «Одиссея» (время жизни Гомера разные ученые относят к различным векам в период с XII до VII века до нашей эры) содержала интересный сказочный материал. На основе сказок, их образов, мотивов и сюжетов строились многие произведения средневековой литературы. В рыцарских романах, например знаменитого французского романиста XII века Кретьена де Труа, важную роль играет сказочная фантастика. В них фигури-

руют волшебники и чародеи, заколдованные замки, любовный напиток и другие чудеса. Одним из значительных произведений французской литературы XII—XIII веков считается «Роман о Ренаре», основывающийся на сказках о животных. Народные темы и сюжеты ощутимы и в европейской литературе эпохи Возрождения — вспомним новеллы великого итальянского писателя Джованни Боккаччо (1313—1375), создателя «Декамерона», а также написанный в подражание ему сборник «Приятные ночи» (1550—1553) Джана Франчески Страпаролы (1480 — около 1557), тоже итальянца.

Изучение фольклорной основы литературных произведений, или, как говорят ученые, фольклоризма литературы, давно стало важным направлением в науке, и оно дает нам много свидетельств связи памятников литератур Европы со сказочной стихией.

Так, на основе повествовательного фольклора была создана в конце XVI века немецкая народная книга анекдотических историй о шильдбюргерах — жителях города Шильды. Эти истории звучали как вызов добропорядочным бюргерам, многочисленным владетельным князьям: впоследствии, согласно Вестфальскому договору 1648 года, который юридически закрепил раздел Германии, она распалась на три сотни самостоятельных княжеств. Анекдоты о шильдбюргерах с помощью смеха, комизма, шутовства утверждали право человека на счастье и личную независимость от князей, императоров и прочих феодалов. Известно, что Фридрих Энгельс высоко ценил немецкие народные книги и посвятил им специальную статью, вышедшую впервые в печати в 1839 году. «Необычайной поэтической прелестью обладают для меня эти старые народные книги, с их старинной речью, с их опечатками и плохими гравюрами. Они уносят меня от наших запутанных современных «порядков, неурядиц и утонченных взаимоотношений» в мир, который гораздо ближе к природе»[1].

Немецкие народные книги, в том числе истории о шильдбюргерах, были необычайно популярны. Их читали вслух для всех окружающих и про себя, рассматривали гравюры, хотя качество их было далеко не лучшим. А словечко «шильдбюргер» стало нарицательным.

Но все же первым сборником сказок в Европе, видимо, следует считать «Сказку о сказках» (1634—1636), или «Пентамерон», Джамбаттисты Базиле (издано в 1575—1632 гг.), обрамлением в этом сборнике выступала сказка о злоключениях принцессы Дзозы и очарованного принца Тадео.

В 1697 году вышли французские сказки в обработке Шарля Перро (1628—1703), составившие сборник «Истории или сказки былых времен с поучениями», который имел подзаголовок «Сказки матушки Гусыни». А дружное семейство Перро часто собиралось на вечера сказок, во время которых пересказывались приключения Золушки, Красной Шапочки, Кота в сапогах.

Выход в свет книги сказок Ш. Перро, завоеванная ею популярность подготовили французского да и вообще европейского читателя к восприятию восточных сказок — знаменитой «Тысячи и одной ночи», которая, кстати, была не простой записью сказок, а грандиозным собранием произведений народной литературы. В 1703—1713 годах выходит французский перевод этого свода

---

[1] Ф. Энгельс. Немецкие народные книги.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 41. М.— Л., 1970, с. 19.

в двенадцати томах, выполненный А. Галланом. Это был не первый случай встречи европейского читателя с творением восточной литературы, в основе которого лежали сказки: арабская версия древнеиндийской «Панчатантры» (III—IV вв.), известная под названием «Калила и Димна», была переведена на греческий в 1081 году и получила заглавие «Стефанит и Ихнилат». В течение XIII—XVI веков появились переводы арабской версии на испанский, латинский, немецкий и другие языки Европы.

Девятнадцатый век стал веком большой работы по собиранию сказок. Прежде всего будет справедливым упомянуть об огромной заслуге известных немецких ученых братьев Гримм, которые в период с 1812 по 1822 год опубликовали три тома немецких «Детских и домашних сказок». Это был свод, в который вошло двести сказок, не считая вариантов.

Отметим, что один из братьев, Якоб Гримм, впоследствии высоко оценил научную деятельность активного собирателя фольклора зарубежных славянских народов Вука Стефановича Караджича (1787—1864), сербского филолога, историка, этнографа. Караджич стал первым собирать сказки этих народов.

Разумеется, теперь во всех странах Европы имеются многочисленные издания сборников сказок.

Там существуют центры по их изучению, издана «Энциклопедия сказок», указатели сказочных сюжетов и мотивов.

Н. И. Никулин

СКАЗКИ НАРОДОВ АФРИКИ

Мне вспоминается мой первый вечер в Томбукту, старинном африканском городе, некогда столице великого государства сонгаев.

С наступлением темноты я поднялся на кровлю дома, и при свете бледной луны передо мною открылся весь город. В нем мало зелени, мы на границе Сахары, и город засыпан песком, почти как у нас зимой засыпаны снегом улицы.

Далеко на севере видны несколько звезд Большой Медведицы, а вся она за горизонтом. С другой стороны виднеются звезды Южного Креста, город скрыт темнотой.

И вот то тут, то там начинают зажигаться костры, и видно, как к кострам понемногу собирается народ. Через некоторое время доносятся глухие звуки барабанов.

Люди собираются на площади, усаживаются на песке или на скамьях, и начинаются разговоры, песни и пляски. Один за другим выходят танцоры и под звуки барабанов, отбивающих ритм, исполняют свои танцы. Танец связан всегда с песней, зрители подпевают; танец, песня и музыка составляют единое целое.

Это единство проявляется и в исполнении сказок. Африканская сказка — дело не только рассказчика, в ней принимают участие и слушатели. Когда рассказчик говорит о гиене и льве и передает их разговор, то он старается подра-

жать голосу гиены — шепелявит, присвистывает. Передавая речь льва, он старается передать его рычание, более того — придать его словам особый, непонятный для слушателей характер: рассказчик рычит, угрожает, переставляет части слов, словом, старается как можно выразительнее изобразить животное.

Порою действующие лица в сказках поют, и тогда рассказчик начинает петь, а слушатели подтягивают ему. Им известна сказка, они знают песню, а все равно слушают ее с удовольствием.

Исполнение песен сопровождается обычно барабанным ритмом. У некоторых африканских народов существуют целые циклы сказаний о героях-предках, об истории племен, о появлении человека. И эти сказания нередко длятся не один вечер. Так, у народов Камеруна сказания о предках — они называются мвет — сопровождаются игрой на струнном инструменте вроде лиры. У народов манде сказания эти сопровождаются игрою на большом струнном инструменте кора, похожем на арфу.

Сказки исполняют всегда после захода солнца, обычно в сухое время года. Особенно любят рассказывать сказки в длинные лунные ночи, когда не нужно никуда торопиться. Нередко говорят: «В лунные ночи танцует вся Африка!»

Героями сказок обычно бывают животные, в которых как бы воплощаются основные свойства человека. Лев, могучий царь зверей, часто олицетворяет глупость, гиена — жадность и глупость, черепаха — мудрость, заяц — хитрость и изворотливость, паук, в особенности у народов, живущих в области тропических лесов,— хитрость и коварство, хотя одновременно с этим именно он «научил» людей земледелию и добыванию огня.

Не следует думать, что у африканских народов преобладают сказки о животных. Они особенно характерны для народов Намибии — бушменов и готтентотов, но распространены по всей Тропической Африке.

Нередко сказки начинаются прямо с песни, которая потом повторяется в сказке неоднократно и этим объединяет рассказчика и слушателей в единое целое.

Сказка в Африке — это подобие театрального действия, слушатели сами принимают участие в исполнении: поют, танцуют, подают реплики. Иногда сказки имеют обязательное начало. Так, рассказчик начинает: «Вот она, вот идет!», а все присутствующие восклицают: «Пусть придет, мы слышим, она поможет нам!» Конец сказки бывает и шуточным: «Я здорово наврал, но ложь — на счастье!» Если случайно рассказчик забыл конец, он говорит: «А часть сказки убежала в лес», то есть «я больше не знаю».

Единство рассказа, танца и музыки отражено в языках народов Африки. Так, живущие в области рек Замбези и Лимпопо народы каранга и их соседи называют сказку «нгана», а рассказывать сказку — «имба нгана», что буквально означает «петь сказку»; народы восточного побережья Африки — суахили и их соседи — называют собрания, где поют, танцуют и рассказывают сказки под ритмические удары барабанов, «нгома», но это слово означает также и сам барабан.

В африканской сказке все это слито воедино, и это отличает ее от сказки народов Европы.

В Западной Африке существуют профессиональные сказители — дьели, искусство которых передается от отцов к сыновьям.

В Африке сказки рассказывают обычно мужчины.

Так же как и в наших сказках, в них утверждается торжество добра над злом, ума над грубой силой, снисходительно прощается плутовство и хитрость.

Стр. 426. *Бушменский рис* — съедобные личинки термитов.

Кузнечик-богомол Цаги — прародитель бушменов. Бушмены верят, что именно он создал животных и птиц, Солнце и Луну. Согласно одному из мифов, Цаги сделал Луну, забросив в небо сандалию своего родственника.

Стр. 427. *Крааль* — селение, состоящее из хижин, расположенных по кругу и обнесенных изгородью.

Стр. 434. *Кихомбо* — дерево с мягкой древесиной, из которого изготовлялась одна из палочек для добывания огня.

Стр. 436. *Нзаце* — местность в Восточной Африке, где живет народность акамба. Здесь встречаются многочисленные наскальные изображения, сделанные древними охотниками.

Стр. 443. *Нзамби* (Ньямбе) — первопредок и создатель всего, что есть на земле, по представлениям многих народов Тропической Африки, говорящих на языках банту.

Стр. 445. *Леза* — божество дождя у народов Тропической Африки. Гром — его голос, звезды — его глаза. Каонде верят, что он создал первых людей на земле.

Стр. 452. *Ньямье* (Ньяме, Ньяма) — бог неба, главный среди богов у некоторых народов Западной Африки.

Стр. 457. *Маву* — небесное, верховное божество народов Бенина и Того, породившее всех остальных богов.

Каури — раковина, используемая в Африке в качестве меновой единицы. Эти знаменитые раковины с мелководий Индийского и Тихого океанов в XII—XIII веках были хорошо известны и на Руси, где они также заменяли деньги и использовались как украшения. Их русские названия — змеиная головка, ужовка, жерновка.

Стр. 459. *Ямс* — тропическое растение со съедобными клубнями.

Стр. 460. *«Пусть имя мальчика будет известно только его дяде да мне».*— Одним из проявлений исключительного влияния брата матери в жизни африканских мальчиков и девочек является обычай, по которому не отец, а именно дядя ребенка по материнской линии дает ему имя.

Стр. 475. *Так и повелось у ашанти, что мальчики получают наследство не от отца, а от дяди.*— Сказка представляет собой попытку объяснить сложившуюся традицию, по которой наследство (железные копья, мотыги, плодовые деревья и пр.) получают не от отца, а от ближайшего родственника матери — ее брата. В такой норме наследования отражается первостепенная роль родства по материнской линии в традиционном африканском обществе.

Стр. 480. *Сизаль* — растение, из которого добывается прочное волокно.

Стр. 499. *Малу вырвал львят у кормящей львицы и принес их домой.*— Львица яростно защищает своих детенышей. Отбить львят у кормящей львицы —

это испытание, которое по силам только самым отважным героям. Такое испытание часто встречается в африканских сказках.

С т р. 500. *Камедь* — смолистый сок некоторых растений.

С т р. 501. *«...дотянись стеблем до крыши ее дома!»* — Стебель тыквы здесь, как и во многих африканских сказках, играет роль волшебного клубочка, указывающего путнику дорогу.

Д. А. Ольдерогге

СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Устное творчество народов Северной Америки складывалось из многих источников. Важнейшие из них — сказки и мифы коренного населения страны, индейцев и эскимосов, сказки афро-американцев и сказки белых поселенцев.

СКАЗКИ ИНДЕЙЦЕВ И ЭСКИМОСОВ, или «коренных» американцев, как они предпочитают называть себя сегодня,— по происхождению самые древние на земле Америки. Многие из них сложились еще задолго до появления на континенте первых европейцев, когда территорию Северной Америки населяли, как считается, от одного до трех миллионов человек, принадлежавших примерно к двумстам различным племенам и многим языковым семьям.

Коренные жители Америки сильно различались между собой цветом кожи и внешним обликом, так же как образом жизни и складом культуры. Одни из них были преимущественно кочевниками, охотниками или рыболовами. Другие довольно рано освоили земледелие и жили оседлыми поселениями, выращивая кукурузу, тыкву и фасоль.

По географическим признакам и культурным общностям индейское население Северной Америки тоже очень многообразно. Крайний Север континента населяли эскимосы; на востоке, в озерно-лесной зоне, обитали преимущественно алгонкинские и ирокезские племена; в центре, вдоль всего пространства Великих равнин (прерий), жили многочисленные кочевые племена шайенов, сиу и черноногих (их-то облик сильнее всего и способствовал формированию у мировой общественности традиционного образа воина-индейца); в пустынях Юго-Запада обитали племена пуэбло; в Калифорнии и прочих обширных областях Дальнего Запада жили племена, занимавшиеся рыбной ловлей и собирательством.

В сказках и преданиях индейских племен рассказывается о сотворении мира и Земли, о происхождении первых людей, причем первоустройством мира занимаются сразу два божества, доброе и злое, божества-близнецы. Если первый стремится облегчить жизнь людей, то второй ставит своей целью навредить им. Другие божества носят одно имя — Ахайюта, это тоже два брата, дети Солнца. Они, наоборот, оказываются друзьями и проходят по земле, освобождая ее от исполинских чудовищ на благо людям. Кроме того, они связаны с громом и молнией, то есть способны приносить дождь.

Иной раз в сказке может действовать один Ахайюта. Таков герой сказки индейцев зуни, оказавшийся победителем прожорливого Пожирателя Туч.

Черты животных, духов и людей сочетают в себе койот (у многих индейских племен), великий заяц (у алгонкинов востока) и ворон — у племен Тихоокеанского побережья и у эскимосов. Койот особенно популярен.

Выполняя роль культурного героя и хитреца, он добывает огонь для людей, побеждает чудовищ и усмиряет непокорные силы природы, хотя нередко и сам попадает в комические, нелепые ситуации. Так, в сказке «Койот и женщина-сова» герой выступает отважным избавителем людей от злой колдуньи, а в сказке «Как кролик взял койота на испуг» он становится предметом насмешки.

Иногда культурный герой помогает племенам в долгом странствии, добывая для них пищу и чудесные талисманы. Истории о происхождении и долгих поисках племенами мест их постоянного обитания, во время которых люди переживают множество чудесных приключений, очень распространены в народном творчестве индейцев.

После прихода европейцев на Американский континент среда бытования индейских и эскимосских сказок и мифов стала постепенно сокращаться. Индейцев не удалось полностью подчинить идеологическим и экономическим нормам США и Канады, зачастую прямо противоположным тем, по которым традиционно жили индейские общины. Подлинные хозяева земли, индейцы долгие годы сопротивлялись наступлению белых завоевателей, постепенно лишивших племена большей доли их исконных владений.

Отсюда известная изолированность, «чужеродность» индейского фольклора внутри фольклора народов Северной Америки в целом.

Тем не менее он продолжает жить и сегодня, в особенности там, где традиционная среда жизни индейцев менее всего нарушена.

АФРО-АМЕРИКАНСКИЕ СКАЗКИ. Афро-американцы, напротив, с момента своего трагического появления на земле Америки существовали внутри общества белых господ. Несмотря на сильное влияние африканских традиций, их творчество было более понятно белому человеку, чем сказки индейцев. Сказки афро-американцев очень близки басням о животных. И это не случайно.

Они зародились на плантаторском Юге США, где долгие годы существовало рабовладение. В них откликалась горестная судьба невольников южных плантаций. Отсюда и эзопов язык этих сказок. Так, в знаменитых «Сказках дядюшки Римуса» для афро-американской аудитории не составляло труда разобраться в том, кто именно имеется в виду при описании состязаний в хитрости между братцем Кроликом и братцем Лисом: речь, конечно, шла о черном невольнике и белом господине.

Были и небылицы афро-американцев из южных штатов именуются фольклором «енотов» (енот — прозвище афро-американца). Однажды, рассказывается в одной из таких былей, Старый Хозяин (белый плантатор) побился об заклад с другим плантатором на своего невольника: тот будто бы отгадает, что они спрячут под шляпой. Невольник горестно воскликнул, имея в виду себя: «Вот ты и попался, старый енот!» — и выиграл заклад! Потому что под шляпой и вправду находился настоящий енот.

Сказки афро-американцев богаты всякими фантастическими историями о ведьмах и привидениях, вроде тех, которые вам наверняка хорошо помнятся по рассказам негра Джима из «Приключений Гекльберри Финна» М. Твена.

С выходом в свет книги сказок о братце Кролике (1880) писателя Джоэля Чендлера Харриса (в нее входили, между прочим, еще и поговорки, и другие образцы народной мудрости «дядюшки Римуса») устное творчество афро-американцев заняло важное место в культуре США, вошло глубоко в литературу и музыку, в красочный мир театрализованных зрелищ.

Споры о происхождении сюжетов о братце Кролике имеют давний характер. По всей вероятности, эти сказки заимствовались у разных народов — и европейских, и африканских, и американских (например, индейцев). Но благодаря исключительной гибкости фольклора афро-американцев, эти заимствования только обогатили его, углубили его оригинальность и самобытность.

СКАЗКИ БЕЛЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ по происхождению европейские. Франко-испано-, а больше всего англоязычные традиционные жанры легко укоренялись на американской почве: английские баллады, испанские романсы, волшебные сказки разных народов подвергались отбору и переосмыслению на новой родине и пополнялись новыми сюжетами — сказками и песнями о золотоискателях и ковбоях, о фермерах и рабочих.

Наиболее яркий пласт таких историй связан с жизнью первопроходцев Америки. В нем выделяется так называемый фольклор фронтира — подвижной пограничной полосы, отделявшей уже освоенную территорию нового края, с городами и фермами, от диких, необжитых мест. Постепенно, с XVII по XX век, фронтир сдвигался все дальше на запад. Устное творчество жителей фронтира, первооткрывателей новых земель, среди которых были звероловы, лесорубы, ковбои, лодочники и многие другие, отражает неповторимый исторический опыт всех этих людей.

Жизнь их протекала в повседневных тяжких трудах, среди постоянных опасностей, нередко в полном одиночестве. В любой момент можно было ждать нападения диких зверей или враждебных племен. И тем не менее фольклор фронтира насыщался юмором — часто хвастливым, но в высшей степени оптимистическим.

Таковы небылицы — жанр, ставший самым популярным на фронтире. Это истории, полные невероятных приключений, небывалых событий, немыслимых подвигов. А совершают их герои-исполины вроде лесоруба Поля Баньяна и Поля Синего Вола, между глаз которого укладывалось «две рукояти топора и пачка жевательного табаку», или вроде виргинского силача Питера Франциско, или же суперковбоя Пекоса Билла. Джон Яблочное Зернышко стал символом самоотверженного фермера-первопроходца, а Джон Генри — не сломленного капиталистической машиной вольного труда.

Герой, который действует в небылицах,— комическая, но и не лишенная величия фигура. Это краснобай, фантазер и шутник, но одновременно прилежный работник, твердый орешек, «полуконь, полуаллигатор, дальний родственник кусающей черепахи», как говорит он о себе. Подобные персонажи воплотили в себе энергию, мощь, добродушие и жизнерадостность, вообще присущие народным героям, и ярко отразили особенности американского национального характера.

«Белый» фольклор Америки создавался уже в эпоху печатного станка, и потому многие его персонажи впервые получили известность именно в книжном или лубочном издании.

С т р. 514. *Ворон* — известный комический герой эскимосского фольклора, бытующий по обе стороны Берингова пролива. Встречается также у ряда индейских племен Северо-Запада США, где выполняет функции хитреца и культурного героя. Он творит первую землю, птиц и зверей, присылает ветры, добывает для людей солнце.

Каяк — легкая одноместная лодка из кож, натянутых на каркас из планок. Позволял охотнику выходить далеко в море для охоты на морскую дичь. Каяк наглухо застегивался у пояса, составляя с охотником единое целое, так что при перевертывании вода не попадала внутрь лодки, и ей легко было вернуть первоначальное положение. Оживший каяк, наделенный чудесными свойствами, часто встречается в сказках эскимосов.

С т р. 516. *...позвал в Страну Звезд Великий Дух.*— Индейцы верили, что все в природе одухотворено и каждый предмет или явление имеет своего духа-покровителя, манито, главным над которыми является Великий Дух. Различные «звездные» представления и верования распространены в сказках индейцев-алгонкинов.

...одному юноше приснился сон.— Индейцы Северной Америки придавали большое значение пророческой силе снов как вещих откровений, посланных им духами. В них искали объяснения непонятным явлениям и событиям и стремились посредством снов добыть сверхъестественные знания, духов-защитников для преодоления грозных сил природы.

С т р. 518. *...сняли скальп.*— Индейский обычай добывания военных трофеев в виде куска человеческой кожи с темени вместе с пучком волос существовал еще до появления европейцев на Американском континенте, но не был так распространен, как позднее, когда в целях ослабления индейских племен он стал усиленно поощряться «бледнолицыми». Единственная прядь волос (скальповая) специально оставлялась воином на выбритой голове именно для того, чтобы в случае его гибели в бою она могла «украсить» жилище его врага. Скальп, однако, служил не только военным трофеем, но и талисманом, передававшим силу убитого воина его победителю.

...внешне напоминала каплю воды.— Ирокезская сказка о добром охотнике объясняет происхождение знахарского обряда, в котором применялось особое снадобье, капля воды, будто бы полученная чудесным образом от животных; несколько напоминает живую воду в русских народных сказках.

Вигвам — постоянное жилище из коры, покрывающей деревянный каркас, с отверстием для дымохода. Применялся у лесных охотничьих племен, преимущественно алгонкинов, из языка которых заимствовано это название. В отличие от него, палатка шатрового вида (типи) у прерийных индейцев была переносным жилищем.

С т р. 520. *Было у Синей Родинки два любимца, ворон и сорока.*— Бизонам обычно сопутствуют ворон и сорока, поэтому в сказке они выступают как бы посредниками между животными и людьми.

«...вот дым для тебя!» — Табак и воскурение табака обычно служили у индейских племен распространенным жертвоприношением духам во время молитв, при колдовстве и др.

С т р. 521. *...едва она произнесла это в четвертый раз...*— «Четыре» было волшебным, магическим числом у большинства индейских племен Северной Аме-

рики. Четырехкратный повтор действия, по четырем сторонам света, согласно представлениям индейцев, был способен обеспечить выполнение желаемого.

С т р. 522. *...одеты совсем одинаково!* — Ведуны оказались наряженными одинаково прежде всего потому, что они символизируют одинаково важные для жизни индейцев шайенов продукты — кукурузу и пеммикан.

Пеммикан — индейская пища, приготовляемая из вяленого мяса, измельченного в порошок и смешанного с топленым жиром или салом. Эта смесь выдерживала очень долгое хранение. Иногда в пеммикан добавлялись ягоды.

С т р. 524. *...вынула из нее четыре перышка.*— Перья некоторых птиц обладают, как считается у многих индейских племен, могучей силой. В этой сказке, кроме того, они связаны с цветовой символикой, имеющей отношение к духам — покровителям четырех сторон света; они и помогают герою.

С т р. 527. *Поль Баньян.*— Считается, что это образ франко-канадского происхождения. Поль Буньон, вероятный прототип, был начальником лагеря лесорубов в середине прошлого века и прославился своей силой и удалью. Легенда о Поле Баньяне родилась в XIX веке. Приключения этого героя известны главным образом по литературным источникам.

Фут — единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м.

С т р. 528. *Миля* — единица длины в неметрических системах; до сих пор имеет распространение в США. Так называемая сухопутная миля равна 1,609 км.

Пекос Билл — вымышленный ковбойский герой, связанный преимущественно с американским Юго-Западом, о чем говорит его имя (Пекос — индейское название реки в штате Техас); этот персонаж встречается и за пределами США. По преданию, Пекос Билл обучил ковбоев всему, что связано с их ремеслом. Сам он в качестве личного пастбища пользовался всей Аризоной.

Большая Излучина.— Имеется в виду излучина реки Рио-Гранде в Западном Техасе.

С т р. 529. *Торнадо* — сильный смерч, часто проносящийся по территории степных штатов США; сопровождается грозовыми явлениями.

Траппер — зверолов, часто охотник на бобров, добытчик пушнины, заходивший на время сезона охоты далеко на неосвоенный Запад США.

С т р. 530. *Скрепер* — землеройная машина, срезающая грунт с поверхности земли и переносящая его в отвал.

Кейси Джонс — легендарный герой американских железнодорожников, машинист знаменитого поезда «Пушечное Ядро», известный своим мастерством, смелостью и находчивостью. Погиб во время аварии в 1900 году. Считается, что его другу, негру Уоллесу Сандерсу, принадлежит авторство известной баллады «Кейси Джонс».

С т р. 532. *Петарда* — заряд спрессованного дымного пороха в металлической или картонной оболочке.

С т р. 533. *Фунт* — единица массы в системе английских мер, равная 0,453 кг.

Джордж Вашингтон (1732—1799) — организатор и руководитель борьбы за независимость американских колоний от Англии, с 1770 года — главнокомандующий американской армией. Первый президент и национальный герой США.

Генерал Лафайет (1757—1834) — французский военный и политический деятель. Занимал командный пост в армии Вашингтона. Прославился в период американской буржуазной революции, когда стал близким другом и соратником Вашингтона, с которым перенес все тяготы войны за независимость и Йорктаунскую кампанию (1781), завершившуюся капитуляцией всех английских войск в Северной Америке.

Тарнтон (очевидно, Тарльтон, сэр Бэнестр; 1754—1833) — полковник английской армии, командовавший отрядом кавалерии и пехоты в Каролине, затем в штате Виргиния, где он активно противодействовал армии Вашингтона во время Йорктаунской кампании.

С т р. 541. *Опоссум* — (с алгонкинского «белый зверек») — небольшое млекопитающее, живущее на деревьях и ведущее ночной образ жизни. При поимке обычно пускается на хитрость, притворяясь мертвым, поэтому часто служит синонимом незадачливого хитреца.

С т р. 543. *Матушка Мидоус, мисс Мотс и другие девочки* — несколько загадочные персонажи сказок о братце Кролике; очевидно, служат символом идеальной фермерской семьи у афро-американцев.

А. В. Ващенко

СКАЗКИ НАРОДОВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

В сказках народов Южной Америки можно выделить сказки индейские, афро-американские и креольские, то есть сказки выходцев из Испании и Португалии. Эти составные части устного творчества народов Южной Америки легко и органично дополняют друг друга в сюжетах и мотивах.

СКАЗКИ ЮЖНОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ связаны с народным творчеством огромной массы племен и народностей, населяющих весь континент и чрезвычайно разнообразных по культуре и языку. В численном отношении индейцы составляют сегодня от двух до трех-четырех миллионов человек.

Большинство индейских сказок восходит к глубокой древности. Они тесно связаны с мифологией индейцев и сейчас бытуют в районах с преобладающим индейским населением, где ученые продолжают записывать множество волшебных сказок, исторических и мифологических преданий, имеющих явно доевропейские истоки.

Это мифы, легенды, предания, сказки о происхождении различных явлений окружающего мира (Солнца, Луны, ночи и др.), людей и животных. У многих племен сохранились предания о рождении и последующей гибели нескольких миров, возникших до появления нынешнего. Среди верховных божеств почитаются Солнце, Небо и Земля.

В основе сказок о животных — пожалуй, самого распространенного жанра — лежит этиологический принцип, объясняющий происхождение внешнего вида и повадок животных вследствие происшествия, случившегося с их предками.

Распространены истории о духах-животных, от которых человек приобщается к полезному знанию или получает заслуженное вознаграждение.

Судьба индейских сказок в разных областях континента складывалась неодинаково. В области Андского нагорья, например (Перу, Эквадор, Боливия), до сих пор прочны традиции, связанные с наследием великой цивилизации инков; в Бразилии, самой обширной стране континента, заметно срастание индейских и афро-американских сюжетов.

АФРО-АМЕРИКАНСКИЕ СКАЗКИ наиболее выразительны в Бразилии, Венесуэле и на Антильских островах. Они связаны с обрядами, музыкой и песнями, другими видами народного творчества афро-американского населения и тесно срослись с праздничной карнавальной культурой.

К африканским источникам восходят также сюжеты многих кубинских сказок, например о животных.

КРЕОЛЬСКИЕ СКАЗКИ восходят к устному народному творчеству испанских и португальских поселенцев. Сюжеты их весьма оригинальны, и европейское влияние в них не всегда значительно. На местном материале была продолжена испанская романсовая традиция, приведшая к возникновению новых балладных жанров (корридо) и песен.

Мотив поэтических состязаний весьма популярен в сказках народов Аргентины, Кубы и некоторых других стран.

С испаноязычной традицией связана в фольклоре народов Южной Америки и антицерковная тема. В большом количестве сказок рассказывается о комических приключениях святых и самого господа бога на грешной земле.

Многие фольклорные герои Испании прижились среди сюжетов сказок Нового Света. Столь же доблестно защищают они честных тружеников от притеснений богатых сеньоров, ранчеро и всяких властей. Таков, например, мексиканец Педро ди Урдималас, или Педро Мошенник, Возмутитель спокойствия,— популярный народный герой-бродяга.

С т р. 554. *Женипапа* — растение, из сока которого индейцы делают черную краску.

Камагуэй — центр одноименной провинции на востоке Кубы; основан в 1515 году.

С т р. 555. *Галисийцы* — народ, населяющий одноименную провинцию в Испании и говорящий на особом наречии. В странах Латинской Америки проживает около 3 млн. галисийцев.

С т р. 561. *Урубу* — черный гриф, хищная птица семейства американских грифов с длиной тела до 65 см. Распространен от юга США до Чили и Аргентины. Гнездится в дуплах и расселинах скал.

А. В. Ващенко

СКАЗКИ И МИФЫ АВСТРАЛИЙЦЕВ

Помещенные в этом разделе сказки уводят нас в один из самых отдаленных районов земного шара: здесь до недавнего времени коренное население сохраняло образ жизни, орудия труда и предметы быта, социальные отношения

и представления о мире, характерные для первобытного общества, для людей каменного века.

Австралийские аборигены жили племенами, лишенными политической организации и власти и делившимися на небольшие группы (общины), которые бродили в границах своих угодий, оставаясь надолго на временных стойбищах (здесь они сооружали примитивные хижины, иногда — маленькие ограды либо навесы, а то и просто располагались вокруг костров или земляных печей), охотились с помощью копий, копьеметалок, бумерангов и дубинок (лука и стрел они не знали), ловили рыбу, собирали лесные плоды, гусениц, личинок...

Отношения в общинах строились на началах коллективизма и взаимопомощи, здесь строго соблюдались выработанные тысячелетиями неписаные правила общежития, моральные нормы, поддерживался авторитет старших.

В составе общин важное место занимали роды: членов их объединяло сознание кровного родства и общего происхождения от древнего предка; внутри рода браки были запрещены, мужчины приводили жен из другого рода, а девушки, достигнув брачного возраста, в свою очередь, выходили замуж в чужой род, на всю жизнь сохраняя связь со своим родом.

Читая сказки аборигенов, мы находим в них многочисленные отражения реальных условий жизни и отношений первобытных людей: вполне достоверно рассказывается в них о способах охоты, об оружии, лодках, приготовлении пищи, о праздниках и обязательных на них плясках и о многом другом...

Но перед нами не просто сказки, правдиво воспроизводящие быт аборигенов, а и мифы, то есть рассказы одновременно фантастические и такие, в истинность которых аборигены безусловно верили. В мифах получали отражение фантастические представления первобытных людей о мире, о своем прошлом, в них находили объяснение многие загадки природы.

Нередко эти сказки начинаются так: «В незапамятные времена, когда еще не было в мире луны...»; «Когда мир был совсем юным...»; «До того, как появились люди...». Мы оказываемся как бы у истоков мира; в нем нет еще многого, к чему мы так привыкли: Солнца, Луны, Млечного Пути, света, огня и т. д.; нет знакомых аборигенам животных и растений, предметов, орудий труда, знаний и обычаев. Мифы повествуют, как они появились, как **все стало**. Именно в этом заключается одно из важнейших значений мифов.

Они объясняют также, **почему, каким образом** явились те или иные свойства, особенности, отличия: почему эму не летают, а дрофы откладывают в сезон только по два яйца; как змеи стали ядовитыми; почему созвездие Плеяды состоит из семи звезд; отчего аист и ворон никогда не бывают вместе и т. д. и т. п.

Объяснительные мифы (или эпизоды в мифах) принято в науке называть этиологическими. Этиологическое начало довольно резко отделяет миф от сказки. Нетрудно заметить, однако, что мифологические объяснения далеки от действительности. Чаще всего новые (полезные, необходимые людям) предметы создаются или добываются благодаря действиям так называемых культурных героев, или тотемических предков.

Культурные герои — это мифические персонажи, которые приносят в мир какое-либо благо: создают Солнце, «скатывают темноту», получают первый

огонь; погибая, превращаются в нечто полезное или величественное (например, в Млечный Путь). Культурные герои — это отдаленные предки племени или общины. Часто это предки тотемические.

Нельзя понять австралийские сказки без объяснения того, что наука называет тотемизмом. Суть его состоит в следующем. Аборигены верили, что племя, род обязаны происхождением предку-тотему, в роли которого может выступать вид животного, растения, птицы, насекомого и проч. Каждая группа называет себя по имени такого предка: люди Кита, Аиста, Водяной Крысы, Морской звезды, Кенгуру, Ворона и т. д.

Начало некоторых сказок может показаться странным: «Когда Кенгуру и Собака были людьми...»; «...когда Аист и Ворон были людьми...»; «Когда Выпь был человеком...». Здесь имеются в виду тотемные предки, которые когда-то были сразу людьми (но не похожими на нынешних) и зверями и птицами (и тоже необычными). Считается, что тотемный предок продолжает оказывать свое воздействие на племя или общину, к нему можно обращаться за содействием в специальных обрядах и магических операциях.

Герои мифов, первопредки, нередко описываются как великие охотники и воины, пролагатели новых путей, великие мастера танца и песни. С героями сказок их сближают величие подвигов, благородство поступков, высокие нравственные качества.

У австралийских аборигенов существовали мифы священные, окруженные тайной, исполнявшиеся преимущественно во время серьезных обрядов, запретные для женщин и детей, и мифы общедоступные. Среди помещенных в нашей книге большинство принадлежит ко второй группе, и они обнаруживают свою близость к сказкам (особенно см.: «Девушка, которая плела сумки» — сказка о большой любви молодых людей; «Как Выпь поймал дюгоня» — сказка юмористическая, и др.). Многие мифы, постепенно утрачивая объяснительные мотивы, связь с культом предков и тотемизмом, переставая быть предметом в е р ы, превращались в сказки.

С т р. 574. *Казуар* — птица крупного размера, не летающая, быстро бегающая, способная прыгать до 1—1,5 м в высоту. Водится на северо-восточном побережье Австралии. У казуара голова и верхняя часть шеи — голые, отдельные участки ярко окрашены. Возможно, что казуар становится предметом насмешек в мифе из-за неспособности летать.

С т р. 577. *Воммеры* — копьеметалки. Приспособления в виде деревянных палок или дощечек прямоугольной или листьевидной формы, с желобком и упором для древка копья. С их помощью копья летели с большой силой на расстояние до 150 метров и поражали цель с большей точностью.

«Разрисуй меня так, чтобы я стал похож на собаку».— Согласно представлениям аборигенов, живое существо можно создать, изобразив его: изображение способно обрести натуральные формы. Цветная глина употреблялась аборигенами для раскраски тел во время обрядов и танцев, ею рисовали священные (обладавшие таинственной силой) знаки на предметах. Таким образом, употребление цветной глины в сказке способствует оживлению рисунков.

С т р. 580. *Когда звучали во тьме гуделки...*—См. примечания к сказке «Откуда взялась гуделка».

Летучие лисицы — рукокрылые млекопитающие из подотряда крыланов. Длина тела у них — более 30 см, размах крыльев — до 1,5 м. Питаются фруктами. Мясо их употребляется в пищу. Повиснув вниз головами на ветвях, они пронзительно кричат и рычат друг на друга. Иногда на одном дереве их собирается по нескольку тысяч.

Корробори — коллективные обрядовые пляски и пантомимы у аборигенов, сопровождавшиеся песнями. Участники корробори разрисовывали себя краской, изображая тотемных предков и духов. Считалось, что песни и пляски корробори — свои у каждой общины — создают, хранят, «дарят» людям «специалисты», а нередко создателями их оказываются культурные герои типа Припригги.

С т р. 586. *Совсем мало осталось теперь на земле животных, и все они маленькие.*— Здесь отражен реальный опыт аборигенов: в Австралии нет крупных диких животных, хищников, и до контактов с европейцами аборигены не видели скота.

С т р. 587. *Когда люди собрались в долине...*— В сказке все племена, обычно жившие разрозненно и нередко враждовавшие между собою, объединяются для борьбы с чудовищем и ради спасения людей на земле.

Налла-налла — на языке аборигенов так называлась дубинка для охоты.

Красная пыль.—Для некоторых районов Австралии очень характерен красный цвет почвы, песка, поверхности гор и скал. Когда поднимается сильный ветер, он гонит красную пыль. Из текста сказки можно понять, что красная пыль связывается в представлениях аборигенов с сильной засухой. Сказка предупреждает людей, как избежать прихода засухи.

С т р. 588. *...рисовал на нем свой тотем...*— О тотемах см. во вступлении к примечаниям. Сказка подробно описывает магический способ вызывания дождя, при котором колдун обращается за помощью к тотему: чтобы обращение имело эффект, он рисует тотем, а рядом изображает желаемый дождь.

С т р. 595. *Гуделка* — магический инструмент, обладающий, согласно верованиям аборигенов, огромной и таинственной силой воздействия на жизнь людей. Гуделка изготовлялась из деревянной пластинки в форме листа дерева, языка и т. п., покрывалась узорами из цветной глины. Через просверленную дырочку ее соединяли шнуром с палкой. Когда во время обряда палку крутили над головой, пластина, разрезая воздух, начинала зловеще гудеть. Считалось, что звуки ее — это голос предков, духов. Гуделку не должны были слушать и видеть женщины и дети, не прошедшие обряда посвящения.

...голос духа из Сновидения...— В представлениях аборигенов сновидения связаны причудливым образом с мифическими временами. Во время сна к спящему могут явиться его духи, мифические персонажи, управляющие его жизнью.

Выпь — крупных размеров ночная птица, очень осторожная, глинисто-рыжей окраски.

Дюгонь (также — морская корова) — крупное морское млекопитающее из отряда сирен: водилось в Торресовом проливе, где на него охотились папуасы и австралийцы.

Б. Н. Путилов

Этот огромный регион с акваторией более 50 млн. кв. км часто называют еще — Южные моря.

На необозримых водных пространствах здесь разбросано бесчисленное множество больших и малых островов и архипелагов. Большая часть их находится в тропиках, и население островов не знает зимы или осени: всегда жарко светит солнце, берега покрыты вечнозелеными пальмами и мангровыми деревьями, сверкает песок тихих лагун, и мощные волны накатывают на рифовые площадки, а в глубине больших островов зеленеют горы.

Заселение Океании началось несколько тысяч лет назад. Происходило оно из разных районов земли и различными путями, и в итоге множество больших и малых народов, племен, групп — с огромным разнообразием языков, культуры, физических особенностей — объединяются в четыре крупных группы соответственно четырем географическим и историко-этнографическим областям. Это Новая Гвинея, Меланезия (Черные острова), Микронезия (Мелкие острова) и Полинезия (Многочисленные острова).

В нашей книге помещены четыре сказки папуасов Новой Гвинеи: «Как жители островов Торресового пролива обрели огонь», «О том, как казуар и крокодил поссорились из-за саговой пальмы», «В гостях у Солнца, Луны и ночи» и «Шагающее дерево».

До недавнего времени папуасы вели первобытный образ жизни, пользовались каменными орудиями, но, в отличие от австралийцев, уже знали земледелие, жили в постоянных деревнях, изготовляли гораздо больше предметов быта и орудий труда, употребляли посуду из глины и дерева, музыкальные инструменты и т. д.

Мифы папуасов рассказывали о первопредках и культурных героях, о духах — хозяевах природы, о происхождении огородных культур и о многом другом.

Вместе с тем папуасы знали немало сказок, разнообразных по содержанию и часто близких к европейским. Так, герои сказки «О том, как казуар и крокодил поссорились из-за саговой пальмы» ведут себя совсем похоже на персонажей известных сказок о животных — ссорятся, вредят и мстят друг другу. Очень характерна сказка о добывании огня: Хавиа похищает огонь, совершая подвиг подобно древнегреческому Прометею. В этой сказке есть следы этиологического мифа: она объясняет, почему крокодилы живут в воде и преследуют людей.

Меланезия в нашем сборнике представлена двумя сказками — с Соломоновых островов («Цапля и черепаха») и с острова Ротума («Дети и великан»). Микронезия — одной, с Каролинских островов («Обманутая людоедка»).

В этих областях также были широко распространены мифы и в то же время сказки, отдельными мотивами схожие с европейскими. Так, цапля и черепаха, подобно персонажам русских сказок о животных, помогают друг другу в беде, по-своему платят долг благодарности. Сказка «Обманутая людоедка» напоминает сказку о мальчике с пальчик, а в сказке «Дети и великан» излагается тоже знакомая история о ловком, хитроумном мальчике и глупом великане.

Не случайно в нашем разделе больше всего сказок с островов Полинезии:

Тонга («Осьминог и крыса»), Самоа («Акула и черепаха»), Гавайского архипелага («Похищение огня»), Новой Зеландии («Такаранги и Рау-махора»).

Полинезия занимает в Океании самую большую территорию. Народы ее — великие мореходы, строители, создатели замечательной культуры — ко времени знакомства с ними европейцев достигли высокой стадии развития, несмотря на отсутствие на островах глины и металла. Кое-где уже начали создаваться государства, важную роль в общественной жизни играли вожди и жрецы.

Мифология и фольклор полинезийцев отличаются исключительным богатством и разнообразием, большое место здесь занимают сказания о возникновении мира, островов, первых людей, о богах, воплощавших силы природы, и о борьбе с ними, об истории племен и о племенных вождях, о дальних плаваниях, открытиях земель, войнах и т. д.

В наше время народы Океании освобождаются от колониализма, создают независимые государства: Папуа Новая Гвинея, Фиджи, Тонга, Вануату, Кирибати, Тувалу, Западное Самоа и другие.

Стр. 601. *Дори* — головной убор с украшениями из ярких птичьих перьев. Папуасы раскрашивали себя и надевали украшения, готовясь к обрядам или к военным походам.

...расчищая место для огорода.— У папуасов было подсечно-огневое земледелие, то есть, для того чтобы приготовить площадь под огороды, они выжигали, вырубали и выкорчевывали необходимый участок леса.

Стр. 602. *«Ты не ровня человеку...»* — Здесь имеется в виду, что до определенного момента люди не выделяли себя из окружающей природы, но с получением огня они осознали свое особенное место и стали противопоставлять себя животным. Противопоставление человеческой «культуры» животной «природе» характерно для многих мифов.

Саговая пальма.— Сердцевина ствола этой пальмы представляла большую ценность: из нее с помощью специальных орудий извлекали саговую муку, которую затем прессовали в тесто; *саго* — самый распространенный продукт питания у киваи.

Стр. 605. *Варакара* — дерево небольших размеров, у некоторых папуасских групп считалось тотемом; ветви и листья использовались при колдовских действиях и для украшений во время исполнения обрядов.

Таро — клубнеплоды, один из основных продуктов питания островитян: таро едят вареным или печеным, также — смешивая с мякотью кокосового ореха. Таро принадлежит к наиболее распространенным огородным культурам.

Ямс — был одной из главных огородных культур и важнейшим продуктом питания у папуасов киваи, а также предметом культа и специальных обрядов.

Стр. 606. *...к деревне медленно движется огромное дерево.*— В мифах папуасов часто изображаются чудовища — демоны, приносящие беду людям: они могут принимать облик гигантских людей, животных, деревьев.

...два дня и еще один день.— Маринд-аним знали всего два слова для обозначения чисел: «сако́д» (один) и «ина́» (два). Чтобы сказать «три», они говорили «ина-сакод», то есть «один и два», «четыре» — «ина-ина» и т. д. Но «пять» они

называли словом «лясанга» (рука), а «десять» — «ина-лясанга» (две руки); «двадцать» обозначалось словом «анем», то есть «человек», так как к пальцам на руках добавлялись еще пальцы на ногах.

С т р. 610. *...накрыла листьями.*— То есть приготовила для печения. Островитяне пекли различные продукты, завернув их в листья.

...взяла перламутровую раковину и отправилась к скале — наточить ее.— Раковины на островах Океании употреблялись как режущие орудия.

С т р. 612. *Савайи* — самый крупный остров в архипелаге Самоа.

...камни уже раскалились...— На островах Океании раскаленные камни клали в земляные печи вокруг завернутых в листья плодов и кусков мяса либо заворачивали все вместе в листья и таким образом пекли еду.

С т р. 613. *Тутуила* — остров Восточного Самоа.

Ти — общее название для разных видов кордилины, кустарникового растения, сладкие корни которого употреблялись в пищу.

Дары Акалоны.— Согласно некоторым полинезийским версиям мифа, отцом Мауи является хозяин подземного мира и одно из имен его — Акалона. Следовательно, в данном случае имеется в виду, что отец Мауи подарил людям корни и клубни съедобных растений.

Однажды Мауи спросил свою мать Хину...— *Мауи* — один из самых прославленных персонажей океанийской мифологии, особенно полинезийской. Существует целый цикл сказаний о нем. Его полное имя — Мауи-тикитики-а-Таранга; когда он родился, его мать — Таранга — запеленала его в собственные волосы (тикитики) и положила на баюкающие океанские волны. Боги нашли и вынянчили Мауи, потом он вернулся домой. Ему принадлежат великие культурные подвиги: благодаря ему появились жизненно важные огородные растения и люди стали употреблять в пищу жареное; он изловил в специально изготовленную ловушку Солнце и заставил его светить полный день; он усмирил ветры и установил регулярные сезоны погоды; наконец, с помощью специального рыболовного крючка он изловил и поднял со дна океана острова для людей. Мауи был героем-озорником, любившим подшутить над богами (другое его имя — Мауи — Тысяча проделок).

С т р. 614. *Оаху* — один из островов Гавайского архипелага. Хотя Мауи приходит на остров, известный как один из самых населенных, он не встречает здесь людей, так как хозяева огня — не люди, а мифические куры.

«Красная вода» (ваимеа) — на острове Мауи так назывался один из кустарников, который на остальных островах Гавайи носил название «оломеа».

Па — так назывались у маори селения-крепости, которые строились на возвышенных местах и обносились рвами, валами и частоколами.

С т р. 615. *«...можешь ли ты успокоить могучие волны...»* — На островах Полинезии высоко ценилось ораторское искусство, им должны были владеть вожди, причем обязательным элементом речей были иносказания.

Б. Н. Путилов

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Арабские сказки

С т р. 621. *Магриб* — по-арабски означает запад. Магрибом арабы называют северо-западную часть Африки, где ныне располагаются Алжир, Тунис, Марокко. Жители Магриба, магрибинцы, пользовались репутацией колдунов и обманщиков.

С т р. 627. *Джинн.*— В представлении арабов джиннами были духи, как добрые, так и злые.

С т р. 630. *Диван* — собрание визирей и других советников правителя. Диваном же называется зал, где они собираются.

С т р. 693. *Франки.*— Франками арабы называли всех европейцев.

С т р. 694. *Зинджи.*— Так арабы называли чернокожих африканцев.

Н. И. Никулин

СОДЕРЖАНИЕ

Н. И. Никулин. Предисловие 3

СКАЗКИ НАРОДОВ АЗИИ

Братец Амбе и братец Рамбе. Индийская сказка. В обработке *С. Ф. Ольденбурга* 31
Коварный шакал. Индийская сказка. *Перевод Г. Зографа* 32
Жил-был воробей. Индийская сказка. *Перевод Г. Зографа* 33
Золотая рыба. Индийская сказка. *Перевод Н. Гурова* 35
Заморыш. Индийская сказка. *Перевод Г. Зографа* 37
Три царевича. Индийская сказка. *Перевод В. Балина* 40
Испытание ума. Индийская сказка. *Перевод Г. Зографа* 43
Глупый брахман. Индийская сказка. *Перевод В. Балина* 46
Сын Пандита. Индийская сказка. *Перевод Б. Кузнецова* 49
Болтливая птичка. Тайская сказка. *Перевод В. Корнева* 50
* Манора. Тайская сказка. *Перевод Ю. Осипова* 51
Жадный монах. Тайская сказка. *Перевод В. Корнева* 55
Мудрый кролик. Бирманская сказка. *Перевод В. Касевича* . . . . . —
Отчего цикада потеряла свои рожки. Бирманская сказка. *Перевод Ю. Осипова* 56
Принцесса-лягушка. Монская (Бирма) сказка. *Перевод В. Касевича* . . . 58
«Оскалить зубы еще не значит смеяться». Бирманская сказка. *Перевод Р. Янсона* 61
«Молчание — тысячи стоит». Бирманская сказка. *Перевод В. Касевича* . . —
«Коровы врозь — тигру радость». Бирманская сказка. *Перевод В. Касевича* 62
Жемчужинка и жаба. Бирманская сказка. *Перевод В. Касевича* 63
Как птицы принесли князя. Бирманская сказка. *Перевод Ю. Осипова* . . 64
Угорь и рыба Тяй. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 65
Жаба — самому Небесному властителю родня. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 71
Тхать Сань. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 78
Трое умельцев. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 82
Ворон на дереве. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 85
Юноша Тыква. Вьетнамская сказка. *Перевод И. Глебовой* 87
Золотая туфелька. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 90
Два одеяния чиновного правителя. Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 100
Ваш слуга это знает... Вьетнамская сказка. *Перевод Н. Никулина* 101
Как на свете появились летающие рыбы. Кхмерская сказка. *Перевод Ю. Осипова* 102
Две девочки. Кхмерская сказка. *Перевод Ю. Горгониева* 104
Сироты. Кхмерская сказка. *Перевод Ю. Горгониева* 105
* Как вороне не удалось кузнечика склевать. Лаосская сказка. *Перевод Н. Никулина* 111

Лиса, олень и ворон. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* 112
Старик и тигр. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* 113
Старый волшебник. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* 115
Банга. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* 116
Мудрый малыш. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* 118
Догадливый уродец. Монгольская сказка. *Перевод Г. Матвеевой* . . . . —
* Хитроумный заяц. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* 120
* О том, как поспорили тигр и прохожий. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* 122
* Хотел отделаться от одной шишки, да заработал вторую. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* 123
* Кхончхи и Пхатчхи. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* 125
* Ядовитая хурма. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* 127
* Хитрый батрак Тольсве. Корейская сказка. *Перевод Вадима Пака* . . . 128
Перевозчик. Корейская сказка. *В обработке Н. Гарина-Михайловского* . . 130
О том, как по животным счет годам вести стали. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* 131
Как собака с кошкой враждовать стали. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* 135
Финиковая косточка. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* 138
Семеро братьев. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* 140
Скряги. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* 143
Как судья Бао осла допрашивал. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* . 144
Как пытали каменную плиту. Китайская сказка. *Перевод Б. Рифтина* . . 146
Чудесные зерна. Тибетская (Китай) сказка. *Перевод Ю. Парфионовича* . 147
Журавлиные перья. Японская сказка. *Пересказ В. Марковой* 153
Флейтист Санта. Японская сказка. *Пересказ В. Марковой* 157
Обезьянье царство. Японская сказка. *Пересказ В. Марковой* 163
Кувшинный человечек. Японская сказка. *Пересказ В. Марковой* 169
* Цапля и буйвол. Филиппинская сказка. *Перевод В. Сорокина* 171
* Почему вода в море соленая. Филиппинская сказка. *Перевод В. Сорокина* 173
* Сампагита. Филиппинская сказка. *Перевод В. Сорокина* 174
Кот и обезьянки. Индонезийская сказка. *Перевод Л. Колосса* 175
Почему у медведя короткий хвост. Индонезийская сказка. *Перевод В. Островского* 176
Канчиль стережет пояс пророка Сулеймана. Индонезийская сказка. *Перевод В. Островского* 177
Полтораста крокодилов хотят сожрать канчиля. Индонезийская сказка. *Перевод В. Островского* 178
Лиса и петух. Персидская сказка. *Перевод Н. Османова* 181
Глупый медведь. Персидская сказка. *Перевод Н. Османова* 182
Шангул и Мангул. Персидская сказка. *Перевод Н. Османова* 183
Удод. Персидская сказка. *Перевод Н. Османова* 185
Старушка. Персидская сказка. *Перевод Н. Османова* 186
Справедливый хаким. Афганская сказка. *Перевод А. Герасимовой* . . . 187
Дружба дурака равносильна дружбе врага. Афганская сказка. *Перевод А. Герасимовой* 188
Скряга всегда несет двойной убыток. Афганская сказка. *Перевод А. Герасимовой* 189
Справедливый судья. Афганская сказка. *Перевод А. Герасимовой* . . . —
Турецкие народные анекдоты о ходже Насреддине. *Перевод В. А. Гордлевского* 190

СКАЗКИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

Пастух, который тысячу зайцев пас. Польская сказка. *Пересказ Н. Подольской* 197
Дар Черного Лешего. Польская сказка. *Пересказ Н. Подольской* 205

Пять овечек. Польская сказка. *Пересказ Н. Подольской* 213
Почему собака рычит на кошку, а кошка губит мышей. Чешская сказка. *Перевод М. Таловой* 222
Златовласка. Чешская сказка. *В обработке К. Г. Паустовского* 223
Двенадцать месяцев. Словацкая сказка. *Перевод Д. Горбова* 230
Золотая подкова, золотое перо, золотой волос. Словацкая сказка. *Перевод Ю. Преснякова* 235
* Самый сильный зверь. Венгерская сказка. *В обработке Д. Ийеша. Перевод Е. Малыхиной* 246
* Ох Хохо. Венгерская сказка. *В обработке Д. Ийеша. Перевод Е. Малыхиной* 248
* Марци, честный вор. Венгерская сказка. *В обработке Д. Ийеша. Перевод Е. Малыхиной* 256
* Смородинка. Венгерская сказка. *В обработке Д. Ийеша. Перевод Е. Малыхиной* 260
* Пастух, что речи зверей понимал. Венгерская сказка. *В обработке Д. Ийеша. Перевод Е. Малыхиной* 265
Петру-Пепел. Румынская сказка. *Перевод Татьяны Ивановой* 267
Иляна Косынзяна. Румынская сказка. *Перевод С. Кульмановой* 273
Хитрый Петр и змей. Болгарская сказка. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 281
Мальчик, щенок, котенок и лягушонок. Болгарская сказка. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 284
Почему старикам почет. Болгарская сказка. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 289
* Змеиное деревце. Греческая сказка. *Перевод Н. Ручкиной* 291
* Три удальца и три девушки. Греческая сказка. *Перевод Н. Ручкиной* . . 295
* Ведьмина дочка. Греческая сказка. *Перевод Н. Ручкиной* 297
* Девица на войне. Греческая сказка. *Перевод Н. Ручкиной* 301
* Петух и курица. Албанская сказка. *Перевод Т. Серковой* 303
* Смышленая девушка. Албанская сказка. *Перевод Т. Серковой* 305
Как девушка царя перехитрила. Черногорская сказка. *Перевод Н. Дмитриева* 308
Эро приговорен к смерти. Герцеговинская сказка. *Перевод Т. Вирты* . . . 310
Цыган и великан. Боснийская сказка. *Перевод Т. Вирты* 311
Кто не работает, тот не ест. Сербская сказка. *Перевод М. Волконского* . . 315
Как солдат черта обрил. Хорватская сказка. *Перевод Т. Вирты* 316
Пастушок. Словенская сказка. *Перевод Т. Вирты* 318
Царь и красавица. Македонская сказка. *Перевод Д. Толовского и Н. Савинова* 319
Обезьяний дворец. Итальянская сказка. *Перевод З. Потаповой* 325
Волшебное кольцо. Итальянская сказка. *Перевод З. Потаповой* 328
Розина в печи. Итальянская сказка. *Перевод З. Потаповой* 332
Волк, улитка и осы. Французская сказка. *Перевод М. Абкиной* 336
Клубок шерсти. Французская сказка. *Перевод М. Абкиной* 337
Три охотника. Французская сказка. *Перевод М. Абкиной* 338
Как осел проглотил луну. Французская сказка. *Перевод М. Абкиной* . . 339
Крестьянин и молодые сеньоры. Испанская сказка. *Перевод Т. Шишловой, пересказ М. Туберовского* 340
Горбатая принцесса. Испанская сказка. *Перевод Т. Шишловой, пересказ М. Туберовского* 344
Невеста трех женихов. Испанская сказка. *Перевод Т. Шишловой, пересказ М. Туберовского* 348
Съел сову! Португальская сказка. *Перевод Инны Тыняновой* 350
Отцово наследство. Португальская сказка. *Перевод Инны Тыняновой* . . 352
Как Джек ходил счастья искать. Английская сказка. *Перевод Н. Шерешевской* 354
Тростниковая Шапка. Английская сказка. *Перевод Н. Шерешевской* . . . 356

Фэрн-Дэнский брауни. Шотландская сказка. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 359
Великан Дреглин Хогни. Шотландская сказка. *Перевод М. Клягиной-Кондратьевой* 362
Про короля, про святого и про гусыню. Ирландская сказка. *Перевод Н. Шерешевской* 365
Темный Патрик и повелитель ворон Кромахи. Ирландская сказка. *Перевод Н. Шерешевской* 368
По заслугам расчет. Шведская сказка. *Перевод А. Афиногеновой* 371
Замухрышка. Шведская сказка. *Перевод В. Мамоновой* 372
Как мальчик к Северному ветру за своей мукой ходил. Норвежская сказка. *Перевод Е. Сурица* 376
Муж-хозяйка. Норвежская сказка. *Перевод Э. Шаховой* 379
Малёк. Датская сказка. *Перевод Т. Величко* 380
Волк. Датская сказка. *Перевод Т. Величко* 385
Гилитрутт. Исландская сказка. *Перевод Л. Горлиной* 387
Школа чернокнижия. Исландская сказка. *Перевод Л. Горлиной* 389
Немецкая народная книга о шильдбюргерах, или О том, как жители города Шильды от великого ума глупостью спасались (в сокращении). *Пересказ Вс. Розанова* 390

СКАЗКИ НАРОДОВ АФРИКИ

Как девушка сделала звезды. Сказка бушменов. *Перевод Н. Охотиной* . . 425
Как дети забросили на небо солнце. Сказка бушменов. *Перевод Е. Котляр* . —
О матери-носороге и ее дочерях. Сказка бушменов. *Перевод Е. Котляр* . . 426
Леопард и шакал. Сказка готтентотов. *Перевод Н. Охотиной* 427
Отчего у гиены задние ноги короткие. Сказка готтентотов. *Перевод Н. Охотиной* 428
Гиена и луна. Сказка зулу. *Перевод Н. Охотиной* . . . . . —
Обезьяна, питон и заяц. Сказка сото. *Перевод Н. Охотиной* 429
О том, как лиса обманула гиену. Сказка сото. *Перевод Н. Охотиной* . . . 430
Отчего у людей кожа бывает разного цвета. Сказка сото. *Перевод Н. Охотиной* 431
Завет Мочуана. Сказка сото. *Перевод Н. Охотиной* 432
Слон и первый человек. Сказка яо. *Перевод М. Андреевой* . . . . . —
Лев, леопард и гиена. Сказка маконде. *Перевод Ю. Чубкова* 433
Гиена и черепаха. Сказка маконде. *Перевод Ю. Чубкова* 434
Как люди добыли огонь. Сказка чагга. *Перевод М. Андреевой* . . . . . —
Как произошли люди. Сказка акамба. *Перевод З. Акишевой* 436
Собака и кот. Сказка суахили. *Перевод Г. Гоцко* . . . . . —
Как мангуст перехитрил крокодила и леопарда. Сказка чокве. *Перевод Л. Бреверн* 437
Хамелеон и древесная ящерица. Сказка чокве. *Перевод Е. Ряузовой* . . . 441
Три калебасы. Сказка каонде. *Перевод З. Макаровой* 445
Капумбу и звери. Сказка балуба. *Перевод А. Жукова* 446
Как заяц стал вождем всех зверей. Сказка ламба. *Перевод Н. Охотиной* . . 447
Два глупца. Сказка ламба. *Перевод Н. Охотиной* 448
* Двуликая Нги. Сказки бети-булу. *Перевод К. Позднякова* . . . . . —
* Почему мужчины не должны быть болтливыми. Сказка чокоси. *Перевод К. Позднякова* 449
Какого хамелеон цвета? Сказка бауле. *Перевод Г. Пермякова* 452
Как паук прогнал леопарда в лес. Сказка бауле. *Перевод Г. Пермякова* . . 453
Почему у свиньи рыло вытянутое. Сказка бауле. *Перевод Г. Пермякова* . . 454
Неблагодарность. Сказка фон. *Перевод В. Вологдиной* 455
Лентяйка. Сказка фон. *Перевод В. Вологдиной* 456
Почему Маву не живет больше среди людей. Сказка эве. *Перевод В. Вологдиной* 457

Почему у куропатки нет хвоста. Сказка эве. *Перевод В. Вологдиной* . . . 457
Почему обезьяна живет на деревьях. Сказка эве. *Перевод В. Вологдиной* . 458
Леопард и антилопа. Сказка эве. *Перевод В. Вологдиной* 459
* Падчерица. Сказка эве. *Перевод К. Позднякова* 460
Почему у попугая клюв кривой. Сказка йоруба. *Перевод Б. Фихман* . . . 463
О том, как впервые загремел гром. Сказка йоруба. *Перевод Б. Фихман* . . 464
Жадная женщина. Сказка йоруба. *Перевод Б. Фихман* 465
Ананси — старейший из живых существ. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* 467
Почему Ананси ест мух, бабочек и комаров. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* 469
Барабан Осэбо. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* 471
Как ашанти начали сажать ямс. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* . . 473
Колодец Ньямы. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* 475
Разговор. Сказка ашанти. *Перевод В. Диковской* 476
Почему павиан таращит глаза. Сказка манджак. *Перевод Ф. Никольникова* 479
Два дурака. Сказка манджак. *Перевод Ф. Никольникова* 480
Откуда у зайца шапочка. Сказка манкань. *Перевод Ф. Никольникова* . . 481
Собака и курица. Сказка биофада. *Перевод Ф. Никольникова* 482
Как лис обманул гиену. Сказка фульбе. *Перевод М. Смирновой* 483
* Как гиена на базар ходила. Сказка фульбе. *Перевод А. Коваль* . . . . —
* Куропатка и заяц. Сказка фульбе. *Перевод А. Коваль* 484
Ненасытный Ансиге Карамба. Сказка менде. *Перевод В. Диковской* . . . 485
Коза и шакал. Сказка манден. *Перевод Ф. Никольникова* 488
О том, как женился бедный заяц. Сказка манден. *Перевод Ф. Никольникова* 489
Крокодильи слезы. Сказка манден. *Перевод Ф. Никольникова* 491
Как появился месяц. Сказка манден. *Перевод Д. Ольдерогге* 495
* Золотоглазая Айзе. Сказка сонинке. *Перевод К. Позднякова* 496
* Девушка и змей. Сказка зарма. *Перевод К. Позднякова* 500
Как заяц перехитрил гиену. Сказка хауса. *Перевод И. Быковой* 503
Умный петух. Сказка хауса. *Перевод И. Быковой* . . . . . —
Как тушканчик перехитрил льва. Сказка хауса. *Перевод И. Быковой* . . . 504
Как появился слон. Сказка хауса. *Перевод М. Смирновой* 505
Два бедняка. Сказка хауса. *Перевод И. Быковой* . . . . . —
Глупый мальчик. Сказка хауса. *Перевод М. Смирновой* 506
Позарившись на чужое, потеряешь свое. Амхарская сказка. *Перевод Э. Гапкина* 507
Почему змеи едят лягушек. Малагасийская сказка. *Перевод Ю. Родман* . . 508
Два плута — Кутуфеци и Махака. Малагасийская сказка. *Перевод Ю. Родман* . . . . . —

СКАЗКИ НАРОДОВ АМЕРИКИ

Великие приключения маленькой мышки. Эскимосская сказка. *Перевод Б. Щедриной* 513
Ворон-обманщик. Эскимосская сказка. *Перевод Б. Щедриной* 514
* Первая водяная лилия. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Ващенко* 516
* Добрый охотник. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Ващенко* 517
* Синяя Родинка. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Ващенко* 519
* Старая-престарая сказка. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Ващенко* 521
* Койот и женщина-сова. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Ващенко* 523
* Ахайюта и пожиратель туч. Сказка североамериканских индейцев.

Перевод А. Ващенко 524
Как койот поймал ветер. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Сергеева* 526
Как кролик взял койота на испуг. Сказка североамериканских индейцев. *Перевод А. Сергеева* 527
Как Поль Баньян вырубил все леса в Северной Дакоте. Из фольклора США. *Перевод А. Сергеева* . . . . . —
Пекос Билл, техасец. Из фольклора США. *Перевод А. Сергеева* 528
Кейси Джонс, машинист. Из фольклора США. *Перевод А. Сергеева* . . . 530
Виргинский Геркулес. Из фольклора США. *Перевод Н. Шерешевской* . . 532
Почему в Калифорнии не найти умных медведей. Из фольклора США. *Перевод Н. Шерешевской* 535
Угадайте, кто? Из фольклора США. *Перевод Н. Шерешевской* 536
Обидилдок и его рыбка. Из фольклора США. *Перевод А. Сергеева* . . . 539
Муравей и пшеничные зерна. Из фольклора США. *Перевод А. Сергеева* . 540
Почему у братца Опоссума голый хвост. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 541
Как братец Кролик заставил братца Лиса, братца Волка и братца Медведя ловить луну. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 542
Как братец Кролик и братец Черепаха бегали наперегонки. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 545
Как братец Черепаха оказался сильнее всех. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 547
Монетный двор братца Кролика. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 549
Как братец Лис попал в переделку из-за братца Кролика. Сказка афро-американцев США. *Перевод З. Каневского* 551
Откуда взялась ночь. Сказка южноамериканских индейцев. *Перевод И. Чежеговой* 553
Улицы Камагуэя и бычки. Кубинская сказка. *Перевод Н. Горской* 554
Откуда пошло название Кохимар? Кубинская сказка. *Перевод Н. Горской* . 555
Ходячая тыквенная грядка. Кубинская сказка. *Перевод Н. Горской* . . . 556
Хитрый гаитянин. Кубинская сказка. *Перевод Н. Горской* 557
Плохой хозяин. Кубинская сказка. *Перевод Н. Горской* 558
Зазнайка. Кубинская сказка. *Перевод Е. Колчиной* . . . . . —
Как крестьянин не заплатил за яичницу. Кубинская сказка. *Перевод Е. Колчиной* 559
За круглым столом. Кубинская сказка. *Перевод Е. Колчиной* . . . . . —
Чудесное дерево. Мексиканская сказка. *Перевод Т. Шишловой, пересказ З. Задунайской* 560
Урубу и жаба. Бразильская сказка. *Перевод И. Чежеговой* 561
Жизнь человека. Бразильская сказка. *Перевод И. Тертерян* 562
Люди, искавшие завтрашний день. Бразильская сказка. *Перевод Инны Тыняновой* 563
Каипора. Бразильская сказка. *Перевод Инны Тыняновой* 565
Кокосовая Пальма и Кокосовый Орех. Бразильская сказка. *Перевод И. Чежеговой* 567

СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

I. СКАЗКИ И МИФЫ АВСТРАЛИЙЦЕВ

Великая тряска и большая вода. *Перевод Т. Черниловской* 571
Как появилась на небе луна. *Перевод Т. Черниловской* . . . . . —
Откуда взялись звери, птицы и рыбы. *Перевод Т. Черниловской* 572
Как у австралийцев появился бумеранг. *Перевод Т. Черниловской* . . . 573
Отчего у казуара синяя голова. *Перевод Т. Черниловской* 574

О том, как змея стала ядовитой. *Перевод Т. Черниловской* 575
Как лягушка небывалой величины выпила всю воду в Центральной Австралии и что случилось потом. *Перевод Т. Черниловской* 576
Плеяды и созвездие Ориона. *Перевод Т. Черниловской* . . . . . —
Собака и кенгуру. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* . 577
Девочка и змей. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* . . 579
Млечный Путь. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* . . 580
Аист и Ворон. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* . . 581
Как появился утес Нимбува. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 583
Братья Уинжарнин. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 584
Хови. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 586
Откуда взялась красная пыль. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 587
Как появился огонь. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 589
Почему племена говорят на разных языках. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 591
Себялюбцы. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* . . . 592
Откуда взялась гуделка. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 594
Как Выпь поймал дюгоня. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 595
Девушка, которая плела сумки. *В обработке А. Маршалла. Перевод И. Архангельской* 598

II. СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ОКЕАНИИ

* Как жители островов Торресового пролива обрели огонь. *Перевод В. Николаева* 601
* О том, как казуар и крокодил поссорились из-за саговой пальмы. *Перевод В. Николаева* 602
* В гостях у Солнца, Луны и ночи. *Перевод В. Николаева* 603
Шагающее дерево. *Перевод Г. Пермякова* 606
Цапля и черепаха. *Перевод Ю. Баранова* 607
Дети и великан. *Перевод А. Кондратова* 608
Обманутая людоедка. *Перевод Н. Вороновой* 610
Осьминог и крыса. *Перевод Ю. Баранова* 611
Акула и черепаха. *Перевод Ю. Баранова* 612
Похищение огня. *Перевод М. Ирининой* 613
Такаранги и Рау-махора. *Перевод Ю. Баранова* 614

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

АРАБСКИЕ СКАЗКИ

Пересказ М. Салье

Рассказ о царе Шахрияре 619
Аладдин и волшебная лампа 621
Али-Баба и сорок разбойников 639
Сказка о рыбаке 654
Синдбад-Мореход 669

Комментарии 701

Рисунок на фронтисписе к сказке «Золотая подкова, золотое перо, золотой волос».

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

(том 32)

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

*

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

Составители:
Владимир Прокопьевич Аникин,
Николай Иванович Никулин,
Борис Николаевич Путилов,
Радий Аронович Кушнеров

*

ИБ № 6567

Ответственный редактор
Т. П. Владимирская

Художественный редактор
Н. З. Левинская

Технические редакторы
С. Г. Маркович и И. П. Савенкова

Корректоры
Т. В. Беспалая и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 17.12.84. Подписано к печати 11.03.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 47,13. Усл. кр.-отт. 50,88. Уч.-изд. л. 50,29+ +9 вкл.=51,24. Тираж 407 000 экз. (2-й завод 200 001—407 000 экз.). Заказ № 6026. Цена 2 р. 60 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Сказки народов мира; Тысяча и одна ночь/Сост.
С 42 В. П. Аникина, Н. И. Никулина, Б. Н. Путилова, Р. А. Кушнеровича; Предисл. Н. И. Никулина; Коммент. Н. И. Никулина, Д. А. Ольдерогге, А. В. Ващенко, Б. Н. Путилова; Оформл. тома и ил. Г. Спирина.— М.: Дет. лит., 1985.— 734 с., ил., 9 л. ил.— (Б-ка мировой литературы для детей, т. 32).

В пер.: 2 р. 60 к.

В том вошли сказки народов пяти континентов.

С $\frac{4803020000—301}{M101(03)85}$ Подп. изд. Сб 3

2р. 60к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»